This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

№ 1184

2959

1094.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ).

Очерки современной Франціи.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

BIBLIOTHECA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., № 34.

1904.

DC335
R8
1904

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Отъ автора		V

I. Народъ и его характеръ:

Письмо 1-ое.	Психологія француза	1
„ *2-ое.*	Французское краснорѣчіе	22
„ *3-ье.*	Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX-го вѣка	43
„ *4-ое.*	Ренегаты и герои убѣжденія	68

II. Общественные классы:

„ *5-ое.*	Французское крестьянство. I.	90
„ *6-ое.*	Французское крестьянство. II.	122
„ *7-ое.*	Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки	157
„ *8-ое.*	Безработные	176
„ *9-ое.*	Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи	198

III. Наука, литература, печать:

„ *10-ое.*	Соціологія человѣка-звѣря	239
„ *11-ое.*	О марксизмѣ вообще по поводу Французскаго марксизма въ частности	275
„ *12-ое.*	Натурализмъ на службѣ у утопіи	310
„ *13-ое.*	Французская пресса	336

СТР.

IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.

Письмо 14-ое. Современное «чертобѣсіе» 365
„ *15-ое.* Шовинистская и клерикальная реакція . . . 398
„ *16-ое.* Дѣло Дрейфуса. I. Торжество военщины . . . 419
„ *17-ое.* Дѣло Дрейфуса. II. Идейное пробужденіе Франціи. 448
„ *18-ое.* Дѣло Дрейфуса. III. Реннскій процессъ и міровой характеръ процесса 471
„ *19-ое.* Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи 501
„ *20-ое.* Французскій парламентаризмъ и его критики 537
„ *21-ое.* Эволюція политическихъ партій во Франціи 560
„ *22-ое.* Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата 587

Отъ автора.

Настоящая книга составилась изъ корреспонденцій, которыя я уже шесть лѣтъ посылаю въ «Русское Богатство» изъ Франціи. Слѣдуя совѣту Н. К. Михайловскаго, предложившаго мнѣ сотрудничество въ журналѣ, я по возможности старался останавливаться на «длящихся явленіяхъ французской жизни», предоставляя газетнымъ корреспондентамъ знакомить публику съ текущими событіями и мимолетными фактами. Насколько я выполнилъ эту задачу, судить не мнѣ, а читателю. Мнѣ хотѣлось бы, однако, думать, что мои письма даютъ извѣстное понятіе о Франціи, которую я успѣлъ узнать за двадцать лѣтъ, а узнавъ, горячо полюбить, и полюбить прежде всего какъ «страну великихъ соціологическихъ опытовъ», упорно и страстно ищущую, — несмотря на всѣ свои ошибки, увлеченія и разочарованія,—практическіе пути къ лучшему будущему всего человѣчества.

Изъ четырехъ-пяти десятковъ написанныхъ мною до сихъ поръ корреспонденцій въ книгу могла войти приблизительно лишь половина: приходилось выбирать. Я руководился при этомъ выборѣ большею или меньшею законченностью этюдовъ, большимъ или меньшимъ интересомъ или поучительностью изучаемыхъ явленій, наконецъ, простымъ желаніемъ освѣтить по возможности разныя стороны французской жизни. Мнѣ показалось, что выбранныя мною письма могутъ быть разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ, хотя и не строго отграниченныхъ между собою категорій: я сдѣлалъ эти подраздѣленія для большаго удобства читателей.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ я не измѣнилъ первоначальнаго текста, но лишь отъ времени до времени подновлялъ подстрочными примѣчаніями быстро старѣющій матеріалъ, достав-

ляемый неустанною эволюціей личностей и явленій во Франціи. Одинъ—два этюда появляются, впрочемъ, здѣсь, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ на страницахъ «Русскаго Богатства».

Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, что оттѣнки моего отношенія къ личностямъ и вещамъ не всегда одни и тѣже. И это понятно: несмотря на одно общее міровоззрѣніе, которое проникаетъ всѣ этюды, они писаны не фонографомъ, а живымъ человѣкомъ, оставляющимъ за собою право вносить поправки въ свои оцѣнки. Вспомните Мишле, который любилъ, какъ онъ выражается, dater ses justices, т. е. отмѣчать моментъ своихъ приговоровъ о политическихъ дѣятеляхъ съ тѣмъ, чтобы ретушировать эти историческіе портреты по мѣрѣ того, какъ измѣнялись и опредѣлялись сами личности въ водоворотѣ событій. Не забудьте, что иныя изъ моихъ писемъ раздѣлены промежуткомъ въ шесть лѣтъ, а это большой періодъ времени для интенсивно и лихорадочно живущей страны. Въ виду этого я почти всегда отмѣчаю въ сноскѣ или самомъ текстѣ моментъ написанія этюда...

Но не довольно-ли предварительныхъ объясненій къ непретенціозной книгѣ, представляющей простой сборникъ журнальныхъ статей, которыя носятъ слѣды и отмѣчены всѣми недостатками спѣшной срочной работы?

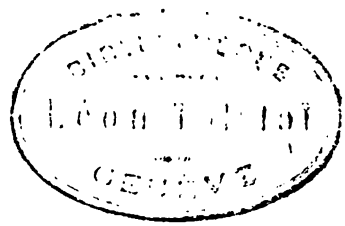
ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

La salute o la perdizione degli stati son oggi riposte nelle idee e nelle classi democratici. Chi le ha contro è sfidato; perchè la democrazia cresce ogni giorno terribilmente, invadi tutti gli ardicci e acquista verbo dalle sue sciagure.

Gioberti.

«Спасеніе и гибель государствъ покоятся въ настоящее время на демократическихъ идеяхъ и классахъ. Кто имѣетъ ихъ противъ себя, тотъ погибъ; ибо демократія страшно ростетъ съ каждымъ днемъ, все завоевываетъ и пріобрѣтаетъ силу даже въ пораженіяхъ своихъ».

Джіоберти.



Народъ и его характеръ.

Психологія француза.

(*Письмо первое*).

Карнавалъ... Политическій горизонтъ, выражаясь возвышеннымъ слогомъ газетчиковъ, былъ подернутъ тучами: „конфликтъ“ между Сенатомъ и Палатой; разговоры о таинственномъ, но во всякомъ случаѣ ужасномъ будущемъ, куда увлекало Францію радикальное министерство (весной 1896 г.); негодованіе людей солидныхъ и имущихъ на политику нынѣшняго правительства. А на заправскомъ небѣ сіяло почти совсѣмъ весеннее солнышко, и весь Парижъ предавался въ теченіе трехъ дней самому искреннему веселью. Знаменитый „жирный быкъ“, отошедшій было за погромомъ Имперіи въ область прошлаго, снова разъѣзжалъ тріумфаторомъ въ праздничной колесницѣ по улицамъ, въ сопровожденіи карнавальнаго кортежа, и старый и малый густыми толпами сбѣгались на это зрѣлище. Пущенныя въ ходъ года три тому назадъ узкія ленты изъ разноцвѣтной бумаги (*serpentins*), которыя навертываются въ видѣ диска и, брошенныя въ воздухъ, разматываются длинной спиралью, обвивали, словно ліаны, деревья на бульварахъ, образовали цѣлую блестящую сѣтку между домами и падали съ иныхъ балконовъ настоящими каскадами. Конфетти (*confetti*), что снѣгъ, носились по воздуху, покрывая дурачащихся прохожихъ голубыми, красными, зелеными, золотыми блестками и въ иныхъ мѣстахъ лежали на тротуарахъ и мостовой цѣлыми сугробами въ два три вершка.

Да, смотря на эту трезвую, но опьяненную весельемъ толпу, трудно было представить себѣ, что Франція переживала рѣшительную въ парламентской исторіи минуту. Во всей этой праздничной обстановкѣ, декораціяхъ, маскахъ, увеселеніяхъ я лично нашелъ лишь одинъ довольно забавный намекъ на политику. Въ числѣ разныхъ рекламныхъ колесницъ отъ торговыхъ домовъ, магазиновъ, кафе-шантановъ, разъѣзжала большая фура, развозившая особый родъ арбалетовъ для бросанья уже упомянутыхъ

бумажныхъ лентъ. Эту новинку изобрѣтательный фабрикантъ пропагандировалъ громадной надписью изъ черныхъ буквъ на бѣломъ полотняномъ фонѣ: „лентометы (*spiroboles*), принятые и одобренные сенатомъ въ войнѣ противъ министерства". А самъ Парижъ, всецѣло ушедшій въ веселье и не думавшій въ этотъ моментъ о политикѣ, былъ подобенъ манекену каскадной танцовщицы, которая стояла на верху рекламной колесницы отъ увеселительнаго заведенія Bullier, поднимая ногу прямо въ небо, словно вызовъ шиллеровскому Зевсу...

И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ,

невольно проносилось у меня въ головѣ, и сердце сжималось при воспоминаніи о всевозможныхъ злоключеніяхъ, которыя столько разъ выносилъ беззаботный и жизнерадостный, но героическій Парижъ, и страстно хотѣлось проникнуть въ будущее, которое судьба готовитъ великому городу...

Я вернулся съ карнавальной прогулки, рѣшивъ посвятить эту корреспонденцію типу француза-горожанина, и именно жителя Парижа, который и придаетъ, главнымъ образомъ, своеобразный отпечатокъ исторической жизни страны и опредѣляетъ блескъ, красоту, интересъ и въ то же время неустойчивость, непослѣдовательность, порою комическій элементъ этой мощной драмы... Попытка очень заманчивая, но и очень трудная. Я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ за ея несовершенство и начну съ того, что сдѣлаю нѣсколько оговорокъ.

Теорія устойчивыхъ расъ и прочныхъ физическихъ и психическихъ чертъ, характеризующихъ ту или другую національность, сдана въ архивъ, если не ошибаюсь, окончательно. Можно лишь говорить о нѣкоторомъ довольно эластичномъ и измѣняющемся типѣ, который чаще другихъ проявляется въ данной странѣ и объясняется главнымъ образомъ ея соціальнымъ строемъ и ея исторіей. И въ этомъ смыслѣ можно разсуждать о типѣ француза, который яснѣе всего выступаетъ въ шумномъ и напряженно-живущемъ Парижѣ, гдѣ стираются и исчезаютъ мѣстныя различія провинціаловъ, стекающихся со всей Франціи въ ея главный торговый и политическій центръ. Старинныя поговорки продолжаютъ еще отмѣчать хвастовство гасконца, скупость и страсть къ наживѣ обитателя Оверни, хитрость и практическую сметку нормандца, упорство бретонца, эгоизмъ жителя Лотарингіи и простофильство жителя Шампани. Но эти черты, которымъ можно и въ прошломъ придавать лишь очень условное значеніе, все болѣе и болѣе стираются въ процессѣ обединяющей и перемешивающей ихъ цивилизаціи. А въ Парижѣ этотъ процессъ идетъ особенно быстро и дѣятельно. Въ сущности, парижанинъ представляетъ идеальный типъ француза, наиболѣе затронутаго цивили-

зацiей страны, наиболѣе участвующаго въ ея исторической жизни.

Сопоставьте восторженные отзывы о французской націи ея поклонниковъ и крайне рѣзкія сужденія о ней ея хулителей. Французъ—великодушенъ: французъ—эгоистъ; французъ—энтузіастъ: французъ—разсчетливъ и себѣ на умѣ; французъ ревностно служитъ прогрессу: французъ консерваторъ и рутинеръ; французъ способенъ чувствовать сильно и долго: французъ почти совершенно лишенъ аффективной стороны. Онъ стоитъ за семью и семейный очагъ: нѣтъ, онъ рабъ чувственности и развращенъ до мозга костей. Онъ трудолюбивъ: нѣтъ, онъ любитъ лишь праздничную сторону жизни. Онъ—безкорыстенъ: какое безкорыстенъ? онъ скопидомъ и къ деньгамъ питаетъ большую нѣжность. Онъ—демократъ и сторонникъ равенства: будто? а кто больше его властолюбивъ и гонится за орденами и знаками отличія? Онъ тяготѣетъ къ спокойной и мирной жизни: онъ вѣчно гонится за миражемъ военной славы. И такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ можно было бы набрать многое множество. Я думаю, что и въ восхваленіи, и въ осужденіи французовъ есть доля правды, и что положительныя и отрицательныя стороны характеристики съ извѣстной точки зрѣнія не только примиряются, но даже представляются необходимыми. Эта точка зрѣнія—крупная разница между французомъ, взятымъ въ отдѣльности, и французомъ, наблюдаемымъ въ толпѣ.

Если человѣка называютъ животнымъ общественнымъ, то француза придется признать животнымъ общественнымъ по преимуществу. Въ обществѣ себѣ подобныхъ онъ вибрируетъ настолько усиленно, отражаетъ настроеніе толпы настолько удачно и въ свою очередь вліяетъ на нее такъ могущественно, что группа французовъ развиваетъ качества, которыхъ вы никакъ не выведете изъ простой суммы свойствъ отдѣльныхъ личностей. Въ силу этой особенности французу приходится прощать многое за его неутомимую работу въ области общественности и солидарности. Какъ бы вы ни относились отрицательно къ тѣмъ или другимъ сторонамъ его, въ этомъ-то смыслѣ ему ужъ несомнѣнно принадлежитъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ дѣятелей прогресса. Скажу прямо мысль, которая вотъ уже нѣсколько минутъ просится подъ перо: французъ въ отдѣльности далеко не такъ симпатиченъ, какъ французъ въ общеніи съ другими; французское общество рѣшительно лучше отдѣльнаго француза. Возьмите для сравненія хотя бы русскаго. Взятый отдѣльно, онъ часто можетъ поражать васъ и серьезностью, и теоретическимъ безстрашіемъ мысли, и умѣньемъ войти въ чужой ему психическій міръ, и отзывчивостью на запросы ума и сердца. А взгляните на наше общество: вялое, сонное, бредущее въ разныя стороны, оно положительно напоминаетъ кучу песку. Дунулъ

вѣтеръ—и разнесъ всѣ эти несвязанныя ничѣмъ между собой пылинки; ударила гроза—и ничего не осталось, кромѣ жалкой грязи. Подойдите теперь къ французу, особенно съ той мѣркой, „прекраснаго, душевнаго человѣка", которая неистребимо заложена въ каждомъ порядочномъ россіянинѣ. Разочарованіе ждетъ васъ на первыхъ же порахъ: французъ и суховатъ, и разсчетливъ, и туго какъ будто понимаетъ сокрушающіе васъ вопросы о служеніи идеалу, о долгѣ передъ народомъ, и развертываетъ передъ вами совсѣмъ буржуазныя картины личной жизни. Но вотъ какое-нибудь, зачастую пустое, обстоятельство возбудило общественное мнѣніе, и смотришь, все это многомилліонное море человѣческихъ существъ зашевелилось, всколыхалось... Волна опирается на волну, валъ подымается за валомъ, и, глядишь, тотъ самый господинъ, котораго вы вчера клеймили въ глубинѣ своей чуткой и гуманной души прозвищемъ „буржуа" и „уравновѣшенной натуры", сегодня уже очутился на публичномъ собраніи, въ избирательномъ комитетѣ, въ редакціи газеты, на улицѣ, словомъ, какъ сказалъ бы Успенскій, „въ числѣ драки", волнуясь, кипя, ораторствуя, пропагандируя, забывая свои личныя дѣла, махая рукой на перспективы буржуазнаго благополучія, тратя тѣ самыя денежки, которыя онъ такъ ловко и аккуратно копилъ...

Французъ—дитя:
Онъ вамъ шутя
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ,—

звучатъ въ вашихъ ушахъ насмѣшливые стихи, и теперь ваша критика обрушивается на француза уже не за его разсчетливость, за низменность его идеаловъ, а за лишнюю, по вашему мнѣнію, отзывчивость на общественное теченіе, за легкомысліе и смѣшной энтузіазмъ, за пренебреженіе своими насущными интересами... Вотъ на этой двойственности французской натуры мнѣ и хотѣлось бы остановиться,

Отрицательныя стороны французской психологіи вытекаютъ главнымъ образомъ изъ нѣкоторыхъ особенностей соціальной и культурной жизни страны. Практичность, сухость, эпикуреизмъ и матеріальность стремленій средняго француза, короче сказать, его уравновѣшенность, объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что и населеніе, и характеръ этой страны тоже пришли въ устойчивое равновѣсіе. Говоря это, я ничуть не думаю о той предустановленной мистической гармоніи между національностью и окружающею ее средой, которая одно время была въ модѣ даже и между серьезными географами школы Риттера. Я хочу сказать лишь слѣдующее. Франція—идеалъ умѣренныхъ странъ по естественнымъ богатствамъ, плодородію почвы, климату. Осѣвшее въ ней населеніе уже довольно рано и безъ особенныхъ усилій успѣло

развить производительныя силы страны въ такой степени, что можетъ жить безбѣдно и счастливо,—насколько это, конечно, возможно въ предѣлахъ современной цивилизаціи. Когда вы въѣзжаете во Францію, васъ поражаетъ веселый, жизнерадостный видъ жителей: говорю, конечно, сравнительно. Франція въ цѣломъ не мачиха, а мать для своихъ дѣтей. Оттого французъ не любитъ разставаться со своей родиной, тоскуетъ по ней, не находя, что называется, мѣста себѣ за границей. Взгляните на француза, котораго судьба забросила за предѣлы отечества. Какъ онъ ждетъ не дождется той поры, когда обстоятельства позволятъ ему вернуться въ „милую Францію"! (слова автора рыцарской „пѣсни о Роландѣ"). Съ какой жадностью онъ слушаетъ ваши разсказы о томъ, что дѣлается въ его „дорогомъ Парижѣ"! Какъ плохо онъ умѣетъ приспособляться къ новымъ условіямъ и входить въ интересы временно пріютившей его страны!

Съ другой стороны, что за могущественное притяженіе Франція оказываетъ на окружающія національности! И я говорю не о привилегированныхъ классахъ, не о людяхъ, живущихъ интересами мысли и развитія, и не о представителяхъ международнаго шалопайства. Я имѣю въ виду простыхъ рабочихъ, всѣхъ этихъ бельгійцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, испанцевъ, которые цѣлыми сотнями тысячъ живутъ во Франціи, въ то время какъ на ихъ родинѣ вы едва-ли найдете одного сѣвшаго француза на десять эмигрировавшихъ оттуда во Францію жителей. И какъ легко французскій строй жизни втягиваетъ этихъ людей въ интересы страны, и какъ быстро Франція становится для нихъ новымъ и лучшимъ отечествомъ! Вотъ что я и разумѣлъ, говоря о равновѣсіи между Франціей и французами, объ ихъ эгоистическомъ эпикуреизмѣ, ихъ довольствѣ судьбой и нежеланіемъ летѣть за вами на крыльяхъ идеала далеко отъ этой земли, на которой имъ такъ сравнительно легко живется...

Но я упомянулъ еще раньше и теперь снова упоминаю о „сравнительности" этого счастія. Современная цивилизація даетъ себя таки знать, и другія несимпатичныя стороны французской „души" объясняются особыми формами, въ которыя эта цивилизація облечена во Франціи *). Поклонники свободной конкурренціи и ожесточенной борьбы личныхъ интересовъ намъ уши прожужжали, говоря о высотѣ типа этой цивилизаціи, о благодѣтельности ея и для индивидуума, и для вида. Она-де развиваетъ умъ, укрѣпляетъ характеръ, усиливаетъ энергію, словомъ, надѣ-

*) Собственно говоря, эта цивилизація создала даже нѣсколько довольно различныхъ «душъ», смотря по классамъ. Но перебирать ихъ одна за другой въ этой статьѣ было бы слишкомъ сложно и долго.

ляетъ людей всяческими великими и богатыми милостями. Нѣтъ ничего поучительнѣе для сторонниковъ этой теоріи, какъ поѣздка во Францію съ цѣлью хорошенько присмотрѣться къ здѣшней жизни. Здѣсь современная культура приняла наиболѣе привлекательныя и потому наиболѣе опасныя формы. Франція во многихъ отношеніяхъ есть классическая страна буржуазіи. Конечно, нѣкоторыми своими сторонами цивилизація Франціи отстала отъ послѣдняго слова человѣческой эксплуатаціи, какъ мы наблюдаемъ ее хотя бы въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но французская жизнь въ цѣломъ несомнѣнно представляетъ идеальный типъ общества, основаннаго на борьбѣ личныхъ интересовъ. Подумайте: здѣсь капиталъ нашелъ не только своихъ практическихъ представителей и поборниковъ, своихъ пророковъ и философовъ, но онъ создалъ блестящихъ художниковъ и поэтовъ, которые, подобно добродѣтельнымъ сыновьямъ Ноя, прикрываютъ одеждами наготу своего отца,—мало того, что просто прикрываютъ, стараются о красотѣ этихъ одеждъ, объ изяществѣ ихъ складокъ.

Конечно, все это есть вездѣ. Но нигдѣ это не проявляется съ такимъ подчеркиваніемъ эстетическаго, возвышеннаго элемента. Какъ вы думаете, какой аргументъ чаще всего пускается здѣсь въ ходъ сторонниками классовой цивилизаціи въ борьбѣ противъ ея враговъ? Скука и монотонность иного строя, упадокъ чувства прекраснаго, уничтоженіе изящной роскоши! Я живо помню, какъ одинъ изъ бульварныхъ газетчиковъ, истощивши въ полемикѣ съ „новыми варварами“ запасъ всѣхъ своихъ рѣжущихъ, колющихъ и разрывныхъ орудій борьбы, побѣдоносно заключилъ свою забавную, но нелѣпую статью слѣдующимъ наивнымъ этюдомъ съ натуры. Принцесса де-Саганъ (Sahan) пригласила своихъ друзей и знакомыхъ къ себѣ на яхту погостить нѣсколько дней. Обѣдали на закатѣ солнца у береговъ Нормандіи, затѣмъ былъ отданъ приказъ капитану плыть по направленію къ Англіи. И вотъ, лишь наступила темнота, какъ яхта освѣтилась тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ; музыканты, скрытые въ мачтахъ, дружно ударили въ смычки и трубы; и по палубѣ завертѣлись изящныя пары, кавалеры и дамы, носящіе самыя старинныя фамиліи Франціи. И такъ великосвѣтскій балъ затянулся далеко за полночь, и яхта, залитая огнями, тихо подвигалась, чуть натягивая паруса на легкомъ тепломъ вѣтеркѣ, и еле-еле билась въ ея грудь волна Ламанша... Но вотъ загорѣлась заря, вотъ показалось и солнце, освѣщая мѣловыя скалы уже близкой Англіи, и изъ каюты важно вышелъ на палубу духовникъ принцессы, приглашая навеселившихся гостей почтить Творца солнца, моря и всей природы умиленной утренней молитвой. И не одна граціозная головка, согрѣшившая мыслями и желаніями во время бала, касалась бѣлымъ лбомъ платка, брошеннаго на палубу, и роняла

слезы раскаянія... Разсказавъ всё это съ надлежащими подробностями, газетчикъ вдругъ торжественно выпаливаетъ: „такъ вотъ, господа, когда вы будете въ состояніи въ вашемъ идеальномъ обществѣ устраивать такія и увеселительныя, и назидательныя прогулки, мы рѣшимся продолжать съ вами діалогъ насчетъ сравнительныхъ достоинствъ нашей, уже существующей, и вашей, утопической цивилизаціи... а до тѣхъ поръ да здравствуетъ принцесса де-Саганъ и ея волшебная экскурсія въ Англію!..“

Недавно же одна медицинская газета, борясь въ спеціальной области съ проектируемымъ теперь подоходнымъ налогомъ, который приводитъ въ негодованіе большинство имущихъ, разсказала въ поученіе своимъ читателямъ слѣдующій „фактъ“. Въ Парижѣ двѣ самыя крупныя медицинскія знаменитости (изъ нихъ одна—хирургъ) зарабатываютъ ежегодно свыше 300,000 фр. Теперь квартирныхъ, личныхъ и прочихъ налоговъ онѣ платятъ около 4,000 фр. Но если войдетъ въ силу ужасный прогрессивный налогъ на доходъ, то каждый изъ ученыхъ спеціалистовъ будетъ принужденъ платить тысячъ по 17. Такимъ образомъ, цѣлыхъ 13 тысячъ будетъ взято безжалостнымъ фискомъ изъ личныхъ расходовъ „бѣдныхъ“ продолжателей Гиппократа и Галена. Но, восклицаетъ патетически авторъ статьи, знаете-ли вы, куда главнымъ образомъ идутъ доходы этихъ „умственныхъ работниковъ“? На покупку статуй, картинъ, изящныхъ изданій, словомъ всего, что дѣлаетъ нашу жизнь выше, благороднѣе, человѣчнѣе... „О, вандалы“!..

Я привелъ первые пришедшіе мнѣ въ голову примѣры. Но такихъ можно было бы набрать сколько угодно. Вы уже изъ нихъ можете заключить, какую эстетическую, опасную для слабыхъ головъ и чувствительныхъ душъ струну затрогиваютъ во Франціи сторонники современной цивилизаціи.

Посмотримъ же сначала на тѣ непривлекательныя стороны француза, которыя вытекаютъ изъ современнаго строя, основаннаго на борьбѣ интересовъ и прикрытаго здѣсь самыми привлекательными оболочками. Французъ любитъ деньги, любитъ тотъ золотой дождь, который осаждаетъ насыщенная капитализмомъ общественная атмосфера. И любитъ главнымъ образомъ не ради самихъ денегъ, а ради того, что онѣ доставляютъ. У англо-саксонской расы преобладаетъ неугомонное желаніе дѣйствовать, спекулировать, пускать капиталы все дальше и дальше въ ходъ и громоздить средства производства на средства производства. У жизнерадостнаго француза, живущаго въ богатой и веселой странѣ, деньги играютъ преимущественно роль аладиновой магической лампы, которая при такомъ или иномъ поворотѣ можетъ доставлять ея владѣльцу всевозможныя блага жизни. Всякій мало-маль-

ски потершійся въ свѣтѣ парижанинъ знаетъ, что здѣсь у самыхъ знаменитыхъ дѣльцовъ промышленнаго и биржевого міра прокидывается вмѣстѣ съ тѣмъ и самый яркій эпикуреизмъ: лошади, картинныя галлереи и танцовщицы парижскихъ финансистовъ славятся во всей Европѣ и даже за предѣлами ея. Но посмотрите, что за слѣдствія вытекаютъ для рядового француза изъ такого отношенія къ деньгамъ. Живя въ странѣ очень высокой культуры, замѣчательно утонченной роскоши и изящной техники, французъ рано привыкаетъ подставлять мысленно извѣстной суммѣ денегъ, которая находится у него въ рукахъ, соотвѣтствующій ей эквивалентъ въ разныхъ „потребительныхъ стоимостяхъ", предметахъ удобства, комфорта и роскоши. „У меня осталось на рукахъ лишнихъ сто франковъ", говоритъ себѣ какой нибудь служащій или чиновникъ: „я могу на это купить или зеркальный шкафъ для бѣлья, или часы для камина съ двумя канделябрами по бокамъ, или висячую лампу въ салонъ". И по поводу предстоящей покупки происходитъ цѣлое семейное совѣщаніе, въ теченіе котораго исчерпываются всевозможные „идеальные моменты" будущей операціи: логическіе, эстетическіе и соціальные стимулы пріобрѣтенія лампы, часовъ или шкафа. Будетъ ли или нѣтъ куплена вещь на этотъ разъ, это другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ, семейная жизнь француза слагается въ значительной степени изъ процесса благопріобрѣтенія, который идеализируется вплоть до превращенія въ нѣкотораго рода долгъ передъ самимъ собой, своей семьей, отечествомъ и чуть ли не человѣчествомъ. Замѣчу при этомъ, что французъ очень хорошій отецъ семейства и держитъ своихъ дѣтей, въ противоположность англо-саксонцамъ, что называется, въ хлопочкѣ...

Дойдя до извѣстнаго предѣла, эта идеализація направляется уже не столько на прямое пріобрѣтеніе имущества, сколько на цѣлый систематическій планъ сдѣлаться рантье, т. е. человѣкомъ, который не только пріобрѣтаетъ средства къ жизни такимъ или инымъ занятіемъ, но который своимъ „накопленнымъ трудомъ" и своими сбереженіями поставляется въ возможность жить совершенно праздно. Отсюда та рѣдкая, разумная, цѣлесообразная разсчетливость,—именно разсчетливость, а не скупость,—которая дѣлаетъ изъ француза истиннаго виртуоза по части накопленія. Отсюда слишкомъ буквальное выполненіе имъ знаменитаго изреченія Вольтера: „дѣло не въ томъ, чтобы было много людей, а въ томъ, чтобы они были счастливы", и страшно медленный ростъ, а въ иные года и положительное уменьшеніе народонаселенія. Надо, впрочемъ, сдѣлать важную оговорку въ пользу рабочаго, который довольно равнодушенъ по части сбереженій и не особенно боится многочисленной семьи. Капиталы же накопляются, а дѣти почти не рождаются не только среди настоящей буржуазіи, но и среди тѣхъ классовъ населенія, которые близко

стоятъ къ ней или находятся подъ ея вліяніемъ: чиновниковъ, служащихъ, приказчиковъ, прислуги (я оставляю въ сторонѣ крестьянъ въ этой корреспонденціи) *).

Быть рантье—идеалъ не только крупнаго, но и мелкаго буржуа. И идеалу этому приносятся въ жертву лучшіе годы и лучшіе порывы души. Не покладая рукъ, средняя французская семья трудится цѣлыми десятками лѣтъ, ловко и цѣлесообразно ведя свою барку къ желанной пристани. Но, не забывайте, это плаваніе по морю житейскому продѣлывается безъ ожесточеннаго скопидомства, безъ излишней скупости. Эпикуреизмъ не теряетъ при этомъ своихъ правъ: онъ лишь размѣнивается на мелкую, правильно издерживаемую монету. Какой нибудь лавочникъ ходитъ опредѣленное число разъ въ году въ театръ, водитъ туда свою жену и дѣтей. По праздничнымъ днямъ онъ старается, если возможно, отправиться въ окрестности Парижа, чтобы провести цѣлый день на воздухѣ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Онъ отъ времени до времени даетъ обѣды своимъ пріятелямъ и самъ любитъ ходить на таковые. Но попробуйте придти къ французу безъ предупрежденія въ обѣденное время: это вѣрнѣйшее средство оставить у него непріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, французъ не любитъ ѣсть какъ попало: у него за обѣдомъ полагается и супъ, и жаркое, и саладъ, и дессертъ, и сыръ (я напомню лишь французскую поговорку: „обѣдъ безъ сыру—что невѣста безъ глазу"), и, конечно, вино, по большей части красное, которое онъ пьетъ маленькими глотками, разбавляя водой. Но всего этого у него въ обрѣзъ: вашъ приходъ выбиваетъ его изъ колеи, и онъ въ душѣ посылаетъ васъ ко всѣмъ чертямъ,—посылаетъ не изъ-за прямой скупости, а потому, что вы нарушаете регулярный, разъ навсегда установленный имъ образъ жизни, въ которомъ бюджетная отчетность соблюдается строго. У него отчислена на угощеніе друзей и знакомыхъ извѣстная сумма въ мѣсяцъ,—большая или меньшая, смотря по средствамъ. Сошлись вы съ нимъ или нужны по дѣлу, милости просимъ къ нему по приглашенію!.. О, тогда онъ угоститъ васъ съ честью, достанетъ лучшаго вина изъ своего погреба, откупоритъ бутылку стараго коньяку, предложитъ ароматнаго кофе, тонкую сигару; самъ будетъ наслаждаться всѣмъ этимъ и искренно будетъ радъ за васъ, если угощеніе вамъ придется по душѣ. Но опять таки повторяю: постарайтесь попасть въ статью его обыкновеннаго бюджета; сверхсмѣтныя назначенія мѣшаютъ правильному осуществленію его плана сдѣлаться рантье...

И вотъ, проработавши, такимъ образомъ, надъ этой задачей двѣ трети своей жизни, французъ-буржуа дѣлается рантье и начинаетъ наслаждаться отдыхомъ. Жалкая задача—и жалкій от-

*) См. ниже главу «Натурализмъ на службѣ у утопіи.

дыхъ! Мнѣ нѣсколько разъ подолгу приходилось говорить съ этими рантье, и, несмотря на разницу въ количествѣ ихъ „рентъ“, у всѣхъ нихъ я находилъ одну общую черту: это поразительное измельчаніе міровоззрѣнія и съуженіе интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе своей трудовой жизни французъ-буржуа такъ послѣдовательно приспособлялъ свой физическій, а, главное, психическій механизмъ къ задачѣ накопленія, что въ концѣ-концовъ видитъ въ игрѣ задерживающихъ центровъ нормальную дѣятельность нервной системы. Присмотритесь къ образу жизни средняго рантье, сколотившаго трудомъ капиталецъ: безцѣльная, дѣтски-наивная, невообразимо-монотонная, она тянется изо-дня въ день, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня; и надо быть жизнерадостнымъ французомъ, эпикурейцемъ на франкъ, чтобы не повѣситься отъ такого времяпрепровожденія на первомъ же гвоздѣ, вбитомъ имъ на своемъ новосельѣ.

Утро. Весь рабочій улей Парижа уже давно жужжитъ. Наши Филемонъ и Бавкида, удалившіеся отъ дѣлъ, потягиваются на постели и всячески стараются оттянуть время вставанья: въ душѣ и по привычкѣ имъ, что называется, не терпится; тридцать-сорокъ лѣтъ жизни прошло у нихъ въ раннемъ вставаньѣ и вѣчной суетнѣ. Но noblesse oblige: рантье полагается по штату вставать позже, онъ и встаетъ такъ, а иначе сосѣди засмѣютъ: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ будетъ та соціальная черта раздѣленія, которая должна отграничивать рантье отъ человѣка, живущаго своимъ трудомъ?.. Безконечно тянется утренній кофе. Наконецъ, почтенная пара встаетъ изъ-за него. Madame отправляется на рынокъ, въ лавку, отчасти, чтобы не дать уворовать шустрой прислугѣ, отчасти, чтобы убить время въ разговорахъ съ поставщицами, кумушками и, вообще, всей улицей. Monsieur выходитъ тоже на свѣтъ Божій, до ближайшаго кафе, гдѣ спроситъ кружку пива или сиропа съ сельтерской водой и будетъ раскладывать гранъ-пасьянсъ или играть въ домино съ такимъ же, какъ онъ, рантье. Затѣмъ возвращеніе домой и завтракъ. Послѣ завтрака, если погода хороша, растворяется окно, и почтенные гражданинъ и гражданка помѣщаются въ удобной позѣ для наблюденія всего, что происходитъ на улицѣ. А тамъ происходитъ, что и должно происходить въ большомъ городѣ. Бѣжитъ занятой людъ. Снуютъ экипажи. Фланируетъ денежный иностранецъ. Катится тяжелый возъ, запряженный цѣлымъ зугомъ громадныхъ нормандскихъ лошадей, и тутъ же рядомъ бѣжитъ, надрываясь отъ постоянныхъ криковъ hue! huhau! dia! усталый возница, стараясь пролавировать среди этого водоворота пѣшеходовъ, колясокъ, велосипедистовъ. А на углу важно стоитъ полицейскій и за сто франковъ въ мѣсяцъ охраняетъ, не жалѣя при случаѣ своей шкуры, интересы благоустроеннаго общества, наблюдая, чтобы и экипажи катились, какъ слѣдуетъ, и возницы надрывались по чину,

и наши рантье наслаждались видомъ улицы, безпрепятственно переваривая пищу... Ибо всякій порядочный французъ не терпитъ никакихъ послабленій пороку и преступленію, нарушающему это пищевареніе. Охраненіе „законныхъ интересовъ"—его идеалъ...

Я незамѣтно перешелъ къ новой чертѣ француза, выросшей изъ современнаго строя. Это—его безсердечный формализмъ и жестокое отношеніе къ тому, кто преступилъ уголовный и гражданскій кодексъ. Я разумѣю, конечно, явное нарушеніе той или иной статьи: кражу, грабежъ, убійство. Спору нѣтъ, сами по себѣ эти вещи способны возмутить здоровое нравственное чувство. Но самое крайнее возмущеніе не препятствуетъ, казалось бы, человѣку брать фактъ преступленія въ его обстановкѣ, съ тѣми, если не оправдывающими, то объясняющими условіями, которыя дѣлаютъ часто изъ преступника скорѣе орудіе, чѣмъ самостоятельный факторъ общественнаго процесса. Чѣмъ чутче нравственное пониманіе личности, чѣмъ она сама дальше отъ совершенія того или иного проступка, тѣмъ гуманнѣе она отнесется къ преступнику. Но средній французъ въ этомъ отношеніи удивительно прямолинеенъ и своей формальной жестокостью напоминаетъ римлянина временъ Десяти таблицъ.

Стоитъ только припомнить, какую яростную полемику возбудила здѣсь такая невинная реформа, какъ законъ Беранже, по которому неважные проступки влекутъ лишь условное наказаніе (примѣняемое въ случаѣ повторенія). А та свирѣпость, съ какой раздаются судомъ наказанія за самыя ничтожныя кражи! А тотъ паѳосъ никогда не грѣшившихъ праведниковъ, съ какимъ буржуазные газетчики требуютъ въ иныхъ случаяхъ смертной казни и злорадно, что называется, въ засосъ, описываютъ на слѣдующій день всѣ перипетіи „акта правосудія"! А сама толпа, собирающаяся на площади и жадно поджидающая гильотины!

Я нисколько не забываю того, что во французской литературѣ раздались уже давно самые краснорѣчивые протесты противъ смертной казни, какіе когда-либо выражалъ человѣческій языкъ. Знаю также, что все больше и больше въ лучшихъ группахъ рабочихъ усиливается отвращеніе къ формальному и жестокому отношенію къ преступнику. Но вѣдь надо брать среднюю ноту. А эта нота несомнѣнно выражаетъ безсердечный взглядъ на преступника. Очевидно, буржуазія успѣла внушить болѣе или менѣе всей націи, что страхъ судьи и жандарма есть начало премудрости въ современномъ обществѣ, и что стянуть, напримѣръ, булку такъ же преступно „само по себѣ", какъ совершить самое тяжелое преступленіе. Я не могу до сихъ поръ забыть одной сцены, которую устроила одному моему хорошему знакомому консьержка дома, гдѣ онъ жилъ, за то, что этотъ господинъ не захотѣлъ

жаловаться на стекольщика, укравшаго у него нѣсколько ложекъ, а лишь отобралъ ихъ и отпустилъ вора съ миромъ. „Да какъ же вамъ не стыдно, а еще вы порядочный человѣкъ! Развѣ можно потакать ворамъ? Не въ цѣнѣ украденнаго дѣло, а въ поступкѣ а въ преступленіи... Oh, oui, monsieur, c'est un crime, un grand crime!.. Какъ же было не арестовать его? Сейчасъ видно, что вы—иностранецъ", неслись бурныя рѣчи изъ устъ привратницы...

Не совсѣмъ такъ мнѣ представляется иная черта француза, въ которой и его друзья, и его враги видятъ дѣйствительно выраженіе національнаго характера: я говорю о той выдающейся роли, какую играетъ въ личной жизни француза „наука страсти нѣжной". Отъ меня, впрочемъ, далека мысль предаваться по этому поводу нравоучительнымъ разсужденіямъ и обличеніямъ „французской невоздержности": очень ужъ противны тѣ учителя морали, которые пріѣзжаютъ съ разныхъ концовъ свѣта въ Парижъ и, подъ предлогомъ изучить поближе порокъ, окунаются здѣсь въ самую безпутную жизнь, а затѣмъ сами же громятъ „современный Вавилонъ". Мнѣ хотѣлось бы по возможности объективно указать на эту сторону французскаго характера, которую нельзя уже обойти молчаніемъ, говоря о французѣ вообще, а о парижанинѣ въ особенности. Она проходитъ красною нитью черезъ исторію французской культуры, особенно начиная съ эпохи возрожденія, когда плоть, сдавливаемая въ теченіе среднихъ вѣковъ тисками аскетизма, заявила о своихъ неотъемлемыхъ правахъ. Размѣры этого этюда позволяютъ мнѣ лишь очень вскользь останавливаться на той или другой сторонѣ французской психологіи. Но достаточно нѣсколькихъ самыхъ бѣглыхъ штриховъ, чтобы указать на то значеніе, какое имѣетъ здѣсь отношеніе между полами.

Конечно, этотъ пунктъ играетъ до сихъ поръ выдающуюся роль у всѣхъ націй. Но ни одна изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, между цивилизованными, не пропагандируетъ его важности такъ ярко и съ такимъ наивнымъ фанфаронствомъ Нечего особенно углубляться въ исторію, ни выискивать литературные и жизненные факты, подтверждающіе эту мысль. Когда живешь во Франціи и въ самыхъ приблизительныхъ чертахъ знакомишься съ исторіей ея культуры, эти факты просто подавляютъ васъ. Какіе выбрать, на какихъ остановиться для этихъ двухъ-трехъ страницъ,— вотъ лишь въ чемъ трудность. И въ памяти возстаютъ различныя фигуры и разныя явленія. Вотъ Маргарита Наварская, въ жизни очень добродѣтельная дама, а въ то же время сочинительница „Гептамерона", въ которомъ она подражала „Декамерону" Боккачіо. Вотъ великій Корнейль, авторъ „Сида" и „Горацієвъ", которому, наоборотъ, возвышенность его произведеній не мѣшала прибѣгать въ разговорѣ къ очень плоскимъ и скабрезнымъ шут-

камъ, въ родѣ его восклицанія на замѣчаніе одного изъ его друзей, поздравлявшихъ его съ многочисленной семьей: croyez-vous que je tire jamais à boulet perdu? Вотъ Лафонтэнъ, гривуазные „Разсказы“ котораго цѣнятся во Франціи едва ли не больше, чѣмъ „Басни“. Вотъ Кребильйонъ-сынъ, сочинившій пресловутую „Софу“. А Монтескьё, разсудительный, проницательный Монтескьё, который въ своихъ „Персидскихъ письмахъ“ говоритъ о Богѣ и о вѣчной справедливости и тутъ же рядомъ о разныхъ непристойныхъ инструментахъ, употребляемыхъ въ гаремѣ? А самъ страстный искатель истины, почти геніальный пропагандистъ Дидро, изъ подъ пера котораго вышелъ, къ сожалѣнію, не одинъ „Сонъ д'Аламбера“, а и „Нескромные алмазы“? А Парни и его „Война боговъ“? А въ этомъ вѣкѣ Шатобріанъ съ его откровенными и самодовольными признаніями (въ „Загробныхъ мемуарахъ“) насчетъ „испепеленныхъ его титанической натурой поклонницъ“! А вся романтическая литература, которую Прудонъ, въ порывѣ демократическаго гнѣва, обозвалъ „идеализаціей течки“? А смѣнившее ее натуралистическое направленіе, въ которомъ такую непропорціональную роль играетъ отношеніе между полами? А, наконецъ, современное театральное искусство? Въ тотъ самый моментъ, какъ я пишу эти строки, въ различныхъ театрахъ Парижа играется съ полдюжины пьесъ, гдѣ фигурируетъ такъ или иначе все таже софа Кребильйона, только перекрытая новой матеріей. И говоря такъ, я не думаю выражаться фигурально: нѣтъ, съ перваго акта и до послѣдняго дѣйствіе вертится вокругъ постели, которая и ставится предупредительно на сценѣ; а въ иныхъ пьесахъ актеры тутъ же раздѣваются передъ глазами публики и остаются въ нижнемъ бѣльѣ. Въ одной пьесѣ („Чековая книжка сатаны“) соль заключается во временной болѣзни дьявола, отъ которой простые смертные лечатся у спеціалистовъ водой и электричествомъ. Въ другой („Прожигатели жизни“) постельный вопросъ напоминаетъ о своемъ существованіи довольно оригинально: публика присутствуетъ не при процессѣ возлежанія на одрѣ героя и героини, а при примѣриваніи платьевъ нѣсколькими красивыми женщинами, ибо дѣйствіе происходитъ у шикарнаго дамскаго портного.

Но всего поразительнѣе, это—сама жизнь и разговоры съ французами. Наиболѣе серьезные между ними жалуются сами, что, объ чемъ бы вы ни заговорили съ соотечественникомъ, на десятомъ словѣ онъ переведетъ рѣчь на женщинъ, и на женщинъ со спеціальной точки зрѣнія. Филологъ отъ разговора о реформѣ классическаго образованія перейдетъ къ Марціалу и будетъ съ паѳосомъ читать вамъ скабрезное обращеніе In Gallam. Историкъ и литераторъ примется повѣствовать о знаменитыхъ куртизанкахъ,—напомню недавно умершаго Арсэна Гуссэ, который до самой смерти носился мышинымъ жеребчикомъ за кулисами. Антропологъ про-

чтетъ вамъ самую подробную лекцію о... позахъ и пріемахъ любви у различныхъ дикихъ народовъ и т. д. Я уже не говорю о живописцахъ и скульпторахъ, у которыхъ женское тѣло, въ особенности въ послѣднее время, начинаетъ играть роль центральнаго пункта искусства. Вѣдь, кажется, что такое рекламная афиша? А, между тѣмъ, французскіе художники даже и въ эту коммерческую сферу перенесли женскій торсъ, повертывая его на разные лады и разными сторонами передъ проходящей публикой, и вы, напримѣръ, увидите объявленіе о газовомъ рожкѣ Ауэра, о какомъ-нибудь новомъ ликерѣ, о передвижной выставкѣ непремѣнно во образѣ невозможно перегнувшейся, невозможно одѣтой,—вѣрнѣе, раздѣтой—и невозможно соблазнительной феи-парижанки.

Наконецъ, присмотритесь къ личной жизни зауряднаго француза. Послѣ интересовъ накопленія и семейнаго благоустройства, половой вопросъ имѣетъ для него первостепенное значеніе. Замѣтьте, это на мирномъ-то положеніи... Но разъ страсть вышибла эту разсчетливую, уравновѣшенную натуру изъ колеи, трудно сказать, гдѣ она остановится подъ вліяніемъ маніи. Сколько ведеръ сѣрной кислоты выливается другъ на друга пылкими любовниками! Сколько людей рѣжутся, стрѣляются, прибѣгаютъ къ самоубійству вдвоемъ! Стоитъ развернуть любой номеръ газеты...

Было бы долго и рискованно отыскивать историческія и культурныя причины этого преобладанія „полового типа“ между французами. Но приходится во всякомъ случаѣ констатировать этотъ фактъ, и не столько въ судъ и осужденіе французамъ, сколько съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Ибо сейчасъ же является вопросъ: почему у этой націи, такой трезвой, разсудочной, трудолюбивой, бережливой, выработавшей вообще столь цѣлесообразно устроенные задерживающіе центры въ психическомъ механизмѣ, почему роль этихъ центровъ такъ сравнительно слаба въ сферѣ отношеній между полами? Ссылки на утонченность, комфортъ, техническую высоту французской культуры мало что объясняютъ. Французы во всякомъ случаѣ не римляне временъ Имперіи, какъ злостно аргументируютъ ихъ враги. Наоборотъ, лично меня поражаетъ у этой націи ея сравнительное гармоничное развитіе, ровность отправленій ея психическаго аппарата, ея жизнерадостность и общая сумма энергіи, которую она развиваетъ изо дня въ день.

Читатель жестоко ошибется, если подумаетъ, что я отрицательно отношусь къ французамъ. Напротивъ, мнѣ ужасно нравится эта нація, и если почему я указывалъ до сихъ поръ на ея, такъ сказать, тѣневыя стороны, то лишь потому, что говорилъ о французѣ, взятомъ въ отдѣльности. Но когда я перехожу къ французу, какъ члену общества, я не могу достаточно налюбоваться на его блескъ и нравственную красоту. Сами недостатки

его въ этой сферѣ являются лишь обратной, вогнутой стороной его выпуклыхъ, рельефныхъ достоинствъ. Я не боялся довольно долго останавливаться на его отрицательныхъ свойствахъ именно потому, что они съ лихвой возмѣщаются его крупными привлекательными качествами. Такъ нѣкоторыя неправильныя черты на любимомъ лицѣ придаютъ лишь большій аффективный характеръ той прелести, которая исходитъ отъ него. И мнѣ лишь хотѣлось бы сообщить читателю хоть долю того идейнаго энтузіазма, который охватываетъ меня, когда приходится имѣть дѣло съ французомъ—общественнымъ дѣятелемъ, съ французомъ—живымъ членомъ великаго цѣлаго. Пропагандистъ, агитаторъ, ораторъ—вотъ основная черта француза, наблюдаемаго въ обществѣ. Служеніе общественной правдѣ, приложеніе идеи и убѣжденія къ жизни—вотъ его настоящая стихія, въ которой онъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ рыба въ водѣ. Всего лучше эта сторона француза выступаетъ на видъ, когда его сравниваешь съ другими націями.

Возьмите какой-нибудь вопросъ практической политики и отношеніе къ нему, скажемъ, нѣмца, англичанина и француза. Для нѣмца важно прежде всего отыскать философское основаніе своей дѣятельности. Онъ не прибѣгнетъ къ какому-нибудь пріему, прежде чѣмъ не проанализируетъ его теоретической правомѣрности. Раньше, чѣмъ занесть топоръ на это дерево, онъ займется изслѣдованіемъ того, изъ чего топоръ сдѣланъ, и почему такъ сдѣланъ, и кто его такъ сдѣлалъ, и годится-ли онъ для операціи, которая предстоитъ. И случается порою такъ, что весь запасъ своей нервной силы онъ истратитъ на анализъ топора, а вокругъ дерева, которое предполагалось подрубить, поднимется въ это время цѣлая стѣна, и для разрушенія ея придется пускать въ ходъ уже другіе инструменты. Подобно одному изъ своихъ національныхъ геніевъ, нѣмецъ начинаетъ съ „критики чистаго разума“ и затѣмъ уже приступаетъ къ „критикѣ практическаго разума“. И бываетъ такъ, что и не дойдетъ до послѣдней.

Поставьте подъ деревомъ англичанина съ топоромъ. Онъ посмотритъ на дерево и задастся прежде всего вопросомъ, какимъ задавался въ свое время Маколей, говоря о „многовѣковомъ, неправильномъ, но мощномъ и тѣнистомъ деревѣ англійской конституціи“: надо-ли рубить его подъ корень? Не ровенъ часъ: упадетъ и раздавитъ самого подрубающаго! Не лучше-ли подчистить вотъ эту сторону, отрубить вотъ этотъ сукъ, принагнуть вонъ ту вѣтвь? И вотъ англичанинъ энергично и настойчиво принимается за эту частную, спеціальную работу и подчищаетъ, отрубаетъ, принагинаетъ, заботясь о своемъ удобствѣ, о временной цѣлесообразности своего дѣйствія, отстаивая право свое на него.

Подошелъ къ дереву и французъ, взглянулъ на него и сей-

часъ же рѣшилъ пустить его на срубъ, а на его мѣстѣ построить зданіе, планъ котораго онъ тутъ же придумалъ. Но передъ тѣмъ, какъ взмахнуть топоромъ, онъ созвалъ сосѣдей, постарался воспламенить ихъ негодованіе ко всѣмъ вѣковымъ деревьямъ, которыя лишаютъ свѣта и отнимаютъ влагу у молодыхъ побѣговъ, изукрасилъ топоръ лентами, надписалъ на немъ „смерть старому лѣсу и прочимъ тиранамъ", и съ пѣснями, полный надеждъ и экстаза, въ веселой компаніи, застучалъ лезвіемъ по стволу, не обращая вниманія на то, куда летятъ щепки, въ какую сторону накренилось вѣтвистое дерево...

Нѣмецъ—философъ и даже ради практической вещи начинаетъ съ пересмотра теоріи. Англичанинъ—практическій дѣлецъ, ходатай, адвокатъ и на частный вопросъ ищетъ частнаго отвѣта, который какъ разъ подходитъ къ его трезвому, „кусочному уму" (fragmentary intellect, какъ признался мнѣ въ разговорѣ одинъ очень умный англичанинъ). Французъ—пропагандистъ и ораторъ и отъ частнаго факта восходитъ къ общему положенію, но не ради критики чистаго разума, а для практическаго же, хотя общаго указанія. Станьте на эту точку зрѣнія, и съ нея различныя свойства француза объясняются очень просто. Ораторъ долженъ быть увѣренъ въ себѣ: французъ догматиченъ; вещь вѣрна для него не только въ данномъ случаѣ, но всегда и вездѣ; мало есть націй, у которыхъ такъ слабо была бы развита историческая точка зрѣнія. Ораторъ долженъ аппеллировать къ общимъ, распространеннымъ мыслямъ и чувствамъ толпы: у француза необходимо должна прокинуться нѣкоторая поверхностность мысли, нѣкоторая банальность чувства. Ораторъ долженъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на толпу, бить на нее эффектомъ, гипнотизировать ее образомъ, жестомъ, раскатомъ голоса: французъ нѣсколько театраленъ, ходуленъ, склоненъ къ декламаціи, и какъ опытный актеръ, раздвояющійся во время игры и наблюдающій и за собой, и за публикой, до извѣстной степени неискрененъ.

Но отсюда же его чарующія качества. Его догматизмъ, его увѣренность въ истинѣ дѣлаетъ его величайшимъ энтузіастомъ идеи, способнымъ возвышаться до крайнихъ предѣловъ героизма. Враги его идеи—его личные враги; онъ не можетъ объяснить себѣ ихъ противодѣйствія ни чѣмъ инымъ, кромѣ злой воли да прямого нежеланія понять величіе того идеала, за который онъ готовъ съ восторгомъ сложить голову, бросить весь комфортъ, принесть въ жертву семейное гнѣздо и даже разбить свои планы копленія. Но его догматизмъ, его вѣра въ глубокую истинность того, во что онъ вѣритъ въ данный моментъ, не исключаетъ его удивительной отзывчивости на все происходящее кругомъ его и совершающееся въ человѣчествѣ. Одно божество довольно часто смѣняется другимъ на его алтарѣ, но каждому онъ приноситъ жертву

съ искреннимъ энтузіазмомъ. Его сердце учащенно бьется при каждомъ крупномъ историческомъ движеніи, гдѣ бы оно ни проявилось. Изъ каждаго такого движенія онъ беретъ его общечеловѣческую сторону, отбрасывая частности, мѣстный колоритъ, и творчески перерабатываетъ его въ популярную формулу жизни, которая пойдетъ гулять по всему свѣту. Много самородковъ драгоцѣнныхъ металловъ вы найдете у другихъ націй; но они становятся всемірной монетой, лишь когда пройдутъ черезъ кипящую энтузіазмомъ душу француза, которая наложитъ на нихъ свой штемпель.

Возьмите Вольтера, можетъ быть, самаго типичнаго представителя французской мысли. Философы и критики произвели самый тщательны, йтакъ сказать, количественный анализъ его міровоззрѣнія: между первоначальными элементами тутъ были найдены и Локкъ, и Шэфтсбери, и Ньютонъ. Но Вольтеръ творчески переработалъ, сплавилъ въ огнѣ своего энтузіазма эти различные матеріалы и далъ міру то колоссальное созданіе ума, чувства и вмѣстѣ практической, философіи, которое произвело одно изъ самыхъ сильныхъ броженій въ человѣчествѣ. Вотъ ужъ, можно сказать, кто отозвался на все въ мірѣ, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ Гете, который былъ и глубже, и всестороннѣе его въ сферѣ идейной и эстетической, но для котораго чувства и общественная страсть были положительно книгой съ семью печатями. „Всѣ вкусы сразу вошли въ мою душу“, вылилось въ одномъ пламенномъ стихѣ у Вольтера. И въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ настаиваетъ на этой высокой отзывчивости, этомъ пониманіи всего, что происходитъ въ человѣчествѣ: „Да, надо придавать своей душѣ всевозможныя формы. Это огонь, который Божество вручило намъ; мы должны питать его всѣмъ, что только найдемъ драгоцѣннаго въ мірѣ. Надо внести въ душу всѣ способы сознанія, какіе только мы можемъ вообразить, надо открыть всѣ двери души всѣмъ наукамъ и всѣмъ чувствамъ: лишь бы это не входило какъ попало и безъ порядка, а то найдется мѣсто для всего міра“. Но всего типичнѣе для Вольтера и для француза вообще заключительныя строки этого письма: „Я хочу учиться и хочу любить васъ (письмо было адресовано къ одному изъ друзей Вольтера); я хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ, чтобы вы такъ же понимали эту философію, какъ вы умѣете любить людей“.

Вотъ это „я хочу учиться, хочу любить васъ и хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ“, можетъ быть, лучше характеризуетъ француза, чѣмъ цѣлые томы разсужденій. Эта жажда знанія, но съ цѣлью пропаганды, эта страсть пропаганды, но въ виду улучшенія живыхъ людей, которые насъ окружаютъ, является могущественнымъ двигателемъ французской націи. Поневолѣ отступаютъ на задній планъ ея недостатки. Вольтеръ порою очень неглубокъ, французъ зачастую хватаетъ верхи. Но какъ вы хо-

тите, чтобы самая лучшая энциклопедія была одинакова хороша во всѣхъ частяхъ? Какъ вы хотите, чтобы, отдавая весь свой умъ на усвоеніе всевозможныхъ знаній, и все свое сердце на пропаганду воспринятаго, я не былъ мѣстами и поверхностенъ, даже баналенъ, и не сводилъ сложный вопросъ къ черезчуръ простой и потому невѣрной формѣ? За то, грѣша этими частностями, французъ незамѣнимъ въ роли общаго пропагандиста. Обрѣзая у идеи ея сложныя особенности, какъ онѣ выросли въ извѣстной странѣ, породившей эту идею, французъ, очевидно, съуживаетъ и до нѣкоторой степени искажаетъ послѣднюю. Но въ то же время, онъ увеличиваетъ силу верженія, дальность полета этой упрощенной, облегченной отъ подробностей общей идеи...

Здѣсь непремѣнно надо остановиться на французскомъ языкѣ, этомъ орудіи бросанія въ міръ идей, потому что въ немъ какъ нельзя лучше отразилась вся нація. Французкій языкъ не годится для очень точной передачи сложныхъ, смутныхъ, неопредѣленныхъ оттѣнковъ аффективной жизни, для тѣхъ неуловимыхъ переливовъ сознанія, которые укладываются удобно въ формы германскихъ и отчасти русскаго языковъ. Микрологическія тонкости психическаго анализа, а особенно ихъ художественное воспроизведеніе, не въ духѣ французскаго языка. Здѣсь все ясно, ярко, опредѣленно: тѣнь такъ тѣнь, свѣтъ такъ свѣтъ; сама полутѣнь имѣетъ опредѣленный характеръ, и гибкость языка достигаетъ удивительнаго совершенства въ передачѣ обыкновенныхъ переходовъ отъ свѣта къ тѣни. Но за этой гаммой видимыхъ цвѣтовъ, тамъ, въ области психическихъ, такъ сказать, лучей Рентгена, французскій языкъ рѣшительно пасуетъ. И это не прямая бѣдность въ словахъ, это рѣшительный отказъ языка отъ неподходящей ему сферы: „все что не ясно, не по французски", говаривалъ еще Ривароль. Оттого, можетъ быть, французская поэзія кажется черезчуръ разсудочной, слишкомъ мало таинственной нѣмцу, англичанину и русскому, привыкшимъ къ своеобразной прелести неопредѣленныхъ, но могущественныхъ въ самой неопредѣленности своей сложныхъ движеній души. Знаменитый дневникъ Аміеля (впрочемъ, не француза, а швейцарца) *) въ общемъ имѣлъ, напр., очень мало успѣха во Франціи, но въ Англіи, Германіи и Россіи о немъ писалось много: Гамлетъ-созерцатель не по душѣ пропагандисту.

Возьмите съ другой стороны французскій языкъ, какъ орудіе пониманія и орудіе распространенія идеи; возьмите въ особенности научную и политическую французскую прозу. Насколько недостатки французской поэзіей чувствуются вами немедленно же

*) H.-F. Amiel, *Fragments d'un journal intime*; Женева, 2 т., 1883—1884. Ср. Paul Bourget, *Nouveaux essais de psychologie contemporaine*: Парижъ, 1888, стр. 253—304 (*Henri-Frédéric Amiel*).

при сравненіи съ поэзіей нѣмецкой, англійской и русской, настолько же французская проза представляетъ идеалъ человѣческой прозы вообще. И въ ней какъ нельзя лучше сказывается характеръ француза,—пропагандиста, желающаго дѣйствовать на отдѣльныхъ личностей, и оратора, зажигающаго толпу. Научный языкъ—верхъ совершенства: всякій научный трактатъ, хорошо переведенный на французскій, несомнѣнно выигрываетъ; написанный же на французскомъ, онъ кладетъ на мысль отпечатокъ ясности и точности, которая не утрачивается совсѣмъ даже и въ плохомъ переводѣ на другіе языки. А ораторскій языкъ? Я думаю, здѣсь французъ открылъ настоящую тайну вліянія на толпу. Мысль ясна, нѣсколько абстрактна, но исходитъ изъ общаго положенія, которое раздѣляется или отрицается, но во всякомъ случаѣ понятна слушателямъ. Она развивается не слишкомъ быстро, что могло бы вызвать въ толпѣ взрывъ сильныхъ, но хаотическихъ чувствъ и, стало быть, не произвести опредѣленнаго практическаго результата. Она не развивается и слишкомъ медленно, что могло бы ослабить впечатлѣніе толпы и заставить ее истратить запасъ нервной энергіи по частямъ. Отъ времени до времени теченіе короткихъ, но изящныхъ фразъ прерывается, и эффектный, декоративный образъ ярко выдвигается на фонѣ нарочно удлиненнаго періода передъ толпой, возбуждая ея аффектъ. Заключительное слово почти всегда резюмируетъ основную идею оратора и разсчитано на то, чтобы разрядить разомъ политическую страсть слушателей и бросить ихъ въ дѣйствіе подъ горячимъ впечатлѣніемъ именно этой идеи...

Всего лучше свойства французской прозы, и въ частности ораторской, выступаютъ по сравненію съ нѣмецкой или англійской. Нѣмецкая проза, съ ея длинными вставными періодами, со второстепенными грамматическими частями предложенія, отдѣляющими подлежащее отъ сказуемаго, съ ея конечными частицами, измѣняющими смыслъ глагола, и съ отрицаніемъ, которое зачастую приготовляетъ цѣлый сюрпризъ слушателю въ самомъ заключеніи фразы, несомнѣнно, мало беретъ въ разсчетъ психическій аппаратъ толпы. Развѣ можетъ безнаказанно эта толпа бросаться за ораторомъ на окольныя дорожки вставныхъ предложеній, запоминать ограниченія мысли, которыя ораторъ тутъ же мимоходомъ предлагаетъ слушателямъ, и, наконецъ, терпѣливо ждать конца, чтобы знать, съ плюсомъ ли или съ минусомъ взять возбуждаемыя рѣчью чувства? Книжникъ и философъ, культурный нѣмецъ, создававшій свою прозу, гнался за глубиной, сложностью и анализомъ мысли, полагая, что все прочее приложится. Оттого еще недавно ораторскія рѣчи нѣмцевъ напоминали знаменитую фразу, брошенную въ похвалу великому герцогу баденскому въ началѣ 1849 г. o du, der du die das badische Volk beglückende Constitution gegeben hast! Оттого, въ послѣднее время, когда массы все

болѣе и болѣе втягиваются въ политическую жизнь, рѣчи народныхъ ораторовъ и популярная брошюра въ Германіи все больше и больше отклоняются отъ классической конструкціи фразы.

Англичанинъ грѣшитъ другой крайностью: практическій человѣкъ, адвокатъ, или, даже вѣрнѣе, ходатай по дѣламъ своей партіи, онъ на первомъ планѣ ставитъ краткость, фактическій аргументъ, практическое указаніе, какъ надо дѣйствовать въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ, не заботясь объ общихъ горизонтахъ, которые могутъ раскрываться съ высоты общей идеи и ораторскаго энтузіазма. Нѣкоторыя его выраженія поражаютъ замѣчательною силою и лаконизмомъ. To dog означаетъ у него „слѣдить за кѣмъ-нибудь, какъ *собака бѣжитъ* по слѣдамъ за дичью"; to cut равносильно выраженію: „сдѣлать видъ, что не узнаешь кого-нибудь, чтобы *отрѣзать* дальнѣйшее непріятное знакомство". У американцевъ, въ особенности, этотъ лаконизмъ доходитъ до поразительныхъ предѣловъ: you get,—говоритъ фермеръ Западныхъ Штатовъ, цѣлясь ружьемъ въ забравшагося къ нему вора; you bet, отвѣчаетъ тотъ, убѣгая. Діалогъ этотъ въ переводѣ на обыкновенный языкъ гласитъ: „убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, а иначе"...—„можете биться объ закладъ, что вторично вамъ не зачѣмъ меня просить объ этомъ". Но рядомъ съ этой экономіей словъ, даже у лучшихъ англійскихъ ораторовъ преобладаетъ сухой и дѣловой пріемъ доказательствъ, который обращается къ пониманію слушателей, даже къ ихъ спеціальнымъ знаніямъ. И стремленіе сказать только дѣло, оставляя по возможности въ сторонѣ красоту и яркость формы, приводитъ порою къ чудовищной небрежности, надъ чѣмъ смѣется еще Аддисонъ въ своей каррикатурной, нарочно сочиненной фразѣ, въ которой длинная цѣпь „что" съ разными смыслами не имѣетъ, кажется, себѣ подобной ни на какомъ другомъ языкѣ: My lords, with humble submission *that that* I say is this, *that that that that* gentleman has advanced is not *that that* he should have proved to your lordships... *).

Французъ инстинктивно проходитъ между этими подводными камнями. Его фраза ясна, энергична и достаточно сжата; и въ то же время она прекрасно построена и заключаетъ массу тѣхъ яркихъ выраженій, которыя дѣлаются „историческими словами",—вѣрный признакъ того, что мысль тронула толпу и пошла гулять по свѣту, разнося извѣстную идею. Разверните любую исторію какого-нибудь движенія во Франціи, начиная отъ Фронды и вплоть до послѣднихъ лѣтъ: васъ поразитъ неимовѣрное обиліе этихъ словъ, которыя усиливаютъ драматизмъ событій. Пройдитесь по улицѣ: порою вы невольно встрепенетесь отъ живописнаго и мѣткаго выраженія, брошеннаго какимъ-нибудь ламповщи-

*) «Spectator», n° 80.

комъ или подросткомъ - рабочимъ. И не забудьте, что для француза, съ его легко воспламенимымъ въ толпѣ воображеніемъ, слово зачастую является лозунгомъ дѣйствія, какъ дѣйствіе почти никогда не совершается безъ словъ... *).

Я, такимъ образомъ, перехожу къ послѣдней сторонѣ француза, какъ общественнаго дѣятеля, сторонѣ, въ которой его часто упрекаютъ: это — его театральности. Но это опять таки лишь обратная сторона его достоинствъ. Французъ въ обществѣ, въ толпѣ находится въ приподнятомъ состояніи: наэлектризованный присутствіемъ другихъ. электризуя ихъ, онъ, несомнѣнно, чувствуетъ въ этотъ моментъ, что онъ не совсѣмъ тотъ будничный Пьеръ или Поль, который любитъ хорошую обстановку, семейный уголъ и деньги. И онъ чувствуетъ, что его измѣнившемуся существу должно соотвѣтствовать измѣненіе и въ его словахъ, и въ жестахъ, и въ пріемахъ. Онъ сознаетъ себя въ эту пору однимъ изъ актеровъ въ обширной драмѣ, и чѣмъ могущественнѣе захватываетъ его эта драма, тѣмъ большую потребность онъ ощущаетъ взять и на себя роль, и играть вполнѣ добросовѣстно, не жалѣя уже самыхъ насущныхъ интересовъ. „Французъ театраленъ", продолжаютъ настаивать холодные наблюдатели. Можетъ быть, но вѣдь эта театральность не мѣшаетъ ему заходить въ игрѣ вплоть до принесенія ей въ жертву такой реальной вещи, какъ жизнь. „Можно умирать, и не рисуясь". Конечно, можно, но все-таки лучше умѣть умирать съ рисовкой, чѣмъ оставаться вѣчно въ роли холоднаго наблюдателя. Не забывайте же, что театральность француза сама собою подразумѣваетъ толпу, въ которой онъ и актеръ, и зритель, и что въ этой толпѣ взаимная рисовка актеровъ создаетъ изъ обыкновенныхъ будничныхъ людей настоящихъ героевъ. Такъ ужъ позвольте французу, падающему въ борьбѣ за свой идеалъ, выбрать въ утѣшеніе картинную позу и умереть на какомъ-нибудь „историческомъ словѣ", ибо это слово превращается тогда въ дѣло, въ орудіе человѣческаго прогресса!..

*) Въ «Исторіи революціи 1848 г.,» принадлежащей перу графини д'Агу, умнѣйшей женщины своего времени, встрѣчаешь слѣдующія интересныя строки: «Было сказано, что французскій народъ -- солдатъ; это правда, въ особенности, если добавить, что солдатъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и риторъ. Онъ не остановится ни на какой жертвѣ, кромѣ жертвы слова. Какъ только онъ не перекрещиваетъ съ противникомъ своего штыка, ему нужно и перекрещивать эпиграммы» (Daniel Stern—псевдонимъ д'Агу, *Histoire de, la Révolution de 1848;* Парижъ, 2-е изд., 1862, т. I, стр. 89).

Французское краснорѣчіе.

(Письмо второе).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупному оратору республики пришлось произносить рѣчь въ день годовщины одной изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ франко-прусской кампаніи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, говорившій связалъ патріотическую похвалу павшимъ солдатамъ съ общимъ панегирикомъ своей націи. И вотъ какія рѣчи лились изъ устъ восторженнаго оратора:

«Нашъ политическій строй не основанъ на законахъ, заимствованныхъ у сосѣдей, и мы скорѣе сами являемся образцомъ для другихъ, чѣмъ ихъ подражателями. Строй этотъ носитъ названіе демократіи, ибо у насъ власть принадлежитъ не кучкѣ гражданъ, а большинству. Законъ у насъ равенъ для всѣхъ въ частныхъ столкновеніяхъ. Что касается до общественныхъ должностей, то на нихъ каждый избирается по мѣрѣ заслугъ своихъ: сама бѣдность не препятствуетъ его возвышенію, лишь бы онъ оказалъ услуги государству. Мы любимъ откровенность въ управленіи общественными дѣлами. Мы чужды заподозриванія другъ друга въ ежедневныхъ сношеніяхъ, и намъ и въ голову не приходитъ раздражаться, если кто-нибудь изъ насъ отдается въ большей или меньшей степени удовольствіямъ. Дѣйствительно, мы выработали себѣ массу развлеченій,ища отдыха отъ нашихъ заботъ въ общественныхъ празднествахъ и въ изяществѣ нашей частной жизни. Со всѣхъ концовъ земли въ нашу столицу стекаются различныя произведенія, притягиваемыя самой громадностью этого центра, и мы можемъ наслаждаться у себя въ одинаковой мѣрѣ какъ продуктами нашей страны, такъ и вещами, идущими изъ-за границы. Даже что касается до національной защиты, и тутъ мы отличаемся отъ нашихъ враговъ. Мы смотримъ, напримѣръ, на нашъ великій городъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ на общее достояніе всѣхъ людей, и никакія исключительныя мѣры не отрѣзаютъ у насъ доступъ иностранцамъ ни къ наукѣ, ни къ любому зрѣлищу, *) изъ боязни какъ бы непріятель не воспользовался нашей откровенностью: мы надѣемся гораздо больше на наше мужество въ войнѣ, чѣмъ на всевозможныя приготовленія и хитрости. Наша страна достойна, впрочемъ, удивленія не только въ этихъ отношеніяхъ, но и во многихъ другихъ. Такъ мы любимъ все прекрасное въ жизни, но избѣгаемъ при этомъ излишества: мы склонны къ практической философіи, но у насъ она не доходитъ до чрезмѣрной изнѣженности. Мы здраво понимаемъ вещи, вѣрно оцѣниваемъ ихъ, полагая, что дѣлу вредитъ не слово, а какъ разъ наоборотъ отсутствіе словеснаго обсужденія и изученія передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣятельности. Словомъ, наша страна является школой всей Европы, и каждый изъ насъ, мнѣ кажется, способенъ на множество различныхъ дѣлъ, выполняя ихъ не только съ пониманіемъ, но и съ своеобразной граціей... Возьмите самую гибель солдатъ, памяти которыхъ посвящена моя рѣчь. Эта смерть выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ доблесть гражданина, уясняетъ основные мотивы его дѣятельности и укрѣпляетъ наше по-

---

*) Дѣло, какъ видите, читатель, было до обуявшей французовъ въ послѣднее время шпіономаніи, до изданія законовъ 1888 г. и 1893 г. относительно пребыванія иностранцевъ во Франціи, до ограниченія, по закону 1896 г., правъ докторовъ иныхъ національностей, кончившихъ курсъ здѣсь, и т. п. Н. К.

ниманіе цѣлей жизни. Никто изъ павшихъ соотечественниковъ не отступилъ передъ опасностью... Наоборотъ, считая ее верхомъ славы, наши граждане рѣшили пойти на встрѣчу ей, чтобы отомстить врагу, совершенно забывая свои личные интересы. Въ серьезный моментъ они предпочли смерть отступленію; они избѣжали позорнаго укора въ трусости и цѣною жизни выдержали натискъ непріятеля; наконецъ, достигнувъ высочайшихъ предѣловъ не страха, а славы, они были унесены быстрой, какъ мигъ, и слѣпой случайностью боя... И вы, остающіеся въ живыхъ, будьте достойными соперниками павшихъ! Знайте, что счастье въ свободѣ, а свобода въ мужествѣ, и не колеблитесь передъ опасностями войны. Вѣдь пренебрегать жизнью надо не столько несчастнымъ, у которыхъ нѣтъ надежды на лучшее будущее, сколько какъ разъ тѣмъ, которымъ есть чего опасаться роковой перемѣны судьбы, а въ особенности тѣмъ, которымъ угрожаютъ громадныя потери, если они не успѣютъ предотвратить зло. Ибо для человѣка съ возвышенной душой страдать изъ за своей трусости гораздо больнѣе, чѣмъ пасть внезапно и незамѣтно въ пылу борьбы, среди коллективнаго сознанія силы и общаго энтузіазма».

Не правда ли, дорогой читатель, какъ типична эта рѣчь для француза, который вибрируетъ, какъ туго натянутая струна, въ обществѣ подобныхъ же ему чуткихъ и проникнутыхъ общественностью слушателей? Конечно, тутъ не обходится дѣло безъ нѣкотораго шовинизма, безъ національнаго самовосхваленія. Но какъ не простить этихъ недостатковъ изящному и героическому народу, который желаетъ пропагандировать своимъ примѣромъ, выставляя свои демократическія учрежденія въ „образецъ другимъ“, считая свой Парижъ общимъ умственнымъ достояніемъ всего человѣчества и безъ всякихъ колебаній жертвуя высшимъ интересамъ свободы и чести той самой жизнью, которую онъ такъ любитъ и которой такъ наслаждается? А это преклоненіе передъ могуществомъ человѣческаго слова, передъ силой краснорѣчиваго убѣжденія, которое у французовъ предшествуетъ всякому дѣлу или, вѣрнѣе сказать, является началомъ всякаго дѣла и которое ораторъ сообщаетъ воспріимчивой толпѣ музыкой слова и жеста...

Простите мнѣ, читатель, маленькую хитрость: приведенная мною рѣчь была сказана не вчера и не позавчера, а почти двадцать четыре столѣтія тому назадъ, и не французомъ, а Перикломъ, произнесшимъ ее надъ могилою воиновъ, которые пали въ началѣ пелопонесской войны. Я взялъ этотъ образецъ аттическаго краснорѣчія у Ѳукидида *), выбралъ изъ него наиболѣе типичныя мѣста и лишь кое-гдѣ замѣнилъ архаическія выраженія настоящими, чтобы оставить васъ дольше подъ впечатлѣніемъ иллюзіи современности. Мнѣ хотѣлось наглядно показать, въ какой степени, несмотря на разницу эпохъ и цивилизацій, древній аѳинянинъ и современный французъ походятъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ другъ на друга: оба они являются прототипомъ того „политическаго животнаго“, о которомъ гово-

*) Θουκυδίδου τοῦ Ὀλόρου περὶ Πελοποννησιακοῦ πολέμου, II, 37 — 43, *passim*.

ритъ Аристотель; оба придаютъ огромное значеніе взаимному обмѣну мыслей, „слову, которое не вредитъ дѣлу“, а наоборотъ. представляетъ собой могущественный рычагъ коллективной воли и коллективной дѣятельности. Я уже касался мимоходомъ этой черты (см. главу о „Психологіи француза“): теперь мнѣ кажется полезнымъ остановиться подробнѣе на упомянутой сторонѣ французской общественной жизни. Безъ нея исторія Франціи является лишенной колорита; и въ ней же заключается разгадка той быстроты, съ какою разряжается и выражается въ дѣйствіи общественное настроеніе этой націи.

Каждый народъ реагируетъ болѣе или менѣе по своему на внѣшнія впечатлѣнія, и у каждаго обмѣнъ мыслей и чувствъ принимаетъ своеобразныя формы. Мнѣ все представляется, что если бы вольтеровскій Микромегасъ наклонился своимъ восьмимильнымъ корпусомъ надъ Франціей, онъ увидалъ бы необыкновенно живой и дѣятельный муравейникъ, члены котораго находятся въ постоянномъ движеніи и не могутъ жить безъ того, чтобы на каждомъ шагу не взять на абордажъ своего сосѣда, часто перваго встрѣчнаго, не потрогать его своими усиками и не собрать сейчасъ же вокругъ себя цѣлую толпу бодрыхъ и общительныхъ существъ, немедленно устремляющихся къ какой нибудь цѣли. Понятно, что колоніи другихъ не столько „политическихъ животныхъ“ не особенно долюбливаютъ живого, жестикулирующаго и воинственнаго муравья, и какой-нибудь навозный жукъ, степенно катя свой шарикъ и старательно зарываясь отъ своего сосѣда, долженъ съ неудовольствіемъ смотрѣть на бодрое и жизнерадостное насѣкомое, занимающееся пропагандой, агитаціей и прочими „измами“. Но аллегоріи въ сторону. Слово, рѣчь, ораторское искусство являются во Франціи однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной жизни, а со времени революціи 1789 г. необходимымъ инструментомъ управленія государствомъ и орудіемъ коллективной дѣятельности. Любовь и умѣнье французовъ выражать свои мысли рѣчью издавна извѣстны всякому, и старинный писатель уже сказалъ объ ихъ предкахъ: „Гальскій народъ самымъ ревностнымъ образомъ упражняется въ двухъ вещахъ: въ военномъ искусствѣ и умѣньи остроумно говорить“ (duas res industriosissime persequitur gens Gallorum, rem militarem et argute loqui). Припомните, какъ друзья Тэна изъ англичанъ считали это природное краснорѣчіе француза неотъемлемой принадлежностью его „темперамента“ *). Самыя мысли французскихъ моралистовъ и писателей въ сферѣ житейской философіи, напр., Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга, Шамфора, Риваролля,— кажутся не столько высиженными въ кабинетѣ, въ потѣ лица и среди чернильныхъ пятенъ, сколько вылившимися въ бесѣдѣ, сор-

*) H. Taine, *Notes sur l'Angleterre;* Парижъ. 1874. (4-е изд.), стр. 539—541.

вавшимися съ языка въ пылу разговора между остроумными людьми, которые наслаждаются взаимнымъ словеснымъ фейерверкомъ въ какомъ-нибудь салонѣ, на глазахъ у прелестной и не менѣе остроумной хозяйки.

Но здѣсь я буду говорить не объ этомъ природномъ дарѣ слова. Мнѣ хотѣлось въ этой главѣ познакомить читателя съ культивированной формой краснорѣчія, которая, какъ я только что сказалъ, выработалась во Франціи со времени великаго переворота, завоевала и политическую трибуну, и скамью адвоката, и кресло профессора, и каѳедру церковнаго проповѣдника, вытѣснивъ почти отовсюду старинные пріемы книжнаго схоластическаго краснорѣчія и чтенія по тетрадкѣ и, наконецъ, стала выдающейся чертой всего здѣшняго строя.

Вещь странная съ перваго взгляда, но понятная для того, кто знакомъ съ исторіей Франціи: несмотря на врожденную, такъ сказать, способность француза къ слову, искусство живого краснорѣчія, а въ особенности блестящей импровизаціи, выработалось лишь въ этомъ столѣтіи, и выработалось постепенно, мало-по-малу и подъ давленіемъ обстоятельствъ. Снова и снова подтверждается одна изъ формулъ эволюціонизма: если органъ создаетъ функцію, то функція въ свою очередь преобразуетъ первоначальный органъ до неузнаваемости. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже много позже, вплоть до 1789 г., Франція подобно большинству европейскихъ странъ, страдала той схоластической болѣзнью, которую Спенсеръ назвалъ однажды очень удачно „книжнымъ суевѣріемъ“ и отъ которой далеко не избавились и всѣ мы, и самъ плодовитый только-что упомянутый авторъ. То былъ періодъ идолопоклонства передъ всякой печатной и писанной вещью, всякимъ, говоря вообще, графическимъ изображеніемъ, замѣняющимъ живую и непринужденную рѣчь. То была пора трудолюбивыхъ монаховъ, корпѣвшихъ надъ лѣтописями и списками легендъ; пора схоластическихъ докторовъ богословія, которые на ученыхъ диспутахъ развертывали въ видѣ аргументаціи длиннѣйшіе пергаменты и уличали своихъ враговъ въ пропущенномъ словѣ или запятой; пора тяжеловѣсныхъ и претенціозныхъ адвокатовъ и совѣтниковъ парламента, читавшихъ цѣлыми часами свои безконечныя, уснащенныя всевозможными цитатами рѣчи, въ которыхъ было все, кромѣ изложенія самого дѣла; пора безконтрольныхъ министровъ и исполнительныхъ бюрократовъ, которые въ тиши канцелярій плодили цѣлыя кипы административныхъ бумагъ для вящаго благополучія управляемыхъ народовъ. Всѣ оффиціальныя отношенія между людьми, мало того—всѣ формы интеллектуальнаго общенія, выходившаго за предѣлы будничной жизни,—все это должно было идти путемъ бумажной рутины: блескъ глазъ, игра физіономіи, жестъ, голосъ страсти живого человѣка, говоря-

щаго съ живымъ человѣкомъ, отступали на задній планъ передъ печатными и писанными строками.

Само изученіе классической древности, оживившееся въ эпоху возрожденія, принесло въ этомъ отношеніи мало пользы. Дѣло въ томъ, что у грековъ и римлянъ, которыхъ брали за образцы французы (и прочіе европейцы), краснорѣчіе было не столько искусствомъ живой непринужденной рѣчи и импровизаціи, сколько умѣньемъ писать исподволь и затѣмъ читать передъ знатоками-слушателями безукоризненныя въ стилистическомъ отношеніи произведенія. Въ большинствѣ случаевъ ораторъ былъ чтецомъ — и то не всегда—написанной имъ рѣчи. Такъ, въ Аѳинахъ адвокатъ даже не имѣлъ права лично представлять кліента, и этотъ послѣдній долженъ былъ заучивать для произнесенія передъ судьями написанную адвокатомъ рѣчь, какъ это было съ самыми блестящими образцами судебнаго краснорѣчія Лизія и Демосѳена. Съ другой стороны, въ Римѣ Цицеронъ необыкновенно усердно приготовлялъ свои рѣчи, составляя ихъ письменно, перечитывая безчисленное число разъ и исправляя ихъ палочкой—стилемъ (откуда взялось современное слово „стиль"). Онъ укорялъ въ небрежности и не считалъ за настоящихъ ораторовъ тѣхъ изъ своихъ собратовъ по ремеслу, которые умѣли произносить рѣчи безъ предварительнаго записыванія; и такихъ было очень мало. Большинство не стѣснялось даже прямо приноситъ свои тетрадки и читало по нимъ. Квинтиліанъ разсказываетъ намъ смѣшной анекдотъ про одного изъ такихъ „ораторовъ", который заранѣе приготовлялъ рѣчь со всѣми эффектными мѣстами и считалъ своимъ долгомъ прочитать ихъ отъ начала до конца, какъ бы мало они ни соотвѣтствовали случайному обороту, принятому дѣломъ. Однажды онъ говорилъ—по тетрадкѣ—противъ знаменитаго Кассія, и въ то время, какъ тотъ спокойно сидѣлъ, устремивъ взглядъ въ сторону, нашъ ораторъ вдругъ дошелъ до патетическаго мѣста и воскликнулъ самымъ трагическимъ голосомъ: „Почему, о Кассій, почему ты съ такимъ свирѣпымъ видомъ взираешь на меня?"... Кассій, встрепенувшись и не колеблясь ни мгновенья, сейчасъ-же прервалъ патетическаго адвоката:—„я? клянусь Геркулесомъ, я даже и не смотрѣлъ на тебя. Но такъ какъ это стоитъ въ твоей тетрадкѣ, то—получи", и онъ сдѣлалъ видъ, что бросаетъ на адвоката самый свирѣпый взоръ, при общемъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ...

Легко себѣ представить, какія рѣчи фабриковались въ до-революціонной Франціи адвокатами, которые вдохновлялись по рутинѣ такими образцами и которые считали даже верхомъ неприличія и неуваженія къ судьямъ явиться для защиты безъ толстѣйшей рукописи будущей рѣчи. Не угодно-ли насладиться вступленіемъ знаменитаго адвоката XVII-го вѣка, Готье Лагёля, кото-

рый началъ, въ 1646 г., свою защиту графа Шабо слѣдующимъ образомъ:

Милостивые государи! Между шестью различными порядками, каковые ученики Платона установили для злыхъ духовъ, они нашли, что демоны послѣдняго распорядка именуются «духами, избѣгающими свѣта», и что имъ присущи большая злокозненность и большее коварство, нежели инымъ прочимъ: Omniformibus imaginibus abundant, сказалъ Порфиръ въ своей книгѣ De sacrificiis, prodigiorumque machinis maxime fallunt... Свѣтъ, каковаго избѣгаетъ демонъ лжи и обмана, есть тотъ самый свѣтъ, каковой освѣщаетъ и насъ—δίμης ὀφθαλμός—и есть ярче лучей солнечныхъ, кои претерпѣваютъ нѣкое преломленіе препятствій ради, имъ землею противополагаемыхъ *).

Можно было бы подумать, что эта комическая чепуха составляетъ лишь рѣдкое исключеніе, крайній случай, выуженный историками краснорѣчія во Франціи. Но вотъ что я нашелъ въ извѣстномъ сочиненіи Сэнтъ-Бёва о Поръ-Ройялѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ знаменитый критикъ, рисуя фамильные портреты предковъ янсениста Арно, описываетъ намъ подвиги адвоката Арно, слава котораго гремѣла въ началѣ XVII-го вѣка во всей Франціи и даже за предѣлами ея. Слушайте, читатель, слушайте—и постарайтесь остаться серьезнымъ!.. Дѣло было въ 1600 г. Герцогъ Савойскій посѣтилъ въ это время Францію, и добрый король Генрихъ IV, желая ослѣпить своего гостя всевозможными чудесами своего государства, рѣшилъ дать въ честь пріѣзжаго въ нѣкоторомъ родѣ турниръ элоквенціи. По желанію короля, первый президентъ парламента, нѣкто Ахиллъ де-Гарлэ, предписалъ двумъ знаменитымъ въ то время адвокатамъ, Роберу и уже упомянутому Арно, приготовиться хорошенько къ ратоборству и выбрать для вѣнценосныхъ посѣтителей какое-нибудь интересное дѣло. На ловца и звѣрь бѣжитъ: за нѣсколько времени передъ тѣмъ убитъ былъ нѣкій Жанъ Простъ, мать котораго обвинила въ этомъ преступленіи одного булочника, по фамиліи Белланже. Подозрѣваемаго въ убійствѣ арестовали и, какъ водилось въ доброе старое время, подвергли „малому и большому допросу“, дробя кости и выламывая суставы; но вскорѣ были пойманы два вора, которые признались, что Проста убили они. Булочникъ былъ выпущенъ безъ нѣсколькихъ пальцевъ и съ помятыми ребрами и подалъ жалобу на мать убитаго, обвиняя ее въ ложномъ доносѣ. За истца говорилъ Роберъ, тогда какъ отвѣтчицу защищалъ тогдашній орелъ краснорѣчія, самъ Арно. И вотъ какъ дебютировалъ адвокатъ несчастнаго Белланже:

Милостивые государи! Древніе поэты, нарочито распространившись о нѣкоторыхъ битвахъ, приключившихся во время достопамятной осады Трои,

*) Цитирую по выдержкѣ изъ Мюнье-Жюлэна, приведенной въ довольно интересной книжкѣ Мориса Ажана о «Публичномъ краснорѣчіи» (Maurice Ajam, *La parole en public;* Парижъ, 1895, 2-е изд., стр. 75 и прим.).

сказываютъ, что Телефъ, сынъ Геркулеса, будучи въ одной враждебной встрѣчѣ тяжело раненъ ударомъ копія Ахиллова... отправился за совѣтомъ къ оракулу Аполлона, и т. д.

И подобная испещренная миѳологическими намеками рѣчь тянулась безъ конца, и все это ради того, чтобы адвокатъ имѣлъ возможность ввернуть, что лишь копье Ахилла могло исцѣлять раны, нанесенныя имъ же, и что *поэтому* (sic!) лишь рѣшеніе парламента, обсуждающаго дѣло подъ предсѣдательствомъ новаго Ахилла (г. Ахилла де-Гарлэ) можетъ исцѣлить раны, нанесенныя булочнику прежнимъ приговоромъ. Не правда-ли, бурное, захватывающее духъ краснорѣчіе? Но вотъ вамъ и настоящій адвокатскій аквилонъ, срывающійся съ устъ славнаго Арно и потрясшій до основанія,—по выраженію очевидца, историка Пьера Матье,—твердыя души судей. Арно беретъ быка прямо за рога и, несмотря на признаніе убійцъ, продолжаетъ обвинять Белланже если не въ убійствѣ Проста, то въ черныхъ замыслахъ противъ послѣдняго, ибо, по словамъ Арно, булочникъ еще раньше обокралъ свою жертву, — и затѣмъ слѣдуетъ смѣлый прыжокъ въ океанъ исторіи:

Кай Антоній былъ обвиненъ въ соучастіи въ заговорѣ Катилины; онъ былъ оправданъ отъ сего обвиненія. Но къ процессу его примѣшаны были грабительскія дѣянія, каковыя онъ учинилъ въ бытность свою въ Македоніи; и сіе было причиною осужденія его. И, однако, одно обвиненіе не имѣло ничего съ другимъ обвиненіемъ общаго. Такъ и въ семъ дѣлѣ убійство и хищеніе тѣсное между собою касательство имѣютъ.

И далѣе, стараясь ослабить впечатлѣніе, произведенное на судей ранами, которыя были сдѣланы невинному булочнику при допросѣ, Арно доказывалъ различными авторитетами, что пострадавшему не можетъ быть больно и не должно быть больно:

Философъ Кранторъ,—восклицаетъ онъ, — утверждалъ, что тотъ весьма облегченъ бываетъ при печальномъ поворотѣ фортуны, кто страдаетъ отъ зла, не будучи самъ причиною онаго!

И генеральный прокуроръ и судьи согласились съ такимъ остроумнымъ и тонкимъ анализомъ души булочника и рѣшили дѣло въ пользу доносчицы, защищаемой Арно: такъ неотразимо казалось краснорѣчіе послѣдняго! *).

Революціонный переворотъ, унесшій парики, фижмы и красные каблуки привилегированныхъ сословій, разрушилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большинство политическихъ и соціальныхъ учрежденій стараго режима. Устойчивѣе оказались рутинные пріемы мысли, и въ числѣ ихъ письменное краснорѣчіе и чтеніе по рукописи. Это можетъ показаться очень страннымъ, но съ историческимъ фактомъ ничего

*) См. объ Антуанѣ Арно въ Sainte-Beuve, «*Port-Royal*»; Парижъ, 5-е изд., 1888. т. I, стр. 64—72.

не подѣлаешь. Дѣло въ томъ, что, изучая эту бурную эпоху, мы находимся подъ впечатлѣніемъ романтической иллюзіи. Страстная борьба партій въ собраніи и на улицѣ, взаимныя филиппики и обвиненія, сцены временнаго примиренія и объятій между политическими врагами и почти вслѣдъ затѣмъ яростныя восклицанія, прерывающія рѣчь недавнихъ друзей; фригійскій колпакъ на головахъ „патріотовъ“ и головы „измѣнниковъ“ на пикѣ; празднованіе братской федераціи и сухой стукъ гильотины... Словомъ, если, согласно знаменитой фразѣ, «Руссо ввелъ зеленый цвѣтъ во французскую литературу“, то эта идиллія полей и безгрѣшнаго состоянія первобытнаго человѣка была теперь покрыта широкими красными полосами самой благородной и героической крови. Вотъ намъ и кажется, что когда, какъ не въ эту страшную эпоху, должно было процвѣтать живое политическое краснорѣчіе. На самомъ же дѣлѣ именно въ политическомъ краснорѣчіи великой революціи академическія, изученныя, вышлифованныя при свѣтѣ лампы формы преобладали почти цѣликомъ. Историческая критика показала, что громадное большинство рѣчей, производившихъ тогда сильнѣйшее впечатлѣніе и производящихъ извѣстное впечатлѣніе и на насъ, обязаны этимъ лишь той жизни и страсти, которая охватывала все существо тогдашнихъ дѣятелей; но формы, внѣшность, способъ приготовленія этихъ рѣчей были рутинны и схоластичны. Присмотритесь хорошенько къ отчетамъ засѣданій учредительнаго или законодательнаго собранія или даже самого Конвента. Васъ поразитъ, въ противоположность теперешней парламентарной практикѣ, то обстоятельство, что на рѣчь, произнесенную тѣмъ или другимъ ораторомъ, противники почти никогда не возражаютъ сейчасъ же, а зачастую откладываютъ отвѣтъ на нѣсколько дней: пока дѣло ограничивается лишь нѣсколькими возгласами, угрожающимъ жестомъ и свирѣпымъ взглядомъ, брошеннымъ въ сторону врага. И не мудрено: большинство дѣятелей революціи воспитывалось въ эпоху, когда умѣнье приготовлять рѣчи въ головѣ, а не на бумагѣ, и до извѣстной степени импровизировать было удѣломъ лишь немногихъ адвокатовъ, разбившихъ традиціонную форму писаннаго краснорѣчія.

Возьмите какого-нибудь типичнаго дѣятеля революціи. Какъ борется онъ словомъ противъ враждебной партіи? Вотъ онъ у себя въ кабинетѣ, передъ бюстомъ Свободы или Республики, мраморъ которой прикрытъ краснымъ фригійскимъ колпакомъ. Въ его библіотекѣ, на его столѣ „Общественный договоръ“, „О неравенствѣ“, „Эмиль“ и прочія сочиненія Руссо, Тацитъ (по большей части во французскомъ переводѣ), Титъ-Ливій, Плутархъ. Цѣлый вулканъ политической страсти, убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, ненависти къ противникамъ клокочетъ въ душѣ этого человѣка. Но эту горячую лаву глаголовъ, жгущихъ сердца людей, онъ долженъ уложить въ извѣстныя традиціонныя рамки: и онъ

пишетъ дрожащей отъ волненія рукой на листѣ бумаги, пишетъ, зачеркиваетъ и снова пишетъ, стараясь придать своимъ мыслямъ француза—республиканца конца XVIII вѣка то лаконическую, сжатую, совсѣмъ почти безъ глаголовъ, форму негодующаго разсказа Тацита, то—еще чаще—форму декламаціонныхъ, но страстныхъ періодовъ Руссо, то оттѣнокъ наивно-резонирующаго и сентенціозно-восторгающагося изложенія „Жизнеописаній". Брутъ, Демосѳенъ, тиранъ Тиберій, историческіе намеки и миѳологическія сближенія, цитаты изъ классиковъ, по большей части изъ вторыхъ рукъ, и тропы и фигуры, и всякіе цвѣты риторики украшаютъ тщательно приготовляемую ткань будущей рѣчи. И у нѣкоторыхъ ораторовъ, любившихъ обстоятельность, эта работа положительно напоминаетъ безустанный трудъ Пенелопы. Такъ Робеспьеръ, по словамъ самого, не любящаго его, впрочемъ, Мишлэ, долго готовился къ своимъ рѣчамъ, шлифовалъ, распространялъ ихъ, вводилъ новые эпизоды, которые бурная исторія, забѣгая впередъ его риторики, бросала на обсужденіе партій, пока, наконецъ, онъ не являлся на трибуну съ длиннѣйшимъ манускриптомъ и не прочитывалъ этого политическаго „сочиненія". Не знаменательно-ли, что даже такой человѣкъ дѣла и безпримѣрной энергіи, какъ Сэнъ-Жюстъ, исключительно прибѣгалъ къ перу въ области парламентарнаго краснорѣчія? Сама его страшная рѣчь о „революціонномъ правительствѣ" (10-го октября 1793 г.), въ которой онъ приглашаетъ „управлять при помощи желѣза тѣми, кто не хочетъ справедливости", въ которой онъ нападаетъ—о, иронія исторіи!—на „бумажное царство", на „демона писательства" бюрократіи,—сама эта рѣчь была прочитана по рукописи.

Рукописное краснорѣчіе играло такую роль въ парламентарной практикѣ, что ораторъ, сходя съ трибуны, обыкновенно тутъ же давалъ свой манускриптъ секретарямъ собранія для отчета. Людей, которые умѣли импровизировать, врядъ-ли набралось бы съ полдюжины во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ конца прошлаго вѣка. Мирабо, этотъ „левъ революціи", несмотря на свой крупнѣйшій ораторскій талантъ, не довѣрялся вдохновенію и по большей части писалъ предварительно свои рѣчи. Жирондистъ Верньо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ знаменитомъ импровизированномъ отвѣтѣ Робеспьеру, давалъ волю своему рѣдкому дару слова. Можно сказать, что лишь одинъ Дантонъ былъ настоящимъ ораторомъ въ современномъ значеніи слова: онъ презиралъ вылощенную риторику медленно подготовляемыхъ рѣчей, „схватывалъ пулю на лету", какъ говорятъ французы, и тутъ же кипя и волнуясь, бросался на трибуну, нападалъ на враговъ, ободрялъ друзей и въ неправильной, зачастую вульгарной, но всегда пламенной рѣчи высказывалъ свои мысли по поводу быстро развертывавшихся событій и политическихъ комбинацій. Но за то съ какимъ пренебреженіемъ собраты Дантона относились къ его безпретенціозному, живому слову: стоитъ только

припомнить, въ какой, доходящей до комизма, степени бравый Редереръ былъ скандализированъ отсутствіемъ „логики и діалектики“ въ рѣчахъ этого настоящаго трибуна.

Начавшіе было вырабатываться ораторы первой республики отчасти не имѣли времени развивать свои таланты,—большинство видныхъ дѣятелей погибло въ молодомъ возрастѣ,—а отчасти принуждены были отказаться отъ парламентарнаго краснорѣчія. Консулатъ и имперія были далеко неблагопріятны для развитія ораторскаго искусства: Франція управлялась въ эту пору почти исключительно шпагой завоевателя и безустанно скрипящимъ перомъ администратора-бюрократа. Краснорѣчіе продолжало развиваться лишь между адвокатами и въ профессорскомъ мірѣ. Новый толчокъ политическое ораторство получило только при Реставраціи, а особенно въ концѣ ея. Малѣйшая попытка прибѣгнуть къ живому слову, отказываясь отъ традиціонной рукописи, была встрѣчаема съ крайнимъ интересомъ, и немногіе храбрецы-ораторы этой категоріи получали рѣшительное преимущество надъ ораторами обычнаго типа въ ежедневной парламентской борьбѣ. Когда де-Серръ, либеральный министръ юстиціи въ кабинетѣ 1818 г., произнесъ безъ приготовленія большую рѣчь, вся палата была поражена такимъ подвигомъ, и импровизаторъ получилъ названіе „новаго Мирабо“. Знаменитый Манюэль, несмотря на свою адвокатскую опытность, приготовлялъ письменно большія парламентскія рѣчи. Въ то время считался чудомъ Бенжамэнъ Констанъ, который обладалъ даромъ письменной импровизаціи: онъ во время рѣчи враждебнаго депутата писалъ возраженіе на нее и читалъ ее сейчасъ же вслѣдъ за предшествующимъ ораторомъ *). Такъ умѣренны были въ то время требованія, предъявлявшіяся къ краснорѣчію!..

Мѣщанская монархія сослужила замѣчательную службу политическому краснорѣчію, и парламентарные турниры представителей „легальной страны“ скоро выработали вкусъ и умѣнье живой рѣчи. Старики еще держались за прежніе пріемы; молодежь, которая пробуждалась къ сознательной жизни при режимѣ болѣе или менѣе свободнаго обсужденія, все чаще и чаще прибѣгала къ простому обдумыванію рѣчей и импровизаціи; а между этими двумя поколѣніями, люди болѣе или менѣе зрѣлаго возраста, одни изъ которыхъ остались при старой рутинѣ, другіе выучились живой рѣчи въ самомъ пылу политической борьбы и подъ давленіемъ необходимости. Мартиньякъ, Казимиръ Перье, Гизо, Тьеръ, Беррье, а рядомъ съ послѣдними и нѣсколько позже Жюль Фавръ, Ламартинъ, Ледрю-Роллэнъ, Викторъ Гюго, Луи-

*) См. предисловіе къ односторонней, но довольно интересной хрестоматіи французскаго краснорѣчія, изданной оппортунистскимъ депутатомъ Жозефомъ Рэйнакомъ (Joseph Reynach, *L'éloquence française depuis la Révolution jusqu'a nos jours:* Парижъ, 1894, стр. XIX).

Бланъ, Монталамберъ, приводятъ насъ черезъ раставрацію и іюльскую монархію ко второй республикѣ, а затѣмъ и къ декабрьскому перевороту. Этимъ заканчивается героическій періодъ французскаго парламентаризма, въ концѣ котораго ораторское искусство достигло небывалой дотолѣ высоты и о которомъ среди извѣстной доли буржуазной интеллигенціи принято до сихъ поръ говоритъ съ умиленіемъ. Трибуна палаты депутатовъ была разрушена на глазахъ самого Наполеона III, который явился спеціально для этой церемоніи, олицетворявшей новое торжество шпаги авантюриста и пера бюрократа.

Живое слово,—на этотъ разъ со скамеекъ Законодательнаго корпуса,—раздалось не раньше выборовъ 1857 г., пославшихъ въ эту жалкую пародію парламента пять членовъ оппозиціи (въ томъ числѣ Жюля Фавра, Эмиля Олливье, Э. Пикара). Оно зазвучало сильнѣе послѣ выборовъ 1863 г, когда оппозиціонная армія была подкрѣплена выступленіемъ на политическую арену старыхъ виртоузовъ слова вродѣ Тьера и Беррье. Новыя и болѣе рѣзкія ноты были внесены въ 1869 г. представителями тогдашняго радикализма, Жюлемъ Ферри и особенно Гамбеттой, имя котораго прогремѣло по всей Франціи послѣ его знаменитой рѣчи въ защиту Делеклюза (14-го ноября 1868 г.). Со времени установленія во Франціи республики, политическое краснорѣчіе приняло форму широкаго и въ то же время смѣшаннаго потока, въ которомъ можно отличить нѣсколько отдѣльныхъ теченій, съ преобладаніемъ современной, сплошь и рядомъ вульгарной, но за то нерѣдко живой, непринужденной и граціозной въ самой простотѣ своей манеры говорить о злобахъ дня. Старый патетическій ходульный пріемъ ораторскаго искусства сталъ быстро отходить на задній планъ. Такъ, когда Луи-Бланъ, возвратившись послѣ паденія Имперіи во Францію, выступилъ снова на трибунѣ съ академическими и эффектными фразами во вкусѣ 1848 г., то его несомнѣнный талантъ изложенія могъ оградить его лишь отъ прямого неуспѣха, но не спасъ отъ полухолоднаго, полуироническаго отношенія аудиторіи. Что касается до громыхающаго гиперболами и антитезами краснорѣчія Виктора Гюго, то оно не вызывало смѣха новыхъ поколѣній лишь потому, что французы крайне высоко ставили своего радикальнаго сенатора, какъ поэта: въ сущности, читая нѣкоторыя изъ претенціозныхъ рѣчей Гюго за это время, вы невольно вспоминаете отъ времени до времени ядовитую кличку „Жокрисса съ острова Патмоса“ (я бы сказалъ по русски: Иванушку-дурачка съ апокалиптическими замашками), которую талантливый изувѣръ Вейльйо бросилъ еще въ шестидесятыхъ годахъ по адресу этого, дѣйствительно, великолѣпнаго поэта, но плохого мыслителя.

Изъ ораторовъ, принадлежавшихъ къ старымъ поколѣніямъ, съ честью выдержали испытаніе люди вродѣ Жюля Симона и

Тьера, которые обладали природной способностью говорить легко и непринужденно, причемъ первый любилъ соединять эту легкость съ тщательной отдѣлкой фразы и нѣкоторой академической елейностью, тогда какъ второй бралъ ясностью, зачастую переходившею въ вульгарность. Изъ молодыхъ же ораторовъ наиболѣе типичнымъ для перваго десятилѣтія третьей республики явился Гамбетта, у котораго банальность мысли, неправильность слога и странная помѣсь школьныхъ классическихъ воспоминаній съ тривіальнымъ говоромъ лавки и улицы, не исключаютъ замѣчательнаго ораторскаго таланта и способности увлекать толпу. Я приведу здѣсь лишь одно мѣсто изъ его знаменитой рѣчи въ защиту Делеклюза:

«Да! 2-го декабря, вокругъ претендента сгруппировались люди, которыхъ Франція не знала до того времени, у которыхъ не было ни таланта, ни чести, ни ранга, ни положенія, люди, которые, во всѣ времена, являются соучастниками насильственныхъ переворотовъ, тѣ люди, о которыхъ можно повторить то, что Саллюстій сказалъ относительно толпы, окружавшей Катилину, и что самъ Цезарь сказалъ, рисуя портреты этихъ соучастниковъ, вѣчныхъ подонковъ правильнаго общества:

Aere alieno obruti et vitiis onusti,
Un tas d'hommes perdus de dettes et de crimes,

какъ перевелъ Корнейль. Съ этимъ-то персоналомъ вотъ сколько уже вѣковъ рубятъ учрежденія и законы, и совѣсть человѣческая не въ силахъ противостоять этому, несмотря на цѣлую возвышенную процессію Сократовъ, Тразеевъ, Цицероновъ, Катоновъ, мыслителей и мучениковъ, которые протестуютъ во имя попранной религіи, во имя оскорбленной нравственности и права, раздавленнаго подъ сапогомъ солдата» *).

И рядомъ съ этимъ ораторскимъ воззваніемъ, которое надо читать въ подлинникѣ, чтобъ оцѣнить вполнѣ его отчасти непереводимую красоту и силу, поставьте многое множество неправильныхъ и до смѣшного претенціозныхъ фразъ, изобилующихъ образами и метафорами, достойными подписи лубочной картины. Кто, напр., изъ политическихъ враговъ Гамбетты не пользовался для дискредитированія оратора такими странными образчиками краснорѣчія, какіе можно найти въ его гаврской рѣчи:

«Жители Гавра, я знаю ваши потребности, я знаю также и ваши средства сбыта... Отважные скакуны, бросьтесь на это море, которое манитъ васъ къ себѣ впереди (qui vous sollicite par devant)... Ваши аплодисменты не только увѣнчиваютъ мое прошлое, они освѣщаютъ мое будущее».

И эта поразительная небрежность языка, эти совершенно неидущіе эпитеты и неудачныя метафоры, эти „скакуны", которые должны изображать моряковъ, и эти „аплодисменты", которые и „увѣнчиваютъ", и „освѣщаютъ",—все это ужасно вредитъ впечатлѣнію, которое выносишь изъ рѣчей Гамбетты, особенно когда

*) Цитировано по уже упомянутой хрестоматіи Жозефа Рейнака, стр. 387.

приходится изучать это горячее и волнующееся слово въ застывшей, печатной формѣ.

Нѣсколько позже Гамбетты выступилъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ третьей республики, котораго позже зашибла рикошетомъ панамская катастрофа и которому политическіе враги и капризъ избирателей закрыли (съ 1893 г.) дверь парламента. Я говорю о Клемансо, этомъ страшномъ „сокрушителѣ министерствъ“ (tombeur des ministères). Его краснорѣчіе совсѣмъ иного рода, чѣмъ краснорѣчіе Гамбетты. Ни лишнихъ образовъ, ни метафоръ, ни классическихъ воспоминаній, ни широкаго размаха и паѳоса. Нервная, слегка сухая, но всегда правильная, умно построенная, полная энергіи и логики, рѣчь Клемансо состоитъ изъ ряда короткихъ, тѣсно связанныхъ между собою фразъ и напоминаетъ вамъ металлическій блескъ и звукъ рапиры въ рукахъ искуснаго фехтовальщика. Этотъ ораторъ представляетъ ближе всего типъ хорошаго англійскаго debater'а, но къ дѣловому и чисто фактическому краснорѣчію заламанщскаго сосѣда у Клемансо присоединяется умѣнье сводить частный вопросъ къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ и обсуждать его во вкусѣ ясной и раціонализирующей манеры XVIII вѣка. Какъ полемистъ и полемистъ атакующаго типа, Клемансо представляетъ собой громадную силу: мало есть людей, которые умѣютъ такъ быстро и ловко открывать слабую сторону противника и, ставя вопросъ ребромъ, отрѣзать политическому врагу отступленіе, въ то время какъ удары оратора, быстрые, мѣткіе, частые, какъ дождь, сыплются въ атакуемаго. Нѣкоторыя изъ его боевыхъ лаконичныхъ фразъ обошли періодическую печать міра и одно время были на устахъ всѣхъ. Упомяну о его взглядѣ на великую революцію, какъ на „цѣльный кусокъ“ (bloc), который приходится брать въ совокупности, не копаясь педантически въ деталяхъ, чтобы выбрать однѣ и отбросить другія,—мысль, которая не нова, но была сжата Клемансо въ яркой и энергичной формѣ. Упомяну изъ той-же рѣчи (по поводу „Термидора“ Сарду) картинное изображеніе роли возстанія въ Вандеѣ, когда „революціонная Франція была на границѣ лицомъ къ лицу съ врагомъ, а реакція вонзила ей кинжалъ въ спину“,—фраза, вызвавшая яростныя восклицанія на скамьяхъ правой. А его энергичная рѣчь противъ Ферри послѣ пораженія французовъ при Лангсонѣ, рѣчь, рѣшительно поколебавшая большинство оппортунистскихъ „мамелюковъ“ и начинавшаяся презрительными и вмѣстѣ угрожающими словами, обращенными къ первому министру: „мы не знаемъ отнынѣ васъ, мы не можемъ вступать въ какія-бы то ни было разсужденія съ вами, и если бы во Франціи была настоящая справедливость, рука правосудія уже давно упала бы всѣмъ своимъ вѣсомъ на плечо виновника“!..

Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ парламентарное краснорѣ-

чіе было оживлено и обновлено притокомъ новыхъ „злобъ дня“, которыя, какъ всегда бываетъ съ насущными вопросами, нашли себѣ блестящихъ защитниковъ и противниковъ. Наиболѣе крупные изъ представителей этого движенія играютъ выдающуюся роль, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, въ непосредственномъ столкновеніи съ массами. Гэдъ, Милльранъ, Жорэсъ—таковы типичные выразители этого краснорѣчія послѣдней формаціи. Первый—фанатикъ-доктринеръ марксизма, высокій, сухой, съ выразительнымъ и блѣднымъ оваломъ лица и правильными чертами, съ длинными черными волосами и черной, какъ смоль, длинной бородой, въ которой едва серебрится нѣсколько прядей. Длинныя же руки, словно нарочно созданныя для однообразныхъ жестовъ этого оратора, который нервно опускаетъ и поднимаетъ ихъ на манеръ продольнаго пильщика, то сгибая, то выпрямляя свой станъ; визгливый, надтреснутый голосъ, который выходитъ, кажется, изъ самой глубины этого жидкаго, сухого тѣла; и, несмотря на эти монотонные жесты и этотъ рѣжущій голосовой органъ, крупный талантъ оратора. Гэдъ прочиталъ Маркса, еще двѣ или три книги по соціологіи и политической экономіи и, оперируя надъ этимъ сравнительно ограниченнымъ матеріаломъ, успѣлъ, путемъ логики и особаго рода діалектической страсти, построить цѣлое, если не широкое, то ясное міровоззрѣніе. Громадная память и внимательное чтеніе періодической, особенно газетной прессы позволяютъ ему подсыпать свѣжаго матеріала конкретныхъ фактовъ и текущихъ вопросовъ въ его діалектическую машину, которая, неутомимо работая подъ скрипящій аккомпаниментъ голоса, выбрасываетъ передъ слушателями одно абстрактное заключеніе за другимъ. Отъ времени до времени рѣзкая фраза, порою удачная аналогія, брошенная по адресу противниковъ, оживляетъ это выматываніе логической нити; отъ времени до времени настоящій голосъ страсти, голосъ непоколебимаго убѣжденія, распространяетъ вокругъ оратора волны психическаго воздѣйствія на слушателей. То, по истинѣ, голосъ теоретика „вопроса желудка“, голосъ выразителя безконечной нужды трудящихся массъ, настоятельно и монотонно требующихъ прежде всего удовлетворенія своихъ основныхъ потребностей...

Жорэсъ принадлежитъ совѣмъ къ другой категоріи ораторовъ. Прекрасно образованный, испившій изъ золотой чаши классической древности, проштудировавшій мыслителей и прочитавшій главныхъ поэтовъ стараго и новаго времени, онъ сохраняетъ до сихъ поръ отпечатокъ воспитанника нормальной школы и бывшаго профессора философіи. Но съ каждымъ годомъ новое міровоззрѣніе все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало внутреннимъ міромъ этого умнаго и высокоталантливаго выходца изъ буржуазіи. Не забудьте, что по рожденію, воспитанію, положенію онъ типичный представитель буржуазіи: онъ принадлежитъ къ хорошей буржуаз-

ной семьѣ южанъ и приходится племянникомъ покойному адмиралу Жорэсу; у него есть состояніе; не успѣлъ онъ сойти съ университетской скамьи, какъ былъ посланъ избирателями въ палату 1885 г. и тамъ сидѣлъ на скамьяхъ лѣваго центра, какъ и подобало очень молодому человѣку (ему въ то время было не болѣе 26 лѣтъ), еще не испытавшему никакой нравственной ломки и въ простотѣ душевной отражавшему воззрѣнія своей среды. Забаллотированный на выборахъ 1889 г., онъ въ теченіе трехъ лѣтъ занималъ каѳедру философіи въ Тулузскомъ университетѣ и тѣмъ временемъ читалъ, думалъ и старался согласить результаты своихъ размышленій и занятій съ традиціонными взглядами окружавшей его обстановки. Онъ такъ и не могъ примирить рутины съ критической мыслью и, послѣ душевной борьбы и нравственнаго перелома, выступилъ въ 1892 г. уже сторонникомъ новаго міровоззрѣнія, о чемъ отчасти свидѣтельствовала и написанная имъ на степень доктора словесности латинская теза. Съ тѣхъ поръ, онъ является рѣшительнымъ защитникомъ новыхъ взглядовъ и идетъ въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе влѣво *). Теперь нельзя еще говорить объ его окончательномъ міровоззрѣніи: главныя основанія его заложены, но второстепенныя детали находятся въ процессѣ выработки. Если хотите, это своего рода эклектизмъ, но эклектизмъ, не столько складывающій свою храмину изъ различныхъ кусковъ, сколько разсматривающій одинъ центральный кусокъ съ различныхъ, разнообразно раскрашенныхъ сторонъ. Напомню очень характерное обстоятельство, что Жорэсъ, разсматривая матеріалистическое пониманіе исторіи какъ тезу, идеалистическое какъ антитезу, пытался не разъ сдѣлать синтезъ двухъ противоположныхъ ученій, разсматривая ихъ лишь какъ взаимно-дополняющія точки зрѣнія на тотъ же самый предметъ,—какъ вогнутость и выпуклость одной и той же кривой, сказалъ бы я. И вотъ это-то веселое, гармоничное, разностороннее міровоззрѣніе Жорэсъ-ораторъ и развертываетъ передъ аудиторіей щедро украшая путь логическаго развитія мысли поэтическими образами и отъ времени до времени ставя передъ слушателями цѣлую обширную панораму. Нѣсколько разъ, находясь подъ впечатлѣніемъ краснорѣчія Жорэса, я мысленно сравнивалъ его съ проводникомъ-артистомъ въ какомъ-нибудь изящномъ паркѣ, артистомъ, который ведетъ своихъ гостей по главной аллеѣ, обращая ихъ вниманіе на живописныя группы деревьевъ, на бѣлый міръ статуй, выглядывающихъ изъ-за яркой зелени; и приводя ихъ въ концѣ концовъ къ обширному пейзажу залитыхъ солнцемъ лу-

*) Писано весною 1897 г. Съ тѣхъ поръ Жорэсъ, потерявшій мѣсто депутата на выборахъ 1898 г. отчасти за свое благородное и вмѣстѣ дальновидное поведеніе въ дѣлѣ Дрейфуса, остановился въ этой эволюціи и пошелъ вправо. Теперь онъ если не парламентарный, то духовный вождь «министерскихъ соціалистовъ». Н. К.

говъ, синѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ и гордыхъ зданій, гдѣ такъ привольно будетъ житься свободному и счастливому человѣчеству. И, идя за своимъ чичероне, вы забываете его невзрачную широкую физіономію, точно вросшую въ плечи („риторъ съ бычиной шеей", какъ назвалъ его въ буржуазно-академическомъ гнѣвѣ Жюль Леметръ), его сильный, но не гармоничный голосъ, его неуклюжіе жесты и его нѣсколько педантичную профессорскую манеру отчеканивать слова, точно читая ихъ по тетрадкѣ и только отъ времени до времени оживляясь, учащая темпъ и забрасывая читателя потокомъ льющихся словъ-образовъ.

Милльранъ *) представляетъ собой еще иной типъ оратора. Онъ напоминаетъ своей логичностью Клемансо; но въ то время, какъ у этого прокидывается болѣе всего сторона политическаго полемиста, Милльранъ поражаетъ своей діалектикой адвоката и практическаго человѣка. Хладнокровный, не смущающійся восклицаніями враговъ, онъ сразу выискиваетъ слабые пункты непріятельской аргументаціи, сбрасываетъ съ нихъ фразистые софизмы и загоняетъ противниковъ въ тѣ самые капканы, которые они устраивали. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ милльрановскомъ краснорѣчіи чувствуется очень тонкая психологія, примѣняющаяся къ надобностямъ минуты и особенностямъ аудиторіи: никто лучше его въ палатѣ не съумѣетъ выбрать моментъ для запроса министерству **), остановиться на самой удобной формѣ интерпеляціи, средактировать формулу очередного порядка въ болѣе мягкихъ или болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ.

Въ рядахъ враговъ новаго міровоззрѣнія выдающееся мѣсто заняли: бывшій министръ народнаго просвѣщенія Пуанкарэ и въ послѣднее время Поль Дешанель. Блестящій ораторъ, выкупающій элегантностью формы рутинность содержанія, Пуанкарэ считается (начало 1897 г.) оплотомъ „прогессивнаго" министерства, которое видитъ въ немъ лучшаго защитника, приносящаго ему болѣе пользы, чѣмъ если бы онъ былъ въ числѣ членовъ кабинета. Что касается до Дешанэля, то и друзья, и враги его находятъ, что онъ сдѣлалъ очень большіе успѣхи въ послѣдніе годы и его прежнія заученныя и отшлифованныя по всѣмъ правиламъ риторики упражненія въ ораторствѣ отступаютъ все чаще и чаще передъ простой и непринужденной рѣчью ***). И словно отражая на себѣ это замѣтное измѣненіе формы, самая сущность его рѣчей нѣсколько отклонилась отъ прежняго чисто-манчестерскаго міровоззрѣнія, характеризующаго громадное большинство французской буржуазіи.

---

*) Теперешній министръ торговли.

**) Или отвѣтить въ качествѣ министра на запросъ противниковъ.

***) Нынѣ Дешанель — президентъ палаты и снова вернулся — можетъ быть, подъ вліяніемъ самого поста,—къ красивому, но банальному паѳосу прежнихъ дней.

Я коснулся въ своей статьѣ для краткости почти исключительно парламентарнаго краснорѣчія и показалъ его ростъ. Но, само собою разумѣется, во Франціи распространены и другіе роды краснорѣчія: адвокатское, профессорское, академическое и пр. И, однако, несмотря на это, какъ несмотря на природный даръ слова, современные французы недовольны развитіемъ у себя ораторскаго искусства, находя его недостаточнымъ. Пишутся книги для показанія раціональныхъ методовъ, какъ выучиться говорить въ публикѣ (см. уже цитированное мною сочиненіе Ажана). Издаются сборники наилучшихъ образчиковъ французскаго краснорѣчія (какова книга, также цитированная выше, Жозефа Рэйнака). Въ педагогическомъ мірѣ раздаются многочисленныя жалобы на черезчуръ книжный и письменный характеръ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ спеціальныхъ журналахъ, выходящихъ для учителей, зачастую помѣщаются жалобы-корреспонденціи изъ Англіи, гдѣ люди, молъ, начинаютъ учиться ораторскому искусству со школьной скамьи *). Къ историческимъ и литературнымъ свѣдѣніямъ о прежнихъ ораторахъ, къ практической рутинѣ говорящихъ профессій (адвокатской, парламентской) начинаютъ въ послѣднее время присоединять данныя научной физіологіи, касающіяся механизма слова,—и все это съ цѣлью установить наилучшій способъ обученія ораторскому искусству. Я полагаю, что результаты этого изученія будутъ интересы и для русскаго читателя: говорю, разумѣется, объ обыкновенномъ живомъ человѣкѣ, а не о какомъ-нибудь азіатскомъ поклонникѣ „молчанія на всѣхъ языкахъ“, для котораго умѣнье связано и порядочно выражать свои мысли равносильно „краснобайству“, членораздѣльная рѣчь представляется чѣмъ-то враждебнымъ энергичному дѣйствію и потребность защищать свои идеи не только письменно, но и устно, пріурочивается къ опасной игрѣ въ „измы“. Люди черезчуръ часто забываютъ, что не всѣмъ изъ нихъ приходится писательствовать, но каждому при извѣстныхъ условіяхъ приходится прибѣгать къ языку. И можно надѣяться, что чѣмъ больше будетъ развиваться общество и сознаніе общественной связи между людьми, тѣмъ больше наши схоластическія формы общенія чернымъ по бѣлому будутъ отступать передъ живымъ устнымъ обмѣномъ мысли.

Въ упомянутой уже книжкѣ Ажана сведены (при помощи знакомыхъ автору спеціалистовъ—физіологовъ и медиковъ, работавшихъ подъ руководствомъ Шарко) главнѣйшіе результаты изученія того процесса, посредствомъ котораго наша мысль превращается въ рѣчь. Но я оставляю въ сторонѣ эту физіологическую

---

*) См., напр., A. Robert, *Comment on apprend à parler dans une école normale d' Angleterre* въ «Manuel général de l' instruction publique», t. XXXIII, № 12 отъ 20-го марта 1897 г., стр. 133—135.

сторону вопроса и беру лишь окончательные выводы изъ нея. Несомнѣнно, что всякій можетъ плясать, но не какъ скоморохъ, и всѣ мы болѣе или менѣе говоримъ, но далеко не какъ ораторы. Въ извѣстной степени каждый изъ насъ можетъ пріобрѣсть умѣніе толково выражать свои мысли передъ публикой; но, въ противоположность извѣстному афоризму древнихъ, настоящіе ораторы также родятся, какъ и поэты. Изученіе особенностей психическаго механизма оратора даетъ, однако, нѣкоторыя полезныя указанія и на то, какъ среднему человѣку выработать въ себѣ навыкъ къ рѣчи. Да будетъ мнѣ позволено коснуться этого вопроса въ самой простой, приблизительной формѣ, исключающей всякую претензію на научность.

Вокругъ насъ мятется цѣлый океанъ движеній, который мы воспринимаемъ въ видѣ звуковъ, формъ, цвѣтовъ, и пр. Прочно ассоціированные между собой ряды этихъ различныхъ ощущеній соединяются въ понятія, и мы, при помощи нашей членораздѣльной рѣчи, наклеиваемъ на нихъ символическіе ярлыки слова; а элементы этого слова даются намъ опять-таки внѣшней средой, т. е. говорящими людьми, голосовымъ движеніямъ которыхъ мы подражаемъ. И вотъ оказывается, что между людьми существуетъ очень значительная разница въ преобладающемъ характерѣ той ассоціированной группы ощущеній, которой соотвѣтствуетъ слово. Одни изъ насъ преимущественно удерживаютъ свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія, и слово вызываетъ у нихъ образъ предмета. Другіе удерживаютъ слуховыя ощущенія, и у нихъ въ ушахъ звучитъ членораздѣльное названіе предмета, какъ они слышали его отъ окружающихъ и какъ если бы оно было повторено ихъ внутреннимъ голосомъ. Третьи, наоборотъ, преимущественно схватываютъ тѣ мышечныя усилія, которыми сопровождается произнесеніе извѣстнаго слова, и дѣйствительно внутренно произносятъ его или, какъ картинно выразился Шарко, „они играютъ на нѣмомъ фортепіано, клавиши котораго вполнѣ правильно функціонируютъ, но только не приводятъ въ колебаніе звуковыя струны“. Присоедините къ этому книжный и письменный характеръ нашей цивилизаціи, и ваша коллекція обогатится интеллигентными типами субъекта, который думаетъ и говоритъ, вызывая въ своемъ мозгу изображеніе печатнаго и писаннаго слова, какъ если бы онъ дѣйствительно имѣлъ его передъ глазами; и даже такого субъекта, который ассоціируетъ съ каждымъ словомъ мышечное графическое усиліе, какъ если бы онъ писалъ это слово, что бываетъ съ черезчуръ кабинетными и многопишущими людьми, „не могущими думать безъ пера“.

Было бы долго разсматривать галлерею этихъ отчасти природныхъ, отчасти искусственно созданныхъ нашей цивилизаціей типовъ. Во всякомъ случаѣ, школа Шарко сводитъ ихъ къ двумъ основнымъ типамъ: типу преимущественно ощущающему, и типу

преимущественно двигательному; а въ первой категоріи различаетъ людей зрительнаго и слухового типа, во второй же людей говорящаго и пишущаго типовъ. Не трудно сказать, какой субъектъ удовлетворяетъ всего болѣе понятію природнаго оратора и какой всего менѣе. Ораторское искусство имѣетъ своею цѣлью какъ можно точнѣе и какъ можно быстрѣе установить соотвѣтствіе между мыслью говорящаго и ея словеснымъ выраженіемъ. Вамъ, конечно, прежде всего придется забраковать господина пишущаго типа, которому необходимы перо и бумага, чтобы привести въ порядокъ свои мысли, не говоря уже о томъ, что это процессъ крайне отстающій отъ обычной быстроты впечатлѣній, которая нужна аудиторіи: я живо помню, какое комичное впечатлѣніе производилъ во время оно на насъ, десятилѣтнихъ гимназистовъ, одинъ почтенный педагогъ—каллиграфъ, который не могъ читать своей немудрящей лекціи по русской грамматикѣ безъ того, чтобы не подойти къ доскѣ и не написать всего того, что онъ говоритъ, увѣщевая насъ отъ времени до времени: „*срисуйте, срисуйте*, господа, что такое подлежащее“!

Субъектъ исключительно зрительнаго типа, особенно думающій образами (а не печатными и писанными словами, какъ символами понятій) тоже не годится въ ораторы. Его зрительное ощущеніе можетъ быть очень живо и точно, но пока онъ подыщетъ подходящее къ нему слово, а затѣмъ произнесетъ его, аудиторіи придется зѣвать; и кромѣ того, разрывая слишкомъ долгими промежутками словесное описаніе преслѣдующаго его образа, онъ растираетъ образъ, такъ сказать, въ порошокъ, пока слушатели успѣютъ представить себѣ, въ чемъ дѣло. Такихъ людей очень много, напр., между художниками, которые не могутъ путно передать вамъ содержаніе своей картины, замѣняя всѣ существительныя словами „какъ бишь“, „то бишь“, „штука“, а прилагательныя—словами „вотъ такой“, „въ родѣ этого“. Зрительный книжникъ, къ сожалѣнію, столь распространенный теперь между интеллигенціей, годится уже больше въ ораторы, но онъ приходитъ къ цѣли окольными путями: ему надо писать и заучивать глазами строки рѣчи, которую онъ намѣренъ произносить; и нѣтъ ничего непріятнѣе для слушателя, какъ присутствовать при такомъ умственномъ чтеніи вызубренной рѣчи, или, что еще хуже, присутствовать при усиліяхъ оратора, которому отъ испуга вздумается править мысленно корректуру своего записаннаго и выученнаго упражненія. Мнѣ пришлось слышать отъ Эли Реклю, что Луи-Бланъ былъ, именно, такимъ зрительнымъ ораторомъ, и что его выручали громадный писательскій талантъ и необыкновенная память да опьяненіе аудиторіей, которое придавало ноту импровизаціи его тщательно-заготовляемымъ рѣчамъ.

Ораторъ слухового типа, который часто встрѣчается между хорошими разсказчиками, представляетъ собой уже болѣе удач-

ное приближеніе къ идеалу оратора. Ему остается, надѣясь на память, только повторять передъ аудиторіей то, что подсказываетъ ему его внутренній голосъ, этотъ въ нѣкоторомъ родѣ сократическій демонъ слухового субъекта. Но сила и блескъ настоящей импровизаціи отсутствуютъ. Люди этой категоріи прекрасно и живо читаютъ содержаніе пластинки, вложенной, такъ сказать, въ фонографѣ ихъ уха: дальше они не идутъ.

Настоящій ораторъ, какъ ни странно покажется это съ перваго раза, подходитъ къ типу болтуна, про котораго говорятъ, что онъ раньше скажетъ, чѣмъ подумаетъ. Пламенный трибунъ, страстный импровизаторъ имѣетъ съ болтуномъ то общее, что у него дѣйствительно мышечныя ощущенія голосовыхъ струнъ одновременны, порою даже предшествуютъ соотвѣтствующей идеѣ. Онъ не умѣетъ думать, не произнося въ тоже время того, что думаетъ, и это ведетъ у него такую тѣсную связь между мыслью и словомъ, что въ противоположность тому субъекту, который „не можетъ думать безъ пера", истинный ораторъ не можетъ думать безъ языка: если онъ не жестикулируетъ, не говоритъ вслухъ, онъ лишь подавляетъ звуки, но его голосовыя струны напряжены. Существуетъ немало наблюденій, показывающихъ, что у людей этого типа послѣ серьезнаго обдумыванія какого-нибудь предмета голосъ оказывается охрипшимъ (sic!). Само собою понятно, что нестерпимая у болтуна легкость слова, предшествующаго мысли, у настоящаго оратора является могущественнымъ орудіемъ, дающимъ ему громадный перевѣсъ надъ обыкновенными людьми. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе, въ чемъ заключается сила и логичность мышленія. Въ прочной и постоянной связи извѣстныхъ идей и понятій, которая вырабатывается путемъ провѣрки ихъ другими соприкасающимися (положительно или отрицательно) съ ними идеями или же матеріаломъ ощущеній, подвозимыхъ внѣшнимъ міромъ. Ясно, что въ головѣ оратора двигательнаго (говорящаго) типа такой прочной связи логическихъ представленій соотвѣтствуетъ прочная же связь словесныхъ символовъ и производящихъ ихъ мышечныхъ движеній. И если въ головѣ обыкновеннаго человѣка идея вызывается идеею по ихъ внутренней ассоціаціи,—при чемъ у мыслителя эта зависимость будетъ лишь особенно прочнаго и вмѣстѣ оригинальнаго рода,—то въ мозгу крупнаго и талантливаго оратора первое разряженіе какимъ-нибудь словеснымъ символомъ влечетъ за собою цѣлый рядъ разряженій словесными символами, не менѣе логически связанными между собою, чѣмъ соотвѣтствующія имъ группы понятій. Его умственная операція та же, что и наша, но съ другого конца, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у оратора слово рождаетъ идею. Присоедините къ таланту словеснаго разряженія умъ, память, начитанность, и вы имѣете могущественнаго трибуна; убавьте ума и эрудиціи—и передъ

вами ловкій и способный, но поверхностный Нума Руместанъ (срисованный Додэ, кстати сказать, не съ Гамбетты, а съ реакціоннаго депутата—министра Нумы Бараньона); отнимите совсѣмъ умъ и подготовку— и на сценѣ появляется вульгарный неутомимый говорунъ.

Ажанъ собралъ довольно много біографическихъ данныхъ о способахъ подготовки къ слову различныхъ ораторовъ всевозможныхъ типовъ, и анализируя пріемы настоящихъ мастеровъ рѣчи, составилъ рядъ практическихъ указаній для желающихъ, не говоримъ, сдѣлаться ораторами—что не возможно помимо природнаго дара—но выучиться излагать въ толковой формѣ свои мысли передъ публикой. Изъ предшествующихъ замѣчаній читатель пойметъ, почему авторъ книжки отбрасываетъ рутинные пріемы писанія и зубренія по бумагѣ, а совѣтуетъ пріучиться къ обдумыванію рѣчи въ головѣ и нѣсколькимъ устнымъ репетиціямъ наединѣ (или даже передъ друзьями, какъ это дѣлывалъ Тьеръ). Мимоходомъ авторъ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе относительно разницы между ораторскимъ искусствомъ и литературнымъ изложеніемъ; онъ заклинаетъ пробующихъ свои силы на трибунѣ не претендовать на „глубину", „творческую изобрѣтательность" и „оригинальность", а держаться на общихъ основныхъ линіяхъ предмета, стараясь рядомъ простыхъ и удобопонятныхъ формулъ ввести аудиторію въ міровоззрѣніе говорящаго и пробудить извѣстныя чувства въ слушателяхъ широкимъ трактованіемъ задачи. Краснорѣчіе уже нѣсколько разъ сравнивалось во Франціи съ декоративной живописью, тогда какъ литература уподоблялась обыкновенной, болѣе тонкой живописи: какъ картины Мейссонье превращались бы со всѣми своими замѣчательными деталями въ простое пятно, если бы ихъ поставили на сценѣ, такъ въ свою очередь изящныя и гармоничныя декораціи рѣзали бы ваши глаза аляповастью контуровъ и рѣзкостью красокъ, если бы вы стали отъ нихъ всего на десять шаговъ. И я невольно припоминаю умную параллель, проведенную Тэномъ между ораторомъ и философомъ (вообще мыслителемъ) въ своей книгѣ о „классическихъ философахъ Франціи":

«Ораторомъ можно быть, и не будучи философомъ... Эта страстная любовь чистаго доказательства, которая составляетъ сущность философа; эти безпокойныя сомнѣнія относительно смысла словъ: эти алгебраическія привычки мысли... это презрѣніе здраваго смысла; эта ненависть къ аргументамъ отъ сердца; эта безусловная вѣра въ наблюденіе и опытъ; эта вѣчная жажда новой провѣрки,—вотъ качества, которыя были бы недостатками у оратора. Они помѣшали бы ему найти популярную аргументацію; они отдалили бы его отъ публики. Надо, чтобы онъ былъ выше публики, но выше лишь на одну ступень. Должно походить на тѣхъ, кого убѣждаешь; въ ихъ чувства входишь, лишь самъ проникаясь ими; чтобы завоевать ихъ умъ, надо самому пригибаться къ привычкамъ ихъ ума. И это безсиліе въ философ-

ской области является какъ разъ особенностью ораторскаго темперамента *)».

Отбросьте нѣкоторое преувеличеніе недоступности философа аргументамъ сердца, и вы найдете въ этихъ строкахъ полезное указаніе на то, чѣмъ долженъ быть ораторъ, желающій дѣйствовать на массы.

Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX вѣка.

(*Письмо третье*).

Въ этой главѣ я хочу поговорить объ одномъ изъ очень замѣтныхъ теченій въ идейной жизни Франціи за послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ: я разумѣю ростъ и распространеніе наполеоновской легенды, эпопеи первой имперіи. Явленіе это проливаетъ такой яркій свѣтъ на нѣкоторые вопросы соціальной философіи, что я разсмотрю его въ связи съ другими явленіями подобнаго же рода, которыя политическая исторія Франціи представляетъ за послѣднее столѣтіе.

Уже довольно давно газеты, не исключая республиканскихъ, при пропагандѣ идей реванша, развертывали передъ глазами читателя яркую и эффектную картину наполеоновскихъ побѣдъ. А бонапартистская пресса, забывая Седанъ, только и дѣлала, что противопоставляла славу имперіи „жалкому и позорному прозябанію“ республики. Все больше и больше упускалось изъ виду, что и самъ Бонапартъ началъ свое поприще въ качествѣ „шпаги революціи“. Наполеонъ-императоръ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе заслонялъ въ этой легендѣ Наполеона республиканскаго генерала. Этюдъ Тэна о Бонапартѣ, напечатанный сначала въ „La Revue des Deux Mondes“ и рисовавшій завоевателя однимъ изъ величайшихъ эгоистовъ въ мірѣ, только подлилъ масла въ огонь этого пламеннаго энтузіазма. Появилась цѣлая масса брошюръ и памфлетовъ, которые превозносили императора до небесъ и клеймили малѣйшую критику, какъ богохульство **). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь элегантный Парижъ перебывалъ въ театрѣ китайскихъ тѣней, устроенномъ въ ресторанѣ „Chat noir“, любуясь на наполеоновскую эпопею, которую представилъ въ маленькихъ черныхъ силуэтахъ нѣкто Caran

*) H. Taine, *Les philosophes classiques du XIX-e siècle en France*; Парижъ. 1895, 7-е изд., стр. 100—101.

**) Тэнъ жаловался Ренану, что принцесса Матильда разорвала съ нимъ всякія сношенія послѣ этого этюда. Принцъ Наполеонъ написалъ рѣзкій, но неубѣдительный отвѣтъ Тэну подъ заглавіемъ «Наполеонъ и его хулители» (*Napoléon et ses détracteurs*; Парижъ, 1887).

d'Ache (псевдонимъ довольно талантливаго рисовальщика Э. Пуарэ, долго жившаго въ Россіи). Ф. Массонъ помѣстилъ въ Figaro цѣлый рядъ анекдотическихъ статей о Наполеонѣ и его личной жизни, о его любовныхъ исторіяхъ, а затѣмъ выпустилъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ *). Викторьенъ Сарду, этотъ чуткій фабрикантъ пьесъ, удовлетворяющихъ данному моменту и идейной модѣ, отдалъ дань наполеоновской легендѣ въ своей Madame Sans-Gêne", которая имѣла колоссальный успѣхъ, несмотря на ничтожество замысла и пошлую гоньбу за эффектами, напоминающую пресловутый „Термидоръ". Въ „La Nouvelle Revue" г-жа Аданъ, пользуясь этимъ же теченіемъ, помѣстила въ нѣсколькихъ номерахъ посмертный этюдъ Прудона о Наполеонѣ, заключающій рѣзкую критику императора, но во введеніи сочла долгомъ протестовать противъ „строгости сужденія мощнаго полемиста о военной славѣ" **). Одинъ изъ самыхъ крупныхъ книгопродавцевъ Парижа издавалъ въ прошломъ году выпусками, а нынѣ пустилъ цѣлой книгой, альбомъ Наполеона, заключающій въ себѣ 600 копій съ различныхъ картинъ, портретовъ, гравюръ, украшеній, предметомъ которыхъ является Бонапартъ ***). Я уже не говорю о томъ многозначительномъ фактѣ, что именно за послѣдніе года появилась цѣлая масса мемуаровъ о первой имперіи, написанныхъ генералами, офицерами и вплоть до простыхъ солдатъ, участвовавшихъ въ походахъ новаго цезаря.

И знаменательнѣе всего то, что прямо или косвенно въ этомъ поклоненіи личности, въ этомъ „культѣ героя" участвуетъ, повторяю, почти вся пресса. За исключеніемъ самыхъ крайнихъ органовъ, каждая газета, каждый журналъ прибавляетъ свой камень къ пьедесталу Наполеона. Разница между реакціонными республиканскими органами лишь та: первыя превозносятъ Бонапарта и за военные подвиги, и за внутреннюю политику; а послѣдніе умалчиваютъ о невыносимомъ деспотизмѣ императора, но за то съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ бьютъ въ шовинистскіе литавры, восхваляя „великую армію". Меня поразило, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство. Какъ-то, въ одной изъ своихъ импровизированныхъ рѣчей, германскій императоръ назвалъ Наполеона 1-го „выскочкой" (parvenu). Надо было видѣть, съ какимъ азартомъ напала почти вся французская печать за это слово на Вильгельма II-го. Реакціонеры, умѣренные и радикальные республиканцы наперерывъ выражали свое негодованіе противъ того, кто „осмѣлился коснуться до одной изъ величайшихъ славъ Франціи".

---

*) Frédéric Masson, *Napoléon et les femmes*; Парижъ, 1893; и его же. *Napoléon chez lui*; Парижъ, 1894.

**) «La Nouvelle Revue» отъ 1-го ноября 1895 г.: P.-I. Proudhon, *Napoléon I.*

***) *Napoléon*, Парижъ (безъ обозначенія года) съ эпиграфомъ изъ Беранже: «И долго будутъ говорить о его славѣ подъ каждой соломенной крышей».

И я спрашивалъ себя: такъ-ли была бы принята подобная рѣчь во время хотя бы второй имперіи, когда значительная часть интеллигенціи одобрительно слѣдила за попыткой Литтрэ доказать, что и въ военной сферѣ Наполеонъ не былъ такъ великъ, какъ говорятъ его поклонники, или зачитывалась первыми томами „Исторія Наполеона“ Ланфрэ *), гдѣ наносился такой жестокій ударъ наполеоновской легендѣ?..

Вотъ этотъ-то культъ Наполеона и навелъ меня на мысль присмотрѣться къ общимъ причинамъ его и, расширяя этотъ вопросъ, указать на примѣрѣ кипучей политической жизни Франціи, какое значеніе имѣютъ личности въ исторіи. Новаго я, конечно, ничего не скажу, но считаю очень полезнымъ, по теперешнимъ временамъ, повторить лишній разъ то старое, что говорилось до меня и вѣрность чего подтверждается и исторіей, и современной жизнью. Я позволю себѣ общее вступленіе, которое, какъ убѣдится читатель, не представляетъ ни малѣйшаго отклоненія, а ведетъ насъ въ самое сердце вопроса.

За послѣднее время въ Россіи какъ будто все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ распространяться теорія,—конечно, подобно прочимъ теоріямъ, взятая съ Запада,—которая сводитъ всю человѣческую исторію къ „общему ходу естественныхъ условій“, а личность и ея дѣятельность приравниваетъ нулю**). Возникла она по закону реакціи и въ противоположность старой теоріи, которая ничего не хотѣла видѣть въ исторіи, кромѣ великихъ дѣятелей, вертѣвшихъ по своему и „естественными условіями“, и всѣмъ человѣчествомъ. Эта старая теорія неправа, конечно, и ненаучна. Но и новая теорія далека отъ правды и отъ научности. Начать съ того, что дальше насмѣшекъ надъ непонятыми ею терминами „герои“ и „толпа“ она не идетъ и думаетъ, что ниспровергаетъ твердыни невѣжества, въ то время, какъ борется съ вѣтряными мельницами, даже и работающими-то въ ея воображеніи. Она наивно полагаетъ, что кто признаетъ значеніе личностей въ исторіи, а при извѣстныхъ условіяхъ, даже ихъ громадную возмущающую роль въ „общемъ ходѣ вещей“, тотъ стоитъ на точкѣ зрѣнія древнихъ египетскихъ живописцевъ, которые изображали фараона исполиномъ между карликами—подданными.

И вотъ противъ этого недоразумѣнія слѣдуетъ предостеречь читателя. Въ самомъ дѣлѣ, мыслители, которые прекрасно понимали значеніе общихъ условій, отводили тѣмъ не менѣе важную роль

---

*) P. Lanfrey, *Histoire de Napoléon I*; Парижъ, 1867—1875, 5 т.

**) Этотъ очеркъ писанъ пять лѣтъ тому назадъ: теперь (1901 г.) едва-ли не начинается возвращеніе къ болѣе вѣрному взгляду на исторію, но съ странными преувеличеніями въ метафизическомъ направленіи.

историческимъ личностямъ. Значитъ, ссылкой на фараона и наивную точку зрѣнія египетскихъ художниковъ вопросъ не рѣшается. Можно-ли отказать, напримѣръ, Миллю въ пониманіи „естественнаго хода вещей"? А между тѣмъ Милль горячо борется (въ своей „Логикѣ") противъ мнѣнія Маколея, который сравнивалъ великихъ дѣятелей съ людьми, стоящими на холмѣ и потому лишь видящими солнце раньше толпы въ долинѣ, но отнюдь не имѣющими никакого вліянія на самый восходъ свѣтила. Милль утверждаетъ, что сравненіе это далеко не вѣрно, что историческіе дѣятели, такъ сказать, ускоряютъ появленіе солнца въ области идей, и ставитъ интересный вопросъ: что сталось бы съ современной европейской цивилизаціей, если бъ у грековъ не было Ѳемистокла въ день Саламинской битвы, и полчища персовъ наводнили бы Элладу, прервавъ такимъ насильственнымъ образомъ естественное развитіе античной мысли и жизни? Или, такъ какъ теперь вошло въ моду опираться на Гегеля, возьмите этого самаго Гегеля. Неправда-ли, ему-то сторонники „естественныхъ условій" ужъ не захотятъ отказать въ томъ, что онъ понималъ законосообразность и логичность исторіи, какъ одного изъ проявленій абсолюта? Но это нисколько не мѣшаетъ Гегелю подчеркнуть значеніе великихъ историческихъ личностей, которыя совершили „истинное и необходимое", и даже составить цѣлую апологію ихъ эгоистическихъ мотивовъ (см. введеніе въ его „Философію исторіи"), надъ которыми-де могутъ негодовать лишь педанты—школьные учителя, не понимая того, что личная страсть какого-нибудь Александра Македонскаго или Цезаря была крупнѣйшимъ рычагомъ міровыхъ событій.

Итакъ, разъ навсегда постараемся опредѣленно выставить нашу точку зрѣнія, предупреждая неосновательныя возраженія любителей „естественнаго хода вещей". Да, развитіе человѣчества, его исторія совершается по непреложнымъ законамъ естества. Но это фатальное развитіе включаетъ въ себѣ именно вліяніе, и подчасъ громадное, историческихъ личностей на общее теченіе событій. Этими личностями посредствуется переходъ отъ одной группы общественныхъ явленій, называемой причиною, къ другой группѣ, называемой слѣдствіемъ. Появленіе или исчезновеніе историческаго дѣятеля, его природа и характеръ имѣютъ, скажемъ примѣрно, такое же значеніе, какое присутствіе или отсутствіе передаточнаго ремня, его прочность и гибкость имѣютъ на работу, исполняемую паровой машиной. Машина можетъ быть въ дѣйствіи; инструментъ, производящій полезную работу, въ исправности. Но нѣтъ передаточнаго ремня, и паръ будетъ понапрасну тратиться, а инструментъ безполезно ржавѣть.

Когда присматриваешься къ историческимъ личностямъ, то скоро замѣчаешь, что ихъ роль именно и заключается въ томъ, что активно или пассивно,—въ силу-ли своей собственной инициативы, или самими условіями строя—онѣ поставлены въ центрѣ, въ узлѣ

переплетающихся сложныхъ нитей общественной жизни и потому не могутъ не вліять на „общій ходъ вещей". Было-бы нелѣпо приписывать историческимъ личностямъ возможность перекраивать по своему и при всякихъ данныхъ условіяхъ соціальную организацію. Но врядъ-ли разумнѣе было бы отрицать возможность для этихъ личностей производить порою крупныя измѣненія въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ и съ помощью тѣхъ самыхъ всемогущихъ соціальныхъ нитей, которыя находятся въ ихъ рукахъ, но которыя, конечно, созданы не ими, а коллективною жизнью всего общества, всего человѣчества. Употреблю для ясности еще одно сравненіе. Вотъ этотъ громадный поѣздъ, движимый силою пара, есть продуктъ цѣлаго ряда научныхъ, техническихъ, экономическихъ условій, въ созданіи которыхъ машинистъ не участвовалъ, а получилъ ихъ готовыми изъ рукъ всего общества. Но не поверни машинистъ извѣстнымъ образомъ рукоятки, и вся наука, техника и экономика, воплощенныя въ поѣздѣ, были бы не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста. Но съ другой стороны, что если машинистъ—сумасшедшій? Тѣ самыя всемогущія силы, которыя участвовали въ созданіи поѣзда, увлекутъ его по дорогѣ къ крушенію. И какъ непропорціонально-ужасенъ покажется результатъ по сравненію съ той небольшой тратой мускульной энергіи, которая не во время открыла рукоятку! Но этотъ примѣръ еще не совсѣмъ точенъ: историческая личность не только подымаетъ порою (или опускаетъ) шлюзы накопившихся общественныхъ силъ; она можетъ создавать новыя силы, комбинируя уже существующіе элементы. Ясно, какую важную роль, на худо или на добро общества, играютъ лица, по тому или иному стеченію обстоятельствъ стоящія въ узлѣ соціальныхъ нитей.

Въ настоящей корреспонденціи я возьму три эпохи и три историческія личности различнаго калибра, которыя появились за послѣднее столѣтіе на политической сценѣ Франціи, и съ именемъ которыхъ были связаны два крупнѣйшихъ государственныхъ переворота и одно неудавшееся, но въ высшей степени сильное политическое движеніе. Эти три личности: Наполеонъ I, который и послужилъ отправнымъ пунктомъ моей статьи, Наполеонъ III и Буланже. Повторяю, калибръ ихъ совершенно различный: всемогущій цезарь, ловкій „спаситель общества" и кафешантанный генералъ,—трагедія, мѣщанская драма и водевиль-фарсъ. Но именно разница въ личныхъ качествахъ этихъ лицъ и въ соціальныхъ условіяхъ, выразителями которыхъ они являются, укажетъ намъ на характеръ тѣхъ общихъ пружинъ, которыя придаютъ временами такую исключительную силу отдѣльнымъ личностямъ, поставленнымъ судьбою во главу угла. Это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ попытка иллюстрировать французской новѣйшей исторіей замѣчательную теорію г. Михайловскаго о „герояхъ и толпѣ", теорію, касающуюся одного изъ важнѣй-

шихъ теоретически и практически вопросовъ соціальной динамики.

При какихъ условіяхъ появился Наполеонъ I? Перенесемся въ эпоху конвента, когда Францію била та „божественная лихорадка“, о которой даже скептическій Ренанъ не можетъ говорить безъ эстетическаго восторга. Мнѣ нечего распространяться объ экономическихъ интересахъ, бывшихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ двигателей революціи, о могучихъ стремленіяхъ къ преобразованію собственности, труда и налоговъ... Но въ политической сферѣ насъ поражаютъ три явленія: общій энтузіазмъ всего населенія, всей пестрой неорганизованной массы, которая составляла тогдашнюю Францію; быстрая выработка сильныхъ организацій, въ формѣ клубовъ и прочихъ политическихъ обществъ, слагавшихся изъ наиболѣе активныхъ личностей; обиліе крупныхъ историческихъ дѣятелей, могущественно давившихъ на неорганизованное большинство при помощи организованнаго меньшинства. И по мѣрѣ того, какъ всколыхнутая революціей масса мало-помалу успокоивалась, прилаживалась къ новымъ обстоятельствамъ жизни подъ давленіемъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, все значительнѣе становилась роль политическихъ организацій, а среди нихъ все неотразимѣе росло обаяніе и, стало быть, психологическое всемогущество крупныхъ дѣятелей.

Пусть читатель не побоится прослѣдить шагъ за шагомъ страстный и обширный обвинительный актъ Тэна противъ великой революціи. Сквозь кровь и грязь, которую этотъ сильный, но больной умъ видитъ повсюду въ переворотѣ, вы усмотрите торжество духовнаго начала, идеи, принципа, убѣжденія. Ибо что, какъ не идея, даетъ такую силу активному меньшинству надъ инертнымъ, занятымъ обыденною жизнью большинствомъ? И что, какъ не убѣжденіе, объясняетъ неотразимую власть, непобѣдимое внушеніе, которое крупные дѣятели революціи распространяли вокругъ себя среди членовъ клубовъ и вообще активнаго меньшинства? Просмотрите томъ Тэна, трактующій о „захватѣ власти якобинцами“ *), и вы увидите, какъ эти люди, несмотря на всевозможные эпитеты, которыми осыпаетъ ихъ историкъ, виновны собственно лишь тѣмъ, что всю свою жизнь подчиняли служенію политической идеѣ и отстаивали свои убѣжденія. И результаты, дѣйствительно, на лицо.

Среднимъ числомъ, удивляется и негодуетъ Тэнъ, среднимъ числомъ на пятнадцать избирателей и національныхъ гвардейцевъ приходился лишь одинъ якобинецъ, и во всей Франціи всѣ якобинцы, вмѣстѣ взятые, не составляли и трехсотъ тысячъ. Этого, казалось, было едвали-ли достаточно, чтобы поработить шесть-семь милліоновъ взрослыхъ людей и распространить

*) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. La révolution. t. II. La conquête jacobine;* Парижъ, 1881 г.

на страну, заключавшую 26 милліоновъ жителей, деспотизмъ болѣе неограниченный, чѣмъ деспотизмъ азіатскихъ владыкъ. Но сила не измѣряется числомъ: якобинцы составляютъ шайку среди толпы, а въ дезорганизованной и инертной толпѣ шайка, готовая на все, прорѣзаетъ себѣ путь впередъ, какъ желѣзный клинъ въ кучѣ разломанной штукатурки *).

Въ другомъ мѣстѣ, представивши, какъ повсюду якобинцы успѣли раскинуть сѣти своей организаціи и оттереть на задній планъ всѣ прочія фракціи и въ провинціи, и въ Парижѣ, Тэнъ разражается относительно движенія въ столицѣ еще болѣе страстной и знаменательной тирадой:

Итакъ, вотъ какой народъ, участвовавшій въ политической жизни, царитъ съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1792 г. надъ Парижемъ, а при посредствѣ Парижа, надъ цѣлой Франціей: пять тысячъ грубыхъ скотовъ и негодяевъ и двѣ тысячи безпутницъ, т. е. почти столько, сколько хорошая полиція могла бы прекрасно вымести изъ столицы, еслибъ хотѣла, и все это люди, убѣжденные въ своемъ правѣ и тѣмъ болѣе пылкіе въ своей революціонной вѣрѣ, что самый догматъ ихъ возводитъ ихъ пороки въ добродѣтели и превращаетъ ихъ злодѣянія въ общественное служеніе **).

Отбросьте эти совсѣмъ не академическія ругательства Тэна, которыя доказываютъ только то, что не одни якобинцы въ пылу отчаянной борьбы противъ всей Европы могутъ ненавидѣть политическихъ враговъ, а и почтенные мыслители въ тиши своего кабинета,—отбросьте этотъ болѣе или менѣе острый соусъ, и вы столкнетесь лицомъ къ лицу со слѣдующимъ простымъ фактомъ, который самъ Тэнъ прекрасно видитъ и не разъ отмѣчаетъ въ томъ же томѣ. Въ то время какъ большинство совершенно естественно поглощено заботами о себѣ, о женѣ и дѣтяхъ и занимается политикой только урывками, меньшинство смотритъ на политическую дѣятельность, какъ на цѣль и смыслъ своей жизни, и, конечно, рано или поздно становится руководящимъ факторомъ историческаго движенія.

Посмотрите теперь на крупныхъ дѣятелей, которые въ свою очередь фатально должны выдѣлиться изъ организованнаго меньшинства, а, выдѣлившись, поведутъ его за собой. Тэнъ цитируетъ слѣдующія слова Бодо, товарища Сэнъ-Жюста, отправившагося вмѣстѣ съ нимъ коммиссаромъ конвента въ армію:

Когда Сэнъ-Жюстъ и я подожгли непріятельскія баттареи въ Вейссенбургѣ, намъ были за это очень благодарны, но заслуга наша была небольшая: мы прекрасно знали, что ядра ничего не могли подѣлать съ нами.

И вотъ какими комментаріями историкъ снабжаетъ этотъ актъ чисто религіозной вѣры во всемогущество принципа:

Въ этомъ крайнемъ состояніи человѣкъ не знаетъ никакихъ препятствій и, смотря по обстоятельствамъ, превосходитъ самого себя или падаетъ ниже

*) L. c., стр. 63—64.
**) L. c., стр. 407—408.

своего обычнаго уровня, расточая свою или чужую кровь, герой на войнѣ, жестокій въ гражданской жизни: ни здѣсь, ни тамъ ему никто не можетъ сопротивляться; ибо его опьяненіе увеличило въ сотню разъ его силу, и передъ этимъ бѣшонымъ человѣкомъ, несущимся по улицѣ, прохожіе заблаговременно разступаются, какъ передъ бѣшенымъ быкомъ *).

Герой или бѣшеный быкъ, видите, какъ это хорошо выходитъ подъ перомъ Тэна. Немудрено, что нашъ историкъ не находитъ ничего лучшаго, какъ охарактеризовать Сэнъ-Жюста словами „юноша-чудовище съ красивымъ и спокойнымъ лицомъ“ **).

Но присмотритесь поближе къ этому „чудовищу“. Вы можете быть самымъ крайнимъ противникомъ его политическихъ теорій, самымъ строгимъ судьею его общественной дѣятельности: вы не въ состояніи будете отказать этому человѣку въ удивительной силѣ характера и въ преданности своимъ убѣжденіямъ. Обратимся къ Сэнтъ-Бёву, у котораго, какъ это видно для внимательнаго читателя, Тэнъ взялъ немало цитатъ о Сэнъ-Жюстѣ (напр., письмо къ Добиньи) и который въ свою очередь выудилъ ихъ изъ двухтомнаго памфлета Эдуарда Флери (вышедшаго въ 1851 г. подъ заглавіемъ „Etudes sur Saint-Just“). Вотъ что нашли, между прочимъ, въ посмертныхъ бумагахъ Сэнъ-Жюста и что не мѣшало бы сопоставить для исторической правды съ экзальтированнымъ письмомъ къ Добиньи:

Обстоятельства трудны только для тѣхъ, кто отступаетъ передъ гробомъ. А я призываю его, этотъ гробъ, какъ благодѣяніе неба, чтобы не быть болѣе свидѣтелемъ преступленій, замышляемыхъ противъ моего отечества и противъ человѣчества. Право, не трудно покинуть эту несчастную жизнь, которая осуждаетъ насъ на прозябаніе, на роль участника или безсильнаго свидѣтеля преступленія. Я презираю этотъ жалкій прахъ, изъ котораго состою и который говоритъ вамъ въ данный моментъ. Вы можете преслѣдовать и умертвить этотъ прахъ: но я бросаю вызовъ кому-бы то ни было вырвать у меня ту независимую силу жизни, которую я далъ себѣ на цѣлые вѣка ***).

И вотъ что любилъ говаривать этотъ двадцатипятилѣтній человѣкъ по поводу неустанной дѣятельности своей и своихъ друзей:

Тѣ, которые совершаютъ перевороты въ мірѣ, тѣ, которые хотятъ дѣлать добро, должны отдыхать только въ гробу ****).

И знаете, что всего больше раздражаетъ Сэнтъ-Бёва въ Сэнъ-Жюстѣ, въ этомъ „фанатикѣ“, въ „этомъ жестокомъ и театральномъ молодомъ человѣкѣ“? То, что онъ не руководился „личными интересами, болѣе сильными и болѣе разумными“, которые

*) L. c., стр. 68.

**) L. c., стр. 420—421, гдѣ расточаются всевозможные рѣзкіе эпитеты по адресу этого «утописта, диктатора и истребителя».

***) Sainte-Beuve, *Causeries de lundi* 5 т., стр., 355, третьяго изданія.

****) Ibid., стр. 356.

заставили бы его найти для своей энергіи „полезное приложеніе въ обществѣ“,—словомъ, что онъ не походилъ на самого Сэнтъ-Бёва, у котораго, какъ извѣстно, крупнѣйшій литературный талантъ мирно уживался съ презрѣнною низостью характера и умѣньемъ приспособляться ко всевозможнымъ политическимъ условіямъ.

Итакъ, вотъ каковы были крупныя личности конвента, и вотъ въ чемъ была тайна ихъ удивительнаго вліянія на современниковъ. Вотъ чѣмъ объясняются тѣ поразительныя сцены въ конвентѣ, когда три сотни политическихъ враговъ, людей сильныхъ и храбрыхъ, трепетали отъ стального взгляда Сэнъ-Жюста и тридцать лѣтъ спустя ярко переживали въ своей памяти эти минуты психологическаго волшебства. Непреклонная сила убѣжденія; отсутствіе колебаній въ дѣятельности; полнѣйшее забвеніе личнаго элемента изъ за безличнаго принципа, или, вѣрнѣе, отожествленіе перваго со вторымъ,—все это разливало вокругъ вожаковъ волны всемогущаго внушенія. И подъ вліяніемъ, такъ сказать, индуктивнаго тока, исходившаго отъ этихъ наэлектризованныхъ идеею героевъ убѣжденія, рядовые люди превращались изъ обыкновеннаго желѣза въ настоящіе магниты и въ свою очередь могущественно притягивали къ себѣ цѣлыя толпы сторонниковъ.

Но, вѣдь, мы взяли Сэнъ-Жюста только для примѣра, какъ наиболѣе яркій образчикъ идейныхъ политиковъ. Въ каждой фракціи конвета были люди сильной энергіи и страстнаго убѣжденія. И, къ сожалѣнію, чѣмъ энергичнѣе и страстнѣе они были, тѣмъ нетерпимѣе они относились ко всякому иному отвѣту на вопросы дня, кромѣ партійнаго, и тѣмъ безпощаднѣе была между ними междоусобная война. Въ наэлектризованной атмосферѣ разражались цѣлыя магнетическія бури, въ которыхъ сталкивались между собою различныя волны партійнаго внушенія. Горе той партіи, которая на минуту колебалась, ослабляла свою психическую энергію: ее моментально раздавливала партія, болѣе рѣшительная и менѣе колеблющаяся; ея вожаки падали жертвою урагана, поднятаго побѣдителями, а рядовые притягивались новой силой и начинали вращаться въ ея орбитѣ. До извѣстной поры это взаимное пожираніе выражалось въ восходящемъ движеніи. Чѣмъ крайнѣе была партія, тѣмъ она была рѣшительнѣе и, потому, тѣмъ сильнѣе. Одна за другой болѣе умѣренная партія подталкивается впередъ болѣе крайнею и, какъ только задумается и поколеблется въ этомъ движеніи, возводится своей ближайшей соперницей на эшафотъ. Но не успѣетъ новая партіи стать руководительницей судебъ, какъ ее уже настигаетъ еще болѣе крайняя и неумолимо гонитъ ее далѣе, все далѣе, пока та не обезсилѣетъ и не очутится въ свою очередь подъ гильотиной. За конституціоналистами выступ-

паютъ на сцену въ 1792 г. жирондисты. Но уже осенью 1793 (30-го октября—8-го ноября) головы вожаковъ Жиронды попадали подъ ножемъ гильотины, и эта печальная трагедія заключилась словами г-жи Роланъ: „О, свобода, сколько преступленій совершено во имя твое!“ Весною 1794 (5-го апрѣля) взошелъ на эшафотъ Дантонъ съ друзьями, гордо сказавъ палачу: „ты покажешь мою голову народу: она стоитъ этого“. Но не прошло четырехъ мѣсяцевъ, и вожаки якобинцевъ очутились въ свою очередь въ рукахъ палача: 29-го іюля не стало Робеспьера, Сэнъ-Жюста и двадцати ихъ сторонниковъ. Ихъ смерть уже знаменуетъ рѣшительный поворотъ въ движеніи: революція движется отнынѣ по нисходящей вѣтви параболы, все глубже и глубже погружаясь въ волны термидоріанской реакціи...

Такъ было понято ихъ паденіе наиболѣе чуткими современниками, и та же нота глубокаго унынія звучитъ у наиболѣе крупныхъ историковъ, даже сильно не любившихъ якобинцевъ. Пока Мишлэ изображаетъ страшныхъ террористовъ 1793—1794 г. у власти, онъ, со свойственной ему способностью переноситься въ эпоху, является какъ бы ихъ личнымъ врагомъ, участвуетъ въ борьбѣ противъ нихъ, клеймитъ ихъ манію отвѣчать на всѣ запросы времени гильотиной. Но пробилъ ихъ часъ, и тонъ его разсказа мѣняется, и когда вы читаете у него сцены казни, вы какъ бы видите Мишлэ стоящимъ у эшафота вмѣстѣ съ немногими сторонниками гильотинируемыхъ и глотающимъ слезы безмѣрнаго горя и глубочайшаго негодованія. И въ заключеніе историкъ развертываетъ картину Парижа, весело справляющаго поминки по похороненной революціи и несущагося, среди шумныхъ развлеченій и удивительно быстрой порчи характеровъ, по наклонной плоскости, прямо въ желѣзныя объятія Наполеона. „Внушители“, электризовавшіе своихъ партизановъ, сошли со сцены; магниты превратились въ простое, подчасъ ржавое желѣзо; организаціи, когда-то льнувшія къ нимъ, ютившіяся вокругъ нихъ, разсыпались, какъ металлическія опилки, которыя перестали сдерживать электрическій токъ. Члены конвента, еще такъ недавно поражавшіе міръ своей дикой энергіей и глубочайшей партіозной ненавистью, сами не вѣрили себѣ, что они были тѣ самые люди, которые засѣдали до Термидора. Борьба продолжалась, но уже не изъ-за принциповъ, не изъ-за различнаго пониманія правды, а изъ за личныхъ интересовъ. Были казни; были столкновенія; были нападенія и народа, и ройялистовъ на конвентъ и защита конвента. Но пламень идейнаго энтузіазма уже почти совсѣмъ угасъ. Люди Термидора были умѣренны въ своихъ идеяхъ, но крайне не умѣренны въ мелкихъ и гадкихъ чувствахъ. Безжалостные во имя своихъ убѣжденій террористы смѣнились лицемѣрными мучителями изъ термидоріанской партіи. Фанатики-террористы рубили головы противникамъ. Но лишь врагамъ террористовъ принадле-

житъ остроумная идея окуривать сѣрою въ тюрьмахъ своихъ политическихъ противниковъ передъ тѣмъ, какъ посылать на эшафотъ.

Намъ нечего останавливаться на этомъ переходномъ времени. Боясь преобладанія какого-нибудь одного колеса въ политическомъ механизмѣ, Солоны этого періода сочиняли невозможно-сложныя конституціи, въ родѣ конституціи III года (1795 г.), которая создала органъ исполнительной власти изъ пяти человѣкъ (Директорія), а законодательную власть подѣлила между 250 членами совѣта старѣйшинъ (Conseil des Anciens) и совѣтомъ пятисотъ. И умнымъ законникамъ и въ голову не приходило, что разъ отлетѣла отъ политическаго организма его идея, то никакими механическими ухищреніями, никакими конституціонными пружинами и регуляторами не возможно было придать жизненность мертворожденнымъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не комична-ли судьба этой конституціи? Люди сочиняютъ нарочно пять директоровъ, чтобы помѣшать утвердиться единоличной власти. И эта власть утверждается благодаря тому, что три члена директоріи измѣняютъ этому коллективному органу. Люди нарочно придумываютъ два совѣта, чтобы уменьшить власть ставшаго пугаломъ конвента. И одинъ совѣтъ продаетъ другой, чтобы бросить его къ ногамъ диктатора. Чуткіе и умные эгоисты, въ родѣ Сьейеса (почему-то упорно называемаго у насъ Сійесомъ), впрочемъ, уже очень скоро сообразили, куда дуетъ вѣтеръ. Авторъ знаменитой въ свое время брошюры „Что такое третье сословіе?“ уже любилъ говорить въ концѣ эпохи Директоріи: „мнѣ надо шпагу“. И шпага явилась...

Представьте себѣ общую картину Франціи. Громадное большинство, послѣ перваго взрыва энтузіазма, живетъ всесильными будничными интересами. Освобожденное крестьянство думаетъ исключительно о томъ, какъ бы отстоять ту часть земельной собственности, что попала въ его руки, — попала, несмотря на грабежъ и спекуляцію недвижимыми имуществами, которой предалась знаменитая „черная шайка“. А сама эта шайка, состоявшая изъ беззастѣнчивыхъ героевъ „первоначальнаго накопленія“, уже успѣла прикарманить наиболѣе крупныя помѣстья дворянъ и духовныхъ. Она скупала за безцѣнокъ старинные замки и зачастую пускала ихъ въ сломъ, продавая матеріалы; она вырубала парки и опустошала лѣса. Создавался тотъ классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ плебейскаго происхожденія, который доставилъ столько типовъ перу Бальзака. И крестьянство, и эта земельная буржуазія естественно стремились къ власти, которая могла бы обезпечить имъ дальнѣйшее владѣніе собственностью, пріобрѣтенной во время революціонной бури. Красный призракъ дѣлежа имуществъ, который Директорія искусно раздула послѣ открытія заговора Бабефа, чтобы напугать и привязать къ себѣ имущіе классы, только уси-

лилъ среди собственниковъ отвращеніе ко всякому дальнѣйшему перевороту и тяготѣніе къ сильной и прочной центральной власти.

Съ другой стороны, въ высшихъ слояхъ общественной атмосферы, среди меньшинства, жившаго болѣе или менѣе сознательной исторической жизнью, реакція приняла форму низкой гоньбы за матеріальными выгодами и наслажденіями, удивительной порчи характеровъ и полнѣйшаго безразличія къ вопросамъ чести и нравственности. Послушайте Кинэ, который, жестоко нападая на систему террора и самихъ террористовъ, не можетъ, однако, безъ омерзѣнія говорить объ эпохѣ, наступившей за страшнымъ господствомъ якобинцевъ;

Гордыхъ характеровъ не стало; персоналъ революціи былъ уничтоженъ: оставались люди въ родѣ Сьееса, которые говорили: «я жилъ». Эти-то ужъ твердо рѣшили продолжать жить на прежнихъ условіяхъ. Когда терроръ исчезъ, надо бы, казалось, найти народъ свободнымъ. Какъ разъ наоборотъ: остаются на-лицо лишь обломки, нація, разорванная на части мучительствомъ, разбросанные члены ея, надломанные характеры, которые расползаются по кускамъ. Среди этого нравственнаго крушенія, когда бывшіе члены партіи Горы въ конвентѣ, преслѣдуемые Директоріей и раздѣленные своими собственными ошибками, встрѣчались другъ съ другомъ, они привѣтствовали себя злораднымъ смѣхомъ Гамлета между могильщиками этого политическаго кладбища *).

А рядомъ съ исчезновеніемъ крупныхъ дѣятелей, шло совершенно естественно разложеніе политическихъ организацій. Осталась въ этомъ общемъ погромѣ лишь одна своеобразная организація, организація военная, войско, все болѣе и болѣе обособлявшееся отъ общества. Мѣсто гражданъ, которые шли на защиту отечества во имя принципа, идейнаго энтузіазма, постепено заняли солдаты, бросавшіеся на врага ради эгоистическихъ мотивовъ, наиболѣе благороднымъ изъ которыхъ была жажда славной карьеры, а наиболѣе распространеннымъ—желаніе легкой наживы и грабежа. И, замѣтьте, у офицеровъ вплоть до маршаловъ эта точка зрѣнія, достойная варваровъ эпохи великаго переселенія, прокидывалась если не яснѣе, то еще грандіознѣе, чѣмъ у солдатъ. Читайте Стэндаля, вошедшаго теперь въ моду; читайте мемуары наполеоновскихъ генераловъ: прямое присвоеніе чужой собственности въ непріятельской странѣ, формальный грабежъ является для нихъ вещью столь естественною, что они нисколько и не думаютъ скрывать это. Наполеонъ даже любилъ развивать хищническія наклонности у своихъ генераловъ, отчасти чтобы привязать ихъ къ себѣ путемъ матеріальныхъ выгодъ, отчасти чтобы имѣть чѣмъ припугнуть на случай отпаденія.

Таковы были условія, при которыхъ могъ явится Бонапартъ и достигнуть невѣроятной высоты положенія. И вотъ тутъ-то и

*) Edgar Quinet, *La révolution*; Парижъ. 1889, второй томъ юбилейнаго правительственнаго изданія, стр. 315—317, passim.

придется сказать, что, несмотря на общія историческіе условія, вызывавшія реакцію, та спеціальная форма ея, которая вылилась въ Первой Имперіи и наложила такой могущественный отпечатокъ на исторію Франціи, лежала въ личныхъ свойствахъ Наполеона. Не найдись въ данный моментъ Бонапартъ, и исторія могла бы идти инымъ путемъ, несмотря на общій фонъ крупныхъ историческихъ причинъ; ибо не отъ нихъ, конечно, зависѣлъ психическій складъ Наполеона. Дѣйствительно, представте себѣ на мѣстѣ корсиканца такихъ благородныхъ генераловъ-патріотовъ, какъ Гошъ или Марсо: развѣ мыслима была-бы при нихъ та завоевательная горячка, которая въ концѣ концовъ такъ истощила Францію? Или поставте въ положеніе Наполеона героевъ сабли, въ родѣ Мюрата, Ланна, Массенны: отличные воины, но плохіе администраторы, а главное неизмѣримо уступавшіе Наполеону въ размахѣ ихъ военныхъ и политическихъ плановъ, они, конечно, были бы не въ силахъ создать эпопею Первой Имперіи.

Каковы же были особыя качества Бонапарта, которыя сдѣлали изъ него господина положенія? Мы не будемъ говорить о его удивительномъ геніи полководца, ни о его выдающихся талантахъ администратора. Прежде чѣмъ развернуть эти свойства, ему надо было выступить на политическую сцену; и для этого ему пришлось вскарабкаться на нее при помощи разныхъ низостей и неблаговидныхъ поступковъ. Но тутъ дѣло идетъ объ основной пружинѣ его личности, о пружинѣ, которая дѣлаетъ Наполеона Наполеономъ. Сравните двѣ характеристики новаго цезаря, написанныя такими столь несходными мыслителями, какъ Прудонъ и Тэнъ. Одинъ говоритъ:

Всѣ отличительныя черты мелкой души: гордость, тщеславіе, глубокій эгоизмъ, полное отсутствіе человѣческаго чувства; презрѣніе людей, ранняя, глубокая и всесторонняя испорченность; шарлатанизмъ, хвастовство, противорѣчіе, пренебреженіе принциповъ; претензія изо всего создать себѣ орудіе господства: изъ людей, общества, отечества, справедливости, добродѣтели, революціи, порядка, религіи, папской власти, равно какъ изъ силы, порока и преступленія. Его *геній* есть геній разрушенія, и ничего болѣе. Но геній разрушенія есть вещь отрицательная: это есть отрицаніе генія; благодаря вліянію такого генія, Наполеонъ испортилъ и развратилъ все, до чего коснулся. Его исторія ничто иное, какъ рядъ ложныхъ предпріятій, политическихъ ошибокъ и экономическихъ и соціальныхъ нелѣпостей *).

Тэнъ въ свою очередь пишетъ:

Если чистыя идеи его разсуждающаго мозга постоянно удерживаютъ у него господство (надъ силою и пыломъ страстей), то лишь потому, что весь притокъ жизненныхъ силъ идетъ на то, чтобы питать ихъ; идеи эти пустили глубокіе корни въ его сердцѣ и темпераментѣ: эти подземные корни, снабжающіе ихъ своимъ сильнымъ сокомъ, состоятъ въ основномъ инстинктѣ, болѣе могущественномъ, чѣмъ его умъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ даже

*) См. уже упомянутый посмертный этюдъ Прудона въ «La Nouvelle Revue», стр. 6—7.

его воля, въ инстинктѣ дѣлать себя центромъ всего и все относить къ себѣ другими словами въ *эгоизмъ*. Эгоизмъ этотъ—не инертный, но дѣятельный и порабощающій, пропорціональный дѣятельности и широтѣ его способностей, развитый воспитаніемъ и обстоятельствами, преувеличенный успѣхомъ и всемогуществомъ до той степени, что онъ, наконецъ, воздвигаетъ, посреди человѣческаго общества, колоссальное *Я*, которое безпрестанно описываетъ все расширяющіеся круги своихъ хищныхъ и цѣпкихъ захватовъ, которое оскорбляется всякимъ сопротивленіемъ, которое чувствуетъ стѣсненіе отъ всякой независимости и которое, въ безграничной сферѣ, имъ себѣ отмежевываемой, не можетъ выносить ничьей жизни, если только эта жизнь не становится придаткомъ или инструментомъ его собственной *).

И въ другомъ мѣстѣ:

Вслѣдствіе громаднаго пробѣла въ воспитаніи, совѣсти и сердцѣ, вмѣсто того, чтобы подчинять свою личность государству, онъ подчиняетъ государство своей личности; за предѣлами короткой физической жизни его глаза не обращаются къ націи, которая переживетъ его; потому онъ жертвуетъ будущимъ настоящему, и его твореніе не можетъ быть прочнымъ. Послѣ него—хоть потопъ; ему мало того, что онъ самъ произнесъ это страшное слово; онъ желаетъ, чтобы каждый произносилъ его въ глубинѣ души и съ мучительнымъ безпокойствомъ **).

И страстный полемистъ, и анализирующій историкъ, несмотря на различныя формы выраженія, согласны въ одномъ: Наполеонъ—типъ прямолинейнаго поразительнаго эгоиста; личная карьера оттѣсняетъ у него государственныя соображенія. Но въ этихъ личныхъ качествахъ и лежалъ для того времени залогъ успѣха Бонапарта. Когда сошли со сцены люди непреклоннаго убѣжденія, психическое внушеніе естественно переходило къ тому, кто лучше всѣхъ умѣлъ хотѣть и кто менѣе всего колебался въ своей дѣятельности, независимо отъ предмета этого хотѣнія и отъ направленія этой дѣятельности. Далѣе, когда въ обществѣ личные интересы стали исключительнымъ мотивомъ жизни, грандіозный эгоистъ долженъ былъ естественно всплыть на верхъ этого мутнаго водоворота, потому что онъ лучше и понятнѣе всѣхъ говорилъ уму и чувству безчисленной толпы окружавшихъ его мелкихъ эгоистовъ. Наконецъ, когда всѣ политическія организаціи распадались, когда правительство старалось всячески раздавить существовавшіе еще клубы, когда на самомъ дѣлѣ осталось на лицо лишь одна организованная сила, и эта сила была войско,—власть совершенно естественно переходила къ тому, кто былъ наилучшимъ спеціалистомъ въ военномъ дѣлѣ. Интересно, что, совершая переворотъ 18-го Брюмера (9-го ноября 1799 г.). Бонапартъ чуть было не погибъ, лишь только отказался отъ откровенной роли генерала, производящаго coup d'Etat насиліемъ, а вздумалъ прибѣгнуть къ психическому воздѣйствію на членовъ

*) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne* Парижъ, 1891, томъ I, книга 1, стр. 62.

**) L. c., стр. 108.

Совѣта Пятисотъ. Рѣчи Дантона, Робеспьера, Сэнъ-Жюста наводили въ конвентѣ ужасъ на сильныхъ противниковъ лучше всякаго оружія. Но безконечная, запутанная рѣчь Бонапарта, которой онъ вздумалъ припугнуть Совѣтъ, вызвала среди этого далеко не храбраго собранія крики негодованія. „И при возгласахъ: внѣ закона! внѣ закона! онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, совершенно потерялъ голову; надо было вынести его изъ залы; одинъ моментъ думали, что онъ упадетъ въ обморокъ",—такъ описываетъ Юнгъ у Тэна сцену этого неудавшагося психическаго внушенія. Люсьену, брату Наполеона, пришлось выручать погибавшаго узурпатора, и гренадеры, призванные въ залу, разогнали Совѣтъ штыками...

Итакъ, консервативные интересы крестьянства и буржуазіи; низменныя стремленія и страшная порча характеровъ среди политическихъ дѣятелей; преобладаніе милитаризма,—вотъ какія прозаическія силы поддерживали имперію. Но это нисколько не исключаетъ того поэтическаго ореола, которымъ общество того времени окружило это господство штыковъ и кармана, и того искренняго энтузіазма, который Наполеонъ возбудилъ среди большого числа своихъ сторонниковъ, особенно въ низшихъ классахъ. Ибо, надо отдать ему справедливость, онъ не стѣснялся съ своими приближенными, цинично разоблачая передъ ними свой эгоизмъ и объясняя только эгоизмомъ всѣ поступки людей; онъ называлъ генерала Матьё Дюма въ глаза „дуракомъ" за то, что тотъ „вѣрилъ свободѣ" и „поддерживалъ революцію не изъ-за честолюбія"; онъ съ видимымъ наслажденіемъ останавливался на хищническихъ подвигахъ Массены; онъ самодовольно глядѣлъ на окружавшую его толпу министровъ и придворныхъ, этихъ „графовъ и бароновъ изъ санкюлотовъ", многіе изъ которыхъ были ренегатами якобинской партіи. Но онъ былъ удивительно ловкій комедіантъ по отношенію къ массамъ, къ народу, и понималъ, что безъ воображенія, безъ идеализаціи, невозможно жить пылкой и подвижной Франціи. Историки, по моему, очень мало остановились на одной его типичной чертѣ: никто не понималъ лучше его значенія рекламы. Въ этомъ отношеніи онъ забѣжалъ далеко впередъ своего времени и былъ, такъ сказать, удивительно талантливымъ Барнумомъ своей собственной персоны. Онъ прекрасно понималъ значеніе того своеобразнаго гипнотизма, который заключенъ въ рекламѣ, въ безконечномъ и эффектномъ повтореніи одного имени и одного факта. Глаза ваши мозолитъ извѣстный образъ; въ ушахъ вашихъ звучитъ извѣстное имя, и вы впадаете въ состояніе гипноза, подобно человѣку, который подготовляется ко внушенію упорнымъ смотрѣньемъ на одинъ блестящій предметъ. Военные бюллетени Наполеона—образцы рекламы. Онъ прикрашивалъ, искажалъ, гдѣ нужно умалчивалъ. Онъ уже при жизни ставилъ себѣ памятникъ, въ которомъ его личность играла роль центральной фигуры, въ то время, какъ

его генералы и совѣтники низводились на степень простыхъ барельефовъ, лишь оттѣнявшихъ величіе полубога, одиноко стоявшаго на пьедесталѣ. Недаромъ одинъ изъ историковъ сдѣлалъ остроумное замѣчаніе, что имѣй, напримѣръ, Массена тотъ драматическій талантъ военнаго писателя, которымъ былъ такъ щедро надѣленъ Бонапартъ, онъ могъ-бы изъ своего знаменитаго похода противъ Суворова создать эпопею, ничуть не уступающую Наполеоновской. Тутъ были-бы битвы и при Сэнъ-Готардѣ, и при Цюрихѣ, и у Чортова Моста, и при Альторфѣ, художественно изображенныя, драматизированныя и переданныя потомству. Массена-же ограничился сухимъ, чисто военнымъ отчетомъ...

Этотъ-же талантъ лицедѣя подсказалъ Наполеону, что массамъ опасно показывать эгоистическія пружины новаго Цезаря, и къ простымъ людямъ, къ солдатамъ, окружавшимъ непосредственно его, онъ обращался съ эффектными словами о долгѣ, о Франціи, о безсмертной славѣ. Въ этомъ отношеніи можно даже прослѣдить несомнѣнный прогрессъ лицемѣрія съ годами. Наполеонъ-императоръ врядъ-ли подписался-бы подъ откровеннымъ приказомъ генерала Бонапарта, которымъ онъ начиналъ знаменитую итальянскую компанію: „солдаты, у васъ нѣтъ одежды, вы плохо питаетесь, правительство въ большомъ долгу у васъ; оно ничего не можетъ дать... Я поведу васъ въ плодороднѣйшія равнины міра; богатыя провинціи, великіе города будутъ въ вашихъ рукахъ; тамъ вы найдете почести, славу и богатство“...

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ просматривать „Альбомъ“ Наполеона, вышедшій совсѣмъ недавно, о которомъ я говорилъ въ началѣ этой корреспонденціи. Обратите вниманіе, какую удивительную, чисто американскую рекламу устроилъ себѣ Наполеонъ, начиная съ живописцевъ, переходя къ граверамъ и кончая лубочными рисовальщиками. Онъ обращался съ самаго начала своего выступленія на политическую сцену то къ тому, то къ другому художнику, ухаживая за нимъ, льстя ему, указывая ему на тотъ или другой сюжетъ изъ своей исторіи. Французы, итальянцы, нѣмцы внесли свою лепту въ этотъ музей прославленія, и, еще не будучи императоромъ, Наполеонъ былъ распопуляризированъ не только дешевыми картинами, но и разными вещами, въ родѣ перочинныхъ ножей, чернильницъ, солонокъ, трубокъ, которымъ придавалась форма Бонапарта и которые проникли въ самую бѣдную хижину. И эта колоссальная реклама принесла свой плодъ. Въ Наполеоновской легендѣ наравнѣ съ крупными артистами пера, кисти, карандаша,— Викторомъ Гюго, Беранже, Гейне, нашими Пушкинымъ и Лермонтовымъ, Давидомъ Анжерскимъ, барономъ Гро, Изабэ, Раффэ,— участвовала стоустая молва, которая разнесла по міру имя Наполеона и подготовила почву для исторической пародіи на первую имперію, извѣстной подъ именемъ второй имперіи. Къ послѣдней мы и переходимъ.

На какомъ общемъ фонѣ выдѣлилась фигура Луи-Бонапарта и, подъ именемъ Наполеона III, заполнила одно время всю историческую сцену Европы? Каковы были съ другой стороны тѣ личныя свойства императора, которыя выдвинули на первый планъ эту тусклую, неопредѣленную фигуру? И на этотъ разъ я не буду останавливаться на экономическомъ развитіи Франціи, о которомъ уже столько писалось. Укажу лишь, что въ промежуткѣ между первой и второй имперіями оно выразилось, главнымъ образомъ, въ ростѣ промышленнаго капитала, въ усиленіи могущества крупной буржуазіи, въ образованіи очень многочисленнаго городского пролетаріата, въ то время, какъ въ деревнѣ свободная частная собственность создала, съ одной стороны, зажиточную земельную буржуазію, съ другой—мелкаго крестьянина-собственника, уже изнемогавшаго подъ бременемъ гипотеки, съ третьей—все увеличивавшій контингентъ батраковъ.

Въ идейной-же сферѣ можно было замѣтить двѣ крупныя вещи: распространеніе и усиленіе между оппозиціонной интеллигенціей легенды первой имперіи, которая по причудливой, но легко объяснимой аберраціи мысли рисовалась режимомъ демократіи и законной наслѣдницей революціи; все болѣе и болѣе яркое сознаніе противоположности между капиталомъ и трудомъ, которое выражалось въ критикѣ по-революціоннаго строя и созданіи системъ лучшаго общежитія. Когда разразилась февральская революція 1848 г., эти два идейныя теченія проявились сейчасъ-же въ движеніи. Рабочій вопросъ съ первыхъ-же дней былъ поставленъ на очередь, хотя платонически и довольно наивно, въ формѣ такъ называемыхъ Люксембургскихъ конференцій и въ присутствіи во временномъ правительствѣ рабочаго Альбера (умеръ совсѣмъ недавно: въ 1895 г.). Бонапартистское-же теченіе привело уже въ концѣ 1848 г. къ выбору Луи-Наполеона президентомъ республики, а еще черезъ три года къ перевороту 2-го декабря. Что февральская революція должна была кончиться раннимъ крахомъ, проницательные наблюдатели успѣли замѣтить очень скоро. Но чтобы Франція была отброшена на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, къ цезаристской конституціи первой имперіи, этого серьезно никто не боялся вплоть до обостренія борьбы между президентомъ и палатой; да и во время этой борьбы не могъ точно предвидѣть. Надо было, чтобы особыя свойства Наполеона III сыграли роль того „передаточнаго ремня", который повернулъ колесо политической исторіи на полвѣка назадъ, какъ только реакція дала обратный ходъ общественной машинѣ.

Несмотря на самыя заурядныя качества, у Луи-Наполеона были двѣ черты, помогшія ему, такъ сказать, осадить поэтическіе туманы наполеоновской легенды въ конкретной, грубо-осязательной формѣ второй имперіи. Это, съ одной стороны, его глубокая вѣра, вѣра фаталиста-упрямца, въ свою звѣзду, въ торжество „Наполеонов-

скихъ идей", и отсюда замѣчательная цѣльность его политической дѣятельности; это, съ другой, пониманіе могущественной роли рекламы, постояннаго привлеченія къ себѣ общественнаго вниманія. Въ то далеко не-героическое время, когда правящіе классы, крупная буржуазія, занимались лишь приложеніемъ къ практикѣ совѣта Гизо: „обогащайтесь, обогащайтесь", Луи-Наполеонъ былъ единственнымъ активнымъ претендентомъ на престолъ, который упорно шелъ къ одной и той-же цѣли: возстановленію имперіи. И онъ не отступалъ при этомъ ни отъ какихъ средствъ, ни отъ какой самой, повидимому, шутовской рекламы, чтобы такъ или иначе вліять на общественное мнѣніе. Мудрые Маккіавели мѣщанства со смѣху помирали на комичныя экспедиціи Луи-Наполеона въ Страсбургъ (30-го октября 1836 г.) и въ Булонь (6-го августа 1840 г.), которыя завершились для претендента заключеніемъ въ Гамской крѣпости; орлеанистскія газеты были наполнены подробностями о пресловутомъ сѣромъ сюртукѣ Наполеона I, который былъ надѣтъ на себя племянникомъ, и о прирученномъ орлѣ, который садился на плечо Луи-Бонапарта... таская припасенные для него кускч мяса изъ Наполеоновской трехуголки. Эти наивныя, чисто балаганныя декораціи были освистаны буржуазнымъ партеромъ. Но онѣ, какъ оказалось, пришлись очень по вкусу наивному воображенію массъ. И даже симпатіи такихъ людей, какъ Жоржъ-Зандъ, Беранже, Луи-Бланъ, шли къ гамскому плѣннику, платившемуся тюрьмой за свои „демократическія" тенденціи. Когда 26-го мая 1846 г. Луи-Наполеонъ успѣлъ убѣжать въ Англію, переодѣвшись каменьщикомъ, его имя было извѣстно всей Франціи.

Присоедините къ этимъ личнымъ качествамъ Луи-Наполеона тѣсный кругъ его друзей—авантюристовъ, у которыхъ колоссальные аппетиты и отчаянность матеріальнаго положенія играли роль идейнаго убѣжденія, толкая ихъ на самую рѣшительную дѣятельность, и которые, въ качествѣ людей практическихъ, понимали все громадное значеніе систематической организаціи. Надо читать въ интересной съ документальной стороны „Исторія второй имперіи" Таксиля Делора разсказъ объ избирательной агитаціи въ пользу Луи-Наполеона, начавшейся для выборовъ въ палату послѣ февральскихъ дней, чтобы оцѣнить по достоинству всю ловкость, цѣлесообразность и объединенность бонапартистской пропаганды. Сторонники вербуются между капиталистами, которые боятся республики и въ то же время не хотятъ вернуться къ Бурбонамъ или Орлеанамъ. Они вербуются между рабочими, которыхъ соблазняютъ нѣсколькими сантиментально-соціалистическими фразами изъ брошюръ претендента. Они вербуются между крестьянами, которымъ обѣщаютъ, что называется, и дождь и ведро. Они вербуются между арміей, передъ которой развертываютъ волшебную панораму наполеоновскихъ походовъ. Они вербуются между нерѣшительными монархистами, которымъ указываютъ на печальную перспективу

борьбы между старшей и младшей линіями. Въ Парижѣ на избирательныхъ афишахъ между членами комитета фигурируютъ по преимуществу „старые республиканцы 92-го года, солдаты, сражавшіеся при Цюрихѣ и Ватерло“, „рабочіе, бившіеся на февральскихъ баррикадахъ“. Самъ Луи-Наполеонъ, остающійся пока въ Лондонѣ, не брезгуетъ посылать личныя, очень любезныя письма къ избирателямъ-угольщикамъ, сапожникамъ, по указанію Фіалэна, присвоившаго себѣ незаконно фамилію де-Персиньи. Начинаютъ стекаться и деньги отъ заинтересованныхъ капиталистовъ.

Отнынѣ пропаганда принимаетъ всевозможныя формы; она обращается и къ пластикѣ, и къ литературѣ, и къ музыкѣ; литографіи, представляющія императора, который указываетъ Франціи пальцемъ на Луи-Наполеона, портреты, медали, біографіи кишатъ повсюду; является на помощь и музыка, и кандидатура принца распѣвается на площадяхъ и перекресткахъ сотнями кочующихъ теноровъ, подъ аккомпаниментъ шарманокъ:

Наполеонъ, вернись въ отечество,
Республиканцемъ добрымъ будь!

Эмиль Тома, директоръ національныхъ мастерскихъ, предлагаетъ пролетаріямъ кандидатуру гражданина Луи Бонапарта; печать присоединяетъ свои усилія къ литографіи, музыкѣ и поэзіи. «Республиканскій оралъ», «Маленькій капралъ», «Сѣрый сюртукъ», «Конституція», «Наполеонистъ» воспѣваютъ хвалебные гимны кандидату *).

Въ департаментахъ пропаганда ведется не менѣе дѣятельно. Бонапартисты проникаютъ по возможности во всѣ клубы, говорятъ на рабочихъ собраніяхъ. Образовалось пресловутое общество, которое скоро получитъ названіе „Общество 10-го декабря“ и которое состоитъ изъ спившихся рабочихъ, отставныхъ солдатъ, прогорѣвшихъ графовъ и бароновъ, кокотокъ и журналистовъ, темныхъ аферистовъ, подъ управленіемъ комитета, заключающаго въ себѣ, рядомъ съ рыцарями индустріи, нѣсколько наслѣдниковъ громкихъ именъ маршаловъ и генераловъ Первой имперіи. Члены этого общества, несмотря на свое малое сравнительно число, очень дѣятельны; само общество стремится къ ясно поставленной цѣли. Словомъ, въ то самое время, какъ почтенные представители буржуазіи въ серьезной прессѣ, въ судебномъ сословіи, въ промышлености, въ торговлѣ проводятъ время въ семейныхъ распряхъ или насмѣшкахъ надъ бонапартистской кандидатурой, эта кандидатура дѣлаетъ рѣшительные успѣхи, и сторонники Луи-Наполеона раскидываютъ по всей Франціи сѣть прочно централизованной организаціи. По обыкновенію, наканунѣ выборовъ солидная пресса увѣрена въ провалѣ авантюриста. Арманъ Бертэнъ, главный редакторъ „Journal des Dèbats“, готовъ былъ биться объ

*) Taxic Delord, *Histoire illustreé du Second Empire*; Парижъ, 1886—1895, 6 т. Моя цитата относится къ стр. 101—102 перваго тома новаго (иллюстрированнаго) изданія.

закладъ, что „принцъ Луи" не получитъ болѣе 40,000 голосовъ; Жирардэнъ пророчилъ даже всего только 10,000. Но уже въ самый день выборовъ можно было видѣть по настроенію массъ, что пророки жестоко ошибались относительно Парижа и Сенскаго департамента. Многіе рабочіе нацѣпили на картузы избирательные бюллетени съ именемъ Луи Бонапарта; въ Сэнъ-Дени экзальтированная толпа ворвалась въ залу, гдѣ отбирались бюллетени, внесла туда на плечахъ расклейщиковъ бонапартистскихъ афишъ и опрокинула избирательные урны съ крикомъ: да здравствуетъ Наполеонъ! На слѣдующій день оказалось, что Луи Бонапартъ получилъ въ одномъ Сенскомъ департаментѣ 84,420 голосовъ: онъ слѣдовалъ за Коссидьеромъ, Шангарнье, Тьеромъ и Викторомъ Гюго, но шелъ впереди Пьера Леру. Кромѣ того, онъ былъ выбранъ въ трехъ другихъ департаментахъ: въ Йоннскомъ, въ Нижней-Шарантѣ и въ Корсикѣ.

Мы не станемъ слѣдить подробно за ростомъ бонапартизма, который выразился въ поразительномъ торжествѣ Луи-Наполеона на выборахъ 10-го декабря 1848 г. въ президенты республики, давшихъ ему 5.434,226 голосовъ противъ 1.448,107 голосовъ за Кавеньяка; въ переворотѣ 2-го декабря 1851 г., который былъ санкціонированъ плебисцитомъ, отвѣтившимъ: 7.439,216 *да!* противъ 646,737 *нѣтъ!* и возстановленіи имперіи, на основаніи еще болѣе знаменательнаго плебисцита: 7.839,532 *да!* противъ 253,149 *нѣтъ!* Армія уже съ самаго начала сдѣлалалась предметомъ особыхъ заботъ Луи Бонапарта; ее онъ вербовалъ на свою сторону всевозможными способами, вплоть до раздачи денегъ и припасовъ солдатамъ. Пусть припомнятъ популярный крикъ солдатъ въ это время: „да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуютъ сосиски". Возьмите личныя качества претендента, характеръ его первыхъ партизановъ, пріемы колоссальной рекламы и цѣлесообразной организаціи. Вы поймете, почему на общемъ фонѣ крупныхъ историческихъ условій должна была рельефно выдѣлиться сѣрая и тусклая фигура Наполеона III и уже не столько въ силу общихъ условій, сколько въ силу именно мелко личныхъ качествъ и личной обстановки привести великую страну къ страшному погрому... Несмотря на разницу въ общемъ ходѣ великой и февральской революцій, вамъ не можетъ не броситься въ глаза сходство ихъ результатовъ. Парки общественнаго развитія выпрядаютъ приблизительно одинаково тѣ соціальныя нити, въ узлѣ которыхъ становится въ силу личныхъ, зачастую печальныхъ качествъ, извѣстная историческая фигура и накладываетъ свой отпечатокъ на данный періодъ. И въ первой, и въ февральской революціи борьба партій производитъ естественный подборъ на изнанку: лучшіе и достойнѣйшіе погибаютъ въ періодъ энтузіазма, и остаются люди личныхъ интересовъ и рутины,—

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

Въ эту пору, кто съ большей прямолинейностью идетъ къ цѣли, кто громче другихъ апеллируетъ къ эгоистичнымъ интересамъ, кто сознаетъ громадное преимущество организованной партіи надъ мятущейся толпою и, не увлекаясь софизмами объ „общемъ ходѣ", выжидаетъ удобный моментъ, чтобы налечь на пресловутое „колесо исторіи", пришедшее въ узловую точку, тотъ—господинъ положенія. Буржуазія, испугавшаяся пролетаріата; пролетаріатъ, озлобленный противъ буржуазіи; консервативное и невѣжественное крестьянство, поддержавшее, несмотря на нѣкоторыя похвальныя исключенія (въ департаментахъ Варскомъ, Нижнихъ Альповъ, Геро, Ньеврскомъ), переворотъ декабрьской ночи,—несомнѣнно, всѣ эти силы и интересы образовали общую почву для имперіи, создали ея возможность. Но личныя свойства Наполеона III, характеръ его совѣтниковъ, пріемы борьбы, методы „внушенія" бонапартистовъ позволили этой возможности перейти въ дѣйствительность...

— — —

Величіе и паденіе буланжистскаго движенія доказываетъ, такъ сказать, отъ противнаго значеніе личности и ея свойствъ въ критическіе узловые моменты общественнаго развитія, когда соціальное равновѣсіе неустойчиво, и въ дверь исторіи стучатся нѣсколько одинаково назрѣвшихъ рѣшеній. Философы и поэты „общаго хода вещей" постараются, одни съ важностью, другіе съ запальчивостью, обрушиться на меня за такое мнѣніе: событія, скажутъ они мнѣ, не могли произойти иначе, чѣмъ произошли! Но вѣдь въ сущности этой фразой они закрываютъ путь къ малѣйшему обсужденію исторіи не только для другихъ, но и для самихъ себя. Вопросъ заключается не въ томъ, что извѣстный фактъ совершился въ силу такихъ или иныхъ общихъ причинъ; а въ томъ, возможно-ли представить себѣ иной исходъ при существованіи тѣхъ же общихъ причинъ, но при наличности иныхъ, болѣе мелкихъ, частныхъ, индивидуальныхъ условій, которыя не стоятъ въ причинной зависимости отъ упомянутыхъ общихъ причинъ. Интересно, что такіе ярые поклонники естественнаго, фатальнаго процесса развитія, какъ французскіе марксисты въ родѣ Гэда и Лафарга, приписывали одно время очень большое значеніе буланжизму и по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ не знали, что имъ дѣлать: выступить-ли противъ „браваго генерала", или же пользоваться имъ, на подобіе другихъ партій, для достиженія своихъ цѣлей. И надо было сдѣлать рѣшительный шагъ поссибилистамъ и бланкистамъ оттѣнка Эдуарда Валльяна (теперешняго депутата), чтобы и гэдисты пошли противъ Буланже. Въ моей памяти выплываетъ курьезная фигура одного интеллигентнаго

француза, который по ночамъ не спалъ, боясь проснуться на слѣдующее утро не въ республикѣ, а при императорѣ Жоржѣ Буланже 1-мъ, но который, когда буланжистское движеніе было окончательно раздавлено, побѣдоносно доказывалъ мнѣ, что онъ на основаніи общаго хода вещей при самомъ началѣ движенія уже предвидѣлъ его фатальный конецъ. Такъ сама практика жизни опровергаетъ философовъ „естественнаго развитія"...

Когда пробѣгаешь шумную и уже отошедшую въ область исторіи политическую карьеру Буланже, то она представляется положительно волшебной сказкой, а самъ герой—настоящей кометой, которая одно время заполонила своимъ хвостомъ, своимъ генеральскимъ султаномъ, весь политическій горизонтъ и такъ же быстро исчезла, какъ и загорѣлась. Популярный военный министръ въ теченіе 18 мѣсяцевъ (отъ 7-го января 1886 г. до 30-го мая 1887 г.); еще болѣе популярный командиръ 13-го корпуса, менѣе чѣмъ черезъ годъ выброшенный изъ арміи за нарушеніе дисциплины (27-го марта 1888 г.); счастливый кандидатъ на многочисленныхъ департаментскихъ выборахъ (въ Дордонѣ, Сѣверномъ департаментѣ, Нижней-Шарантѣ, Соммскомъ департаментѣ) и въ Парижѣ, гдѣ онъ получилъ, 27-го января 1889 г., 245,236 голосовъ противъ 162,875, поданныхъ за его противника, нѣкоего Жака; добровольный изгнанникъ съ 1-го апрѣля того же года въ Бельгіи, Англіи, на островѣ Джерси и снова въ Бельгіи, быстро потерявшій свою популярность и застрѣлившійся (30-го сентября 1891 г.) на могилѣ своей любовницы возлѣ Брюсселя—вотъ главнѣйшіе этапы его пятилѣтней политической жизни, малѣйшія проявленія которой комментировались въ прессѣ обоихъ полушарій болѣе подробно, чѣмъ выпало на долю кому-нибудь изъ историческихъ дѣятелей за послѣднее время.

Конечно, и въ данномъ случаѣ не самъ „герой", не самъ Буланже создавалъ тѣ нити соціальныхъ интересовъ, въ узлѣ которыхъ поставила его судьба. Но именно его личность распространяла вокругъ себя всемогущія волны внушенія,—распространяла, какъ скоро оказалось, лишь благодаря чисто внѣшнимъ свойствамъ и совершенно непропорціонально своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Въ отличіе отъ эпохъ появленія Наполеона I и Наполеона III, характеризовавшихся упадкомъ энтузіазма отъ черезъ-чуръ усиленной дѣятельности, отъ кровавой борьбы партій, начало буланжистскаго движенія совпадаетъ съ общимъ разочарованіемъ въ народѣ отъ недостатка дѣятельности, отъ безплодной парламентской сутолоки, отъ эгоистической политики оппортунистовъ, которой радикалы старались воспрепятствовать не широкой и смѣлой агитаціей въ странѣ, а игрой въ запросы министерствамъ и ихъ низверженіемъ. Присоедините къ этому тотъ шовинистскій духъ, который и умѣренная, и радикальная пресса развивали въ странѣ, говоря о реваншѣ, не позволяя себѣ ни

малѣйшей критики арміи. Добавьте существованіе реакціонныхъ партій, которыя выжидали перваго удобнаго случая, чтобъ броситься на республику и задушить ее.

Вотъ общій сѣрый фонъ, на которомъ въ одно прекрасное утро обрисовался радужными красками образъ „молодого" генерала съ парой глубокихъ глазъ, великолѣпной бѣлокурой бородой и на гордомъ вороном конѣ. Скоро со всѣхъ сторонъ къ нему стали стекаться сторонники: красные республиканцы въ родѣ Рошфора; патріоты — фанатики изъ Лиги Деруледа; ветераны реакціонныхъ партій въ родѣ Поля де-Кассаньяка и Артура Мейера. А затѣмъ масса корыстныхъ и безкорыстныхъ сторонниковъ: великосвѣтскихъ дамъ, простыхъ рабочихъ и крестьянъ, важныхъ господъ, сельскихъ священниковъ, журналистовъ, актеровъ, вообще людей всевозможныхъ состояній и профессій вплоть до полицейскихъ. Всѣ силы стараго и новаго режима были болѣе или менѣе представлены въ томъ знаменитомъ „синдикатѣ недовольныхъ", который образовалъ буланжистское движеніе. Герцогиня д'Юзесъ, подъ вліяніемъ идейнаго энтузіазма къ новому Байярду, пожертвовала въ пользу агитаціи 3 милліона франковъ. Но Шеншолль, придворный, такъ сказать, исторіографъ Буланже разсказывалъ въ Figaro, что генералъ неоднократно получалъ пакеты со вложеніемъ нѣсколькихъ франковъ отъ садовниковъ, кухарокъ, отставныхъ солдатъ, которые просили героя принять ихъ послѣднія сбереженія въ пользу агитаціи. Я живо помню, какъ вечеромъ 27-го января, въ день невѣроятно-шумныхъ парижскихъ выборовъ, городовые подъ разными предлогами неистово бросались на лицъ, кричавшихъ: „долой Буланже! да здравствуетъ республика!" и жестоко избивали ихъ. На слѣдующій день, рано утромъ, моя кухарка,—замѣтьте, набожная бретонка,—притащила съ торжествомъ номеръ „L'Intransigeant'a" Рошфора и принялась плясать по комнатѣ: „а, наконецъ-то ихъ придавили, безбожныхъ республиканцевъ! теперь всѣ бѣдныя монашенки возвратятся въ школы и госпитали! насталъ конецъ беззаконію... Почитайте-ка вотъ тутъ, почитайте"!.. Мой взглядъ упалъ на статью Рошфора, гдѣ бывшій издатель „Фонаря" доказывалъ какъ разъ, что выборы 27-го января знаменуютъ конецъ всякихъ реакцій во Франціи, конецъ клерикализма, и отнынѣ генералъ дастъ истиннымъ республиканцамъ настоящую свободу и настоящее равенство... Я полюбопытствовалъ узнать у кухарки, съ какихъ же это поръ она читаетъ Рошфора. „Съ тѣхъ поръ, какъ это мнѣ посовѣтовалъ здѣшній приходскій священникъ..."

Какъ и всегда бываетъ, какъ это было при выборахъ Наполеона III, противники Буланже были увѣрены, что онъ потерпитъ пораженіе: надо было видѣть, какой ужасъ напалъ на нихъ при чтеніи результатовъ. И дѣйствительно, если бы генералъ

принадлежалъ къ категоріи заправскихъ заговорщиковъ и настоящихъ политическихъ авантюристовъ, онъ послѣдовалъ бы совѣту своихъ сторонниковъ и въ вечеръ же выборовъ двинулся бы на Елисейскій дворецъ. И кто знаетъ, какіе узоры дальнѣйшая исторія Франціи вышила бы на общемъ фонѣ естественныхъ причинъ! Въ самомъ дѣлѣ, у Буланже было подъ рукой не одно, а нѣсколько обществъ, и обществъ, гораздо болѣе серьезныхъ, чѣмъ „Общество 10-го декабря“ Наполеона III. „Лига патріотовъ“ во главѣ съ Деруледомъ была готова кинуться въ огонь и воду за „генерала Реванша“. „Плебисцитарный республиканскій комитетъ“ располагалъ значительнымъ числомъ отчаянныхъ головорѣзовъ-бонапартистовъ, которыхъ Тьебо перевелъ на сторону „авторитарной республики“. „Національный комитетъ“, заключавшій въ своихъ рядахъ очень энергичныхъ и не глупыхъ людей въ родѣ Лагерра, Накэ, Лэзана, успѣлъ впрячь въ колесницу Цезаря многочисленныхъ сторонниковъ пересмотра конституціи изъ радикаловъ и соціалистовъ. Армія заключала въ свою очередь очень много партизановъ популярнаго генерала.

Пресса была поставлена не хуже. Въ одномъ Парижѣ четыре большихъ газеты защищали спеціально политику генерала: то были— „L'Intransigeant“, „La France“, „La Lanterne“ и „La Cocarde“; одинъ Рошфоръ съ 250,000 экземплярами своего журнала, гдѣ онъ дробилъ своими желѣзными челюстями враговъ Буланже, стоилъ двадцати органовъ. А скоро по выступленіи генерала на политическое поприще онъ нашелъ ревностныхъ союзниковъ для „параллельнаго дѣйствія“ и между реакціонерами, съ которыми онъ заключилъ тайный союзъ и которые защищали его въ своихъ газетахъ. Прибавьте къ этому сочувствующіе органы въ провинціи и такъ называемую нейтральную печать, въ которой пріютились люди безъ всякихъ убѣжденій, колебавшіеся то направо, то налѣво, смотря по перипетіямъ борьбы.

Не забудьте, наконецъ, рекламу, поставленную на недосягаемую высоту ловкимъ „графомъ“ Диллономъ, рекламу, такъ сказать, коммерческую, къ которой присоединялась реклама сантиментальныхъ добровольцевъ. Три милліона фотографій генерала были распространены по Франціи по невозможно дешевой цѣнѣ: 3 сантима за штуку. Курьезно, что именно изъ Германіи тайно высылались поддѣлки подъ французскія гравюры, изображавшія Буланже. Затѣмъ шли хромолитографіи, большіе портреты, біографіи и пѣсни,—безконечное множество пѣсенъ, маршей и полекъ; всѣ эти „Les pioupious d'Auvergne“, „En revenant de la revue“, „Il reviendra“, и пр., однѣ изъ которыхъ были оплачены Диллономъ, другія пущены самими авторами въ обращеніе и порою доставляли имъ крупные куши. Знаменитый пѣвецъ Полюсъ (Paulus) отъ одной пѣсни En revenant получилъ болѣе 50,000 франковъ. Разносчики газетъ (camelots) были въ свою очередь

наилучшими ходячими рекламами „браваго генерала". Они встрѣчали его восторженными криками, окружали его великолѣпное ландо при выѣздѣ, освистывали его противниковъ и вырывали свистки у антибуланжистовъ. За манифестаціи имъ платилось по два франка, за каждый вырванный у противника свистокъ 25 сантимовъ.

И всѣ эти грандіозныя баттареи организацій, денегъ, рекламы, пробивавшія страшныя бреши въ общественномъ мнѣніи, быстро потеряли свое дѣйствіе, лишь только генералъ, напуганный слухами о процессѣ и тюрьмѣ, бѣжалъ изъ Франціи. Психическое обаяніе утерялось, хотя „общія причины" движенія не измѣнились, политическая армія не уменьшилась, и друзья генерала остались на своемъ посту. И этотъ быстрый и неожиданный конецъ могущественнаго движенія нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ именно прекращеніемъ психологическихъ чаръ, вызываемыхъ присутствіемъ божества среди вѣрующихъ. На сей разъ божество оказалось простымъ чурбаномъ. Буланже не имѣлъ ни колоссальнаго эгоизма и желѣзной воли Наполеона, ни мечтательнаго упрямства Наполеона III. Онъ увлекался „радостью жизни" во всевозможныхъ ея проявленіяхъ, увлекался съ наивнымъ восхищеніемъ провинціальнаго офицера: легкая слава, фиміамъ похвалъ, прекрасный столъ, роскошная обстановка, женщины,—словомъ все, что доставляло ему положеніе крупнаго политическаго авантюриста, являлось для него въ данный моментъ цѣлью, которая оттѣсняла на задній планъ его основную задачу. Одинъ изъ измѣнившихъ „лейтенантовъ" неудавшагося Цезаря пишетъ въ пылу досады:

Отвѣтственность, падающая на генерала въ финальномъ крахѣ, поистинѣ громадна. Онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не хотѣлъ сдѣлать. Деньги, онъ расточалъ ихъ на совершенно безполезныя вещи. Право, люди будутъ изумляться впослѣдствіи, когда прочтутъ, что счетъ за его двухнедѣльное пребываніе въ отелѣ Манжель въ Брюсселѣ возросъ до почтенной суммы въ 22.000 франковъ. Затѣмъ, въ Лондонѣ, онъ занялъ большую часть Бристольскаго отеля, и, когда вошелъ въ помѣщеніе, которое оставилъ за собой за 260 франковъ въ день, онъ окинулъ взглядомъ мебель и, обращаясь къ метръ-д'отелю, промолвилъ: «Что же, такъ-таки у васъ ничего лучше и нѣтъ?» *)

У Буланже была единственная страсть, которая имѣла характеръ постоянный idée fixe, не достававшей ему въ области политики: это—его любовь къ г-жѣ Бонмэнъ. Но именно эта страсть показываетъ, что личныя качества генерала рѣшительно воспрепятствовали ему быть рычагомъ переворота, который, можетъ быть, произвелъ бы страшное измѣненіе въ политической жизни Европы. Читайте „Дневникъ прекрасной мельничихи", заключающій въ себѣ нѣсколько интересныхъ страницъ въ массѣ болтовни,

*) X... du Figaro (Mermeix), *Les coulisses du boulangisme*; Парижъ, 1890 стр. 250.

сообщаемой хозяйкой гостиницы въ Ройя (Royat), гдѣ часто останавливался генералъ со своей милой. Тамъ, между прочимъ, говорится, что однажды генералъ получилъ отъ г-жи Бонмэнъ изъ Парижа телеграмму, которою она извѣщала, что пріѣдетъ въ Ройя не утромъ, а вечеромъ. И что же? Генералъ положительно сошелъ съ ума, отъ такой пустой вещи грозилъ себѣ револьверомъ, наконецъ, какъ будто успокоился... Не тутъ-то было:

нѣсколько минутъ спустя, разсказываетъ хозяйка, я услышала дикіе крики, какое-то хрипѣніе, которое потрясло меня всю... Я бѣгу въ комнату: она была пуста. Бросаюсь въ туалетную: несчастный катается на полу въ *ея* платьяхъ, которыя онъ сорвалъ со стѣны, и цѣлуетъ ихъ, и кусаетъ *).

Выстрѣлъ изъ револьвера на кладбищѣ Иксель (Ixelles) дорисовываетъ эту сцену... Да, счастье республики, что буланжистское движеніе группировалось вокругъ такого „трубадура", чтобъ употребить выраженіе А. Дюма.

Какова мораль этого этюда? Очень простая: не будемъ убаюкивать себя пѣсенкой объ общемъ ходѣ вещей, но признаемъ значеніе личности и организаціи личностей въ исторіи общественнаго развитія... Признаемъ и постараемся группировкѣ и солидарности во имя зла противоставить группировку и солидарность во имя добра.

Ренегаты и герои убѣжденія.

(*Письмо четвертое*).

Не такъ давно (писано въ самомъ началѣ 1897 г.), по поводу открытія новыхъ зданій Парижскаго университета, въ „Фигаро" появилась прелюбопытная статья Анри Фукье, пресловутаго Анри Фукье, которому буржуазная пресса дала названіе „аѳинянина изъ Марсели", но духовная родина котораго должна на самомъ-то дѣлѣ находиться не въ Аттикѣ, а нѣсколько сѣвернѣе, скажемъ, въ сосѣдней Беотіи. Анри Фукье—тотъ самый плодовитый хроникеръ, который столько лѣтъ угощалъ читателей бульварныхъ газетъ филистерской прозой подъ псевдонимами Нестора и Коломбины. Это—тотъ самый глубокій политикъ, который, попавъ по капризу избирателей въ палату 1889 года, отмежевалъ себѣ здѣсь злачный уголокъ въ болотѣ центра и прославился своей комичной рѣчью въ защиту „Термидора", пошлѣйшей пьесы театральныхъ дѣлъ мастера, Викторьена Сарду. Это —тотъ

*) *Le journal de la belle meunière. Le géneral Boulanger et son amie*; Парижъ, 1895, стр. 77.

самый проницательный мыслитель, который въ прошломъ году усмотрѣлъ грозный призракъ приближающагося соціальнаго переворота въ... панталонахъ, носимыхъ велосипедистками вмѣсто юбки. И вотъ этотъ-то господинъ и счелъ нужнымъ распространиться о „новой душѣ университета". Смыслъ его статьи—глумленье надъ безкорыстными стремленіями прежняго студенчества. Конечно, въ качествѣ сантиментальничающаго буржуа, мосье Фукье прямо не нападаетъ на „прежнюю молодежь", ибо, молъ, то было время и „его молодости, предмета его вѣчныхъ сожалѣній". Но за то онъ косвенно старается представить дѣятельность тогдашняго молодого поколѣнія въ возможно смѣшномъ и даже непривлекательномъ видѣ. Прислушайтесь, читатель, къ слѣдующей тирадѣ:

И я вспоминаю, словно это было вчера, о томъ воскресномъ вечерѣ, когда Э. Дэпуа (E. Despois) привелъ меня, въ то время еще гимназиста, обѣдать съ «неблагонамѣренными» университантами въ маленькій домикъ, въ Фонтенэ-о-Розъ. За дессертомъ одинъ изъ гостей вынулъ изъ кармана маленькій томикъ «Les Châtiments». Своимъ великолѣпнымъ голосомъ южанина, дрожащимъ отъ негодованія, этотъ молодой брюнетъ, внѣ себя отъ гнѣва, читалъ и декламировалъ, съ поразительнымъ искусствомъ, страстныя нападенія поэта и потрясалъ своимъ кулакомъ въ ту сторону, гдѣ черный горизонтъ прорѣзывался полосками свѣта отъ дальняго Парижа. Этотъ чтецъ былъ—Эмиль Олливье.

Еще интереснѣе другое воспоминаніе:

Что касается до меня, то въ тотъ день, когда профессоръ Низаръ,—который былъ совершенно правъ,—заговорилъ о двухъ родахъ нравственности, я успѣлъ таки попасть въ тюрьму, и очень гордился этимъ. Съ десяткомъ-двумя студентовъ, мы провели всю зиму въ томъ, что съ превеликимъ серьезомъ сочиняли конституцію, дабы предложить ее народу на слѣдующій же день послѣ желанныхъ баррикадъ. Изъ авторовъ этой конституціи одни были унесены, въ 1870—1871 г., войной и коммуной; другіе поднялись очень высоко по лѣстницѣ положеній, которыя они заняли или занимаютъ еще теперь. Комизмъ заключался тутъ въ томъ, что среди нихъ находился человѣкъ, который сталъ послѣ министромъ имперіи. Это—Клеманъ Дювернуа. Впослѣдствіи я узналъ, что черезъ него Наполеонъ познакомился съ проектомъ нашей конституціи; а такъ какъ императоръ былъ большимъ республиканцемъ, то онъ нашелъ ее превосходной. «Но это позже», сказалъ онъ и скрылъ улыбку въ своихъ большихъ усахъ.

Въ этомъ воспоминаніи умудренный опытомъ скептицизмъ „Нестора" и гаерство „Коломбины" достигаютъ той высоты, съ которой и Наполеонъ III, и республиканцы, боровшіеся противъ узурпатора, являются одинаково смѣшными, маскарадными фигурами. Знаменательно и то обстоятельство, что мосье Фукье находитъ теперь „совершенно правымъ" пресловутаго Низара. Для читателей, которые могли запамятовать этотъ эпизодъ второй Имперіи, напомню, что упомянутый Низаръ, попеременно бывшій республиканцемъ, орлеанистомъ и бонапартистомъ и занимавшій

каѳедру „французскаго краснорѣчія“, брякнулъ на одномъ университетскомъ диспутѣ въ 1855 г., что, молъ, на свѣтѣ есть двѣ морали: одна мораль обыкновенная,—напр., не укради, не убій,—обязательная для простыхъ смертныхъ; а другая мораль политическая, существующая для удобства сильныхъ, которымъ не для чего стѣсняться обыкновеннымъ кодексомъ нравственности. Въ свое время всѣ порядочные люди были возмущены этой теоріей, которая освящала и декабрьскій переворотъ, и вообще всяческія беззаконія сильныхъ міра сего. Самъ Низаръ нашелъ, что слишкомъ скомпрометтировалъ себя откровеннымъ цинизмомъ, и вскорѣ послѣ этого пассажа сталъ увѣрять, что онъ никогда не говорилъ ничего подобнаго, что его не поняли, и т. д. И что же? Сорокъ лѣтъ спустя оппортунистскій республиканизмъ Фукье не находитъ ничего лучшаго, какъ публично заявить о своемъ совершенномъ согласіи съ теоріей двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ. Не напоминаетъ ли вамъ это злую каррикатуру Форэна, которая изображаетъ постарѣвшую и ожирѣвшую Маріанну—республику, окруженную толпою далеко не безкорыстныхъ поклонниковъ на оффиціальномъ балу, въ то время, какъ подпись гласитъ: „и подумать только, какъ красива была *она* при Имперіи“!

Въ другомъ мѣстѣ своей старческой болтовни Фукье старается выгодно противоставить теперешнюю молодежь прежней: „взятое въ цѣломъ, современное молодое поколѣніе не знаетъ стѣснительныхъ традицій партіи, которыя въ наше время дѣлали характеръ честнымъ и твердымъ, но умъ слишкомъ узкимъ“. Лично я думаю, что Фукье сильно заблуждается, приписывая теперешней молодежи неспособность служить убѣжденію: именно въ послѣдніе годы въ университетской средѣ замѣчаются признаки давно небывалаго идейнаго оживленія. Но типично въ приведенной фразѣ то утвержденіе, будто вѣрность опредѣленному міровоззрѣнію является „стѣсненіемъ“ для развитія человѣка; типична прозрачная мысль, будто честность и твердость характера, которыя мѣшаютъ человѣку быть политическимъ флюгеромъ, исключаютъ широту ума...

И я горько задумался надъ этимъ аттестатомъ гражданской зрѣлости, который выдается буржуазными республиканцами всѣмъ этимъ переметнымъ сумамъ, что перебрасываются съ одной стороны на другую, смотря по тяжести и цѣнности подачки. А въ головѣ проходилъ цѣлый рядъ фигуръ идейныхъ ренегатовъ, которые пробѣгали чуть не всю гамму цвѣтовъ политическаго спектра, увѣряя каждый разъ своихъ сторонниковъ, что на сей разъ ихъ устами говоритъ голосъ самой истины, голосъ всей „честной Франціи“. Вотъ онъ, знаменитый ораторъ съ львиной головой, который былъ избранъ въ 1869 г. въ законодательный корпусъ одновременно въ Парижѣ и Марсели, какъ „кандидатъ непримиримой оппозиціи“, и который менѣе чѣмъ черезъ 10 лѣтъ

уже излагалъ теорію „господства во чтобы то ни стало“: „чтобы удержаться у власти, республиканская партія должна сдѣлаться партіей министерской... Что касается до меня, я всегда (?!) говорилъ, что я человѣкъ правительства, а не человѣкъ оппозиціи... Годъ власти плодотворнѣе, чѣмъ десять лѣтъ самой героической оппозиціи“ (рѣчь въ Марсели 7-го января 1878 г.); а еще черезъ три года (во время августовскихъ выборовъ 1881 г.) уже грозилъ яростно своею тростью „пьянымъ илотамъ“, по просту сказать, своимъ белльвильскимъ избирателямъ, не дававшимъ свистками и криками говорить измѣннику. Вотъ энергичный и талантливый адвокатъ изъ департамента Вогезовъ, ставшій главою оппортунистской партіи по смерти только что очерченнаго нами оратора; человѣкъ, который въ 1869 г. участвовалъ въ избирательной агитаціи, какъ одинъ изъ представителей „радикальной демократіи“, и который черезъ два года явился однимъ изъ злѣйшихъ враговъ рабочаго класса, а въ 1882 г. успѣлъ дойти до формальнаго объявленія войны тому самому направленію, что помогло ему сдѣлать первые шаги на политическомъ поприщѣ. Вотъ блестящій публицистъ и философски-образованный мыслитель, изгнанный изъ Франціи во время Имперіи за свои республиканскія убѣжденія и крайнія идеи, впослѣдствіи же занимавшій различные важные посты въ третьей республикѣ и въ 1888 г. съ трибуны Сената подвергшій рѣзкой критикѣ, за недостаточный консерватизмъ, даже такую умѣренную политику, какъ оппортунистская.

А за такими крупными фигурами, какъ Гамбетта, Жюль Ферри, Шаллемель-Лакуръ, идетъ цѣлая толпа второстепенныхъ политическихъ ренегатовъ, всѣ эти Морисы Рувье, Жюли Роши, Ивы Гюйо и т. п., вплоть до бывшаго министра финансовъ въ радикальномъ кабинетѣ, Думэра, который похоронилъ свою реформаціонную дѣятельность, согласившись принять изъ рукъ оппортунистскаго министерства постъ генералъ-губернатора Индо-Китая, т. е. прежде всего 120.000 франковъ въ годъ...

Психологія идейныхъ измѣнниковъ часто занимала меня. А теперь, подъ вліяніемъ статьи Анри Фукье, мнѣ пришло въ голову присмотрѣться нѣсколько поближе къ нравственнымъ пружинамъ политическихъ ренегатовъ, а затѣмъ противопоставить имъ душевный складъ людей, оставшихся вѣрными своимъ сознательно выработаннымъ убѣжденіямъ. Для удобства я остановлюсь на политическихъ дѣятеляхъ, принадлежащихъ уже къ прошлому: для надлежащей оцѣнки нужно отодвинуться отъ человѣка на нѣкоторое разстояніе и видѣть его общественную карьеру законченной. По нѣкоторымъ соображеніямъ я избралъ для этого этюда Эмиля Олливье и Прево-Парадоля, какъ яркихъ представителей идейнаго ренегатства, и Огюста Бланки, какъ типъ вѣрнаго служителя убѣжденія. Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу, что въ данномъ случаѣ для меня не важно, какое міровоззрѣніе

защищали сначала и отвергли затѣмъ два первые дѣятеля, и какой идеѣ посвятилъ всю свою жизнь третій. Эмиль Олливье и Прево Парадоль могли бы сначала служить Имперіи, а потомъ измѣнить ей, какъ Огюстъ Бланки могъ бы быть всю жизнь мученикомъ не крайнихъ демократическихъ, а крайнихъ реакціонныхъ воззрѣній: разница въ нравственномъ типѣ между парой ренегатовъ и искренно-убѣжденнымъ человѣкомъ отъ этого не стушуется.

Эмиль Олливье живетъ до сихъ поръ; но это не живой человѣкъ, а въ нѣкоторомъ родѣ гальванизированный трупъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ „съ легкимъ сердцемъ" принялъ на себя отвѣтственность за войну съ Пруссіей и послѣдовавшія за ней страшныя событія, никто не принимаетъ его существованія въ серьезъ. Отъ времени до времени онъ срывается съ мѣста, что-то говоритъ, о чемъ-то пишетъ, но, за исключеніемъ гг. академиковъ и очень незначительнаго числа его пріятелей, французы остаются глухи къ его попыткамъ напомнить о себѣ. Потому о немъ смѣло можно говорить, какъ о человѣкѣ съ законченной карьерой.

Начало этой карьеры было облегчено для Эмиля Олливье тѣмъ обстоятельствомъ, что его отецъ былъ стойкимъ и смѣлымъ республиканцемъ, который боролся противъ реставраціи и іюльской монархіи и былъ выбранъ депутатомъ немедленно послѣ февральской революціи; затѣмъ былъ арестованъ при переворотѣ 2-го декабря и изгнанъ изъ Франціи, не переставая служить идеаламъ своей молодости. По дружбѣ къ отцу, Ледрю-Роллэнъ, членъ временнаго правительства, назначилъ въ февралѣ 1848 г. 23-лѣтняго Эмиля главнымъ коммиссаромъ въ департаментѣ Устьевъ Роны. Но молодой адвокатъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ, проявлялъ уже въ то время свой темпераментъ не столько человѣка идеи и убѣжденія, сколько карьериста и любителя напыщенной фразы. Прислушиваясь къ толкамъ, присматриваясь къ людямъ, онъ старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ представителями очень различнаго образа мыслей, лишь бы они носили выгодный въ то время республиканскій ярлыкъ. Нечего поэтому удивляться, что когда въ іюнѣ 1848 г. въ Марсели вспыхнуло рабочее возстаніе, бывшее воспроизведеніемъ въ маломъ размѣрѣ парижскихъ „іюньскихъ дней", Эмиль Олливье велъ себя такъ двусмысленно между враждующими лагерями, что правительство заподозривало его въ поблажкѣ движенію, тогда какъ инсургенты обвиняли его въ формальной измѣнѣ. Переведенный на менѣе важный постъ коммиссара Верхней-Марны, а затѣмъ, послѣ выбора Луи-Бонапарта президентомъ, и совсѣмъ уволенный отъ службы, Олливье вернулся въ Парижъ въ 1849 г. и принялся за адвокатскую практику. Первое время ему пришлось здѣсь довольно круто, ибо кліенты боялись лица,

скомпрометтировавшаго себя служеніемъ революціонному правительству, и во время террора, сопровождавшаго водвореніе Имперіи, онъ могъ жить лишь уроками. Но скоро ему удалось пріобрѣсти себѣ репутацію блестящаго адвоката, и дѣла потекли въ его кабинетъ. Онъ снова могъ выплыть на поверхность политической жизни въ 1857 г., и къ этому времени относится забавный анекдотъ, который я сейчасъ разскажу и который хорошо обрисовываетъ нравственную физіономію входившаго въ силу политическаго дѣятеля.

Во время выборовъ въ законодательный корпусъ, въ іюлѣ 1857 г., непримиримые республиканцы совѣтовали избирателямъ воздержаться отъ голосованія, чтобы такимъ образомъ дать понять правительству второй имперіи, что нація считаетъ самое существованіе его общественнымъ преступленіемъ. Но республиканцы болѣе умѣреннаго образа мыслей находили тактичнымъ принять участіе въ избирательной борьбѣ и выборомъ оппозиціонныхъ депутатовъ нанести правительству пораженіе на той самой почвѣ, на которую становилась Имперія. Такая точка зрѣнія защищалась въ особенности вліятельной въ то время газетой Le Siècle и ея редакторомъ Авэномъ (Havin), принявшимъ дѣятельное участіе въ постановкѣ и пропагандѣ республиканскихъ кандидатуръ въ Сенскомъ департаментѣ. Эмиль Олливье сначала заявлялъ громогласно о своемъ полнѣйшемъ согласіи съ политикой непримиримыхъ республиканцевъ. Но затѣмъ внезапно перемѣнилъ фронтъ... Я уступаю мѣсто разсказчику анекдота:

Одинъ изъ сотрудниковъ Siécle, бывшій самъ кандидатомъ въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ, встрѣтилъ Олливье у двери кабинета Авэна: «А, вотъ и вы рѣшаетесь быть кандидатомъ»!—«Я, живо возразилъ Олливье: о, я никогда не возьму себѣ роли въ этой комедіи, которая разыгрывается въ Пале-Бурбонъ (палатѣ), да и васъ приглашаю послѣдовать моему примѣру». Сотрудникъ газеты всего часъ спустя узналъ, что горячій сторонникъ воздержанія, увлеченный краснорѣчіемъ Авэна, уже принялъ кандидатуру *)

Вы уже здѣсь можете отмѣтить основную черту ренегатовъ: личный успѣхъ является у нихъ единственнымъ компасомъ ихъ общественной дѣятельности, и съ нимъ только они и справляются при плаваніи или, лучше сказать, корсарствѣ по морю житейскому. Сначала человѣкъ привыкаетъ лавировать и перемѣнять курсъ по частнымъ вопросамъ, подъ вліяніемъ ближайшаго интереса; а затѣмъ, смотришь, во время самой битвы подниметъ непріятельскій флагъ и измѣннически шарахнетъ всѣмъ бортомъ по своимъ идейнымъ товарищамъ, да еще потребуетъ Капитолія и жирнаго оклада за свой „патріотизмъ раскаянія“. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, люди могли совершенно искренно расходиться

*) Taxile Delord, *Histoire illustrée du Second Empire*, т. II. примѣч. къ стр. 340.

по вопросамъ тактики и стоять одни за воздержаніе, другіе за участіе въ выборахъ... Но самая скоропалительность въ перескакиваніи отъ одного мнѣнія къ другому является характернымъ введеніемъ къ послѣдующей дѣятельности Олливье. Очевидно, въ теченіе „часа", шустрый адвокатъ уже успѣлъ сообразить, что разъ кандидатура ему предлагается, и разъ она будетъ защищаться вліятельнымъ органомъ, шансы быть выбраннымъ у него сильно возростаютъ. И личный интересъ сейчасъ же подсказалъ ему, что, каковы бы ни были его теоретическіе взгляды насчетъ воздержанія или участія, практически ему выгодно пробраться въ палату.

И дѣйствительно, Олливье былъ избранъ депутатомъ и явился однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ „пяти", которые воплощали въ себѣ всю оппозицію въ Законодательномъ Корпусѣ 1857 г. Въ теченіе пяти лѣтъ, пока ему было выгодно выставлять на показъ свой республиканизмъ, онъ не упускалъ случая нападать на Имперію. Но уже въ 1862 г., замѣтивъ, что среди сторонниковъ Имперіи начинаетъ проявляться стремленіе идти на нѣкоторыя уступки, онъ задумалъ переходъ въ ряды бонапартистовъ съ цѣлью играть тамъ роль вожака легальной династической оппозиціи и прикрыть такимъ образомъ эту выгодную для него измѣну чисто-внѣшней вѣрностью принципамъ либерализма. По поводу преній о режимѣ печати, Эмиль Олливье вдругъ закончилъ свою рѣчь льстивымъ приглашеніемъ, обращеннымъ къ Наполеону, ослабить нѣсколько возжи и

явиться мужественнымъ учителемъ великаго народа по пути къ свободѣ, отвергнуть совѣты малодушныхъ и стать непосредственно лицомъ къ націи: въ тотъ день, когда будетъ къ ней обращенъ такой призывъ, можетъ быть, останутся еще во Франціи люди, вѣрные воспоминаніямъ прошлаго и надеждамъ на будущее; но громадное большинство будетъ преклоняться передъ Вами, Сиръ, и поддержка, которую оно окажетъ Вамъ, будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что явится совершенно безкорыстной *).

По поводу поправки въ оффиціальномъ отчетѣ засѣданія, который не совсѣмъ точно передалъ рѣчь Олливье, предсѣдатель Законодательнаго Корпуса, герцогъ де-Морни, впервые сдѣлалъ комплиментъ адвокату оппозиціи:

Это я выбросилъ изъ Moniteur'а слова, произнесенныя вчера г. Эмилемъ Олливье: «я, республиканецъ». Я не хотѣлъ призывать къ порядку изъ-за слова, вырвавшагося, безъ сомнѣнія, въ пылу импровизаціи, одного изъ своихъ собратовъ по палатѣ, рѣчь котораго представляла такой характеръ умѣренности и честности и такъ хорошо отдавала справедливость правительству съ своей точки зрѣнія, что порицаніе могло бы показаться незаслуженнымъ. И ужъ, конечно, не въ тотъ моментъ, когда г. Эмиль Олливье заявлялъ, что присоединится къ правительству, несмотря на свои предшествовавшія республиканскія мнѣнія, если императорская политика приметъ характеръ, соотвѣт-

*) L. c., т. III, стр. 56.

ствующій еще болѣе либеральнымъ воззрѣніямъ оратора,—не въ этотъ моментъ я могъ бы найти нужнымъ припомнить ему депутатскую присягу. Но ораторъ, если онъ желаетъ непремѣнно этого, воленъ сегодня повторить выброшенныя въ отчетѣ выраженія *)

Но ни задумавшій ренегатство депутатъ, ни его товарищи по оппозиціи не сочли долгомъ подчеркнуть по этому поводу свои убѣжденія. И съ тѣхъ поръ избиратели Олливье стали крайне недовѣрчиво относиться къ своему депутату, не безъ основанія уже подозрѣвая его въ измѣнѣ знамени. Дальнѣйшая дѣятельность Олливье представляетъ логическое развитіе его перваго шага по пути ренегатства. У нашего психическаго аппарата есть свои непреклонные законы механики, и, разъ допустивши сдѣлку съ совѣстью, человѣкъ самъ не знаетъ, въ какой лагерь и въ чьи объятія онъ скатится при концѣ наклонной плоскости. При открытіи сессіи 1863 г. Олливье высказался въ одной изъ своихъ рѣчей противъ „систематической оппозиціи“ Имперіи. Въ 1864 г. онъ уже подвергъ формальной критикѣ дѣятельность своихъ товарищей по оппозиціи, упрекая ихъ въ

болѣзни пессимизма, которая состоитъ въ томъ, что, когда люди стоятъ передъ правительствомъ, котораго они не одобряютъ, они вмѣсто того, чтобы принимать отъ него то, что хорошо, и порицать то, что дурно, нападаютъ на все и критикуютъ все, а особенно то, что хорошо, на томъ основаніи, что это, молъ, приноситъ пользу правительству, давшему это хорошее **).

Весной 1865 г., послѣ смерти Морни, съ которымъ онъ уже давно видался и который толкалъ его все дальше по пути ренегатства, Олливье при обсужденіи адреса открыто перешелъ на сторону бонапартистскаго большинства, говоря, что онъ будетъ вотировать съ этой группой, и мотивируя свое рѣшеніе слѣдующимъ образомъ:

Правда, что Франція во многихъ отношеніяхъ осталась позади другихъ народовъ; правда, что для этой гордой націи больно сравнивать свои отсталыя учрежденія съ учрежденіями Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи. Но императоръ пойметъ, что такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться безъ всякой опасности... Что касается до него, Эмиля Олливье, до него, котораго считаютъ наивнымъ политикомъ или вульгарнымъ честолюбцемъ, то онъ не будетъ сожалѣть о томъ, что употребилъ всю свою силу воли на заключеніе прочнаго союза между демократіей и свободой, при помощи сильной и національной власти ***).

Въ 1866 г. Олливье явился уже выразителемъ взглядовъ той фракціи бонапартистскаго большинства, которая получила названіе tiers parti, „третьей партіи“, вѣрнѣе сказать, межеумочной партіи. Защищая поправку къ адресу, внесенную сорока пятью членами этой фракціи, бывшій республиканецъ утопалъ въ напы-

*) Ibid. стр. 59.
**) L. c. т. IV, стр. 22—23.
***) Ibid., стр. 175.

щенной фразеологіи, утверждая, что „третья партія работаетъ надъ разрѣшеніемъ великой задачи XIX-го вѣка, примиренія свободы и авторитета“. Само собою разумѣется, что эти услуги, оказываемыя ренегатомъ режиму второй имперіи, не оставались безъ мзды и награды. Олливье уже съ 1865 г. встрѣчался съ Наполеономъ и его супругой, и тогда же былъ назначенъ контролеромъ въ Суэзской компаніи съ годовымъ жалованьемъ въ 30000 фр.; а вскорѣ императоръ поручилъ ему, на очень выгодныхъ условіяхъ, составить докладъ о дѣлахъ этой компаніи. Шансы Олливье стали особенно подыматься при дворѣ съ 1866 г., когда неудачи внѣшней политики навели Наполеона на мысль укрѣпить свою расшатанную популярность игрой въ легкій либерализмъ. Императорскій рескриптъ 19-го января 1867 г., возвѣщавшій нѣкоторыя „реформы“, наполнилъ душу Олливье предвкушеніемъ министерскаго портфеля; но этой сладкой мечтѣ ренегата было суждено осуществиться лишь года три спустя: вѣрные слуги императора, дѣлившіе труды и радости авантюриста съ самаго начала его политической карьеры или же ставшіе бонапартистами сейчасъ же послѣ переворота, отнюдь не думали допустить такъ легко перебѣжчика изъ республиканскаго лагеря къ „государственному пирогу“, въ который они вонзали зубы вотъ уже 15 лѣтъ. Наоборотъ, какъ всегда бываетъ, они со злобой и презрѣніемъ относились къ новому конкурренту по окладу и собрату по ливреѣ и старались всячески вооружить Наполеона III противъ ловкаго корсара, который, молъ, уже измѣнилъ одному знамени и—кто поручится?—продастъ, можетъ быть, и Имперію.

Вплоть до конца 1869 г. придворная борьба партій выражалась въ перевѣсѣ реакціонной политики, воплощавшейся въ Руэрѣ (котораго Золя изобразилъ въ „Его Сіятельствѣ Эженѣ Ругонѣ“); и все это время сколько разъ судьба проносила чашу благополучія мимо самаго рта Эмиля Олливье, и сколько дальнѣйшихъ низостей онъ долженъ былъ совершить! Напомню лишь формальный авансъ, сдѣланный имъ Руэру и „мамелюкамъ“ большинства въ началѣ 1867 г.; его рѣчь въ 1868 г.; его кандидатуру въ Варскомъ департаментѣ на выборахъ 1869 г., когда парижскіе избиратели объявили его недостойнымъ представлять ихъ въ парламентѣ и жестоко освистали его на одномъ изъ собраній; его интриги въ концѣ 1869 г. съ цѣлью предложить себя въ министры Наполеону при помощи другого корсара, газетчика Клемана Дювернуа, которому онъ написалъ, между прочимъ, письмо, гдѣ, послѣ столькихъ измѣнъ и ренегатствъ, осмѣливается выражаться слѣдующимъ образомъ: „чувство нравственности теряется въ народѣ; возвратимъ ему это чувство, строго исполняя свой долгъ, а какой долгъ выше, чѣмъ вѣрность въ дружбѣ и уваженіе передъ политическими узами, связывающими насъ съ единомышленниками“; и, наконецъ, фразистое посланіе къ тому же

Дювернуа, послѣ того, какъ Наполеонъ поручилъ ему составить кабинетъ, посланіе, заключающееся словами: „Письмо императора такъ исполнено довѣрія, такъ благородно, что оно восторжествовало надъ всѣми моими сомнѣніями. Я рѣшился на все и иду въ бой. Да благословитъ Богъ наше оружіе“.

О министерской дѣятельности Эмиля Олливье нечего распространяться. Кабинетъ былъ сформированъ окончательно ренегатомъ 2-го января 1870 г., а 9-го августа уже палъ при первыхъ пораженіяхъ французской арміи; 4-го же сентября и сама имперія потонула въ крови и грязи. Но для окончательной характеристики нашего героя сдѣлаемъ еще одинъ—два штриха. Находясь въ оппозиціи, онъ, какъ извѣстно, громилъ оффиціальныя кандидатуры и всячески клеймилъ правительство за давленіе на избирателей. Посмотрите теперь, какъ бывшій ораторъ оппозиціи дѣйствуетъ въ качествѣ всемогущаго министра во время агитаціи, которая предшествовала организованному имъ плебисциту 8-го мая.

Публичныя собранія, говоритъ историкъ второй имперіи, подвергнуты самому строгому надзору. Такъ, генеральный прокуроръ и префектъ Безансона находятъ, что въ такомъ-то конкретномъ случаѣ было бы неумѣстно начинать судебное преслѣдованіе, рекомендуемое министромъ. Но Эмиль Олливье упорно продолжаетъ считать это преслѣдованіе необходимымъ: «Пора, наконецъ, дать почувствовать руку правительства». И то же самое рекомендуется имъ по отношенію къ публичнымъ собраніямъ въ Марсели: «Не колеблитесь передъ примѣрнымъ наказаніемъ и бейте прямо въ голову. Примитесь въ особенности за адвокатовъ и вообще за господъ (prenez-vous-en aux avocats, aux messieurs)». Каждая изъ его административныхъ депешъ есть горячее воззваніе къ усердію генеральныхъ прокуроровъ: «Переговорите съ вашими товарищами. Пусть они въ свою очередь условятся съ мировыми судьями. Усильте ихъ рвеніе»... Его коллега, министръ внутреннихъ дѣлъ, пишетъ ему отъ 5 мая: «Газеты «La Marsellaise» и «Le Rappel» не были конфискованы сегодня утромъ. И, однако, мнѣ кажется, что при нѣкоторомъ желаніи можно было бы найти въ радикальныхъ газетахъ вещи, которыя могли бы послужить поводомъ къ преслѣдованію, и я продолжаю думать, что намъ было бы крайне полезно воспрепятствовать всѣмъ этимъ господамъ отравлять, въ эти дни, своимъ ядомъ наши деревни» *).

Пусть читатель не забудетъ также, что героическій министръ который „съ легкимъ сердцемъ“ объявлялъ войну Пруссіи, какъ только потерялъ свой портфель и выпустилъ изъ рукъ власть, сейчасъ же задалъ стрекача въ Фонтенебло, а оттуда направился „подъ плѣнительное небо“ Италіи,—это въ то самое время, какъ французы изнемогали въ борьбѣ съ сильнымъ врагомъ,—и возвратился на родину не раньше половины 1873 г.

И вотъ этотъ-то человѣкъ осмѣливается отъ времени до времени появляться передъ публикой въ образѣ горячаго, но несчастнаго патріота, высокаго и неподкупнаго политика, котораго судьба и неблагодарность современниковъ отодвинули на задній

*) L. c. т. VI, p. 102.

планъ. Онъ судитъ и рядитъ всѣхъ и вся и не догадается, что его судъ долженъ былъ бы начаться съ него самого... Нѣтъ, онъ продолжаетъ отъ времени до времени „украшать“ столбцы „Фигаро“ разсужденіями о добродѣтели и страницы La Revue des Deux-Mondes реабилитаціей Наполеона III *). Съ 1895 года онъ занятъ, наконецъ, изготовленіемъ своихъ мемуаровъ, посвященныхъ „либеральной имперіи“, т. е., иначе говоря, оправданію всего своего политическаго корсарства. По настоящее время появился одинъ томъ этого творенія, лежащій въ данный моментъ передо мною. Онъ имѣетъ претензію бросить историческій взглядъ и нѣчто на „принципъ національностей“, но интересенъ, собственно, какъ матеріалъ для изученія психологіи нераскаянныхъ ренегатовъ. Чего стоитъ одинъ эпиграфъ изъ Марка-Аврелія и гласящій: „Пусть во всѣхъ твоихъ словахъ звучитъ голосъ героической истины“. А его посвященіе женѣ съ латинскимъ эпитетомъ *Uxori dilectissimae*, „сладчайшей супругѣ“, „моей подругѣ, славной, какъ мужествомъ и прямотою духа, такъ и возвышенностью ума, и безъ преданной любви которой я никогда не имѣлъ бы ни силы, чтобы вынести гнетъ событій, ни спокойствія души, чтобы разсказать ихъ“. А, наконецъ, его предисловіе, въ которомъ онъ не стыдится обзывать республиканцевъ „презрѣнными писаками, исполненными самой преступной ненависти“, и осмѣливается выдавать самому себѣ аттестатъ великаго человѣка и патріота.

Если бы наши генералы были побѣдителями, я сталъ бы великимъ человѣкомъ... Но «ex eventu famam», т. е. успѣхъ создаетъ репутацію. Я не претендую на то, чтобы избѣжать общей участи, и не протестую противъ такого приговора. Забота о чести могла бы одна побудить меня на личныя оправданія; но моя честь ни теперь, ни позже не зависитъ отъ произвола кого бы то ни было; разъ я сохранилъ уваженіе (къ себѣ?), всякое другое одобреніе для меня излишне. Мотивъ этихъ этюдовъ и этихъ очерковъ, поэтому, совершенно безкорыстенъ. Передъ тѣмъ, какъ покинуть этотъ свѣтъ, я хочу дать послѣднее доказательство преданности возлюбленному отечеству, которому я посвятилъ всѣ свои думы. Я хочу омыть его передъ потомствомъ отъ пятна, будто оно ввергло войной людей въ пучину несчастія, недовѣрія, ненависти и варварства. Я хочу доказать, что въ 1870 г. оно такъ же мало думало нападать, какъ въ 1792 г. и 1806 г.; что въ томъ и въ другихъ случаяхъ оно защищало свою независимость, а не посягало на чужую. Предоставляя людямъ, презирающимъ свои права, тѣ стоны и жалобы, которыми вотъ уже столько лѣтъ они ослабляютъ мужество отечества, я протягиваю ему чашу съ крѣпительнымъ напиткомъ, дающимъ вѣру, силу и надежду. И если оно приметъ эту чашу, тѣмъ лучше для него! **).

Думаю, что всякіе комментаріи здѣсь излишни: эта проза, въ

*) См. его положительно безстыдный по лживости этюдъ *Le prince Louis Napoléon* въ «La Revue des Deux-Mondes» отъ 15 декабря 1895 г. и отъ 15 января и 15 декабря 1896 г.

**) Emile Ollivier, *L'Empire libéral. Etudes, récits, souvenirs*; Парижъ 1895, т. I, стр. 32—33.

которой авторъ то отождествляетъ себя (по поводу войны 1870 г.) съ „возлюбленнымъ отечествомъ“, то развязно предлагаетъ ему „крѣпительный напитокъ“ мужества, является положительно классическимъ образчикомъ міровоззрѣнія мѣднолобаго и легкомысленнаго до безсознательности ренегата. Но оттѣнки ренегатства различны; есть идейные измѣнники, карьера которыхъ своимъ внутреннимъ трагизмомъ возбуждаетъ не столько омерзѣніе, сколько жалость. Прево-Парадоль принадлежитъ къ числу этихъ несчастныхъ типовъ.

Въ „Ежегодникѣ“ психологической лабораторіи при Сорбоннѣ за 1895 г. есть довольно интересная статья профессора Рибо, которая трактуетъ о „ненормальныхъ и болѣзненныхъ характерахъ“ и близко касается предмета моего этюда *). Авторъ пытается дать классификацію различныхъ родовъ человѣческаго характера. Въ этой галлереѣ типовъ я нахожу, между прочимъ, два психическихъ образца, одинъ изъ которыхъ очень близко подходитъ къ характеру Эмиля Олливье, другой—къ характеру Прево-Парадоля. Первому типу Рибо даетъ названіе „характеровъ противорѣчивыхъ лишь внѣшнимъ образомъ“ и не безъ ироніи добавляетъ:

ими изобилуетъ политическая исторія. Далекій отъ противорѣчія и неустойчивости, характеръ въ этихъ случахъ есть нѣчто опредѣленное и прочное: совершенное единство въ цѣли и противорѣчіе лишь въ средствахъ. Моралистъ по праву называетъ эти характеры фальшивыми, потому что они носятъ маску; но для психолога они нормальны и рѣзко подчеркнуты. Они встрѣчаются въ большомъ числѣ въ обыденной жизни, и для нихъ нѣтъ надобности быть актерами большого историческаго театра; достаточно лишь оставаться вѣрными преслѣдуемой цѣли и небрезгливыми относительно употребляемыхъ средствъ. Тѣ люди, которые въ революціонныя эпохи становятся внезапно жестокими изъ-за страха, принадлежатъ къ этой категоріи: ихъ единство дѣятельности заключается въ заботахъ о самосохраненіи.

Авторъ могъ бы прибавить, что эта жестокость сопровождаетъ этихъ господъ и тогда, когда революціонная волна идетъ на отливъ, и они перебѣгаютъ въ противоположный лагерь съ оружіемъ и обозомъ. Стоя бокъ-о-бокъ съ фанатиками революціонной идеи, находясь подъ вліяніемъ ихъ энергіи, они, если не всегда дѣйствуютъ, то всегда кричатъ очень рѣшительно, требуютъ крови, головъ и всякихъ ужасовъ и любятъ разыгрывать роль „львовъ“ или „тигровъ“ революціи, даже нося подчасъ соотвѣтствующія клички. Но когда партіи порядка удается отбить нападеніе, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы какъ нибудь втереться въ ряды побѣдителей, замести хвостомъ свое прошлое; и смотришь, нашъ левъ или тигръ превращается въ жалкаго шакала,

*) См. «Th. Ribot, *Les caractères normaux et morbides*;» L'année psychologique 1895, Парижъ, 1896, стр. 1—17.

который поднимаетъ вой страха и не удовлетвореннаго аппетита и готовъ грызть своихъ тяжело-раненыхъ товарищей и даже питаться трупами убитыхъ, разрывая свѣжія могилы. Такіе субъекты, несмотря на внѣшнія противорѣчія дѣятельности и измѣны всему и всѣмъ, дѣйствительно остаются вѣрными самимъ себѣ; въ этомъ смыслѣ, напр., Олливье былъ правъ съ психологической точки зрѣнія, обратившись однажды къ своимъ избирателямъ съ типичной фразой: „я не измѣнился, измѣнились лишь вы"...

Но, рядомъ съ этимъ цѣльнымъ характеромъ отрицательнаго типа, я нахожу у Рибо иной образецъ, къ которому можно пріурочить другую категорію ренегатовъ, и въ томъ числѣ Прево-Парадоля. Это—характеръ, „заключающій въ себѣ болѣе глубокое противорѣчіе, потому что оно существуетъ здѣсь между двумя манерами чувствованій, двумя тенденціями и двумя способами дѣятельности, исключающими одинъ другой". И авторъ цитируетъ, въ числѣ своихъ примѣровъ, „людей, разрываемыхъ потребностью дѣятельности и потребностью отдыха и безпрестанно переходящихъ отъ одной къ другому"; а, какъ на конкретный образецъ противорѣчиваго внутренно человѣка, указываетъ на знаменитаго композитора Вагнера, который, по словамъ лицъ, хорошо знавшихъ его, совмѣщалъ въ себѣ „инстинкты аскета и сатира, потребность любить и ненавидѣть, сильный позывъ къ наслажденію и жажду идеала, высокое сознаніе человѣческаго достоинства и самое низменное лакейство, помѣсь преданности и гнуснаго предательства". Я бы сдѣлалъ къ этому ту оговорку, что одновременное существованіе различныхъ тенденцій въ такомъ человѣкѣ нисколько не исключаетъ того, что при извѣстныхъ общественныхъ и личныхъ условіяхъ побѣда будетъ оставаться въ продолженіе извѣстнаго,—порою, можетъ быть, и долгаго,—времени за одной тенденціей, а при измѣнившихся условіяхъ за другой. И прежде, и послѣ борьба внутреннихъ противорѣчій, очевидно, не умолкаетъ въ душѣ подобной личности; но вліяніе извѣстной среды можетъ давать болѣе или менѣе постоянный перевѣсъ, скажемъ, положительнымъ стремленіемъ, а вліяніе другой среды такой же постоянный перевѣсъ стремленіямъ отрицательнымъ.

Возьмите Прево-Парадоля. Это человѣкъ болѣе сложнаго и болѣе симпатичнаго типа, чѣмъ мѣднолобый и безстыжій политиканъ „легкаго сердца". Его душа рано является ареной столкновенія эгоистическихъ и альтруистическихъ инстинктовъ. Но пока условія общественной и личной жизни слагались однимъ способомъ, это былъ знаменитый журналистъ оппозиціи, являвшійся, по словамъ, если не ошибаюсь, Жюля Симона, „настоящей славой французской печати". А измѣнились эти условія, и онъ сталъ чиновникомъ презираемой имъ Имперіи, для того, чтобы, въ по-

рывѣ новой душевной борьбы, разрѣшить внутреннее противорѣчіе пистолетнымъ выстрѣломъ, доказавъ этимъ послѣднимъ актомъ свое сравнительное превосходство надъ чистокровнымъ ренегатомъ: люди типа Олливье не стрѣляются...

Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю типъ Прево-Парадоля, насколько онъ вырисовывается не только изъ его сочиненій, но и изъ его біографіи, написанной не такъ давно Греаромъ, и интимной переписки съ друзьями, приложенный къ этой книжкѣ *). Меня, во всякомъ случаѣ, удивило слѣдующее обстоятельство, Греаръ старается реабилитировать покойнаго пріятеля и доказать. что, собственно говоря, присоединеніе Парадоля къ Имперіи было не измѣной, а скорѣй логическимъ выводомъ изъ его міровоззрѣнія. И въ то же самое время совершенно упускаетъ изъ виду такой драгоцѣнный документъ для психологіи Парадоля, какой заключается въ фантастическомъ разсказѣ талантливаго публициста „Мой другъ Германъ". Въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, изволите-ли видѣть, жилъ-былъ молодой студентъ Германъ, котораго природа щедро надѣлила всѣми дарами: искренней любовью къ добру, стремленіемъ къ истинѣ, благороднымъ характеромъ. У него замѣчалось лишь два недостатка или, вѣрнѣе, двѣ странности: онъ никогда не могъ бодрствовать по заходѣ солнца и о себѣ говорилъ съ глубокимъ чувствомъ меланхоліи. Не удивляйтесь этому: душа бѣднаго Германа была подѣлена между двумя тѣлами; днемъ она обитала въ оболочкѣ добродѣтельнаго нѣмецкаго юноши, а на ночь улетала въ Австралію и тамъ, среди дня антиподовъ, вела порочную жизнь въ тѣлѣ нѣкоего бродяги Паркера, который скоро дошелъ до преступленія. И вотъ, въ одно прекрасное утро друзья милаго Германа нашли его бездыханный трупъ въ кровати: оказалось, что какъ разъ въ этотъ моментъ, тамъ, въ далекой Австраліи, негодяй Паркеръ былъ повѣшенъ по приговору суда. Теперь прислушайтесь, читатель, къ слѣдующей заключительной тирадѣ остроумнаго автора:

Но развѣ въ этомъ фактѣ заключается уже такъ много чудеснаго? И всѣ мы не являемся-ли странною смѣсью Германа и Паркера? Развѣ можно отдѣлить благородную сторону нашей природы отъ низшихъ и грубыхъ сторонъ, и развѣ мы не носимъ въ себѣ междоусобную войну стремленій? Сегодня мы—Германы, завтра мы—Паркеры, а порою оба вмѣстѣ: до такой степени мотивы нашихъ дѣйствій смѣшаны и подвижны; до такой степени мы измѣнчивы и непохожи сами на себя; до такой степени, наконецъ, добро и зло глубоко переплетены въ нашей душѣ **)

Какъ вамъ нравится эта сказка, читатель? И не находите-ли вы, что, знай Рибо или вспомни это произведеніе, онъ долженъ былъ бы цитировать это мѣсто для характеристики „противорѣ-

*) Octave Gréard, *Prevost-Paradol. Etude suivie d'un choix de lettres;* Парижъ, 1894.

**) Gréard, стр. 61—62.

чиваго характера"? Когда я началъ, по крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія вдумываться въ обстоятельства жизни и переписку Прево-Парадоля, меня поразилъ, именно, этотъ постоянный дуализмъ его натуры, эта безпокойная, блуждающая и мятущаяся душа, входящая то въ интересы эгоиста Паркера, то въ стремленія альтруиста Германа. Не въ логическомъ элементѣ Прево-Парадоля, а въ его темпераментѣ, его характерѣ надо отыскивать тайну его политическаго ренегатства.

Разверните переписку молодого и уже блестящаго Парадоля. Онъ пробуждался къ сознательной жизни въ концѣ 40-хъ годовъ, и буря февральской революціи должна была ускорить его развитіе. Подобно многимъ впечатлительнымъ умамъ этой эпохи, онъ сочувствуетъ соціализму, слѣдуетъ отчасти за Фурье, не безъ нѣкотораго юношескаго самодовольства называетъ себя „матеріалистомъ-соціалистомъ"; строитъ свое общественное міровоззрѣніе на „благосостояніи всѣхъ людей", съ энтузіазмомъ вспоминаетъ о нѣкоемъ другѣ-мулатѣ, убѣжденномъ соціалистѣ; самъ пишетъ юношескую брошюру подъ заглавіемъ: „Совѣты молодому человѣку, или о выборѣ партіи" и заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ общественнаго переустройства. Но даже и въ этотъ медовый мѣсяцъ юношескаго энтузіазма хриплый басъ эгоиста-Паркера прорывается порою среди высокихъ нотъ идеалиста-Германа. Такъ въ письмѣ (отъ 27-го апрѣля 1849 г.) къ Тэну, бывшему его старшимъ товарищемъ по Нормальной школѣ, Прево-Парадоль, сообщая какъ разъ о своей политической брошюрѣ, вдругъ довольно неожиданно говоритъ:

Я не отступлю ни передъ какими страхами, чтобы только выбиться изъ состоянія посредственности и войти въ этотъ свѣтъ, который надо будетъ взять приступомъ *).

Это ужъ нота записного карьериста, или какъ скажетъ современный французъ, арривиста (arriviste: во французскомъ, какъ извѣстно, нѣтъ слова „carrièriste", хотя нашъ „карьеристъ" происходитъ отъ французскаго слова „carrière"). Въ другомъ письмѣ къ Тэну (отъ 16-го іюля 1849 г.) у Парадоля вырываются слѣдующія слова, указывающія на его склонность къ эпикурейству и жаждѣ наслажденій:

да, ты, конечно, можешь говорить о силѣ воли!.. Но для меня слово «воля» не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ страданія и чувства раскаянія. У меня никогда не было силы стѣснять себя въ чемъ-либо, и никогда не будетъ **).

Въ тѣхъ самыхъ фразахъ осужденія, которыя онъ бросаетъ, напримѣръ, по адресу тогдашней золотой молодежи, называя ее

*) L. c. стр. 155.
**) Ibid., стр. 163.

„подонками молодого поколѣнія“, проглядываетъ зависть къ ихъ образу жизни:

и эта-то чернь какъ разъ обладаетъ самыми хорошими лошадьми и самыми красивыми женщинами *).

Такія восклицанія непріятно поражаютъ въ юношѣ, который рядомъ съ этимъ полонъ энтузіазма къ идейнымъ началамъ, наукѣ, философіи, свободѣ и забываетъ о матеріальныхъ лишеніяхъ (Парадоль былъ сыномъ небогатаго военнаго и рано умершей актрисы) въ пламенныхъ разговорахъ съ своими друзьями, Абу, Тэномъ, Греаромъ, и пр.

И эти два параллельныя теченія, можно сказать, постоянно живутъ въ душѣ молодого человѣка, хотя у него въ эти годы чаще всего всплываютъ наверхъ согрѣтыя энтузіазмомъ волны безкорыстныхъ чувствованій. А жизнь идетъ своимъ чередомъ: водвореніе Имперіи и наступившая реакція сильно мѣшаютъ университетской карьерѣ; время проходитъ въ поискахъ уроковъ, работы, профессорской каѳедры; а тутъ примѣшивается любовь, женитьба, дѣти и необходимость кормить себя и своихъ. Тяжелая борьба за существованіе, обезкураживая этого эпикурейца по наклонностямъ и аскета по неволѣ, отнимаетъ идейный пылъ, и холодная струя эгоизма порою, какъ кажется, охватываетъ всю душу Прево Парадоля. Такъ еще до женитьбы, получивъ академическую премію за свой этюдъ о Бернарденъ-дэ-Сэнъ-Пьерѣ, нашъ молодой человѣкъ хлопочетъ о каѳедрѣ въ Политехнической школѣ и принужденъ работать локтями, чтобы добраться до этого мѣста, дѣлая визиты оффиціальнымъ лицамъ и т. п. Его очевидно, щиплетъ слегка угрызеніе совѣсти за эту уступку передъ ненавистнымъ ему режимомъ и его представителями, которыхъ онъ презираетъ:

Я раскаиваюсь, между нами будь сказано (пишетъ онъ Греару 24-го ноября 1852 г.), въ томъ, что скомпрометтировалъ въ этой свалкѣ изъ-за мѣста свое знамя, которое до сихъ поръ оставалось цѣло и невредимо.

Но тутъ же съ улыбкой разсказываетъ объ „общемъ расположеніи, которое встрѣчаетъ въ Парижѣ молодежь, имѣющую хоть внѣшнія заслуги“, и немедлено же не безъ самодовольства прибавляетъ:

тѣ, кто проклинаютъ общество, походятъ на проклинающихъ трибуну: они просто-напросто не умѣютъ подниматься и удерживаться здѣсь **).

Наконецъ, толканіе въ оффиціальныя двери увѣнчалось успѣхомъ: послѣ талантливой защиты двухъ тезъ на доктора литературы, онъ получаетъ въ 1855 г. каѳедру въ Эксскомъ университетѣ, гдѣ онъ замѣстилъ Фортуля, сдѣлавшагося министромъ просвѣщенія. Забыта на время оппозиція императорскому режиму;

*) Ibid., стр. 173 (письмо къ Греару отъ 1-го октября 1851 г.).
**) Ibid. стр. 203.

забыто и то обстоятельство, что самъ Фортуль былъ перебѣжчикомъ изъ республиканскаго лагеря. Въ письмѣ къ Греару (отъ 10-го апрѣля 1856 г.) онъ признается, что „питаетъ искреннюю благодарность къ Фортулю", доставившему ему „спокойствіе и возможность работать" *).

Но когда Прево-Парадоль отдохнулъ въ провинціальномъ университетѣ отъ матеріальныхъ лишеній, его безпокойную натуру стало тянуть въ Парижъ. Новый поворотъ колеса фортуны помогъ ему осуществить это желаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ его на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ: въ концѣ 1856 г. онъ получилъ приглашеніе постояннаго сотрудничества въ „Le Journal des Debats". Этотъ органъ велъ буржуазно-академическую оппозизію противъ второй имперіи и защищалъ принципы мѣщанской монархіи Орлеановъ. Но это и было какъ разъ на руку Прево-Парадолю. Его связи съ университетскимъ и академическимъ персоналомъ уже оказали свое воздѣйствіе на его міровоззрѣніе, заставивъ его побросать въ дорогѣ юношескія идеи и замѣнить ихъ умѣреннымъ либерализмомъ. Конечно, въ сложной натурѣ Прево-Парадоля и самый процессъ этого превращенія принялъ сложную форму: идейный элементъ прекраснодушнаго Германа скрашивалъ до нѣкоторой степени игру эгоистическихъ интересовъ авантюриста-Паркера. Несомнѣнно, напр., что живой и впечатлительный юноша, подобно многимъ другимъ сверстникамъ изъ интеллигенціи, былъ страшно пораженъ декабрьскимъ переворотомъ, а особенно послѣдовавшимъ за нимъ плебисцитомъ, въ которомъ ярко выразилось равнодушіе народа къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. И надо читать негодующія письма Парадоля къ Тэну, въ концѣ 1851 г. и началѣ 1852, чтобы понять силу кризиса, разразившагося въ душѣ молодого человѣка.

Требовать всеобщей подачи голосовъ для лапландцевъ, негровъ или обезьянъ, это все одно и тоже; это—безуміе, не имѣющее даже заслуги логичности... Дай право голоса полипамъ, и они вотируютъ, что не должно двигаться; но, клянусь, я не подчинюсь ихъ закону. Какъ! въ этой несчастной странѣ существуетъ цѣлая масса земледѣльцевъ, ремесленниковъ, вообще тѣхъ людей, что составляли персоналъ античныхъ рабовъ; масса, которая, потому только, что не умѣетъ ни читать, ни говорить, находитъ излишними и печать, и трубину; которая, не имѣя нравственнаго чувства, дѣлающаго для насъ свободу драгоцѣнной и необходимой, вручаетъ одному человѣку всемогущество... А я позволю терпѣливо увѣчить свою природу въ угоду этимъ тупымъ Прокустамъ? Нѣтъ, ни за что, какъ я не позволю и грызть мои книги крысамъ, которыя, вѣдь тоже вполнѣ невинно, находятъ ихъ годными только для грызенья!.. Но дѣйствовать такимъ образомъ, значитъ-ли посягать на право толпы? Отнюдь нѣтъ! она имѣетъ столько же правъ, сколько потребностей, напр., право жить, пить, пользоваться гражданскимъ законодательствомъ, отеческимъ даромъ просвѣщеннаго класса этимъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ

*) Ibid., стр. 251.

націи. Но открыть политическую область людямъ, которые не умѣютъ читать, которымъ чуждо всякое понятіе личнаго права и которые идутъ прямо къ деспотизму, какъ оселъ на мельницу, это, какъ говоритъ великій Бальзакъ, пустить быка въ лавку съ фаянсовой посудой *).

Даже и здѣсь, даже и въ этой юношески пламенной и, повидимому, безкорыстной тирадѣ, вы можете уже открыть эгоистическую потребность интеллигентнаго буржуа выдѣлить себя изъ этого „персонала античныхъ рабовъ", держаться подальше отъ этого „осла", этого „быка" и давать этимъ „несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ" лишь столько правъ, сколько позволяютъ это интересы мѣщанской „лавки съ фаянсовой посудой". Казалось, нашъ молодой человѣкъ долженъ былъ бы призадуматься и надъ положеніемъ народа, которому въ послѣдніе три года (1848—1851) перепало мало реальныхъ благъ и которому буржуазія, когда онъ разъ попросилъ у нея хлѣба, дала свинца. Но, какъ видите, Прево-Парадоль уже и въ эту раннюю пору искалъ выхода изъ мрака декабрьской ночи не впереди, не тамъ, гдѣ могла загорѣться заря новаго дня, а позади, въ царствѣ мѣщанства и политическихъ правъ меньшинства. Немудрено, что онъ скоро подошелъ довольно близко къ защитникамъ „легальной страны" и орлеанской монархіи. А когда ему открылась возможность проводить свои идеи въ авторитетномъ органѣ буржуазіи, его интеллектуальныя потребности и его аппититы эпикурейца переплелись и образовали очень удобное по тогдашнимъ условіямъ мировоззрѣніе; и отнынѣ жизнь стала для него рядомъ успѣховъ **). Паркеръ и Германъ заключили оборонительный и наступательный союзъ въ его душѣ, и въ теченіе десяти лѣтъ нашему герою пришлось мало страдать отъ внутренней борьбы. Поверхностный философъ и историкъ, но неподражаемый публицистъ, онъ удовлетворялъ въ одно и то же время двумъ сторонамъ своей личности. Онъ продолжалъ съ извѣстной точки зрѣнія защищать идеалы своей молодости, велъ блестящую оппозицію противъ Имперіи и даже своими врагами былъ признанъ виртуозомъ тогдашней подцензурной печати. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро составлялъ себѣ карьеру, положеніе, успѣхъ въ обществѣ, въ академіи въ умѣренно-фрондирующихъ салонахъ, словомъ, упивался всевозможными радостями жизни и даже совѣтовалъ своимъ болѣе молодымъ друзьямъ „слегка распутничать (être un peu libertin), чтобы быть совершенными юно-

*) Ibid., стр. 186—187.

**) Сэнтъ-Бёвъ, съ самаго начала примкнувшій къ Имперіи, тронулъ больное мѣсто Прево-Парадоля, когда, разбирая съ утонченной вѣжливостью его «Литературные и политическіе опыты», ядовито замѣтилъ: «я часто говорилъ это самому себѣ и имѣю право сказать другимъ: будемъ остерегаться, чтобы наше сужденіе о вещахъ не было подкуплено самымъ тонкимъ и ловкимъ изъ интересовъ, именно интересомъ нашего ума». См. *Nouveaux Lundis*; Парижъ 1884. 6-е изданіе. I. 103.

шами". Интересно, что самъ идеальный строй рисовался ему въ это время „республикой или монархіей", но, во сякомъ случаѣ,

свободнымъ режимомъ или, если хотите, свалкой, открытой для всѣхъ порядочныхъ людей и въ которую можно было бы кинуться съ честью *).

И, замѣтьте, такія выраженія, какъ „приступъ", „свалка", которыя вырываются у него уже въ самой ранней юности и встрѣчаются часто подъ его перомъ позже, вовсе не простой пріемъ рѣчи: это сама суть его. его буржуазный символъ вѣры, заключающій ученіе о благѣ конкурренціи и грызни между людьми. На одномъ изъ такихъ „приступовъ" онъ и погибъ, и погибъ, запятнавши свой либерально-оппозиціонный ореолъ ренегатскимъ переходомъ въ лагерь бонапартистовъ. Дѣйствительно, наступилъ моментъ, когда дѣятельность публициста, перестала вполнѣ удовлетворять его, и его потянуло къ власти, къ наслажденію ею. У него вырвалась однажды такая фраза: „политическая литература только тогда и имѣетъ плодотворный смыслъ и истинную силу, когда связана съ дѣятельностью... Только власть есть нѣчто истинно-реальное". Другой разъ, гуляя возлѣ Тюильри съ Максимомъ Дюканомъ, на вопросъ послѣдняго: „какова его задушевная мечта", Прево въ экстазѣ воскликнулъ: „Вы видите этотъ дворецъ? Тамъ живетъ господинъ Франціи! Ну, такъ я желалъ бы быть господиномъ этого господина". Когда „либеральная имперія", съ ренегатомъ Олливье во главѣ, затѣяла свою комедію, Прево-Парадоль вообразилъ, что благопріятный моментъ наступилъ и, со всѣмъ пыломъ властолюбца-авантюриста, бросился въ ряды служителей Наполеона и былъ назначенъ посланникомъ въ Вашингтонъ. Аттакованный не только республиканцами, но и своими политическими друзьями, онъ въ письмѣ къ одному изъ товарищей, садясь уже на заатлантическій пароходъ, обнаруживаетъ какъ разъ этотъ темпераментъ авантюриста, которому въ данный моментъ мало дѣла до вѣрности политическимъ убѣжденіямъ, но который весело бросается впередъ, стараясь отмахнуться отъ досадливыхъ мыслей:

Мой любезный другъ, напрасно вы волнуетесь гораздо болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отъ всякаго вздора, который говорится и пишется противъ меня. Эти вещи имѣютъ очень мало значенія. Время—прекрасный человѣкъ, который воздаетъ каждому по его заслугамъ. Тѣ, кто кричатъ громче всего, поймутъ лучше когда нибудь **).

Прочитайте еще разъ эти послѣднія строки и припомните, что едва Прево-Парадоль ступилъ на почву Америки, какъ до него дошли извѣстія о начавшихся неудачахъ французовъ въ войнѣ съ нѣмцами, и онъ пистолетнымъ выстрѣломъ размозжилъ себѣ голову:

*) Gréard, стр. 275.
**) Ibid., стр. 300.

не дожидаясь суда и приговора, „времени“, онъ самъ воздалъ себѣ должное. За океанъ онъ перевезъ съ собой не только практичнаго и неразборчиваго въ средствахъ Паркера, но и мечтательнаго и пылкаго идеалиста Германа. Этотъ добродѣтельный юноша уснулъ было въ его душѣ подъ вліяніемъ успѣховъ, славы, властолюбія. Но тамъ, въ моральномъ одиночествѣ, вдали отъ блестящаго Парижа, купола Института и умѣренно-либеральничающихъ салоновъ, подъ вліяніемъ приходившихъ вѣстей о разгромѣ Имперіи и, стало быть, оффиціальной карьеры, Германъ пробудился и поставилъ подъ дуло пистолета своего сіамскаго близнеца. Въ разсказѣ Прево-Парадоля авантюристъ былъ причиной смерти благороднаго молодого человѣка: въ жизни самого автора Германъ отомстилъ за себя, убивъ неугомоннаго карьериста. „Тѣ, кто кричатъ громче всего, поймутъ лучше когда нибудь!..“—не такъ ли? О, они поняли и готовы даже простить Парадолю за горькій и спасительный урокъ, данный его смертью слабымъ натурамъ, идущимъ на сдѣлки съ совѣстью.

Мнѣ хотѣлось бы въ заключеніе и въ противовѣсъ поставить передъ глазами читателя строгую и цѣльную фигуру Бланки. Я по необходимости буду коротокъ. Я, впрочемъ, уже въ самомъ началѣ этого этюда сказалъ, что беру Бланки, лишь какъ типъ личности, остававшейся всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ вѣрной своимъ убѣжденіямъ. Меня интересуетъ лишь его нравственная физіономія, его, такъ сказать, религіозное отношеніе къ предмету своихъ вѣрованій, независимо отъ того, будетъ ли этимъ предметомъ истинный Богъ или ложный идолъ. Политикъ можетъ крайне рѣзко относиться къ общественной дѣятельности Бланки: мыслитель и художникъ не могутъ не восторгаться передъ значеніемъ и эстетической красотой этого непреклоннаго характера, который словно сейчасъ вышелъ изъ Спарты и Рима, или, по крайней мѣрѣ, изъ величавыхъ трагедій Корнеля. И вотъ вамъ доказательство. Недавно появилась біографія Бланки *), представляющая собою лучшую вещь изъ всего написаннаго объ этомъ дѣятелѣ. И кто ея авторъ? Не революціонеръ, не фанатическій ученикъ стараго революціонера и даже не политикъ въ собственномъ значеніи этого слова. Жеффруа—прежде всего критикъ изящныхъ искусствъ и хроникеръ художественнаго движенія во Франціи. Талантливый и не безъ склонности къ литературному импрессіонизму, онъ главнымъ образомъ пишетъ о живописи, скульпторѣ и т. п. вещахъ и начинаетъ пріобрѣтать въ этой спеціальности извѣстность и среди оффиціальныхъ сферъ. По своему общему міровоззрѣнію, онъ—радикалъ, я охотно бы даже сказалъ—про-

*) Gustave Geffay, *L'Enfermé*: Парижъ, 1897.

грессистъ, если бы этимъ словомъ не стали въ послѣднее время прикрывать свое политическое убожество оппортунисты и реакціонеры.

И вотъ этотъ-то писатель-артистъ и вдохновился образомъ Бланки и рѣшилъ возсоздать его по возможности вѣрно и живо. Вы сейчасъ же чувствуете, что автора прежде всего побудилъ къ такой задачѣ его художественный восторгъ передъ фигурой этого героя убѣжденія, тотъ самый художественный восторгъ, который овладѣваетъ имъ при чтеніи какой нибудь мощной драмы или взглядѣ на талантливое изваяніе. Работалъ нашъ авторъ надъ своимъ предметомъ долго и съ любовью. Но присмотритесь хорошенько къ самымъ пріемамъ этой работы: десять лѣтъ онъ собиралъ матеріалы для біографіи; читалъ памфлеты, статьи, письма и неизданныя рукописи Бланки, предоставленныя въ его распоряженіе сестрой и племянницей покойнаго, все, что было написано о Бланки; распрашивалъ лицъ, знавшихъ его, и т. д.; а главнымъ-то образомъ всетаки посѣщалъ и изучалъ, особенно съ художественной точки зрѣнія, мѣста, гдѣ протекала жизнь Бланки. При этомъ, конечно, гуманныя симпатіи автора примѣшиваются къ его эстетическому восторгу. Но какъ часто художественная деталь,— артистическое описаніе горной мѣстности (возлѣ Ниццы), гдѣ увидѣлъ свѣтъ Бланки (см стр. 15 и слѣд.); талантливое, но слишкомъ подробное изображеніе всѣхъ цвѣтовъ и неровностей стѣны Монъ-Сэнъ-Мишельской крѣпости (стр. 85); живая до импрессіонизма картина революціи 1848 г. (стр. 134, 140 и пр.),—какъ часто, говорю я, эта художественная деталь отодвигаетъ на задній планъ центральную фигуру этюда! Порою просто жалѣешь, что эта книга слишкомъ хорошо написана (la mariée est trop belle, говорятъ въ такихъ случаяхъ французы): для портрета строгой и цѣльной личности хотѣлось бы имѣть и иную, болѣе простую, такъ сказать, въ дорическомъ стилѣ рамку, безъ всѣхъ этихъ архитектурныхъ фіоритуръ и коринѳскихъ завитковъ. Во второй половинѣ книги, артистъ, впрочемъ, все чаще и чаще уступаетъ мѣсто просто симпатизирующему человѣку; и когда вы закрываете этотъ толстый этюдъ, передъ вами встаетъ, какъ живой, образъ небольшого, сухого, бѣдно, но чисто одѣтаго старичка, который подъ этой незначительной оболочкой носилъ рѣдкій умъ, несокрушимую энергію и стальной характеръ. Типъ маніака-конспиратора, сочиненный буржуазной прессой, блѣднѣетъ, расползается, какъ туманъ, и совсѣмъ исчезаетъ передъ реальнымъ человѣкомъ, у котораго были реальныя же чувства, привязанности, любовь къ женѣ, роднымъ, но который все умѣлъ приносить въ жертву своему идеалу. Забудьте, читатели, хоть на время о характерѣ дѣятельности Бланки, которая можетъ коробить иного изъ васъ, остановитесь только на этой энергіи и глубокой преданности убѣжденію: образъ Бланки встанетъ передъ вами просвѣтленнымъ и, забывая

его недостатки, вы примиритесь съ этимъ необыкновенно крупнымъ человѣкомъ, этимъ героемъ убѣжденія, представлявшимъ такую рѣзкую противоположность съ типомъ безсердечнаго эгоиста, въ родѣ Эмиля Олливье или фигурой раздираемаго внутренними противорѣчіями карьериста, въ родѣ Прево-Парадоля. Неудивительно, что талантливый художникъ заключаетъ свою книгу гуманными словами:

Нѣтъ, эта сверхчеловѣческая жизнь, жизнь, полная добровольно принятаго на себя горя и упорнаго самопожертвованія, эта жизнь не можетъ быть потеряна даромъ. Она лишила человѣка его обычныхъ радостей; она осудила его на несчастіе не быть понятымъ, не быть любимымъ; она придала его физіономіи этотъ отпечатокъ оскорбленія... Но примѣръ его остается для насъ навсегда... Этотъ человѣкъ не хочетъ искать ни утѣшенія, ни награды. Онъ гордо принимаетъ свою судьбу безъ всякой надежды на возмездіе. Это—новый герой, соотвѣтствующій идеалу нашей эпохи и высшему человѣчеству *).

*) L. c. стр. 422.

Общественные классы.

Французское крестьянство.

(*Письмо пятое*).

I.

Въ одной изъ предыдущихъ статей (см. „Психологія француза“) я обрисовалъ, по мѣрѣ силъ и пониманія, типъ француза-горожанина, который главнымъ образомъ и участвуетъ въ исторической жизни страны и до сихъ поръ является почти исключительнымъ двигателемъ общественнаго прогресса. Въ настоящемъ письмѣ я попробую очертить французскаго крестьянина, оплотъ и надежду современнаго порядка вещей, любимое дѣтище реакціонеровъ, отъ имени котораго эти господа любятъ развивать свои собственныя идеи и охранительные планы. Психологія французскаго крестьянства издавна занимала умы и друзей, и враговъ прогресса, именно потому, что этотъ классъ имѣетъ громадное значеніе въ ходѣ общественной жизни. Грузный, мало подвижный, мало сообщительный, себѣ на умѣ, французскій мужикъ своей численностью и извѣстной однородностью своего состава представляетъ могущественную массу, которая уже столько разъ приводила въ устойчивое равновѣсіе всколыхнутую городомъ страну. Немудрено, что общественные идеалы и политическія страсти писавшихъ вліяли и продолжаютъ вліять на то изображеніе крестьянина, которое даютъ намъ эти разные авторы.

Раблэ, забѣгавшій во многихъ пунктахъ впередъ своей эпохи, предчувствовалъ, напримѣръ, уже въ XVI-мъ вѣкѣ, какую громадную роль будетъ играть свободный трудъ мужика-собственника; и въ своемъ Пантагрюэлѣ онъ рисуетъ намъ умнаго, ловкаго, бодраго, веселаго крестьянина Турэни (помните его пахаря изъ Панфигьеры?), который неустанно работаетъ подъ увѣщаніе „господина чорта“: „travaille, vilain, travaille“, и надуваетъ самого посланника Люцифера *).

*) François Rabelais, *Pantagruel*, кн. IV, гл. 46 (это мѣсто сатира на духовныхъ феодаловъ, жестоко обиравшихъ мужика).

Рядомъ съ этой идеализаціей „власти земли“ вы найдете у Лабрюйера, жившаго сотней лѣтъ позднѣе, чисто-дантовское описаніе крѣпостного мужика въ знаменитыхъ строкахъ (на которыя Тэнъ еще въ своемъ этюдѣ объ авторѣ „Характеровъ“ указываетъ, какъ на первые ясные раскаты революціоннаго грома):

Видишь какихъ-то дикихъ животныхъ, самцовъ и самокъ, разсѣянныхъ по полямъ, черныхъ, посинѣлыхъ, сожженныхъ солнцемъ, прикованныхъ къ землѣ, которую они попираютъ и второчаютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ: у нихъ членораздѣльная рѣчь, и когда они поднимаются на ноги, то показываютъ человѣческій обликъ; и, дѣйствительно, это—люди. На ночь они удаляются въ логовища, гдѣ они питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями: они даютъ возможность другимъ людямъ жить, не сѣя, не пашa и не собирая, и такимъ лишь образомъ могутъ ѣсть тотъ хлѣбъ, который они сѣяли... *).

Всесильное тяготѣніе къ свободному труду и собственности, которое такъ ярко проявилось почти во всемъ французскомъ крестьянствѣ въ пору великой революціи, заставило нѣкоторыхъ выдающихся писателей подчеркнуть и идеализировать эту прогрессивную роль мужика въ движеніи и наложить розовыя краски даже и на темныя стороны этой картины, хотя бы на подвиги знаменитой „черной шайки“ скупщиковъ и торгашей земли.

Черныя банды, говоритъ, напр., знаменитый памфлетистъ Курье, не дѣлаютъ зла никому, а добро всѣмъ; ибо одному онѣ даютъ деньги за его землю, а другому землю за его деньги... **).

Посмотрите, продолжаетъ онъ, что дѣлается у насъ въ Турэни, да и во всей Франціи:

Люди работаютъ больше и лучше. Больше труда — больше и собственности, т. е. больше богатства, больше общественнаго благосостоянія, и, замѣтьте это, больше нравственности, больше порядка какъ въ государствѣ, такъ и въ семьѣ. Всякій порокъ происходитъ отъ праздности, всякій безпорядокъ въ обществѣ отъ недостатка труда. Потому люди эти, всякій разъ, какъ только они покупаютъ и перепродаютъ землю, дѣлаютъ добро, вещь полезную... А когда они, сверхъ того, дробятъ и перепродаютъ эту землю тѣмъ, которые не имѣли ея, тогда добро, дѣлаемое ими, становится поистинѣ велико, ибо они создаютъ собственниковъ, т. е. честныхъ людей, по опредѣленію Космы Медичи. «При помощи трехъ локтей тонкаго сукна, говаривалъ онъ, я дѣлаю хорошаго человѣка»; при помощи трехъ четвертей десятины земли онъ сдѣлалъ бы святого. Дѣйствительно, всякій собственникъ желаетъ порядка, спокойствія, справедливости... Сдѣлать, не отнимая ничего ни у кого, собственникомъ того человѣка, который былъ простымъ наемникомъ, дать землю пахарю, это величайшее добро, какое только можно совершить теперь во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ не осталось больше рабовъ. И это добро дѣлаютъ упомянутые люди ***).

Интересно съ этой апологіей крестьянства, доходящей до воз-

*) La Bruyère, *Les caractères ou les moeurs de ce siecle*, гл. XI (стр. 332—333 éd. Hachette; Парижъ, 1894).

**) *Oeuvres de P.-L. Courier*; стр. 53 éd. Garnier, Парижъ, 1890.

***) Ibid., стр. 53—54.

величенія деревенскихъ скупщиковъ и кулаковъ,—замѣчу, между прочимъ, что и самый славный памфлетистъ былъ прижимистымъ хозяиномъ и изряднымъ кулакомъ,—интересно, говорю я, съ этой апологіей сопоставить страстныя филиппики, которыя Бальзакъ бросаетъ въ лицо не только „черной бандѣ", но и всему крестьянству. Геніальный романистъ, какъ извѣстно, былъ консерваторомъ и даже рисовался своимъ сомнительнымъ аристократизмомъ. Изучая столкновенія недавно освободившагося и жаждавшаго земли крестьянства съ привилегированными землевладѣльцами, которые пытались снова возвратить свою прежнюю силу и значеніе, Бальзакъ горячо принимаетъ къ сердцу экономическіе, идейные и вплоть до эстетическихъ интересовъ высшихъ классовъ. Въ пылу брани своей съ врагами этихъ классовъ, онъ доходитъ до того, что сѣраго мужика, мелкаго земельнаго собственника, перекрашиваетъ въ чернаго демона зла и разрушенія и даже приписываетъ ему такія идеи, которыя могли бы пріютиться лишь въ складкахъ краснаго знамени.

Вотъ что Бальзакъ говоритъ, между прочимъ, въ предисловіи къ своимъ „Крестьянамъ", роману, который рисуетъ жизнь бургундскихъ мужиковъ:

Цѣль этого этюда, посвященнаго ужасающей истинѣ... выставить рельефно главныя фигуры народа, забытаго столькими перьями, которыя устремились на поиски новыхъ сюжетовъ. Забвеніе это, по всей вѣроятности, проистекаетъ изъ осторожности въ наше время, когда народъ получилъ по наслѣдству всѣхъ придворныхъ льстецовъ королевской власти. Въ самомъ дѣлѣ, поэзію теперь посвящаютъ преступникамъ, умиляются надъ участью этихъ истинныхъ палачей и почти обоготворили пролетарія! Возникли секты, исповѣдующія различныя ученія, и всѣми перьями своими скрипятъ: «вставайте, рабочіе», какъ прежде кричали третьему сословію: «вставай!» Очевидно, никто изъ этихъ Геростратовъ не имѣлъ мужества проникнуть въ деревню, чтобы изучить постоянный заговоръ тѣхъ, которыхъ мы называемъ слабыми, противъ тѣхъ, которые считаютъ себя сильными, заговоръ крестьянина противъ богатаго... Дѣло теперь идетъ о томъ, чтобы предостеречь законодателя не сегодняшняго, а завтрашняго дня. Среди демократическаго столпотворенія, которому предаются столько ослѣпленныхъ писателей, развѣ не пора обрисовать, наконецъ, этого крестьянина, который дѣлаетъ гражданскій сводъ совершенно непримѣнимымъ, превращая собственность въ вещь и реальную, и вмѣстѣ фиктивную? Вы увидите здѣсь на дѣлѣ этого неутомимаго подрывателя, этого грызуна, который дробитъ и дѣлитъ землю, разверстываетъ и разрѣзаетъ какую-нибудь треть десятины на сто кусковъ, — приглашаемый на этотъ праздникъ мелкой буржуазіей, которая дѣлаетъ изъ него за-разъ и своего помощника, и свою добычу. Этотъ противообщественный элементъ, созданный революціей, рано или поздно поглотитъ буржуазію, какъ буржуазія пожрала дворянство. Поднимаясь выше закона, благодаря самой малости своей, этотъ Робеспьеръ объ одной головѣ и о двадцати милліонахъ рукъ работаетъ безостановочно, пробравшись во всѣ коммуны, усѣвшись, словно на тронѣ, въ муниципальномъ совѣтѣ, ставши національнымъ гвардейцемъ во всѣхъ кантонахъ Франціи по закону 1840 г., который забылъ, что Наполеонъ предпочелъ рискъ своего злополучія вооруженію массъ *).

*) H. de Balzac, *Les paysans*; предисловіе, посвященное Гаво (Gavault).

А въ самомъ текстѣ романа Бальзакъ, едва познакомивши читателей съ главными своими героями, дѣлаетъ слѣдующее отступленіе, чтобы дать нравственную характеристику крестьянина:

Надо разъ навсегда объяснить людямъ, привыкшимъ къ морали буржуазныхъ семей, что у крестьянъ нѣтъ ни малѣйшей деликатности въ смыслѣ домашнихъ нравовъ. Они апеллируютъ къ нравственности, въ случаѣ если кто соблазнитъ одну изъ ихъ дочерей, лишь тогда, когда соблазнившій—человѣкъ богатый и робкій... Матеріальный интересъ сталъ, особенно послѣ 1789 г., единственной побудительной причиной ихъ воззрѣній; у нихъ дѣло никогда не идетъ о томъ, законно-ли или безнравственно данное дѣйствіе, но выгодно-ли оно... Человѣкъ истинно честный и нравственный является въ крестьянскомъ классѣ исключеніемъ. Любопытные спросятъ: почему? Между различными причинами этого порядка вещей, главная лежитъ въ слѣдующемъ: по самой природѣ ихъ общественной функціи, крестьяне должны жить чисто матеріальной жизнью, приближающеюся къ дикому состоянію, куда ихъ влечетъ настоящая связь съ природой. Трудъ, когда онъ подавляетъ своей тяжестью тѣло, отнимаетъ у мысли ея очищающее дѣйствіе, особенно у людей невѣжественныхъ *).

Остановитесь и на слѣдующихъ разсужденіяхъ, которыя романистъ влагаетъ въ уста стараго крестьянина, пропойцы Фуршона:

Я видѣлъ старое время и вижу новое, мой дорогой и ученый баринъ: вывѣску перемѣнили, это точно, но вино осталось то же самое! Сегодняшній день—младшій братъ вчерашняго. Извольте проставить въ своей газетѣ! Развѣ мы освобождены на самомъ дѣлѣ? Мы всѣ прикрѣплены къ одной и той же деревнѣ, и баринъ по прежнему сидитъ въ ней: и имя ему трудъ. Мотыка, наша единственная опора, осталась опять въ нашихъ рукахъ. На барина-ли или на подати, которыя берутъ у насъ почти все имущество,—все равно,—но мы должны коротать нашу жизнь, работая до кроваваго поту...

— Вы могли бы избрать иной образъ жизни, попытать счастья въ другихъ мѣстахъ, сказалъ Блондэль (консервативный писатель, къ которому лежатъ всѣ симпатіи Бальзака).

— Вы мнѣ говорите насчетъ того, чтобъ отправиться въ иное мѣсто наживать деньги?.. Да куда же я пойду? Чтобъ покинуть свой департаментъ, мнѣ надобенъ паспортъ, а онъ стоитъ сорокъ су. Но вотъ сорокъ лѣтъ, какъ въ моемъ карманѣ эта проклятая монета не звенѣла о свою сосѣдку... Только рекрутскій наборъ и вытаскиваетъ насъ изъ нашихъ деревень... А для чего армія? Только для того, чтобъ полковникъ жилъ на счетъ солдата, какъ буржуа живетъ на счетъ крестьянина. Найдемъ-ли хоть одного изъ ста полковниковъ, который бы вышелъ изъ нашей породы. Это вотъ все равно какъ на свѣтѣ, гдѣ одинъ разбогатѣлъ на сто другихъ, которые погибли. А почему они погибли? Про то знаетъ Богъ да ростовщики. Нѣтъ, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это оставаться въ нашихъ деревняхъ, куда мы загнаны, словно бараны, силой вещей, какъ прежде господами... Гдѣ только мы ни находимся, мы роемъ землю и разрыхляемъ ее, и унаваживаемъ, и пашемъ для васъ, для васъ, которые родились богатыми, какъ мы родились бѣдными. Мы васъ оставляемъ въ покоѣ,—оставьте и насъ жить, какъ живемъ... А иначе, если дѣло будетъ такъ продолжаться, вы же будете принуждены кормить насъ въ вашихъ тюрьмахъ, гдѣ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ у насъ на соломѣ. Вы хотите остаться господами, а мы останемся на-

*) Ibid., гл. III.

всегда вашими врагами—сегодня, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. У васъ есть все, у насъ ничего: вы не можете, значитъ, разсчитывать на нашу дружбу... *)

При Наполеонѣ III психологія крестьянства стала жгучимъ вопросомъ уже потому, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ департаментовъ, земледѣльческій классъ явился главнымъ оплотомъ реакціи и свелъ на нѣтъ прогрессивныя порыванія города. Предметъ критики и нападеній съ одной стороны, умиленія и похвалъ съ другой,—крестьянинъ игралъ немаловажную роль подъ перомъ писателей второй имперіи. Упомяну лишь о полемической схваткѣ между народнымъ писателемъ республиканскаго и радикальнаго образа мыслей, Леономъ Кладэлемъ, и извѣстнымъ защитникомъ реакціи и клерикализма, Луи Вейльйо. Кладэль при самомъ концѣ Имперіи помѣстилъ фельетонами въ „Le Constitutionnel", надѣлавшую много шума полубеллетристическую, полудекламаціонную вещь „Храмовой праздникъ Св. Варѳоломея-Меченосца". Испорченный риторическими отступленіями à la Викторъ Гюго, этюдъ этотъ заключалъ, однако, мѣстами очень сильное и рельефное изображеніе жизни и характера южнаго крестьянства (въ Керси). И вотъ какими непривлекательными чертами Кладэль рисовалъ типъ этого населенія:

Печальныя созданія! жалкія существа: безпрестанно урѣзывать свой ежедневный паекъ и съ сожалѣніемъ потреблять вплоть до неудобоваримаго хлѣба, которымъ они питаются—вотъ ихъ жизнь; они жадничаютъ по поводу всего, они не позволяютъ себѣ ничего; свирѣпые эгоисты, они убиваютъ себя скупостью! И это убійство, это самоубійство длится порою цѣлый вѣкъ. «Ну, что жъ дѣлать? мы ужъ такъ рождены!» И ничто не въ состояніи сбить ихъ съ этого пункта. Отъ перваго до послѣдняго всѣ они, отъ отца къ сыну, не дышатъ и не желаютъ дышать иначе, какъ съ цѣлью округлить свое состояніе; не живутъ и не желаютъ жить ни для чего иного, какъ чтобы копить; не существуютъ и не желаютъ существовать на иной конецъ, какъ чтобы умереть съ голоду бокъ-о- бокъ съ нетронутымъ сокровищемъ, и, наконецъ, когда они угасаютъ, изможденные всевозможными грязными лишеніями, въ ихъ умирающихъ зрачкахъ видишь отблескъ надежды найти въ другомъ мірѣ виноградники, луга и земли, превосходящіе по качеству тѣ, которые они покидаютъ здѣсь, не имѣя—увы!—возможности унести ихъ съ собою въ гробъ. Вы можете проникнуть въ ихъ совѣсть, можете копаться въ ней, изслѣдовать въ лупу самые сокровенные изгибы ея: я бросаю вамъ вызовъ, что вы не найдете тамъ другой жилицы, кромѣ Ея Императорскаго и Королевскаго Величества Всесвятѣйшей Регентши, Скупости, которая лукаво пріютилась тамъ. Словно свирѣпый самодержецъ, словно вѣчный папа, она заклеймила своей неизгладимою печатью чело всѣхъ своихъ рабовъ. Когда смотришь на нихъ, какъ они, испитые и скрюченные, идутъ сегодня, какъ будутъ идти завтра по горамъ и доламъ, нося общій характеръ семейнаго сходства, шатаясь, будто пьяные, ступая нетвердо, будто слѣпые, сгибаясь подъ бременемъ постыднаго безпокойства, удрученные какой-то отталкивающей печалью, глухіе къ восхитительнымъ и грандіознымъ голосамъ природы, никогда не говоря «спасибо, мать» той самой землѣ, которую они безпрестанно и жадно взрываютъ и которая такъ щедро

*) Ibid., гл. V.

даритъ имъ свои плоды: идутъ, вѣчно волнуемые смущеніемъ даже и при ясномъ небѣ, вѣчно мрачные и недовольные, несмотря на лучезарный смѣхъ солнца, вонючіе и съ лицами настоящихъ висѣльниковъ—право, ихъ можно принять либо за кретиновъ, которые поглощены смутными грезами, либо за блуждающихъ убійцъ, которыхъ гонитъ своимъ огненнымъ мечомъ угрызеніе совѣсти! Какъ бы то ни было, таковы они, эти люди. И язва, которая разъѣдаетъ ихъ, передается съ кровью изъ поколѣнія въ поколѣніе: тѣла проходятъ, душа остается, и послѣдній новорожденный является продолжателемъ своего предка... *).

Вотъ противъ этого-то мрачнаго изображенія и счелъ долгомъ вооружиться Луи Вейльйо во имя реакціонныхъ и католическихъ идей, признавая правду за этимъ портретомъ лишь по отношенію къ крестьянину, испорченному-де цивилизаціей, и противоставляя ему идеализированный образъ истаго, т. е. патріархальнаго крестьянина добраго стараго времени.

Этотъ ненавистный крестьянинъ, этотъ грубіянъ, этотъ скупецъ, этотъ глупецъ, этотъ злецъ, эта bête noire романа и каррикатуры, это какъ разъ и есть занимающійся политикой и грамотный крестьянинъ. Да, нельзя скрывать отъ себя, что онъ именно таковъ во многихъ отношеніяхъ, а особенно тамъ, куда духъ современности внесъ свои идеи просвѣщенія. Но продуктъ этотъ—вещь новая. Ни искусство, ни литература до 1789 г. не показываютъ намъ его; а вѣдь искусство и литература до 1789 г. чаще посѣщали поля, чѣмъ теперь (?!). Я сынъ, внукъ, правнукъ крестьянъ. Мать моя часто описывала мнѣ деревню, которую я оставилъ слишкомъ рано. Она жила тамъ въ бѣдности, ибо революція принизила и ввергла въ нищету скромную хижину предковъ моей матери; тѣмъ не менѣе она говорила о деревнѣ, какъ о настоящемъ раѣ. У каждаго былъ тамъ свой домъ, свое поле, и каждый жилъ своимъ трудомъ. Ни одного нищаго, едва-едва нѣсколько пролетаріевъ. Неимущіе были извѣстными и уважаемыми стариками, которые повсюду находили пищу и кровъ; пролетаріи были рабочими, которые совершали свое круговое путешествіе по Франціи и которые, будучи честными, осаживались послѣ на мѣстѣ и строили, наконецъ, собственный домъ. Въ то время и не знали, что такое незаконное сожитіе. Дѣвушка, которая совершила ошибку, становившуюся извѣстной, принуждена была уходить изъ деревни и больше не показывалась. Въ семьѣ, которую постигало это униженіе, о ней говорили шопотомъ, и дѣти забывали самое имя ея. Печальное пятно ложилось также на семью, членъ которой былъ призванъ къ суду. Общественный голосъ возвышался противъ того, кто не поддерживалъ своихъ родителей, ничуть не меньше, чѣмъ противъ того, кто безчестилъ ихъ... Въ моей деревнѣ люди имѣли свободу, свободу кулачной расправы, и королевскій прокуроръ не трогался съ мѣста для разслѣдованія дѣла о какомъ-нибудь подбитомъ глазѣ. Но удары ножомъ, откусываніе носа и ушей и прочія происшествія, сдѣлавшіяся обычными въ свалкахъ предмѣстій и окрестностей Парижа, все это было такъ же мало извѣстно, какъ теперешнія рѣчи о равенствѣ, о гуманизмѣ, о коммунизмѣ и коммунистическихъ общежитіяхъ. Это не мѣшало, впрочемъ, развлекаться людямъ болѣе серьезнымъ способомъ. Моя мать съ истиннымъ удовольствіемъ описывала мнѣ платье, которое мой дѣдъ и бабка надѣвали на себя въ воскресенье къ обѣднѣ. Оно было такое же, какъ и будничное, но казалось красивѣе... Хлѣбъ зарабатывали въ потѣ лица, согласно библейскому предписанію: но

*) Cladel, *Mes paysans. La fête votive de St—Bartholomée Porte-Glaive* ed. Lemerre, Парижъ, 1872, стр. 52—53.

вмѣстѣ съ тѣмъ съ покорностью судьбѣ, спокойствіемъ и упованіемъ, согласно закону Искупленія. Не завидовали другъ другу, не ненавидѣли другъ друга; не считали себя ни рабомъ, ни обреченнымъ на проклятіе. По воскреснымъ днямъ у каждаго было свое мѣсто въ церкви и въ обществѣ; уповали на свое мѣсто и въ небѣ. Съ радостью видѣли, какъ подростали хорошія дѣти, которыя станутъ сильными работниками и почтительными сыновьями. Короче сказать, люди жили счастливо и умирали мирно. Послѣ жизни, исполненной здоровой усталости, и оставляя по себѣ добрую память, они уходили спать хорошимъ сномъ между своими предками, подъ сѣнію тѣхъ самыхъ стѣнъ, гдѣ они пѣли со столь давнихъ поръ въ спокойствіи сердца: «вѣрую въ воскресеніе плоти и въ вѣчную жизнь»...

Лабрюйеръ описалъ крестьянина въ будни; онъ не видалъ крестьянина воскреснаго. Если бы онъ видѣлъ такого и разспросилъ бы его, онъ нашелъ бы, пожалуй, его и умнѣе, и сильнѣе, и ученѣе самого автора... За то если вы хотите побесѣдовать съ крестьяниномъ фабрикаціи 1789 г., то возьмите его на полѣ, въ кабакѣ, или, какъ онъ выражается на своемъ языкѣ, à la turne, возьмите его возлѣ избирательной урны: будь онъ даже изъ тѣхъ, что умѣютъ читать и сами напишутъ свой избирательный бюллетень, вы, по всей вѣроятности, найдете въ немъ человѣка, описаннаго г. Кладэлемъ, а пожалуй и того хуже, и врядъ-ли останетесь отъ него въ восторгѣ... И, однако, воскресный крестьянинъ, котораго еще легко замѣтить даже и въ будни, если отереть съ него потъ; этотъ простой, мужественный, честный, щедрый въ самой бѣдности своей человѣкъ, этотъ смиренный христіанинъ прежнихъ временъ не исчезъ. Онъ знаетъ католическую церковь, и католическая церковь знаетъ его; сыны церкви любятъ и почитаютъ его и привѣтствуютъ въ немъ прочную опору своего отечества. Обрабатываемый со всѣхъ сторонъ ложью, отравляемый кабаками и газетами, повергаемый въ смущеніе тысячью скандаловъ, искушаемый всевозможными пожеланіями, обремененный налогами, онъ остается еще твердъ въ своемъ здравомъ смыслѣ и въ своей вѣрѣ и даетъ намъ едва ли не одинъ почти все, что осталось еще у насъ честнаго, самоотверженнаго и чистаго... Подобно той землѣ, изъ которой онъ извлекаетъ своимъ потомъ хлѣбъ и вино, онъ производитъ своей благородной кровью самую гордую армію и самое многочисленное и твердое духовенство, какія только существуютъ въ мірѣ. Наши солдаты, наши патеры, наши монахи, наши монахини—несравненный вѣнецъ—являются спасительными плодами и цвѣтами этой расы, куда такъ глубоко вошла кровь Христа. Да, кровь Христа проникаетъ въ нее, охраняетъ ее и производитъ въ ней то чудо, что вся политическая и литературная грязь городовъ наводняетъ ее, кажется, только затѣмъ, чтобы изъ нея выростали церкви и святые люди *).

Я, разумѣется, и не думаю дать здѣсь полное резюме взглядовъ всѣхъ писателей, изображавшихъ французскаго крестьянина; мнѣ хотѣлось лишь показать читателю, въ какой степени общая точка зрѣнія того или другого автора опредѣляетъ его оцѣнку земледѣльческихъ классовъ, какъ далеко расходятся эти различные взгляды, и какъ трудно претендовать на безусловную вѣрность изображенія крестьянской среды. Потому я напомню только для примѣра отношеніе къ крестьянству Э. Золя, который въ своей „Землѣ“ выставилъ въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ обита-

*) Статья Вейльйо, появившаяся въ № 918 газетѣ «L'Univers» (отъ 5-го ноября 1869), перепечатана въ предисловіи къ уже упомянутому изданію романа Кладэля рядомъ съ отвѣтомъ Кладэля: цитированное мѣсто относится къ стр. IX- XIV, passim.

телей Босъ (Beauce), этой богатой пшеничными полями равнины, растилающейся на нѣкоторомъ разстояніи къ югу и юго-западу отъ Парижа, между Сеной и Луарой. Интересно, что Луи Вейльйо родился какъ разъ въ этой мѣстности и изъ нея же бралъ идеализированный типъ благочестнаго и смиренномудраго крестьянина.

Вообще же, во время третьей республики такое или иное отношеніе къ земледѣльческимъ классамъ можетъ быть взято чуть не показателемъ различныхъ политическихъ міровоззрѣній и даже измѣненія во взглядахъ политическихъ дѣятелей въ разную пору ихъ жизни и при разныхъ условіяхъ. Такъ, первое время послѣ паденія второй Имперіи республиканцы, дрожа за участь только что основаннаго свободнаго режима, смотрѣли на крестьянина очень недружелюбно; и монархическій составъ бордосской палаты 1871 г. подалъ имъ поводъ назвать послѣднюю „палатой деревенщины“ (chambre des ruraux). Десять-пятнадцать лѣтъ спустя умѣренная фракція республиканцевъ, испуганная радикализмомъ городовъ и обнадеженная пассивнымъ отношеніемъ значительной части деревни къ новому строю, уже шла въ сторону крестьянства; и изъ устъ Жюля Ферри вырвалась (въ Перигё, весной 1884 г.) знаменитая реакціонная фраза о „республикѣ крестьянъ“, надѣлавшая много шума въ печати и цѣлой странѣ. Въ настоящее время (писано осенью 1896 г.) люди „медленнаго и мудраго прогресса“, сгруппировавшіеся вокругъ умѣреннаго министерства и заключающіе въ своихъ рядахъ и явныхъ консерваторовъ, и тайныхъ реакціонеровъ, ухаживаютъ за крестьяниномъ очень усиленно и разсчитываютъ привлечь его на свою сторону протекціоннымъ характеромъ своей экономической политики (выгодной, къ слову сказать, лишь крупнымъ земельнымъ собственникамъ, а отнюдь не дурачимымъ этой политикой крестьянамъ). Въ послѣдніе годы довольно значительныя группы крестьянства на югѣ, въ центрѣ и пр. начинаютъ обнаруживать тяготѣніе къ крайнимъ идеямъ,—о чемъ, впрочемъ, рѣчь ниже,—и кто знаетъ, какой сюрпризъ готовитъ странѣ сѣрая земледѣльческая масса, на которую медленно, но неустанно вліяетъ развитіе общественной жизни. Пока что, я хочу представить читателю нѣкоторыя стороны французскаго мужика, насколько я составилъ о немъ понятіе изъ книгъ и насколько я лично знаю его. Знаю его я, конечно, довольно поверхностно, а, главное, неполно, сталкиваясь съ нимъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бретани, Нормандіи, въ окрестностяхъ Парижа и отчасти (проѣздомъ) на югѣ. Но, сближая мнѣнія различныхъ авторовъ, находя въ нихъ общее и провѣряя этимъ свои собственныя наблюденія, я, можетъ быть, съумѣю дать характеристику французскаго крестьянина, которая, надѣюсь, заинтересуетъ и нашу публику.

Мое первое знакомство съ этимъ крестьяниномъ было таково. Я только-что пріѣхалъ на морскія купанья въ Бретань, именно на ту часть ламаншскаго прибрежья, которая идетъ отъ Канкальской бухты на востокѣ до мыса Фрэгеля (Frehel) на западѣ и которую многіе знатоки страны, въ родѣ вдовы Мишлэ, считаютъ за одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Бретани. Дѣло было болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Изящная игла церкви Сэнъ-Мало поднималась изъ-за средневѣковыхъ стѣнъ города и смотрѣла на сѣрую груду старинныхъ высокихъ домовъ, прорѣзанную узкими, извилистыми улицами, въ которыхъ въ ту пору можно было лишь изрѣдка видѣть пріѣзжаго гостя. Очаровательный Динаръ, возвышающійся на гранитной скалѣ по другую сторону устья Рансы, только что начиналъ входить въ славу: виллы и красивые магазины можно было пересчитать по пальцамъ. А модное нынѣ Парамэ, которое заняло своими роскошными виллами прибрежье на востокъ отъ Сэнъ-Мало, едва выходило изъ состоянія жалкаго прозябанія, благодаря усиленнымъ стараніямъ спекуляторовъ-строителей: морской песокъ лежалъ кучами на немощенныхъ, обозначенныхъ тощими деревьями улицахъ и густой пылью носился въ воздухѣ; громадный и роскошный отель, разсчитанный на тысячи посѣтителей, уныло смотрѣлъ на берегъ безчисленными окнами своихъ пустыхъ апартаментовъ; короче сказать, городъ существовалъ лишь въ воображеніи спекуляторовъ да на дощечкахъ, прибитыхъ къ столбамъ и дававшихъ ненаселеннымъ пока улицамъ громкія и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, ироническія названія „бульвара Прогресса", „аллеи Будущности" и т. д. А уже нечего было и говорить о всѣхъ этихъ Сэнъ-Люнэрахъ, Сэнтъ-Энога, которыя шли по прибрежью за Динаромъ и оставались, какъ и въ незапамятныя времена, простыми мѣстечками, гдѣ жили моряки, а отчасти хлѣбопашцы...

Скромная деревушка, въ которой я остановился, была въ то время затеряннымъ угломъ, до котораго не коснулось еще почти нисколько вліяніе гостей-купальщиковъ и туристовъ. То была обыкновенная приморская деревня. Въ первый же вечеръ я пошелъ къ морю. Справа громадный гранитный мысъ, слѣва такія же громадныя скалы; посреди развертывался безконечный, состоявшій изъ тонкаго, словно бархатнаго песку, берегъ, на который бѣжали изъ морской голубой дали серебристо-бѣлыя длинныя нити волнъ; заходящее солнце играло на водѣ, на пескѣ, и его красноватые лучи казались совсѣмъ огненными на красныхъ цвѣтахъ прибрежныхъ колючихъ растеній. Позади меня, внутри страны, были тамъ и сямъ разбросаны дубовыя рощи, и яблони крестьянскихъ садовъ сливались на горизонтѣ въ одну сплошную массу зелени. Я шелъ и невольно вспоминалъ страстное обращеніе поэта-бретонца (Огюста Бриза) къ своей родной землѣ:

O, terre de granits, recouverte de chênes *)...

Пригорокъ. На пригоркѣ, въ кацавейкѣ, въ колпакѣ, съ трубкой въ зубахъ и чулкомъ въ рукахъ,—сморщенное существо неопредѣленнаго пола. Подхожу ближе: старикъ. Возлѣ старика корова на веревкѣ, привязанной къ желѣзному острому пруту, вбитому въ землю и напомнившему мнѣ нашу отечественную игру въ свайку. „Пастухъ?“ спрашиваю я у старика. Тотъ, видимо, непонимаетъ моего вопроса. „Пастушите, пасете коровъ?“ поясняю я.—У меня всего одна. Вотъ вывелъ ее въ поле, жду, покамѣсть объѣстъ хорошенько траву, а потомъ и домой. Да вотъ тѣмъ временемъ вяжу чулокъ.—„А вы земледѣліемъ занимаетесь?—Былъ морякъ, а теперь получаю пенсію, имѣю немного земли, корову, свинью... Молчаніе. „Ну, прощайте“!—Прощайте, господинъ, прощайте. Нѣтъ-ли старику на табакъ?—„Есть“, далъ два су и иду дальше... Новый пригорокъ, новое сморщенное существо, тоже съ трубкой въ зубахъ, тоже съ чулкомъ въ рукахъ: на сей разъ, впрочемъ, стуруха, какъ я заключаю по грязному бѣлому чепцу. И опять веревка, желѣзный прутъ и корова. „Пасти вышли“?—Вышла, господинъ, со своей коровкой. Вотъ попріѣстъ поле, ужъ немного осталось, пойдемъ во свояси. „А вы чѣмъ же занимаетесь“?—Такъ, кой-чѣмъ, я вдова моряка, а дѣти землю пашутъ... Третій пригорокъ и третье существо, на сей разъ дѣвочка-подростокъ, а вмѣсто коровы коза. И такихъ пригорковъ, коровъ, козъ и пасущихъ бретонцевъ и бретонокъ, и старыхъ, и молодыхъ, и дѣтей, я нашелъ вокругъ деревушки съ добрую дюжину. Точно сурки высыпали они на поле и отъ времени до времени перекликались, опять таки какъ сурки, каждый со своего холмика. Перекликались и коровы, и козы, каждая крутясь вокругъ своего прута. Я начиналъ понимать хуторской принципъ и прелести частной земельной собственности. Увидавъ между сурками-бретонцами и мою хозяйку, я очень обрадовался и подсѣлъ къ ней для разговора.

— А у васъ какъ же, каждый выгоняетъ свой скотъ?—обратился я къ почтенной собственницѣ.

— Конечно, а иначе какъ?—удивилась она.

— Да имѣть бы всѣмъ вамъ одного, много двухъ пастуховъ отъ цѣлой деревни, да и поручить бы имъ весь скотъ и пасти его на общемъ полѣ.

— Чудно... у насъ и поля такого нѣтъ. А развѣ есть въ другихъ мѣстахъ?

— Да, и у васъ есть во Франціи, въ горахъ, а у насъ, напримѣръ, въ Россіи почти повсюду.

— Какъ же это у васъ дѣлается?

Я объяснилъ ей и старался дать понять, что у насъ не только

*) Страна гранитовъ, поросшая дубами.

пастбища, но и пашня въ извѣстномъ смыслѣ принадлежитъ всей деревнѣ, и каждый можетъ пользоваться ею, вотъ какъ здѣшній фермеръ, лишь извѣстное время.

— Чудно̀, ахъ, какъ чудно̀,—повторяла хозяйка... Думаю я думаю и нахожу, что съ одной стороны этотъ порядокъ хорошъ, а съ другой очень плохъ...

— Съ какой же хорошъ?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ съ какой: попріѣла моя корова траву на моемъ полѣ, я и перегоню ее на другое, а съ другого на третье, и такъ далѣе...

— Ну, а плохъ съ какой?

— Да вотъ если мой сосѣдъ стравитъ свое-то поле своимъ скотомъ, да и погонитъ его на мое...

Какъ бы то ни было, принципъ частной земельной собственности наложилъ свой рѣзкій отпечатокъ на крестьянскую жизнь и, именно благодаря своей прочной связи съ этой жизнью, играетъ охраняющую роль по отношенію ко всему общественному строю Франціи. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ странѣ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ личный трудъ и личная собственность, основанная на трудѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ оторваны другъ отъ друга. На иллюзіи и софизмѣ только и можетъ держаться строй, который какъ разъ исключаетъ личную собственность, основанную на личномъ трудѣ. И вотъ крестьянская мелкая собственность является могущественнымъ орудіемъ созданія, укрѣпленія и поддерживанія именно этой иллюзіи и этого софизма. Какъ въ сомнительномъ предпріятіи группа спекуляторовъ ищетъ какого-нибудь почтеннаго и уважаемаго всѣми коммерсанта, чтобы имѣть возможность пристегнуть его имя къ компанейской фирмѣ, такъ классъ капиталистовъ во Франціи съ необыкновеннымъ рвеніемъ старается уподобить свою собственность крестьянской и тычетъ вамъ постоянно въ глаза французскимъ крестьянствомъ, которое, молъ, наглядно показываетъ, что капиталъ есть законное и естественное дѣтище труда и бережливости. Вамъ не преминутъ сказать, что до сихъ поръ Франція гарантирована отъ опасныхъ формъ соціальнаго вопроса, вытекающихъ изъ односторонняго развитія промышленности и роста бездомнаго пролетаріата; и потому, молъ, и гарантирована, что значительная часть ея населенія занята земледѣліемъ, а въ самомъ земледѣльческомъ классѣ большинство состоитъ изъ обезпеченныхъ собственниковъ...

Но софизмъ остается софизмомъ. Посмотримъ на оффиціальныя и, стало быть, по необходимости оптимистическія данныя. Что во Франціи земледѣліе играетъ до сихъ поръ важную роль, съ этимъ нельзя не согласиться. По переписи 1891 г., земледѣліемъ занима-

лось 17.435,888 человѣкъ или 47% всего „классифицированнаго“ населенія (которые исчислялось въ 36.829,135), промышленностью 9.532,560 или 26%, торговлею и перевозкою 5.160,829 или 14%, прочими профессіями 4.699,858 или 13% *). Земледѣліе даетъ средства къ жизни почти половинѣ населенія, въ то время, какъ промышленность лишь одной четверти, торговля вмѣстѣ съ перевозкой лишь одной восьмой, и т. д. Но указавъ на эту выдающуюся роль земледѣлія во Франціи, ея оффиціальные писатели никогда не преминутъ подчеркнуть то обстоятельство, что классъ, живущій этимъ родомъ труда, слагается главнымъ образомъ изъ собственниковъ. Такъ, по послѣдней подробной земледѣльческой статистикѣ, лицъ, непосредственно занимающихся обработкой земли или „дѣйствительныхъ земледѣльческихъ работниковъ“ (т. е. главъ семейства, не считая ихъ женъ, дѣтей, стариковъ, личной прислуги и пр.), насчитывалось 6.913,504 **). Лица эти распредѣлялись по различнымъ категоріямъ слѣдующимъ образомъ:

		Число лицъ каждой категоріи.	Отношеніе въ % къ общему числу.
Главъ хозяйственной эксплуатаціи	1) Собственниковъ, воздѣлывающихъ исключительно свою землю или же извлекающихъ изъ нея доходы при помощи своей семьи или постороннихъ лицъ	2.150,696	31,1
	2) Фермеровъ	968,328	14,0
	3) Половниковъ . . .	341,576	4,9
	Итогъ	3.460,600	50,0
Помощниковъ или наемныхъ рабочихъ . . .	4) Управляющихъ . .	17,966	0,3
	5) Поденщиковъ. . .	1.480,687	21,4
	6) Рабочихъ при фермѣ.	1.954,251	28,3
	Итогъ.	3.452,904	50,0
	Общій итогъ . . .	6.913,504	100,0

Приведя эту таблицу, оффиціальный авторъ (Тиссеранъ, неглупый человѣкъ, но смотрящій по обязанности на все сквозь розовыя очки) восклицаетъ: „Собственники, воздѣлывающіе свою землю, составляютъ такимъ образомъ наиболѣе значительный классъ населенія земледѣльческихъ производителей; затѣмъ идетъ

*) *Statistique générale de la France. Résultats statistiques du dénombrement de* 1891; Парижъ, 1894, стр. 271 (гдѣ помѣщена таблица, которую я даю здѣсь въ сокращеніи).

**) *Statistique agricole de la France. Résultats généraux de l'enquête décennale de* 1882; Нанси, 1887, стр. 341 (это оффиціальное изданіе заключаетъ интересныя данныя, особенно для сравненія по десятилѣтіямъ, но, подобно большинству французскихъ оффиціальныхъ документовъ, страшно запаздываетъ; такъ, результатовъ изслѣдованія за 1892 еще не вышло). Писано въ сентябрѣ 1896 года.

классъ рабочихъ при фермѣ, потомъ классъ поденьщиковъ; фермеровъ и половниковъ считается всего менѣе. Эта статистика лишній разъ показываетъ, что непосредственная обработка земли собственникомъ, включая сюда половничество, которое можно разсматривать, какъ особую форму непосредственной обработки, преобладаетъ во Франціи, являясь такимъ образомъ превосходнымъ условіемъ прогресса, прочности учрежденій и демократизаціи почвы. Собственники, обрабатывающіе землю при помощи управляющихъ, составляютъ ничтожное меньшинство" *).

Но, вѣдь, однѣми фразами о „прогрессѣ", „прочности учрежденій" и „демократизаціи почвы" нельзя рѣшить вопросъ о крестьянской собственности. Само по себѣ очень мало значитъ и большое число собственниковъ. Чѣмъ они владѣютъ? Каковы размѣры ихъ собственности?—вотъ важный пунктъ: не ярлыкъ, а вещь должна занимать серьезнаго изслѣдователя. Обратимся же къ самымъ оффиціальнымъ документамъ. Во Франціи, какъ и во многихъ другихъ западно-европейскихъ странахъ, статистика распредѣленія земельной собственности, въ сущности говоря, блещетъ своимъ отсутствіемъ. Но приблизительное понятіе объ этомъ можно получить изъ данныхъ о кадастральныхъ земельныхъ участкахъ (cotes foncières), которые несутъ налоги, и изъ статистики о способахъ хозяйственной эксплуатаціи земли (mode d'exploitation). Въ 1882 г. распредѣленіе кадастральныхъ участковъ между категоріями мелкой, средней и крупной собственности представлялось въ слѣдующемъ видѣ (замѣчу, что, по хозяйственнымъ условіямъ страны, мелкой собственностью во Франціи считаютъ обыкновенно собственность ниже 10 гектаровъ (9,17 десятинъ), средней — собственность между 10 и 40 гектарами, крупной—свыше 40 гектаровъ) **).

Категоріи кадастральныхъ участковъ.	Общее число участковъ.	Поверхн. въ гект. Средн. каждаго участка.	Общая всей категоріи.	Пропорц. на 1000 ед. Общ. число участковъ.	Общей поверхности.
1) Ниже 10 гект.	11.255,374	1,56	17.573,550	921	355
2) Отъ 10 до 40 г.	696,579	18,31	12.758,161	66	258
3) Свыше 40 гект.	163,324	117,74	19.230.150	13	387
Итогъ и среднее	12.115,277	4,09	49.561,861	1000	1000

Иначе говоря, болѣе $^{9}/_{10}$ кадастральныхъ участковъ достигаютъ въ среднемъ лишь полтора гектара и въ общемъ занимаютъ немногимъ болѣе трети всей земледѣльческой поверхности; а остальныя почти двѣ трети принадлежатъ участкамъ среднихъ и круп-

*) L. c., стр. 278.
**) L. c., стр. 342.

ныхъ размѣровъ, которыхъ, однако, насчитывается менѣе одной десятой общаго числа участковъ. И при этомъ крупные участки, достигающіе въ среднемъ почти 118 гектаровъ, обнимаютъ болѣе трети, почти $^2/_5$ всей земледѣльческой поверхности, тогда какъ ихъ не наберется и полтора процента въ общемъ числѣ участковъ.

Присмотритесь далѣе къ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей распредѣленіе между различными по величинѣ категоріями хозяйственныхъ единицъ (exploitations), общее число которыхъ значительно приближается къ цифрѣ „дѣйствительныхъ" земледѣльческихъ производителей (см. выше). Таблицу эту я беру, нѣсколько сокращая ее, все изъ того же оффиціальнаго документа *).

Категоріи культуры.	Число хозяйственныхъ единицъ.	Общая поверхность въ гектарахъ.	Средняя поверхность хоз. единицы въ гектар.	Отнош. въ % Къ общему числу хоз. единицъ.	Къ общей поверхн.
1) Очень мелкая (отъ 0 до 1 гект.).	2.167.667	1.083,833	0,50	38,2	2,2
2) Мелкая (отъ 1 до 10 г.).	2.635,030	11.366,274	4,31	46.5	22.9
3) Средняя (отъ 10 до 40 гектаръ).	727,222	14.845.650	20,41	12,8	29,9
4) Крупная (свыше 40 гектаръ).	142,088	22.266,104	156,71	2,5	45,0
Итогъ и среднее . .	5.672,007	49.561,861	8,74	100,0	100,0

Другими словами, почти $^2/_5$ хозяйственныхъ единицъ принадлежатъ къ категоріи очень мелкой культуры и имѣютъ въ среднемъ лишь полгектара; но едва одна пятидесятая всей земледѣльческой поверхности воздѣлывается этими чрезвычайно многочисленными хозяйствами.

Мелкія хозяйства, имѣющія въ среднемъ съ небольшимъ 4 гектара, составляютъ почти половину земледѣльческихъ хозяйствъ Франціи, а обрабатываютъ едва одну пятую ея территоріи. Одна восьмая хозяйствъ принадлежитъ къ категоріи зажиточныхъ, располагающихъ въ среднемъ болѣе чѣмъ 20 гектарами, а въ общемъ почти третью земледѣльческой поверхности. Наконецъ, крупная культура, заключающая въ себѣ хозяйства, которыя имѣютъ въ среднемъ почти 157 гектаровъ, насчитываетъ всего одну сороковую всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ Франціи, а распоряжается почти половиною всей эксплуатируемой поверхности. Сопоставьте тринанныя нами таблицы и сдѣланные изъ нихъ выводы—и вы придете къ заключенію, которое далеко расходится съ оффиціальной лирикой г. Тиссерана...

„Демократизація собственности"! Да, а за этой декораціей тотъ фактъ, что приблизительно изъ шести милліоновъ земледѣльческихъ семействъ чуть не половина должна извлекать изъ какихъ-

*) L, с. стр. 280.

нибудь четырехъ гектаровъ средства къ своему пропитанію и поддержанію самаго грандіознаго бюджета въ мірѣ *). „Условіе прогресса“! И больше трети земледѣльческихъ семействъ принуждены служить этому прогрессу, вертясь и надрываясь надъ работой на полгектарѣ земли. „Прочность учрежденій“... это точно, и именно благодаря тому обстоятельству, что частный мелкій собственникъ всю жизнь служитъ иллюзіи, будто его трудъ создаетъ и соотвѣтствующее усиліямъ вознагражденіе; и этой самой иллюзіей прикрываетъ неприглядную дѣйствительность строя, въ которомъ собственность какъ разъ не основана на трудѣ. Честная вывѣска и честный компаньонъ въ спекулятивной фирмѣ, какъ я уже сказалъ—вотъ роль крестьянина въ современной Франціи. Но и эту честность надо понимать условно. Говоря такъ, я отнюдь не думаю спеціально выискивать отрицательныя стороны крестьянина и злорадствовать надъ ними. Въ страстныхъ обвиненіяхъ (да, само собою разумѣется, и восхваленіяхъ) французскаго мужика со стороны разныхъ авторовъ, кой-кого изъ которыхъ я цитировалъ въ началѣ этой статьи,—въ этихъ обвиненіяхъ, говорю я, черезчуръ высказывается непосредственный аффектъ писавшихъ. А взгляните на этотъ вопросъ съ общественной точки зрѣнія, вдвиньте крестьянина въ обстановку, среди которой живетъ онъ, и, вмѣстѣ съ древней Магабгаратой, вы воскликнете: „не обстоятельства въ рукахъ человѣка, а человѣкъ въ рукахъ обстоятельствъ“; вы поймете, что крестьянинъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть,—взглядъ, къ которому очень близко подходитъ, несмотря на свой аристократизмъ, и геніальный Бальзакъ. Посмотримъ же на нѣкоторыя стороны крестьянской души.

Скупость, переходящая часто границы благоразумія и вызывающая безпощадную жестокость къ самому себѣ и близкимъ, не говоря уже о постороннихъ, прежде всего бросается въ глаза... Печально, что и говорить! Но когда вы сообразите, что громадное большинство французскаго крестьянства можетъ отстаивать себя въ борьбѣ за существованіе на своемъ мелкомъ участкѣ лишь усиленнымъ трудомъ и самой строгой бережливостью, то вы поймете, что скупость эта является лишь логическимъ развитіемъ всей жизненной обстановки. Человѣкъ превращается въ раба своей функціи. Чтобы существовать, онъ такъ много урѣзываетъ отъ своихъ жизненныхъ потребностей, что вся жизнь сводится къ какой-то блѣдной фикціи, и поневолѣ спрашиваешь себя: зачѣмъ въ такомъ случаѣ жить этому человѣку, не живя въ сущности?

Et propter vitam vivendi perdere causas.

*) Нынѣ (1901 г.). превзойденнаго, впрочемъ, русскимъ.

какъ сказалъ бы старый поэтъ! Но ужасно то, что скупость эта принимаетъ истинный характеръ искусства для искусства, когда улучшившіяся условія дѣлаютъ уже безполезнымъ такое скаредство, и задерживающіе центры копленія функціонируютъ лишь по привычкѣ да по инерціи.

Лично мнѣ пришлось наблюдать интересную въ этомъ отношеніи семью, которая, однако, смѣю увѣрить читателя, не представляетъ по взглядамъ исключенія въ средѣ крестьянъ, какъ это можно было видѣть уже изъ того, что поведеніе ея считалось вполнѣ понятнымъ и нормальнымъ всѣми сосѣдями и знакомыми. Семья эта была такая: вдовецъ-отецъ, крѣпкій старикъ лѣтъ шестидесяти, который былъ морякомъ, разбогатѣлъ не столько плаваніемъ и рыбной ловлей, сколько контрабандой и спекулятивной покупкой земель на берегу моря, и теперь жилъ безъ опредѣленнаго занятія, постукивая топоромъ по двору, расхаживая по деревнѣ и изрѣдка отправляясь на рыбную ловлю; дочь его (другая дочь жила въ сосѣднемъ городѣ, а сынъ утонулъ), которая вышла замужъ за второго капитана одного изъ громадныхъ атлантическихъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Гавромъ и Нью-Іоркомъ и носящихъ типичную кличку „гончихъ океана“; маленькій сынъ этой дочери, мужъ которой лишь изрѣдка наѣзжалъ провѣдать своихъ. Въ сущности говоря, по своему экономическому положенію семья эта принадлежала къ разряду средней, чуть не крупной буржуазіи. У отца въ земляхъ и бумагахъ было тысячъ двѣсти франковъ; да зять-капитанъ, который распоряжался хозяйственной частью на колоссальномъ суднѣ, получалъ жалованья, а главное безгрѣшныхъ доходовъ не одинъ десятокъ тысячъ франковъ въ годъ. Но обстановка, въ которой жила эта семья, мало чѣмъ отличалась отъ обычной обстановки средней крестьянской семьи въ Бретани.

Чистый и свѣтлый домъ, выстроенный въ послѣдніе годы, почтенное семейство это сдавало на купальный сезонъ пріѣзжавшимъ посѣтителямъ, или, какъ они называются здѣсь, „иностранцамъ“. Само же ютилось въ старой, сырой, построенной изъ гранитнаго булыжника лачугѣ, съ неизмѣннымъ громаднымъ каминомъ на манеръ грота, маленькими окошечками и землянымъ поломъ. Тамъ-то, въ знаменитыхъ бретонскихъ шкафахъ-постеляхъ, въ которыхъ бѣлье было вѣчно влажнымъ отъ сырости, и започивала эта семья послѣ дневныхъ хлопотъ, прерываемыхъ раза три-четыре въ день принятіемъ пищи: чернаго кофе съ хлѣбомъ, намазаннымъ соленымъ сливочнымъ масломъ; простокваши съ картофелемъ; супа изъ овощей съ кускомъ свиного сала, и большого количества яблочнаго сидра. „Что-жъ, мадамъ, вы не ѣдите мяса каждый день“?—спрашиваю однажды я у хозяйки.—Да мы, знаете-ли, не привыкли къ этому: мясо очень вредно для здоровья, разгорячаетъ („разгорячаетъ“ и „освѣжаетъ“ играютъ огромную роль въ гигіеническихъ

воззрѣніяхъ средняго француза)... „Отчего вы не даете своему Пьеру молока? Вѣдь, онъ такой блѣдный у васъ: сами же вы жалуетесь на это“, говорю я хозяйкѣ въ другой разъ, бесѣдуя съ ней о ея сынишкѣ.—О, онъ, знаете-ли, не привыкъ, все больше тянется къ сидру. „Позвольте, мадамъ, предложить ему оставшійся у меня отъ утра стаканъ молока“.—О, нѣтъ, это совсѣмъ лишнее, мосье: Пьеръ не будетъ пить... Я упросилъ, однако, мать позволить мнѣ дать молока юному любителю сидра, и Пьеръ выпилъ стаканъ съ жадностью. „Ну, вотъ видите, мадамъ, иногда и привычкѣ измѣняютъ“... Мадамъ помялась-помялась и въ порывѣ материнской благодарности за доставленное ея сыну удовольствіе пустилась въ откровенность: „вѣдь я, знаете-ли, мосье, не могу поить ребенка свѣжимъ молокомъ; это намъ не по карману (я улыбнулся)... т. е. я, какъ добрая мать, должна стараться, чтобъ рента, которую онъ получитъ послѣ нашей смерти, росла по возможности безостановочно: не капиталъ-же намъ, согласитесь, трогать для жизни (я расхохотался)... Не смѣйтесь, мосье: вотъ умретъ папаша, я и останусь сиротой...—Сиротой съ капиталами папаши, подшучиваю я.—„Ахъ, мосье, не Богъ знаетъ, какъ велики эти капиталы у моего дорогого отца, да пошлетъ ему Дѣва Марія и младенецъ Іисусъ долгую жизнь... Мало-ли что можетъ случиться: вотъ мой мужъ плаваетъ—плаваетъ, да вдругъ и заболѣетъ, а то, можетъ быть, и того хуже“...—Ну, а что, мадамъ, если вашъ Пьеръ заболѣетъ отъ плохого питанія, да и...“—Охъ, мосье, и не договаривайте: это убьетъ меня... Но чѣмъ же онъ, однако, плохо питается? А, вѣдь, кромѣ того, не могу же я трогать на пищу ренты, которую мы копимъ для него? Что онъ самъ-то потомъ скажетъ?

И сколько я ни старался показать хозяйкѣ всю нелѣпость ея разсужденій; какъ ни представлялъ ей въ комичномъ видѣ эту безконечную перспективу поколѣній, этотъ рядъ Пьеровъ, выступающихъ изъ мрака прошлаго и уходящихъ въ туманную даль будущаго и голодающихъ въ пользу своихъ потомковъ, и морящихъ съ голоду этихъ самыхъ потомковъ, въ то время, какъ рента, передаваемая изъ рукъ въ руки, все ростетъ да ростетъ, разбухая, какъ вампиръ, страданіями и лишеніями живыхъ людей,—всѣ мои усилія такъ же разбивались о стяжательные инстинкты моей хозяйки, какъ море о гранитныя скалы ея родины... Уморить Пьера для Пьера же казалось единственной доблестной задачею домовитой матери!..

Въ то же лѣто, подъ конецъ моего пребыванія въ этой семьѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ сцены, которая ярко освѣтила для меня наслѣдственную психологію моей хозяйки. Старикъ-отецъ сильно промокъ на рыбной ловлѣ, понадѣялся на себя, не перемѣнилъ платья и опасно заболѣлъ. Жаръ, кашель, ломота въ костяхъ; легъ старикъ у живой изгороди изъ ежевики, которая окружала его садъ, и лежитъ, смотря на небо и охая. Встревожилась дочь, подбѣ-

жали сосѣди, подошелъ и я. Рѣшили послать за докторомъ; на это самъ больной согласился послѣ долгихъ упрашиваній. Пріѣхалъ деревенскій врачъ, посмотрѣлъ, пощупалъ пульсъ, ткнулъ старика раза два въ грудь и въ спину, спрашивая, гдѣ болитъ, и рѣшилъ, что преклонный возрастъ паціента придаетъ болѣзни довольно опасный характеръ, что старику надобенъ покой, хорошее питаніе, крѣпкое вино и пр. Старика уложили. Дочь сѣла у постели. Навѣстилъ и я больного. „Что же вы теперь думаете дѣлать? Надо серьезно лѣчиться", говорю я. „Конечно, надо, я только-что сказала то же самое папашѣ", вступилась дочь. „Лѣчиться... лѣчиться... ну вотъ и лѣчимся, вотъ и легли", съ горькой ироніей и неизвѣстно на кого негодуя, заговорилъ старикъ; и слова его безпрестанно прерывались кашлемъ и отчаянными ругательствами моряка. „Питаться надо, вино хорошее пить", продолжалъ я: „хотите, я схожу въ городъ, куплю". — Вино?.. Вино всякое у меня въ погребѣ есть, и хорошее, и крѣпкое: старый портвейнъ есть; хересъ, какого и не найдешь теперь: въ Испанію ѣздилъ, лѣтъ пятнадцать уже тому купилъ... Эхъ-эхъ, проклятая болѣзнь!.. — Ну вотъ и прекрасно, возьмите стараго портвейну и пейте себѣ, замѣчаю я.—Въ самомъ дѣлѣ, и пейте, папаша, робко и какъ бы извиняясь, промолвила дочь. — Пейте, пейте, папаша, вдругъ передразнивая и съ жаромъ заговорилъ отецъ: ужъ молчала бы лучше, Элиза! Мосье, конечно, чужой человѣкъ, онъ не знаетъ. А ты, вѣдь, моя дочь! Дочь, вѣдь, моя, правда? Такъ тебѣ стыдно было бы говорить такъ: видишь, что слабъ отецъ сталъ, заболѣлъ, твердости не стало, вотъ и начала искушать: пейте—пейте! Ты знаешь, я и здоровый-то можетъ разъ въ пять лѣтъ пробовалъ свои старыя вина, въ самыхъ что ни на есть торжественныхъ случаяхъ: вотъ тебя замужъ отдавалъ, по сынѣ поминки справлялъ... А то теперь свалился, какъ старое дерево: радость какая, что заболѣлъ... А если и безъ портвейну выздоровѣю, тогда что?

Признаться, меня опѣшила вполнѣ логическая съ своей точки зрѣнія аргументація старика: здоровый, въ цвѣтѣ силъ и стяжанія, онъ не пилъ дорогихъ напитковъ, а все копилъ: и хорошее вино, и поля, и ренту; а тутъ, вдругъ заболѣлъ, можетъ, умретъ, и вдругъ именно въ моментъ такого паденія и приняться за деликатессы: вѣдь это горькая иронія надъ своей же судьбой, да что—прямой позоръ!.. Я уѣхалъ, не дождавшись развязки этого поистинѣ гамлетовскаго вопроса для старика: пить или не пить. Мѣсяца два спустя, уже въ Парижѣ, я получилъ отъ мадамъ Элизы траурное письмо: старикъ умеръ,—и умеръ, какъ и жилъ, героемъ и стоикомъ накопленія, не тронувши драгоцѣннаго портвейна!...

Но эта странная логика собственника порою приводитъ къ явленіямъ, заставляющимъ содрогаться чувствительное сердце большой публики, у которой, къ сожалѣнію, чувствительность почти никогда не идетъ рука-объ-руку съ пониманіемъ внутреннихъ причинъ явленія. А именно: скупость и вообще эгоистическій интересъ вызываютъ иногда такое извращеніе естественныхъ, казалось бы, чувствъ привязанности и расположенія между членами семьи, что подобные факты истолковываются какъ результаты необыкновеннаго звѣрства и крайне-исключительной порочности души. Въ особенности часто распространено полнѣйшее равнодушіе къ судьбѣ престарѣлыхъ родителей, равнодушіе, которое при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ переходитъ въ прямую неумолимую вражду, ведущую даже къ крайнему преступленію: умышленному, задолго-обдуманному и холодно-выполняемому убійству. Главнымъ образомъ это случается, когда старики, начиная дряхлѣть, передаютъ при жизни свое имущество и веденіе хозяйства дѣтямъ, условливаясь съ послѣдними получать отъ нихъ пожизненное содержаніе въ формѣ ежегодной пенсіи и т. п. Старая и вѣчно-юная исторія, если хотите, которую развернулъ въ потрясающихъ сценахъ „Короля Лира“ еще мощный геній Шекспира, которая въ русской литературѣ послужила предметомъ одной изъ повѣстей Тургенева („Степной король Лиръ“), а за нимъ Златовратскаго („Деревенскій король Лиръ“), и т. д. Но среди французскаго крестьянства, загипнотизированнаго земельнымъ стяжаніемъ, такое отношеніе дѣтей къ становящимся безполезными въ экономическомъ смыслѣ старикамъ прокидывается сравнительно особенно часто и ярко. Когда появилась „Земля“ Эмиля Золя, значительная часть прессы возстала на автора, обвиняя его въ умышленномъ дискредитированіи французскаго крестьянства и утверждая, что такого жестокаго и чисто-преступнаго поведенія дѣтей съ родителями въ дѣйствительной деревнѣ никогда не встрѣтишь, и т. п. И что же? Словно нарочно, не успѣла затихнуть еще эта полемика, какъ одному изъ окружныхъ судовъ центральной Франціи пришлось разбирать именно такое дѣло, притомъ осложненное самыми ужасными подробностями звѣрства и суевѣрія.

Обстоятельства дѣла были таковы. Старуха-мать передала при жизни все свое имущество женатому сыну, у котораго было двое маленькихъ дѣтей, подъ условіемъ получать содержаніе и все необходимое отъ молодой семьи вплоть до самой смерти, на что сынъ и невѣстка согласились очень охотно, полагая, что дряхлой старухѣ не долго маяться на свѣтѣ. Но шелъ годъ за годомъ, а старуха, хотя и становилась все дряхлѣе и безпомощнѣе, и не думала умирать. Въ сердцѣ сына и его жены начало постепенно рости неудовольствіе на эту обременяющую ихъ бюджетъ обузу; неудовольствіе перешло въ злобу; злоба окрасилась суевѣріемъ:

старая мать, очевидно, колдунья и продала душу чорту съ тѣмъ, чтобы возможно дольше протянуть на этомъ свѣтѣ и насолить своимъ дѣтямъ, ревностнымъ католикамъ!... И вотъ въ одно прекрасное утро, среди идиллической обстановки деревни, сынъ и невѣстка связали крѣпко-накрѣпко веревками дряхлую мать, всунули ее въ старый фамильный каминъ, обложили ее соломой облили керосиномъ—и зажгли, наказавъ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ громко пѣть священные гимны, во-первыхъ, затѣмъ, чтобы отогнать помогавшаго колдуньѣ чорта, во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы заглушить стоны бабки. На судѣ и сынъ, и невѣстка чистосердечно признались, что это ауто-да-фе имъ казалось необходимымъ, какъ въ видахъ экономическихъ, такъ и религіозныхъ!...

Приведу для примѣра другой типичный фактъ, который напоминаетъ положительно страшный разсказъ Эдгара По „Бочка стараго амонтильядо". Онъ разыгрался весной 1896 г. въ благочестивомъ Анжу. Довольно состоятельный старикъ-фермеръ, любившій пожить въ свое удовольствіе, передалъ все свое имущество сыну за пожизненную ренту и сталъ—фактъ довольно исключительный въ этой средѣ!—проводить время въ увеселительныхъ поѣздкахъ въ ближній городъ, игрѣ въ карты и испиваньи тонкихъ винъ. Сынъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни почувствовалъ самую лютую ненависть къ отцу, который, молъ, лишь веселится да благодушествуетъ, тогда какъ онъ, молодой хозяинъ, надрывается надъ работой. И вотъ, когда пламя этой жаркой ненависти выжгло послѣдніе остатки расположенія къ отцу въ сердцѣ сына, послѣдній задумалъ и привелъ въ исполненіе такой планъ. „А что, папаша, вы вотъ все ѣздите въ городъ отвѣдывать хорошія вина, а не знаете того, что я припасъ для васъ боченокъ отличнаго Сомюрскаго вина".—А гдѣ-жъ оно?—„Да у насъ въ погребѣ, подъ бродильнымъ чаномъ" (дѣйствіе происходитъ въ странѣ виноградниковъ). Старикъ спускается съ сыномъ въ погребъ, гдѣ стоялъ громадный перевернутый вверхъ дномъ чанъ, подпертый съ одной стороны толстой палкой. „Вотъ тамъ, папаша, къ той сторонѣ: вотъ вамъ ковшъ,—вы любитель, вы сами нащѣдите, а я вамъ посвѣчу". И въ то время. какъ старикъ ползалъ подъ чаномъ и нащупывалъ боченокъ, сынъ нанесъ ему ужасный ударъ топоромъ въ затылокъ. А когда ошеломленный, но все еще крѣпкій старикъ сталъ пытаться вылѣзть изъ-подъ чана, сынъ выбилъ подпору, и громадный чанъ упалъ на старика, перебилъ ему спинной хребетъ и придавилъ его къ землѣ. Старикъ вылъ отъ боли, рыдалъ, умолялъ сына покончить съ нимъ. Но хозяйственный мужичекъ, видя, что отецъ уже больше не жилецъ, и даже соображая тутъ же на всякій случай планъ защиты на судѣ—отецъ, молъ, лѣзъ спьяну подъ чанъ за виномъ и по неосторожности уронилъ его на себя,—домовитый сынъ, говорю я, оставилъ умирающаго отца подъ чаномъ, испилъ

послѣ своего подвига вина, отеръ потъ, поднялся на верхъ и преспокойно отправился воздѣлывать свою ниву и воздѣлывалъ, по обыкновенію, тщательно и прилежно. Стоны старика, доносившіеся еще въ теченіе двухъ-трехъ часовъ изъ подвала, не особенно смущали душу нѣжнаго сына, и на вопросы сосѣдей, чего это воетъ его отецъ, рачительный хозяинъ хладнокровно отвѣчалъ: „или не знаете его нрава? вернулся подвыпивши изъ города, вотъ теперь лежитъ и куражится"...

Чувствительный читатель ужаснется, но обвинитъ меня въ умышленномъ подыскиваніи крайне рѣдкихъ фактовъ и въ ошибочномъ обобщеніи ихъ. Я и не говорю, что такія рѣзкія и яркія дѣла каждый день случаются во французской деревнѣ. Но было бы наивно думать, что они чрезвычайно исключительны. Вотъ уже сколько лѣтъ я слѣжу внимательно за французской судебной хроникой и смѣю увѣрить читателя, что каждый годъ натыкаюсь, по крайней мѣрѣ, на десятокъ такихъ крестьянскихъ преступленій, подлежащихъ разбору суда. Но примите во вниманіе, что въ парижскія большія газеты проходитъ лишь незначительная часть фактовъ изъ провинціальной жизни и печати. Не забудьте также, что на одно такое судимое преступленіе приходится нѣсколько сошедшихъ съ рукъ ихъ виновникамъ. А, главное, не упускайте изъ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ со стариками скопидомы-дѣти раздѣлываются не ударомъ топора и не охапкой пропитанной керосиномъ соломы, а ежедневнымъ, мучительно-медленнымъ, но вѣрнымъ процессомъ сживанія со свѣту путемъ лишеній, держанія впроголодь, полнѣйшаго пренебреженія къ старости и болѣзнямъ родителей. Сообразите все это, и вы поймете, какія трагедіи разыгрываются ежечасно, ежедневно на лонѣ французской идилліи полей. Строки эти я пишу, напримѣръ, въ благочестивой бретонской деревнѣ. Хозяйка моя, вдова моряка, очень хорошая женщина и въ деревнѣ слыветъ даже за большую безсребренницу. И что же? эта добрая женщина вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, со смерти мужа, перестала выдавать скромное денежное пособіе своей старой-престарой матери, перестала, несмотря на то, что у нея есть домъ, коровы, поле, пенсія отъ мужа и изрядный капиталецъ: „хлѣба ѣшь сколько угодно, а денегъ не могу давать; я не виновата, что мать живетъ далеко и не можетъ отъ дряхлости приходить ко мнѣ часто позавтракать или пообѣдать... Не ренту же мнѣ тратить изъ-за нея..." И эта „рента", „рента", „рента" раздается, словно магическое слово, по всей сельской Франціи, подстрекая тѣхъ изъ мелкихъ собственниковъ, которые не имѣютъ ренты, къ наживанію, а тѣхъ, у которыхъ она уже есть, къ пріумноженію, не особенно деликатничая съ отживающими и потому экономически убыточными поколѣніями.

Остановитесь на слѣдующей цитатѣ Бодрильяра, очень благо-

намѣреннаго академика, въ которой говорится о нормандскомъ, въ общемъ, зажиточномъ крестьянинѣ:

Отъ этого отсутствія почтительности до равнодушія, а позже до жестокости лишь одинъ шагъ, который черезчуръ часто дѣти переступаютъ, когда родители становятся старыми и больными. Часто пожилые отцы и матери отдаютъ свое имущество дѣтямъ подъ условіемъ пожизненной ренты или же, у бѣднѣйшихъ, подъ условіемъ получать отъ дѣтей кровъ, пищу и попеченіе. Условія, выговариваемыя при этой передачѣ, далеко не исполняются. Неоднократно пожизненная рента накопляется неоплатнымъ долгомъ на дѣтяхъ, вслѣдствіе-ли ихъ преступной скупости или же въ силу матеріальныхъ затрудненій, когда дѣти не позаботились отдѣлить отъ текущихъ расходовъ обѣщанную сумму. Потому положеніе родителей, которые остаются на попеченіи дѣтей, очень часто оставляетъ многаго желать *).

И подобныя же жалобы вы услышите отъ автора,—который, однако, всячески старается стушевать ихъ, — и на крестьянъ Фландріи и Пикардіи, и на крестьянъ центра, и на крестьянъ юга.

Мнѣ-то, конечно, не зачѣмъ стушевывать эти факты: я не членъ Института и не былъ посылаемъ Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ для оффиціальнаго изученія быта крестьянъ.

Но, съ другой стороны, мнѣ хотѣлось бы не столько излить свое негодованіе на порочныхъ дѣтей-изверговъ, сколько представить читателю могущественное давленіе на крестьянъ ихъ соціальной обстановки, дѣлающей ихъ такими жестокосердыми. Мы съ вами благородные и возвышенные люди,—не правда ли, читатель? Мы чтимъ отцовъ и матерей нашихъ, чтимъ вообще лицо старче и боимся Бога. Но поставьте насъ на мѣсто средняго крестьянина. Частная мелкая собственность сдѣлала для насъ землю настоящимъ идоломъ: какихъ усилій стоитъ намъ не утерять нашихъ четырехъ гектаровъ изъ рукъ, а еще пріумножить, и съ какимъ свирѣпымъ героизмомъ мы будемъ держаться за землю, если у насъ ея всего полгектара! А разъ у насъ и довольно земли, то мы день и ночь будемъ думать о томъ, чтобы округлить ее... Едва мы родились, какъ отцы наши и матери начали пріучать насъ къ будущей роли: наши поля и сады отгорожены отъ сосѣдей, и мы грудью станемъ на защиту каждаго клочка; его мы воздѣлываемъ въ потѣ и съизмалу пріучаемся пахать, сѣять и жать. Дорого достается намъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе и противъ сборщика податей, и противъ

*) Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France*; Парижъ 1885, томъ I, стр. 126.—Этотъ томъ посвященъ крестьянству Нормандіи и Бретани: второй (вышедшій въ 1888 г.)—крестьянству нѣкоторыхъ областей центра и сѣверо-востока; третій (появившійся въ 1893 г., послѣ смерти автора, подъ редакціей его сына, Альфреда Бодрильяра)—южному крестьянству. Это объемистое, но не умное и безталанное произведеніе заключаетъ мѣстами интересныя свѣдѣнія: точка зрѣнія—оффиціально-оптимистическая.

процентовъ по ипотекѣ и сельскаго ростовщика, и противъ знойнаго солнца, и противъ излишняго дождя, и града, и червя, и мороза. Мы выросли въ такой обстановкѣ, поженились и обзавелись дѣтьми, которыхъ мы пріучаемъ въ свою очередь надрываться надъ семейной нивой. А родители наши все старѣются и дряхлѣютъ... Тѣмъ хуже для нихъ... Мы дѣлаемъ для нихъ все, что можемъ, но это все, къ сожалѣнію, не очень много; насъ зоветъ къ себѣ земля, зоветъ трудъ, зоветъ забота о самихъ себѣ и о будущности дѣтей нашихъ...

Пусть читатель мысленно продолжитъ линіи этого разсужденія, и онъ найдетъ, что въ извѣстный моментъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ онѣ могутъ пересѣчься въ страшной сценѣ отцеубійства, а, не заходя такъ далеко, образуютъ прочную сѣть эгоистическихъ аргументовъ, настоящую кольчугу, которою мы защищаемся отъ естественныхъ, казалось бы, чувствъ расположенія къ безпомощнымъ старикамъ. Не забудемъ, что попеченіе о старикахъ возникаетъ лишь на извѣстной ступени цивилизаціи, и когда позволяетъ это законъ борьбы за существованіе. У первобытныхъ племенъ убыточность стариковъ-неработниковъ сознается столь сильно, что сами же старики приглашаютъ своихъ дѣтей убить ихъ и... съѣсть со всевозможными церемоніями. У нѣкоторыхъ древнихъ племенъ, населявшихъ нашу же Европу, желудокъ дѣтей почитался самымъ лучшимъ гробомъ для родителей *).

Французская деревня поражаетъ еще инымъ явленіемъ, вытекающимъ изъ чрезмѣрнаго развитія частной собственности: искусственнымъ безплодіемъ. Многочисленная семья при опредѣленныхъ, очень часто недостаточныхъ, какъ мы видѣли, размѣрахъ собственности представляетъ для домовитаго хозяина важную помѣху его соціальной функціи. На стариковъ онъ смотритъ съ неудовольствіемъ и, когда дѣло обостряется, сживаетъ ихъ, что называется, со свѣту. Но отецъ онъ гораздо болѣе нѣжный, и потому случаи дѣтоубійства сравнительно крайне рѣдки; вытравленіе плода тоже скорѣе городской, чѣмъ деревенскій грѣхъ. За то французскій крестьянинъ — убѣжденный мальтусіанецъ и своимъ умѣньемъ сдерживать народонаселеніе заставилъ бы покраснѣть самого почтеннаго автора „Опыта о народонаселеніи“, который, какъ извѣстно, въ жизни отступалъ отъ чистоты своихъ теоретическихъ положеній, оставивъ послѣ себя чуть не дюжину дѣтей! Французскій земледѣлецъ не прибѣгаетъ къ различнымъ инструментамъ и техническимъ пріемамъ искусственнаго безпло-

*) Ср. Страбона (Γεωγραφικά, IV, 5) о современныхъ ему обитателяхъ Ирландіи: τούς τε πατέρας τελευτήσαντας κατεσθίειν ἐν καλῷ τιθέμενοι.

дія, которые выработала городская цивилизація: онъ пускаетъ въ ходъ практику, которая осуждается въ подробныхъ богословскихъ руководствахъ для католическихъ священниковъ подъ рубрикою semen extra vos femineum fundere... Я, къ сожалѣнію, не могу привести здѣсь циничнаго, но мѣткаго французскаго эквивалента соотвѣтствующей латинской фразы.

Интересно, что наибольшимъ виртуозомъ по части искусственнаго безплодія является не столько очень мелкій собственникъ, сколько зажиточный хозяинъ, который въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ соперничаетъ съ городскимъ буржуа. И для него, какъ для послѣдняго, частная собственность стала настоящимъ идоломъ, въ жертву которому приносятся многія самыя законныя чувства. Но у городской буржуазіи предусмотрительность часто опирается на извѣстнаго рода сибаритство и привычку къ комфорту, которыя могутъ идти рука объ руку съ сильною любовью къ дѣтямъ: люди не желаютъ имѣть многочисленное потомство, чтобы дать возможность дѣтямъ жить въ такомъ же довольствѣ, какъ жили и сами родители. У богатаго же крестьянина весь психическій аппаратъ зачастую загипнотизированъ землей, вокругъ которой вертятся его помыслы и стремленія: какъ бы не разбить свою собственность на слишкомъ большое число участковъ? какъ бы сохранить ее въ цѣлости и даже округлить? По французскому гражданскому кодексу имущество вѣдь дѣлится поровну между дѣтьми. И вотъ зажиточный собственникъ регулируетъ ростъ своей семьи прямо съ математической точностью. У того же Бодрильяра, насобиравшаго много свѣдѣній изъ личныхъ разспросовъ, вы найдете порою очень интересные въ этомъ смыслѣ факты. Вотъ, что пишетъ онъ, напр., о крестьянствѣ въ Оверни а именно въ департаментѣ Верхней-Луары:

Вещь очень серьезная! Это уменьшеніе народонаселенія почти исключительно зависитъ отъ добровольнаго ограниченія числа рожденій. Зло это прежде всего проявилось среди зажиточныхъ земледѣльческихъ классовъ Оверни, и тамъ-то оно и достигаетъ своего максимума: большинство семей имѣютъ одного, самое большее двухъ дѣтей. «Мы не на столько богаты, говорятъ они, чтобы выращивать больше»; или: «стоитъ-ли пускать на свѣтъ несчастныхъ». Можно было бы привести очень много убѣдительныхъ примѣровъ этого систематическаго ограниченія: вотъ два изъ нихъ. Семья X. имѣетъ лишь одного ребенка, который умираетъ взрослымъ; въ тотъ самый годъ, какъ хоронили перваго, рождается второй сынъ, который въ свою очередь умираетъ: его сейчасъ же замѣняютъ третьимъ: этотъ послѣдній еще живъ, но крайне тщедушенъ, и неизвѣстно, будутъ-ли родители въ состояніи выходить его. Другая семья богатыхъ крестьянъ имѣла единственнаго сына и издѣвалась надъ тѣми семьями, которыя не подражали ея благоразумному воздержанію; сына этого, уже достигшаго 18-лѣтняго возраста, убило молніей въ полѣ; мать умерла послѣ двухъ выкидышей; отецъ женился во второй разъ, и отъ второй жены у него всего одинъ ребенокъ. Въ теченіе долгаго времени мелкіе землепашцы считали, что многочисленныя дѣти были скорѣе для нихъ драгоцѣнными помощниками, и нерѣдко въ семьяхъ насчитывалось по меньшей мѣрѣ пять или шесть дѣтей; но теперь и эти семьи

разсуждаютъ подобно богатымъ... Во многихъ деревняхъ семьи даже и съ тремя ребятами составляютъ уже рѣдкое исключеніе*).

Или вотъ еще любопытный фактъ изъ другой мѣстности. Читатель, которому приходилось ѣздить по линіи Ліонской желѣзной дороги, навѣрное видѣлъ изъ оконъ вагона знаменитые виноградники деревни Томери (Thomery) возлѣ Фонтенебло, которые устроены шпалерами съ обѣихъ сторонъ садовыхъ стѣнъ. Виноградъ Томери считается гастрономической рѣдкостью, покупается съ аукціона крупными фруктовщиками и фигурируетъ на оффиціальныхъ обѣдахъ (президентскихъ, министерскихъ, въ честь коронованныхъ лицъ и пр.) подъ названіемъ chasselas de Fontainebleau. Виноградники цѣнятся очень дорого и продаются на старинную мѣру туазами стѣны: туазъ (шесть футовъ) стоитъ 100 франковъ. Изъ 1000 душъ, обитающихъ деревню, самые бѣдные хозяева имѣютъ такихъ шпалеръ на 10000—20000 фр., а нѣкоторые—настоящіе милліонеры. И что-же? „въ этой богатой деревнѣ 120 семей не имѣютъ совсѣмъ дѣтей“, говоритъ Бодрильяръ**).

Такимъ образомъ, чѣмъ частный собственникъ состоятельнѣе, тѣмъ онъ предусмотрительнѣе: ростъ капитала въ землѣ препятствуетъ росту капитала въ живыхъ производительныхъ силахъ населенія. Въ богатой Нормандіи дѣтей рождается очень мало, и число жителей медленно, но постепенно уменьшается; въ сосѣдней бѣдной Бретани семьи обыкновенно большія, и населеніе ростетъ. Не будь такихъ бѣдныхъ, не предусмотрительныхъ мѣстностей и еще болѣе не предусмотрительнаго городского пролетаріата, и Франція стала бы вымирать очень быстро. И теперь ея населеніе едва увеличивается, порою совершенно останавливается, а въ иные годы (напр., въ 1890, 1891, 1892) идетъ назадъ***). Въ частности интересующая насъ здѣсь земледѣльческая собственность давитъ на населеніе съ двухъ концовъ: когда она мелка, она клонитъ владѣльца къ пренебреженію жизнью старыхъ отживающихъ поколѣній; когда она достаточно крупна, она губитъ жизнь въ зародышѣ, искусственно уменьшая рождаемость. И этого печальнаго положенія вещей французамъ не измѣнить, не измѣняя условій самаго строя. Никакія „общества борьбы противъ уменьшенія народонаселенія“ не помогутъ бѣдѣ. Безсильны противъ этого и статьи разныхъ Гюговъ Леру въ „Фигаро“, приглашающихъ собственниковъ Франціи быть менѣе предусмотрительными, и краснорѣчивые призывы Жюлей Симоновъ: „заткните, граждане, о заткните дыру, чрезъ которую утекаетъ населеніе нашего дорогого отечества“ (буквальныя, высококомич-

*) Baudrillart, l. c., томъ III, стр. 604—605.

**) L. c., томъ II, стр. 616.

***) См. ниже уже разъ цитированную мною главу «Натурализмъ на службѣ у утопіи».

ныя слова въ заключеніи одной ораторской пѣсни академическаго лебедя).

Глубокомысленные философы и сладкіе поэты хуторского владѣнія въ Россіи, какъ извѣстно, обрушиваются на наше общинное владѣніе, между прочимъ, за то, что оно, молъ, не способствуетъ выработкѣ у нашихъ крестьянъ уваженія къ чужой собственности. Послушать этихъ мыслителей и этихъ пѣвцовъ, крестьянинъ-собственникъ питаетъ нѣчто въ родѣ религіознаго чувства къ чужой собственности. Увы! дѣйствительность разбиваетъ эти радужныя иллюзіи. Поэтовъ, правда, я могу еще порадовать слѣдующимъ обстоятельствомъ изъ крестьянскаго строя Франціи: во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Мэнъ, Анжу, Нормандіи, и даже въ сравнительно неплодородной Бретани поля и сады частныхъ собственниковъ отгорожены по большей части довольно высокими валами, которые усажены деревьями и издали производятъ своей совокупностью впечатлѣніе сплошного лѣса даже тамъ, гдѣ собственно лѣсовъ нѣтъ. Декорація, дѣйствительно, очень красивая и возбуждающая эстетическій восторгъ! Но философовъ хуторского принципа я вынужденъ рѣшительно огорчить, и огорчить признаніемъ ихъ же теоретическаго собрата, все того же академика Бодрильяра. Не угодно-ли имъ будетъ остановиться на слѣдующихъ строкахъ:

Эрскій департаментъ (département de l'Eure)—одинъ изъ наилучше возлѣланныхъ и самыхъ богатыхъ департаментовъ не только въ Нормандіи, но и во всей Франціи; и этотъ же самый департаментъ идетъ впереди всѣхъ прочихъ французскихъ департаментовъ съ точки зрѣнія преступности пропорціонально своему населенію. Онъ даетъ 43 обвиняемыхъ на 100000 жителей, цифра значительная, даже огромная... и которую, признаемъ это, мы должны поставить въ счетъ исключительно сельскому классу. Дѣйствительно, въ Эрскомъ департаментѣ нѣтъ ни одного большого города. Въ немъ находится даже мало важныхъ промышленныхъ центровъ. Правда, простыя убійства и убійства съ обдуманной цѣлью не фигурируютъ въ той же пропорціи, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ департаментахъ, въ спискѣ преступленій. Но преступленія противъ нравственности составляютъ цѣлую треть общаго числа; остальную треть составляютъ квалифицированныя кражи... Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ Нормандіи, замѣчается масса мелкихъ хищеній, которыя ускользаютъ отъ кары закона. Нерѣдко крестьяне, даже и живущіе въ довольствѣ, подхватываютъ и похищаютъ снопы во время жатвы, яблоки для сидра, когда онѣ созрѣваютъ, сваленный и оставшійся на мѣстѣ лѣсъ. Эти кражи, и не особенно значительныя каждый разъ, но очень часто повторяющіяся, представляютъ вещь непростительную: онѣ дѣлаются не по нуждѣ, а обусловливаются единственно приманкою барыша безъ труда и тяготѣніемъ къ запрещенному плоду *)...

Вотъ вамъ и уваженіе къ чужой собственности! А, замѣтьте, вѣдь это происходитъ въ той самой Нормандіи, гдѣ юридическія

---

*) L. c., томъ I, стр. 111—112.

понятія о собственности крайне выработаны въ населеніи, гдѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ, самая малѣйшая сдѣлка непремѣнно заключается на бумагѣ, и гдѣ любимою темою разговоровъ крестьянъ въ кабакѣ является задаваніе другъ другу разныхъ сложныхъ случаевъ юридической казуистики! Для Бодрильяра и нашихъ философовъ хутора это, можетъ быть, и непонятно. Для меня же это представляется вполнѣ логичнымъ и необходимымъ. Именно тамъ, гдѣ частная собственность крайне ярко и рельефно выступаетъ въ жизни, столкновеніе частныхъ интересовъ придаетъ воровской и хищническій характеръ взаимнымъ отношеніямъ. Изгородь, усаженная деревьями—святыня для самого владѣльца обнесеннаго валомъ пространства. Но для его сосѣда, это—граница непріятельской территоріи, въ которую можно при случаѣ и вторгнуться. „Что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ", этотъ девизъ, которымъ защитники хуторского владѣнія думаютъ вышутить противниковъ его, стоящихъ за общинную собственность,—этотъ девизъ, утверждаю я, долженъ быть отброшенъ назадъ прямо въ лицо поклонниковъ строгой и чрезмѣрно-развитой земельной собственности. „Ты воръ, если стянулъ у меня вотъ этотъ снопъ, и я подстрѣлю тебя изъ-за сорванной вишни (фактъ дѣйствительный, не разъ разбиравшійся судомъ); а я хорошій хозяинъ, несущій все не изъ дому, а въ домъ, если я попользовался вонъ тѣми твоими яблоками на огородѣ". Таковъ обычный аргументъ земельнаго собственника, если не гласно возвѣщаемый, то всегда подразумѣваемый...

Борьба частныхъ интересовъ при отсутствіи связующаго начала ассоціаціи во французской деревнѣ создала не одну экономическую, но и политическую разобщенность пылкаго „любовника земли" (выраженіе Мишлэ), его общественный индифферентизмъ, его враждебное отношеніе ко всему, что вышибаетъ его изъ круга непосредственныхъ интересовъ. Собственно говоря, во Франціи мѣстами еще сохранились замѣтные слѣды прежняго общиннаго владѣнія; мѣстами вырабатываются новыя формы земледѣльческихъ союзовъ. Но въ большинствѣ случаевъ старыя земельныя переживанія представляютъ все болѣе и болѣе лишь археологическій, или же исключительно мѣстный интересъ.

Упомяну о патріархальной, сильно пропитанной клерикализмомъ, ассоціаціи моряковъ-землепашцевъ на островѣ Гоэдикѣ (île de Hoëdic), принадлежащемъ къ бретонскому департаменту Морбиганъ: священникъ или такъ называемый „ректоръ" является вмѣстѣ съ тѣмъ и мэромъ, и нотаріусомъ, и распредѣлителемъ работъ и продуктовъ между членами этой старинной артели. Можно цитировать также союзъ семнадцати общинъ въ Нижней-Луарѣ, эксплуатирующихъ торфяники морского прибрежья въ такъ

называемомъ Бріеронѣ (pays Briéron); довольно распространенныя въ горныхъ мѣстностяхъ юга (въ департаментахъ Гаръ, Арьежъ) ассоціаціи скотоводовъ, молочниковъ и сыроваровъ; гораздо болѣе рѣдкіе случаи земледѣльческихъ ассоціацій, напоминающихъ южно-славянскую семейную общину или задругу и сохранившихся еще между половниками въ гористыхъ мѣстностяхъ департамента Тарнъ. Что касается до новыхъ формъ союзовъ, то въ большинствѣ случаевъ эти союзы, или, какъ они называются, „земледѣльческіе синдикаты" являются главнымъ образомъ потребительными обществами (для закупки сѣмянъ, удобреній и пр.) зажиточныхъ фермеровъ, среди которыхъ мелкіе крестьяне составляютъ исключеніе, тогда какъ во главѣ ихъ стоятъ крупные тузы, часто мѣстные политическіе дѣятели, пользующіеся этими ассоціаціями, какъ орудіемъ своихъ собственныхъ интересовъ и плановъ.

Большее значеніе, въ смыслѣ поправки черезчуръ яркихъ недостатковъ крестьянской земельной собственности, можно признать за нѣкоторыми общинными стремленіями, проявляющимися подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій, среди рядовыхъ крестьянъ. Такъ, въ Анжу, на островахъ русла Луары, мелкая собственность достигла путемъ дѣленія наслѣдствъ такихъ микроскопическихъ размѣровъ, что эти черезполосные участки разныхъ хозяевъ невозможно обрабатывать отдѣльно, и населеніе ввело порядки, напоминающіе общинные: каждый хозяинъ эксплуатируетъ по очереди группу сосѣднихъ участковъ, принадлежащихъ разнымъ собственникамъ; и каждый годъ происходитъ новое распредѣленіе этихъ группъ. Такъ, на югѣ Франціи, въ департаментѣ Гаръ, мелкіе крестьяне и половники соединяютъ („супрягаютъ") свой земледѣльческій скотъ, чтобы имѣть возможность подвергать болѣе глубокой пропашкѣ нѣкоторые сорты жирныхъ земель. Такъ, въ томъ же департаментѣ Гаръ (Gard) и въ близкомъ отъ него департаментѣ Одъ (Aude) лѣченіе зараженныхъ филоксерою виноградниковъ при помощи искусственнаго наводненія выработало своеобразную ассоціацію мелкихъ собственниковъ, соединяющихъ на этотъ конецъ въ одно большое цѣлое свои дробные участки.

И такихъ фактовъ можно набрать не мало изъ разныхъ концовъ Франціи. Но все это до сихъ поръ лишь частныя явленія: индивидуальная собственность представляетъ собою выдающуюся черту французской деревни. Общинныя земли коммунъ состоятъ главнымъ образомъ изъ лѣсовъ и особенно пустошей и болотъ. Понятно, что вещь, называемая во Франціи сельской коммуной, имѣетъ преимущественно значеніе административной единицы; и вопросы, которые обсуждаются каждый годъ въ 36000 муниципальныхъ совѣтовъ, касаются болѣе всего лишь дорогъ и мостовъ, базаровъ и т. п. вещей. Нечего удивляться, что внимательные

наблюдатели ужасаются крайнему индивидуализму средняго французскаго крестьянина, который не въ состояніи отнестись безъ предубѣжденія къ какому-нибудь коллективному дѣйствію въ хозяйственной сферѣ, какъ это не разъ приходилось замѣчать въ вопросахъ орошенія или дренировки земель, принадлежащихъ собственникамъ деревни.

Индифферентизмъ французскаго крестьянина къ общиннымъ вопросамъ находитъ свое логическое завершеніе въ его равнодушіи, а при случаѣ прямой враждѣ къ обще-государственнымъ задачамъ. Поговорите съ крестьяниномъ, какъ онъ смотритъ на государство: ни о какихъ культурныхъ цѣляхъ коллективнаго союза у него нѣтъ и понятія. Государство представляется ему единственно въ родѣ цѣпной собаки его, крестьянской, собственности: чѣмъ оно кусается больнѣе, охраняя его клочекъ земли, тѣмъ лучше; а если бы оно еще голодало въ угоду ему, т. е. не брало съ него налога, то идеальный политическій строй достигнутъ. Но, замѣтьте себѣ, это при нормальныхъ обстоятельствахъ, когда дождь и ведро соединялись въ надлежащей пропорціи, хлѣбъ же и виноградъ дали хорошій урожай. А стоитъ только приключиться засухѣ, наводненію или градобитію, и крестьянинъ жадно ищетъ въ политическомъ союзѣ „государства-провидѣнія", которое пришло бы къ нему, лишь къ нему, на помощь. Тотъ самый собственникъ, который презрительно относится къ общимъ задачамъ государства и гроша расколотаго не дастъ на какую-нибудь коллективную цѣль, считаетъ теперь себя въ правѣ требовать изъ общаго бюджета всевозможныхъ воспособленій и вспомоществованій. Его общественный индифферентизмъ вполнѣ естественно идетъ рука-объ-руку съ политической косностью. До крестьянина лишь очень медленно докатывается волна прогрессивнаго теченія и зачастую онъ парализуетъ ее своею неподвижностью и рутиною. Французскій крестьянинъ, конечно, не реакціонеръ въ точномъ значеніи этого слова: для этого ему недостаетъ сознательнаго,—положительнаго или отрицательнаго,—отношенія къ общественному порядку. Но онъ инстинктивный консерваторъ: неподвижность и традиція—краеугольные камни его воззрѣній. Довольно долго онъ стоялъ по инерціи за короля и императора. Теперь онъ въ большинствѣ случаевъ примирился съ республикой, отъ которой онъ требуетъ, какъ я уже сказалъ выше, быть прежде всего его цѣпной собакой...

Французскія отживающія партіи любятъ восторгаться религіозностью крестьянина и идеализируютъ его якобы христіанское міровоззрѣніе. Тутъ есть значительная доля недоразумѣнія. Какъ извѣстно, религія есть очень сложное психическое явленіе, въ которомъ можно различать, по крайней мѣрѣ, три главныхъ элемента

элементъ общаго философскаго міровоззрѣнія, которымъ человѣкъ хочетъ объяснить смыслъ всего существующаго; элементъ нравственный, который у религіознаго человѣка опирается на санкцію Верховнаго Судьи, оцѣнивающаго по заслугамъ добро и зло человѣческой дѣятельности; и элементъ колдовства, при помощи котораго человѣкъ путемъ разныхъ традиціонныхъ формулъ и обрядовъ пытается подчинить своимъ грубо-эгоистичнымъ цѣлямъ ходъ событій. Увы! Философскій элементъ религіи у французскаго крестьянина очень низкаго пошиба, что неудивительно при парадной и театральной тенденціи католицизма. Самый грубый антропоморфизмъ и вѣра въ чудесное на каждомъ шагу распространены еще по всей крестьянской Франціи. На югѣ Лурдъ привлекаетъ безчисленныя арміи паломниковъ и болящихъ (да и другіе классы, впрочемъ, платятъ дань этому широко развитому суевѣрію). Въ Нормандіи весной 1896 г. цѣлыя толпы населенія стекались смотрѣть небесныя видѣнія въ Тилли-на-Сёллѣ (Tilly-sur-Seulles, въ департаментѣ Кальвадосъ); и въ тотъ самый моментъ, какъ я пишу эти строки (сентябрь 1896 г.), новыя видѣнія объявились возлѣ города Кутансъ, въ Ламаншскомъ департаментѣ. Въ Бретани же католическіе святые положительно принимаютъ такое же участіе въ жизни людей, какъ гомеровскіе боги въ сраженіяхъ героевъ Иліады, и пр.

Эта вѣра въ чудесное тѣсно соединена съ элементомъ религіозной магіи: ревностный католикъ полагаетъ, что такимъ или инымъ пріемомъ, свѣчой, пожертвованіемъ, онъ можетъ пригнуть волю Божества въ угоду своимъ, зачастую низменно-практическимъ и не всегда чистымъ цѣлямъ. Маленькій примѣръ: въ мѣстномъ реакціонномъ органѣ департамента Сѣвернаго Берега (Côtes du-Nord), „La Croix“, каждый номеръ носитъ въ видѣ виньетки изображеніе Распятаго, а на третьей страницѣ вы почти каждый день найдете письма отъ подписчиковъ въ родѣ слѣдующаго: „посылаю въ редакцію 50 франковъ, которые я жертвую по обѣщанію въ пользу св. Іосифа, помогшаго мнѣ благополучно кончить задуманное коммерческое предпріятіе. Рыбопромышленникъ такой-то“. До какой степени возвышенная идея христіанства мало гармонируетъ съ этимъ взглядомъ на святого, какъ на какого-то колдуна, можно видѣть изъ того, что во многихъ мѣстахъ Франціи, гдѣ философская потребность въ религіи исчезла, и народъ скептически относится къ католицизму, суевѣрія продолжаютъ цвѣсти чуть ли не по-прежнему. Укажу хоть на недалекій отъ Парижа Энскій департаментъ (de l'Aisne), гдѣ крестьяне скептически относятся къ идеѣ загробной жизни, и гдѣ въ то же время почти въ каждой деревнѣ есть колдунъ, ворожея или ясновидящая, которые наговариваютъ и отговариваютъ разныя болѣзни и предсказываютъ будущее толпящимся вокругъ нихъ крестьянамъ. Бодрильяръ же разсказываетъ, что въ гористыхъ мѣстностяхъ юга

(напр. въ департаментахъ Гаръ и Одъ) есть спеціальные колдуны, которые за 6 франковъ въ годъ застраховываютъ вашу ферму отъ набѣговъ лисицъ. И курьезно то обстоятельство, что люди, даже и не вѣрящіе въ это, абонируются у колдуна на всякій случай, ради предосторожности, какъ признавался автору мэръ одной большой деревни *).

Наконецъ, что касается до нравственнаго элемента въ религіи, то соціальная среда крестьянъ препятствуетъ его развитію. У лучшихъ религіозныхъ людей, которымъ претитъ вѣчная забота о пріумноженіи капиталовъ, прокидывается по закону реакціи совершенное отчужденіе отъ жизни: дѣйственная любовь къ ближнимъ, въ которой могло бы выразиться ихъ христіанское міровоззрѣніе, замѣняется эгоистическимъ попеченіемъ о спасеніи собственной души; жажда своего строго отграниченнаго участка, своего мѣста по заслугамъ и труду переносится, такъ сказать, съ земли на небо... Этими типами подвижниковъ-индивидуалистовъ, наполняющими монастыри, французская деревня платитъ дань потребности идеала.

Многое можно было бы еще сказать о французскомъ крестьянствѣ, но это было бы изображеніемъ различныхъ детальныхъ сторонъ его характера. А я именно хотѣлъ остановиться на основныхъ пружинахъ его психологіи. Здѣсь будетъ кстати сказать, что если темныя стороны преобладаютъ въ характеристикѣ французскаго мужика, то виною тому, конечно, не самъ онъ, а тѣ всесильныя нити соціальныхъ интересовъ, которыми онъ опутанъ, и въ которыхъ онъ порою задыхается. Самая рѣзкость и рельефность неприглядныхъ чертъ этого крестьянства указываютъ на то, что это далеко не изжившійся и не умирающій классъ. Но его энергія, его трудолюбіе направлены теперь по ложному руслу индивидуализма, который главнымъ образомъ выработался на почвѣ черезчуръ развитой земельной собственности. Преобразованіе экономическихъ отношеній въ направленіи коллективности и солидарности и вліяніе городской цивилизаціи сдѣлаютъ рано или поздно изъ французскаго крестьянина дѣятельнаго участника въ общечеловѣческомъ прогрессѣ. И теперь уже замѣчаются въ крестьянской средѣ явленія, которыя указываютъ на работу деревенской мысли въ новомъ направленіи. Но здѣсь я ограничусь лишь самымъ бѣглымъ указаніемъ на эти явленія, предпочитая, если найду возможнымъ, разсмотрѣть ихъ болѣе подробно въ особой статьѣ, въ связи съ постановкой аграрнаго вопроса въ различныхъ программахъ современной Франціи...

Такъ, несомнѣнно разобщенность и индифферентизмъ крестьянина отступаютъ довольно замѣтно передъ общественнымъ интересомъ въ иныхъ мѣстностяхъ юга, центра и сѣверовостока.

*) Baudrillart, l. c., томъ III, стр. 316 и примѣчаніе

Южанинъ—вообще человѣкъ очень общительный. Знаменателенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ департаментѣ Устьевъ Роны идеалъ сельскаго работника, стремящагося къ независимости, это купить не маленькую хижину, чтобы поселиться въ ней полнымъ хозяиномъ, *а этажъ* (sic!) большого деревенскаго дома и жить въ тѣсной дружбѣ со своими сосѣдями, собственниками прочихъ этажей. Не забудьте, что именно на югѣ (въ департаментахъ Нижнихъ-Альповъ, Восточныхъ-Пиринеевъ и пр.) еще въ 1848 г. нашлось довольно много сторонниковъ рабочаго движенія, которые вели въ этомъ смыслѣ дѣятельную пропаганду между односельчанами, не боясь страшной въ то время для крестьянскаго уха клички „partageux". Да и современныя демократическія идеи находятъ теперь горячихъ приверженцевъ въ иныхъ изъ южныхъ департаментовъ,—въ уже цитированныхъ мною Восточныхъ-Пиринеяхъ, въ Варскомъ департаментѣ, въ департаментѣ Тарнъ, гдѣ вліяніе людей въ родѣ Жорэса велико не только между рабочими, но и среди крестьянъ.

Въ послѣднее время прогрессивныя идеи начинаютъ распространяться и въ сѣверо-восточныхъ деревняхъ, на почвѣ старинной Фландріи, можетъ быть благодаря тому, что духъ ассоціаціи и тяготѣніе ко всевозможнымъ обществамъ, вплоть до музыкальныхъ и гимнастическихъ, издавна проявлялись здѣсь. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ нѣкоторыхъ центральныхъ департаментовъ, Аллье, Шера, населеніе дровосѣковъ не уступаетъ своими стремленіями къ общественнымъ реформамъ городскому пролетаріату, вотируя за депутатовъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, принадлежащихъ къ самой крайней лѣвой. Въ департаментѣ Сены-и-Уазы, окружающемъ Парижъ и маленькій Сенскій департаментъ, новыя идеи нашли мѣстами столь благопріятную почву между сельскимъ населеніемъ, что это обстоятельство даже сильно огорчило почтеннаго Бодрильяра. Именно въ этомъ департаментѣ мнѣ пришлось нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтить по дорогѣ между Гуданомъ (Houdan) и Дре (Dreux) интересный образчикъ крестьянской семьи, затронутой прогрессивнымъ движеніемъ. Гроза загнала меня на довольно зажиточную ферму. Былъ воскресный день, и за обѣденнымъ столомъ, рядомъ съ молодымъ фермеромъ и его женой, сидѣло нѣсколько сосѣдей, тоже молодыхъ людей, бывшихъ товарищей хозяина по школѣ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, слушая рѣчи этихъ интеллигентныхъ земледѣльцевъ, поразившихъ меня своимъ смѣлымъ демократизмомъ, живѣйшимъ участіемъ къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ и пониманіемъ задачъ современности. Мнѣ особенно врѣзалась въ память злая и умная критика, которой они подвергли только-что произнесенную въ то время парламентскую рѣчь депутата сосѣдняго съ ними округа, Поля Дешанэля. Самъ хозяинъ-фермеръ учился въ низшихъ классахъ гимназіи вмѣстѣ съ этимъ Веніами-

номъ французской буржуазіи, довольно часто встрѣчался съ нимъ и позже, хорошо зналъ его; и характеристика, которую онъ далъ этому карьеристу, фразеру и фату, была не только художественнымъ портретомъ отдѣльной личности, но и политическимъ памфлетомъ цѣлаго оппортунистскаго строя!..

Французское крестьянство.

(*Письмо шестое.*)

II.

Раздѣленіе города и деревни, составляющее одну изъ темныхъ, но неизбѣжныхъ сторонъ настоящаго строя, кончится только вмѣстѣ съ нимъ, а до тѣхъ поръ будетъ давить на всю современную цивилизацію, мѣшая правильности и быстротѣ соціальнаго прогресса. Избѣгая въ моихъ очеркахъ охотиться на чужихъ владѣніяхъ, я буду говорить и на сей разъ исключительно о Франціи. Но читатель знаетъ, конечно, какой животрепещущій интересъ представляетъ вопросъ о противоположности города и деревни во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Во Франціи этотъ вопросъ уже давно сводится въ главныхъ чертахъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ экономической и политической роли того класса, который въ концѣ концовъ заставляетъ равнодѣйствующую общественныхъ силъ отклоняться то въ ту, то въ другую сторону. И защитники существующаго порядка вещей, и противники его признаютъ важное значеніе крестьянства въ исторіи Франціи. И если реформаторы подчеркиваютъ эгоизмъ и неразвитость здѣшняго мужика, какъ препятствіе прогрессу, то консерваторы видятъ въ тѣхъ же чертахъ гарантію устойчивости современнаго строя. Но и тѣ, и другіе одинаково находятъ, что при теперешнихъ условіяхъ рѣшительный переломъ въ общественной эволюціи можетъ наступить не прежде, чѣмъ французскій мужикъ измѣнитъ свой основной обликъ.

Во время крайне любопытныхъ теоретическихъ дабатовъ о земледѣльческомъ кризисѣ, происходившихъ лѣтомъ 1897 г. въ палатѣ депутатовъ, Жорэсъ съ свойственнымъ ему широкимъ лирическимъ краснорѣчіемъ такъ изображалъ психологію французскаго мужика и могущія произойти въ немъ перемѣны подъ вліяніемъ сельскаго кризиса:

... Да, полезно, — я не боюсь сказать это съ трибуны, — полезно, что въ теченіе цѣлыхъ годовъ крестьяне на своихъ узкихъ поляхъ страдали отъ дѣйствія отдаленныхъ и обширныхъ экономическихъ явленій: ибо черезчуръ долго крестьянинъ замыкался въ узкомъ и слѣпомъ индивидуализмѣ: онъ зналъ лишь свой маленькій участокъ, любилъ его свирѣпою любовью, но ни-

чего дальше. Да и что значилъ для него весь міръ! Тщетно надъ узкими и ревниво охраняемыми имъ межами великія силы природы развертывались въ гигантскомъ общеніи пространства: къ своей землѣ и только къ своей землѣ крестьянинъ пріурочивалъ движеніе и солнца, и вѣтра, и облаковъ, весь порядокъ и весь хаосъ вещей. Онъ всматривался изъ всего горизонта лишь въ одну брешь, чрезъ которую до него достигали благодѣтельныя или губительныя вѣянія. Даже высокія звѣзды, восходя и закатываясь за близкую линію сосѣднихъ холмовъ, вписывали свое движеніе лишь въ тѣсныхъ рамкахъ его личнаго существованія... Но теперь, словно съ тѣмъ, чтобы показать всю тайную силу идеализма, заключающагося въ экономическихъ фактахъ, всеобщая гибельная конкурренція разбиваетъ въ душѣ крестьянина оковы узкаго эгоизма, которыхъ не могли разрушить ни нравственныя увѣщанія, ни религіозная проповѣдь; и въ то время, какъ католическій колоколъ тщетно распространялъ въ этомъ замкнутомъ горизонтѣ волны античной мысли и восточныхъ мечтаній, набатъ бѣдствія и разоренія, раздаваясь теперь среди обширныхъ полей, впервые пробудилъ крестьянина къ болѣе возвышеннымъ мыслямъ и болѣе широкимъ заботамъ. Да, не напрасно крестьянинъ пройдетъ чрезъ эти годы кризиса и страданій: онъ выйдетъ изъ нихъ лучше подготовленнымъ къ новымъ судьбамъ; и надо же, наконецъ, чтобы онъ сталъ понимать что-нибудь кромѣ того, что существуетъ въ настоящее время, ибо это существующее уже начинаетъ исчезать *).

Съ другой стороны, вотъ какъ идеализируетъ крестьянина, вотъ какими восторженными диѳирамбами привѣтствуетъ его въ отвѣтной рѣчи Жорэсу пресловутый Поль Дешанэль, типъ ритора-апологета современнаго строя, при которомъ такъ сладко живется всѣмъ этимъ привилегированнымъ „идеалистамъ“:

Онъ, благородный сынъ Франціи, чувствуетъ, что человѣческое счастье состоитъ не въ грезахъ о химерическомъ равенствѣ при пользованіи матеріальными благами; что оно не заключается даже въ томъ благородномъ досугѣ, въ тѣхъ эстетическихъ удовольствіяхъ, о которыхъ вы говорили раньше; но что его надо искать выше, въ сознаніи отвѣтственнаго существа. О, дорогой крестьянинъ Франціи, вѣчный созидатель богатства, могущества и свободы, вѣчный спаситель отечества и въ мирѣ, и на войнѣ, ты, который столько уже разъ исправлялъ пораженія нашихъ армій и ошибки нашихъ правительствъ, твой ясный и тонкій разсудокъ спасетъ отъ варварскаго матеріализма идеалистическую душу Франціи!... **).

Вы видите, что какъ ни разно изображаютъ здѣшняго мужика представители различныхъ направленій; какъ ни различны надежды, возлагаемыя на него друзьями и врагами современнаго порядка вещей, во всѣхъ этихъ разнообразныхъ оцѣнкахъ и упованіяхъ есть одно общее, и это общее—признаніе исторической важности крестьянства. Усиливающійся интересъ къ вопросамъ, касающимся этого класса, интересъ, который замѣчается повсюду, побуждаетъ меня снова вернуться къ этому предмету, хотя уже

*) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 26-го іюня 1897 г. въ *Journal officiel*, 1897, стр. 1692.

**) См. отчетъ о засѣданіи 10-го іюля 1897 г. Ibid., стр. 1945 (перепечатано въ сборникѣ рѣчей и статей Дешанэля: Paul Deschanel. *La question sociale*; Парижъ, 1898, 3-е изд., стр. 361).

болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ *) я въ общихъ чертахъ, и на основаніи личныхъ наблюденій, и при помощи книжнаго матеріала, пытался дать читателямъ „Русскаго Богатства“ характеристику французскаго мужика. Съ тѣхъ поръ появилось немало новыхъ документовъ; да и самъ я, задумываясь надъ этой вѣчно интересной темой о крестьянствѣ, пришелъ къ мысли освѣтить нѣкоторыя стороны вопроса, оставшіяся у меня раньше нѣсколько въ тѣни.

Я попрошу прежде всего у читателя позволенія поставить передъ нимъ цифровой, такъ сказать, остовъ этого вопроса: не питая суевѣрнаго пристрастія къ статистикѣ, я всетаки полагаю, что она обрисовываетъ общіе и приблизительные контуры нашей темы довольно ясными чертами. Пусть же читатель не поскучаетъ надъ двумя-тремя таблицами, выводы изъ которыхъ вознаградятъ его за нѣсколько монотонныхъ рядовъ цифръ.

Посмотримъ прежде всего, до какой степени во Франціи раздѣленіе города и деревни отмѣчено до сихъ поръ преобладаніемъ послѣдней надъ первымъ, хотя это преобладаніе все болѣе и болѣе уменьшается. Вотъ, дѣйствительно, какъ измѣнялась пропорція городского и сельскаго населенія за послѣдніе четыре-пять десятковъ лѣтъ:

Года переписи:	Городское населеніе.	Сельское населеніе.	Все населеніе.	% городского населенія.	% сельскаго населенія.
1846	8646743	26753343	35400486	24,4	75,6
1851	9135459	26647711	35783170	25,5	74,5
1856	9844828	26294536	36139364	27,3	72,7
1861	10789766	26596547	37386323	28,9	71,1
1866	11595348	26471716	38067064	30,5	69,5
1872	11234899	24868022	36102921	31,1	68,9
1876	11977396	24928392	36905788	32,4	67,6
1881	13096542	24575506	37672048	34,8	65,2
1886	13766508	24452395	38218903	35,9	64,1
1891	14311292	24031900	38343192	37,4	62,6 **)

Мы не знаемъ еще распредѣленія населенія между городомъ и деревней по послѣдней переписи (1896 г.), но относительное и даже абсолютное уменьшеніе сельскаго населенія, очевидное, продолжается. И, однако, и до сихъ поръ это населеніе составляетъ

*) Первый этюдъ о крестьянствѣ писанъ въ сентябрѣ 1896 г., второй въ январѣ 1900 г.

**) *Resultats statistiques du dénombrement de* 1891; Парижъ, 1894, стр. 65.

болѣе трехъ пятыхъ всего числа жителей. Сельскій элементъ все еще является главной группой среди гражданъ третьей республики. Правда, только что данная нами таблица даетъ не столько внутреннее строеніе, сколько внѣшній видъ французскаго населенія: она основана на довольно произвольно установленномъ (съ 1846 г.) признакѣ отличія между городомъ и деревней по числу жителей, причемъ всѣ населенныя мѣста, имѣющія болѣе 2000 жителей скученнаго населенія, считаются городскими, всѣ же остальныя сельскими. А между тѣмъ, несомнѣнно, что даже въ чисто деревенскихъ поселеніяхъ часть жителей занимается промыслами, извозомъ и т. п.; и что, съ другой стороны, и въ большихъ центрахъ могутъ находиться люди, интересы которыхъ связаны съ земледѣліемъ. Къ счастью, французская статистика занятій вноситъ существенную поправку въ черезчуръ формальное раздѣленіе между горожанами и поселянами. Въ 1891 г. населеніе Франціи распадалось слѣдующимъ образомъ на различныя профессіональныя группы *).

Роды занятій:	Число лицъ данной категоріи.	% всего населенія.
I. Земледѣліе	17.435,888	47,33
II. Промышленность	9.532,660	25.89
III. Перевозка	1.199,333	3,26
IV. Торговля	3.961,496	10,76
V. Армія, полиція и пр. . . .	715,624	1,94
VI. Администрація	699,611	1,90
VII. Либеральныя профессіи .	1.114,873	3,03
VIII. Лица, живущія исключительно своими доходами .	1.269,750	5,89
Итого	36.829,135	100
Лица, не вошедшія въ рубрики, безъ профессіи и т п.	1.304,250	—
Общій итогъ	38.133,385	—

Итакъ, земледѣліе до сихъ поръ кормитъ чуть не половину всѣхъ французовъ; и если земледѣльческій классъ не превышаетъ своею численностью всѣхъ остальныхъ классовъ вмѣстѣ взятыхъ, то каждый изъ нихъ въ отдѣльности далеко уступаетъ ему. Такъ промышленность занимаетъ всего четверть жителей, а торговля одну десятую; остальныя же профессіи поражаютъ своею сравнительною маловажностью. И, замѣтьте, общее экономическое развитіе, которое увлекаетъ въ настоящее время весь

*) См. таблицу на стр. 271 *Dénombrement* (я привожу ее въ сокращенномъ видѣ).

цивилизованный міръ, далеко не совершается во Франціи такъ быстро, какъ это можно было бы ожидать согласно ходячимъ теоріямъ нашей эпохи; и земледѣліе, напр., отступаетъ лишь медленными шагами передъ другими профессіями, въ то время, какъ въ эволюціи самихъ этихъ профессій выражается едва-ли еще не больше медленность индустріальнаго преобразованія страны. Вотъ въ самомъ дѣлѣ какими цифрами характеризуются измѣненія въ профессіональномъ составѣ населенія за послѣдніе полвѣка.

Года переписи:	На 100 жителей приходится въ: земледѣліи.	промышленности.	торговлѣ.	прочихъ профессіяхъ
1856	52,94	29,07	4,53	9,06
1861	53,16	27,35	3,92	9,19
1866	51,49	28,79	3,99	9,48
1872	52,71	24,06	8,43	11,16
1876	53,04	25,93	10,73	10,30
1881	50,03	25,56	10,53	10,16
1886	47,82	25,17	11,50	11,09
1891	47,33	25,89	10,76	10,82 *)

Оставляя въ сторонѣ возможныя оплошности профессіональной статистики прежнихъ переписей, мы не можемъ не отмѣтить того интереснаго факта, что, рядомъ съ медленнымъ паденіемъ пропорціи земледѣльческаго населенія, обнаруживается паденіе или, по крайней мѣрѣ, застой (за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ) въ пропорціи промышленнаго класса; да и торговый классъ, быстро возросши послѣ погрома 1870—1871 г., остановился приблизительно на одномъ уровнѣ, раздѣляя въ этомъ отношеніи судьбу либеральныхъ и др. профессій. Эта сравнительная неподвижность или устойчивость соціальнаго строя Франціи и объясняетъ, почему въ ней до сихъ поръ сохранились черты преимущественно земледѣльческой страны, несмотря на высокое развитіе отдѣльныхъ—но не самыхъ типичныхъ для настоящаго времени, — отраслей промышленности. И этою же сравнительною устойчивостью опредѣляется продолжающееся въ исторіи Франціи значеніе земледѣльческихъ классовъ, главнымъ же образомъ класса крестьянъ-собственниковъ.

Но еще поучительнѣе будетъ для насъ, послѣ этого общаго статистическаго введенія, остановиться болѣе подробно на положеніи и эволюціи только-что упомянутыхъ земледѣльческихъ классовъ, такъ какъ, лишь разбивая эту съ перваго взгляда однородную сельскую массу на различныя категоріи, мы можемъ надлежащимъ образомъ изучить бытъ французскаго крестьянства и сдѣлать изъ такого изученія общіе выводы. Однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ этомъ отношеніи является движеніе

*) *Dénombrement*. стр. 273.

различныхъ группъ земледѣльческаго класса и различныхъ категорій собственности. Появившіеся въ 1897 г., „результаты земледѣльческаго десятилѣтняго изслѣдованія“ даютъ намъ понятіе о характерѣ измѣненій, происшедшихъ въ этой сферѣ между 1882 и 1892 г. Документы 1892 г. ожидались, вообще говоря, съ очень большимъ нетерпѣніемъ и защитниками, и противниками современнаго аграрнаго строя: соціалисты надѣялись найти въ нихъ подтвержденіи закона о концентраціи собственности и пролетаризированіи производителей; либеральные и консервативные буржуа льстили себя, наоборотъ, надеждой открыть въ этихъ цифрахъ доказательство все усиливающейся, по ихъ мнѣнію, „демократизаціи“ собственности. Но статистика не оправдала вполнѣ упованій ни того, ни другого лагеря; и въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя эволюція французскихъ земельныхъ отношеній является настолько неопредѣленной, настолько, если можно такъ выразиться, нерѣшительной, что это подтверждаетъ лишній разъ высказанное мною выше мнѣніе объ устойчивости и относительной неподвижности экономическихъ условій во Франціи. Но это, конечно, нисколько не мѣшаетъ самостоятельному интересу новыхъ земледѣльческихъ данныхъ. Въ моей первой статьѣ о французскомъ крестьянствѣ я опирался на статистику 1882 г.; а такъ какъ въ настоящемъ этюдѣ мнѣ придется сравнивать эту статистику съ цифрами 1892 г., то кой-какія повторенія неизбѣжны. Но я постараюсь во всякомъ случаѣ воспользоваться результатами этого сравненія съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ, чтобы лучше закрѣпить въ представленіи читателя и статическую, и динамическую картину земледѣльческой Франціи, т. е. и современное положеніе вещей въ деревнѣ, и замѣчающіяся измѣненія въ немъ.

Посмотримъ прежде всего, какую роль играютъ въ земледѣльческомъ населеніи собственники, и какую эволюцію можно отмѣтить въ этомъ отношеніи за десятилѣтній періодъ: не забудьте, что апологія современнаго строя ведется во Франціи главнымъ образомъ во имя будто бы необыкновенно благопріятнаго распредѣленія собственности между производителями. Вотъ вамъ таблица различныхъ категорій „дѣйствительныхъ земледѣльческихъ работниковъ“ (т. е. главъ семейства, не считая ихъ женъ, дѣтей, прислуги и т. п.) въ 1882 и 1892:

ТАБЛИЦА А.

Лица, занимающіяся земледѣліемъ.		Въ 1882 г. Число.	Въ 1882 г. % общаго числа.	Въ 1892 г. Число.	Въ 1892 г. % общаго числа.
I. Главы хозяйственной эксплуатаціи.	1) Собственники, воздѣлывающіе исключительно свою землю или же извлекающіе изъ нея доходы при помощи своей семьи или постороннихъ лицъ	2.150,696	31,1	2.199,220	33,0
	2) Фермеры	968.328	14.0	1.061,401	15,9
	3) Половники	341,576	4,9	344,168	5,2
	Итогъ . . .	3.460.600	50.0	3.604,789	54,1
II. Помощники или наемные рабочіе	4) Управляющіе . . .	17,966	0,3	16,191	0,2
	5) Поденщики	1.480,687	21.4	1.210,181	18.2
	6) Рабочіе при фермѣ .	1.954,251	28,3	1.832.174	27.5
	Итогъ . . .	3.452.904	50,0	3.058,346	45,9
	Общій итогъ . . .	6.913,504	100,0	6.663,135	100,0*)

Вотъ, съ другой стороны, таблица различныхъ категорій земледѣльческихъ работниковъ по степени ихъ хозяйственной независимости:

ТАБЛИЦА В.

Группы лицъ, работающихъ:		Въ 1882 г. Число.	Въ 1882 г. % общаго числа.	Въ 1892 г. Число.	Въ 1892 г. % общаго числа.
I. Исключительно на себя		2.150,696	31.2	2.199,220	33.2
II. Въ одно и то же время на себя въ качествѣ собственниковъ и на другихъ лицъ въ качествѣ фермеровъ, половниковъ и поденщиковъ		1.374,646	19,9	1.188,025	17,8
III.* Исключительно на другихъ.	1) Управляющіе . . .	17.966	48,9	16,091	49,0
	2) Фермеры. половники и поденщики, не имѣющіе своей собственности	1.415,915		1 442,625	
	3) Работники на фермѣ	1.954.251		1.832,174	
	Итогъ	6.913,504	100,0	6.663,135	100,0**)

*) Составлено мною въ сокращенномъ видѣ на основаніи таблицъ въ *Statistique agricole de la France. Resultats généraux de l'enquête décennale de 1892*; Парижъ, 1897, стр. 381 и 391.

**) См. таблицу на стр. 395 уже цитированной *Statistique agricole*.

Наконецъ, нижеслѣдующая двойная таблица показываетъ степень участія въ собственности шести различныхъ категорій земледѣльческаго класса.

ТАБЛИЦА С.

Категоріи въ 1882 г.	Число собственниковъ.	Число не имѣющихъ собственности.	Отношеніе въ % собственниковъ данной категоріи къ общему числу собственниковъ.	Отношеніе въ % лицъ данной категоріи, не имѣющихъ собственности, къ общему числу не имѣющихъ собственности.	% собственниковъ въ данной категоріи.	% не имѣющихъ собственности въ данной категоріи.
1) Собственники и т. д. (какъ въ табл. А). . . .	2,150,696	—	61,01	—	100,00	—
2) Фермеры . . .	500,144	468,184	14,19	13,82	51,65	48,35
3) Половники . .	147,128	194,448	4,17	5,74	43.07	56,93
4) Управляющіе .	--	17,976	—	0,53	—	100,00
5) Поденщики . .	727,374	753,318	20,63	22,23	49,12	50,88
6) Рабочіе при фермѣ	—	1.954 251	--	57.68	—	100.00
Итогъ . . .	3.525,342	3.388,128	100,00	100,00	50,99	49,01
Общій итогъ .	6.913.504				100,00	
Категоріи въ 1892 г.	**Тѣ же рубрики, что и выше.**					
1) Собственники и т. д. (какъ въ табл. А). . . .	2.199,220	—	64,93	—	100,00	—
2) Фермеры . . .	475,778	585,623	14.04	17,88	44,82	55,18
3) Половники . .	123,207	220.871	3,64	6,74	35,82	64.18
4) Управляющіе .	—	16,091	—	0,49	—	100,00
5) Поденщики . .	588,950	621,131	17,39	18 96	48,67	51,33
6) Рабочіе при фермѣ	—	1.832,174	—	—	55,93	100.00
Итогъ . . .	3.387,245	3.275,890	100,00	100,00	50,83	49,17
Общій итогъ .	6.663,135				100.00 *)	

Вооружившись тремя приведенными только что таблицами, мы можемъ уже довольно твердыми ногами стоять на фактической почвѣ, противоставляя эти цифры субъективной оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ изслѣдователей. При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ общее уменьшеніе числа земледѣльческихъ производителей въ десятилѣтній промежутокъ между двумя статистиками (1882 и 1892 г.): во-первыхъ, мы уже видѣли и раньше, что численность этого класса вообще слегка падаетъ; во-вторыхъ, это уменьшеніе настолько въ сущности незначительно (равняясь 6913504 — — 6663135 = 250369 лицамъ, или 3,62% земледѣльческихъ производителей 1882 г.), что останавливаться на немъ не представляетъ особаго интереса. Наоборотъ, насъ занимаетъ вопросъ объ

*) Составлено по таблицамъ на стр. 386 и 396 *Statistique agricole.*

измѣненіи пропорціи между отдѣльными категоріями лицъ, живущихъ земледѣліемъ: относительное движеніе различныхъ группъ позволяетъ намъ лучше схватить смыслъ аграрной эволюціи.

Итакъ, какіе же выводы позволяетъ намъ сдѣлать изученіе этого относительнаго движенія различныхъ группъ? Прежде всего укажемъ на фактъ увеличенія пропорціи самостоятельныхъ хозяевъ сравнительно съ помощниками и наемными рабочими. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ 1882 г. „главы эксплуатаціи" составляли половину всего активнаго земледѣльческаго населенія, въ 1892 г. они составляли уже 54,1% его (см. таблицу А). Но было бы наивно придавать этому факту такое оптимистическое значеніе, какое придаютъ ему апологеты современнаго строя. Во-первыхъ, самое увеличеніе это гораздо скромнѣе, чѣмъ ожидали восторженные поклонники „демократической" собственности. Во-вторыхъ, присмотритесь хорошенько къ дѣйствительной хозяйственной самостоятельности упомянутыхъ „главъ эксплуатаціи". Въ самомъ дѣлѣ, если вся эта категорія обнимаетъ, какъ мы видѣли, 54,1% активнаго земледѣльческаго населенія, то въ ней 21,1% представляютъ фермеры (15,9%) и половники (5,2%), т. е. лица, которыхъ, конечно, нельзя разсматривать за дѣйствительно независимыхъ сельскихъ хозяевъ; такимъ образомъ на долю настоящихъ-то самостоятельныхъ хозяевъ, хозяевъ-собственниковъ, остаются лишь 33%, т. е. меньше одной трети активнаго земледѣльческаго населенія. Обратите вниманіе и на то обстоятельство, что если пропорція „главъ эксплуатаціи" возросла за 10 лѣтъ, то въ этомъ возрастаніи повинны не одни хозяева-собственники, процентъ которыхъ поднялся съ 31,1 до 33, но и полузависимые классы фермеровъ и половниковъ, общее количество которыхъ составляло въ 1882 г. 18,9%, а въ 1892 г. уже 21,1% „главъ хозяйственной эксплуатаціи".

Другимъ фактомъ является сокращеніе класса помощниковъ и наемныхъ рабочихъ, пропорція которыхъ равнялась въ 1882 г. половинѣ активнаго земледѣльческаго населенія, а въ 1892 упала до 46% этого населенія; и уменьшеніе это коснулось всѣхъ трехъ категорій: и управляющихъ, и поденщиковъ, и рабочихъ при фермѣ. Опять таки и это движеніе слишкомъ маловажно, чтобы оправдывать неумѣренные восторги защитниковъ современныхъ отношеній. Но, главное-то, изъ статистики вы не можете сдѣлать ровно никакого вывода относительно того, что сдѣлалось съ людьми, исчезнувшими изъ категоріи „помощниковъ и рабочихъ"; а между тѣмъ вопросъ о судьбѣ ихъ очень интересенъ для характеристики эволюціи французской деревни. Вы, конечно, можете допускать вмѣстѣ съ гг. Мелиномъ, Дешанэлемъ и пр. философами и поэтами „демократизаціи собственности", что недостающіе наемники пополнили ряды „главъ эксплуатаціи"; но съ такимъ же правомъ вы можете думать, что они просто-на-просто

ушли изъ деревни подъ давленіемъ неблагопріятныхъ условій и утонули въ массѣ городского пролетаріата. И это предположеніе становится тѣмъ вѣроятнѣе, что если число помощниковъ и наемниковъ уменьшилось абсолютно между 1882 г. и 1892 г. на 394.558 человѣкъ (3,452.904—3,058.346=394.558), то все активное земледѣльческое населеніе уменьшилось за тотъ же промежутокъ времени, какъ мы уже видѣли, на 250.369 человѣкъ. Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, часть этого уменьшенія должна объясняться переходомъ сельскихъ помощниковъ и наемниковъ въ городъ, если только апологеты „демократизаціи" не предпочтутъ наткнуться на другой рогъ дилеммы, а именно допустить, что, несмотря на всѣ прелести подворнаго владѣнія, часть собственниковъ рѣшилась раздѣлаться съ землей и перейти въ классъ горожанъ.

Какъ бы то ни было, современное положеніе вещей во французской деревнѣ далеко не можетъ наполнять душу трезваго наблюдателя тѣмъ восхищеніемъ, съ какимъ пишутъ и говорятъ объ аграрныхъ отношеніяхъ Маниловы, а тѣмъ болѣе Чичиковы третьяго сословія: слабое увеличеніе числа хозяевъ нисколько не мѣшаетъ тому, что и въ настоящее время поденщики составляютъ чуть не одну пятую всего активнаго земледѣльческаго населенія, а рабочіе при фермѣ между четвертью и третью этого населенія. Какъ направленіе десятилѣтней эволюціи, такъ и современное положеніе сельскаго люда въ смыслѣ хозяйственной независимости довольно рельефно вырисовываются изъ нашей таблицы В. Въ самомъ дѣлѣ, если пропорція лицъ, работающихъ исключительно на себя, возросла за десять лѣтъ (31,2% въ 1882 г. и 33,2% въ 1892), то въ этотъ же промежутокъ возрасла и пропорція лицъ, работающихъ исключительно на другихъ (48,9% въ 1882 г. и 49% въ 1892 г.); тогда какъ смѣшанная категорія земледѣльцевъ, работавшихъ одновременно и на себя, и на другихъ, уменьшилась, словно сдавленная съ двухъ сторонъ двумя противоположными группами (въ 1882 г. эта категорія составляла, дѣйствительно, 19,9%, въ 1892 г. уже только 17,8%). Но если оставить въ сторонѣ эти поистинѣ незначительныя движенія за десять лѣтъ и обратить вниманіе на настоящее положеніе, то окажется, что въ современной французской деревнѣ чуть не пять десятыхъ, т. е. половина активнаго населенія, работаютъ исключительно на другихъ; около двухъ десятыхъ, работая на себя, работаютъ въ то же время и на другихъ; и лишь немногимъ болѣе трехъ десятыхъ работаютъ исключительно на себя.

Наконецъ, участіе въ собственности шести различныхъ земледѣльческихъ группъ опредѣляется данными нашей таблицы С, которая исходитъ изъ голаго факта владѣнія землею, какъ бы ни былъ малъ самъ по себѣ участокъ. Если сравнивать въ этомъ отношеніи статистики 1882 г. и 1892 г., то общая пропорція

собственниковъ и лицъ, не имѣющихъ собственности, остается почти безъ измѣненія, или, точнѣе говоря, процентъ собственниковъ падаетъ, но крайне незначительно (50,99 въ 1882 г. и 50,83 въ 1892 г.), между тѣмъ какъ процентъ лицъ, не имѣющихъ собственности, повышается, но тоже крайне незначительно (49,01 въ 1882 г. и 49,17 въ 1892 г.). Измѣненія получаютъ нѣсколько болѣе замѣтный характеръ среди каждой отдѣльной категоріи, но все же мало ощутительны. Единственное увеличеніе обнаруживается въ классѣ собственниковъ, которые живутъ исключительнымъ воздѣлываніемъ своей земли или извлеченіемъ изъ нея доходовъ при помощи своей семьи или помощниковъ (пропорція этой группы равнялась въ 1882 г. 61,01% всѣхъ собственниковъ, а въ 1892 г. уже 64,93%). Но всѣ другія группы собственниковъ потерпѣли паденіе, болѣе же всѣхъ другихъ категоріи половниковъ (4,17% въ 1882 и 3,60% въ 1892) и поденщиковъ (20,63% въ 1882 г. и 17,39% въ 1892 г.). Понятно, что, сообразно съ такими измѣненіями пропорцій каждаго класса въ общемъ итогѣ собственниковъ, измѣнился и внутренній составъ каждаго класса, т. е. его дѣленіе на собственниковъ и на лицъ, не имѣющихъ собственности. Такъ, напр., въ 1882 г. изъ каждыхъ 100 половниковъ 43 обладали собственностью, а 57 нѣтъ; въ 1892 же изъ 100 половниковъ насчитывалось всего около 36 собственниковъ и уже цѣлыхъ 64 лица, не имѣющія собственности. Точно также въ 1882 г. изъ каждыхъ 100 поденщиковъ 49 были собственниками, а около 51 принадлежали къ неимѣющимъ собственности; въ 1892 г. первыхъ оказалось менѣе 49, а вторыхъ уже болѣе 51. Словомъ, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ авторомъ статьи о „Франціи“ въ приложеніи къ многотомному „Географическому словарю“ Сэнъ-Мартэна и Руссле:

Вообще говоря, раздѣленіе между собственниками и не-собственниками слегка обострилось въ теченіе десятилѣтняго періода: пропорція собственниковъ, работающихъ исключительно для себя, увеличилась, какъ увеличилась и пропорція не-собственниковъ, тогда какъ промежуточный классъ, который сочеталъ трудъ за свой собственный счетъ съ трудомъ на другихъ, замѣтно уменьшился *).

До сихъ поръ мы касались той стороны аграрныхъ отношеній, которую можно назвать до извѣстной степени формальною: центромъ нашего изслѣдованія былъ вопросъ объ участіи различныхъ категорій земледѣльческаго класса въ земельной собственности. Но съ практической, съ реальной точки зрѣнія важно не юридическое понятіе о собственности, а ея хозяйственное зна-

*) Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, *Nouveau dictionnaire de géographie universelle, Supplément*, 10 (статья *France*); Парижъ, 1898.

ченіе; важенъ не тотъ фактъ, что то или другое лицо обладаетъ собственностью, а величина этой собственности и степень дѣйствительной экономической обезпеченности, которую даетъ извѣстный участокъ своему владѣльцу. Вопросъ о размѣрахъ собственности является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ выводамъ: имъ мы и займемся. Вотъ въ какихъ цифрахъ выражается современное распредѣленіе земли во Франціи и обрисовывается эволюція собственности за десять лѣтъ (я уже говорилъ, впрочемъ, въ своей прежней статьѣ, что въ этомъ отношеніи намъ приходится довольствоваться статистикою хозяйственной эксплуатаціи земли или mode d'exploitation, какъ называютъ ее французскіе документы: прямой статистики собственности нѣтъ во Франціи, а къ выводамъ на основаніи кадастральныхъ участковъ (cotes foncières)—приведеннымъ мною въ предшествовавшемъ этюдѣ, — мыслящіе изслѣдователи относятся все болѣе и болѣе скептически):

ТАБЛИЦА D.

Категоріи культуры въ 1882 г.	Число хозяйственныхъ единицъ.	Общая поверхность въ гектарахъ.	Средняя поверхн. хоз. единицы въ гектарахъ.	% общаго числа хоз. единицъ.	% общей поверхности.
1) Очень мелкая (отъ 0 до 1 гектара) .	2.167,667	1.083,833	0,50	38,22	2,19
2) Мелкая отъ 1 до 10 гект.)	2.635,030	11.366,274	4,31	46,46	22,92
3) Средняя отъ 10 до 40 гект.) . .	722,222	14.845,650	20,41	12,81	29,93
4) Крупная (свыше 40 гект.)	142,088	22.266,104	156,71	2,51	44,96
Итогъ и среднія	5.672,007	49.561,861	8,74	100,00	100,00
Категоріи культуры въ 1892 г.	Рубрики тѣ же, что и выше.				
1) Очень мелкая .	2.235,405	1.327,253	0,59	39,21	2,68
2) Мелкая	2.617,558	11.244,750	4,29	45,90	22,77
3) Средняя . . .	711,118	14.313,417	20,13	12,47	28.99
4) Крупная . . .	138,671	22.493.393	162.21	2,42	45,56
Итогъ и среднія	5.702,752	49.378,813	8,65	100,00	100,00*)

Чему же учитъ насъ эта таблица? Посмотримъ сначала на процессъ эволюціи. И здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же нерѣшительнымъ характеромъ цифръ, съ какимъ мы уже познако-

*) Составлено по таблицѣ на стр. 280 текста *Statistique agricole* 1882 и таблицамъ на стр. 364—365 текста *Statistique agricole* 1892 и стр. 232 цифръ. Не мѣшаетъ замѣтить, что изъ земледѣльческой территоріи здѣсь исключены государственные лѣса: если ввести въ эти таблицы и поверхность упомянутыхъ лѣсовъ (1.089,096 гект.), то общее пространство земледѣльческой территоріи выразится цифрою въ 50.467,909 гектаровъ.

мились въ статистикѣ различныхъ категорій земледѣльческаго населенія и различныхъ группъ собственниковъ. Въ общемъ можно сказать, что двѣ крайнія категоріи собственности (точнѣе, хозяйственной эксплутаціи),—очень мелкая и крупная,—движутся въ направленіи, противоположномъ тому, какое принимаетъ движеніе двухъ среднихъ категорій,—мелкой и средней собственности; а именно, первая группа категорій расширяется на счетъ второй группы. Но эта эволюція прокидывается очень слабо и слагается изъ второстепенныхъ движеній, которыя сверхъ того не совсѣмъ однородны. Дѣйствительно, оставляя въ сторонѣ абсолютное—очень незначительное, впрочемъ—уменьшеніе общей земледѣльческой поверхности между 1882 и 1892 гг. на 183048 гект. (49.561,861—49.378, 813=183,048), мы можемъ обрисовать такими штрихами смыслъ эволюціи за десятилѣтній періодъ. Такъ часто упоминаемой теперь формулѣ концентраціи соотвѣтствуетъ во Франціи лишь движеніе крупной собственности; пропорція этой категоріи въ общемъ числѣ хозяйственныхъ единицъ упала съ 2,51% на 2,42%, тогда какъ эксплуатируемая этимъ способомъ поверхность возросла пропорціонально съ 44,96% до 45,56% всей поверхности, въ результатѣ чего увеличилась средняя поверхность крупной собственности, дойдя до 162 гектаровъ вмѣсто прежнихъ 157. Но именно только-что приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы видѣть всю, такъ сказать, гомеопатичность этой концентраціи: въ десять лѣтъ средніе размѣры крупной собственности увеличились едва на одну тридцатую долю.

Съ другой стороны, словно чтобы нейтрализовать это теченіе на одномъ полюсѣ собственности, подобное же теченіе на противоположномъ полюсѣ увеличило значеніе очень мелкой собственности, которая усилилась не только по числу хозяйственныхъ единицъ (38,22% въ 1882 г. и 39,21% въ 1892 г.), но еще больше по пространству эксплуатируемыхъ ею земель (2,19% въ 1882 г. и 2,68% въ 1892 г.), благодаря чему средніе размѣры очень мелкой собственности поднялись почти на одну пятую, съ 50 аровъ въ 1882 г. до 59 аровъ въ 1892 г. Въ концѣ концовъ, концентрація крупной собственности и округленіе очень мелкой, будучи сами по себѣ незначительны, лишь усиливаютъ своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ неопредѣленность характера французской аграрной эволюціи.

Что касается до остальныхъ двухъ категорій, то и мелкая собственность, и средняя обнаружили въ свою очередь такое незначительное, хотя и обратное движеніе (въ направленіи къ раздробленію), что объ немъ почти говорить нечего. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ эти группы уменьшились въ очень легкой степени по числу хозяйственныхъ единицъ (мелкая составляла въ 1882 г. 46,46% всѣхъ хозяйствъ и въ 1892 г. 45,90%, средняя же 12,81% въ 1882 г. и 12,47% въ 1892 г.), и чуть-чуть сильнѣе по простран-

ству эксплуатируемой ими поверхности (мелкая съ 22,92% общей площади въ 1882 г. упала до 22,77%, средняя съ 29,93% въ 1882 г. до 28,99% въ 1892 г.). Въ результатѣ средніе размѣры мелкой собственности уменьшились всего на одну двухсотую (4.31 гектара въ 1882 г. и 4,29 гектара въ 1892 г.), а средней собственности на одну семидесятую (20,41 гектара въ 1882 г. и 20,13 гектара въ 1892 г.). Дѣло идетъ, какъ видите, о микроскопическихъ величинахъ!

Но, опять-таки, если эволюція французскихъ аграрныхъ отношеній поражаетъ своею слабостью и неопредѣленностью *), то сами по себѣ цифры распредѣленія собственности представляютъ очень большой интересъ, и прежде всего въ томъ отношеніи, что показываютъ несостоятельность ходячихъ буржуазныхъ представленій о Франціи, какъ о крестьянскомъ Эльдорадо. Въ самомъ дѣлѣ, очень мелкія хозяйственныя единицы составляютъ около двухъ пятыхъ всего числа хозяйствъ, но обработываютъ немногимъ болѣе сороковой части всей поверхности; мелкія хозяйства составляютъ чуть не половину общаго числа, но располагаютъ немногимъ болѣе одной пятой территоріи; такъ что обѣ эти категоріи, вмѣстѣ взятыя, охватываютъ собой семнадцать двадцатыхъ всего числа хозяйствъ, но распоряжаются всего четвертью земельной площади. И, наоборотъ, крупныя помѣстья не обнимаютъ и одной сороковой общаго числа участковъ, но за то хозяйничаютъ чуть не надъ половиной территоріи Франціи. Наконецъ, владѣнія средней величины составляютъ одну восьмую всего количества хозяйственныхъ единицъ, а занимаютъ въ общемъ болѣе четверти, но менѣе трети земледѣльческой площади. Этихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть неравномѣрность распредѣленія собственности въ той странѣ, которую буржуазные экономисты столь часто ставятъ въ образецъ здоровыхъ аграрныхъ отношеній: небольшая сравнительно группа крупныхъ владѣльцевъ, которымъ принадлежитъ половина Франціи; громадная масса мелкихъ собственниковъ, обладающая незначительной частью территоріи; и въ срединѣ ограниченная часть крестьянства, могущая вести хозяйство при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ—такова картина земледѣльческой Франціи. По самимъ оптимистическимъ

*) Эта слабость и неопредѣленность эволюціи должны, конечно, препятствовать и черезчуръ рѣшительной оцѣнкѣ французскихъ отношеній со стороны писателей, даже очень различно смотрящихъ на процессъ экономическаго развитія. Такъ, Бернштейнъ довольствуется указаніемъ на «дальнѣйшее дробленіе хозяйствъ» во Франціи (Ed. Bernstein, *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie*; Штутгартъ, 1899, стр. 63), тогда какъ Каутскій заключаетъ, что въ этой странѣ «развитіе во всякомъ случаѣ не быстро» (Karl Kautsky, *Die Adrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirthschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie;* Штутгартъ, 1899, стр. 132).

выкладкамъ писателей, желающихъ представить въ розовомъ свѣтѣ здѣшнюю деревню, число такихъ крестьянъ не достигаетъ и одной четверти земледѣльческаго населенія. Такъ, Сушонъ, авторъ монографіи о „крестьянской собственности", низшимъ предѣломъ которой онъ ставитъ 5 гектаровъ, а высшимъ 20 гектаровъ, полагаетъ, что

во Франціи долженъ быть круглымъ счетомъ 1 милліонъ земледѣльцевъ— собственниковъ, живущихъ при помощи своихъ земель, не переставая сами обрабатывать ихъ и не прибѣгая серьезно къ наемнымъ рабочимъ. А такъ какъ крестьянская семья состоитъ среднимъ числомъ изъ четырехъ членовъ, то отсюда мы можемъ заключить, что средняя крестьянская собственность кормитъ около 4 милліоновъ человѣкъ, т. е. немного менѣе одной четверти всего земледѣльческаго населенія *).

Какой же окончательный выводъ мы можемъ извлечь изъ всѣхъ предшествующихъ цифръ и частныхъ заключеній? Это, съ одной стороны, глубокое убѣжденіе въ томъ, что процессъ аграрной эволюціи происходитъ во Франціи такъ медленно и съ такими отклоненіями отъ обычной формулы концентраціи средствъ производства (въ данномъ случаѣ земли) и пролетаризированія производителей, что общественному дѣятелю здѣсь не приходится разсчитывать на автоматическій, такъ сказать, ходъ земельнаго капитализма для рѣшенія соціальнаго вопроса. Это, съ другой стороны, не менѣе глубокое убѣжденіе въ томъ, что, несмотря на медленность аграрной эволюціи, и здѣшній деревенскій строй страдаетъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія собственности; что и здѣшній земледѣльческій классъ заключаетъ въ себѣ значительное большинство производителей, живущихъ и трудящихся при тяжелыхъ условіяхъ; и что, вообще говоря, во французской деревнѣ накопилось много злобъ дня, требующихъ настоятельнаго рѣшенія, не дожидаясь торжества формулы концентраціи. Ибо, кромѣ 3.042,000 рабочихъ при фермѣ и поденщиковъ и т. п., изъ которыхъ хоть какою-нибудь собственностью обладаютъ лишь 589,000 человѣкъ, а болѣе на 2.450,000 человѣкъ являются настоящими пролетаріями; кромѣ этой арміи обездоленныхъ, французское крестьянство заключаетъ въ своихъ рядахъ 1.400,000 фермеровъ и половниковъ, изъ которыхъ собственниковъ насчитывается гораздо менѣе половины (600,000); и, наконецъ, между всѣми категоріями и этихъ, такъ сказать, полусобственниковъ, и настоящихъ собственниковъ болѣе 4.000,000 хозяевъ такихъ мелкихъ участковъ, которые зачастую превращаются путемъ раздѣловъ въ микроскопическіе клочки, чуть не въ прямую пыль **).

---

*) A. Souchon, *La propriété paysanne. Etude d'économie rurale*: Парижъ, 1899, стр. 70.

**) По статистикѣ 1892 г. (стр. 357), во Франціи считается 2.235,405

Нельзя же заклать этихъ живыхъ, мыслящихъ и чувствующихъ, любящихъ и страдающихъ личностей на жертвенникѣ абстрактной формулы и пригласить ихъ по возможности скорѣе исчезнуть съ исторической сцены, превратившись въ пролетаріевъ; какъ нельзя смотрѣть, сложа руки, на мучительный процессъ этого исчезновенія, дожидаясь, пока медленная эволюція не упростить экономической схемы цѣною гибели цѣлыхъ милліоновъ существъ, а пока услаждая свои досуги чтеніемъ извѣстнаго мѣста Лукреція:

Suave, mari mango...

„пріятно, когда обширное море бушуетъ подъ напоромъ вѣтра, смотрѣть съ берега на великія усилія другого человѣка"...

Горячее дыханіе жизни въ состояніи, впрочемъ, растопить ледъ самой, казалось-бы, незыблемой формулы, и въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ взглядъ на деревню и дѣятельность въ ней, высказанный уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ французской рабочей партіей (марксистами)...

Дѣйствительно, въ своей земледѣльческой программѣ, которая была выработана на марсельскомъ конгрессѣ 1892 г. и нантскомъ 1894 г. и за неортодоксальность которой составителямъ досталось порядкомъ отъ Энгельса, партія, между прочимъ, говоритъ:

Принимая во вниманіе, что, согласно самимъ словамъ общей программы Партіи, «производители могутъ быть свободными лишь постольку, поскольку они будутъ находиться въ обладаніи средствами производства»; принимая во вниманіе, что если въ области промышленности эти средства производства достигли уже такой степени капиталистической концентраціи, что не могутъ быть возвращены производителямъ иначе, какъ въ формѣ коллективной или соціальной, то дѣло не такъ обстоитъ въ настоящее время,—по крайней мѣрѣ, во Франціи,—въ области земледѣльческой или аграрной, такъ какъ здѣсь средство производства, т. е. земля, находится еще во многихъ мѣстахъ на правахъ частной собственности во владѣніи самихъ производителей; принимая во вниманіе, что если этотъ порядокъ вещей, характеризуемый крестьянской собственностью, фатально предназначенъ исчезнуть, то соціализму не зачѣмъ ускорять это исчезновеніе, такъ какъ его роль состоитъ не въ томъ, чтобы разлучать собственность отъ труда, а, наоборотъ, соединять въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ эти оба фактора всякаго производства, отдѣленіе которыхъ влечетъ за собою рабство и нищету трудящихся, низошедшихъ до уровня пролетаріевъ; принимая во вниманіе, что если долгъ соціализма за-

---

участковъ отъ 0 до L. c., гектара и 1.829.259 участковъ отъ 1 до 5 гектаровъ итого 4.064,664 хозяйствъ, не доходящихъ до размѣровъ собственности, которой можно какъ слѣдуетъ кормиться, по опредѣленію Сушона. Кромѣ того, на крестьянской собственности, удовлетворяющей этимъ требованіямъ, лежитъ по вычисленіямъ самого же автора, около 2 милліардовъ франковъ долгу по ипотекѣ, что, конечно, составляетъ сравнительно съ общею цѣнностью упомянутыхъ земель (15 милліардовъ франковъ) долю гораздо болѣе умѣренную, чѣмъ ипотечный долгъ хотя бы нѣмецкихъ крестьянъ, но все-же значительно ослабляетъ оптимистическіе выводы буржуазныхъ экономистовъ. (Ср. Souchon, L. c. стр. 139).

ключается въ томъ, чтобы сдѣлать земельныхъ пролетаріевъ владѣльцами въ коллективной или общественной формѣ, путемъ отобранія у праздныхъ собственниковъ ихъ крупныхъ помѣстій на томъ же основаніи, какъ и желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, заводовъ и т. п., то не менѣе важный долгъ соціализма состоитъ и въ томъ, чтобы сохранить клочки земли за воздѣлывающими ихъ собственниками противъ натиска фиска, ростовщичества и захватовъ новыхъ земельныхъ феодаловъ..... рабочая партія, которая, въ противоположность анархистамъ, не ждетъ преобразованія общественнаго порядка отъ распространенія и усиленія нищеты... приняла слѣдующую аграрную программу [1])...

Изъ параграфовъ этой программы я остановлю вниманіе читателя на слѣдующихъ:

§ 3. Запрещеніе общинамъ отчуждать коммунальныя земли; отдача государствомъ общинамъ въ аренду казенныхъ, приморскихъ и другихъ въ настоящее время невоздѣланныхъ земель; употребленіе излишковъ коммунальнаго бюджета на увеличеніе общинной собственности.

§ 4. Отдача общиною земель, уступленныхъ государствомъ, находящихся въ ея владѣніи или купленныхъ ею, не имѣющимъ собственности семьямъ на правахъ ассоціаціи или простого пользованія съ запрещеніемъ употреблять наемниковъ и обязательствомъ платить налогъ въ пользу бюджета коммунальнаго призрѣнія.

§ 8. Покупка общиною, при содѣйствіи государства, земледѣльческихъ машинъ или наемъ этихъ машинъ для безвозмездной передачи ихъ въ распоряженіе мелкихъ земледѣльцевъ; основаніе ассоціацій земельныхъ рабочихъ для покупки удобренія, матеріаловъ для дренажа, сѣмянъ, выводковъ и т. п., равно какъ для продажи продуктовъ.

§ 14 . . . . . установленіе для земледѣльца неотчуждаемаго участка, включающаго земледѣльческія орудія и извѣстное количество жатвы, навоза и скота, необходимаго для занятія земледѣліемъ **).

Эти мѣры, предлагаемыя рабочей партіей, показываютъ, что, подъ давленіемъ жизненныхъ интересовъ, ея представители вынуждены отказаться отъ исключительныхъ упованій на фатальное развитіе сельскаго капитализма и пролетаризацію производителей; и что уже теперь партія пытается опираться въ своей практической дѣятельности, между прочимъ, и на сохраненіе, мало того—на расширеніе общинныхъ формъ собственности. И это, замѣтьте, во Франціи, гдѣ община подъ напоромъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, усилившихся въ особенности за послѣднее столѣтіе, утратила свое прежнее значеніе и играетъ лишь очень второстепенную роль. Судите же поэтому о цѣлесообразности пріемовъ тѣхъ теоретиковъ, которые въ странахъ, гдѣ община занимаетъ еще важное мѣсто въ ряду экономическихъ отношеній,—напр., въ Россіи—считаютъ общинную собственность крупнымъ препятствіемъ для соціальнаго прогресса и положительно не находятъ себѣ мѣста въ деревнѣ, пока старая форма владѣнія не перейдетъ въ исторію...

---

*) См. «Programme agricole du Parti Ouvrier français» въ «*Almanach du Parti Ouvrier pour 1896;* Лилль, 1895, стр. 39—41.

**) Ibid.

Но возвратимся къ Франціи. Признаніе общины, даже со стороны французскихъ марксистовъ, въ качествѣ одного изъ орудій преобразованія аграрныхъ отношеній, навело меня на мысль обратить вниманіе на эту сторону вопроса. И если въ своей прежней статьѣ я преимущественно останавливался на индивидуализмѣ здѣшняго крестьянина, то въ настоящемъ этюдѣ я хотѣлъ бы коснуться коллективныхъ стремленій французскаго земледѣльческаго класса.

Меня слишкомъ бы завела въ сторону исторія паденія прежнихъ формъ труда, семьи и собственности во Франціи. Ограничусь поэтому замѣчаніемъ, что и въ этой странѣ процессъ ихъ разложенія осложнялся и опредѣлялся тяжелыми требованіями фиска, захватомъ общинныхъ земель феодалами, законодательными мѣрами раздѣла, вызванными желаніемъ имущаго меньшинства еще при старомъ режимѣ и получившими всеобщій и обязательный характеръ при революціонномъ правительствѣ, которое съ своей обычной свирѣпой энергіей старалось уничтожить эти, какъ ему казалось, „остатки варварства". И, однако, несмотря на эти мѣры и вопреки дѣйствію такъ называемаго наполеоновскаго (гражданскаго) кодекса, и до сихъ еще поръ во Франціи сохранились въ извѣстныхъ мѣстахъ прежнія формы семьи и собственности. Я укажу сначала на болѣе архаическую и болѣе рѣдкую теперь организацію общаго семейнаго или, лучше сказать, родового и вообще коллективнаго труда, чтобы перейти затѣмъ собственно къ общинному владѣнію землею, которое имѣетъ въ настоящее время болѣе практическій характеръ. Это изслѣдованіе лишній разъ покажетъ, что упомянутыя формы вовсе не составляютъ исключительной подоплеки какого-нибудь избраннаго народа—напр., русскихъ или вообще славянъ, какъ то думали иные изъ восточныхъ „патріотовъ",—а характеризуютъ извѣстную ступень въ эволюціи всякаго общества..

Само собою разумѣется, что остатки первобытныхъ учрежденій сохранились лучше тамъ, гдѣ природныя условія мѣшали быстрому развитію частной собственности и расцвѣту свободной конкурренціи. Мѣста гористыя и вообще менѣе плодородныя, благопріятствовавшія коллективному труду и пользованію землею и прочими угодьями, а, главное, не возбуждавшія особенно сильнаго аппетита среди привилегированнаго и имущаго меньшинства, до сихъ поръ заключаютъ наибольшее число старыхъ формъ собственности. Физическая, и въ особенности гипсометрическая карта Франціи въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ соціальною картою страны. И если исключить пустыри, болота и торфяники въ равнинахъ и нѣкоторые бѣдные острова Бретани, то можно сказать, что форма труда и собственности во Франціи тѣмъ древ-

нѣе въ данномъ мѣстѣ, чѣмъ выше оно надъ уровнемъ моря. Говоря такъ, я нисколько не забываю коллективныхъ хозяйствъ, которыя еще сравнительно недавно встрѣчались кой-гдѣ въ низменностяхъ; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь они отжили теперь свой вѣкъ, и намъ надо идти въ горы и горныя долины, чтобы очутиться среди архаическихъ учрежденій. Бросьте, въ самомъ дѣлѣ, взглядъ на карту поверхности страны, и вы увидите, какъ три группы возвышенностей рельефно обрисовываются на граціозномъ многоугольникѣ Франціи: на юго-западѣ Пиринеи; на юго-востокѣ и востокѣ Альпы съ Юрою и, сѣвернѣе, Вогезы, а въ срединѣ, ближе къ югу, такъ называемый Центральный массивъ. И какъ разъ въ этихъ трехъ горныхъ мѣстностяхъ и встрѣчаешься съ наиболѣе старыми и наиболѣе обширными остатками прежней экономической организаціи.

Одной изъ древнѣйшихъ формъ является во Франціи семейная, можно сказать, почти родовая община, въ которой не только собственность, но и трудъ носитъ коллективный характеръ. До сихъ поръ она наилучше сохранилась въ Пиринеяхъ, хотя весь современный складъ жизни повсюду пробиваетъ бреши и идетъ на приступъ этой архаической цитадели. До сихъ поръ, въ департаментахъ Верхнихъ и Нижнихъ-Пиринеевъ, въ особенности въ долинѣ Оссо (Vallée d'Ossau) и у верховьевъ горной рѣчки, орошающей По (Gave de Pau) возлѣ знаменитаго Котрэ и т. п., вы сталкиваетесь съ большими семьями въ родѣ сербской задруги или семейной общины индусовъ (joint family, какъ называютъ ее англичане). До сихъ поръ эти семьи, хотя все болѣе и болѣе исчезающія со сцены, носятъ черты, описанныя подробно еще Ле-Плэемъ, которому его общее міровоззрѣніе, представляющее причудливую смѣсь буржуазныхъ и феодальныхъ идей, не помѣшало быть внимательнымъ наблюдателемъ. Въ одной изъ своихъ монографій различныхъ типовъ семей, онъ такъ изображаетъ изученную имъ семейную группу, жившую въ Котрэ:

Общественное мнѣніе поддержало въ этой мѣстности, и въ особенности среди упомянутой семьи, такую организацію, которая сильно отличается отъ организаціи, господствующей въ большей части Франціи. Семейная собственность, сохраняемая во всей цѣлости изъ поколѣнія въ поколѣніе, соединяетъ полною общностью жизни всѣхъ членовъ, которые не пожелали обосноваться внѣ семьи *).

Дѣйствительно, описанная Ле-Плэемъ группа состояла изъ

*) Цитирую по книжкѣ Э. Демолэна, одного изъ главныхъ учениковъ Ле-Плэя: Edmond Demolins, *Les Français d'aujourd'hui. Les Types sociaux du midi et du centre*; Парижъ, безъ обозначенія года (вышла въ 1898 г.), стр. 13. Демолэнъ, авторъ перехваленнаго этюда о «Превосходствѣ англо-саксонской расы», отличается своеобразною педантичною наивностью въ области соціологіи и зачастую видитъ вещи исключительно сквозь призму своей системы. Но въ частныхъ случаяхъ не лишенъ дара наблюденія и построенія.

пятнадцати человѣкъ, а именно: старика-вдовца, представлявшаго главу семейной общины; мужа его дочери и самой этой дочери, которая являлась наслѣдницею и распорядительницею собственности, тогда какъ ея мужъ готовился занять мѣсто старика; семи дѣтей этой пары; дяди, тетки и двухъ холостыхъ братьевъ хозяйки; и, наконецъ, слуги пастуха. Тридцать лѣтъ спустя,—какъ сообщаютъ послѣдующіе наблюдатели,—эта семейная коммуна, сначала разросшись до значительныхъ размѣровъ, стала ареною внутреннихъ раздоровъ и распалась. Но традиціонныя черты этого типа кровной общины встрѣчаются во многихъ мѣстахъ не только Пиринеевъ, но и Альповъ. Въ упомянутой уже нами пиринейской долинѣ Оссо ученикъ Ле-Плэя находитъ

тѣ же тенденціи семейнаго коммунизма. И тамъ также дяди признаютъ авторитетъ наслѣдника, избраннаго главою общины. «Нарѣдко тамъ увидишь сыновей, которые обрекаютъ себя на холостую жизнь и продолжаютъ работать исключительно на пользу общины. Дѣти, которыя эмигрировали, но не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ, возвращаются къ домашнему очагу, гдѣ и находятъ свое мѣсто въ общинѣ. Въ старыхъ брачныхъ договорахъ на каждомъ шагу встрѣчается особое условіе, согласно которому, въ случаѣ разоренія или вдовства, дочь, получившая приданое, возвращается въ родительскій домъ съ правомъ на комнату и травы *deu casen* (сада)». Глава общины является въ сущности лишь представителемъ ея: семейное достояніе не принадлежитъ ему лично. Онъ лишь сберегаетъ его и управляетъ имъ во имя коллективнаго цѣлаго, которое никогда не умираетъ. Собственность разсматривается, согласно пиринейскому обычному праву, лишь какъ постоянный фидеикоммиссъ. Послѣдовательные владѣльцы земли передаютъ ее съ рукъ на руки, какъ священный предметъ, отданный на храненіе. Чтобы достигнуть этого результата, обычай отличается, можно сказать, неумолимой строгостью и мало во что ставитъ свободу личности. Наслѣдникъ не можетъ располагать на правахъ полной собственности переданнымъ ему имуществомъ; въ сущности онъ имѣетъ на него лишь право пользованія и можетъ отчуждать его или обмѣнивать лишь въ случаѣ крайней необходимости. Эти усилія для поддержанія общаго цѣлаго, путемъ полнаго сохраненія семейной собственности, настолько энергичны, что до послѣднихъ лѣтъ торжествовали надъ предписаніями гражданскаго кодекса относительно равнаго раздѣла. Благодаря соглашенію дѣтей и снисходительности представителей закона, пропитанныхъ мѣстнымъ духомъ, семьи успѣвали обходить легальныя предписанія путемъ всевозможныхъ комбинацій и порою даже при помощи прямого обмана *).

Наибольшею живучестью отличаются семейныя общины половниковъ въ гористыхъ мѣстностяхъ Тарнскаго департамента, гдѣ эта форма обладаетъ до сихъ поръ такою устойчивостью, что наблюдатели (напр., умершій въ 1892 г. Бодрильяръ) до сихъ поръ принуждены останавливаться на ней, какъ на

настоящемъ типѣ особой организаціи семьи и труда. Эти общины напоминаютъ аналогичныя земледѣльческія ассоціаціи среднихъ вѣковъ и древняго общества, ассоціаціи, которыя существуютъ и въ другихъ странахъ. Онѣ представляютъ собою скопленія семей, работающихъ на одномъ и томъ же участкѣ, или, еще лучше, одну и ту же семью съ ея отраслями, находя-

*) Demolins, L. c., стр. 15 - 17, passim.

щимися въ различныхъ степеняхъ родства съ первоначальною группою, по слѣдовательно разросшеюся, благодаря бракамъ и рождающимся отъ нихъ дѣтямъ. Такимъ образомъ вы встрѣчаете до четырехъ хозяйствъ, группирующихся подъ руководствомъ одного главы, дѣда и отца, или оставшагося въ живыхъ старшаго члена. Когда онѣ становятся черезчуръ многочисленны для потребностей эксплуатаціи даннаго участка, то посылаютъ изъ своей среды новые рои; и если нѣтъ причинъ окончательнаго распаденія, то образуютъ новыя группы по прежнему образцу *).

Уже цитированный нами Демолэнъ указываетъ на современные „частые" примѣры семейныхъ общинъ въ центрѣ Франціи, а именно въ прежнихъ областяхъ Лимузэна и Оверни, принадлежащихъ въ орфографическомъ отношеніи къ Центральному массиву. Я приведу наиболѣе характерную выдержку изъ описанія Демолэномъ такихъ группъ, а именно то мѣсто, гдѣ онъ изображаетъ распорядки этихъ, какъ видно, уже разлагающихся формъ быта:

Въ такихъ семьяхъ собственно такъ называемое общеніе сводится къ вещамъ, утилизируемымъ въ натурѣ (каковы жилище, утварь, и т. д.) и къ предметамъ, потребляемымъ также въ натурѣ всѣми членами вокругъ очага. Доходы же, напротивъ, дѣлятся поровну каждый годъ, но способомъ, который сильно отзывается коммунизмомъ: они распредѣляются не по отдѣльнымъ семьямъ, а по душамъ. Каждый членъ семьи, мужского или женскаго пола, имѣющій болѣе 14 лѣтъ отъ роду, составляетъ душу и считается имѣющимъ право на одну часть. Такимъ образомъ четырнадцатилѣтній ребенокъ стоитъ на равной ногѣ съ людьми во цвѣтѣ силъ. Этотъ маленькій фактъ уже достаточно показываетъ, до какой степени идея коммунистическаго равенства господствуетъ еще здѣсь надъ умами **).

Но еще интереснѣе, чѣмъ сама семейная группа, тотъ общій духъ, который царитъ въ данной мѣстности и отражается не только на однихъ членахъ французской „задруги", но и на всѣхъ крестьянахъ и даже на всѣхъ горожанахъ, короче сказать, на цѣломъ населеніи. Это, съ одной стороны, необыкновенное развитіе и популярность нищенства: въ окрестностяхъ Рошешуара и въ самомъ городѣ (въ департаментѣ Верхней-Вьенны) нищіе ходятъ вереницами, входятъ въ дома, какъ свои, и самими хозяевами принимаются, какъ старые пріятели, разнося поклоны отъ родственниковъ къ родственникамъ, исполняя разныя порученія и проявляя при своемъ попрошайничествѣ неизвѣстную обыкновеннымъ нищимъ добросовѣстность, напр., отказываясь отъ денегъ, когда имъ дали старую обувь, находя, что „этого на сей разъ достаточно", и т. п. Это, съ другой стороны, обычай взаимнаго мародерства на поляхъ и въ каштановыхъ рощахъ, куда самые честнѣйшіе обыватели забираются съ корзинами въ рукахъ и наполняютъ ихъ фруктами, нисколько не стѣсняясь хозяевъ,

*) Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France. 3-e serie, Les populations du Midi*; Парижъ, 1893, стр. 427.

**) Demolins, стр. 88.

которые въ свою очередь платятъ тѣмъ же своимъ сосѣдямъ. Это—не менѣе распространенный обычай брать взаимно вещи на подержаніе безъ всякаго вознагражденія, причемъ богатые люди прибѣгаютъ къ этой практикѣ съ такой же охотой, какъ и бѣдные. Это—необыкновенная любовь къ подробнѣйшимъ мѣстнымъ генеалогіямъ, которыя связываютъ кровными узами самыхъ отдаленныхъ родственниковъ: точность опредѣленія степеней этого родства, по истинѣ, поражаетъ посторонняго наблюдателя. Это, наконецъ, распространеніе чувствъ родственной симпатіи на сосѣдей, между которыми аффективная связь здѣсь сильнѣе, чѣмъ между настоящими родственниками въ другихъ мѣстахъ, подвергшихся вліянію индивидуализма и свободной конкурренціи. Словомъ, мы встрѣчаемся тутъ съ переживаніями первобытныхъ формъ, при которыхъ коллективные интересы людей преобладали надъ личнымъ началомъ, частною собственностью и т. п.

Но для того, чтобы встрѣтиться съ самыми яркими проявленіями принципа сосѣдства, мы снова должны отправиться на юго-западъ Франціи, въ прежнюю Гасконь, гдѣ до сихъ поръ сосѣдство налагаетъ такія взаимныя обязанности на живущія другъ близъ друга семьи, что передъ ними едва не отступаютъ и сами кровныя узы. Бракъ, рожденіе, крещеніе, смерть, тяжелая болѣзнь, несчастная случайность, постройка дома, расчистка новаго участка подъ пашню, отъѣздъ и пріѣздъ,—словомъ, всѣ обстоятельства жизни человѣка вызываютъ самое дѣятельное и самоотверженное участіе сосѣдей. И вамъ невольно припоминаются знаменательные стихи стараго Гезіода, которому пришлось тягаться изъ-за наслѣдства со своимъ братомъ и который знаетъ цѣну хорошаго сосѣдства, обращая къ этому же брату такія поученія:

Зови къ себѣ (на угощеніе) въ особенности того, кто живетъ близъ тебя. Ибо если встрѣтится тебѣ какая домашняя нужда, то сосѣди сбѣгаются на помощь сейчасъ же и неподпоясанными, тогда какъ твои семейные начнутъ еще подпоясываться. Столь же великая бѣда дурной сосѣдъ, сколь великая польза—хорошій. Тотъ пріобрѣлъ себѣ большое благо, кто пріобрѣлъ хорошаго сосѣда. И быкъ не пропадетъ у тебя, если только нѣтъ плохого сосѣда. Принимай настоящей мѣрой отъ сосѣда и возвращай же ему настоящей, въ томъ же размѣрѣ, а если можешь и больше, чтобы и въ будущемъ, когда случится надобность, ты нашелъ его готовымъ на помощь *).

Но оставимъ нашего древняго земледѣльца-поэта изъ Аскры, что у подножія Геликона. На возвышенностяхъ бассейна Гаронны случаи современнаго вмѣшательства сосѣдей такъ часты и важны, что, перебравъ ихъ на основаніи монографіи барона

*) Ἡσιόδου Ἔργα καὶ Ἡμέραι, ст. 340—349. Ср. римскаго агронома о значеніи сосѣдской «помочи»; M. Porcius Cato, *De re rustica*, IV (если будешь строиться, то помогутъ тебѣ и работою, и скотомъ, и матеріаломъ. И если (отъ чего да избавитъ небо!) случится какая нужда, то будутъ охотно защищать тебя).

д'Артига, касающейся мѣстности Ортъ (pays d'Orthe, которой авторъ даетъ ошибочную орѳографію pays d'Horte), Демолэнъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ здѣсь силу и значеніе учрежденія:

Эта организація сосѣдства очень любопытна; въ ней чувствуется энергичное усиліе, чтобы выработать цѣлую систему пособія и взаимопомощи, которая въ дѣйствительности далеко переходитъ за обстоятельства, только-что перечисленныя нами. Для этого населенія, въ которомъ традиціонная семейная община почти совершенно распалась, не замѣнившись, однако, ни опекою патроновъ (patronage), ни привычкою личной инициативы, сосѣдская община представляетъ собою крупный рессурсъ. Потому-то ее и постарались укрѣпить здѣсь рядомъ строгихъ обычаевъ; потому-то и отчаянно прицѣпились къ ней *).

Намъ, конечно, дѣла нѣтъ до наивной соціологіи Демолэна. Мы можемъ лишь пожимать плечами, когда онъ ставитъ эволюцію отношеній кверху ногами, полагая, что сосѣдская община выросла изъ распаденія семейной и по причинѣ этого распаденія, тогда какъ, наоборотъ, начало сосѣдства, въ качествѣ остатка родового строя, должно было предшествовать семейной группировкѣ. Равнымъ образомъ мы можемъ совершенно оставить безъ вниманія пресловутую „опеку патроновъ", которую полу-буржуазная, полу-феодальная школа Ле-Плэя подноситъ читателю подъ всевозможными соусами: не даромъ-же самъ основатель школы хозяйничалъ въ 30-хъ годахъ на Уралѣ надъ горнозаводскими рабами Демидова!.. Что намъ нужно было отмѣтить, такъ это могущество сосѣдскаго принципа, въ которомъ даже при существованіи частной собственности сохраняются еще коллективныя стремленія первобытнаго строя.

Родовое и семейное начало замѣтно еще въ нѣкоторыхъ наиболѣе архаическихъ формахъ труда и собственности въ Бретани, напр., въ земледѣльческихъ коммунахъ острововъ Гоэдика и Гуата (въ департаментѣ Морбиганъ). Лавелэ, на основаніи замѣтки аббата Делаланда, такъ изображаетъ бытъ этихъ островитянъ:

Обитатели живутъ здѣсь коммуной. Земля не раздѣлена на частныя владѣнія. Всѣ работаютъ въ виду общаго интереса и живутъ плодами коллективнаго труда. Священникъ является главой общины; но въ случаѣ важныхъ рѣшеній ему помогаетъ совѣтъ, состоящій изъ двѣнадцати наиболѣе уважаемыхъ стариковъ. Этотъ режимъ, если только онъ вѣрно описанъ, представляетъ собою одну изъ самыхъ архаическихъ формъ аграрнаго коммунизма**).

Подробнѣе и точнѣе этотъ строй описанъ Бодрильяромъ, который, указавъ на крайнее дробленіе здѣшнихъ участковъ, измѣряемыхъ такъ называемой „межой" (sillon, имѣющій два фута

*) Demolins, стр. 317.

**) Emile de Lavelcyc, *De la propriété et de ses formes primitives*; Парижъ, 1891, 4-е изд., стр. 514.—См. вообще объ остаткахъ коллективнаго труда и собственности во Франціи на стр. 244—257 и стр. 497—516 книги Лавелэ.

ширины на 40 метровъ длины), продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

Увеличиваясь, населеніе умножило число клочковъ до такой степени, что въ настоящее время есть участки, вырѣзанные изъ половины межи; мало того, одна изъ этихъ полу-межъ обрабатывается поочередно тремя семействами, которымъ она принадлежитъ вмѣстѣ и нераздѣльно. Именно это чрезмѣрное дробленіе и вызвало лѣкарство въ видѣ извѣстнаго рода общности труда и эксплуатаціи. Здѣсь распахиваютъ сразу нѣсколько клочковъ; и также поступаютъ при жатвѣ и другихъ земледѣльческихъ работахъ. Эти сдѣлки облегчаются узами родства въ мѣстности, гдѣ браки заключаются исключительно между осѣвшими здѣсь семьями и не простираются далѣе небольшого сосѣдняго острова Гуата. Дѣйствительно, въ Гоэдикѣ встрѣчается лишь десятокъ фамилій, которыя постоянно слышатся въ разговорѣ... Эта община далеко, однако, не исключаетъ частной собственности, которая обезпечиваетъ каждому независимость. Это — община добровольная и ограничивается извѣстными примѣненіями, которыя считаются полезными для блага всѣхъ и каждаго. Есть вещи, которыми жители владѣютъ сообща или дѣлятъ ихъ между всѣми, напр.. тростникъ на прудахъ, предметы, выброшенные моремъ, и т. д. Что касается до распредѣленія земельныхъ участковъ, то оно совершается съ извѣстными особыми обрядами, которые связаны съ тѣми-же условіями и тѣмъ-же характеромъ религіозныхъ идей *).

Совершенно естественно поэтому, что и артели—въ данномъ случаѣ, морскія рыболовныя—очень распространены между жителями описанныхъ островъ, гдѣ нерѣдко встрѣтишь до полдюжины рыбацкихъ семей, владѣющихъ и пользующихся одною шлюпкою, причемъ харчи у моряковъ общіе, а уловъ дѣлится поровну **). Впрочемъ, слѣдуетъ вообще замѣтить, что артели наиболѣе распространены во Франціи тамъ, гдѣ коллективный трудъ или, по крайней мѣрѣ, коллективная собственность не исчезла еще совсѣмъ изъ земледѣлія. Изъ многочисленныхъ примѣровъ артелей въ такихъ мѣстностяхъ, я остановлюсь на одномъ очень характерномъ, потому что онъ представляетъ намъ черты артели, живущей отхожимъ промысломъ, и показываетъ намъ, что артели и этого типа вовсе не составляютъ привилегіи славянскихъ странъ, а въ частности Россіи Для этого намъ слѣдуетъ перенестись на противоположный, юго-восточный, конецъ Франціи, въ гористыя мѣстности Альповъ и ихъ орографическихъ придатковъ. Въ долинѣ Барселоннетты, маленькаго окружного городка департамента Нижнихъ-Альповъ, издавна распространенъ обычай уходить артелями на разные промыслы, а въ особенности на торговлю сукнами и т. п. товарами; и замѣчательно, что масса уходящихъ отправляются въ такую отдаленную страну, какъ Мексика, гдѣ артели барселоннетцевъ пользуются всеобщею извѣстностью. Я не могу вдаваться въ подроб-

*) Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France. 1-re série. Normandie et Bretagne:* Парижъ, 1885, стр. 327.

**) Ibid., стр. 526.

ности организаціи этихъ артелей, отсылая читателя къ тѣмъ страницамъ труда Демолэна, гдѣ авторъ дѣлаетъ длинныя выдержки изъ спеціальныхъ монографій по предмету *). Замѣчу лишь, что артельный принципъ сохраняется еще до сихъ поръ между громаднымъ большинствомъ эмигрантовъ, хотя меньшинство, формально принадлежа къ этимъ союзамъ, уже выработалось въ могущественную капиталистическую аристократію, которая лишь эксплуатируетъ коллективныя стремленія земляковъ. Почти всѣ эмигранты остаются за океаномъ временно и, какъ только сколотятъ небольшую сумму, возвращаются домой. Не составляютъ исключенія и только что упомянутые магнаты капитала, зачастую милліонеры, виллы которыхъ красуются въ окрестностяхъ родного города.

Болѣе демократическій характеръ сохранили артели гористаго (пиринейскаго) юго-запада Франціи, откуда цѣлыя толпы крестьянъ уходятъ временно пастухами за океанъ, въ Аргентинскую республику, или коновалами въ сосѣднюю Испанію. И образуемыя ими ассоціаціи представляютъ собою крѣпкіе союзы, основанные на началахъ равенства вознагражденія: члены ихъ

складываютъ всѣ барыши въ одно и образуютъ изъ нихъ одну общую массу, которую они затѣмъ дѣлятъ по числу душъ, согласно самой строгой справедливости, не забывая при этомъ даже доли больныхъ **).

Я бы могъ привести еще немало фактовъ существованія въ современной Франціи прежнихъ формъ труда. Но я ограничился лишь наиболѣе типичными, тѣмъ болѣе, что въ цѣломъ строѣ здѣшней деревни эти явленія играютъ незначительную и съ каждымъ днемъ все слабѣющую и слабѣющую роль, представляя, какъ мнѣ уже пришлось разъ сказать, главнымъ образомъ „археологическій интересъ“. Но нѣсколько иначе обстоитъ дѣло по отношенію не къ раннимъ формамъ труда, а къ раннимъ формамъ собственности, которыя въ видѣ общинныхъ земель коммунъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза, чѣмъ это казалось отчасти мнѣ самому нѣсколько лѣтъ назадъ. Эта общинная собственность не только, какъ мы видѣли, обратила на себя вниманіе составителей земледѣльческой программы рабочей партіи: въ послѣднее время она является предметомъ оживленныхъ дебатовъ и въ буржуазной прессѣ, буржуазныхъ ученыхъ и практическихъ обществахъ и т. п. Знаменательно, что Французское общество земледѣлія (Société des Agriculteurs de France) избрало послѣдней темой для конкурса вопросъ объ общинныхъ земляхъ во Франціи и дало премію тому автору, который высказался за бережное отношеніе къ этой соб-

*) Demolins, стр. 28.
**) Ibid., стр. 29—36.

ственности: я говорю о докторѣ правъ Рожерѣ Граффэнѣ, сочиненіемъ котораго я воспользуюсь для нѣкоторыхъ сторонъ вопроса *).

Интересно прежде всего опредѣлить общее пространство коммунальныхъ земель во Франціи. Граффэнъ, на основаніи одного финансоваго документа 1877 г., исчисляетъ поверхность общинныхъ земель въ 4.316,310 гект., изъ которыхъ 2.058,707 гект. лѣсовъ и 2.257,603 гект. другихъ земель, распадающихся на 1.620,503 гект. производительной почвы и 637,100 гект. непроизводительной **). Но вотъ каковы цифры общинной собственности по оффиціальной земледѣльческой статистикѣ 1892 г. (меня нѣсколько удивляетъ, что Граффэнъ не утилизировалъ этихъ появившихся въ 1897 г. данныхъ для своего сочиненія, которое вышло два года спустя): общая площадь коммунальныхъ земель равнялась 4.431,328 гект., или 8,79% всей земледѣльческой поверхности страны (равняющейся, какъ извѣстно, 50.467,909 гект.); изъ этого числа лѣса занимали 2.148,948 гект., или 22,57% всей лѣсной площади Франціи, пустоши и прочія невоздѣланныя земли 1.448,671 гектр. искусственные и естественные луга, пастбища и огороды 555,846 гект., пахотныя земли 260,581 гект., сады 10,945 гект. и виноградники 6,337 гект. Вся эксплуатируемая общинами поверхность равняется такимъ образомъ 2.982,657 гектарамъ ***); и я обращаю вниманіе читателей на то обстоятельство, что общинная собственность во Франціи заключаетъ до сихъ поръ не только лѣса и пустыри, но и луга, и сады, и даже виноградники.

Само собою разумѣется, впрочемъ, что лѣса, пустыри и пастбища играютъ выдающуюся роль на коммунальной территоріи: сама эта территорія достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ гористыхъ и вообще менѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Мнѣ остается только напомнить читателю объ указанномъ уже ранѣе фактѣ совпаденія орографической и соціальной картъ Франціи. Возьмите въ самомъ дѣлѣ карту распредѣленія общинныхъ земель по департаментамъ, на которой оттѣнки тѣмъ гуще, чѣмъ значительнѣе пропорціи этихъ земель ****), и вы поразитесь, до какой степени удачно она воспроизводитъ общій рельефъ страны. Три группы возвышенностей на юго-западѣ, юго-востокѣ и востокѣ и въ центрѣ выступаютъ съ большою точностью; и наиболѣе темно окрашенныя мѣста обозначаютъ, словно на гипсометрической картѣ, положеніе самыхъ значительныхъ горныхъ

*) Roger Graffin, *Les biens communaux en France Etude historiqne et critique;* Парижъ, 1899.

**) Ibid., стр. 270.

***) *Statistique agricole* стр. 351—353.

****) Graffin, l. c., стр. 270—271.

кряжей. Для того, чтобы судить о важности коммунальныхъ земель въ только что упомянутыхъ концахъ Франціи, достаточно сказать, что въ пиринейскихъ департаментахъ общинная собственность занимаетъ отъ одной пятой до болѣе двухъ пятыхъ всей поверхности (22% въ департаментѣ Восточныхъ-Пиринеевъ, 30% въ департаментѣ Нижнихъ-Пиринеевъ и цѣлыхъ 43% въ департаментѣ Верхнихъ-Пиринеевъ); что въ альпійскихъ департаментахъ она охватываетъ отъ одной пятой до болѣе половины территоріи (21% въ Изерѣ, 42% въ Савоѣ, 51% въ департаментѣ Верхнихъ-Альповъ, и т. п.); и что даже въ Центральномъ Массивѣ она часто превышаетъ одну десятую (10% въ Коррезѣ, 11% въ Пюи-де-Домѣ, 14% въ Канталѣ) и достигаетъ порою почти одной шестой всей площади (16% въ Крёзѣ).

Наиболѣе чистый характеръ первобытнаго широкаго коммунизма сохранился въ пользованіи горными пастбищами, которыя зачастую находятся въ нераздѣльномъ владѣніи не только всѣхъ членовъ данной общины, но цѣлой группы сосѣднихъ общинъ. Такъ, въ окрестностяхъ Котрэ Демолэнъ указываетъ на существованіе обширнаго пастбища въ 10,000 гектаровъ, принадлежащаго союзу семи коммунъ (стр. 8); тогда какъ цѣлая долина Оссо состоитъ въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ мѣстныхъ общинъ, которыя посылаютъ своихъ представителей въ своеобразный федеральный совѣтъ, распоряжающійся хозяйственной политикой пастушеской конфедераціи (стр. 9). А въ извѣстномъ уже намъ барселоннетскомъ округѣ болѣе трети всѣхъ земель занято обширными коммунальными пастбищами (стр. 11). Съ другой стороны, по очень недавнимъ свѣдѣніямъ (1898 г.), сообщеннымъ Луи Этчевери Французскому обществу земледѣлія, въ мѣстности Сизъ (pays de Size въ департаментѣ Нижнихъ-Пиринеевъ) съ незапамятныхъ временъ существуютъ нераздѣльныя пастбища цѣлыхъ двадцати коммунъ, которыя отнюдь не тяготятся этимъ широкимъ коллективнымъ пользованіемъ и нисколько не думаютъ измѣнять свои многовѣковые порядки *).

Что касается до общиннаго пользованія лѣсами, то формы его довольно разнообразны. Но въ послѣднее время вопросъ о хозяйственной эксплуатаціи лѣсныхъ угодій сильно обострился; и внутри коммунъ замѣчается стремленіе выработать болѣе одинаковую и справедливую практику, споры о которой проникли и во французскій парламентъ. Дѣло идетъ о регулированіи пользованія общинными лѣсами между членами коммуны, или такъ называемаго *affouage* **). Я не буду вводить въ подробности

*) Ibid., стр. 181 и примѣч. 2.

**) Собственно этотъ терминъ, идущій отъ средневѣковой латыни (*affoagium* въ документахъ начиная съ XIII вѣка), означаетъ обыкновенно пользованіе дровянымъ лѣсомъ; для пользованія же строевымъ употребляется чаще

исторіи и перипетіи борьбы между различными теченіями, интересами и обычаями внутри общинъ. Достаточно сказать, что до закона 1883 г. наибольшую вражду среди рядовыхъ членовъ общины возбуждало право коммунъ держаться традиціоннаго обычая, распространеннаго особенно во Франшъ-Контэ и опредѣлявшаго количество лѣса, на которое имѣлъ право общинникъ, площадью, находившеюся подъ его постройками. Въ основаніи этого права, очевидно, лежалъ справедливый принципъ „каждому по его потребностямъ", характеризующій систему архаическаго коммунизма. Но на практикѣ и подъ вліяніемъ буржуазной цивилизаціи, проникшей и въ общинные порядки, этотъ принципъ выродился въ чудовищное злоупотребленіе: въ гористыхъ мѣстностяхъ восточной Франціи, гдѣ лѣса составляютъ такія важныя угодья въ хозяйствѣ общинъ *), капиталисты нарочно становились членами богатыхъ коммунъ, застраивали обширную площадь громадными, но никуда негодными сараями и такимъ образомъ получали львиную долю въ очень цѣнныхъ лѣсныхъ участкахъ.

Законъ 1883 г. отмѣнилъ это традиціонное право, на почвѣ котораго высшая справедливость превратилась въ возмутительную ложь, согласно поговоркѣ „summum jus summa injuria" и благодаря хищничеству буржуазіи. Но съ 1883 г. и по отмѣнѣ упомянутаго права, борьба внутри общинъ изъ-за пользованія лѣсомъ обострилась въ другой точкѣ и по вопросу, который не переставалъ обсуждаться между членами коммунъ съ самой великой революціи. Вопросъ этотъ ставится такъ: какимъ образомъ дѣлить лѣсъ между лицами, имѣющими право пользованія, — по „дымамъ" (собственно говоря, по „огнямъ", par feu) или по душамъ? Законъ 1883 г., комментируя и опредѣляя точнѣе законъ 1827 г., подтвердилъ старинный принципъ дѣлежа по дымамъ, но и здѣсь усложнившіяся условія жизни вызвали рядъ неудобствъ и вывернули, такъ сказать, на изнанку архаическую справедливость. Дѣйствительно, въ прежнее время, когда семьи были вообще многочисленны, и нѣсколько поколѣній садилось вокругъ семейнаго очага, дымъ или, если хотите, огонь — „нѣтъ дыма безъ огня" — выражалъ довольно опредѣленную хозяйственную

спеціальный терминъ *maronage*. Но *affouage* можно разсматривать и какъ родовой терминъ. См. Graffin, стр. 137—138.

*) Я обращаю вниманіе читателей на замѣчательное совпаденіе, въ особенности для этой части Франціи, карты лѣсовъ и карты общинной собственности: густота оттѣнковъ на той и на другой почти одинакова, и пропорція коммунальныхъ земель въ общей территоріи почти та же, что и пропорція лѣсовъ въ той же территоріи,—ясный признакъ того, что здѣсь коммуны владѣютъ главнымъ образомъ лѣсами. Ср. карту общинныхъ земель у Граффэна съ картой лѣсовъ въ земледѣльческомъ атласѣ: *Atlas de statistique agricole*; Парижъ, 1887, карта V.

единицу, которая имѣла большее значеніе, чѣмъ отдѣльный человѣкъ. Но теперь, когда распаденіе большихъ семейныхъ единицъ вызвало очень сильную разницу въ численности отдѣльныхъ семей и создало цѣлый классъ независимыхъ одиночекъ *), дѣлежъ коммунальнаго лѣса по дымамъ превратился въ вопіющую несправедливость, создавая привилегію для малочисленныхъ семей и одиночекъ. И надо видѣть, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ теперь многочисленныя и, по большей части, бѣдныя семьи, чтобы обойти законъ 1883 г. Дѣйствительно, этотъ законъ, примѣняясь къ современнымъ условіямъ, разсматриваетъ за дымъ, или отдѣльное хозяйство „всякое лицо, живущее своимъ хозяйствомъ или обладающее отдѣльнымъ помѣщеніемъ съ очагомъ (habitation à feu distincte), приготовляетъ-ли оно на немъ себѣ и своимъ пищу, или же, столуясь вмѣстѣ съ другими, обладаетъ отдѣльною собственностью, занимается отдѣльнымъ промысломъ и имѣетъ свои особые интересы". И вотъ взрослые дѣти въ большой семьѣ заключаютъ фиктивное условіе о наймѣ комнаты съ родителями и въ ихъ же домѣ, равно какъ объ арендѣ части отцовской собственности, и, продолжая жить вмѣстѣ съ родными, получаютъ тѣмъ не менѣе лишнюю долю въ общинномъ лѣсѣ. Но съ другой стороны, и зажиточная семья можетъ, несмотря на свою сравнительную малочисленность, взять верхъ надъ очень большой, но бѣдной семьей:

Богатая семья, состоящая изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ трое могутъ имѣть отдѣльные интересы и занимать каждый по комнатѣ съ особымъ очагомъ, получитъ три части, тогда какъ бѣдная семья изъ десяти человѣкъ, владѣющая лишь двумя-тремя комнатами, изъ которыхъ лишь въ одной есть очагъ, должна будетъ довольствоваться одною частью **).

Словомъ, масса несправедливостей обнаруживается въ самыхъ различныхъ направленіяхъ на почвѣ даннаго закона; и во французской деревнѣ происходитъ теперь сильное движеніе среди большинства въ пользу дѣлежа по душамъ, а не по дымамъ. Это движеніе можно отчасти сравнить съ движеніемъ въ русской деревнѣ въ пользу передѣла по живымъ душамъ въ противоположность ревизскимъ: и тамъ, и здѣсь чувствуется потребность сознательно исправить неудобства, выросшія изъ старыхъ, потерявшихъ свою прежнюю справедливость отношеній. Но самая живучесть этого движенія внутри общины показываетъ, что члены ея заняты

*) Съ 1856 по 1891 г. число такихъ «хозяйствъ» (ménages), состоящихъ изъ одного лица, увеличилось на 700,000, тогда какъ число хозяйствъ изъ четырехъ, пяти, шести и болѣе лицъ осталось безъ измѣненія, несмотря на приростъ населенія, семьи же изъ двухъ и трехъ лицъ возрасли въ числѣ. См. *Dénombrement de 1891*, стр. 106 введенія.

**) См. спецаільную монографію по вопросу о пользованіи общиннымъ лѣсомъ: Léon Germain, *Du mode de répartition de l'affouage communal*; Парижъ—Нанси, 1899, стр. 8—9.

стремленіемъ реформировать общинные порядки, но отнюдь не думаютъ разрушить самое основаніе общины. Какъ бы то ни было, общинная собственность пережила во Франціи цѣлый рядъ нападеній: захватъ земель феодалами и ихъ несправедливыя притязанія въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ; наплывъ агрономическихъ буржуазныхъ идей въ XVIII-мъ вѣкѣ *); законъ конвента отъ 10-го іюня 1793 г. относительно обязательнаго раздѣла коммунальныхъ земель между всѣми жителями, разъ треть послѣднихъ желаетъ этого **); законъ 20-го марта 1813 г., которымъ Наполеонъ конфисковалъ часть общинной собственности въ пользу истощенной войнами казны и подъ видомъ государственнаго займа; законъ 28-го іюля 1860 г., который обязывалъ общины такъ или иначе эксплуатировать невоздѣланныя земли; и т. д. И все же, несмотря на громадное расхищеніе коммунальной собственности, урѣзанной, искалѣченной, отнятой силою или хитростью, служившей предметомъ всевозможныхъ легальныхъ и нелегальныхъ экспериментовъ, все же ея площадь составляетъ и въ настоящее время, какъ мы видѣли, около одиннадцатой части территоріи и, по крайней мѣрѣ въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, не обнаруживаетъ замѣтнаго уменьшенія. Знаменательно, что обостроеніе соціальнаго вопроса начинаетъ вызывать критическое отношеніе къ доктринамъ исключительной полезности частной собственности на землю даже между буржуа, заставляя ихъ разсматривать проблему общиннаго владѣнія съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ это обыкновенно практикуется среди этихъ классовъ. Такъ Граффэнъ, по всѣмъ видимостямъ консервативный буржуа, произноситъ слѣдующія характерныя слова:

Для того, чтобы оцѣнить полезность коммунальныхъ земель, не слѣдуетъ становиться на узкую точку зрѣнія производства и стоимости. Должно также и даже по преимуществу разсматривать услуги, которыя эта собственность можетъ оказывать жителямъ, оказывать человѣку, для блага котораго все создано на землѣ. «Земледѣліе для земледѣлія»—вотъ формула, которую мы отнюдь не допускаемъ. Мы предпочитаемъ припомнить текстъ Св. писанія: terram dedit filiis hominum (и далъ землю сынамъ человѣческимъ). По волѣ Божіей земля создана для человѣка ***).

Такимъ образомъ мы чуть-чуть не подошли къ столь популярной еще мѣстами въ восточной Европѣ формулѣ „земля мірская да Божья!“ Я не могу при этомъ удержаться, чтобы не

*) См. любопытныя жалобы на «лѣность» крестьянъ-общинниковъ со стороны собственниковъ Берри, которыхъ возмущали въ особенности ихъ «претензіи извлекать выгоду изъ ассоціаціи» въ Paul Lafargue, *La propriété, origine et évolution*: Парижъ, 1895, стр. 385.

**) О гибельномъ вліяніи этого раздѣла на послѣдующую судьбу большинства крестьянъ, см. H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. La revolution. I*; Парижъ, 1896, 18-е изд. стр. 365—368 и III, 1896, 13-е изд., стр. 476 и прим. 1.

***) Graffin, l. c., стр. 198—199.

привести одного очень типичнаго факта, который показываетъ, что въ этомъ отношеніи и самъ французскій мужикъ, несмотря на общее развитіе индивидуализма въ его средѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ напоминаетъ далекаго восточнаго собрата. Дѣйствіе происходитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ плодородномъ департаментѣ Сарты, въ трехъ-четырехъ часахъ желѣзной дороги отъ Парижа, въ странѣ, гдѣ безчисленныя шпалеры деревьевъ, служащихъ границами фермъ, придаютъ пейзажу обманчивый видъ обширнаго лѣса, — такъ распространена здѣсь мелкая частная собственность, — и гдѣ коммунальныя земли не составляютъ и 1% всей территоріи. И что же? Вотъ свидѣтелемъ какихъ событій былъ здѣсь нѣкто Ардуэнъ-Дюмазэ, авторъ живыхъ, хоть и нѣсколько поверхностныхъ „Экскурсій по Франціи". Нашъ путешественникъ вздумалъ проѣхаться по долинѣ Вегры, одного изъ притоковъ Луары; но, приближаясь къ деревнѣ Тенніе, получаетъ совѣтъ отъ мѣстнаго жителя лучше и не подходить близко къ живописнымъ берегамъ рѣчки. Заинтригованный туристъ спрашиваетъ причину такого совѣта и получаетъ въ отвѣтъ, что обитатели Тенніе могутъ принять его за землемѣра изъ Парижа и до смерти забросать каменьями: чуть не сорокъ лѣтъ (начиная съ 1858 г.) они сопротивляются приговору суда, воспрещающему имъ пасти скотъ на тучныхъ лугахъ частныхъ собственниковъ, и нѣсколько разъ уже принимали въ колья и вилы какъ самихъ хозяевъ, такъ и властей, пытавшихся положить конецъ этому самовольному общинному пользованію. И курьезнѣе-то всего то обстоятельство, что жители Тенніе не имѣютъ никакихъ письменныхъ доказательствъ на право этого пользованія, но ссылаются лишь на стародавность такихъ порядковъ. Авторъ, дѣйствительно, встрѣчаетъ во всей деревнѣ подозрительные взгляды, шушуканье вокругъ и нѣмое молчаніе въ отвѣтъ на свои вопросы. Наконецъ, прогуливаясь по полямъ, онъ сталкивается съ гурьбой мальчишекъ, которые съ воодушевленіемъ распѣваютъ на голосъ марсельезы пѣсню о своихъ общинныхъ правахъ. И эту-то коммунальную марсельезу туристъ сообщаетъ читателямъ, замѣчая, что вопросъ о правѣ пасти скотъ на земляхъ собственниковъ волнуетъ здѣсь цѣлый районъ и уже стоилъ жизни нѣсколькимъ человѣкамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Я приведу лишь самыя типичныя мѣста этого оригинальнаго протеста, распѣваемаго мужиками прямо въ лицо владѣльцамъ луговъ:

Толпой, жители Тенніе, возстанемъ въ ярости! Пойдемъ, пойдемъ впередъ, сдвинемъ наши ряды, чтобы изгнать этихъ негодяевъ!.. Какъ! они хотятъ окружить изгородями наши луга, чтобы обогащаться на нашъ счетъ?.. Мы не потерпимъ ихъ оскорбленій и грабительскихъ дѣйствій, ибо мы владѣльцы и настоящіе хозяева пастбищъ... Издавна это наслѣдіе сохранялось нашими предками; и какъ у нихъ, у насъ хватитъ мужества дать отпоръ хищникамъ. Нашъ интересъ говоритъ объ этомъ; и наши внуки будутъ довольны своей

судьбой, что имъ оставлены въ удѣлъ права... Когда придутъ враги, то пусть они знаютъ, что мы смоемъ съ нихъ позоръ ихъ поведенія водой: они очень легко могутъ найти могилу въ глубокихъ волнахъ Вегры *).

Не правда-ли, мы наталкиваемся здѣсь на знакомое зрѣлище аграрнаго „недоразумѣнія"? И сопротивленіе народнаго сознанія узкой юридической формулѣ; и вѣра въ свои права, основанная на давности пользованія, которое стоитъ въ глазахъ мужика всякихъ письменныхъ документовъ; и массовое недовѣріе къ пришельцу—„землемѣру"—все находится въ данномъ случаѣ на лицо, какъ и на далекомъ востокѣ Европы...

Указавъ на сохранившіяся старыя формы общаго труда и общинной собственности, я хочу заключить эту статью нѣсколькими словами о новыхъ формахъ кооперативнаго начала, которыя возникаютъ теперь во французской деревнѣ: я говорю о синдикальномъ движеніи среди земледѣльческихъ классовъ. Но для надлежащаго понятія о характерѣ этого движенія, надо не ограничиваться его теперешними чертами, а заглянуть въ будущее, мысленно продолживъ линіи его современныхъ контуровъ. Ибо въ настоящее время, какъ мы это скоро увидимъ, упомянутое движеніе носитъ реакціонный отпечатокъ, и реакціонный не только въ соціальномъ смыслѣ, но и въ политическомъ; тогда какъ въ будущемъ оно можетъ вырости—и, вѣроятно, скоро выростетъ,—въ здоровый элементъ экономическаго преобразованія страны. Дѣйствительно, до сихъ поръ прогрессивныя стремленія отчетливо обрисовываются въ деревнѣ лишь внутри синдикатовъ, принадлежащихъ къ типу „исключительно рабочихъ" (exclusivement ouvriers); но такихъ союзовъ къ 31-му декабря 1897 г. насчитывалось всего 69, и общее число ихъ членовъ не превышало 8002, обнаруживая даже уменьшеніе съ 1884 г., когда оно достигало 9604 человѣкъ, распредѣленныхъ между 91 синдикатомъ **). Съ другой стороны, собственно такъ называемые „земледѣльческіе синдикаты" (syndicats agricoles), несмотря на свой смѣшанный характеръ на бумагѣ, въ дѣйствительности состоятъ почти исключительно изъ собственниковъ и фермеровъ, находящихся подъ опекою и руководствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, по большей части заядлыхъ реакціонеровъ; сельскіе же рабочіе въ такихъ

---

*) Ardouin-Dumazet, *Voyage en France*, II-e série; Парижъ, 1894, стр. 36—42 *passim*.—Демолэнъ (стр. 237—241) приводитъ тоже выдержку изъ разсказа туриста, но, въ качествѣ человѣка, любящаго порядокъ, опускаетъ мужицкую марсельезу.

**) См. оффиціальный документъ департамента («бюро») труда при Министерствѣ торговли и промышленности: *Les associations professionnelles ouvrières*. I; Парижъ, 1899, стр. 284—285.

синдикатахъ почти не встрѣчаются. И, однако, число этихъ проникнутыхъ консервативными стремленіями союзовъ доходило 31-го декабря 1897 г. до 1,499, а общее число членовъ ихъ до 448,395 *).

Между чисто рабочими сельскими синдикатами наиболѣе сильные образованы дровосѣками. Одно время это синдикальное движеніе распространилось на 12 департаментовъ центра (и отчасти востока) и насчитывало въ 1894 г. 66 союзовъ съ 7,055 членами; но съ тѣхъ поръ пошло на убыль, и по послѣднимъ даннымъ (отъ 1-го января 1898 г.) обнаруживается лишь въ 8 департаментахъ,—особенно же въ Шерѣ, Луарэ и Ньеврѣ,—причемъ число синдикатовъ не превышаетъ 33, а число членовъ 3,871. Ослабленіе синдикальнаго теченія между дровосѣками объясняетъ и приведенную выше статистику паденія общаго числа сельскихъ рабочихъ синдикатовъ, хотя въ другихъ отрасляхъ сельскаго труда, напр., въ чисто-земледѣльческихъ синдикатахъ, обнаруживается прогрессъ. Дѣло въ томъ, что, какъ читатель уже могъ видѣть изъ приведенныхъ цифръ, дровосѣки составляютъ самый значительный элементъ рабочихъ синдикатовъ деревни. Въ частности же особенно пострадала федерація дровосѣковъ Шерскаго департамента, федерація, которая выросла изъ знаменитой стачки 1891—1892 г., вызвала сочувствіе даже между буржуазными членами парламента, успѣла временно поднять чрезмѣрно низкую заработную плату дровосѣковъ (съ 75 сантимовъ въ день до 90 и порою до 1 фр. 50 сантимовъ) и сошла, если не юридически, то фактически со сцены, подъ вліяніемъ сельскаго кризиса и конкурренціи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

Но перейдемъ къ земледѣльческимъ синдикатамъ „смѣшаннаго“ типа. Сами вожаки этой организаціи принуждены сознаться, что многіе изъ нихъ, несмотря на такое названіе, не заключаютъ въ себѣ ни одного рабочаго, нѣкоторые очень незначительное число, а всѣ вообще „не даютъ никакихъ выгодъ, которыя ищетъ въ нихъ рабочій“ **). И до сихъ поръ лирическій восторгъ пѣвцовъ смѣшанныхъ синдикатовъ упражняется надъ исключительнымъ примѣромъ синдиката въ Кастельнодари (Одскаго департамента), который на 1,000 членовъ заключаетъ 600 рабочихъ. И это само собою понятно: эти синдикаты представляютъ собою кооперативныя общества для покупки и распредѣленія между членами удобреній, сѣмянъ, земледѣльческихъ машинъ, виноград-

*) Ibid., стр. 284.—Графъ де-Рокиньи, одинъ изъ вожаковъ этого движенія, насчитывалъ въ маѣ 1897 г. 1700 синдикатовъ съ 600,000 членовъ (см. брошюру de Rocquigny, *Le mouvement syndical dans l'agriculture*; Парижъ, 1897, стр. 5).

**) См. слова Лопиталя у Рокиньи, стр. 11.

ныхъ лозъ и т., для продажи земледѣльческихъ продуктовъ (вина, свеклы и т. д.), для изготовленія и продажи сыровъ, оливковаго масла и т. п., для устроенія питомниковъ, усовершенствованныхъ фермъ и другихъ предпріятій этого рода. Но что будетъ дѣлать со всѣми этими прекрасными вещами не только рабочій, у котораго нѣтъ другой собственности, кромѣ рукъ, но и мелкій крестьянинъ-собственникъ, вертящійся со своей семьей на какомъ-нибудь гектарѣ—двухъ земли и не могущій, среди заботъ и мученій свирѣпаго и неблагодарнаго труда, думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ своей межи и сегодняшнаго дня?

До сихъ поръ, земледѣльческіе синдикаты сослужили службу лишь болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ „крестьянской собственности", какъ ее опредѣляетъ знакомый намъ Сушонъ, а, главное-то, привилегированному меньшинству, состоящему изъ реакціонной знати и консервативной буржуазіи деревни. Выбитые изъ прежнихъ позицій высокаго общественнаго положенія общимъ развитіемъ демократическаго духа, эти столпы реакціи набираютъ теперь себѣ кліентовъ среди крестьянъ и стараются опираться на синдикаты въ своей политической дѣятельности, не забывая, конечно, прежде всего матеріальныхъ интересовъ. Изъ этой категоріи набираются главнымъ образомъ друзья Мелина, „присоединившіеся" къ республикѣ крупные собственники, которые успѣли, опираясь на одураченныхъ крестьянъ, не только распространить въ странѣ вѣянія пресловутаго „новаго духа", духа реакціи и клерикализма, но и провести въ парламентѣ высокія ввозныя пошлины на хлѣбъ. Вѣдь извѣстно, что этой манной, падающей не съ неба, а изъ кармана потребителей, этой манной питаются исключительно крупные землевладѣльцы, производящіе хлѣбъ на продажу, а не рядовой мужикъ, которому зачастую и въ концѣ концовъ приходится подкупать хлѣба.

Достаточно цитировать имена главныхъ руководителей земледѣльческихъ синдикатовъ, а особенно ихъ крупныхъ союзовъ (unions régionales). Въ самомъ главномъ изъ этихъ союзовъ, Юго-восточномъ, президентомъ крупнѣйшій собственникъ Эмиль Дюпортъ, а вице-президентами три другихъ крупныхъ владѣльца, изъ нихъ одинъ „знатный", А. де-Фонгалланъ. Въ Альпійско-Провансальскомъ союзѣ предсѣдательствуетъ маркизъ де-Вилльнёвъ-Траксъ; въ союзѣ Бургундіи и Франшъ-Контэ графъ Лежеасъ (а въ мѣстномъ синдикатѣ Полиньи, маркизъ де-Фруассаръ). Въ Центральномъ союзѣ, послѣ смерти богатѣйшаго агронома Дези, главную роль играетъ баронъ-де-Ларнажъ, а въ мѣстномъ синдикатѣ департамента Луарэ „знатный" господинъ Е. де-Лаажъ-де-Ме. Въ Бретонскомъ союзѣ президентомъ виконтъ де-Лоржериль, а въ частныхъ синдикатахъ орудуютъ де-Жаръ-де-Керанруэ (въ Морлэ) и графъ-де-Лобье (секретарь синдиката въ департаментѣ Илль-и-Вилэнъ). Анжуйскій союзъ функціонируетъ

[illegible] графа де-ла-Буйлери. Въ совѣтѣ „Цен-
[illegible] синдикатовъ Франціи“ засѣ-
[illegible] читателямъ графъ де-Рокиньи и т. д. Сло-
[illegible] императоровъ шествуетъ, словно мужиц-
[illegible] королей, подъ предводительствомъ марки-
[illegible] и баронов, рядомъ съ которыми вы-
[illegible] ные ихъ крупные сельскіе капиталисты.
[illegible] можетъ вывести заключеніе [illegible] современномъ
[illegible] движенія въ деревнѣ.
[illegible] слѣдующаго: въ самомъ [illegible] ко-
[illegible] коллективнаго труда [illegible] для [illegible], за-
[illegible] силы развитія, [illegible] или поздно
[illegible] въ какі[illegible] [illegible] со-
[illegible] силы разви[illegible] [illegible] безна-
[illegible] [illegible] [illegible] об-
[illegible] [illegible] [illegible] показаться
[illegible] [illegible] [illegible] коллек-
[illegible] [illegible] [illegible] практически
[illegible] [illegible] [illegible] лишь исто-
[illegible] [illegible] [illegible] группируетъ
[illegible] [illegible] [illegible] щихъ задачъ.
[illegible] [illegible] [illegible] стремленіямъ
[illegible] [illegible] [illegible] которые подъ
[illegible] [illegible] [illegible] присвоеніемъ
[illegible] [illegible] [illegible] своихъ наиболѣе
[illegible] [illegible] [illegible] партіи, Вандер-
[illegible] [illegible] [illegible] организованное
[illegible] [illegible] [illegible] начинаетъ те-
[illegible] [illegible] [illegible] торовъ и подго-
[illegible] [illegible] [illegible] ей народа. Можно
[illegible] [illegible] [illegible] французской деревни,
[illegible] [illegible] [illegible] ности и буржуазіи,
[illegible] [illegible] [illegible] ели здѣшняго кре-
[illegible] [illegible] [illegible] ственнаго прогресса,
[illegible] [illegible] [illegible] графовъ и крупныхъ

[illegible] [illegible] [illegible] жать на основаніи
[illegible] [illegible] [illegible] ніе французскаго
[illegible] [illegible] [illegible] задачи для здѣш-
[illegible] [illegible] [illegible] не преувеличивая
[illegible] [illegible] [illegible] ственности среди
[illegible] [illegible] [illegible] тарался къ тради-
[illegible] [illegible] [illegible] индивидуалиста прива-
[illegible] [illegible] [illegible] его общественности
[illegible] [illegible] [illegible] мы можемъ
[illegible] [illegible] [illegible] крестьянствѣ. Мы

видѣли, что люди, которые въ своихъ программахъ опирались до сихъ поръ только на городской классъ и смотрѣли на мужика, лишь какъ на будущаго пролетарія. принуждены были ввести въ свои планы дѣятельности и современнаго мужика, какъ онъ есть, и притомъ не только мужика собственника, но и мужика члена общины, пользующагося коммунальной собственностью. Это показываетъ, что въ Западной Европѣ прогрессивная мысль пришла къ заключенію, что соціальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ только въ городскихъ центрахъ. Жизнь и интересы деревни должны входить существеннымъ элементомъ при рѣшеніи такой задачи. Ибо только совмѣстное изученіе города и деревни, только одинаковое введеніе этихъ обѣихъ сторонъ современной цивилизаціи въ программу общественнаго преобразованія позволитъ сторонникамъ прогресса рѣшить соціальный вопросъ...

Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки.

(*Письмо седьмое*).

Большинство парижскихъ газетъ, вышедшихъ на первый день нынѣшняго Рождества (писано въ январѣ 1896 г.), было необычно серьезно. Особенно бульварная пресса, всѣ эти „Фигаро", „Журналы", и пр. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто обыкновенныхъ святочныхъ темъ,—гривуазныхъ разсказовъ, восторженныхъ рекламъ знаменитыхъ кондитеровъ въ родѣ Пигана (Pihan), описаній обѣдовъ и вечеровъ у подлинныхъ и фальшивыхъ маркизъ,—первая, а то и вторая страницы были заполнены подробностями смерти и біографіей Макса Лебоди, имя котораго, конечно, гораздо болѣе извѣстно среднему парижанину, чѣмъ имена Тэна, Ренана, Масперо, и даже многихъ популярныхъ романистовъ... „Максъ Лебоди... Максъ Лебоди", скажетъ читатель, живущій вдали отъ парижской сутолоки, и остановится въ нѣкоторомъ недоумѣніи надъ этимъ словомъ: „кто такое Максъ Лебоди? что-то не помню". И это недоумѣніе вполнѣ понятно. Умершій не сдѣлалъ никакого научнаго открытія, не далъ ни одного литературнаго произведенія, не написалъ ни одной картины. Но тѣмъ не менѣе его имя гремѣло въ томъ муравейникѣ, который гордо называетъ себя „всѣмъ Парижемъ" (Tout-Paris) и состоитъ,—если выключить десятка два ученыхъ и литературныхъ знаменитостей, любящихъ вращаться въ свѣтѣ,—изъ нѣсколькихъ тысячъ праздныхъ и болѣе или менѣе денежныхъ людей и изъ цѣлыхъ тучъ паразитовъ, ютящихся вокругъ нихъ и живущихъ ихъ глупостью или тщеславіемъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ біографія этой своеобразной, только

что скончавшейся знаменитости. Онъ одинъ изъ четырехъ дѣтей крупнѣйшаго сахаровара Лебоди, который былъ самымъ заурядным депутатомъ (отъ департамента Сены-и-Уазы), но по части пріумноженія капиталовъ обнаружилъ необыкновенныя способности. Энергичный, безцеремонный въ средствахъ наживы, умѣвшій выжимать изъ своихъ работниковъ и работницъ возможно большую сумму труда за самую нищенскую плату, отецъ Лебоди представлялъ собою типъ спекулятора, не смущавшагося никакими посторонними, т. е. гуманными соображеніями при достиженіи своей цѣли. Какъ знаменитый бальзаковскій отецъ Грандэ, онъ и въ семью свою перенесъ безжалостные пріемы эксплуатаціи людей, пользованія живыми существами на манеръ бездушныхъ инструментовъ. Все должно было преклоняться передъ его единоличнымъ произволомъ; весь строй семьи укладывался въ рамки, поставленныя владыкой. Единственное отличіе отца Лебоди отъ отца Грандэ заключалось въ одномъ: безсмертный типъ Бальзака былъ безпримѣснымъ олицетвореніемъ капиталиста-спекулятора, жившаго лишь ради денегъ, дрожавшаго надъ каждымъ свѣчнымъ огаркомъ, надъ лишнимъ съѣденнымъ яйцомъ; нашъ же сахарный заводчикъ любилъ пожить въ свое удовольствіе и отчислялъ крупные куши изъ своихъ громадныхъ доходовъ на различныя болѣе или менѣе шумныя формы отдохновенія отъ своей „трудовой“ жизни. Еще въ 1877 г. шуринъ старика Лебоди вынужденъ былъ дать передъ судомъ письменныя доказательства той жизни, полной оскорбленій, униженія и вѣчныхъ страданій, какая выпала на долю его сестры. Немудрено, что г-жа Лебоди стала искать хоть какого-нибудь просвѣта въ своемъ печальномъ существованіи и, по условіямъ своего воспитанія, нашла его въ католицизмѣ, впавъ въ самую рѣзкую мистику и окруживъ себя патерами, монахинями, такими же, какъ сама она, экзальтированными вѣрующими или же хитрыми ханжами. Вотъ отъ этихъ-то двухъ столь чуждыхъ другъ другу людей и родился въ 1873 г. Максъ Лебоди, жалкій тщедушный ребенокъ, которому суждено было пріобрѣсти и своею жизнью, и обстоятельствами своей смерти такую извѣстность.

Какъ воспитывался первое время Максъ вмѣстѣ съ двумя старшими братьями и одной старшей же сестрой, объ этомъ мало извѣстно. Но возстановить картину этого воспитанія, психологію этого ребенка не хитро: деспотъ-отецъ, налетавшій тучею на семью въ промежутки между грандіозными спекуляціями и безпутными похожденіями; мученица-мать, которая искала забвенія отъ реальныхъ горестей въ жаркихъ порывахъ къ заоблачному счастью; и цѣлыя толпы прихлебателей, льстецовъ и мнимыхъ друзей, которые, что называется, съ колыбели взяли подъ свою опеку бѣднаго отпрыска милліонеровъ и старались внушать ему, этому физическому и нравственному недоноску, что умнѣе, лучше, замѣчательнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ. Совершенно естественно

онъ долженъ былъ придти къ тому заключенію, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ—Архимедъ; милліоны его—рычагъ, которымъ онъ можетъ повертывать весь міръ Божій по произволу; а точки опоры—тѣ самые прихлебатели, льстецы и мнимые друзья, которые ловятъ его улыбку, когда онъ молчитъ, и восторженно смотрятъ ему въ ротъ, когда онъ говоритъ. Вотъ онъ и сталъ „ворочать", какъ только обстоятельства позволили.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Максу еще не исполнилось совершеннолѣтія, старый Лебоди умеръ и оставилъ своей женѣ и четыремъ дѣтямъ 220 милліоновъ франковъ. Половина пошла вдовѣ; половина была раздѣлена между дѣтьми, каждому изъ которыхъ досталось такимъ образомъ отъ 27 до 28 милліоновъ франковъ. И вотъ нашъ Максъ проснулся въ одно прекрасное утро съ доходомъ, на который могла бы жить тысяча среднихъ рабочихъ семей въ Парижѣ, около четырехъ тысячъ живыхъ существъ. У бѣднаго недоростка закружилась голова отъ возможности сейчасъ же выдѣлить себя, при помощи милліоновъ, изъ сѣрой массы обыкновенныхъ людей. Но планы, пріемы этого выдѣленія были столь же первобытны и дѣтски-наивны, какъ и тѣ операціи, какія продѣлываетъ надъ собою дикарь для того, чтобы отличиться отъ соплеменниковъ: необыкновенный штрихъ необычной краской на лицѣ; обиліе татуировки; лишняя деревяшка въ ухѣ или лишнее перо въ носу. И,—для еще большаго сходства съ дикаремъ,—надо добавить, что какъ съ нашимъ первобытнымъ героемъ конкуррируетъ по части деревянныхъ и пернатыхъ отличій цѣлая масса соплеменниковъ, такъ и у современнаго расточителя изъ милліонеровъ найдется громадная толпа соперниковъ изъ той же категоріи саврасовъ безъ узды...

Итакъ, юный Максъ горѣлъ желаніемъ заставить о себѣ говорить „весь Парижъ". А для этого, конечно, надо было бросать деньги за окно. И чѣмъ нелѣпѣе, неожиданнѣе была перспектива, которая развертывалась изъ этого окна, тѣмъ сильнѣе билось сердце отъ восторга у начинавшаго, дѣйствительно, „выдѣляться" милліонера. Но, не забудьте, дѣло происходило до его совершеннолѣтія, и надъ поступками Макса, а особенно надъ распоряженіемъ его деньгами тяготѣла опека. И вотъ скоро этотъ бѣдный маленькій человѣчекъ былъ окруженъ цѣлыми толпами ростовщиковъ, и парижскихъ и провинціальныхъ, которые за невозможные проценты ссужали ему деньги до совершеннолѣтія. Повсюду стали ходить и скупаться въ чаяніи будущихъ благъ векселя Макса Лебоди. Но что ему было за дѣло до этихъ жалкихъ бумаженокъ, на которыхъ онъ подмахивалъ свое имя? Цѣль, поставленная имъ, уже отчасти достигалась. Объ немъ уже начинали говорить среди золотой молодежи и въ кругу хроникеровъ бульварныхъ газетъ, этихъ исторіографовъ современнаго шалопайства. Его имя стало все чаще и чаще повторяться всевозможными аферистами и не-

чистоплотными дѣльцами, которые безжалостно эксплуатировали самолюбіе молодого человѣка, увѣряя его, что онъ великъ не только по части безпутства, но и по части коммерческихъ комбинацій. И скоро вульгарный подростокъ сталъ героемъ дня и получилъ въ нѣкоторомъ родѣ историческія клички „Максиньки" (petit Max), и „маленькаго сахаровара" (petit sucrier), подъ которыми онъ гордо пробѣгалъ свой путь въ мірѣ кокотокъ, актрисъ, магазинщиковъ, рестораторовъ, жокеевъ, ростовщиковъ, нотаріусовъ, лошадниковъ, маклеровъ, газетчиковъ и всякаго рода лизоблюдовъ обоего пола.

Сегодня онъ выражалъ свои симпатіи къ знаменитой m-lle Діанѣ-де-Пужи, вручая ей связку въ пятьдесятъ тысячефранковыхъ билетовъ и на такую-же сумму вексель съ проставленнымъ впередъ числомъ. Завтра онъ покупалъ существовавшій лишь на бумагѣ крупный участокъ дѣвственныхъ лѣсовъ въ Бразиліи, съ цѣлью эксплуатаціи гуттаперчи. Послѣзавтра онъ участвовалъ большимъ взносомъ въ образованіи компаніи на акціяхъ, которая желала извлекать золото изъ парижскаго булыжника (не смѣйтесь, читатель, и вспомните надѣлавшую въ свою время много шуму исторію инженера Поппа!). На другой день послѣ такого знаменитаго коммерческаго предпріятія онъ отдыхалъ въ обществѣ наѣздниковъ и барышниковъ и приказывалъ поить въ ресторанѣ шампанскимъ всѣхъ присутствовавшихъ и даже проходившихъ по улицѣ, а отказывавшихся отъ „чести пить за здоровье Максиньки" обливать Редереромъ, Муммомъ или Поммери, тутъже платя за оскорбленіе. Въ иное время онъ являлся снова покровителемъ искусствъ; и знаменитый каррикатуристъ Форэнъ (Forain), не успѣвшій еще въ то время свихнуться на путь антидемократической реакціи, представлялъ на рисункѣ мать молоденькой актрисы, докладывавшую со слезами умиленія парикмахеру своей дочери: „вы—нашъ истинный другъ, и потому скажу вамъ по секрету: сегодня ночью маленькій сахароваръ сдѣлалъ намъ визитъ.. Ахъ, какое счастье! И за что это только мы такъ взысканы небомъ!..."

Максъ утопалъ въ блаженствѣ. Дня не проходило, чтобы бульварная пресса не разсказывала съ паѳосомъ о новой затѣѣ „Максиньки" съ такими подробностями, которыя ясно свидѣтельствовали, что свѣтскій хроникеръ былъ въ числѣ не только зрителей, но и актеровъ празднества. Такъ называемыя „театральныя обозрѣнія" (revues des théâtres), или пьесы, въ которыхъ подводятся комическіе итоги истекающаго года, сплошь и рядомъ выводили на сцену опять все его же, несравненнаго Максиньку. Наконецъ, безчисленное множество шансонетокъ, распѣваемыхъ въ кафе, разносило по міру славу о дѣяніяхъ „маленькаго сахаровара", нѣжно величая его „очень потѣшнымъ, страсть какимъ

потѣшнымъ малымъ" (si rigolo!), какъ говорилось въ одномъ глупѣйшемъ припѣвѣ.

Приближалось совершеннолѣтіе, и мать Макса рѣшила во что бы то ни стало воспрепятствовать дальнѣйшему прожиганію жизни и милліоновъ своимъ сыномъ. Она уговорила его предпринять путешествіе вокругъ свѣта и съ этой цѣлью купила за 600,000 фр. яхту „Семирамида" и нашла спутника въ лицѣ одного молодого кандидата естественныхъ наукъ, который долженъ былъ, если не увлечь Макса на путь научныхъ изысканій, то во всякомъ случаѣ описать результаты этого путешествія. Но тутъ кокотки, ростовщики, газетчики и прочіе прихлебатели, испуганные перспективой продолжительнаго отсутствія Макса, уговорили его скрыться. Г-жа Лебоди принуждена была продать „Семирамиду" за безцѣнокъ, вознаградить молодого кандидата за убытки, причиненные ему сборами, и пр., а на сына подать жалобу въ судъ, прося продолжить зависимость сына отъ опекунскаго совѣта (conseil judiciaire) въ виду его чисто болѣзненнаго мотовства.

Защитникомъ угнетенной въ лицѣ Макса невинности выступилъ знаменитый Вальдэкъ Руссо, ученикъ Гамбетты, адъютантъ Жюля Ферри, еще не такъ давно видный оппортунистскій депутатъ, а нынѣ сенаторъ и одинъ изъ первыхъ гражданскихъ адвокатовъ Франціи. Ловкій ходатай доказалъ, что дѣйствительные долги Макса не превышали и милліона франковъ, значитъ, далеко не достигали его ежегоднаго дохода, а на суммы, подписанныя на ростовщическихъ векселяхъ, нечего, молъ, обращать вниманіе: это—противозаконныя уловки заимодавцевъ, которые не только не получатъ того, что требуютъ, но и будутъ преслѣдоваться по суду. Наконецъ, Вальдэкъ-Руссо рѣшительно повернулъ судей въ пользу своего кліента, распространившись о столь любезной буржуазному сердцу пользѣ роскоши. „Молодость и страсти, сказалъ онъ, имѣютъ свою общественную роль, свою соціальную функцію. Подписывая тѣмъ, кто обязалъ его, векселя съ уплатой по достиженіи совершеннолѣтія, молодой расточитель въ сущности лишь пускаетъ въ обращеніе милліоны, которые скопилъ его отецъ"... Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, Максъ Лебоди былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признанъ полноправнымъ хозяиномъ своего имущества.

Мы знали до сихъ поръ молодого сахаровара, какъ „полезнаго мота". Теперь намъ придется познакомиться съ новымъ воплощеніемъ его: Максомъ — филантропомъ. Первый „аватаръ" этого двадцатилѣтняго Вишну уже возбуждалъ въ буржуазной прессѣ одобрительное похлопываніе по плечу и снисходительныя улыбки; второй аватаръ исторгъ рѣки слезныя изъ очей умиленныхъ газетчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій же день суда, г. Гастонъ Кальметтъ, завѣдующій иностраннымъ отдѣломъ въ „Фигаро" и „даже удостоившійся" разговаривать съ вѣнценосца-

ми, напримѣръ съ итальянскимъ королемъ, объявилъ Парижу и всему міру—urbi et orbi—о томъ, что онъ получилъ отъ Макса Лебоди замѣчательно-благородное письмо. Въ письмѣ этомъ юноша-филантропъ давалъ торжественное обѣщаніе, что отнынѣ онъ будетъ издерживать „лишь свои доходы, но отнюдь не болѣе“: такъ какъ заводъ продолжалъ идти хорошо, то молодой аскетъ безповоротно рѣшалъ пользоваться благами міра сего „лишь“ въ размѣрѣ 2.800,000 фр. въ годъ! Что касается до капитала, то онъ обѣщалъ не только не размотать, но и пріумножить его. Наконецъ, торжественно объявлялъ, что отнынѣ „удовольствія не будутъ преобладающими актами его жизни“, и въ знакъ своего сближенія съ міромъ труда посылалъ рабочимъ и мелкимъ служащимъ на своемъ заводѣ подарокъ въ 60000 франковъ. Сверхъ того, 10000 франковъ назначалъ филантропическому обществу, 25000 франковъ въ кассу пособій военнымъ и пр., всего на сумму около 150000 франковъ, т. е. немногимъ болѣе 5% своего чистаго годового дохода. Иначе говоря, если взять такую рабочую семью въ Парижѣ, которая при нормальныхъ условіяхъ зарабатываетъ 3000 фр., и чистый доходъ которой не достигаетъ и 50 франковъ въ годъ, то два съ половиною франка, истраченные ею въ теченіе года на милостыню и прочія филантропическія вещи, представятъ приблизительно размѣръ великой жертвы, принесенной Максомъ.

Этой жертвой, прославленной большинствомъ прессы, самоотверженные порывы у нашего героя кончились, и началось послѣдовательное проведеніе программы „полезной роскоши“, начертанной Вальдэкомъ-Руссо. Въ теченіе года Максъ издержалъ не только всѣ свои доходы, но тронулъ цѣлую треть своего капитала, скажемъ, около 10 милліоновъ. Двухъ-трехъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы читатель понялъ „соціальную функцію“, „общественную роль“ этого мотовства. Онъ купилъ великолѣпное помѣстье подъ Парижемъ, въ Мэзонъ-Лафиттъ; завелъ 80 одномастныхъ пони, платя за нихъ сумасшедшія деньги; пріобрѣлъ цѣлый заводъ дорогихъ скаковыхъ лошадей. Наконецъ, въ одно прекрасное іюльское утро шалопайствующій Парижъ былъ поставленъ въ извѣстность прессой и особыми пригласительными билетами о томъ, что великій Максъ даетъ всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ зрѣлище настоящаго боя быковъ, каковые были выписаны изъ Испаніи вмѣстѣ съ торреадорами, пикадорами и матадорами. И потянулись длинныя вереницы блестящихъ экипажей, нагруженныхъ кокотками и репортерами, прогорѣвшими графами и нажившимися банкометами, — потянулись по направленію къ Мэзонъ-Лафитту, гдѣ радушный хозяинъ угостилъ всѣхъ приглашенныхъ завтракомъ, обѣдомъ, музыкой, а главное, сильными ощущеніями: не одна бѣдная лошадь была стащена послѣ бѣга на живодерню, и цѣлыхъ шесть быковъ были распластаны

въ крови на аренѣ подъ громъ рукоплесканій и гулъ восторженныхъ похвалъ. А онъ, виновникъ всего торжества, „скромный и великодушный Максъ“, какъ выразился одинъ газетчикъ, сіялъ альтруистическимъ восторгомъ, видя удовольствіе публики, и, чуть не краснѣя, принималъ комплименты отъ друзей и знакомыхъ. Прогрессъ въ сравненіи съ прежнимъ Максомъ былъ несомнѣнный: изъ неуклюжей личинки вылупилась граціозная бабочка и начала порхать на радость „всего Парижа“, уже не смущаясь перспективой опекунскаго совѣта....

Но недолго шла эта веселая и привольная жизнь: въ 1894 г. Максъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность, которая продолжается во Франціи три года въ дѣйствующей арміи и въ принципѣ не терпитъ никакихъ исключеній. На „маленькаго сахаровара“ сбыло обращено столько глазъ, что ему не удалось выхлопотать себѣ льготу по болѣзни и т. п. Помимо шантажистовъ, которые видѣли въ солдатѣ-милліонерѣ дойную корову *), за него взялась независимая пресса и во имя равенства всѣхъ передъ закономъ зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы Максу не давалось никакихъ особыхъ преимуществъ. Пришлось служить, болѣе или менѣе какъ и всѣ,—предполагая, конечно, что съ Максомъ Лебоди ближайшее начальство обращалось такъ же, какъ съ первымъ встрѣчнымъ солдатомъ изъ Оверни или Бретани. Теперь пока трудно разобраться въ томъ, насколько Максъ на самомъ дѣлѣ не годился для военной службы, какъ увѣряютъ его друзья. Во всякомъ случаѣ, уже съ ноября 1894 г. онъ сталъ жаловаться на трудность кавалерійской службы (онъ былъ посланъ кавалеристомъ въ Фонтенебло). Но лишь только ему удавалось получить отпускъ по болѣзни, онъ какъ разъ бѣжалъ въ свою громадную конюшню и все время отпуска проводилъ въ томъ, что наѣзжалъ своихъ скакуновъ. Никто изъ слѣдившихъ за эпопеей Макса не забылъ еще, что именно въ одинъ изъ такихъ отпусковъ, лѣтомъ 1895 г., „больной“ кавалеристъ лично принялъ участіе въ трувильскихъ скачкахъ и послѣ всевозможныхъ скандальныхъ приключеній возвратился въ эскадронъ гораздо болѣе надорваннымъ, чѣмъ до отпуска. Изъ одного госпиталя его перемѣщали въ другой,—изъ Фонтенебло въ Вернонъ, изъ Вернона въ Руанъ, изъ Руана въ парижскій Валь-де-Грасъ, изъ Парижа на воды въ Амели-лэ-Бэнъ (въ департаментѣ Восточныхъ-Пиринеевъ). Но освободить его отъ военной службы не рѣшались. Онъ и умеръ на водахъ, наканунѣ Рождества, въ знаменитый французскій сочельникъ (réveillon), который люди проводятъ здѣсь въ томъ, что

*) Между ними были, какъ оказалось изъ послѣдующихъ арестовъ, и его друзья-паразиты. Особенно типичны посаженные было въ тюрьму Сести и виконтъ де-Сиври, предки котораго неоднократно роднились браками съ королями французскими и англійскими.

цѣлую ночь пьютъ, ѣдятъ и танцуютъ. Судьба словно нарочно устраиваетъ порою такіе контрасты: Лебоди, вся жизнь котораго была непрерывнымъ праздникомъ, тогда какъ громадное большинство людей бьется словно рыба объ ледъ и работаетъ, не покладая рукъ, умеръ въ тотъ моментъ, когда самый несчастный труженикъ старается забыть вѣчную заботу о кускѣ хлѣба, отдавая нѣсколько часовъ веселью въ кругу близкихъ и знакомыхъ.

Самыя обстоятельства его смерти и особенно разсужденія прессы по поводу ея не менѣе поучительны съ извѣстной точки зрѣнія, чѣмъ и вся жизнь его. Пріѣхалъ онъ въ Амели-лэ-Бэнъ, истощенный не столько дѣйствительной болѣзнью, сколько продолжительнымъ пребываніемъ въ больничной атмосферѣ всевозможныхъ госпиталей и нелѣпымъ образомъ жизни во время отпусковъ. Пріѣхалъ и тотчасъ же захотѣлъ предаться велосипедной ѣздѣ, нашелъ „велодромъ“ слишкомъ ухабистымъ и отдалъ приказъ сейчасъ же начать его исправленіе, ассигновавъ на это 90,000 франковъ, — да, 90,000 франковъ! А пока нанялъ тренировщиковъ (entraineurs), какъ сумасшедшій, носился съ ними болѣе часа на велосипедѣ, надорвался, простудился и слегъ, чтобы уже болѣе не вставать: его въ нѣсколько дней унесла тифозная горячка! И какъ умиралъ, въ какой компаніи! Я вовсе не желаю злоупотреблять добродѣтельными разсужденіями насчетъ послѣднихъ дней, проведенныхъ имъ съ актрисой Французской Комедіи, m-lle Марси: тамъ, гдѣ есть искреннее чувство, критикѣ, основанной на условныхъ приличіяхъ, нѣтъ мѣста. Но когда буржуазная пресса, забывая свои „основы“, старается перерисовать намъ эту заурядѣйшую связь въ цѣлую идиллію Бернардэна-де-Сэнъ-Пьера, гдѣ Полю столько же лѣтъ, сколько у него милліоновъ (22), а Виргиніи десятью годами больше, то я рѣшительно останавливаю газетныхъ сиренъ. Пусть читатель обратитъ лишь вниманіе на характеръ телеграммы, посланной m-lle Марси сейчасъ же послѣ смерти въ газету „Le Soir“, принадлежавшую главнымъ образомъ Максу Лебоди. Въ телеграммѣ этой 45 печатныхъ строкъ. Написана она со всевозможными чувствительными знаками препинанія, между которыми преобладаютъ восклицательные. И ничто не забыто изъ подробностей, касающихся того, какъ m-lle Марси „натирала нашатырнымъ спиртомъ“ „своего дорогого ребенка“, „милаго малютку“; какъ она „отстаивала его въ продолженіи двухъ часовъ отъ нападеній смерти“, и т. д., и т. д. Недаромъ, даже у одного изъ восторженныхъ изобразителей упомянутой идилліи, вырвалось признаніе, что эта телеграмма смахиваетъ на „торопливый, но подробный докладъ репортера, пишущаго у изголовья умирающаго“.

Но всего поучительнѣе разсужденія печати, издающейся для имущихъ. „Фигаро“ устами г. Кальметта разглагольствуетъ на ту тему, что „отнынѣ ничтожество богатства доказано самымъ жесто-

кимъ образомъ"; и что „на этомъ горькомъ примѣрѣ было отмщено то поразительное неравенство человѣческихъ условій, которое возбуждаетъ притязанія и зависть толпы". Въ „Le Journal" г. Фернандъ Ксо, говоря о независимой прессѣ, которая слѣдила за Максомъ Лебоди и требовала отъ военныхъ властей одинаковаго отношенія какъ къ богачу, такъ и къ бѣдняку, заключаетъ свое надгробное рыданіе слѣдующими строками: „печальна эпоха, переживаемая нами! Она, какъ кажется, только и ищетъ того, чтобы совершать дѣло разрушенія, нападая на все, подозрѣвая все, обвиняя все, что выдѣляется по праву-ли завоеванія или благодаря имущественному положенію. Режимъ доноса и подозрѣнія деспотически царитъ надъ нами". Наконецъ, г. Кларети, философствующій подъ псевдонимомъ Кандида въ серьезномъ органѣ буржуазіи—я говорю о „Le Temps"—подчеркиваетъ еще болѣе могущество страха, овладѣвшаго якобы военными докторами, которые не рѣшались освободить „чахоточнаго" милліонера, боясь нападеній прессы; говоритъ о „зловѣщихъ временахъ", которыя наступили теперь среди „подозрительной демократіи"; и пишетъ по адресу „бѣднаго солдатика", сына неимущихъ родителей, слѣдующія чувствительныя строки: „скажи своимъ родителямъ, посылая имъ новогоднее поздравленіе: бываютъ времена, когда, если хочешь быть свободнымъ, счастливымъ и даже просто жить на свѣтѣ, для тебя лучше быть бѣднымъ, чѣмъ милліонеромъ, и лучше имѣть голыя руки, чѣмъ ренту". Ну, конечно, г. Кларети, вы тысячу разъ правы! Нѣтъ ничего несчастнѣе на свѣтѣ, какъ быть милліонеромъ, ничего счастливѣе, какъ жить въ бѣдности. Вотъ, чтобы хоть нѣсколько развлечь удрученнаго читателя, мы и совершимъ сейчасъ прогулку въ міръ людей, „имѣющихъ голыя руки, но не имѣющихъ рентъ", въ міръ парижскихъ мелкихъ ремесленниковъ, швей, игрушечниковъ, среди которыхъ кипитъ въ концѣ года такая дѣятельность. А для перехода развернемъ передъ читателемъ святочную картину большихъ бульваровъ въ Парижѣ.

Въ теченіе недѣль трехъ, въ концѣ каждаго года и переходя на новый, парижскіе большіе бульвары, особенно между церковью Св. Магдалины и пересѣкающимъ ихъ Севастопольскимъ бульваромъ, представляютъ интересное зрѣлище, и интересное не для иностранца, не для провинціала только, но и для самого парижанина. Я не говорю о безпрерывной линіи шумныхъ, залитыхъ свѣтомъ ресторановъ, роскошныхъ кондитерскихъ, блестящихъ магазиновъ всякаго рода, модныхъ, гастрономическихъ, мебельныхъ, косметическихъ или продающихъ знаменитые articles de Paris,—всѣ эти мелкія издѣлія изъ кожи, бумаги, кости, бронзы, фаянса, которыя получили всемірную извѣстность. Но на французскихъ святкахъ эта обычная панорама разнообразится безко-

нечной вереницей небольшихъ складныхъ лавочекъ (baraques), выкрашенныхъ въ свѣтло-зеленый цвѣтъ, тянущихся по краямъ широкой панели и повернутыхъ къ пѣшеходамъ казовымъ концомъ. За стойкой расхаживаютъ, ораторствуютъ, жестикулируютъ импровизированные торговцы—часто цѣлыми семьями—и всячески стараются привлечь вниманіе проходящихъ на разложенные передъ ними товары: гравюры, сласти, мелкія хозяйственныя принадлежности, а въ особенности игрушки. За два, за три мѣсяца до новаго года начинается у всѣхъ мелкихъ ремесленниковъ самая лихорадочная дѣятельность. Тратится бездна соображенія, вкуса, времени, труда и здоровья, чтобы явиться съ честью на новогоднюю ярмарку и хоть немного поправить разстроившійся за лѣтніе мѣсяцы бюджетъ. И въ этой погонѣ за покупателемъ одинъ бѣднякъ рветъ изо рта кусокъ у другого.

Вотъ алжирскій арабъ, на страшномъ французкомъ языкѣ, дикимъ голосомъ взываетъ къ проходящимъ: „купить африканскій конфетъ... всегда ѣсть... никогда не умереть“ (mandger bonbon... mandger Afrique... djamais mourir). Вотъ рѣчистый южанинъ, судя по выговору изъ Марсели, продаетъ полный приборъ запонокъ для рубашки, галстучную булавку, браслетъ, брошку и дѣтскіе часы за пятьдесятъ сантимовъ. Двумя шагами далѣе, мальчикъ и дѣвочка—подростки показываютъ визжащимъ отъ восторга дѣтямъ цѣлую нашесть искусно-сдѣланныхъ пѣтушковъ, которые хлопаютъ крыльями и кричатъ кукареку! Тутъ же, три бойкіе парижанина—игрушечника наперерывъ объясняютъ собравшейся публикѣ „послѣднее слово механики“,—маленькій локомобиль, который работаетъ на пламени крошечной спиртовой лампочки, снабженъ, какъ и полагается по штату такой машинѣ, и маховикомъ, и регуляторомъ, и предохранительнымъ клапаномъ, и безконечнымъ ремнемъ, и стоитъ всего на всего четыре франка съ половиной. Хитра, какъ видите, голь на выдумки, та самая голь, въ честь мозолистыхъ рукъ и пустыхъ кармановъ которой поются гимны гг. Кларети и прочими философами буржуазіи!.. Послѣдуемъ же за однимъ изъ такихъ счастливыхъ гражданъ, когда онъ кончитъ свое двѣнадцати-часовое ораторство на морозѣ, потушитъ свою лампочку, украшенную какимъ-нибудь удивительнымъ абажуромъ, и отъ этихъ роскошныхъ бульваровъ, этихъ нервно-веселящихся господъ и раскрашенныхъ дамъ, этихъ безчисленныхъ огней мчащихся экипажей и яркихъ электрическихъ шаровъ, направитъ шаги въ одну изъ узкихъ улицъ квартала Марэ (Marais), въ центрѣ стараго Парижа, или на высоты Белльвиля...

Но прежде чѣмъ войти въ это убѣжище покоя и счастья, гдѣ

Бѣдность и трудъ,
Мирно живутъ
Съ дружбой, съ любовью въ ладу,

какъ воспѣвалъ Беранже въ переводѣ Василія Курочкина, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно мелкой промышленности въ Парижѣ. Профессіональная статистика во Франціи очень несовершенна. Поэтому болѣе или менѣе точныхъ цифръ относительно распространенія мелкой индустріи дать нельзя. Но я попробовалъ вычислить приблизительно отношеніе рабочихъ къ хозяевамъ въ Парижѣ на основаніи данныхъ торговой палаты и нѣкоторыхъ частныхъ цифръ, и уже этихъ грубыхъ выкладокъ достаточно, чтобы судить, какъ мало еще подвинулась концентрація производства въ такомъ важномъ промышленномъ центрѣ, каковъ Парижъ. Рабочій персоналъ, не превышающій десяти человѣкъ, придаетъ производству мелкій, ремесленный характеръ: въ этомъ согласны почти всѣ спеціалисты. Но мои цифры показываютъ, что на каждаго хозяина въ Парижѣ приходится лишь немногимъ болѣе трехъ рабочихъ: мастерокъ долженъ, очевидно, являться преобладающимъ типомъ экономической жизни столицы *).

Но не даромъ парижскій ремесленникъ работаетъ бокъ-о-бокъ съ колоссальными капиталами, которыми располагаетъ Парижъ въ области торговыхъ и банковыхъ операцій. Спекуляторъ-милліонеръ наложилъ свою властную руку на мелкое производство, и изъ сочетанія этихъ двухъ неравныхъ силъ получился цѣлый рядъ своеобразныхъ комбинацій. Въ однѣхъ выступаетъ рельефно гигантскій всемірный базаръ на манеръ Бонмарше и Лувра; въ другихъ крупная фабрика, занимающая сотни рабочихъ; въ третьихъ мелкій ремесленникъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. Порою эти различные типы экономической жизни тѣсно соединены между собой, хотя это соединеніе напоминаетъ знаменитый „союзъ акулы съ добычей“, которымъ Байронъ охарактеризовалъ политическую связь Великобританіи съ Ирландіей.

Возьмемъ интересующее насъ теперь игрушечное производство. Есть цѣлыя отрасли его, напр., фабрикація нѣкоторыхъ игрушекъ изъ желѣза и жести—механическихъ лошадокъ, кукольныхъ экипажей и кукольной мебели—которыя попали въ сферу крупной промышленности, управляемой, такъ называемыми, „жестяными коро-

---

*) На 2.447957 или круглымъ числомъ 2.448000 жителей Парижа (по переписи 1891 г. и безъ предмѣстій за городскими фортификаціями) я насчиталъ приблизительно 687000 лицъ, занимающихся собственно промышленностью, и изъ нихъ 163000 хозяевъ, что составитъ 3—2 рабочихъ на одного хозяина. При этомъ въ самыхъ распространенныхъ отрасляхъ промышленности, — производствѣ пищевыхъ продуктовъ (74000 рабочихъ), строительномъ (74000), но особенно изготовленіи всякаго рода одежды (148000) и articles de Paris (46000),—отношеніе числа рабочихъ къ числу хозяевъ еще ниже средняго. Сильно сконцентрированы въ Парижѣ, собственно говоря, лишь производства металлическое, машиностроительное (особенно при желѣзныхъ дорогахъ), сахарное, химическое, газовое и табачное. См. данныя профессіональной статистики 1896 г. ниже въ главѣ «Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи».

такой же длинный, такой же монотонный, и нѣтъ конца этой похоронной процессіи дней, пока эти истощенные работой люди не найдутъ отдыха и покоя, не отоспятся разъ въ жизни на какомъ-нибудь бѣдномъ кладбищѣ подъ Парижемъ...

Посмотримъ же теперь на доходы нашей семьи. Въ 1891 г., читаемъ мы у Маруссема, они простирались до 3,957 фр.; столько получила вся семья отъ девяти различныхъ фабрикантовъ, или вѣрнѣе скупщиковъ, которымъ она поставила опредѣленное число заказанныхъ куколъ, лошадокъ и прочихъ фигурокъ. Но изъ этихъ 3,957 фр., представляющихъ валовой доходъ мастерской, надо вычесть матеріалъ, ремонтъ инструментовъ, плату постоянной работницѣ, плату работнику, временно принимаемому въ горячую пору, и пр. И оказывается, что собственно личный бюджетъ семьи простирается въ годъ лишь до 1,800 фр. или около 5 фр. въ день. Но въ Парижѣ, какъ извѣстно, фунтъ *) обыкновеннаго мяса для супа стоитъ отъ 60 сантимовъ до 1 фр., фунтъ коровьяго масла для кухни (фальсифицированнаго, конечно) 1 фр. 40 с., 2 фунта хлѣба 45 сантимовъ, дюжина яицъ 1 фр. 20 с. Можете себѣ представить, какъ питается эта непокладающая рукъ семья! Замѣтьте, въ этомъ ремеслѣ мы имѣемъ дѣло не съ простыми поденщиками, а съ аристократіей рабочаго класса, аристократіей, конечно, не по платѣ, а по уму, артистическому вкусу, интеллектуальнымъ интересамъ; имѣемъ дѣло, какъ говоритъ Маруссемъ, съ „людьми, у которыхъ развитіе мозга не уступаетъ тѣмъ, кто отдѣленъ отъ нихъ богатствомъ“.

Возьмемъ еще одинъ типичный примѣръ мелкаго труженика, фабрикующаго маленькихъ обезьянъ, искусно покрытыхъ шерстью, пріодѣтыхъ въ курточки и носящихъ на головѣ уморительную шляпу съ перомъ. Описываемая на этотъ разъ семья состоитъ изъ мужа, жены и четырехъ дочерей отъ 15 до 18 лѣтъ. Всѣ вмѣстѣ и живутъ и работаютъ въ небольшой комнатѣ на четвертомъ этажѣ одной изъ подозрительныхъ гостиницъ съ номерами, ютящихся у подножія Белльвиля, возлѣ улицы Св. Мавра и бульвара Пармантье, гдѣ бѣдные, но безупречные рабочіе живутъ бокъ-о-бокъ съ ворами и убійцами. Удушающій жаръ печки, на которой готовится пища. Невообразимая тѣснота, такъ какъ большая половина комнаты занята желѣзной кроватью, буфетомъ, стульями, машиной для очистки шерсти, длиннымъ рабочимъ столомъ. И среди этихъ-то условій работаютъ съ самаго ранняго утра и до поздней ночи шесть человѣческихъ существъ, стараясь хоть какъ-нибудь отстоять себя въ борьбѣ за жизнь отъ неумолимой конкурренціи такихъ же, какъ сами они, тружениковъ, работающихъ по заказу скупщиковъ и отъ времени до времени

*) Французскій фунтъ, составляющій полкилограмма или 500 граммовъ, почти на одну четверть больше русскаго, который равняется 409 граммамъ.

пытающихся сбыть издѣлія покупателю на святочной ярмаркѣ. Для нашей семьи, или, по крайней мѣрѣ, для отца съ матерью, нѣтъ ни праздниковъ, ни воскресеній; 11 часовъ напряженнаго труда каждый день на игрушки; кромѣ того, отъ времени до времени еще нѣсколько дополнительныхъ часовъ, въ теченіе которыхъ мужъ занятъ вырѣзываніемъ мелкой и изящной мебели, а жена отдѣлками изъ суташа.

И что въ концѣ концовъ получаетъ за весь свой трудъ, недосыпанье и отсутствіе самыхъ ничтожныхъ удовольствій описываемая нами семья? 5000 франковъ въ годъ!.. Но изъ этого надо вычесть собственно расходы по мастерской: покупку матеріала (шерсти, перьевъ, бисера); плату за машину для очистки шерсти, такъ какъ машина эта стоитъ 600 фр., и ремесленникъ, не будучи въ состояніи купить ее, нанимаетъ ее за три франка въ день; плату работницамъ, сшивающимъ изъ трехъ шерстяныхъ цилиндриковъ тѣло обезьянки, и проч. и проч. За вычетомъ упомянутыхъ вещей, собственно годовой бюджетъ семьи оказывается равнымъ 2,100 фр., что составитъ 6 франковъ въ день. Изъ этого отъ 3½ до 4 франковъ идетъ на пищу (хлѣбъ, вино, кофе, мясо), 1 франкъ на квартиру; остается отъ одного до полутора франковъ въ день на отопленіе, освѣщеніе, одежду, ремонтъ мебели и... развлеченія. За то скупщикъ, которому нашъ ремесленникъ продаетъ обезьянку среднимъ числомъ за 90 сантимовъ, беретъ въ свою очередь съ публики уже 1 фр. 75 сант. за игрушку *).

Остановимся еще на одной отрасли мелкой промышленности, которая имѣетъ громадное значеніе въ Парижѣ и особенно настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи въ новогодній веселый сезонъ: я говорю о модисткахъ, швеяхъ и вообще многочисленной арміи женщинъ, добывающихъ себѣ пропитаніе иглой. Посмотримъ же, какъ живетъ эта часть населенія, благодаря которой парижанка сдѣлалась законодательницей модъ, а самъ Парижъ волшебной грезой для изящныхъ дамъ всего свѣта. Чтобы меня не заподозрили въ умышленномъ накладываніи слишкомъ черныхъ красокъ на эту отрасль промышленности, которая обыкновенно ассоціируется въ представленіи съ самыми радужными мечтаніями о балахъ, танцахъ, прелестныхъ барышняхъ и великолѣпныхъ кавалерахъ, я возьму въ руководители человѣка очень умѣреннаго образа мыслей, сотрудника серьезнаго „Le Temps“ и противника „классовой ненависти“. Такъ, по крайней мѣрѣ, аттестуетъ себя г. Шарль Бенуа, издавшій отдѣльной книгой свои газетныя статьи о швеяхъ въ Парижѣ **).

---

*) L. c., стр. 176.

**) Charles Benoit, *Les ouvrières de l'aiguille à Paris*; Парижъ, 1895.

Мелкая форма производства, мастерская, является здѣсь несомнѣнно преобладающимъ типомъ промышленности. Относительно самыхъ знаменитыхъ дамскихъ портныхъ и модистокъ можно сказать, что ихъ заведенія лишь большія мастерскія; фабричнаго характера онѣ собственно не имѣютъ. А громадное большинство ихъ довольствуются даже тремя работницами. Какова же жизнь этихъ женщинъ и дѣвушекъ? Сколько и какъ онѣ работаютъ? Какую плату получаютъ? По собраннымъ Бенуа свѣдѣніямъ (замѣтьте, какъ по указаніямъ работницъ, такъ и хозяевъ), ремесло модистокъ и швей характеризуется, съ одной стороны, продолжительной безработицей, съ другой—неимовѣрно-длиннымъ рабочимъ днемъ въ горячую пору. Модисткамъ очень мало дѣла лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, когда значительное число парижанъ уѣзжаетъ на берегъ моря, на воды, въ деревню, и зимой, начиная съ 15 декабря и по конецъ января, послѣ безумной горячки, свирѣпствующей передъ праздниками. Но когда мастерская идетъ полнымъ ходомъ, работницамъ приходится порою отдавать хозяину 13, 13½, 14, 15, 16, 19½ часовъ труда въ сутки. Часто между двумя недѣлями, изъ которыхъ въ каждой насчитывается 80 часовъ, нѣтъ даже отдыха въ воскресенье.

Во время преній (о запрещеніи ночнаго труда женщинъ) въ палатѣ депутатовъ, весною 1891 г., графъ Альбертъ де-Мэнъ христіанскій соціалистъ, цитировалъ поражающіе факты эксплуатаціи швей при системѣ ночной работы (такъ называемой veillée). Семь часовъ вечера. Рабочій день кончается. Вдругъ хозяинъ или хозяйка объявляютъ безъ всякаго предупрежденія, что въ виду многочисленности заказовъ „сегодня будетъ ночная работа". Отказаться работницы не смѣютъ: дѣло пахнетъ потерей мѣста. И вотъ одна изъ швей второпяхъ спускается до ближайшей лавочки, покупаетъ для подругъ хлѣба, нѣсколько палочекъ шоколада, немного колбасы,—замѣтьте, хозяева за это не платятъ,—и четверть часа спустя уже снова кипитъ работа, продолжаясь зачастую за полночь. Но многимъ работницамъ отъ центральныхъ улицъ Парижа, гдѣ скучены лучшія мастерскія, и до рабочихъ кварталовъ, гдѣ живутъ онѣ сами, ходьбы цѣлый часъ. И вотъ, чтобъ не опоздать на слѣдующій день къ открытію мастерской утромъ, модистки остаются въ той же комнатѣ, гдѣ и работали, и засыпаютъ въ мучительныхъ позахъ, гдѣ кто попало, на стульяхъ, облокотясь на столъ, возлѣ вѣшалки, и пр. Извѣстны факты, гдѣ швеи работали до 28 часовъ подрядъ изъ-за каприза какой-нибудь важной барыни, торопящейся на великосвѣтскій балъ, или по спѣшной телеграммѣ милліонерши изъ Нью-Іорка или Чикаго. Напримѣръ, одинъ изъ знаменитыхъ дамскихъ портныхъ улицы Мира получаетъ въ четвергъ заатлантическую депешу: „вышлите мнѣ и моимъ сестрамъ съ ближайшимъ субботнимъ пароходомъ, отходящимъ изъ Гавра въ Нью-Іоркъ, столько-то платьевъ. Черезъ

10 дней балъ у мистера такого-то, и мы должны быть тамъ въ свѣжихъ платьяхъ изъ Парижа". Мнѣ, конечно, нечего объяснять читателю, что у крупныхъ заказчицъ есть точный слѣпокъ съ ихъ бюста, талiи и прочихъ статей, который онѣ оставляютъ своему портному, уѣзжая изъ Парижа: хозяину остается только засадить своихъ швей на 36 часовъ (!), чтобъ выполнить заказъ.

Замѣчу, что законъ 2 ноября 1892 г., который ограничиваетъ работу женщинъ 11 часами въ день (за исключенiемъ общей годовой суммы въ шестьдесятъ дней, въ теченiе которыхъ онѣ „могутъ" работать по двѣнадцати), — замѣчу, что законъ этотъ очень ловко обходится на основанiи декрета отъ 26 iюля 1893 г. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ декретъ разрѣшаетъ въ швейномъ, шляпочномъ, цвѣточномъ и т. п. ремеслахъ работу до 11 часовъ ночи. Не угодно ли вамъ теперь провѣрить, позднею ночью, въ запертой квартирѣ, дойти до которой вамъ удастся только послѣ ощутительныхъ промедленiй, исполняется ли точно упомянутый декретъ? Спрашивается, что дѣлаютъ эти швеи? Бросили ли только сейчасъ запретную работу, или же, наоборотъ, просто отдыхаютъ передъ тѣмъ, какъ отправиться домой?

Но оставимъ въ сторонѣ это. Каковы же размѣры заработной платы въ этой отрасли женскаго труда? Мы не будемъ говорить о знаменитыхъ артисткахъ ремесла, закройщицахъ (coupeuses) и примѣрялыщицахъ (essayeuses), которыя въ первоклассныхъ мастерскихъ зарабатываютъ до 20,000 франковъ въ годъ. Это — исключительные генiи своего дѣла; передъ ними заискиваютъ дамы большого свѣта и полусвѣта. Мимоходомъ сказать, и эти артистки могутъ зарабатывать такiя крупныя для женщины куши лишь лѣтъ до сорока. Оказывается, что позже у нихъ свѣжесть вкуса теряется, и эстетическiй глазомѣръ утрачиваетъ свою тонкость и оригинальность. Но когда отъ этихъ Наполеоновъ иголки переходишь къ обыкновеннымъ, хотя и хорошимъ швеямъ, то сейчасъ же наталкиваешься на несоразмѣрно малую плату. Лучшiя изъ обыкновенныхъ швей зарабатываютъ въ день среднимъ числомъ 3 фр. 70, среднiя 2 ф. 50, ученицы 1 ф. 50; бѣлошвейки отъ 1 ф. 75 до 2 ф. 50, рѣдко выше. Бѣлошвейки, работающiя черезъ посредниковъ на громадные базары, въ родѣ Лувра и Бонмарше, не могутъ, буквально убиваясь надъ работой, подняться выше 1 ф. 25 въ день или, считая безработицу, отъ 80 до 90 сантимовъ въ день. Но эту послѣднюю сумму мѣшочницы получаютъ лишь въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ принуждены довольствоваться 75 и даже 60 сантимами за 16-часовой день поштучной работы. Для того, чтобы читатель яснѣе представилъ себѣ, какова можетъ быть жизнь этихъ несчастныхъ въ дорогомъ Парижѣ, я приведу здѣсь, на основанiи данныхъ у Шарля Бенуа, подробную таблицу ихъ годового бюджета. Бе-

ремъ заурядную швею, работающую надъ верхнимъ женскимъ платьемъ и получающую въ день 1 ф. 25, а за 300 рабочихъ дней въ году 375 франковъ: это ея приходъ! Теперь расходъ:

	Фр.	Сант.
Квартира въ годъ	108	—
1 платье за 5 фр.	5	—
1 косынка за 2 фр.	2	—
2 пары чулокъ по 65 сант.	1	30
2 рубашки по 1 ф. 25	2	50
1 кофта за 1 ф. 25	1	25
2 носовыхъ платка по 40 сант.	0	80
2 салфетки по 40 сант.	0	80
Освѣщеніе въ годъ	4	—
Итого	125	65

На пищу, стало быть, остается 250 фр. въ годъ, или по 65 сантимовъ въ день. И вотъ какой разносолъ получается ежедневно за эти деньги:

	Сант.
Молока утромъ на	5
Хлѣба (на цѣлый день)	20
Кровяной колбасы, въ полдень	10
Жаренаго картофеля	5
Сыру	10
Сосиска, вечеромъ	10
Жаренаго картофеля	5
Итого	65

А теперь пусть г. Кларети прислушается къ слѣдующимъ словамъ своего собрата по газетѣ, умѣреннаго и аккуратнаго г. Бенуа:

Итакъ, бюджетъ въ равновѣсіи! Да, конечно, въ равновѣсіи! Но наступила зима: холодъ! Пришла безработица: голодъ! Случилась болѣзнь: смерть! И вотъ тѣмъ не менѣе на какую жизнь обрекаютъ себя эти святыя женщины, тѣ, которыя умѣютъ подчиняться судьбѣ. А другія, которыя не подчиняются, избираютъ другое несчастье... *).

Позвольте, читатель, заключить этотъ параграфъ кой-какими личными наблюденіями. Изъ оконъ задней половины моей квартиры мнѣ пришлось быть въ теченіе года невольнымъ свидѣтелемъ жизни двухъ такихъ женщинъ: матери и дочери. Матери было лѣтъ около сорока, дочери около пятнадцати. Квартирка помѣщалась въ маленькомъ мезонинѣ, который хозяинъ дома перестроилъ на дворѣ изъ стараго сарая, и состояла изъ одной комнаты безъ камина и съ тонкими, въ двѣ доски, стѣнами. Мо-

*) Ch. Benoit. l. c. p. 115.

жете представить себѣ, какой холодъ царилъ зимой въ этомъ помѣщеніи, нагрѣваемомъ купленной жильцами же чугунной печкой, труба которой была пропущена прямо въ стѣну на дворѣ; и что за вѣчный чадъ стоялъ въ комнатѣ, изъ которой жилицы никогда почти не выходили на воздухъ. Зимой или лѣтомъ ихъ прогулки ограничивались тѣмъ, что мать или дочь по очереди, разъ въ недѣлю, ходили набирать работу въ Бонмарше: онѣ шили мѣшки и „подрубали" низшіе сорта платковъ и простынь;—или же выбѣгали каждый день на нѣсколько минутъ на улицу, чтобъ купить кусокъ печенки, картофелю или капусты у провозившей эти припасы торговки. Питались онѣ главнымъ образомъ супомъ изъ овощей, куда клался маленькій кусокъ коровьяго масла и верхомъ набивался хлѣбъ: говядины я никогда у нихъ не видалъ.

На пищу у нихъ не выходило и часу въ день; все время онѣ работали, и какъ работали? При одномъ воспоминаніи объ этомъ у меня сжимается горло, и краска стыда выступаетъ на щекахъ, когда приходится сравнивать съ этой работой свой трудъ „умственнаго пролетарія". Бывало, приходилось порой засиживаться за полночь: подходишь къ окну и видишь, среди темноты двора, одиноко мерцающую лампу и два мертвенно-блѣдныхъ лица, наклонившихся надъ столомъ въ мансардѣ. Иногда случалось просыпаться ночью часа въ четыре—пять зимой: мать и дочь уже встали и торопливо проглатывали какую-то дымящуюся жидкость,—вѣроятно, цикорный кофе. Наканунѣ большихъ праздниковъ, Рождества, Пасхи, онѣ совсѣмъ не ложились. И цѣною этой каторжной жизни онѣ зарабатывали въ день вдвоемъ отъ 1 ф. 50 до 2 фр..—въ годъ немногимъ болѣе 600 фр., изъ которыхъ 120 фр. платилось за квартиру. Въ жизни этихъ существъ была единственная сторона, которая напоминала, что все же они—не стальныя машины, а люди, у которыхъ есть нервная система и, стало быть, свойство страдать и наслаждаться: каждый день, послѣ жалкаго обѣда, мать становилась за табуретомъ своей некрасивой горбатой дѣвочки и съ четверть часа расчесывала густые черные волосы дочери. Это было ихъ единственное развлеченіе, время отдыха, въ теченіе котораго онѣ удовлетворяли свои нравственныя, умственныя и эстетическія потребности, ихъ опера, ихъ концертъ, радужная сказка ихъ сѣрой безпросвѣтной жизни. И думается мнѣ, что изъ-за этой четверти часа, въ теченіе которой онѣ разговаривали другъ съ другомъ не о работѣ, а о самихъ себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ, дѣлились мыслями и чувствами, словомъ, были людьми, а не машинами,—изъ-за этой четверти часа онѣ и жили на свѣтѣ: стоило посмотрѣть въ этотъ моментъ на ихъ сіявшія радостью и счастьемъ безкровныя, болѣзненныя лица! И если бъ я былъ романистомъ, и романистомъ изъ категоріи „жестокихъ талантовъ", я бы на-

писалъ повѣсть объ этихъ новыхъ волосахъ Вероники: разсказалъ бы, какъ заболѣла мать; какъ дочь принуждена была продать свою косу; и какъ вдругъ потеря этого символа чисто-человѣческихъ отношеній между матерью и дочерью наполнила ихъ души ужасомъ, раскрыла имъ пустоту ихъ машиннаго существованія и бросила ихъ въ мутныя волны Сены...

Безработные.

(Письмо восьмое).

Одинъ изъ моихъ пріятелей—французовъ, талантливый и остроумный докторъ, развивалъ какъ-то передо мной планъ даровой поучительной прогулки по Парижу для народа,—„въ видахъ пополненія пробѣловъ общаго, свѣтскаго и обязательнаго обученія",—не безъ ироніи добавилъ онъ. Выберите,—говорилъ онъ,—одинъ изъ лучезарныхъ весеннихъ дней, когда все живетъ и трепещетъ въ природѣ, и предложите себя въ проводники толпѣ безработныхъ съ ихъ женами и дѣтьми: такихъ вы легко можете найти въ бѣднѣйшихъ частяхъ города. Пройдитесь съ вашей аудиторіей по лучшимъ и самымъ моднымъ улицамъ Парижа, въ родѣ Елисейскихъ полей, обращая вниманіе вашихъ спутниковъ на чистоту и ширину тротуаровъ, отсутствіе лавочекъ и мастерскихъ, громадность зданій, въ которыхъ зачастую живетъ одна семья изъ двухъ-трехъ членовъ, окруженная цѣлой арміей лакеевъ и собакъ, и т. д. А между четырьмя-пятью часами пополудни постарайтесь попасть на знаменитую аллею Акацій, которая тянется на три версты отъ воротъ Майльо (porte Maillot), возлѣ парижскихъ фортификацій, и до водопада въ Булонскомъ лѣсу. Когда ваши спутники вдосталь насмотрятся на безконечную вереницу блестящихъ экипажей съ свѣтскими дамами, которыя смахиваютъ на кокотокъ, и первоклассными кокотками, которыя стараются походить на свѣтскихъ дамъ; когда въ глазахъ этихъ илотовъ современной цивилизаціи зарябитъ отъ элегантныхъ кавалеровъ и прекрасныхъ амазонокъ, велосипедистовъ и велосипедистокъ, разряженныхъ какъ куколъ дѣтей и гордо выступающихъ нянь, остановите ихъ тогда у моднаго ресторана, близъ Водопада, и въ то время, какъ ноздри голодныхъ людей будетъ щекотать цѣлая симфонія запаховъ изъ сосѣдней кухни, прочтите имъ нѣсколько цифръ изъ книги Поля Леруа-Больё, которая имѣетъ цѣлью доказать, что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ капиталистическихъ обществъ.

А цифры эти, напримѣръ, такія: на 2.500,000 слишкомъ парижанъ *) было состоятельныхъ людей (начиная отъ 16,000 фр.

*) 2.536,834 жителей по переписи 29 марта 1896 г.

годового дохода) 36,321 или 1,4%, изъ нихъ 21,453 лица съ доходомъ отъ 16,000 до 32,000 фр. въ годъ, 9,985 лицъ съ доходомъ отъ 32,000 до 70,000 фр., 3,049 лицъ съ доходомъ отъ 70,000 до 133,000 ф., 1,413 лицъ съ доходомъ отъ 133,000 до 266,000 фр. и, наконецъ, 421 лицо, имѣющихъ въ годъ доходу болѣе 266,000 фр. *). Дайте вашимъ спутникамъ понять смыслъ этихъ цифръ, и вы можете считать вашу даровую поучительную прогулку для народа вполнѣ законченной...

— Вѣрно, дорогой пріятель,—сказалъ я:—но эту фантастическую экскурсію можно повернуть и другимъ концомъ. Конечно, кто изъ парижскихъ рабочихъ въ состояніи часто бывать въ модныхъ кварталахъ съ цѣлью фланированія и наблюденія! Но еще рѣже приходится обитателямъ этихъ кварталовъ заходить въ рабочія части города, въ этотъ густо населенный и дѣятельный человѣческій улей, гдѣ визжитъ пила, гдѣ стучитъ молотокъ, и шумно дышатъ желѣзныя легкія паровыхъ машинъ. Сюда можно было бы направить не менѣе поучительную экскурсію для обитателей Елисейскихъ полей, кварталовъ Монсо и Пасси: стоитъ лишь выбрать подходящую погоду и поле наблюденія...

Итакъ: конецъ ноября. Тяжелыя изжелта-сѣрыя тучи низко бѣгутъ надъ городомъ, и цѣлыя полосы ливня, волнуясь, словно длинныя покрывала, подъ яростными порывами вѣтра падаютъ на опустѣвшія улицы, на безумно танцующія вѣтви каштановъ и чинаръ, срывая съ нихъ послѣдніе листы, на облупившіяся стѣны громадныхъ и невзрачныхъ домовъ, гдѣ ютятся рабочія семьи на высокія дымящіяся трубы фабрикъ. Изрѣдка проѣдетъ извозчикъ, закутанный въ непромокаемый плащъ, надвинувъ свой традиціонный лакированный цилиндръ на самые глаза и неистово понукая лошадь, которая вертится подъ напоромъ дождя и вѣтра. Вотъ самая лучшая пора посѣщенія бѣдныхъ кварталовъ. Попробуйте же совершить тогда экскурсію въ эту мало знакомую для васъ страну, вы, искатели и искательницы сильныхъ ощущеній, вы, любители и любительницы спорта и охоты, живущіе въ виллахъ Мюэтть и Ранелага и въ окрестностяхъ Тріумфальной арки!.. Улицы опустѣли, — сказалъ я... Но, что это за толпа тамъ, передъ воротами пожарной казармы? Старики и молодые, женщины и дѣти, въ фантастическихъ одѣяніяхъ, въ опоркахъ, иные подъ дырявыми зонтиками, другіе безъ всякой защиты, стоически выдерживающіе эти холодныя, какъ ледъ, струи, которыя посылаетъ на нихъ гнѣвное небо. Вы не догадываетесь, что согнало сюда это стадо взъерошенныхъ, измокшихъ, унылыхъ существъ? Все тотъ же „благодѣтельный инстинктъ голода, о которомъ гово-

*) Paul Leroy-Beaulieu. *Essai sur la repartition des richesses et la tendance à une moindre inégalité des conditions;* Парижъ, 1897 (это уже 4-е изданіе пришедшейся по вкусу буржуазіи книги).

рятъ съ такимъ патетическимъ умиленіемъ современные буржуазные мыслители; все тотъ же „желудокъ, учитель искусствъ и ума раздаятель“, который воспѣвается римскимъ сатирикомъ *); все та же „бѣдность“, которую геніальный комикъ Аѳинъ заставляетъ произносить гордыя слова: „я сижу, словно госпожа, возлѣ ремесленника, заставляя его изыскивать средства къ жизни путемъ нужды и лишеній“... **).

Да, два раза въ день, часовъ въ двѣнадцать утромъ и часовъ въ шесть вечеромъ, передъ дверьми нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій въ Парижѣ раздаются остатки завтрака и обѣда; и, какъ голодные волки, туда сходятся бѣдняки и безработные, каждый съ посудиной, какую только можетъ добыть,—одинъ съ глиняной чашкой, другой съ оловянной миской, третій со старой банкой, которую онъ нашелъ, можетъ быть, тутъ же въ сосѣднемъ ручьѣ и вымылъ у ближняго фонтана, — и всѣ ждутъ цѣлыми часами, стараясь занять получше мѣсто, пока изъ казармы не выйдетъ краснощекій и ловкій пожарный въ своей короткой курточкѣ и съ широкимъ кожанымъ поясомъ, неся ведро съ супомъ... Никакая погода не въ состояніи разогнать эту толпу голодающихъ; и мы присутствуемъ, напримѣръ, сегодня при раздачѣ пищи подъ проливнымъ дождемъ, когда каждый соискатель, съ горящими отъ голода глазами, получивъ свою порцію, торопливо старается прикрыть ее, чѣмъ можетъ, какимъ-нибудь грязнымъ платкомъ, полой сюртука, газетой, и ищетъ уголка поукромнѣй, подъ ближайшимъ мостомъ, балкономъ дома, выступомъ стѣны, чтобы проглотить добытую искусствомъ и терпѣніемъ пищу. А сколько запоздавшихъ пойдутъ отсюда ни съ чѣмъ, еще голоднѣе и печальнѣе, чѣмъ были, и, смотришь, на слѣдующій день списокъ городскихъ происшествій обогатился новымъ случаемъ смерти отъ истощенія или самоубійства....

Не знаю, много ли изъ жителей Елисейскихъ полей найдется охотниковъ для подобныхъ экскурсій, скажемъ, въ предмѣстье Сэнъ-Марсо или въ лачуги Cité Doré. Но различные общественные органы Франціи вынуждены все болѣе и болѣе (писано въ апрѣлѣ 1897 г.) обращать вниманіе на жизнь трудящихся массъ и, несмотря на всевозможныя оговорки, признавать фатальную связь между современнымъ строемъ цивилизаціи и тѣми тяже-

---

*) Persius, Ad satiras prologus, 10—11: Magister artis ingenique largitor venter...

**) Aristoph., Πλοῦτος, 552--554:

. . . . Ἐγὼ γαρ
τὸν χειροτέχνην, ὥσπερ δέσποιν' ἐπαναγκάζουσα κάθημαι,
διὰ τὴν χρείαν και τὴν πενίαν ζητεῖν ὁπόθεν βίον ἕξει

лыми условіями существованія этихъ массъ, которыя еще такъ недавно вмѣнялись въ вину лѣности и безпечности самихъ рабочихъ. Такъ, постоянная коммиссія при Высшемъ совѣтѣ труда (Conseil supérieur du travail), находящемся въ вѣдомствѣ Министерства торговли и промышленности, издала цѣлый длинный „докладъ по вопросу о безработицѣ" *); а палата депутатовъ принуждена была посвятить два засѣданія (23—25 февраля 1897 года) обсужденію упомянутаго вопроса.

Уже одинъ тотъ фактъ, что въ оффиціальныхъ кругахъ третьей республики выростаетъ желаніе присмотрѣться поближе къ безработицѣ, показываетъ, что уроки жизни не прошли даромъ для Франціи. Не надо забывать, что въ этой странѣ мысль, столь смѣлая въ области политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, обнаруживаетъ поразительную робость въ сферѣ экономической **). Я не стану, конечно, входить здѣсь въ подробное объясненіе этого обстоятельства, но совсѣмъ пройти его молчаніемъ тоже нельзя. Говоря вообще, трудно найти въ Европѣ страну, гдѣ отживающая школа политической экономіи пользовалась бы большимъ почетомъ среди „идеологовъ" буржуазіи, чѣмъ во Франціи. Несмотря на нѣкоторыя бреши, пробитыя самими же эгоистическими интересами капиталистовъ въ твердынѣ laissez faire, laissez passer (я разумѣю, между прочимъ, современный протекціонизмъ), манчестерство царитъ здѣсь почти безраздѣльно среди буржуазной интеллигенціи. Возьмите французскія ученыя общества въ родѣ экономическаго, статистическаго и т. д., французскіе спеціальные органы, какъ „L'Economiste français", „Le Journal des Economistes", вліятельную печать, хотя бы „Le Temps" или „Le Journal de Débats", адвокатуру или профессорскій міръ: васъ поразитъ масса архаическихъ положеній, которыя обращаются среди этихъ слоевъ въ видѣ неоспоримыхъ аксіомъ, хотя и научная мысль, и сама жизнь давно опровергли и размели, какъ шелуху, всѣ эти премудрости Бастіа и Гарнье. На десятки всевозможныхъ Полей Леруа-Больё, Морисовъ Блоковъ, Фовиллей, Левассёровъ, Молинари, Раффаловичей приходится едва одинъ—два экономиста, въ родѣ Шарля Жида, которые позволяютъ себѣ нѣкоторую критику банальной политической экономіи и на которыхъ истый буржуа, несмотря на крайнюю умѣренность ихъ воззрѣній, взираетъ не то какъ на полупомѣшанныхъ чудаковъ, не то какъ на ужасныхъ колебателей основъ. Подумайте только, что не такъ еще давно Адамъ Смитъ третьей республики—я говорю о г. Леруа-Больё—выска-

*) *Rapport sur la question du chômage, présenté au nom de la commission permanente par M. M. Moron, Finance et Keüfer;* Парижъ, 1896 (съ приложеніемъ діаграммъ и различныхъ документовъ, собранныхъ въ «бюро труда»).

**) Это начинаетъ мѣняться въ самые послѣдніе годы.

залъ по вопросу объ уменьшеніи народонаселенія во Франціи горькое сожалѣніе насчетъ того, что фабричное законодательство мѣшаетъ родителямъ эксплуатировать дѣтей съ семилѣтняго возраста, а въ силу этого отнимаетъ у нѣжныхъ отцовъ и матерей всякую охоту производить такую безполезную теперь для рынка вещь, какъ ребенокъ...

Потому-то самая постановка среди правящихъ сферъ Франціи вопроса о безработицѣ показываетъ, что задача эта начинаетъ безпокоить даже тѣхъ, которые имѣютъ глаза, чтобы не видѣть, уши, чтобы не слышать. Многозначительна уже сама формула вопросовъ, съ которой „совѣтъ труда" обращался за свѣдѣніями къ различнымъ лицамъ, учрежденіямъ и группамъ. На ряду съ безработицей, зависящей отъ тѣхъ или иныхъ свойствъ индивидуума, а въ извѣстной степени и отъ его доброй воли, формула задается изслѣдованіемъ „общихъ причинъ вынужденной, незаслуженной личностями безработицы, касающейся цѣлыхъ корпорацій". Одна такая формулировка заключаетъ въ себѣ признаніе, что безработица есть не только результатъ какой-нибудь случайности или личной особенности Пьера или Поля.

Докладъ перечисляетъ различныя причины такой безработицы, и ниже мы съ читателемъ постараемся вкратцѣ разсмотрѣть нѣкоторыя изъ нихъ. Но прежде всего интересно узнать самые размѣры и распространенность зла. Теоретики мѣщанства увѣряютъ обыкновенно, что безработица есть явленіе крайне рѣдкое, исключительное и что, если отбросить неисправимыхъ лѣнивцевъ, то громадное большинство трудящихся можетъ жить безпечально продажей своихъ рукъ. Не такъ смотрятъ на вещи оффиціальные изслѣдователи, хотя ихъ, конечно, нельзя заподозрить ни въ какихъ разрушительныхъ тенденціяхъ или систематической враждѣ къ современному обществу. Какъ вы думаете, какую долю средняго рабочаго времени въ году составляетъ безработица? Ни много, ни мало, какъ 10%, т. е., иными словами, каждый рабочій въ современной Франціи долженъ готовиться почти къ шестинедѣльной голодовкѣ. Что же касается до общей пропорціи страдающихъ отъ отсутствія работы, то она достигаетъ 30% въ году, т. е. чуть-ли не одинъ изъ трехъ рабочихъ долженъ испытать въ теченіе года, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ то пріятное состояніе, при которомъ человѣкъ не знаетъ утромъ, будетъ ли у него хоть крошка хлѣба во рту за цѣлый день. При этомъ продолжительность голодовки лишь у 3% страдающихъ отъ безработицы не достигаетъ 8 дней; а у громаднаго большинства (87%) она длится отъ 8 дней до 6 мѣсяцевъ, у 10% же превышаетъ полгода. При открытіи разныхъ сооруженій, дорогъ, выставокъ и пр. французскія газеты любятъ растекаться въ чувствительныхъ фразахъ насчетъ „мирной арміи труда". Спрашивается, чтобы вы сказали о характерѣ какой-нибудь миролюбивой экспедиціи, участники которой под-

вергаются одному шансу изъ трехъ быть въ перестрѣлкѣ и одному шансу изъ десяти быть тяжело раненымъ или лечь на полѣ сраженія; ибо что означаетъ продолжительная безработица, какъ не голодную смерть *)...

Кстати, нечего и говорить, что такія же или почти такія же статистическія данныя о безработицѣ были найдены и въ другихъ странахъ. Составители французскаго оффиціальнаго доклада указываютъ, по крайней мѣрѣ, на отчеты федеральнаго департамента труда въ Соединенныхъ Штатахъ, трэдсъ-юніоновъ въ Англіи, рабочихъ ассоціацій въ Германіи, на различныя цифры, добытыя въ бельгійскихъ и швейцарскихъ городахъ; и изъ всѣхъ этихъ документовъ вытекаетъ заключеніе о почти одинаковой распространенности безработицы во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Гдѣ капиталъ сталъ полновластнымъ господиномъ промышленнаго строя, тамъ его окружаетъ густая „резервная армія" безработныхъ. Чѣмъ сильнѣе конкурренція между продающими трудъ, тѣмъ благопріятнѣе условія для роста и развитія капитала: предложеніе десяти паръ рабочихъ рукъ тамъ, гдѣ требуется не больше одной пары, является однимъ изъ признаковъ и условій капиталистическаго производства; и въ такомъ обществѣ переполненіе рынка труда замѣчается не въ однѣхъ отрасляхъ собственно промышленности, но буквально повсюду.

Во время преній во французской палатѣ по поводу безработицы, различные депутаты дали нѣкоторые характеристичные примѣры этого переполненія. Недалеко ходить: въ теченіе трехдневнаго карнавала въ 1897 г. комитетъ по устройству процессіи „жирнаго быка" нуждался въ 1100 фигурантахъ. Кликнули кличъ, даже не объявляя въ газетахъ. И что же? По одному лишь зову комитета сбѣжалось во Дворецъ промышленности, гдѣ устраивался кортежъ, цѣлыхъ 6000 безработныхъ, мужчинъ и женщинъ, наперерывъ предлагая свои услуги. Они должны были три дня подрядъ путешествовать по улицамъ Парижа для услады публики въ различныхъ костюмахъ и тяжелыхъ фигурахъ изъ картона, кто представляя гигантскую шляпу, кто кошку, кто рѣпу; кто, еле-еле держась въ рыцарскихъ доспѣхахъ, на лошади, на которую нужда заставила его взлѣзть, можетъ быть, первый разъ въ жизни; кто изображая фею и принимая утомительныя позы, претендовавшія на граціозность. Длина ежедневной прогулки была не менѣе 20 верстъ, и, только отломавши это разстояніе, фигуранты могли перекусить и отдохнуть. Плата за это добровольное самоистязаніе передъ публикой не превышала 3 франковъ въ сутки. И, однако, на каждое мѣсто явилось не менѣе шести претендентовъ; а между ними были не только простые рабочіе безъ занятій, но и бывшіе инженеры, чиновники, занимавшіе когда-то до-

*) См. приведенныя общія цифры на стр. 315 упомянутаго «Доклада».

вольно важныя мѣста, и вплоть до заслуженныхъ офицеровъ съ красной ленточкой ордена почетнаго легіона на груди *).

Но тутъ дѣло шло объ исключительномъ случаѣ и объ исключительной платѣ. Въ обыкновенное же время безработные почитаютъ себя счастливыми, если успѣютъ наняться въ качествѣ коммерческихъ фигурантовъ, разносящихъ прейскуранты и рекламы по улицамъ и зачастую привлекающихъ вниманіе ротозѣевъ своимъ причудливымъ или прямо шутовскимъ костюмомъ. Что касается до этого маскарада, то его вы можете видѣть въ Парижѣ не только во время карнавала, но круглый годъ. Часто передъ вами на большихъ бульварахъ пройдетъ рядъ какихъ-нибудь турокъ или негровъ, поражающихъ своимъ страннымъ одѣяніемъ и выкрикивающихъ дикимъ голосомъ удивительныя качества нубійской ваксы; или же развернется цѣлое шествіе испитыхъ, печальныхъ „людей-бутербродовъ" (hommes-sandwichs, какъ мѣтко называютъ ихъ французы), выглядывающихъ дѣйствительно на манеръ какого-то ломтика изъ-за стѣнокъ охватывающей ихъ деревянной или холщевой полу-палатки, полу-клѣтки, которую они носятъ по улицамъ Парижа, и на которой наклеена живописная реклама какой нибудь кафе-шантанной дивы въ невозможномъ декольтэ и съ обозначеніемъ ея гривуазнаго репертуара. Знаете, сколько получаютъ за день утомительнаго труда эти живыя афиши? Одинъ франкъ, дорогой читатель:—пятьдесятъ сантимовъ на завтракъ и пятьдесятъ сантимовъ вечеромъ! Не забудьте, что въ Парижѣ фунтъ хлѣба стоитъ двадцать, а то и больше сантимовъ, яйцо въ лавкѣ десять сантимовъ, самое обыкновенное мясо сантимовъ шестьдесятъ фунтъ, и вы живо представите себѣ, какъ можетъ питаться и жить „человѣкъ-бутербродъ".

И, между тѣмъ, каково бы ни было мѣсто, на него бросаются съ жадностью десятки конкуррентовъ, вырывая другъ у друга кусокъ изо рта. Парижскій муниципальный совѣтъ печатаетъ, напр., ежегодную статистику прошеній, которыя адресуютъ къ нему люди, желающіе занять какое-нибудь мѣсто отъ города, скажемъ—подметальщика улицъ, ламповщика и т. д. Съ каждымъ годомъ кипа этихъ прошеній все ростетъ и ростетъ. Въ 1895 г. общее число соискателей уже простиралось до 42,000; въ 1896 оно поднялось до 62,000, причемъ претенденты на иныя мѣста считались не десятками, а сотнями. Только самые крѣпкіе и способные успѣваютъ удержаться болѣе или менѣе постоянно на фабрикѣ и въ мастерской; мало-мальски ослабѣвшіе выбрасываются на улицу и увеличиваютъ ряды резервной арміи нищеты. За послѣднее десятилѣтіе народонаселеніе Парижа увеличилось на 23%, а расходы городскихъ „бюро благотворительности" (bureaux de

*) *Journal officiel du 26 février 1897; Chambre des députés; Compte rendu in extenso*, стр. 537—538 (рѣчь депутата Дэжанта на засѣданіи 25 февраля).

bienfaisance) возросли чуть не вдвое, на цѣлыхъ 91%. Приэтомъ знаменательно, что число призрѣваемыхъ бѣдныхъ, внесенныхъ въ списки, скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось (упавъ въ 1896 г. съ 16,000 на 15,000), тогда какъ цифра временно нуждающихся рабочихъ (nécessiteux) достигла въ томъ же 1896 г. 49,000, каждый изъ которыхъ за недостаткомъ городскихъ средствъ получилъ въ среднемъ не болѣе 9 франковъ. Въ иныхъ наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ, общественная благотворительность могла придти на помощь лишь одной пятой части просившихъ о пособіи, и размѣры пособій не превышали въ среднемъ $3^1/_2$ франковъ *).

Если припомнить, съ какой неохотой рабочій, а особенно парижскій, обращается къ оффиціальной помощи, и какой дурной славой пользуются благотворительныя бюро, дающія пособія послѣ долгихъ проволочекъ, кишащія злоупотребленіями и „питающія гораздо болѣе чиновниковъ, чѣмъ самихъ бѣдныхъ“, какъ выразился передъ сотрудникомъ „Фигаро“ одинъ изъ главныхъ помощниковъ префекта Сенскаго департамента,—если принять все это во вниманіе, то цифра въ 50,000 человѣкъ, просившихъ о помощи, бросаетъ яркій свѣтъ на степень нужды въ парижскомъ населеніи. Дополните эту картину статистикой бездомныхъ, изъ которыхъ 36,000 прибѣгали въ теченіе 1896 г. къ городскимъ ночлежнымъ пріютамъ, и, по всей вѣроятности, столько же, если не болѣе, ночевало въ частныхъ пріютахъ и филантропическихъ обществахъ,—вы не можете не придти къ заключенію, что въ стѣнахъ великаго города болѣе сотни тысячъ человѣческихъ существъ, мыслящихъ, чувствующихъ, страдающихъ, изнемогаютъ въ когтяхъ нищеты...

Но, можетъ быть, такъ печально складываются обстоятельства лишь въ гигантскомъ Парижѣ, который привлекаетъ къ себѣ радужными перспективами обогащенія жителей самыхъ отдаленныхъ уголковъ Франціи, а, заманивъ ихъ, бросаетъ на произволъ судьбы, на голодъ и лишенія? Къ сожалѣнію, и это не такъ. Въ провинціи безработица очень немногимъ меньше, чѣмъ въ Парижѣ. Не забудьте, что вышеприведенная цифра въ 30% страдающихъ отъ недостатка занятій есть средняя цифра для всей Франціи; въ столицѣ она едва-едва поднимается на 1%, достигая 31%. Въ иныхъ мѣстахъ провинціи она даже, наоборотъ, значительно выше парижской. И это понятно. Парижъ не только промышленный, но и торговый городъ, въ которомъ, сверхъ того, мелкое ремесленное производство еще очень распространено, а этотъ родъ производства, губительно отзываясь на здоровьи участвующихъ въ немъ мелкихъ мастерковъ, которые заработываютъ себя прямо до смерти, тѣмъ не менѣе отличается гораздо большей устойчивостью

*) *Journal officiel du 24 février 1897*, стр. 513 (изъ рѣчи депутата Валльяна на засѣданіи 23 февраля).

во время кризиса: ремесленникъ предпочтетъ надрываться надъ работой, но не остановитъ совсѣмъ свое занятіе. Что же сказать о крупныхъ промышленныхъ центрахъ въ провинціи, въ которыхъ скучены нѣкоторыя производства, ведущіяся теперь исключительно капиталистическимъ фабричнымъ способомъ? Съ какой стати фабрикантъ будетъ держать у себя полный комплектъ рабочихъ, когда неблагопріятно сложившіяся условія рынка не даютъ ему обычной прибыли, не говоря уже о временахъ обострившагося кризиса? И дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, нѣтъ ни одного крупнаго индустріальнаго центра во Франціи, гдѣ бы значительная часть рабочаго населенія не страдала отъ недостатка занятій.

Въ Рубэ, Туркуанѣ и печальной памяти Фурми различныя прядильныя и ткацкія фабрики распустили такую значительную часть своего персонала, что, напр., лишь въ первомъ изъ трехъ цитированныхъ мѣстъ на 13,000 ткачей около 2,300 или цѣлыхъ 18% не имѣютъ никакой работы. Все больше и больше сокращаютъ свое производство оружейные заводы, писчебумажныя фабрики и прядильни Тюлля. Безработица свирѣпствуетъ въ Лиможѣ, который славится своими фабриками фаянсовой посуды и суконъ. Значительная часть рабочихъ шерстоткацкихъ и фланелевыхъ заведеній Реймса вотъ уже сколько мѣсяцевъ не можетъ найти себѣ никакого занятія. Знаменитые шелкоткачи (такъ называемые canuts) береговъ Роны бредутъ куда глаза глядятъ изъ Ліона. Въ Марсели безработица свирѣпствуетъ особенно между персоналомъ мыловаренныхъ и кожевенныхъ заводовъ и среди портовыхъ рабочихъ, число которыхъ упало въ послѣдніе годы съ 10,000 на 2,000 (sic!), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ техническихъ усовершенствованій по разгрузкѣ и застоя во внѣшней торговлѣ со времени обостренія протекціонистской политики. И въ то время, какъ въ сахароваренномъ производствѣ прогрессъ машинъ и ростъ производительности труда дали въ послѣднія 15 лѣтъ огромный толчокъ промышленности (что не помѣшало депутатамъ вотировать вывозныя преміи для господъ сахароваровъ),—въ то самое время, т. е. съ 1881 по 1896 г., число рабочихъ въ этомъ производствѣ уменьшилось на 17,000; и во многихъ мѣстахъ, напр., въ Сѣверномъ департаментѣ, эти жертвы разныхъ Лебоди, Жалюзо и Сэевъ умираютъ медленной смертью вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Повсюду и во всѣхъ вѣтвяхъ національнаго труда, вплоть до земледѣлія, гдѣ страдаютъ въ особенности сельскіе батраки, замѣчается это сильное сокращеніе рабочихъ рукъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, возрастаніе резервной арміи незанятыхъ.

Каковы же причины этой хронической и все ростущей безработицы? Ибо не надо забывать, что если раньше дѣло шло о періодическихъ кризисахъ, объясненіе которыхъ составляетъ одну изъ блестящихъ сторонъ „Капитала", то теперь рѣчь идетъ о непрекращающемся застоѣ, о постоянной заминкѣ въ производствѣ. Раньше переполненіе рынка разрѣшалось энергическими судорожными движеніями въ противоположномъ направленіи: производство спазмодически сокращалось и снова же спазмодически расширялось. Теперь механизмъ рынка словно утерялъ упругость своихъ тканей, и современное производство походитъ на человѣка, который умираетъ отъ гипертрофіи сердца и недостаточности его клапановъ.

Эта хроническая болѣзнь является такимъ жгучимъ вопросомъ современности, что она останавливаетъ на себѣ вниманіе и чистыхъ теоретиковъ, и государственныхъ дѣятелей, и самаго зауряднаго человѣка, такъ или иначе участвующаго въ процессѣ общественнаго производства, или живущаго его результатами. Но каждый разсматриваетъ упомянутое явленіе въ той сферѣ, гдѣ онъ соприкасается съ нимъ, разсматриваетъ поэтому подъ своимъ угломъ зрѣнія и сквозь призму своихъ интересовъ. Оттого такъ различны отвѣты на причины современнаго кризиса: къ каждому сфинксъ повертываетъ какъ бы новую маску, и каждый соглашается съ другимъ лишь въ томъ, что страшенъ этотъ сфинксъ. Возьмите представителей интересовъ крупныхъ фабрикантовъ и торговцевъ. Послушать ихъ, главная бѣда въ конкурренціи другихъ странъ, наводняющихъ международный рынокъ. Отсюда ихъ требованіе захвата новыхъ рынковъ (колоніальная политика) и защиты своего собственнаго рынка отъ иноземныхъ производителей (протекціонизмъ). Возьмите мелкаго буржуа и ремесленника: девяносто девять изъ ста лицъ этой категоріи скажутъ вамъ, что всему виной крупный капиталъ, который ведетъ противъ нихъ безсовѣстную войну, пользуясь своими фактическими привилегіями силы; а, какъ на средство задержать гибель мелкой мастерской и мелочной лавки, укажутъ вамъ на необходимость обложить крупные капиталы прогрессивнымъ налогомъ—патентомъ (по числу занимаемыхъ рабочихъ или приказчиковъ). Подойдите, наконецъ, къ рядовому, мало сознающему свои классовые интересы рабочему: этотъ обрушится главнымъ образомъ на конкурренцію, которую оказываютъ ему чужеземные собраты, разные бельгійцы, нѣмцы, итальянцы и швейцарцы, привыкшіе, молъ, у себя жить какъ попало и сбивающіе ему заработную плату въ собственномъ его отечествѣ; отсюда новый рецептъ—запрещеніе иностраннымъ рабочимъ пріѣзжать во Францію или, по крайней мѣрѣ, обложеніе ихъ высокимъ налогомъ. И такъ далѣе: каждый изъ заинтересованныхъ указываетъ вамъ на частичную сторону вопроса, и каждый предлагаетъ свое рѣшеніе, рекомендуя распространить его

законодательнымъ порядкомъ на все общество и полагая, что этимъ вопросъ будетъ порѣшенъ во всей своей совокупности.

Интересны съ этой точки зрѣнія отвѣты, полученные коммиссіей по изслѣдованію безработицы отъ различныхъ группъ, лицъ и учрежденій относительно причинъ экономическаго застоя: безработица является одной изъ важнѣйшихъ сторонъ этого застоя: можно даже сказать, что въ послѣднемъ счетѣ экономическая болѣзнь современнаго строя и заключается именно въ томъ, что значительная часть совершенно здоровыхъ производителей лишена возможности производить что-либо.

Въ нѣсколько разноголосомъ концертѣ отвѣтовъ, о которомъ мы только что помянули, есть ноты исключительно оптимистическаго характера; есть другія ноты, гдѣ оптимизмъ смягчается указаніемъ на темныя стороны современной экономической жизни; есть, наконецъ, ноты, по преимуществу, отрицательнаго характера.

Вотъ, напр., г. Поль Бессанъ, управляющій громаднымъ магазиномъ готоваго платья „Прекрасная садовница", не нарадуется, какъ все это хорошо устроено въ его спеціальности. По его мнѣнію, и „рабочіе портные страдаютъ гораздо менѣе, чѣмъ можно было бы думать, отъ мертваго сезона", и даже

мало-мальски предусмотрительный работникъ, работающій по заказу, можетъ продуктомъ своего труда (задѣльной платой?) въ теченіе двухъ третей года обезпечить свое существованіе въ продолженіе періода безработицы *).

А отсюда нашъ дѣлецъ заключаетъ побѣдоносно, что и во всѣхъ вообще отрасляхъ промышленности

причины вынужденной безработицы не могутъ, какъ намъ кажется, имѣть серьезное вліяніе на національное производство. Онѣ преходящи по самому существу своему, въ томъ смыслѣ, что рабочія руки, которыя не могутъ болѣе найти для себя занятій въ извѣстной вѣтви промышленности, имѣютъ возможность перейти къ другимъ, вновь созданнымъ вѣтвямъ промышленности.

Наоборотъ, что сильно озабочиваетъ г. М. Бессана, такъ это „причины безработицы, зависящія отъ недостатка рынковъ или отъ черезчуръ большого бремени налоговъ". Для устраненія этихъ причинъ, онъ ставитъ условіемъ „не только, чтобы мы были господами внутренняго рынка, но еще чтобы и чужіе рынки не были намъ закрыты"; а для сего рекомендуетъ

во первыхъ, установленіе экономическаго режима, приспособленнаго къ нашимъ потребностямъ; во вторыхъ, финансовыя мѣры, ведущія къ облегченію податной тяжести, что позволило бы нашимъ соотечественникамъ бороться равнымъ оружіемъ, какъ во Франціи, такъ и повсюду, противъ иностранной конкурренціи **).

*) *Rapport*. стр 329—330.
**) Ibid., стр. 330—331, passim.

До сихъ поръ всѣ безпристрастные изслѣдователи портняжнаго и швейнаго ремесла увѣряли насъ, что такъ называемый мертвый сезонъ есть дѣйствительно ужасная вещь для рабочихъ въ этой отрасли промышленности; и что этимъ обстоятельствомъ пользуются, именно, магазины готоваго платья, нанимая въ это время за безцѣнокъ лучшихъ закройщиковъ для модныхъ фасоновъ. Является г. Бессанъ, т. е. какъ разъ одинъ изъ тѣхъ капиталистовъ, которые живутъ эксплуатаціей портныхъ, и развязно объявляетъ намъ, что въ извѣстной ему спеціальности положеніе рабочихъ совсѣмъ не такъ плохо, какъ можно было бы думать; и что въ особенности работа на заказъ позволяетъ портному поддерживать круглый годъ свое существованіе. Гмъ! „на заказъ"? Но вѣдь ваши рабочіе дѣлаютъ платье, именно, не на заказъ, а готовое, и намъ было бы любопытно знать, какъ переносятъ мертвый сезонъ эти труженики. Интересно, впрочемъ. нечаянное признаніе г. Бессаномъ того факта, что даже въ аристократіи портныхъ, т. е. среди тѣхъ, которые шьютъ на заказъ, болѣе или менѣе правильная работа продолжается всего двѣ трети года, а остальную треть года люди должны питаться вмѣсто мяса и хлѣба „предусмотрительностью".

Дальше еще лучше. Тотъ самый господинъ, который такъ правдиво и добросвѣстно рисуетъ намъ положеніе своей спеціальности, считаетъ себя вполнѣ компетентнымъ бросить „взглядъ и нѣчто" изъ-за своей конторки на все „національное производство"; и съ большимъ апломбомъ увѣряетъ насъ, что, собственно говоря,—безработица и не существуетъ, ибо рабочія руки, потерявши одно занятіе, могутъ перейти къ другому. Конечно, конечно! Жаль, что почтенный генералиссимусъ арміи портныхъ забылъ лишь сказать намъ, что къ этимъ злополучнымъ рабочимъ рукамъ, мотающимся безъ дѣла, привѣшаны, по „непредусмотрительности" судьбы, желудокъ, который проситъ пищи, нервная система, которая передаетъ ощущенія, и голова, которая мыслитъ, чувствуетъ, страдаетъ и тщетно силится избѣжать страданія; и что пока руки какого-нибудь портного выучатся работѣ машиниста или ткача, да пока найдутъ себѣ это новое занятіе, владѣлецъ этихъ рукъ переселится въ страну, гдѣ, дѣйствительно, нѣтъ безработицы, ибо нѣтъ и производства, какъ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Что касается до положительныхъ мѣръ устраненія безработицы, то эту часть записки г. Бессана надо читать между строкъ. Относительно завоеванія внѣшнихъ рынковъ распространяться, правда, нечего: это — общее желаніе фабрикантовъ. Но чтобы уяснить читателю смыслъ второго требованія, облегченія отъ податныхъ тягостей, надо напомнить ему, что упомянутая записка составлялась въ то время, когда во Франціи было министерство Буржуа, и тогдашній министръ финансовъ, г. Думэръ

(quantum mutatus ab illio!), предлагалъ подвергнуть доходы прогрессивному налогу. „Облегченіе отъ податныхъ тягостей“ означало просто: г. Буржуа и вы, о грозный г. Думэръ, дайте намъ возможность попрежнему получать прибавочную стоимость, не дѣлясь ею съ государствомъ!...

Не менѣе оптимистиченъ и отвѣтъ Гиллэна, „государственнаго совѣтника, директора дорогъ, водныхъ путей и рудниковъ“. Это, впрочемъ, не классовой оптимизмъ капиталиста, а оффиціальный оптимизмъ чиновника, который полагаетъ, что если исходящія и входящія въ его вѣдомствѣ пишутся въ установленномъ порядкѣ, жалованье за его административные труды платится ему полностью и опредѣленнаго числа, то и вся Франція, можно сказать, изнемогаетъ подъ бременемъ благополучія. По словамъ нашего совѣтника, если безработица замѣчается въ извѣстное время года среди лицъ, живущихъ судоходствомъ, то ея почти совсѣмъ нѣтъ въ горной промышленности. Такъ,

категорія металлическихъ рудниковъ, взятая въ цѣломъ, не перестаетъ занимать постояннымъ образомъ все возростающее число рабочихъ. Здѣсь могли быть и, дѣйствительно, были перемѣщенія рабочихъ рукъ изъ одного округа въ другой; но нельзя сказать, чтобы здѣсь были случаи безработицы.

Что касается до каменноугольныхъ копей, то тутъ, по словамъ нашего автора, безработица въ самые плохіе годы и среди лѣта не превышаетъ 10 — 20 дней, „такъ что рабочій занятъ во всякомъ случаѣ не менѣе 280 — 290 дней въ году“. И г. Гиллэнъ заканчиваетъ свою записку совсѣмъ ликующей фразой:

итакъ, рабочіе во всѣхъ отрасляхъ горной промышленности являются привилегированными въ смыслѣ безработицы, какъ они являются, впрочемъ, привилегированными и въ другихъ отношеніяхъ *).

Мы уже совсѣмъ были готовы придти въ восторгъ отъ райской жизни этихъ рабочихъ, какъ вдругъ высоко поднимающееся пламя нашего энтузіазма быстро гаснетъ отъ ушата холодной воды, который выливаетъ на насъ замѣтка нѣкоего г. Жура, секретаря общества взаимопомощи луарскихъ углекоповъ. Вотъ что говоритъ онъ намъ:

Изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ году каменноугольныя копи работаютъ полнымъ ходомъ, можно сказать безъ преувеличенія, всего четыре—пять мѣсяцевъ. Въ теченіе этого промежутка общая пропорція безработицы по отношенію къ рабочему времени достигаетъ 15%, а отъ февраля до сентября поднимается до 35% и до 40%. Помимо этого, занятымъ рабочимъ приходится еще терпѣть отъ другой формы безработицы, ибо компаніи даютъ этимъ рабочимъ дѣла всего на четыре дня въ недѣлю въ продолженіе мертваго сезона. Громадные запасы угля, заготовленные въ пору горячей работы, остаются въ складахъ и позволяютъ компаніямъ выполнять всѣ полученные

*) Ibid., стр. 361—364, passim.

заказы при самомъ небольшомъ числѣ рабочихъ. И это въ то самое время, какъ изъ 34 милліоновъ тоннъ угля, составляющихъ потребленіе Франціи, по меньшей мѣрѣ 15 милліоновъ доставляется сюда заграничными каменноугольными компаніями *).

Другія записки, сказалъ я, смѣшаннаго характера и заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ частной критикой нѣкоторыхъ сторонъ капиталистическаго строя, общее признаніе его. Интересна въ этомъ отношеніи записка Бедэна, одного изъ компаньоновъ большого малярнаго заведенія Леклера. Какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ безработицы въ профессіи каменьщиковъ, штукатуровъ, маляровъ и проч. рабочихъ, участвующихъ въ строительномъ дѣлѣ, этотъ спеціалистъ указываетъ на небрежный характеръ работъ, исполняемыхъ теперешними спекуляторами и подрядчиками, въ результатѣ чего количество труда и рабочихъ рукъ, требовавшееся раньше для постройки дома, сокращено теперь почти въ два раза **). Замѣтимъ, что авторъ этой записки совѣтуетъ своимъ собратамъ капиталистамъ если не совсѣмъ уничтожить, то въ значительной степени ослабить послѣдствія безработицы, привлекая рабочихъ къ участію въ прибыляхъ предпріятія. Для насъ интересно здѣсь косвенное признаніе, что заминка въ производствѣ можетъ быть избѣгнута лишь увеличеніемъ заработной платы (насчетъ прибавочной стоимости), т. е. иначе говоря, усиленнымъ потребленіемъ производимыхъ продуктовъ со стороны рабочихъ.

Другой капиталистъ, занимающійся очисткой сѣры, марселецъ Будъ, схватываетъ въ общемъ вѣрно причины безработицы, видя ихъ, между прочимъ, въ „переполненіи рынковъ и перепроизводствѣ, къ которому стремятся фабриканты, стараясь распредѣлить на большее количество продуктовъ сумму своихъ общихъ издержекъ“. Но онъ не видитъ никакихъ средствъ, какъ помочь бѣдѣ:

въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ возможно, при режимѣ коммерческой свободы для всѣхъ и каждаго, заставить фабриканта, который увѣренъ въ убыткѣ, продолжать производство и наемъ рабочихъ, въ то время какъ необходимость заставляетъ его пріостановить работы? ***).

Почти буквально то же самое повторяетъ владѣлецъ литейнаго завода Шаппэ, изъ города Мана (le Mans), заключая изложеніе причинъ безработицы указаніемъ на „тенденцію каждой отрасли промышленности увеличивать кругъ своихъ оборотовъ, съ цѣлью уменьшить пропорцію своихъ общихъ издержекъ“. Хозяинъ красильнаго заведенія въ Ліонѣ, нѣкто Шарвэ, ограничивается тѣмъ, что указываетъ на причины кризиса и безработицы въ шелковой промышленности, а именно на замѣну ручного тканья механи-

*) Ibid., p. 367.
**) Ibid., стр. 332.
***) Ibid., стр. 336—337.

ческимъ и на значительные успѣхи химіи въ красильномъ производствѣ. Рабочій Дюлакъ, хорошо изучившій въ качествѣ механика различныя отрасли крупной промышленности, приписываетъ безработицу въ металлическомъ производствѣ конкурренціи заграничныхъ заводовъ, на которыхъ снабжаютъ себя усовершенствованными (англійскими?) машинами французскіе фабриканты; безработицу на ткацкихъ фабрикахъ Дюлакъ объясняетъ черезчуръ большой длиной рабочаго дня (12 часовъ, по меньшей мѣрѣ), которая позволяетъ управляться сравнительно небольшимъ количествомъ рабочихъ рукъ; на желѣзныхъ же дорогахъ и въ прочихъ очень крупныхъ отрасляхъ производства безработица, по мнѣнію Дюлака, вызывается тѣмъ, что акціонерныя компаніи выбрасываютъ систематически на мостовую постарѣвшихъ рабочихъ, трудъ которыхъ уже не можетъ быть такъ производителенъ, какъ былъ прежде. Дюлакъ совѣтуетъ, между прочимъ, для уменьшенія зла безработицы сократить рабочій день для взрослыхъ, по крайней мѣрѣ, до 10 часовъ, пока международное соглашеніе государствъ не дастъ возможности установить повсюду 8-часовой рабочій день.

Но наиболѣе ясная и содержательная записка была представлена Викторомъ Делагэ (Delahaye) *), механикомъ въ Сентъ-Уанѣ, подъ Парижемъ. Сама личность писавшаго представляетъ извѣстный интересъ **). Делагэ—простой рабочій, но рабочій интеллигентный и издавна занимающійся производствомъ самыхъ тонкихъ электрическихъ и т. п. инструментовъ. Неглупый, энергичный, онъ рано выдѣлился изъ окружающей среды и, путемъ самообразованія, пріобрѣлъ массу спеціальныхъ свѣдѣній и даже кой-какія общія знанія. Онъ совсѣмъ не то, что принято называть революціонеромъ, и многіе изъ его прежнихъ товарищей рабочихъ считаютъ его перешедшимъ на половину въ ряды буржуазіи. Послѣ движенія 18 марта 1871 г. Делагэ удалился въ Англію, выучился англійскому языку и успѣлъ занять въ Лондонѣ хорошее мѣсто техника. Впослѣдствіи онъ путешествовалъ по Америкѣ, возвратился во Францію и, вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ и Бюрдо, былъ посланъ делегатомъ отъ французской республики на берлинскую международную конференцію по рабочему вопросу, созванную въ мартѣ 1890 г. Вильгельмомъ II. Делагэ получилъ даже орденъ Почетнаго Легіона, на что, какъ извѣстно, въ рабочей средѣ смотрятъ съ недовѣріемъ. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ на одномъ рабочемъ банкетѣ, куда Делагэ явился въ потертомъ пиджакѣ, но съ красной ленточкой на груди. Уже одно это украшеніе производило странный эффектъ

*) См. въ «Докладѣ»: *Note de M. Victor Delahaye*, стр. 343—349.

**) Нынѣ ретроспективный: Делагэ умеръ весною 1898 г. сравнительно молодымъ по западно-европейскимъ понятіямъ,—ему было всего 59 лѣтъ.

среди шумной рѣзко-демократической публики. Насъ представили; а такъ какъ я зналъ интересные доклады Делагэ по нѣкоторымъ спеціальнымъ сторонамъ рабочаго вопроса, то воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы навести новаго знакомаго на интересовавшее меня общее его міровоззрѣніе. „Какова психологія этого неглупаго и порядочнаго человѣка. но находящагося на границѣ двухъ міровъ"?—спрашивалъ я себя. Рѣчь зашла о берлинской конференціи и о только что умершемъ тогда (лѣтомъ 1896 г.) Жюлѣ Симонѣ. Я прямо высказалъ свой отрицательный взглядъ на слащаваго „оратора-философа" и ловкаго политическаго дѣльца, о которомъ одинъ изъ республиканскихъ депутатовъ выразился въ 70-хъ годахъ, послѣ преній между этимъ спиритуалистическимъ соловьемъ и епископомъ Дюпанлу: „о, да, нашъ свѣтскій духовникъ получитъ раньше Дюпанлу кардинальскую шапку"!..

Делагэ посмотрѣлъ на меня своими живыми глазами, погладилъ свою большую, не на французскій манеръ отпущенную бороду и произнесъ въ защиту Жюля Симона маленькій, но ловко построенный спичъ. Смыслъ этой рѣчи былъ тотъ, что, конечно, подобно всѣмъ буржуа, Жюль Симонъ отличался большой узостью по нѣкоторымъ вопросамъ; но, разъ допустивъ буржуазную точку зрѣнія, которая была навязана Жюлю Симону самой средой, придется сказать, что покойный былъ всетаки однимъ изъ лучшихъ буржуа, и что онъ серьезно и искренно пытался войти въ интересы поднимающагося къ свѣту и жизни четвертаго сословія...

Я сдѣлалъ это маленькое отступленіе съ цѣлью указать читателю, что Делагэ не держится очень крайнихъ убѣжденій; и что поэтому и въ его запискѣ мы встрѣтимся, прежде всего, съ спокойнымъ изложеніемъ вопроса человѣкомъ, знающимъ свое дѣло. И что же? Делагэ, изучившій спеціально, и не только теоретически, но и практически, различныя отрасли промышленности, производящей машины и автоматическіе аппараты,

нимало не колеблется сказать, что вотъ уже цѣлое столѣтіе главнѣйшими причинами вынужденной безработицы являются слѣдующія три: 1) производительность человѣческаго труда, значительно возросшая и передающаяся при помощи современнаго техническаго механизма, преобразуя экономическія отношенія, произвела цѣлый переворотъ въ отношеніяхъ общественныхъ; 2) способъ распредѣленія и присвоенія стоимости, заключенной въ продуктахъ труда, лишилъ рабочихъ средствъ производства и существованія; 3) чрезмѣрное удлиненіе продолжительности рабочаго времени, ослабляя источники и уменьшая интенсивность человѣческаго труда, увеличиваетъ мѣновую стоимость продуктовъ и ставитъ отсталыя страны въ положеніе коммерческой безпомощности, какъ у себя, такъ и за границей *).

Такимъ образомъ, здѣсь указана основная причина все увеличивающейся заминки въ экономической жизни: національное и

*) Ibid., стр. 343.

международное перепроизводство продуктовъ, вызываемое капиталистической конкурренціей. Два-три примѣра, удачно выбранные Делагэ по своей спеціальности, бросаютъ яркій свѣтъ на размѣры этого перепроизводства. Часовщикъ-ремесленникъ, при помощи ручныхъ инструментовъ, можетъ изготовить въ теченіе часа одну часовую ось (или arbre, какъ называютъ французы). Но пусть тотъ же самый рабочій приложитъ свой трудъ къ усовершенствованнымъ автоматическимъ машинамъ, которыя употребляются, скажемъ, на знаменитой Вальтгамской фабрикѣ часовъ (въ Массачузетскомъ штатѣ Сѣверной Америки). Оказывается, что этотъ рабочій можетъ руководить сразу десятью такими машинами; а такъ какъ каждая изъ нихъ вырѣзаетъ и отдѣлываетъ въ часъ 50 такихъ осей, то въ теченіе одного часа рабочій изготовитъ 500 осей вмѣсто прежней одной. Но хотя производительность труда увеличилась въ 500 разъ, плата рабочаго остается на прежней высотѣ, если еще не уменьшится подъ вліяніемъ конкурренціи. Тамъ, гдѣ раньше надо было 500 рабочихъ, фабрикантъ употребляетъ одного: что же сдѣлается съ 499 „освобожденными“ отъ труда рабочими?

Другой примѣръ. Возьмите первобытнаго прядильщика, который не имѣетъ ничего, кромѣ рукъ, и дайте ему луизіанскаго или остъ-индскаго хлопка: въ теченіе часа онъ выпрядетъ вамъ около 1 грамма нити № 27. Снабдите вашего прядильщика древнимъ веретеномъ: его производство возростетъ въ часъ до 5 граммовъ нити того же номера и качества. Посадите его за средневѣковую прялку, надъ которой распѣваетъ такія наивныя пѣсни прекрасная Гретхенъ: въ концѣ часа вашъ рабочій спрядетъ 20 граммовъ все той же нити. Но на современной фабрикѣ и при помощи усовершенствованныхъ машинъ (автоматическихъ шпулекъ и т. п.) рабочій производитъ въ теченіе часа 2,300 граммовъ пряжи даннаго номера. Гдѣ прежде общество нуждалось въ 2,300 рабочихъ, теперь достаточно и одного: какова будетъ жизнь 2,299 остальныхъ? Приложите тотъ же способъ разсужденія къ безчисленнымъ вѣтвямъ современнаго производства; обратите вниманіе на то, что потребленіе громаднаго большинства все больше и больше отстаетъ отъ развитія производства, и вы убѣдитесь въ вѣрности меланхолическаго разсужденія Делагэ:

И подумать только, что въ теченіе четырнадцати столѣтій средневѣковья, каждый ремесленникъ, каждый свободный или крѣпостной производитель могъ, при помощи самыхъ первобытныхъ средствъ производства, воспитывать такъ или иначе свою семью. Если и были тогда убійственныя голодовки, то онѣ принадлежали къ разряду природныхъ случайностей, и рабочіе во всякомъ случаѣ не умирали съ голоду среди изобилія и возлѣ магазиновъ, ломящихся отъ всевозможныхъ припасовъ, а погибали отъ недостатка хлѣба, слѣдовавшаго за дурнымъ урожаемъ. Если же въ настоящее время безработные медленно угасаютъ въ мученіяхъ голода или кончаютъ самоубійствомъ, о это зависитъ отъ способа распредѣленія продуктовъ труда, отъ наруше-

нія экономическаго закона присвоенія, болѣе древняго, чѣмъ всевозможные писанные законы и кодексы и который можно резюмировать такъ: каждому рабочему принадлежитъ полная стоимость продуктовъ его труда, за вычстомъ издержекъ по общественной солидарности *).

Въ качествѣ человѣка спокойнаго и умѣреннаго, Делагэ возлагаетъ надежды на „правительство третьей республики", которое можетъ, молъ, осуществить лучшій экономическій строй „демократизаціей долгосрочнаго кредита, субсидіями и гарантіей по процентамъ на пользу рабочихъ производительныхъ ассоціацій"; при чемъ съ особенной симпатіей подчеркиваетъ слова тогдашняго министра Буржуа, который въ рѣчи, произнесенной 25 декабря 1895 г. на банкетѣ Французской лиги обученія, призналъ громадное значеніе солидарности въ общественной жизни:

Французская демократія не можетъ довольствоваться тѣмъ, что провозгласила равенство сословій; она должна осуществить это равенство въ области фактовъ. Человѣкъ не долженъ смотрѣть на себя, какъ на существо изолированное, и думать только о себѣ. Онъ не долженъ обращать вниманіе лишь на то, охранены-ли всѣ его права; онъ долженъ задаваться также вопросомъ, выполнилъ-ли онъ всѣ свои обязанности. Онъ представляетъ собой существо, связанное съ цѣлымъ обществомъ. и его должны озабочивать интересы и права этой коллективности.

Одной изъ спеціальныхъ и наиболѣе извѣстныхъ большой публикѣ сторонъ вопроса о безработицѣ является профессіональный пауперизмъ, или нищенство. Подобно другимъ застарѣлымъ язвамъ современнаго строя (напр., проституціи), нищенство представляетъ собой неразрѣшимую задачу въ настоящее время И всякій искренній изслѣдователь этого вопроса, держащійся на почвѣ существующихъ отношеній, рано или поздно долженъ признаться, что дѣло идетъ собственно не столько объ искорененіи нищенства, сколько о приданіи ему болѣе приличныхъ формъ. Убрать безобразный фактъ съ фасада цивилизаціи; забросить его куда-нибудь подальше на задворки, чтобы онъ не оскорблялъ эстетическаго чувства,— вотъ характеръ всевозможныхъ палліативныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ нищенства и столь же полезныхъ, какъ наложеніе пластыря на деревянную ногу. Въ этомъ отношеніи средневѣковыя воззрѣнія, освящавшія нищенство во имя религіозныхъ традицій и видѣвшія въ немъ для бѣдныхъ школу смиренія, а для богатыхъ школу милосердія,—въ этомъ отношеніи, говорю я, эти отживающіе взгляды несомнѣнно симпатичнѣе буржуазнаго міросозерцанія: въ нихъ всетаки, хотя и въ каррикатурной формѣ, отражается сознаніе общественной солидарности между людьми; но современный буржуа неумолимо преслѣдуетъ какъ разъ тотъ фактъ, который созданъ въ его настоящемъ видѣ самимъ же раз-

*) Ibid., стр. 347.

витіемъ буржуазнаго строя. Я помню, какъ большая печать Парижа набросилась на одного писателя-католика изъ бонапартистской газеты „L'Autorité", который по поводу одной богатой парижской свадьбы и осаждавшихъ ее у дверей церкви нищихъ осмѣлился написать:

Въ принципѣ мы не осуждаемъ нищенства и не находимъ ничего дурного въ томъ, чтобы люди, обездоленные жизнью (les déshérités de la vie), призывали со всевозможной надоѣдливостью счастливыхъ людей къ обязанностямъ христіанскаго братолюбія, столь часто совершенно забываемымъ ими.

„Какъ, вы рѣшаетесь еще больше деморализировать проповѣдью тунеядства и безъ того деморализированную массу! Куда же намъ спастись отъ цѣпкихъ рукъ лѣнивцевъ, гдѣ отдохнуть отъ тяжелой дѣйствительности?" Такъ или приблизительно такъ скрипѣли сердитыми перьями почтенные публицисты „Le Temps" или „Le Journal des Débats". И эта безжалостная, глубоко-эгоистическая точка зрѣнія кладетъ свой отпечатокъ даже и на очень порядочныхъ въ личномъ отношеніи представителей буржуазіи. Она внушила, между прочимъ, массу проектовъ, какъ истребить профессіональное нищенство путемъ обязательнаго труда.

Къ этой категоріи проектовъ надо отнести предложенія, заключающіяся въ книжкѣ Луи Польяна о „Нищенствующемъ Парижѣ" *). Книжка эта пришлась многимъ по вкусу. Она очень быстро выдержала чуть не до десяти изданій. Академія сорока безсмертныхъ удостоила ее одной изъ своихъ премій. Оффиціальные и неоффиціальные филантропы сдѣлали ее въ нѣкоторомъ родѣ своимъ евангеліемъ. Какъ „документъ" для психологіи буржуазіи, она положительно типична. Но главный интересъ ея всетаки не въ планахъ и проектахъ „реформъ" автора, сколько въ описательной сторонѣ, въ изображеніи различныхъ, очень сложныхъ и остроумныхъ, такъ сказать на научную почву поставленныхъ формъ и пріемовъ нищенства. Фатальный продуктъ строя, основаннаго на конкурренціи,—современное нищенство, а особенно нищенство въ Парижѣ, выработало и особыя орудія, приспособленныя къ тому, чтобы пробрать нынѣшняго толстокожаго человѣка, расшевелить, расчувствовать его и урвать у него маленькій кусочекъ притекающей къ нему „прибавочной стоимости". Классическій типъ нищаго, прямо останавливающаго васъ на улицѣ и протягивающаго къ вамъ руку за подаяніемъ, уступилъ по большей части мѣсто всевозможнымъ усовершенствованнымъ разновидностямъ профессіональнаго паразита.

Возьмите, напр., нищаго, ходящаго по домамъ за милостыней. Это занятіе превратилось въ правильное ремесло и совершается

*) Louis Paulian, *Paris qui mendie. Les vrais et les faux pauvres. Mal et remède;* Парижъ, 1895 (8-е изданіе).

при помощи опредѣленныхъ инструментовъ труда. Въ мірѣ парижскихъ нищихъ находятся для этого въ обращеніи двѣ справочныхъ (конечно, писанныхъ) книги или, лучше сказать, адресъ-календаря: одна называется „большой игрой", другая „маленькой". Маленькая игра, это — списокъ адресовъ тѣхъ лицъ, которыя извѣстны своей благотворительностью; на такомъ листѣ помѣщается обыкновенно нѣсколько сотъ фамилій, и стоитъ этотъ необходимый для успѣшнаго нищенства путеводитель три франка. Но „большая игра"—изобрѣтеніе гораздо болѣе остроумное. Тутъ къ простому списку филантроповъ прибавляется характеристика каждаго изъ нихъ, раскрывающая больныя стороны его и облегчающая психологическую игру на нервахъ благотворителя. Нѣкоторыя страницы этой книжки, стоющей уже цѣлыхъ шесть франковъ, полны неподдѣльнаго юмора и тонкой наблюдательности. Польянъ цитируетъ, какъ примѣръ, слѣдующій листикъ:

Г. А. — богатый собственникъ; легко суетъ въ руку пятифранковую монету; платитъ за квартиру, если сказать, что хозяинъ дома прогоняетъ на улицу.

Г. В.—никогда не даетъ денегъ; но всегда можно получить одежду.

Вдова, г-жа С.—занимается только дѣтьми. Спрашивайте пеленокъ для ребенка и бѣлья для роженицы. Можно также получить билеты на даровое молоко въ печатанныхъ бутылкахъ; скажите, что вашъ ребенокъ боленъ.

Г. D.—набожная семья. Любитъ вѣнчать живущихъ въ незаконномъ бракѣ, крестить дѣтей въ церкви и помогать причастникамъ, идущимъ въ первый разъ. Здѣсь легко одѣться во все новое съ головы до ногъ.

Г. Е.—протестантъ; одѣваетъ дѣтей и отсылаетъ ихъ въ школу; даетъ билеты на полученіе даровой обуви и платья; но спрашиваетъ адресъ нищаго и наводитъ справки: условьтесь съ вашимъ пріятелемъ и дайте адресъ какого-нибудь почтеннаго дома.

Г. F.—старый республиканецъ—радикалъ; очень богатъ. Къ этому явиться въ качествѣ жертвы реакціонеровъ и поповъ, пострадавшей, молъ, за свои крайнія убѣжденія *).

Запасшись такимъ неоцѣненнымъ матеріаломъ, попрошайка работаетъ навѣрняка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ расширяетъ предѣлы своихъ операцій и старается открыть на свой страхъ новые адреса: за каждый свѣжій адресъ составители большой и малой игры платятъ доставившему пятьдесятъ сантимовъ. Въ какой степени эта „игра" ведется успѣшно, можно видѣть изъ разсказа одной нищенки, которая признавалась Польяну, что во время одной холодной зимы она ухитрилась перекрестить своего ребенка двѣнадцать разъ въ протестантской церкви и четырнадцать въ католической; а за то получила каждый разъ (разумѣется, отъ разныхъ лицъ) по франку и по новому платью.

Другіе нищіе эксплуатируютъ суевѣріе и толпятся возлѣ дверей Сорбонны въ то время, какъ тамъ экзаменуютъ на аттестатъ зрѣ-

*) L. Paulian, стр. 35—36.

лости (baccalauréat). Интересно, что громадное большинство гимназистовъ даетъ „для счастья“ попрошайкѣ, улучившему удобный психологическій моментъ. Есть нищіе, которые спеціально живутъ тѣмъ, что пишутъ стихотворенія и именные акростихи для богатыхъ невѣстъ, внимательно слѣдя за браками по объявленіямъ, и пересылаютъ свои слезныя посланія во время бала и т. п. Иные обращаются исключительно къ учителямъ или журналистамъ, выдавая себя за ихъ собратовъ. Другіе притворяются больными и получаютъ въ госпиталяхъ даровые билеты на сѣрныя ванны, души, хинное вино, сбывая все это за деньги дѣйствительно нуждающимся, но робкимъ бѣднякамъ, тутъ же возлѣ госпиталя, въ какомъ-нибудь кабакѣ. Увѣчные принадлежатъ къ аристократіи нищенства и успѣваютъ зарабатывать сравнительно большія деньги, ибо, сверхъ обильныхъ подаяній, они живутъ еще продажей искусственныхъ рукъ и ногъ, которыя даются имъ филантропическимъ „Обществомъ для помощи бѣднымъ калѣкамъ“, и которыя они получаютъ по нѣскольку разъ въ году подъ вымышленными фамиліями.

Но есть между нищими и истинные артисты ремесла, изобрѣтательность которыхъ обнаруживаетъ недюжинныя способности. Польянъ цитируетъ, напр., одну женщину, которая регулярно каждый день набивала себѣ искусственный животъ и, притворяясь беременною, внезапно почувствовавшею схватки, вызывала къ себѣ общее сожалѣніе окружавшихъ ее, особенно дамъ, на омнибусѣ, куда она предварительно забиралась. Въ результатѣ—пригоршня мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ и, сверхъ того, даровой извозчикъ, котораго сердобольные зрители нанимали, чтобы отвезти бѣдную роженицу домой. Но особенно курьезенъ примѣръ двухъ друзей, прекрасныхъ пловцовъ, которые возбуждали сочувствіе публики тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, притворяясь самоубійцей изъ-за голода, бросался въ Сену, а другой, играя роль незнакомаго, но самоотверженнаго спасителя, вылавливалъ его оттуда и тутъ же отдавалъ голодающему „все, что оставалось у него самого“. Конечно, эффектъ этой искусно-разыгрываемой комедіи былъ удивительный, и на деньги, которыя бросала имъ публика, измокшіе Орестъ и Пиладъ успѣшно сушились въ сосѣднемъ кабакѣ. Я не стану болѣе слѣдовать за Польяномъ, который цитируетъ намъ нищихъ, вродѣ искусственнаго горбача Пучіарелли, оставившаго по смерти чуть не 100,000 франковъ. Авторъ вообще полагаетъ, что всѣ, просящіе милостыню въ Парижѣ—простые паразиты, которые избѣгаютъ труда.

Но тутъ-то и возникаетъ очень серьезный вопросъ: не заслоняютъ ли отъ автора всѣ эти большія и малыя игры, искусственные горбы и животы, многократное крещенье дѣтей и прыганье въ Сену—не заслоняютъ ли они отъ него того страшнаго факта, что въ Парижѣ, этомъ центрѣ утонченной цивилизаціи и на ру-

бежѣ XX вѣка, сотни тысячъ людей живутъ изо-дня въ день, не зная, что имъ принесетъ слѣдующее утро, и десятки тысячъ страдаютъ отъ совершенно реальнаго голода? Авторъ начинаетъ положительную часть книги словами:

Уничтожить нищенство не значитъ, конечно, уничтожить пауперизмъ. Устраненіе пауперизма, это—одна изъ тѣхъ грезъ, которыя осаждаютъ благородныхъ людей, но это во всякомъ случаѣ греза *).

Довольно съ насъ этого признанія: какой смыслъ имѣетъ вся кампанія мосье Польяна противъ нищенства, когда основная и первоначальная причина нищенства представляется автору какимъ-то незыблемымъ закономъ природы? Очень возможно, что въ наблюденіяхъ Польяна, долго и на практикѣ изучавшаго нищенство въ Парижѣ, нѣтъ преувеличеній; очень возможно, что нищіе, съ которыми мы обыкновенно сталкиваемся, дѣйствительно паразиты и больше ничего. Но что же создало ту почву, на которой нищенство могло вырости и выработать свои усовершенствованныя формы? Не экономическій ли режимъ, при которомъ, какъ говорятъ оффиціальные изслѣдователи, 30% населенія подвергается ежегодно въ большей или меньшей мѣрѣ безработицѣ? Представьте себѣ ясно, какая сумма матеріальныхъ лишеній выражается этой цифрой въ 30%; присоедините къ этому моральныя мученія и заботы о завтрашнемъ днѣ, о хлѣбѣ для жены и дѣтей: надо всему трудящемуся большинству поголовно состоять изъ героевъ, чтобы у нѣкоторой доли этого класса не было желанія заняться профессіональнымъ паразитствомъ. Во всякомъ случаѣ, общее число профессіональныхъ нищихъ ничто въ сравненіи съ арміей безработныхъ, которую приготовляетъ само развитіе современной жизни. Позаботьтесь прежде всего не о томъ, чтобы прогнать спеціалиста-попрошайку съ улицы, а о томъ, чтобы конкурренція не выбрасывала на эту самую улицу цвѣтъ производительнаго класса.

Что касается до системы уничтоженія нищенства путемъ обязательной, хотя бы даже и безполезной работы, „лишь бы она доказывала добрую волю нуждающагося“, то меня удивляетъ, что, кромѣ одного-двухъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей, никто во Франціи не напомнилъ г. Польяну, что эта предлагаемая имъ система практикуется вотъ уже триста лѣтъ въ Англіи,—всѣ знаютъ, съ какимъ сомнительнымъ успѣхомъ.

---

*) Ibid., стр. 175.

Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.

(*Письмо девятое*).

Я уже изображалъ то съ той, то съ другой стороны жизнь французскихъ рабочихъ, преимущественно парижанъ и притомъ занятыхъ главнымъ образомъ тѣми ремеслами, которыя носятъ до сихъ поръ въ значительной степени характеръ мелкой промышленности и придаютъ особый отпечатокъ экономической жизни великаго города. Въ этомъ письмѣ *) мнѣ хотѣлось бы развернуть передъ читателями картину общаго положенія французскихъ пролетаріевъ и представить развитіе стремленій и идеаловъ этого класса за послѣдніе тридцать лѣтъ. Предметъ этотъ въ высшей степени интересный, и всякое по возможности объективное изслѣдованіе его проливаетъ яркій свѣтъ на современныя задачи здѣшней общественной жизни и въ немалой мѣрѣ уясняетъ и вопросъ о грядущей судьбѣ Франціи. Знаменитая фраза Гамбетты: „я чувствую, предчувствую выступленіе новыхъ слоевъ“ можетъ быть цѣликомъ приложена къ трудящимся классамъ третьей республики: всякій безпристрастный наблюдатель не можетъ не быть пораженъ тою массою свѣжей мысли, энергіи, воодушевленія, альтруизма и, вмѣстѣ, практическаго пониманія вещей, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше проявляется среди французскаго пролетаріата. Ростъ сознанія внутри этого класса начинаетъ останавливать на себѣ вниманіе даже тѣхъ буржуазныхъ изслѣдователей, которые серьезно полагали, будто только и свѣту, что въ окошкѣ третьяго сословія, и которые теперь не могутъ опомниться отъ удивленія, видя, какъ живое теченіе мысли и дѣятельности оставляетъ столѣтнюю мельницу манчестерства и пресловутаго „невмѣшательства государства“ и устремляется цѣлымъ водопадомъ по новому руслу, размывая плотину мѣщанскаго либерализма, и кипя, и весело гремя, и бросая къ небу брызги, надъ которыми горитъ яркая радуга идеала...

Именно для здороваго оптимизма нѣтъ темы болѣе интересной, какъ выработка человѣка въ тѣхъ самыхъ существахъ, которыхъ до сихъ поръ такъ мало баловалъ стихійный процессъ общественнаго развитія. Когда вспомнишь, съ какой энергіей античная мысль отрицала всякую возможность истинно человѣческаго существованія для людей, подавленныхъ и даже вообще занимающихся физическимъ трудомъ; когда представишь себѣ ясно монотонное, одуряющее теченіе жизни современныхъ рабовъ экономической необходимости, жизни, которая оскорбляетъ нрав-

*) Писано въ апрѣлѣ 1900 г. и въ сентябрѣ 1901 г.

ственное и эстетическое чувство всякаго искренняго зрителя хотя бы самаго буржуазнаго образа мыслей,—то положительно приходится удивляться внутренней силѣ человѣческой природы у этихъ „пасынковъ цивилизаціи", неудержимо стремящихся, несмотря на гнетущія условія жизни, къ солнцу свѣта и счастья!..

Я упомянулъ только-что о взглядѣ древнихъ мыслителей. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель ставитъ идеаломъ настоящаго человѣка

не заниматься никакимъ ремесленнымъ искусствомъ, ибо признакъ свободнаго человѣка жить независимо отъ другого *).

Онъ произноситъ даже еще болѣе рѣзкій приговоръ надъ трудящимися:

невозможно заниматься доблестными дѣлами (или, если хотите, «добродѣтельными», τὰ τῆς ἀρετῆς) тому, кто живетъ жизнью ремесленника или наемника **).

Въ свою очередь разсудительный Ксенофонтъ, любящій обосновывать свои мнѣнія не столько на отвлеченныхъ соображеніяхъ, сколько на практическихъ наблюденіяхъ, высказываетъ слѣдующую характерную мысль:

... ремесленныя искусства и пользуются худой славой (ἐπίφρηστοί εἰσι) и по справедливости очень презираются въ государствахъ, ибо они разрушаютъ тѣло работающихъ или занимающихся ими, заставляя ихъ вести сидячую жизнь въ тѣни, а нѣкоторыя—проводить цѣлые дни передъ огнемъ. Но когда ослабляется тѣло, то и душа становится гораздо слабѣе. Такъ называемыя ремесленныя искусства требуютъ черезчуръ много времени, чтобы можно было заботиться о друзьяхъ и о государствѣ, такъ что люди, занятые ими, не въ состояніи, кажется, ни пользоваться дружбой, ни быть защитниками отечества ***).

И пусть теперь читатель сопоставитъ съ этимъ классическимъ текстомъ его, такъ сказать, современный комментарій въ видѣ описанія знаменитаго завода въ Крёзо талантливымъ репортеромъ буржуазно-бульварнаго „Фигаро". Вотъ что пишетъ, дѣйствительно, Жюль Гюрэ (Huret), котораго нельзя заподозрить въ какихъ-либо тенденціонныхъ преувеличеніяхъ:

Въ теченіе цѣлаго дня я прошелъ километры по мастерскимъ, составляющимъ Крёзо. Мое восхищеніе передъ этой удивительной организаціей, передъ этими чудовищными и послушными орудіями, которыя превращаютъ глыбы желѣза, вѣсящія 50 тоннъ, въ такое же мягкое тѣсто, каковъ лѣпной воскъ, скоро улеглось, и я былъ исключительно поглощенъ и охваченъ кишѣньемъ окружавшей меня человѣческой массы. Я говорилъ себѣ: такъ вотъ что такое «рабочій»! Рабочій, это не только человѣкъ въ блузѣ и картузѣ, который проходитъ мимо васъ на улицѣ и который внушаетъ вамъ страхъ своею невоспитанностью; человѣкъ, который работаетъ руками, у ко-

*) Rhet. I, 9 (стр. 1367 Бекк.).
**) Pol. III, 5 (стр. 1278 Бекк.).
***) Oeconom. IV, 2—3.

тораго мало денегъ, но сильный аппетитъ. Это не только человѣкъ, лишенный образованія и обладающій самыми элементарными понятіями, который выполняетъ въ общемъ свою роль и свое соціальное назначеніе, утомляя мускулы тѣла. Нѣтъ, нѣтъ, рабочій, это вотъ тѣ тысячи существъ, которыя мелькаютъ передъ жерлами горнилъ на жгучемъ іюльскомъ солнцѣ; тѣ землистыя, испитыя лица, съ лихорадочно горящими глазами, почтительно смотрящими на проходящаго посѣтителя, любопытство котораго возбуждается этими мокрыми лбами, этими красными вѣками, этими обгорѣлыми бровями, этими туловищами, съ которыхъ потъ струится ручьями. Это они-то, они ѣдятъ безъ всякаго аппетита, въ двухъ шагахъ отъ раскаленной печи, сидя на кучѣ металла, ѣдятъ хлѣбъ, который чернитъ ихъ руки, посыпается, словно перцомъ, пылью и отравляется ужаснымъ дымомъ. Это они встаютъ въ шесть часовъ утра всякій день, да, всякій день, съ самаго ранняго дѣтства, чтобы замуровывать себя въ этихъ гигантскихъ сараяхъ, гдѣ все или черно, или багрово... И они будутъ такъ продолжать жизнь и завтра, и въ будущемъ году, и всегда, до глубокой старости, не имѣя двухъ недѣль, не имѣя даже недѣли отдыха. Никогда, никогда они не узнаютъ спокойной и оживляющей нѣги голубыхъ озеръ и нормандскаго побережья; для нихъ никогда не будутъ существовать густые лѣса, зелень которыхъ такъ свѣжа и порою даетъ пріютъ капиталистамъ и откуда пришелъ сюда и самъ я, да я! И почему? почему? потому что для нихъ день безъ работы—день безъ хлѣба! Потому что у нихъ много дѣтей, и отцы ихъ были такими же бѣдняками!.. Затѣмъ, покончивъ съ этими приливами жалости, я сказалъ себѣ, что нужно же, чтобы кто-нибудь работалъ, что это законъ природы, что если не они, то я обливался бы на ихъ мѣстѣ потомъ, я охалъ бы возлѣ горна, на іюльскомъ солнцѣ... Да, я, можетъ быть, былъ бы вотъ этимъ пудлинговщикомъ съ обнаженнымъ туловищемъ, который, вотъ уже цѣлый часъ, всовываетъ и страшно ворочаетъ громадныя желѣзныя клещи въ этой раскаленной до бѣла печи *).

И что же? Несмотря на эти тяжелыя условія жизни, мысль и чувство все больше и больше работаютъ среди трудящихся массъ, которыя, наравнѣ съ „вопросами желудка“, стремятся рѣшать вопросы человѣческаго достоинства и развитія. Интересно кстати, что тѣ самые рабочіе Крёзо, которые въ 1892 г. признавались Гюрэ, что физическая и нравственная „усталость“ препятствуетъ имъ думать о какомъ-нибудь улучшеніи судьбы, всего восемь лѣтъ спустя, осенью 1900 г., впервые заявили своему хозяину, католическому и авторитарному заводчику Шнейдеру, требованія экономическаго и гуманитарнаго характера. И солидарность, проявленная ими при этомъ коллективномъ актѣ, вылилась въ такія достойныя и вмѣстѣ импозантныя формы, что республиканское правительство было вынуждено стать посредникомъ между капиталомъ и трудомъ и, въ лицѣ Вальдэка-Руссо, признать большинство требованій рабочихъ вполнѣ основательными. Замѣтьте, дѣло идетъ о Крёзо, персоналъ котораго считался до послѣдняго

*) Jules Huret, *Enquête sur la question sociale en Europe;* Парижъ, 1897, стр. 21—23. Эта интересная книга составилась изъ статей, печатавшихся въ 1892 г. въ «Фигаро» и представляющихъ, рядомъ съ личными наблюденіями автора, результаты устныхъ и писанныхъ опросовъ различныхъ лицъ, начиная съ Ротшильда и Шнейдера и вплоть до Гэда и Бебеля.

времени самымъ забитымъ и безсловеснымъ. Что же сказать о болѣе развитыхъ группахъ пролетаріата, представители котораго начинаютъ все чаще и чаще поражать буржуазію не только живымъ пониманіемъ теоретическихъ вопросовъ, но и своими организаторскими и административными способностями?

Я надѣюсь, что, просмотрѣвъ мой этюдъ, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ характерѣ общаго движенія среди четвертаго класса Франціи. Я начну съ матеріальной стороны его быта, чтобы перейти затѣмъ къ работѣ мысли этого сословія и защищающей его интересы интеллигенціи. Само собою разумѣется, что обиліе и сложность вопросовъ, поднимаемыхъ задачею, которую я ставлю себѣ въ этой статьѣ, вынуждаютъ меня быть по возможности краткимъ, въ ущербъ живописному элементу и конкретнымъ подробностямъ. Что касается до общей точки зрѣнія, я постараюсь быть по возможности объективнымъ, въ особенности, когда рѣчь будетъ заходить о соперничающихъ, но родственныхъ теченіяхъ въ теоріи и практикѣ пролетаріата, ибо, къ сожалѣнію, и здѣсь подтверждается справедливость старинной латинской поговорки о частыхъ распряхъ между близкими — rara concordia fratrum!..

Во второй статьѣ о крестьянствѣ я указалъ, что общая эволюція французской экономической жизни не отличается особою быстротою; и что отсюда вытекаетъ тотъ нерѣшительный, неопредѣленный характеръ, который обнаруживается въ развитіи матеріальныхъ условій страны. Приведенныя мною тамъ цифры позволяютъ сдѣлать такое заключеніе о деревнѣ; данныя, которыя я сейчасъ поставлю передъ глазами читателя, говорятъ о томъ же самомъ по отношеніи къ городу и собственно, такъ называемо, йпромышленности. Я не буду приводить снова уже сообщенныхъ мною цифръ, изъ которыхъ видно, какъ сравнительно медленно растетъ промышленное населеніе. Но еще медленнѣе происходитъ процессъ концентраціи средствъ производства въ сферѣ промышленности. Сильное распространеніе мелкихъ ремеслъ и отраслей труда во Франціи уже давно остановило на себѣ вниманіе наблюдателей. Это ясно видно изъ пропорціи хозяевъ и рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, согласно статистикѣ занятій по предпослѣдней переписи (1891 г.). Дѣйствительно, если взять общее число „активнаго“ промышленнаго населенія (т. е. лицъ, непосредственно живущихъ индустріей, помимо ихъ семействъ, и пр.), то окажется, что изъ 4.548,098 лицъ этой категоріи 1.021,659 принадлежатъ къ классу хозяевъ, 207,222 къ классу служащихъ и 3.319,217 къ классу собственно рабочихъ *),

---

*) *Résultats statistiques du dénombrement de 1891*; Парижъ, 1894, стр. 430—431.

т. е. что на каждыя 100 лицъ, живущихъ промышленностью, приходится 22,5 капиталистовъ и 77,5 наемниковъ, или, иначе говоря, на каждаго фабриканта приходится лишь $3^1/_2$ рабочихъ.

Отношеніе это, само собою разумѣется, измѣняется по различнымъ отраслямъ промышленности, начиная отъ наиболѣе сконцентрированнаго производства, металлургіи,—въ которой считается 5,7% капиталистовъ и 94,3% рабочихъ, т. е. на одного фабриканта 16 рабочихъ,—и кончая наименѣе сконцентрированной отраслью, обработкою дерева,—въ которой 45% капиталистовъ соотвѣтствуютъ 55% рабочихъ, т. е. на одного капиталиста приходится немногимъ болѣе одного рабочаго (1,22) *). Незначительная степень концентраціи всей вообще французской промышленности и объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что типичныя формы современной индустріи, опирающіяся на сосредоточеніе громадныхъ средствъ производства въ рукахъ капиталиста,—напр., рудники, копи, металлическіе заводы, — не играютъ здѣсь подавляющей роли; тогда какъ отрасли промышленности, допускающія мелкое производство,—въ родѣ изготовленія платья, строительнаго ремесла, обработки кожи, дерева, производства пищевыхъ средствъ, предметовъ роскоши и т. п.—сильно распространены по всей странѣ, а особенно въ колоссальномъ рабочемъ ульѣ Парижа. Даже прядильно-ткацкая промышленность, являющаяся любимой ареной крупнаго капитализма, несмотря на свою безотносительную важность для Франціи, не въ состояніи придать сильно концентрированный характеръ общему промышленному складу страны: въ 1891 г. эта отрасль занимала 722,210 рабочихъ, т. е. больше, чѣмъ какая-либо другая взятая въ отдѣльности, но все же лишь немногимъ болѣе одной пятой общаго рабочаго персонала, состоявшаго, какъ мы видѣли, изъ 3.319,217 человѣкъ **).

Крайне интересные выводы о характерѣ французской индустріи должна намъ дать подробная статистика занятій по послѣдней переписи (29-го марта 1896 г.). Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вышелъ лишь первый томъ этой статистики, заключающій черновой матеріалъ таблицъ по 15 департаментамъ, лежащимъ на сѣверъ и востокъ отъ Парижа (включая и Сенскій департаментъ съ самимъ Парижемъ ***). Характеръ этихъ данныхъ, которыя потребовали бы очень большой и кропотливой работы для того, чтобы можно было изъ нихъ сдѣлать окончательныя заключенія относительно концентраціи производства и которыя, кромѣ того, обнимаютъ лишь пятую часть всѣхъ департаментовъ

*) Ibid., см. таблицу на стр. 318.

**) Ibid. стр. 287.

***) Съ тѣхъ поръ вышли еще два тома этой статистики, но общихъ результатовъ не напечатано и по настоящее время (сентябрь, 1901 г.).

Франція, — этотъ характеръ упомянутой статистики не позволяетъ мнѣ отважиться на подобные выводы для всей страны. Но я остановился на нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ элементахъ, заключающихся въ этихъ рядахъ цифръ, и вычислилъ для каждаго изъ 15 департаментовъ въ отдѣльности и для всѣхъ вмѣстѣ: число промышленныхъ заведеній, занимающихъ болѣе 1 рабочаго; цифру ихъ рабочаго персонала; число рабочихъ, приходящихся на 1 такое заведеніе; число работающихъ въ одиночку мелкихъ хозяевъ и рабочихъ-одиночекъ; наконецъ, отношеніе числа одиночекъ къ рабочему персоналу болѣе крупныхъ заведеній (принимая эту послѣднюю величину за 100). Результаты этихъ вычисленій я выражаю въ нижеслѣдующей таблицѣ:

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	% промышленнаго населенія въ общемъ составѣ активнаго населенія.	Число пром. заведеній, заключающихъ болѣе 1 рабочаго.	Число рабочихъ въ заведеніяхъ этой категоріи.	Число рабочихъ на 1 заведеніе.	Число одиночекъ (хозяевъ и рабочихъ).	Сколько одиночекъ на 100 раб. болѣе крупныхъ заведеній.
1) Сѣверный	63,4	30589	385969	12,5	63949	16
2) Сенскій { a) Парижъ	—	61766	517800	8,4	94624	18
{ b) Пригороды	—	13801	129198	9,4	34013	27
	54,3	75567	646998	8,5	128637	19
3) Арденновъ	52,4	5792	45039	7,7	1135	13
4) Вогезовъ	51,0	6045	67571	11,1	27152	40
5) Мёрты-и-Мозели	50,2	5997	65670	11,1	19970	30
6) Соммы	47,3	11069	71184	6,4	30071	42
7) Па-де-Калэ	46,7	13202	124544	9,4	27994	22
8) Уазы	46,1	8872	54447	6,1	19883	36
9) Энъ	44,8	10659	63589	5,9	27083	42
10) Объ	43,0	5187	29923	5,8	14130	47
11) Сены-и-Уазы	41,5	13018	77151	5,9	28638	37
12) Марны	40,6	6961	52613	7,5	19027	36
13) Верхней-Марны	38,0	3572	21769	6,1	12192	56
14) Маасскій	38,0	4158	24348	5,8	12732	52
15) Сены-и-Марны	36,5	6954	33507	4,8	14027	42
Общій итогъ и средній	45,2	207642	1764322	8,5	453614	26*)

*) Взято и вычислено по оффиціальному документу Министерства торговли: *Resultats statisteiques du recensement des industries et professions (dénombrement genéral de la population du 29 mars 1896)*; Парижъ, 1899, т. I.

Разсмотрѣніе этой таблицы вызываетъ на слѣдующія соображенія. Взятая въ общемъ, полоса пятнадцати департаментовъ на сѣверъ и востокъ отъ Парижа принадлежитъ къ наиболѣе промышленнымъ районамъ Франціи, какъ въ томъ убѣждаетъ, между прочимъ, самый бѣглый взглядъ на отношеніе промышленнаго населенія ко всему активному населенію департаментовъ, которые расположены нами какъ разъ въ нисходящемъ порядкѣ этой пропорціи *). И дѣйствительно, изъ 15 департаментовъ первые пять принадлежатъ къ разряду очень промышленныхъ, слѣдующіе три (№№ 6—8) къ разряду промышленныхъ, еще слѣдующіе четыре (№№ 9—12) къ разряду смѣшанныхъ, но съ преобладаніемъ промышленной дѣятельности въ трехъ изъ нихъ и земледѣлія въ четвертомъ; и, наконецъ, три послѣднихъ принадлежатъ къ разряду земледѣльческихъ. Группа разсматриваемыхъ нами департаментовъ должна въ цѣломъ значительно превосходить своимъ индустріальнымъ характеромъ всю остальную Францію, въ которой можно найти едва два-три департамента (Луары, Роны, Нижней-Сены), обладающіе столь же развитою промышленностью, какая замѣчается, по крайней мѣрѣ, въ полдюжинѣ департаментовъ изучаемой нами группы.

Приведенная нами выше таблица должна, поэтому, выражать экономическія условія наиболѣе индустріальнаго, а стало быть, и наиболѣе подвергшагося вліянію капитализма района. И что же? Посмотрите, какъ даже въ этихъ мѣстностяхъ „неизбѣжные законы“ концентраціи средствъ производства находятся сравнительно далеко отъ своего окончательнаго выраженія. Среднее число рабочихъ на фабрику разсматриваемаго нами района не превосходитъ 8,5 рабочихъ, лишь въ четырехъ департаментахъ (Сѣверномъ, Вогезовъ, Мёрты-и-Мозели и Па-де-Калэ), превышая эту пропорцію, а въ десяти въ болѣе или менѣе значительной степени не достигая ея, причемъ лишь пятнадцатый, Сенскій, департаментъ удачно выражаетъ среднюю концентрацію фабрикъ въ данномъ районѣ, т. е. уже упомянутую пропорцію 8 съ половиною рабочихъ на заведеніе. Можно ли сказать, что эти умѣренные размѣры средней фабрики свидѣтельствуютъ о сильно продвинувшемся впередъ процессѣ технической концентраціи? Напомню для сравненія, что по послѣднимъ имѣющимся у меня подъ рукою даннымъ въ Россійской Имперіи считалось въ

*) Замѣчу, что во введеніи къ упомянутой статистикѣ (стр. 214) оффиціальный авторъ совершаетъ крупную ошибку въ вычисленіи, дѣлая для департамента Уазы отношеніе въ 63% (вмѣсто 46,1%: въ этомъ департаментѣ промышленностью заняты 86,108 лицъ изъ 186,548 всего активнаго населенія). Я даю дѣйствительное отношеніе, которое сводитъ Уазу со 2-го мѣста на 8-е, что оставляетъ этому департаменту довольно почетный рангъ, но препятствуетъ разсматривать его, съ авторомъ статистики, въ качествѣ «очень рѣзко индустріальнаго».

1897 г. 39,029 фабрикъ и заводовъ съ 2.098,262 рабочихъ обоего пола *), что даетъ около 54 рабочихъ на фабрику; и что если даже прибавить къ упомянутому числу фабрикъ цифру мелкихъ заведеній съ оборотомъ менѣе 1,000 рублей въ годъ (въ 1891 г. такихъ производствъ насчитывалось 103,360), то, считая лишь по одному рабочему на каждое такое заведеніе, среднее число рабочихъ на 1 заведеніе въ Россіи будетъ равно 15 (2.098,262 + 103,360 = 2.201,622 рабочихъ, распредѣляющихся между 39,029 + 103,360 = 142,389 заведеніями). Здѣсь будетъ кстати прибавить, что если бы мы употребили такой же пріемъ по отношенію къ изслѣдуемой нами группѣ французскихъ департаментовъ, принявъ въ разсчетъ 453,644 мелкихъ хозяевъ и рабочихъ-одиночекъ, то общее число рабочихъ на заведеніе упало бы въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ въ два раза, едва превосходя 3,3 рабочихъ на фабрику.

Надѣюсь, что изъ этой сравнительно-статистической экскурсіи въ Россію никто не сдѣлаетъ вывода, будто я хочу доказать наивную мысль о большей распространенности капитализма на далекомъ Востокѣ **). Я лишь этимъ сопоставленіемъ хотѣлъ показать, что во Франціи, гдѣ промышленность играетъ несравненно болѣе крупную роль, чѣмъ въ Россіи, тѣмъ не менѣе концентрація средствъ производства въ рамкахъ капитализма далеко не такъ значительна, какъ то принимаютъ обыкновенно на вѣру приверженцы формулы стихійной „эксплуатаціи эксплуататоровъ". Ремесло до сихъ поръ отличается немалою живучестью во Франціи, и болѣе подробное изслѣдованіе нашей таблицы позволяетъ намъ вскрыть нѣкоторыя другія интересныя стороны вопроса. Я обращу вниманіе читателей прежде всего на то обстоятельство, что число рабочихъ, приходящееся на 1 заведеніе, т. е. степень концентраціи производства, не обнаруживаетъ строгаго параллелизма съ большимъ или меньшимъ развитіемъ промысловъ въ данномъ департаментѣ. Этотъ параллелизмъ наиболѣе удачно обрисовывается лишь на самыхъ крайнихъ концахъ нашей лѣстницы, верхняя ступень которой занята Сѣвернымъ департаментомъ, гдѣ 63,4% производителей живутъ промышленностью, а средняя фабрика заключаетъ въ себѣ до 12 съ половиною рабочихъ; нижняя же ступень занята департаментомъ Сены-и-Марны, гдѣ промышленность питаетъ 36,5% производителей, а на фабрику не приходится и 5 человѣкъ рабочихъ.

Повторяю, на противоположныхъ концахъ нашей скалы соотвѣтствіе принимаетъ наиболѣе удачныя формы. Но всѣ промежу-

---

*) См. оффиціальное изданіе на французскомъ языкѣ для парижской выставки: *La Russie à la fin du 19-e siècle*; Парижъ, 1900, стр. 291.

**) Это можетъ, напр., только означать сильное, но спорадическое развитіе русскаго капитализма въ немногихъ промышленныхъ центрахъ.

точные члены обнаруживаютъ упомянутый общій параллелизмъ лишь въ томъ смыслѣ, что въ промышленныхъ департаментахъ размѣръ производствъ вообще крупнѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ; отклоненія же, скачки и частныя противорѣчія очень часты и порою значительны. Такъ напр., Сенскій департаментъ, который слѣдуетъ сейчасъ же за Сѣвернымъ по промышленному характеру населенія (54,3%), уступаетъ по концентраціи производства тремъ департаментамъ, Вогезамъ, Мёртѣ-и-Мозели и Паде-Калэ, которые, однако, занимаютъ лишь 4-е, 5-е и 7-е мѣсто по пропорціи промышленнаго населенія (51%, 50,2% и 46,7%): дѣйствительно, въ первомъ изъ этихъ трехъ департаментовъ средняя фабрика заключаетъ болѣе 11 рабочихъ, во второмъ тоже болѣе 11 рабочихъ, а въ третьемъ почти 9 съ половиною, тогда какъ Сенскій,—какъ мы уже видѣли выше,—насчитываетъ только 8 съ половиною рабочихъ. Съ другой стороны, очень промышленный департаментъ Арденновъ, который занимаетъ 3-е мѣсто по отношенію промышленнаго населенія ко всему активному населенію (52,4%), отступаетъ на 6-е мѣсто по числу рабочихъ на фабрикѣ (немногимъ болѣе 7 съ половиною человѣкъ), приближаясь съ этой точки зрѣнія къ департаменту Марны, гдѣ преобладаетъ уже земледѣліе, а промышленностью заняты лишь 40,6% активнаго населенія. Тому же департаменту Марны уступаетъ по размѣрамъ фабрикъ и очень промышленный департаментъ Соммы, въ которомъ индустріею заняты 47,3% производителей, тогда какъ на 1 заведеніе не приходится и 6 съ половиною человѣкъ. Промышленная Уаза имѣетъ то же среднее число рабочихъ на фабрикѣ (6,1), что и земледѣльческая Верхняя-Марна, которая превосходитъ концентраціей средствъ производства Энъ, Объ и Сену-и-Уазу, несмотря на то, что въ этихъ департаментахъ, хотя и смѣшаннаго типа, все же преобладаетъ промышленность.

Еще менѣе параллелизма обнаруживается между размѣрами фабрикъ и отношеніемъ числа одиночекъ къ числу рабочихъ въ болѣе крупныхъ заведеніяхъ, хотя вообще казалось бы, что чѣмъ далѣе зашелъ процессъ концентраціи производства, тѣмъ менѣе должно оставаться мелкихъ хозяевъ и отдѣльныхъ рабочихъ внѣ сферы притяженія крупнаго капитала. Здѣсь нельзя даже замѣтить строгаго соотвѣтствія на двухъ крайнихъ концахъ нашей лѣстницы, потому что если Сѣверный департаментъ занимаетъ 1-е мѣсто по пропорціи промышленнаго населенія и размѣрамъ фабрикъ, то отношеніе одиночекъ къ болѣе или менѣе объединеннымъ рабочимъ (16 : 100) выше, чѣмъ въ менѣе промышленномъ департаментѣ Арденновъ, гдѣ фабрика насчитываетъ менѣе 8 рабочихъ, тогда какъ минимальная пропорція одиночекъ (13 : 100) указываетъ на наибольшую напряженность капиталистическаго притяженія. На другомъ концѣ нашей лѣстницы мы

находимъ Сену-и-Марну, гдѣ сравнительно слабое развитіе индустріи, особенно въ смыслѣ капиталистической концентраціи, заставляетъ насъ ожидать и наибольшей пропорціи одиночекъ, тогда какъ эта пропорція (42:100) на самомъ дѣлѣ ниже относительнаго числа одиночекъ въ менѣе земледѣльческихъ департаментахъ: Маасскомъ (52:100) и Верхней-Марны (56:100), въ полу-промышленномъ Объ (47:100) и равна пропорціи одиночекъ въ очень промышленномъ департаментѣ Соммы. Еще болѣе промышленный департаментъ Вогезовъ, который отличается, кромѣ того, сравнительными размѣрами фабрикъ (11,1 рабочихъ на одно заведеніе), поражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователя очень значительнымъ числомъ производителей, не пристегнутыхъ къ колесу крупной эксплуатаціи: пропорція одиночекъ въ немъ не меньше 40:100. Словомъ, если читатель продолжитъ это сопоставленіе, то онъ самъ убѣдится, что формула концентраціи можетъ приниматься во Франціи лишь съ немаловажными ограниченіями.

Но это, само собою разумѣется, нисколько не мѣшаетъ тому, что изученіе матеріальныхъ и нравственныхъ сторонъ рабочаго вопроса и здѣсь является настоятельною задачею современности. Очень интересно, прежде всего, познакомиться съ экономическими условіями жизни французскаго пролетарія. Ибо если я не принадлежу къ сторонникамъ, такъ называемаго, „экономическаго матеріализма“, противъ узкаго толкованія котораго начинаютъ, впрочемъ, слышаться протесты со стороны наиболѣе умныхъ и талантливыхъ представителей школы, то, съ другой стороны, я вовсе не желаю ради борьбы противъ этого односторонняго направленія умышленно перегибать палку въ другую сторону и презрительно фификать на то, что является до сихъ поръ для громаднаго большинства людей предметомъ первостепенной важности. Я позволю себѣ привести по этому поводу очень интересный взглядъ Сэнтъ-Бёва, у котораго читатель, можетъ быть, и не ожидаетъ встрѣтить реабилитацію „вопроса желудка“. Вдумчивый и тонкій авторъ такъ изображаетъ и такъ критикуетъ отношеніе доктринеровъ либерализма, въ родѣ Токвиля, къ февральской революціи:

. . . Онъ (Токвиль) почти совсѣмъ не придавалъ значенія чувствамъ и побужденіямъ, воодушевлявшимъ массы, и 1-го мая 1848 г. писалъ къ одному изъ своихъ честныхъ друзей, жившихъ въ Версали, а именно къ г. Бушиттэ, который, какъ кажется, не былъ свободенъ отъ наивнаго резонерства: «Вы правы, говоря, что боитесь матеріалистическихъ интересовъ только-что совершившейся революціи. Революція 1789 г. вылилась изъ ума и сердца націи; но послѣдняя революція отчасти порождена желудкомъ, и вкусъ къ матеріальнымъ наслажденіямъ игралъ въ ней громадную роль». Здѣсь мы останавливаемъ этого превосходнаго, деликатнаго, благороднаго человѣка и говоримъ ему: нѣтъ вещи, болѣе заслуживающей уваженія, чѣмъ

желудокъ, и нѣтъ голоса, который говорилъ бы громче, чѣмъ голосъ нищеты. Большинство человѣчества волнуется и дѣйствуетъ не столько еще для того, чтобы наслаждаться, сколько для того, чтобы жить и поддерживать свое существованіе, и въ этомъ-то и состоитъ современная задача, которая, повидимому, если и не такъ благородна и достойна фигурировать на знаменахъ, то тѣмъ не менѣе является коренной и священной *).

Запасшись этой мыслью, мы и попробуемъ поставить передъ глазами читателя нѣсколько общихъ цифръ, касающихся матеріальнаго положенія рабочихъ, и прежде всего въ крупной и средней промышленности. Очень важнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи служитъ недавнее оффиціальное изслѣдованіе о „заработной платѣ и длинѣ рабочаго дня" въ упомянутой уже сферѣ крупной и средней индустріи. Мы воспользуемся четвертымъ и послѣднимъ томомъ этого изслѣдованія (предпринятаго въ 1891—1893 г.), а именно „общими результатами" его **). Изслѣдованіе охватило 2,957 промышленныхъ заведеній (изъ которыхъ 451 въ Сенскомъ департаментѣ, а 2,506 во всѣхъ остальныхъ) и 471,800 рабочихъ, а присчитывая сюда казенныя заведенія и перевозочныя предпріятія, 674,000 рабочихъ, т. е. отъ одной четверти до одной трети всего рабочаго персонала, принадлежащаго крупной и средней промышленности. Отсюда уже мы можемъ заключить, что данныя этого изслѣдованія, если и не вполнѣ точно выражаютъ средніе результаты для всей Франціи, то очень значительно приближаются къ нимъ. Изслѣдованіе коснулось типичной области фабричнаго капитализма, а именно, сравнительно очень крупныхъ фабрикъ и заводовъ: на каждое изслѣдованное заведеніе приходится среднимъ числомъ 155 рабочихъ и 115 паровыхъ лошадиныхъ силъ. Итакъ, каковы же различныя матеріальныя условія жизни этой промышленной арміи, находящейся подъ командою крупнаго капитала?

Замѣчу прежде всего, что эта армія слагалась изъ 3% мастеровъ и 97% простыхъ рабочихъ, а именно 71% мужчинъ, 18% женщинъ и 8% дѣтей. Средняя длина рабочаго дня (за вычетомъ отдыха) колеблется между 10 и 11 часами въ Сенскомъ департаментѣ. Въ провинціи около четверти всѣхъ заведеній работаютъ 12 часовъ; и тогда какъ въ Парижѣ обыкновенно уже совсѣмъ не находишь фабрикъ, работающихъ болѣе 12 часовъ, въ провинціи онѣ составляютъ 3% всѣхъ заведеній: по большей части это мелкія фабрики. За то рабочій день не превышаетъ 9 часовъ въ 6% провинціальныхъ заведеній: эти заведенія принадлежатъ къ разряду очень крупныхъ и состоятъ изъ рудниковъ, металли-

*) C. A. Sainte-Beuve. *Nouveaux lundis*; Парижъ, изд. 1899 г., т. X, стр. 317—318.

**) *Salaires et durée du travail dans l'industrie française*; Парижъ, 1897. т. IV: *Résultats généraux* (изд. «бюро труда» при Министерствѣ торговли и промышленности).

ческихъ и стеклянныхъ заводовъ. Очень интересенъ вопросъ о прочности положенія рабочихъ на фабрикѣ: извѣстно, что защитники капиталистическаго строя и свободной конкурренціи съ необыкновеннымъ паѳосомъ распространяются о соотвѣтствіи этого режима съ личными интересами производителей и увѣряютъ насъ, что только лѣнивецъ не находитъ себѣ работы. И что же говорятъ цифры? Что лишь 91% средняго числа рабочихъ, занятыхъ промышленностью, работаютъ правильно въ теченіе цѣлаго года, и, значитъ, почти одна десятая часть то притягивается, то отталкивается процессомъ капиталистическаго производства, являясь такимъ образомъ игрушкой экономическихъ стихійныхъ силъ; и что на 100 рабочихъ, составляющихъ средній персоналъ фабрики, приходится около 140 рабочихъ, прошедшихъ въ теченіе года черезъ фабрику, и, стало быть, капиталистическое производство, для своего нормальнаго хода, требуетъ существованія арміи, чуть не въ полтора раза болѣе многочисленной, чѣмъ та, которая собственно нужна при современныхъ техническихъ условіяхъ. Иначе говоря, настоящій экономическій строй, нисколько не разбирая между правыми и виноватыми, трудолюбивыми и лѣнивцами, воздержными и пьяницами, обрекаетъ чуть не третью часть всего рабочаго населенія на хронически неправильный образъ жизни, лишенія, опасенія и страданія безработицы. Этотъ фактъ является недурной иллюстраціей къ вопросу о „резервной арміи". И кромѣ того, замѣтьте это, мы говоримъ здѣсь не о всемъ полчищѣ резерва, а о той части его, которая успѣваетъ всетаки временно пристегнуть себя къ колесу капиталистической эксплуатаціи и не нарадуется этому обстоятельству.

Какова же плата великой промышленной арміи? Среднимъ числомъ на каждаго рабочаго (независимо отъ пола, возраста и профессіи) приходится въ день 3 фр. 75 сантимовъ. Заработная плата взрослаго мужчины не превышаетъ 4 фр. 20 сант. (равняясь 6 ф. 15 сант. въ Сенскомъ департаментѣ, но падая до 3 фр. 90 сант. во всѣхъ другихъ департаментахъ); заработная плата взрослой женщины достигаетъ всего лишь 2 фр. 20 сант. (а именно 3 фр. въ Сенскомъ департаментѣ, и 2 фр. 10 сант. въ провинціи). Что касается до пропорціи, въ которой рабочій персоналъ слагается изъ различныхъ и различно оплачиваемыхъ профессій, то оффиціальное изслѣдованіе не могло установить это распредѣленіе на категоріи для всей Франціи и всѣхъ родовъ труда. Если судить по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, то громадное большинство рабочихъ, а именно 85%, получаютъ задѣльную плату, которая колеблется вверхъ и внизъ вокругъ суммы, представляющей около трехъ четвертей средней приведенной нами выше платы. Это достаточно показываетъ, какъ малочисленна должна быть рабочая аристократія, которой, по мнѣнію буржуазныхъ экономистовъ, нѣтъ ничего легче, какъ

перейти въ ряды предпринимателей, благодаря высокой якобы платѣ *).

Какъ бы то ни было, сравненіе величины заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда позволяетъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ ходячими представленіями. Такъ, напр., нѣкоторые виды промышленности, въ родѣ работы въ рудникахъ, копяхъ и каменоломняхъ, ясно показываютъ, что заработная плата отнюдь не возвышается сообразно длинѣ рабочаго дня, но, наоборотъ, обнаруживаетъ извѣстный антагонизмъ съ продолжительностью труда: наивысшій заработокъ замѣчается тамъ, гдѣ рабочій день короче **). Точно также казалось бы, что тѣ профессіи, которыя требуютъ болѣе долгой подготовки и обученія ремеслу, должны и оплачиваться лучше: не тутъ-то было, ибо, напр., рабочіе на писчебумажныхъ фабрикахъ, шерсточесы и шерстобиты, ткачи, токари по дереву получаютъ въ среднемъ не болѣе простыхъ поденщиковъ. За то извѣстное вліяніе оказываютъ не столько знаніе ремесла и простая привычка, сколько напряженность вниманія и величина усилія при нѣкоторыхъ очень интенсивныхъ родахъ труда, напр., работѣ кузнеца при паровомъ молотѣ: въ этой послѣдней профессіи наблюдается самая высокая заработная плата, доходящая порою до 15 фр. въ день.

Очень интересенъ слѣдующій выводъ, который вырывается у составителей отчета, несмотря на то, что ихъ нельзя заподозрить въ систематической враждѣ къ капиталистическому строю:

Казалось бы, что поштучная работа, увеличивая производительность труда, должна благопріятствовать высокой заработной платѣ. Но дѣло не *всегда* (курсивъ въ подлинникѣ) обстоитъ такъ. Въ обычныхъ отрасляхъ производства, которыя издавна остаются тѣми же самыми, нѣтъ вообще разницы между поштучной и поденной платой за ту же работу; иногда рабочіе, оплачиваемые поденно, получаютъ больше, чѣмъ работающіе поштучно, вслѣдствіе спеціальныхъ качествъ, требуемыхъ отъ нихъ. Какъ бы то ни было, поштучная работа въ общемъ (?), кажется, выгоднѣе съ точки зрѣнія заработной платы ***).

Мы можемъ оставить въ сторонѣ послѣднюю фразу, выражающую нерѣшительную уступку банальному утвержденію фабрикантовъ, которые стараются увѣрить насъ, будто поштучная плата выгодна для рабочихъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она выгодна для капиталиста, заставляющаго рабочихъ при помощи этой приманки трудиться съ большимъ напряженіемъ и оставлять въ рукахъ фабриканта большую прибавочную стоимость Замѣчу

*) См. въ графическомъ альбомѣ, составляющемъ дополненіе къ тексту (*Album graphique*; Парижъ, 1897), таблицу XVII, которая наглядно показываетъ, какъ мало есть хорошо оплачиваемыхъ профессій.

**) *Salaires et durée du travail*, стр. 143.

***) Ibid., стр. 20.

кстати, что авторы оффиціальной статистики основываютъ свое предположеніе на „незначительной“ разницѣ между поштучной и поденной платой въ Сенскомъ департаментѣ; а съ другой стороны, вынуждены тутъ же сознаться, что подобнаго разсчета ими не было сдѣлано ни для одного промышленнаго заведенія провинціи. За то правительственный документъ прямо говоритъ, какъ мы видѣли, что въ „обычныхъ“ производствахъ — а такихъ громадное большинство—нельзя замѣтить разницы между двумя формами платы. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ поштучная плата вызываетъ большую интенсивность труда рабочаго и, стало быть, большую трату его силы, то этотъ способъ платежа почти всегда вреденъ для рабочаго.

Коснемся, наконецъ, вопроса о движеніи заработной платы и цѣны средствъ существованія за послѣдніе полвѣка. Это дастъ намъ возможность опредѣлить, улучшилось-ли положеніе рабочаго въ этотъ періодъ времени.

Съ формальной точки зрѣнія заработная плата увеличилась въ два раза (немного меньше для мужчины, немного больше для женщины: извѣстно, впрочемъ, что до сихъ поръ плата работницы почти въ два раза меньше платы рабочаго, хотя производительность мужского и женскаго труда отличается въ гораздо слабѣйшей степени; капиталистъ пользуется съ большою охотой трудомъ женщины, которая соглашается на болѣе тяжелыя условія эксплуатаціи). Итакъ, повторяю, заработная плата, выраженная формально, въ деньгахъ, увеличилась въ два раза. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что среднія условія жизни рабочаго, его среднія потребности, являющіяся необходимыми для даннаго историческаго момента, удовлетворяются въ два раза лучше? Нисколько. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тратится въ настоящее время удвоенная заработная плата? Авторы отчета говорятъ, правда, намъ, что цѣнность „необходимыхъ издержекъ на квартиру, пищу, отопленіе, освѣщеніе, одежду“ увеличилась всего на 25%, т. е. лишь на четверть прежней цѣны. Но сейчасъ же вынуждены прибавить:

Нельзя, однако, остаться при этой констатировкѣ. Въ дѣйствительности потребности увеличились и увеличиваются безпрерывно; то, что казалось раньше излишкомъ, стало необходимостью. И для насъ важно разсмотрѣть, сколько рабочій издерживаетъ въ настоящее время для удовлетворенія основныхъ потребностей существованія по сравненію съ тѣмъ, сколько онъ издерживалъ на тотъ же предметъ раньше *).

Резюмируя детальные результаты сравненія издержекъ въ половинѣ и въ концѣ этого вѣка, оффиціальный отчетъ заключаетъ, что „сумма, идущая на пищу и жилище, тоже удвоилась, т. е. потерпѣла то же самое измѣненіе, какъ и заработная плата“ **).

*) Ibid., стр. 288.
**) Ibid., стр. 290.

Иначе говоря, все, что получаетъ рабочій, тратится имъ на поддержаніе жизни, на удовлетвореніе насущныхъ потребностей; и ему ничего не остается на высшія потребности, не говоря уже о пресловутомъ сбереженіи. И этому удивляться нечего: нужды растутъ въ такой степени вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, что организмъ потомковъ испытываетъ рѣшительныя лишенія и подвергается физіологическому недомоганію отъ неудовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя предкамъ даннаго поколѣнія казались роскошью. Абсолютное повышеніе уровня комфорта для трудящихся массъ нисколько не исключаетъ его относительнаго пониженія по сравненію съ привилегированнымъ меньшинствомъ, которое только и пользуется цѣликомъ благами матеріальнаго прогресса. Вспомните знаменитый примѣръ куска мыла, приведенный Лассалемъ, который такъ удачно намылилъ этимъ предметомъ роскоши для дикаря и необходимости для европейца голову апологетовъ капиталистическаго строя.

Я хотѣлъ бы коснуться матеріальнаго быта рабочихъ въ мелкой промышленности. Но въ этой области у насъ нѣтъ до сихъ поръ такого изслѣдованія, которое охватило бы всю современную Францію. Съ другой стороны, я уже касался экономическихъ условій нѣкоторыхъ группъ парижской мелкой индустріи. Къ разсмотрѣннымъ мною раньше работамъ Маруссэма объ игрушечникахъ, Бенуа о швеяхъ и т. д., я могу, пожалуй, прибавить оффиціальное изслѣдованіе о всѣхъ отрасляхъ производства одежды въ Парижѣ. Общій выводъ изъ разсмотрѣнія условій мелкой промышленности тотъ, что экономическое положеніе трудящихся здѣсь еще хуже, чѣмъ въ крупной промышленности: рабочій день продолжительнѣе, заработная плата ниже, и вообще формы эксплуатаціи безпощаднѣе. И это понятно, такъ какъ мелкій фабрикантъ можетъ выдерживать конкурренцію съ крупнымъ, лишь надрываясь самъ надъ ожесточеннымъ трудомъ и заставляя своихъ наемниковъ и помощниковъ зарабатываться до полнѣйшаго изнеможенія...

Посмотримъ теперь, какъ реагируетъ на эти условія французскій рабочій; и прежде всего, къ какимъ совершенно естественнымъ пріемамъ и формамъ практической солидарности онъ прибѣгаетъ, чтобы отстоять себя въ борьбѣ съ тяжелыми, только-что изображенными нами условіями. Эти пріемы и формы можно уложить въ двѣ категоріи: это, во-первыхъ, стремленіе къ ассоціаціи и кооперативной дѣятельности, путемъ которой рабочіе надѣются уже въ рамкахъ современнаго строя выработать солидарную организацію труда; это, во-вторыхъ, стремленіе къ временнымъ и постояннымъ коалиціямъ, къ стачкамъ и синдикатамъ, при помощи которыхъ пролетаріатъ борется за непосредственное улучшеніе условій своего быта: повышеніе заработной платы, со-

кращеніе рабочаго дня, охраненіе личнаго достоинства рабочихъ, и т. п. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ, которыхъ добилось четвертое сословіе въ обѣихъ только что упомянутыхъ сферахъ дѣятельности, мы должны дать самый бѣглый очеркъ общественной среды, въ которой развивалось рабочее движеніе во Франціи за истекшее столѣтіе, и главнымъ образомъ законодательства, регулировавшаго или, вѣрнѣе сказать, стѣснявшаго до самаго послѣдняго времени проявленія духа солидарности и ассоціаціи. Я воспользуюсь для этого историческаго очерка предисловіемъ къ оффиціальному изслѣдованію о „профессіональныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ“ *) и обстоятельнымъ трудомъ Поля-Бонкура объ „экономическомъ федерализмѣ“ **),— трудомъ, который интересенъ особенно въ томъ смыслѣ, что авторъ его, занимающій довольно крупное оффиціальное положеніе (секретаря при Вальдэкѣ-Руссо), выражаетъ взгляды современнаго республиканскаго правительства.

Извѣстно, что дѣятели Великой революціи, разрушивъ цехи и корпораціи среднихъ вѣковъ и декретировавъ (по закону 2—17 марта 1791 г.) полнѣйшую свободу труда и профессіи для каждаго гражданина, скоро, подъ вліяніемъ тогдашнихъ экономическихъ и политическихъ условій, ступили на ложный путь подавленія кооперативныхъ стремленій. Декретъ національнаго собранія отъ 19-го ноября 1790 г., дававшій „право гражданамъ вступать въ мирныя ассоціаціи и образовывать свободныя общества между собою“ подъ условіемъ подчиненія законамъ, этотъ декретъ уступилъ мѣсто закону 14—17 іюня 1791 г., который строго воспрещалъ какую бы то ни было форму коллективной организаціи труда и даже простое соглашеніе между трудящимися, подъ тѣмъ предлогомъ, что новая конституція уничтожила „всякаго рода корпораціи гражданъ того же положенія и той же профессіи“. Какъ стачка рабочихъ, такъ и коалиціи фабрикантовъ наказываются безъ различія довольно тяжелыми штрафами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и тюрьмой. Но уже законъ 22-го Жерминаля XI года (12-го апрѣля 1803), вышедшій незадолго до превращенія перваго консула въ императора Наполеона I-го, проводитъ рѣзкую разницу между наказаніемъ рабочихъ и наказаніемъ патроновъ: первымъ грозитъ тюрьма во всякомъ случаѣ; вторымъ же лишь штрафъ, и притомъ только въ томъ случаѣ, если бы они „путемъ несправедливости и злоупотребленія“ пытались понизить плату. Этотъ духъ реакціи и неравенства пе-

*) *Les associations professionnelles ouvrirées*, I; Парижъ. 1899 (изд. бюро труда при Министерствѣ торговли).

**) J. Paul-Boncour; *Le fédéralisme économique. Etude sur les rapports de l'individu et des groupements professionnels*; Парижъ, 1900 г.—Книга эта вышла въ 1901 г. вторымъ изданіемъ съ очень небольшими измѣненіями; къ предисловію Вальдэка-Руссо авторъ прибавилъ новое «введеніе».

редъ закономъ двухъ классовъ гражданъ еще рѣзче выражается въ статьяхъ 414—416 Уголовнаго Свода Законовъ, обнародованнаго при концѣ имперіи въ февралѣ 1810 г.: для зачинщиковъ стачки срокъ тюремнаго заключенія увеличивается съ 1—3 мѣсяцевъ до двухъ и даже до пяти лѣтъ; тогда какъ соглашеніе между капиталистами съ цѣлью исключенія извѣстныхъ рабочихъ считается вполнѣ дозволеннымъ. Замѣчу кстати, что тотъ же Уголовный Сводъ 1810 г. опредѣляетъ рядъ мѣръ противъ ассоціаціи вообще, и что до сихъ поръ всѣ ассоціаціи, кромѣ профессіональныхъ синдикатовъ (и то начиная лишь съ 1884 г.: см. объ этомъ ниже), находятся подъ ударомъ статей 291—294, которыя ставятъ существованіе общества, насчитывающаго болѣе 20 человѣкъ, въ полнѣйшую зависимость отъ согласія правительства *).

Мѣщанская монархія, прикрывавшая знаменитымъ зонтикомъ „короля-гражданина" необузданную оргію буржуазіи, еще отягчила закономъ отъ 10-го апрѣля 1834 г. (послѣ ліонскаго возстанія въ октябрѣ 1831 г.) кары, назначаемыя членамъ недозволенныхъ ассоціацій, даже разбивавшихся на группы менѣе, чѣмъ изъ 20 человѣкъ. И надо было стать во главѣ правленія временному правительству, выросшему изъ баррикадъ февральской революціи, чтобы законъ (собственно говоря, декретъ отъ 25-го февраля 1848 г.) призналъ за рабочими право „вступать въ ассоціаціи между собою съ цѣлью пользоваться выгодами труда". Декретъ отъ 4-го марта ограничилъ длину рабочаго дня для всѣхъ категорій трудящихся 10 часами для Парижа и 11 часами для провинціи. Іюньскіе и іюльскіе декреты представляли собою попытку способствовать, при помощи правительственнаго кредита и т. п., образованію и развитію производительныхъ ассоціацій. Но начавшаяся сейчасъ же послѣ іюньскаго возстанія реакція уже снова показала свои когти, и уступки, сдѣланныя было господствующими классами четвертому сословію, были очень скоро взяты назадъ. Декретъ 2-го августа 1848 г. съузилъ право собранія, тогда какъ декретъ 9-го сентября отмѣнилъ мартовскую мѣру, ограничивавшую 10 часами рабочій день, который могъ быть доведенъ теперь до 12 часовъ дѣйствительнаго труда. Что касается до права коалицій и стачекъ, то законъ 27-го ноября 1849 г. поставилъ на равную ногу рабочихъ и фабрикантовъ, наказывая одинаково и тѣхъ, и другихъ за соглашеніе нарушить условія договора, „если была сдѣлана попытка или начало выполненія" такого соглашенія.

*) Эти стѣсненія устранены новымъ законодательствомъ объ ассоціаціяхъ, вотированныхъ лѣтомъ 1901 г. Исключеніе составляютъ религіозныя конгрегаціи, для которыхъ, въ противоположность прочимъ, требуется разрѣшеніе (см. ст. 13 закона, опубликованнаго въ № 177 (отъ 2-го іюля 1901) «Journal officiel»).

Имперія декабрьской ночи, заигрывая съ рабочими по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, держала пролетаріатъ вообще въ ежовыхъ рукавицахъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ: такъ, если январьскій декретъ 1852 г. отдавалъ на организацію обществъ взаимопомощи часть конфискованныхъ имуществъ Орлеановъ, то апрѣльскій декретъ того же года возстановлялъ во всей силѣ статьи 291—294 Уголовнаго Свода, равно какъ законъ 1834 г. Смягченіе драконовскаго законодательства о коалиціяхъ и стачкахъ выразилось въ первый разъ въ законѣ 25-го мая 1864 г., который караетъ эти пріемы лишь въ томъ случаѣ, если они сопровождались „насиліемъ, оскорбленіемъ дѣйствіемъ, угрозами или недобросовѣстными маневрами", или если въ дѣло были пущены „штрафы, запрещенія и т. д. по заранѣе обдуманному плану" (ст. 416). А въ послѣдніе годы уже начавшей играть въ либерализмъ Имперіи было издано нѣсколько мѣръ, расширявшихъ границы коллективной дѣятельности. Такъ, законъ 6-го іюня 1868 г. далъ право организовывать публичныя собранія „безъ предварительнаго разрѣшенія", хотя и подъ условіемъ заявленія мѣстнымъ властямъ объ „опредѣленномъ и спеціальномъ предметѣ собранія"; а нѣсколько раньше того, законъ 24-го іюля 1867 г. въ значительной степени облегчилъ образованіе рабочихъ производительныхъ ассоціацій. Рядомъ съ этимъ, администрація стала обнаруживать гораздо большую терпимость по отношенію къ профессіональнымъ рабочимъ ассоціаціямъ, извѣстнымъ подъ именемъ синдикальныхъ палатъ, которыя аналогичны подобнымъ же союзамъ капиталистовъ.

Новая и огромная волна реакціи, послѣдовавшая за подавленіемъ движенія 18-го марта 1871 г., смыла большинство этихъ уступокъ, и законъ объ Интернаціоналѣ отъ 14-го марта 1872 г., благодаря своей эластичной редакціи и строгимъ карамъ, отнялъ у рабочихъ всякую возможность преслѣдовать коллективныя стремленія на легальной почвѣ. Болѣе либеральныя мѣры охарактеризовали переходъ „республики безъ республиканцевъ" къ демократической республикѣ, хотя до сихъ поръ на ея законодательствѣ тяготѣетъ кошмаръ страховъ и опасеній прошлаго. Какъ бы то ни было, законъ 30-го іюня 1881 г. облегчилъ условія для организаціи публичныхъ собраній (напр., отмѣнивъ необходимость заявленія о „предметѣ" собранія, и т. п.). А продолжительныя усилія умѣренныхъ и радикальныхъ республиканцевъ между 1876 и 1884 г. привели, наконецъ, къ закону 21-го марта 1884 г., который далъ легальную почву для дѣятельности синдикатовъ. Этотъ законъ, при проведеніи котораго игралъ такую видную роль Вальдэкъ-Руссо, отмѣняетъ статью 416 Уголовнаго Свода,—статью, воспрещающую и фабрикантамъ, и рабочимъ безъ различія „мѣшать свободѣ труда или промышленности путемъ штрафовъ, запрещеній и т. п., произно-

симыхъ по заранѣе обдуманному плану", — и изнимаетъ профессіональные синдикаты изъ-подъ дѣйствія законовъ объ ассоціаціяхъ.

Согласно закону 1884 г., который регулируетъ существованіе современныхъ синдикатовъ, эти синдикаты характеризуются тѣмъ, что „предметомъ ихъ является исключительно изученіе и защита экономическихъ, промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ интересовъ"; при чемъ члены ихъ принадлежатъ къ одной и той же или близко связанной съ нею профессіи, и въ качествѣ таковыхъ, даже будучи болѣе, чѣмъ въ числѣ 20, имѣютъ право „свободно организоваться безъ разрѣшенія правительства". Эти профессіональные синдикаты признаются юридическою личностью, хотя съ большими ограниченіями. Такъ, они могутъ производить сборъ съ своихъ членовъ и давать извѣстное употребленіе собраннымъ суммамъ, защищать свои интересы по суду, устраивать спеціальныя кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; но пріобрѣтать недвижимую собственность они могутъ лишь такую, какая строго необходима имъ для собраній, библіотекъ, профессіональныхъ курсовъ и т. п. Что касается до болѣе обширныхъ группъ, соединяющихъ въ одно цѣлое нѣсколько синдикатовъ, то эти союзы не обладаютъ правами юридической личности: они не могутъ пріобрѣтать никакой собственности, какъ не могутъ являться передъ судомъ. Въ настоящее время правительство „республиканской защиты" и занято вопросомъ о предоставленіи всѣхъ правъ юридической личности синдикатамъ и о распространеніи ихъ на союзы синдикатовъ.

Изъ послѣдующихъ (съ 1884 г.) мѣръ, касающихся пролетаріата, мы можемъ указать на законъ 2-го ноября 1892, который ставитъ предѣлы эксплуатаціи дѣтскаго и женскаго труда, ограничивая рабочій день подростковъ обоего пола, имѣющихъ менѣе 16 лѣтъ отъ роду, 10 часами дѣйствительнаго труда, а рабочій день женщинъ 11 часами и предписывая, чтобы для молодыхъ работниковъ и работницъ между 16 и 18 годами число недѣльныхъ часовъ не превышало 60 часовъ, а ежедневныхъ 11 часовъ *); на законъ 27-го декабря 1892 г., устанавливающій третейскій (необязательный) судъ между рабочими и капиталистами, и на учрежденіе при Министерствѣ торговли бюро или если хотите, департамента труда (office du travail), декретъ объ организаціи котораго появился въ Journal officiel 21-го августа 1891 г. Первый шагъ къ демократизаціи состава этого учрежденія, члены котораго назначались министромъ, былъ сдѣланъ декретомъ отъ 1-го сентября 1899 г., изданнымъ по иниціативѣ,

*) См. интересныя подробности о перипетіяхъ выработки этого закона въ сборникѣ: A. Hamon, *La France sociale et politique* (1891): Парижъ, 1893, стр. 52—64.

Милльрана и предоставлявшимъ треть мѣстъ (22 изъ 66) лицамъ, избраннымъ рабочими (другая треть должна заполняться лицами, выбранными капиталомъ, а послѣдняя лицами, назначенными парламентомъ и администраціей). Подъ вліяніемъ же Милльрана былъ вотированъ законъ 30-го марта 1900 г., измѣнявшій законъ 2-го ноября 1892 г. и возбудившій такія страстныя пренія среди соціалистической партіи Франціи. Согласно новому закону, для всѣхъ категорій рабочихъ, какъ дѣтей и женщинъ, такъ и занятыхъ въ однѣхъ мастерскихъ съ ними взрослыхъ мужчинъ, продолжительность дѣйствительнаго рабочаго дня опредѣлена въ 11 часовъ, при чемъ черезъ два года эта цифра должна быть сведена до $10^1/_2$ часовъ, а еще черезъ два года до 10 ч. Пока, значитъ, продолжительность труда увеличена для дѣтей на 1 часъ, но за то день взрослыхъ рабочихъ легально пониженъ до 11 часовъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ четыре года упасть до общаго десятичасоваго уровня. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ новаго закона. Но важно отмѣтить указаніе защитниковъ его на злоупотребленія фабрикантовъ, выроставшія на почвѣ неодинаковой длины труда для взрослыхъ и дѣтей, и невозможность контролировать выполненіе на практикѣ закона 1892 г., вслѣдствіе чего дѣти фактически работали въ громадномъ большинствѣ случаевъ столько же, сколько и взрослые. Новый законъ, по мнѣнію его авторовъ, и долженъ путемъ однообразнаго для всѣхъ рабочихъ дня искоренить эти злоупотребленія *).

Итакъ, мы разсмотрѣли тѣ юридическія условія, въ рамкахъ которыхъ французскій пролетаріатъ долженъ былъ проявлять свои коллективныя стремленія. Посмотримъ теперь на различныя формы этихъ стремленій, начиная, какъ мы уже сказали раньше, съ производительныхъ рабочихъ ассоціацій. Въ оффиціальномъ изслѣдованіи этихъ организацій **) мы находимъ интересныя данныя, позволяющія намъ видѣть сравнительную слабость этого движенія. Дѣйствительно, число этихъ производительныхъ группъ очень малочисленно; и развитіе ихъ задерживалось не одними только политическими условіями,—напр., большею или меньшею терпимостью властей и буржуазіи,—но и внутренними чисто-экономическими причинами, о которыхъ мы скажемъ ниже. Исторія производительныхъ ассоціацій можетъ быть обрисована нѣсколькими словами и цифрами.

---

*) Въ числѣ мѣръ по рабочему законодательству, уже получившихъ осуществленіе, можно цитировать еще декретъ отъ 17 сентября 1900 г. о «Совѣтахъ труда».

**) *Les associations ouvrières de production*; Парижъ, 1897 (изд. бюро труда).

Практическую инициативу кооперативнаго движенія приписываютъ обыкновенно католическому соціалисту Бюшэ (Buchez), основавшему въ сентябрѣ 1831 г. ассоціацію столяровъ. Но ассоціація эта въ сущности никогда не функціонировала; и приложеніе кооперативной идеи къ дѣйствительности принадлежитъ группѣ ювелировъ, которые въ 1834 г. основали ассоціацію, проявившую значительную солидарность между членами и продержавшуюся въ теченіе сравнительно долгаго времени. Идея кооперативной организаціи, что называется, дремала до самаго 1848 г. Затѣмъ, подъ вліяніемъ радужныхъ иллюзій, возбужденныхъ февральской революціей, это теченіе сразу усилилось, и въ промежутокъ между 1848 и 1851 г. создалось около двухъ сотенъ рабочихъ обществъ. Декабрьскій переворотъ и императорская реакція безжалостно растоптали ростки молодыхъ организацій, и съ 1852 по 1863 г. число рабочихъ ассоціацій не превышало двадцати. Ослабленіе же политическаго гнета, возвѣщавшаго наступленіе либеральнаго періода второй Имперіи, снова сказалось на возрастаніи цифры производительныхъ обществъ: въ 1865 г. къ двумъ-тремъ десяткамъ уже существовавшихъ организацій прибавилось тридцать вновь основанныхъ, и движеніе постепенно усиливалось вплоть до 1870 г. Новый крахъ надеждъ пролетаріата, послѣ движенія 18-го марта, парализуетъ на цѣлые годы кооперативное теченіе, которое начинаетъ крѣпчать понемногу лишь съ 1881 г., когда на сцену выступаютъ около двадцати новыхъ обществъ; но и на этотъ разъ теченіе продолжается, все слабѣя и слабѣя, приблизительно до 1885 г. Съ 1886 г. волна коопераціи идетъ рѣшительно на убыль, и нѣкоторое оживленіе обнаруживается лишь ко времени Парижской выставки 1889 г Съ тѣхъ поръ стремленіе къ ассоціаціи обнаруживаетъ извѣстную жизненность, особенно съ 1893 г.

Послѣднія статистическія данныя, относящіяся къ 1-му января 1897 г., указываютъ на существованіе 184 производительныхъ рабочихъ обществъ. Подробная статистика за 1895 г. высчитываетъ цифру ихъ въ 172; число членовъ превосходитъ нѣсколько 9.000 человѣкъ, изъ которыхъ половина работаетъ въ кооперативныхъ мастерскихъ, тогда какъ цифра рабочихъ со стороны, оплачиваемыхъ ассоціаціями, колеблется между 6,700 и 4,300 человѣкъ. Номинальный капиталъ обществъ равняется 13.050,000 фр., изъ которыхъ 11.715,000 фр. уже внесено; годовой оборотъ уже простирается до 29.900,000 фр., а прибыль 100 обществъ, дающихъ барыши, составляетъ 2.410,000 фр. Эти цифры, несмотря на свою довольно большую абсолютную важность, поражаютъ своею незначительностью, если сравнить ихъ съ общимъ экономическимъ складомъ страны. Въ самомъ дѣлѣ, что такое 9,000 членовъ ассоціацій на 3.600,000 рабочихъ, занятыхъ во Франціи

промышленностью и перевозкою? Четверть процента *), или капля въ морѣ! И къ подобному же заключенію приходишь, сравнивая ассоціаціонный капиталъ съ общимъ капиталомъ страны, вложеннымъ въ промышленныя предпріятія.

Обратите, съ другой стороны, вниманіе на самый характеръ организаціи, носящей звучное названіе производительной ассоціаціи. Настоящими представителями труда въ этихъ обществахъ являются лишь тѣ члены, которые дѣйствительно работаютъ въ кооперативныхъ мастерскихъ; но такихъ, какъ мы видѣли, не болѣе половины. Остальная же половина представляетъ собою капиталистовъ, нуждающихся для своего существованія въ наемныхъ рабочихъ, которые почти также эксплуатируются ассоціаціями, какъ и заправскими капиталистами. Я хотѣлъ бы указать еще на одну темную сторону современныхъ коопераций, сторону, значеніе которой невѣрно оцѣнивается авторами отчета **), находящимися подъ давленіемъ буржуазныхъ идей. Среди ассоціацій происходитъ безпрестанный процессъ выработки дѣловой аристократіи, которая вербуется изъ директоровъ, кассировъ, техниковъ и вообще административнаго штаба и, не довольствуясь крупною ролью, играемою ею въ организаціи, стремится извлекать непосредственныя матеріальныя выгоды изъ своего положенія.

Всѣ эти обстоятельства тяжело давятъ на развитіе настоящей коопераціи, которая, по мнѣнію самихъ же авторовъ изслѣдованія, должна представлять собою „попытки, дѣлаемыя рабочими съ цѣлью постепенной замѣны наемнаго труда ассоціаціей". И можно понять отрицательное отношеніе къ коопераціи со стороны многихъ послѣдовательныхъ соціалистовъ, которые полагаютъ, что ассоціація въ рамкахъ современнаго строя осуждена на безсиліе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ рабочимъ не достаетъ капиталовъ; а это, при господствѣ свободной конкурренціи, заставляетъ кооперацію фатально гибнуть подъ ударами крупныхъ фабрикантовъ, въ лучшемъ же случаѣ превращаетъ рабочую организацію въ каррикатуру буржуазнаго производства съ его дѣленіемъ на капиталистовъ, директоровъ, техниковъ и простыхъ наемниковъ ***).

Но тутъ, мнѣ кажется, не мѣшаетъ внести поправку и сказать, что по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ вырабатываетъ свое самосознаніе, по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать, что кооперація, дѣйствующая въ рамкахъ современнаго строя, не можетъ именно по этому самому вытѣснить настоящую экономи-

---

*) Ibid., стр. 551.

**) Ibid., стр. 9 предисловія (обращенія къ министру).

***) См. страстную критику коопераціи Гэдомъ въ сборникѣ его старыхъ статей: Jules Guesde, *Le socialisme au jour le jour;* Парижъ, 1899, стр. 327—332.

ческую организацію; по мѣрѣ этого и увлеченіе принципомъ непосредственнаго коллективнаго производства теряетъ свои вредныя стороны, и кооперація начинаетъ играть свою настоящую воспитательную роль: служить школой для выработки техническаго умѣнья руководить общимъ предпріятіемъ и для воспитанія чувствъ дѣятельной, практической, а не отвлеченной только солидарности.

Замѣчу, что знаменитый стеклянный заводъ въ Альби, устроенный, главнымъ образомъ, по иниціативѣ и благодаря усиліямъ Жорэса, является яркимъ доказательствомъ того, что пролетаріатъ начинаетъ становиться именно на только-что указанную мною точку зрѣнія: согласно уставу этого заведенія, оно дѣйствуетъ вовсе не съ цѣлью доставлять дивиденды рабочимъ-акціонерамъ, но съ цѣлью служить потребностямъ всего пролетаріата и всего рабочаго класса Франціи. Рабочіе получаютъ на немъ высшую плату, чѣмъ въ сосѣднихъ заводахъ, принадлежащихъ капиталистамъ, но отнюдь не представляютъ собою собственниковъ заведенія; всѣ барыши идутъ членамъ синдикатовъ, производительныхъ и потребительныхъ коопераций, являющихся въ совокупности акціонерами завода *).

Гораздо большее значеніе, чѣмъ кооперація, имѣютъ временные и постоянные союзы рабочихъ (стачки, синдикаты и т. п.), которые, не претендуя на коренное измѣненіе современнаго строя, стремятся при настоящихъ условіяхъ и въ сферѣ наемнаго труда улучшить матеріальное и нравственное положеніе пролетаріата. Что касается до стачекъ, то мы ниже коснемся ихъ причинъ. А пока читатель можетъ бросить взглядъ на статистику преслѣдованій противъ стачечниковъ за четыре разные періоды законодательства. Съ 1825 по 1847 г. включительно, т. е. за 23 года, число судебныхъ преслѣдованій (за „коалиціи") равнялось 1,251, или 54 въ годъ, число обвинявшихся 7,148, или 301 въ годъ, а число оправданныхъ 1,987, что составляетъ 27% всего числа привлекавшихся къ суду. Въ теченіе 17-лѣтняго періода между 1848 и 1864 г., число преслѣдованій (за „коалиціи") равнялось 1,144, или 67 въ годъ, число обвинявшихся 6,812, или 401 въ годъ, а число оправданныхъ 1,034, т. е. 15% всего числа судившихся. За 21 годъ, между 1864 и 1884 г., число дѣлъ (по „нарушенію свободы труда и промышленности") равнялось 1,027, или 49 въ годъ, число привлекавшихся къ отвѣтственности 3,014, или 143 въ годъ, а число оправданныхъ 313, т. е. 10% всего числа судившихся. Наконецъ, съ 1884 по 1896 г., за 12 лѣтъ число преслѣдованій (за „насилія, угрозы, злостные маневры") равно

*) *Les associations ouvrières de production*, стр. 308.

1,329, или 111 въ годъ, число преслѣдовавшихся 2,652, или 221 въ годъ, а число оправданныхъ 215, т. е. 8% всего числа привлекавшихся къ отвѣтственности *).

Если сопоставить по періодамъ добытые нами результаты, то окажется, что, несмотря на разницу законодательствъ въ различныя эпохи, колебанія въ среднемъ числѣ разбиравшихся дѣлъ и судившихся лицъ значительны, но не чрезмѣрны; а, главное, обнаруживаются то въ ту, то въ другую сторону, хотя измѣненіе законодательства шло, наоборотъ, въ одномъ направленіи, а именно къ смягченію каръ и расширенію права стачки. Такъ, во второй періодъ, когда наказаніе за коалиціи распространилось и на фабрикантовъ, число дѣлъ по стачкамъ рабочихъ возрасло. Въ третій періодъ, отмѣченный ослабленіемъ каръ по закону 1864 г., наоборотъ, уменьшилось. Въ послѣдній же періодъ, характеризующійся (начиная съ закона 1884 г. о синдикатахъ) полнымъ признаніемъ правъ стачки, кромѣ прямого „насилія" и т. п., число дѣлъ опять поднялось. За то очень интересно постепенное и правильное паденіе пропорціи оправданныхъ по періодамъ (27%, 15%, 10% и, наконецъ, 8%): законъ становится мягче, но строгость преслѣдованія въ предѣлахъ смягчающагося законодательства какъ бы возрастаетъ. Я думаю, эта видимая аномалія объясняется тѣмъ, что свирѣпость болѣе ранняго законодательства, наказывавшаго за голый фактъ стачки, должна была втягивать въ преслѣдованія и правыхъ, и виноватыхъ безъ разбора, и судьи были вынуждены оправдывать болѣе значительное число лицъ, посаженныхъ какъ попало на скамью подсудимыхъ.

Самое число стачекъ растетъ съ каждымъ годомъ, но прямая успѣшность ихъ колеблется изъ года въ годъ. По даннымъ оффиціальной статистики, относящимся къ 1898 г., число стачекъ въ этомъ году дошло до 368; онѣ захватили 1967 заведеній и 82065 рабочихъ. (Въ 1897 г. число стачекъ равнялось 356, число заведеній, затронутыхъ стачкой, 2568, число стачечниковъ 68.875) Въ 1898 г. пропорція удачныхъ забастовокъ составляла 20,38%, пропорція неудачныхъ 46,20%, пропорція забастовокъ, завершившихся компромиссомъ между фабрикантомъ и рабочими, 33,42%**) Такимъ образомъ, вопреки обычному мнѣнію о фатальномъ неуспѣхѣ стачекъ, лишь менѣе половины забастовокъ кончились полнымъ фіаско. Но было бы наивно отрицать, что непосредственные результаты стачки по большей части не окупаютъ принесенныхъ жертвъ, и въ этомъ отношеніи буржуазные эконо-

*) Вычислено мною по таблицамъ на стр. 27, 40, 49, 50 оффиціальнаго изслѣдованія *Les associations professionnelles ouvrières.*

**) *Statistique des grèves et des recours à l'arbitrage survenus pendant l'année 1898*; Парижъ, 1899, стр. VII—VIII.

мисты совершенно правы. Они лишь забываютъ прибавить, что главное значеніе стачекъ моральное и общественно-политическое. Стачки являются школой выработки солидарности и классового самосознанія пролетаріевъ, равно какъ личнаго достоинства трудящихся. Не забудемъ, что если вопросы заработной платы всего чаще играютъ роль въ забастовкахъ (60,60% всѣхъ стачекъ въ 1898 г. возникли на этой почвѣ), то отстаиваніе человѣческаго достоинства, свобода совѣсти и убѣжденія, защита выгоняемыхъ фабрикантомъ энергичныхъ товарищей, борьба противъ несправедливыхъ притязаній мастеровъ и надсмотрщиковъ занимаютъ первое мѣсто непосредственно за вопросами заработка.

Наиболѣе мыслящіе представители пролетаріата вовсе не смотрятъ, однако, на стачки, какъ на отрадное явленіе, какъ на благо для трудящихся, но какъ на неизбѣжное зло, къ которому порою нужно прибѣгать, чтобы избѣгнуть еще большаго зла или извлечь изъ столкновенія интересовъ нравственный урокъ солидарности. Вопросъ же о всеобщей стачкѣ разсматривается различными группами и лицами пролетаріата далеко не одинаково, и тѣ, которые рекомендуютъ такое страшное и обоюдо-острое оружіе, видятъ въ немъ послѣднее и рѣшительное средство для рѣшенія соціальной проблемы при очень обострившихся условіяхъ. Вотъ почему всевозможные разсказы о вожакахъ пролетаріата, якобы развозящихъ ядъ стачечной эпидеміи по всей Франціи, должны быть отнесены къ разряду легендъ, которыми буржуазная печать старается навести страхъ на душу имущихъ классовъ. И къ этой же категоріи фантастичныхъ сказаній должно отнести увѣренія той же печати на счетъ громадной роли, которую будто бы играютъ въ возбужденіи стачекъ рабочіе синдикаты. Даже осторожные авторы оффиціальной статистики указываютъ на неосновательность подобныхъ соображеній:

. . . во многихъ умахъ, склонныхъ къ черезчуръ легкому обобщенію, слово «синдикатъ» вызываетъ идею о столкновеніи и стачкѣ. Но что это сближеніе далеко не всегда основательно, показываетъ статистика стачекъ, ежегодно публикуемая бюро труда, ибо въ 47% отмѣченныхъ стачекъ было констатировано, что въ профессіи стачечниковъ совсѣмъ не существовало синдиката; а что въ другихъ случаяхъ синдикаты не всегда вмѣшивались и не всегда оказывали стачечникамъ нравственную или матеріальную поддержку *).

Въ сущности говоря, приходится сказать даже совершенно обратное: дѣятельность синдикатовъ зачастую прекращаетъ стачку въ самомъ началѣ, заставляя организованныхъ рабочихъ вести съ большею цѣлесообразностью переговоры съ капиталистомъ и создавая почву для обращенія къ третейскому суду. Въ настоящее время среди пролетаріата замѣчается все болѣе и болѣе

*) *Les associations professionnelles ouvrières*, стр. I.

стремленіе прибѣгать къ посредничеству, которое установлено уже упомянутымъ нами закономъ отъ 27-го декабря 1892 г. и хорошимъ образчикомъ котораго является третейскій приговоръ, произнесенный Вальдэкомъ-Руссо по желанію рабочихъ въ Крёзо и ихъ хозяина, заводчика Шнейдера. Мы такимъ образомъ естественно переходимъ къ дѣятельности и значенію синдикатовъ. Насъ, собственно говоря, интересуютъ въ данной статьѣ лишь синдикаты рабочихъ; но мы сопоставимъ данныя и о другихъ синдикатахъ. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ, къ 1-му января 1899 г. насчитывалось 2.361 рабочихъ синдикатовъ съ 419,761 членовъ, тогда какъ синдикатовъ капиталистовъ было 1.965 съ 151.624 членовъ, смѣшанныхъ синдикатовъ 176 съ 34.236 членовъ, земледѣльческихъ 1.824 съ 491.692 членовъ *). Если оставить въ сторонѣ земледѣльческіе синдикаты, о которыхъ я говорилъ во второй статьѣ о крестьянствѣ, то сейчасъ же бросается въ глаза преобладаніе рабочихъ синдикатовъ и, въ особенности, ихъ сравнительно быстрое распространеніе. Въ 1884 г. ихъ насчитывалось 68, тогда какъ хозяйскихъ синдикатовъ было 101, въ 1890 г. число рабочихъ синдикатовъ уже дошло до 1.006, перегнавъ такимъ образомъ тоже значительно возросшее число хозяйскихъ синдикатовъ (1.004), и еще болѣе сильное движеніе обнаружилось въ числѣ членовъ, которыхъ къ тому времени насчитывалось уже 139,692 въ рабочихъ синдикатахъ (сравнительно съ 93,411 членами хозяйскихъ синдикатовъ). Наконецъ, въ 1899 г., какъ мы видѣли, число рабочихъ синдикатовъ превосходило болѣе чѣмъ на одну пятую число хозяйскихъ (2,361 и 1,965), а число членовъ ихъ было чуть не въ три раза болѣе числа членовъ хозяйскихъ (419,761 и 151,624) **).

Замѣчу, что, кромѣ простыхъ синдикатовъ, функціонируютъ еще и синдикальные союзы, представляющіе федерацію синдикатовъ одной и той же профессіи, но разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, а также такъ называемыя „биржи труда", являющіяся организаціей синдикатовъ различныхъ профессій, но дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ этой сферѣ, такъ сказать, сложныхъ экономическихъ организмовъ, по отношенію къ кото-

*) См. издаваемый Министерствомъ торговли ежегодникъ: *Annuaire des syndicats professionels industriels, commerciaux et agricoles*; Парижъ, 1899, годъ X (1898—1899), стр. XXXI.—Согласно только-что вышедшему ежегоднику XII (1900—1901), Парижъ, 1901, къ 1-му января текущаго года насчитывалось 3.287 рабочихъ синдикатовъ съ 588.832 членовъ, 2.382 синдикатовъ капиталистовъ съ 170.030 членовъ, 162 смѣшанныхъ синдикатовъ съ 29.044 членовъ, 2.204 земледѣльческихъ съ 533.454 членовъ.

**) Въ 1900—1901 г. ростъ рабочихъ синдикатовъ, какъ читатель могъ видѣть изъ только что сдѣланнаго примѣчанія, еще болѣе перегналъ ростъ синдикатовъ капиталистовъ; смѣшанные же синдикаты, пропагандируемые графомъ де-Мэномъ и прочими сторонниками «христіанскаго» примиренія хозяевъ и рабочихъ, идутъ рѣшительно на убыль.

рымъ простой синдикатъ играетъ роль основной клѣточки, рабочіе берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ капиталистами: на 96,588 фабрикантовъ, состоящихъ членами синдикальныхъ союзовъ своего класса, приходится 312,185 членовъ рабочихъ союзовъ, т. е. въ три съ половиною раза больше; что касается до „биржъ труда", то онѣ представляютъ собой исключительно рабочую группировку, заключающую въ 1899 г. 159,284 членовъ.

И немудрено, если это движеніе начинаетъ останавливать на себѣ взоры и друзей, и враговъ, и просто безпристрастныхъ наблюдателей рабочаго класса: въ противоположность ничтожной пропорціи пролетаріевъ, захваченныхъ кооперативнымъ движеніемъ, армія синдикатовъ заключаетъ въ своихъ рядахъ около 12%, или, по крайней мѣрѣ, одну восьмую часть всего промышленнаго пролетаріата Франціи. Интересно, что уже цитированный нами авторъ „Экономическаго федерализма", не ограничиваясь этимъ многозначительнымъ заглавіемъ своей книги, очень умѣло и обстоятельно доказываетъ, что это движеніе нисколько не противорѣчитъ принципамъ великой французской революціи, столь часто призываемымъ всуе либеральными и даже консервативными буржуа. Онъ приглашаетъ читателей обращать вниманіе не на букву, а на духъ знаменитаго переворота и объясняетъ отрицательное отношеніе законодателей этой эпохи къ ассоціаціи тогдашними условіями дѣйствительности. Громадное большинство рабочаго класса принадлежало въ то время къ разряду мелкихъ ремесленниковъ, которымъ мѣшала свободно жить своимъ трудомъ средневѣковая регламентація. Уничтоженіе корпорацій было поэтому встрѣчено трудящимися этой многочисленной категоріи съ большимъ восторгомъ. Съ другой стороны, крупная фабрика существовала тогда развѣ въ формѣ монопольныхъ мануфактуръ, и число рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ было ничтожно. Этимъ и объясняется, почему „запрещеніе профессіональной группировки произвело такъ мало волненія въ странѣ" *). Не было еще опредѣленнаго и обособленнаго класса пролетаріевъ, для которыхъ лишь по мѣрѣ концентраціи средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ вопросъ о правѣ и возможности организоваться пріобрѣлъ громадное значеніе.

Поль-Бонкуръ, изучая общественную эволюцію, приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время рабочіе неотразимо сливаются въ группы, которымъ и принадлежитъ задача защиты интересовъ каждаго отдѣльнаго члена, и ставитъ смѣло необходимымъ требованіемъ современности „признаніе со стороны французскаго законодательства экономическаго господства профессіональныхъ группъ" **). Съ этой точки зрѣнія авторъ и признаетъ

*) Paul-Boncour, l. c., стр. 57.
**) Ibid., стр. 329.

за рабочими организаціями,—какъ временными, такъ и постоянными, какъ стачками, такъ и синдикатами,—право предписывать большинствомъ голосовъ извѣстное поведеніе меньшинству и отдѣльнымъ членамъ и принимать коллективныя мѣры штрафовъ, запрещеній и т. п. противъ ослушниковъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ предисловіи къ книгѣ, принадлежащемъ перу Вальдэка-Руссо, теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ увѣщеваетъ читателей Поля-Бонкура „не бояться возможности" экономическаго господства ассоціацій, то этотъ фактъ уже является яркимъ знаменемъ времени и симптомомъ крупнѣйшихъ перемѣнъ, которыя назрѣваютъ въ мірѣ труда. Кстати, не знаменательно-ли, что такой отчаянный индивидуалистъ, такой противникъ коллективной организаціи человѣческой дѣятельности, какъ Ивъ Гюйо, проектируетъ въ свою очередь полезность и необходимость договора фабриканта со всей совокупностью рабочихъ заведенія, такъ чтобы капиталистъ условливался платить извѣстную сумму за извѣстное количество труда всей своей рабочей арміи и уже не вмѣшивался бы въ контроль и внутренніе распорядки фабрики? Какъ видите, цѣлый новый міръ ростетъ, развивается и неудержимо рвется наружу изъ узкихъ покрововъ стараго міра, и ожиданіе основнаго преобразованія экономическаго строя проникаетъ даже въ душу самыхъ скептическихъ и самыхъ враждебныхъ наблюдателей.

Мнѣ остается послѣдняя часть задачи: указавъ на болѣе или менѣе стихійныя, естестественныя стремленія французскаго пролетаріата пересоздать существующій строй, я долженъ теперь представить въ самыхъ общихъ чертахъ сознательные идеалы четвертаго сословія, идеалы, освѣщающіе ему путь грядущаго преобразованія. Я предпочитаю остановиться съ этою цѣлью на рабочихъ конгрессахъ послѣднихъ тридцати лѣтъ *), потому что въ этихъ конгрессахъ выражается и концентрируется, какъ во временно загорающихся фокусахъ, постоянная работа мысли среди трудящихся массъ. Это, конечно, нисколько не исключаетъ указанія на безпрерывный ростъ сознательнаго движенія за уже упомянутый періодъ времени. Но болѣе подробное разсмотрѣніе конгрессовъ даетъ возможность опредѣлять осязательные успѣхи мысли въ извѣстный промежутокъ. Я воспользуюсь для этой части изслѣдованія трудомъ о рабочихъ конгрессахъ Леона де-Сейльяка **) и этюдомъ того же автора о развитіи синдикаль-

*) Я оставляю при этомъ въ сторонѣ интернаціональные конгрессы, а останавлюсь почти исключительно на чисто французскихъ.

**) Léon de Seilhac, *Les congrès ouvrières en France (1876—1897)*; Парижъ, 1899.

наго движенія *). Но мнѣ придется вносить кой-какія поправки на основаніи другихъ работъ **), въ особенности во вниманіе къ консервативной точкѣ зрѣнія автора, который дѣлаетъ похвальныя усилія для безпристрастной оцѣнки чисто рабочаго движенія; но какъ только заводитъ рѣчь о политической дѣятельности пролетаріата, сейчасъ же обнаруживаетъ плохо скрываемое неудовольствіе на политиканствующихъ вожаковъ и доходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что готовъ, кажется, скорѣе простить самыя революціонныя попытки пролетаріата, лишь бы онѣ дѣлались самими рабочими. Этотъ взглядъ Сейльяка на вещи и заставляетъ насъ съ большою осторожностью относиться къ его историческому очерку эволюціи рабочей мысли въ конгрессахъ.

Послѣ правительственной и общественной реакціи, послѣдовавшей за движеніемъ 18-го марта 1871 г., французскій пролетаріатъ обнаруживаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ очень большую робость и не пытается отстаивать свои интересы даже на строго законной почвѣ. Такъ, напр., всѣмъ извѣстно, какой расцвѣтъ промышленности послѣдовалъ за войной 1870—1871 г. (какъ то всегда бываетъ, впрочемъ, въ рамкахъ современнаго строя, когда политическій или экономическій погромъ расточаетъ производительныя силы страны, и въ обществѣ обнаруживается сильное стремленіе поставить національный трудъ въ прежнія нормальныя условія). И что-же? несмотря на это необыкновенное оживленіе французской индустріи, рабочая плата была крайне низка, и низка именно потому, что взятые въ отдѣльности пролетаріи не были достаточно сильны, чтобы выразить свои требованія въ авторитетной формѣ; прибѣгать же къ групповой дѣятельности никто изъ рабочихъ не рѣшался, хотя по закону корпоративныя собранія не были воспрещены. Если не считать нѣкоторыхъ слабыхъ попытокъ со стороны синдикатовъ, то первое коллективное проявленіе мысли французскаго пролетаріата приходится видѣть въ первомъ „рабочемъ конгрессѣ“ Франціи, который засѣдалъ въ Парижѣ отъ 2-го до 10-го октября 1876 г.

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ прислушиваться къ этому первому лепету вновь возродившагося въ жизни четвертаго сословія. Отнюдь не думая рѣзко противоставлять свои идеалы идеаламъ господствующихъ классовъ, организаторы перваго конгресса старались по возможности дать привилегированному меньшинству понять, что пролетаріатъ нисколько не думаетъ объ измѣненіи

*) *L'evolution du parti syndical en France*; Парижъ, 1899.

**) Укажу, между прочимъ, на только что вышедшій очень краткій, но точный историческій очеркъ конгрессовъ: Léon Blum, *Les congrès ouvriers et socialistes français*; Парижъ, 1901, 2 т. (томъ первый заключаетъ конгрессы 1876—1885, томъ второй 1886—1900).

существующаго строя, но лишь желаетъ—и желаетъ именно на почвѣ этого строя—улучшить свое положеніе. Конгрессисты становились, если хотите, на классовую точку зрѣнія, но на классовую точку зрѣнія каррикатурную. Такъ, если они, съ одной стороны, отказывали въ словѣ кому бы то ни было кромѣ рабочихъ, то мотивировали это опасеніемъ, какъ бы „политиканы не воспользовались конгрессомъ, какъ подмостками для избирательныхъ и политическихъ операцій“ *), и въ то же время провозглашали солидарность труда и капитала. Словомъ, то была эпоха торжества такъ называемыхъ барберэттистовъ, по имени нѣкоего Барберэ, который послѣ кровавыхъ событій 1871 г. пытался снова возсоздать синдикаты, но съ цѣлью помѣшать стачкамъ, ибо послѣднія могли, по его мнѣнію, оказаться гибельными для основывавшейся республики. Первый рабочій конгрессъ показался очень благоразумнымъ и плодотворнымъ даже представителямъ консервативной печати, которые одобрительно указывали на то, что характеръ конгресса ясно, молъ, указывалъ на прекращеніе для Франціи „эры революціи“. Но, съ другой стороны, противъ конгресса же появилась немедленно по его окончаніи брошюра коммунаровъ, укрывшихся въ Лондонѣ, которые въ страстной и негодующей формѣ клеймятъ „синдикальщиковъ“ и ихъ „реакціонные фарсы въ родѣ коопераціи, всеобщей подачи голосовъ и т. п.“, видя въ этомъ лишь „лицемѣрный пріемъ подтибрить въ свою пользу революцію“ (procédé hypocrite d'escamotage de la Révolution **).

На второмъ рабочемъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ Ліонѣ отъ 28-го января 1877 г. до 8-го февраля 1878 г., начинаетъ уже слышаться, хотя очень слабо, нота протеста противъ мелко экономическаго характера вопросовъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе пролетаріата. Правда, громадное большинство членовъ конгресса думало и могло сказать вмѣстѣ съ предсѣдателемъ одного изъ засѣданій: „мы вовсе не безсмысленные утописты, исповѣдующіе ненависть противъ всего существующаго“. Но все же нашлось 8 членовъ (цифра, данная Сейльякомъ, тогда какъ органъ коллективистовъ *L'Egalité* насчитывалъ 20 членовъ), которые высказались за коллективизмъ и противъ коопераціи, которая, по ихъ мнѣнію, служитъ въ рамкахъ современнаго общества только для того, чтобы дать возможность болѣе исправнымъ рабочимъ войти въ среду буржуазіи.

Въ томъ же 1878 году, а именно въ сентябрѣ, была сдѣлана синдикальными палатами рабочихъ попытка организовать, по

*) *Congrès ouvriers*, стр. 15.

**) См. выдержки изъ этой брошюры въ *Congrès*, стр. 18—19. Она цѣликомъ перепечатана въ интересной по фактамъ книгѣ: Mermeix, *La France socialiste*; Парижъ 1886, стр. 278—295 приложенія; этой книгой Сейльякъ пользовался мѣстами очень сильно, не указывая, однако, источника.

поводу Всемірной выставки, международный конгрессъ. Но запрещеніе полицейской префектурой предполагавшагося конгресса устрашило мирныхъ иниціаторовъ; тогда-то эта идея была подхвачена группой соціалистовъ и революціонеровъ во главѣ съ Жюлемъ Гэдомъ, который, возвратившись изъ изгнанія послѣ событій начала 1870-хъ годовъ, повелъ съ 1876 г. свою пропаганду между студентами Латинскаго квартала, а вскорѣ и между рабочими. Будущій глава французскаго марксизма лишь въ 1877 г. имѣлъ случай изучить „Капиталъ"; но уже нѣсколько раньше эволюція его собственныхъ идей привела его къ точкѣ зрѣнія, близко подходящей къ соціологическимъ и политико-экономическимъ ученіямъ Маркса. Какъ бы то ни было, сторонники Жюля Гэда, какъ мы уже сказали, принялись съ жаромъ за покинутую синдикатами мысль организовать международный конгрессъ; но были арестованы и по суду приговорены къ тюрьмѣ. Консервативный авторъ „Рабочихъ конгрессовъ" принужденъ сознаться, что то была ошибка со стороны правительства: на судѣ Гэдъ произнесъ коллективную защитительную рѣчь товарищей по процессу, и эта защита получила громадное и громкое распространеніе, тогда какъ конгрессъ прошелъ бы несомнѣнно незамѣченнымъ *).

Взгляды Гэда и его единомышленниковъ, ставшихъ популярными отчасти благодаря этому преслѣдованію, восторжествовали на третьемъ рабочемъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Марсели между 20-мъ и 31-мъ октября 1879 г. Большинствомъ 60 голосовъ противъ 23, конгрессъ вотировалъ необходимость „добиваться всевозможными средствами обращенія въ коллективную собственность всѣхъ орудій труда и средствъ производства, почвы, подпочвы, машинъ, перевозочныхъ путей, строеній, накопленныхъ капиталовъ". Пролетаріату предписываются „полный разрывъ съ буржуазіею и отдѣленіе отъ нея одновременно во всевозможныхъ областяхъ, умственной, юридической, политической и экономической". Конгрессъ принимаетъ выработанные „коммиссіей рѣшеній" статуты образующейся отнынѣ „Федераціи партіи французскихъ рабочихъ соціалистовъ".

Но необходимость общей программы партіи сильно чувствовалась, и здѣсь-то выступаетъ негласно на первый планъ Марксъ, благодаря усиліямъ котораго и при участіи Энгельса, Геда, Лафарга и Ломбара была выработана въ Лондонѣ, лѣтомъ 1879 г. программа Французской рабочей партіи. Въ числѣ общихъ мотивовъ указывалось на необходимость „дѣйствія пролетаріата, организованнаго въ особую политическую партію", и „преслѣдованія этой организаціи всѣми средствами, которыми только располагаетъ пролетаріатъ, включая сюда и всеобщую подачу голосовъ,

*) *Congrès*, стр. 28.

превращающуюся такимъ образомъ изъ орудія дураченья, которымъ она была до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія". Цѣлью ставилась „политическая и экономическая экспропріація класса капиталистовъ и переходъ въ руки всего общества (или, если хотите, „коллективности": la collectivité) всѣхъ средствъ производства". Я вынужденъ миновать собственно политическую часть, и укажу лишь на двѣ-три мѣры экономической части программы, а именно требованіе восьмичасового рабочаго дня для взрослыхъ, запрещеніе и ограниченіе труда для различныхъ категорій дѣтей и подростковъ, опредѣленіе минимальной заработной платы и равенства ея для мужчинъ и женщинъ.

Эта программа служила знаменемъ, вокругъ котораго сгруппировались крайніе элементы на Гаврскомъ конгрессѣ 1880 г., гдѣ произошелъ рѣшительный расколъ между умѣреннымъ большинствомъ, состоявшимъ изъ членовъ синдикатовъ, и революціоннымъ меньшинствомъ, преслѣдовавшимъ не узко-профессіональныя, а соціально-политическія задачи. Конгрессъ большинства имѣлъ мѣсто между 14-мъ и 22-мъ ноября, конгрессъ меньшинства между 16-мъ и 22-мъ ноября. Умѣренные элементы, несмотря на свой численный перевѣсъ, быстро теряютъ значеніе, и отнынѣ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ представители синдикатовъ успѣваютъ съорганизовать лишь два конгресса. Наоборотъ, революціонное меньшинство выступаетъ и въ повседневной дѣятельности, и на конгрессахъ на первый планъ. Но за то въ немъ почти сейчасъ же происходитъ дальнѣйшее распаденіе; и среди революціонеровъ скоро найдутся въ свою очередь болѣе крайніе и менѣе крайніе элементы.

Малонъ и Бруссъ, опасаясь исключительнаго господства Гэда, предлагаютъ на Реймскомъ конгрессѣ (30 октября—6 ноября 1881 г.) образовать изъ пяти различныхъ федерацій національный комитетъ рабочей партіи, члены котораго въ громадномъ большинствѣ относятся враждебно къ марксистамъ. Вражда эта между двумя теченіями выражается еще болѣе по вопросу о замѣнѣ выработанной въ Лондонѣ программы программой болѣе умѣренной, особенно въ смыслѣ расширенія предѣловъ избирательной борьбы. Дѣло въ томъ, что хотя марксистская программа считалась ея составителями минимальной въ практическихъ требованіяхъ, ея взглядъ на выборы, развитый на Гаврскомъ конгрессѣ, не удовлетворялъ большинство своимъ ригоризмомъ. Дѣйствительно, партія говорила устами этого конгресса, что она прибѣгаетъ лишь въ „послѣдній разъ къ опыту муниципальныхъ и парламентскихъ выборовъ; а въ случаѣ, если онъ не удастся, удержитъ изъ программы лишь чисто революціонную дѣятельность". Но на Реймскомъ конгрессѣ сторонники Малона и Брусса рѣшили, что эта программа не соотвѣтствуетъ своею суровостью требованіямъ рабочихъ, и дали право мѣстнымъ организаціямъ

измѣнять ее примѣнительно къ мѣстнымъ же условіямъ. А въ этомъ фактически выражалось желаніе сдѣлать ее болѣе умѣренной.

Несмотря на эти разногласія, отношенія между меньшинствомъ и большинствомъ рабочей партіи оставались еще внѣшнимъ образомъ дружественными. Но программа, выставленная членомъ большинства, Жоффрэномъ, на парламентарныхъ выборахъ 18-го декабря 1881 г. (въ Парижѣ), настолько отличалась отъ Гаврской, что расколъ сталъ неминуемъ. Гэдисты съ негодованіемъ указывали, что Жоффрэнъ вычеркнулъ изъ своей программы опредѣленіе минимальной заработной платы и замѣнилъ требованіе восьмичасового рабочаго дня черезчуръ неопредѣленнымъ выраженіемъ „установленіе законной продолжительности рабочаго дня". И вотъ противъ Федеральнаго союза центра—Парижской группы, стоявшей за взгляды Брусса и Малона, выступила образованная гэдистами Центральная Федерація, и большинство получило отъ меньшинства презрительную кличку поссибилистовъ, т. е. людей, которые подъ предлогомъ взвѣшиванія „возможностей" отказываются отъ энергичной дѣятельности*). Сэнтъ-Этьенскій конгрессъ (25—30 сентября 1882 г.) формально выразилъ это раздѣленіе; и болѣе революціонные еретики съ Гэдомъ во главѣ были отлучены отъ церкви папою, которымъ оказался Бруссъ.

Отнынѣ дѣйствіе рабочей партіи расщепляется; и каждая изъ враждующихъ фракцій ведетъ свою пропаганду и собирается на своихъ конгрессахъ. Вырабатываются, кромѣ неоффиціальныхъ кличекъ „поссибилистовъ" или „бруссистовъ", „гэдистовъ" или „марксистовъ", и оффиціальныя названія партій: гэдистское меньшинство сохраняетъ прежнее имя „рабочей партіи", тогда какъ поссибилисты образуютъ „Федерацію рабочихъ соціалистовъ Франціи". Но расколъ даетъ себя знать: конгрессы враждующихъ фракцій представляютъ все меньшій и меньшій интересъ; и, наконецъ, въ теченіе 1885 — 1886 г. ни та, ни другая сторона не успѣваютъ созвать ни одного конгресса. Тогда-то, оттертые на задній планъ элементы синдикатовъ снова начинаютъ шевелиться; и облегченныя закономъ 1884 г. условія организаціи синдикатовъ даютъ возможность этимъ профессіональнымъ группамъ образовать „Союзъ рабочихъ синдикальныхъ палатъ Франціи",—союзъ, который въ октябрѣ 1886 г. созываетъ въ Ліонѣ конгрессъ членовъ синдикатовъ. Но, несмотря на усилія учредителей этого конгресса, умѣренные элементы принуждены отступить на немъ передъ крайними (гэдистами), которые успѣваютъ вотировать формулу коллективизма относительно перехода средствъ производства въ руки всей націи и предложить учрежденіе „Національной федераціи рабочихъ синдикатовъ".

*) См. съ другой стороны критику гэдистовъ поссибилистами въ книжкѣ Benoit Malon. *Le nouveau parti*, II; Парижъ. 1882, стр. 58 - 59.

Намъ нечего вдаваться въ подробности послѣдующихъ конгрессовъ; но мы можемъ нѣсколькими словами очертить дальнѣйшее развитіе какъ политической, такъ и синдикальной партіи рабочихъ. Если, съ одной стороны, синдикаты, подвергшись вліянію гэдистовъ, ставятъ все болѣе и болѣе радикальныя требованія, то, съ другой стороны, гэдисты постепенно вовлекаются въ избирательную борьбу и парламентарную дѣятельность; и въ этомъ смыслѣ острые углы ихъ минимальной программы стираются, а вся эта фракція незамѣтно приближается по характеру дѣятельности къ поссибилистской. При этомъ мы наталкиваемся на такіе моменты въ параллельномъ развитіи синдикатовъ и рабочей политической партіи, когда синдикаты, несмотря на болѣе умѣренный характеръ большинства ихъ членовъ, вотируютъ предложенія, болѣе революціонныя, чѣмъ того желаютъ члены рабочей партіи, напр., по вопросу о всеобщей стачкѣ, или о необходимости для рабочихъ отказаться отъ парламентарной дѣятельности въ пользу революціонной, „рѣзко отдѣлившись отъ обманывающихъ ихъ политикановъ“ (бордосскій конгрессъ синдикатовъ 1888 г.).

Въ началѣ 90-хъ годовъ отношенія между различными организаціями становятся еще сложнѣе. Если гэдисты все болѣе и болѣе ступаютъ на путь парламентарной дѣяетльности, то среди профессіональныхъ союзовъ рабочихъ появляется на сцену такъ называемая „Федерація биржъ труда“ (см. выше объ этихъ учрежденіяхъ), которая сейчасъ-же по основаніи, на Сентъ-Этьенскомъ конгрессѣ въ февралѣ 1892 г., обнаруживаетъ большую жизненность, чѣмъ федерація синдикатовъ, и скоро внушитъ гэдистамъ опасенія, какъ бы она не пожрала оставшіеся вѣрными рабочей партіи синдикаты. Съ другой стороны, еще въ 1890 г., на поссибилистскомъ конгрессѣ въ Шателльро (9—15 октября) произошелъ расколъ среди партіи Брусса и Малона; и болѣе радикальное меньшинство образовало особую фракцію, такъ называемыхъ альманистовъ, по имени вожака ихъ Алльмана, поддерживавшаго преимущественно рабочій и революціонный характеръ партіи. Какъ видите, раздробленіе сознательныхъ силъ пролетаріата зашло очень далеко, и соотвѣтственно съ этимъ число конгрессовъ сильно возрасло, хотя охватываемыя ими организаціи представляли лишь обломки старыхъ партій. Достаточно сказать, что въ то время какъ съ 1876—1880 г. для всей Франціи насчитывается всего четыре конгресса, и съ 1880 по 1882 г. три конгресса, съ 1882 по 1900 г. гэдисты организовали двѣнадцать конгрессовъ, поссибилисты (до раскола) между 1883 и 1890 г. четыре конгресса, а послѣ раскола бруссисты съ 1891 по 1899 годъ три, алльманисты съ 1891 по 1898 годъ шесть конгрессовъ. Синдикальное же теченіе подводило себѣ итоги на одиннадцати конгрессахъ „феде-

раціи синдикатовъ" (съ 1886 по 1900 г.) и на восьми конгрессахъ „федераціи биржъ труда" (съ 1892 по 1900 годъ).

Стремленіе къ объединенію различныхъ партій стало замѣчаться прежде всего между ихъ представителями въ муниципалитетахъ и въ парламентѣ, куда сравнительно значительное число соціалистовъ попадаетъ на выборахъ 1893 г. Неоднократно, во время политическихъ кризисовъ и вообще горячихъ парламентарныхъ дней соціалисты, принадлежащіе къ различнымъ фракціямъ, забывали свои несогласія и вотировали, какъ одинъ человѣкъ, возбуждая тѣмъ зависть у буржуа...

Но послѣдующая исторія развитія французскаго соціализма, начиная съ внутренняго замѣшательства, вызваннаго въ рядахъ соціалистовъ отношеніемъ къ дѣлу Дрейфуса, полна раздоровъ и расколовъ, которые съ каждымъ днемъ увеличиваются все болѣе и болѣе. Я лишь въ самыхъ общихъ чертахъ коснусь этого новѣйшаго и бурнаго періода въ выработкѣ идеаловъ четвертаго класса, отсылая пока читателя къ вошедшимъ въ эту книгу моимъ этюдамъ „Эволюція политическихъ партій во Франціи" и „Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ".

Съ конца 1897 г. дѣло Дрейфуса быстро приняло такой общенаціональный, а скоро и міровой характеръ, что застало въ расплохъ всѣ политическія партіи, а въ томъ числѣ и соціалистическую, вызвавъ среди нея нерѣшительность и колебанія. Въ то время какъ поссибилисты (и сторонники Алльмана, и партизаны Брусса) и „независимые" во главѣ съ Жорэсомъ дѣятельно вмѣшались въ борьбу, Гэдъ (послѣ кратковременнаго сочувствія Жорэсу) и Вальянъ стали въ позицію рѣшительнаго невмѣшательства, выражая мнѣніе, „что пролетаріямъ нечего дѣлать въ этой борьбѣ, которая не затрогиваетъ ихъ интересовъ: имъ остается, стоя внѣ, считать лишь удары, наносимые борющимися другъ другу и обращать противъ общественнаго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка всѣ эти скандалы военной Панамы, присоединяющейся къ Панамѣ финансовой". Діаметральная противоположность этой точки зрѣнія и той, на которой стоялъ Жорэсъ, видя въ борьбѣ во имя справедливости историческую задачу современнаго все болѣе и болѣе мужающаго пролетаріата,—эта роковая разница взглядовъ между самыми авторитетными вожаками должна была, конечно, сильно вредить росту и дѣятельности соціалистической партіи, раздираемой разногласіями по такому важному вопросу. Со всѣхъ сторонъ изъ рядовъ сознательныхъ рабочихъ раздавались требованія придти къ общему соглашенію и выработать единую тактику, особенно въ виду всевозможныхъ клеветъ милитаристовъ и клерикаловъ: извѣстно, что на весеннихъ выборахъ 1898 г., увѣнчавшихся

успѣхомъ для соціалистовъ вообще, Гэдъ и Жорэсъ пали, однако, жертвою шовинистскаго настроенія избирателей.

Но между тѣмъ, какъ Жорэсъ, для котораго закрылись двери парламента, перенесъ борьбу противъ реакціи внѣ стѣнъ палаты, ведя въ теченіе всего 1898 г. великолѣпную и успѣшную кампанію въ странѣ во имя принциповъ справедливости и цивилизаціи, Гэдъ послѣ неудачи на выборахъ еще болѣе замкнулся въ узкомъ кругу односторонне понятой имъ „классовой политики" рабочихъ и своимъ систематическимъ воздержаніемъ помѣшалъ дружному движенію пролетаріата противъ коалиціи отживающихъ силъ. Ибо если Жорэсу и прочимъ соціалистамъ, раздѣлявшимъ его взгляды агитаціи, удалось въ концѣ концовъ вовлечь въ борьбу противъ военщины и клерикализма все болѣе и болѣе обширные слои сознательнаго пролетаріата, то все же это теченіе, несмотря на свою безотносительную важность, не имѣло того всеобщаго характера, какой оно должно бы было имѣть въ данномъ случаѣ, исходя отъ четвертаго класса, этого естественнаго защитника современной цивилизаціи.

Рядомъ съ этимъ, въ общественной жизни Франціи обнаружилось замѣчательное явленіе, которое не могло не отозваться на дальнѣйшей такитикѣ соціалистовъ: дѣло Дрейфуса, подъ вліяніемъ людей инціативы и убѣжденія, произвело сильную встряску среди интеллигентной буржуазіи, значительное меньшинство которой рѣшительно передвинулось влѣво, а въ лицѣ нѣкоторыхъ наиболѣе чуткихъ и выдающихся представителей перешло даже въ ряды соціалистовъ. И вотъ люди въ родѣ Жорэса, оставленные въ отчаянной борьбѣ противъ реакціи безъ братской поддержки со стороны сильной и хорошо организованной арміи гэдистовъ и бланкистовъ, а въ то же время нашедшіе союзниковъ среди демократической буржуазіи, естественно должны были переоцѣнить значеніе этого политическаго сотрудничества буржуазіи и мало-по-малу увидѣть въ этой совмѣстной дѣятельности не только потребность исключительнаго момента, но правильный и постоянный принципъ взаимныхъ отношеній между двумя великими классами.

А надо сказать, что обстоятельства складывались, дѣйствительно, исключительнымъ манеромъ, и третья республика подвергалась весною 1899 г. сильнѣйшей опасности быть низверженной заговоромъ цезаристовъ и монархистовъ. Тогда-то интересы демократіи выдвинули и поставили во главу угла министерство республиканской защиты, составъ котораго поразилъ всѣхъ своею неожиданною парадоксальностію: свирѣпый подавитель коммуны, Галлиффэ, подавалъ въ немъ руку соціалисту Милльрану, и связующимъ звеномъ являлся одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей умѣренной республиканской партіи, Вальдэкъ-Руссо. Жорэсъ и его друзья и единомышленники, обѣщая этому мини-

стерству свою поддержку и, дѣйствительно, обезпечивая ему сочувствіе значительной доли пролетаріата, несомнѣнно руководились при этомъ сначала лишь требованіями опаснаго момента; но, затѣмъ, уже раньше подготовленные упомянутою выше переоцѣнкою союза съ буржуазіей, они скоро и черезчуръ легко поддались искушенію разсматривать этотъ изъ ряду вонъ выходящій экспериментъ какъ нормальный эпизодъ постояннаго политическаго сотрудничества буржуазіи и пролетаріата. Жорэсъ построилъ даже въ нѣкоторомъ родѣ общую формулу этого сотрудничества.

Съ другой стороны, въ отвѣтъ на эту ошибку Жорэса „чистые" соціалисты отвѣтили еще болѣе крупной ошибкой, опубликовавъ коллективный манифестъ рабочей партіи (гэдистовъ), соціалистической революціонной партіи (бланкистовъ) и такъ называемаго „коммунистическаго союза", манифестъ, въ которомъ осуждалась вся великолѣпная дѣятельность Жорэса въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ противорѣчащая якобы „классовой политикѣ" рабочихъ, и само участіе Милльрана въ буржуазномъ министерствѣ невѣрно разсматривалось лишь какъ логическій выводъ изъ всей совокупности тактики Жорэса за послѣдніе два года.

Отнынѣ расколъ принималъ крайне рѣзкія формы, и страсти разгорались въ двухъ лагеряхъ братьевъ-враговъ. Все настоятельнѣе и настоятельнѣе стали слышаться голоса, выходящіе изъ рядовъ соціалистовъ и требующіе конгресса для выработки общей программы и общей тактики. Этотъ конгрессъ, засѣдавшій 3—8-го декабря 1899 г. въ Парижѣ и ознаменовавшійся бурными сценами между представителями различныхъ фракцій, былъ попыткой направить по одному руслу различныя теченія французскаго соціализма и создать одну рабочую партію.

Полторы тысячи делегатовъ пролетаріата изъ различныхъ концовъ Франціи призваны были рѣшить три основные вопроса, составлявшіе очередной порядокъ конгресса: въ какой мѣрѣ принципъ борьбы классовъ позволяетъ рабочей партіи учавствовать въ муниципальной, департаментальной и государственной власти? Какъ соціалистическая партія должна вести себя въ случаѣ столкновеній между различными фракціями буржуазіи? Каковы теоретическія и практическія условія объединенія соціалистическихъ фракцій въ одну партію?

По первому вопросу, который обострился въ форму вопроса о томъ, позволительно-ли соціалисту входить въ буржуазное правительство, большинство 818 конгрессистовъ противъ 634 отвѣтило „нѣтъ". Но, не говоря уже о значительности меньшинства, конгрессъ вотировалъ, съ другой стороны, заявленіе, что, предлагая рабочей партіи завоеваніе власти, основанной лишь на избраніи,—будетъ-ли дѣло идти о коммунѣ, департаментѣ или государствѣ,—все-таки можно допустить, что „при исключитель-

ныхъ обстоятельствахъ" партіи, можетъ быть, придется обсудить вопросъ объ участіи соціалиста въ буржуазномъ правительствѣ" *). Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ рѣшилъ почти единогласно включить въ способы и пріемы завоеванія власти „всевозможныя средства пропаганды и дѣйствія, дѣятельность экономическую, избирательную, революціонную, всеобщую стачку, бойкотажъ, и т. п.".

Около второго, очень интереснаго вопроса объ отношеніи партіи къ различнымъ борющимся фракціямъ буржуазіи, конгрессъ, можно сказать, прошмыгнулъ, и прошмыгнулъ неосновательно.

Дѣло въ томъ, что при усложняющихся отношеніяхъ дѣйствительности вопросъ о выборѣ наименьшаго зла, о правѣ и цѣлесообразности временнаго союза соціалистической партіи на опредѣленныхъ и точныхъ условіяхъ съ наиболѣе передовой буржуазной партіей отнюдь не академическій, а жизненный: засталъ же онъ въ расплохъ французскихъ соціалистовъ, которые и до сихъ поръ не выработали еще единодушнаго взгляда на предметъ и до сихъ поръ колеблются между ригоризмомъ Гэда и Вальяна и оппортунизмомъ Жорэса. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто прямого и категорическаго отвѣта на этотъ важный вопросъ, конгрессъ закуталъ свою мысль въ очень общую и неопредѣленную фразу, „клеймя націоналистовъ и антисемитовъ и остерегая рабочихъ противъ всѣхъ силъ реакціи."

Что касается до третьяго вопроса, вопроса объ условіяхъ единства партіи, то конгрессъ вотировалъ уставъ объединенной организаціи, которая должна заключать различныя уже существующія организаціи и федераціи, группы, синдикаты и кооперативныя общества, имѣть центральный руководящій органъ подъ названіемъ „Генеральнаго Комитета" и контролировать какъ соціалистическую прессу, такъ и соціалистическихъ депутатовъ.

Но скоро и внутри „Генеральнаго комитета", который былъ выбранъ соотвѣтственно рѣшенію конгресса и состоялъ изъ 48 членовъ, возникли тѣ самыя несогласія и распри, какія замѣчались среди соціалистическихъ организацій во всей странѣ. И здѣсь столкнулись двѣ политики, каждая съ своимъ отвѣтомъ на задачи соціалистической тактики. Споры о значеніи „соціальныхъ" законовъ и декретовъ Милльрана, о поведеніи правительства во время стачки въ Шалонѣ-на-Сонѣ, о поведеніи самихъ соціалистическихъ депутатовъ въ палатѣ, словомъ разногласія между „министерскими" и „не-министерскими" соціалистами заполняли бо́льшую часть засѣданій комитета и подрывали надежду на скорое и настоятельно требовавшееся объединеніе различныхъ фракцій французскаго соціализма. Вопросъ о двухъ враждующихъ видахъ соціализма пріобрѣлъ такую важность, что перешелъ за

*) *Congrès général des organisations socialistes françaises. Compte rendu sténographique officiel;* Парижъ, 1900, стр. 409.

границы Франціи и сталъ міровымъ вопросомъ соціализма. Потому-то онъ былъ перенесенъ на обсужденіе (пятаго) международнаго соціалистическаго конгресса, который засѣдалъ въ Парижѣ 23—27-го сентября 1900 г. и непосредственно предшествовалъ второму конгрессу французскихъ соціалистическихъ организацій.

Рѣшенія международнаго конгресса по вопросу о „завоеваніи государственной власти и союзѣ съ буржуазными партіями" интересны въ томъ отношеніи, что позволяютъ видѣть колебанія и оговорки, которыя современный соціализмъ допускаетъ въ этой области, несмотря на желанія „чистыхъ" дать на этотъ вопросъ категорическій и принципіальный отвѣтъ. Такъ, вопреки общему тону рѣшенія упомянутаго (9-го) вопроса, — рѣшенія, которое высказывается противъ „всякаго союза съ какой бы то ни было фракціей класса капиталистовъ" во имя „борьбы классовъ", — конгрессъ дѣлаетъ все же нѣкоторыя оговорки, говоря объ „исключительныхъ условіяхъ, дѣлающихъ необходимыми эти коалиціи", разсматривая даже „опасный опытъ" участія соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ „не какъ вопросъ принципа, а какъ вопросъ тактики" и ставя и эти коалиціи, и это участіе въ зависимость отъ согласія „мѣстной или національной организаціи" *).

Непосредственно слѣдовавшій затѣмъ второй конгрессъ французскихъ организацій въ Парижѣ (28—30-го сентября 1900 г.) превратился, какъ извѣстно, въ арену ожесточеннѣйшей борьбы между двумя направленіями и ознаменовался торжественнымъ выходомъ изъ залы делегатовъ рабочей партіи, которая отрясала прахъ съ ногъ своихъ на „министерскихъ" соціалистовъ, тогда какъ бланкисты и представители „коммунистическаго союза" оставались на своемъ посту, но лишь затѣмъ, чтобы противоставить свою революціонную точку зрѣнія соціалистическому оппортунизму. Интересно, однако, что и на этомъ бурномъ конгрессѣ требованія объединенія (union) и даже единства (unité) партіи выразились въ яркой и энергичной формулѣ:

Соціалистическій конгрессъ провозглашаетъ, что окончательное и полное единство соціалистической партіи должно быть осуществлено въ самомъ скорѣйшемъ времени съ тѣмъ, чтобы пролетаріатъ могъ противоставить свое классовое единство всѣмъ своимъ противникамъ. Конгрессъ, провозглашая, несмотря на преходящія раздѣленія, непрерывность и постоянство дѣйствія соціалистической партіи, рѣшаетъ, что новый генеральный комитетъ будетъ составленъ на основаніи пропорціональнаго представительства существующихъ организацій... Конгрессъ рѣшаетъ, что новый комитетъ долженъ своей

*) Надо читать въ подлинникѣ эти рѣшенія, чтобы видѣть подземную, такъ сказать, работу сталкивающихся и еще не рѣшенныхъ задачъ современнаго соціализма во всей ихъ сложности: *Cinquième congrès socialiste international. Compte rendu analytique officiel*; Парижъ, 1901, стр. 114—115.

существенной задачей поставить выработку проекта полнаго единенія партіи и предоставленіе его на утвержденіе новаго конгресса, который имѣетъ быть созванъ самое позднее черезъ шесть мѣсяцевъ *)...

Этотъ новый конгрессъ состоялся, впрочемъ, лишь черезъ восемь мѣсяцевъ (26—28-го мая 1901 г.) въ Ліонѣ и снова поставилъ лицомъ къ лицу два враждующія направленія. На сей разъ бланкисты и коммунистическій союзъ послѣдовали тактикѣ рабочей партіи на предшествовавшемъ конгрессѣ и, когда оказались въ меньшинствѣ (286 голосовъ противъ 910) по вопросу о вотировкѣ предложенія Делапорта, исключавшаго Милльрана изъ рядовъ соціалистической партіи за участіе въ буржуазномъ министерствѣ, покинули конгрессъ, высказывая устами Ландрэна убѣжденіе, что „соціалистическая и революціонная Франція признаетъ ихъ правоту“ **).

Оставшіеся конгрессисты, — которые, кромѣ „министерскихъ“ соціалистовъ, заключали въ своихъ рядахъ и революціонныхъ альманистовъ и диссидентовъ рабочей партіи и бланкистской организаціи, — продолжали обсужденіе очередныхъ вопросовъ, вотировали даже предложеніе, снимавшее съ соціалистической партіи „коллективную отвѣтственность за функціонированіе буржуазнаго министерства“ (безъ личнаго, однако, осужденія Милльрана) и обратились по окончаніи засѣданій съ манифестомъ къ рабочей и соціалистической Франціи“, говоря въ этомъ документѣ о „единствѣ“, какъ о состоявшемся фактѣ. Но это единство не можетъ считаться дѣйствительнымъ уже потому, что оставляетъ внѣ кадровъ этой организаціи какъ сильную рабочую партію, такъ и бланкистовъ и „коммунистическій союзъ“. Два направленія продолжаютъ существовать и бороться внутри французскаго соціализма, отражая, впрочемъ, общее состояніе соціалистической мысли, которая во всемъ мірѣ проходитъ теперь черезъ фазисъ могучаго роста и распространенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренняго кризиса и дифференціаціи. Въ частности для французскаго соціализма интересна позиція, которую занялъ Жорэсъ, еще два года тому назадъ пылавшій революціоннымъ энтузіазмомъ, а нынѣ съ каждымъ днемъ все далѣе и далѣе продвигающійся по пути эволюціонизма, какъ это въ особенности замѣтно на его послѣднихъ статьяхъ въ „La Petite République“ гдѣ общественное преобразованіе ставится въ зависимость отъ состоянія умовъ „громаднаго большинства націи“.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сдѣлать самый общій выводъ изъ разсмотрѣнія сознательныхъ стремленій французскаго пролетаріата. Этотъ выводъ, мнѣ кажется, можно резюмировать слѣ-

*) *Deuxième congrès gèuèral des orgauisations socialistes françaisee. Coupte rendu cténographique offiïiel*; Парижъ. 1091, стр. 258.

**) *Troisieme congrès général* etc: Парижъ, 1901 стр. 384.

дующимъ образомъ: и во Франціи, какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, идеалы четвертаго сословія до такой степени проникаютъ во всю общественную жизнь, что самыя разногласія пролетаріата свидѣтельствуютъ лишь о многочисленности его точекъ соприкосновенія со всѣми жизненными задачами данной эпохи. По мѣрѣ того, какъ четвертый классъ беретъ на себя наслѣдство отживающей буржуазіи, къ нему, къ этому полному жизни и энергіи наслѣднику, обращается все человѣчество съ просьбою объ уплатѣ—увы!—столь долго отсрочиваемыхъ историческихъ долговъ. Вопросы о научной мысли, о безкорыстномъ искусствѣ, о прекращеніи зоологической вражды между національностями, о равноправности и равноцѣнности женщины, о высшей философіи, вдвигающей человѣчество яркимъ сознательнымъ звеномъ въ гармоническую цѣпь вселенной, — всѣ эти вопросы стучатся въ дверь современнаго сознанія. И кто отворитъ эту дверь, какъ не носители высшаго человѣческаго идеала: коллективнаго труда, коллективнаго наслажденія и коллективнаго развитія?..

Наука, литература, печать.

Соціологія человѣка-звѣря.

(Письмо десятое).

Недавно вышедшій трудъ Густава Лебона о „психологіи соціализма“ (писано въ апрѣлѣ 1899 г.) внушилъ мнѣ мысль познакомить русскихъ читателей съ общимъ міровоззрѣніемъ этого автора, который написалъ уже десятка два книгъ, главнымъ образомъ, по антропологическимъ и соціологическимъ вопросамъ. Съ самаго же начала я долженъ оговориться, что не придаю серьезнаго научнаго значенія всѣмъ этимъ произведеніямъ; но точка зрѣнія, на которой стоитъ писатель, заслуживаетъ того, чтобы на нее обратили вниманіе. И опять таки не потому, что она нова или оригинальна: Лебонъ выражаетъ взгляды очень распространенные въ значительной части современной буржуазіи. Но именно въ распространенности, въ банальности этого міровоззрѣнія и заключается интересъ всѣхъ этихъ „цивилизацій“ и „психологій“ плодовитаго автора. Лебона можно считать тѣмъ, что англичане выражаютъ прекраснымъ терминомъ a representative man, т. е. типичнымъ образчикомъ цѣлыхъ общественныхъ слоевъ: онъ въ нѣкоторомъ родѣ коллективная фотографія, получаемая отъ наложенія многочисленныхъ портретовъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ родственной группѣ умовъ.

И, замѣтьте, даже съ чисто внѣшней стороны онъ какъ разъ обладаетъ тѣми достоинствами литературнаго изложенія и стиля, которыя необходимы такому среднему выразителю банальныхъ мнѣній цѣлаго класса. Въ большинствѣ его произведеній (за исключеніемъ послѣдняго, очень плохо построеннаго) общій планъ задуманъ нехитро, но выполняется не безъ искусства: авторъ хорошо знаетъ, такъ сказать, архитектурное расположеніе частей своего литературнаго зданія и ведетъ читателя отъ мысли къ мысли, не бросаясь въ стороны и не возвращаясь черезчуръ часто на уже пройденный путь. А каждая фраза, взятая въ отдѣльности, складна, коротка, не обременена лишними поясненіями и огра-

миченіями и въ общемъ читается безъ усилій. Васъ временами начинаетъ даже утомлять именно это гладкое теченіе предложеній, довольно монотонно отгороженныхъ точками. Авторъ видимо старается избѣгать отшлифованнаго языка, но ему не удается живая и картинная рѣчь: его образы не ярки и не многочисленны; авторъ такъ доволенъ нѣкоторыми, что повторяетъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, дорожа, повидимому, этими съ трудомъ достающимися ему фигурами. „Голосъ мертвецовъ", „пыль богинь", „глубокое озеро основного характера расы", „мелкая рябь поверхностныхъ чертъ" кишатъ на страницахъ лебоновскихъ произведеній; и, прочитавъ одно изъ нихъ, вы располагаете сложеннымъ и образнымъ багажемъ всѣхъ остальныхъ...

Порою, когда авторъ отваживается на высокій стиль, изъ-подъ пера его выходятъ фразы, которыя словно цѣликомъ вырваны изъ вульгарной и комично-неправильной прозы какого-нибудь Жоржа Ожэ или даже пресловутаго мосье Прюдома. „Нужно погрузиться до глубокихъ корней событій, теченіе которыхъ развертывается передъ нами, чтобы достигнуть пониманія ихъ расцвѣта", поучаетъ насъ Лебонъ въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ *). Чѣмъ уступитъ этотъ „расцвѣтъ" „событій" знаменитой „саблѣ" г. Прюдома, которая была „счастливѣйшимъ днемъ въ жизни" этого почтеннаго гражданина?.. Словомъ, Лебонъ пишетъ, какъ пишетъ большинство грамотныхъ французовъ: складно и банально, а при случаѣ поразительно неточно. Извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ выучиться болѣе или менѣе хлестко и „литературно" писать по французски; но нѣтъ ничего труднѣе, какъ совершенно владѣть этой единственной въ своемъ родѣ прозой, главная прелесть которой состоитъ въ чувствѣ мѣры и подборѣ внутренно гармонирующихъ между собою словъ.

Какъ бы то ни было, самое изложеніе и литературные пріемы Лебона какъ разъ подходятъ къ его роли формулировать банальные и вмѣстѣ ложные взгляды, обращающіеся среди представителей крупнаго мѣщанства. Лебонъ, претендуя быть учителемъ буржуазнаго класса, на самомъ-то дѣлѣ бьетъ ему челомъ да его же добромъ, свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, членораздѣльно выговариваетъ аппетиты цѣлыхъ слоевъ. Короче сказать: Лебонъ выражаетъ міровоззрѣніе западно-европейской буржуазіи, значительная часть которой подъ давленіемъ классовыхъ интересовъ отказалась отъ одушевлявшихъ ее когда-то идеаловъ и пытается прикрыть ренэгатство ссылками на мнимо-научные выводы антропологіи и соціологіи...

Я и постараюсь на примѣрѣ Лебона схватить наиболѣе типичныя черты этой идейной реакціи цѣлаго класса. Такъ какъ послѣдній трудъ нашего автора является лишь приложеніемъ къ

*) Gustave Le Bon *Psychologie du socialisme;* Парижъ, 1898, стр. II.

очень крупному, но все же частному вопросу общихъ взглядовъ писателя, то я посвящу эту статью преимущественно изложенію и критикѣ упомянутыхъ общихъ взглядовъ, опираясь на предшествовавшія сочиненія Лебона, и главнымъ образомъ на его „Психологическіе законы развитія народовъ“ и „Психологію толпы“,— двѣ небольшія книжки, въ которыхъ авторъ представилъ квинтъэссенцію своего міровоззрѣнія *).

Чтобы понять характеръ различныхъ цивилизацій и „историческую эволюцію“ различныхъ народовъ, надо прежде всего опредѣлить, какіе элементы участвуютъ въ этомъ процессѣ. Такими элементами являются, съ одной стороны, различныя „расы“ человѣчества, съ другой стороны—разнообразныя условія внѣшней среды, среди которыхъ живутъ упомянутыя расы. Какова же относительная важность и каково взаимодѣйствіе этихъ двухъ группъ элементовъ? Главнымъ рѣшающимъ моментомъ является, по мнѣнію Лебона, „раса“, такъ какъ среда съ исторической точки зрѣнія, т. е. въ сравнительно короткій промежутокъ времени, который охватываютъ наши наблюденія, должна быть приравнена нулю. Авторъ допускаетъ, что безконечно малыя измѣненія въ организмахъ, накопляющіяся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій въ теченіе безконечно долгаго ряда вѣковъ, могли произвести опредѣленныя расовыя черты; но, разъ установившись, расовый характеръ обладаетъ, молъ, всѣми признаками очень прочной и постоянной величины. На эту мысль я попрошу читателей обратить особое вниманіе, такъ какъ въ ней заключается основная, можно сказать, большая посылка соціологическаго силлогизма Лебона.

Не мѣшаетъ тутъ же подчеркнуть одно интересное обстоятельство. Очевидно, первоначальнымъ толчкомъ къ выработкѣ этой вѣры въ необыкновенную устойчивость расы послужило для Лебона,—по спеціальности доктора,—его занятіе антропологіей въ узкомъ смыслѣ этого слова, а въ частности краніометріей. Современный-же характеръ этой науки, къ сожалѣнію, весь проникнутъ не столько научнымъ, сколько чисто практическимъ требованіемъ оправдать ссылками на вѣчные законы естества ту свирѣпую эксплуатацію, то безпощадное истребленіе, которое практикуется цивилизованными народами по отношенію къ такъ называемымъ „низшимъ расамъ“. Большее или меньшее отношеніе ширины черепа къ его длинѣ, большій или меньшій объемъ черепной полости, большее или меньшее косозубіе лучше всякаго пергамента оправдываютъ, по мнѣнію этихъ свирѣпыхъ ученыхъ, право бѣлой,

*) См. *Lois psychologique de l'évolution des peuples*; Парижъ, 2-е изданіе, 1885;—и *Psychologie des foules*; Парижъ, 3-е изд.. 1898.

„аристократической“ расы распоряжаться по произволу свободой и жизнью черныхъ и желтыхъ людей. Съ нами Дарвинъ и пророки! Съ нами вмѣстимость черепа въ 1,500 куб. сантиметровъ противъ 1,300 куб. сант. австралійца! Съ нами лицевой уголъ въ 77 градусовъ противъ 75 градусовъ у готтентота! Съ нами и кнутъ, и штыкъ, и разрывная пуля!.. Чего-же стѣсняться съ жалкими дикарями, которымъ наше черепословіе отказываетъ въ возможности человѣческаго развитія; „объемъ черепа находится въ тѣсномъ отношеніи къ умственнымъ способностямъ, если, оставляя въ сторонѣ частные случаи, мы будемъ оперировать надъ цѣлыми рядами“, какъ выражался еще двадцать лѣтъ тому назадъ Лебонъ въ одной изъ своихъ краніометрическихъ работъ, получившей двойную премію Академіи наукъ и Антропологическаго общества *).

Но, начавши съ краніологіи, авторъ перешелъ къ изученію различныхъ цивилизацій, въ особенности съ точки зрѣнія архитектурныхъ памятниковъ, чтобы остановиться затѣмъ на „психологіи народовъ“ **). Перемѣна непосредственнаго предмета изслѣдованія такъ сказалась на взглядахъ автора, что онъ сталъ уже отдавать въ своихъ трудахъ рѣшительное предпочтеніе „психологіи“ передъ изученіемъ физіологическихъ особенностей расъ; а въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ упрекаетъ даже „профессіональныхъ психологовъ“ въ томъ, что они „оставляютъ все болѣе и болѣе свою прежнюю область и зарываются въ анатомическихъ и физіологическихъ изслѣдованіяхъ“, тогда какъ тутъ нужны бы, молъ, были „не лабораторіи и книги, но исключительно продолжительныя путешествія“ ***). Но первоначальныя занятія наложили уже свой неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую дѣятельность автора. Во-первыхъ, по отношенію къ себѣ, по крайней мѣрѣ, онъ полагаетъ, что „психологическія основанія“ лишь подтвердили тѣ взгляды на „дифференціацію индивидуумовъ и расъ“, къ которымъ онъ „пришелъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опираясь на изслѣдованія чисто анатомическаго распорядка“ ****). Во-вторыхъ, сама его „психологія“ вся проникнута узко-антропологическимъ духомъ вплоть до терминовъ и способовъ выраженія.

---

*) См. *Recherhes anatomiques et mathématiques sur les variations de volume du cerreau et sur leurs relations avec l'intelligence;* 1879;—цитировано въ *Lois* того же автора на стр. 40.

**) Изъ сочиненій Лебона въ этой сферѣ я назову: *La civilisation des Arabes* (1883); *Les civilisations de l'Inde* (1887); и *Les monuments de l'Inde* (1894); обобщающую работу *Les premières civilisations.* (1889) и т. д. — Всѣ эти вещи крайне поверхностны и интересны развѣ своими многочисленными гравюрами, порою сдѣланными по фотографіямъ путешественника.

***) *Lois*, прим. къ стр. 31. Авторъ, очевидно, намекаетъ на свои поверхностныя порханія по разнымъ странамъ, напр., въ 1885 г. по Индіи.

****) Ibid., стр. 40.

Возьмите, напр., такое слово, какъ „раса", и вытекающія отсюда производныя, вродѣ „души расы", „расоваго характера" и т. п. Одно уже употребленіе такихъ терминовъ предрѣшаетъ направленіе, въ которомъ авторъ будетъ вести свои „психологическія" изслѣдованія, и фатально ставитъ его на ложный путь. Дѣйствительно, будемъ продолжать наше изложеніе взглядовъ Лебона и поставимъ вопросъ: а что-же это такое раса, о которой такъ часто говоритъ нашъ авторъ? Отвѣтъ:

Какова бы ни была разсматриваемая въ настоящее время раса, однородна или нѣтъ, уже въ силу одного того факта, что она цивилизовалась и съ давнихъ поръ вошла въ исторію, ее должно разсматривать какъ расу искусственную, но не какъ расу естественную. Естественныя расы встрѣчаются теперь развѣ лишь между дикарями. Только среди нихъ можно наблюдать чистыхъ отъ всякой примѣси народовъ. Большинство же цивилизованныхъ расъ являются въ настоящее время лишь *расами историческими*. Итакъ, намъ нечего заниматься здѣсь происхожденіемъ расъ. Были ли онѣ созданы природой или исторіей, это не имѣетъ важности. Что интересуетъ насъ, такъ это ихъ характеръ, поскольку его выработало длинное прошлое. Поддерживаемыя въ теченіе столѣтій одинаковыми условіями существованія и накопляемыя путемъ наслѣдственности, эти черты характера пріобрѣли въ концѣ концовъ большую прочность и опредѣлили типъ каждаго народа *).

Пока я не столько критикую, сколько излагаю Лебона, лишь останавливая вниманіе читателя на нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ міровоззрѣнія автора. Но тутъ сейчасъ-же возникаетъ невольное возраженіе: то, что авторъ называетъ исторической расой, есть, въ сущности, вещь, именуемая всѣми національностью. Но кто говоритъ „національность", выражаетъ этимъ словомъ не расу, а зачастую цѣлую группу расъ и цѣлую ихъ исторію, благодаря которой онѣ сжились между собой и составили одно культурное цѣлое. Для чего-же автору понадобился терминъ „раса"? Очевидно, для того, чтобы стереть всякое различіе между характеромъ какого-нибудь первобытнаго (замѣтьте, не столько на самомъ дѣлѣ существующаго, сколько гипотетическаго) народца и характеромъ исторической націи, которая стала такой, а не иной, что называется, на глазахъ у всѣхъ и послѣ цѣлаго ряда сильныхъ измѣненій въ культурѣ и даже характерѣ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ историческіе документы. Въ стремленіи же автора стереть упомянутое различіе и выражается крайне ярко тотъ— какъ бы это сказать?—зоологическій взглядъ на человѣческую исторію, который обрекаетъ поверхностнаго изслѣдователя на фантастическую вѣру въ крайне несходныя, неразложимыя, чрезвычайно трудно измѣняющіяся группы, чуть не особые виды людей...

Эту разобщенность, обособленность, несходство „расъ" (и даже отдѣльныхъ личностей въ „расахъ") Лебонъ подчеркиваетъ

*) Ibid., стр. 16—17.

съ необыкновенной любовью: здѣсь, можно сказать, мы имѣемъ дѣло со второй, малой посылкой его силлогизма. Увѣренный въ глубокомъ несходствѣ основныхъ чертъ характера у различныхъ народовъ, авторъ раздѣляетъ, напр., все человѣчество на четыре группы, между которыми, молъ, лежитъ глубокая „умственная пропасть": первобытныя расы; расы низшія; расы среднія (китайцы, японцы, семиты); и, наконецъ, расы высшія, „индоевропейскіе народы", которые только и могли создать современную цивилизацію *). Но и между различными племенами, входящими въ каждую группу, психическая разница настолько существенна, что ее не наладить никакимъ вліяніемъ новой среды, никакимъ воспитаніемъ. Да что тутъ говорить: даже внутри одной и той же расы цѣлая бездна отдѣляетъ женщину отъ мужчины. Послушайте, дѣйствительно, автора:

Надо прожить извѣстное время съ народами, умственная организація которыхъ ощутительно отличается отъ нашей, даже выбирая между ними лишь индивидуумовъ, говорящихъ нашимъ языкомъ и получившихъ наше воспитаніе, чтобы понять глубину пропасти, раздѣляющей мысль различныхъ народовъ. Не предпринимая отдаленныхъ путешествій, можно составить себѣ извѣстное понятіе объ этомъ, констатируя великое умственное раздѣленіе, существующее между цивилизованнымъ мужчиной и цивилизованной женщиной, хотя обѣ и очень образованной. У нихъ могутъ быть общіе интересы, общія чувства, но никогда не можетъ существовать сцѣпленія похожихъ мыслей. Они могутъ говорить цѣлые вѣка другъ съ другомъ, не будучи въ то же время въ состояніи взаимно понять себя, ибо они построены по черезчуръ различному типу, чтобы получать тѣ же самыя впечатлѣнія отъ внѣшнихъ вещей. Уже одного различія въ ихъ логикѣ достаточно для того, чтобы создать между ними непроходимую пропасть... Безъ сомнѣнія, образованіе позволяетъ, благодаря памяти, которой обладаютъ самыя низшія существа и которая отнюдь не составляетъ привилегіи человѣка,— дать индивидууму, стоящему довольно низко на лѣстницѣ человѣчества, общую сумму понятій, которыми обладаетъ европеецъ. Не трудно сдѣлать баккалавра или адвоката изъ негра или японца: но при этомъ ему даютъ лишь самый поверхностный лоскъ, не имѣющій никакого вліянія на его умственную организацію. Чего ему не можетъ дать образованіе, потому что это создается лишь наслѣдственностью, такъ это—формы мысли, логики, а въ особенности характера западныхъ народовъ. Этотъ негръ или этотъ японецъ можетъ набрать всевозможные дипломы, но никогда не достигнетъ уровня обыкновеннаго европейца. Въ теченіе десяти лѣтъ ему легко можно дать образованіе хорошо воспитаннаго англичанина. Но для того, чтобы сдѣлать изъ него настоящаго англичанина, т. е. человѣка, который будетъ дѣйствовать какъ англичанинъ при различныхъ обстоятельствахъ жизни, для этого едва хватитъ и цѣлаго столѣтія **).

Къ этому неустранимому неравенству, разобщенности, взаимному непониманію расъ, группъ и личностей авторъ возвращается, гдѣ только можетъ, и всякій разъ съ видимымъ удовольствіемъ. Станетъ-ли онъ говорить объ отношеніяхъ между отдѣль-

*) Ibid., стр. 25—26.
**) Ibid., стр. 32—33.

ными людьми, сейчасъ же у него вырывается фраза, свидѣтельствующая о существованіи настоящей китайской стѣны между ними: „очень трудно проникнуть въ мысль личностей, съ которыми мы живемъ, но отъ которыхъ насъ отдѣляетъ нѣкоторая разница въ возрастѣ, полѣ, воспитаніи“ *). Перейдетъ-ли онъ къ разсмотрѣнію извѣстнаго общества, онъ тутъ же пытается установить громадную умственную разницу между „низшими классами, которые подобны первобытнымъ дикарямъ“ **), и „высшими классами, которые заключаютъ въ себѣ, въ силу наслѣдственности, большее число выдающихся умовъ, въ чемъ, несомнѣнно, и заключается въ особенности превосходство этихъ классовъ“ ***). Приходится-ли ему говорить о взаимодѣйствіи сталкивающихся „психологически различныхъ“ расъ, онъ немедленно же отбрасываетъ всякую мысль о возможности такого взаимодѣйствія, увѣряя, напр., по поводу архитектурныхъ памятниковъ Индіи, что „греческое искусство и искусство индусовъ существовали нѣкогда бокъ-о-бокъ, никогда не вліяя другъ на друга“ ****); да что и вообще „Индія оказалась неспособной заимствовать что бы то ни было у Греціи“ *****). Словомъ, если для лучшихъ мыслителей нашего времени соціологія есть наука о формахъ общенія и солидарности въ человѣчествѣ, то для Лебона она есть наука о формахъ розни, непониманія и вражды. Идя логически къ заключенію своего силлогизма, авторъ собственно долженъ былъ бы придти къ представленію о человѣчествѣ какъ о громадной массѣ мятущихся, несвязанныхъ ничѣмъ между собой, непроникаемыхъ другъ для друга атомовъ, которые не столько притягиваются, сколько взаимно отталкиваются: пропасть между мужчиной и женщиной даже въ одномъ классѣ; пропасть между классами даже въ одной „исторической расѣ“; пропасть между расами, даже принадлежащими къ одной культурной группѣ...

Но авторъ останавливается на полдорогѣ, отражая и въ этой непослѣдовательности, какъ мы увидимъ ниже, міровоззрѣніе современной буржуазіи. Въ разсыпанную враждебную массу атомовъ онъ вноситъ своего рода частичное притяженіе; изъ хаотической груды разнокалиберныхъ, разнохарактерныхъ матеріаловъ онъ пытается построить рядъ обособленныхъ, замкнутыхъ въ себѣ зданій, цементомъ которыхъ является „умственная организація“, „расовая душа“, „характеръ народа“. И если бы я хотѣлъ продолжать архитектурныя метафоры, то я сказалъ бы, что на томъ

*) Ibid., стр. 74.
**) Ibid., стр. 27.
***) Ibid., прим. къ стр. 36.
****) Ibid., стр. 93.
*****) Ibid., стр. 95.

мѣстѣ, гдѣ соціологъ долженъ былъ бы воздвигнуть одинъ общій храмъ всему человѣчеству, нашъ авторъ ставитъ множество отдѣльныхъ цитаделей, ревниво защищающихся одна отъ другой рвами, зубчатыми стѣнами и бойницами...

Какъ же Лебонъ обосновываетъ существованіе различныхъ расовыхъ группъ и соотвѣтствующихъ имъ цивилизацій? Психологическое наслѣдство, полученное отъ длиннаго ряда предковъ, отличается, особенно у старыхъ, болѣе или менѣе первобытныхъ, расъ, необыкновенной устойчивостью. Духовная организація, которая, очевидно, представляетъ собою извѣстное строеніе и расположеніе нервныхъ и мозговыхъ клѣтокъ, поражаетъ особенно своей прочностью и малой подвижностью въ области характера и вытекающей отсюда расовой „нравственности", тогда какъ сфера разсудка и вообще чисто умственной дѣятельности допускаетъ гораздо большія и скорѣйшія измѣненія, напр., подъ вліяніемъ образованія и т. д. Отсюда, внутри извѣстной расы, большое сходство людей по характеру при большомъ различіи въ разсудочныхъ способностяхъ, или, какъ выражается авторъ,

> если индивидуумы одной и той же расы неизмѣримо различаются умомъ, то они въ довольно малой степени отличаются другъ отъ друга характеромъ, этой несокрушимой скалой... *)

Видоизмѣненія въ характерѣ расы получаются, когда исторія сталкиваетъ между собою различныя расы, и изъ нихъ, путемъ смѣшенія, начинаетъ вырабатываться общій типъ, который въ теченіе нѣкотораго времени отличается относительной мягкостью и неопредѣленностью. Лишь въ этомъ періодѣ „несокрушимая скала" можетъ принимать новыя формы, получать новые отпечатки; а прошла эта пора, и снова характеръ расы отвердѣваетъ и кристаллизуется по опредѣленному типу, за исключеніемъ развѣ слабыхъ „нейтральныхъ натуръ", на которыхъ, молъ, только и можетъ вліять до извѣстной степени воспитаніе. Но откуда же получается при такихъ условіяхъ развитіе цивилизаціи? Авторъ начинаетъ съ того, что старается подчеркнуть очень большую медленность и постепенность историческаго процесса. Затѣмъ онъ сводитъ цивилизацію къ „очень малому числу идей", которыя поставляются выдающимися людьми расы,—выдающимися въ умственномъ отношеніи, ибо, согласно автору, только въ этой области и возможны сильныя различія внутри даннаго народа. Но сами по себѣ идеи безсильны вліять на массу: для того, чтобы пріобрѣсть это вліяніе, имъ нужно изъ области высокой теоретической мысли спуститься на землю и здѣсь осѣсть въ формѣ чувствъ, вѣрованій и вообще безсознательныхъ инстинктовъ народной души. Тогда, говоритъ Лебонъ,

---

*) Ibid., стр. 39.

онѣ становятся элементомъ характера и могутъ вліять на поведеніе. Характеръ отчасти образуется изъ отложенія безсознательныхъ идей. Когда идеи подверглись такой медленной выработкѣ, ихъ могущество дѣлается значительнымъ, потому что разсудокъ перестаетъ совершенно дѣйствовать на нихъ. Убѣжденный человѣкъ, которымъ овладѣла религіозная или какая-нибудь другая идея, недоступенъ для разсужденій... *).

Каковы же эти идеи, на маломъ числѣ которыхъ настаиваетъ авторъ? Онъ собственно нигдѣ не пытается дать ихъ классификацію, но во всякомъ случаѣ подчеркиваетъ среди этихъ идей религіозныя вѣрованія, которымъ придаетъ рѣшающее значеніе въ исторіи:

Важнѣйшими историческими событіями, имѣвшими самое колоссальное вліяніе, были рожденіе и смерть боговъ. Съ новой религіозной идеей рождается и новая цивилизація... Начиная съ зари историческихъ временъ, всѣ политическія и общественныя учрежденія были основаны на религіозныхъ вѣрованіяхъ, и на міровой сценѣ боги всегда играли первую роль **).

— — —

Не оставимъ въ сторонѣ жалобы нашей Кассандры и продолжимъ наше изложеніе, переходя къ вопросу, который дѣйствительно интересенъ, хотя до сихъ поръ на него сравнительно мало обращалось вниманія въ соціологіи. Его можно сформулировать слѣдующимъ образомъ: какъ распространяются въ человѣчествѣ новыя идеи и новыя вѣрованія, составляющія новое міровоззрѣніе? Дѣйствительно, какимъ психическимъ процессомъ мысль, исходящая изъ извѣстнаго идейнаго фокуса, разливаетъ свои лучи во всѣхъ направленіяхъ и, ослабляясь, преломляясь, различно окрашиваясь и разсѣиваясь, достигаетъ, наконецъ, самыхъ отдаленныхъ предѣловъ цивилизованнаго и даже порою нецивилизованнаго міра? Лебонъ съ самаго же начала суживаетъ изслѣдованіе этого вопроса, и суживаетъ потому, что, повидимому, преклоняясь передъ нѣкоторыми свойствами массъ, на самомъ-то дѣлѣ не можетъ скрыть къ нимъ своего аристократическаго презрѣнія: онѣ, молъ, способны лишь на воспріятіе идей въ формѣ чувствъ и руководятся въ своей дѣятельности исключительно „безсознательными идеями, опредѣляющими характеръ расы". Короче сказать, разсматривая историческія движенія, авторъ выбрасываетъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія тотъ процессъ, который мы можемъ назвать пропагандой, и останавливается лишь на тѣхъ пріемахъ, которые составляютъ агитацію.

Выходитъ даже такъ, что религіозныя идеи обладаютъ, по мнѣнію автора, исключительной привилегіей производить быстрыя измѣненія въ „душѣ расы", сразу замѣщая всѣ эти медленныя

*) Ibid., стр. 129.
**) Ibid., стр. 144—145.

наслѣдственныя накопленія" *). Отсюда легко понять, почему авторъ, говоря о великихъ людяхъ, двигавшихъ своими идеями человѣчество, главнымъ образомъ представляетъ ихъ себѣ въ формѣ религіозныхъ пророковъ и вообще созидателей иллюзій и даже отдаетъ имъ рѣшительное преимущество въ смыслѣ благодѣтельнаго вліянія на массы: „геніальные изобрѣтатели ускоряютъ лишь ходъ цивилизаціи. Фанатики же и одержимые галлюцинаціями создаютъ исторію" **). Неоднократно вы найдете у Лебона прямую апологію и несказанное восхищеніе иллюзіями. Напр.:

Этими иллюзіями, въ одно и тоже время страшными, соблазнительными и пустыми, человѣчество жило до сихъ поръ и, безъ сомнѣнія, будетъ еще жить. Это лишь тѣни. Но ихъ нужно уважать. Благодаря имъ, отцы наши познали надежду и своимъ героическимъ и безумнымъ бѣгомъ за этими тѣнями вывели насъ изъ состоянія первоначальнаго варварства... Изъ всѣхъ факторовъ развитія цивилизацій, иллюзіи были, можетъ быть, самыми могущественными... Преслѣдуя иллюзіи, люди создали религіи, которыя пригнули половину человѣчества подъ свои законы и созидали и разрушали обширнѣйшія имперіи. Не на преслѣдованіе истины, а на преслѣдованіе заблужденій человѣчество затратило большинство своихъ усилій. Оно не могло достигнуть тѣхъ химерическихъ цѣлей, которыя преслѣдовало; но преслѣдуя ихъ, оно осуществило весь прогрессъ, котораго не искало ***).

Я считаю необходимымъ тутъ же сдѣлать еще одну маленькую, но очень характеристическую выдержку, которая показываетъ, почему Лебонъ питаетъ такую нѣжность къ „тѣнямъ" и „иллюзіямъ":

какой нибудь дорожный рабочій, беззаботно пожирающій хлѣбную корку, натертую чеснокомъ, можетъ быть безконечно счастливѣе милліонера, котораго осаждаютъ заботы ****).

Ясно, что все, что поддерживаетъ существованіе этихъ беззаботныхъ рабочихъ и несчастныхъ милліонеровъ, какъ нельзя болѣе по сердцу нашему мѣщанскому мыслителю. Но можно ли найти другую лучшую опору для такого порядка вещей, какъ не иллюзіи, о которыхъ говоритъ авторъ и которыя питаютъ рабочаго лучше корки съ чеснокомъ, а въ то же время позволяютъ ему даже пожалѣть о злополучномъ милліонерѣ?..

Какъ бы то ни было, Лебонъ очень цѣнитъ это удобное для его класса свойство иллюзій; крайне опасается паденія современной цивилизаціи, паденія, которое должно, по его мнѣнію, быстро послѣдовать за замѣной старыхъ вѣрованій новыми; и съ отчаяніемъ указываетъ на надвигающуюся катастрофу:

Философскій нигилизмъ, который распространяется авторитетными голосами среди слабыхъ умовъ, заставляетъ послѣднихъ немедленно же заклю-

*) Ibid., стр. 147.
**) Ibid., стр. 155.
***) Ibid., стр. 157.
****) Ibid., стр. 146.

чать объ абсолютной несправедливости нашего общественнаго порядка, о нелѣпости всѣхъ іерархій, внушаетъ имъ ненависть существующаго и ведетъ ихъ прямо къ соціализму и анархизму *).

Въ этомъ, съ извѣстной точки зрѣнія, и лежитъ, по моему мнѣнію, центръ тяжести его „Психологіи толпы", сочиненія, въ которомъ авторъ пытается опредѣлить различныя свойства разныхъ видовъ толпы, вліянія на нее „расы", вѣрованій, „формулъ" и „словъ", воздѣйствія на нее „вожаковъ" и т. п. Но разъ дѣло касается этихъ стихійныхъ массовыхъ движеній, то я считаю долгомъ предупредить русскихъ читателей, что Лебонъ не дастъ имъ здѣсь ничего новаго, на чемъ не остановилъ бы уже ихъ вниманія Н. К. Михайловскій въ рядѣ статей о „Герояхъ и толпѣ", печатавшихся начиная съ 1882 г. **). И, говоря такъ, я долженъ еще прибавить, что Лебонъ беретъ этотъ интересный вопросъ гораздо уже и поверхностнѣе, чѣмъ русскій мыслитель, и по обыкновенію черезчуръ много толкуетъ о „расѣ" и черезчуръ мало о подражаніи и родственныхъ съ нимъ любопытныхъ явленіяхъ гипнотизма и внушенія ***). За то вы найдете у автора рядъ соображеній о психологіи „вожаковъ", соображеній, которыя имѣютъ не столько теоретическій, сколько практическій характеръ, ибо въ нихъ выражается ненависть буржуа къ людямъ, умѣющимъ волновать массы и увлекать ихъ за собой.

Какъ бы то ни было, вотъ главнѣйшія положенія, которыя Лебонъ развиваетъ въ своей „Психологіи толпы". Наше время есть періодъ господства толпы:

выступленіе народныхъ классовъ на политическую сцену, т. е. въ сущности ихъ послѣдовательное превращеніе въ правящіе классы, есть одна изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ нашей переходной эпохи ****).

И въ организованномъ видѣ (въ формѣ, напр., рабочихъ ассоціацій и синдикатовъ), и въ неорганизованномъ состояніи (какова, напр., случайная толпа) массы начинаютъ играть громадную роль. Отсюда важность изученія ихъ психологіи. Попадая

*) Ibid., стр. 164.

**) См. «Герои и толпа», «Научныя письма», «Патологическая магія», «Еще о герояхъ», «Еще о толпѣ», стр. 95—466 второго тома его *Сочиненій* (Спб., 1896)

***) Въ пику Тарду (насколько мнѣ кажется), построившему свою соціологическую теорію въ значительной степени на подражаніи, Лебонъ старается доказать, что еще въ 1881 г. въ своемъ сочиненіи о «Человѣкѣ и обществѣ» онъ, молъ, зналъ и писалъ о подражаніи, и что «другіе писатели лишь развили это въ недавнихъ сочиненіяхъ», тогда какъ самъ онъ склоненъ видѣть въ подражаніи «только простой результатъ нравственной заразительности» (simple effet de la contagion). См. *Phychologie des foules*, стр. 114—115. Очевидно, это простое препирательство о словахъ: подражаніе или заразительность выражаютъ одно явленіе.

****) Ibid., стр. 3.

въ толпу, человѣкъ теряетъ большинство тѣхъ признаковъ и свойствъ, которые составляютъ его сознательную личность; послѣдняя, такъ сказать, временно обмираетъ, и въ душѣ человѣка начинаютъ нераздѣльно царить инстинктивныя стремленія, которыя отбрасываютъ его далеко назадъ и внизъ, въ состояніе варварства. Мѣсто сложныхъ идей и чувствованій заступаютъ немногія, очень примитивныя побужденія, выражающіяся зачастую въ одномъ какомъ-нибудь образѣ; и этотъ образъ подъ вліяніемъ взаимнаго внушенія проникаетъ всю толпу. Отъ этой мысли каждый индивидуумъ, составляющій ее, съ необыкновенной легкостью переходитъ къ дѣйствію: между коллективнымъ желаніемъ и коллективнымъ выполненіемъ не вставляется, можно сказать, никакого задерживающаго процесса; и потому-то массовыя страсти доходятъ до такого высокаго діапазона и отличаются такой всесокрушающей силой. Принадлежность къ одинаково настроенному цѣлому внушаетъ каждой личности, а, стало быть, и всей толпѣ сознаніе своей необыкновенной мощи; направленіе же дѣйствій въ данный моментъ въ одну сторону и дѣйствительно сообщаетъ массѣ эту мощь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ толпа отличается крайней неустойчивостью и подвижностью, перебѣгая отъ одного несложнаго настроенія къ другому, совершая то жестокіе, то благородные поступки.

Въ этомъ пунктѣ, надо замѣтить, Лебонъ смотритъ на вещи гораздо вѣрнѣе и трезвѣе, чѣмъ многіе изъ криминалистовъ, видящихъ въ толпѣ единственно скопище преступныхъ злодѣевъ:

Толпа, безъ сомнѣнія, часто бываетъ преступна, но часто она отличается и героизмомъ. Ее, толпу, и двигаютъ преимущественно на смерть ради торжества какого-нибудь вѣрованія или какой-нибудь идеи; ее приводятъ въ энтузіазмъ честью и славой; ее увлекаютъ, почти совершенно безъ хлѣба и оружія, какъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, для освобожденія гроба Господня отъ невѣрныхъ, или какъ въ 1793 г. для защиты отечества. Конечно, это героизмъ до нѣкоторой степени безсознательный, но такимъ героизмомъ и создается исторія. Если бы нужно было заносить въ счетъ народовъ лишь тѣ великія дѣянія, которыя были холодно обдуманы, то ихъ мало пришлось бы записать въ лѣтописяхъ исторіи *).

Но нашему автору мѣшаютъ надлежащимъ образомъ отнестись къ толпѣ его предразсудки класса. Вообще говоря, у него замѣчается стремленіе реабилитировать и прежніе варварскіе вѣка, и дѣятельность массъ, и толпу, придающую отдѣльнымъ личностямъ простоту, импульсивность, а временами и героизмъ варвара. Но почему? Потому, что именно въ эти періоды и именно благодаря этимъ свойствамъ „народные классы“, чтобы употребить терминологію Лебона, съ большею легкостью давали руководить собой и убивать себя подъ знаменемъ „иллюзій“, которыя, въ концѣ-

*) Ibid., стр., 21—22.

концовъ, были очень выгодны привилегированнымъ классамъ. Но когда массы стали проникаться сознаніемъ своихъ коллективныхъ интересовъ, и когда нашлись люди, выражающіе эти интересы, тогда благодѣтельность новыхъ „иллюзій“ сдѣлалась очень сомнительной въ глазахъ представителей мѣщанства. Отсюда очень замѣтное противорѣчіе во взглядахъ Лебона, смотря по тому, говоритъ-ли онъ о прошлыхъ эпохахъ и разсматриваетъ ходъ человѣчества съ общей точки зрѣнія, или же переходитъ къ оцѣнкѣ современныхъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вамъ образчикъ хвалебнаго отношенія къ массамъ:

Можемъ-ли мы быть увѣрены, что даже геніальныя идеи великихъ людей составляютъ исключительно ихъ произведеніе? Безъ сомнѣнія, онѣ всегда создаются отдѣльными умами; но тѣ тысячи пылинокъ, которыя образуютъ наносъ, гдѣ выросли эти идеи, развѣ не созданы онѣ душой толпы? Толпы, безъ сомнѣнія, всегда безсознательны; но сама эта безсознательность является, можетъ быть, однимъ изъ секретовъ ихъ силы. Въ природѣ, существа, подчиненныя исключительно инстинкту, выполняютъ дѣйствія, удивительная сложность которыхъ такъ изумляетъ насъ. Разумъ—слишкомъ еще новая и слишкомъ еще несовершенная вещь въ человѣчествѣ, чтобы быть въ состояніи открыть намъ законы безсознательнаго, а въ особенности замѣнить его *).

А вотъ вамъ отрицательная оцѣнка значенія массъ:

Въ настоящее время требованія толпы становятся все опредѣленнѣе' рѣзче и клонятъ ни много ни мало, какъ къ разрушенію современнаго общества сверху до низу, съ тѣмъ, чтобы снова привести его къ тому первобытному коммунизму, который былъ нормальнымъ состояніемъ всѣхъ человѣческихъ группъ до зари цивилизаціи. Ограниченіе часовъ труда; экспропріація рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и земельной собственности; равное распредѣленіе всѣхъ продуктовъ; уничтоженіе всѣхъ высшихъ классовъ въ пользу народныхъ, и т. п.—таковы эти требованія. Толпы неспособны разсуждать, но очень способны дѣйствовать. Въ силу ихъ современной организаціи ихъ власть стала безмѣрной. Догматы, которые рождаются на нашихъ глазахъ, пріобрѣтутъ скоро силу старыхъ догматовъ, т. е. ту тиранническую, ту верховную власть, которая исключаетъ всякое разсужденіе. Въ тотъ моментъ, когда нравственныя силы, на которыхъ покоилась цивилизація, теряли свою силу, окончательное разрушеніе выполнялось этими безсознательными и звѣрскими толпами, справедливо называемыми варварскими. Цивилизаціи были создаваемы и руководимы до сихъ поръ небольшой умственной аристократіей, но никогда толпой. Все могущество толпы лежитъ лишь въ разрушеніи. Ихъ владычество представляетъ всегда фазисъ варварства **).

Та же самая двойственность замѣчается и во взглядахъ Лебона на „вожаковъ“, которымъ онъ посвящаетъ цѣлую главу. И здѣсь точно также, пока дѣло идетъ о вожакахъ вообще или той разновидности ихъ, которая заводила слѣдовавшія за ними массы въ непроходимое болото мистицизма, гонясь за блуждающими огоньками религіозныхъ „иллюзій“, въ родѣ Магомета, Петра Пустынника, Лютера, авторъ говоритъ почтительно объ этихъ

*) Ibid., стр. VI предисловія.
**) Ibid., p. 4—6 passim.

„великихъ убѣжденіемъ людяхъ“ и слегка снимаетъ шапку даже передъ Робеспьеромъ, хотя и указывая на его „гипнотизмъ передъ идеями Руссо“ (ср. стр. 107 съ 106). То все, очевидно, было и быльемъ поросло. Но какъ только рѣчь заходитъ о настоящемъ и особенно о вожакахъ, которые выдвигаются народомъ, тонъ внезапно мѣняется. Совѣтую читателю обратить вниманіе на портретъ

рабочаго, который на дымномъ постояломъ дворѣ медленно околдовываетъ своихъ товарищей, безпрестанно пережевывая нѣсколько формулъ, которыхъ самъ не понимаетъ, но приложеніе которыхъ, по его мнѣнію, должно несомнѣнно вызывать осуществленіе всѣхъ мечтаній и всѣхъ надеждъ... Авторитетъ вожаковъ очень деспотиченъ и выростаетъ только благодаря этому деспотизму. Часто замѣчаешь, какъ легко имъ повинуются, даже если у нихъ нѣтъ никакого средства для подкрѣпленія авторитета, и притомъ въ самыхъ неспокойныхъ рабочихъ кругахъ. Они устанавливаютъ рабочій день и размѣры заработной платы, рѣшаютъ вопросъ о стачкахъ, начинаютъ и прекращаютъ ихъ въ назначенный часъ. Въ настоящее время вожаки все болѣе и болѣе замѣняютъ органы власти по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе позволяютъ критику и ослабляютъ себя. Тиранія этихъ новыхъ владыкъ заставляетъ толпу повиноваться имъ послушнѣе, чѣмъ она повиновалась какому бы то ни было правительству. Если, въ силу какой-нибудь случайности, вожакъ исчезнетъ и не замѣняется немедленно, то толпа превращается въ массу безъ всякой связи и сопротивленія. Во время послѣдней стачки служащихъ омнибусной компаніи въ Парижѣ довольно было арестовать двухъ вожаковъ, управлявшихъ стачкой, чтобы тотчасъ же прекратить ее. Не потребность свободы, а потребность рабства постоянно господствуетъ въ душѣ толпы. Ее томитъ такая жажда повиновенія, что она инстинктивно подчиняется всякому, кто объявитъ себя ея господиномъ *).

Таковы существенные взгляды Лебона въ его „Психологіи толпы“. И здѣсь мы можемъ покончить съ изложеніемъ этой книги, ибо другія мысли автора,—напр., значеніе „расы“ въ разныхъ толпахъ, или классификація толпы (толпа уличная, присяжные засѣдатели, избиратели, парламентъ), или вліяніе вожаковъ на толпу при помощи трехъ пріемовъ „утвержденія“, „повторенія“, „заразительнаго вліянія“,—эти мысли, говорю я, являются лишь развитіемъ міровоззрѣнія нашего писателя. Но теперь, прежде чѣмъ перейти къ его недавнему труду, я считаю нужнымъ критически разобрать основные пункты упомянутаго міровоззрѣнія.

Прежде всего мы должны подвергнуть критикѣ вопросъ о расѣ, который играетъ такую роль въ соціологіи Лебона. Казалось бы, что, благодаря оговоркѣ автора насчетъ существованія въ настоящее время лишь „историческихъ расъ“, мы должны разсмотрѣть только значеніе національностей въ развитіи человѣчества. Но съ Лебономъ такой пріемъ неумѣстенъ: недаромъ онъ

*) Ibid., стр. 108—109.

повсюду подставляетъ вмѣсто термина „національность“ выраженіе „историческая раса“. Узко-антропологическая точка зрѣнія заставляетъ его пользоваться такимъ названіемъ, которое какъ разъ выдвигаетъ на первый планъ физіологическое происхожденіе даннаго политическаго союза людей и оставляетъ совершенно въ тѣни вліяніе природной, а въ особенности искусственной среды, т. е. извѣстной культуры, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, законовъ, обычаевъ, воспитанія и т. п. Только когда мы покажемъ сравнительную неважность расовыхъ элементовъ въ соціологіи, мы можемъ перейти къ значенію національностей въ историческомъ процессѣ человѣчества.

Читатель скоро увидитъ, какъ шатки и противорѣчивы наши знанія по вопросу о расѣ; а между тѣмъ, во имя этого-то, можно сказать, мнимо-научнаго призрака, люди, считающіе себя серьезными изслѣдователями, съ необыкновенною важностью толкуютъ о „расовой душѣ“ и воздвигаютъ перегородки между „высшими“ и „низшими“ народами. Что знаемъ мы, напр., относительно первыхъ расъ потретичнаго человѣка? Ровно ничего, кромѣ смутныхъ гаданій и гипотезъ о возможности существованія нѣсколькихъ первобытныхъ группъ, о которыхъ нельзя даже положительно утверждать, произошли-ли онѣ отъ разселенія геккелевскаго *homo primogenius* изъ одного пункта, или же представляютъ собой формы человѣчества, возникшія болѣе или менѣе одновременно на разныхъ мѣстахъ земного шара. Читайте разсужденія выдающихся по этому поводу спеціалистовъ, въ родѣ Каспари, Фр. Мюллера и т. п.: пале-этнологическій романъ—да и только! И даже ареной дѣйствія героевъ этого романа являются несуществующіе материки, вродѣ столь популярной всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лемуріи!..

Но передвиньтесь даже къ настоящему: и тутъ сколько хлопотъ господамъ ученымъ съ классификаціей такихъ якобы опредѣленныхъ антропологическихъ формъ, какъ раса! Подумайте, что лишь за послѣдніе полвѣка насчитывается не одинъ десятокъ различныхъ системъ, причемъ число „основныхъ подраздѣленій человѣческаго рода“ колеблется отъ 2 до—63 (sic!). И что за дѣленіе! Станутъ дѣлить по цвѣту, и вдругъ въ такъ называемую желтую расу приходится включить несомнѣнно бѣлыхъ людей; у однихъ изъ племенъ этой расы лица овальныя (напр., у якутовъ, казанскихъ татаръ), у другихъ круглыя (напр., у остяковъ). Въ черной расѣ оказываются племена и длинноголовыя, и короткоголовыя (негритосы). Примутся-ли за форму волосъ, и вдругъ у такого выдающагося ученаго, какъ Геккель, въ одной и той же группѣ оказываются дравидійцы, отличающіеся удлиненнымъ черепомъ и темной кожей, и кельты, у которыхъ цвѣтъ кожи бѣлый, голова круглая. Наконецъ, эклектики, въ родѣ Топинара, думаютъ пособить горю, вводя до полдюжины различныхъ призна-

ковъ. И что же? Желая воздать должное, напр., и носовому показателю (согласно Брока), и характеру волосъ (по теоріи Сентъ-Илера), нашъ антропологъ принужденъ помѣстить въ одно подраздѣленіе скандинавовъ и лапландцевъ, ибо-де у тѣхъ и другихъ носы узкіе, а волосы мягкіе съ овальнымъ сѣченіемъ, и т. п. Природа словно нарочно смѣется надъ такими классификаціями, избѣгая совпаденія большого числа сопутствующихъ признаковъ въ различныхъ расахъ, что и заставляетъ французскаго ученаго Овелака такъ кончать свою статью о „современныхъ расахъ" въ антропологическомъ словарѣ:

Въ концѣ концовъ классификаціи не имѣютъ реальнаго существованія и не соотвѣтствуютъ точнымъ категоріямъ; конечно, удобно говорить о бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ расахъ, о короткоголовыхъ и о длинноголовыхъ, о мягковолосыхъ и курчавыхъ: есть такія расы, у которыхъ встрѣчаются такіе или иные изъ этихъ признаковъ. Но попытка систематизировать совокупность характерныхъ чертъ является химерой и дѣтской игрой *).

Не забудьте также, что, по мѣрѣ того, какъ развивается цивилизація, и устанавливаются сношенія между народами, родъ человѣческій все болѣе и болѣе стремится къ единству, хотя бы путемъ скрещиваній (я умышленно не говорю пока о вліяніи повсюду однихъ и тѣхъ же соціологическихъ факторовъ). Это допускаютъ даже тѣ ученые, которые придаютъ большое значеніе антропологическимъ признакамъ. Послушайте хотя бы Топинара:

Нѣкогда, когда воды и лѣса сильнѣе обособляли человѣческія группы, случайныя черты закрѣплялись въ расѣ, ея контуры устанавливались. Но теперь, когда переселенія приняли самые обширные размѣры, характеры смѣшиваются. Скрещиваніе является главнымъ агентомъ перемѣшиванія расъ, подобно тому какъ наслѣдственность и внѣшнія обстоятельства являются главными агентами ихъ раздѣленія. Послѣднія должны были произвести многостепенность въ прошломъ, скрещиваніе же создастъ единство рода въ будущемъ **).

Но мы до сихъ поръ говорили о чисто физическихъ особенностяхъ, которыя больше бросаются въ глаза и объясняютъ до нѣкоторой степени взаимную непріязнь племенъ, особенно въ первобытныя времена. А что сказать о психическихъ чертахъ различныхъ народовъ? Нѣтъ, въ сущности, вопроса болѣе труднаго, какъ классификація расъ по ихъ психологіи,—разумѣется, если вы не хотите порхать по поверхности и отъ выдающихся скулъ или курчавыхъ волосъ заключать о тупоуміи или звѣрствѣ носителей этихъ, такъ сказать, этническихъ масокъ. Возьмемъ сначала первобытныя племена, которыя ставятся людьми въ родѣ Лебона

*) *Dictionnaire des Sciences anthropologiques*; Парижъ, безъ даты (книга вышла около 1885 г.), стр. 949: A. Hovelacque, «Races actuelles».

**) Paul Topinard, *L'Anthropologie*; Парижъ, 1877, стр. 390—391 второго изданія.

навсегда у подножія человѣческой лѣстницы. Что знаемъ мы о „низшихъ расахъ“? Много-ли было между путешественниками вдумчивыхъ и гуманныхъ наблюдателей, которые постарались бы отрѣшиться отъ предубѣжденій, отъ рутинныхъ воззрѣній якобы цивилизованныхъ странъ, и войти во внутренній міръ черныхъ и желтыхъ людей? Завоеватели, колонизаторы, торгаши, даже миссіонеры состязались между собой, за немногими исключеніями, въ третированіи дикарей хуже четвероногихъ. Вьючный скотъ, игрушка властолюбія и жестокости въ рукахъ господина—такова по большей части роль низшихъ племенъ при столкновеніи съ цивилизованными народами. Кому изъ представителей „арійцевъ“ приходило въ голову познакомиться поближе съ психическими особенностями первобытнаго человѣка? Этимъ объясняется, почему отзывы немногихъ благородныхъ умовъ, безпристрастно изучавшихъ дикія племена, представляютъ такой рѣшительный контрастъ съ горделивымъ осужденіемъ послѣднихъ большинствомъ такъ называемыхъ просвѣтителей. Здѣсь лежитъ разгадка того, напр., обстоятельства, что въ то время, какъ французы травятъ въ Суданѣ негровъ, какъ дикихъ звѣрей, знаменитый географъ говоритъ о „проникнутомъ нѣжностью геніѣ африканцевъ“ (le tendre génie des Africains, подлинныя слова Элизэ Реклю); или что свирѣпый полу-янки Стэнли обходился исключительно при помощи бича и ружья съ тѣми самыми черными, которыхъ кроткій Ливингстонъ считалъ „наилучшими людьми во вселенной“, бывшими, по его словамъ, практическими христіанами, даже и ничего не слышавъ еще о религіи любви.

Самые выдающіеся этнологи, впрочемъ, стоятъ гораздо ближе, по своимъ взглядамъ, къ гуманнымъ изслѣдователямъ низшихъ расъ, чѣмъ къ ихъ свирѣпымъ цивилизаторамъ. Во всякомъ случаѣ, эти ученые далеки отъ того, чтобы отказывать въ способности развитія „первобытнымъ племенамъ“ (races primitives Лебона, которымъ соотвѣтствуютъ Naturvölker у нѣмцевъ). Я приведу нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ трудовъ наиболѣе крупныхъ ученыхъ, выдержекъ, которыя показываютъ, какъ мало права мы имѣемъ говорить о „непроходимой пропасти“ между психической организаціей первобытныхъ расъ и нашей собственной. Вотъ, напр., какъ смотритъ на этотъ предметъ Вайцъ, который, какъ извѣстно, спеціально занимался „антропологіей первобытныхъ народовъ“ и который—обратите вниманіе на это—не принадлежитъ, однако, къ писателямъ, признающимъ возможность универсальной одинаковой цивилизаціи на всемъ земномъ шарѣ. Приведя громадное количество фактовъ изъ жизни первобытныхъ и цивилизованныхъ народовъ, ученый авторъ заключаетъ:

Все показываетъ, что самые цивилизованные народы современной эпохи лишь постепенно вышли изъ состоянія первоначальнаго варварства, въ которомъ на нашихъ глазахъ погружено еще столько народовъ, между тѣмъ

какъ первобытная грубость прорывается еще то тамъ, то здѣсь среди наиболѣе цивилизованныхъ... Кто можетъ исчислить время, въ теченіе котораго современныя культурныя націи оставались въ состояніи неподвижности? Гдѣ доказательства того, что такъ называемыя низшія расы осуждены на то, чтобы пребывать навсегда въ ихъ теперешнемъ состояніи? Нѣсколько тысячъ лѣтъ, которыми мы обогнали ихъ въ цивилизаціи, представляютъ собой, по сравненію съ великой древностью земли, черезчуръ короткій періодъ, чтобы можно было составить рѣшительный приговоръ о способности всего человѣчества... Наиболѣе важные факты, сообщенные нами выше, являются достаточнымъ доказательствомъ нашего положенія относительно умственной родственности цивилизованныхъ европейцевъ и первобытныхъ племенъ... Если, согласно обычному мнѣнію, мы разсматриваемъ цивилизацію даннаго народа лишь какъ продуктъ его умственныхъ способностей, то мы не удѣляемъ достаточно вниманія громадному вліянію окружающей природы, историческихъ событій и воспитанія; и, сверхъ того, совершаемъ ошибку, приписывая цѣлому народу способности, которыми обладаютъ лишь отдѣльныя личности... Бросая назадъ взглядъ на многочисленные факты и перебирая различныя точки зрѣнія, съ которыхъ мы пытались выяснить этотъ основной вопросъ, мы фатально приходимъ къ заключенію, что не существуетъ специфичной разницы въ человѣчествѣ по отношенію къ психической жизни. Великія различія въ цивилизаціи между народами, принадлежащими къ одной и той же расѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что степень цивилизаціи вовсе не зависитъ главнымъ образомъ отъ умственныхъ способностей или психической организаціи *).

Если намъ возразятъ, что со временъ Вайца антропологія и этнологія сдѣлали значительные шаги впередъ; что теперь наука о человѣкѣ можетъ оперировать надъ болѣе обширнымъ и лучше провѣреннымъ матеріаломъ; что, въ частности, современные ученые въ состояніи отмѣчать крупныя различія тамъ, гдѣ прежніе изслѣдователи смѣшивали все въ одно,—то лучшимъ отвѣтомъ на такое возраженіе можетъ служить взглядъ одного изъ выдающихся этнологовъ послѣдняго времени, и притомъ опять таки такого, который нисколько не склоненъ затушевывать отличительные признаки различныхъ расъ. Я говорю о Фридрихѣ Ратцелѣ, ставящемъ во введеніи къ своему большому труду такое требованіе своимъ собратамъ-спеціалистамъ:

Чрезъ всю область взаимной оцѣнки однихъ народовъ другими проходитъ въ качествѣ несомнѣннаго основного факта чувство индивидуальной гордости, выражающееся въ томъ, что люди охотнѣе судятъ о своихъ ближнихъ неблагопріятно, чѣмъ благопріятно. Но мы должны, по крайней мѣрѣ, стараться быть справедливыми, и въ этомъ намъ можетъ помочь этнографія, которая, ведя насъ отъ народа къ народу и со ступени на ступень развитія, запечатлѣваетъ въ нашемъ умѣ ту основную мысль, что при всѣхъ дѣйствіяхъ людей и народовъ мы должны прежде всякого сужденія взвѣсить то обстоятельство, что все, что ими можетъ быть задумано, прочувствовано и сдѣлано, отличается существеннымъ характеромъ постепенности. Все можетъ происходить въ различной мѣрѣ; не пропасть, но лишь различія въ степени

*) Я цитирую по англійскому дополненному самимъ авторомъ изданію: Th. Waitz, *Anthropology of primitive peoples*; Лондонъ, 1863, т. I, стр. 319—327, passim.

отдѣляютъ различныя части человѣчества, расы, народы и т. п. Задача этнографіи заключается поэтому прежде всего не въ томъ, чтобы доказать эти различія составныхъ частей человѣчества (подобно тому, какъ въ теченіе долгаго времени задача зоологіи и ботаники усматривалась въ отличеніи видовъ и родовъ животнаго и растительнаго царства), но въ томъ, чтобы показать существованіе переходовъ и внутренней связи, ибо человѣчество представляетъ собою одно цѣлое, хотя и разнообразнаго строенія. И если никогда не мѣшаетъ повторять, что народы состоятъ изъ индивидуумовъ, которые при всякихъ дѣйствіяхъ народа являются и остаются его основными элементами, то сходство индивидуумовъ въ общемъ складѣ такъ велико, что мысли, исходящія изъ одной личности, находятъ вѣрный отголосокъ въ другихъ, разъ только дошли до нихъ, подобно тому, какъ одно и то же сѣмя на одной и той-же почвѣ приноситъ и одинаковые плоды *).

Можно прямо подумать, что Ратцель идетъ здѣсь словно навстрѣчу голословному утвержденію Лебона насчетъ того, что я назвалъ выше взаимной непроницаемостью атомовъ въ человѣчествѣ. И въ частности, что касается до современныхъ первобытныхъ народовъ, то Ратцель рѣшительно отказывается видѣть въ нихъ какую-либо

группу народовъ въ анатомическомъ и антропологическомъ смыслѣ. Такъ какъ они уже участвуютъ въ высшихъ культурныхъ благахъ человѣчества въ формѣ языка и отчасти религіи, обычаевъ, изобрѣтеній, то имъ нельзя даже давать мѣсто, какъ генеалогической, антропогенетической группѣ, у основанія родословнаго дерева человѣчества, и отнюдь невозможно представлять себѣ ихъ состояніе въ видѣ первобытнаго состоянія или дѣтства **).

— — — —

Я упомянулъ раньше, что пока нарочно воздерживаюсь отъ вліянія соціологическихъ факторовъ на развитіе расъ. Теперь не мѣшаетъ посмотрѣть на это вліяніе. И здѣсь прежде всего поражаетъ фактъ удивительнаго сходства этого развитія подъ давленіемъ одинаковыхъ соціологическихъ потребностей, что идетъ какъ разъ въ разрѣзъ съ зоологическимъ взглядомъ Лебона на человѣческую исторію. Вольно же было этому поверхностному автору представлять себѣ человѣчество въ видѣ не только обособленныхъ, но и совершенно по особому развивающихся группъ! Что на самомъ дѣлѣ поражаетъ внимательнаго изслѣдователя, такъ это не только соприкосновеніе и сростаніе между собою различныхъ расъ,—это допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и Лебонъ съ его теоріей „историческихъ расъ",—но и замѣчательный параллелизмъ въ развитіи такихъ группъ, которыя, очевидно, никогда не сталкивались одна съ другой. Это сходство, эта всеобщность эволюціи до такой степени бросаются въ глаза мыслящему наблюдателю, что тутъ начинаетъ грозить совершенно противоположная опасность, а именно: стремленіе стереть въ пользу

*) Friedrich Ratzel, *Völkerkunde*; Лейпцигъ, 1885, т. I, стр. 4.
**) Ibid., стр. 13.

этого одинаковаго процесса второстепенныя, но все же важныя различія, которыя могутъ отличать извѣстный народъ въ извѣстный періодъ и опредѣляться особыми мѣстными условіями. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что какъ только люди вступаютъ между собою въ какія-либо формы общенія и солидарности,—а изученіе этихъ формъ и является задачей соціологіи,—то сходство различныхъ созданій психической жизни въ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга племенахъ значительно перевѣшиваетъ расовыя различія. Не знаменательно ли, что порою этотъ параллелизмъ заставлялъ этнологовъ даже предполагать заимствованіе тамъ, гдѣ о немъ и не могло быть рѣчи?

Можно, конечно, объяснить заимствованіемъ такой, напримѣръ, фактъ, что и бечуаны и дамара въ Южной Африкѣ употребляютъ нѣкоторыя тождественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ очень типичныя поговорки: „развѣ я рѣка?“ отвѣчаетъ европейцу и слуга-бечуанъ, и слуга-дамара, если господинъ даетъ ему очень много порученій въ разныхъ мѣстахъ (не лишенный остроумія намекъ на извилистое теченіе рѣкъ). Но какъ вы объясните, хотя бы, почему и бечуаны, и отдѣленные отъ нихъ тысячами верстъ суши и моря новозеландцы совершенно одинаково выбиваютъ себѣ передніе зубы и отрѣзаютъ мизинецъ? А мало ли такихъ сходныхъ и крупныхъ и мелкихъ, и великихъ и незначительныхъ обычаевъ, обрядовъ, формъ и учрежденій! Почему у глухонѣмыхъ въ Европѣ и глухонѣмыхъ между краснокожими Сѣверной Америки жесты и знаки для объясненія поразительно похожи? Почему раскрашиваніе и татуировка кожи зачастую такъ одинаковы у самыхъ различныхъ племенъ? Почему, за исключеніемъ очень немногихъ народовъ, человѣчество выработало одинаковую форму счета (простую или двойную десятичную)? Откуда взялся одинаковый обычай заостренія зубовъ въ центральной и южной Африкѣ, среди племенъ Бразиліи и на Малайскомъ архипелагѣ? Въ какой общей школѣ выучились тереться носами вмѣсто поцѣлуя и привѣтствія эскимосы, лапландцы, австралійцы, маори Новой Зеландіи? Гдѣ встрѣчались между собой жены обитателей Огненной земли и жены туземцевъ на Андаманскихъ островахъ, чтобы выработать общій обычай носить черепъ умершихъ мужей на снуркѣ черезъ шею? А сдавливаніе черепа дѣтей между досками для приданія ему искусственной формы, которое, по словамъ Гиппократа, было распространено въ его время въ степяхъ южной Россіи и замѣчено въ настоящее время и въ Южной Америкѣ, и въ Британской Колумбіи? Почему обрѣзаніе встрѣчается, по словамъ Андрэ, по крайней мѣрѣ у седьмой части всего человѣчества? *).

---

*) Эти и нѣкоторые послѣдующіе примѣры я заимствую у Оскара Пешеля (Oscar Peschel *Völkerkunde*; Лейпцигъ, 1881, стр. 28—34 пятаго изд., обработаннаго А. Кирхгофомъ).

Перейдемъ къ болѣе глубокимъ и существеннымъ признакамъ психическаго сходства. Почему при заключеніи особо тѣсной дружбы между двумя индивидуумами, обычай мѣняться именами распространенъ такъ сильно, что встрѣчается у полинезійцевъ, у могавковъ въ Сѣверной Америкѣ, у макололо и зулусовъ въ южной Африкѣ? А столь странный обычай, какъ кувада (при которомъ отецъ играетъ роль матери, ложится въ постель и вообще ведетъ себя, какъ родильница) развѣ не встрѣчается, можно сказать, на всѣхъ точкахъ земного шара, начиная отъ корсиканцевъ, описанныхъ Діодоромъ Сицилійскимъ, иберовъ, изображенныхъ Страбономъ, и ихъ потомковъ, современныхъ басковъ, и вплоть до дайяковъ на Борнео, до негровъ Кассангэ, до многочисленныхъ племенъ Южной Америки? А знаменитое учрежденіе левирата, въ силу котораго древній еврей долженъ былъ бездѣтной вдовѣ брата „возстановить сѣмя" умершаго? Монголы, бразиліанскіе тупинамбасы, колюши на сѣверо-западѣ Америки, остяки въ западной Сибири, и негры Золотого Берега, и зулусы, и папуасы и т. д., и т. д. и тысячу разъ и т. д. съ успѣхомъ конкуррируютъ въ этомъ отношеніи съ послѣдователями Моисея. А поразительныя совпаденія въ обозначеніи родства у разныхъ народовъ, совпаденія, столько примѣровъ которыхъ далъ намъ Морґанъ въ своихъ знаменитыхъ таблицахъ, отпечатанныхъ въ 1870 г., причемъ мы натыкаемся даже на одинаковые омонимы для выраженія двухъ различныхъ степеней родства. Что общаго казалось бы, напр., между древними римлянами и современными юкагирами? И однако послѣдніе, какъ любезно сообщаетъ мнѣ нашъ изслѣдователь юкагировъ, г. Іохельсонъ, называютъ однимъ словомъ „хаха" дѣда и дядю по матери (старшаго брата матери), т. е. прибѣгаютъ къ тому же ухищренію, которое можно прослѣдить этимологически у римлянъ, называющихъ дѣда „avus", а дядю по матери „avunculus", что соотвѣтствуетъ собственно уменьшительному „дѣдушка" *).

А формы родовыхъ, семейныхъ и брачныхъ отношеній, создавшія, въ числѣ прочихъ „духовныхъ благъ" человѣчества и только-что упомянутыя нами выше различныя понятія родства, и соотвѣтствующіе имъ термины? Опять таки, что поражаетъ изслѣдователя этихъ вопросовъ, такъ это замѣчательный параллелизмъ въ развитіи такихъ основныхъ явленій человѣческой психологіи у самыхъ различныхъ племенъ. Прибавьте, наконецъ, подобный же параллелизмъ въ развитіи собственности и прочихъ экономическихъ отношеній, въ общемъ ходѣ политической эволюціи и т. п.—и вы поймете, почему серьезные изслѣдователи

*) Обращаю вниманіе читателя въ особенности на одну изъ главъ «Антикварскихъ писемъ» Бахофена (I. I. Bachofen, *Antiquarische Briefe*; Страсбургъ, 1886 г., t. II, письмо 48-е: «Ein Römischer Grammatiker über Avunculus», стр. 136—147).

говорятъ въ настоящее время объ эмбріологіи общественныхъ формъ, какъ о наукѣ, выражающей законы всемірнаго развитія человѣчества, несмотря на частныя и второстепенныя особенности въ исторической эволюціи разныхъ народовъ: большую или меньшую быстроту этого процесса; перескакиванье чрезъ промежуточныя формы, благодаря вліянію болѣе развитыхъ общественныхъ организмовъ и т. д. Если я не останавливаюсь долѣе на этомъ вопросѣ, такъ потому, что онъ въ настоящее время съ достаточной настойчивостью разрабатывается наиболѣе мыслящими соціологами; и распространяться, напр., объ одинаковой преемственности родовыхъ, политическихъ и экономическихъ формъ хотя бы у древнихъ грековъ и римлянъ и краснокожихъ Сѣверной Америки значило бы ломиться въ дверь, открытую изслѣдованіями Моргана и другихъ спеціалистовъ. Замѣтьте, что у самого Лебона, несмотря на его вѣчный припѣвъ о „расовой душѣ", сквозитъ признаніе этого закона всеобщаго развитія, когда онъ, напр., говоритъ о періодѣ „первобытнаго коммунизма" или о современной эпохѣ „господства толпы". И если бы стоило заниматься подробнымъ указаніемъ противорѣчій, которыя встрѣчаются въ различныхъ трудахъ Лебона, то можно было бы показать, что въ его первыхъ произведеніяхъ идея общечеловѣческаго развитія далеко не въ такой степени отодвинута на задній планъ, какъ это замѣчается въ его послѣднихъ книгахъ.

Это сходство различныхъ „расъ" съ психической стороны и со стороны основныхъ соціологическихъ формъ какъ разъ являлось предметомъ очень интересныхъ изслѣдованій доктора Хозэ Рисаля (José Rizal), цивилизованнаго малайца, разстрѣляннаго въ 1896 г. испанцами при началѣ возстанія на Филиппинскихъ островахъ. Этотъ выдающійся и замѣчательно талантливый человѣкъ, обладавшій обширными знаніями по естественнымъ наукамъ, философіи, этнографіи, лингвистикѣ и т. п., учился и долго жилъ въ Испаніи, Франціи, Германіи, Англіи, Японіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и вездѣ жадно накоплялъ матеріалы по сравнительной психологіи племенъ. Онъ не успѣлъ самъ напечатать обобщающаго труда, но извѣстный спеціалистъ по изученію Филиппинскихъ острововъ, Фердинандъ Блюментриттъ, сохранилъ много писемъ и воспоминаній о разговорахъ съ жертвой свирѣпой испанской политики и на основаніи этихъ данныхъ такъ передаетъ основные взгляды Рисаля, проливающіе, по его мнѣнію яркій свѣтъ на вопросы „расоваго характера":

1) Человѣческія расы отличаются внѣшнимъ видомъ и строеніемъ скелета, но не душой. Тѣ же самыя страсти, тѣ же страданія волнуютъ бѣлыхъ, желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ людей; различна лишь форма, въ которой они выражаются, но и эта форма не является постоянной величиной ни у одной расы, ни у одного народа, а измѣняется подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ факторовъ. 2) Расы существуютъ только для антрополога; что же касается

до наблюдателя народной жизни, то для него существуютъ только соціальные слои. Отличить и установить эти общественныя дѣленія—такова задача этнолога... Даже въ старыхъ культурныхъ странахъ, каковы Франція и Германія, главную массу населенія составляетъ классъ, стоящій на томъ же самомъ духовномъ уровнѣ, на какомъ находится большинство тагаловъ (племя, къ которому принадлежалъ Рисаль. Н. К.)... Конечно, европейскіе народы богаты интеллектомъ, но они не могутъ, не проявляя черезчуръ большой самонадѣянности, утверждать, будто и при самомъ возникновеніи они обладали этимъ духовнымъ богатствомъ; имъ нужны были столѣтія борьбы и стремленій, умственныхъ комбинацій, необходимой свободы, полезныхъ законовъ, отдѣльныхъ руководящихъ умовъ для того, чтобы накопить и передать такое сокровище своимъ потомкамъ *).

Упоминаніе о соціальныхъ слояхъ въ особенности интересно: оно показываетъ, что человѣчество дѣлится главнымъ образомъ не столько, если можно такъ выразиться, въ вертикальномъ направленіи, обособляясь племенными, національными и государственными границами, сколько въ горизонтальномъ направленіи, вдоль линій, которыя разслояютъ все человѣчество на общественные классы. Рисаль говоритъ, напр., о томъ любопытномъ впечатлѣніи, какое производитъ на не-европейца европейское крестьянство: его особенности для такого непривыкшаго къ нашей культурѣ глаза почти совсѣмъ исчезаютъ отъ страны до страны; и оно является въ общемъ однимъ великимъ соціальнымъ классомъ на всемъ протяженіи материка отъ Лиссабона до Стокгольма, тогда какъ оно же рѣзко отличается въ каждой странѣ отъ живущаго бокъ-о-бокъ съ нимъ городского населенія. Надо-ли, впрочемъ, упоминать читателю, что изслѣдователи общественной жизни уже давно обратили вниманіе на существованіе соціологическихъ типовъ, которые вырабатываются между людьми, занятыми одинаковою спеціальностью среди одного и даже различныхъ народовъ? Соціальное раздѣленіе труда зачастую создаетъ различія, гораздо болѣе существенныя, чѣмъ пресловутая раса. Во всякомъ случаѣ добросовѣстные антропологи и этнологи, у которыхъ черепословіе не вызвало страшной узости мысли, такъ ставятъ и такъ рѣшаютъ вопросъ о сравнительномъ значеніи расъ и классовъ въ современной цивилизаціи:

Имѣетъ-ли раса вліяніе на психическій, умственный и нравственный характеръ народовъ? Конечно, à priori нельзя отрицать этого вліянія, и оно дѣйствительно наблюдается у дикихъ народовъ. Но по мѣрѣ того какъ поднимаешься по лѣстницѣ цивилизаціи, замѣчаешь, что соціальныя причины имѣютъ большую важность, чѣмъ физическія, для духовнаго развитія личностей... Въ болѣе значительныхъ этническихъ группахъ, внутри которыхъ раздѣленіе труда создало болѣе или менѣе рѣзкіе классы, касты и соціальные слои... физіономіи каждаго класса спеціализируются; рядомъ съ расовыми типами создаются типы соціальные. Эти типы характеризуются общими чертами

*) Я отсылаю читателя къ интересной біографіи Рисаля, написанной Блюментриттомъ (F. Blumentritt въ «Internationales Archiv für Ethnographie»; т. X, выпускъ 2, 1897, стр. 88—92).

не только съ точки зрѣнія психической, но и съ точки зрѣнія физической. Такимъ образомъ китайскіе, японскіе, аннамитскіе, бирманскіе, корейскіе ученые или бонзы, несмотря на различіе расъ, представляютъ тѣмъ не менѣе болѣе сходства между собой, чѣмъ съ ихъ соотечественниками, крестьянами или торговцами. Точно также въ Европѣ извѣстные общественные классы: судебное сословіе, духовенство, банкиры, маклеры, любители спорта, рудокопы, фабричные рабочіе обладаютъ извѣстнымъ родственнымъ сходствомъ, извѣстной моральной физіономіей и даже физическимъ типомъ, которые общи всѣмъ имъ, несмотря на различіе языковъ и расъ *).

Напутствуемые этимъ соціологическимъ выводомъ, мы переходимъ къ послѣдней части нашей критики: намъ остается разобрать взгляды Лебона, касающіеся „исторической расы", или, согласно общепринятому термину, національности. „Историческая раса" представляетъ въ міровоззрѣніи нашего автора единственную скрѣпу, которой онъ соединяетъ между собой людей современнаго періода. Въ выборѣ такой связи Лебонъ, столь любящій взаимную рознь и непониманіе между личностями, руководится, очевидно, обычнымъ среди теперешней буржуазіи преклоненіемъ передъ идоломъ узкаго и ревниваго націонализма, которому въ наше время приносится повсюду столько тяжелыхъ жертвъ. Въ сущности, національная связь является непослѣдовательностью въ міровоззрѣніи этой буржуазіи, жизненнымъ принципомъ которой являются самый крайній индивидуализмъ и „борьба всѣхъ противъ всѣхъ". Капиталъ по природѣ космополитъ и смѣется надъ цвѣтомъ пограничныхъ столбовъ, когда дѣло идетъ о большемъ процентѣ съ предпріятія. Но эта непослѣдовательность находитъ свое объясненіе въ томъ, что націонализмъ служитъ для буржуа маскою, прикрываясь которой они, съ одной стороны, создаютъ мѣстныя политическія учрежденія для защиты своихъ интересовъ господства и экономическихъ привилегій, а съ другой—препятствуютъ соціальной борьбѣ принять міровой, очень опасный для мѣщанства характеръ. Сознательно и безсознательно Лебонъ отражаетъ эту сторону буржуазнаго міровоззрѣнія. Отсюда важность, которую онъ приписываетъ въ своей соціологіи „исторической расѣ", т. е. какъ я уже сказалъ, національности, являющейся для Лебона едва-ли не единственной формой солидарности, которую онъ допускаетъ для современнаго періода.

Тутъ нужно, впрочемъ, условиться. Было бы ненаучно отрицать вліяніе національности на психическій складъ принадлежащихъ къ ней личностей. Но, признавая это вліяніе, мы не должны ни на минуту забывать, что эта форма общественнаго союза въ неизмѣримо большей степени выражаетъ результатъ текучаго и

---

*) См. интересное заключеніе лекціи г. Деникера о расахъ и народахъ Европы въ номерѣ отъ 15-го іюня 1898 г. «Revue mensuelle de l'école d'Anthropologie de Paris», стр. 198—199, passim.

сравнительно быстро измѣняющагося историческаго процесса, чѣмъ неподвижнаго расоваго характера. Между тѣмъ авторъ, мѣстами, повидимому, приближаясь къ обычному опредѣленію національности, еще чаще говоритъ о своей „исторической расѣ", какъ если бы она была извѣстнымъ зоологическимъ продуктомъ. Не наивно-ли въ самомъ дѣлѣ объяснять политическую борьбу Франціи тѣмъ, что въ этой странѣ (въ противоположность, молъ, Англіи) различные расовые характеры не успѣли еще выработать однородную „историческую расу"? *) Какъ будто для того, чтобы имѣть одинаковые взгляды, людямъ надо принадлежать къ одному мѣстному, чуть не зоологическому типу, или для того, чтобы вступать въ борьбу, надо родиться одному въ Нормандіи, другой въ Оверни и т. д. Напомню лишь, для надлежащей оцѣнки этой курьезной мысли, что, напр., Шатобріанъ Ламеннэ и Ренанъ, столь различные по своей умственной физіономіи, всѣ трое родомъ изъ Бретани, тогда какъ Сэнъ-Жюстъ и Робеспьеръ, соприкасавшіеся столькими сторонами политическаго убѣжденія и революціоннаго фанатизма, родились на разстояніи болѣе чѣмъ трехъ градусовъ широты, одинъ на берегахъ Луары, другой въ Артуа, недалеко отъ Фландріи.

Не мѣшаетъ тутъ же замѣтить, что историческій процессъ такъ перемѣшалъ хотя бы расы Европы, такъ причудливо передѣлилъ ихъ по различнымъ лингвистическимъ и національнымъ клѣткамъ, что терминъ „историческая раса" представляетъ собой сочетаніе двухъ почти непримиримыхъ словъ. Я отошлю читателя къ уже упомянутому мною изслѣдованію г. Деникера, который на основаніи антропологическихъ данныхъ заключаетъ, напр., о смѣси, по крайней мѣрѣ, трехъ различныхъ расъ въ лангедоко-каталанской этнической группѣ, и цѣлыхъ пяти расъ въ группѣ сардо-итальянцевъ. А между тѣмъ только вѣра въ страшную неподвижность и взаимную непроницаемость расъ и можетъ объяснить большинство соціологическихъ взглядовъ Лебона, причемъ съ каждымъ новымъ трудомъ его зоологическая точка зрѣнія на исторію становится все одностороннѣе и рѣзче. Такъ, напр., читатель уже могъ видѣть изъ цитаты, взятой мною изъ „Психологическихъ законовъ" Лебона, что японцу мало и тысячи лѣтъ, чтобы приблизиться съ психической стороны къ англичанину. Но въ своихъ болѣе раннихъ трудахъ нашъ авторъ былъ гораздо менѣе категориченъ, замѣчая, напр., въ „Первыхъ цивилизаціяхъ", что

если дѣти и внуки француза, поселившагося въ Японіи, поженятся на японкахъ и будутъ продолжать жить въ странѣ, то уже по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній они не удутъ, вѣроятно, видѣть ничего дурного въ томъ, что возмущало ихъ предка **), —

*) См. «Lois», стр. 49—50.

**) *Les premières civilisations;* Парижъ, 1889, стр. 147.

дѣло идетъ объ обычаѣ для дѣвушки добывать себѣ приданое проституціей. Въ томъ же сочиненіи авторъ далеко не ограничивается одной „расой", но много говоритъ также о „физической" и „моральной средѣ" и даже выражаетъ вѣрную общую мысль о

сложности причинъ, которыя управляютъ развитіемъ личностей, расъ и народовъ. Каждая изъ этихъ причинъ вліяетъ на всѣ другія, но ни одна изъ нихъ не преобладаетъ абсолютно. Ихъ не только должно изучать отдѣльно, но для того, чтобы изслѣдованіе носило настоящій характеръ точной общественной науки, слѣдовало бы измѣрять ихъ взаимодѣйствіе и вычислить ихъ равнодѣйствующую, какъ вычисляютъ равнодѣйствующую силъ въ случаѣ притяженія нѣсколькими тѣлами одного. Въ настоящее время нельзя претендовать на выполненіе подобной задачи. Если послѣдняя и станетъ когда-либо возможна, то во всякомъ случаѣ не раньше нѣсколькихъ вѣковъ *).

Но скоро авторъ нашелъ, что можно проще расправиться съ трудной задачей, и, выхвативъ изъ Тэна лишь одинъ элементъ,— расу,—и оставивъ два другіе, — среду и моментъ, — совершенно въ сторонѣ, построилъ свою зоологическую соціологію **). Что это построеніе отличается замѣчательной легковѣсностью, въ особенности по отношенію къ оцѣнкѣ взаимнаго вліянія „историческихъ расъ" одна на другую, видно изъ необыкновенно поверхностныхъ и самонадѣянныхъ соображеній, которыя авторъ высказываетъ всякій разъ, когда ему приходится подкрѣплять свои теоріи указаніемъ на факты. Приведу одинъ очень типичный примѣръ. Мы видѣли, что Лебонъ совершенно отрицаетъ вліяніе греческаго искусства на индусское. Это утвержденіе понадобилось ему для доказательства взаимной психической непроницаемости двухъ народовъ, его любимаго конька. Но на основаніи какихъ же наблюденій авторъ рѣшается на такую мысль, идущую въ разрѣзъ съ тридцатилѣтними работами англійской археологической коммиссіи (Archaeological Survey), которая изучила въ Остъ-Индіи десятки тысячъ памятниковъ, монетъ и рукописей? На основаніи четырехмѣсячнаго путешествія въ началѣ 1885 г. по Непалу ***), и путешествія до такой степени поверхностнаго и несерьезнаго, что большинство ученыхъ географовъ считаютъ зна-

*) Ibid., стр. 147—148.

**) Лебонъ — потайной ученикъ Тэна и, рѣдко цитируя его, да и то по большей части ради критики, въ сущности, развиваетъ въ карикатурно-однобокой формѣ взгляды учителя. Надо замѣтить, что во Франціи вліяніе Тэна въ послѣднее время выражается почти исключительно въ реакціонно-націоналистическихъ разглагольствованіяхъ объ «истинно-французской душѣ», о «галльскомъ характерѣ», и т. п. Интересно, что Поль Бурже и Морисъ Баррэсъ, считающіе себя вѣрными послѣдователями Тэна, теперь оба въ шайкѣ шовинистовъ и антисемитовъ...

***) *Voyage au Népal*: въ «Le Tour du Monde» 1886, первое полугодіе, стр. 225—272.

чительную часть разсказа Лебона прямой шарлатанской выдумкой, такъ какъ нашъ импровизированный археологъ не могъ даже, несмотря на настойчивыя приглашенія спеціалистовъ, показать свой маршрутъ на картѣ. Какъ бы то ни было, стоитъ вамъ отъ голословныхъ, но самоувѣренныхъ утвержденій автора обратиться къ спеціалистамъ вродѣ Гобла д'Алвіелла, который критически резюмируетъ современное положеніе вопроса, и вы найдете, что, нисколько не преувеличивая значенія греческаго искусства для Индіи, знатоки находятъ въ архитектурныхъ памятникахъ, а особенно скульптурѣ Гандгары (на сѣверо-западѣ Индіи, въ долинѣ Пейшавера) несомнѣнное вліяніе классическихъ образцовъ, переработанныхъ геніемъ мѣстныхъ художниковъ:

Въ искусствѣ Гандгары типъ Будды... еще не принялъ окончательно іератическихъ формъ. Когда вы видите его посреди учениковъ задрапированнымъ и причесаннымъ на греческій ладъ, — безъ той курчавой шевелюры, которая сдѣлалась позже однимъ изъ его характеристичныхъ признаковъ и дала поводъ нѣкоторымъ археологамъ приписывать ему негритянское происхожденіе, — то вамъ такъ и хочется принять его за философа, вырвавшагося изъ Портика или Академіи, а тамъ, гдѣ его голова окружена ореоломъ, и совсѣмъ за Аполлона... Но даже въ большинствѣ случаевъ, когда его изображаютъ сидящимъ на восточный ладъ, все же поза его рукъ, прическа, форма и складки одежды, чистота профиля, выраженіе лица, которое лучится умомъ, кротостью и свѣтлымъ спокойствіемъ, переноситъ вашу мысль къ самымъ прекраснымъ типамъ александрійскаго искусства *).

Такъ говоритъ знающій спеціалистъ, передъ которымъ расшаркивался въ одномъ изъ своихъ твореній самъ нашъ заносчивый авторъ, какъ передъ „выдающимся мыслителемъ". Показавъ, въ какой степени можно довѣрять наблюденіямъ и знаніямъ Лебона, я затрону вопросъ о національности съ единственной, по моему мнѣнію, интересной точки зрѣнія, а именно: можно ли дѣйствительно считать „историческую расу" Лебона такимъ обособленнымъ и прочнымъ цѣлымъ, которое на протяженіи всей исторической жизни отличается опредѣленной психической физіономіей и проводитъ извѣстные политическіе и общественные идеалы? Вѣрно ли, напр., то утвержденіе автора, „что латинскія расы" тяготѣютъ всегда и вездѣ къ государственной централизаціи (въ противоположность англо-саксонскимъ, стремящимся къ развитію индивидуума и мѣстныхъ свободъ)?

Достаточно самаго бѣглаго взгляда на исторію, чтобы убѣдиться въ ложности такого воззрѣнія. Можно ли, напр., серьезно говорить о централистическихъ тенденціяхъ и въ феодальной Франціи? Гдѣ, какъ не въ Италіи среднихъ вѣковъ, обнаруживается дробленіе политической власти на значительное количество

*) Goblet d'Alviella, *Ce que l'Inde doit à la Grèce;* Парижъ, 1897, стр. 56 (авторъ говоритъ о вліяніи грековъ на индусовъ не въ одномъ только искусствѣ, а и въ наукѣ и т. п.).

эпоху англійскаго Возрожденія и періодъ страстнаго аскетическаго порыва „Круглоголовыхъ“? Можно-ли представить себѣ, что великое измѣненіе національнаго характера совершилось чуть не въ теченіе одного поколѣнія? Правда, Лебонъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ въ пользу религіозныхъ идей исключеніе изъ общаго правила своей зоологической соціологіи, которая основана на вѣрѣ въ чрезвычайную неподвижность „расоваго характера“: нашъ авторъ можетъ, пожалуй, сказать, что въ данномъ случаѣ дѣло шло именно о вліяніи новаго религіознаго убѣжденія на психику людей. Но не говоря уже о томъ, что если допустить возможность быстраго преобразованія національнаго характера въ частномъ случаѣ, то его придется допустить и вообще,—не говоря уже объ этомъ соображеніи, опрокидывающемъ міровоззрѣніе Лебона, мы можемъ привести сколько угодно примѣровъ рѣзкаго измѣненія въ пресловутой „расовой душѣ“ въ незначительный промежутокъ времени и подъ вліяніемъ измѣнившихся соціально-политическихъ условій.

Мы достаточно хорошо знаемъ, напр., типъ средняго современнаго нѣмца, который со временъ политики насильственнаго объединенія очень любитъ превозносить свое „отечество“, а свою „націю“ ставитъ въ примѣръ добродѣтели всѣмъ прочимъ народамъ. Теперь скажите, много-ли походитъ этотъ типъ на мастреское изображеніе нѣмца начала этого столѣтія, изображеніе, которымъ мы обязаны перу умной и наблюдательной баронессы Сталь? Вотъ что мы читаемъ, дѣйствительно, въ ея „Германіи“:

Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, нѣмцы питаютъ черезчуръ много почтенія къ иностранцамъ и не обладаютъ въ достаточной степени національными предразсудками. И, однако, если въ отдѣльныхъ личностяхъ самоотверженіе и уваженіе къ другимъ являются достоинствомъ, то національный патріотизмъ долженъ быть эгоистичнымъ. Гордость англичанъ служитъ много въ пользу ихъ политическому существованію; хорошее мнѣніе французовъ о самихъ себѣ сильно способствовало ихъ престижу въ Европѣ; благородная гордость испанцевъ сдѣлала ихъ нѣкогда властелинами цѣлой части свѣта. Но нѣмцы представляютъ собой саксонцевъ, пруссаковъ, баварцевъ, австрійцевъ; германскій характеръ, на которомъ должна была бы основываться сила всѣхъ нѣмцевъ, такъ же раздробленъ, какъ и сама страна, обладающая столь многочисленными властителями *).

И разъ, цитируя Сталь, мы перешли на общественно-литературную почву, развѣ исторія идейныхъ теченій и литературныхъ направленій, въ которыхъ выражается „національная душа“, не полна примѣрами быстрыхъ измѣненій въ содержаніи и формѣ? Мало того, не отражаются-ли эти измѣненія въ душѣ извѣстнаго народа на подобныхъ же измѣненіяхъ у другихъ народовъ, благодаря волнамъ идейной заразительности, которая, вопреки мнѣ-

*) Madame de Staël, *De l'Allemagne* (цитирую по парижскому изданію 1847 г., стр. 16).

[illegible] кимной непроницаемости національныхъ характе-
[illegible] болѣе проникаетъ все цивилизованное человѣ-
[illegible], напр., вопросъ, поставленный еще въ 70-хъ го-
[illegible] русскимъ мыслителемъ относительно Франціи:

[illegible] мы встрѣчаемъ средневѣковую французскую эпику, ко-
[illegible] схоласты парижскаго университета въ XIII-мъ и
[illegible] были учителями Европы; придворные стихотворцы XVII-го
[illegible] подражателей; энциклопедія XVIII вѣка, въ свою оче-
[illegible] надъ европейскою мыслью. Сравнимъ эти четыре эпохи;
[illegible] менѣе вліятельную эпоху новаго французскаго роман-
[illegible] (я позволю прибавить здѣсь отъ себя теченіе француз-
[illegible] и французскаго же декадентства, которое находитъ комич-
[illegible] подражателей въ современной Россіи. Н. К.). Какую общую идею мы
[illegible] всѣхъ этихъ фазисахъ французской мысли, вліявшихъ болѣе или
[illegible] развитію человѣчества? Если отказаться отъ совершенно искусствен-
[illegible], то придется отказаться и отъ всякой идеи, общей всему
[illegible] ходу французской мысли. То же самое можно сказать и о ка-
[illegible] то ни было другихъ замѣтныхъ чертахъ какъ для Франціи, такъ и
[illegible] другихъ національностей. Общей идеи, проникающей всю исторію какой-
[illegible] націи, вовсе не оказывается *).

Съ тѣмъ же правомъ и съ еще большимъ интересомъ мы могли бы поставить вопросъ о „національной душѣ“ евреевъ, поставить именно теперь, когда разные Дрюмоны и т. п. „соціологи“ прокуркали намъ уши прирожденными и неистребимыми „чертами семитовъ“, въ которыхъ-де выражается зловредный характеръ этой „противообщественной расы“. Дѣйствительно, надо имѣть крѣпкую вѣру въ черепословіе, чтобы, подобно Лебону, зачислить евреевъ въ число „среднихъ“ расъ, которые, молъ, никогда не могутъ возвыситься до „цивилизаціи арійскихъ народовъ“. Есть-ли на самомъ дѣлѣ у евреевъ такія черты, которыя бы могли объясняться ихъ прирожденными и неподвижными свойствами, а не исторіей? Есть-ли у нихъ даже такія идеи, которыя бы проходили черезъ всю ихъ исторію безъ измѣненія? Мы видимъ евреевъ въ самомъ началѣ кочевниками, затѣмъ усердными земледѣльцами, наконецъ въ значительной степени подъ давленіемъ средневѣковыхъ предразсудковъ, загородившихъ имъ столько областей дѣятельности торговцами, ростовщиками, банкирами, ремесленниками вообще людьми городскихъ занятій, что осталось въ значительной мѣрѣ вѣрнымъ и до сихъ поръ. Можно-ли серьезно [illegible], что современники Авраама, Ирода-Агриппы, Маймонида и Ротшильдовъ отличаются тою-же „расовой душой“? Исключительность іудейской религіи, совпадающей почти съ національностью и нѣкоторыя патріархальныя черты крѣпко сплоченной [illegible] есть, въ сущности, двѣ болѣе или менѣе прочныя черты [illegible] массъ. Но историческія условія и въ частности пре-

---

*) Мартовъ, *Историческія письма*.

слѣдованія со стороны столькихъ народовъ достаточно объясняютъ, почему эта, такъ сказать, архаическая психологія не успѣла раствориться въ потокѣ современной цивилизаціи: всѣ внѣшнія условія слагались, за исключеніемъ незначительныхъ моментовъ, столь неблагопріятно, что этотъ интересный соціологическій опытъ такъ и не могъ быть произведенъ до сихъ поръ надлежащимъ способомъ. Словно преслѣдуемые рокомъ, евреи не могли имѣть достаточно времени для того, чтобы пріобщиться къ общему прогрессу человѣчества: XIX-ый вѣкъ, который впервые, казалось, сдѣлалъ шагъ въ этомъ направленіи, кончаетъ свое бурное существованіе печальнымъ недоразумѣніемъ, благодаря которому стремленіе къ лучшему соціальному строю почти повсюду совпадаетъ съ обостреніемъ демагогическаго антисемитизма.

Какъ бы то ни было, мы можемъ поставить вопросъ: какую общую идею можно найти въ аристотелизмѣ ученыхъ средневѣковыхъ евреевъ, величавомъ, но страшно абстрактномъ пантеизмѣ Спинозы и міровоззрѣніи поэтовъ-евреевъ и мыслителей-евреевъ нашего столѣтія вродѣ Гейне, Лассаля и Маркса, имена которыхъ неразрывно связаны съ міровымъ движеніемъ современной мысли? Тутъ кстати надо будетъ отмѣтить наивное причисленіе евреевъ Лебономъ къ средней расѣ, которая, молъ, не можетъ дойти до высшихъ сферъ арійской цивилизаціи, въ то время, какъ четыре цитированныя нами имени характеризуютъ величайшій подъемъ человѣческаго духа въ различныхъ областяхъ мысли и жизни. Чѣмъ не „арійцы“ въ такомъ смыслѣ эти гиганты ума, практической энергіи и поэтическаго творчества?..

— — — —

Но тутъ, я думаю, пора покончить съ серьезнымъ разборомъ соціологическихъ идей Лебона: мнѣ надо еще сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ трудѣ Лебона, о его пресловутой „Психологіи соціализма“, которая внушила мнѣ мысль написать эту статью. Рѣдко приходится встрѣчать книгу, столь претенціозную и въ то же время столь ничтожную по содержанію. Намъ дѣла нѣтъ, конечно, съ вами, дорогой читатель, до соціализма,—не такъ-ли? Но и друзья, и враги соціализма ровно ничего не найдутъ въ этомъ произведеніи, чего бы уже не было сказано безчисленное множество разъ, и сказано гораздо основательнѣе, и гораздо лучше. Даже относительное умѣнье изложенія покидаетъ на этотъ разъ Лебона, и на 479 страницахъ этой большого формата книги вы найдете очень много курьезныхъ соображеній на разныя темы, но толковой разработки „соціализма“, а тѣмъ болѣе его психологіи“ нѣтъ и слѣда. Во всякомъ случаѣ послѣ этого нападенія,—Лебонъ, какъ и можно было ожидать на основаніи его прежнихъ вещей, врагъ соціализма,—послѣ этого нападенія, говорю я, соціализмъ остается тамъ же, гдѣ и былъ, въ томъ же состояніи,

въ какомъ находился; и его противники могутъ даже опасаться, что походъ самоувѣреннаго „психолога“ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ аттакуемому міровоззрѣнію. Такъ мало видно у автора серьезнаго знанія разбираемаго предмета; такъ поверхностны его возраженія; и такъ необдуманно его критика выставляетъ положенія, которыя можно повернуть противъ взглядовъ самого автора и присныхъ съ нимъ по духу.

Знаменательно, что консервативный критикъ и самъ врагъ соціализма, Эмиль Фагэ, принужденъ начинать слѣдующимъ образомъ свой отзывъ о книгѣ Лебона, отзывъ, который онъ старается сдѣлать возможно хвалебнымъ:

Подъ заглавіемъ «Психологія соціализма» г. Густавъ Лебонъ даетъ намъ книгу, въ которой мало психологіи и не часто рѣчь заходитъ о соціализмѣ. Въ ней говорится о столкновеніи расъ; объ опасности отъ желтой расы; о вырождающихся; о неприсобленныхъ; о людяхъ университета, которые разсматриваются, впрочемъ, авторомъ то какъ неприспособленные, то какъ вырождающіеся; о національномъ воспитаніи; о высшемъ и среднемъ образованіи; и даже отъ времени до времени попадается параграфъ о соціализмѣ или о психологіи соціалиста. Ибо надо, конечно, говорить понемногу обо всемъ и даже объ очередномъ вопросѣ... Серьезно, эта книга черезчуръ набита разными вещами и черезчуръ составлена въ духѣ метода отступленій. Это словно Монтэнь... *).

Конечно, Фагэ можетъ сравнивать лишь иронически Лебона съ Монтэнемъ, который, несмотря на небрежный тонъ и растрепанный характеръ своихъ „опытовъ“, полонъ серьезныхъ и оригинальныхъ мыслей и тщательно провѣренныхъ фактовъ. Но если бы у меня было время и мѣсто говорить подробно о содержаніи лебоновской книги, то, смѣю увѣрить читателя, я могъ бы подобрать букетъ такихъ курьезовъ и коллекцію такихъ неожиданныхъ экскурсій въ различныя области, что это напомнило бы пеструю смѣну сценъ и уморительныхъ пассажей въ такъ называемыхъ „обозрѣніяхъ года“ (revues de l'année), даваемыхъ на подмосткахъ французскихъ театровъ. Въ этой фантасмагорической процессіи лицъ, фактовъ и сужденій читатель увидалъ бы Спенсера и Конта, зачисленныхъ въ соціалисты (стр. 43), и Мориса Баррэса, возведеннаго въ рангъ „проницательнаго мыслителя“ (стр. 65); и сужденіе о процессѣ неловкаго акушера Лапорта (стр. 95); и удивительное открытіе, что въ Германіи соціализмъ распространенъ въ особенности—surtout!—въ среднихъ и высшихъ классахъ (стр. 123); и не менѣе удивительное открытіе, будто соціалисты не понимаютъ того, что современное промышленное движеніе носитъ международный характеръ (стр. 257); и восхваленіе медленнаго возрастанія французскаго населенія (стр. 273); и скробную повѣсть мосьё Лебона насчетъ того, какъ

*) Emile Faguet, *Psychologie du socialisme*, въ «Revue bleue», № отъ 17-го декабря 1898 г. стр. 784.

онъ не могъ найти одного химическаго препарата въ Парижѣ, а принужденъ былъ выписать его изъ Берлина (стр. 285); и не менѣе скорбное признаніе въ томъ, что французскіе оптики не стоятъ нѣмецкихъ (стр. 298—299); и гипотетическую поѣздку буржуа, обиженныхъ будущимъ строемъ, въ Исландію... Эта послѣдняя картина дѣлаетъ, впрочемъ, такую честь воображенію автора, что я позволю себѣ остановить здѣсь непрерывную смѣну образовъ и пейзажей его волшебнаго фонаря и дать читателю возможность насладиться этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ. Итакъ, слушайте и трепещите, читатель:

Эта ненависть соціалистовъ по отношенію къ уму довольно основательна, ибо именно умъ и будетъ вѣчнымъ препятствіемъ, о которое разобьются ихъ идеи равенства. Предположимъ, что путемъ законодательной мѣры, подобной отмѣнѣ Нантскаго эдикта,—мѣры, которую соціалисты, будь они господами, быстро бы привели въ исполненіе,—всѣ высшіе умы Европы, ученые, артисты, крупные фабриканты, изобрѣтатели, самые лучшіе рабочіе и т. п. будутъ изгнаны изъ цивилизованныхъ странъ и принуждены искать убѣжища на какой-нибудь маленькой и почти необитаемой въ настоящее время территоріи, напр., въ Исландіи. Допустимъ, что при изгнаніи у нихъ не будетъ даже и одного су капитала. Несомнѣнно, однако, что, какъ ни бѣдна такая страна, она скоро сдѣлается первою въ мірѣ по цивилизаціи и богатству. Богатство это скоро приметъ такіе размѣры, что новая страна сможетъ содержать могущественную армію наемниковъ и не будетъ бояться никого. Я отнюдь не считаю неосуществимою въ будущемъ подобную гипотезу... *).

Помилуйте, любезный авторъ, какое „неосуществимою"!.. Я продолжаю ваше соціальное пророчество и уже провижу тотъ моментъ, когда, недовольные своей „первой въ мірѣ по цивилизаціи и богатству" Исландіей, „высшіе умы" устремятся съ арміей своихъ наемниковъ, словно новые Аргонавты, на вторичное завоеваніе золотого руна, благо у оставшагося въ „цивилизованныхъ странахъ" барана къ тому времени успѣетъ отрости новая шерсть... Гдѣ ты, Аполлоній Родосскій, или хоть ты, Валерій Флаккъ, чтобы воспѣть этотъ походъ новыхъ исландскихъ викинговъ-капиталистовъ?..

Но читателю, можетъ быть, будетъ все же интересно познакомиться въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ новой книги Лебона, несмотря на несерьезный характеръ ея. Я постараюсь удовлетворить этому желанію, принимая въ разсчетъ то обстоятельство, что, подобно другимъ трудамъ автора, она имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а какъ показатель извѣстнаго міровоззрѣнія. Достаточно, впрочемъ, немногихъ словъ, чтобы дать понятіе о „Психологіи соціализма". Болѣе, чѣмъ какая-либо изъ книгъ Лебона, она заслуживаетъ названіе „соціологіи человѣка-звѣря". Подъ вѣчный припѣвъ „расовой души" и „народнаго характера", авторъ развиваетъ взглядъ на „борьбу", какъ на ос-

*) *Psychologie du socialisme*, p. 349—350.

новной принципъ общества. И надо видѣть, съ какимъ наивнымъ самодовольствомъ онъ щеголяетъ своею свирѣпостью, оправдывая грабежъ и избіеніе негровъ бѣлыми ссылкою на барана, у котораго, молъ, есть „лишь одно признанное право отдавать свои котлеты существамъ, обладающимъ бо̀льшимъ мозгомъ, чѣмъ его собственный“ (стр. 377). Авторъ забываетъ, что даже въ животномъ царствѣ, рядомъ съ борьбой за существованіе, вырабатывается принципъ коопераціи, сотрудничества, солидарности; и съ точки зрѣнія грызни разсматриваетъ прошлое, настоящее и будущее человѣчества. Но тутъ Лебону вдругъ вспоминается, что и сама буржуазія не особенно довольна результатами хотя бы современной соціальной борьбы, опасаясь ея исхода для привилегированныхъ классовъ и рекомендуя замѣнить эту борьбу гармоніей интересовъ между враждующими сторонами. И вотъ, со свойственной всѣмъ буржуа непослѣдовательностью, Лебонъ начинаетъ говорить объ „ассоціаціи“ и „солидарности“, но смотритъ въ то же время на послѣднюю, какъ на „частную форму всеобщей битвы существъ и классовъ“ (стр. 395). Слѣдуетъ изложеніе разныхъ способовъ ассоціаціи и примиренія интересовъ,— товариществъ, участія въ прибыляхъ—причемъ авторъ прячетъ на время въ карманъ свою свирѣпую теорію бараньихъ котлетъ и даже проситъ носителей оныхъ не особенно обижать своими синдикатами тѣхъ „существъ съ бо̀льшимъ мозгомъ“, которые ѣдятъ уже упомянутыхъ барановъ...

Новый наплывъ мыслей, обращающихся среди буржуазіи, внушаетъ Лебону желаніе доказать, что современное общество падаетъ отъ существованія въ немъ разныхъ жалкихъ, лѣнивыхъ и злобныхъ существъ, которые „неприсоблены“ къ борьбѣ, а потому готовы при первомъ удобномъ случаѣ повалить этотъ строй, основанный на „естественныхъ различіяхъ“. Къ сожалѣнію, подобные люди находятъ себѣ вожаковъ, за которыми слѣпо слѣдуютъ; и авторъ въ такой степени увѣренъ въ успѣхѣ ихъ разрушительныхъ дѣйствій, что, приглашая своихъ единомышленниковъ „бороться противъ враговъ“, онъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими не особенно утѣшительными словами:

И когда мы будемъ думать про себя, то подобные совѣты столь же, можетъ быть, тщетны, какъ и пожеланія, высказываемыя у постели больного, дни котораго сочтены судьбой, то все же станемъ дѣйствовать такъ, какъ если бы мы не думали этого... *).

А первыя двѣ трети книги, спроситъ, пожалуй, внимательный читатель, слѣдя за цифрами цитируемыхъ нами страницъ? Эти двѣ трети заняты изложеніемъ авторскаго взгляда на происхожденіе соціализма, причемъ Лебонъ вынужденъ сдѣлать при-

*) Ibid., стр. 479.

знаніе, которое опрокидываетъ его теорію развитія народовъ на основаніи расовой психологіи:

Экономическіе факторы въ настоящее время имѣютъ громадное значеніе... Факторы психологическаго порядка, какъ-то раса, вѣрованія, мнѣнія имѣютъ также значительную важность. Ихъ вліяніе было нѣкогда даже преобладающимъ; теперь же стремятся взять верхъ экономическіе факторы... Общества, нѣкогда управляемыя въ особенности вѣрованіями, повинуются отнынѣ все болѣе и болѣе экономической необходимости *).

Но тутъ является вопросъ: разъ дѣло обстоитъ такъ; разъ, по мнѣнію Лебона, теперь царитъ экономическая необходимость, которая вызываетъ повсюду приблизительно одинаковыя явленія, то съ какой стати авторъ послѣ такого введенія снова возвращается къ своимъ излюбленнымъ „расовымъ" чертамъ и посвящаетъ весь третій отдѣлъ своей книги (123—245) „соціализму у разныхъ расъ"? Не удивительно, если, стараясь подогнать соціалистическія воззрѣнія къ расовымъ чертамъ,—отыскивая, напр., у „латинскихъ расъ" авторитарное понятіе о соціализмѣ, а у англосаксонцевъ начала невмѣшательства, — авторъ проходитъ мимо вещей, которыя, что называется, бросаются въ глаза, и преувеличиваетъ третьестепенныя детали. Какъ просмотрѣть, напр., что анти-государственный, анархическій соціализмъ именно и распространенъ главнымъ образомъ у „латинскихъ расъ", французовъ, итальянцевъ, испанцевъ? Какъ, съ другой стороны, игнорировать, что принципъ вмѣшательства государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ (въ формѣ рабочаго законодательства) былъ впервые примѣненъ въ Англіи, между тѣмъ, какъ французская буржуазія до сихъ поръ стоитъ за манчестерство въ этой области и съ невѣроятнымъ сопротивленіемъ сдѣлала здѣсь кой-какіе шаги всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Исторія, а не расовый характеръ объясняетъ эти явленія: раннее развитіе капитализма на англійской почвѣ; выдающаяся, почти монопольная роль, которую Англія играла на всемірномъ рынкѣ; сила рабочихъ союзовъ и т. п. экономическіе и соціальные факты (не говоря уже о политическихъ) въ достаточной степени опредѣляютъ разницу отношенія двухъ націй къ жизненнымъ вопросамъ современности.

Взглядъ автора на нѣмецкій соціализмъ приводитъ его къ довольно курьезному противорѣчію, которое показываетъ, что Лебонъ, кичащійся научною объективностью своихъ взглядовъ, въ сущности, отражаетъ въ нихъ зачастую самыя минутныя вѣянія и самые преходящіе предразсудки. На страницѣ 300 авторъ предсказываетъ, напр., что и нѣмцамъ предстоитъ экономическая гибель отъ „централизаціи, которой они подчинены съ нѣкоторыхъ поръ"; но что пока они берутъ верхъ „солидными качествами",

*) Ibid., стр. 3.

выработанными у нихъ прошлой исторіей, когда упомянутой централизаціи не было. Переверните всего нѣсколько страницъ назадъ — и вы увидите, что Лебонъ говоритъ о пользѣ „вліянія нѣмецкаго милитарнаго режима“, т. е. именно самаго могущественнаго средства выработки централизаціи и принципа государственности: въ арміи, изволите-ли видѣть,

молодой человѣкъ пріобрѣтаетъ качества порядка, правильности, самоотверженія, дисциплины, которыя ему будутъ очень полезны позже въ торговлѣ *).

Читатель, конечно, недоумѣваетъ, почему Лебонъ, который видитъ одну изъ причинъ превосходства англичанъ въ отсутствіи у нихъ громадныхъ армій и казарменнаго духа, приписываетъ этому же духу успѣхи нѣмцевъ въ торговлѣ; а, въ особенности, почему у самихъ нѣмцевъ казарма, парализующая склонность къ личной иниціативѣ и, несомнѣнно, ослабляющая предпріимчивость, можетъ тѣмъ не менѣе награждать прошедшихъ чрезъ ея школу молодыхъ людей коммерческими способностями... Не удивляйтесь, читатель: вы забыли, что на міровоззрѣніе Лебона и ему подобныхъ вліяетъ знаменитое „дѣло“, т. е. идейное движеніе, возникшее по поводу Дрейфуса **). Въ научномъ якобы трактатѣ о психологіи соціализма я насчиталъ не одинъ десятокъ очень прозрачныхъ намековъ на пагубную, молъ, агитацію, которую „интеллигенты“ ведутъ противъ „арміи“. Беру нѣсколько наудачу выбранныхъ примѣровъ: въ одномъ мѣстѣ (прим. къ стр. 295) авторъ съ язвительностью, которую, очевидно, считаетъ неотразимою, смѣется надъ „молодыми интеллигентами“, которые должны-де понять, что „они могутъ сохранить способность культивировать мирно столь дорогое имъ *я* (но вѣдь это, о почтенный г. Лебонъ, было занятіемъ вашего „проницательнаго мыслителя“, Мориса Баррэса!), лишь поменьше презирая свое отечество и гораздо больше уважая армію, которая только и можетъ защищать его“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ возвышается до трагической прозы Милльвуа, Жюдэ и Деруледа: „армія, послѣдняя колонна этого зданія, единственная, которая могла бы еще поддерживать его—рушится, и именно между образованными людьми и вербуются въ настоящее время ея злѣйшіе враги“ (стр. 390). И немедленно вслѣдъ за этимъ обрушивается даже на современную армію, основанную на всеобщей воинской повинности, находя ее еще не достаточно пропитанной профессіональнымъ духомъ: „какія чувства касты могутъ имѣть эти толпы народа, проводя въ полку время, которое достаточно лишь для того, чтобы испытать неудобства военнаго ремесла и возымѣть къ нему отвращеніе“?

*) Ibid., стр. 296.

**) Объ этомъ дѣлѣ см. въ послѣдующихъ письмахъ.

(стр. 390). Авторъ тутъ же сообщаетъ намъ о своемъ намѣреніи разработать въ будущемъ трудѣ о „психологіи войны“ мысль о необходимости располагать профессіональной арміей въ 300,000 человѣкъ, полезной для „защиты соціальнаго порядка“, а не теперешними „недисциплинированными бандами, не обладающими ни сопротивленіемъ, ни военными достоинствами, и болѣе опасными для тѣхъ, которые пожелали бы пустить ихъ въ ходъ, чѣмъ для ихъ враговъ“ (см. стр. 390—391, общій смыслъ которыхъ очень ясенъ: это программа того генерала, который требуетъ, чтобы армія была „соціальной жандармеріей“!).

Весь четвертый параграфъ четвертой главы въ первой части посвященъ Лебономъ критикѣ, — очевидно, навѣянной современными событіями, — тѣхъ „полуученыхъ и доктринеровъ“, тѣхъ „недовольныхъ, сфабрикованныхъ университетомъ, которые дѣйствуютъ, потрясая идеи, и представляютъ собой, благодаря умственному анархизму, поражаемому ими, одинъ изъ самыхъ разъѣдающихъ агентовъ разрушенія“ (стр. 69). А сколько бы можно было найти у Лебона подобныхъ аттакъ во всѣхъ мѣстахъ книги!

Думаю, впрочемъ, что мнѣ нечего больше останавливаться на „Психологіи соціализма“, разсужденія которой достаточно извѣстны теперь читателю, а фактическая сторона основана на случайномъ газетномъ матеріалѣ, набранномъ съ бору по сосенкѣ, причемъ авторъ обнаруживаетъ неимовѣрное незнаніе литературы вопроса, о которомъ собрался трактовать, вплоть до матеріаловъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому, кто только слегка занимался политической экономіей и статистикой... Напоминаю читателю еще разъ: я счелъ своимъ долгомъ довольно подробно изложить міровоззрѣніе Лебона и подвергнуть его критикѣ не потому, что авторъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія, а потому, что онъ типичный сынъ современнаго мѣщанства, и въ его „соціологіи человѣка-звѣря“ выражены мысли и стремленія значительнаго большинства имущихъ и правящихъ классовъ...

О марксизмѣ вообще по поводу французскаго марксизма въ частности *).

(*Письмо одиннадцатое*).

Настоящій этюдъ будетъ посвященъ мною вопросу, который носитъ болѣе общечеловѣческій, чѣмъ спеціально французскій характеръ: я избираю темой этой статьи марксизмъ. Но само собою

*) Настоящій этюдъ, не появившійся въ свое время благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, былъ написанъ въ концѣ 1897 г Я даю его здѣсь въ первоначальномъ видѣ, хотя вопросъ о «кризисѣ марксизма» вызвалъ те-

разумѣется, что, и говоря объ этомъ міросозерцаніи, я буду, главнымъ образомъ, опираться на французскій (оригинальный или переводный) матеріалъ, позволяя себѣ лишь время отъ времени выходить изъ роли корреспондента съ береговъ Сены и совершать умственныя экскурсіи въ другія страны.

Положительно или отрицательно, принимаемый за догматъ или отвергаемый, какъ невѣрное обобщеніе, „экономическій матеріализмъ" начинаетъ и по сю сторону Рейна становиться довольно замѣтнымъ элементомъ общественной жизни и мысли. Ироніи судьбы угодно было, чтобы элементъ вѣры и субъективнаго убѣжденія игралъ важную роль какъ разъ въ поклонникахъ того міросозерцанія, которое гордится именно научностью и объективностью своей критики. Здѣсь является даже любопытный психологическій вопросъ: по мѣрѣ того, какъ ростетъ число приверженцевъ марксизма и, стало быть, увеличивается количество учениковъ и комментаторовъ доктрины, не замѣчается-ли и такого возрастанія въ различныхъ толкованіяхъ основной формулы, которое парализуетъ численное расширеніе ея сторонниковъ и разбиваетъ на различные куски это цѣльное міровоззрѣніе? Я не рѣшусь отвѣтить на этотъ вопросъ такъ утвердительно, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Андлэръ, авторъ интересной и документальной книги „о происхожденіи государственнаго соціализма въ Германіи" *), который заканчиваетъ одну изъ своихъ критическихъ статей въ спеціальномъ философскомъ журналѣ словами:

Это послѣднее и общее основаніе, въ связи съ частными основаніями, изложенными выше, заставляетъ насъ провозгласить марксизмъ устарѣлой доктриной. Конечно, обломки отъ нея еще остаются; но сама система распадается. Она даетъ намъ вмѣсто науки рядъ недоказуемыхъ гипотезъ. А гипотезы, которыми остроумные ученики пытаются поддержать разрушающуюся систему, компрометтируютъ ее еще болѣе. Въ довершеніе же всего, ученики эти, удаляясь отъ Маркса, не могутъ столковаться между собой; а это является однимъ изъ немаловажныхъ симптомовъ разложенія марксизма **).

Въ этомъ мнѣніи есть извѣстное преувеличеніе. Андлэръ вообще не любитъ Маркса; и міровоззрѣніе, связанное съ именемъ этого мыслителя, настолько антипатично ему, что даже въ чисто эко-

---

перь цѣлую литературу: читатель увидитъ изъ этой статьи, что четыре года тому назадъ и еще до выступленія Бернштейна «переоцѣнка» марксистскаго міровоззрѣнія висѣла, что называется, въ воздухѣ; и нѣкоторые изъ моихъ вопросовъ и сомнѣній, обращенныхъ къ «русскимъ ученикамъ», предвосхищали до извѣстной степени современное настроеніе этихъ теоретиковъ. Замѣчу лишь, во избѣжаніе недоразумѣнія, что я какъ былъ врагомъ метафизики, такъ и остался имъ; равно какъ всѣми силами души я возстаю противъ буржуазно-филистерскаго элемента въ новомъ міровоззрѣніи Бернштейна и его сторонниковъ.

*) Charles Andler, *Les origines du socialisme d'Etaten Allemagne*: Парижъ, 1897.

**) *Conception matérialiste de l'histoire*; въ парижской «Revue de métaphysique et de morale»; 1897, сентябрь, стр. 698.

номическомъ смыслѣ онъ расхваливаетъ, напр., Родбертуса съ худо скрываемымъ желаніемъ умалить научное значеніе Маркса (см. его большую цитированную выше книгу). Но что, по моему крайнему убѣжденію, должно констатировать относительно марксизма, такъ это извѣстный кризисъ, который это ученіе переживаетъ съ теоретической стороны въ то самое время, какъ практическое значеніе его приверженцевъ усиливается. Однако ростъ практическаго марксизма не есть еще достаточная гарантія въ томъ, что параллельно съ этимъ ростетъ, укрѣпляется и вырабатывается въ деталяхъ сама основная доктрина. Настоящая статья именно и является попыткой по возможности объективно представить ту новую ступень развитія теоретическаго марксизма, которая характеризуется стараніями различныхъ учениковъ объяснить тѣ или иныя соціальныя явленія на основаніи общей формулы, причемъ эти объясненія порою настолько далеко расходятся другъ отъ друга, что превращаются почти въ прямыя противорѣчія.

Мнѣ хотѣлось бы, впрочемъ, съ самаго начала указать, какова та точка зрѣнія, на которую я становлюсь при оцѣнкѣ современнаго марксизма: это устранитъ сразу нѣкоторыя недоразумѣнія и дастъ возможность читателю скорѣе оріентироваться въ характерѣ предлагаемой статьи. Я смотрю на „экономическій матеріализмъ“ (наичаще употребляемый терминъ), какъ на одну изъ самыхъ послѣднихъ и интересныхъ попытокъ открыть общій законъ, управляющій человѣческимъ общежитіемъ и объясняющій смѣну различныхъ историческихъ формъ. Попытка эта обратила вниманіе изслѣдователей на важную сторону нашей коллективной жизни, которая недостаточно была оцѣнена раньше историками и соціологами: я говорю о развитіи техники. Что же касается до общаго объясненія соціологическихъ явленій, то эта попытка принесла новый и очень значительный элементъ для рѣшенія вопроса, но рѣшить его не рѣшила, подобно своимъ предшественницамъ, видѣвшимъ въ одномъ какомъ-нибудь кругѣ явленій основаніе всего общежитія. Можно надѣяться, что усилія сторонниковъ экономической формулы прольютъ свѣтъ на нѣкоторые частные вопросы. Но врядъ-ли можно сомнѣваться, что въ результатѣ ихъ не получится общаго соціологическаго закона,—даже предполагая, что можно найти одинъ такой основной законъ для безконечно-сложной и пестрой игры общественныхъ элементовъ. Это очень огорчительно для современныхъ изслѣдователей. Но лучше констатировать эту новую неудачу (вѣрнѣе сказать: эту новую частную удачу) и продолжать искать все болѣе и болѣе обобщающихъ гипотезъ, чѣмъ успокоиться на мысли, что у насъ уже имѣется всеобъясняющая теорія...

Затѣмъ, мнѣ хотѣлось бы установить и нѣкоторые пункты міровоззрѣнія, относительно которыхъ между мною и такъ называемыми марксистами не будетъ, вѣроятно, разногласія: эти

пункты — детерминизмъ, монизмъ и (методологическій) матеріализмъ. Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Подобно марксистамъ, я детерминистъ, т. е. полагаю, что все, происходящее въ мірѣ, совершается на основаніи закона причинности: все, вырывающееся изъ рамокъ причинности, относится къ области чудеснаго и составляетъ предметъ вѣры, у которой есть своя опредѣленная область; но здѣсь мы говоримъ лишь объ обыкновенномъ ходѣ нашихъ простыхъ земныхъ явленій и житейскихъ дѣлъ, научное пониманіе которыхъ немыслимо внѣ закона причинности.

Подобно марксистамъ, я монистъ, т. е. склоняюсь къ тому философскому міровоззрѣнію, согласно которому явленія матеріи и явленія духа должны разсматриваться лишь какъ два различные вида, двѣ различныя формы проявленія одного и того же начала. Я, пожалуй, готовъ былъ бы сказать вмѣстѣ съ Наторпомъ, котораго цитируетъ въ своей недавней (громоздкой и перехваленой) книгѣ Рудольфъ Штамлеръ:

> Требованіе монизма понять все доступное опыту въ единствѣ законосообразной связи должно быть признано не только лишь какъ идеалъ, можетъ быть, не осуществимый,—но и какъ основной законъ науки *).

готовъ, повторяю, былъ бы подписаться подъ этимъ требованіемъ, не будь оно поставлено современной идеалистической реакціей въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, я стою за единство міровоззрѣнія и основного начала его, если оставить въ сторонѣ то направленіе, въ которомъ желаютъ перегнуть его современные идеалисты. И здѣсь я подхожу къ третьему пункту.

Подобно марксистамъ, я матеріалистъ, т. е. разъ на основаніи монизма существуетъ лишь два способа выражать *въ послѣднемъ счетѣ* всѣ явленія, а именно: или въ терминахъ сознанія (идеализмъ), или въ терминахъ механическихъ (матеріализмъ), то я стою за послѣдній способъ. Но тутъ мнѣ надо объясниться, и объясниться въ двѣ противоположныя стороны. Опять таки я нисколько не касаюсь области чудеснаго. Я веду рѣчь здѣсь не о вопросахъ вѣры, а лишь о способѣ научнаго пониманія обыкновенныхъ явленій, и полагаю, что наиболѣе удачнымъ методомъ изслѣдованія и изложенія является матеріалистическій. Вспомните великолѣпную лекцію Гёксли о „физическомъ основаніи жизни", этой протоплазмѣ, которая, очевидно, должна быть одной и той же, какъ увѣряетъ насъ съ англійскимъ humour'омъ знаменитый ученый, будетъ-ли она служить „физическимъ основаніемъ жизни" самого Гёксли, или того барана, къ котлетѣ котораго естествоиспытатель обратится вслѣдъ за лекціей для подкрѣпленія своихъ

*) *Rudolf Stammler, Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung*; Лейпцигъ, 1896, эпиграфъ къ третьей книгѣ, трактующей о «монизмѣ соціальной жизни».

истраченныхъ силъ, или, наконецъ, того гомара, который въ случаѣ кораблекрушенія съѣстъ самого остроумнаго лектора *). Это единство органическихъ элементовъ въ различныхъ формахъ жизни вплоть до самыхъ высшихъ не мѣшаетъ, однако, Гёксли рѣшительно отбрасывать наивную „матеріалистическую философію“ и лишь удерживать для научнаго удобства „матеріалистическую терминологію“ **).

Но я замѣчаю, что примѣръ Гёксли позволяетъ мнѣ объясниться и въ противоположную сторону, т. е. обращаясь лицомъ именно къ матеріалистамъ наивнаго типа. Несомнѣнно, что протоплазма будетъ всегда протоплазмой, чьей бы жизни она ни служила „физическимъ основаніемъ“. И, однако, для насъ далеко не одно и то же, будетъ-ли она поддерживать существованіе Гёксли, барана или гомара: специфическія особенности, которыя она принимаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, получаютъ такую громадную важность, что съ человѣческой точки зрѣнія эти формы оставляютъ совершенно въ тѣни біологическое основаніе, становящееся, наоборотъ, блѣднымъ научнымъ отвлеченіемъ. Или, если мы хотимъ еще болѣе расширить нашъ матеріалистическій базисъ, мы можемъ свести въ послѣднемъ счетѣ всѣ явленія мірозданія къ матеріи и ея движенію. Но не забудемъ же, что какъ ни вѣрно это съ абстрактной точки зрѣнія, мы не можемъ оставаться на этой почвѣ при рѣшеніи жизненныхъ и практическихъ задачъ, которыя требуютъ, наоборотъ, различенія тѣхъ опредѣленныхъ специфическихъ формъ, въ какихъ проявляется при данныхъ условіяхъ часть движущейся матеріи. Иначе мы „провалимся въ собственное наше глубокомысліе“, какъ выразился, говоря о механической необходимости и нашихъ идеалахъ и стремленіяхъ, Н. К. Михайловскій.

Итакъ, вотъ то міровоззрѣніе, которое положено въ основаніе этой статьи. Я попрошу читателей имѣть это въ виду при дальнѣйшемъ моемъ изложеніи: мнѣ бы крайне желалось, чтобы въ случаѣ полемики, могущей возникнуть по поводу настоящаго этюда, возраженія дѣлались по существу, и споръ велся по дѣйствительно спорнымъ вопросамъ, а не насчетъ того, въ чемъ и я и мои возможные возражатели не расходимся. Что касается полемики, то я призываю ее всѣми силами моей души, и хотѣлъ бы думать, что она будетъ достойна людей, воодушевленныхъ любовью къ истинѣ и, мало того, желающихъ дѣйствовать во имя убѣжденія, являющагося для нихъ истиной... Я жду противниковъ безъ фанфаронства, но и безъ малодушія и, говоря такъ, я разсчитываю на русскихъ марксистовъ: если имъ дорого ихъ

*) Thomas Henry Huxley „*Lay Sermons, Addaresses and Reviews*“, Лондонъ и Нью-Іоркъ. 1871, 3-е изд., стр. 132—133.

**) L. c., стр. 139.

міровоззрѣніе, они, конечно, постараются разъяснить тѣ недоразумѣнія, которыя ихъ доктрина вызываетъ въ людяхъ, относящихся безъ предубѣжденія къ этой новой соціологической гипотезѣ, но до сихъ поръ чувствующихъ ея недостаточность.

Правда, сторонники этого міровоззрѣнія не пріучили насъ къ спокойному и сдержанному обсужденію спорныхъ вопросовъ. Но даже и это не бѣда.

Я бы лишь попросилъ ихъ удержать могущій возникнуть споръ на высотѣ самого предмета и не прибѣгать къ той личной и раздражительной полемикѣ, которая совершенно естественно вызываетъ такой же отпоръ и съ другой стороны. Ибо: non oportere maledici Senatoribus, remaledici civile fasque esse, т. е. „не подобаетъ поносить сенаторовъ, но отвѣчать на ихъ поношенія и прилично, и дозволительно",—это уже давно сказалъ одинъ римскій императоръ...

Я главнымъ образомъ буду имѣть дѣло въ этой статьѣ съ тѣми комментаріями марксизма, какіе даетъ намъ Антоніо Лабріола. Авторъ, собственно говоря, итальянецъ. Но объ немъ стали больше толковать со времени появленія по французски его „Опыта матеріалистическаго воззрѣнія на исторію" *). Книжка эта составилась изъ двухъ этюдовъ, которые были написаны Лабріолой для парижскаго марксистскаго журнала „Le Devenir Social", но были напечатаны здѣсь немногимъ позже появленія ихъ въ итальянскомъ оригиналѣ. Одинъ изъ этихъ этюдовъ носитъ названіе „Объ историческомъ матеріализмѣ" (терминъ, который предпочитается, какъ извѣстно, Энгельсомъ), и оба связаны общимъ заглавіемъ „Опыта", которое мы выше цитировали **).

Французскій переводъ сдѣланъ почти вездѣ добросовѣстно, можетъ быть, порою черезчуръ буквально и въ общемъ передаетъ довольно вѣрно впечатлѣніе отъ итальянскаго оригинала, въ которомъ теченіе бойкой и красивой фразы прерывается время отъ времени тяжелыми періодами въ страницу, вычурными сравненіями и неуклюже построенными предложеніями. Когда натыкаешься на эти пороги, невольно вспоминаешь книжку соотечественника автора Бонги (Bonghi), задававшагося вопросомъ, „почему итальянская литератра не популярна въ Италіи (*Perchè la leteratura italiana non è popolare in Italia*)... Надо замѣтить, впрочемъ, что мѣстами французскій переводъ отклоняется отъ оригинала и отклоняется не въ способѣ выраженія, а по существу. Одни изъ этихъ отклоненій можно считать простыми поправками: такъ, говоря о русской общинѣ, итальянскій ори-

*) Antonio Labriola. *Essais sur la conception matérialiste de l'histoire*: Парижъ, 1897.

**) Prof. Antonio Labriola, *In memoria del Manifesto dei comunisti*; Римъ, 1895 (2-е изд); и *Del materialismo storico*; Римъ 1896. Общее названіе обоимъ томикамъ, *Saggi intorno alla concezione materialistica della storia*.

гинаѣ считаетъ ее „послѣднимъ остаткомъ первобытнаго земельнаго коммунизма“ (gli ultimi avanzi del comunismo primitivo agrario) *), тогда какъ французскій переводъ выражается менѣе увѣренно: „остатки земельнаго коммунизма, будемъ-ли мы разсматривать его происхожденіе за первоначальное, или же за производное“ (que ses origines soient primitviesou secondaires) **). Но въ другихъ мѣстахъ французскій переводъ явно измѣняетъ фразу подлинника съ цѣлью рѣзче подчеркнуть ноту марксизма. Это особенно поразило меня въ двухъ случаяхъ. По поводу, мнѣнія, желающаго ставить нравственный складъ даннаго лица въ непосредственную зависимость отъ его матеріальныхъ условій, самъ Лабріола выражается такъ:

Только развѣ какому-нибудь кретину могло придти въ голову утверждать, что личная мораль каждаго человѣка находится въ прямомъ отношеніи къ его личному экономическому положенію. Это не только эмпирически ложно, но и по существу нераціонально. Принимая во вниманіе эластичность психическаго механизма, никогда невозможно свести развитіе отдѣльныхъ личностей къ типу класса или общественнаго состоянія ***).

Во французскомъ же переводѣ послѣдняя фраза читается слѣдующимъ образомъ:

Принимая во вниманіе *естественную* эластичность психическаго механизма, *а также тотъ фактъ, что никто не живетъ столь замкнуто въ своемъ классѣ, чтобы не испытывать вліянія другихъ классовъ, общей среды и перекрещивающихся традицій*, никогда не возможно свести развитіе каждой личности къ *отвлеченному и родовому* типу класса или общественнаго состоянія****).

Французскій переводчикъ находитъ, очевидно, въ итальянской редакціи черезчуръ большую уступку индивидуальнымъ качествамъ человѣка и старается ослабить эту мысль, выдвигая и тутъ вліяніе классовъ, о которомъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, и помину нѣтъ въ подлинникѣ, и прибавляя отъ себя всю подчеркнутую мною фразу.

Въ другомъ мѣстѣ ортодоксальный марксизмъ переводчика проявляется еще рѣзче. Дѣло идетъ о взглядѣ Лабріолы на исторію, какъ на нѣчто цѣльное (мы возвратимся еще къ этому вопросу). Самъ авторъ пишетъ:

Здѣсь мы находимся среди органическаго воззрѣнія на исторію. Здѣсь передъ нашимъ умомъ возстаютъ совокупность и единство общественной жизни. Здѣсь сама экономія растворяется въ теченіи процесса, чтобы проявиться затѣмъ въ рядѣ морфологическихъ стадій, на каждой изъ которыхъ она служитъ *относительнымъ* фундаментомъ остального, *являющагося соотвѣтствующимъ ей и подходящимъ къ ней* (элементомъ) *****).

*) *Essais*, стр. *161*.
**) *Del materialismo storico*, стр. *44*.
***) Ibid., стр. 117—118.
****) *Essais*, стр. 249.
*****) *In memoria*, стр. 90.

Во французскомъ переводѣ вся послѣдняя фраза сжата въ короткое предложеніе:

. . . . . морфологическихъ стадій, на каждой изъ которыхъ она служитъ фундаментомъ для всего остального *).

Чего, молъ, тутъ еще „относительнымъ“ фундаментомъ, и для чего эти эпитеты „соотвѣтствующій“ и „подходящій“, приставленные къ „остальному“! Сказалъ просто: „служитъ фундаментомъ всему“—и дѣло съ концомъ: и короче, и яснѣй!

Я не берусь, впрочемъ, рѣшить, кому собственно принадлежатъ эти поправки: сдѣлалъ-ли ихъ самъ авторъ, пересматривая французскій переводъ, или же переводчикъ взялъ на себя этотъ грѣхъ. Во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, я буду исключительно пользоваться итальянскимъ оригиналомъ, ибо этюдъ Лабріолы можетъ вызвать возраженія и среди самихъ марксистовъ, и надо, чтобы читатель былъ поставленъ къ подлиннику по возможности лицомъ къ лицу, facies ad faciem.

Наиболѣе интересной мыслью Лабріолы является слѣдующій взглядъ на исторію, который онъ заранѣе противополагаетъ возраженію возможнаго противника:

Но, значитъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы распространить на объясненіе всей исторіи одинъ экономическій факторъ?—Историческіе факторы! Но, вѣдь, это выраженіе эмпириковъ-изслѣдователей (empiristi della ricerca), абстрактныхъ анализаторовъ или идеологовъ, повторяющихъ Гердера. Общество есть комплексъ, или организмъ, какъ говорятъ тѣ, которые охотно употребляютъ этотъ двусмысленный образъ и затѣмъ теряются въ разглагольствованіяхъ о значеніи и аналогичномъ употребленіи такого выраженія. Этотъ комплексъ выработался и измѣнился нѣсколько разъ. Какъ объяснить эти измѣненія?.. Человѣкъ дѣлалъ свою исторію не путемъ метафорической эволюціи и не пробѣгая по линіи предначертаннаго процесса. Онъ дѣлалъ ее, создавая для самого себя условія, т. е. вырабатывая, при помощи труда, искусственную среду и развивая постепенно свои техническія способности и накопляя и преобразуя продукты своей дѣятельности внутри этой среды. У насъ есть только одна исторія, и мы не можемъ сблизить эту реальную, дѣйствительно происшедшую исторію, съ другой, которая возможна лишь въ представленіи. Гдѣ же найти законы этого образованія и развитія? **).

И, незамѣтно для себя перейдя къ характеристикѣ буржуазнаго общества, къ наукѣ политической экономіи, къ относительности ея законовъ, къ теоріи борьбы классовъ, авторъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ окончательно свою точку зрѣнія:

Относительность экономическихъ законовъ была открыта; но въ то же самое время была подтверждена ихъ относительная необходимость. И въ

---

*) *Essias*, стр. 107.

**) *In memoria*, стр. 79—80 и 81—82.

этомъ весь методъ и основаніе новаго матеріалистическаго воззрѣнія на исторію. Ошибаются тѣ, которые, называя это экономическимъ истолкованіемъ исторіи, думаютъ все понять и все объяснить. Названіе это подходитъ лучше къ нѣкоторымъ аналитическимъ попыткамъ (напр., Роджерса), которыя, выдѣляя (pigliando a parte). съ одной стороны, экономическія формы и категоріи, а, съ другой, хотя бы право, законодательство, политику, обычаи, изучаютъ взаимное вліяніе различныхъ сторонъ жизни, отличаемыхъ одна отъ другой этимъ абстрактнымъ и субъективнымъ способомъ. Наше дѣло совсѣмъ другое. Здѣсь мы находимся среди органическаго воззрѣнія на исторію. Здѣсь передъ нашимъ умомъ возстаютъ совокупность и единство общественной жизни. Здѣсь сама экономія растворяется въ теченіи процесса, чтобы проявиться затѣмъ въ рядѣ морфологическихъ стадій, на каждой изъ которыхъ она служитъ относительнымъ фундаментомъ остальнаго, являющагося соотвѣтствующимъ ей и подходящимъ къ ней (элементомъ). Вообще говоря, дѣло идетъ не о томъ, чтобы распространить такъ называемый экономическій факторъ, изолированный абстракціей, на все остальное, какъ болтаютъ наши противники; но, наоборотъ, дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы понять съ исторической точки зрѣнія *экономику* и объяснить всѣ остальныя измѣненія при помощи ея измѣненій. И въ этомъ заключается отвѣтъ на всевозможныя критики, поднимающіяся со всѣхъ концовъ ученаго или мало знающаго невѣжества, не исключая тѣхъ соціалистовъ, которые незрѣлы, сантиментальны или истеричны (?! Н. К.) *).

Въ другомъ своемъ этюдѣ Лабріола возвращается не разъ къ рѣзкому осужденію пріема, который состоитъ въ выдѣленіи экономическихъ факторовъ и противоставленіи ихъ другимъ. Такъ, по его мнѣнію, марксистская

доктрина не даетъ какого бы то ни было субъективнаго предпочтенія извѣстной суммѣ спеціальныхъ человѣческихъ интересовъ (una certa qualità e somma d'interesse humani), противополагаемыхъ произвольно другимъ интересамъ, но указываетъ лишь на объективную координацію и подчиненіе всѣхъ интересовъ въ развитіи всякаго общества,—и указываетъ на это при помощи того генетическаго процесса, который заключается въ ходѣ мысли отъ условій къ обусловливаемому и отъ созидающихъ элементовъ къ созданнымъ вещамъ **).

Здѣсь, я полагаю, слѣдуетъ остановиться и, — какъ бы это сказать? — устроить нѣкоторый плебисцитъ между марксистами по вопросу о томъ, позволительно или нѣтъ выдѣлять экономическій факторъ изъ совокупности соціологическихъ явленій и приписывать ему преобладающую роль. До сихъ поръ ученики Марка если не ошибаюсь, стояли за такую операцію. И, не выходя изъ предѣловъ Франціи, я могу указать на безчисленное множество случаевъ, въ которыхъ и теоретики, и практики марксизма именно такъ смотрѣли на предметъ. Такъ, популяризаторъ „Капитала", Габріэль Девилль, говоритъ въ предисловіи къ своей книжкѣ о „матеріальныхъ интересахъ", ***) которые являются движущей пружиной исторіи. Еще рѣзче выразился агитаторъ марксистской

*) Ibid., стр. 90—91.
**) *Del materialismo*, стр. 10.
***) Gabriel Deville, *Le capital de Carl Marx;* Парижъ, 1884, стр. 4 («Préface»).

[illegible] Карл [illegible] по поводу постановки кандидатуры [illegible] какъ [illegible]каго, такъ и умственнаго труда, [illegible] „Если намъ должно разсчитывать въ [illegible] лишь на *безразличіе*, то намъ остается только рас[illegible] опирается ни на что иное, какъ [illegible] въ удовлетвореніи, которая гордится [illegible] (le parti du ventre), и взываетъ лишь [illegible] *). Соціологъ и философъ французской школы Маркса—я говорю о Полѣ Лафаргѣ—не любитъ, [illegible] „матеріальныхъ факторахъ", замѣняя ихъ по [illegible] „экономической среды" **). Но и онъ въ практическихъ приложеніяхъ выдѣляетъ „интересы и потребности, вырабатывающіе „справедливость и мораль" даннаго общества ***).

Но все это [illegible]. Обратите, однако, вниманіе на [illegible] котораго можно считать вмѣстѣ съ Маркомъ за [illegible]. Я позволю себѣ привести [illegible] интересной переписки, кото[illegible] нѣмецкихъ марк[illegible].

[illegible] выводящія въ исторію, производство и [illegible] *в послѣдней инстанціи* опре[illegible] никогда не утверждали ни[illegible] экономическій моментъ [illegible] этого предложенія дѣ[illegible] экономическое положеніе [illegible] надстройки—полити[illegible]—политическій строй, кото[illegible] борьбы,—юридиче[illegible] борьбы въ мозгу уча[illegible] философскія теоріи, рели[illegible] ихъ сторонниковъ, вліяютъ [illegible] опредѣляютъ ее, въ [illegible] одинъ на другой, и, въ [illegible] побѣдить среди [illegible], внутренняя связь [illegible] можемъ принимать ее [illegible] приложеніе теоріи къ данному [illegible] уравненія первой степени. [illegible] прежде всего при очень опре[illegible] Между ними экономическія условія [illegible] Но политическія и т. п. условія [illegible] призракомъ въ головѣ людей (la tradition qui

[illegible] „Le Citoyen de Paris". № отъ 22 іюля 1881 г.

[illegible] *Le matérialisme économique de Karl Marx*; Парижъ, [illegible] брошюрами.

[illegible] вопросъ въ брошюрѣ *Idéalisme et matérialisme dans la* [illegible] *Conférence de Jean Jaurès et réponse de Paul La*[illegible] стр. 26.

hante la tête des hommes), играютъ въ свою очередь роль, даже если бы она и не была рѣшающей. Прусское государство родилось и развилось, напр., точно также вслѣдствіе историческихъ условій, и въ послѣдней инстанціи экономическихъ...

Я хотѣлъ было остановиться здѣсь и снова повторить вопросъ, съ которымъ я обращаюсь къ марксистамъ: дозволительно или недозволительно выдѣлять экономическіе „факторы", „моменты", „условія" и т. д. (называйте какъ угодно). Но разсужденія Энгельса настолько интересны сами по себѣ, что я пока оставлю упомянутый вопросъ въ сторонѣ, а буду продолжать цитировать наиболѣе типичныя мѣста изъ переписки учителя, чтобы сразу сгруппировать самые послѣдніе взгляды его на предметъ и не возвращаться къ нимъ по частямъ. Итакъ, я принимаюсь снова за прерванную цитату;

. . . . Но нельзя утверждать, не будучи педантомъ, что между многочисленными маленькими государствами Сѣверной Германіи, Бранденбургу было предназначено вслѣдствіе экономической необходимости, а не вслѣдствіе еще и другихъ моментовъ (прежде всего, его отношеній—благодаря обладанію Пруссіей—къ Польшѣ, отношеній, втягивавшихъ его въ международную политику, что имѣетъ одинаково рѣшающее значеніе и для выработки могущества Австрійскаго дома) сдѣлаться великой державой, въ которой воплотилась экономическая, лингвистическая, а, со времени реформаціи, и религіозная разница между Сѣверомъ и Югомъ. Трудно, не поставивъ себя въ смѣшное положеніе, объяснить экономически существованіе каждаго изъ маленькихъ нѣмецкихъ государствъ прошлаго и настоящаго времени, или причины перемѣщенія согласныхъ въ Hoch Deutsch'ѣ.

...Изъ того, что личная воля каждаго индивидуума (желающаго того, къ чему толкаютъ его темпераментъ и экономическія обстоятельства, личныя или общественныя) не реализуетъ того, къ чему стремится; изъ того, что всѣ эти воли сливаются въ одинъ средній итогъ, въ одну общую равнодѣйствующую, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что ихъ должно приравнивать нулю. Наоборотъ, каждая личность участвуетъ въ созданіи равнодѣйствующей и въ этомъ смыслѣ включена въ нее. Я прошу васъ, впрочемъ, изучать эту теорію по оригинальнымъ источникамъ, а не въ изложеніяхъ изъ вторыхъ рукъ... Если наши молодые настаиваютъ иногда болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на экономической сторонѣ, то виной этому отчасти Марксъ и я. Мы принуждены были защищать основной принципъ передъ противниками, которые отрицали его, и мы не всегда располагали временемъ, мѣстомъ и удобнымъ случаемъ, чтобы признать за другими моментами, участвующими въ взаимодѣйствіи, принадлежащее имъ по праву значеніе... Къ несчастью, очень часто случается, что люди воображаютъ, будто они въ совершенствѣ поняли новую теорію и могутъ удачно управляться съ ней, потому лишь, что усвоили себѣ основные принципы, да и то не всегда точно. Я не могу не сдѣлать этого упрека по отношенію къ нѣкоторымъ недавнимъ марксистамъ: тутъ, дѣйствительно, происходятъ странныя вещи...

...Мы имѣемъ *взаимодѣйствіе* двухъ *неравныхъ* силъ: дѣйствіе экономическаго движенія; дѣйствіе новой силы, силы политической, стремящейся къ возможно полной самостоятельности и обладающей, разъ она установилась,—*собственнымъ движеніемъ*. Вообще, экономическое движеніе пересиливаетъ, но оно должно испытать отраженное дѣйствіе политическаго движенія, созданнаго имъ и одареннаго относительною самостоятельностью, движенія, которое обнаруживается, съ одной стороны, въ государственной власти, а съ другой

въ оппозиціи, рожденной одновременно съ этой послѣдней... Борьба классовъ, уже до того находившихся въ борьбѣ, отражается въ борьбѣ между правительствомъ и оппозиціей, но въ перевернутомъ видѣ. Отраженіе здѣсь не прямое, а косвенное, оно представляется не какъ классовая борьба, а какъ борьба за *политическіе принципы*...

Воздѣйствіе государственной власти на экономическое развитіе можетъ принимать три формы: оно можетъ вліять въ томъ же направленіи, и тогда движеніе ускоряется; оно можетъ вліять въ противоположномъ направленіи, и тогда понемногу, и у великихъ націй, это воздѣйствіе разрушается; оно можетъ уничтожать нѣкоторыя тенденціи экономической эволюціи или же благопріятствовать имъ... Во второмъ и третьемъ случаяхъ политическая власть можетъ очень сильно противорѣчить экономическому развитію и причинять громадныя расхищенія силы и матеріи. Присоедините къ этому случай завоеванія и насильственнаго разрушенія экономическихъ рессурсовъ, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, могло нѣкогда уничтожить мѣстное и національное экономическое развитіе... То же самое относительно права: въ современномъ государствѣ право не должно выражать лишь общее экономическое состояніе, быть лишь простымъ его выраженіемъ, но быть *связнымъ* выраженіемъ и безъ внутреннихъ противорѣчій: чтобы достигнуть этой цѣли, точность отраженія экономическихъ условій исчезаетъ все болѣе и болѣе. Не говоря о томъ, что кодексъ рѣдко является рѣзкимъ, чистымъ и откровеннымъ выраженіемъ господства класса: это противорѣчило бы самой «*идеѣ права*»...

Основаніе права наслѣдства, предполагая одинаковое развитіе семьи, лежитъ въ экономической области. Однако, было бы трудно доказать, что, напр., въ Англіи безусловная свобода завѣщанія, а во Франціи сильное ограниченіе ея зависитъ во всѣхъ своихъ деталяхъ отъ причинъ экономическихъ. И та, и другая формы дѣйствуютъ въ очень сильной степени на экономію, потому что онѣ вліяютъ на распредѣленіе имуществъ.

Что касается до еще болѣе воздушныхъ идеологическихъ сферъ, какъ-то: *религіи*, *философіи* и т. д., то онѣ имѣютъ доисторическое содержаніе, открытое и усвоенное въ историческій періодъ, но содержаніе, можно сказать, нелѣпое. Эти различныя ложныя представленія о природѣ, объ организаціи самого человѣка, о духахъ, о таинственныхъ силахъ, покоятся лишь на отрицательномъ экономическомъ положеніи: слабое экономическое развитіе доисторическаго періода имѣетъ своимъ дополненіемъ, а отчасти условіемъ и даже причиною ложныя представленія о природѣ. И если бы даже экономическая потребность была главной пружиной все возрастающаго значенія природы, то было бы, тѣмъ не менѣе, педантично искать экономическихъ причинъ во всей этой доисторической нелѣпицѣ. Философія каждой эпохи имѣетъ въ качествѣ спеціальной сферы раздѣленія труда извѣстный кругъ идей, который былъ завѣщанъ ей предшественниками и который она беретъ за отправный пунктъ. Этимъ объясняется, что страны, экономически отсталыя, играютъ, однако, первую роль въ философіи... Экономія не создаетъ ничего непосредственно сама собой, но она опредѣляетъ *способъ измѣненій* и послѣдующее развитіе данной умственной матеріи, и опредѣляетъ по большей части косвеннымъ образомъ: наиболѣе сильное и прямое дѣйствіе на философію производятъ политическія, юридическія и моральныя отраженія. Поэтому, если Бартъ думаетъ, что мы отрицаемъ всякое воздѣйствіе политическихъ и др. отраженій экономическаго движенія на самое движеніе, то *онъ просто-напросто сражается съ вѣтряными мельницами* *).

*) Въ своей послѣдней книжкѣ Бартъ замѣчаетъ по поводу этого мѣста, что письмо Энгельса «заключаетъ въ пользу моего воззрѣнія цѣнныя уступки, которыя, однако, ведутъ къ извѣстнымъ измѣненіямъ въ «матеріалистиче-

...Чего не достаетъ всѣмъ этимъ господамъ, такъ это діалектики. Они видятъ здѣсь лишь причину, тамъ лишь слѣдствіе; но вѣдь это пустая абстракція. Въ мірѣ дѣйствительности подобныя полярныя метафизическія противоположности существуютъ лишь во время кризисовъ: все развитіе происходитъ въ формѣ взаимодѣйствія двухъ очень неравныхъ силъ, изъ которыхъ экономическое движеніе наиболѣе сильно, наиболѣе первоначально и наиболѣе рѣшительно; въ этомъ нѣтъ ничего абсолютнаго, все относительно, но они не видятъ этого, для нихъ Гегель не существовалъ.

...Подъ экономическими отношеніями, которыя мы принимаемъ за основаніе, опредѣляющее исторію общества, мы понимаемъ способъ, какимъ люди даннаго общества производятъ средства существованія и обмѣниваютъ между собою продукты... Слѣдовательно, подъ этимъ должно разумѣть *совокупность техники* производства и средствъ перевозки. Эта техника опредѣляетъ также, по нашему мнѣнію, способъ обмѣна, а, слѣдовательно, и распредѣленіе продуктовъ; равно какъ, послѣ распаденія общества, основаннаго на gens, она опредѣляетъ раздѣленіе на классы, и, стало быть, отношенія господства и подчиненности, государство, политику, право и т. д. Сверхъ того, слѣдуетъ понимать подъ экономическими отношеніями *географическій базисъ*, на которомъ они существуютъ, затѣмъ переживанія предшествующихъ стадій экономическаго развитія, которыя удержались очень часто единственно по традиціи или vis inertiae; и, конечно, также среду, которая окружаетъ цѣликомъ данную общественную форму.

Если техника, какъ вы говорите, зависитъ въ значительной степени отъ состоянія науки, то послѣдняя зависитъ въ еще большей степени отъ *состоянія* и *потребностей* техники. Если общество испытываетъ извѣстную техническую потребность, то это двигаетъ впередъ науку больше, чѣмъ десять университетовъ...

...Мы разсматриваемъ экономическія условія, какъ опредѣляющія въ послѣдней инстанціи историческое развитіе. Но сама раса есть экономическій факторъ... Политическое, юридическое, философское, религіозное, литературное, артистическое и пр. развитіе основывается на развитіи экономическомъ. Всѣ они вліяютъ другъ на друга и на экономическое основаніе. Неправда, будто экономическое положеніе есть *единственная активная* причина, а что все остальное представляетъ лишь пассивное слѣдствіе. Но существуетъ обратное воздѣйствіе на базисъ экономической необходимости, которая всегда преодолѣваетъ въ послѣдней инстанціи... Нѣтъ, какъ это воображаютъ порой, автоматическаго дѣйствія экономическаго положенія; сами люди дѣлаютъ свою исторію, но въ данной обусловливающей ихъ средѣ, на основаніи уже существующихъ реальныхъ отношеній, между которыми экономическія отношенія, какъ бы ни вліяли на нихъ другія политическія и идеологическія отношенія, являются рѣшающими въ послѣдней инстанціи и представляютъ ту путеводную нить, которая только и позволяетъ намъ понимать движеніе... Сами люди дѣлаютъ исторію, но до сихъ поръ дѣлаютъ ее не по общей волѣ, сообразующейся съ извѣстнымъ общимъ планомъ, даже когда рѣчь идетъ о совершенно изолированномъ обществѣ. Ихъ усилія перекрещиваются, и какъ разъ по причинѣ этого во всѣхъ подобныхъ обществахъ господствуетъ *необходимость*, дополненіемъ и проявленіемъ которой и служитъ *случайность*. Необходимость, пробивающаяся сквозь всѣ такія случайности, является опять таки, въ концѣ концовъ, необходимостью экономическою. Здѣсь намъ слѣдуетъ сказать кое-что о такъ называемыхъ великихъ людяхъ. Что такой именно, а не иной великій человѣкъ появляется въ данный моментъ и въ данной странѣ, это, очевидно, чистая случайность. Но устранимъ

скомъ воззрѣніи на исторію» (см. Paul Barth, *Die Philosophie der Geschichte als Sociologie*; Лейпцигъ, 1897, часть первая, прим. къ стр. 327—338). Н. К.

его, явится спросъ на его мѣсто, и это замѣщеніе—дурно или хорошо,—но мало-по-малу совершается... Что корсиканецъ Наполеонъ явился именно тѣмъ военнымъ диктаторомъ, въ которомъ нуждалась французская республика, истощенная войнами, это была случайность; но, что если бы Наполеона не было, то другой занялъ бы его мѣсто, это доказывается тѣмъ фактомъ, что всякій разъ, когда былъ необходимъ человѣкъ, онъ таки находился: Цезарь, Августъ, Кромвель и т. д. Если Марксъ открылъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію, то Тьерри, Минье, Гизо и всѣ англійскіе историки вплоть до 1850 г. доказываютъ, что существовали тенденціи для его выработки, а открытіе этого самаго воззрѣнія Морганомъ, показываетъ, что время назрѣло для него, и что воззрѣніе это *должно было* быть открыто... *)

Привожу нарочно взгляды Энгельса по возможности подробно и полно: знакомство изъ первыхъ рукъ всегда предпочтительнѣе той популяризаціи, а особенно тѣхъ комментаріевъ учениковъ, въ которыхъ самъ создатель теоріи не всегда видитъ надлежащее выраженіе своего міровоззрѣнія, какъ мы только-что слышали отъ Энгельса. По отношенію къ цитированнымъ письмамъ можно, во всякомъ случаѣ, надѣяться, что марксисты скажутъ, какъ говаривали ученики Пиѳагора, αὐτὸς ἔφα, „самъ сказалъ", что было переведено, какъ извѣстно, на латинскій словами magister dixit. Итакъ, становясь на эту почву, я спрашиваю у сторонниковъ экономическаго матеріализма: дозволительно-ли или нѣтъ выдѣлять экономическіе моменты изъ совокупности общественныхъ условій и разсуждать о сравнительной важности ихъ? Лабріола строго воспрещаетъ намъ это подъ опасеніемъ попасть въ число „эмпириковъ", „абстрактныхъ анализаторовъ" и прочихъ представителей „ученаго или мало знающаго невѣжества". Энгельсъ, наоборотъ, все время говоритъ въ своихъ письмахъ объ экономическихъ и другихъ моментахъ, указываетъ на подчиненное, но, въ извѣстной степени, активное значеніе политики и прочихъ факторовъ сравнительно съ экономикой. Выходитъ даже какъ будто, что эта послѣдняя остается побѣдительницей лишь „въ концѣ концовъ", „въ послѣдней инстанціи", именно вслѣдствіе того, что всѣ общественные факторы, вліяя другъ на друга, образуютъ „безконечную массу случайностей". Съ другой стороны, эти „различные моменты надстройки" вліяютъ наравнѣ съ „основаніемъ" на ходъ историческаго движенія, исторической борьбы, и „во многихъ случаяхъ опредѣляютъ ее, особенно же ея форму". Живыя личности участвуютъ въ исторіи „при опредѣленныхъ условіяхъ", говоритъ Энгельсъ; а между этими условіями и политическія идеи, и традиціонныя воззрѣнія играютъ извѣстную роль, хотя рѣшающими „въ концѣ концовъ" становятся экономическія

*) Я выбралъ выдающіяся мѣста изъ трехъ писемъ Энгельса, напечатанныхъ послѣ смерти его, въ трехъ различныхъ органахъ нѣмецкой партіи и переведенныхъ вмѣстѣ на французскій въ журналѣ «Le Devenir Social» (1897, № 3, стр. 228—241). Я пользовался этимъ переводомъ, сохранивъ курсивъ въ тѣхъ фразахъ, которыя были подчеркнуты въ самомъ текстѣ. Н. К.

причины. Замѣчательно далѣе, что даже такія крупныя историческія явленія, какъ ростъ „великой державы“ (выработка Прусскаго королевства изъ Бранденбурга), могутъ, по мнѣнію Энгельса, объясняться лишь „педантами“ при помощи одной „экономической необходимости“, „а не вслѣдствіе еще и другихъ моментовъ“.

Энгельсъ рѣзко отзывается о такихъ „молодыхъ“ марксистахъ, которые „настаиваютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на экономической сторонѣ“. Онъ прямо даже разсматриваетъ экономику и политику какъ двѣ силы, хотя силы неравныя: экономика создаетъ политику: но послѣдняя стремится къ „возможно полной самостоятельности“, пріобрѣтаетъ „собственное движеніе“, даже вступаетъ въ борьбу съ породившей ее экономикой, которая пересиливаетъ ее „вообще“, но не безъ того, чтобы не потерпѣть въ иную пору значительныя пораженія. Припомните также „громадныя расхищенія силы и матеріи“, которыя происходятъ вслѣдствіе политики, идущей противъ экономическаго движенія. Припомните „завоеваніе и насильственное разрушеніе“ средствъ производства, что можетъ повести за собою даже полнѣйшее уничтоженіе „экономическаго развитія“. Обратите, далѣе, вниманіе на извѣстную самостоятельность чисто логическаго развитія („безъ внутреннихъ противорѣчій“) права, которое чѣмъ дальше, тѣмъ меньше можетъ отражать въ чистой формѣ и безъ всякой подмѣси данную экономику, пока само „откровенное господство класса“ не сталкивается въ извѣстной степени съ „идеей права“.

А болѣе „воздушныя“ формы идеологіи, каковы религія, философія, и т. п.? Развѣ не противополагаются и онѣ Энгельсомъ экономикѣ, и противополагаются въ такой мѣрѣ, что, напримѣръ, первобытная религія покоится, по мнѣнію этого автора, лишь „отрицательно“ на экономическомъ основаніи; что слабое развитіе производительныхъ силъ въ этомъ періодѣ имѣетъ не только условіемъ, но и „причиною“ упомянутыя фантастическія представленія; и что даже „педантично было бы искать экономическихъ причинъ во всей этой доисторической нелѣпицѣ“. А философія, на которую „наиболѣе сильное и прямое дѣйствіе“ оказываетъ не экономика, а сфера „политическихъ, юридическихъ и моральныхъ отраженій“? Наконецъ, обратите вниманіе на слѣдующую интересную фразу: „нѣтъ, какъ это воображаютъ порой, автоматическаго дѣйствія экономическаго положенія; сами люди дѣлаютъ свою исторію, но въ данной обусловливающей ихъ средѣ, на основаніи уже существующихъ реальныхъ отношеній, между которыми экономическія отношенія, какъ бы ни вліяли на нихъ другія политическія и идеологическія отношенія, являются рѣшающими въ послѣдней инстанціи и представляютъ ту путеводную нить, которая только и позволяетъ намъ понимать движеніе“...

Замѣтьте, я пока не разбираю этихъ мыслей. Я просто лишь спрашиваю марксистовъ: слѣдуетъ-ли намъ съ Лабріола отказаться

отъ всякаго логическаго выдѣленія какихъ бы то ни было факторовъ изъ общественной жизни и противоставленія ихъ другимъ, или же намъ дозволительно вмѣстѣ съ Энгельсомъ употреблять для научныхъ цѣлей этотъ процессъ выдѣленія? Мнѣ кажется, что сторонники „экономическаго матеріализма" должны прежде всего отвѣтить на этотъ вопросъ; а если у нихъ нѣтъ одинаковаго отвѣта, то констатировать отсутствіе въ ихъ средѣ общаго взгляда по данному предмету Обсужденіе ихъ гипотезы только тогда можетъ принести пользу, когда сами они условятся въ нѣкоторыхъ основныхъ пріемахъ изслѣдованія. Лично я думаю, что они хорошо сдѣлаютъ, если признаютъ цѣлесообразность какъ разъ того логическаго разложенія общественнаго движенія на отдѣльные „моменты" или „факторы", противъ котораго такъ вооружается Лабріола. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно считать серьезнымъ возраженіемъ противъ аналитическаго пріема указаніе на то, что общество есть „комплексъ"? Конечно, комплексъ! Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сложность и тѣснѣйшая зависимость различныхъ сторонъ человѣческаго общежитія препятствовали намъ умственно обособлять тотъ или другой факторъ „комплекса", прослѣживать его, такъ сказать, абстрактную игру, и затѣмъ вводить въ это чисто отвлеченное движеніе вліяніе прочихъ факторовъ, дѣйствующихъ другъ на друга и усложняющихъ реальную жизнь до безконечности. Надо ли напоминать о томъ, что этотъ пріемъ, наоборотъ, именно и требуется при изученіи общественныхъ наукъ? Пусть лишь подумаютъ, къ какимъ блестящимъ результатамъ этотъ методъ абстракціи, анализа, дедукціи привелъ Маркса въ его „Капиталѣ", напримѣръ, въ тѣхъ главахъ, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы отъ хаотическаго, повидимому, движенія, замѣчаемаго въ обмѣнѣ товаровъ на основаніи колеблющихся рыночныхъ цѣнъ, да еще при посредствѣ денегъ, перейти къ основному фактору стоимости, разрѣшающемуся въ концѣ концовъ въ извѣстное количество общественно-необходимаго труда.

Но мнѣ начинаетъ казаться, дорогой читатель, что я выламываю открытую дверь. Самъ Лабріола, послѣ своего эффектнаго, но непродуманнаго заявленія насчетъ того, что нѣтъ никакихъ „историческихъ факторовъ", никакихъ „спеціальныхъ интересовъ", а въ нѣкоторомъ родѣ все во всемъ,—самъ Лабріола, говорю я, нѣсколькими строчками далѣе выдѣляетъ „экономику" изъ общественнаго „комплекса" и измѣненіемъ этой экономики хочетъ объяснить измѣненія всего комплекса. Мало того, когда вдумываешься въ „раствореніе экономіи процесса" и появленіе ея вновь въ „рядѣ морфологическихъ стадій", то замѣчаешь, какъ абстрагированіе у автора заходитъ столь далеко, что, въ концѣ концовъ, всѣ эти бѣдныя „морфологическія стадіи" начинаютъ напоминать лишь переливы различныхъ цвѣтовъ въ струѣ свѣтя-

щагося фонтана, а единственнымъ осязательнымъ элементомъ остается эта струя, т. е. находящаяся въ „теченіи“ экономика.

Дѣло въ томъ, что у Лабріолы борются двѣ тенденціи: обычная тенденція марксистской школы объяснить прямо или косвенно всѣ соціологическія явленія отношеніями экономическими, и тенденція придать извѣстную, хотя бы лишь отраженную жизнь прочимъ людскимъ отношеніямъ, расцвѣтить, изукрасить, осадить, такъ сказать, эти „воздушныя идеологіи“ въ нѣчто болѣе реальное и прикрыть ими голое „основаніе“. Лабріола инстинктивно чувствуетъ недостаточность экономики для построенія всей соціологіи, но отказаться отъ этого привычнаго взгляда не можетъ. За то онъ даетъ просторъ этому субъективному чувству неудовлетворенности, вымещая его, такъ сказать, на тѣхъ марксистахъ, которые даже ему кажутся черезчуръ односторонними. Онъ крайне недоволенъ тѣми парадоксальными и усердными не по разуму популяризаторами ученія, которые воображаютъ, будто, „чтобы написать исторію, достаточно выдвинуть лишь одинъ *экономическій моментъ* (курсивъ въ подлинникѣ), который часто еще неизвѣстенъ и даже совершенно не можетъ быть открытъ (non accertabile affatto), съ тѣмъ, чтобы выбросить затѣмъ уже все остальное, какъ безполезную ношу, которой люди обременяли себя ради каприза, какъ аксессуаръ, простую игрушку или прямо какъ несуществующую вещь“ *). Непосредственно за этой фразой слѣдуетъ другая не менѣе яркая фраза насчетъ того, что „исторія должна браться во всей ея цѣлости (tutta integralmente), и что въ ней, какъ Гёте говорилъ о всѣхъ вещахъ, ядро и оболочка представляютъ собой одно и то же“ **). Но какъ разъ изъ этого положенія Лабріола, въ числѣ „трехъ слѣдствій“, выводитъ необходимость для изслѣдователя „объяснить всякій историческій фактъ путемъ лежащей въ основаніи его экономической структуры“ ***) и „найти причины и мотивы воли и дѣятельности въ элементарныхъ процессахъ производства необходимыхъ для жизни средствъ ****).

Итакъ, мы только-что слышали отъ автора, что исторію надо брать цѣликомъ; что въ ней нѣтъ, собственно говоря, ни ядра, ни оболочки. И вдругъ вслѣдъ за этимъ въ цѣльной исторіи произошла уже разслойка: всѣ историческіе факты, какъ болѣе легковѣсные, поднялись наверхъ, а внизу получился основной осадокъ, состоящій изъ „экономической структуры“ подобно тому, какъ всѣ причины воли и дѣятельности людей отвердѣли въ „элементарные процессы производства“. Но чѣмъ же, въ сущности, такое

*) *Del materialismo*, стр. 21.
**) Ibid., стр. 21.
***) Ibid., стр. 22.
****) Ibid., стр. 25.

выраженіе, какъ „лежащая въ основаніи структура“, лучше какого-нибудь „ядра“ (употребленнаго, къ слову сказать, самимъ Марксомъ въ предисловіи къ „Zur Kritik“)? Не забудемъ, что если иллюстрація не есть еще доказательство, то и образъ не есть научное опредѣленіе. А что обозначаютъ всѣ сти „структуры“, „основанія“ и пр., какъ не фигуральное выраженіе гипотезы, которую еще надо доказать, и которая видитъ въ процессѣ производства самый главный соціологическій факторъ?

Между тѣмъ, доказываетъ ли это Лабріола? Нѣтъ, онъ лишь на всевозможные лады повторяетъ и варьируетъ то положеніе, что „не сознаніемъ людей опредѣляется ихъ бытіе, а бытіемъ сознаніе“, что въ основѣ всякой общественной науки долженъ лежать „единственный, постоянный и прочный фактъ“, „единственная данная“, а именно: „люди, соединенные въ опредѣленную общественную форму путемъ опредѣленныхъ связей“; *) и борется съ „гипотезами теологовъ, юристовъ и политиковъ“, которые постоянно смѣшиваютъ „человѣческую дѣятельность въ теченіи исторіи“ съ „волею, дѣйствующею по извѣстному плану“ и съ „резонирующимъ разумомъ“ **).

Оставимъ, пожалуйста, въ покоѣ эти гипотезы идеологовъ: дѣло идетъ не о нихъ, хотя, къ сожалѣнію, должно признаться, что идеалистическая реакція все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ умы господствующихъ классовъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы марксисты вели свое доказательство на той почвѣ, на которой я сталъ въ началѣ этой статьи, а именно, на почвѣ методологическаго матеріализма, который для удобства пониманія вводитъ въ объясненіе всѣхъ явленій необходимое, происходящее по законамъ причинности движеніе матеріи. Вы говорите, что человѣческую исторію нельзя отождествлять съ „волей, дѣйствующей по плану“ и „резонирующимъ разумомъ“. Согласенъ, да и какъ не согласиться, когда замѣчаешь, какую громадную роль въ человѣческой исторіи играютъ до сихъ поръ стихійныя силы, инстинктивныя стремленія и очень смутно сознаваемыя коллективныя побужденія. Какъ не согласиться, когда начинаешь понимать, что даже въ личной психологіи акты сознанія поднимаются лишь какъ небольшіе островки изъ обширнаго океана нашихъ органическихъ процессовъ и „безсознательныхъ умозаключеній“ (Вундтъ). Вы приглашаете меня признавать въ общественной наукѣ лишь „единственный, постоянный и прочный фактъ“, а именно—извѣстную группировку людей. И съ этимъ вполнѣ согласенъ: выражаясь фигурально, я вижу въ поединкѣ Гектора и Ахиллеса лишь борьбу двухъ великолѣпныхъ варваровъ, въ ихъ тѣлесности, съ ихъ грубо реальными мечами и щитами; эфирные образы

*) Ibid, стр. 59.
**) Ibid., стр. 33.

и златовласой Афродиты, и волоокой Геры, и тучегонителя Зевса не заслоняютъ отъ меня неумолимаго движенія острія въ рукахъ Пелеева сына; и весь этотъ идеологическій міръ Олимпа интересуетъ меня лишь постольку, поскольку его призрачные обитатели ведутъ жизнь въ мозгу героевъ, разряжаясь въ видѣ игры нервовъ и напряженія мускуловъ. Вы, наконецъ, не разъ повторяете съ жаромъ и убѣжденіемъ фразу: „не сознаніемъ людей опредѣляется ихъ бытіе, а бытіемъ сознаніе"! Опять таки согласенъ и согласенъ до такой степени, что хотѣлъ бы даже остановиться нѣсколько на этой мысли.

Упомянутая мысль, полагаю, стала достояніемъ всей критически думающей части современнаго человѣчества (не говорю, конечно, о теперешнихъ идеалистахъ). Вопросъ лишь въ томъ, можно ли все сложное и яркое бытіе человѣка уложить въ рамки экономическаго бытія: а вѣдь это именно и утверждаютъ марксисты, и какъ разъ съ этимъ не соглашаются люди, которыхъ, однако, нельзя обвинить въ идеализмѣ. Возьмите Эмиля Дюркгейма, который въ одномъ изъ своихъ соціологическихъ трудовъ положилъ въ основаніе человѣческаго общежитія „общественное раздѣленіе труда" *), а въ другомъ своемъ трудѣ выразилъ ту мысль, что его „соціологическій методъ покоится на томъ основномъ принципѣ, что соціальные факты должны быть изучаемы какъ вещи, т. е. какъ реальности, существующія внѣ индивидуума" **). Послушайте, однако, что говоритъ этотъ авторъ, разбирая какъ разъ книжку Лабріола:

«Мы считаемъ плодотворной ту идею, что общественная жизнь должна объясняться не тѣмъ воззрѣніемъ, которое вырабатываютъ себѣ относительно нея люди, участвующіе въ ней, но глубокими причинами, которыя ускользаютъ отъ сознанія: и мы думаемъ, что эти причины должны отыскиваться, главнымъ образомъ, въ способѣ, какимъ сгруппированы люди, живущіе въ ассоціаціи... Что касается до насъ, мы пришли къ такому воззрѣнію прежде, чѣмъ познакомились съ Марксомъ, который отнюдь не вліялъ на насъ. Дѣло въ томъ, что это воззрѣніе есть логическій результатъ (aboutissement) всего историческаго и психологическаго движенія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Уже давно историки замѣтили, что общественная эволюція зависитъ отъ причинъ, которыя неизвѣстны самимъ виновникамъ историческихъ событій. Именно подъ вліяніемъ этихъ идей и стремятся теперь отрицать или ограничивать роль великихъ людей; и въ литературномъ, юридическомъ и пр. движеніяхъ ищутъ выраженія коллективной мысли, которую не воплощаетъ вполнѣ ни одна опредѣленная личность... Но насколько намъ кажется вѣрнымъ, что причины общественныхъ явленій должны отыскиваться внѣ индивидуальныхъ представленій, настолько же намъ кажется ложнымъ, что онѣ сводятся въ послѣдней инстанціи къ состоянію промышленной техники, и что экономическій факторъ есть прогрессъ ***).

Итакъ, вотъ вамъ человѣкъ, котораго вы не можете обвинить

*) Emile Durkheim, *De la division du travail social;* Парижъ, 1893.

**) См. его же, *Les règles de la méthode sociologique*; Парижъ, 1895.

***) *Revue philosophique*, 1897, № 12 (декабрь), стр. 648—649, passim.

въ излишней любви къ идеологіи, человѣкъ, который тоже желаетъ выводить не бытіе людей изъ ихъ сознанія, а сознаніе изъ ихъ бытія, и который, тѣмъ не менѣе, указывая на постепенное развитіе этой мысли, не слѣдуетъ за вами по пути экономизма. Дѣйствительно, мысль эта пробивалась, можно сказать, повсюду и принимала всевозможныя формы. И если Марксъ и его школа предпочли ее въ болѣе узкихъ рамкахъ исключительно экономическаго бытія, то въ силу той совершенно естественной реакціи, которая должна же была рано или поздно проявиться въ Германіи противъ великихъ идеалистовъ конца прошлаго и начала этаго столѣтія: Канта (отчасти), Фихте, Шеллинга и Гегеля. Въ самомъ дѣлѣ, куда можно было идти еще далѣе въ заоблачныхъ эмпиреяхъ фантазіи, когда такая грубая и прочная вещь, какъ природа, превращалась въ отраженіе идеи (т. е., по-просту сказать, мышленія философа)? Вотъ вамъ опредѣленіе природы, продиктованное абсолютнымъ духомъ его вдохновенному пророку на нашей грѣшной землѣ, великому Георгу-Вильгельму-Фридриху Гегелю:

Природу должно разсматривать, какъ *систему ступеней*, одна изъ которыхъ вытекаетъ необходимо изъ другой и является ближайшей истиной той ступени, изъ которой выходитъ (aus welcher sie resultirt); но не такъ, чтобы одна *естественно* порождалась другой, а во внутренней идеѣ, составляющей основаніе природы *).

Возьмемъ же это profession de foi отчаяннаго идеализма и переставимъ его, какъ любитъ выражаться Марксъ, съ головы на ноги. Что получится у насъ (я произвожу при этомъ нѣкоторую подстановку терминовъ и развиваю нѣсколько мысль)?

„Совокупность человѣческихъ идей должно разсматривать какъ систему ступеней, одна изъ которыхъ вытекаетъ необходимо изъ другой и является ближайшей реализаціей той ступени, изъ которой выходитъ; но этотъ процессъ должно представлять себѣ не такъ, что одна ступень идейнаго развитія порождается непосредственно предшествующей, а такъ, что это происходитъ при посредствѣ и на почвѣ реальныхъ отношеній, составляющихъ основаніе всякой идеологіи“.

Читатель, не находите ли вы, что эта фраза, которую я построилъ лишь примѣрно и на основаніи отрицательной симметріи съ предложеніемъ Гегеля, — не находите ли вы, что она очень близко передаетъ намъ философское настроеніе тѣхъ учениковъ Гегеля, которые сорвались со школьной скамейки и ускользнули изъ-подъ тяжелой ферулы педагога, а затѣмъ побили самого великаго Георга-Вильгельма-Фридриха. Это бодрое, отчасти шаловли-

*) Hegel's Werke, т. VII: *Vorlesungen über die Naturphilosophie*, § 249 (стр. 32 полнаго берлинскаго изд. 1842 г.); подчеркнутыя слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

вое настроеніе школьника, переросшаго своего учителя, такъ и брызжетъ съ каждой строки того мѣста „Нищеты философіи", гдѣ Марксъ смѣется и надъ „чистой идеей", и надъ „безличнымъ разумомъ", и даже—о ужасъ, о поруганіе гегельянской святыни!—надъ тройственнымъ діалектическимъ „кувырканьемъ" такого важнаго, хотя и безличнаго персонажа *).

Остается указать, почему Марксъ, перевертывая отношеніе между духомъ и матеріей, беретъ послѣднюю, главнымъ образомъ, въ формѣ экономическихъ отношеній: вѣдь были же ученики Гегеля, вродѣ Фейербаха, которые видѣли въ идеологіи тоже лишь отраженіе реальнаго человѣка, но человѣка со всѣми его потребностями. Я думаю, теорія экономическаго матеріализма была дальнѣйшимъ логическимъ шагомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съуженіемъ „антропологизма" Фейербаха, который въ общемъ философскомъ смыслѣ сильно повліялъ на развитіе Маркса. Почему именно Марксъ, а не кто-нибудь другой сдѣлалъ этотъ шагъ и явился виноникомъ этого съуженія, подобный вопросъ, конечно, не можетъ быть рѣшенъ въ деталяхъ. Но реакція противъ духа во имя матеріи должна была естественно привести къ тому, что основаніемъ человѣческой исторіи очутились „въ послѣдней инстанціи" матеріальные интересы, такъ сказать, по преимуществу, т. е. интересы экономическіе, въ пику всѣмъ этимъ „духовнымъ интересамъ", которыми идеалистическая философія душила нѣмца.

Очень возможно, что въ этомъ направленіи особенно подѣйствовали на Маркса самый родъ занятій его и обстановка, среди которой онъ вырабатывалъ свое міровоззрѣніе. Говоря о занятіяхъ, я разумѣю классическую (главнымъ образомъ, англійскую) политическую экономію, которая абстрагировала и должна была абстрагировать отъ живого человѣка всѣ мотивы дѣятельности, кромѣ экономическихъ. А упоминая объ обстановкѣ, я разумѣю Францію сороковыхъ годовъ, въ которой соціальные вопросы благосостоянія массъ глубоко волновали умы.

Ибо не надо забывать, что въ то время, какъ въ Германіи освобожденіе матеріи изъ-подъ оковъ духа представляло всю привлекательность новизны, во Франціи идеалистическая реакція, въ каррикатурной формѣ эклектизма **) и оффиціальнаго спиритуализма, свирѣпствовала, главнымъ образомъ, лишь въ извѣстныхъ

*) См. главу вторую о «метафизикѣ политической экономіи»: «Вотъ мы въ самой что ни на есть Германіи!... Если англичанинъ превращаетъ людей въ шляпы, то нѣмецъ превращаетъ шляпы въ идеи. Англичанинъ это — Рикардо, богатый банкиръ и знаменитый экономистъ; нѣмецъ это — Гегель, простой профессоръ философіи берлинскаго университета»... и т. д. (*Misère de la Philosophie;* новое парижское изд. 1896 г., стр. 142 и слѣд.).

**) Ср. остроумную жалобу Гегеля на Кузэна, который, говоритъ нѣмецкій философъ, «выудилъ у меня нѣсколько рыбокъ, но утопилъ ихъ въ соусѣ своего собственнаго изобрѣтенія».

слояхъ, по преимуществу крупной буржуазіи, а между наиболѣе передовыми и чуткими представителями буржуазной оппозиціи и въ рабочемъ классѣ пользовались популярностью совсѣмъ другого рода идеи. Но въ различныхъ системахъ этого направленія, рядомъ съ гуманитарной и соціально-религіозной „идеологіей", была сильно подчеркнута идущая изъ XVIII-го вѣка сторона человѣческихъ „потребностей", „страстей", „матеріальнаго процвѣтанія", „реабилитаціи плоти" и пр. очень реальныхъ вещей. И именно здѣсь для изслѣдователя выработки марксовскаго міровоззрѣнія выростаетъ крайне привлекательная задача показать, какимъ образомъ Марксъ, которому превращеніе шляпъ въ идеи надоѣло уже въ Германіи, беретъ преимущественно одну сторону у мыслителей вродѣ Фурье и особенно Сенъ-Симона, отчасти и сенъ-симонистовъ, а именно, сторону матеріальнаго производства и антагонизма классовъ, но отбрасываетъ интеллектуальные и аффективные мотивы, играющіе такую роль у французовъ. Я намѣчаю лишь эту задачу и оставляю за собой право вернуться къ ней, если это понадобится, а пока продолжаю.

Итакъ, идея о необходимости выводить сознаніе людей изъ ихъ бытія, а не бытіе изъ сознанія, эта идея не можетъ считаться спеціальной принадлежностью экономическаго матеріализма. Во Франціи первыя проявленія этой идеи можно найти у лучшихъ мыслителей XVIII-го вѣка; а въ XIX она очень эффектно выражается, между прочимъ, въ избитой теперь (со временъ баронессы Сталь и Бональда) фразѣ: „литература есть отраженіе жизни". Я попрошу лишь читателя припомнить, какія блестящія страницы были написаны хотя бы Сэнтъ-Бёвомъ и Тэномъ по вопросу о вліяніи темперамента и среды, т. е., значитъ, индивидуальнаго и колективнаго „бытія", на того или другого автора или на цѣлую литературу, т. е. на индивидуальное или коллективное „сознаніе". Мнѣ нечего, конечно, говорить, что въ то время, какъ писались эти вещи, самое имя Маркса, не говоря уже о его ученіи, было совсѣмъ неизвѣстно во Франціи. Словомъ, послѣ всѣхъ этихъ варіацій на тему объ отношеніи между сознаніемъ и бытіемъ, мы стоимъ передъ задачей о самомъ бытіи и просимъ марксистовъ пособить намъ въ рѣшеніи вопроса, точно-ли экономическое бытіе исчерпываетъ человѣческую жизнь, или, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ опредѣляетъ ее.

Я дамъ здѣсь одну изъ „формулъ" Лабріолы, какъ самъ авторъ называетъ эти предложенія, считаемыя имъ за такія аксіомы, что онъ пересказываетъ ихъ на разные лады, но и не думаетъ доказывать.

Разъ даны условія развитія труда и орудія, присвоенныя имъ и соотвѣтствующія ему (congrui), то экономическая структура общества, или форма

производства непосредственныхъ средствъ къ жизни, опредѣляетъ, на искусственной почвѣ, *прежде всего и прямымъ образомъ* всю остальную практическую дѣятельность участниковъ въ ассоціаціи и видоизмѣненія этой дѣятельности въ процессѣ, который мы называемъ исторіей, а именно: образованіе. треніе, борьбу и вымыванія *) классовъ; соотвѣтствующія этому регулирующія отношенія права и морали; причины и способы подчиненія и порабощенія людей людьми, съ соотвѣтствущимъ упражненіемъ власти и авторитета, вообще говоря, того, что поражаетъ государство, и въ чемъ послѣднее состоитъ; а *затѣмъ* опредѣляетъ направленіе и, по большей части, *косвеннымъ путемъ*, предметы фантазіи и мысли въ произведеніяхъ искусствъ, религіи и науки **).

Я прошу читателя сопоставить съ этимъ мѣстомъ приведенныя выше длинныя выписки изъ корреспонденціи Энгельса, а также нѣсколько обычныхъ формулъ марксизма, которыя употребляются сторонниками этой гипотезы для ея выясненія: напр., ту мысль, что человѣкъ долженъ удовлетворять прежде всего свои элементарныя потребности, а для удовлетворенія ихъ долженъ прибѣгать къ выработкѣ техники, которая создаетъ искусственную среду, имѣющую для человѣка большее значеніе, чѣмъ среда естественная, что отличаетъ его отъ животныхъ; или ту мысль, что развитіе производительныхъ силъ вызываетъ опредѣленныя формы производства и отношенія между производителями, которыя затѣмъ отстаютъ отъ создавшихъ ихъ и перерастающихъ техническихъ условій, становятся тормазомъ послѣднихъ и должны уступить мѣсто новымъ формамъ и новымъ отношеніямъ и т. д.

Предоставимъ же на судъ читателей нѣсколько сомнѣній и недоумѣній: разумѣется, мы лишь намѣтимъ ихъ, не имѣя возможности развить ихъ подробно въ предѣлахъ этой статьи. Намъ говорятъ, что люди должны прежде всего удовлетворять свои элементарныя потребности. Что же, съ этимъ можно согласиться, хотя не мѣшаетъ, пожалуй, отмѣтить нѣкоторый кругъ въ доказательствѣ, нѣкоторое petitio principii, заключающееся въ упомянутой фразѣ: въ самомъ дѣлѣ, не потому-ли мы и называемъ извѣстныя потребности элементарными, что онѣ прежде всего подлежатъ удовлетворенію? А затѣмъ является вопросъ: каковы именно эти элементарныя потребности. Только экономическія? Но вы можете взять самаго дикаго человѣка, и вы найдете, что, рядомъ съ потребностью экономической, у него существуютъ и настойчиво проявляются хотя бы потребность самосохраненія и „потребность нервнаго возбужденія", какъ называетъ ее замѣчательный современный соціологъ (авторъ „Историческихъ пи-

*) Лабріола любитъ употреблять нерѣдко очень вычурныя выраженія: такъ здѣсь онъ пускаетъ въ ходъ геологическій терминъ e r o s i o n e, который долженъ обозначать, вѣроятно, частичныя пораженія, а, можетъ быть, даже исчезновеніе борющихся классовъ. Н. К.

**) *Del materialismo*, стр. 109.

семъ" въ своемъ послѣднемъ трудѣ по исторіи мысли). Этимъ объясняется, между прочимъ, та масса матеріальныхъ жертвъ, которыми первобытное общество покупаетъ себѣ дѣйствительную или фиктивную безопасность, создавая себѣ, въ лицѣ вождей, защитниковъ противъ земныхъ враговъ, а въ лицѣ жрецовъ, защитниковъ противъ враговъ небесныхъ. Этимъ же объясняется та могущественная роль, которую играютъ различныя „потребности нервнаго возбужденія", проявляющіяся какъ въ формѣ половаго инстинкта и выростающихъ отсюда разнообразныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, такъ и въ многочисленыхъ формахъ игры для игры, искусства для искусства, эстетическихъ стремленій, любви къ украшеніямъ, и т. д.

Этнографія кишитъ упомянутыми примѣрами; и кому приходилось заниматься изученіемъ жизни первобытныхъ народовъ, тотъ придетъ къ заключенію, что низшія племена черезчуръ часто жертвуютъ полезнымъ для пріятнаго, удобнымъ для красиваго, реальнымъ для миѳическаго. Это инстинктивно вырвалось у Энгельса въ той фразѣ, гдѣ онъ говоритъ о невозможности объяснять „доисторическую нелѣпицу" прямо изъ тогдашнихъ экономическихъ условій, которыя являются, молъ, въ это время только „отрицательнымъ" фундаментомъ идеологіи.

Здѣсь кстати показать на безпристрастномъ разборѣ одной очень замѣчательной книги, какъ марксисты безсознательно перегибаютъ въ свою сторону факты и перетолковываютъ въ свою пользу научныя обобщенія. Книга эта—„Древнее общество" Моргана, который сталъ очень популярнымъ среди сторонниковъ экономическаго матеріализма вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ связалъ взгляды американскаго этнолога съ теоріей экономизма въ своемъ этюдѣ о происхожденіи семьи, собственности и государства. Я знаю, что очень многіе марксисты восхищаются этой книгой именно потому, что видятъ въ ней подтвержденіе своихъ теорій, и подтвержденіе, основанное на обширномъ матеріалѣ и непосредственномъ знакомствѣ автора съ жизнью краснокожихъ. Мнѣ очень непріятно бороться съ этимъ, повидимому, прочно установившимся взглядомъ. Но искреннее исканіе истины—я прошу приверженцевъ объективнаго міровоззрѣнія не смѣяться надъ этимъ субъективнымъ терминомъ,—искреннее исканіе истины вынуждаетъ меня выступить противъ ходячаго, но, по моему крайнему убѣжденію, невѣрнаго представленія о Морганѣ. Прочитайте этюдъ Энгельса и попробуйте затѣмъ изучать книгу Моргана безъ предвзятой мысли: если вы хотите быть вполнѣ искренни съ самими собой, вы невольно скажете себѣ: „нѣтъ, это что-то не то"! Дѣйствительно, вы ожидаете найти у Моргана

объясненіе развитія семьи, собственности, государства изъ условій производства. А на самомъ дѣлѣ вы находите вотъ что *).

Въ предисловіи авторъ высказываетъ ту мысль, что

открытія и изобрѣтенія стоятъ между собой въ отношеніяхъ послѣдовательнаго развитія (in serial relations) вдоль линіи человѣческаго прогресса и отмѣчаютъ его послѣдовательныя стадіи; между тѣмъ какъ общественныя и гражданскія учрежденія, въ силу ихъ связи съ постоянными человѣческими потребностями, развились изъ немногихъ первоначальныхъ зародышей мысли. Они являются подобнымъ же отмѣчаніемъ прогресса. Эти учрежденія, открытія и изобрѣтенія воплотили въ себѣ и сохранили главные факты, которые остаются свидѣтелями этихъ опытовъ **).

Замѣчу пока, что дѣло идетъ объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, съ одной стороны, объ учрежденіяхъ, съ другой; что какъ первыя, такъ и вторыя являются доказательствами прогресса; что учрежденія ставятся въ зависимость отъ человѣческихъ потребностей (да и кто въ этомъ сомнѣвается?), отъ развитія человѣческаго мозга (и этого никто не оспариваетъ!); что учрежденія настолько мало представляются автору производными явленіями, а открытія и изобрѣтенія первоначальными, что въ слѣдующей же фразѣ Морганъ цитируетъ ихъ на одной линіи и даже начинаетъ съ учрежденій.

Далѣе авторъ говоритъ о „четырехъ классахъ фактовъ", развитіе которыхъ онъ предполагаетъ изслѣдовать въ своей книгѣ, а именно: 1) объ уже упомянутыхъ—„открытіяхъ, изображеніяхъ и учрежденіяхъ"; 2) о родовой и племенной организаціи, „структура которой уясняетъ намъ ростъ идеи правительства въ человѣческомъ умѣ", 3) о послѣдовательныхъ формахъ семьи; 4) объ идеѣ собственности, которая становится „господствующей лишь въ умѣ цивилизованныхъ расъ". И эти четыре класса факторовъ прямо называются „параллельными линіями", бѣгущими „по дорогѣ человѣческаго прогресса ***). Какъ видите, о какомъ нибудь подчиненіи этихъ „параллельныхъ линій" нѣтъ и рѣчи; ни „основанія", ни „надстроекъ" изъ такого геометрическаго образа не выведешь.

Еще интереснѣе относительная важность четырехъ частей изслѣдованія: первая часть, трактующая о „ростѣ ума при посредствѣ открытій и изобрѣтеній", занимаетъ всего 41 страницу (4—45); второй, изслѣдующей „ростъ идеи правительства" (изъ родовыхъ учрежденій), посвящено 330 страницъ (49—379); часть третья, имѣющая предметомъ „ростъ идеи семьи", состоитъ изъ 137 страницъ (стр. 384—521, изъ которыхъ 12 занято спеціальной полемикой съ Макъ-Леннаномъ); въ четвертой части, говорящей

*) Lewis H. Morgan, *Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism, to civilization* (всѣ мои цитаты относятся къ лондонскому изданію 1877 г.).

**) L. c., стр. VI.

***) Ibid., стр. VII.

о „ростѣ идеи собственности“, не болѣе 29 страницъ (525—554). Вы уже изъ простого счета страницъ видите, что центръ тяжести книги лежитъ въ родовыхъ учрежденіяхъ, а не въ чемъ-либо другомъ. Но это соображеніе не всегда можетъ оказаться безошибочнымъ: авторъ, можетъ быть, дурно построилъ свою книгу въ архитектурномъ отношеніи, излишне развилъ то, что было не существенно для хода его мыслей, и скомкалъ то, въ чемъ, главнымъ образомъ, и заключался смыслъ его работы. Посмотримъ же на нѣкоторыя подробности.

Отдѣлъ первый объ „изобрѣтеніяхъ“ и т. д. Задачу его авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

на послѣдующихъ страницахъ дѣлается нами попытка привести добавочныя доказательства грубости первоначальнаго состоянія человѣчества, постепенной эволюціи его умственныхъ и нравственныхъ способностей при посредствѣ опыта, и его продолжительной борьбы съ препятствіями, при прокладываніи пути къ цивилизаціи. Эта попытка будетъ основана отчасти на великомъ рядѣ открытій и изобрѣтеній, который тянется вдоль всего пути человѣческаго прогресса, но, главнымъ образомъ, на домашнихъ учрежденіяхъ, которыя выражаютъ ростъ извѣстныхъ идей и страстей... Двѣ независимыя линіи изслѣдованія привлекаютъ наше вниманіе. Одна ведетъ насъ чрезъ открытія и изобрѣтенія, другая черезъ первобытныя учрежденія... Факты указываютъ на постепенное образованіе и послѣдовательное развитіе извѣстныхъ идей, страстей и стремленій. Тѣ изъ нихъ, которыя занимаютъ выдающееся мѣсто, могутъ быть обобщены въ ростѣ частныхъ идей, съ которыми они связаны. Независимо отъ открытій и изобрѣтеній, мы имѣемъ слѣдующія рубрики: добываніе пищи, правительство, языкъ, семью, религію, домашнюю жизнь и архитектуру, собственность... *).

Я думаю, читатель начинаетъ уже приходить въ нѣкоторое нетерпѣніе: до сихъ поръ Морганъ ничего не говоритъ о формахъ производства; но мы много слышали отъ него о развитіи умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка и особенно о ростѣ „идей“, — идеи правительства, идеи семьи, идеи собственности, и т. д. Правда, онъ упоминаетъ объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, въ которыхъ можно было бы найти нѣкоторый эквивалентъ формъ производства; но и ихъ рядъ онъ разсматриваетъ какъ одну изъ двухъ „независимыхъ линій“ изслѣдованія, въ то время какъ другая заключается опять таки въ развитіи домашнихъ учрежденій, основанныхъ на развитіи „извѣстныхъ идей, страстей и стремленій“.

Погодите, впрочемъ, читатель: нѣсколько далѣе мы встрѣчаемъ, наконецъ, первую фразу, которая говоритъ объ „экономическомъ началѣ“. Вотъ она:

вѣроятно, что послѣдовательные пріемы добыванія пищи, возникавшіе чрезъ долгіе промежутки времени, дадутъ, въ концѣ концовъ, наиболѣе удовлетворительное основаніе для дѣленія (исторіи человѣчества), вслѣдствіе большого вліянія, которое они имѣли на условія человѣческаго рода **).

*) Ibid., стр. 4—5, passim.
**) Ibid., стр. 9.

А вторая глава дебютируетъ слѣдующей фразой, которую Энгельсъ приводитъ въ началѣ своего изложенія въ сокращенномъ и болѣе догматичномъ видѣ, чѣмъ тотъ, который она имѣетъ въ подлинникѣ:

Тотъ важный фактъ, что человѣчество начало съ низшей ступени лѣстницы и поднималось наверхъ, ярко выражается въ послѣдовательныхъ пріемахъ добыванія пищи. Отъ его искусства въ этомъ направленіи зависѣлъ весь вопросъ владычества человѣка на землѣ. Люди представляютъ собой единственныя существа, которыя, можно сказать, пріобрѣли почти безусловный контроль надъ производствомъ пищи, тогда какъ въ началѣ они не превосходили въ этомъ другихъ животныхъ. Не расширивъ основанія средствъ пропитанія, человѣчество не могло бы распространиться въ другихъ мѣстахъ, не имѣющихъ того же самаго рода пищи, и затѣмъ по всей поверхности земли; наконецъ, не пріобрѣтя абсолютнаго контроля какъ надъ разнообразіемъ, такъ и надъ количествомъ пищи, оно не размножилось бы въ многочисленные народы. Согласно съ этимъ, вѣроятно, что великія эпохи человѣческаго прогресса могутъ быть отождествлены, болѣе или менѣе непосредственно, съ расширеніемъ средствъ пропитанія *).

Вотъ самая яркая мысль, которую можно найти у Моргана въ направленіи экономизма (и притомъ съ ограниченіями: „возможно", „вѣроятно"). И, конечно, въ такой формѣ съ ней приходится согласиться, ибо прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о различныхъ ступеняхъ, на которыхъ жило человѣчество, вы молчаливо исходите изъ того факта, что такъ или иначе, но оно жило и размножалось. Но дальше этой общей мысли трудно найти у Моргана что-нибудь, въ чемъ можно было бы видѣть развитіе теоріи о зависимости отъ отношеній производства всѣхъ прочихъ отношеній между людьми.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ Морганъ? Онъ дѣлитъ (по правдѣ сказать, нѣсколько схематично и во вкусѣ XVIII-го вѣка) прогрессъ культуры на нѣсколько ступеней и ступенекъ дикаго, варварскаго и цивилизованнаго состоянія, пріурочивая къ каждому изъ дѣленій различныя „изобрѣтенія и учрежденія" и указывая, какъ это уже было сдѣлано и Адамомъ Смитомъ, и Фергюсономъ, и столькими писателями прошлаго столѣтія, на послѣдовательную смѣну охотническаго и рыболовнаго, пастушескаго, земледѣльческаго быта. При этомъ очень характерно для мысли автора,—гораздо болѣе общей, чѣмъ гипотеза „экономическаго матеріализма",—очень характерно, говорю я, что, изображая матеріальныя и моральныя условія каждаго дѣленія, Морганъ безразлично начинаетъ то съ „открытій и изобрѣтеній", то съ „учрежденій". Въ третьей главѣ онъ открываетъ даже этотъ обзоръ фразой, ставящей послѣднія на первый планъ:

восходя по нѣсколькимъ линіямъ человѣческаго прогресса къ первобытнымъ вѣкамъ существованія человѣка и устраняя одно по одному его глав-

*) Ibid., стр. 19.

ныя учрежденія, открытія и изобрѣтенія, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ возникли, мы замѣтимъ прогрессъ въ каждомъ періодѣ *).

А въ самомъ обзорѣ онъ опять таки безразлично начинаетъ то съ технической стороны, чтобы перейти къ политической и идейной (напр., для нашего періода цивилизаціи онъ идетъ отъ электричества и пара къ парламентаризму), то съ политической стороны, чтобы закончить технической (такъ, для греко-римской цивилизаціи онъ переходитъ отъ правительства и религіи къ мостамъ, водопроводамъ, и т. д.). И при этомъ онъ повсюду говоритъ о ростѣ идей и ихъ матеріальнаго субстрата, человѣческаго мозга, за который, молъ, могущественно вліяетъ самый процессъ техническаго и соціальнаго прогресса:

вмѣстѣ съ выработкой открытій и изобрѣтеній и съ ростомъ учрежденій необходимо росъ и расширялся человѣческій умъ: и мы должны признать постепенное увеличеніе самого мозга, въ особенности головныхъ полушарій (cerebral portion) **).

Я, конечно, не могу слѣдить страница за страницей развитіе мыслей Моргана. Но вполнѣ увѣренъ, что всякій непредубѣжденный читатель, изучивъ „Древнее общество" Моргана, убѣдится, какъ сравнительно мало тамъ говорится собственно о способахъ производства. Разсматривая развитіе экономическихъ отношеній, напр., собственности, Морганъ упоминаетъ, конечно, о нихъ; но упоминаетъ лишь какъ объ одномъ изъ очень важныхъ соціальныхъ элементовъ, на которомъ отражается „ростъ идей", связанныхъ съ основнымъ предметомъ изслѣдованія: развитіемъ родового быта, семьи и пр. ***).

На этомъ, повторяю, лишь центръ тяжести книги, а ни въ чемъ иномъ. И наглядное, можетъ быть, доказательство этому заключается въ томъ пріемѣ, который Энгельсъ безсознательно употребляетъ, чтобы представить Моргана однимъ изъ выразителей экономизма, а именно, онъ принужденъ былъ втиснуть родовыя и семейныя учрежденія въ рубрику „производства". Дѣйствительно, онъ такъ говоритъ въ предисловіи:

согласно матеріалистическому пониманію исторіи опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. Это производство въ свою очередь двоякаго рода: съ одной стороны, производство средствъ къ жизни, пищи, одежды, жилища и потребныхъ для этого орудій, съ другой, производство самихъ людей, размноженіе рода. Общественныя отношенія, при которыхъ живутъ люди опредѣленной историче-

*) Ibid., стр. 29—30.

**) Ibid., стр. 37.

***) Что не исключаетъ, конечно, вліянія ростущей собственности на самый родовой союзъ, напр., перехода отъ материнства къ патріахату. [illegible] стр. 345 и слѣд.

ской эпохи и опредѣленной страны, обусловливаются обоими родами производства: степенью развитія, съ одной стороны, труда, съ другой, семьи *).

Я очень уважаю Энгельса и многимъ обязанъ ему, но, вѣдь, отождествленіе двухъ родовъ „производства" не доказательство, а простая игра словами. Хорошо „производство самихъ людей"! Тогда намъ пришлось бы говорить и объ орудіяхъ его, совершенно въ духѣ извѣстнаго вольтеровскаго каламбура объ instrument qui blesse très agréablement les dames... Впрочемъ, если не ошибаюсь, марксисты предпочитаютъ теперь отказаться отъ этого каламбура: они или разсматриваютъ родовыя учрежденія, какъ характеристику эпохи, которая, такъ сказать, предшествуетъ настоящей экономической исторіи человѣчества; или же пытаются доказать зависимость самыхъ формъ семьи исключительно отъ „экономическихъ отношеній и потребностей" **).

Но тутъ мнѣ хотѣлось бы расширить вопросъ и, не придираясь къ отдѣльнымъ словамъ и неудачнымъ выраженіямъ, не настаивая даже особенно на одномъ соціологическомъ факторѣ, подчеркнутомъ Морганомъ (родовыхъ и семейныхъ учрежденіяхъ), представить соображенія, которыя касаются вообще формулы о развитіи производительныхъ силъ и о способахъ производства, опредѣляющихъ, по мнѣнію марксистовъ, всѣ остальныя отношенія. Мнѣ кажется, что эта формула заключаетъ въ себѣ одно крупное недоразумѣніе, которое я попрошу марксистовъ разъяснить намъ. Мы уже слышали отъ Энгельса,—да, вѣроятно, и большинство разсудительныхъ марксистовъ признаютъ,—что „нѣтъ автоматическаго дѣйствія экономическаго положенія", и что „сами люди дѣлаютъ свою исторію". Но когда тѣ же самые мыслители начинаютъ говорить о развитіи производительныхъ силъ, способахъ производства и ихъ вліяніи на идеологію, они точно совсѣмъ забываютъ только-что принятое ими положеніе, а именно, они забываютъ живого человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ анализировать въ самыхъ общихъ чертахъ человѣческую исторію, и анализировать ее съ точки зрѣнія того методологическаго матеріализма, съ котораго я не схожу во всей этой статьѣ. Подобно животнымъ, человѣка окружаетъ естественная среда. Поднимаясь изъ зоологическаго міра, человѣкъ создаетъ себѣ, сверхъ того, среду искусственную, чѣмъ онъ, главнымъ образомъ, отличается отъ животныхъ (говорю, главнымъ образомъ, потому что и у животныхъ, напр., пчелъ, муравьевъ и т. п., есть уже искусственная среда). Живя въ этой искусственной средѣ, человѣкъ вырабатываетъ извѣстныя

*) Friedrich Engels, *Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats*; Геттингенъ—Цюрихъ, стр. IV перваго изд. 1884 г.

**) Таковъ, напр., Эрнстъ Гроссе (Ernst Grosse), цитируемый въ большой книгѣ: Ludwig Stein; *Die sociale Frage* Штуттгартъ, 1897 г., прим. къ стр. 178.

отношенія, послѣдовательная смѣна которыхъ составляетъ исторію.

До сихъ поръ я, вѣроятно, не расхожусь съ марксистами. Но дальше начинается расхожденіе. Прежде всего, я нахожу, что марксисты очень уменьшаютъ значеніе естественной среды, особенно на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Даже и на насъ, цивилизованныхъ людей, эта общая среда дѣйствуетъ до сихъ поръ, въ очень значительной степени, особенно когда антагонизмъ соціальныхъ силъ, заключающихся въ искусственной средѣ, плохо защищаетъ насъ отъ давленія космическихъ и природныхъ условій: вспомните, какое подавляющее „отраженіе" этихъ условій испытываетъ мозгъ современнаго европейца, поставленнаго лицомъ къ лицу къ смерти, неурожаю, наводненію, эпидеміи, и какая масса суевѣрій, вызывающихъ прямыя матеріальныя жертвы, выростаетъ на этой почвѣ! Что же долженъ испытывать первобытный человѣкъ, который такъ слабъ по сравненію съ могущественными силами природы? Не будетъ ли самое развитіе производительныхъ силъ тормазиться и даже направляться по извѣстному руслу „воображаемой экономики", какъ называетъ миѳологическія представленія сторонникъ психологическаго экономизма, Лакомбъ *)? Отмѣтьте же это вліяніе и припомните, что вынужденъ сказать по этому поводу самъ Энгельсъ, признающій безсиліе марксистскаго анализа передъ „доисторической нелѣпицей" (что, къ слову сказать, довольно ненаучно, ибо и нелѣпица происходитъ по законамъ причинности; а если вы не можете объяснить ее, такъ потому, что черезчуръ уменьшаете число объясняющихъ элементовъ, сводя его къ экономикѣ).

Но и этого мало. Посмотрите на вліяніе искусственной среды. Точно ли оно исчерпывается развитіемъ техники и состояніемъ производительныхъ силъ? Опять-таки тутъ забывается живой человѣкъ, и опять я приглашаю марксистовъ принять его во вниманіе во имя самого матеріализма. Вы, правда, говорите объ „отраженіяхъ въ мозгу". Но почему эти отраженія могутъ истекать только отъ техники, отъ способовъ производства, а не отъ всей суммы общественныхъ условій и отъ тѣхъ способовъ общенія, въ которые люди вступаютъ между собой въ процессѣ соціальной жизни? Реальны вотъ этотъ топоръ изъ нефрита, эта прирученная лама, этотъ электрическій аппаратъ. Но въ чемъ ихъ реальность для меня, живого человѣка? Въ томъ, что созданныя или переработанныя моимъ мозгомъ и руками, являясь продолженіемъ органовъ моего тѣла, превращая меня постепенно въ сторукаго миѳическаго Бріарея, эти орудія труда отражаются въ моемъ мозгу, производятъ въ немъ извѣстныя видоизмѣненія, вызываютъ во мнѣ

*) P. Lacombe, *De l'histoire considerée comme science:* Парижъ, 1894, см. въ главѣ, посвященной «обзору учрежденій», стр. 125—127.

опредѣленные нервные процессы, координируютъ даннымъ образомъ мои мускулы: я являюсь не только „животнымъ, дѣлающимъ орудія“, какъ говорилъ Франклинъ, но и животнымъ, работающимъ при посредствѣ орудій; мой физическій и психическій аппаратъ приспособляется къ технической средѣ.

Но развѣ менѣе реальны для меня и окружающія меня лица: вотъ этотъ жрецъ и заклинатель дождя; этотъ военный вождь; эта женщина, родоначальница материнскаго рода, къ которому я принадлежу; этотъ парламентарный министръ; этотъ директоръ фабрики, гдѣ я работаю съ тысячами другихъ пролетаріевъ, и т. д., и т. д.? Выработанные съ общественной точки зрѣнія моимъ мозгомъ, выросшіе изъ различныхъ сознаваемыхъ мною потребностей, они стоятъ передо-мною въ ореолѣ власти, созданной мною и мнѣ подобными, и, въ свою очередь, реагируютъ на мой мозгъ, вырабатываютъ въ немъ извѣстные задерживающіе центры, создаютъ во мнѣ чувства почтенія, страха, преданности, или же ненависти, презрѣнія, возмущенія. Все мое существо подвергается коренному процессу приспособленія къ соціальной средѣ. Почему же это вліяніе живыхъ людей слабѣе вліянія орудій производства? Было бы очень ненаучно считать послѣднія реальнѣе такихъ учрежденій, какъ родъ, семья, государство, религія, на томъ только основаніи, что эти формы выражаютъ группировку людей, тогда какъ орудія труда представляютъ группировку извѣстныхъ механическихъ и иныхъ приспособленій.

Вы, правда, выхватываете изъ цѣлаго „комплекса“ людскихъ отношеній одну „путеводную нить“, экономическія отношенія, но почему такое предпочтеніе? Вѣдь въ этомъ и весь вопросъ. Почему отраженіе въ моемъ мозгу тѣхъ формъ общенія, въ которыя я вступаю съ другими людьми въ процессѣ производства,—почему это отраженіе сильнѣе и прочнѣе другихъ отраженій, которыя я получаю отъ всѣхъ прочихъ формъ общенія? И опять таки на этотъ вопросъ вы отвѣчаете не доказательствомъ, а утвержденіемъ. Упомянутый вопросъ можно было бы рѣшить лишь изслѣдованіемъ сравнительной частоты и повторяемости, сравнительной прочности различныхъ способовъ общенія между людьми, вырастающихъ изъ человѣческихъ потребностей, а, стало быть, относительной силы самихъ потребностей. Попробуйте, однако, заняться этой оцѣнкой при самыхъ простыхъ условіяхъ, среди, напр., дикаго племени; отложите въ сторону выработавшееся впослѣдствіи различеніе низшихъ и высшихъ потребностей, и вы увидите, что потребности безопасности, вопросы родства, вопросы религіозной магіи (ибо въ этомъ и состоитъ первобытная религія), потребности нервнаго возбужденія, индивидуальной и коллективной игры и т. п. столь же сильно „отражаются въ мозгу“ человѣка и столь же настоятельно просятъ удовлетворенія и рѣшенія, какъ потребности и вопросы желудка. Я охотно подписываюсь подъ слѣдую-

щей на половину иронической фразой, которой Лафаргъ отвѣчаетъ на утвержденіе Жорэса, что съ самаго начала человѣчество руководится болѣе или менѣе сознаваемыми идеями братства, справедливости, долга и т. д.:

Почему останавливаться на головѣ дикаря? Почему не спуститься ниже и не искать идеи въ головѣ животныхъ?.. Дикія животныя, живущія стадами, напр., буйволы или вороны, имѣютъ свои собственныя идеи о долгѣ. Буйволы-самцы даютъ убить себя, защищая самокъ и дѣтенышей, и т. д. *).

Функція создаетъ органъ, и потребность безопасности такъ сильна даже въ животномъ обществѣ, что создаетъ извѣстные инстинкты. Подымитесь въ человѣческое общество, и вы увидите очень интересные образчики той борьбы, того взвѣшиванія элементарныхъ потребностей, въ результатѣ котораго побѣждаетъ то та, то другая потребность, причемъ не всегда та потребность, которая намъ кажется наиболѣе существенной, беретъ верхъ у дикаря. Дикарь скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ дотронется до запрещеннаго дерева табу; онъ скорѣе дастъ себя изрубить въ куски, чѣмъ оставитъ въ битвѣ членовъ своего рода; грозите ему смертью, но онъ не согласится стать мужемъ женщины, носящей извѣстное имя. И вдругъ вы его видите пожирающимъ,—замѣтьте очень часто для простого лакомства,—своего новорожденнаго (см. объ этомъ у многихъ путешественниковъ по центральной Африкѣ и т. п.); онъ годами строитъ себѣ гигантскую копну изъ волосъ и, придя усталый съ охоты, не можетъ даже отдохнуть какъ слѣдуетъ, а принужденъ класть шею на особую плашку; сверлитъ и выбиваетъ себѣ зубы, вставляетъ въ губы дощечки и тѣмъ страшно затрудняетъ процессъ питанія; поступается очень реальными выгодами въ пользу колдуна или жреца; и, забывая вся и всѣхъ, и голодъ, и враговъ, и самку, носится цѣлыми днями въ бѣшеномъ коллективномъ танцѣ.

Странныя должны быть „отраженія въ мозгу“ дикаря; но какъ ни странны, они все же реальны и съ извѣстной точки зрѣнія матеріальны, потому что, по всей вѣроятности, производятъ даже измѣненія въ самой структурѣ мозга. А на суммѣ всѣхъ этихъ отраженій и держится развитіе человѣческаго общества, т. е. выработка различныхъ классовъ, соотвѣтствующихъ сложности тѣхъ отношеній, въ которыя человѣкъ становится къ человѣку, удовлетворяя свои различныя потребности: экономическія, аффективно-родовыя и семейныя, религіозныя, эстетическія, политическія, и т. д., всѣ, смотря по обстоятельствамъ, одинаково сильныя, всѣ одинаково настоятельныя.

Вотъ почему задумываешься надъ формулой о „способахъ производства“, опредѣляющихъ—хотя бы даже и въ „послѣдней

*) *Réponse*, стр. 20.

инстанціи"—всѣ людскія отношенія. Ибо, что, такое „способъ производства"? Марксисты, дѣйствительно, разумѣютъ подъ нимъ то одну голую технику, то технику плюсъ отношенія между производителями. Если взять это послѣднее предположеніе, то, конечно, можно въ извѣстной степени согласиться съ ними, что способъ производства опредѣляетъ общественную жизнь, но почему? Потому лишь, что люди, стоящіе между собою въ отношеніяхъ производства, отражаютъ даже въ этой опредѣленной экономической сферѣ всѣ остальныя отношенія и всѣ болѣе или менѣе характеристическія особенности классовъ, къ которымъ принадлежатъ: ихъ политическое и юридическое положеніе; степень ихъ культуры, ихъ религіозныя и философскія воззрѣнія, и т. д. Но съ тѣмъ же правомъ мы могли бы сказать, что производство, т. е. порабощеніе природы человѣкомъ, плюсъ общественныя отношенія между людьми, составляютъ все содержаніе общественной жизни; а это, вѣроятно, врядъ ли бы подвинуло насъ впередъ.

Если же взять второе опредѣленіе „способа производства", если отбросить элементъ людскихъ отношеній, если, въ пылу полемики, начать подъ „способомъ производства" разумѣть лишь технику, какъ рѣшающую силу, то сами факты жизни заговорятъ противъ такой гипотезы и дадутъ ей рѣшительный отпоръ. И съ краснорѣчіемъ „реальныхъ" отношеній не справиться даже и самому сильному уму. Доказательство тому Марксъ, который написалъ однажды слѣдующую фразу:

Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ и свой способъ производства, а измѣняя свой способъ производства, они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница дастъ вамъ общество съ феодальнымъ владѣльцемъ; паровая мельница,—общество съ фабричнымъ капиталистомъ *).

Нѣтъ, ручная мельница сама по себѣ не дастъ вамъ еще общества съ феодальнымъ владѣльцемъ; а для этого потребуется, кромѣ того, довольно много общихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, совокупность которыхъ создала феодализмъ. Съ другой стороны, упомянутая ручная мельница можетъ вамъ дать и не только общество съ феодаломъ, а, напримѣръ, восточную деспотію, держащуюся на угнетеніи деревенскихъ общинъ... Впрочемъ, мысль Маркса кажется даже нѣкоторымъ его ученикамъ столь одностороннею, что они пускаютъ въ ходъ слѣдующую аргументацію:

Можемъ ли мы по здравому смыслу даже предполагать, что Марксъ могъ подумать, будто ручная мельница есть специфичное орудіе феодальнаго общества! Подобная грубая ошибка черезчуръ громадна, и самая громадность ея уже предупреждаетъ насъ, что нужно иначе понимать вещи:

*) *Misère de la philosophie*, 151 стр. новаго изданія.

обращаясь къ тексту, мы видимъ, дѣйствительно, что Марксъ лишь поставилъ въ параллель развитіе ручной мельницы въ пароную съ развитіемъ феодальнаго общества въ промышленное... **).

Это можетъ быть, и такъ. Но тогда рушится основная мысль школы о причинной зависимости между техникой и способомъ производства, а, стало быть, и соціальными отношеніями и прочими формами общественной жизни. А разъ люди отказываются отъ этой мысли, имъ нельзя уже будетъ говорить и о томъ, что извѣстная форма производства рушится только потому, что ее переросла техника; но придется прибавить, что цѣлая масса соціальныхъ вліяній, кристаллизующаяся, такъ сказать, въ мозгу участниковъ въ производствѣ, заставляетъ живыхъ людей желать паденія данной формы.

Эта узость чисто экономическаго фундамента для поддержанія всѣхъ отношеній довольно интереснымъ образомъ сказывается въ томъ обстоятельствѣ, что Энгельсъ въ одной изъ приведенныхъ нами цитатъ вынужденъ произвольно расширять упомянутый фундаментъ. А именно, согласно его толкованію, подъ „экономическими отношеніями надо разумѣть: 1) совокупность техники, опредѣляющей раздѣленіе на классы (Энгельсъ дѣлаетъ здѣсь, впрочемъ, ограниченіе: „послѣ распаденія родового общества"); 2) географическій базисъ; 3) всю „среду, которая цѣликомъ окружаетъ данную общественную форму" и 4) наконецъ, даже „расу", какъ „экономическій факторъ"! И выходитъ „все во всемъ" или вѣрнѣе „все въ одномъ, какими бы именами его не называли", какъ говоритъ одинъ древній философъ. Ибо немного останется для всѣхъ прочихъ отношеній, если экономическія охватили и технику, и классы, и расу, и экономическую, и соціальную среду. Съ такимъ экономизмомъ можно было бы, пожалуй, охотно согласиться, но лишь въ смыслѣ признанія того, что совокупность общественныхъ условій должна объясняться этой самой совокупностью, а потому, молъ, нужно снова начинать анализъ основныхъ факторовъ и постараться быть на этотъ разъ счастливѣе, чѣмъ при употребленіи одной экономики.

Мнѣ слѣдовало бы сказать еще о двухъ-трехъ мысляхъ, возбуждаемыхъ чтеніемъ Лабріолы: напр., объ его невольной уступкѣ теоріи субъективной оцѣнки прогресса, несмотря на увѣренія въ томъ, что у него имѣется объективная теорія развитія; или объ умѣренности его восторговъ передъ гегелевской діалектикой, о которой онъ лишь упоминаетъ мимоходомъ въ двухъ-трехъ словахъ. Но моя статья разрослась настолько, что пора и кончать: о такомъ вопросѣ, какъ соціологія и различные соціологическіе

---

*) См. G. Sorel, «*Le Devenir Social*», № 10 (Октябрь) 1897, примѣчаніе къ стр. 865.

факторы, можно подробно говорить въ томѣ, а не въ журнальномъ этюдѣ. Моя задача гораздо болѣе скромная и подсказывается стариннымъ желаніемъ Горація.

...Fungar vice cotis, acutum
Reddere quae ferrum valet, exsors ipsa secandi.

Я именно беру на себя роль простого точильнаго бруса, который, самъ не обладая блестящими и рѣжущими качествами стали, можетъ принести извѣстную пользу, помогая полировкѣ, выясненію и критикѣ основныхъ положеній гипотезы, черезчуръ часто принимаемыхъ до сихъ поръ на вѣру. Я резюмирую пункты, на которые должно, по моему мнѣнію, обратить при этомъ вниманіе:

1) Можно ли при обсужденіи вопроса о силахъ, движущихъ человѣческое общество, выдѣлить экономическій факторъ (или какой-нибудь другой) и противоставлять его прочимъ факторамъ съ цѣлью сравнить его относительную важность? Да или нѣтъ?

2) Слѣдуетъ ли въ формулѣ о бытіи и сознаніи понимать подъ „бытіемъ" лишь экономическое бытіе, или же все бытіе человѣка, окруженнаго естественной и искусственной средой?

3) Есть ли, дѣйствительно, „производство дѣтей" одна изъ отраслей экономическаго производства?

4) Почему отраженія въ мозгу человѣка отъ орудій производства болѣе реальны, чѣмъ отраженія отъ живыхъ людей, а экономическія отношенія болѣе прочны, чѣмъ всѣ прочія отношенія между людьми?

5) Дѣйствительно-ли экономическія потребности представляютъ элементарныя потребности по преимуществу, и если да, то почему онѣ отступаютъ такъ часто на задній планъ передъ другими потребностями, встрѣчаемыми уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія?

6) Какъ надо понимать выраженіе „способъ производства", только какъ технику, или же и какъ отношенія между производителями? И въ первомъ случаѣ, достаточно ли одного развитія производительныхъ силъ, чтобы объяснить смѣну одной общественной формы другою? А во второмъ, не отражаютъ ли на себѣ экономическія отношенія уже всю совокупность общественныхъ условій; и если да, то не возвращаемся ли мы къ исходному пункту нашего изслѣдованія, и не стоимъ ли мы передъ открытымъ вопросомъ: въ чемъ же движущая сила исторіи?

Вотъ, какъ мнѣ кажется, главнѣйшіе вопросы, на которые марксисты должны дать отвѣты для того, чтобы разсѣять сомнѣнія, возбуждаемыя матеріалистической гипотезой въ непредубѣжденныхъ людяхъ.

Натурализмъ на службѣ у утопіи.

(*Письмо двѣнадцатое*).

Послѣдній романъ Золя (писано въ ноябрѣ 1899 г.), вѣроятно, не менѣе другихъ произведеній этого мощнаго таланта возбудитъ интересъ всего читающаго міра, создастъ творцу „Плодородія“ не мало новыхъ друзей и новыхъ враговъ, вызоветъ массу хвалебныхъ и ругательныхъ оцѣнокъ. Я попрошу у читателей позволенія внести и свою ноту въ этотъ разноголосый концертъ восхищеній и хуленій; но заранѣе предупреждаю, что мало буду касаться художественной стороны этого, мимоходомъ сказать, не особенно художественнаго романа, а остановлюсь главнымъ образомъ на двоякомъ идейномъ значеніи его. Ибо съ отрицательной точки зрѣнія онъ представляетъ рѣзкую критику одного изъ крупныхъ явленій современнаго французскаго строя: застоя и чуть не убыли населенія; а съ положительной точки зрѣнія развертываетъ идеальную картину лѣченія этого недуга путемъ выращиванія многочисленнаго здороваго и трудолюбиваго потомства. Фабула романа, въ двухъ словахъ, дѣйствительно, такова: въ то время, какъ нѣсколько буржуазныхъ семей различнаго характера и достатка ревностно культивируютъ систему одного, много двухъ дѣтей, нѣкій Матьё Фромонъ, наоборотъ, съ такимъ успѣхомъ заботится о размноженіи потомства и о передачѣ ему подобныхъ же стремленій, что, справляя свою алмазную свадьбу 90-лѣтнимъ патріархомъ рука объ руку съ своей 87-лѣтней супругой, насчитываетъ вокругъ себя „сто пятьдесятъ восемь дѣтей, внуковъ и правнуковъ, не считая послѣднихъ новорожденныхъ четвертаго поколѣнія; а съ прибавленіемъ мужей и женъ со стороны, цѣлыхъ триста“. Перипетіямъ упадка окружающихъ семей и побѣдоноснаго распространенія фромоновскаго рода и посвященъ не по французски толстый—въ 751 страницу,—новый романъ Золя. Оставляя въ сторонѣ литературныя детали этого произведенія, съ которыми читатель уже, вѣроятно, ознакомился, я прямо перехожу къ соціально-философскому смыслу „Плодородія“ и, прежде всего, къ тѣмъ общественнымъ условіямъ, которыя объясняютъ жгучесть вопроса о народонаселеніи въ современной Франціи.

Можетъ быть, ничто такъ хорошо не иллюстрируетъ знаменитой фразы Бональда „литература есть выраженіе общества“, какъ судьба теоретическаго мальтусіанства во Франціи въ зависимости отъ движенія народонаселенія и вызванныхъ этимъ движеніемъ надеждъ и страховъ. Не заходя въ дебри дореволюціонной очень

неточной статистики и начиная съ переписи 1801 г., мы находимъ слѣдующія цифры для французскаго населенія *):

Годы переписи.	Число жителей.	Абсолютный приростъ населенія отъ переписи до переписи.	Ежегодный приростъ населенія на 1,000 жителей между переписями.
1801	27.342,003	—	—
1806	29.107,425	1.758,422	12,8
1821	30.461,875	1.354,450	3,3
1826	31.858,937	1.397,062	9,3
1831	32.569,223	700,286	4,4
1836	33.540,910	971,687	5,9
1841	34.230,178	689,268	4,1
1846	35.400,486	1.170,308	6,8
1851	35.783,170	382,684	2,2
1856	36.039,364	356,194	2,0
1861	37.386,313	1.346,949	6,9
1866	38.067,064	680,751	3,6
1872	36.102,921	—1.964,143	—8,5
1876	36.905,788	802.867	5.5
1881	37.672.048	766.260	4,1
1886	38.218,903	546,955	3,3
1891	38.343,192	124,289	0,7
1896	38.517,975	174,785	0,9

Если мы оставимъ въ сторонѣ результаты 1861 г. (годъ пріобрѣтенія Савои и Ниццы) и 1872 г. (годъ потери Эльзаса-Лотарингіи), то вотъ какіе выводы непосредственно вытекаютъ изъ представленной таблицы. Въ началѣ XIX-го вѣка французское населеніе возростало настолько быстрѣе, чѣмъ въ концѣ, что, напр., въ теченіе пятнадцати лѣтъ 1806—1821 оно увеличилось на 1.357,450 жителей,—увеличилось, замѣтьте, несмотря на страшное кровопусканіе войнъ первой Имперіи, которыя стоили Франціи по меньшей мѣрѣ 3 милліона самыхъ здоровыхъ и крѣпкихъ мужчинъ,—тогда какъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ статистики (1881—1896), среди полнаго мира, приростъ населенія едва-едва превзошелъ 845,000 жителей (845,927). Съ другой стороны, двадцатилѣтній миръ 1821—1841 г. далъ Франціи уже не больше 3.768,303 лишнихъ жизней; и послѣдующій двадцатилѣтній періодъ 1841—1861 г. оставилъ по себѣ приростъ всего въ 2.487,076 человѣкъ (не считая 669,059 присоединенныхъ савояровъ и обитателей ницскаго графства),—правда, отчасти по причинѣ кровопролитныхъ войнъ начала второй Имперіи. Съ 1861 г. застой населенія принимаетъ уже острыя формы; и послѣ погрома 1870—1871 г. (отнявшаго, какъ извѣстно, у Франціи круглымъ счетомъ около 1.600,000 чел.: въ 1871 г. Эльзасъ-Лотарингія насчитывала 1.549,738 жителей), приростъ уменьшается быстро и правильно. Достаточно сказать, что Франціи понадобилось почти

*) Данныя почерпнуты мною изъ *Résultats statistiques du dénombrement de 1891*, *Annuaire statistique de la France* (1898) и пр. оффиціальныхъ документовъ.

пятнадцать лѣтъ послѣ катастрофы, чтобы дойти до итога населенія 1866 г., а за послѣднія десять лѣтъ статистики (1886—1896) число жителей не увеличилось и на 300,000 (точная цифра абсолютнаго прироста опредѣляется въ 299.072).

Но насколько теперь становятся непрочны надежды даже и на это крайне скромное возрастаніе, видно изъ того, что въ послѣдніе годы населеніе зачастую уменьшается даже и абсолютно, какъ то читатель можетъ видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной мною на основаніи оффиціальныхъ документовъ для послѣднихъ восьми лѣтъ статистики:

ГОДЫ.	Число родившихся.	Число умершихъ.	Перевѣсъ	
			родившихся.	умершихъ.
1890	838,059	876,505	—	38,446
1891	866,377	876,882	—	10,505
1892	855,847	875,888	—	20,041
1893	874,672	867,526	7,146	—
1894	855,388	815,620	39,768	—
1895	834,173	851,986	—	17,813
1896	865,586	771,886	93,700	—
1897	859,107	751,019	108,088	—
Итого . .	6.849,209	6.687,312	248,702	86,805
			161,897 перевѣсъ родившихся *).	

Итакъ, вотъ къ чему сводится избытокъ жизней въ великой странѣ чуть не за десять лѣтъ: 161,897 человѣкъ! Но присмотритесь къ отдѣльнымъ элементамъ этого общаго плюса: тогда онъ вамъ покажется еще незначительнѣе, еще хрупче. Изъ восьми лѣтъ четыремъ годамъ избытка человѣческихъ существованій соотвѣтствуютъ четыре года дефицита: по очереди то жизнь побѣждаетъ смерть, то смерть беретъ верхъ надъ жизнью. Мало того, окончательная побѣда за жизнью остается лишь потому, что въ послѣдніе два года статистики (1896—1897) смертность случайно пала до такого низкаго уровня, какого мы еще не видѣли во Франціи, и на какомъ она врядъ-ли можетъ удержаться безъ существеннаго улучшенія гигіеническихъ условій. Но суть дѣла заключается для Франціи именно не въ смертности, которая, говоря вообще, очень умѣренна: она равняется ежегодно 22,8 на 1000 въ послѣднее время, да и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не превышала 23,3 на 1000. Слабость прироста населенія зависитъ

*) По послѣдней переписи 24-го марта 1901 г. народонаселеніе Франціи исчислено въ 38.641,333 чел., что, согласно исправленнымъ цифрамъ предшествовавшей переписи (38.228.969 чел.), даетъ пятилѣтній приростъ населенія въ 412,364 чел. Французы торжествуютъ по этому поводу; но не говоря о всей умѣренности этого возрастанія, интересно было бы узнать, въ какой степени этотъ плюсъ зависитъ и отъ иммиграціи иностранцевъ. А этого для послѣдней переписи пока не сдѣлано.

здѣсь отъ очень низкой рождаемости, которая, кромѣ того, быстро и правильно падаетъ: между 1841—1850 г. она равнялась 27,4 на 1000; въ 1851—1860 г., 26,3 на 1000; въ 1861—1870 г., 26,2 на 1000; въ 1871—1880 г., 25,4 на 1000; въ 1881—1890 г., 23,8 на 1000; и, наконецъ, дошла въ послѣднее время до 22,7 на 1000, въ иные года уступая такимъ образомъ смертности. Оттого-то и перевѣсъ рожденій надъ смертями постепенно палъ съ 4,1 на 1000 въ 1841 г. до 1,0 на 1000 въ 1881—1890 г.; и затѣмъ, какъ мы видѣли, свелся на нѣтъ. И это въ то самое время, какъ въ Англіи избытокъ рождающихся надъ умирающими достигаетъ ежегодно 12,2 на 1000, а въ Германіи 12,7 на 1000 *). Да и какъ вы хотите, чтобы было иначе, разъ пропорція браковъ во Франціи мало чѣмъ отличается отъ этой пропорціи въ другихъ странахъ, но число живыхъ дѣтей на семью не превышаетъ 2,10, т. е. едва возмѣщаетъ отживающую чету? Это и есть та знаменитая „система двухъ дѣтей“ (Zweikindersystem), надъ которой зло потѣшаются нѣмцы.

Полагаю, что мнѣ нечего больше душить читателя цифрами: и приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы схватить смыслъ и характеръ движенія французскаго населенія за послѣднее столѣтіе. Посмотримъ теперь, какъ отражались различныя перипетіи этого движенія на взглядахъ французскихъ экономистовъ и статистиковъ. Мнѣ нечего говорить читателю, что, по закону контрастовъ, въ той самой Франціи, которая является родиною великихъ теоретиковъ соціализма первой половины этого вѣка, экономическая наука разрабатывалась и разрабатывается почти исключительно сторонниками вульгарнѣйшей политической экономіи и, стало быть, въ большинствѣ случаевъ правовѣрными мальтусіанцами. Но, посмотрите, какую перемѣну фронта вызвало и въ ихъ рядахъ давленіе жизненныхъ фактовъ. Мы видѣли, что въ началѣ этого столѣтія французское населеніе росло довольно быстро. И вотъ, извѣстный своею банальностью родоначальникъ французскихъ либеральныхъ экономистовъ (читатель, конечно, уже догадался, что дѣло идетъ о пресловутомъ Жанѣ Батистѣ Сэѣ) въ своемъ „Трактатѣ политической экономіи“, появившемся въ 1803 г., высказываетъ тѣ-же самыя опасенія насчетъ излишняго размноженія людей, что и Мальтусъ, и при этомъ, по обыкновенію, ухитряется придать еще болѣе плоскій видъ и безъ того неглубокой теоріи, подставляя вмѣсто мальтусовскаго выраженія „средства продовольствія“ свое выраженіе „средства существо-

---

*) См. таблицу движенія народонаселенія Англіи, Германіи и Франціи по десятилѣтіямъ, начиная съ 1841 г. въ статьѣ: N Roussanof, *La dépopulation en France:* «Manuel général de l'instruction primaire», 1898, № 2, стр. 11—13 приложенія «Semaine littéraire et scientifique».

ванія“ и сводя, такимъ образомъ, совершенно въ духѣ лавочника, народно-хозяйственный вопросъ къ вопросу индивидуальнаго кармана. Возвращаясь къ мальтусіанской теоріи въ своемъ „Полномъ курсѣ политической экономіи“ (1826—1829), Сэй настаиваетъ на „воздержаніи“ съ необыкновеннымъ апломбомъ и развязностью, причемъ не брезгуетъ почти каламбурными фразами: „самими благопріятными для счастья человѣчества учрежденіями являются тѣ, которыя способствуютъ умноженію капиталовъ. Слѣдуетъ, стало быть, поощрять людей къ тому, чтобы они скорѣе дѣлали сбереженія, чѣмъ дѣтей (á faire des èpargnes plutôt que des enfants“).

По слѣдамъ Сэя пошло и громадное большинство французскихъ экономистовъ, и въ этомъ отношеніи замѣчательно то согласіе, которое царило по вопросу населенія между людьми самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій. Знатный легитимистъ, графъ Дюшатэль, и прогрессистъ Дюнойе подавали, напр., другъ другу руку въ свирѣпо-комичныхъ нападкахъ даже на безсильную буржуазную филантропію, которая, молъ, не даетъ природѣ „произнести свой приговоръ“ (фраза Мальтуса) надъ непредусмотрительными бѣдняками. Дѣло происходило въ тридцатыхъ годахъ; и такъ продолжалось и въ первой половинѣ сороковыхъ, когда перевѣсъ рожденій, надъ смертями колебался во Франціи между 6 и 7 на 1000. Но ко времени февральской революціи, когда рождаемость сильно пала почти во всѣхъ департаментахъ, а приростъ населенія въ иные года не достигалъ и 2 на 1000 (въ 1847 онъ равнялся, напр., 1,5), сами буржуазные экономисты начинаютъ находить, что жизнь превзошла ихъ теоретическіе совѣты, и что громадное большинство французовъ, никогда не слыхавшее даже имени Мальтуса, по части „воздержанія“, заткнуло за поясъ не только самого учителя, который, какъ извѣстно, оставилъ по себѣ чуть не дюжину дѣтей (если вѣрить Сисмонди), но и болѣе умѣренныхъ и аккуратныхъ его послѣдователей между французскими представителями мѣщанской науки. Данныя статистики произвели свое отрезвляющее дѣйствіе на теоретиковъ мальтусіанства, патріотическіе страхи которыхъ за будущность Франціи могущественно поддерживались опасеніями капиталистовъ, боявшихся неурожая рабочихъ рукъ, какъ одной изъ причинъ повышенія задѣльной платы. Послѣ революціи 1848 г. мальтусіанское направленіе замѣтно слабѣетъ, и протесты противъ него становятся чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Интересенъ при этомъ въ особенности радикальный переломъ въ воззрѣніяхъ тѣхъ самыхъ жрецовъ оффиціальной науки, которые раньше были ярыми мальтусіанцами. Такъ, Воловскій въ 1840 г. поощрялъ еще массы къ „воздержанію“ въ своемъ „Наставленіи для народа“, а въ 1862 г., на одномъ изъ засѣданій экономическаго общества, съ жаромъ развивалъ прямо противо-

положное мнѣніе и подвергалъ заднимъ числомъ свою прежнюю теорію строжайшему осужденію:

...Когда изучаешь ходъ фактовъ, и именно въ нашей странѣ, то вмѣсто того, чтобы жаловаться на черезчуръ значительное число рожденій, приходится скорѣе отмѣчать совершенно обратное явленіе. Тѣ, которые полагаютъ, будто въ настоящее время нѣтъ ничего важнѣе, какъ призывать трудящіеся классы къ большему благоразумію въ бракѣ, страшно заблуждаются въ данный моментъ. Въ моихъ глазахъ прогрессивный ростъ населенія является источникомъ, цѣлью и признакомъ всякаго другого прогресса *).

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ мальтусіанства во Франціи, статистикъ Гильяръ, писавшій въ 50-хъ годахъ, началъ свою карьеру въ качествѣ правовѣрнаго ученика автора „Опыта о народноселеніи", но измѣнилъ своему прежнему идолу на основаніи цифръ французской статистики. Позже, Лэонсъ-де-Лаверн восхищался еще въ половинѣ 60-хъ годовъ ослабленіемъ рождаемости во Франціи и повторялъ обычную фразу мальтусіанцевъ: „нищету причиняетъ избытокъ населенія"; а десять лѣтъ спустя уже принялся доказывать, что „численный ростъ можетъ вполнѣ уживаться съ возрастающимъ благосостояніемъ". Съ другими авторами переворотъ совершается гораздо быстрѣе, и, напр., тотъ самый Легуа, который въ 1865 г. писалъ объ опасностяхъ сильной рождаемости, всего два года спустя уже крайне былъ озабоченъ остановкой въ народонаселеніи.

Вообще-же отвращеніе къ мальтусіанству усилилось послѣ катастрофы 1870—1871 г., и если и теперь осталось еще нѣсколько послѣднихъ могиканъ этого ученія, въ родѣ Молинари, Мориса Блока, Фр. Пасси, то громадное большинство французскихъ экономистовъ, несмотря на крайнюю рутинность своихъ прочихъ взглядовъ, порвало рѣшительно съ доктриной воздержанія и, вмѣсто того, чтобы проповѣдовать „благоразуміе въ бракѣ", предлагаетъ даже разныя мѣры—одна другой комичнѣе—съ цѣлью поощрять своихъ соотечественниковъ къ выполненію библейскаго „плодитесь и множитесь". Создалась даже цѣлая литература книгъ, статей и этюдовъ, посвященныхъ изображенію темныхъ сторонъ практическаго мальтусіанства во Франціи: назову въ числѣ авторовъ, трудящихся надъ этой литературой, Шарля Ришэ, Жака Бертильйона, Ланкри, Дюмона, Гоннара, Дебюри и вплоть до Поля Леруа-Больё. Нѣкоторые между этими проповѣдниками доходятъ въ своей пропагандѣ до того, что, какъ мы увидимъ ниже, бросаютъ эпитетъ „измѣнниковъ

*) Цитирую по французскому (дополненному) изданію книги итальянскаго профессора Нитти, которому принадлежитъ честь настойчиваго и умѣлаго доказательства зависимости теоретическаго мальтусіанства отъ жизненныхъ фактовъ: Fr. S. Nitti, *La population et le système social*; Парижъ, 1897, стр. 96 и прим.

отечества“ не только лѣнивымъ по части дѣторожденія простымъ согражданамъ, но даже романистамъ и поэтамъ, которые, молъ, все воспѣваютъ любовь, но отбиваютъ охоту отъ выполненія высшей цѣли ея, заключающейся въ ребенкѣ.

Большинство же населенія,—и буржуазія, и крестьянство,—продолжаетъ тщательно избѣгать многочисленнаго потомства, и какъ прежде, не зная даже и имени Мальтуса, отличалось мальтусіанствомъ, такъ и теперь, не читая противниковъ Мальтуса, упорно стоитъ за систему искусственнаго безплодія. Вполнѣ естественно поэтому, что беллетристика, разсчитанная на большую публику, до самаго послѣдняго времени и за самыми ничтожными исключеніями, очень мало прислушивалась къ патріотическимъ воплямъ экономистовъ и статистиковъ и разработывала вопросъ объ отношеніяхъ между полами совершенно въ духѣ шамфоровскаго афоризма насчетъ „соприкосновенія двухъ оболочекъ и обмѣна двухъ фантазій“, почти совсѣмъ игнорируя судьбу плода этого „соприкосновенія“ и этого „обмѣна“. Доказывать подробно только-что упомянутую характеристическую черту французской литературы значило-бы ломиться въ открытую дверь. Но если вамъ приходилось говорить когда-нибудь съ англичанами и нѣмцами объ этой литературѣ, то вы, навѣрное, изъ десяти разъ девять слышали удивленіе относительно малой роли, которую семья, въ смыслѣ молодого поколѣнія, выростающаго на смѣну стараго, играетъ во французскомъ романѣ. На семьѣ въ этомъ романѣ словно лежитъ знаменитое проклятіе, которое Бодлэръ обращаетъ по адресу „дѣвъ“,

Du vice maternel trainant l'hérédité
Et toutes les hideurs de la fécondité,

т. е. „влачащихъ за собою наслѣдственность материнскаго порока и всѣ отвратительныя мерзости плодородія“.

Большая публика не только не понимаетъ тѣхъ авторовъ, которые пытаются идеализировать выращиваніе здороваго и многочисленнаго поколѣнія, но перетолковываетъ ихъ намѣреніе въ совершенно обратномъ смыслѣ, думая, что они сами раздѣляютъ осмѣиваемые ими взгляды, и принимая такимъ образомъ иронію за чистую монету. Одинъ изъ статистиковъ (Ванъ-деръ-Смиссэнъ) очень удачно констатируетъ впечатлѣніе, которое производитъ морализирующій драматургъ, Дюма-сынъ, на французскую публику своимъ знаменитымъ діалогомъ между двумя знатными дамами о дѣтяхъ (въ „Francillon“):

Терем. А у тебя только одинъ ребенокъ?

Франсина. А сколько-же ихъ у меня должно быть? Я вѣдь замужемъ всего одинъ годъ десять мѣсяцевъ и семь дней. У меня не можетъ быть цѣлой пятерки, какъ у тебя!..

Терем... да и изъ которыхъ двое близнецовъ.

Франсина. Что за отвращеніе! И ты ихъ всѣхъ выкормила?
Тереза. Всѣхъ.
Франсина. Даже и близнецовъ?
Тереза. Даже и близнецовъ.
Франсина. Ужасъ—что такое!..

И что же? Вся публика, по словамъ Смиссэна, очевидно, на сторонѣ Франсины, находя вмѣстѣ съ нею, что родить и выкормить пятерыхъ дѣтей—верхъ ужаса и отвращенія. Дюма иронизируетъ надъ этими мальтусіанскими взглядами; но его иронія обращается прямо противъ него самого: „Франсина только говоритъ на сценѣ то, что всякій думаетъ про себя", заключаетъ наблюдатель. Признаться, это своеобразное преломленіе темы Дюма въ глазахъ французскихъ слушателей, соотвѣтственно ихъ настроенію и привычнымъ мыслямъ,—вещь глубоко человѣческая. Оно напоминаетъ мнѣ тотъ взрывъ хохота, которымъ зрители одного театра въ древней Македоніи встрѣтили на сценѣ изображеніе мученій софокловскаго Эдипа: когда актеръ, выражая чувства ужаса и отвращенія, скрылся со сцены, вся зала, какъ одинъ человѣкъ, проводила его шутками и ободряющими восклицаніями: „ну, вотъ и хорошо: опять побѣжалъ къ матери". Дѣло въ томъ, что у македонянъ (если вѣрить Тертулліану) бракъ съ матерью считался дѣломъ совершенно естественнымъ, и они по своему поняли исчезновеніе злополучнаго Эдипа. Такъ и французская буржуазія принимаетъ въ діалогѣ сторону Франсины и обрушивается на ту самую Терезу, въ которой драматургъ, наоборотъ, хотѣлъ воплотить типъ женщины, серьезно относящейся къ семейнымъ обязанностямъ...

Я выше сказалъ, что въ послѣднее время теоретическіе противники мальтусіанства крайне раздражены противъ романистовъ и поэтовъ, которые, по ихъ мнѣнію, не выполняютъ, какъ слѣдуетъ, своей роли проповѣдниковъ усиленнаго дѣторожденія. У нѣкоторыхъ изъ этихъ противниковъ раздраженіе принимаетъ положительно комичныя формы, и мораль ихъ произведеній мѣстами совершенно та же, что въ крыловской баснѣ о „Сочинителѣ и разбойникѣ". Бѣднымъ авторамъ достается за то, въ чемъ повинны собственно не они, а сама французская жизнь: вѣковая привычка буржуазіи плодить не столько дѣтей, сколько капиталы; и скаредность мужика, держащагося за свое частное владѣніе. Дѣйствительно, какъ говоритъ мыслящій писатель:

Мелкій собственникъ полонъ извѣстнаго рода фетишизма къ землѣ: его поле, его домъ являются для него какъ бы живыми личностями, которыя онъ хочетъ передать въ вѣрныя руки. Если у него есть нѣсколько дѣтей, то ему придется раздѣлить эти сокровища и, можетъ быть, даже продать въ случаѣ, если нельзя раздѣлить ихъ поровну Но крестьянинъ не допускаетъ этого дѣленія собственности, подобно тому, какъ родовитый дворя-

нинъ не допускаетъ отчужденія замка своихъ предковъ. Оба они согласятся скорѣе изувѣчить свою семью, чѣмъ свое владѣніе *).

До чего иные „патріотическіе“ авторы предпочитаютъ разбойника сочинителю или, по крайней мѣрѣ, обрушиваютъ громы преимущественно на голову послѣдняго, можно хотя бы видѣть изъ слѣдующаго довольно курьезнаго литературнаго „пассажа“. У Сюлли-Прюдомма есть великолѣпное по формѣ и унылое по идеѣ стихотвореніе „Мой обѣтъ“, которое я приведу здѣсь въ переводѣ, заранѣе предупреждая читателя, что и самая удачная передача на чужомъ языкѣ не можетъ дать понятія о прелести оригинала:

Я хочу стать господиномъ самаго слѣпого пистникта,—увы!—хочу не по добродѣтели, а изъ-за состраданія. Въ невидимомъ роѣ осужденныхъ на рожденіе я пощажу того, котораго хочетъ вызвать къ жизни жало страсти. Оставайся въ безыменномъ царствѣ возможностей, о ты, мой самый любимый сынъ, ты, который никогда не увидишь свѣта! Спасенный отъ существованія вѣрнѣе самихъ мертвецовъ и болѣе недоступный, чѣмъ они, ты не выйдешь изъ тѣни, въ которой спишь. Любовь, ревностная вербовщица слезъ путемъ радости, стережетъ потомство въ моей крови. Но я даю обѣтъ вырвать эту добычу изъ рукъ несчастія: никто не унаслѣдуетъ моего слабаго и мрачнаго сердца. Человѣкъ, на душѣ котораго бѣлый хлѣбъ, проклинаемый массами, лежитъ укоромъ совѣсти за нищету другихъ людей, этотъ человѣкъ никогда не раздвинетъ вокругъ себя мѣстъ на неравномъ пиру природы, гдѣ такъ тѣснятся обѣдающіе **).

Въ сущности, это пессимистическое стихотвореніе исполнено дѣйствительной красоты, а послѣдняя строфа придаетъ самому пессимизму поэта альтруистическій, далеко не банальный оттѣнокъ. Но рѣдкій разъ, перечитывая эти стихи, я могъ удержаться отъ улыбки: когда долго живешь во Франціи, приходится сталкиваться столько разъ и съ „научными средствами“ буржуазнаго мальтусіанства, и съ болѣе грубыми пріемами крестьянскаго „воздержанія“, что эта проклятая ассоціація идей совершенно развѣнчиваетъ эстетическую иллюзію „обѣта“ и бросаетъ на него комическое освѣщеніе обычной практики французовъ. Но, повторяю, тутъ дѣло идетъ лишь о разрушеніи эстетическаго наслажденія читателей, въ чемъ самъ авторъ не повиненъ; разсматривать же поэзію съ точки зрѣнія практическихъ выводовъ, которые можетъ сдѣлать изъ нея иной проницательный обыватель, по меньшей мѣрѣ, странно. И, однако, посмотрите, какіе патріотическіе перуны навлекъ на свою голову Сюлли-Прюдоммъ за упомянутое стихотвореніе. Одинъ изъ современныхъ противниковъ мальтусіанства прочиталъ ему по этому поводу такую отповѣдь:

*) M. Guyau, *L'irréligion de l'avenir*; Парижъ, 1895, см. 6 изд., стр. 281 (см. вообще всю седьмую главу второй части, трактующую о «religion et l'irréligion dans leurs rapports avec la fécondité et l'avenir des races»).

**) Sully-Prudhomme, *Les vaines tendresses* (*Poèsies*, 1872—1878); см. стихотвореніе «Voeu» на стр. 108 Леммеровскаго изданія.

...По мѣрѣ вашихъ силъ, которыя велики, потому что вы истинный поэтъ, вы работаете надъ ослабленіемъ отечества, сочиняя такіе стихи, вы становитесь вредны родинѣ, вы измѣняете ей! Да, вы измѣнникъ отечеству! Ему придется выдерживать сильную борьбу, и сыны его будутъ черезчуръ малочисленны, потому что многіе изъ вашихъ соотечественниковъ пренебрегли извлеченіемъ ихъ изъ «безъименнаго царства возможностей». У васъ больше таланта, чѣмъ у нихъ, для того, чтобы затушевать низкія стороны ихъ предательства въ подобный моментъ нашей исторіи; но въ сущности это одно и тоже предательство. Представляя собой безсильнаго неудачника, ставшаго добычей самаго чернаго пессимизма, потому что вы уклонились отъ важнѣйшихъ жизненныхъ обязанностей, потому что вы занимались сочиненіемъ стиховъ въ то время, какъ дѣти имѣютъ больше значенія для нравственнаго здоровья, вы не желаете, говорите вы, рождать такихъ же безсильныхъ неудачниковъ... Но по какому же праву вы проповѣдуете тысячамъ вашихъ соотечественниковъ это отчаяніе, составляющее такую язву, что всякій литераторъ, который старается распространять его, долженъ былъ бы, во имя общественнаго спасенія, быть убитъ, какъ вредный звѣрь... *)

Это-ли не мораль крыловской басни?

«Молчи», сказала гнѣвно тутъ Мегера
И крышкою прихлопнула котелъ!..

Итакъ, вотъ при какихъ условіяхъ появился послѣдній романъ Золя: остановка, если не прямая убыль народонаселенія, благодаря воздержанію буржуазіи и крестьянства; патріотическая пропаганда дѣторожденія со стороны буржуазныхъ экономистовъ, статистиковъ и публицистовъ; продолжающееся въ беллетристикѣ трактованіе „науки страсти нѣжной“, безъ всякаго отношенія къ ребенку. Прибавьте къ этому, что рабочій классъ во Франціи велъ и ведетъ себя, въ противоположность другимъ классамъ, сравнительно „непредусмотрительно“, а также, что и теоретическіе выразители его интересовъ и стремленій никогда не переставали быть ожесточенными врагами мальтусіанства. Въ концѣ концовъ,— подводя итоги этимъ различнымъ и совпадающимъ, и перекрещивающимся теченіямъ, — мы можемъ сказать, что въ послѣднее десятилѣтіе борьба противъ „воздержанія“ охватила широкіе слои французской интеллигенціи, но на поведеніе большинства населенія не оказало до сихъ поръ никакого вліянія, а потому сохраняетъ характеръ популярнаго среди мыслящей публики, но все же чисто академическаго протеста противъ вкоренившихся привычекъ націи. И, насколько я понимаю творческій темпераментъ Золя, нужно было именно такое положеніе дѣлъ, чтобы соціальный исторіографъ семьи Ругоновъ направилъ мощную артиллерію своего таланта противъ мальтусіанства и въ защиту „Плодородія“. Я сейчасъ скажу, почему.

---

*) Roger Debury, *Un pays de celibataires et de fils uniques*; Парижъ, безъ обозначенія года (судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, книга вышла въ 1896 г.), стр. 119.

Золя представляетъ собой, несомнѣнно, крупнаго художника, а его великолѣпное поведеніе въ дѣлѣ Дрейфуса показываетъ, что онъ, кромѣ того, благородный и очень сильный человѣкъ. Но онъ отнюдь не ученый и не мыслитель, и несчастіе этого могущественнаго таланта и заключается въ томъ, что онъ считаетъ себя ученымъ и мыслителемъ. Золя можетъ проявить смѣлость и оригинальность въ художественной обработкѣ извѣстной идеи; но ему не хватаетъ иниціативы мысли, — не говорю, характера, — чтобы самому напасть на дѣйствительно новую идею. Потому-то онъ и кладетъ въ основаніе своихъ произведеній такія идеи, которыя уже пріобрѣли большую популярность въ широкихъ слояхъ интеллигенціи, мало того, могутъ даже въ данный моментъ считаться избитыми или поверхностными среди лучшихъ представителей мысли; но которыя не получили еще всеобщаго признанія, не превратились окончательно въ банальное мѣсто и сохраняютъ еще характеръ сравнительной новизны и, если можно такъ выразиться, идейной ереси. Имено такія идеи соотвѣтствуютъ боевому и въ то же время мало оригинальному складу ума Золя. Онъ вышибаетъ взмахомъ своего мощнаго плеча еле держащуюся въ петляхъ дверь, но избѣгаетъ ломиться въ отворенную, равно какъ никогда не нападаетъ на еще очень крѣпко защищаемую. Такимъ отношеніемъ онъ инстинктивно удовлетворяетъ своему стремленію къ той самой оригинальности мысли, которой не достаетъ ему и къ которой, по извѣстному психологическому закону, онъ тяготѣетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно сильно. Этимъ объясняется и столь частое у него перехватываніе черезъ край при художественной обработкѣ извѣстной гипотезы.

Одинъ изъ французскихъ критиковъ не безъ остроумія замѣтилъ, что въ теченіе всей своей литературной дѣятельности Викторъ Гюго, несмотря на неоднократный переломъ въ идеяхъ, запаздывалъ обыкновенно на нѣсколько лѣтъ въ своей умственной эволюціи по сравненію съ лучшими людьми данной эпохи. Я думаю, какъ разъ тоже самое можно сказать и о Золя. Въ началѣ своей дѣятельности, въ послѣдній періодъ Имперіи, когда цвѣтъ интеллигенціи и трудящихся классовъ боролся противъ цезаризма, Золя писалъ идиллическіе „Разсказы Нинонъ“. Когда пала Имперія, и передовые умы пытались направить „республику безъ республиканцевъ“ въ сторону возможно большей общественной справедливости и возможно широкаго демократизма, Золя обращается къ изображенію падшаго режима, вдвигая въ этотъ кадръ обрисовку „темпераментовъ и среды“ въ духѣ довольно поверхностно понятыхъ имъ идей Тэна и физіологическихъ обобщеній Клода Бернара, т. е. вещей, которыя представляли дѣйствительный интересъ новизны съ десятокъ лѣтъ назадъ. При этомъ, кстати сказать, онъ въ своемъ „Вертепѣ“ (такъ я пере-

велъ бы его L'Assommoir, а не „Западней“ и не „Ловушкой“), появившемся въ 1877 г., изображаетъ рабочій классъ Парижа довольно близко къ тому, какъ было принято среди буржуазіи смотрѣть на него немедленно послѣ подавленія коммуны, т. е. какъ на сборище пьяницъ, лѣнивцевъ и, въ лучшемъ случаѣ, жуировъ безъ всякаго идеала, что вызвало рѣзкія возраженія со стороны радикальной еще въ то время „La Republique francaise“ Гамбетты. Возрожденіе и ростъ рабочаго движенія послѣ амнистіи 1880 г. остановили на себѣ вниманіе художника лишь въ половинѣ 80-хъ: его романъ изъ жизни рудокоповъ, „Жерминаль“,— по моему мнѣнію, лучшее произведеніе автора,—появился въ 1885 г. Обостреніе анархическаго движенія среди нѣкоторыхъ группъ рабочихъ и умственнаго пролетаріата въ 1892 — 1894 г. нашло свое выраженіе въ „Парижѣ“, вышедшемъ въ 1898 г. И именно съ половины 90-хъ годовъ вопросъ о народонаселеніи сталъ такой обычной литературной темой во Франціи, что, зная склонность Золя идти за усиливающимся теченіемъ, я нисколько не былъ удивленъ, прочитавъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что живущій въ добровольномъ изгнаніи романистъ разрабатываетъ вопросъ о „плодородіи“ *).

Какъ выполнилъ свою задачу Золя? Съ отрицательной точки зрѣнія очень удачно, хотя, по обыкновенію, перехватывая черезъ край: картина мальтусіанства имущихъ и вообще буржуазныхъ классовъ нарисована мощной рукой и развертывается, какъ грандіозно-ужасная декорація, передъ глазами читателя. Отъ времени до времени, именно какъ на декоративной живописи, нѣкоторыя детали подчеркнуты и преувеличены до крайнихъ размѣровъ. Такъ, говоря о гибельной практиткѣ женской кастраціи, которая начинаетъ распространяться главнымъ образомъ въ Парижѣ, часто переходя за предѣлы безусловно-необходимыхъ операцій, а порою находя даже добровольныхъ жертвъ между фешіонэбельными дамами, считающими ребенка помѣхою удовольствію, Золя сообщаетъ читателю, устами добродѣтельнаго доктора Бутана, слѣдующія ужасныя цифры:

...Вы знаете, до чего мы дошли? Въ госпиталяхъ кастрируютъ ежегодно отъ двухъ до трехъ тысячъ женщинъ. И эта цифра должна быть удвоена для частныхъ клиникъ, гдѣ не существуетъ ни неудобныхъ свидѣтелей, ни какого бы то ни было контроля. Въ одномъ Парижѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ число операцій должно простираться до тридцати—сорока тысячъ. Словомъ, въ настоящее время насчитываютъ пятьсотъ тысячъ, да, полмилліона французскихъ женщинъ, у которыхъ цвѣтъ материнства былъ скошенъ, былъ вырванъ!.. Полмилліона, о Боже! полмилліона, безполезныхъ чудовищъ **).

*) Намеки на эту тему можно уже, впрочемъ, встрѣтить въ «Докторѣ Паскалѣ» (1898 г.).

**) E. Zola, *Fécondité*; Парижъ, 1899, стр. 369.

Сравните съ этой патетической статистикой романиста взглядъ одного автора, который спеціально занимается вопросомъ объ „обезлюденіи Франціи". Перебирая различныя физіологическія причины убыли рождаемости въ своемъ отечествѣ, упомянутый авторъ выражается такъ:

Я пренебрегаю при этомъ нѣкоторыми пріемами, въ родѣ добровольной оваріотоміи, которая, по счастью, свирѣпствуетъ лишь въ очень ограниченныхъ слояхъ общества и можетъ находить мѣсто развѣ только въ романахъ, характеризующихъ нравы *).

Но эти преувеличенія не портятъ, говоря вообще, сильнаго впечатлѣнія, производимаго отрицательной стороной книги, а лишь позволяютъ нѣсколько скептически относиться къ безусловной точности „человѣческаго документа", предъявленнаго корифеемъ „экспериментальнаго романа". За то съ положительной стороны идеала, развертываемаго авторомъ, послѣдній романъ Золя далеко не удаченъ; и вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ какое-то новое соціальное „евангеліе" (имъ, кстати, Золя начинаетъ серію „четырехъ евангелій"), книгу новаго поколѣнія и новаго историческаго періода, я не могу видѣть въ немъ ничего иного, кромѣ общественной утопіи, и притомъ утопіи старой, утопіи буржуазной, проникнутой всѣми невозможностями и противорѣчіями, характеризующими добродѣтельнаго буржуа **). Такъ какъ истинный смыслъ „Плодородія" неясенъ, повидимому, даже и для критиковъ передового теченія, то я исключительно остановлюсь на положительной сторонѣ романа, какъ на той, которая вызываетъ наибольшія недоразумѣнія. Я постараюсь доказать буржуазную утопичность новаго произведенія Золя съ двухъ особенно характеризующихъ его точекъ зрѣнія: экономической и соціально-моральной и начинаю свое доказательство съ экономической.

Но прежде, чѣмъ приняться за довольно печальную работу разрушенія иллюзій, которыя создаетъ натурализмъ Золя, очутившійся на службѣ у утопіи, попробуемъ насладиться ея казовымъ концомъ, упиться яркими картинами соціальнаго рая, обитаемаго Матьё и Маріанной, этими во истину „первыми человѣками", потому что авторъ заставляетъ ихъ строить благополучіе

---

*) Renè Gonnard, *La dépopulation en France*; Ліонъ, 1898, стр. 57 (книга Гоннара интересна лишь кое-какими цифрами; историческая и теоретическая часть въ значительной степени заимствована у цитированнаго уже мною Нитти).

**) Ср. восторженные отзывы о «Плодородіи» Густава Кана (въ «Revue blanche» 15-го октября 1899 г.), Лорана Тайльяда (въ «Petite Rèpublique» 25-го октября 1899 г.), и т. д. съ убѣдительной и безусловно вѣрной по своей основной идеѣ статьѣ: Charles Péguy, *Les recentes oeuvres de Zola*; въ «Le Mouvement socialiste» 1го ноября 1899 г., стр. 537—552. Я въ двухъ-трехъ мѣстахъ воспользовался аргументаціей автора для своей уже почти написанной въ это время статьи.

быстро растущей семьи въ буквальномъ смыслѣ на новой почвѣ: они избираютъ ареной своей производительной дѣятельности пустыри, камни и болота громаднаго, но безплоднаго имѣнья Шантеблэ и побѣдоносно превращаютъ его съ теченіемъ времени въ одну гигантскую образцовую ферму. Мнѣ незачѣмъ, впрочемъ, пересказывать блѣднымъ прозаическимъ языкомъ перипетіи этой соціально-агрономической идилліи. Самъ Золя со всею мощью своего эпическаго таланта описываетъ постепенный ростъ благополучія Фромоновъ и, какъ истый эпическій поэтъ, какъ новый Гомеръ, нисколько не стѣсняется даже ввести въ свой романъ одно-два постоянно повторяющіяся мѣста, словно припѣвъ этой своеобразной „пѣсни торжествующей любви". Припѣвъ № первый читается такъ (цитирую его по первой попавшейся на глаза страницѣ, потому что, повторяю, онъ встрѣчается не одинъ десятокъ разъ безъ всякаго измѣненія, и всегда въ срединѣ главы):

Въ Шантеблэ Матьё и Маріанна основывали, создавали, рождали. И въ теченіе четырехъ лѣтъ они снова вышли побѣдителями изъ вѣчной борьбы жизни противъ смерти при помощи того постояннаго увеличенія и семьи, и плодородій земли, которое было какъ-бы самимъ ихъ существованіемъ, ихъ радостью и ихъ силою. Страсть охватывала ихъ огненнымъ ураганомъ, божественная страсть оплодотворяла ихъ, благодаря ихъ могучей способности любить, быть добрыми, быть здоровыми; а остальное было дѣломъ ихъ энергіи, ихъ дѣятельной воли, ихъ спокойнаго мужества для необходимаго труда, созидателя и регулятора міра *).

Припѣвъ № второй, который заканчиваетъ почти всякую главу и рисуетъ психологію Матьё при появленіи каждаго новаго ребенка и выходѣ жены послѣ родовъ:

Когда Матьё увидалъ улыбающуюся Маріанну съ этимъ дорогимъ малюткой (или рекъ) на рукахъ, онъ страстно обнялъ ее и еще разъ восторжествовалъ надъ всѣми горестями и всѣми скорбями. Еще новый ребенокъ, еще богатство и сила, еще новая сила, брошенная въ міръ, новое поле, посѣянное на завтрашній день. И все то было великое дѣло, доброе дѣло, дѣло плодородія, которое расширялось, благодаря землѣ и благодаря женѣ, этимъ побѣдительницамъ надъ разрушеніемъ, побѣдительницамъ, создающимъ пропитаніе каждому новому ребенку, любящимъ, желающимъ, борющимся, работающимъ среди страданія, идущимъ безпрерывно къ большей жизни, къ большей надеждѣ **).

Припѣвъ № третій, слѣдующій непосредственно за вторымъ и начинающій новую главу:

Прошло два года. И въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Матье и Маріанна родили еще ребенка, мальчика (или дѣвочку). И на этотъ разъ въ то самое время, какъ увеличивалась семья, росло и помѣстье Шантеблэ... То было непобѣдимое завоеваніе жизни, плодородіе, распространившееся на солнцѣ, трудъ, вѣчно и безпрерывно творящій среди препятствій и горестей, возмѣ-

*) *Fécondité*, стр. 370, 399, 425 и т. д.
**) Ibid., стр. 372 и т. п.

щающій потери, вливающій ежечасно въ жилы міра все больше и больше энергіи, больше здоровья и больше радости *).

Неправда-ли, идиллія самаго возвышеннаго характера? Только знаете-ли, дорогой читатель, что портитъ мнѣ эту картину рая въ Шантеблэ? Тѣ самыя соображенія, которыя приходили въ голову мнѣ и моимъ товарищамъ четверть вѣка тому назадъ, когда мы читали столь интересныя „Письма изъ деревни" Энгельгарда въ „Отечественныхъ запискахъ": всѣ эти сѣвообороты, улучшенія, раціональная эксплуатація силъ природы въ данной обстановкѣ, сказывавшіеся на возрастаніи цѣнности имѣнія виртуоза-хозяина, были, несомнѣнно, въ концѣ концовъ результатомъ неоплаченной помѣщикомъ „прибавочной стоимости", вложенной мужикомъ въ чужую землю. Но у русскаго автора рядомъ съ агрономической эпопеей были, по крайней мѣрѣ, очень цѣнныя указанія на русскую деревню, на возможность примѣненія земледѣльческой техники къ владѣніямъ мужиковъ-общинниковъ и т. п.; и за эту сторону „Писемъ" мы прощали имъ то, что казалось намъ въ нихъ апоѳеозомъ капиталистическаго накопленія. У Золя-же вся агрономическая идиллія вертится исключительно на обогащеніи фромоновскаго клана, безъ всякого отношенія къ прямымъ производителямъ этого богатства. Авторъ вообще умалчиваетъ о нихъ, а когда говоритъ, то безсознательно приравниваетъ ихъ рабочему скоту, машинамъ и прочимъ элементамъ земледѣльческаго инвентаря.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ описываетъ Золя дебютъ Матьё Фромона въ роли агронома:

Въ тотъ день, когда надо было сдѣлать первый ударъ заступомъ, Маріанна пришла съ Жервэ на рукахъ и сѣла возлѣ, исполненная счастливаго волненія, благодаря этому дѣлу, вѣры и надежды, которое такъ смѣло предпринималъ Матье... Онъ былъ здѣсь съ двумя помощниками (deux hommes sous ses ordres), готовый самъ приняться за тяжелый ручной трудъ ради осуществленія столь долго обсуждаемой и созрѣвшей идеи... И онъ ставилъ просто-на-просто свою жизнь на карту этой будущей жатвы, если земля откажетъ въ ней культу и труду Матье. Но онъ былъ вѣрный поклонникъ земли, настоящій вѣрующій, увѣренный въ побѣдѣ, потому что онъ любилъ и хотѣлъ. У него эта творческая энергія проявилась съ рожденія послѣдняго ребенка и выражалась все больше и больше съ необычайною силою **).

Конечно, мы очень рады за энергичнаго Матьё и его добродѣтельную супругу; мы желаемъ успѣха его предпріятію и уже при началѣ его увѣрены, что только что родившійся Жервэ (по счету пятый) не будетъ голодать съ такимъ бодрымъ отцомъ. Но насъ интересуетъ отчасти и судьба „помощниковъ", этихъ, какъ говоритъ романистъ страницею дальше, „дюжихъ молод-

*) Ibid., p. 373.
**) Ibid., стр. 319—320.

цовъ (robustes gaillards), которые уже знали свое ремесло" *). Что это за люди? Откуда они? На какихъ условіяхъ энергичный Матьё припрягъ ихъ рядомъ съ собою къ земледѣльческому труду? Молчаніе: Золя нисколько не интересуется этими,—какъ бы сказать? статистами земледѣльческой пьесы и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на главныхъ актерахъ—Фромонѣ и его семьѣ. Но вотъ проходитъ два года. Съ четырехъ гектаровъ имѣнье нашего героя возросло чуть не до сотни, захвативъ

на возвышенности тридцать новыхъ гектаровъ лѣса до полей Марёйля, тогда какъ на склонѣ тридцать другихъ гектаровъ пустоши доходили, вдоль желѣзной дороги, до деревни Монваль. Но такъ какъ старый и ветхій охотничій павильонъ не хваталъ больше, то нужно было завести цѣлую ферму, построить зданія, риги и амбары, конюшни и хлѣвы, для хлѣба, служителей и рабочаго скота, число которыхъ (sic!) росло при каждомъ расширеніи фермы, словно въ какомъ-то счастливомъ ковчегѣ **).

И, опять-таки, мы отъ души желаемъ счастья предпріимчивому Матьё, но намъ хотѣлось бы также знать, какую роль играютъ при увеличеніи благоденствія фромоновской семьи вотъ тѣ самые „служители", которыхъ авторъ такъ легко и просто включилъ въ число четвертей хлѣба и головъ рабочаго скота, составляющихъ безгласный или полугласный инвентарь фермы. Нельзя же предполагать,—хотя авторъ безсознательно придаетъ своей послѣдней фразѣ очень типичную форму смѣшенія людей и животныхъ,—нельзя предполагать, чтобы и „служители" плодились на тотъ же самый манеръ, что колосья и рабочій скотъ. Не два же „дюжіе молодца" успѣли въ теченіе двухъ лѣтъ родить и выростить себѣ на смѣну толпу „служителей", для которыхъ понадобились и особыя зданія. Очевидно, „служители" были наняты, какъ все нанимается въ теперешнемъ обществѣ; и авторъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы разсказалъ намъ, каковы условія ихъ найма, и какую долю получаютъ они „отъ плодовъ земныхъ и отъ первородныхъ" этого новаго ковчега. А то можно представить себѣ, напр., что „два дюжіе молодца" были вынуждены оставить въ карманѣ Матьё такую изрядную сумму прибавочной стоимости, что на слѣдующій годъ оборотливый хозяинъ могъ нанять уже пять „молодцовъ", которые еще черезъ годъ, будучи „обработаны" капиталистическимъ способомъ, сдѣлали возможнымъ наемъ уже всѣхъ тѣснящихся теперь въ имѣньѣ Фромона „служителей". И эта мысль преслѣдуетъ васъ при каждомъ повтореніи „пѣсни торжествующей любви"...

Въ самомъ дѣлѣ, проходитъ еще два года, и картина стано-

*) Ibid., стр. 321.
**) Ibid., стр. 373.

вится еще грандіознѣе, а ваши сомнѣнія и опасенія еще основательнѣе. Дѣйствительно:

По мѣрѣ того, какъ имѣніе расширялось, оно требовало также большаго числа рабочаго скота, лошадей, служителей и служанокъ, цѣлаго рабочаго персонала, цѣлаго хозяйственнаго инвентаря, ежедневный контроль котораго подавилъ бы ихъ массою труда, пока подросшія дѣти не будутъ въ состояніи облегчить имъ хоть часть дѣла. Матьё принялъ на себя руководство земледѣльческими работами, безпрестанно улучшая ихъ непрерывнымъ усиліемъ мысли и дѣйствія, чтобы извлечь изъ земли всю спящую въ ея нѣдрахъ силу. Маріанна же управляла фермой, наблюдала за хлѣвами, молочной, птичьимъ дворомъ, и обнаружила таланты первоклассной кассирши, вела счеты, платила и получала деньги. И, несмотря на снова и снова возвращающіяся непріятности и несчастныя случайности, и неизбѣжныя ошибки, фортуна постоянно оправдывала ихъ усилія, среди промаховъ и потерь: такъ храбры и мудры были они въ своей ежедневной и безпрерывной борьбѣ *).

Всякія иллюзіи тутъ уже невозможны; и если въ началѣ своей агрономической карьеры Матьё представлялъ изъ себя скромную капиталистическую куколку, то теперь онъ окончательно продѣлалъ свою экономическую метаморфозу, превратившись въ блестящую и могучую бабочку, отливающую всѣми цвѣтами удачной эксплуатаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ личный трудъ мелкаго земледѣльца могъ еще маскировать значеніе „двухъ дюжихъ молодцовъ“, положившихъ первое основаніе благополучію фромоновской семьи. Отнынѣ же идиллическая маска сваливается съ владѣльцевъ Шантеблэ: „трудъ“ контроля, управленія и прочихъ функцій хозяйскаго глаза рѣшительно обособляется отъ непосредственно производительной дѣятельности, которая падаетъ исключительно на „цѣлый рабочій персоналъ“. И, въ сущности говоря, теперь Матьё могъ бы купить за деньги даже и хозяйскій глазъ въ видѣ спеціалиста— управляющаго и, ничего не дѣлая, продолжать загребать крупные куши и расширять свое имѣнье, равно какъ добродѣтельная Маріанна могла бы замѣнить свои бухгалтерскіе таланты наемными талантами „первокласснаго кассира“. Дойдя до извѣстныхъ размѣровъ, капиталъ работаетъ по инерціи, захватывая движеніемъ своихъ неумолимыхъ колесъ все ростущую армію „служителей и служанокъ“.

Мнѣ нечего продолжать эту чисто агрономическую поэму, которая черезъ каждыя двадцать страницъ катитъ все болѣе и болѣе величественныя повторяющіяся строфы, воспѣвающія славу могучаго помѣщика, захватившаго все бывшее имѣнье разорившагося Сегэна. Книга становится особенно характерной, когда на сцену выступаетъ второе поколѣніе, такія же, какъ самъ Матьё, тароватыя и трудолюбивыя дѣти его. Дѣйствительно, семья героическихъ благопріобрѣтателей, вдохновляющая мощную музу Золя, словно нарочно продѣлываетъ въ романѣ ту самую эконо-

*) Ibid., стр. 399—400.

мическую эволюцію, которая, по мнѣнію Адама Смита, была бы обязательна для всего человѣчества „при естественномъ ходѣ вещей“ (had human institutions never disturbed the natural course of things—подлинныя слова „Изслѣдованія“): начавъ съ скотоводства и земледѣлія (охотой на территоріи занимался бывшій собственникъ, прогорѣвшій милліонеръ Сегэнъ), фромоновскій кланъ переходитъ къ промышленности и торговлѣ и проявляетъ при этомъ замѣчательныя способности. Въ то время, какъ часть сыновей и дочерей продолжала идти по стопамъ отца-агронома, старшій сынъ, Блэзъ, а вслѣдъ за трагической смертью послѣдняго, его близнецъ, Дени, успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ прибрать къ рукамъ заводъ одряхлѣвшаго распутника Бошэна, тотъ самый заводъ, на которомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, еще до покупки имѣнья, самъ Матьё работалъ чертежникомъ. И какъ раньше натуралистическая лира Золя издавала громко рокочущіе аккорды во славу многомощнаго помѣщика, такъ теперь со струнъ этого высоко натянутаго инструмента срываются звуки тріумфальнаго марша, сопровождающаго быстрое восхожденіе Дени по лѣстницѣ фабричнаго капитализма. И по прежнему въ нашей душѣ тѣснятся тѣ самые проклятые вопросы, которые отравляли уже намъ раньше картину благополучія Матьё и Маріанны. Въ самомъ дѣлѣ, мы готовы порадоваться той ловкости, съ какой Дени стянулъ въ своихъ рукахъ пять полныхъ паевъ заведенія и большую часть послѣдняго, шестого, оставивъ прежнему хозяину „голую фикцію“ собственности *). Но намъ мѣшаетъ вполнѣ отдаться этой радости то обстоятельство, что авторъ совершенно пренебрегаетъ при изображеніи успѣховъ молодого фабриканта судьбой многочисленныхъ рабочихъ. Намъ крайне хотѣлось бы знать, чѣмъ же отразилось на ихъ существованіи процвѣтаніе завода при новомъ хозяинѣ; и какой свѣтъ, какую радость внесла въ ихъ жизнь личная удача молодого Фромона. Авторъ прямо не говоритъ о положеніи фабричнаго „рабочаго персонала“, какъ онъ не говорилъ намъ о положеніи земледѣльческихъ „служителей и служанокъ“ на фермѣ Матьё. Но то, что безсознательно выливается у него изъ-подъ пера, расхолаживаетъ наши восторги передъ предпринимательскимъ геніемъ Дени Фромона.

Въ самомъ дѣлѣ, мы узнаемъ, что онъ сдѣлался милліонеромъ, что даже вдова его брата, которой онъ рѣшилъ выдавать „пенсію изъ прибылей“ (стр. 593), „становилась богатой съ тѣхъ поръ, какъ ея небольшая часть въ доходахъ завода росла изъ года въ годъ“ (стр. 644). Но жизнь рабочихъ продолжаетъ идти точь-въ-точь, какъ при прежнемъ эгоистичномъ и свирѣпомъ въ наживѣ хозяинѣ. Судите сами: на заводѣ Бошэна, въ числѣ прочихъ рабочихъ, находился нѣкій Муано, который, въ качествѣ

*) Ibid, стр. 664.

„непредусмотрительнаго и веселаго парижскаго“ пролетарія былъ отцомъ семи дѣтей, которыхъ онъ даже „любилъ, пока они не улетѣли изъ отцовскаго гнѣзда“ (стр. 9). И вотъ какая судьба постигаетъ этого браваго человѣка черезъ тридцать лѣтъ, уже при новомъ фабрикантѣ:

Муано, жалкая развалина пятидесятилѣтняго несправедливаго труда, былъ вынужденъ оставить заводъ; и въ результатѣ его жилище опустѣло, и кой-какіе жалкіе лоскутья разнеслись на всѣ четыре стороны. По счастью, онъ получалъ маленькую пенсію, которою онъ былъ обязанъ сострадательной иниціативѣ Дени. Но онъ впадалъ въ дѣтство, одуренный этими продолжительными усиліями старой рабочей лошади *).

Ясно, что рабочій персоналъ живетъ совершенно при прежнихъ условіямъ, ибо даже „маленькая пенсія“ была дѣломъ „сострадательной иниціативы“ молодого милліонера. И, можетъ быть, ничего нѣтъ поучительнѣе въ этомъ смыслѣ, какъ буквальное повтореніе жизни старика Муано его дѣтьми. Такъ, одинъ изъ сыновей Муано, Викторъ,

снова начиналъ на заводѣ жизнь отца, ворочая жерновъ, который ворочалъ и отецъ, тѣмъ же самымъ слѣпымъ и упрямымъ усиліемъ. Онъ уже женился; у него въ тридцать шесть лѣтъ уже было шестеро дѣтей, три мальчика и три дѣвочки, и онъ заставлялъ свою жену переживать судьбу своей матери; и точно также оба они кончатъ свою жизнь совершенно разбитыми, и ихъ дѣти будутъ продолжать въ свою очередь, даже и не отдавая себѣ отчета, распложеніе проклятаго племени бѣдняковъ **).

И это въ то самое время, какъ Дени купается въ лучахъ безмятежнаго счастья! Но, вѣдь, было бы очень легко представить себѣ такую сцену. Молодой Муано входитъ въ роскошные аппартаменты молодого Фромона и, вертя свой замасленный картузъ въ рукахъ, обращается къ геніальному фабриканту со слѣдующими словами: „Уважаемый хозяинъ! Отецъ мой часто разсказывалъ мнѣ, какъ вашъ папаша, въ спорахъ со старымъ хозяиномъ, всегда былъ на нашей сторонѣ по части рожденія дѣтей. Онъ одобрялъ поведеніе моего отца и самъ подавалъ примѣръ выращиванія многочисленнаго потомства; вы тоже обзавелись уже обширной семьей. Обзавелся такою семьею и я. Только отчего же это мнѣ нѣтъ проку отъ моихъ ребятишекъ, тогда какъ ваши дѣти, по всему видно, пойдутъ по вашимъ слѣдамъ? Одинъ изъ хорошихъ пріятелей вашего отца, добрый и славный господинъ, Эмиль Золя, написалъ цѣлую книгу о томъ, какъ важно для всѣхъ людей „плодородіе“: его слова только еще больше подкрѣпили меня въ моемъ намѣреніи жить такъ, какъ подсказывалъ мнѣ инстинктъ. Но меня взяло теперь сильное раздумье: оба мы одинаково служимъ „плодородію“, и однако вы разводите

*) Ibid., стр. 627—628.
**) Ibid., стр. 629.

благословенное племя имущихъ, тогда какъ я тружусь надъ „расположеніемъ проклятаго племени бѣдняковъ“. Отчего же такая разница въ судьбѣ? Или дѣло не въ одномъ только „плодородіи“? И не нужно ли еще чего-нибудь, сверхъ многочисленнаго потомства, чтобы жить по вашему, по человѣчески? По правдѣ сказать, я не вижу никакой разницы между тѣмъ, какъ жилъ, работая на Бошэна, мой старикъ-отецъ, и какъ живу, работая на васъ, я, сынъ своего отца! Какъ думаетъ на этотъ счетъ хорошій господинъ Эмиль Золя, который восхищается вашими хозяйственными талантами?...“

Дѣйствительно, было бы интересно знать, почему знаменитый романистъ выражаетъ такой безподмѣсный восторгъ передъ процвѣтаніемъ завода и заводчика и совершенно не интересуется судьбой цѣлыхъ сотенъ живыхъ существъ на заводѣ?

Не менѣе странно поражаетъ эта однобокая, эта казовая идиллія при разсказѣ Золя о подвигахъ третьяго сына Матьё, негоціанта Амбруаза. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Дени проявилъ геніальный размахъ ума по части промышленности, такъ Амбруазъ обнаружилъ удивительныя способности по части торговли. Опять рокочетъ восторженная лира:

Состояніе Амбруаза удесятирилось въ десять лѣтъ. Ему было едва сорокъ пять лѣтъ, а онъ уже царилъ на парижскомъ рынкѣ. Сдѣлавшись по смерти дяди Дю-Горделя наслѣдникомъ и единственнымъ хозяиномъ коммиссіонной фирмы, онъ расширилъ ее, благодаря своему духу предпріимчивости, и превратилъ въ настоящую всемірную контору, чрезъ которую проходили товары всего земного шара. Границы не существовали для него, онъ обогащался плодами вселенной, а въ особенности онъ старался извлекать изъ колоній все чудовищное богатство, которое онѣ заключали въ себѣ, и все это съ такой торжествующей смѣлостью, съ такою вѣрностью и дальнозоркостью взгляда, что самыя отчаянныя его кампаніи заканчивались побѣдами. Этотъ негоціантъ, плодотворная дѣятельность котораго выигрывала такія битвы, долженъ былъ фатально съѣсть Сегэновъ, праздныхъ, безсильныхъ, пораженныхъ безплодіемъ. И, при разгромѣ ихъ состоянія, когда разсѣивалось все хозяйство и вся семья, онъ выкроилъ себѣ часть, такъ какъ желалъ обладать отелемъ на avenue d'Antin *).

Желалъ и добился желаемаго, ибо отель перешелъ въ его руки, снабжая романиста новымъ предметомъ восхищенія:

Теперь весь отель снова оживалъ, блистая еще большею роскошью, наполняясь зимою шумомъ празднествъ, веселымъ смѣхомъ четырехъ дѣтей, сіяніемъ этого живучаго богатства, которое безпрестанно возобновлялъ трудъ завоеванія. И Матьё приходилъ теперь уже не къ праздному Сегэну, этому работнику ничтожества (l'ouvrier de néant), но къ своему сыну Амбруазу, полному творческой энергіи, Амбруазу, побѣды котораго желали сами силы жизни, дѣлая его торжествующимъ господиномъ этого дома побѣжденнаго **).

---

*) Ibid., стр. 705.
**) Ibid., стр. 707.

Нѣтъ, воля ваша, но мы рѣшительно не въ состояніи восторгаться этимъ героемъ спекуляціи и коммерческихъ походовъ, который вызываетъ такія симпатіи романиста. Паразиты Сегэны, конечно, не интересны; но сколько человѣческихъ жизней, сколько семей, неизмѣримо болѣе интересныхъ, чѣмъ Сегэны, долженъ былъ раздавить въ своемъ тріумфальномъ шествіи этотъ виртуозъ торговаго капитала! Достаточно хоть нѣсколько быть знакомымъ съ характеромъ операціи гигантскихъ коммерческихъ фирмъ,—а Золя, конечно, долженъ хорошо знать этотъ предметъ въ качествѣ автора „Женскаго рая“ и „Денегъ“,—чтобы видѣть въ Амбруазѣ хищнаго и безжалостнаго Аттилу или Чингисъ-хана торговли, котораго процвѣтаніе основано на гибели тысячъ несчастныхъ конкуррентовъ и эксплуатаціи десятковъ тысячъ непосредственныхъ производителей... „Самыя отчаянныя его кампаніи заканчивались побѣдами“—тѣмъ лучше, разумѣется, для Амбруаза, но тѣмъ хуже для жертвъ, раздавленныхъ побѣдоносной артиллеріей его милліоновъ, не говоря уже о всѣхъ ужасахъ, которыми должно сопровождаться на мѣстѣ „извлеченіе изъ колоній всего чудовищнаго богатства“...

Золя, впрочемъ, совершенно логично доводитъ свой апоѳеозъ капитализма вплоть до колоніальныхъ завоеваній и колоніальной политики, этого послѣдняго слова современнаго режима. И героемъ въ этой высшей сферѣ капиталистическаго накопленія является опять таки одинъ изъ сыновей Матьё, на сей разъ Николай, который

родившись однимъ изъ послѣднихъ въ этомъ многочисленномъ семействѣ, не находилъ достаточно свободнаго пространства, чтобы развернуть всю полноту, всю силу своей воли. Прежде чѣмъ настала его очередь, братья и сестры поразобрали уже всю окружающую землю, такъ что онъ задыхался, угрожаемый голодомъ, ища и мечтая объ обширномъ полѣ, которое онъ могъ бы воздѣлывать, и на которомъ онъ могъ бы пожинать хлѣбъ *).

И вотъ, избравъ себѣ въ жены такую же, какъ самъ онъ, энергичную помощницу накопленія, онъ отправляется въ африканскія колоніи Франціи, твердо рѣшившись въ Сенегалѣ и Суданѣ „основать новое королевство, новую династію Фромоновъ“ (стр. 660—661).

О дальнѣйшей судьбѣ королевства и династіи мы узнаемъ на алмазной свадьбѣ Матьё, изъ устъ молодого Бенжамэна, сына Николая и внука родоначальника. Чудовищныя жатвы, безконечныя поля хлопчатника, безчисленныя стада, охота и рыбная ловля—таковы внѣшнія условія; семейная „республика“, „община, каждый членъ которой долженъ работать для братскаго дѣла“—таковъ внутренній строй этихъ „свободныхъ людей“. И малень-

*) Ibid., стр. 658.

кое, дорогой читатель, маленькое, но подозрительное облачко на этомъ волшебномъ горизонтѣ: африканская династія Фромоновъ живетъ

вполнѣ среди дикарей; подъ защитой небольшого форта, въ которомъ бѣлый офицеръ командуетъ дюжиной туземныхъ солдатъ, и сама семья принуждена порою прибѣгать къ ружейнымъ выстрѣламъ, основавъ ферму въ странѣ, которую фанатизмъ какого-нибудь вождя можетъ поднять противъ насъ съ минуты на минуту. Это, конечно, такое безуміе, которое въ состояніи разсердить всякаго, но это именно и восхищаетъ насъ, это и дѣлаетъ насъ такими веселыми, здоровыми и побѣдоносными *).

Отнеситесь серьезно къ этой африканской фантасмагоріи, и вы увидите здѣсь зерно колоніальныхъ войнъ и порабощенія туземцевъ бѣлыми авантюристами. Почему понадобился домочадцамъ Николая этотъ фортъ съ бѣлымъ офицеромъ? Зачѣмъ эти ружейные выстрѣлы? Откуда это опасеніе возстанія цѣлой страны? Что за странное тяготѣніе къ „безумному" исканію приключеній, и отчего это извращеніе нормальной психологіи человѣка, извращеніе, которое требуетъ „ружейныхъ выстрѣловъ", чтобы непрошенный бѣлый гость чувствовалъ себя „веселымъ, здоровымъ и побѣдоноснымъ"? Довольно поставить эти вопросы, и вы отвѣтите на нихъ, не колеблясь: королевство и династія африканскихъ Фромоновъ основано силою на территоріи негровъ, отъ которыхъ безцеремонно отобрали ее эти свирѣпые на наживу пришельцы подъ свои безчисленныя стада и необозримыя нивы. Но, признаться, странно находить подъ перомъ Золя эту апологію колонизаторскаго грабежа, когда разбойники въ эполетахъ, въ родѣ недавно прославившихся Вулэ и Шануана, именно претендуютъ на основаніе новыхъ „королевствъ" и „династій", и когда передовая французская пресса взялась за обличеніе возмутительнаго обращенія съ туземцами въ колоніяхъ третьей республики!..

Итакъ, мы видѣли, что, увлекшись изображеніемъ плодороднаго клана, Золя потому только могъ изобразить въ идеальномъ свѣтѣ эту семью могучихъ благопріобрѣтателей, что все время стоялъ на почвѣ совершенной утопіи, сосредоточивая все свое вниманіе на всевозможныхъ качествахъ и подвигахъ Фромоновъ и упорно умалчивая о тѣхъ экономическихъ условіяхъ конкурренціи и эксплуатаціи, которыми такъ прекрасно умѣли воспользоваться Матьё и Маріанна со чадами. Колоссальное богатство и общее благополучіе этого рода были бы немыслимы, не будь за спиною главныхъ дѣйствующихъ лицъ, той цѣлой арміи производителей, которая была мастерски пристегнута Фромонами къ колесу ихъ личной фортуны всюду, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай: въ имѣньѣ, на заводѣ, въ торговлѣ, подъ жгучимъ солнцемъ Сенегала. И слѣдуетъ прибавить еще ту очень

*) Ibid, стр. 742.

типичную черту этого высокопрактичнаго клана, что его члены не любили заниматься даже той невинной филантропіей, которая по плечу богатымъ и добродѣтельнымъ буржуа.

Собственно говоря, утопичной намъ кажется даже вся картина внутренняго единства обширнаго рода, среди котораго борьба интересовъ отдѣльныхъ семей должна была-бы скоро произвести внутренніе раздоры. Золя было подошелъ къ этому любопытному пункту, изобразивъ, какъ столкновеніе между двумя сыновьями Матьё, фермеромъ Жервэ и мельникомъ Грегуаромъ, чуть было не превратилось въ настоящую братоубійственную войну и едва не свело въ гробъ старую Маріанну. Но самъ-же авторъ испугался своей смѣлости и, не желая разрушать великолѣпной утопіи, устроилъ мелодраматическую сцену примиренія между враждующими возлѣ и благодаря больной матери. А между тѣмъ чувство реальной правды подсказываетъ читателю совершенно иной исходъ: не тому надо удивляться, что въ кланѣ возникла было междоусобная война, а тому, что эта война не приняла общаго характера среди членовъ этого глубоко-буржуазнаго рода, который, при каждомъ новомъ поколѣніи, распадается на строго обособленныя хозяйственныя единицы.

Но я принимаю за данную величину это неправдоподобное единеніе фромоновскаго клана и перехожу къ оцѣнкѣ буржуазной утопичности моральной идеи, положенной Золя въ основаніе романа: эта идея—неимовѣрно преувеличенная апологія семьи. Замѣтьте, я нисколько не становлюсь при этомъ на точку зрѣнія мыслителей, отрицающихъ семью и желающихъ замѣнить ее тѣмъ или другимъ болѣе совершеннымъ, по ихъ мнѣнію, учрежденіемъ. Я оставляю совершенно въ сторонѣ эту гипотезу и предпочитаю держаться на твердой почвѣ факта: семья существуетъ, но рядомъ съ ней, надъ ней или подъ ней (это уже дѣло вкуса) существуютъ и другіе элементы и учрежденія, существуетъ сама человѣческая личность, существуетъ общество, отечество, человѣчество. И если вы придаете семьѣ преобладающее значеніе, то лишь въ ущербъ другимъ началамъ. Собственно говоря, у Золя отъ времени до времени вырывается фраза объ „отечествѣ“, о „человѣчествѣ“, о грядущемъ „экономическомъ равенствѣ“ и „общественной справедливости“. Но иное дѣло — отдѣльныя фразы, и иное дѣло—общая тенденція книги. Тенденція-же „Плодородія“ заключается, повторяю, въ непомѣрномъ восхваленіи семьи, да и семьи-то главнымъ образомъ, какъ зоологически-хозяйственнаго союза, независимо отъ всякаго духовнаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ сущности послѣдній романъ Золя, если сбросить съ него различныя литературныя арабески? „Руководство къ совершенному дѣторожденію“! И не думайте, что такой рѣзкій при-

говоръ внушенъ мнѣ склонностью къ „измамъ“ и вообще разрушительнымъ теоріямъ. Вотъ что говоритъ о „Плодородіи“ несомнѣнно буржуазный критикъ въ англійской прессѣ:

Золя сводитъ мужчину и женщину исключительно къ состоянію животнаго: онъ вычеркиваетъ умъ и душу; сердце у него истолковывается въ смыслѣ здоровья, а добродѣтель состоитъ въ безпрестанномъ размноженіи рода... И какъ это только,—можно спросить себя, — Золя успѣлъ со всею удивительною силою и энергіею нарисовать намъ лишь расу, столь рѣшительно лишенную души и ума? Несомнѣнно, что такая жена, какою выказала себя г-жа Дрейфусъ, выполнила болѣе высокую миссію своими страданіями и одиночествомъ, и вѣрностью, чѣмъ Маріанна всѣмъ своимъ безпрестаннымъ материнствомъ! Маріанна, повторяетъ намъ многократно авторъ, представляетъ собою идеалъ женщины; и, однако, все, что онъ можетъ сказать намъ о ней въ этомъ смыслѣ, это то, что она родила четырнадцать человѣкъ дѣтей и постоянно была въ хорошемъ настроеніи духа и не теряла мужества *)...

Мнѣ, конечно, дѣла нѣтъ до выводовъ англійскаго критика, который стоитъ за французское мальтусіанство и, чтобы нагнать на читателя страхъ передъ плодородіемъ, развертываетъ картину нищенствующихъ и обильныхъ дѣтьми семей Ирландіи: это не критика роста населенія, а критика гнилого экономическаго строя Ирландіи. Но что говоритъ англичанинъ объ отсутствіи идейнаго элемента въ столь воспѣваемой Золя семьѣ Фромоновъ, это безусловная правда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Матьё и Маріанна? Это два здоровыя и трудолюбивыя животныя, которыя выростили такое-же, какъ сами они, здоровое и трудолюбивое поколѣніе, которое выростило въ свою очередь третье поколѣніе, которое выростило четвертое, которое выростило пятое, и т. д. У одного греческаго писателя сохранился разсказъ о томъ, какъ въ бытность его въ Египтѣ одинъ изъ жрецовъ, по имени Пирамъ, повелъ его къ своей фамильной усыпальницѣ и показалъ ему длинный рядъ гробовъ съ муміями предковъ, гордо промолвивъ: „всѣ—жрецы, и всѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе Пирамы отъ Пирама, Πύραμος ἐκ Πυράμου“!.. Такую эпитафію можно было-бы поставить и надъ родовымъ склепомъ Фромоновъ: „всѣ—Фромоны, и всѣ—благопріобрѣтатели, сынъ въ отца, и внукъ въ сына“! Безконечный рядъ традиціонно живущихъ поколѣній—такова, дѣйствительно, монотонная процессія этихъ здоровыхъ и трудолюбивыхъ животныхъ, отвѣчающихъ на кличку Фромонъ и уходящихъ въ даль грядущаго; и какъ вы ни удлинняйте этотъ рядъ, вы не извлечете изъ этой картины ровно никакого человѣческаго содержанія. Матьё наживалъ капиталы, прилагая ихъ къ землѣ. Дени наживалъ капиталы на фабрикѣ, Абруазъ наживалъ капиталы въ торговлѣ, Николай наживалъ капиталы въ области колоніальной эксплуатаціи... Капиталы, капиталы и ка-

*) «*The Academy*», № отъ 11 ноября 1899, стр. 542.

питалы; Фромоны, Фромоны и Фромоны; пріумноженіе однихъ и размноженіе другихъ.

Но гдѣ же тутъ настоящій человѣкъ, гдѣ его развитіе, прогрессъ его мысли, проникновеніе его жизни сознательнымъ идеаломъ? Горшокъ не можетъ быть выше горшечника, и дѣти, выросшія исключительно подъ вліяніемъ родителей, не могутъ быть умнѣе ихъ. А посмотрите, чего мы можемъ ожидать отъ новыхъ и новыхъ поколѣній Фромоновъ, когда Матьё исключительно занимался увеличеніемъ народонаселенія и пищевыхъ средствъ. Маріанна же, несмотря на всю идеализацію ея авторомъ, представляла собою машину для выращиванія молоди. И чтобы читатели не думали, что въ такомъ отзывѣ есть хоть доля преувеличенія, я приведу здѣсь самую патетическую страницу, восхваляющую доблести этой достойной супруги образцоваго фермера и отца:

Рядомъ съ трудомъ созиданія Матье шло постоянное рожденіе дѣтей Маріанной. Она была не только искусной хозяйкой, помогавшей мужу при эксплуатаціи фермы, ведшей счета и занимавшейся домашними дѣлами. Она оставалась очаровательной и обожаемой супругой, которую оплодотворяла божественная страсть, матерью, которая, родивъ ребенка, завершивъ его кормленіемъ, становилась воспитательницею и наставницею, чтобы передать ему, кромѣ того, свой умъ и свое сердце. «Хорошая насѣдка, хорошая мать-выводка», говорилъ о ней Бутанъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ. Рождать много дѣтей, это лишь физіологическая способность, которой, несомнѣнно, обладаютъ многія женщины; но, лишь по счастливой случайности, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ здоровыхъ нравственныхъ условіяхъ для того, чтобы хорошо воспитать дѣтей. Она, столь благоразумная, столь веселая, полагала свою гордость въ томъ, чтобы всего добиться отъ своихъ дѣтей кротостью и граціей. И для этого ей стоило лишь нравиться дѣтямъ: ее слушали, ей повиновались, ее окружали культомъ, потому что она была очень красива, очень добра и очень любима *).

Итакъ, вотъ вамъ самая „одухотворенная“ страница, воспѣвающая Маріанну, ибо здѣсь, по крайней мѣрѣ, не преминувъ упомянуть о томъ, что супруга Матьё была „хорошей насѣдкой“, Золя бросилъ два-три слова объ „умѣ и сердцѣ“, о „кротости и добротѣ“ образцовой фермерши. Но, спрашивается, что это за умъ и сердце, что это за кротость и доброта, и прочія качества идеальной насѣдки, если, благодаря имъ, дѣти счастливой четы были такъ „хорошо воспитаны“, что имъ, подобно родителямъ, не пришлось ни разу въ теченіе всей ихъ привольной и долгой жизни подумать о чемъ-либо кромѣ копленія богатствъ и размноженія потомства? Неужели же въ этомъ и состоитъ цѣль человѣческаго существованія? Казалось бы, что если что облагораживаетъ семью, такъ это развитіе въ ея границахъ чувствъ благожелательности и солидарности, которыя, вырываясь за предѣлы „системы несвязанныхъ хозяйствъ“ (ménages incohérents—

*) *Fécondite*, стр. 426.

выраженіе Фурье), вырабатываютъ въ членахъ каждой семьи любовь къ прочимъ людямъ, къ отечеству, къ человѣчеству. Но вы можете разсматривать хоть въ микроскопъ послѣдній романъ Золя: вы не найдете во всей этой апологіи фромоновскаго рода, охватывающей періодъ цѣлыхъ семидесяти лѣтъ, ничего, что говорило бы о выработкѣ этихъ гуманныхъ идеаловъ среди тароватыхъ и энергичрыхъ потомковъ Матьё. Одинъ мой пріятель, хорошо знающій Болгарію, разсказывалъ мнѣ, что среди тамошней буржуазіи нѣтъ высшей похвалы человѣку, какъ сказать о немъ: „настояща торговска душа". По моему крайнему убѣжденію, и „Плодородіе" представляетъ собою именно могучій и восторженный гимнъ въ честь „торговской души", превращающейся, черезъ нѣсколько поколѣній, въ триста, какъ мы видѣли, „торговскихъ душъ". Но позволительно сомнѣваться, чтобы эта проповѣдь была новымъ соціальнымъ евангеліемъ. Какъ вы думаете, читатель?

Въ самомъ дѣлѣ, Матьё и Маріанна очень нѣжные родители, но эта нѣжность ограничивается исключительно ихъ домочадцами: въ цѣломъ романѣ нѣтъ ни одной сцены, свидѣтельствующей о томъ, что они хоть разъ подумали о чемъ-нибудь, выходящемъ за предѣлы ихъ Шантеблэ, конторы ихъ Амбруаза и фабрики ихъ Дени. Весь широкій Божій міръ заключается для нихъ въ благополучіи фромоновскаго клана. Но вѣдь такая узко-эгоистичная нѣжность представляетъ собою противо-общественный элементъ. Уже давно соціологи говорятъ, что чрезмѣрно развитая семейственность враждебна общественности. Хищники отличаются чадолюбіемъ не только въ зоологическомъ мірѣ, но и въ человѣческомъ обществѣ. Какой взяточникъ, какой казнокрадъ, расхищая государственное достояніе, не говоритъ, со слезами на глазахъ, о необходимости сберегать кое-что „дѣтишкамъ на молочишко"? И, въ сущности, если припомнить, что было нами сказано о стяжательныхъ подвигахъ Фромоновъ, не вѣрнѣе ли было бы поставить, вмѣсто утопической идеализаціи счастливой четы французскимъ натуралистомъ, насмѣшливую, но глубоко вѣрную мысль русскаго реалиста: „мужъ грабитъ, а жена подбираетъ—и выходитъ семейный домъ"?

Инымъ читателямъ моя критика послѣдняго романа Золя можетъ показаться не достаточно почтительной. Но самый талантъ автора побудилъ меня выступить противъ идеализаціи того, чего не слѣдуетъ идеализировать: я говорю, конечно, не о рожденіи дѣтей, а о пріумноженіи капиталовъ. Не я, конечно, буду оспаривать крупныя достоинства романиста, которому посвящена эта статья. Но кто много имѣетъ, съ того много и взыщется. Истина и справедливость должны быть нашимъ лозунгомъ не только въ общественной дѣятельности, но и въ литературной критикѣ, которая должна одинаково нелицепріятно судить и великихъ, и малыхъ.

Французская пресса *).

(Письмо тринадцатое).

„Зала депешъ“ какой-нибудь большой бульварной газеты Парижа—зрѣлище очень интересное и поучительное! И сдается мнѣ, что на свѣжаго человѣка, привыкшаго соединять съ печатью представленіе о серьезной и почтенной силѣ, о свѣточѣ истины и орудіи идейной борьбы, видъ этой залы произведетъ очень смѣшанное впечатлѣніе, въ которомъ не будетъ недостатка ни въ горечи, ни въ разочарованіи. Сила... конечно, сила, — доказательство тому громадная толпа, что тѣснится возлѣ разныхъ приманокъ залы. Но много ли настоящей серьезности въ этой силѣ, и достойна ли она истиннаго почета? Точно ли она свѣтитъ человѣчеству, не говоря уже о томъ, много ли отъ нея тепла? И можно ли понадѣяться на это орудіе въ мучительномъ процессѣ борьбы правды съ ложью, идеала съ низменными интересами, безсмертной мысли съ оковывающими ее путами?

Живо помню мое первое посѣщеніе такой „залы депешъ“, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже немало лѣтъ. Дѣло было въ одно изъ лучезарныхъ майскихъ утръ, когда весь Парижъ словно проникнутъ веселящимъ газомъ; когда все живое трепещетъ и радуется своему бытію; и когда даже въ неодушевленные предметы, — дома, деревья, рѣку — вы влагаете охватывающее васъ чувство радости, согласно афоризму Аміеля: „пейзажъ есть состояніе души“... Безконечная линія бульваровъ была залита солнцемъ, которое играло на этихъ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ, этихъ столикахъ кафе, этихъ свѣжихъ листахъ каштановъ, чинаръ и акацій, осыпая золотымъ свѣтомъ волнующееся море пѣшеходовъ и непрерывный рядъ экипажей. Пневматическіе часы на Итальянскомъ бульварѣ показывали одиннадцать. Парижане, а особенно фланирующіе иностранцы пристраивались на стульяхъ передъ ресторанами, заполняя почти всю широкую панель; наступалъ часъ принятія разныхъ „желудочныхъ горечей“ и прочихъ возбуждающихъ якобы аппетитъ питей передъ завтракомъ, и толпа все приливала и приливала. Слѣдуя за однимъ изъ водоворотовъ этого человѣческаго моря, я и попалъ въ „залу депешъ“ одной бойко идущей газеты. Внезапный переходъ отъ

*) Писано въ іюлѣ 1896 г., значитъ, до послѣднихъ событій, связанныхъ съ дрейфусизмомъ и такъ сильно перетасовавшихъ распредѣленіе органовъ печати по направленіямъ. Я оставилъ, однако, текстъ почти безъ измѣненій, какъ характеристику французской прессы въ данный моментъ, и лишь время отъ времени въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ отмѣтилъ послѣдующія метаморфозы органовъ и писателей.

яркаго свѣта бульвара къ умѣренному освѣщенію залы помѣшалъ мнѣ сразу разглядѣть окружающую меня обстановку. У меня невольно промелькнуло воспоминаніе дѣтства о томъ, какъ входишь, бывало, съ солнечной улицы въ полумракъ церковнаго притвора и нѣсколько мгновеній пробираешься ощупью, почти ничего не видя. И, ужъ если дѣло пошло на признанія, отчего не сказать читателю, что я даже ощущалъ слегка приливъ приподнятаго, почти молитвеннаго настроенія: какъ ни какъ, я входилъ впервые въ храмъ вольной, всесильной печати; и сами собой припоминались вольные же и гордые стихи:

. . . . . Здѣсь языкъ
Къ свободомыслію привыкъ,
И не касалася окова
До человѣческаго слова!..

Но вотъ, мало-по-малу я начинаю различать, среди давки и говора толпы, обстановку этого храма не храма, но во всякомъ случаѣ преддверія храма печати, гдѣ жрецы Идеи вступаютъ въ общеніе съ улицей... Странно: въ „залѣ депешъ“ было всего менѣе какъ разъ этихъ депешъ и вообще предметовъ, которые относились бы къ прессѣ. Въ одномъ углу было привѣшено къ стѣнѣ нѣсколько послѣднихъ телеграфныхъ извѣстій, написанныхъ мелкими буквами и какъ-то стыдливо пріютившихся бокъ-о-бокъ съ громадной черной доской, на которой большія цифры мѣломъ громко кричали о результатахъ послѣдней котировки на биржѣ. Одна изъ стѣнъ была цѣликомъ занята рисунками и фотографіями, касавшимися злобъ и вопросовъ дня (actualités). Сама по себѣ эта выставка, эта пропаганда новостей образомъ и гравюрой не противорѣчила бы еще назначенію прессы; но меня поразилъ подборъ изображеній. Въ то время, помню, въ одномъ углу Франціи была колоссальная стачка со всяческими драматическими перипетіями обычной борьбы между трудомъ и капиталомъ; въ другомъ углу только-что произошелъ громадный взрывъ въ каменноугольныхъ копяхъ, стоившій десятки человѣческихъ жизней. И что же? Во всѣхъ этихъ фотографіяхъ и рисункахъ не было и помину объ этихъ, дѣйствительно, крупныхъ событіяхъ. За то тамъ торчали карточки какого-то дипломата, посѣтившаго Францію, который развѣ только и былъ знакомъ что лицамъ, читающимъ по обязанности „Готскій альманахъ“; видъ замка, построеннаго однимъ изъ представителей „интернаціонала жуировъ“; раскрашенная фотографія модной въ то время полудивы и сполна кокотки, весь костюмъ которой состоялъ чуть ли не изъ пары длинныхъ выше локтя бѣлыхъ перчатокъ, да изъ пары же розовыхъ чулокъ; затѣмъ, нѣсколько гравюръ, выбранныхъ изъ иностранныхъ иллюстрацій, нѣсколько каррикатуръ и масса вздорныхъ рисунковъ, которые могли имѣть интересъ лишь

для бульварныхъ фланеровъ Парижа, полагающихъ, что весь широкій міръ Божій начинается у церкви Св. Магдалины, а кончается у пересѣченія Севастопольскаго бульвара...

У другой стѣны былъ размѣщенъ цѣлый рядъ автоматическихъ аппаратовъ, которые за десять сантимовъ, брошенные вами въ предназначенную для того щелку, давали вамъ возможность взвѣсить себя, получить кусокъ мыла, флакончикъ духовъ или шоколадную конфекту, насладиться стереоскопическими видами переѣзда черезъ океанъ на большомъ пароходѣ, испытать прелести слабаго, средняго или сильнаго электрическаго тока (électrisez-vous!—приглашала надпись), и т. д. Посреди большой, но переполненной публикою залы, длинный хвостъ посѣтителей стоялъ у входившаго въ то время въ моду фонографа и упивался звуками, которые бѣжали отъ цилиндра по цѣлому лѣсу каучуковыхъ трубочекъ. Взялъ и я одну изъ такихъ вѣтвей: въ ушахъ раздалась модная въ ту пору кафе-шантанная пѣсня, которая составила репутацію одного „лирическаго артиста", и вся соль которой заключалась въ очень скабрезномъ разсказѣ о приключеніяхъ четы провинціаловъ въ Парижѣ, съ идіотскимъ припѣвомъ:

Et ma femme tombe subitement
Par devant! (bis).

Повертываюсь въ другую сторону: тамъ настоящій магазинъ, и приказчики газеты продаютъ разныя мелкія вещи или прямо безполезныя бездѣлки: какую-то удивительную японскую эссенцію „вѣчныя перья"; замысловато-переплетенную проволоку, которую надо ухитриться распутать и которая составляетъ механическій ребусъ, носящій названіе „тонкинскаго вопроса", и пр. Выходя съ печальными думами изъ этого торгашескаго храма Идеи, я былъ окончательно выброшенъ изъ міра мечтаній на почву грубой дѣйствительности приставаньями служащаго, сидѣвшаго у входа за конторкой и предлагавшаго всѣмъ и каждому за 1 франкъ жиденькую брошюрку, которая обѣщала „научить въ 30 уроковъ главнымъ четыремъ европейскимъ языкамъ". Въ самомъ дѣлѣ, свѣточъ истины — и „ma femme tombe subitement etc."! Орудіе идейной борьбы—и японскіе духи! Служеніе прогрессу — и продажа завѣдомо спекулятивной книжонки! Я чуть не плакалъ, когда очутился на шумной, веселой, солнечной улицѣ, и не радовало меня ни это сіяніе весенняго дня, ни эта пестрая толпа, а вольные и гордые стихи, которые четверть часа тому назадъ я повторялъ про себя съ такимъ энтузіазмомъ, казались мнѣ теперь проникнутыми жесточайшей ироніей: вотъ такъ „свободомысліе", вотъ такъ отсутствіе „оковъ"!..

Конечно, думалось мнѣ, спекуляція—вещь давно знакомая въ книжномъ и печатномъ дѣлѣ. Но всетаки она должна бы прихо-

диться больше ко двору тамъ, гдѣ пресса опутана всевозможными ограниченіями, гдѣ она не можетъ служить своей настоящей роли, — воспитывать человѣка, пропагандировать истину, вести борьбу во имя политическихъ и общественныхъ идеаловъ,—и потому поневолѣ попадаетъ въ руки торгашей и ремесленниковъ пера. Но здѣсь-то,—здѣсь, гдѣ передъ ней развертывается такое широкое поле дѣятельности? Неужели и тутъ охота за сантимомъ и франкомъ заслоняетъ отъ нея ея настоящія задачи?..

И все это, дорогой читатель, было очень чувствительно, но молодо и не продумано! Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось познакомиться получше со свободной прессой; пришлось наткнуться на гораздо болѣе печальныя явленія въ ней, чѣмъ этотъ базарный характеръ такого спеціальнаго придатка газетъ, какъ „зала депешъ". И все же я не вижу причинъ особенно огорчаться по поводу современной печати, или особенно негодовать на нее. Дѣло въ томъ, что наши непосредственныя чувства зачастую зачерпываютъ слишкомъ мелко тотъ или другой жгучій вопросъ. Приходится всматриваться внимательнѣе въ явленія, возмущающія насъ, вдвигать ихъ въ среду, гдѣ они возникли, и ставить ихъ оцѣнку на общую почву.

Будемъ говорить прямо и открыто: печать черезчуръ преслѣдуетъ матеріальные интересы и, преслѣдуя ихъ, можетъ доходить до продажности, до размѣна убѣжденій на деньги! Не такъ-ли? Но характеризуетъ-ли возможность такого печальнаго паденія одну прессу? Не всѣ-ли отрасли человѣческой дѣятельности въ современномъ обществѣ находятся на краю этой пропасти? И главная причина этого печальнаго явленія не заключается-ли въ томъ, что человѣческій трудъ вообще сталъ товаромъ, который покупается и продается, какъ продается и покупается честь, слава, убѣжденіе, добродѣтель и любовь? Такъ или иначе, но громадному большинству человѣчества приходится жить продажей своего труда, и единственно, что мы можемъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, это канализировать такую продажу, т. е., продавая свой трудъ, стараться отстоять свою личность, свое я, свои убѣжденія, свою душу живу. Въ примѣненіи къ печати это будетъ значить какъ разъ то, что сказалъ давно еще нашъ поэтъ:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать!

Что дѣлать? По теперешнимъ условіямъ я принужденъ продавать свой трудъ въ формѣ рукописи, выносить ее на рынокъ, искать покупателя. Но не желтое сіяніе червонца и не звонъ его вдохновятъ мою мысль и подскажутъ мнѣ характеръ моей статьи! Къ сожалѣнію, именно громадное значеніе современной

прессы сѣетъ много соблазновъ по пути теперешняго журналиста: мало-ли есть крупныхъ общественныхъ силъ и группъ, которымъ важно усыпить стоглазаго Аргуса—прессу, прикормить этого зоркаго и громко-лающаго Цербера? И какихъ только чечевичныхъ похлебокъ не поставятъ предъ вами, какими только „жирными говядами“ не будутъ приманивать васъ! А тутъ бросишь взглядъ кругомъ себя, на картину общей грызни въ современномъ обществѣ: сколько конкуррентовъ находится на кусокъ хлѣба!.. Какую массу энергіи, знанія, ума и таланта приходится тратить каждому изъ пишущихъ, чтобы отстоять себя въ борьбѣ за существованіе!.. Поневолѣ ростетъ искушеніе. Не всякій изъ насъ герой, не всякій можетъ стоически выносить голодъ и смотрѣть, какъ голодаютъ жена и дѣти, утѣшая себя философіей, заключенной въ стихахъ:

Жена и дѣти, другъ, повѣрь, большое зло:
Отъ нихъ все скверное на свѣтъ произошло!..

Такова скользкая почва, на которой спотыкается, падаетъ и сползаетъ внизъ масса работниковъ печати, и нѣтъ конца этому паденію по наклонной плоскости! Сегодня приводишь передъ судомъ своей совѣсти, какъ смягчающія вину обстоятельства, кусокъ хлѣба для своихъ; на завтра пускаешь въ ходъ софизмы насчетъ необходимости удовлетворять свои умственныя потребности; и смотришь, черезъ нѣсколько времени уже очутился въ компаніи того вліятельнаго газетчика-шантажиста, которому понадобилось нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ для того, чтобы на новый годъ имѣть возможность „оригинально“ поздравить свою любовницу, посылая ей въ теченіе 24 часовъ перваго января каждый часъ (sic!) по новому подарку.

Вотъ вамъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ изъ современной французской прессы. Внимательный читатель здѣшнихъ газетъ долженъ быть пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что французская печать, обыкновенно столь чувствительная и сердобольная къ разнымъ притѣсненіямъ и „попраніямъ права силой“, крайне сдержанно говоритъ, или, вѣрнѣе, совсѣмъ почти ничего не говоритъ ни о варварствахъ, которыя совершаются въ Турціи надъ христіанами (армянами, греками—критянами), ни о звѣрской политикѣ испанцевъ на островѣ Кубѣ. Раздастся какой-нибудь одинокій голосъ въ защиту армянъ или пошлетъ какой-нибудь крайній органъ нѣсколько проклятій по адресу маршала Вейлера и выраженіе сочувствія кубанскимъ инсургентамъ, и тѣмъ дѣло кончено *). Громадное большинство органовъ прикрываетъ

*) Обличительная кампанія, которую націоналистскіе и клерикальные органы ведутъ теперь противъ англичанъ, основана не на искренней любви къ бурамъ, а на ненависти къ «исконному врагу Франціи», заламаншскому сосѣду.

стыдливымъ молчаніемъ эти безобразія или ухитряется говорить о нихъ какъ-то необыкновенно развязно и объективно, точно дѣло происходитъ на Марсѣ и между существами, отнюдь не похожими на человѣка.

Одному моему близкому пріятелю пришлось какъ-то вести по этому поводу разговоръ съ однимъ изъ представителей кубанскихъ инсургентовъ, нѣкіимъ докторомъ Бетансесомъ (нынѣ умершимъ), пожилымъ, но очень живымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ одинъ изъ редакторовъ выходящаго въ Парижѣ на половину на испанскомъ, на половину на французкомъ языкѣ органа кубанцевъ „La República Cubana", котораго появилось до сихъ поръ немало номеровъ, — каждый четвергъ номеръ,—но существованіе котораго французская пресса умышленно игнорируетъ. Бетансесъ глубоко возмущенъ этимъ поведеніемъ печати, но не хочетъ вѣрить, чтобы это молчаніе дѣйствительно выражало настроеніе общественнаго мнѣнія во Франціи. Все дѣло въ томъ,—думаетъ онъ,—что испанское посольство въ Парижѣ, несмотря на плохіе финансы страны, не скупится тратить массу денегъ для... настраиванія французской прессы по своему камертону. И не то, чтобы оно прямо подкупало газетчиковъ,— фи, какъ это только возможно подумать! Естественное и логическое развитіе строя, гдѣ все покупается и продается, выработало для сдѣлокъ формы, не оставляющія ничего желать лучшаго въ смыслѣ благообразія!

Такъ вы, можетъ быть, полагаете въ простотѣ душевной, что упомянутое посольство выдаетъ тому или другому вліятельному журналисту извѣстную сумму съ просьбой вести пропаганду въ опредѣленномъ смыслѣ? Конечно, практикуется въ экстренныхъ случаяхъ и такой пріемъ. Но чаще всего тактика слѣдующая: возлѣ каждой редакціи и лицъ, завѣдующихъ ея главными отдѣлами, снуетъ цѣлый міръ болѣе или менѣе случайныхъ сотрудниковъ, находящихся въ пріятельскихъ отношеніяхъ со столпами органа. Вотъ въ эту-то легкую кавалерію и старается втереться доброжелатель посольства, который и получаетъ за свое доброжелательство приличную мзду. Онъ успѣваетъ стать на товарищескую ногу съ тѣмъ или другимъ сотрудникомъ; отъ времени до времени онъ очень ловко и деликатно оказываетъ услуги главнымъ участникамъ въ газетѣ; затѣмъ мало-по-малу становится своимъ человѣкомъ въ редакціи,—замѣтьте, нисколько повидимому не вмѣшивающимся во внутренніе распорядки газеты, а лишь связаннымъ съ редакторами чисто-личными отношеніями.

Допустимъ, происходитъ на островѣ Кубѣ что-нибудь серьезное: инсургенты наносятъ пораженіе испанцамъ, и американскія газеты полны подробностями, неблагопріятными для мадридскаго кабинета. Требуется ослабить въ Европѣ это дурное впечатлѣніе отъ пораженія, а главное парализовать участіе къ воз-

ставшимъ. Вотъ тутъ-то и появляется на сцену ловкій доброжелатель посольства. Онъ снабжаетъ какого-нибудь сотрудника газеты сенсаціонными извѣстіями, полученными якобы съ театра войны, а на самомъ дѣлѣ сфабрикованными въ посольствѣ; даетъ понять сотруднику, какъ важно въ интересахъ самой газеты опубликовать „истинное положеніе вопроса", а при случаѣ окрылитъ его усердіе и болѣе вещественными аргументами; затѣмъ, настроивши сотрудника, заведетъ разговоръ на эту тему и съ однимъ изъ редакторовъ, стараясь доказать ему всю своевременность помѣщенія данныхъ извѣстій. Смотришь, редакторъ начинаетъ искать статьи по поднятому вопросу; выростаетъ какъ изъ земли сотрудникъ съ самоновѣйшими и наивѣрнѣйшими свѣдѣніями съ мѣста возстанія; и посольская проза, сфабрикованная въ Парижѣ, сходитъ для читателей за подлинную телеграмму спеціальнаго корреспондента съ Кубы. А доброжелатель только руки потираетъ... Теперь, извольте доказать, что тутъ, собственно говоря, есть неблаговиднаго. Читателю хочется истины: газета и даетъ ему эту истину со словъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія... Еще проще этой положительной задачи—задача отрицательная: не дать инсургентамъ представить публикѣ настоящаго положенія дѣлъ. Тутъ доброжелателю остается лишь, пользуясь своими связями, слѣдить за тѣмъ, какъ бы не была доставлена въ редакцію какая-нибудь статейка изъ враждебнаго лагеря, и воспрепятствовать ея помѣщенію.

О подобнаго же рода тактикѣ мнѣ пришлось услышать изъ устъ другого моего близкаго пріятеля, который знакомъ въ Парижѣ съ членами армянскаго комитета, и которому эти послѣдніе разсказывали со слезами ярости и негодованія, какъ Высокая Порта успѣваетъ наводнять французскую печать статьями, сочувственными туркамъ, и подавлять протестъ армянъ противъ завѣдомой лжи этихъ „спеціальныхъ" корреспонденцій. Цитировали даже одну очень почтенную газету, которая упорно держитъ сторону турокъ съ самой русско-турецкой кампаніи, когда она увѣряла всѣхъ и каждаго, что всѣ эти звѣрства мусульманъ придуманы лишь русскими. И опять таки, повторяю, извольте доказать, что этотъ органъ на откупу у оттоманскаго правительства: какъ разъ за диффамацію притянутъ!

Поневолѣ припоминаешь исторію, которая приключилась около 1895 г. съ пресловутымъ де-Бловицемъ (вся эта честная компанія ужасно стоитъ за *де*, *фоны* и прочія „благородныя" частицы). Бловицъ—типъ мѣднолобаго и пронырливаго политическаго репортера, слава котораго гремитъ особенно съ того времени, какъ ему удалось воровскимъ манеромъ узнать содержаніе Берлинскаго договора до его опубликованія. Такіе люди сущій кладъ для современной прессы, разсчитанной на имущихъ. Немудрено, что, не умѣя даже путемъ писать по англійски (ему переводитъ

секретарь), этотъ господинъ состоитъ корреспондентомъ лондонскаго „Таймса“ и получаетъ за то нѣсколько сотъ тысячъ франковъ въ годъ. Всюду ему открытъ доступъ; дипломаты и министры, литераторы и художники, банкиры и актеры, словомъ, всѣ люди, для которыхъ важна печать, носятъ на рукахъ де-Бловица, хотя въ душѣ и презираютъ его. Эту рѣчь я веду все къ тому, чтобы дать вамъ понятіе о нравственной физіономіи всесильнаго Тряпичкина-очевидца, который, конечно, долженъ хорошо знать закулисную сторону печати. И вотъ этотъ-то самый господинъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій возьми да и бухни, что напрасно, молъ, англійское правительство не прибѣгаетъ къ удобному и полезному пріему прикармливанія французской прессы, который-де практикуется издавна большинствомъ иностранныхъ посольствъ. Можете себѣ представить, какой эффектъ произвела эта нечаянно-сорвавшаяся фраза на французскую печать, внѣшнимъ образомъ вообще очень щепетильную и щекотливую. Такъ какъ невозможно было всѣмъ представителямъ прессы вызвать Бловица на дуэль—обычный способъ „возстановленія чести“ во Франціи!—да и за диффамацію нельзя было уцѣпиться: Бловицъ не назвалъ въ частности ни одного органа,—то рѣшили устроить судъ чести, на который и пригласили шустраго корреспондента. Само собою разумѣется, промахнувшійся собратъ растекся въ неловкихъ извиненіяхъ передъ собратами; собраты выразили строгое порицаніе члену своей корпораціи, назвали его даже клеветникомъ и тѣмъ сочли свою честь удовлетворенною. Бловицъ отряхнулся послѣ этой головомойки и, послѣ нѣсколькихъ дней добровольнаго остракизма, снова появился, какъ ни въ чемъ ни бывало, на сценѣ „всего Парижа“, встрѣчаясь по прежнему и съ дипломатами, и съ артистами, и съ газетчиками: авгуры смотрятъ другъ на друга, не смѣясь при публикѣ, и публика довольна...

Спуститесь отъ этихъ высшихъ сферъ политики къ болѣе низменнымъ, но не менѣе существеннымъ интересамъ: вы найдете ту же самую готовность прессы говорить о томъ, что клонитъ къ защитѣ этихъ интересовъ, и упорно замалчивать вещи, невыгодныя для нихъ. Напримѣръ, ни одного года не проходитъ безъ того, чтобы нѣсколько разорившихся игроковъ не отправили себя на тотъ свѣтъ среди роскошныхъ садовъ Монтэкарло, на лазурномъ побережьи Средиземнаго моря. И почти никогда вы не найдете въ печати свѣдѣній объ этихъ жертвахъ рулетки: почитай, весь бюджетъ Монакскаго княжества покрывается доходомъ отъ игры; потому, въ виду важности такого финансоваго источника, вся пресса получаетъ правильную субсидію отъ заинтересованной стороны, подъ условіемъ и не заикаться о трагическихъ происшествіяхъ, но за то тѣмъ съ большимъ паѳосомъ распространяться о клима-

тическихъ, свѣтскихъ и прочихъ прелестяхъ владѣній династіи Гримальди.

Этотъ возмущающій убѣжденнаго человѣка характеръ прессы осязательно выражается въ цѣломъ рядѣ банкротствъ, шантажей, прямой продажности и прочихъ неблаговидныхъ поступковъ нѣкоторыхъ яркихъ представителей журнализма во Франціи. Тутъ можно поставить точки надъ *i*, не боясь изобличеній въ клеветѣ: карьера этихъ господъ сдѣлалась достояніемъ судебной хроники и предметомъ разговоровъ въ обществѣ. Кто, напримѣръ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ не произносилъ съ почтеніемъ и со страхомъ имя Шарля Лорана, „неподкупнаго цензора нравовъ", директора „Парижа" и „Дня", который велъ кампанію противъ Вильсона и прочихъ „торговцевъ честью Франціи"? А теперь знаменитый обличитель, сравнительно дешево поплатившись за злостное банкротство, сидитъ съ этой честью у моря и ждетъ погоды! *) А Эдуардъ Порталисъ, ловкій и неугомонный спекуляторъ въ политической сферѣ, вдохновитель „Девятнадцатаго вѣка", гдѣ онъ теперь, гдѣ? Увы! оградивъ себя отъ скамьи подсудимыхъ путешествіемъ за океанъ, онъ принужденъ примѣнять теперь свои организаторскіе таланты въ одной изъ южно-американскихъ республикъ! А доблестный Рауль Канивэ, славный своими филантропическими подписками, празднествами, обѣдами, Канивэ, предсѣдатель комитета по устройству франко-русскихъ торжествъ въ Парижѣ, Канивэ, украшенный знаками отличія? Полагая, что всякій трудъ долженъ оплачиваться, въ томъ числѣ и филантропія, онъ нѣсколько разъ неосторожно черпнулъ изъ собираемыхъ суммъ, пустился на неудавшійся шантажъ и въ настоящее время организуетъ благотворительность, если не ошибаюсь, въ Каирѣ. А (покойный) фигаристъ Розенталь, который писалъ иностранныя обозрѣнія подъ псевдонимомъ Жака Сенсэра, на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ ему различными дипломатами, и который распоряжался, что называется, и дождемъ, и ведромъ въ литературныхъ кругахъ? Погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и великолѣпія: былъ арестованъ за шантажъ, изверженъ изъ „Фигаро" и оправданъ судомъ исправительной полиціи, но съ такими оговорками, что это оправданіе хуже прямого клейма! А сенаторъ Эдмондъ Манье, основатель „L'Evénement'a", въ которомъ привыкли видѣть одно время родъ республиканскаго „Фигаро", Манье, пользовавшійся сильнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, Манье, построившій себѣ настоящій дворецъ возлѣ Іеръ (Hyères), на берегу Средиземнаго моря? Тоже въ бѣгахъ, и тоже за безцеремонное обращеніе съ чужими деньгами! А Ульрихъ де-Сиври, редакторъ одной изъ распространенныхъ военныхъ газетъ (L'Echo de l'armée), предки котораго приходились родней разнымъ вѣнценосцамъ и

*) Онъ дождался ея и снова вынырнулъ на столбцахъ «Le Français».

который съ такимъ трескомъ и громомъ умѣлъ писать объ „honneur-r-r de la Fr-r-r-ance“, о „gr-r-r-ande nation“, о „dr-r-r-apeau tr-r-ricolor-r-re“? Увы и паки увы! сидитъ въ тюрьмѣ за шантажъ и мошенничество по дѣлу „маленькаго сахаровара“ *).

До сихъ поръ я говорилъ о недозволенныхъ закономъ дѣйствіяхъ. Но посмотрите на дѣйствія ненаказуемыя. Вотъ хоть бы реклама, которую нѣкоторые органы въ родѣ „Фигаро“ возвели на степень совершенства. Фешіонэбельная газета сама откровенно печатаетъ воззваніе къ нуждающимся въ рекламѣ, напирая на свою распространенность и говоря, что на первой страницѣ реклама стоитъ всего сорокъ франковъ строка,—пустяки, какъ видите, въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать такая форма гласности. Въ самомъ дѣлѣ, за сорокъ франковъ строка вы можете сами расхвалить себя какъ угодно, и этотъ диѳирамбъ будетъ напечатанъ тѣмъ же самымъ шрифтомъ, какъ и редакціонныя статьи, въ отдѣлѣ новостей, отголосковъ или даже особой статьей,—словомъ, по возможности такъ, чтобы читатель принялъ вашу прозу за выраженіе мнѣнія самой редакціи. Но это родъ рекламы, если и не совсѣмъ первобытный, то всетаки не вполнѣ еще тонкій: привычный читатель сейчасъ же разбирается въ этихъ хитростяхъ, сшитыхъ на бѣлую нитку. Но есть реклама артистическая, такъ что сразу и не заподозришь чистоты ея источника. Примѣръ. Какъ извѣстно „Фигаро“, который „присоединился“ къ республикѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, сохранилъ много сотрудниковъ-монархистовъ и вообще очень стоитъ за соблюденіе традицій и этикета павшаго режима. Потому-то всякій разъ, какъ коронованное лицо, будь-то шахъ персидскій или какой нибудь микроскопическій принцъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ, „Фигаро“ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не устроитъ вѣнценосной особѣ торжественнаго пріема съ концертомъ, смотромъ политическихъ и литературныхъ знаменитостей Парижа, шампанскимъ, тостами и пр. Пріѣхалъ въ 1895 г. король португальскій. По обыкновенію „Фигаро“ организовалъ свой традиціонный пріемъ и, по обыкновенію же, расписалъ на слѣдующій день въ подробности всѣ перипетіи торжества. Это все въ порядкѣ вещей, и рядомъ съ монархическими традиціями тутъ преслѣдуется особый сортъ рекламы для самой газеты: вотъ, дескать, мы какіе,—королей принимаемъ! Но что было новаго, такъ это обстоятельное описаніе ковровъ на полу и стѣнахъ, въ которые былъ принаряженъ отель „Фигаро“, и точный адресъ фабриканта, поставившаго ихъ. Вотъ это, что называется, однимъ камнемъ двухъ воронъ сшибить: и традицію соблюсти, и капиталы пріобрѣсти... отъ поставщика, который, вѣроятно, не одну тысячу франковъ положилъ на то,

*) Всѣ эти лица, если не успѣли умереть, уже снова реабилитированы и занимаются прежними или аналогичными ремеслами.

чтобы рекламировать свои произведенія въ статьѣ, посвященной королю португальскому...

Другой примѣръ, тоже изъ „Фигаро". Газета эта, рядомъ съ монархическими традиціями, очень стоитъ за традиціи католическія, за тѣ обрядовыя театральныя формы, которыя приняло здѣсь, подъ вліяніемъ Рима, христіанство. Дѣло было въ страстную пятницу, когда аристократія и буржуазія считаютъ долгомъ пойти въ церковь. Въ „Фигаро" появляется очень длинная и очень чувствительная статья, гдѣ излагается историческое и нравственное значеніе этого дня, и читатели приглашаются отрѣшиться отъ всего земного и вознести помыслы къ небу... Конечно, дошедши до этого пункта, читатель слѣдуетъ благочестивому приглашенію автора статьи и начинаетъ возноситься мыслію въ горняя... какъ вдругъ онъ наталкивается въ самомъ концѣ на слѣдующій строки: „Въ этотъ великій день мы считаемъ неумѣстнымъ подчеркивать человѣческое тщеславіе; но такъ какъ женское кокетство никогда не теряетъ своихъ правъ, то мы рѣшаемся всетаки посовѣтовать изящнымъ дамамъ надѣвать въ этотъ день для церкви костюмъ попроще и ограничиться темными платьями и нѣсколькими хорошими бриллiантами,—по возможности безъ золотой оправы. Кстати, такіе бриллiанты можно найти у фабриканта такого-то, и вотъ вамъ его точный адресъ". Вотъ пріемъ рекламы, за который авторъ-католикъ долженъ былъ, очевидно, получить не одну сотню франковъ.

Но всѣ эти пріемы наживы—законные или беззаконные, дозволенные или недозволенные—носятъ на себѣ грубо-меркантильный характеръ. Прочно поставленные органы поддерживаютъ въ значительной степени свое существованіе иными болѣе нормальными путями: подпиской, а особенно розничной продажей, которая во Франціи является самой обычной формой распространенія газеты. Въ странѣ со свободными сравнительно учрежденіями, гдѣ классовые интересы рѣзко обозначены, а борьба политическихъ партій достигаетъ большой напряженности, печать является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій выработки различныхъ элементовъ общественнаго самосознанія. Элементы эти зачастую несовмѣстимы другъ съ другомъ; но это уже вина не печати, а самого современнаго строя, который основанъ на существованіи различныхъ классовъ и столкновеніи ихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, являясь выразителемъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ интересовъ, извѣстный органъ и живетъ поддержкою этихъ интересовъ. Конечно, и во Франціи есть не мало читателей, которые хватаются то за ту, то за другую газету, или же которые годами читаютъ извѣстный органъ, просто по привычкѣ. Но все же вы найдете здѣсь массу читателей, которые созна-

тельно покупаютъ такой, а не иной листокъ, находятъ въ немъ отвѣты на разные запросы свои, видятъ въ немъ своего оракула, составляютъ по немъ всѣ свои мнѣнія о людяхъ и вещахъ и яростно пропагандируютъ его между друзьями и знакомыми.

Вотъ къ этой идейной роли прессы я и перехожу. Чѣмъ болѣе я думаю о такомъ значеніи печати, тѣмъ большимъ уваженіемъ я проникаюсь къ этой общественной силѣ, несмотря на отрицательныя стороны ея, которыя, какъ могъ видѣть читатель, я отнюдь не оставляю въ тѣни, но которыя, повторяю, являются лишь отраженіемъ современнаго строя. Такое отношеніе мое къ печати тѣмъ менѣе можетъ возбуждать недовѣріе въ читателѣ, что я ничуть не думаю творить себѣ изъ прессы кумира, поставлять ее на недосягаемый пьедесталъ и видѣть въ ней особую высшую силу, парящую надъ обществомъ. Смѣшно, особенно по теперешнимъ временамъ, раздѣлять предразсудокъ записныхъ газетчиковъ, которые считаютъ себя какой-то избранной корпораціей, солью земли и „жрецами" типографскаго станка. Главное дѣло не въ томъ, чтобы только писать о жизни, а чтобы жить и особенно помогать жить другимъ: иначе это выйдетъ газетное искусство для искусства! За то эта служебная роль печати, растворяющей себя безъ остатка въ общественной дѣятельности, въ высшей степени плодотворна и значительна.

Въ настоящее время пресса является самымъ лучшимъ выразителемъ общественнаго самочувствія. Можно спорить лишь о необходимости большаго или меньшаго простора ея, но отрицать все великое значеніе ея такъ же наивно, какъ отрицать полезность для организма чувствующихъ нервовъ. Конечно, порою бываетъ больно отъ нихъ; но безъ нихъ тѣло было бы лишено удивительно ловко устроеннаго механизма, который только и предохраняетъ живое существо отъ разрушительнаго дѣйствія разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ агентовъ. Помните опыты одного ученаго надъ кроликомъ, которому онъ перерѣзалъ чувствительный нервъ глаза: кроликъ не ощущалъ никакой боли въ глазу и, вѣроятно, могъ бы воскликнуть: о радость, о счастье! Увы, животное безъ разбору тыкалось глазомъ обо что попало, и воспаленіе глазного яблока сдѣлало кролика кривымъ. Подобнаго же рода экспериментъ желали бы продѣлать надъ обществомъ люди, не любящіе печати, съ той сугубо огорчительной разницей, что, благодаря ихъ попеченію, политическій организмъ не только бы окривѣлъ, но и прямо ослѣпъ. Франціи, этой странѣ политическихъ экспериментовъ, пришлось вынести на себѣ такой опытъ и дорого поплатиться за него. Кто не знаетъ, какой режимъ зажима водворилъ рыцарь декабрьской ночи! Первыя десять лѣтъ страна, загнанная въ колодки, буквально не могла пошевелиться: осадное положеніе и такъ называемыя „смѣшанныя коммиссіи", которыя, вмѣсто правильнаго суда, распоряжались по произволу свободой

и жизнью гражданъ; законодательный корпусъ, эта жалкая пародія на парламентъ, который собственно лишь скрѣплялъ декреты правительства; пресса, надъ которой висѣла цѣлая оружейная камера дамокловыхъ мечей; и т. д. Дѣло вскорѣ дошло до того, что личный другъ императора, докторъ Веронъ, ловкій и беззастѣнчивый спекуляторъ театральнаго и печатнаго міровъ, ужаснулся оцѣпененію, въ которомъ находилась Франція, и совѣтовалъ Наполеону III хоть нѣсколько отпустить возжи: нюхъ Верона подсказывалъ ему, что, подавляя независимую мысль и чувство, культивируя раболѣпство и оффиціальную ложь, Имперія была лишена возможности знать настоящее положеніе дѣлъ и могла очутиться въ одно прекрасное утро застигнутою врасплохъ серьезными событіями. Пророчество исполнилось въ точности, и не помогли Наполеону III тѣ либеральныя поползновенія, которыя онъ обнаружилъ слишкомъ поздно, въ концѣ своего царствованія. Оффиціальная ложь властвовала черезчуръ долго надъ жизнью страны, и искренняя критика черезчуръ долго находилась въ загонѣ, чтобы Франція могла сразу вылечиться отъ послѣдствій гнета. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 г. пресловутый маршалъ Лебёфъ еще заявлялъ, что предстоящая „война съ Пруссіей можетъ длиться хоть два года, но намъ не придется прикупить даже одной пуговицы для солдатскихъ сапогъ". А полтора мѣсяца спустя Имперія уже утонула въ грязи и крови...

Эту роль печати, какъ органа всеобщаго самочувствія, и должны имѣть въ виду люди, подозрительно смотрящіе на прессу. Всякій, кому дороги общество, общественная жизнь, здоровье и счастье того великаго цѣлаго, къ которому всѣ мы принадлежимъ, долженъ стоять за печать. И при этомъ нечего впадать въ преувеличенія ни въ ту, ни въ другую сторону; нечего ни приписывать печати того могущества, какого она не можетъ имѣть, ни отказывать ей, наоборотъ, даже въ самомалѣйшемъ воздѣйствіи на общество. Дѣйствительно, обращаясь къ этому послѣднему взгляду, мы находимъ нѣкоторыхъ выдающихся представителей самой печати, которые прямо смѣются надъ возможностью для нея имѣть какое бы то ни было вліяніе. Какъ-то мнѣ пришлось перечитывать по этому поводу парадоксальнаго, но оригинальнаго и сильнаго публициста: я говорю объ Эмилѣ де-Жирардэнѣ.

Вотъ одна-двѣ цитаты изъ его этюда о „Безсиліи прессы", который служитъ введеніемъ въ „Вопросы 1878-го года" и въ которомъ неутомимый писатель развилъ идеи своей старинной брошюры (появившейся въ 1842 г) „О вліяніи прессы и о журнализмѣ":

Что касается печати, то въ настоящее время осталось лишь одно предложеніе, справедливость котораго не была провѣрена опытомъ: это—необходимость ея полнѣйшей безнаказанности, вытекающей изъ ея безсилія. Кто

не держится этого мнѣнія, тотъ не имѣетъ никакого права осуждать тѣ правительства, которыя, раздѣляя общій предразсудокъ, нагромоздили законы на законы, ограничивающіе свободу прессы. Если вы не поставите принципомъ безнаказанности печати въ той же мѣрѣ, какъ и безнаказаность колдовства или ереси; если вы воображаете, что могутъ быть какія-то типографическія чарованія, если вы думаете, что могутъ существовать преступленія и проступки по дѣламъ печати; если вы полагаете, что клевета и диффамація могутъ вредить чести и довѣрію пострадавшаго,—на чемъ тогда вы будете основываться въ своихъ требованіяхъ, чтобы правительство отказалось пускать въ ходъ то оружіе, которое дали ему законы для охраны и защиты своей противъ враговъ, клеветниковъ, диффаматоровъ и хулителей? Если правда, что газета обладаетъ силою ослабить правительство, дискредитировать его или, по крайней мѣрѣ, потрясти его, если не низвергнуть, то, какъ вы думаете, будетъ ли эта сила тѣмъ значительнѣе, чѣмъ нападенія рѣзче или, наоборотъ, чѣмъ нападенія эти умѣреннѣе? Если это могущество тѣмъ сильнѣе, чѣмъ формы его сдержаннѣе и чѣмъ большею умѣренностью прикрыто оно, то какимъ же образомъ поступитъ законъ, чтобы покарать эту силу и чтобы возвести самую умѣренность въ преступленіе или проступокъ? *).

И нѣсколькими страницами далѣе:

Нельзя убить человѣка, не лишивъ его жизни; невозможно украсть у него кошелекъ и въ то же время оставить его владѣльцу. Но то, что невозможно сказать открыто, очень легко выразить въ формѣ инсинуаціи. Вы можете запретить оскорбленіе, клевету, диффамацію, ругательство и сильныя выходки. Но какъ ухитритесь вы преслѣдовать и покарать инсинуацію, аллегорію, притчу, двусмыслицу, гипотезу, загадку, наведеніе, различныя подразумѣвающіяся вещи, иронію, ловкое вышучиваніе, коварное нападеніе, прямой запросъ подъ формой недоумѣнія, обличеніе подъ маской отрицанія, а при случаѣ даже подъ личиной негодованія и т. д., и т. д.?.. Развѣ умъ писателя не есть самая тонкая вещь въ мірѣ, а умъ читателя самая лукавая? И развѣ, лишь только вы поставили препятствіе между писателемъ и его читателемъ, не установляется между ними родъ молчаливаго соглашенія, родъ тайнаго заговора, родъ интеллектуальнаго укрывательства, которые дѣлаютъ призрачными всѣ предосторожности принимаемыя закономъ, и недѣйствительными всѣ эти строгости? Развѣ во время Реставраціи не достаточно было нарисовать барана или произнести имя этого животнаго для того, чтобы сейчасъ же эта эмблема или это названіе показали, что дѣло идетъ о Карлѣ X? Что могла сдѣлать цензура? Если она запрещала упомянутаго барана, сейчасъ всѣ начинали кричать, что именно она сама и была виновна въ оскорбленіи, отыскивая таковое въ подобномъ наивномъ намекѣ. Развѣ во время іюльской монархіи не пришлось издать особаго закона, запрещавшаго всякое изображеніе груши (намекъ на голову Луи-Филиппа)? И развѣ защищать монархію такимъ образомъ не значило разоблачать и увеличивать ея непрочность **).

Презрительно пожимая плечами, Эмиль де-Жирардэнъ спрашиваетъ:

Ну что такое газетныя статьи? Врядъ ли даже отдѣльныя пылинки, которыя бросаетъ на землю тотъ самый вихрь, что поднялъ ихъ! Настоящее

*) Emile de Girardin, *L'impuissance de la presse. Questions de l'année 1878*. Парижъ 1879, Préface, XVI.

**) Ibid., стр. XVIII—XIX.

имя печати не печать, а забвеніе. Кто помнитъ о газетной статтѣ, написанной вчера? Презрѣніе ко всѣмъ этимъ газетнымъ статьямъ,—таково бы должно быть единственное поведеніе всѣхъ правительствъ, а особенно такого правительства, которое обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ націй? *)

Или:

Что думать о силѣ этого мнимаго буксирнаго парохода (remorqueur), который якобы влечетъ за собой идеи, когда на самомъ-то дѣлѣ онъ все время лишь спускается по теченію рѣки, а никогда не можетъ подняться противъ него? Когда историческое теченіе уноситъ данное правительство, послѣднее полагаетъ, что тому виной газеты, точь-въ-точь какъ дѣти, когда ихъ прогуливаютъ въ колясочкѣ, воображаютъ, что не коляска движется, а деревья бѣгутъ навстрѣчу. Ошибка эта одного и того же рода. То, что правительство называетъ силою печати, есть на самомъ дѣлѣ сила теченія. Когда газеты идутъ въ направленіи этого теченія, онѣ *повидимому* всемогущи, но какъ только онѣ начинаютъ бороться противъ него, онѣ *на самомъ дѣлѣ* не въ состояніи сдѣлать ничего. Что отсюда вытекаетъ? Что не газетъ слѣдуетъ бояться, а историческаго теченія! **)

Не стану далѣе цитировать этого автора, который нѣсколько разъ возвращается къ своему забавному и злому сравненію журналистовъ съ мнимыми магами и чародѣями, которые помѣшались на своемъ всемогуществѣ и за то подвергаются всякимъ карамъ, какъ подвергались имъ и средневѣковые колдуны, наивно воображавшіе, что у нихъ въ рукахъ таинственная сила, данная имъ сатаной. Отрицаніе за прессой всякаго значенія, несомнѣнно, хватаетъ черезъ край, но оно является противовѣсомъ другого крайняго мнѣнія, приписывающаго печати дѣйствительно волшебную силу, особенно на зло.

Настоящая оцѣнка значенія прессы лежитъ между двумя крайностями. Начать съ того, что обѣ онѣ внушены прямо или косвенно одностороннимъ взглядомъ на прессу, какъ на силу отрицательную, на орудіе разрушенія: отъ нихъ слишкомъ пышетъ жаромъ борьбы, и каждая точка зрѣнія подразумѣваетъ эту борьбу... Но развѣ мало есть въ обществѣ положительныхъ задачъ? Развѣ ужъ такъ тѣсенъ и бѣденъ вопросами міръ созиданія, міръ соціальнаго творчества?

Возвращусь къ сдѣланному уже мною сравненію печати съ чувствительными нервами. Гласность—единственное средство для общества знать, что происходитъ въ разныхъ частяхъ его, чѣмъ больны его отдѣльные органы, куда направлены ихъ стремленія. Слишкомъ уже разорвано современное общество на различные классы, слишкомъ передѣлено на враждебные интересы, чтобы центральный органъ сознанія могъ имѣть достаточное понятіе о томъ, что происходитъ въ различныхъ углахъ соціальнаго орга-

*) Ibid., стр. XLVIII.
**) Ibid., стр. LVI.

низма. Но одною этою ролью чувствительнаго, записывающаго ощущенія аппарата не исчерпывается положительная роль прессы. А движущій аппаратъ, а выработка тѣхъ цѣлесообразныхъ общественныхъ движеній и теченій, въ которыя должна постоянно разрѣшаться соціальная жизнь, ибо эта жизнь есть вѣчное движеніе, измѣненіе и прогрессъ? Создаетъ ли печать по своему произволу эти могущественные потоки общественныхъ идей и аффектовъ? Конечно, нѣтъ! Нашъ великій критикъ Добролюбовъ въ художественномъ творчествѣ отыскивалъ зависимость и отраженіе жизни. Насколько же сильнѣе эта связь должна сказываться въ текущей прессѣ, которая живетъ интересами дня и жгучими вопросами современности! Но именно здѣсь печати принадлежитъ оформляющая роль, т. е. задача уловить возникающее теченіе въ его смутности и неопредѣленности и придать ему такую ясную форму, которая увлекла бы и направила массы по пути, инстинктивно притягивающему ихъ.

Это взаимодѣйствіе между представителями печати и большой читающей публикой есть въ сущности одинъ изъ видовъ общаго вопроса о вліяніи другъ на друга иниціативной личности и общества, и, посвятивши ему одинъ изъ моихъ этюдовъ (см. выше „Цезаризмъ и роль личности"), я возвращаться къ нему не буду. Но именно въ передовой странѣ, какова Франція, гдѣ политическая пресса такъ распространена, а число читателей такъ велико, воочію видишь, какое могущество придаетъ извѣстному писателю тотъ слой публики, на который онъ опирается; а съ другой стороны, какую громадную координирующую силу сообщаетъ общественнымъ интересамъ, отъ лица которыхъ говоритъ писатель, ясная формулировка ихъ этимъ писателемъ. Зачастую мѣткое названіе, ловко выбранный пароль, кличка, брошенная врагу, или нѣсколько строкъ точной программы производятъ очень ощутительное дѣйствіе на группировку партій и увеличеніе сторонниковъ данной политики.

Вѣдь даже у тѣхъ самыхъ писателей въ родѣ Жирардэна, которые отрицаютъ за прессой всякое вліяніе, прорываются фразы, говорящія совсѣмъ противоположное и перехватывающія черезъ край, но уже въ другую сторону. Разверните одинъ изъ старинныхъ томовъ „Вопросовъ моего времени" этого автора. Вотъ что, между прочимъ, вы найдете тамъ:

Есть слова всемогущія: одно слово было порой сильнѣе всякаго монарха, грознѣе всякой арміи. Есть слова—узурпаторы; иное слово, драпируясь въ ложный смыслъ, называя *властью* то, что на самомъ дѣлѣ есть *злоупотребленіе*, или *свободой* то, что есть *излишество*, говоря *слава* вмѣсто *война* или *мира* вмѣсто *униженіе*, можетъ сѣять пропаганду, совращать умы, поднимать народы, потрясать троны, разрушать равновѣсіе государствъ, приводить въ смятеніе міръ и на сто лѣтъ замедлять ходъ цивилизаціи! Есть слова, которыя полны жизни, какъ живые люди, страшны, какъ завоеватели, неограниченны, какъ деспоты, безжалостны, какъ палачъ; наконецъ, есть слова, ко-

торыя удивительно быстро размножаются и которыя, будучи однъ разъ произнесены, сейчасъ же являются на всѣхъ устахъ *).

Повторяю, это, что называется, хватить черезъ край и вогнутости одного пародокса противоставить выпуклость другого. Слова, несомнѣнно, имѣютъ очень большое вліяніе, но лишь потому, что даютъ рельефную и сокращенную формулу жизненныхъ отношеній. Не слова разрушаютъ равновѣсіе государствъ, а тѣ условія, которыя уже расшатали это равновѣсіе. Но чуткость прессы и заключается въ томъ, чтобы подхватить слово, которое уже носится въ воздухѣ и сдѣлать изъ него орудіе особаго гипнотизма, овладѣвающаго толпой, когда толпа достаточно подготовлена...

Мнѣ хотѣлось бы дать теперь читателю нѣчто въ родѣ краткаго, но по возможности точнаго путеводителя въ области французской печати, характеристику наиболѣе типичныхъ органовъ ея. При этомъ я умышленно съуживаю эту область, какъ, впрочемъ, читатель могъ уже замѣтить до сихъ поръ изъ моей статьи: я исключительно говорю о газетахъ, а между ними о политическихъ.

Наученная горькимъ опытомъ прошлаго, республиканская Франція рѣшила извлечь изъ прессы возможно большую пользу и потому, не боясь такъ называемыхъ „злоупотребленій", закономъ 29-го іюля (н. ст.) 1881 г., провозгласила свободу печати. Позже были сдѣланы, къ сожалѣнію, нѣкоторыя ограниченія и введены кары за нѣкоторые спеціальные проступки: я разумѣю дополненія отъ 28-го іюля 1894 г., Но въ общемъ законъ сохранилъ свой характеръ. Періодическая пресса, которая спеціально интересуетъ насъ здѣсь, функціонируетъ на основаніи главы второй упомянутаго закона.

Статьи 5, 6 и 7 параграфа I этой главы гласятъ, что всякое повременное изданіе выходитъ безъ разрѣшенія и безъ какого бы то ни было залога, лишь бы издатель его былъ совершеннолѣтній французъ, не лишенный гражданскихъ правъ по суду, и лишь бы до появленія органа было сдѣлано письменное заявленіе прокурору республики о названіи и способѣ выхода въ свѣтъ предполагающагося изданія, съ указаніемъ фамиліи издателя и типографіи. Это единственная формальность. Затѣмъ печатайте, что хотите: спеціальныхъ проступковъ прессы законъ не знаетъ, по крайней мѣрѣ въ своей основной редакціи; наказуемы диффамація, клевета, „прямое" подстрекательство къ преступленію, и притомъ эта послѣдняя вина, была внесена въ законъ 1894 г. исключительно въ виду анархической пропаганды.

Мало того, свобода прессы настолько вошла въ нравы, что

---

*) *Questions de mon temps*; Парижъ, 1858, т. I, стр. 277.

преслѣдованіе по только-что упомянутому пункту возбуждаетъ неудовольствіе зачастую даже между очень умѣренными журналистами. Все больше и больше привыкаютъ смотрѣть на свободную печать, какъ на копье Ахилла, которое, какъ извѣстно, исцѣляло тѣ самыя раны, что наносило: лжи противоставляютъ истину, клеветѣ—опроверженіе, ненужной рѣзкости и грубости нападокъ—недовѣріе или равнодушіе.

Какъ бы то ни было, распространеніе печати было особенно сильно со времени закона, поставившаго ея существованіе на прочную почву. Органы плодятся и множатся, и единственной преградой ихъ роста является законъ борьбы за существованіе: хилыя дѣтища прессы умираютъ скорой, но естественной смертью. Согласно статистикѣ *), въ одномъ Парижѣ въ 1895 г. выходилъ 2401 органъ, да въ департаментахъ и французскихъ колоніяхъ считалось 3386. Но мы остановимся, главнымъ образомъ, на политическихъ органахъ, которыхъ въ Парижѣ было 166; изъ нихъ 128 республиканскихъ и 38 консервативныхъ, а внѣ Парижа (гдѣ статистика, впрочемъ, опирается на болѣе неопредѣленныхъ рубрикахъ) 1512, изъ нихъ 1102 республиканскихъ и 410 консервативныхъ. Само собою понятно, что настоящую силу составляютъ ежедневные органы. Изъ 152 ежедневныхъ изданій въ Парижѣ, болѣе половины, а именно 81, посвящены собственно политикѣ.

Не говоря о прочихъ различіяхъ, всѣ французскія газеты могутъ быть въ общихъ чертахъ уложены въ два типа: газета обыкновеннаго формата, въ одно су (5 сантимовъ=приблизительно 2 копѣйки); и газета большого формата въ три су (15 сантимовъ=около 6 коп.). Между этими двумя типами есть типъ промежуточный въ два су (около 4 коп.), но тутъ рѣшаетъ не столько форматъ, сколько разныя, чисто издательскія соображенія. Надо замѣтить, что тѣ же самыя соображенія сказываются и на двухъ наиболѣе распространенныхъ типахъ и мѣшаютъ идеальной, такъ сказать, линіи ихъ разграниченія: есть газеты и въ одно су, которыя стараются если не по качеству, то, по крайней мѣрѣ, по количеству матеріала приблизиться къ газетамъ большаго формата; есть, съ другой стороны, газеты за три су, скудость матеріала которыхъ едва маскируется хорошей бумагой и величиной листа. Но, вообще говоря, и съ газетами происходитъ тотъ самый процессъ удешевленія, „демократизаціи“ продуктовъ, который мы замѣчаемъ въ другихъ сферахъ современнаго производства. Былъ

*) См. *Annuaire de la presse française et du monde politique*; Парижъ, 1895, стр. CI—CVIII.—Послѣдній *Annuaire* (1901) даетъ для Парижа цифру въ 2832 органа, для департаментовъ и колоній въ 3849. Въ Парижѣ (стр. XIX) насчитывается теперь 178 политическихъ газетъ, изъ нихъ 57 умѣренно-республиканскихъ, 29 радикальныхъ или соціалистическихъ, 16 консервативныхъ, 7 націоналистическихъ и антисемитскихъ и 69 разныхъ другихъ (включая сюда «независимыя»).

моментъ въ развитіи французской текущей печати, когда это удешевленіе выражало собою цѣлый переломъ въ типѣ писателя и составѣ читателя. Когда въ 1836 Эмиль де-Жирардэнъ пустилъ свою „Прессу“ за сорокъ франковъ въ годъ, въ то время, какъ подписная цѣна такихъ газетъ была ровно въ два раза болѣе, противъ новаго конкуррента быстро сформировалась коалиція не однихъ убѣжденій, но и больно затронутыхъ матеріальныхъ интересовъ. Очевидно, газета начинала опираться на новые слои читателей, недавно втянутыхъ въ чтеніе; и сообразно съ этимъ писатель долженъ былъ изобрѣтать иную манеру писать: менѣе серьезно, болѣе поверхностно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе общедоступно. Именно столкновеніе этихъ двухъ направленій, которое судьба точно нарочно олицетворила въ роковой дуэли Жирардэна и Армана Каррэля, внушило Сэнтъ-Бёву одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ, которую я не могу, къ сожалѣнію, здѣсь выписать за недостаткомъ мѣста и къ которой я отсылаю интересующагося читателя *).

Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ процессъ удешевленія газетъ и расширенія читающихъ слоевъ подвинулся далеко впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе стала преобладать розничная продажа надъ абонементомъ. Ежедневно въ газетныхъ кіоскахъ Парижа продается около 2 милліоновъ номеровъ различныхъ изданій; число же абонентовъ врядъ-ли достигаетъ и одной десятой, врядъ-ли даже одной двадцатой этой общей цифры. Возьмите, какъ примѣръ, „L'Intransigeant“, типъ популярной газеты по преимуществу: розничная продажа его колеблется между 150.000—160.000 номерами въ день, абонентовъ-же у него насчитывается двѣ съ половиной, много три тысячи.

Посмотримъ теперь на различные типы газетъ, останавливаясь лишь на самыхъ выдающихся. Прежде всего придется выдѣлить сравнительно немногочисленную, но вліятельную въ извѣстныхъ сферахъ печать спеціально для имущихъ. Она характеризуется тѣмъ, что въ то время, какъ большинство газетъ стремятся проникнуть въ широкіе круги и потому понижаютъ цѣну до одного су, эта спеціальная пресса по прежнему стоитъ три су за номеръ. Во главѣ этой прессы грузно выступаетъ „Le Temps“, наиболѣе серьезная, наиболѣе полная (особенно по части иностранной политики, которая вообще сильно хромаетъ во Франціи), но наиболѣе скучная изъ французскихъ газетъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ ежедневная энциклопедія правящихъ сферъ между умѣренными республиканцами, полезная для правительственаго и административнаго персонала, депутатовъ, консуловъ, вообще людей, которые стоятъ за данный порядокъ вещей и участвуютъ болѣе

*) Sainte-Beuve, *Nouveaux lundis*; Парижъ (4-e édition), 1883, т. VII, стр. 326—328: «Quel était donc, ce double drapeau?» и т. д.

или менѣе активно въ его защитѣ. Редактируется она умѣло и литературно, но сѣро и тускло, умѣренно и аккуратно; отчасти чувствуется вліяніе протестантской узкой морали ея заправителей, слегка приправленной свободомысліемъ. Если въ иностранной хроникѣ (пишется анонимно Франсисомъ Прессансэ, сыномъ умершаго пастора-писателя *) находятся отъ времени до времени попытки легкой критики существующаго строя,—это, молъ, происходитъ не у насъ, а у сосѣдей,—то въ области внутренней политики барометръ „Le Temps" показываетъ неизмѣнно прекрасную и постоянную погоду. Находящееся у дѣлъ министерство кажется ему всегда самымъ превосходнымъ, согласно французскому стиху: „нѣтъ лучше амфитріона, чѣмъ тотъ, у кого я обѣдаю". Едва-ли не единственное исключеніе представляло радикальное министерство Буржуа, противъ котораго „Le Temps", защищая интересы имущихъ, вело постоянную борьбу **). Это, впрочемъ, и понятно со стороны газеты, издатель которой, Адріэнъ Эбраръ, милліонеръ, успѣвающій пользоваться своимъ политическимъ вліяніемъ для обдѣлыванія выгодныхъ финансовыхъ операцій, и такъ ловко, что иголочки не подточишь (исторія съ 1,100.000 франками, полученными имъ во время Панамы). Внутреннія извѣстія обыкновенно полны партійныхъ искаженій, подъ маскою безпристрастія. Наиболѣе интересная часть газеты это—различные серьезные фельетоны: литературные, историческіе и пр., иные изъ которыхъ писались Ренаномъ, Анатолемъ Франсомъ и пр. Парижская хроника Кларети (сотрудничающаго подъ псевдонимомъ Кандида) очень потускнѣла съ тѣхъ поръ, какъ авторъ сталъ оффиціальнымъ лицомъ. Драматическая критика Франсиска Сарсэ (нынѣ умершаго)—образецъ того, до чего можетъ дойти чисто ремесленная виртуозность извѣстнаго спеціалиста: нюхъ театрала несомнѣнный; но вмѣсто идей—буржуазная прописная мораль, которой самъ почтенный критикъ, впрочемъ, не особенно слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ „вѣчно-женственному элементу"...

„Le Journal des Débats"—органъ консервативныхъ республиканцевъ, которымъ даже идеи „Le Temps" кажутся слишкомъ передовыми. Это, коли хотите, тоже органъ имущихъ, но такихъ имущихъ, которые не могутъ путемъ приспособиться и къ скром-

*) Прессансэ, подъ вліяніемъ идейной встряски, произведенной дѣломъ Дрейфуса, перешелъ въ ряды соціалистовъ и пишетъ публицистическія статьи въ «L'Aurore», сохранивъ, однако, свое мѣсто въ «Le Temps», редакціи котораго было бы трудно найти другого, такъ хорошо ознакомленнаго съ иностранной политикой сотрудника.

**) Противъ настоящаго министерства «республиканской защиты» «Le Temps» выступаетъ не такъ рѣзко, очевидно, стараясь вліять на умѣренныхъ членовъ кабинета и критикуя главнымъ образомъ лишь антиклерикальную политику министерства и дѣятельность соціалиста—Милльрана, хотя эта дѣятельность далеко не яркая.

нымъ требованіямъ оппортунистской республики, почему остаются не у дѣлъ и фрондируютъ, мечтая въ душѣ о былыхъ дняхъ счастья во время мѣщанской монархіи Луи-Филиппа. Выходъ Леона Сэя изъ непосредственно-правящаго персонала и исключительная культивировка имъ финансовыхъ операцій въ послѣднія пятнадцать лѣтъ наглядно выражаютъ это отношеніе консервативныхъ республиканцевъ къ современнымъ формамъ политической жизни. А Леонъ Сэ (уже нѣсколько лѣтъ умершій) и Поль Леруа-Больё являются наиболѣе типичными выразителями экономической политики „Дебатовъ": кошелекъ прежде всего, а принципъ можно подыскать! Напомню для примѣра, что почтенный экономистъ (я говорю объ оставшемся Леруа-Больё)—вообще очень большой приверженецъ свободной торговли,—лѣтъ десять тому назадъ сталъ исповѣдывать протекціонистскіе взгляды по отношенію къ вину: онъ, видите-ли, успѣлъ за это время купить обширные виноградники въ Алжиріи! Политическій заправитель газеты—нѣкій Франсисъ Шармъ, удалившійся на подобіе Сэя отъ непосредственнаго управленія республикой, довольно искусный ораторъ, опытный писатель, но типичный буржуа, для котораго современная исторія становится все болѣе и болѣе страшной и непонятной. Органъ академиковъ и членовъ института, „Le Journal des Débats", старается изукрасить свою торжественную фигуру кой-какими цвѣтами поэзіи и изящества: тамъ печатаются порою довольно интересные фельетоны Рода, Жюля Леметра, Спронка, неокатолическія конфетки Вогюэ, повѣсти Бурже и т. д.

Начинаетъ за послѣднее время что-то падать и „Le Figaro". Основанная человѣкомъ, не знавшимъ иного идеала въ жизни, кромѣ наживы и бульварнаго тщеславія,—я говорю о Вильмессанѣ,—газета эта довольно долго пыталась слить воедино монархическіе принципы, свѣтскую пошлость и торгашескіе инстинкты. Затѣмъ, подъ редакціей очень неглупаго, но глубоко-скептичнаго Маньяра, стоявшаго прежде всего за свою роскошную виллу и хорошую библіотеку, „присоединилась" къ республикѣ, не успѣвъ отрубить свой монархическій и клерикальный хвостъ. Послѣ смерти Маньяра попала въ руки оставшихся отъ тріумвирата двухъ торгашей-ничтожествъ, Родэ и Перивье, и теперь безпокойно мечется въ разныя стороны то за чисто внѣшними измѣненіями, давая шесть страницъ печати, то за идейными поворотами: сегодня называетъ себя „прогрессивнымъ органомъ", завтра пускается на „защиту и охраненіе общества" и т. д. Интересна, главнымъ образомъ, какъ барометръ, показывающій настроеніе имущихъ и жирующихъ классовъ: такого обмельчанія идеаловъ, такого страха передъ надвигающимся будущимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такого сплошь легкомысленнаго отношенія къ жизни трудно представить! Отъ времени до времени попадаются довольно интересныя статьи Э. Золя, Роденбаха, рисунки Форэна (по боль-

шей части въ реакціонномъ духѣ). Тонъ внутренней политики начинаетъ все болѣе и болѣе задавать нѣкій П. Боскъ, типъ ограниченнаго остроумца, который мало что пойметъ, но навѣрное ввернетъ какое нибудь забавное словцо *).

„Le Gaulois", сильно увеличившій въ послѣднее время свой объемъ, живетъ главнымъ образомъ на счетъ богатыхъ и фешіонэбельныхъ монархистовъ, оставшихся „вѣрными великимъ традиціямъ". Столпъ газеты—Артуръ Мейеръ, плебей-еврей иностраннаго происхожденія, которому по странной ироніи судьбы пришлось защищать „національную монархію" Орлеановъ, аристократическіе „принципы" и католическую религію. Человѣкъ безъ литературнаго таланта, но не безъ ловкости, а главное—типъ энергичнаго проныры, Мейеръ отвѣшиваетъ поясные поклоны „королямъ въ изгнаніи", пытается придать своему органу ха-

*) Интересны послѣдующія метаморфозы «Фигаро», главнымъ образомъ связанныя съ его тактикой въ дѣлѣ Дрейфуса. Въ самомъ началѣ этого знаменитаго дѣла газета стала было на сторону капитана; но, испуганная враждебнымъ отношеніемъ къ «измѣннику» со стороны своихъ аристократическихъ и клерикальныхъ читателей, сразу же перемѣнила фронтъ и даже цинично призналась въ томъ, что дѣлаетъ это въ угоду своихъ вліятельныхъ кліентовъ. А когда агитація по дѣлу Дрейфуса охватила широкіе слои наиболѣе передовой буржуазіи и выдвинула на защиту справедливости самыхъ выдающихся представителей демократической интеллигенціи (не говорю рабочихъ массъ, ибо съ ихъ мнѣніемъ «Фигаро», конечно, считаться не будетъ), то держащая носъ по вѣтру газета продѣлала новый вольтъ-фасъ и стала въ ряды самыхъ горячихъ дрейфусистовъ, хотя постоянно защищая жертву антисемитизма съ точки зрѣнія своеобразнаго либеральнаго консерватизма и стараясь увѣрить своихъ читателей, что «армія» и «отечество» только выиграютъ отъ оправданія Дрейфуса. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности «Фигаро» ухитрилось напечатать надѣлавшій страшнаго шума подробный отчетъ негласныхъ засѣданій уголовной палаты кассаціоннаго суда; запаслось талантливымъ политическимъ хроникеромъ въ лицѣ ушедшаго изъ «Le Gaulois» Корнэли, бывшаго отчаяннаго монархиста, теперь присоединившагося къ республикѣ и не только очень ловко писавшаго въ защиту Дрейфуса, но не менѣе того ловко поддерживавшаго съ консервативной точки зрѣнія министерство «республиканской обороны»—писательскій фокусъ, обнаружившій у Корнэли, сверхъ прочихъ литературныхъ талантовъ, рѣдкій, запасъ маккіавелизма. Къ тому же времени относится сотрудничество Анатоля Франса, ставшаго подъ вліяніемъ дрейфусовской агитаціи соціалистомъ и напечатавшаго въ «Фигаро» рядъ своихъ послѣднихъ полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ картинъ современной общественной и политической жизни, точка зрѣнія которыхъ мѣстами не только соціалистическая, но почти анархическая. Въ послѣднее время метанье «Фигаро» изъ стороны въ сторону и желаніе опираться сразу на всевозможные круги читателей изъ привилегированныхъ классовъ вызвало отливъ реакціонной и шовинистской части читающей публики, не создавъ въ тоже время достаточнаго числа читателей между демократическими элементами. Нынѣ «Фигаро» испытываетъ рядъ курьезныхъ внутреннихъ coups d'Etat, цѣль которыхъ, перемѣною дирекціи и редакціи, возвратить изворотистой газетѣ прежнихъ кліентовъ. Чѣмъ дѣло кончится, пока не извѣстно, но Вильмессановское дѣтище, видимо, чахнетъ и умираетъ.

рактеръ какого-то придворнаго изданія, а для привлеченія публики печатаетъ хроники остроумныхъ республиканцевъ и свободныхъ мыслителей, въ родѣ Орельена Шолля, которые, впрочемъ, нисколько не стѣсняются разносить свои статьи по всѣмъ редакціямъ *).

Упомяну еще изъ газетъ въ три су о „Жильблазѣ", очевидно, разсчитанномъ на людей, имѣющихъ деньги и низменные инстинкты: я говорю о любителяхъ клубнички. Это, главнымъ образомъ, сборникъ литературно-отдѣланныхъ скабрезныхъ разсказовъ. Въ отдѣлѣ парижской хроники находишь сплетни объ измѣнахъ, связяхъ, проявленіяхъ разнаго шалопайства, вплоть до подробнаго и точнаго описанія отелей шикарныхъ кокотокъ, ихъ лошадей, друзей, обѣдовъ, библіотекъ, кроватей и даже разныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ примѣтъ съ комментаріями во вкусѣ чуть не Марціала и Петронія.

Переходя къ печати въ одно су, сейчасъ же натыкаешься на „Маленькую Газету" („Le Petit Journal"), если не ошибаюсь, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ органовъ въ свѣтѣ, потому что расходится его ежедневно во Франціи и колоніяхъ болѣе 1 милліона экземпляровъ (1.100.000 номеровъ, по увѣреніямъ, можетъ быть и преувеличеннымъ нѣсколько, издателей). Это—типъ газеты, разсчитанный на читающую „толпу", „улицу", которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ любитъ пробавляться плохими романами, городскими происшествіями, неголоволомными разсужденіями о „чести Франціи", „неблагодарной Италіи", и т. д., и т. д. Говоритъ эта газета всегда въ духѣ имущихъ классовъ, но разсчитываетъ на массы, которыя, какъ извѣстно, долго идутъ по указанной имъ колеѣ, пока у нихъ не проснется сознаніе своихъ собственныхъ интересовъ. Въ провинціи „Le Petit Journal" вы найдете на столѣ самой жалкой деревенской гостиницы; въ Парижѣ консьержи, приказчики, мелкіе чиновники, швеи, лавочники, значительная часть средней и мелкой буржуазіи упивается этой газетой. Въ теченіе долгаго времени „Le Petit Journal" не былъ, собственно говоря, политическимъ органомъ, а состоялъ исключительно изъ передовой статьи, трактующей о какой нибудь нейтральной вещи, скажемъ, о голубиной почтѣ, короткихъ телеграммъ изъ департаментовъ и заграницы, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ парижскихъ новостей, дневника происшествій и одного-двухъ, иногда трехъ фельетонныхъ романовъ. Послѣдніе года этотъ первоначальный характеръ газеты, который такъ хорошо соотвѣтствовалъ характеру ея издателя, крупнѣйшаго типографщика и строителя быстро печатающихъ машинъ Мари-

*) Нынѣ, несмотря на грубые пинки антисемитствующаго герцога Орлеанскаго, «Le Gaulois» продолжаетъ защищать монархическій режимъ, но главнымъ образомъ стремится стать органомъ націоналистической коалиціи.

нони,—этотъ характеръ, говорю я, измѣнился: редактторъ политическаго отдѣла, нѣкто Жюдэ, вздумалъ прослыть спасителемъ отечества и началъ усердно вертѣть шовинистскую шарманку, разоблачая козни Англіи, бросая Клемансо идіотское обвиненіе въ томъ, что онъ продался этой странѣ, потрясая театральными громами въ сторону однѣхъ державъ, посылая воздушные поцѣлуи по адресу другихъ, и т. д., и т. д. Въ остальномъ газета осталась вѣрна себѣ, своей банальной болтовнѣ о нейтральныхъ вещахъ и балласту своихъ раздирательныхъ романовъ *)...

„L'Intransigeant" послѣ „Маленькой газеты" едва-ли не самый распространенный органъ въ Парижѣ. Во время буланжистской агитаціи его печаталось болѣе 200,000 экземпляровъ въ день; да и теперь это число рѣдко падаетъ ниже 150,000. Это—типъ радикально-соціалистической (но отнюдь не соціалистической) газеты, очень популярной въ средѣ ремесленниковъ, рабочихъ, поденьщиковъ, извозчиковъ; она всегда въ оппозиціи и всегда фрондируетъ. Собственно говоря, кромѣ самого Рошфора, тамъ почти нѣтъ литературныхъ талантовъ; но ведется этотъ органъ бойко и дружно по всѣмъ отдѣламъ, редакторы которыхъ до комичнаго стараются подражать главному заправителю. Мнѣ нечего распространяться о характерѣ таланта Рошфора: зачастую поверхностный, еще чаще того несправедливый, почти всегда рѣзкій, порою прямо грубый, публицистъ этотъ обладаетъ бездною неистощимаго, чисто парижскаго остроумія и удивительнымъ нюхомъ насчетъ настроенія своихъ, какъ и онъ, фрондирующихъ читателей. Въ особенности удивительно его умѣнье писать въ одно и то же время и популярно,—почти такъ, какъ говоритъ любой средній парижанинъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ литературно; эпитеты, которыми онъ надѣляетъ своихъ враговъ, злы, мѣтки и впиваются въ жертву, какъ зазубренная стрѣла. Я напомню только его кличку „меланхолическій попугай", которую онъ пустилъ въ ходъ по поводу распространеннаго тогда по всей Франціи портрета уже старѣющагося Наполеона III. Если вамъ когда-либо приходилось видѣть этотъ портретъ, вы, конечно, скажете, что нельзя было охарактеризовать лучше и ѣдче эту тусклую, всю повисшую внизъ, вплоть до тяжелаго носа, вплоть до свинцовыхъ

*) Со времени дрейфусовской агитаціи «Le Petit Journal» сталъ рѣшительно шовинистскимъ органомъ, защищающимъ «честь арміи», громыхающимъ нескладными передовицами Жюдэ противъ «измѣнниковъ отечества» и т. п. Онъ во всякомъ случаѣ утратилъ часть своего вліянія и растерялъ немало своихъ читателей, одни изъ которыхъ перешли къ «Le Petit Parisien», носящему характеръ прежняго «Le Petit Journal», а въ области политики защищающему умѣренно республиканскую точку зрѣнія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ радикализма; другіе же набросились на «La Patrie», органъ бѣлокальнаго шовинизма, издающійся на деньги депутата Жалюзо, богатаго сахаровара и владѣльца гигантскаго базара, подъ редакціей Люсьена Милльпуа, этого настоящаго шута гороховаго «патріотической» прессы.

вѣкъ, физіономію мнимаго великаго государственнаго человѣка... А Гамбетта и Ферри? Развѣ не носятъ и до сихъ поръ эти выдающіеся дѣятели слѣды страшныхъ зубовъ Рошфора *)?..

Приблизительно таковъ же характеръ (по значенію главнаго редактора для всей газеты) двухъ другихъ органовъ въ одно су: я говорю о „La Libre Parole" Дрюмона и объ „L'Autorité" Кассаньяка. И въ этихъ газетахъ собственно нечего читать, кромѣ передовыхъ статей руководителей; и въ нихъ всѣ отдѣлы свѣтятъ, такъ сказать, отраженнымъ свѣтомъ главнаго столпа. Оба эти органа консервативны или даже прямо реакціонны, но каждый по своему. Относительно „Авторитета", издаваемаго Кассаньякомъ, много говорить нечего. Можно отдать должную дань стойкости католическихъ и имперіалистскихъ убѣжденій яраго бонапартиста. Но точка зрѣнія самого редактора есть въ сущности плагіатъ извѣстнаго софизма, провозглашеннаго пресловутымъ Вёйльо (Veuillot) въ борьбѣ съ республиканцами: „когда вы у власти, мы требуемъ у васъ полной свободы для насъ во имя вашихъ принциповъ; а когда мы у власти, мы отказываемъ вамъ въ какой бы то ни было свободѣ уже во имя нашихъ принциповъ". А такъ какъ у Кассаньяка нѣтъ ядовитаго пера Вёйльо, то короткія, словно рубленныя фразы редактора „Авторитета", которыми онъ злоупотребляетъ, въ концѣ-концовъ надоѣдаютъ вамъ, и вы, уже пожимая плечами, пробѣгаете разсѣянно его передовицы, испещренныя грубыми ругательствами по адресу „проклятыхъ республиканцевъ" и „отвратительной Маріанны" (т. е. республики), „правительственной сволочи" (la fripouille gouvernementale), и т. д. и до безконечности и т. д.

Гораздо интереснѣе Эдуардъ Дрюмонъ. Это, несомнѣнно, талантъ, и талантъ, опирающійся на боевой темпераментъ. Дрюмонъ довольно долго бѣдствовалъ, странствовалъ по разнымъ журналамъ и газетамъ и накопилъ массу личныхъ документовъ и не мало личной злобы противъ представителей политическаго и литературнаго міровъ. Но все это до поры до времени тлѣло, и еще въ 1879 г. онъ написалъ книжку о „Старомъ Парижѣ", которая была удо-

*) Въ настоящее время состарѣвшійся Рошфоръ пережилъ себя. Его поверхностность, его рѣзкость, его несправедливость въ полемикѣ, самый его нюхъ по части настроенія улицы сослужили ему плохую службу въ дѣлѣ Дрейфуса. Обманутый генеральнымъ штабомъ, поддержанный шовинистами и клерикалами, бывшій публицистъ «Фонаря» бросился съ усердіемъ не по разуму на защиту «арміи» и «отечества», т. е. тѣхъ самыхъ реакціонныхъ силъ, которымъ въ лучшую пору своей дѣятельности онъ нанесъ столько ударовъ. Теперь «L'Intransigeant» превратился исключительно въ шовинистскій и юдофобствующій органъ, причемъ его нападки противъ «жидовъ», не превосходя уровня простого подражанія Дрюмону и его школѣ, не удовлетворяютъ даже и здѣшнихъ антисемитовъ, которые требуютъ теперь, съ легкой руки самого Дрюмона, «философіи» и «соціологіи», изволите ли видѣть, юдофобства. Бѣдный Рошфоръ...

стоена преміи Академіей сорока безсмертныхъ: читатель знаетъ, конечно, какъ мало говорятъ эти преміи о дѣйствительномъ талантѣ и независимости убѣжденій пишущаго. Но въ 1886 г. Дрюмону пришла въ голову счастливая и прибыльная идея заняться травлей евреевъ: его „Жидовская Франція“ возбудила массу толковъ, полемики, судебныхъ разбирательствъ, дуэлей, и съ тѣхъ поръ авторъ продолжаетъ неуклонно разработывать рудникъ антисемитизма. Главная черта литературной дѣятельности Дрюмона это его страстная, зачастую злобная, но порою захватывающая духъ полемика: я напомню его смѣлую и сильную кампанію противъ реакціи, которая охватила правительственныя сферы послѣ выбора президентомъ Казиміра Перье. Дрюмонъ—„христіанскій соціалистъ“, иногда почти анархистъ, но у его краснаго плаща черная подкладка іезуита и изувѣра-католика, порою даже не совсѣмъ искренняго. И меня удивляетъ, какъ во французской прессѣ не нашлось до сихъ поръ ни одного писателя, который задался бы цѣлью дать психологическій этюдъ о Дрюмонѣ, по возможности объективный, но тѣмъ болѣе интересный. Одна мѣшанина средневѣковщины съ демократическими стремленіями современности—прямо цѣлая поэма: въ самомъ дѣлѣ Дрюмонъ—другъ страдающихъ и эксплуатируемыхъ и готовъ въ то же время наброситься на самаго несчастнаго ремесленника, разъ онъ еврей; Дрюмонъ—вѣрный сынъ католической церкви,—то дѣлаетъ нахлобучки папѣ за его политику, то чуть не каждый день дерется на дуэли, зная, что для христіанина это—смертный грѣхъ... *).

---

*) Послѣдующая дѣятельность Дрюмона заставляетъ меня внести еще больше ограниченій въ благопріятную оцѣнку нѣкоторыхъ сторонъ его литературной и политической физіономіи. Я не буду говорить о все болѣе и болѣе низкопробныхъ пріемахъ его полемики съ врагами: диффамація и клевета—вотъ все, что осталось отъ того довольно разнообразнаго арсенала орудій идейной борьбы, которымъ располагалъ Дрюмонъ въ началѣ своей юдофобской карьеры; и это понятно, такъ какъ жалкая узость его общаго соціологическаго міровоззрѣнія, въ концѣ концовъ, должна была отразиться и на чисто литературномъ размахѣ его таланта. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, на всѣ лады въ теченіе 15 лѣтъ вопіять «долой жидовъ», безъ того, чтобы не пригнуть свою мысль и самый способъ выраженія къ умственному и нравственному уровню какого-нибудь юдофобствующаго демагога и вмѣстѣ орлеанистскаго агента въ родѣ Герэна. Но мало этого: для меня все болѣе и болѣе подлежитъ сомнѣнію и общая искренность Дрюмона. Что осталось, напр., отъ его сочувствія къ трудящимся массамъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что заигрываніе съ соціализмомъ и даже анархизмомъ не въ силахъ создать ему серьезныхъ и прочныхъ симпатій среди представителей міра труда? Нечего даже говорить о его поведеніи во время дѣла Дрейфуса, когда «La Libre Parole» стала главной клоакой для стока нечистотъ милитаристскаго и клерикальнаго лагеря: это еще можно объяснять его безграничнымъ антисемитизмомъ. Но замѣчательно, что нынѣ Дрюмонъ идетъ все больше и больше рука объ руку съ самыми заклятыми реакціонерами и врагами народа подъ предлогомъ «отечество въ опасности»; весь католическій соціализмъ Дрюмона свелся къ простой декламаціи противъ «жидовскихъ» милліардовъ. Я остава-

Я забылъ упомянуть еще объ обномъ органѣ, значеніе котораго въ его редакторѣ: это „La Justice“, преобразованная недавно Клемансо и благодаря которой этотъ забракованный избирателями политическій вождь радикаловъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ ораторовъ Франціи и ея умнѣйшихъ республиканцевъ, проявилъ себя въ пятьдесятъ лѣтъ сильнымъ и философски-мыслящимъ публицистомъ. Теперь его растащили въ разныя стороны всевозможныя газеты, гоняясь за его статьями (вплоть до „Фигаро“, который, какъ мнѣ пришлось слышать отъ пріятелей Клемансо, заказалъ ему статью о политическомъ міровоззрѣніи Расина), и его собственный органъ еле держится *).

Рядомъ съ чисто-политической прессой, защищающей опредѣленные взгляды, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ появилась пресса, дающая главнымъ образомъ свѣдѣнія и мало заботящаяся о единствѣ направленія. Я говорю о „Le Matin“, которое одно время возвело даже въ цѣлую систему хлестать читателя въ нѣсколько кнутовъ и каждымъ въ разную сторону: передовыя статьи этого органа, появившагося въ 1884 г., писались поочереди представителями такихъ различныхъ взглядовъ, какъ Эммануэль Арэнъ (оппортюнистъ), Кассаньякъ (бонапартистъ), Корнэли (орлеанистъ) и Жюль Валлэсъ (соціалистъ). Нынѣ „Le Matin“ не придерживается строго этой первоначальной линіи: въ немъ все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать нота оппортюнизма, и оппортюнизма авторитарнаго, что объясняется, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ міромъ печати, „вдохновляющимъ“ вліяніемъ бывшаго министра Констана,—пріятеля главнаго заправилы органа, авантюриста милліонера Эдвардса **). Къ подобнаго

ляю въ сторонѣ дѣятельность Дрюмона, какъ антисемитскаго депутата Алжира: авторъ «Жидовской Франціи» не ораторъ; а кромѣ того, онъ всякій разъ, когда выступалъ съ предложеніемъ положительныхъ мѣръ въ палатѣ, говорилъ такія нелѣпости, что жестоко разочаровывалъ даже своихъ друзей.

*) «La Justice» давно умерла, но Клемансо игралъ очень видную, чтобы не сказать исключительную роль въ газетѣ «L'Aurore» (см. въ концѣ этого этюда), какъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ и талантливыхъ защитниковъ Дрейфуса. Въ настоящее время онъ издаетъ нѣчто въ родѣ еженедѣльнаго дневника «Le Bloc», продолжая талантливо и умѣло защищать въ этой полугазетѣ, полупамфлетѣ рѣзко демократическую и—если можно такъ сказать,—аполитическую точку зрѣнія на современныя событія, и порою успѣвая даже подняться почти до надлежащаго пониманія соціальнаго вопроса, который былъ всегда слабымъ пунктомъ міросозерцанія этого замѣчательнѣйшаго представителя буржуазной демократіи. Ср. также мой этюдъ о «французскомъ краснорѣчіи».

**) Въ настоящее время «Le Matin», превратившійся въ газету въ одно су (раньше онъ стоилъ два су), защищаетъ «министерство обороны» съ умѣренно-радикальной точки зрѣнія; при немъ выходитъ, въ видѣ вечерняго, но независимаго отъ него въ редакціонномъ смыслѣ приложенія, газета «Le Français», гдѣ снова подвизается вынырнувшій послѣ временнаго потопленія, уже извѣстный читателю Шарль Лоранъ.

же рода „освѣдомляющимъ газетамъ“ (journaux d'information) принадлежитъ и конкуррентъ „Le Matin'a“, отроившійся отъ него „L'Eclair“, который, впрочемъ, обнаруживаетъ стремленіе имѣть опредѣленную политику, и политику радикальную: статьи о внутреннихъ дѣлахъ пишутся (анонимно) депутатомъ Парижа съ соціалистической закваской, Альфонсомъ Эмберомъ *).

Отмѣчу въ заключеніе еще особую категорію газетъ, „L'Echo de Paris“, „Le Journal“, и пр., которыя стоятъ одно су, но стараются давать, рядомъ съ политическими довольно жидкими статьями, хорошо написанныя и литературно-отдѣланныя статьи разныхъ выдающихся романистовъ и хроникеровъ, и между ними писателей новой школы, подчасъ очень смѣло трактующихъ жгучія темы современности: упомяну объ Анри Боэрѣ, Полѣ Арэнѣ и особенно Октавѣ Мирбо **).

Я вынужденъ оборвать здѣсь мой этюдъ о французской печати ***). Подводя итоги, скажу, что я нисколько не ослѣпленъ по

*) «L'Eclair» представляетъ собою теперь націоналистическій органъ съ радикальной закваской; Эмберъ — типичнаго ренегата, который, со времени агитаціи по дѣлу Дрейфуса, сталъ въ ряды шовинистовъ и милитаристовъ.

**) «L'Echo de Paris» стало, можно сказать, оффиціальнымъ органомъ милитаристовъ; тамъ преподносятъ «патріотическую» прозу читателю: сдѣлавшійся отчаяннымъ католикомъ поэтъ Франсуа Коппэ; бывшій генеральный прокуроръ и обличитель Буланже, Кене-де-Борепэръ; и Жюль Леметръ, смѣнившій свой скептическій и изящный индифферентизмъ на націоналистское profession de foi. «Le Journal», значительно потерявшій въ литературномъ смыслѣ послѣ ухода изъ него Клемансо, Анри Боэра и т. п. (подъ вліяніемъ плохо скрываемыхъ шовинистскихъ тенденцій по дѣлу Дрейфуса), держится все же главнымъ образомъ своею литературною стороною.

***) Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о двухъ-трехъ органахъ (всѣ по одному су), которые пріобрѣли извѣстное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ была написана эта статья. Послѣ различныхъ приключеній и перехода изъ рукъ въ руки совсѣмъ было умиравшая «La Petite République» ожила подъ редакціею Жана Жорэса,—статьи котораго, хотя и далеко уступающія рѣчамъ этого замѣчательнаго оратора, даютъ всегда извѣстный матеріалъ для размышленія и обсужденія теоретическихъ и практическихъ вопросовъ соціализма,—и Жиро-Ришара, грубый, но несомнѣнный юморъ котораго и полемическій темпераментъ придаютъ жизненный и боевой характеръ газетѣ. Къ сожалѣнію, этотъ органъ, великолѣпно ведшій себя въ дѣлѣ Дрейфуса и отражавшій въ этомъ отношеніи благородную и энергичную дѣятельность Жорэса, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ сталъ черезчуръ ревностнымъ защитникомъ «министерскаго соціализма». Противоположность ему въ этомъ послѣднемъ смыслѣ составляетъ «L'Aurore», основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ старымъ пріятелемъ Рошфора, Воганомъ (который порвалъ связи съ «L'Intransigeant'омъ»), и быстро пріобрѣтшая сильное вліяніе во время агитаціи по дѣлу Дрейфуса въ рядахъ органовъ, боровшихся за цивилизацію и справедливость. Здѣсь Золя напечаталъ свое знаменитое «я обвиняю». Здѣсь Клемансо каждый день направлялъ противъ генеральнаго штаба и демагогическаго клерикализма мѣткую артиллерію своей строго логической аргументаціи; здѣсь же, за выходомъ Клемансо, продолжаютъ борьбу противъ шовинизма, военщины и клерикальной реакціи ставшій соціалистомъ Прессансэ и перешедшій сюда изъ стараго орлеанистскаго «Le Soleil» Юрбэнъ Гойе,

отношенію къ отрицательнымъ сторонамъ этой прессы, но считаю въ то же время нелѣпымъ винить ее за то, въ чемъ отражаются на ней всемогущія условія современности: ея продажность, ея поверхностность, поддѣлываніе подъ вкусы толпы. Все это минетъ вмѣстѣ съ породившими эти недостатки обстоятельствами, и пресса станетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть: даровой общественной службой въ гармонично организованномъ строѣ будущаго.

сильный, но часто рѣзкій и несправедливый памфлетистъ, отчасти напоминающій стараго Рошфора, но Рошфора, у котораго каламбуръ уступилъ окончательно мѣсто страстнымъ нападкамъ. «L'Aurore», сначала было поддерживавшая «министерство обороны», рѣзко повернулась противъ него, обвиняя его въ измѣнѣ искреннимъ демократамъ республиканцамъ, выдвинувшимъ его въ критическій моментъ, и находя, что оно не достаточно прямолинейно борется съ врагами свободныхъ учрежденій. «L'Aurore» въ послѣднее время падаетъ и принуждена была поднять цѣну номера съ одного су до двухъ. Противъ «министерскихъ» же «соціалистовъ», но уже съ точки зрѣнія чисто-революціоннаго соціализма, борется и «Le Petit Sou», органъ коалиціи бланкистовъ и гэдистовъ, противъ Жорэса и его сторонниковъ. Здѣсь пишутъ свои статьи Гэдъ и Лафаргъ, Валльянъ и другіе соціалисты, въ числѣ которыхъ встрѣчаются, впрочемъ, люди въ родѣ Брусса, лично относящіеся симпатично къ Жорэсу и не желающіе прибѣгать къ страстному и нетерпимому тону полемики, составляющему обычный пріемъ гэдистовъ. «Le Petit Sou» — деталь очень интересная и характеризующая современное настроеніе умовъ и торжество новаго міровоззрѣнія!— издается уже упомянутымъ мною милліонеромъ-авантюристомъ Эдвардсомъ, который изъ пріятелей Констана и защитника буржуазныхъ интересовъ—превратился теперь въ соціалиста-революціонера оттѣнка бланкистовъ. Будущее покажетъ, насколько прочна эта метаморфоза...

Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.

Современное „чертобѣсіе“.

(*Письмо четырнадцатое*).

Городъ Доль въ приморской Бретани. Прекрасная октябрьская ночь послѣ бурь осенняго равноденствія. Я вхожу въ старинный готическій соборъ св. Сампсонія, наканунѣ одного изъ многочисленныхъ храмовыхъ праздниковъ, которые называются въ Бретани пардонами. Гремитъ органъ, и раздается пѣніе. Всѣ стулья заняты молящимися женщинами, дѣтьми и стариками: большинство мужчинъ-работниковъ, очевидно, на морѣ. Время отъ времени, въ промежутки между пѣніемъ и органомъ, церковь наполняется сдержаннымъ гуломъ тычячеголоваго народа, который цѣлыми рядами наклоняется, падаетъ, поднимается, шепча, всхлипывая, вздыхая. И невольно я вспомнилъ Мюссе и его толпу вѣрующихъ, колеблющихся „подъ вѣтромъ пѣснопѣній, словно тростникъ подъ напоромъ сѣверной бури“...

Этихъ людей мало интересовало, что дѣлалось вокругъ нихъ въ ярко освѣщенной церкви. Длинныя цвѣтныя шали женщинъ, ихъ бѣлые чепчики причудливой формы съ накрахмаленными лентами и складками, темныя вязаныя куртки мужчинъ опускались, поднимались, снова опускались. Ни переглядываній, ни шушуканья: каждый велъ жаркій напряженный разговоръ съ той силой, которой были послушны и вѣтры, и море, и въ рукахъ которой находились жизнь и счастье этихъ простыхъ людей. Цѣлую недѣлю передъ тѣмъ бушевала страшная буря, и извѣстія, приходившія теперь сюда то съ той, то съ другой морской станціи, приносили ужасныя вѣсти: въ иныхъ портахъ не досчитывались десятковъ рыбаковъ; а сколько ртовъ кормилось этими моряками въ бѣдной и плодовитой Бретани...

Много пришлось мнѣ выслушать разсказовъ на эту тему въ ту же ночь, по выходѣ изъ церкви, за емкой чашкой сидра, въ дешевой гостинницѣ, помѣщавшейся въ одномъ изъ старинныхъ домовъ

съ оригинальнымъ входомъ на колоннахъ, которыхъ не мало еще осталось отъ XIII—XVII вѣковъ на Большой улицѣ (Grande rue) Доля. Разговоръ затянулся поздно. У словоохотливой хозяйки оказалось многое множество кузинъ, кузеновъ и просто хорошихъ знакомыхъ. И каждый изъ нихъ имѣлъ за душой, что разсказать о морѣ, о его ужасахъ, объ утонувшихъ и погибшихъ безъ вѣсти, а особенно о чудесно спасшихся. Въ разсказахъ этихъ ярко возставала передо мною вся эта своеобразная Бретань!.. Граниты и дубы. Мелкіе, какъ пыль, лѣтніе дожди и нѣсколько меланхоличные солнечные дни. Запахъ морскихъ водорослей и горькихъ ароматныхъ яблокъ. На каждомъ углу деревни, на каждомъ поворотѣ дороги поднимается крестъ съ распятіемъ, и съ каждой рощицей, съ каждой скалой, съ каждымъ ручейкомъ связаны легенды о свѣтлыхъ и темныхъ силахъ...

Старый языческій пантеонъ царитъ по-прежнему въ душѣ бретонца: католицизмъ лишь прикрылъ его новыми одеждами. Недаромъ простой народъ во Франціи считаетъ Бретань за родину всяческихъ волшебниковъ и знахарей. Жаркая вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ, потребность опереться на сверхчеловѣческое могущество живетъ неистребимо среди этого мечтательнаго, медленно думающаго, но сильно чувствующаго населенія, которое сознаетъ свое безсиліе передъ моремъ, и кормящимъ, и убивающимъ его... Верстахъ въ двухъ отъ Доля высоко поднимается среди луга Champ-Dolent, на-половину вошедшій въ почву громадный долменъ, напоминающій туловище кита; на самой вершинѣ его, саженяхъ въ пяти отъ земли, укрѣпленъ деревянный крестъ. Это—лучшій символъ теперешней Бретани; цѣлый міръ языческихъ вѣрованій, глубоко вросшій въ сердце жителей, поднимается прочной массой и поддерживаетъ формально побѣдившій его католицизмъ...

Другая картина. Хмурое декабрьское утро въ Парижѣ. Свинцовое небо, сырой желтоватый туманъ передъ дождемъ. Я приглашенъ родственникомъ одного изъ умершихъ академиковъ на отпѣваніе тѣла въ церковь св. Сульпиція. Быть на похоронахъ приглашенный считаетъ во Франціи своимъ долгомъ. Чиновникъ министерства, приказчикъ въ магазинѣ преспокойно уходятъ со службы для проводовъ очень мало знакомаго имъ при жизни лица (на билеты родственники покойнаго не скупятся), и это считается здѣсь однимъ изъ самыхъ уважительныхъ предлоговъ отсутствія. На похоронахъ зачастую можно увидѣть лицъ, съ которыми не видаешься цѣлыми мѣсяцами.

Громадная внутренность церкви съ ея рядомъ величественныхъ колоннъ въ центрѣ, съ хорами изъ мрамора и бронзы, была черна народомъ: по одной сторонѣ мужчины, по другой элегантныя, одѣтыя въ темные цвѣта дамы. На похороны собрался весь литературный и артистическій Парижъ. А за нимъ цѣлыя

тучи наивныхъ поклонниковъ и поклонницъ этой „аристократіи ума“, которыхъ главнымъ образомъ интересуетъ, такой ли носъ у А., какой полагается по штату этому проницательному критику, такіе ли у В. загадочные глаза, какими онъ награждаетъ героевъ своихъ психологическихъ романовъ.

Смотря на эту неспокойную, нетерпѣливую, перешептывающуюся толпу, я живо вспомнилъ, вѣроятно, по закону контраста, далекій дольскій соборъ и толпу бретонцевъ, молившихся въ экстазѣ. Да, не то было здѣсь! Кромѣ восторженныхъ „снобовъ“, здѣсь было очень много людей, мѣтившихъ въ академики, и тутъ же, во время отпѣванія „безсмертнаго“, уже начинавшихъ свои заигрыванья съ вліятельными критиками, хозяйками салоновъ и крупными членами Академіи. Люди раскланивались за десять рядовъ, оборачивались, показывали другъ другу присутствующихъ и умолкали развѣ на самыхъ эффектныхъ нотахъ, которыя выводили спеціально приглашенные пѣвцы и пѣвицы изъ Оперы, подъ аккомпаниментъ хора и громаднаго органа. А академики! Какъ они чувствовали, что на нихъ устремлены взгляды публики! Какъ они вольно и невольно сочиняли себѣ физіономіи, приличествующія характеру ихъ произведеній! Особенно интересенъ былъ Жюль Симонъ. Теперь *) онъ—развалина и давно уже не походитъ на свой столь извѣстный всѣмъ портретъ въ полоборота. По случаю холода онъ пришелъ въ какихъ-то громадныхъ туфляхъ и широчайшемъ кашнэ Но за то какъ чувствительно онъ наклонялъ на бокъ свою голову, подпирая щеку рукой! Какой задумчивый взоръ онъ возносилъ горѣ, картинно изображая викторъ-кузэновскій спиритуализмъ!..

Совсѣмъ у выхода я столкнулся съ однимъ знакомымъ, котораго я вообще встрѣчалъ довольно рѣдко: на похоронахъ, на засѣданіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, и т. д. Передъ тѣмъ я не видѣлся съ нимъ больше года. Мнѣ онъ всегда казался лучшимъ образчикомъ французской свободомыслящей буржуазіи. Разносторонне, но поверхностно образованный, много путешествовавшій—особенно для француза,—занимавшійся географіей, антропологіей, естественными науками, онъ былъ жаркимъ сторонникомъ оппортунизма и былой антиклерикальной политики. „Ассоціація для успѣха наукъ“ считала его своимъ дѣятельнѣйшимъ членомъ, и не такъ еще давно его имя часто встрѣчалось на программахъ чтеній для народа въ Парижѣ. Не безъ нѣкотораго кокетства онъ называлъ себя „матеріалистомъ“, „человѣкомъ положительной науки“, врагомъ всякихъ утопическихъ идеаловъ: въ своихъ чтеніяхъ онъ по-очереди пускалъ стрѣлы ироніи то въ соціалистовъ, то въ католическихъ патеровъ, особенно въ послѣднихъ. Одинъ видъ черной рясы приводилъ его въ комиче-

*) Писано въ сентябрѣ 1895 г. Жюль Симонъ умеръ лѣтомъ 1896 года.

ское негодованіе, и этотъ безукоризненно-одѣтый красивый джентльмэнъ съ тонкими чертами лица, великолѣпной русой бородой и нѣсколько угловатыми англійскими манерами (онъ страдалъ, между прочимъ, англоманіей), готовъ былъ, кажется, въ этотъ моментъ выполнить буквально вольтеровское: écrasez l'infame!

Какимъ снисходительнымъ, утонченно-вѣжливымъ тономъ, въ которомъ сквозила нотка ироніи, онъ „подвергалъ научному анализу" всякую мою попытку при спорахъ съ нимъ указать на значеніе идей въ исторіи человѣчества. „Идеи... идеи... что такое идеи? Процессъ иннерваціи, движеніе въ сѣромъ корковомъ веществѣ мозга! Разгадка вашей „исторіи" лежитъ въ біологіи, антропологіи и пр.". Онъ жестоко смѣялся надъ „престарѣлой „m-lle Michelet"—такъ называлъ онъ знаменитаго историка,—часто противоставлялъ его пріемамъ историческаго „воскрешенія" „научный методъ" Тэна; но и то находилъ, что этотъ мыслитель еще не достаточно изучалъ естественныя науки и потому порою повторялъ ошибки идеалистовъ. Помню, какъ послѣ одного изъ нашихъ споровъ о Великой французской революціи онъ пригласилъ меня къ себѣ и въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, на столѣ, осѣненномъ двумя близъ стоявшими большими пальмами, показалъ мнѣ очень торжественно цѣлый рядъ фотографій съ портретовъ дѣятелей этой крупной эпохи, фотографій, исписанныхъ всевозможными значками и цифрами, а также геологическую карту Франціи, на которой онъ отмѣтилъ мѣсторожденіе этихъ дѣятелей...

„Вотъ что такое Первая революція!" И въ то время, какъ я пытался уловить смыслъ этого введенія, онъ тономъ несокрушимой увѣренности развернулъ „антропологическую картину" движенія, на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ имъ—не безъ гордости замѣтилъ онъ—изъ посылокъ, лишь едва намѣченныхъ Брока, Ломброзо и пр. „Посмотрите сюда: вотъ вамъ Сэнъ-Жюстъ,—красивое, но совершенно женственное лицо, крошечная голова и притомъ брахицефалическаго типа. Я старался вычертить на бумагѣ особенность этого портрета, и вотъ каково должно быть—разумѣется, приблизительно—отношеніе ширины черепа къ его длинѣ (indice céphalique, столько-то). Сэнъ-Жюстъ носитъ высокій галстухъ, а почему? У него зобъ и, стало быть, наклонность къ кретинизму! Для человѣка науки достаточно этихъ данныхъ, чтобы возстановить эту историческую фигуру съ такою же точностью, съ какою нашъ Бертильйонъ измѣряетъ современнаго преступника. И я говорю: Сэнъ-Жюстъ—типъ микроцефала съ узкими идеями и чисто-религіозною вѣрою въ свою политическую программу,—словомъ, образчикъ фанатика и идіота. А вотъ вамъ Маратъ: замѣтили-ли вы его перекошенное несимметричное лицо? Развѣ это не признакъ „асимметріи врожденныхъ преступниковъ"

по Ламброзо? И, дѣйствительно, мы знаемъ, что Маратъ былъ маніакъ-убійца“...

Затѣмъ мой собесѣдникъ перешелъ къ геологической картѣ Франціи и пресерьезно сталъ доказывать мнѣ, что характеръ историческихъ дѣятелей и роль, которую они играли, были заранѣе и необходимо опредѣлены географическимъ положеніемъ, а особенно геологическимъ строеніемъ мѣстности, гдѣ они родились. Послушать моего знакомаго, первичныя формаціи производили на свѣтъ божій людей консервативнаго строя мыслей, мѣловыя—революціонеровъ и взбалмошныхъ реформаторовъ и т. д., и т. д...

И вотъ съ этимъ-то восторженнымъ до курьеза поклонникомъ „механическаго объясненія исторіи“ мнѣ и пришлось встрѣтиться при выходѣ изъ церкви. Шелъ дождь. Я пріютился подъ гостепріимный зонтикъ „матеріалиста“, и такъ мы пошли съ нимъ въ направленіи къ Сенѣ по одной изъ узкихъ улицъ этого клерикальнаго квартала. Знакомый мой, посматривая на выставленныя въ окнахъ духовныхъ магазиновъ статуи святыхъ, ризы, фотографіи папы, долго порывался что-то сказать и, наконецъ, воскликнулъ: „да, дѣлать нечего, а приходится признаться, что католицизмъ—единственная теперь, пожалуй, соціальная сила, которая въ состояніи спасти Францію отъ напора новыхъ гунновъ“. Я взглянулъ въ бокъ на него, думая, не шутитъ-ли онъ. Но нѣтъ, лицо его было преисполнено нѣсколько комичной серьезности, и въ голосѣ звучалъ свойственный ему докторальный тонъ, когда онъ развивалъ свои теоріи.

— Да, какъ же это? Въ позапрошломъ году я былъ на одной изъ вашихъ публичныхъ лекцій, и вы утверждали тогда совсѣмъ иное, убѣждая аудиторію, что католицизмъ есть помѣха всякому прогрессу, злѣйшій врагъ современнаго общества, и не безъ краснорѣчія развивая тему стараго Лукреція:

Tantum religio potuit suadere malorum...

— Между нами будь сказано, я продолжаю думать въ интимномъ кругу образованныхъ людей по прежнему. Но ужъ больше говорить этого моимъ любезнымъ согражданамъ—столярамъ и ламповщикамъ—не намѣренъ, ибо дѣло теперь идетъ о томъ, чтобы охранить во что бы то ни стало современную цивилизацію отъ нападенія всѣхъ этихъ двуногихъ звѣрей, всей этой преступной толпы, которая неумолимо идетъ на приступъ настоящаго общества, грозя отбросить его въ глубь среднихъ вѣковъ или, еще хуже, къ первобытной ордѣ коммунистовъ. Съ католицизмомъ мы справимся послѣ. Теперь же мы должны пользоваться имъ на манеръ того „государства-буффера“ (Etat-tampon), которое господа англичане пытаются подстроить намъ въ Сіамѣ...

— Послушайте, но вѣдь сами же вы убѣждали „двуногихъ звѣрей“ въ необходимости сбросить съ себя „иго вѣковыхъ предразсудковъ“...

— И искренно каюсь въ этомъ, и готовъ на каждомъ шагу бить въ грудь и произносить mea culpa, mea maxima culpa!.. Что прикажете дѣлать? На нашъ безкорыстный порывъ обучить, просвѣтить народъ, дать понять ему научную прочность основъ современнаго строя, законность борьбы за существованіе, благодѣтельность общественной іерархіи, закрѣпляющей выживаніе умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ, масса отплатила намъ черною неблагодарностью и слушаетъ теперь разныхъ риторовъ и софистовъ, въ родѣ Жорэса, который требуетъ для „нищеты", т. е. какъ разъ для слабѣйшихъ и неспособнѣйшихъ, „широкаго мѣста на солнцѣ"...

— Ну, что же: массы борются по своему. Вы вѣдь не такъ давно именно просвѣщали ихъ на счетъ разумности этой борьбы и необходимости преклоненія передъ побѣдителями въ обществѣ...

Мой знакомый продолжалъ свое обличеніе толпы и все приглашалъ меня тронуться его великимъ теоретическимъ горемъ, трагизмомъ его положенія: въ самомъ дѣлѣ, эти люди вынуждаютъ его примириться съ тѣмъ, противъ чего онъ боролся цѣлую жизнь, и это въ виду спасенія цивилизаціи... И причитанья моего джентльмэна лились неудержимымъ потокомъ подъ аккомпаниментъ дождя, воя вѣтра и лязганья экипажей великаго города...

Рядъ этихъ и еще другихъ картинъ и разговоровъ прошелъ у меня въ головѣ, когда я сѣлъ къ столу и рѣшилъ познакомить читателя хоть съ нѣкоторыми сторонами того многосложнаго явленія французской жизни, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя за послѣдніе четыре-пять лѣтъ. Я разумѣю духъ философской, политической и соціальной реакціи, который все больше и больше проникаетъ въ среду господствующихъ классовъ. Я остановлюсь лишь на идейной сторонѣ этого движенія. Но даже и суживая такимъ образомъ этотъ вопросъ, я не берусь исчерпать его—на то понадобились бы томы, а не страницы,—а попытаюсь сгруппировать нѣсколько, повидимому, разнородныхъ, а на самомъ дѣлѣ тѣсно связанныхъ между собой явленій. Не претендуя на научность, я скорѣе сдѣлаю это въ качествѣ простого наблюдателя культурной жизни Франціи.

Прежде всего да будетъ позволено мнѣ охарактеризовать новое теченіе однимъ не-академическимъ словомъ: „чертобѣсіе". Чертобѣсіе, это — стремленіе ко всему таинственному, чудесному, сверхъестественному, попытка отпирать самыя простыя житейскія вещи ключомъ мистики. Чертобѣсіе, это—академикъ Брюнетьеръ, возвѣщающій всему міру о банкротствѣ науки передъ истиной, воплощенной въ непогрѣшимомъ папѣ. Чертобѣсіе, это—Бурже, объявляющій, что вся его литературная дѣятельность—выводъ изъ католической цивилизаціи. Чертобѣсіе, это—докторъ Жибье (Gibier), который пишетъ „Опытъ науки грядущаго" и является апос-

толомъ для 100,000 спиритовъ въ одной Франціи. Чертобѣсіе, это—разстрига-патеръ, который служитъ для немалочисленныхъ „поклонниковъ Сатаны“ обѣдню дьяволу, примѣшивая самый грязный развратъ къ самому низкому и глупому кощунству. Чертобѣсіе, это—помѣшанный аббатъ, который въ противоядіе этой чертовой обѣднѣ служитъ „обѣдню Мельхиседека“ и отражаетъ такимъ образомъ цѣлые легіоны чертей, которые Сатана направляетъ на него изъ Бельгіи... да прямо въ Ліонъ по воздуху. Чертобѣсіе, это—надѣлавшее шуму года два тому „исцѣленіе“ крестьянской дѣвушки изъ мѣстечка Жифъ,—замѣтьте, всего верстахъ въ 25—30 отъ Парижа,—изъ которой нечистый былъ изгнанъ цѣлымъ синклитомъ патеровъ по приказанію версальскаго епископа. Чертобѣсіе, это—цѣлый сонмъ интеллигентныхъ парижанъ, которые вѣрятъ въ Будду, Люцифера, исповѣдуютъ эссеніанство, гностицизмъ, и даже приносятъ жертвы... Изидѣ. Чертобѣсіе, это—шустрый литературный хроникеръ, нѣкто Вызева (Wyzewa, псевдонимъ поляка Выжевскаго, нарочно придумавшаго себѣ это имя „братушки“ въ виду франко-русско-славянскихъ симпатій), который пытается теоретически обосновать преимущество „чувства“ передъ „умомъ“, мистицизма слабоумныхъ и невѣждъ передъ убѣжденіями, основанными на знаніи. Чертобѣсіе, это—романистъ Гюисмансъ, который отъ низменнаго натурализма „Марты“ переходитъ къ болѣзненному „На-выворотъ“, затѣмъ къ религіозно-эротическому роману „Là-Bas“ и заканчиваетъ въ послѣднемъ романѣ („Въ дорогу“) признаніемъ, что людямъ нечего теперь дѣлать, кромѣ какъ идти въ монастырь траппистовъ. Чертобѣсіе, это—невозможно расплодившіяся теперь въ Парижѣ объявленія о сомнамбулахъ и гадалкахъ, замѣтьте, очень дорогихъ и, стало быть, разсчитанныхъ на людей изъ высшаго и средняго круга...

Какъ же подготовлялась эта печальная эпидемія? Я уже сказалъ, что она свирѣпствуетъ главнымъ образомъ среди господствующихъ классовъ. Народъ или просто держится старыхъ суевѣрій, или же равнодушенъ, а въ большихъ центрахъ и прямо враждебенъ католицизму. Но именно потому, что современная болѣзнь свила себѣ гнѣздо по преимуществу среди людей имущихъ и интеллигентныхъ, причины ея разнообразны и довольно сложны.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ было поверхностное увлеченіе наукою, а особенно науками естественными, во второй половинѣ царствованія Наполеона III и въ первыя пятнадцать лѣтъ (говорю, конечно, приблизительно) теперешней республики. Въ этомъ увлеченіи, несомнѣнно, сказывалось новое выступленіе на сцену буржуазіи, послѣ краха 2-го декабря. Къ 1865 году буржуазія успѣла въ значительной степени позабыть о постыдномъ чувствѣ страха, который овладѣлъ ею послѣ іюньскихъ дней 1848 г. и который былъ главнымъ виновникомъ и пособникомъ

coup d'Etat. Все, что было мыслящаго и развивающагося среди имущихъ классовъ, снова совершенно естественно потянулось къ мысли и развитію. Диктатура имперіи, опирающаяся на грубоматеріальные интересы привилегированныхъ классовъ, на невѣжество крестьянина, на прочную организацію католическаго клерикализма, шла теперь въ разрѣзъ съ духовными интересами буржуазіи. Борьба съ правительствомъ, съ католицизмомъ, съ невѣжествомъ народа была поставлена главною задачею оппозиціи. Снова и снова возникала иллюзія, будто наука сама по себѣ способна разрѣшить вопросы общежитія, и „знаніе" пропагандировалось на всѣ лады и всѣми способами.

Мало того. Имперія не любила шутить со своими врагами. Потому даже и тѣ изъ нихъ, которые гораздо болѣе интересовались практическими, чѣмъ теоретическими задачами, старались проводить оппозиціонныя идеи опять таки подъ флагомъ „объективной, строгой положительной науки": послѣдней было больше простора, чѣмъ прямой политической борьбѣ. Публицистика рядилась въ перья научности, подобно тому какъ, при другихъ условіяхъ, она укрывалась за вымыслами романа: и наука выходила тенденціозной, какъ, при другихъ условіяхъ, беллетристика становилась тенденціозной. Наконецъ, какъ всегда бываетъ, за настоящими учеными, за искренними искателями истины шла цѣлая толпа послѣдователей, и общее теченіе принимало характеръ подражанія, увлеченія, идейной моды.

Съ другой стороны, соціологія, наука о формахъ общественной солидарности, находилась еще въ пеленкахъ. Обобщенія Сэнъ-Симона, Фурье, были геніальными предвидѣніями,—не болѣе того. И, кромѣ того, практическіе выводы изъ этихъ обобщеній связывались въ умѣ имущихъ классовъ съ такими воспоминаніями, которыя были способны скорѣе лишь оттолкнуть ихъ отъ этихъ соціологическихъ теорій. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, такой замѣчательный мыслитель, какъ Огюстъ Контъ, очень недружелюбно отмѣчалъ „анархію" мысли „критическаго періода" и искалъ „позитивныхъ" основъ общежитія. Чего же можно было ожидать отъ его учениковъ? *) Наконецъ, взглядъ Конта на соціологію, какъ на завершеніе и выводъ изъ положительныхъ знаній о мірѣ неорганическомъ и органическомъ, необходимо долженъ былъ выдвинуть на первый планъ значеніе естественныхъ наукъ для выработки теоріи общежитія. Отсюда, между прочимъ, каррикатурное приложеніе физическихъ, химическихъ, біологическихъ аналогій къ общественному организму...

Но естественныя науки пріобрѣли къ концу пятидесятыхъ и

*) Посмотрите только, что преподноситъ публикѣ Пьеръ Лафиттъ, ортодоксальный позитивистъ, который всячески пропагандируетъ необходимость подтянуть хорошенько и ограничить «всеобщую подачу голосовъ».

началу шестидесятыхъ годовъ значеніе, далеко выходящее за предѣлы сравнительно узкаго круга ученыхъ спеціалистовъ и послѣдователей позитивизма. То было время, съ одной стороны, геніальныхъ обобщеній Дарвина и выработки эволюціонизма, съ другой—небывалаго развитія техники и матеріальнаго расцвѣта Европы послѣ потрясеній конца сороковыхъ годовъ. Во Франціи постройка желѣзныхъ дорогъ, торговый трактатъ 1861 г., подъемъ промышленности и пр., и пр. создали иллюзію, будто рѣшеніе всѣхъ вообще соціальныхъ вопросовъ лежитъ въ развитіи матеріальныхъ условій и, стало быть, въ занятіи естественными науками. Точныя науки помогаютъ господству человѣка надъ природой. Этого казалось достаточно, чтобы устранить „искусственныя“ формы господства человѣка надъ человѣкомъ, а съ другой стороны—объявить неподдающіяся этому устраненію формы общественной неправды за выраженіе непреложныхъ законовъ естества. Къ идеальнымъ моментамъ распространенія естественныхъ наукъ, становившихся въ силу разныхъ обстоятельствъ модными, присоединялся чисто-эгоистическій мотивъ отыскать въ этихъ наукахъ опору для защиты классового общества, борьбы за существованіе, необузданной конкурренціи, богатства—бѣдности и пр.

А исторія шла въ это время своимъ чередомъ. Имперія утонула въ грязи и крови. За 4-мъ сентября 1870 г. послѣдовало 18-е марта 1871 г.: буржуазія, подавивъ пролетаріатъ, становилась во главу угла, непосредственно правящимъ классомъ. Временная попытка старыхъ партій возвратиться къ прежнему строю не удалась и съ паденіемъ Макъ-Магона, съ разгромомъ консервативной коалиціи (1879 г.), республика стала единственно возможной формой правленія. Но насколько она упрочивалась на практикѣ, настолько же она теряла свое теоретическое обаяніе. Приспособленіе къ обстоятельствамъ (Щедринъ сказалъ бы „примѣнительно къ подлости“) ярко вылилось въ созданіи оппортунистской партіи, и нѣкогда популярный „народный трибунъ“ рѣзко и по обыкновенію, банально сформулировалъ сущность политики господствующихъ классовъ, на которые онъ опирался, сказавъ: „нѣтъ соціальнаго вопроса: есть только соціальные вопросы“, т. е. рядъ микроскопическихъ штопаній Тришкина кафтана. Буржуазія не шла далѣе философскаго и политическаго свободомыслія: новыя идеи въ области соціальной и экономической казались ей грѣхомъ противъ человѣческаго разума. Досужіе люди могли испытывать потребность въ умственномъ и эстетическомъ наслажденіи; они нуждались даже въ утонченномъ щипаніи нервной системы въ области мысли и искусства. Но у нихъ по необходимости отсутствовало все, что напоминало объ общечеловѣческой солидарности, о замѣнѣ борьбы сотрудничествомъ, о пріобщеніи массъ къ матеріальнымъ и духовнымъ благамъ цивилизаціи. Увлеченіе на-

учностью, особенно „положительными точными науками“, свелось къ безсознательной и сознательной защитѣ современныхъ учрежденій, къ ревнивому выдѣленію интеллигентныхъ классовъ, этой „естественной аристократіи“, изъ сѣрой трудящейся массы и къ болѣе или менѣе остроумному оправданію во имя „науки“ самыхъ низменныхъ и эгоистическихъ мотивовъ.

И всѣ эти явленія принимали тѣмъ болѣе рѣзкую и неприглядную форму, чѣмъ шире модное увлеченіе распространялось среди привилегированныхъ классовъ, и чѣмъ гуще становилась толпа послѣдователей у тѣхъ искреннихъ искателей истины, которые дали первый толчокъ научному движенію. Повторилась обычная исторія съ оригинальными умами, которые бросаютъ въ міръ новую идею, можетъ быть, одностороннюю, но плодотворную, и ихъ учениками, которые берутъ въ новой идеѣ какъ разъ ея слабую сторону, ея внѣшность, преувеличиваютъ ее до комичнаго, а порою и до трагичнаго, опошливаютъ и загаживаютъ все, до чего касаются. Укажу хотя бы на дарвинизмъ.

У творца теоріи несомнѣнно преобладала оптимистическая, жизнерадостная нота. И если онъ несомнѣнно преувеличилъ значеніе борьбы за существованіе въ органическомъ мірѣ и несомнѣнно преуменьшилъ важность союза и солидарности среди животныхъ, не говоря уже о человѣкѣ, то все же въ общемъ онъ полагалъ, что естественный подборъ оставляетъ въ живыхъ особей и личностей дѣйствительно лучшихъ и достойнѣйшихъ въ стадѣ и обществѣ. Но во что превратили эту теорію „дарвинята“! Они съ наслажденіемъ останавливались на разрушительной сторонѣ подбора; ихъ прямо радовали стоны и предсмертное хрипѣніе умирающихъ въ борьбѣ; они безстыдно выдавали аттестаты „достойнѣйшихъ“ жалкимъ и презрѣннымъ эгоистамъ, которые побѣждали истинно-великихъ и благородныхъ, но „не приспособившихся къ условіямъ“.

Но то еще были теоретики, хотя теоретики второстепенные и третьестепенные на манеръ г-жи Клемансъ Ройе, и пр. А вотъ и послѣдовательный дарвинистъ-практикъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, если не ошибаюсь, разбиралось во Франціи одно очень интересное дѣло: убійство богатаго старика двумя интеллигентными людьми. Одинъ изъ нихъ студентъ-медикъ высшаго курса, нѣкто Лебьезъ (Lebiez) распласталъ убитаго по всѣмъ правиламъ науки, словно работалъ надъ анатомическимъ препаратомъ, затѣмъ забралъ деньги и бумаги, вымылъ руки и отправился прямо оттуда читать публичную лекцію о дарвинизмѣ. Съ эффектомъ и не безъ самодовольства онъ объяснилъ слушателямъ, что правильно понятый законъ борьбы за существованіе освящаетъ убійство, лишь бы оно было совершено человѣкомъ „высшаго типа“ надъ простымъ и, стало быть, презрѣннымъ смертнымъ... Я думаю, самъ пресловутый Ницше не перещеголяетъ

этого молодца своими фразами о „бѣлокуромъ звѣрѣ“ прошлыхъ временъ и о „сверхъ-человѣкѣ“ грядущаго.

Другимъ факторомъ подготовленія реакціи былъ очень удобный для мѣщанства якобы „философскій“ пессимизмъ. Десять лѣтъ тому назадъ невозможно было говорить съ мало-мальски интеллигентнымъ французомъ, безъ того, чтобы черезъ двѣ минуты онъ не заявилъ гордо вамъ, что онъ отрицаетъ всѣ философіи, какъ чепуху, кромѣ одной философіи Шопенгауэра. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вашъ собесѣдникъ ровно ничего не зналъ о настоящемъ Шопенгауэрѣ, развѣ читалъ сборникъ его афоризмовъ и философскихъ эпиграммъ, переведенныхъ на французскій языкъ, да и то выуживая изъ него какъ разъ самыя плохія или пошлыя вещи, въ родѣ насмѣшекъ надъ женщинами, и т. п. Но тѣмъ не менѣе онъ съ большимъ апломбомъ разсуждалъ о суетѣ суетъ, неизбѣжности страданій, прелести погруженія въ небытіе, и пр. Поглядывая на румяныя щеки и прислушиваясь къ забавной подчасъ болтовнѣ шопенгауэриста, вы скоро схватывали его психологію. Дитя буржуазіи, сытый и не лишенный умственныхъ интересовъ, онъ проглатывалъ горькую философію пессимизма положительно на манеръ знаменитаго Amer Picon'a, полыновки и прочихъ „желудочныхъ горечей“, которыя французъ пьетъ въ кафе между 5 и 6 часами вечера, передъ тѣмъ какъ приниматься за обѣдъ. Шопенгауэръ возбуждалъ въ немъ аппетитъ къ благамъ жизни, притупляя его способность страдать при видѣ повседневныхъ сценъ современной дѣйствительности, которыя могутъ портить пищевареніе имущихъ...

Напримѣръ. Проходитъ нашъ упитанный юноша по бульвару и видитъ человѣка въ синей рваной блузѣ, который вдругъ блѣднѣетъ и валится на асфальтовый троттуаръ передъ какимъ нибудь магазиномъ гастрономическихъ затѣй. Сбѣгается публика, является городовой, подскакиваетъ неизбѣжный свидѣтель и участникъ уличныхъ сценъ,—мальчикъ изъ кондитерской съ тортомъ въ корзинѣ на головѣ. Упавшаго поднимаютъ, допрашиваютъ: „три дня не ѣлъ... шесть мѣсяцевъ безъ работы“. Кто нибудь изъ публики сниметъ съ себя шляпу, броситъ туда для почину нѣсколько су и, держа шляпу въ рукахъ, обойдетъ собравшуюся толпу. Сыплятся мѣдныя, а изрѣдка и серебряныя монеты, и импровизированный филантропъ съ торжествомъ уводитъ умирающаго съ голоду до перваго ресторана, гдѣ синяя блуза съ жадностью выхлебываетъ миску бульйона... для того, чтобы снова подняться и брести по шумному Парижу, пока снова не упадетъ и уже больше не встанетъ.

А то бываетъ и такъ: мать-вдова привяжетъ къ себѣ рваной и грязной простыней двоихъ-троихъ дѣтей, да и бросится съ ними въ Сену съ роскошнаго, залитого газомъ моста. И, навѣрное, найдется какой нибудь бравый извозчикъ или опять таки городовой,

который съ опасностью жизни кинется въ воду и вытащитъ всю группу на берегъ, затѣмъ поведетъ къ полицейскому коммиссару. А коммиссаръ сдѣлаетъ строгій выговоръ „сумасшедшей", возьметъ съ нея обѣщаніе не начинать снова и наградитъ ее на прощаніе франковой монетой: ступай, живи, гражданка!

Или: живутъ—живутъ себѣ тридцать лѣтъ у какого нибудь домовладѣльца мужъ и жена въ консьержахъ (привратникахъ или швейцарахъ), состарятся, ослабѣютъ и не будутъ въ состояніи отпирать поздно возвращающимся жильцамъ входную дверь—потягивая ее изъ своей комнатки за снурокъ — или натирать воскомъ парадную лѣстницу. Вотъ хозяинъ и откажетъ имъ отъ мѣста: нельзя же въ самомъ дѣлѣ заставить страдать жильцовъ изъ-за ставшихъ негодными стариковъ? А старики, получивъ послѣднія деньги по разсчету, состряпаютъ себѣ хорошій обѣдъ, купятъ бутылку дорогого вина, выпьютъ даже по чашкѣ кофе съ коньякомъ—и благодушно лягутъ на постель, предварительно разведши жаровню съ угольями и закупоривъ всѣ щелки въ каморкѣ. Смотришь, на диво хозяина и жильцовъ, консьержи отправились въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, ни хозяевъ и домовъ, ни необходимости работать и стариться...

Брр! некрасивыя сцены, и много крови онѣ напортятъ нашему юношѣ. А припомнитъ онъ читанное или слышанное о Шопенгауэрѣ, вспомнитъ о блаженствѣ небытія и помянетъ даже добрымъ словомъ стариковъ, которые, не читая знаменитаго философа, уразумѣли смыслъ его теоріи... помянетъ—и отправится въ Moulin rouge мыкать свое великое теоретическое горе, отъ нечего дѣлать наблюдая, насколько футовъ отъ земли поднимаетъ ногу знаменитая M-lle Nini.

Этотъ философскій пессимизмъ—сущій кладъ для современнаго мѣщанства. Все скверное, съ этой точки зрѣнія, совершается по желѣзнымъ законамъ естества, и никто ни въ чемъ не виноватъ. Значитъ, будемъ влачить въ этой юдоли плача наше бремя жизни,—каждый на свой манеръ, каждый при разныхъ условіяхъ, одинъ развалясь въ коляскѣ, другой шлепая въ опоркахъ по грязи, но твердо памятуя, что все это когда-нибудь кончится, и даже вся эта величественная солнечная система когда-нибудь потухнетъ... А вы мнѣ еще говорите о какой-то женщинѣ съ какими-то ребятишками, которая бросилась съ моста въ Парижѣ, этой точкѣ на земномъ шарѣ, каковой въ свою очередь точка въ системѣ мірозданія, каковая и т. д.

Еще новымъ подготовителемъ реакціи было довольно сложное явленіе нравственнаго и соціальнаго скептицизма. Во Франціи его часто называютъ ренанизмомъ. Но опять-таки и здѣсь нужно различать между учителемъ и учениками. У самого Ренана—правда, въ началѣ его философской карьеры — вы найдете, напримѣръ, слѣдующія благородныя строки:

Если наука есть вещь серьезная, если судьбы человѣчества и совершенство личности тѣсно связаны съ ней, если это—религія, то, подобно всѣмъ религіознымъ вещамъ, она имѣетъ значеніе каждый день и каждое мгновеніе *).

Или слѣдующія пламенныя слова, которыя онъ произнесъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на банкетѣ, данномъ почитателями философа въ родномъ его городѣ Трегье (Treguier):

Что у меня было всегда, это—любовь къ истинѣ. Я желаю, чтобы на могилѣ моей написали: Veritatem dilexi. Да, я возлюбилъ истину; я искалъ ее; я слѣдовалъ за ней туда, куда она призывала меня, не взирая на тяжкія жертвы, которыя она возлагала на меня. Чтобы повиноваться ей, я разорвалъ самыя дорогія для меня узы. И я увѣренъ, что поступилъ хорошо. Я поясню это. Никто не можетъ ручаться, что онъ знаетъ отвѣтъ на загадку вселенной, и безконечное, которое насъ окружаетъ, ускользаетъ отъ всѣхъ рамокъ, отъ всѣхъ формулъ, которыя мы хотѣли бы наложить на него. Но есть одна вещь, которую можно утверждать: это—искренность сердца, это—преданность истинѣ и сознаніе тѣхъ жертвъ, которыя были принесены во имя ея. Это свидѣтельство я твердо и гордо понесу на головѣ своей въ день страшнаго суда.

Но, конечно, въ сложной и интересной для психолога натурѣ Ренана было не одно это упорное аскетическое стремленіе къ истинѣ, эта безкорыстная, благородная жажда знанія: въ ней было умственное эпикурейство, слащавый оптимизмъ, крайняя терпимость, основанная на снисходительномъ презрѣніи къ громадному большинству людей, не могущихъ жить умственною жизнью, и зачастую возмутительное безразличіе къ явленіямъ нравственнаго міра и проч., и проч. И что же? Ученики Ренана взяли себѣ за образецъ именно эти отрицательныя, расплывчатыя, дурныя стороны мыслителя; и я очень хорошо помню, съ какимъ восторгомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ бульварная пресса трепала на всѣ лады выхваченную ею изъ „Моральныхъ и критическихъ опытовъ“ Ренана мысль о невозможности найти строгую истину, выработать строгую систему убѣжденій, о неизбѣжности приблизительныхъ, очень неопредѣленныхъ отвѣтовъ на запросы ума и сердца:

Система есть эпопея о вещахъ. Было бы такъ же нелѣпо предположить, что данная система заключаетъ въ себѣ послѣднее слово дѣйствительности, какъ предположить, что данная эпопея исчерпываетъ цѣлый кругъ красоты.. Должно отказаться отъ узкаго схоластическаго міровоззрѣнія, которое принимаетъ умъ человѣческій за машину, вполнѣ точную и совпадающую съ абсолютомъ (adéquate à l'absolu)... Тотъ или иной уголъ зрѣнія, тотъ или иной взглядъ на предметъ, то или иное дневное освѣщеніе, тотъ или иной просвѣтъ на перспективу, различныя ощущенія, цвѣта, физіономіи, виды предмета,—вотъ формы, подъ которыми умъ воспринимаетъ вещи. Одна лишь геометрія укладывается въ аксіомы и теоремы **).

*) Ernest Renan, *L'avenir de la science. Pensées de 1848;* Парижъ, 4-е изд., 1890, стр. 2 (письмо къ Эженю Бюрнуфу).

**) *Essais de morale et de critique*: Парижъ, 1859.

Подумайте, что за удобная точка зрѣнія для отживающей буржуазіи, ея эгоистическаго наслажденія жизнью, ея индифферентизма! Что вы будете говорить мнѣ о необходимости выработки опредѣленной системы мысли и жизни, о стремленіи идти въ сторону идеаловъ солидарности и всеобщаго счастія, о неизбѣжности бороться и умирать за свои убѣжденія? Я вамъ на это отвѣчаю: а кто вамъ сказалъ, что ваши идеалы—истина? Ваше міровоззрѣніе—одна изъ безчисленныхъ равноцѣнныхъ граней пестрой, блестящей, одинаково интересной жизни, одно изъ многочисленныхъ „дневныхъ освѣщеній" предмета. И вы хотите, чтобы изъ-за нелѣпаго предпочтенія этого оптическаго момента всѣмъ другимъ я разбилъ себѣ голову и погрузился въ вѣчную ночь, гдѣ нѣтъ никакихъ „дневныхъ освѣщеній", никакихъ интересныхъ „просвѣтовъ на перспективу"?!. Мало того. Жизнь коротка, а наслажденій много. Съ какой стати вы будете предписывать мнѣ какую-то аскетическую, монотонную точку зрѣнія нравственности? Все одинаково нравственно и безнравственно: дѣло лишь въ томъ, подъ какимъ „угломъ зрѣнія" посмотрѣть на вещи.

„Что есть истина"?—спросилъ любезный скептикъ Пилатъ, развелъ руками и умылъ ихъ, въ то самое время, какъ толпа „невѣдающихъ, что творятъ", всколыхнутая защищающими свой интересъ книжниками и фарисеями, повлекла Праведника на смерть. „Что есть истина"?—спрашиваетъ теперь министръ, поставленный игрою парламентарныхъ комбинацій у власти, раздирая свою прежнюю программу. „Что есть истина"?—спрашиваетъ теперь бойкій журналистъ, нападающій сегодня на панамскій каналъ, завтра встрѣчающій „международнаго жида" Артона и получающій отъ него на 100,000 франковъ, а послѣ завтра уже съ жаромъ объясняющій читателю всѣ выгоды отъ „патріотическаго предпріятія".

—

Кромѣ различныхъ проявленій дурно понятыхъ „науки" и „философіи", разобщающихъ массы отъ имущихъ и интеллигентныхъ классовъ, не менѣе важную роль въ выработкѣ идейной реакціи сыграло французское „искусство", особенно пресловутый „натуралистическій романъ", который воздвигалъ другую китайскую стѣну между сытыми и голодными. Какъ ни покажется это на первый взглядъ странно читателю, но пышный расцвѣтъ французскаго натурализма былъ подготовленъ, по моему мнѣнію *), въ гораздо большей степени опять-таки человѣкомъ буржуазной науки и буржуазной философіи, чѣмъ собственно художниками

*) Да и не по одному моему мнѣнію: къ этой мысли французская критика склоняется все чаще и охотнѣе.

въ родѣ Бальзака, Флобера и Гонкура. Я говорю о Тэнѣ съ учениками, которые по обыкновенію взяли смѣшныя стороны этого крупнаго ума и по обыкновенію дописались въ этомъ направленіи до чудовищныхъ нелѣпицъ. Тэнъ представляетъ собою рѣдкое сочетаніе сильнаго, но болѣзненно-напряженнаго и односторонне-абстрагирующаго мыслителя и недюжиннаго, но зачастую уродливаго художника. Умѣнье сформулировать извѣстную, рѣдко вполнѣ оригинальную, но часто интересную идею, подкрѣпить ее не только логическими соображеніями, но выпуклымъ изображеніемъ деталей „документа“, порою всецѣло захватываетъ читателя. Но какъ часто эта яркость мысли переходитъ въ уродливую односторонность, и конкретный образъ, подкрѣпляющій абстрактную мысль, превращается въ прямой шаржъ, въ грубую каррикатуру!.. Міровоззрѣніе Тэна—міровоззрѣніе противообщественное, основанное на презрѣніи къ большинству человѣчества и на эгоистическомъ наслажденіи мыслителя-художника игрой въ логическій анализъ явленій и художественный синтезъ образовъ. Притомъ сферы ума и аффекта такъ слабо отграничены у Тэна, что очень часто проницательный взглядъ ученаго заволакивается у него дымкой классовой страсти, окрашивающей и искажающей очертанія и взаимное расположеніе предметовъ. И, наоборотъ, къ какому-нибудь крупному историческому явленію, выросшему изъ великаго коллективнаго аффекта, творческой страсти цѣлаго народа, онъ подходитъ съ микроскопомъ чисто-логическаго анализа на носу и пресерьезно занимается высчитываніемъ пятенъ, невѣрныхъ штриховъ и порванныхъ волоконъ на поверхности громадной, блестящей и волнующейся картины историческаго движенія...

Конечно, самъ же Тэнъ и мстилъ себѣ за свои увлеченія. Онъ зачастую не выдерживалъ своей точки зрѣнія и лѣвой рукой разрушалъ то, что создавалъ правой. Напримѣръ, какого шума надѣлала его эффектная, а въ сущности банальная мысль, проникнутая якобы высшимъ объективизмомъ: „порокъ и добродѣтель суть такіе же продукты, какъ купоросъ и сахаръ!“ *) И кто съ большей субъективной страстью и зачастую несправедливымъ негодованіемъ обрушился на одинъ изъ этихъ „продуктовъ“, міровоззрѣніе якобинцевъ: якобинецъ, заявилъ Тэнъ,

это—сумасшедшій, у котораго есть логика, и чудовище, которое воображаетъ, что у него есть совѣсть. Преслѣдуемый маніею своего догмата и своей гордости, онъ страдаетъ двумя болѣзнями: болѣзнью ума и болѣзнью сердца: онъ потерялъ здравый смыслъ и онъ извратилъ въ себѣ нравственное чувство **).

*) H. Taine, *Histoire de la littérature anglaise*, t. I, стр. XV («Introduction»); Парижъ, 10-е изд., 1899.

**) *Les origines de la France contemporaine*, т. III (*La conquête jacobine*): Парижъ, 17-е изд., 1896. стр. 32.

Но для учениковъ Тэна важно было даже не общее міровоззрѣніе мыслителя, котораго по обыкновенію они цѣликомъ не читали, а читанное на половину не понимали. Для нихъ были особенно любы тѣ отрицательныя стороны этого міровоззрѣнія, которыя могли служить точками опоры для современнаго „искусства", для литературы, питающей французскую буржуазію конца XIX вѣка.

Напримѣръ, натуралистическій романъ любитъ изображать глупость, гадость, подлость человѣка, а особенно массъ, ожесточенную борьбу за существованіе, не съ тѣмъ, чтобы показать жизненныя, но преходящія основы этихъ печальныхъ явленій, и, стало быть, возможность и желательность выхода изъ такого положенія; а съ тѣмъ, чтобы пощекотать истощенную нервную систему сытыхъ и досужихъ классовъ какимъ-нибудь звѣрскимъ или циничнымъ „документомъ". И что же? Развѣ эта точка зрѣнія не находится уже, ярко сформулированная, отграненная, отчеканенная въ „Жизни и мнѣніяхъ Томаса Грэндоржа", вещи, написанной Тэномъ въ то время, когда муза современныхъ натуралистовъ бѣгала еще въ дѣтскихъ панталончикахъ? Напримѣръ:

Естественное состояніе человѣка, какъ и животнаго, это — быть убитымъ или умереть съ голоду... Вспомни прогулку, которую мы совершили съ тобой какъ-то въ лѣсу. Мы раздавливали муравьевъ, которые попадались намъ подъ ноги. Красивыя птицы летали, охотясь за мухами; крупныя насѣкомыя пожирали мелкихъ... Въ колеѣ, между двумя пучками травы, мы увидали маленькаго зайчика, лежавшаго брюхомъ кверху; ястребъ схватилъ его при первомъ же выходѣ, сожралъ на половину и выпотрошилъ внутренности; муравьи, жуки, цѣлыя толпы голодныхъ уже работали въ шкуркѣ убитаго... Вещи происходятъ и въ мірѣ такъ же, какъ въ этомъ великолѣпномъ и благовонномъ лѣсу. Здѣсь страдаютъ, и такъ и слѣдуетъ быть: или ты хочешь просить у великихъ силъ природы измѣнить свою сущность ради того, чтобы пощадить деликатность твоихъ нервовъ и твоего сердца? Здѣсь убиваютъ другъ друга и поѣдаютъ другъ друга; и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: не хватаетъ пищи для столькихъ желудковъ *).

Съ какою радостью романистъ-натуралистъ вцѣпится въ эту картину всеобщей грызни и даже разовьетъ, разукрасить ее какъ разъ для того, чтобы не „пощадить деликатность нервовъ и сердца" буржуазіи, которая нуждается именно въ хорошемъ щипаніи нервовъ и разбереживаніи сердца, тѣмъ болѣе, что, по странному пристрастію къ ней „великихъ силъ природы", она принадлежитъ къ категоріи ядущихъ, а не ядомыхъ.

Натуралистическій романъ изображаетъ по большей части дураковъ, пошляковъ и негодяевъ, и это понятно. Разъ признать неизмѣняемость современныхъ условій жизни, „артисту" ничего не остается дѣлать, какъ предаваться анатомированію всевозмож-

*) *Notes sur Paris. Vie et opinions de M. Frédéric-Thomas Graindorge*; Парижъ, 11-е изд., 1893, стр. 264.

ныхъ ходячихъ труповъ, которые насъ окружаютъ, не щадя при случаѣ изъ-за эффекта, изъ-за краснаго словца, ни мать, ни отца, т. е. раздавая заушенія съ одинаковымъ рвеніемъ и народу, и высшимъ классамъ. И въ этомъ отношеніи Тэнъ является идейнымъ отцомъ натуралистовъ. Его Томасъ Грэндоржъ раздѣлалъ „тщеславнаго, чувственнаго, самодовольнаго“, ни къ чему негоднаго рбочаго, изъ котораго-де вербуются революціонеры и убійцы. Но припомните, съ другой стороны, его картины буржуазіи, приведите себѣ на память его „стадо старыхъ обезьянъ, пріодѣтыхъ, усталыхъ, высохшихъ, изстрадавшихся“, его растерянныхъ и глупыхъ стариковъ—скупердяевъ“ (grigous), его „блѣдныхъ, болѣзненныхъ, странныхъ молодыхъ людей“, его женщинъ, похожихъ на „опухшихъ коровенокъ“ (petites vaches bouffies), мужей ихъ, „приземистыхъ карликовъ (nabots), пожираемыхъ страстью къ трюфелямъ“ и т. д., и т. д.

Возьмите манію фотографировать, громоздить деталь за деталью, у романистовъ-натуралистовъ, ихъ гоньбу за документомъ: что это какъ не каррикатурное преувеличеніе страсти Тэна отмѣчать, срисовывать, какъ самъ же онъ говорилъ, „всѣ пятна, изображеніе которыхъ образовывало предметы на его сѣтчатой оболочкѣ“? Есть, между прочимъ, довольно вдумчивые и образованные критики, вродѣ Гастона Дэшана, которые прямо указываютъ на подражаніе описательнымъ пріемамъ Тэна хотя бы у Эмиля Золя *).

Возьмите психологическій романъ, эту разновидность натурализма, которая играетъ въ бирюльки ощущеній, — дурныхъ или хорошихъ, все равно. И послушайте, что еще во время оно писалъ Тэнъ:

Что такое романистъ? На мой взглядъ, онъ психологъ и больше ничего. Онъ любитъ изображать чувства, схватывать ихъ зависимость, ихъ прецеденты, ихъ слѣдствія, и онъ отдается этому удовольствію. Въ его глазахъ, это—силы, дѣйствующія въ разныхъ направленіяхъ и разной величины. Онъ мало заботится объ ихъ справедливости или несправедливости.

Остановитесь, наконецъ, на всей этой группѣ жестокосердыхъ писателей между натуралистами (Ги де-Мопассанъ, отчасти Бурже),—„жестокихъ талантовъ“, какъ ихъ назвалъ бы Н. К. Михайловскій, „cruellistes“, какъ ихъ называетъ французская критика, которые не видятъ ничего въ жизни, кромѣ лжи, обмана, минутнаго взрыва животной страсти и слѣдующаго за этимъ фатальнаго охлажденія. Однимъ изъ духовныхъ отцовъ этого отрицанія хотя бы человѣческой благородной любви является несомнѣнно Тэнъ, который задолго до появленія всѣхъ этихъ „Mont-Oriol“ и „Physiologie de l'amour moderne“ писалъ:

---

*) Gaston Deschamps, *La vie et les livres. Deuxième série*; Парижъ, 1895, стр. 109, прим. 1.

Когда вы видите румяныя щеки и невинные глаза у вашей невѣсты, не заключайте изъ того, что она—ангелъ, но что ее кладутъ спать въ девять часовъ, и что она съѣла немало таки котлетокъ *).

Или относительно совмѣстной жизни мужа и жены:

они изучаютъ другъ друга три недѣли, любятъ три мѣсяца, ссорятся три года, терпятъ другъ друга тридцать лѣтъ,—а дѣти начинаютъ это сызнова **).

Въ заключеніе обратите вниманіе на слѣдующую сторону натурализма: это—его чисто комическое увлеченіе искусствомъ; постановка имъ художественнаго творчества на недосягаемый пьедесталъ; рѣшительное предпочтеніе процесса писанія и анализа процессу самой жизни съ ея суровыми обязанностями и борьбой за правду. Читатель, можетъ быть, помнитъ, съ какимъ забавнымъ негодованіемъ Золя заявлялъ въ газетахъ, что законъ вынуждаетъ его быть въ теченіе нѣкотораго времени присяжнымъ засѣдателемъ и тратить драгоцѣнное время въ разборѣ дѣлъ разныхъ убійцъ и мошенниковъ, между тѣмъ, какъ онъ, великій жрецъ натуралистическаго искусства, долженъ былъ бы по настоящему сидѣть за письменнымъ столомъ въ Меданѣ и вышивать чернымъ по бѣлому „документъ“ за „документомъ“ ***). И здѣсь опять мы встрѣчаемъ прототипъ въ Тэнѣ. Напримѣръ, изобразивши уже цитированную нами ужасную картину борьбы въ лѣсу и среди общества, Тэнъ спрашиваетъ себя: гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Конечно, не въ „дѣятельности“, ибо это броситъ лишнюю визгливую ноту въ и безъ того уже разноголосый концертъ грызущихся. Нѣтъ, изволите ли видѣть, „въ созерцаніи“. Дѣйствительно:

посмотри вокругъ себя... Эта широкая равнина курится и блеститъ подъ благороднымъ солнцемъ, которое ее освѣщаетъ; эти зубцы лѣсовъ покоятся въ упоительной нѣгѣ на обрамляющей ихъ лучезарной лазури; эти благовонныя сосны поднимаются, какъ курильницы, на коврѣ рыжихъ вересковъ. Ты провелъ такъ часъ и въ теченіе этого часа ты не былъ звѣремъ; я поздравляю тебя съ этимъ,—ты почти можешь гордиться тѣмъ, что жилъ ****).

А кромѣ созерцанія, займитесь анализомъ окружающей жизни, и возсозданіемъ анализированныхъ явленій, съ одинаковымъ интересомъ относясь, напримѣръ, къ первому попавшемуся „человѣку-обезьянѣ“ и къ генію. Ибо и

геній человѣка походитъ на часовой механизмъ: у него есть свое строеніе и, между всѣми его составными частями, одна главная пружина. Доверя-

*) *Notes sur Paris*, стр. 54.

**) Ibid., стр. 51.

***) Дѣло Дрейфуса произвело, какъ извѣстно, цѣлую пертурбацію въ этихъ взглядахъ Золя и явило въ немъ міру образецъ не только крупнаго художника, но благороднаго и героическаго гражданина. См. послѣдующіе этюды.

****) *Notes sur Paris*, стр. 269.

тесь до этой пружины, покажите, какъ она сообщаетъ движеніе всѣмъ прочимъ, прослѣдите это движеніе отъ одной части къ другой, вплоть до стрѣлки, гдѣ оно завершается *).

И Тэнъ еще въ 1862 г. говорилъ, что надо дѣлать вслѣдъ за этимъ анализомъ:

Уже десять лѣтъ моей основной идеей было: должно изображать человѣка на манеръ художниковъ, и въ то же время строить его на манеръ людей разсудочнаго типа (raisonneurs); это—вѣрная идея, она производитъ могущественные эффекты, я ей обязанъ своимъ успѣхомъ.

Словомъ, живи, не живя, а наблюдая и изображая жизнь! А сколько натуралистовъ и натуралистиковъ буквально помѣшались на пресловутой фразѣ Тэна: „произведеніе искусства есть результатъ расы, среды и момента“! Сколько изъ нихъ, начиная хотя бы съ Золя, надоѣдаютъ намъ педантическимъ обоснованіемъ души ихъ героевъ на почвѣ наслѣдственности и проч.!..

Итакъ, вотъ разныя условія, подготовившія почву для современной реакціи.

Увлеченіе „положительными знаніями“, создающими матеріальныя условія современной классовой цивилизаціи.

Напускная „философія“ пессимизма, которая предполагаетъ прожиганье жизни на практикѣ.

Презрѣніе досужихъ интеллигентныхъ людей къ массамъ.

Эпикурейское отношеніе къ наслажденіямъ среди привилегированныхъ классовъ, ведущее за собою безразличіе къ вопросамъ убѣжденія и нравственности.

Жестокое, часто безстыдное отношеніе къ живымъ людямъ ради погони за документомъ, способнымъ возбудить нервную систему высшихъ классовъ.

Эгоистическое наслажденіе мыслителей и художниковъ буржуазіи процессомъ искусства для искусства и мысли для мысли.

И реакція не заставила себя ждать; и, какъ зачастую бываетъ, у тѣхъ самыхъ мыслителей, которые являлись, такъ сказать, символами предшествующей эпохи, новое направленіе выискало для себя точки опоры и повело съ нихъ атаку противъ стараго. Напримѣръ, кто больше Ренана помогъ разложенію вѣры во всякій положительный догматъ и выработкѣ религіознаго скептицизма? И однако, этотъ самый Ренанъ говоритъ:

Гораздо меньше можно извлечь изъ человѣчества, не вѣрующаго въ безсмертіе души, чѣмъ изъ человѣчества, вѣрующаго въ это безсмертіе. Человѣкъ стоитъ пропорціонально религіозному чувству, которое онъ выноситъ изъ первоначальнаго своего воспитанія и которое наполняетъ благоуханіемъ

*) *Histoire de la littérature anglaise*, т. V, стр. 5: Парижъ, 10-е изд., 1897.

всю его жизнь. Люди религіозные живутъ призракомъ; но чѣмъ же будутъ жить послѣ насъ?

Въ другомъ мѣстѣ, признавшись, что „благодаря химерамъ удалось получить отъ этихъ гориллъ (т. е. людей) поистинѣ изумительное нравственное усиліе“, Ренанъ качаетъ своей мудрой скептической головой и спрашиваетъ: а что станется съ этими звѣрями, когда они потеряютъ вѣру въ химеры?

Послушайте также, что сказалъ въ концѣ своей жизни безжалостный Тэнъ, который любилъ все идеальное сводить къ игрѣ реальныхъ силъ и отношеній и съ гордостью утверждалъ, что „человѣкъ дѣлаетъ свое дѣло, какъ пчела собираетъ медъ“:

Подъ своей греческой, католической или протестантской оболочкой христіанство до сихъ поръ еще является для 400 милліоновъ человѣческихъ существъ духовнымъ органомъ, парой великихъ крыльевъ, которыя необходимы для того, чтобы поднять человѣка надъ самимъ собой, надъ его ползущей жизнью и его ограниченными горизонтами... чтобы увлечь его за предѣлы воздержанности, чистоты и добра вплоть до преданности и самопожертвованія... Ни философствующій разсудокъ, ни артистическое и литературное воспитаніе, ни даже феодальная, военная и рыцарская честь, никакой кодексъ законовъ, никакая администрація, никакое правительство не въ состояніи замѣнить христіанство для этихъ цѣлей. Только оно и въ состояніи удержать насъ на прирожденной намъ покатости, остановить незамѣтное сползаніе, благодаря которому нашъ родъ безпрестанно и всей своей первоначальной тяжестью движется на самое дно пропасти; и старое Евангеліе, какова бы ни была его теперешняя оболочка, остается еще наилучшимъ пособникомъ соціальнаго инстинкта *).

И въ сущности сильные мыслители въ родѣ Ренана и Тэна порою схватывались и понимали, что лишить современное человѣчество прежнихъ вѣрованій и не дать ему новыхъ; провозгласить законъ борьбы за существованіе и всѣ вытекающія изъ него чувства эгоизма и жестокости и не выставить въ противовѣсъ ему чувства солидарности и сознанія связи между людьми-братьями; замыкаться въ эгоистическомъ наслажденіи ученаго и артиста и не давать пищи уму и сердцу массъ,—значитъ превратить землю въ арену ожесточенной, чисто звѣриной борьбы, которая утопитъ въ крови всѣ блага цивилизаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните античный міръ, его блестящія пріобрѣтенія, научныя и художественныя, вспомните хотя бы такого замѣчательнаго мыслителя-художника, какъ Лукіанъ. Человѣкъ, который съумѣлъ написать „Зевса и циника“, „Трагическаго Зевса“, „Собраніе боговъ“; который ребромъ поставилъ вопросъ о свободѣ воли и необходимости; который раскрылъ противорѣчіе между всеблагостью и всевѣдѣніемъ боговъ,—этотъ человѣкъ, казалось, имѣлъ право надѣяться, что послѣ его „Діалоговъ“ и прочихъ ве-

*) *Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne.* т. II; Парижъ, 4-е изд., 1891, стр. 118—119.

щей человѣчеству оставалось лишь идти впередъ къ знанію, минуя тысячелѣтнія потемки Среднихъ Вѣковъ. И, однако, человѣчество пошло не за нимъ, а все большими и большими толпами прибѣгало къ Тому, кто два вѣка тому назадъ бросилъ въ міръ свой божественный призывъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Философія и эстетика Лукіана обращались къ избраннымъ между привилегированными классами,—слова Любви были произнесены для господъ и рабовъ, пожалуй, даже больше для рабовъ.

И въ современной Франціи буржуазія не могла увлечь за собой массы, проповѣдуя имъ необходимость отказаться отъ суевѣрія, но не раскрывая имъ никакого идеала, кромѣ якобы благодѣтельной борьбы за существованіе. Т. е., если хотите, проповѣдь эта имѣла половинчатый успѣхъ: въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ народъ, несомнѣнно, отбросилъ догмы католицизма или, по крайней мѣрѣ, сталъ крайне равнодушенъ къ нимъ. Но онъ не успокоился на этомъ, а потянулся къ иному общественному идеалу, чѣмъ тотъ, какой развертывали передъ нимъ „свободные мыслители“ буржуазіи. Мѣсто борьбы за существованіе заняли у него сотрудничество и союзъ, и нашлись люди между отщепенцами мѣщанства, которые стали удовлетворять этимъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ народа, уясняя ему новый идеалъ. Но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ.

Какъ бы то ни было, идейная реакція прокинулась впервые въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ 1885 г. Бурже, несомнѣнно типичный представитель буржуазной интеллигенціи и во многихъ отношеніяхъ ученикъ Тэна, въ предисловіи къ своимъ „Новымъ опытамъ по современной психологіи“ уже сталъ задаваться вопросомъ:

> Кто же произнесетъ слово будущности и плодотворнаго труда, которое необходимо для этой молодежи, чтобы она принялась за дѣло, излечившись наконецъ, отъ *нерѣшимости*, жертвою которой она является? Кто возвратитъ намъ божественную способность радости усилій и надежды въ борьбѣ? *).

А нѣсколько позже онъ, несомнѣнно уже вступая на путь реакціи противъ своего прежняго направленія, написалъ „Ученика“, въ которомъ представилъ вліяніе отрицательныхъ доктринъ, исповѣдуемыхъ сильнымъ, но кабинетнымъ мыслителемъ Сикстомъ (онъ сильно напоминаетъ Тэна и отчасти Литтрэ), на душу гадкаго и болѣзненнаго отъ природы эгоиста, нѣкоего Роберта Грелу. Читатель, конечно, знаетъ этотъ надѣлавшій большого шума романъ. Я попрошу его припомнить лишь его знаменательную послѣднюю сцену: Сикстъ, на колѣняхъ у изголовья застрѣлившагося негодяя, впервые чувствуетъ силу своей ясной и проница-

*) Paul Bourget, *Nouveaux essais de psychologie contemporaine*; Парижъ, 1888, стр. VI—VII.

тельной мысли парализованною и машинально ищетъ прибѣжища въ давно забытой молитвѣ „Отче нашъ“. Еще позже (отдавъ дань своему прежнему направленію въ „Physiologie de l'amour moderne“) Бурже прямо призналъ въ своемъ „Космополисѣ“, что единственная сила, способная возвысить насъ надъ міромъ гадкихъ стремленій и страстей, это—католицизмъ. А теперь, и во многихъ мѣстахъ своего „За океаномъ“, и при всякомъ удобномъ случаѣ, въ разговорахъ съ interviewer'ами или въ отдѣльныхъ статьяхъ, прописываетъ „вѣру“, какъ единственное лекарство противъ всевозможныхъ страданій и, конечно, прежде всего противъ такъ часто изображаемаго имъ чувства „преступной“ любви.

Возьмите другого представителя нео-католицизма, виконта Мельхіора-де-Вогюэ. Онъ и завоевалъ-то себѣ теперешнее положеніе среди литераторовъ, лишь когда времена перемѣнились, и реакція противъ прежняго направленія явственно опредѣлилась. Его критическія статьи о крупныхъ представителяхъ русскаго романа—Тургеневѣ, Толстомъ, Достоевскомъ—(вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1888 г.), мѣстами недурно написаны, но заключаютъ въ себѣ крупныя недоразумѣнія, а порою смѣшныя ошибки въ оцѣнкѣ русской жизни и ея художниковъ. Онѣ никогда, конечно, не пріобрѣли бы той извѣстности, которая выпала имъ на долю, если бъ авторъ не воспользовался основнымъ фономъ идейной реакціи, чтобъ расшить на немъ якобы типичныя черты русской литературы и въ частности толстовства и достоевщины: „религіи человѣческаго страданія“, „наслажденія страданіемъ“, „христіанской жалости къ несчастнымъ“, и вообще „вѣры“. Кстати, пусть вспомнятъ рѣчь Вогюэ, обращенную къ студентамъ: „Вы чувствуете потребность дѣйствія, это—уже добродѣтель. Но для дѣйствія нуженъ принципъ. Какой? Это—вѣра; вѣра мать дѣйствія“... И подъ этой вѣрой онъ разумѣлъ, конечно, католицизмъ.

Знаменательно въ современной реакціи слѣдующее. Есть теперь между буржуазіей умы, которыхъ нельзя причислить къ нео-католикамъ. Не касаясь основъ буржуазнаго общества, они стараются выработать среди имущихъ нѣкоторыя свойства мысли и характера, могущія развить въ нихъ способность бороться и отстаивать—даже не безъ нѣкотораго самопожертвованія—интересы и идеи привилегированныхъ классовъ. И что же? Даже эти „трезвые“ умы обращаются къ словамъ, отъ которыхъ пахнетъ идейной реакціей. Таковъ, напримѣръ, профессоръ исторіи Лависсъ, котораго въ Парижѣ охотно называютъ „духовникомъ всей университетской молодежи“, а на самомъ дѣлѣ той части ея, которая готовится увеличить собою ряды представителей и защитниковъ оффиціальной республики. И вотъ, въ одной изъ своихъ обратившихъ вниманіе публики статей (въ „Le Journal des Débats“ за 1890), этотъ исповѣдникъ буржуазной молодежи охарактеризовалъ настроеніе „мо-

лодого поколѣнія“ словами: „тоска по небесной родинѣ“ (nostalgie du divin).

Да эта тоска и понятна! Среди свободомыслящей буржуазіи 80-хъ годовъ такой, напримѣръ, крупный и симпатичный мыслитель, какъ рано умершій Маркъ Гюйо, былъ почти единственнымъ писателемъ, подчеркнувшимъ значеніе принципа общественности, ассоціаціи, во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни: искусствѣ, религіи и пр. Онъ понялъ смыслъ и основу религіознаго міровоззрѣнія, говоря, что оно необходимо должно заключать въ себѣ и космическій, и соціальный элементъ. „Завѣтъ Бога съ человѣками“ является дѣйствительно договоромъ ума и сердца человѣка со всемогущими силами природы и всемогущими силами человѣческаго общежитія. Громадное же большинство свободомыслящихъ буржуа продолжало топтаться на противо-общественной точкѣ зрѣнія и, отрицая высшую справедливость на небѣ, и въ земныхъ отношеніяхъ была враждебна началу союза и сотрудничества между людьми, предпочитая этому принципу принципъ крайняго индивидуализма и якобы благодѣтельной для прогресса борьбы.

Этимъ существеннымъ промахомъ и воспользовалась клерикальная партія во Франціи, и ея представители повели борьбу противъ свободомыслящей буржуазіи, опираясь не только на интересы старыхъ, отживающихъ партій (орлеанистовъ, бонапартистовъ и т. п.), но и на безкорыстныя стремленія тѣхъ изъ имущихъ людей, которые не могли удовлетвориться евангеліемъ человѣческой вражды. Фактъ знаменательный: въ палатѣ 1889—1893 г. лучшія рѣчи въ пользу фабричнаго законодательства (объ ограниченіяхъ работы женщинъ и дѣтей и пр.) были произнесены графомъ Альбертомъ-де-Мэномъ, христіанскимъ соціалистомъ и ревностнѣйшимъ слугой папы. Да и самъ Левъ XIII, на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ, пораженный ростомъ соціализма, старается канализировать и направить это теченіе по клерикальному руслу. Въ своихъ энцикликахъ (см. особенно его „De opificum conditione“) онъ подчеркиваетъ соціальную сторону католицизма, выражаетъ заботливость къ массамъ и приглашаетъ имущихъ смягчать христіанскою любовью рѣзкія проявленія борьбы за существованіе. И это новое направленіе католицизма, если не исходившее изъ Ватикана, то усиленное имъ, повлекло за собою въ свою очередь рядъ интересныхъ явленій въ культурной и политической жизни Франціи, увеличивая идейную реакцію.

Не забудьте, что къ тому же времени папа ступилъ болѣе или менѣе ясно на путь примиренія съ третьей республикой, отрубивъ канатъ, связывавшій до сихъ поръ папство со старыми политическими партіями Франціи. Естественно, что и оффиціальная республика на авансъ отвѣчала авансомъ и понемногу переходила отъ политики борьбы съ клерикализмомъ къ политикѣ

соглашенія и взаимной помощи. Кромѣ того, только-что улегшаяся буря буланжизма должна была лишь усилить это движеніе католицизма и республики на встрѣчу другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, буланжизмъ опирался, между прочимъ, на реакціонные и клерикальные элементы; и ненавидимый католиками за законы о разводѣ еврей Накэ, одинъ изъ теоретиковъ и агитаторовъ буланжизма, тѣмъ не менѣе первый провозгласилъ (въ турской рѣчи 1888 г.) „необходимость умиротворенія и политики терпимости" между свѣтскимъ обществомъ и духовной властью. Въ свое время вся республиканская пресса дружно напала на эту „программу ренегата". Но когда партія „браваго генерала" была раздавлена, громадное большинство умѣренныхъ республиканцевъ сочло очень ловкимъ тактическимъ пріемомъ возобновить, но уже на свой счетъ и страхъ, эту политику примиренія, думая, такимъ образомъ, вырвать лишнее орудіе изъ рукъ реакціонеровъ. И какъ бы бывшій анти-клерикалъ Спюллеръ (нынѣ умершій) ни открещивался отъ этого идейнаго родства, но несомнѣнно, что его пресловутая рѣчь 3-го марта 1894 г. о „новомъ духѣ" (esprit nouveau), вѣющемъ въ правительственныхъ сферахъ, есть новое изданіе турской рѣчи Накэ.

Наконецъ, возьмите растущее недовольство среди народа; успѣхи соціализма между рабочими и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (на югѣ и въ центрѣ) между крестьянами; озлобленіе и одичаніе отдѣльныхъ участниковъ въ борьбѣ за существованіе и всеобщей конкурренціи, которое выразилось въ такихъ фактахъ, какъ бомбы Равашоля и Анри. Все это создавало атмосферу, въ которой общественное мнѣніе господствующихъ классовъ все больше и больше склонялось къ мысли о полезности католицизма, какъ узды для народа. Я напомню лишь о статьяхъ покойнаго Франсиса Маньяра въ „Figaro", который, несомнѣнно, былъ талантливымъ представителемъ „здраваго смысла" французской буржуазіи. Человѣкъ этотъ былъ въ глубинѣ души совершеннымъ скептикомъ; во время оно имъ былъ даже написанъ романъ противъ клерикаловъ *), который попалъ въ списокъ (Index) сочиненій, запрещенныхъ папской цензурой. И что же? Этотъ самый Маньяръ написалъ цѣлый рядъ очень яркихъ и очень энергичныхъ статей, гдѣ доказывалъ, что свѣтская школа Франціи—виновница нравственнаго кризиса среди народа; и что единственное спасеніе современнаго общества отъ натиска низшихъ классовъ лежитъ въ возвращеніи къ католическому катехизису, который угрозами ада и обѣщаніями рая снова выучитъ массы терпѣливо сносить несчастія и ослабитъ чувство злобы и зависти неимущихъ къ имущимъ. Какъ видите, „философскій" пессимизмъ превращался въ пессимизмъ католическій: прежде людей увѣще-

*) *L'abbé Gérôme;* Парижъ, 1869.

вали терпѣть, потому что все должно было кануть въ пропасть Нирваны; теперь людей увѣщевали терпѣть, потому что земныя бѣды неизбѣжны, а за ними страдальцевъ ждетъ небесное блаженство.

Наконецъ, я подхожу къ послѣдней, очень яркой сторонѣ идейной реакціи въ философской мысли и художественномъ творчествѣ. Это—возрожденіе самыхъ грубыхъ суевѣрій между теперешними якобы мыслящими представителями буржуазіи и созданіе самыхъ уродливыхъ и зачастую самыхъ грязныхъ образовъ цѣлой группой ея художниковъ. И опять-таки причины этого явленія понятны. Когда люди стоятъ на исключительно личной точкѣ зрѣнія, кругъ ихъ ощущеній и наслажденій быстро исчерпанъ. Надо что-нибудь новое, хотя бы глупое, хотя бы мерзкое, но „интересное“ въ какомъ бы то ни было отношеніи. А если еще сверхъ того безсознательные и сознательные элементы буржуазной мысли и буржуазнаго чувства отливаются въ форму мистической реакціи, трудно сказать, гдѣ остановятся и эта болѣзнь ума, и это извращеніе сердца.

И, дѣйствительно, въ Парижѣ, въ этомъ „городѣ-свѣточѣ“ (ville-lumière), какъ называютъ его французы, живутъ теперь цѣлые десятки (если не сотни?) тысячъ людей, которые исполнены суевѣрій, не уступающихъ суевѣріямъ александрійской черни во II — III вѣкахъ по Р. Х. *). Вотъ вамъ M-me Люси Гранжъ, „жрица свѣта“, которая квартируетъ на бульварѣ Монморанси и вокругъ которой ютятся немалочисленные друзья и почитатели. Эта дама серьезно воображаетъ, что душа ея по временамъ „превращается“ въ душу медіума Габимелаха. И она борется съ духами, нападающими на нее въ видѣ осъ; и она спасаетъ чудесною силою свою родственницу отъ бомбъ Равашоля; и она видитъ своими духовными очами, какъ Бисмаркъ занимается черной магіей и насылаетъ смерть на своихъ враговъ на разстояніи... А вотъ вамъ гностикъ Жюль Дуанель, хранитель архива въ Орлеанѣ, „самый ученый и самый скромный изъ людей“, который преспокойно рекомендуется автору нижеслѣдующимъ образомъ: „Самъ Эонъ Іисусъ возложилъ на меня руки въ 1867 г. и посвятилъ меня въ епископы Монсегюра“. Вотъ вамъ г. Дюбю-де-ла-Форе, довольно читаемый романистъ, который въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, трактующему о дѣльцахъ и спекуляторахъ, съ убѣжденіемъ заяв-

---

*) См., между прочимъ, интересную книжечку Жюль Буа (Jules Bois, *Les petites religions de Paris*; Парижъ, 1894), которая вдвойнѣ любопытна тѣмъ, что самъ авторъ на три четверти вѣритъ всей этой невозможной чепухѣ, находящейся въ обращеніи между поклонниками мистическихъ религій. «Русское Богатство» въ свое время обратило вниманіе на эту книжку.

ляетъ, что благодать неба осѣнила его... и онъ увѣровалъ въ египетскую богиню, великую Изиду.

Припомните, наконецъ, всѣхъ этихъ безчисленныхъ теософовъ, поклонниковъ Люцифера, священниковъ „бѣлой обѣдни“ и ихъ противниковъ, сатанистовъ, которые въ сокровенныхъ уголкахъ Парижа занимаются кощунствомъ и грязнымъ развратомъ. Припомните важные толки большихъ газетъ о томъ, дѣйствительно-ли такой-то или такой-то можетъ насылать на разстояніи всевозможныя болѣзни на своихъ враговъ, производя колдовство надъ восковыми фигурками, изображающими ненавистныхъ кудеснику людей. Право, можно подумать, что находишься въ громадномъ сумасшедшемъ домѣ!...

Это стремленіе высшихъ классовъ къ нелѣпому и чудесному доходитъ до того, что уже упомянутый нами Жюль Буа пишетъ цѣлую толстую, въ 8 франковъ, книгу о „сатанизмѣ и магіи“ *), печатаетъ ее на прекрасной бумагѣ, для вящшаго эффекта снабжаетъ ее предисловіемъ обратившагося теперь въ католицизмъ эротическаго писателя Гюисманса и „украшаетъ“ твореніе чудовищными иллюстраціями нѣкоего Анри-де-Мальво. На этихъ иллюстраціяхъ вы можете, между прочимъ, лицезрѣть классическаго дьявола съ рогами, клыками, хвостомъ и нѣкоторыми иными аксессуарами, уже эротическаго характера: женской грудью, и пр., и пр. Читайте эту книгу: дѣйствительно, это интересный документъ!.. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующее заявленіе Гюисманса на первой же страницѣ:

Нѣкогда сжигали не мало людей, которые ничуть не были одержимы духомъ зла; теперь топятъ подъ душами тѣхъ, которые дѣйствительно одержимы имъ. Нашъ діагнозъ—прямая противоположность діагнозу среднихъ вѣковъ; тогда все приписывалось дьяволу, теперь все приписывается естественнымъ причинамъ.

И авторъ предисловія серьезно совѣтуетъ читателю стать на точку зрѣнія „истины, которая лежитъ между двумя этими крайностями“; доказываетъ существованіе маговъ, волшебниковъ, чернокнижниковъ, ихъ близкое знакомство съ нечистой силой, и, наконецъ, рекомендуетъ книгу Жюля Буа въ поученіе и предостереженіе читателю, который хотѣлъ бы сдѣлаться „чародѣемъ“.

А сама книга, Боже мой, что это за странное, за болѣзненное произведеніе! Начать съ того, что вы нигдѣ не можете сказать съ утвердительностью, вѣритъ-ли самъ авторъ всему тому, что разсказываетъ, или только притворяется, разсчитывая на сбытъ своей книги среди современныхъ чертобѣсцевъ. Это—безпорядочно надерганный матеріалъ о суевѣріяхъ главнымъ образомъ Среднихъ Вѣковъ, къ которымъ присоединено нѣсколько дикихъ

*) *Le Satanisme et la magie*; Парижъ, 1895.

исторій, якобы случившихся на нашихъ глазахъ. Цѣлыя главы о „колдунѣ“, о „колдуньѣ“, о „вызываніи Сатаны“ носятъ даже характеръ не столько историческаго, сколько догматическаго чертословія: условія времени, мѣста и пр. исчезаютъ, и вы стоите передъ, такъ сказать, объективнымъ рецептомъ, какъ вызывать Сатану, какъ выучиться летать на метлѣ на чортовъ шабашъ, какъ насылать болѣзни на вашихъ враговъ. И все это сдобрено такимъ невозможнымъ патетическимъ стилемъ, пересыпано такими подвизгиваньями самого автора въ чувствительныхъ мѣстахъ страшнаго разсказа, что вы крѣпитесь, крѣпитесь—и, наконецъ, не выдерживаете и разражаетесь неистовымъ хохотомъ...

А самъ авторъ, что дѣлаетъ онъ въ это время, участвуетъ-ли онъ въ вашемъ смѣхѣ, или продолжаетъ строить вдохновенную физіономію чертобѣсца? А кто его знаетъ!.. Судите сами. Въ главѣ IV онъ дѣлаетъ выписки изъ мемуаровъ одного, какъ самъ же онъ говоритъ, глупца, воображавшаго всю жизнь, что черти ведутъ съ нимъ постоянную войну: то украдутъ у него франковую монету, которую онъ приготовилъ для прачки; то вытащатъ табакерку во время прогулки ихъ врага въ галлереяхъ Palais-Royal; то похитятъ застежку на его подвязкѣ; то превратятся въ блохъ и пребольно искусаютъ его; то въ свою очередь потерпятъ жестокое пораженіе отъ автора мемуаровъ, который подстережетъ ихъ ночью, когда они бросятся къ нему на одѣяло, засыплетъ имъ табакомъ глаза, а на слѣдующій день соберетъ этотъ табакъ (разумѣется, вмѣстѣ съ невидимыми чертями!) въ бутылку, промаринуетъ нечисть въ уксусѣ и перцѣ, да и закупоритъ тамъ на вѣкѣ вѣчные!..

Кажется, дѣло ясно, и г. Жюль Буа смѣется вмѣстѣ съ читателемъ надъ несчастнымъ, помѣшавшимся на чертяхъ. Увы! не такъ ясно, какъ мы, было, думали съ вами, читатель. Ибо самъ авторъ заявляетъ: „не все ложь въ этомъ сплетеніи необыкновенныхъ нелѣпицъ“. Этого мало. Разверните главу VI, трактующую о „чарахъ ненависти“ (l'envoûtement de la haine) и остановитесь на страницахъ, гдѣ г. Жюль Буа, со словъ нѣкоего очевидца (!), живописца Лозэ, описываетъ страшную сцену борьбы между благодѣтельнымъ магомъ, аббатомъ Булланомъ, и арміей „сатанистовъ“, насылавшихъ на него невидимыя чары за сотни верстъ:

Одно изъ этихъ сраженій, въ которомъ Булланъ не взялъ верха, превратилось для этого Наполеона магіи въ своего рода Ватерло въ пространствѣ. Онъ принялся за защиту слишкомъ поздно. Раздались звуки, словно удары кулаковъ по лбу заклинателя (ужасно, не къ ночи будь сказано!). И на лбу его показались шишки (часъ отъ часу не легче!), затѣмъ Булланъ испустилъ громкій крикъ; онъ раскрылъ платье, и на груди его всѣ присутствовавшіе увидѣли широкую кровавую рану...

Удивительная исторія, читатель, столь-же удивительная, какъ и исторія о чертяхъ, замаринованныхъ въ бутылкѣ! Но на сей разъ г. Жюль Буа и не думаетъ смѣяться съ вами, а, словно ребенокъ, широко раскрываетъ глаза отъ ужаса, прислушиваясь къ разсказанной имъ же самимъ съ такимъ успѣхомъ „необыкновенной нелѣпицѣ".

И такова вся книга. Но что особенно типично въ ней, какъ и въ иныхъ произведеніяхъ того же рода, это двойственность автора-обличителя: онъ наслаждается грѣхомъ и не безъ нѣкоторой нѣжности проклинаетъ Сатану.

Не миновалъ, конечно, авторъ и обычнаго „любимаго грѣха" бульварныхъ писателей Франціи: я разумѣю смакованье отношеній между полами. Не говоря уже о многочисленныхъ экскурсіяхъ, продѣлываемыхъ авторомъ въ эту область въ разныхъ мѣстахъ книги, вся V-я глава посвящена вопросу о „демонахъ-мужчинахъ и демонахъ-женщинахъ", и для блезиру негодуя, а на самомъ дѣлѣ причмокивая, авторъ сообщаетъ читателю рецептъ „профессоровъ эротическаго мистицизма" на счетъ того, какъ „обладать въ мечтѣ кѣмъ ни пожелаешь, живымъ или мертвымъ, лишь бы ты имѣлъ его отчетливое изображеніе". Описывая эти сцены обладанія (которыя я предпочитаю обойти молчаніемъ), авторъ цитируетъ своего „учителя стиля", извѣстнаго романиста Гюисманса. Къ нему мы и перейдемъ, чтобы въ общихъ чертахъ познакомиться съ важнымъ элементомъ мистической реакціи: разработываньемъ эротическихъ побужденій.

Если бъ я былъ поклонникомъ наслѣдственности на манеръ Золя и его доктора Паскаля, я попытался бы объяснить особенности литературнаго таланта Іориса-Карла-Гюисманса двумя-тремя его предками, живописцами, занимавшими довольно видную роль во фламандской школѣ: то же увлеченіе деталями и подчасъ мастерская рисовка ихъ, основанная на педантическомъ изученіи „документа"; та же нескладная постройка цѣлаго, части котораго связаны между собою зачастую только тѣмъ, что находятся на одномъ холстѣ или въ одномъ романѣ; то же проглядыванье лѣса изъ-за деревьевъ, и пр. Но я ограничусь лишь упоминаніемъ этихъ особенностей и перейду къ исторіи „обращенія" этого бывшаго послѣдователя Золя на путь мистическаго католицизма.

Первая черточка новаго направленія у автора „Марты" и „Сестеръ Ватаръ" обнаружилась явственно въ его романѣ „Навыворотъ" (A Rebours), вышедшемъ въ 1884 г.: это—отвращеніе ко всему естественному, простому, къ нормальнымъ чувствамъ симпатіи и расположенія между людьми, къ цѣлому обществу, и т. д. Его больной герой, Дезэссентъ, спитъ днемъ и бодрствуетъ ночью; смотритъ на свѣтъ божій сквозь воду акваріума, который онъ устроилъ въ стѣнахъ своего жилища, и предается

страннымъ оргіямъ вкуса и запаха; толкаетъ своего друга жениться, зная, что бѣдность обоихъ супруговъ превратитъ этотъ бракъ въ сущій адъ, и спаиваетъ мальчика-подростка, систематически приготовляя изъ него убійцу; наконецъ, ненавидитъ отъ всей души общество и весь міръ, желая, чтобы первое „издохло“, а второй „провалился“. Но романъ этотъ заключается картиной внезапнаго отвращенія героя къ своей проведенной „на-выворотъ“ жизни и молитвой... Да, молитвой, и молитва эта такъ умилила одного изъ пріятелей Гюисманса, нео-католика Жоржа Роденбаха (нынѣ умершаго), что этотъ авторъ выразилъ свое впечатлѣніе слѣдующими словами:

Наконецъ, Дезэссентъ, изнемогши отъ своихъ черезчуръ виновныхъ наслажденій, упалъ на колѣна; и надъ всѣми этими румянами, всѣми этими извращенными картинами, неприбранными постелями, вознеслась, заключая романъ, молитва, словно бѣлая птица, на бѣлой полосѣ послѣдней страницы...

Въ слѣдующемъ своемъ романѣ съ трудно переводимымъ названіемъ Là-Bas—„Тамъ, внизу“,—выдержавшемъ въ 1892 г. около десяти изданій, Гюисмансъ вводитъ читателя прямо въ кругъ мистическаго разврата и хлещетъ по нервной системѣ человѣка въ два кнута, двумя параллельными пріемами. Съ одной стороны, авторъ разсказываетъ исторію связи героя романа, нѣкоего Дюрталя,—историка, археолога и эстетика,—съ развращенной бабенкой, женой одного клерикальнаго борзописца, которая старается придать побольше пикантности своимъ приключеніямъ, окружая свой грѣхъ всевозможными кощунствами — замѣтьте, она—вѣрующая! Съ другой стороны, Гюисмансъ, подъ видомъ слѣженья за литературной работой Дюрталя, подолгу останавливается на исторіи кровожаднаго эротомана XV-го вѣка, бретонскаго феодала Жиля-де-Рэ (Gilles de Rais) и продѣлываетъ эту операцію, несомнѣнно разрушающую единство романа, не то съ ужасомъ и отвращеніемъ, не то съ чисто психопатическимъ наслажденіемъ.

Мистицизмъ, кровь и грязь! Ни одного здороваго чувства, ни одного живого мѣста въ душѣ человѣка! Авторъ очень любитъ искусство, но искусство странное, болѣзненное, вычурное, оскорбляющее религіозное чувство. Авторъ очень любитъ говорить о религіозныхъ предметахъ, но при этомъ почти неизмѣнно останавливается на тяжелыхъ, болѣзненныхъ сторонахъ, и даетъ полный просторъ своему жаргону бывшаго „натуралиста“. Послушайте одну минуту, читатель:

Часъ предсмертныхъ страданій наступилъ; изъ раны въ боку лила уже погустѣвшая жидкость, заливая бедро кровью, похожей на темный сокъ ежевики; розоватая лимфа, сыворотка и водянистая влага, подобная сѣрымъ мозельскимъ винамъ, сочилась изъ груди и смачивала животъ, внизу котораго колебалась напухшая складка одежды... Лицо стало все въ буграхъ, лобъ былъ

обнаженъ, щеки изсохли; искаженныя черты всѣ плакали, тогда какъ развинченный ротъ смѣялся своей челюстью, сокращенный титаническими, ужасными судорогами...

Я не могу продолжать, читатель. Но нашъ авторъ любовно даетъ этому изображенію пять страницъ, доходя до выраженій вродѣ „божественная падаль". И знаете, что описываетъ такими красками Гюисмансъ? „Распятіе", картину Матвѣя Грюневальда! Итакъ, вотъ какія ассоціаціи идей пробуждаетъ въ душѣ нашего романиста образъ Христа...

И къ чему бы ни прикоснулся „артистъ", въ его болѣзненномъ воображеніи возстаютъ неизмѣнно образы тяжелые и подчасъ прямо противные. Мало ли есть примѣровъ высокихъ, благородныхъ дѣлъ въ жизни святыхъ? Но почему же почти всегда Гюисмансъ рисуетъ намъ изъ жизни этихъ подвижниковъ и подвижницъ слѣдующія картины:

Однажды святую Анжелу стошнило при видѣ прокаженнаго, приподнявшіеся струпья котораго несли кругомъ заразу; чтобы наказать себя за это движеніе отвращенія, она пьетъ воду, въ которой обмыла язвы больного; ею снова овладѣваетъ тошнота; она снова наказываетъ себя, принуждая себя проглотить чешую, которую вода не могла размыть и которая осталась у ней въ горлѣ на—сухо...

Я нѣсколько увлекся, читатель, и привелъ эту цитату уже не изъ „Là-Bas", а изъ другого, самого послѣдняго романа Гюисманса, озаглавленнаго „Въ дорогу" *). Но, въ сущности, мы остаемся въ прежнемъ кругѣ идей. Эта книжка представляетъ собою лишь логическое продолженіе новаго пути, на который ступилъ авторъ. Мы снова имѣемъ дѣло съ Дюрталемъ; и, какъ выяснилось изъ одного интереснаго литературнаго спора весной 1895 г., въ героѣ своихъ двухъ послѣднихъ романовъ Гюисмансъ нарисовалъ самого себя. Между прочимъ, на публичной лекціи 19 марта этого года, аббатъ Мюнье заявилъ, что Гюисмансъ обратился на путь истины уже три года тому назадъ, исповѣдывался и причастился у траппистовъ и сталъ ревностнымъ католикомъ.

Вотъ это то свое обращеніе и рисуетъ намъ Гюисмансъ. Приглядитесь хорошенько къ новому его роману, или, вѣрнѣе, длиннѣйшей и скучнѣйшей диссертаціи о церковномъ искусствѣ, церковномъ пѣніи, житіяхъ католическихъ святыхъ и пр., обнаруживающей немало спеціальной эрудиціи, но скрашенной лишь однимъ сильнымъ психологическомъ мѣстомъ: состояніемъ души кающагося грѣшника между исповѣдью и причащеніемъ. Вы найдете здѣсь прежняго Дюрталя, лишь повернутаго къ вамъ другимъ концомъ. Тоже неестественное восхищеніе искусствомъ;

*) I. K. Huysmans, *En route*; Парижъ, 1895, стр. 272 (у меня въ рукахъ уже 11-е изданіе).

тоже чисто болѣзненное бѣганье мысли въ кругу эротическихъ представленій, съ тою лишь разницею, что теперь для автора элементъ грѣха перевѣшиваетъ въ этихъ представленіяхъ элементъ наслажденія. Остался даже прежній грубо образный стиль, оскорбляющій нравственное чувство читателя, но который авторъ съ какимъ-то непонятнымъ ожесточеніемъ прилагаетъ какъ разъ къ самымъ дорогимъ теперь для него предметамъ: „живодерня души“, „искать блохъ въ душѣ“, „вакханка божественной любви“, „менада чистоты“, „желе помазанія“, „католическая церковь—этотъ божественный конскій заводъ“ (?!!)... Не стѣсняется Гюисмансъ и съ представителями католицизма, Дюльстомъ, Монсабрэ, Дидономъ, и даетъ имъ болѣе или менѣе забавныя, а подчасъ и прямо неприличныя клички. Большинство католическихъ священниковъ для него—низменные и глупые люди...

Итакъ, что же загнало эту заблудшую овцу въ лоно католической церкви? Это—удивленіе церковной архитектурой и церковнымъ пѣніемъ, значитъ, опять таки искусство; это—реакція организма противъ продолжительнаго и болѣзненнаго разврата, значитъ, опять таки эротоманія. И посмотрите, какъ въ этихъ двухъ дорогихъ сердцу элементахъ ярко выражается противообщественный характеръ міровоззрѣнія Гюисманса. Искусство ему особенно дорого потому, что онъ чувствуетъ въ этой сферѣ свое „аристократическое“ превосходство надъ толпой, свою разобщенность съ ней, и съ чисто болѣзненнымъ наслажденіемъ издѣвается надъ ея непониманіемъ по поводу всякаго монумента, всякаго церковнаго мотива.

А женщина. Что ему дорого въ ней? Возможность построить на всесильномъ физіологическомъ стремленіи идейную и нравственную симпатію къ другому человѣку, товарищу по борьбѣ за убѣжденія, по общественной дѣятельности, возможность выпрясть новую нить, связывающую его съ обществомъ? Нисколько! Его привлекаетъ женщина, какъ средство всячески раздражать нервно-половую систему. Помните, какъ благородный Кантъ смотрѣлъ не на минутную даже связь, а на бракъ, изъ котораго изгнанъ моральный элементъ, какъ на безнравственный актъ, потому что въ немъ свободная человѣческая личность низводится на степень „инструмента наслажденія“ для другой личности. Но вотъ это-то какъ разъ и любо-дорого нашему автору. Для него женщина это именно инструментъ, на которомъ можно разыгривать различныя пакостническія варіаціи, а если еще необычнымъ манеромъ, то и того лучше. Легко понять, что, роясь въ этомъ мірѣ ощущеній, достойныхъ орангутанга или, вѣрнѣе, героевъ Марціала и Петронія, авторъ брезгливо отстраняетъ все, что выводитъ его за стѣны этой мрачной и душной тюрьмы чувственности, и совершенно забываетъ о существованіи людей—братьевъ. И, наконецъ, вся избереженная, истощенная нервная система кричитъ и протестуетъ.

И протестуетъ опять таки въ противо-общественной формѣ, въ формѣ католическаго аскетизма, который гонитъ автора за ограду монастыря траппистовъ, въ кругъ эгоистическихъ заботъ о спасеніи души, заставляя его забывать великій завѣтъ полагать душу свою за други своя, чтобы обрѣсти ее.

Но и въ этомъ переходномъ состояніи авторъ очень часто возвращается къ своей излюбленной сферѣ половыхъ ощущеній, и даже съ новымъ, придающимъ лишнюю пикантность элементомъ: сознаніемъ грѣха! Очень поучительны въ этомъ отношеніи страницы, на которыхъ авторъ бѣжитъ мысленно къ нѣкой „ужасной" Флорансъ, и, стоя въ церкви, думаетъ то о высокихъ предметахъ, то... о томъ, что подъ бѣднымъ одѣяніемъ молящейся тутъ же монахини, скрываются, можетъ быть, грѣховныя формы Флорансъ. Но особенно интересно для католика—эротомана описаніе его душевнаго состоянія въ первую ночь, проведенную у траппистовъ...

Итакъ, послѣдній и немаловажный элементъ мистической реакціи, это—желаніе придать лишнюю остроту разврату, приправляя его сознаніемъ грѣха. И, фактъ знаменательный, элементъ этотъ усердно пропагандируется въ современной литературѣ не только вѣрующими, но и невѣрующими писателями. Возьмите такой интересный типъ буржуазнаго художника, какъ Катуллъ Мандэсъ, произведенный въ кавалеры ордена Почетнаго легіона за „услуги французскому искусству". Его спеціальность—изображать извращеніе любви (напр., въ его „Первой любовницѣ"), ея проявленія между близкими родственниками (напр. въ его „Зогарѣ"). И почему? Потому что имущіе и досужіе классы требуютъ отъ автора, чтобы онъ хорошенько взвинтилъ ихъ устающіе нормально чувствовать нервы. Такъ въ своемъ „Зогарѣ" онъ изобразилъ животную страсть между родными братомъ и сестрой. И опять таки почему? Потому что у читателя къ чувственности будутъ здѣсь естественно примѣшиваться ужасъ и отвращеніе. Но я увѣренъ, что, живи нашъ кавалеръ ордена Почетнаго легіона среди древнихъ перувіанцевъ, у которыхъ бракъ между братомъ и сестрой считался священнымъ учрежденіемъ въ царствующей семьѣ Инковъ, онъ написалъ бы „Зогаръ на выворотъ", т. е. представилъ бы преступную страсть сестры—жены Солнца къ постороннему мужчинѣ, и т. д.

Итакъ, этотъ самый Катуллъ Мандэсъ въ одной изъ своихъ хроникъ въ „Жиль-Блазѣ" съ жаромъ молилъ судьбу, чтобы она сохранила въ сердцѣ француженокъ горячую вѣру въ догматы католицизма. Для чего это понадобилось нашему автору, еврею по происхожденію и ни во что не вѣрующему? Да для того, о наивный читатель, чтобы соблазненная имъ католичка слезами, рыданьями, раскаяньемъ и въ концѣ концовъ рецидивомъ грѣха доставляла лишнее наслажденіе ему, пресыщенному виртуозу, играющему на этомъ „инструментѣ"! Такъ вотъ гдѣ, наконецъ, находитъ сво-

ихъ союзниковъ современная мистическая реакція, современное чертобѣсіе... *).

Попробуемъ теперь подвести итоги тѣмъ разбросаннымъ явленіямъ, изъ которыхъ слагается это новое направленіе, и отвѣтимъ на вопросъ, на какія неудовлетворенныя потребности она опирается. Разнообразны эти потребности, и однѣ изъ нихъ нормальны, другія ненормальны. Мы отмѣтили и свѣтлыя, и мутныя,— главнымъ образомъ мутныя волны этого теченія. Но всѣ онѣ имѣютъ одну общую черту: всѣ онѣ выросли изъ современнаго буржуазнаго общества, основаннаго на соціальной борьбѣ, на существованіи, съ одной стороны, досужихъ, съ другой—рабочихъ классовъ; съ одной стороны, привилегированнаго меньшинства, могущаго наслаждаться умственно и эстетически, съ другой—массъ, подавленныхъ непосильнымъ трудомъ и имѣющихъ мало благородныхъ удовольствій.

Эта мистическая реакція удовлетворяетъ общественнымъ инстинктамъ тѣхъ представителей меньшинства, которые не могутъ довольствоваться прежней проповѣдью эгоизма и борьбы за существованіе, но въ то же время не могутъ рѣшительно перейти въ лагерь трудящихся и стоятъ на распутьи: это—христіанскіе соціалисты, католики-филантропы, и пр. И эта же реакція удовлетворяетъ и эгоистическимъ классовымъ интересамъ этого меньшинства, которое пропагандируетъ теперь католицизмъ, какъ прежде невѣріе, стараясь низвести религію до степени школы терпѣнія, узды для просыпающагося народа, страхового отъ революціи общества.

Эта реакція удовлетворяетъ тому чисто личному „голосу сердца“ досужихъ буржуа, которые, поставляя себѣ высшее наслажденіе въ богатствѣ, властолюбіи, женской любви, очень часто не могутъ добиться желаемаго, разочаровываются и ищутъ утѣшенія въ католицизмѣ. Эта реакція удовлетворяетъ тѣмъ извращеннымъ инстинктамъ изживающихъ праздныхъ людей, которые гонятся за все новыми и новыми раздраженіями нервной системы и хватаются за грубѣйшія суевѣрія или за низменный развратъ. Она удовлетворяетъ. наконецъ, тѣхъ, кто дошелъ до полнѣйшаго истощенія, полнѣйшей невозможности нормально мыслить и чувствовать и фатально впадаетъ въ безсильный эгоистическій аскетизмъ. Недаромъ, нѣмцы говорятъ: junge Hure, alte Betschwester, что по-русски можно было бы перевести: „смолоду потас куша, подъ-старость кликуша“...

---

*) См. главу «L'amour du mal» и въ частности стр. 67 въ небольшой, но мыслебудящей книжкѣ Полана: F. Paulhan, *Le nouveau mysticisme*; Парижъ, 1891. Уже при самомъ своемъ появленіи она заставила меня внимательнѣе всмотрѣться въ симптомы и причины все сильнѣе и сильнѣе прокидывавшейся идейной реакціи во Франціи.

Какое же средство противъ этого чертобѣсія? Преобразованіе общества: замѣна борьбы сотрудничествомъ; равномѣрное распредѣленіе труда, отдыха и наслажденія. Лишь тогда создадутся лучшія формы умственнаго и эстетическаго наслажденія, лишь тогда удовлетворятся всѣ нормальныя потребности личности, живущей въ гармоническомъ обществѣ. И безпристрастный наблюдатель долженъ сказать, что этотъ великій процессъ выработки новаго общественнаго типа продвинулся уже далеко.

Пусть художники мѣщанства „предвидятъ зловѣщее грядущее, мрачные вѣка, которые наступятъ за смертью великихъ небесныхъ грезъ; тиранническую, ужасную демократію, среди которой несчастные даже не будутъ знать, что такое была молитва", какъ заключаетъ морякъ-академикъ, Пьеръ Лоти, свою только что кончившуюся въ „Le Figaro" скучнѣйшую „Галилею". Это понятно: окна этихъ „артистовъ" обращены на западъ, гдѣ заходитъ уже свѣтило классовой цивилизаціи. Но тотъ, кто смотритъ на восходъ, видитъ, какъ тамъ зажигается яркая красная полоса, заря правды и счастья...

Ты, солнце святое, гори!..

Шовинистская и клерикальная реакція.

(*Письмо пятнадцатое*).

Положеніе Франціи значительно улучшилось въ сферѣ внѣшней политики. Теперь *) на политическомъ горизонтѣ, выражаясь возвышеннымъ слогомъ присяжныхъ газетчиковъ, она представляетъ со времени союза съ Россіей нѣчто въ родѣ двойной звѣзды, движеніе которой по необходимости связано взаимнымъ притяженіемъ. Но вѣдь, кромѣ этого общаго, наступательнаго, такъ сказать, движенія, въ каждомъ политическомъ тѣлѣ совершается движеніе молекулярное, происходитъ та внутренняя работа въ различныхъ областяхъ домашней политики, которая вліяетъ непосредственно на жизнь обитателей страны и съ этой точки зрѣнія важнѣе всевозможныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ. И вотъ приходится сказать, что какъ разъ теперь, когда новое двойное свѣтило поднимается къ зениту, внутренніе процессы французской жизни начинаютъ носить все болѣе и болѣе регрессивный, попятный характеръ, свидѣтельствующій не столько о развитіи, сколько о разложеніи. Конечно, прочное положеніе и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ имѣютъ свою цѣну; а, кромѣ того, все, что уменьшаетъ возможность свирѣпой, чисто зоологической вражды между цивилизованными на-

---

*) Писано въ октябрѣ 1897 г.

родами—я говорю о Франціи и Германіи—все это должно считаться рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ современной культуры...

Отвѣсимъ же почтительный поклонъ политическимъ силамъ, успѣвшимъ обезопасить намъ худой миръ, который, по пословицѣ, лучше доброй брани; но отдавши „ему же честь, честь", перейдемъ отъ этихъ высшихъ сферъ къ тому, что всего ближе касается насъ, что непосредственно окружаетъ, что—душитъ насъ... Да, душитъ, ибо трудно представить себѣ что-либо затхлѣе и отвратительнѣе общественной атмосферы, которая создалась въ послѣдніе годы во внутренней жизни Франціи. Конечно, я долженъ во избѣжаніе недоразумѣнія выдѣлить изъ этого рѣзкаго приговора сознательные элементы между трудящимися массами, которые являются настоящими носителями цивилизаціи. Но за то поглядите на всѣхъ этихъ сытыхъ и довольныхъ господъ, которые каждой фиброй лица, каждымъ мускуломъ тѣла краснорѣчиво выговариваютъ старинное beati possidentes или болѣе современное j'ai touché („я схватилъ кушъ"—смотри интересный альбомъ панамистовъ, составленный Caran d'Ache'омъ—псевдонимъ рисовальщика Пуарэ).

Трудно, казалось бы, представить себѣ, чтобы процессъ внутренняго разложенія господствующихъ классовъ могъ такъ быстро продвинуться впередъ, но факты на лицо: шовинистская, соціальная и идейная реакція торжествуетъ по всей линіи, и ея проявленія настолько разнообразны, что просто затрудняешься, какіе примѣры выбрать изъ массы толпящихся въ памяти фактовъ. Улица, ежедневная печать, гравюра, серьезная книга, биржа и театръ, трибуна оратора и каѳедра патера,—все свидѣтельствуетъ о силѣ попятнаго движенія, которое такъ ярко обнаружилось за послѣдніе годы во Франціи. Попробую указать на первое, что подвернется подъ перо.

Армія. Чѣмъ больше я вдумываюсь въ отношеніе французовъ къ этому вопросу, тѣмъ болѣе ужасаюсь обратному шагу, который Франція сдѣлала въ этой области. Замѣтьте, я здѣсь нисколько не становлюсь на точку зрѣнія людей, отрицающихъ въ принципѣ постоянное войско и требующихъ его замѣны милиціей. Допустимъ, что система вооруженнаго мира, подъ игомъ которой столько лѣтъ изнываетъ Европа, требуетъ именно превращенія цивилизованныхъ государствъ въ одну громадную казарму. Но одно дѣло видѣть въ этомъ печальную необходимость, и совсѣмъ другое дѣло превращать казарму въ святилище, молиться передъ пушкой и такимъ образомъ играть въ руку тому самому Мольтке, ненавистному французскимъ патріотамъ, который исповѣдовалъ „божественность войны". А отношеніе французовъ къ арміи именно и напоминаетъ такое обоготвореніе. Вотъ нашъ дѣдушка Крыловъ три четверти вѣка тому назадъ подсмѣивался надъ претензіями пушекъ замѣнить паруса. Но попробуйте въ современ-

ной Франціи сказать то же самое: смѣю васъ увѣрить, что большинство умѣренныхъ республиканцевъ будетъ выкрикивать не хуже самаго отчаяннаго реакціонера: „ахъ, не касайтесь арміи! она остается у насъ единственнымъ учрежденіемъ, гдѣ сохранились традиціи чести, долга и самоотверженія“, давая такимъ образомъ жалкое понятіе о собственной своей гражданской чести (зри передовицы „Le Figaro“, „Le Temps“, „Le Journal de Debats“, „Le Gaulois“, „Le Matin“ и пр. буржуазныхъ органовъ безъ различія оттѣнковъ). Въ прежнее время, при Второй имперіи, даже самыя скромныя либеральныя газеты заводили у себя особый отдѣлъ такъ называемыхъ „веселенькихъ похожденій сабли“ (les gaités de sabre), гдѣ отдавались на судъ общественнаго мнѣнія подвиги бравыхъ сыновъ Марса, забывавшихъ, что ихъ роль заключается въ защитѣ мирныхъ гражданъ, а не въ сокрушеніи ихъ. Теперь, лишь только проникнетъ въ какое-нибудь „отчаянно-крайнее“ изданіе извѣстіе о томъ, что такой-то офицеръ позволилъ себѣ вещь, наказуемую закономъ, цѣлый хоръ „добрыхъ патріотовъ“ обрушится на несчастнаго смѣльчака прессы съ упреками и проклятіями, обвиняя его въ измѣнѣ отечеству; и прослывешь у нихъ ни съ того ни съ сего анархистомъ...

А отношеніе французской, даже передовой, буржуазіи къ тѣмъ самымъ носителямъ густыхъ эполетъ, которые ей достались по наслѣдству отъ Второй имперіи, и которыхъ еще такъ недавно она ненавидѣла? И комично, и печально! Напримѣръ, за послѣдніе года умерло, между прочимъ, три маршала, Макъ-Магонъ, Канроберъ, Бурбаки. Съ большими или меньшими оттѣнками, но смерть всѣхъ этихъ героевъ была встрѣчена со стороны публики соболѣзнованіями и рыданіями; и имъ были устроены національные похороны, которые отличались особою грандіозностью для Макъ-Магона. Между тѣмъ, пусть „добрый патріотъ“ изъ республиканцевъ скажетъ вамъ, положа руку на сердце, что дѣйствительно полезнаго для страны совершилъ хотя бы только-что упомянутый маршалъ?—Былъ взысканъ милостями при Наполеонѣ III; сорвалъ на Парижѣ гнѣвъ на поколотившихъ его нѣмцевъ, за что удостоился отъ великаго маленькаго Тьера названія „рыцарь безъ страха и упрека нашихъ временъ“; интриговалъ въ пользу имперіи; пытался было продѣлать coup d'Etat 16-го мая 1876 г. и опрокинуть республику во имя „консервативныхъ интересовъ“, но больно накололся на одинъ изъ роговъ гамбеттовской дилеммы: „покориться или удалиться“ (se soumettre ou se démettre) и дѣйствительно сошелъ съ политической сцены *), подѣливъ свою

*) См. въ воспоминаніяхъ де-Марсера, печатаемыхъ въ настоящее время въ «La Revue du Palais», фразу Макъ-Магона, которой маршалъ выпалилъ въ Жюля Симона: «Я—человѣкъ правой, а потому мы не можемъ идти другъ съ другомъ. Лучше пускай меня свалятъ съ президентства, чѣмъ я согласусь остаться подъ командой г. Гамбетты».

жизнь между банальнымъ свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ и банальнымъ же свѣтскимъ ханжествомъ. Спрашивается, такъ ли ужъ давно третья республика стоитъ на ногахъ, чтобы умиляться у гроба человѣка, который чуть не удушилъ ее?

Теперь возьмемъ второго героя, маршала Канробера, которому только-что поставлена съ превеликой помпой статуя. Опять таки, что представляетъ собою этотъ человѣкъ, заслужившій похвальные некрологи во всѣхъ почти газетахъ? Типъ беззастѣнчиваго карьериста, къ которому не можетъ симпатично отнестись даже узкій поклонникъ военнаго ремесла, лишь бы онъ придавалъ извѣстное значеніе лойяльности характера. Канроберъ былъ попеременно навязчивымъ спутникомъ всѣхъ восходящихъ политическихъ звѣздъ и приживалкой всѣхъ вліятельныхъ лицъ: до революціи 24 февраля онъ пресмыкался передъ Орлеанами; затѣмъ сталъ ухаживать за всемогущимъ въ іюньскіе дни Кавеньякомъ; потомъ приблизился къ Луи-Бонапарту и, лавируя вплоть до 2-го декабря, принялъ вдругъ сторону авантюриста и, въ качествѣ командира парижскихъ войскъ, свирѣпо подавилъ возстаніе республиканцевъ на бульварахъ, прохаживаясь здѣсь подъ руку съ нѣкой г-жей Калержи, которую бросила въ его объятія для своеобразнаго подкупа натурой принцесса Матильда *); капитулировалъ съ почтеннымъ маршаломъ Базэномъ и, вернувшись послѣ плѣна во Францію, предложилъ свою „честную шпагу“ Тьеру; засимъ столкнулся съ Макъ-Магономъ, имѣлъ съ нимъ тайныя совѣщанія насчетъ того, какъ лучше расправиться съ республикой, и т. д., и т. д. Опять таки формулярный списокъ, крайне сомнительный съ республиканской точки зрѣнія.

Герой № 3, Бурбаки, извѣстенъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что былъ посланъ Базэномъ незадолго до его капитуляціи для какой-то тайной миссіи во внутрь Франціи,—предполагаютъ, что дѣло шло о переговорахъ съ рушившимся правительствомъ насчетъ роли, какую должна играть армія, находившаяся въ Мецѣ; а когда эта интрига не удалась, примкнулъ къ правительству національной защиты; сталъ, благодаря Гамбеттѣ, командиромъ восточной арміи и успѣлъ въ теченіе января мѣсяца 1871 г. такъ скомпрометтировать кампанію, что пытался застрѣлиться; выздоровѣвши, подавлялъ возстаніе въ Ліонѣ и обезоруживалъ національную гвардію,—занятіе, очевидно, болѣе легкое и безопасное, чѣмъ защита отечества противъ нѣмецкихъ ордъ...

Десять лѣтъ тому назадъ странно было бы найти такихъ кондоттьеровъ въ республиканскомъ храмѣ безсмертія; теперь же они вошли туда въ качествѣ „героевъ чистѣйшаго патріотизма“, передъ которыми махаютъ кадильницами „всѣ добрые французы

*) См. интересную брошюру той эпохи: *Le Pilori;* Лондонъ, Женева и Нью-Іоркъ, 1854, стр. 24.

безъ различія партій", и жизнь которыхъ поставляется въ образецъ подростающимъ поколѣніямъ. Съ другой стороны, умѣренные республиканцы вотъ уже нѣсколько лѣтъ издѣваются при случаѣ надъ людьми, въ родѣ прогремѣвшаго въ свое время майора Лабордэра, который въ 1876 г., въ періодъ готовившагося coup d'Etat, отказался исполнять приказанія своего реакціоннаго начальства: „дисциплина, дисциплина прежде всего; намъ не нужно разсуждающихъ штыковъ" (pas de bayonnettes intelligentes!), вопятъ эти близорукіе любители милитаризма, не подозрѣвая того, что это какъ разъ на руку партіямъ стараго режима, но противорѣчитъ самымъ основаніямъ истинной республики, которая должна держаться на сознательной защитѣ гражданами верховныхъ правъ народа.

Пунктъ второй—народное образованіе. Если за что можно было похвалить оппортунистскую республику, такъ именно за серьезную попытку поставить дѣло свѣтскаго обученія на прочную ногу. Увы! вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ умѣренные республиканцы, не рѣшаясь прямо отмѣнить такъ называемые реакціонерами „преступные законы", подъ сурдинку стараются парализовать ихъ дѣйствіе. Министры предписываютъ префектамъ не особенно энергично насаждать свѣтскія школы, и ни для кого не тайна, что при недавней перетасовкѣ администраторовъ, Люто, префектъ департамента Сѣвернаго Берега (Côtes-du-Nord), былъ посланъ въ Тулузу лишь потому, что кабинетъ почтеннаго г. Мелина нашелъ его слишкомъ радикальнымъ для наводненной патерами Бретани: за два года Люто превратилъ 42 католическія школы въ нейтральныя. Между тѣмъ, не дальше какъ этимъ лѣтомъ я еще видѣлъ въ упомянутомъ департаментѣ, какъ даже учителя правительственныхъ школъ сами водили дѣтей къ священнику для изученія катехизиса, въ которомъ до сихъ поръ, рядомъ съ чисто богословскими догматами, развивается теорія свѣтскаго владычества папы, его власть рѣшать и вязать не только на небѣ, но и на землѣ и т. п. Кромѣ того, у многихъ близорукихъ республиканцевъ вошло теперь въ моду всячески подсмѣиваться надъ результатами обязательнаго обученія, „самодовольнымъ невѣжествомъ" и „отсутствіемъ духовнаго идеала" среди учениковъ свѣтскихъ школъ, что, конечно, какъ нельзя болѣе по душѣ реакціонерамъ, которые потираютъ руки при этомъ и кричатъ: „ну, вотъ самое это мы и говорили вамъ—теперь казнитесь!" Перепроизводство грамотныхъ считается теперь, такъ называемыми „прогрессистами" *) чѣмъ-то въ родѣ одной изъ семи египетскихъ казней, посѣтившихъ бѣдную Францію: горе отъ уче-

*) Современная кличка оппортунистовъ и «присоединившихся» къ республикѣ консерваторовъ; была придумана публицистами «Фигаро» для лучшаго обмана страны.

нія сдѣлалось заѣзженнымъ конькомъ „мудрыхъ республиканцевъ“.

Пунктъ третій—отношеніе къ демократическимъ учрежденіямъ и особенно къ ихъ исторической основѣ, событіямъ 1789 г. „Прогрессисты“ крайне стыдятся прослыть за искреннихъ и прямолинейныхъ республиканцевъ: это имъ кажется чѣмъ-то вульгарнымъ и недостаточно фешіонэбельнымъ; говоря объ основныхъ учрежденіяхъ страны, они какъ-то прошмыгиваютъ мимо нихъ и въ разговорѣ съ знатными иностранцами принимаютъ скромный и униженный видъ преступника, умоляющаго судъ быть снисходительнѣе къ нему во имя разныхъ смягчающихъ обстоятельствъ. Послушать ихъ, они и революцію-то сдѣлали не по своей винѣ, а какъ-то невзначай, толкаемые злымъ фатумомъ, въ чемъ они, впрочемъ, чистосердечно раскаиваются и, какъ шаловливый ученикъ, повторяютъ: „больше не буду“. Однимъ изъ смежныхъ пріемовъ этой тактики является, наоборотъ, крайне снисходительное отношеніе къ старому режиму, но крайне строгая критика революціонныхъ дѣятелей и событій. Я все это лѣто съ большимъ интересомъ слѣдилъ, напримѣръ, за комичнымъ походомъ, который вели заднимъ числомъ противъ разрушенія Бастиліи ученые мужи „прогрессивной“ республики. Между прочимъ, г. Францъ Функъ-Брентано доказывалъ въ „La revue hebdomadaire“, что Бастилія была крайне пріятнымъ учрежденіемъ, чѣмъ-то въ родѣ увеселительнаго замка, куда добрые короли въ своей неизреченной милости приглашали своихъ провинившихся подданныхъ, закармливая ихъ тамъ тонкими яствами и лишь сажая для вѣрности подъ замокъ взрослыхъ баловниковъ. Идиллія—да и только! А г. Гастонъ Дэшанъ, который мѣтитъ теперь въ Академію безсмертныхъ, производилъ въ „Фигаро“ историческій сыскъ касательно разрушенія этой идилліи... то-бишь Бастиліи, и доказалъ, что люди, покусившіеся на подобное преступленіе, должны были по необходимости представлять отъявленныхъ негодяевъ и вообще всякій „сбродъ изъ иностранцевъ“. Для вящшей убѣдительности онъ подтасовалъ даже цитаты изъ трудовъ Олара (Aulard), за что получилъ отъ ученаго изслѣдователя революціи изрядной щелчокъ по носу. Словомъ, самъ Богъ, какъ говорятъ французы, не можетъ измѣнить прошлаго; а наши доблестные сыны революціи пытаются ретроспективно вцѣпиться зубами въ эпоху, благодаря которой они только и могутъ теперь... беззастѣнчиво врать, уподобляясь, такимъ образомъ, кафрамъ, вырѣзающимъ бифштексы изъ того самаго быка, который везетъ ихъ.

Если слуги „прогрессивной“ реакціи такъ расправляются съ историческимъ началомъ современнаго режима, то легко уже заранѣе предвидѣть, съ какимъ рвеніемъ они будутъ подкапываться подъ существенныя основанія этого режима. Такъ, напримѣръ, можно относиться критически къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ

парламентаризма, но имѣя за душой лишь что-нибудь болѣе широкое и свѣтлое, лишь какой-нибудь идеалъ демократіи, который позволяетъ смотрѣть на парламентарныя учрежденія, какъ на первое приближеніе къ надлежащему общежитію. Но что сказать хотя бы о тѣхъ „умѣренныхъ“ (не по аппетитамъ, конечно, а по программамъ) политиканахъ, которые издѣваются и злобствуютъ надъ тѣмъ самымъ парламентаризмомъ, что до послѣдняго времени давалъ имъ почти исключительное господство? Можно понять реакціонеровъ, перерядившихся въ „разумныхъ республиканцевъ“, когда они, точно деревянной пилой, пилятъ изо дня въ день несчастнаго читателя увѣреніями насчетъ того, будто страна только и вздыхаетъ свободно, что во время парламентарныхъ вакацій. Но каковъ долженъ быть сумбуръ въ головахъ, какова низменность побужденій въ сердцѣ республиканскихъ депутатовъ, которые со смѣху помираютъ, когда, напр., одинъ изъ ихъ собратовъ жалуется на то, что его, неприкосновеннаго представителя народа, „въ табакъ растирали“ (passaient à tabac) пьяные полицейскіе, какъ это въ особенности дѣлалось во время министерства Дюпюи и К°? Спрашивается, что возразятъ упомянутые шутники какому-нибудь новому узурпатору, который прикажетъ полицейскимъ и солдатамъ не церемониться съ „болтунами“, а разогнать всю „говорильню“, несмотря на всѣ эти неприкосновенности и прочую конституціонную чепуху?

Опять таки, можно простить выжившему изъ ума старцу, принадлежащему къ правому крылу контизма, когда онъ серьезно совѣтуетъ правительству пустить машину заднимъ ходомъ и ограничить всеобщую подачу голосовъ: я разумѣю жалкія упражненія въ политической прессѣ Пьера Лафитта, который строчитъ еженедѣльныя передовицы въ „La Revue bleue“. Но чѣмъ, какъ не духомъ повальной реакціи объяснить болѣе скрытыя воздыханія „умѣренныхъ, мудрыхъ республиканцевъ“ изъ „Le Temps“, которые ворчатъ и грустятъ, и ропщутъ на трудность „дисциплинировать“ всеобщую подачу голосовъ, ведущую, молъ, такъ часто къ демагогіи? Я готовъ стать даже на точку зрѣнія крупнѣйшаго панамиста Жюля Роша, котораго оставляютъ теперь въ покоѣ, въ то самое время, какъ тревожатъ какихъ-то злополучныхъ маленькихъ воришекъ въ родѣ Сэнъ-Мартэна и Гайльяра,—готовъ, говорю, войти мысленно въ шкуру этого господина, который, положивши въ карманъ нѣсколько крупныхъ кусковъ общественнаго пирога, мечтаетъ о спокойствіи, необходимомъ для безпрепятственнаго ихъ разжевыванія, а потому предлагаетъ на столбцахъ „Фигаро“ различные курьезные проекты „упроченія власти“, „политическаго оздоровленія страны“ и т. д. Но какъ прикажете отнестись къ недавней рѣчи (въ Байонѣ) министра внутреннихъ дѣлъ, г. Барту, одного изъ „молодыхъ“ республиканцевъ, котораго никто не заподозриваетъ въ панамизмѣ, и который, тѣмъ

не менѣе, во имя „интересовъ охраненія общества“ (какого? Рэнака, Лессэпса и К°“), съ большой запальчивостью ратоборствуетъ противъ злоупотребленія со стороны палаты правомъ запроса, т. е. по просту сказать, контроля и ищетъ средствъ обуздать эту совершенно естественную привилегію представителей народа, грозя имъ распущеніемъ? *). Подумайте, до какой степени дошла эта „охранительная“ манія, если самъ г. Ланессанъ, ренегатъ радикализма и слетѣвшій съ мѣста генералъ-губернаторъ Индокитая **), ужасается реакціоннымъ и клерикальнымъ связямъ кабинета г. Мелина и вопіетъ въ „Le Rappel'ѣ“ противъ „возстановленія преобладанія католической церкви, возобновленія олигархіи Гизо и порабощенія демократіи“.

Тутъ я подхожу еще къ одному изъ важныхъ проявленій нынѣшней реакціи, а именно отношенію современной буржуазіи къ католицизму. Замѣтьте, я не говорю здѣсь о философской реакціи вообще, о томъ странномъ возрожденіи „идеализма“, которое на самомъ-то дѣлѣ, подъ этимъ болѣе или менѣе почтеннымъ и стариннымъ флагомъ человѣческой мысли, провозитъ вздорныя обвиненія науки въ „банкротствѣ“ или, что еще хуже, болѣзненные продукты „чертобѣсія“, какъ я позволилъ себѣ назвать года два тому назадъ эту умственную и нравственную эпидемію. Нѣтъ, здѣсь я исключительно обращаю вниманіе на ту форму порабощенія свѣтскихъ интересовъ клерикальными, которая составляетъ сущность историческаго католицизма и, подъ предлогомъ храненія чистыхъ завѣтовъ христіанства, создаетъ самую ужасную реакціонную силу, съ которой только когда-либо приходилось бороться человѣчеству, а именно папство...

Да, скрывать нечего, клерикализмъ, „этотъ антихристъ“, этотъ страшный „змѣй“, какъ его называли борцы реформаціи, снова поднимаетъ голову во Франціи; и только развѣ слѣпой или притворяющійся слѣпымъ не замѣтитъ движенія его угрожающихъ колецъ. Проявленія католической реакціи обнаруживаются вездѣ: они бросаются вамъ въ глаза на улицѣ, смотрятъ черными строчками со столбцовъ газеты, звучатъ въ епископскихъ посланіяхъ и сливаются въ угрожающій вопль противъ современнаго общества на клерикальныхъ собраніяхъ. И, что всего печальнѣе, эта кампанія клерикализма противъ настоящей цивилизаціи находитъ поддержку и одобреніе между той самой буржуазіей, которая еще такъ недавно вольтерьянничала, легкомысленно кощунствовала или же просто сидѣла подъ своей смоковницей и, нащупывая бу-

*) Упомяну кстати о только-что сказанной въ Гаврѣ рѣчи вице-президента палаты, шустраго адвоката Пуанкарэ, который съ своей стороны говоритъ о необходимости обуздать депутатовъ, а въ то же время цинично признается, что теперь никакихъ реформъ и программъ не надо: это-де лишь оглавленіе къ книгѣ, которая никогда не будетъ написана.

**) Нынѣ морской министръ въ кабинетѣ Вальдэка-Руссо.

мажникъ, очень скептично относилась къ зазываніямъ патера въ его лавочку, т. е. на лоно единоспасающей католической церкви.

Начну съ факта, который можетъ иного читателя заставить улыбнуться, но отъ котораго искреннему врагу клерикализма не до смѣха: французская улица, даже въ такомъ „Космополисѣ", какъ Парижъ, кишитъ теперь черными рясами патеровъ. Просто не знаешь, откуда только вышла на свѣтъ Божій такая масса вѣрныхъ служителей папы! И какъ мы далеки отъ того времени, когда бывшій префектъ полиціи и всегдашній акробатъ, г. Андріё, разъѣзжалъ съ видомъ пресыщеннаго дэнди, въ перчаткахъ grisperle (лѣтомъ 1880 г.), по Парижу, въ сопровожденіи цѣлой арміи слесарей, взламывалъ замки въ монастыряхъ и выгонялъ оттуда членовъ конгрегацій, не подчинявшихся декретамъ правительства! Конечно, я нисколько не одобряю такого пріема борьбы съ клерикализмомъ. Но, во всякомъ случаѣ, разница между прежнимъ поведеніемъ духовенства и теперешнимъ бросается въ глаза. Тогда католическіе монахи и священники надѣвали на себя маску несчастныхъ жертвъ произвола и тираніи правительства, неслышными и торопливыми шагами проходили по улицамъ шумнаго города, зная, что громадное большинство было противъ нихъ. Теперь всякая черная ряса выступаетъ крайне самоувѣренно, звонко стуча каблуками по мостовой, громко разговаривая съ другими черными рясами и ведя себя повсюду, за исключеніемъ развѣ рабочихъ кварталовъ, какъ въ завоеванной территоріи.

И эта внѣшняя осанка наглядно выражаетъ внутреннее настроеніе воинствующихъ католиковъ: они ясно сознаютъ, какой громадный шагъ впередъ сдѣлалъ клерикализмъ. Въ послѣдніе два года было нѣсколько католическихъ конгрессовъ, на которыхъ и духовные, и свѣтскіе воины папизма братались на почвѣ вражды къ республикѣ, и современная цивилизація предавалась анаѳемѣ. И что же? Это имъ прекрасно сходило съ рукъ, и тотъ самый „прогрессивный" кабинетъ, который свирѣпствуетъ въ другихъ случаяхъ, не церемонясь и съ иностранцами, снисходительно грозитъ пальчикомъ любезнымъ его сердцу шалунамъ клерикализма, забывая, что среди нихъ были заграничные іезуиты.

А устройство католическихъ процессій на улицѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ были воспрещены мѣстными властями? Этой весной клерикальныя манифестаціи широкой волной прокатились по всей Франціи и порою происходили почти что на носу у парижскаго центральнаго правительства, какъ это было въ фешіонэбельной Версали, гдѣ патеры и семинаристы били палками тѣхъ, кто не желалъ дать дорогу ихъ,—замѣтьте, противозаконной,—процессіи. Полицейскіе, которые вообще не отличаются особой изысканнотью манеръ при подавленіи уличныхъ демонстрацій, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вели себя сравнительно очень мирно; а судьи исправительной полиціи, пекущіе обвинительные приговоры

словно блины, точно на смѣхъ присуждали нарушителей общественнаго порядка всего къ одному (!) франку штрафа, точь-въ точь какъ то дѣлается въ южныхъ городахъ по отношенію къ любимымъ публикой и самими судьями торреадорамъ и прочимъ участникамъ въ боѣ быковъ!..

Я уже вскользь упомянулъ о томъ смотрѣньи сквозь пальцы на католическую пропаганду въ школахъ, которое характеризуетъ современную тактику „прогрессистовъ". Не лишено пикантности то обстоятельство, что это мирволенье клерикальнымъ педагогамъ доходитъ до рѣшительнаго предпочтенія ихъ свѣтскимъ учителямъ въ привилегированныхъ школахъ, разсчитанныхъ на богатыхъ. Сколько республиканскихъ депутатовъ, которые обязаны въ своихъ избирательныхъ программахъ играть въ антиклерикализмъ, посылаютъ своихъ дѣтей въ аристократическія гимназіи, находящіяся подъ руководствомъ католическаго духовенства! И не нахвалятся, несчастные, тѣмъ „истинно-либеральнымъ" духомъ, а особенно изящными манерами, которыя ихъ дѣти пріобрѣтаютъ, учась и гуляя подъ руководствомъ клерикаловъ бокъ-о-бокъ съ сыновьями злѣйшихъ враговъ республики!.. Но сами-то папаши—

Quantum mutati ad illis,

какъ не походятъ они теперь на тѣхъ ярыхъ mangeurs de curés, „попоѣдовъ", какими они были лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ, когда, захлебываясь отъ восторга, они повторяли гамбеттовскую фразу: „клерикализмъ—вотъ нашъ врагъ"! Теперь люди въ родѣ Ранка, которые въ общей политикѣ недалеко ушли отъ стараго оппортунизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко держатся его антиклерикальныхъ завѣтовъ, кажутся какими-то странными допотопными животными, останками исчезнувшей когда-то богатой фауны.

Кстати, на дняхъ произошло событіе, не важное, само по себѣ, но очень характерное для переживаемаго теперь момента. Масоны собрались на общій конгрессъ, или „конвентъ", какъ они называютъ его на своемъ вычурномъ жаргонѣ, и въ результатѣ конгресса выработали манифестъ, съ которымъ обратились къ странѣ. Манифестъ этотъ, конечно, не представляетъ собою чего-нибудь новаго и замѣчательнаго, но не заключаетъ въ себѣ и ничего прямо плохого: тамъ говорится блѣднымъ и тяжелымъ слогомъ насчетъ необходимости солидарности между людьми; рекомендуется улучшеніе современнаго общественнаго строя; а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается критикѣ политика „прогрессивнаго" кабинета. Надо было видѣть, однако, съ какой яростью большинство буржуазныхъ органовъ набросилось на эту злополучную прозу передовыхъ представителей буржуазіи же, и какъ досталось главнымъ членамъ масонскихъ ложъ! А, между тѣмъ, довольно многіе критики манифеста въ свое время, когда масонство поддерживалось гла-

вами оппортунизма, самымъ добросовѣстнымъ образомъ играли въ бирюльки „вольнаго каменщичества“, царапали при свиданіи руку у своихъ „почтенныхъ братій“ согласно традиціонному ритуалу, гордо ставили передъ своей фамиліей мистическое троеточіе, аккуратно являлись на собранія ложъ и, словомъ, всячески заботились о процвѣтаніи „Соломонова храма“. Признаться, эти ребяческія упражненія свободомыслящей буржуазіи возбуждали въ насъ порою изрядный смѣхъ. Но отношеніе къ масонскому конгрессу со стороны бывшихъ масоновъ вызываетъ уже не смѣхъ, а прямое омерзѣніе, ибо чувствуешь, что ихъ статьи являются непосредственнымъ отраженіемъ средневѣковыхъ взглядовъ на свободную мысль, господствующихъ въ клерикальныхъ сферахъ. Остроумцы, пускавшіе болѣе или менѣе тупыя стрѣлы въ своихъ бывшихъ „братій“ и издѣвавшіеся надъ масонскою „галиматьею“, словно забыли, что клерикальная галиматья куда будетъ чудовищнѣе, а, главное, вреднѣе для современнаго общества.

Съ другой стороны, какъ почтительно, съ какими поклонами и присѣданіями большинство теперешнихъ представителей буржуазіи говоритъ о католическомъ міровоззрѣніи, и какую полезную общественную силу оно ухитряется найти даже въ папствѣ! Рѣчь о „новомъ духѣ“, произнесенная Спюллеромъ весною 1894 г., была лишь гласнымъ выраженіемъ той измѣны антиклерикальнымъ убѣжденіямъ, которую продѣлало большинство умѣренныхъ республиканцевъ въ послѣдніе годы: не мѣшаетъ припомнить хотя бы тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ 1885 г. палата насчитывала 184 депутата, стоявшихъ за отдѣленіе церкви отъ государства, настоящая палата, выбранная въ 1893 г., не насчитываетъ такихъ и 150. И въ этомъ нельзя не видѣть результатовъ той ловкой политики, которую повелъ по отношенію къ третьей республикѣ Левъ XIII. Теперь вошло въ моду говорить о „широкомъ либерализмѣ“ папы, о его любви къ „современной демократіи“. Близорукіе или своекорыстные республиканцы не видятъ того, что, какія бы формы ни принимало подъ давленіемъ обстоятельствъ папство, оно по самой сущности должно остаться заклятымъ врагомъ свѣтской цивилизаціи и громаднымъ препятствіемъ по пути прогресса. Въ виду важности этого вопроса и возникающихъ такъ часто по поводу его нелѣпыхъ толкованій я посвящу вторую половину настоящей статьи исключительно клерикализму: о прочихъ проявленіяхъ современной реакціи я оставляю за собою право говорить болѣе подробно и въ свое время въ другихъ этюдахъ.

Посмотримъ, что такое католицизмъ во Франціи: зная органъ, можно опредѣлить его общую функцію, которая можетъ лишь нѣсколько видоизмѣняться подъ вліяніемъ особыхъ условій. Думаю, что для этой цѣли будетъ достаточно остановиться на современ-

ныхъ формахъ французскаго католицизма, какъ онѣ выработались послѣ революціоннаго погрома. Заглядывать въ прежнюю исторію намъ, вѣроятно, понадобится лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда прошлое можетъ пролить лишній свѣтъ на настоящее.

Читателю, конечно, приходилось много разъ натыкаться въ газетныхъ извѣстіяхъ о французскихъ дѣлахъ на вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и о конкордатѣ. На этой почвѣ, дѣйствительно, происходятъ самыя жаркія столкновенія между радикалами и умѣренными. Съ конкордата мы и начнемъ. Это названіе дается, какъ извѣстно, особому дипломатическому договору между папой и правительствомъ данной страны съ цѣлью опредѣлить взаимныя отношенія духовной и свѣтской власти *). Такихъ конкордатовъ было во Франціи четыре. Но только два изъ нихъ не остались въ формѣ проекта, а были приведены въ исполненіе: первый былъ заключенъ въ 1516 г. между Францискомъ I-мъ и Львомъ X-мъ; второй 15-го іюля 1801 г., между первымъ консуломъ (Бонапартомъ) и Піемъ VII-мъ. Этотъ послѣдній договоръ и опредѣляетъ взаимныя отношенія между папою и третьей республикой. Я процитирую по возможности точно и полно нѣкоторые изъ важнѣйшихъ параграфовъ конкордата:

Католическая религія будетъ свободно исповѣдываться во Франціи. Богослуженіе будетъ отправляться публично, но въ соотвѣтствіи съ полицейскими предписаніями, которыя правительство сочтетъ нужными въ видахъ общественнаго спокойствія. Первый консулъ будетъ назначать архіепископовъ и епископовъ... Его Святѣйшество дастъ имъ каноническое утвержденіе сообразно съ установленными формами... Епископы, до вступленія въ должность, дадутъ непосредственно самому консулу присягу въ вѣрности... Духовныя лица низшаго разряда дадутъ такую же присягу гражданскимъ властямъ по опредѣленію правительства... Его Святѣйшество, въ интересахъ мира и по случаю счастливаго возстановленія католической религіи, объявляетъ, что ни онъ самъ и никто изъ его преемниковъ на папскомъ престолѣ (ses successeurs) отнюдь не будутъ безпокоить лицъ, пріобрѣтшихъ отчужденныя церковныя имущества; и что, слѣдовательно, права собственности на упомянутыя имущества, вмѣстѣ съ различными доходами съ нихъ, останутся отнынѣ неприкосновенными въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ или тѣхъ, которые правильно замѣщаютъ ихъ... Правительство обезпечиваетъ надлежащее содержаніе епископамъ и священникамъ, епархіи и приходы которыхъ войдутъ въ новое распредѣленіе духовныхъ округовъ.

Итакъ, вотъ существенныя черты конкордата, этой основы современнаго церковнаго права во Франціи **). Всматриваясь въ нихъ, ясно видишь, что договоръ между папой и французскимъ правительствомъ распадается на двѣ части: часть политическую или, если хотите, полицейско-административную; и часть экономи-

*) См., между прочимъ, A. Cheruel, *Dictionnaire historique des institutions, mœurs et coutumes de la France*; Парижъ, часть I, стр. 206 второго изданія (1865 г.).

**) См. Dupin, *Manuel de droit ecclésiastique français*; Парижъ, 1860.

ческую. Во-первыхъ, государство превращаетъ духовныхъ лицъ въ своихъ чиновниковъ: оно назначаетъ ихъ, беретъ съ нихъ присягу, оплачиваетъ ихъ (и, если не можетъ, по каноническому праву, лишать ихъ сана, то можетъ лишить жалованья); духовенство превращается, такимъ образомъ, по счастливому выраженію Монтолона, въ „священную жандармерію". Во-вторыхъ, государство разъ навсегда устраняетъ притязанія духовенства, на отобранныя у него во время революціи имущества: буржуазія, которая въ такой значительной мѣрѣ воспользовалась продажей земель во время переворота *), могла теперь спокойно переваривать проглоченный кусокъ въ пять милліардовъ франковъ однихъ церковныхъ помѣстій (если вѣрить католическому писателю Бешару).

Немудрено, что конкордатъ является верхомъ мудрости для тѣхъ представителей третьяго сословія, которые стоятъ за принципъ „крѣпкой власти" въ политикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ за „свободу" употребленія и злоупотребленія собственностью въ экономикѣ. Посмотримъ, однако, что хорошаго принесъ онъ республикѣ, ибо вопросъ ставится вполнѣ опредѣленно и конкретно: дѣло идетъ не о достоинствахъ и недостаткахъ конкордата вообще, а лишь о его пользѣ или невыгодѣ для современныхъ республиканскихъ учрежденій. Думаю, что непредубѣжденный наблюдатель скоро откроетъ вредное вліяніе конкордата на демократическій строй. Защитники этого договора любятъ указывать на то обстоятельство, что конкордатъ передаетъ въ руки свѣтскаго правительства извѣстную власть надъ духовенствомъ, и цитируютъ намъ изъ исторіи текущаго столѣтія примѣры того, какъ и предшествующія правительства, и Луи Филиппъ, и Наполеонъ III могли при помощи конкордата обуздывать черезчуръ реакціонныя поползновенія ультрамонтановъ. Но вѣдь эти примѣры идутъ какъ разъ противъ защищаемой темы.

Каковы бы ни были благообразныя формы, въ которыя рядились предшествовавшіе режимы, у нихъ было одно общее основаніе, противорѣчащее истинному республиканскому строю: они опирались на принципъ возможно большаго „авторитета". Современная же демократія опирается на принципъ возможно болѣе широкой „свободы". Съ точки зрѣнія буржуазнаго либерализма Луи-Филиппа или деспотическаго цезаризма Луи-Наполеона католическое духовенство является, такъ сказать, однимъ изъ департаментовъ чиновничества, который служитъ извѣстнымъ образомъ правительству и потому отвѣтственъ передъ нимъ за тѣ или другіе взгляды, проводимые имъ въ своей спеціальной сферѣ. Но какъ демократическая республика можетъ держаться

*) См. замѣчательную книгу Georges Avenel, *Lundis révolutionnaires*; Парижъ, 1875.

на этой позиціи, не измѣняя основнымъ своимъ принципамъ? Для нея свобода всякаго убѣжденія, и въ томъ числѣ религіознаго, представляетъ одно изъ существенныхъ правъ гражданина. На какомъ основаніи она будетъ предписывать тому или другому духовному лицу опредѣленное міровоззрѣніе и опредѣленные взгляды? И что по существу преступнаго совершаетъ какой-нибудь патеръ, который съ высоты своей каѳедры громитъ республиканскій строй и увѣщеваетъ своихъ прихожанъ низвергнуть современную демократію въ видахъ спасенія души, тѣмъ болѣе, что каноническое право католицизма ясно говоритъ: „подданные еретическаго государя освобождаются церковью отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ нему, отъ всякой вѣрности и отъ всякаго почтенія"? Истинная республика не боится такой критики; истинная демократія позволяетъ такой языкъ всякому изъ своихъ гражданъ, недовольному современными порядками. Какъ же республиканскія и демократическія власти откажутъ въ этомъ правѣ гражданину, носящему черную рясу и преслѣдующему не временные только, а вѣчные интересы?

И замѣтьте, правительство третьей республики должно инстинктивно чувствовать это противорѣчіе, ибо оно прибѣгаетъ къ строгостямъ по отношенію къ духовенству гораздо рѣже и неохотнѣе, чѣмъ предшествовавшіе „богобоязненные" режимы (я не говорю здѣсь, конечно, о заигрываніи „прогрессивнаго" кабинета съ клерикалами). Но тутъ-то конкордатъ и устраиваетъ настоящую западню республиканскому правительству.

Въ самомъ дѣлѣ, излюбленная точка зрѣнія каждаго настоящаго католика выражается очень рельефно въ знаменитомъ афоризмѣ Вейльйо: „когда наши противники у власти, мы требуемъ отъ нихъ полной свободы во имя ихъ принциповъ, а когда мы у власти, мы отказываемъ нашимъ противникамъ во всякой свободѣ во имя нашихъ принциповъ". Можете представить себѣ, съ какимъ жаромъ клерикалы слѣдуютъ на практикѣ этому естественному влеченію ихъ властолюбиваго сердца, и какъ достается отъ нихъ республикѣ. Съ другой стороны, современная демократія, получивъ въ наслѣдіе отъ прошлыхъ режимовъ пресловутый конкордатъ, обязана „обезпечивать приличное содержаніе" тѣмъ самымъ духовнымъ, которые съ утра до вечера ведутъ съ ней войну: легенда о Генрихѣ IV-мъ, который будто бы позволялъ подвозить хлѣбъ осажденному имъ же Парижу *), воплощается передъ нашими глазами въ дѣйствительность въ усугубленной формѣ; и, напр., цѣлыхъ 43,181,653 фр. отчислены въ бюджетѣ 1897 г.**) на пропитаніе черной арміи, которая каждый день въ 45,000

*) На самомъ дѣлѣ, это продѣлывали подкупленные парижанами генералы короля.

**) 41.158,923 фр. въ 1901 г.

голосовъ *) призываетъ громы небесные на побѣдную голову, прикрытую фригійскимъ колпакомъ.

Въ какой степени такое положеніе выгодно для враговъ республики, видно изъ того, что, за исключеніемъ entants perdus католицизма въ родѣ Кассаньяка, большинство клерикаловъ очень отрицательно относятся къ отдѣленію церкви отъ государства, хотя эта мѣра повела бы къ полнѣйшей свободѣ и независимости духовенства отъ правительства. Католики очень хорошо понимаютъ, что одинъ фактъ исключенія жалованья духовенству изъ бюджетной смѣты лишилъ бы католицизмъ того оффиціальнаго престижа, которымъ онъ пользуется въ населеніи, какъ одинъ изъ элементовъ государственной машины, не говоря уже о томъ, что сами духовные не особенно разсчитываютъ на щедроты своихъ будущихъ „свободныхъ" прихожанъ. Я не могу безъ улыбки вспомнить разговора, который мнѣ пришлось вести по этому поводу съ однимъ сельскимъ священникомъ. Почтенный патеръ не безъ гордости началъ съ обычной фразы клерикаловъ насчетъ того, что „католицизмъ есть религія громаднаго большинства французовъ"; но когда я въ шутку посовѣтовалъ ему вдохновиться евангельской бѣдностью апостоловъ и отцовъ церкви и агитировать въ пользу отдѣленія церкви отъ государства, онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и выпалилъ: „ахъ, если бъ вы знали только нашихъ мужиковъ, какъ знаю ихъ я! да они на завтра же послѣ такого отдѣленія уморятъ своего священника съ голоду" **).

---

*) Во Франціи статистика профессій 1891 г. насчитывала 45,115 лицъ бѣлаго духовенства (clergé séculier), которые содержатся на счетъ государственнаго бюджета; сверхъ того, 79,488 монаховъ и монахинь. См. *Résultats statistiques du dénombrement de 1891*; Парижъ, 1894, стр. 305. Спеціальныя данныя коммиссіи по бюджету вѣроисповѣданій насчитывали къ 1 ноября 1894 г. нѣсколько меньше лицъ бѣлаго духовенства, а именно 42,347 (я подвожу итогъ по таблицѣ № 30, помѣщенной на стр. 17 шестнадцатаго тома *Annuaire statistique de la France*; Парижъ, 1896). Въ 1901 г. это число равнялось 42,416.

**) Само собою, я оставляю въ сторонѣ финансовый аргументъ защитниковъ конкордата, которые говорятъ, что его нельзя отмѣнить на томъ основаніи, что плата духовенству составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ эквивалентъ отобранныхъ церковныхъ имуществъ: не хотите, молъ, оплачивать патеровъ, возвратите церкви отнятыя земли и пр. На это отвѣтить нетрудно: церковныя имущества, не говоря уже о прямомъ чисто феодальномъ грабежѣ, образовались изъ взносовъ жертвователей и должны были принадлежать, по ученію отцовъ церкви, Іеронима и Августина, бѣднымъ и нищимъ, т. е. извѣстной части націи. Вся нація отбирала теперь эти имущества и возвращала ихъ въ національный фондъ: о какомъ же вознагражденіи могла идти рѣчь? Съ другой стороны, не мѣшаетъ знать, что церковныя имущества, дававшія 150 милліоновъ ливровъ ежегоднаго дохода, шли почти исключительно на роскошную жизнь прелатовъ въ то время, какъ простые священники умирали почти съ голоду: такъ мала была оставляемая на ихъ содержаніе высшимъ духовенствомъ такъ называемая portion congrue (надлежащая часть). См. *Procès verbaux des assemblées génerales du clergé de France*, т. VIII, 1, стр. 74.

STANFORD LIBRARIES

Тѣмъ страннѣе взгляды на этотъ вопросъ умѣренныхъ республиканцевъ, которые серьезно полагаютъ, что они держатъ духовенство въ рукахъ при помощи конкордата, и что католическая церковь, отдѣлившаяся отъ государства, немедленно же превратится въ необыкновенно опасный элементъ заговора для республики. Ихъ особенно сбила съ толку дальнѣйшая и очень ловкая тактика папы, который путемъ чисто внѣшняго и формальнаго признанія современнаго строя пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на внутреннюю политику Франціи. Не угодно-ли повнимательнѣе вдуматься въ его знаменитую энциклику отъ 12-го февраля 1892 г., которую считаютъ верхомъ либерализма всѣ близорукіе „прогрессисты". Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ нея:

Мы считаемъ удобнымъ и даже необходимымъ возвысить нашъ голосъ и обратить еще болѣе настойчивое увѣщаніе, не говоримъ къ однимъ католикамъ, но ко всѣмъ честнымъ и благоразумнымъ французамъ, чтобы они отбросили далеко отъ себя всякій зародышъ политическихъ распрей съ цѣлью посвятить свои силы единственно на умиротвореніе отечества. Гражданская власть, разсматриваемая какъ таковая, исходитъ отъ Бога и всегда отъ Бога... Слѣдовательно, когда правительство, представляющее эту незыблемую гражданскую власть, установлено, то принимать его не только позволено, но даже слѣдуетъ, скажемъ, болѣе того, даже необходимо въ виду общественнаго блага... Но законодательство до такой степени отличается отъ политической власти или ея формы, что при режимѣ, имѣющемъ превосходную форму, законодательство можетъ быть крайне плохо, тогда какъ, наоборотъ, при режимѣ, обладающемъ самой несовершенной формой, можно встрѣтить прекрасное законодательство... И вотъ именно это и есть та почва, на которой, оставивъ въ сторонѣ всякія политическія разногласія, всѣ добрые люди должны соединиться, какъ одинъ человѣкъ, чтобы бороться, всѣми честными и легальными средствами, противъ все усиливающихся злоупотребленій законодательства. Уваженіе, которое мы должны питать къ властямъ, отнюдь не воспрещаетъ этого.

Дѣло, кажется, ясно, и надо обладать большою наивностью, чтобы не понять, куда клонитъ это пастырское увѣщаніе. „Примите республику, т. е. наклейте на себя ярлыкъ республиканца, но боритесь всячески (не прибѣгая, впрочемъ, къ революціи, ибо у васъ пока нѣтъ силы), боритесь ежедневно противъ республиканскаго законодательства, каждый новый шагъ, каждое дальнѣйшее развитіе котораго создаетъ ненавистныя для католика формы жизни"—вотъ смыслъ энциклики, либерализмъ которой приводитъ въ несказанное умиленіе сторонниковъ „мудрой республики", или, если хотите, „республики безъ республиканцевъ", какъ любилъ говаривать ловкій Тьеръ. И дѣйствительно, совѣты Льва XIII-го не остались втунѣ. Вскорѣ послѣ того, въ теченіе же 1892 г., сформировалась въ палатѣ, подъ предводительствомъ Піу, такъ называемая республиканская правая, состоявшая изъ монархистовъ, которымъ надоѣло стоять плакучими ивами на кладбищѣ историческихъ воспоминаній, а захотѣлось власти и вліянія. Самъ графъ де-Мэнъ подчинился указаніямъ папы и, пойдя по этому пути,

совершилъ такую быструю эволюцію, что, выбросивши свои монархическія традиціи, выбросилъ за одно съ ними и принципы „христіанскаго соціализма“: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ не боялся произносить пламенныя филиппики противъ современнаго экономическаго строя, говоря, напр., что если бы въ его родной Бретани появился народный агитаторъ, то повсюду запылали бы замки владѣльцевъ,—такъ отчаянно положеніе крестьянина; а теперь счелъ нужнымъ рѣзко отграничить свое міровоззрѣніе отъ соціализма и заявить свое согласіе съ буржуазными принципами кабинета „прогрессистовъ“. Въ промежуткѣ же произошли выборы 1893 г. въ палату, которая насчитываетъ теперь пятьдесятъ „присоединившихся“, т. е. реакціонеровъ, послѣдовавшихъ совѣту папы и поступившихся пустымъ словомъ для того, чтобы завладѣть самой вещью, республикой, и съ теченіемъ времени изгнать изъ нея ея близорукихъ или неискреннихъ защитниковъ...

Но мнѣ могутъ возразить, что я самъ создаю себѣ всяческіе страхи, и что французскій клерикализмъ пересталъ существовать въ формѣ, опасной для современной мысли, съ легкой руки и подъ покровительствомъ либеральнаго папы, который, молъ, создалъ либеральное теченіе и среди духовенства. Я уже только-что сказалъ, какъ отношеніе папы къ республикѣ свидѣтельствуетъ лишь о его хитромъ умѣ и большой наивности (или неискренности) умѣренныхъ республиканцевъ. Но что касается до французскаго духовенства, то у насъ есть достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайней реакціонности этихъ служителей католицизма. Драгоцѣнный документъ по психологіи этого духовенства заключается въ недавно вышедшей книжкѣ аббата Шарбоннэля о Всемірномъ конгрессѣ религій въ 1900 г.“ *). Для того, чтобы читатель могъ быстро оріентироваться въ этомъ вопросѣ, мнѣ придется сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Какъ извѣстно, на международной выставкѣ въ Чикаго, въ 1893 г., былъ устроенъ, между прочимъ, такъ называемый „всемірный парламентъ религій“ (*the World's Parliament of Religions*), на который, по приглашенію нѣкоторыхъ пресбитеріанцевъ, сошлись представители всевозможныхъ религій не для того, чтобы спорить о сравнительныхъ преимуществахъ различныхъ вѣроисповѣданій, но для того, чтобы обмѣняться мыслями объ общемъ „спиритуалистическомъ основаніи“ религій и противоставить это основаніе „грубому матеріализму и невѣрію вѣка“. Были на этомъ парламентѣ и католики, которые сначала не допускали и мысли о возможности засѣдать и мирно разговаривать съ разными еретиками и язычниками, а затѣмъ, считая неполитичнымъ такое уклоненіе, явились на собраніе излагать свои идеи въ лицѣ нѣкоторыхъ демократи-

*) Abbé Victor Charbonnel, *Congrès universel des Religions en 1900. Histoire d'une idée;* Парижъ. 1897.

ческихъ прелатовъ Америки, какъ напр., Кина, Гиббонса, Айрлэнда. Прогрессивные элементы въ католичествѣ остались очень довольны исходомъ теологическаго парламента и успѣли даже, по крайней мѣрѣ, временно, добиться—правда, заднимъ числомъ,—одобренія папы. Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, „законы подражанія", столь любезные сердцу г. Тарда, проявили свое дѣйствіе и въ упомянутой сферѣ: французскій либеральный аббатъ и учитель риторики въ католической гимназіи города Мо, нѣкто Викторъ Шарбоннэль, поднялъ агитацію насчетъ устроенія „всемірнаго конгресса религій" въ Парижѣ, во время будущей выставки 1900 г. Нашлось человѣка два-три изъ пріятелей аббата, которые обѣщали поддержать иниціатора въ его предпріятіи; нѣсколько католическихъ писателей дали понять, что они не будутъ прямо противъ идеи конгресса. Но этимъ дѣло сначала и ограничилось. Тогда Шарбоннэль, желая привлечь большую публику къ обсужденію вопроса, перенесъ агитацію въ свѣтскую литературу: напечаталъ въ защиту своей идеи статью въ „La Revue de Paris", составилъ по приглашенію „La Revue bleue" вопросникъ, касающійся различныхъ сторонъ задуманнаго предпріятія, разослалъ его экземпляры къ выдающимся духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ съ просьбой высказать мнѣніе и въ „La Revue bleue" же напечаталъ эти отвѣты и подвелъ итоги агитаціи.

Нѣтъ ничего поучительнѣе чтенія этихъ отвѣтовъ, равно какъ другихъ, подобранныхъ еще нѣкоторыми газетами и перепечатанныхъ въ книжкѣ Шарбоннэля. Насъ собственно мало интересуютъ въ этомъ отношеніи взгляды разныхъ свѣтскихъ „идеалистовъ" и „спиритуалистовъ" въ родѣ покойнаго Жюля Симона: ихъ мнѣнія ни мало не обязательны для католической церкви, которая, кромѣ того, смотритъ на нихъ едва-ли съ большей нѣжностью, чѣмъ на отъявленныхъ атеистовъ и зачерствѣлыхъ скептиковъ, ибо и тѣ, и другіе, по мнѣнію правовѣрныхъ католиковъ, ничѣмъ не лучше язычниковъ. Но за то крайне интересны отзывы оффиціальныхъ представителей католицизма: изъ нихъ мы можемъ узнать настоящее міровоззрѣніе французскаго духовенства.

Начнемъ съ „либеральныхъ" столповъ клерикализма. Вотъ, напр., турскій архіепископъ Меньякъ, который считается крайнимъ изъ крайнихъ въ рядахъ католическихъ прелатовъ: на его имя была послана папой энциклика, совѣтующая принять ярлыкъ республиканца, но бороться противъ ненавистнаго республиканскаго законодательства. Послушаемъ же, что скажетъ этотъ кардиналъ—„прогрессистъ".

Милостивый государь, отвѣчаетъ онъ наивному аббату, я не считаю возможнымъ устроеніе въ Парижѣ конгресса религій. Америка не Франція. Ни народъ, ни духовенство отнюдь не похожи другъ на друга въ обѣихъ странахъ. То, что разъ осуществилось въ Новомъ Свѣтѣ, не можетъ удасться

или удастся лишь плохо въ Европѣ. Вы спрашиваете мое мнѣніе; я искренно отвѣчаю Вамъ и прошу принять увѣреніе въ уваженіи, которое я питаю къ Вашимъ благороднымъ чувствамъ *).

Какъ видите, цѣлый душъ холодной воды, въ которую впущена капля елейнаго „уваженія къ благороднымъ чувствамъ"!..

Письмо анжерскаго епископа, монсеньйора Матьё, у котораго много знакомцевъ между профессорами и писателями, и который дерзаетъ даже разсуждать въ литературныхъ салонахъ съ „нео-католикомъ" г. Вогюэ о сочиненіяхъ Льва Толстого (horribile dictu)! Письмо это написано секретаремъ почтеннаго прелата, но выражаетъ личныя идеи послѣдняго:

Вы плохо разсчитали, обратившись къ Его Преосвященству... Онъ ненавидитъ централизацію и все, что стремится увеличить вліяніе Парижа. Выставка 1900 г. поэтому ему въ высшей степени антипатична. Кромѣ того, что касается до конгресса религій, то Его Преосвященство полагаетъ, что вещь, удавшаяся въ Чикаго, провалится въ Парижѣ. Ваши собранія выродятся въ клубъ, въ которомъ люди будутъ другъ друга поносить по поводу Варѳоломеевской ночи, инквизиціи и стараго режима. Французы неспособны ни къ серьезному отношенію къ дѣлу, ни къ искреннему либерализму; а это лишь и могло бы обезпечить успѣхъ Вашей попытки, столь новой и столь подозрительной большому числу уважаемыхъ лицъ **).

Уважающій себя прелатъ сваливаетъ свою подозрительность на дурныя качества соотечественниковъ, которыхъ онъ не по христіански отдѣлываетъ; но, во всякомъ случаѣ, даетъ отвѣтъ отрицательный.

Еще для образчика одно письмо „либерала", байонскаго епископа Жоффрэ, который, къ слову сказать, восторгался демократизмомъ американскихъ католиковъ:

Я не одобряю проектируемаго конгресса. Мнѣ кажется, что въ немъ заключается уступка тому доктринальному скептицизму, который охватываетъ насъ, и той системѣ равноцѣнности ученій, которая въ модѣ среди буржуазіи. Это смягченное, такъ сказать, христіанство отнимаетъ у вѣры самый простой и самый основательный мотивъ увѣренности въ истинѣ, а именно авторитетъ церкви. Оно представляетъ какъ бы шагъ назадъ къ естественной теологіи язычниковъ. Народъ можетъ заключить отсюда, что онъ былъ вводимъ въ заблужденіе до сихъ поръ, какъ относительно привилегіи Евангелія быть принимаемымъ за источникъ вѣры во всей полнотѣ, такъ и относительно того цѣлительнаго дѣйствія, которое принадлежитъ лишь ученію католицизма, воплощающему въ себѣ истину, и которое одно создаетъ благоденствіе общества и индивидуума... Но я отдаю должную дань Вашему неоспоримому таланту, Вашему несомнѣнному рвенію и благородному порыву Вашего сердца ***).

Тутъ уже притязанія католичества выражать собою христіанство выступаютъ очень ясно, несмотря на комплименты смѣль-

*) Charbonnel, l. c., стр. 152.
**) Ibid., стр. 153.
***) Ibid., стр. 171.

чаку, дерзнувшему предложить католицизму очень важное, но не исключительное мѣсто на конгрессѣ.

Но то-ли еще ждетъ насъ, когда мы подойдемъ къ выраженію мнѣній католиковъ стараго пошиба. Угрозы, проклятія и насмѣшки, которыя такъ мало идутъ къ типу христіанскаго кроткаго агнца, посыплятся градомъ на несчастнаго аббата. Хотите образчикъ постнаго остроумія, которымъ угощаетъ насъ аристократическій ректоръ католическаго университета и клерикальный депутатъ, Монсеньйоръ Дюльстъ (нынѣ умершій)? Читайте слѣдующую бутаду, которая была напечатана въ газетѣ „Le Matin" (отъ 25 сентября 1895 г.):

Сожалѣю, что не могу отвѣтить на вашъ вопросникъ, касающійся проекта конгресса религій въ Парижѣ въ 1900 г. Я не хочу критиковать никого, я требую лишь права молчать. Если упомянутый конгрессъ является однимъ изъ актовъ большой пьесы, которую хотятъ разыграть въ 1900 г., то я не испытываю потребности судить заранѣе этотъ актъ, ибо я изъ тѣхъ,—а они многочисленнѣе, чѣмъ это думаютъ,—которые желали бы, чтобы и вся пьеса не была играна, т. е., чтобы не было выставки *).

Предпочитаете-ли вы, наоборотъ, этому тощему остроумію на елеѣ болѣе жирное остроуміе на коровьемъ маслѣ, бросьте взглядъ на строки, которыя появились въ клерикальномъ органѣ „La Croix", но которыя положительно были бы умѣстнѣе въ какомъ-нибудь бульварномъ органѣ...

Наконецъ, настоящее ортодоксальное мнѣніе католицизма было подробно развито аббатомъ Моро, главнымъ викаріемъ города Лангра, который двоекратно (въ „Le Matin" и въ „Les Annales catholiques") съ рѣдкой откровенностью „экспонировалъ" сущность католицизма.

Такъ, въ „Le Matin" онъ говоритъ:

Инціаторы этой идеи убѣждены, что въ результатѣ конгресса получится болѣе широкая, болѣе возвышенная религія, которая побѣдитъ современный религіозный индифферентизмъ: что это будетъ дѣло чрезвычайно практическое, единственное въ лѣтописяхъ до сего времени дѣло догматической терпимости. Но здѣсь я ихъ останавливаю, ибо они исходятъ изъ ложнаго принципа. *Терпимость въ догматахъ есть ересь.* Католическая церковь, дѣйствительно, смотритъ на себя, какъ на единственную хранительницу религіозной истины... *Истина же сама по себѣ нетерпима и не можетъ быть иной* **).

Еще рѣзче эта мысль выражена аббатомъ Моро въ спеціальномъ духовномъ журналѣ:

Терпимость! Вотъ одно изъ громкихъ словъ нашего вѣка... Но всякая истина по существу не терпитъ противоположнаго принципа... Осудить истину на терпимость, это значитъ толкнуть ее къ самоубійству... По нѣкоторымъ вопросамъ я могу вступать съ вами до извѣстной степени въ компромиссъ...

*) Ibid., стр. 95.
**) Ibid., стр. 96 (курсивъ принадлежитъ самому Моро).

Но когда дѣло идетъ о религіозной истинѣ, которой насъ поучаетъ и которую намъ открываетъ самъ Богъ, когда дѣло идетъ о вашей вѣчной жизни и о спасеніи моей души, о тогда никакая сдѣлка больше невозможна... Такъ какъ религіозная истина есть самая абсолютная и самая важная изъ всѣхъ истинъ, то она является вмѣстѣ съ тѣмъ и самой нетерпимой и самой исключительной... Вся исторія церкви представляетъ собой именно исторію нетерпимости... Что такое папство? Учрежденіе доктринальной нетерпимости, которое, при помощи іерархическаго единства, поддерживаетъ истину вѣры... Итакъ, мы нетерпимы въ дѣлѣ вѣры, исключительны въ вопросахъ догмата: мы исповѣдуемъ это, мы гордимся этимъ. Вы ищете истину на землѣ, — въ такомъ случаѣ ищите и нетерпимую церковь. Всевозможныя лжеученія могутъ дѣлать взаимныя уступки; истина, дочь неба, одна никогда не капитулируетъ *).

Бѣдный аббатъ Шарбоннэль пришелъ въ ужасъ отъ такой нетерпимости. Но это дѣлаетъ честь гораздо больше его сердцу, чѣмъ его логической послѣдовательности: недаромъ онъ находитъ сочувствіе среди протестантовъ и вообще деистовъ, но не среди вѣрныхъ слугъ католической церкви **). Нетерпимость составляетъ сущность католицизма, его характерную черту, его оригинальность и его силу. Я позволю себѣ процитировать мѣсто изъ знаменитой энциклики Григорія XVI насчетъ индифферентизма, мѣсто, которое рельефно обрисовываетъ истинное ученіе католицизма о религіозной терпимости:

Изъ этого нестерпимо вонючаго источника *индифферентизма* (*putidissimo indifferentismi fonte*) вытекаетъ та нелѣпая и лживая сентенція, или вѣрнѣе бредъ, будто слѣдуетъ обезпечить и дать всякому *свободу совѣсти*. Этому пагубнѣйшему заблужденію выстилаетъ дорогу та полная и необузданная свобода мнѣній, которая широко распространяется на гибель церковнаго и гражданскаго общества, между тѣмъ, какъ нѣкоторые повторяютъ, что отсюда можетъ получиться извѣстная выгода и для религіи. Но *есть-ли худшая смерть для души, чѣмъ свобода заблужденія?* Ибо, разъ сняты удила, сдерживающія людей на пути истины, ихъ природа, уже склонная ко злу, падаетъ въ пропасть... И отсюда перемѣны въ умахъ; отсюда худшая порча юношества; отсюда въ народѣ презрѣніе къ божественнымъ вещамъ и самымъ святымъ законамъ; отсюда, однимъ словомъ, самая пагубная язва для общества, ибо по опыту извѣстно съ самой глубокой древности, что государства, которыя процвѣтали богатствомъ, могуществомъ, славою, пали по причинѣ одного зла, а именно неумѣренной свободы мнѣній, распущенности рѣчей и жажды новшества ***).

Замѣтьте, здѣсь папа говоритъ, какъ выражаются католики, ex cathedrâ, т. е. въ качествѣ учителя церкви; а потому, въ силу

---

*) Ibid., стр. 99—101, passim.

**) Шарбоннэль, какъ извѣстно, всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей агитаціи насчетъ конгресса религій порвалъ съ католицизмомъ и вступилъ въ ряды свободныхъ мыслителей,—наглядный примѣръ того, какъ человѣку искреннему и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренному смѣлостью мысли и чувства трудно уживаться съ догматами «нетерпимой церкви».

***) См. приложеніе I къ обстоятельной книгѣ F. Laurent, *L'église et l'état en Belgique*; Брюссель-Лейпцигъ, 1862, стр. 500.

извѣстнаго принципа, его мнѣніе непогрѣшимо: оно подлежитъ не критикѣ и не ограниченію, а исполненію. Вотъ почему, когда „прогрессисты“ заключаютъ теперь союзъ съ „либеральными“ клерикалами и прочими реакціонерами, „присоединившимися“ къ республикѣ, когда они умиляются внезапной любовью католиковъ къ „свободѣ“ и „демократіи“, истинные республиканцы вспоминаютъ афоризмъ Вейльйо и обличаютъ чудовищность такого союза. Они твердо знаютъ, что сыны святого отца до тѣхъ поръ будутъ требовать свободы, пока колесо политической фортуны не поставитъ ихъ наверху, у самой власти; а наступитъ этотъ моментъ, и никто яростнѣе клерикаловъ не будетъ истреблять „свободы лжеученія“ и удерживать людей насиліемъ и преслѣдованіемъ на „пути истины“...

Дѣло Дрейфуса.

I. Торжество военщины.

(*Письмо шестнадцатое*).

Читатель, конечно, уже знаетъ изъ газетъ, что за нелѣпыя что за возмутительныя и глубоко печальныя сцены разыгрались недавно *) въ странѣ „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина“ и даже на улицахъ „Города-свѣточа“. Дикій вой толпы „Долой жидовъ! въ воду!“, отбрасывающій насъ въ ночь средневѣковья; кулаки и палки, опускающіеся на голову „измѣнниковъ“, осмѣливающихся кричать „да здравствуетъ республика“! принцъ Орлеанскій, лобызающій папскаго зуава темнаго происхожденія, который присвоилъ себѣ венгерскую фамилію Эстергази и воплощаетъ теперь честь французской арміи; студенты въ патріотическихъ беретахъ, надсаживающіеся надъ крикомъ „смерть Золя!“; Рошфоръ, идущій рука объ руку съ Дрюмономъ и Кассаньякомъ въ возвеличеніи тѣхъ самыхъ представителей милитаризма, которыхъ онъ такъ еще недавно обзывалъ „идіотами“ и „скотами“; выступленіе снова на политическую сцену такихъ клоуновъ шовинизма, какъ Миллвуа, извѣстный своимъ приключеніемъ съ фальшивыми бумагами Нортона; страхъ всѣхъ парламентарныхъ партій, за рѣдкими личными исключеніями, передъ „патріотическимъ чувствомъ націи“ на предстоящихъ выборахъ; и въ воздухѣ смутное ожиданіе новаго буланжизма, которому не достаетъ лишь „всадника“ хотя бы и „безъ головы“, но съ султаномъ и на вороном конѣ...

Да, есть отъ чего призадуматься надъ грядущей судьбой вели-

*) Писано въ мартѣ 1898 г.

каго, но дѣтски впечатлительнаго народа, у котораго отъ героическаго до смѣшного одинъ шагъ; котораго не сдѣлали осторожнѣе ни рѣки благородной крови, ни періодическое торжество ненавистной реакціи; который беззаботно выпускаетъ изъ своихъ рукъ тѣ самыя пріобрѣтенія цивилизаціи, что стоили ему столькихъ жертвъ. Бѣдный великій народъ, несчастная героическая Франція!.. Какъ то въ одной изъ своихъ статей я попытался мистифицировать читателя, выдавши рѣчь Перикла за образецъ французскаго краснорѣчія и тутъ же признавшись въ этой маленькой хитрости: я хотѣлъ лишь показать рельефное сходство между древнимъ аѳинянином и современнымъ французомъ. Послѣднія событія завершаютъ это сходство. Нѣсколько дней тому назадъ, вдосталь наглядѣвшись на возбужденную „улицу", досыта наслушавшись позорныхъ криковъ антисемитствующихъ „патріотовъ", я почувствовалъ такую щемящую боль, такой жгучій стыдъ за Францію конца XIX-го вѣка, что мнѣ захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ „чести знамени" и „бордеро", писемъ генерала Гонза и краснорѣчія генерала де-Пеллье, таинственной дамы, прикрывающейся вуалемъ, и военной Ѳемиды, выглядывающей изъ-подъ повязки,—уйти, напримѣръ, подъ безоблачное небо древней Эллады, въ страну оливъ и кипарисовъ, гдѣ боги дружески примѣшивались къ толпѣ смертныхъ, и люди возносились до боговъ...

Но судьба преслѣдовала меня; и, перелистывая Плутарха, который столько разъ вдохновлялъ великихъ предковъ современныхъ республиканцевъ, я, самъ не знаю почему, остановился на жизнеописаніи Алкивіада, а едва пробѣжалъ нѣсколько страницъ, какъ снова очутился въ Парижѣ V-го вѣка до Р. Х. съ его блескомъ и шумомъ, героизмомъ и безтолочью, скептицизмомъ и легковѣріемъ, безпрестанными переливами настроенія толпы, переходящей отъ великихъ чувствъ къ низкимъ побужденіямъ. Даже нашелся такой же таинственный, полный всевозможныхъ недоразумѣній и неправильностей процессъ, или вѣрнѣе рядъ разбирательствъ, какимъ угощали насъ недавно Аѳины XIX-го вѣка. Помните государственное преступленіе, изуродованіе статуй Гермеса, показавшееся соотечественникамъ Алкивіада началомъ „заговора, направленнаго на великія перемѣны"? Помните, какъ молва обвинила въ томъ Алкивіада, уже готовившагося отплыть съ войскомъ въ Сицилію? А заключеніе въ тюрьму нѣкоего Андокида, котораго аѳиняне въ отсутствіе Алкивіада бросаютъ въ темницу вмѣстѣ со многими другими, обвиненными сначала по навѣтамъ рабовъ демагога Андрокла, а затѣмъ на основаніи показаній Діоклида, Тевкра и комическаго писателя Фриниха, который, къ слову сказать, напоминаетъ знаменитаго памфлетиста Рошфора и издѣвается въ слѣдующихъ стихахъ надъ людьми, обвиняющими его и товарищей въ клеветѣ:

Гермесъ любезный, берегись, не падай!
Не то, разбившись, дашь ты пищу
Для клеветы злодѣю Діоклиду *).

А Андокидъ, который рѣшается донести на себя и другихъ невинныхъ узниковъ, желая доносомъ спасти себя, по совѣту Тимея, играющаго до нѣкоторой степени роль полковника Дюпати де-Клама? А оффиціальные обвинители, которые такъ добросовѣстно дѣлаютъ свои показанія, что, напримѣръ, на вопросъ слѣдователей, какъ могутъ они узнать святотатцевъ, одинъ изъ свидѣтелей отвѣчаетъ: „я видѣлъ ихъ при лунномъ свѣтѣ", хотя въ ночь преступленія было новолуніе? И такъ далѣе, и такъ далѣе... Съ тяжелымъ чувствомъ закрылъ я древняго біографа, который не только не заставилъ меня забыть о современной Франціи, но вдвойнѣ растравилъ мою рану, развернувъ мнѣ картину героическаго, изящнаго и легкомысленнаго народа, погибшаго жертвою своей неустойчивости... Но довольно этихъ вздоховъ и сожалѣній: ими, конечно, не можетъ исчерпываться роль обозрѣвателя французской жизни. И на этотъ разъ я попытаюсь, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, разобраться въ общихъ причинахъ быстро несущихся событій, исхода которыхъ никто не можетъ предвидѣть...

Мнѣ какъ то пришлось на этихъ дняхъ имѣть долгій и вполнѣ откровенный разговоръ съ однимъ изъ старыхъ друзей Гамбетты, страстнымъ поклонникомъ „великаго патріота" и умѣреннымъ, но искреннимъ республиканцемъ. Такъ какъ мой собесѣдникъ хотя и бываетъ въ правящихъ сферахъ, но самъ не принадлежитъ къ нимъ въ настоящее время, то его глаза не застилаетъ тотъ спеціальный туманъ, который вызываетъ оптическія иллюзіи у людей, стоящихъ у власти, и налагаетъ на окружающіе предметы розовые оттѣнки оптимизма. Наоборотъ, мой собесѣдникъ очень мрачно смотритъ на настоящее и ближайшее будущее Франціи. Неразрывные отнынѣ крики толпы „да здравствуетъ армія! долой жидовъ", заглушающіе обычный крикъ „да здравствуетъ Франція", кажутся ему оскорбленіемъ республиканскихъ принциповъ и дурнымъ предзнаменованіемъ для прочности современныхъ учрежденій. „Благородный патріотизмъ Гамбетты", съ жаромъ говорилъ мой собесѣдникъ, „пришелъ бы въ ужасъ отъ этихъ святотатственныхъ криковъ, потому что, слитые въ одно, они подчеркиваютъ преклоненіе передъ грубой силой и призываютъ гражданъ разныхъ расъ и религій къ междуусобной войнѣ. Посмотрите на Ранка, который вѣрно хранитъ традиціи гамбеттовской политики: кто усомнится въ его патріотизмѣ? Но развѣ вы не замѣчаете, какъ, оцѣнивая священную миссію арміи для защиты отечества, онъ указываетъ ей надлежащее мѣсто, опредѣляетъ ея спеціальную

*) Πλουτάρχου Ἀλκιβιάδης, XX.

роль, выходя изъ которой она становится государствомъ въ государствѣ и вѣчною опасностью для мирнаго развитія гражданскаго общества".

И много еще другого, и жалуясь, и негодуя, говорилъ мой собесѣдникъ. Но, вдумываясь въ его жалобы, прислушиваясь къ его негодующимъ словамъ, я скоро могъ замѣтить, что въ аргументанціи страстнаго гамбеттиста было больное мѣсто, заключалось внутреннее противорѣчіе, на которое я обратилъ вниманіе моего собесѣдника, но въ которомъ онъ ни за что не хотѣлъ признаться (ниже я указываю на этотъ слабый пунктъ).

Во всякомъ случаѣ этотъ и страстный, и продолжительный разговоръ навелъ меня на мысль развить передъ читателемъ то, что я могъ лишь намѣтить въ спорѣ и что отчасти было внушено мнѣ чтеніемъ небольшой книжки, подводящей итоги результатамъ той оффиціальной „морали", которую распространяетъ въ націи вотъ уже скоро тридцать лѣтъ оппортунистская республика *).

Забѣгая нѣсколько впередъ выводовъ, я предпочитаю сейчасъ же ввести читателя въ сердце вопроса, сказавъ, что однимъ изъ основныхъ положеній этого оффиціальнаго катехизиса является усиленное культивированіе чувствъ реванша и слѣпое преклоненіе передъ арміей въ ущербъ другимъ, ужъ, конечно, не менѣе ея важнымъ элементамъ въ благоустроенномъ обществѣ. Говоря такъ, я нисколько не думаю становиться на сторону той „силы", которая подавила „право"; которая двадцать семь лѣтъ тому назадъ опустила свою окровавленную желѣзную перечатку на побѣжденную, обезсиленную Францію и вырвала, можно сказать, изъ ея сердца еще трепещущія, еще дышащія пыломъ войны провинціи. Это насиліе объединенной Германіи надъ французской націей въ то время, какъ нѣмцы сами же заявили въ началѣ кампаніи, что ведутъ борьбу противъ Наполеона, но не противъ Франціи,—это насиліе, говорю я, скоро должно было принести горькіе плоды, вызвавъ тотъ фатальный антагонизмъ между двумя великими народами, который такъ тяжело давитъ на развитіе современнаго человѣчества. Съ какой грустью приходится читать заднимъ числомъ пророчества Тэна въ одной изъ статей, написанныхъ имъ въ самый разгаръ войны, въ октябрѣ 1870 г. **). „Мы теперь не шовинисты", говоритъ авторъ, но если нѣмцы будутъ настаивать на своихъ невозможныхъ условіяхъ мира, то слѣдуетъ опасаться почти неизбѣжнаго развитія ненависти побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Требовать присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи значитъ совершать

*) *Comment l'Etat enseigne la morale?* Парижъ, 1897.

**) *L'opinion en Allemagne et les conditions de la paix*; вошло въ его *Essais de critique et d'histoire*; Парижъ, стр. 415—431 седьмого изданія 1896 г.

громадную несправедливость, достойную Наполеона I, котораго нѣмцы проклинаютъ какъ злодѣя... Несправедливость является неистребимымъ сѣменемъ войны; о томъ, за недостаткомъ сердца, говоритъ достаточно громко исторія; нѣмцамъ стоитъ лишь обратиться къ своимъ воспоминаніямъ о 1807 и 1813 г., чтобы видѣть, какъ гнетъ, висѣвшій надъ ними, вызвалъ ихъ возстаніе, и какъ плодомъ Ваграма и Іены явились Лейпцигъ и Ватерло *).

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что французскій шовинизмъ достигъ за четверть вѣка такихъ размѣровъ, что малѣйшая критика Наполеона считается теперь большинствомъ французовъ за преступленіе: вспомните, какіе громы посыпались двадцать лѣтъ спустя на того же Тэна за его этюдъ о Наполеонѣ; и какое комическое негодованіе даже среди здѣшнихъ республиканцевъ вызвалъ эпитетъ „выскочка“ (parvenu), приложенный Вильгельмомъ II въ одной изъ его импровизированныхъ рѣчей къ Чингисъ-хану текущаго столѣтія.

Еще одно попутное замѣчаніе. Даже въ такой гуманной и мыслящей поэзіи, какъ поэзія Сюлли-Прюдомма, обнаруживается подъ впечатлѣніемъ войны реакція противъ общечеловѣческихъ идеаловъ:

«Mon compatriote, c'est l'homme»,
Naguère ainsi je dispersais
Sur l'univers ce coeur français:
J'en suis maintenant économe и т. д. **).

Съ другой стороны, я знаю образованныхъ французовъ, считающихъ крайне анти-патріотическимъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ и энергичныхъ сонетовъ, именно Сюлли-Прюдомма, сонетовъ, посвященныхъ „Франціи“. А между тѣмъ, въ немъ поэтъ-мыслитель высказываетъ въ сущности очень невинную вещь, говоря о свойствѣ француза (увы, прежнихъ лѣтъ!) любить человѣчество, благодаря своей особой широкой любви къ отечеству:

Je compte avec horreur, France, dans ton histoire
Tous les avortements que t'a coûtés ta gloire:
Mais je sais l'avenir qui tressaille en ton flanc.
Comme est sorti le blé des broussailles epaisses,
Comme l'homme est sorti du combat des espèces,
La suprême cité se pétrit dans ton sang...
Je tiens de ma patrie un coeur qui la déborde,
Et plus je suis Français, plus je me sens humain ***).

*) L. c., стр. 430—431, passim.

**) «Мой соотечественникъ — это вообще человѣкъ», такъ я расточалъ еще недавно для всей вселенной это французское сердце: теперь я сталъ экономенъ».

***) И съ ужасомъ, о Франція, я пересчитываю въ твоей исторіи всѣ неудавшіяся попытки, которыхъ стоила тебѣ слава; но я знаю то будущее, которое трепещетъ въ твоихъ нѣдрахъ. Какъ хлѣбъ выростаетъ изъ густого кустарника, какъ человѣкъ вырабатывается изъ борьбы видовъ, такъ и высочайшее общежитіе образуется изъ твоей крови. Я унаслѣдовалъ отъ отечества сердце, которое переливается за его предѣлы, и чѣмъ болѣе я являюсь французомъ, тѣмъ болѣе считаю себя вообще человѣкомъ.

Итакъ, повторяю, я вовсе не стою за ту историческую несправедливость, которой завершилось „торжество побѣдителей", разгромившихъ Францію: насиліе народа надъ народомъ качественно настолько же возмутительно, какъ насиліе личности надъ личностью, а количественно возрастаетъ въ той самой степени, въ какой увеличивается число чувствующихъ и страдающихъ существъ. Но что имѣетъ право констатировать безпристрастный наблюдатель, такъ это тотъ свирѣпый человѣконенавистническій характеръ, который приняла во Франціи пропаганда отмщенія нѣмцамъ, политика реванша, становящаяся съ теченіемъ времени тѣмъ крикливѣе и необузданнѣе на словахъ, чѣмъ далѣе и далѣе отодвигается возможность реванша на дѣлѣ. Дойдя до извѣстной степени развитія и не находя реальнаго исхода, ненависть къ нѣмцу вполнѣ естественно превращается въ чисто риторическое чувство, въ искусственно поддерживаемое настроеніе, при которомъ человѣкъ, обуреваемый этимъ безрезультатнымъ по обстоятельствамъ аффектомъ, обращаетъ его на самого себя, на своихъ соотечественниковъ, и какъ скорпіонъ, смертельно ранящій себя своимъ же хвостомъ, видитъ повсюду въ своихъ согражданахъ шпіоновъ и измѣнниковъ и готовъ ихъ растерзать при малѣйшемъ сомнѣніи. Эта психологія, достойная варваровъ, должна была рано или поздно вызвать неизбѣжно какъ то идолопоклонство передъ арміей, которое такъ шумно проявилось за послѣднее время, такъ и ту ненависть къ „постороннимъ", „чуждымъ Франціи" элементамъ, которая обращается на самыхъ подлинныхъ французскихъ гражданъ, лишь бы они казались подозрительными маніакамъ или паяцамъ шовинизма.

Но въ этомъ настроеніи „улицы" виноваты тѣ самые „мудрые республиканцы" и „истинные патріоты", которые играли въ теченіе столькихъ лѣтъ на нервахъ толпы, а теперь начинаютъ сами приходить въ ужасъ отъ напряженности и свирѣпой безпорядочности рефлексовъ, обнаружившихся въ этой толпѣ. Тутъ-то и заключается то больное мѣсто, то внутреннее противорѣчіе оффиціальной республики, на которое я указалъ своему собесѣднику. Прислушайтесь къ тому, что толпа воетъ теперь на улицѣ: этотъ вой—заключеніе того звѣринаго силлогизма, посылки котораго усиленно пропагандировались въ странѣ цѣлую четверть вѣка правящими сферами, причемъ выдающаяся роль принадлежала именно друзьямъ и политическимъ сторонникамъ Гамбетты. Оппортунисты и радикалы могутъ теперь сколько угодно воздѣвать въ отчаяніи руки къ небу, жалуясь на разлитіе „демагогическихъ страстей" въ странѣ: эти чувства усиленно культивировались въ населеніи его политическими пастырями; и толпа лишь прямолинейнѣе и логичнѣе своихъ наставниковъ, когда она хочетъ досказать начатый урокъ до самаго конца. Правда, она досказываетъ этотъ урокъ далеко не въ академической формѣ; но,

не говоря уже о томъ, что у нея нѣтъ ни времени, ни возможности усовершенствоваться въ политическомъ краснорѣчіи, сами представители народа дали намъ недавно очень яркое доказательство своей склонности замѣнять парламентарные аргументы кулачнымъ боемъ, когда разыгрываются страсти.

Я постараюсь доказать самими фактами, въ какой степени отвѣтственность за недавніе подвиги улицы лежитъ на руководителяхъ страны и выразителяхъ общественнаго мнѣнія. Перенесемся ко времени франко-прусской войны и послѣдовавшимъ за нею событіямъ. Когда первые порывы военнаго урагана пронеслись по Франціи, обнаруживъ позорную слабость Имперіи и поваливъ наполеоновскій тронъ, страна очутилась, можно сказать, почти беззащитной передъ нѣмецкимъ нашествіемъ *). Въ Парижѣ большинство населенія было одушевлено, правда, самой горячею рѣшимостью сопротивляться врагу до послѣдней капли крови. Но правительство такъ называемой національной защиты, выражавшее близорукія и эгоистическія стремленія буржуазіи, сдѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы ослабить, парализовать героическій пылъ парижанъ, и своими нерѣшительными, прямо двусмысленными распоряженіями погубило массу человѣческихъ жизней безъ всякаго результата. Достаточно сослаться, въ числѣ множества документовъ, на недавнюю біографію Бланки, написанную Жеффруа, въ которой талантливый авторъ развертываетъ эту печальную сторону парижской осады **).

Въ своей безпристрастной и интересной „Исторіи гражданской войны“ Луи Фіо очень убѣдительно доказываетъ съ своей стороны, что само движеніе 18-го марта въ значительной степени было вызвано патріотическимъ негодованіемъ народа, который былъ возмущенъ трусостью временнаго правительства, только и мечтавшаго о томъ, какъ бы обезоружить населеніе ***). Провинція же, можно сказать, вплоть до октября, т. е. до выступленія Гамбетты въ роли организатора сопротивленія, была рѣшительно противъ дальнѣйшей войны. Послушайте, хотя, что говоритъ историкъ, принадлежащій къ оффиціальному персоналу

---

*) Съ легкой руки генерала де-Пелльё, вознегодовавшаго на Золя въ самой залѣ суда за романъ «Разгромъ», шовинистскія газеты пытаются чуть не реабилитировать генеральный штабъ Наполеона III. Совѣтую поэтому читателю пробѣжать первыя семь главъ безхитростной и интересной книжки участника въ этой войнѣ (Lieutenant-colonel Patry, *La guerre telle qu'elle est*; Парижъ, безъ даты: вышла на этихъ дняхъ), чтобы видѣть, что Золя былъ скорѣе снисходителенъ, чѣмъ жестокъ въ своемъ приговорѣ.

**) Gustave Geffroy, *L'Enfermé*; Парижъ, 1897, стр. 280—365.

***) Louis Fiaux, *Histoire de la guerre civile de 1871*; Парижъ, 1879, особенно стр. 2—10.

третьей республики (я говорю о Зевортѣ, ректорѣ Канскаго университета):

Если бы выборы были произведены въ концѣ сентября или началѣ октября, то всеобщая подача голосовъ, взволнованная внезапностью и громадностью пораженій и увѣренная, подобно всѣмъ спеціалистамъ, въ невозможности продолжать борьбу, дала бы своимъ представителямъ точныя инструкціи для немедленнаго заключенія мира *)...

Когда, благодаря энергіи Гамбетты, Фрейсине и другихъ сторонниковъ „войны до конца“ и безуспѣшному, но отчаянному сопротивленію импровизированныхъ армій (въ особенности луарской), боровшихся противъ завоевателей, Франція оправилась отъ первоначальнаго оцѣпенѣнія, патріотизмъ пробудился и въ провинціи. Но его проявленія далеко не носили общаго характера: ошеломленная первыми неудачами, привыкшая гораздо болѣе къ нападенію, чѣмъ къ защитѣ, легко переходящая отъ героизма къ малодушію, французская нація сочла все потеряннымъ; героизмъ жителей того или другого города, мѣстечка, селенія, только рѣзче подчеркивалъ широко распространенныя чувства страха, усталости, эгоистической покорности судьбѣ. Особенно отличался этимъ крестьянинъ, который, по выраженію Жеффруа, готовъ былъ отдать всю Францію за свой огородъ. Если и проявлялся героизмъ между ними, то по большей части въ формѣ мщенія за личное разореніе. Я напомню хотя бы повѣсть Альфонса Додэ „Робертъ Гельмонъ“, въ которой описывается именно такой герой, сначала, подобно другимъ крестьянамъ, смотрѣвшій на приближеніе войны „съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на своекорыстно-безстрастномъ лицѣ“ **), а затѣмъ отчаянно защищавшій свою ферму отъ враговъ, чуть было не повѣшенный ими и превратившійся послѣ разгрома въ настоящаго звѣря.

... Спрятавшись въ обломкахъ взорваннаго моста, питаясь сырой рѣпой и дикими сливами, я присутствовалъ при разграбленіи моего имущества: мои амбары опустошались; цѣлый день скрипѣлъ блокъ, на которомъ спускались сверху мѣшки съ хлѣбомъ; посреди двора горѣли дрова; зажигались большіе костры, вокругъ которыхъ распивали мое вино; а моя мебель и скотъ растаскивались по дорогамъ. Наконецъ, когда ничего не осталось, они отправились, гоня передъ собой кнутомъ мою послѣднюю корову, и подожгли домъ. Въ тотъ вечеръ, когда я обошелъ свое пепелище, когда, думая о дѣтяхъ, я разсчиталъ, что никогда мнѣ не нажить такого имущества, хоть бы я цѣлый вѣкъ надрывался надъ работой, то я обезумѣлъ отъ ярости. Какъ только я встрѣтилъ перваго пруссака на дорогѣ, я прыгнулъ на него, какъ дикій звѣрь, и перерѣзалъ ему горло вотъ этимъ (указывая на садовыя ножницы)... Съ того времени у меня только и есть одна мысль: охота за пруссаками. Я подстерегаю ихъ и ночью, и днемъ, бросаюсь и на отставшихъ солдатъ, и на

*) Emile Zevort, *La France sous le régime du Suffrage Universel*; Парижъ (1894), стр. 132.

**) Alphonse Daudet, *Robert Helmont. Journal d'un solitaire*; Парижъ, изд. Fayard'a 1897 г., стр. 5.

мародеровъ, на курьеровъ и на часовыхъ. Всѣхъ, что я убиваю, я оттаскиваю въ лѣсъ, въ каменоломни, или же бросаю въ воду. Вотъ это только и тяжело. А то они въ моихъ рукахъ тихи, какъ ягнята: что хочу, то и дѣлаю съ ними *).

Но, повторяю, даже и такой своекорыстный свирѣпый героизмъ былъ исключеніемъ. Большинство населенія не могло дождаться, когда кончится война, и готово было согласиться на любыя условія. Состоятельные люди изъ Парижа и провинціи старались уйти подальше отъ непріятеля и жить спокойно гдѣ-нибудь въ Пиринеяхъ, или въ отдаленной Бретани: морскія купанья отъ Сэнъ-Мало до Бреста пошли въ ходъ именно со времени „страшнаго года", когда многія богатыя семейства прожили на берегу Ламанша и Атлантическаго океана зиму и весну 1870—1871 г. и, затянувъ свое пребываніе до осени, вернулись во-свояси съ самыми лучшими воспоминаніями о мирно проведенномъ времени...

За исключеніемъ Парижа и нѣкоторыхъ другихъ большихъ центровъ, населеніе толкало правящія сферы къ скорѣйшему миру, а эти сферы и не желали ничего лучшаго. Я попрошу лишь читателя припомнить нѣкоторые всѣмъ извѣстные факты. Жюль Фавръ, тотъ самый фразистый Фавръ, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ гордо возвѣщалъ міру о своемъ рѣшеніи не уступить врагамъ „ни одного дюйма нашей территоріи, ни одного камня нашихъ крѣпостей", въ январѣ подносилъ Бисмарку ключи Парижа и заключалъ перемиріе съ такою стремительностью, что совсѣмъ позабылъ при этихъ переговорахъ о существованіи Восточной арміи и буквально погубилъ ее, а съ другой стороны— не предупредилъ даже бордосскую делегацію объ условіяхъ перемирія. Медоточивый Жюль Симонъ былъ спеціально отправленъ на югъ къ Гамбеттѣ, чтобы заставить послѣдняго отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія и подчиниться волѣ Бисмарка, который требовалъ отъ временнаго правительства скорѣйшаго созванія Національнаго собранія и вотировки мирнаго договора. Бордосское національное собраніе, выбранное 8-го февраля 1871 г. и состоявшее главнымъ образомъ изъ монархистовъ, съ необыкновенною готовностью приняло тяжелыя условія мира. И я помню, какъ въ одной страстной рѣчи, произнесенной въ 1890 г. на публичномъ собраніи, Гэдъ нарисовалъ разительную картину контраста между уполномоченными Франціи, Фавромъ и Пуйе-Кертье, которые весело чокались бокалами шампанскаго съ Бисмаркомъ при подписаніи франкфуртскаго договора (10-го мая 1871 г.) и тѣми „измѣнниками отечества", которые въ это самое время защищали въ Парижѣ республику противъ реакціонныхъ замысловъ тогдашней палаты.

Усталость; страхъ передъ дальнѣйшими лишеніями; желаніе

*) L. c., стр. 44.

во чтобы то ни стало покончить скорѣе съ необычнымъ положеніемъ вещей и вернуться къ мирному сидѣнію подъ смоковницей, обдѣлыванію дѣлишекъ и наживанію капиталовъ—таковы были чувства, наполнявшія въ то время душу средняго французскаго обывателя. Въ общемъ Франція переживала въ эту пору настроеніе почтенныхъ пассажировъ дилижанса въ знаменитомъ разсказѣ Мопассана „Boule de suif“: подъ внѣшними благообразными формами большинство крупныхъ и мелкихъ собственниковъ обуревалось самымъ свирѣпымъ эгоизмомъ и смотрѣло на энтузіастовъ борьбы съ такою же непріязнью и досадой, какъ уже упомянутые путешественники на камелію—патріотку...

И вотъ, когда миръ былъ заключенъ, а опасность миновала, когда дѣло уступило мѣсто словамъ и жестамъ, тутъ-то какъ разъ правящія сферы и занялись усердной пропагандой идеи реванша. Мы видѣли, что во время погрома героизмъ и безкорыстное стремленіе жертвовать частными интересами великому національному дѣлу были удѣломъ меньшинства; и что въ самомъ временномъ правительствѣ преобладающей нотой было желаніе мира во что бы то ни стало, принявшее, какъ извѣстно, въ началѣ 1871 г. такія формы, что Гамбетта заклеймилъ поведеніе своихъ товарищей по національной защитѣ въ Парижѣ словами „пагубное легкомысліе“. За то не успѣли еще засохнуть чернила па франкфуртскомъ договорѣ, какъ все то, что могло только держать перо или разглагольствовать среди превилегированныхъ сословій, пустилось въ самый неистовый патріотизмъ, или, вѣрнѣе, шовинизмъ. Казалось бы, эта точка зрѣнія могла послѣдовательно проводиться людьми, по меньшей мѣрѣ въ родѣ Гамбетты, которые обнаружили дѣйствительную готовность бороться съ врагомъ, когда было еще время. Не тутъ-то было: носителями идеи реванша явились поголовно всѣ представители имущихъ и правящихъ классовъ; и между тѣмъ, какъ передовая часть трудящихся массъ молчала, подавленная страшными воспоминаніями кровавой майской недѣли, бонапартисты и легитимисты, консервативные, умѣренные и радикальные республиканцы, всѣ старались наперевывъ проповѣдовать „мщеніе Тевтону“.

Особенно интересно прослѣдить въ этомъ отношеніи тѣ идеи, которыя спеціально пропагандировались среди подростающихъ поколѣній: повторяя пресловутую фразу, пущенную въ обращеніе по Европѣ послѣ австро-прусской войны и гласившую, что „побѣдилъ при Садовѣ прусскій школьный учитель“, правящія сферы Франціи обратили особое вниманіе на распространеніе идей реванша въ школѣ. „Республика безъ республиканцевъ“, столь дорогая сердцу Тьеровъ, Леоновъ Сэевъ и Дюфуровъ, смѣнялась республикой республиканцевъ и, одерживая побѣды надъ попытками монархическихъ партій, слегка двигалась справа налѣво; умѣренныя программы окрашивались нѣкоторыми радикальными

стремленіями; оппортунистская политика подвергалась сильному нападенію со стороны радикально-цезаристской демагогіи; республика, защищаемая всѣми искренними республиканцами, отбивала этотъ яростный напоръ, но проникалась консервативными элементами. И, однако, чрезъ всѣ эти различныя перипетіи двадцатипятилѣтняго существованія третьей республики, пропаганда реванша проходитъ красною нитью, лишь измѣняя степень своей рѣзкости сообразно временамъ и обстоятельствамъ.

Повторяю, никакой искренній защитникъ свободы и справедливости не можетъ относиться равнодушно къ тому насилію, которое совершила Германія надъ Франціей, отнявъ у послѣдней противъ ихъ воли болѣе полутора милліона живыхъ существъ; и мы знаемъ, что въ самой Германіи нашлись люди (Либкнехтъ и Бебель), которые въ самый разгаръ побѣды, среди всеобщаго опьяненія ею, не побоялись предостеречь свою страну противъ этого историческаго преступленія. Но что поражаетъ васъ въ пропагандѣ французами реванша, это, во-первыхъ, внутреннее противорѣчіе между дѣломъ и словомъ, обнаружившееся въ вяломъ сопротивленіи большинства страны, въ „преступномъ легкомысліи“ самого правительства, между тѣмъ какъ сейчасъ же по заключеніи мира шовинистская пропаганда настроилась по необыкновенно высокому діапазону; это, во вторыхъ, человѣконенавистническій и невозможно самохвальствующій характеръ упомянутой пропаганды. Считать врага звѣремъ и отказывать ему въ обыкновенныхъ человѣческихъ качествахъ потому только, что онъ побѣдитель, значитъ возводить въ квадратъ тотъ зоологическій элементъ, который и безъ того, къ сожалѣнію, проскидывается еще такъ ярко между различными народами. А распространяться на каждомъ шагу о своихъ достоинствахъ; считать себя избранной націей; вмѣнять свои пораженія въ непростительную вину, въ особо тяжкое преступленіе всему человѣчеству, которое не остановило руку нѣмцевъ,—значитъ обрекать себя на національное фанфаронство и исключать малѣйшую самокритику, которая во многихъ случаяхъ только и можетъ спасать какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлые народы. Если я являюсь жертвою чьей-либо несправедливости, я борюсь противъ этой несправедливости, не потому, что я умнѣе, лучше, благороднѣе другихъ, но потому, что несмотря на различіе—можетъ быть, не въ мою пользу—между мною и окружающими, я считаю свое человѣческое достоинство равносильнымъ достоинству какъ самаго великаго героя, такъ и самаго заурядного существа. Борясь противъ насилія, нація черпаетъ необходимую энергію не въ сознаніи своего превосходства надъ другими націями, а въ томъ, что она имѣетъ одинаковое съ ними право на свободу, жизнь и счастье...

Не такъ думаютъ французскіе „патріоты“. Ихъ возмущаетъ не насиліе вообще, а насиліе, совершенное надъ ними, и не потому, что оно насиліе, а потому, что какая-то обыкновенная нація осмѣ-

лилась поднять святотатственную руку на „великій“, на „единственно великій народъ“. Я даже не говорю ни о полусумасшедшихъ фанатикахъ шовинизма, въ родѣ Деруледа, ни объ арлекинахъ его, въ родѣ Милльвуа. Нѣтъ, прислушайтесь къ рѣчамъ оффиціальныхъ патріотовъ, которые представляютъ интеллигенцію третьей республики, напр., хотя бы къ публичной лекціи нѣкоего мосье Андрэ, инспектора народныхъ училищъ въ Реймсѣ и, стало быть, лица, дающаго направленіе пропагандѣ патріотизма въ школахъ. Какъ вамъ нравится такое восхваленіе своей родины, основанное на полнѣйшемъ игнорированіи заслугъ другихъ народовъ,

... Эту французскую землю многіе иностранцы предпочитаютъ даже своему собственному отечеству, не только по причинѣ ея красоты и ея богатства, но и вслѣдствіе вѣжливости, доброты, привѣтливости ея жителей и той свободы, которою она пользуется... Франція—храбрая нація... Что касается до ея мирной славы, то она стоитъ выше всѣхъ прочихъ. Какая страна можетъ привести столько именъ славныхъ ученыхъ, знаменитыхъ артистовъ? Какая страна произвела столько литературныхъ шедевровъ, написанныхъ на этомъ ясномъ, точномъ, элегантномъ, гармоничномъ, короче сказать, несравненномъ языкѣ? Франція — благородная страна: она всегда брала въ свои руки защиту угнетенныхъ и обнаруживала живое чувство состраданія ко всѣмъ слабымъ и обездоленнымъ... Франція, больше всѣхъ другихъ,—страна свободы. На основаніи всего этого мы и стараемся вкоренить въ душѣ дѣтей любовь къ французскому отечеству *).

Эта тирада, если бы даже выражала вполнѣ точно истину, можетъ считаться очень нескромной въ устахъ людей, которые являются въ данномъ случаѣ одновременно и тяжущейся стороной, и судьей: восхваленіе собственныхъ качествъ надо предоставить другимъ. А эти другіе скажутъ, что если дѣйствительно Франція въ моменты героизма и идейнаго энтузіазма вызываетъ восторгъ всѣхъ истинныхъ друзей политическаго и соціальнаго прогресса то въ другіе моменты, въ моменты ослѣпленія военной славой и національнаго тщеславія, ея роль бываетъ рѣшительно вредна въ развитіи человѣчества, и тѣмъ болѣе вредна, чѣмъ импульсивнѣе французская нація. Не мѣшаетъ припомнить хотя бы войны первой имперіи, которыя стоили человѣчеству столько милліоновъ полезныхъ работниковъ, и, кромѣ того, имѣли своею цѣлью и результатомъ нѣчто очень далекое отъ „защиты угнетенныхъ“.

Не мѣшаетъ, съ другой стороны, обратить вниманіе на то обстоятельство, что именно съ половины 80-хъ годовъ, когда шовинистская литература приняла форму широкой и мутной рѣки, оффиціальная Франція крайне мало заботится о „слабыхъ и угнетенныхъ“ какъ у себя дома, такъ и въ другихъ концахъ свѣта, а большинство органовъ печати даже прямо издѣвается надъ „донъкихотствомъ Франціи въ прошломъ“ и упорно приглашаетъ страну

*) M. André, *Conférence faite à Ay, 28 novembre 1891.*

жить исключительно „трезвой политикой интересовъ“. Выходитъ даже какъ будто, что въ современной Франціи находится въ обращеніи двѣ морали: одна для юношества, которая повторяетъ заѣзженныя фразы насчетъ благородства и безкорыстія французовъ; другая для взрослыхъ, которая проповѣдуетъ національной эгоизмъ.

Какъ бы то ни было, шовинистская теорія избраннаго народа приводитъ просвѣтителей юношества къ самому забавному противорѣчію. Иностранцамъ гг. наставники французской націи рекомендуютъ и, можно сказать, чуть не вмѣняютъ въ обязанность „любить Францію больше своей страны“ (см. выше г. Андрэ); они считаютъ это вполнѣ естественнымъ и даже подкрѣпляютъ эти взгляды въ головѣ учениковъ разными „максимами“, въ родѣ слѣдующей: „у всякаго человѣка двѣ родины: своя собственная и Франція“ *). Но горе французамъ, которые вздумали бы повернуть или даже просто расширить эту максиму, примѣняя ее къ другимъ странамъ! Предусмотрительный моралистъ обрушивается на своихъ маленькихъ соотечественниковъ горячей филиппикой противъ

космополитизма, или *преступнаго индифферентизма* того изъ насъ, кто не замѣчаетъ благодѣяній, которыми онъ обязанъ отечеству, и кто *не предпочитаетъ его всѣмъ иностраннымъ землямъ* **).

Мало того, онъ вбиваетъ въ головы малышей необходимость слѣдующаго обращенія съ иностранцами—вѣроятно, въ награду за любовь ихъ къ Франціи:

маленькіе французы... должны быть очень осторожны съ иностранцами, которые могутъ шпіонить между ними съ намѣреніемъ повредить ихъ отечеству ***).

И вся эта курьезная мораль, доходящая до шпіономаніи, вполнѣ естественно коренится во взглядѣ здѣшнихъ просвѣтителей на Францію, какъ на единственную страну въ мірѣ. Прислушайтесь еще къ слѣдующему восторженному гимну:

Франція, наше отечество, знала и прежде несравненное величіе. Богатство ея почвы, прелесть ея климата, справедливость ея законовъ, благородство ея чувствъ, ея поразительные успѣхи въ искусствахъ, литературѣ, наукахъ и промышленности, побѣды ея арміи и дѣянія ея великихъ людей сдѣлали изъ нея царицу цивилизованнаго міра. Увы! Франція испытывала также и ужасныя несчастія... Но она всегда оправлялась отъ своихъ бѣдствій, и въ настоящее время она славнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда бы то ни было ****).

Нечего удивляться, что, стоя на этой точкѣ зрѣнія, француз-

---

*) F. Lechantre. *Cours complet d'instruction morale et civique*; Сэнъ-Кантэнъ, 1896, стр. 33.

**) Ibid., стр. 31.

***) Ibid., стр. 31.

****) Ibid., стр. 32.

скій воспитатель юношества и прямо, и косвенно старается внушить будущимъ гражданамъ, что тѣ самыя „дѣянія“, которыя должны считаться славными и похвальными, если ихъ совершаютъ французы по отношенію къ другимъ народамъ, превращаются въ ужасныя преступленія, если эти другіе народы совершаютъ ихъ по отношенію къ французамъ. Возьмите, напр., такого наставника, который въ качествѣ бывшаго профессора университета, бывшаго министра и бывшаго президента палаты, долженъ отличаться умѣренностью и осторожностью: я говорю о Шарлѣ Дюпюи. Но вдумайтесь въ то, что говоритъ этотъ, можно сказать, столпъ оппортунистской республики. Развертываю его гражданскій катехизисъ морали и нахожу 40-й вопросъ: „учили-ли вы исторію Франціи“ *), на что ученикъ долженъ отвѣчать (для этого отвѣта я предпочитаю взять, какъ болѣе связную, книжку морали для самого учителя):

Я изучаю исторію Франціи: я знаю, что Франція всегда была храброй и благородной, что она всегда боролась среди народовъ за право, за человѣческое достоинство, за свободу и за справедливость. Вся жизнь ея полна славы. Въ 1870—1871 г. она, правда, была побѣждена, несмотря на доблесть своихъ солдатъ, и Эльзасъ съ Лотарингіей были вырваны у нея, какъ дѣти у матери. Но я вѣрю нашему учителю, который говоритъ намъ, что настанетъ день, когда эти дорогія провинціи снова вернутся къ намъ, и отечество будетъ попрежнему цѣльно **).

Итакъ, Франція была всегда благородна и всегда боролась за свободу и справедливость, что не мѣшало этому избранному народу, подобно прочимъ, грѣшнымъ націямъ, округлять свои владѣнія путемъ насилія и завоеваній. Откуда, напр., взялись хотя бы „дорогія провинціи“? Лотарингія, несмотря на всѣ усилія мѣстныхъ герцоговъ лавировать между Германіей и Франціей и спасти отъ алчности сильныхъ сосѣдей „независимое герцогство“ (*non incorparabilis ducatus*), въ теченіе почти всего XVII вѣка была опустошаема французскими арміями, пока, наконецъ, въ слѣдующемъ столѣтіи (а именно, по смерти герцога Станислава Лещинскаго, въ 1766 г.) не была окончательно прибрана къ рукамъ Франціей. Что касается до Эльзаса, то онъ былъ проглоченъ Франціей въ два пріема: по Вестфальскому договору (1648 г.), который далъ возможность французамъ вырвать у обезсиленной тридцатилѣтнею войною Германіи большую часть Эльзасской земли; и въ 1681 г., когда Лувуа внезапно захватилъ Страсбургъ—замѣтьте среди полнаго мира!—и закончилъ, такимъ образомъ, завоеваніе территоріи (подтвержденное Рисвикскимъ до-

*) Charles Dupuy, *L'année de certificat d'études. Livret de morale;* Парижъ, 1896, стр. 12.

**) Charles Dupuy, *Livret de morale. Opuscule du maître*; Парижъ, 1896, стр. 14—15.

говоромъ (1697 г.). Тоже, какъ видите, „дѣти вырывались у матери“! Конечно, можно на это сказать слѣдующее: разъ уже такое историческое насиліе было совершено, и разъ захваченныя силою провинціи настолько уже срослись съ Франціей, что тяготѣли къ ней вполнѣ сознательно, а не по принужденію только, то напрасно Германія возобновила тоже самое насиліе, но уже въ свою пользу, и дала новую пищу враждѣ двухъ націй. Но оба эти насилія, эти коллективныя преступленія, раздѣленныя промежуткомъ въ два столѣтія, ничѣмъ собственно не отличаются другъ отъ друга. И странно было бы признавать роль особенно обиженной страны за Франціей, которая такъ часто нисколько не стѣснялась прибѣгать къ завоеваніямъ и насиліямъ.

Но именно такая претензія и поддерживается до сихъ поръ въ населеніи „патріотической“ пропагандой господствующихъ классовъ, которые лишь въ моменты обостренія ими же раздуваемаго шовинизма спохватываются, что „улица“ заходитъ уже черезчуръ далеко и можетъ создать опасныя международныя усложненія. Подобно волшебнику восточныхъ сказаній, который вызвалъ магическимъ словомъ страшныхъ духовъ, но забылъ другое слово, чтобы прогнать ихъ, и трепещетъ передъ имъ же самимъ развязанными силами тьмы и злобы, французская буржуазія отъ времени до времени бьетъ тревогу и ужасается при видѣ звѣриныхъ проявленій шовинизма среди распропагандированныхъ ею слоевъ населенія. И эту вину ея передъ мирнымъ развитіемъ человѣчества усугубляетъ еще то обстоятельство, что воинственное настроеніе толпы вовсе, какъ мы видѣли, не было выраженіемъ настоящихъ чувствъ націи въ 1870—1871 г., а было вызвано мало-по-малу упорной и безпрестанной проповѣдью ненависти къ нѣмцу со стороны такъ называемыхъ пастырей народа.

Тутъ слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ особо печальныхъ условіяхъ этой пропаганды. Начать съ того, что, какъ уже мною было замѣчено выше, ей предавались чуть не всѣ фракціи республиканской партіи (за исключеніемъ самыхъ крайнихъ, да и эти въ послѣднее время все больше и больше поддаются теченію). И предавались, можно сказать, главнымъ образомъ, въ пику монархическимъ партіямъ. Уже неоднократно было замѣчено въ парламентарной исторіи Франціи, что, напр., радикальныя министерства ведутъ себя очень часто авторитарнѣе умѣренныхъ съ цѣлью показать имущимъ классамъ, что несмотря, молъ, на наши ужасъ какія передовыя программы, вы, господа, можете вполнѣ положиться на нашу энергію и нашъ „зажимъ“ (poigne), по части подавленія разныхъ противо-общественныхъ стремленій. Подобное же явленіе на болѣе широкой сценѣ обнаружилось и среди людей третьей республики, которые приняли на себя тяжелые долги Имперіи. Они хотѣли показать, что могутъ развить въ странѣ элементъ милитаризма почище всякой монархіи; что республика можетъ создать

военную организацію, не только не уступающую, но даже превышающую военныя организаціи предшествовавшихъ режимовъ. Имперія, молъ, ввергла васъ, о граждане, въ бездну злополучія и довела до національнаго пораженія; республика же обѣщаетъ вамъ самый блистательный реваншъ надъ нѣмцемъ!

Немудрено, что на этой почвѣ третья республика должна была скоро впасть во внутреннее противорѣчіе съ своими принципами. Ибо дѣло ясно: истинная республика должна главнымъ образомъ заботиться о рѣшеніи основныхъ задачъ демократіи, о возможно широкомъ развитіи общаго счастья и соціальной справедливости; миръ, искренній и прочный миръ съ сосѣдними народами, и неустанная работа у себя на дому въ области общественныхъ учрежденій—вотъ основная программа республиканскаго строя. Но крикливая и бьющая на эффектъ политика реванша представляетъ прямое отрицаніе такой программы. Представители старыхъ партій въ родѣ Кассаньяка совершенно справедливо указываютъ на противоположность республиканскаго принципа и „политики славы" (т. е. завоеваній для завоеваній). Къ несчастью, съ легкой руки Гамбетты республиканцы черезчуръ усердно принялись доказывать, что по части внѣшней славной политики республика будетъ даже куда выше монархіи. И это основное противорѣчіе вызвало немало второстепенныхъ противорѣчій, недомолвокъ и неискреннихъ фразъ.

Такъ, напр., третья республика устами своихъ представителей вотъ уже болѣе четверти вѣка повторяетъ, что она вернетъ Франціи то, что потеряла Имперія (читай: Эльзасъ и Лотарингію). Но тутъ является вопросъ: какимъ образомъ? Если протестомъ противъ совершенной несправедливости, то всякій врагъ насилія примкнетъ къ этому протесту; но, къ сожалѣнію, при данномъ положеніи вещей этого недостаточно: стѣны нѣмецкихъ крѣпостей не падутъ отъ звука іерихонскихъ трубъ, хотя бы онѣ разносили по всему міру самые краснорѣчивые звуки протеста. Новой войной съ нѣмцами, рѣшительной политикой реванша? Но тогда не говорите, что республика, если и занимается такъ усиленно военной организаціей, то исключительно въ интересахъ мира! Сами французы вмѣстѣ со всей Европой хорошо знаютъ, что Германія вовсе не желаетъ снова рисковать своимъ теперешнимъ положеніемъ въ интересахъ дальнѣйшихъ завоеваній, а охраняетъ лишь добытыя провинціи: всѣ старанія нѣмцевъ и сводятся къ тому, чтобы остаться на почвѣ франкфуртскаго договора; всѣ ихъ приготовленія, ихъ союзы ведутъ къ этой цѣли. Значитъ, когда французы продолжаютъ тратить каждый годъ по 900 милліоновъ и болѣе франковъ *) на армію и флотъ и въ то же время упорно твер-

*) Болѣе 880 милліоновъ въ 1897 г., не считая издержекъ на колоніальную армію.—Около 1 милліарда 22 милліоновъ (1.022.901,230 фр.) въ 1901 г.

дять о вѣчной опасности, грозящей имъ со стороны Германіи, то это выражаетъ лишь худо скрытое недовольство противъ нѣмцевъ, по поводу того, что они не даютъ имъ возможности легко устроить столь желанный реваншъ.

Эта недомолвка ведетъ за собою другую. Неискренняя политика правящихъ классовъ рано или поздно должна была повести къ коалиціи противъ Франціи тѣхъ государствъ, которыя стоятъ за statu quo. А эта коалиція должна была вызвать среди французовъ желаніе сблизиться съ Россіей; сближеніе же породило въ странѣ новое недоразумѣніе, которое эксплуатируется людьми, стоящими у власти. Дѣйствительно, не нужно быть особенно глубокимъ политикомъ, чтобы понять, что Россія можетъ находить интересъ въ поддержаніи такъ называемаго европейскаго равновѣсія и противодѣйствіи гегемоніи германской имперіи на континентѣ; но что она во всякомъ случаѣ не пойдетъ за Франціей, если этой послѣдней придетъ въ голову поставить на карту реванша миръ всей Европы. Тутъ несомнѣнно дороги двухъ „дружественныхъ націй" начинаютъ расходиться; и Россія скорѣе придержитъ, чѣмъ толкнетъ свою союзницу по этому опасному пути. Но во Франціи и оффиціальные, и добровольные „патріоты" всячески стараются дать понять странѣ, что союзъ съ Россіей именно и обозначаетъ болѣе или менѣе близкое торжество идей реванша. Они, правда, не могутъ сказать этого прямо, ибо политическій партнеръ могъ бы сейчасъ же опровергнуть это воинственное истолкованіе мирнаго договора; но они дѣлаютъ это косвенно, многозначительно подмигивая глазомъ наивной публикѣ и давая понять, что у нихъ хранятся на этотъ счетъ самые убѣдительные документы. Достаточно прислушаться ко всѣмъ этимъ „тсс!" и „шш!", которые раздаются въ палатѣ и печати всякій разъ, когда какой-нибудь нетерпѣливый патріотъ или, наоборотъ, политическій скептикъ ставитъ прямой вопросъ насчетъ того, какъ же теперь дѣло обстоитъ съ реваншемъ...

Тутъ будетъ вполнѣ кстати коснуться того отношенія къ Россіи, какое замѣчается у средняго француза: на этомъ пунктѣ яснѣе всего виденъ вполнѣ эгоистичный, не согрѣтый никакою высшею идеею характеръ франко-русскаго союза. И вотъ я долженъ, къ прискорбію, сознаться, что отношеніе французовъ къ намъ, русскимъ, несмотря на дѣланную восторженность и обязательные комплименты, совершенно чуждо истинной симпатіи. По странной ироніи исторіи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда о русскомъ союзѣ мало кто здѣсь думалъ, замѣчалось довольно сильное идейное увлеченіе Россіею; и наши великіе художники, Толстой, Достоевскій, Щедринъ (уже не говоря о Тургеневѣ, издавна знакомомъ французамъ), читались на расхватъ. Но въ настоящее время, когда, казалось бы, Франція связана съ Россіею самыми тѣсными политическими узами, знакомство съ нашей ли-

тературой считается чуть не признакомъ претенціознаго педантизма или, какъ выражаются англоманствующіе французы, „снобизма“. Ихъ интересуетъ не вся Россія въ цѣломъ, не жизнь нашего народа съ его радостями и горестями и не жизнь нашей интеллигенціи съ ея идеалами и разочарованіями: военная сила громадной имперіи—вотъ что исключительно останавливаетъ на себѣ вниманіе французовъ. Поговорите съ обыкновеннымъ здѣшнимъ гражданиномъ на счетъ Россіи, и онъ черезъ четверть часа нарисуетъ вамъ такую идиллію: новый Персей во образѣ громаднаго русскаго казака съ бородой и на конѣ пронзаетъ копьемъ германскаго змѣя и освобождаетъ (въ союзѣ съ проворнымъ французскимъ „солдатикомъ“—pioupiou) цѣлую пару плачущихъ сестеръ Андромедъ,—Эльзасъ и Лотарингію (Alsace, какъ извѣстно, по французски женскаго рода). Засимъ благородный французъ—побѣдитель братается съ нѣмцемъ и рыцарски утѣшаетъ его въ пораженіи; а бородатый казакъ, дружески кивнувъ помирившимся камрадамъ, садится на своего донского коня и исчезаетъ за горизонтомъ по направленію къ востоку... чтобы уже больше не мѣшаться въ сложныя западныя дѣла...

Но пока въ головѣ средняго француза поэзія справляетъ эти воздушныя оргіи, проза здѣшней жизни идетъ своимъ чередомъ, и безпристрастному наблюдателю приходится отмѣтить еще одну, уже трагикомичную сторону французскаго шовинизма. По мѣрѣ того, какъ широкіе слои населенія, увлеченные пропагандой правящихъ классовъ, все нетерпѣливѣе и шумнѣе выражаютъ свой „патріотизмъ“ и надежду на скорый реваншъ, наиболѣе трезвые между самими виновниками пропаганды все менѣе и менѣе вѣрятъ въ возможность возврата утраченныхъ провинцій. Эти здравые политики ясно видятъ, что „великій утѣшитель—время“, какъ говаривалъ Вольтеръ, дѣлаетъ неустанно свое дѣло: высыхаютъ слезы, ветшаетъ и сваливается по немногу трауръ, все рѣже и рѣже смущаетъ живыхъ людей появленіе дорогого призрака; а тутъ, на мѣстѣ снесенныхъ бурей деревьевъ, выростаютъ свѣжіе побѣги, и снова „младая будетъ жизнь играть“, и снова зазвучитъ смѣхъ и зацвѣтетъ радость...

Мнѣ приходилось говорить, что называется, по душѣ съ умными французами. Не одинъ изъ нихъ,—разумѣется, подъ секретомъ,—признавался, что лично онъ ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, всѣмъ французамъ станетъ видно, что въ Эльзасъ-Лотарингіи подымается и выростаетъ новое поколѣніе, чуждое тѣхъ крайностей злобы противъ побѣдителя, которую питали ихъ отцы; что каждый годъ работаетъ въ этомъ направленіи; что, въ концѣ концовъ, черезъ десятокъ—другой лѣтъ желать возврата потерянныхъ провинцій, а тѣмъ болѣе добиваться этого силою, будетъ означать такую же несправедливость, какую совершили сами нѣмцы, отнявъ сросшіяся съ Франціей земли. Это уже начинаетъ,

какъ оказывается, чувствоваться жителями завоеванныхъ территорій, и послѣдніе годы сознаніе безполезности идеи реванша и новой войны проникаетъ даже въ тѣ сферы, которыя еще недавно отличались своею непримиримостью *). И вотъ наиболѣе разумная часть французской интеллигенціи тайно призываетъ всѣми силами души наступленіе того момента, когда кошмаръ реванша исчезнетъ изъ франко-германскихъ отношеній и напряженное стояніе подъ ружьемъ обѣихъ націй смѣнится мирнымъ и производительнымъ трудомъ обоихъ сосѣдей.

Но къ этимъ гуманнымъ соображеніямъ у извѣстной части французской буржуазіи примѣшиваются корыстные разсчеты, которые въ свою очередь работаютъ въ пользу сохраненія Эльзаса и Лотарингіи въ составѣ имперскихъ земель. Поговорите съ глазу на глазъ съ владѣльцами бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ заведеній въ Руанѣ, Лиллѣ, Рубэ, Реймсѣ, Шалонѣ-на Марнѣ, Труа и т. п. Они признаются вамъ, что перспектива присоединенія потерянныхъ провинцій къ Франціи не только не обрадовала бы, но прямо испугала бы ихъ: теперь они защищены таможенной стѣной отъ конкурренціи знаменитой хлопчатобумажной промышленности въ Эльзасѣ (сконцентрированной главнымъ образомъ въ Мюльгаузенѣ); пусть рухнетъ этотъ экономическій брустверъ—и патріотическіе крики ликованія утонутъ въ вопляхъ и жалобахъ фабрикантовъ Нормандіи, Фландріи и Шампани.

Такъ и идеальныя, и низменныя стремленія начинаютъ подрывать шовинизмъ среди представителей буржуазіи. Но именно въ послѣдніе десять лѣтъ, когда внутренняя вѣра въ полезность „патріотической“ пропаганды все болѣе и болѣе исчезаетъ у самихъ проповѣдниковъ, они принуждены публично растекаться въ самыхъ пылкихъ и невѣроятно-напыщенныхъ фразахъ насчетъ вѣчной и непримиримой вражды къ нѣмцу. А принуждены, опять таки говорю, потому, что, развинтивъ нервы, отравивъ душу населенія наркотическими снадобьями шовинизма, они не могутъ, подъ страхомъ прослыть за измѣнниковъ, прекратить это дальнѣйшее отравленіе народа. Это — знаменитый психо-физическій законъ Фехнера, приложенный къ цѣлой націи: и у этой послѣдней „ощущеніе возрастаетъ лишь, какъ логариѳмъ раздраженія“. Можете себѣ представить, въ какой степени профессіональные „патріоты“ должны повышать свой голосъ и усиливать человѣконенавистническій характеръ своей проповѣди, чтобы щипнуть нервы привычныхъ слушателей сильнѣе своихъ конкуррентовъ, имъ же имя теперь легіонъ. Мы разъ уже присутствовали при взрывѣ самой грязной полемики и взаимнаго обвиненія въ измѣнѣ отечеству:

*) Укажу, сверхъ того, на тяжесть налоговъ во Франціи сравнительно съ Германіей, вслѣдствіе чего жителей присоединенныхъ провинцій не можетъ особенно тянуть къ прежнему отечеству.

то было въ пору буланжизма, затѣмъ во время Панамы; на этихъ дняхъ намъ пришлось снова пережить эту пляску св. Витта по поводу процесса Золя. Все это какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей...

Мнѣ бы хотѣлось лишь коснуться теперь одной спеціальной черты французскаго шовинизма, которая отличаетъ его отъ шовинизма другихъ націй. Собственно я уже упомянулъ о ней мимоходомъ выше, но считаю полезнымъ остановиться здѣсь нѣсколько на ней: я говорю о положительномъ обоготвореніи арміи или, вѣрнѣе, военнаго мундира, „султана" (panache), какъ выражаются французы. И другія націи могутъ въ извѣстныя времена и при извѣстныхъ обстоятельствахъ заходить въ самообожаніи такъ далеко, что законный патріотизмъ превращается у нихъ въ крикливый и несносный шовинизмъ. Но однѣ хвалятся при этомъ неподкупностью своей юстиціи, другія—блескомъ своей литературы, третьи—политическимъ величіемъ, и пр. Французамъ же третьей республики выпало на долю, не отличаясь скромностью по части вышеупомянутыхъ пунктовъ, выдѣлить особо изъ прочихъ элементовъ государственной и общественной жизни элементъ военный и окружить его тройнымъ ореоломъ. Въ своемъ этюдѣ о „Шовинистской и клерикальной реакціи" (см. выше) я привелъ нѣсколько типичныхъ образчиковъ этого спеціальнаго культа арміи: я указалъ, съ какимъ восторгомъ нація возводитъ въ рангъ національныхъ героевъ разныхъ генераловъ, которые пожинали лавры не на поляхъ битвъ съ Германіей, а на улицахъ Парижа, среди бѣдствій гражданской войны; я цитировалъ комичныя фразы республиканцевъ, которые ничуть не хуже приверженцевъ стараго режима увѣряютъ насъ, будто до сихъ поръ настоящее понятіе о чести сохранилось лишь въ арміи, и т. д. Возвращаться снова къ этому я не буду...

Армія перестаетъ быть очень полезнымъ, если хотите, временами необходимымъ, но все же обыкновеннымъ человѣческимъ учрежденіемъ и превращается въ метафизическое божественное существо, не подлежащее ни критикѣ, ни даже простой оцѣнкѣ. Что папа для изувѣра—католика, то армія для французскаго шовиниста! И хотите знать, откуда порою слышатся протесты противъ такого ужасающаго взгляда на военный элементъ? Со столбцовъ бонапартистской газеты „L'Autorité", гдѣ Кассаньякъ, этотъ яростный апологетъ арміи и непримиримый врагъ республики, жалуется тѣмъ не менѣе на рабское отношеніе парламента къ проектамъ и предложеніямъ военнаго министерства: „въ самомъ дѣлѣ", такъ говорилъ приблизительно уже не одинъ разъ этотъ закоренѣлый защитникъ Имперіи, „въ самомъ дѣлѣ, мы все упрекаемъ нѣмцевъ въ лакействѣ передъ милитаризмомъ, но въ Берлинѣ проекты военнаго министерства все же обсуждаются въ парламентѣ

и порою пересматриваются правительствомъ и даже берутся назадъ подъ давленіемъ оппозиціи; а у насъ, въ странѣ парламентарной болтовни par excellence, стоитъ только военному министру выйти на трибуну и сказать нѣсколько словъ, какъ сейчасъ же со всѣхъ скамей палаты раздаются крики: браво! браво! и депутаты вотируютъ какую-нибудь глупость, какъ одинъ человѣкъ"...

И это совершенно естественно: я уже указывалъ, какъ съ самыхъ первыхъ дней своего существованія республика задалась цѣлью убѣдить гражданъ, что по части милитаризма она даже превзойдетъ монархію, и за эти двадцать восемь лѣтъ можно было, дѣйствительно, насмотрѣться вдосталь и на курьезныя, и на глубоко горестныя вещи. Я, конечно, не говорю объ обязательной воинской повинности, которая была введена здѣсь вскорѣ послѣ несчастной войны: тутъ Франція, подобно другимъ европейскимъ государствамъ, подчинялась необходимости. Но кому пришлось въ это время жить по сю сторону Рейна, тотъ не забудетъ ни пресловутыхъ школьныхъ батальоновъ, состоявшихъ изъ дѣтей и маршировавшихъ на смотру въ день національнаго праздника (нынѣ бюджетные дефициты положили конецъ этой воинственной забавѣ); ни многочисленныхъ гимнастическихъ обществъ, члены которыхъ ломались на трапеціяхъ и горизонтальныхъ брусахъ во славу отечества; ни оглушительной игры на солдатскихъ рожкахъ, которой граждане предавались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; ни той пропаганды національной свирѣпости и военнаго пыла въ школахъ, которая, можно сказать, испортила цѣлое поколѣніе. Присмотритесь, дѣйствительно, къ тому, что проповѣдуется въ школьныхъ хрестоматіяхъ и книгахъ для чтенія.

Развертываю, напр., очень популярный „сборникъ патріотическихъ разсказовъ и уроковъ", носящій заглавіе: „Ты будешь солдатомъ" и принадлежащій боевому перу нѣкоего г. Эмиля Лависса, „капитана въ 8-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ". Чтобы показать, какимъ успѣхомъ пользуется эта книжка въ школахъ, достаточно упомянуть, что у меня въ рукахъ ея 13-е изданіе *). Цѣль ея достаточно видна уже изъ предисловія:

Поучая дѣтей тѣмъ бѣдствіямъ, которыя претерпѣвали французскіе солдаты въ нѣмецкомъ плѣну, разсказывая имъ о страданіяхъ отечества, повторяя имъ на каждомъ шагу, чего стоило намъ нашествіе нѣмцевъ, я хотѣлъ тронуть (озлобить, г. Лависсъ?) ихъ сердце и укрѣпить въ нихъ любовь къ отечеству (ненависть къ Германіи?).

Но чтеніе самой книжки еще поучительнѣе. Здѣсь на цѣлыхъ трехстахъ страницахъ развертываются различныя односторонне подобранныя и ложно подтасованныя сцены главнымъ образомъ изъ послѣдней войны, сцены, изъ которыхъ явствуетъ, напр., что

*) Emile Lavisse, *Tu seras soldat. Récits et leçons patriotiques d'instruction et d'éducation militaires*; Парижъ, 1897.

нѣмцы—настоящіе звѣри, которые всячески мучаютъ плѣнниковъ и истязаютъ даже сумасшедшихъ (стр. 18—19), тогда какъ французы отличаются неизмѣнно „великодушнымъ сердцемъ“ (см. о „générosité d'un coeur français“ на стр. 23), неспособны даже къ военному шпіонству вслѣдствіе „нашего честнаго и открытаго характера“ (стр. 112) и вообще представляютъ собою идеальный народъ въ мірѣ. Но иногда у патріотическаго автора вырываются, очевидно, безсознательно, многозначительныя признанія, которыя рисуютъ въ странномъ свѣтѣ „великодушіе французскаго сердца“. Рекомендую, между прочимъ, читателю обратить вниманіе на французскую солдатскую пѣсню (заимствованную изъ мемуаровъ капитана Куанье), которая, по мнѣнію мосье Левисса, должна, конечно, „трогать дѣтское сердце“:

On va leur percer le flanc,
Ran-tan, ran-tan-plan, tire-lire!
On va leur percer le flanc,—
Que nous allons rire!...

т. е.: „имъ проткнутъ бокъ, тра-та-та! имъ проткнутъ бокъ: то-то мы посмѣемся...“

Вы скажете: что-жъ, изъ пѣсни слова не выкинешь; это—безхитростная солдатская пѣсня, имѣющая свою исторію, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы она особенно рекомендовалась подростающему поколѣнію третьей республики. Да, читатель? Но теперь послушайте, что распѣваютъ, что принуждены распѣвать по командѣ учителя дѣти въ народныхъ школахъ въ лѣто Божіею милостью 1898-е. Передо мною сборникъ „народныхъ пѣсенъ для школъ“ г. Мориса Бушора *), положенныхъ на музыку г. Жюльеномъ Тьерсо. Пѣсня тринадцатая, или „пѣснь меча“. Въ ключѣ три діеза и обозначеніе „очень энергично“; темпъ двѣ четверти. Начинаемъ: до-до-си-до-фа и т. д.

Chant du glaive de bataille,
Cher au dur guerrier!
Il fera plus d'une entaille,
Il fera crier!
Tann! tann! dir! oh! dir!
Bois le sang et mords la chair.
Tu vas resplendir,
Glaive au rouge éclair! **).

т. е.: „о тебѣ пѣснь, о, боевой мечъ, отрада суроваго воителя! Не одну рану нанесетъ онъ, не одинъ исторгнетъ крикъ!.. Трахъ-

*) Нынѣ Морисъ Бушоръ, подобно немалому числу другихъ искреннихъ и интеллигентныхъ буржуа, стоитъ въ рядахъ соціалистовъ и обработываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ исключительно мирные мотивы: торжество царства труда и справедливости, и т. п.

**) Maurice Bouchor et Julien Tiersot, *Chants populaires pour Ecoles*; Парижъ, 1897, стр. 18.

трахъ... Пей кровь и кусай тѣло! Ты заблестишь, мой мечъ, обвитый кровавой молніей!..“

Представьте же себѣ всю эту массу свирѣпой поэзіи и прозы, которая болѣе двадцати пяти лѣтъ преподносится націи ея руководителями, и вы нисколько не удивитесь, что, напр., на процессѣ Золя большинство публики вело себя настоящими „каннибалами“, какъ вырвалось у романиста при видѣ этой пляски краснокожихъ въ самомъ залѣ суда. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать дѣйствіе, производимое на французовъ приближающимися звуками военной музыки и появленіемъ красныхъ панталонъ. Вся улица, ротозѣи и идущіе по своимъ дѣламъ, торговцы и покупатели, мужчины и женщины, сбѣгаются и останавливаются шпалерами по тротуарамъ, чтобы впиться восторженнымъ взоромъ въ проходящіе ряды солдатъ, въ то время, какъ цѣлая туча мальчишекъ несется съ боковъ отряда и пресерьезно старается вытягивать маленькія ноженки, чтобы идти въ тактъ съ арміей. А если тутъ еще проѣдетъ офицеръ на конѣ, восторгамъ и умиленію нѣтъ конца: можно прямо подумать, что передъ нами парадируетъ герой, который возвратилъ Франціи по меньшей мѣрѣ десятокъ Эльзасовъ и Лотарингій. Не спорю, что это восхищеніе носитъ въ значительной степени реторическій и платоническій характеръ: такъ, тѣ самые приказчики и ресторанные лакеи, которые готовы, кажется, лопнуть отъ энтузіазма при видѣ солдатъ, лишь только сами попадаютъ въ казарму, начинаютъ клясть военную службу и ждутъ не дождутся, когда заплатятъ „священный долгъ отечеству“; и тѣ самые семинаристы и студенты-патріоты, которые готовы были растерзать Золя за якобы оскорбленную „честь арміи“, съ необыкновеннымъ, но мало патріотическимъ усердіемъ защищаютъ свою привилегію служить всего годъ солдатомъ (вмѣсто трехъ). Но если этого реторическаго и платоническаго патріотизма недостаточно, чтобы побѣдить нѣмца, то его хватитъ на то, чтобы разнести цѣлой толпой безоружнаго человѣка, который осмѣлился крикнуть: „да здравствуетъ республика“, вмѣсто теперешняго патріотическаго крика: „да здравствуетъ Эстергази!“ А это мы и видѣли въ теченіе двухъ недѣль на улицахъ Парижа...

Мнѣ собственно остается прибавить одинъ лишній штрихъ къ набросанной мною картинѣ „патріотической Франціи“ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ: я разумѣю антисемитизмъ, который становится все болѣе и болѣе признакомъ крикливаго шовинизма. Но въ этомъ вопросѣ нельзя скользить по поверхности, а слѣдуетъ взять его нѣсколько глубже, и вотъ каково мое мнѣніе на этотъ счетъ. Во Франціи антисемитизмъ не имѣетъ корней въ широкихъ слояхъ населенія. Можно говорить еще о враждѣ туземцевъ къ евреямъ въ Алжиріи, гдѣ капиталистическая цивилизація, разрушающая племенной и общинный строй арабовъ, явилась передъ

наивными „сынами пустыни“ во образѣ еврея-ростовщика. Но въ самой Франціи надо быть усерднымъ читателемъ „соціологической“ галиматьи Дрюмона, чтобы видѣть въ здѣшнихъ евреяхъ „національную опасность“. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ лично, можно сказать, совсѣмъ не знаетъ еврея и почти не сталкивается съ нимъ. Для рабочаго еврейскій вопросъ тоже не существуетъ, ибо въ сферѣ промышленности христіанскій капиталъ играетъ выдающуюся роль. Въ самой аристократіи часть благородныхъ графовъ и бароновъ, дѣйствительно, пылаютъ къ еврею ненавистью, ненавистью несостоятельнаго должника, но другая часть съ восторгомъ женится на еврейскихъ милліонахъ и отдаетъ своихъ дочерей за богатыхъ сыновъ Сима (одна газета насчитала недавно около тридцати самыхъ аристократическихъ фамилій, вродѣ принца де-Линь или герцога де-ла-Рошфуко-Бизаччіа, близко породнившихся съ евреями). И остаются въ сущности извѣстные слои буржуазіи, по преимуществу спекулирующей на биржѣ, да довольно значительное меньшинство интеллигенціи, которые ненавидятъ въ евреяхъ своихъ болѣе способныхъ и болѣе счастливыхъ соперниковъ,—одни на поприщѣ финансоваго пиратства, другіе въ сферѣ умственнаго труда, въ либеральныхъ профессіяхъ или на государственныхъ должностяхъ.

Таково настоящее положеніе вещей, свидѣтельствующее о томъ, что еврейскій вопросъ именно не существуетъ во Франціи въ качествѣ „національнаго“ вопроса. Но постепенное развитіе шовинизма въ связи съ угрожающимъ движеніемъ все усиливающейся католической реакціи (о чемъ я говорилъ неоднократно), должно было рано или поздно придать очень узкому и ограниченному теченію фиктивные размѣры народнаго потока и якобы повсемѣстнаго возмущенія противъ евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди третьей республики вотъ уже четверть вѣка занимаются культивированіемъ шовинизма въ массахъ и натравливаніемъ ихъ на нѣмцевъ, затѣмъ на англичанъ, на итальянцевъ и т. д. Что же удивительнаго, если населеніе, пріобрѣтя вкусъ къ „патріотическому“ сыску и открытію повсюду враговъ отечества, занялось выискиваніемъ „чуждыхъ элементовъ“ у себя дома и нашло ихъ во французскихъ гражданахъ, имѣющихъ несчастіе отличаться своимъ культомъ или, вѣрнѣе, нѣкоторыми своими традиціями и привычками отъ большинства населенія? Присоедините къ этому крахъ буржуазнаго либерализма и свободомыслія, смѣнившагося кокетничаніемъ съ „новымъ духомъ“, умиленіемъ передъ „великими соціальными достоинствами“ католицизма, и вы поймете, почему во Франціи конца XIX-го вѣка сталъ возможенъ дикій крикъ: „долой жидовъ!“ Воображаю, что теперь должны испытывать крупные оппортунисты изъ евреевъ, ну, напримѣръ, хотя бы Жозефъ Рэйнакъ, который цѣлую четверть вѣка неистово щипалъ гитару патріотизма, обличалъ интернаціоналистовъ, „не имѣющихъ отечества“ (sans patrie),

а послѣдніе пять лѣтъ съ необыкновеннымъ усердіемъ проповѣдовалъ „мудрую и умѣренную политику“ примиренія съ католицизмомъ! Вотъ уже можно сказать, что выковалъ цѣпи для своихъ же рукъ!..

Но погодите, крикъ „долой жидовъ“ означаетъ лишь начало „истинно-національной“ политики: этотъ крикъ естественно вызываетъ за собой крики „долой протестантовъ“, „долой свободныхъ мыслителей“, „долой“ всѣхъ, кромѣ шовинистовъ и католиковъ! И „французы Франціи“ идутъ на предстоящіе выборы подъ этимъ знаменемъ. Но дѣйствительно ли удастся восторжествовать этому новому буланжизму надъ истинно республиканской Франціей, это будетъ зависѣть отъ поведенія наиболѣе передовыхъ группъ населенія; группы же эти, къ сожалѣнію, держатся до сихъ поръ въ выжидательномъ положеніи.

Мнѣ хотѣлось бы сказать въ заключеніе кое-что о самомъ процессѣ Золя и о тѣхъ соображеніяхъ, которыя онъ вызываетъ. Я, конечно, не могу брать на себя роль газетнаго корреспондента или репортера, повторяющаго, словно фонографъ, читателямъ ежедневной печати всѣ звуки и отголоски, которые родятся среди потрясенной общественной атмосферы. Вѣрный своему обычному пріему, я пытался и въ этой статьѣ по поводу частныхъ, хотя и крупныхъ, событій разобраться въ общихъ, „длящихся“ причинахъ тѣхъ поразившихъ весь міръ явленій, ареной которыхъ была Франція и особенно Парижъ. Но—читатель вправѣ ждать отъ меня личнаго впечатлѣнія. И что же? Тяжело это впечатлѣніе, но не совсѣмъ неожиданно. И весь процессъ, и осужденіе Золя, возмутившее всѣхъ истинныхъ друзей справедливости и прогресса, вполнѣ въ порядкѣ вещей. Мы видѣли, что шовинизмъ и милитаризмъ двѣ органическія болѣзни современной Франціи; а въ послѣднее время онѣ обострились и приняли спеціально злокачественный характеръ подъ вліяніемъ католической реакціи и проповѣди антисемитизма со стороны отживающихъ партій. Золя своимъ не-академическимъ, но благороднымъ въ самой рѣзкости движеніемъ сорвалъ мнимо-патріотическую трехцвѣтную повязку съ этого гноища: вы можете себѣ представить, какіе свирѣпые скачки, какія извиванья и кувырканья должны были продѣлывать выставленные на яркій дневной свѣтъ всѣ эти бациллы, бактеріи и вибріоны, питающіеся болѣзненными процессами, въ общемъ, все же здоровой и сильной націи. Коснуться ихъ—значило, видите-ли, оскорбить всю Францію; позволить себѣ усомниться въ ихъ паразитной натурѣ—значило стать измѣнникомъ отечества. Съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ и интересно дѣло Золя, какъ интересны событія, подготовившія его.

Возьмите самый процессъ Дрейфуса. Вопросъ не въ томъ, дѣйствительно ли измѣнилъ капитанъ: можетъ быть, измѣнилъ, а,

можетъ быть, и нѣтъ,—вотъ все, что можно сказать пока; вопросъ въ томъ, что онъ былъ противозаконно осужденъ. Сердцевѣдцы генеральнаго штаба пытаются играть на психологіи толпы, увѣряя ее, что невозможно допустить, чтобы Дрейфусъ былъ невиненъ, разъ онъ былъ осужденъ своими товарищами. Великолѣпный аргументъ! Да кто же не знаетъ въ Парижѣ, что бывшій въ то время военнымъ министромъ генералъ Мерсье представляетъ собою наилучшее украшеніе той „іезуитни" (jésuitière) съ улицы св. Доминика, которую Золя заклеймилъ въ своемъ письмѣ? Что упомянутый генералъ—яростный антисемитъ, и, въ качествѣ таковаго, различаетъ совершенно во вкусѣ Дрюмона „еврейскія шпаги" въ арміи отъ „истинно французскихъ шпагъ"? Что онъ, загипнотизированный ненавистью къ семитамъ, рѣшилъ переломить одну изъ „еврейскихъ" шпагъ надъ головою, можетъ быть, невиннаго человѣка и хвастался чуть не публично, что надѣется послѣ такого „спасительнаго" примѣра на выходъ изъ арміи всѣхъ „жидовъ"? Но каковъ попъ, таковъ и приходъ: опять-таки, кто же не знаетъ, что громадное большинство офицеровъ, „товарищей" Дрейфуса, ревностные клерикалы, проходящіе черезъ католическія частныя гимназіи, вродѣ шикарнаго „коллежа" Станислава и реакціонную Сэн-Сирскую школу? У такихъ людей должно было существовать естественное предубѣжденіе противъ еврея, который, кромѣ того, какъ говорятъ, отличался способностями и могъ стать имъ опаснымъ конкуррентомъ по части карьеры. Достаточно было чтобы на эту благопріятную почву предубѣжденія упало малѣйшее зерно подозрѣнія—и вотъ вамъ готова „измѣна", вотъ вамъ найденъ „Іуда—предатель". А тутъ вѣдь генераломъ Мерсье было брошено не простое зерно подозрѣнія, а чуть не прямое предписаніе „патріотическаго" обвиненія!..

Теперь возьмите пресловутый секретный документъ, рѣшившій судьбу злополучнаго капитана и—замѣтьте это!—представленный судьямъ совершенно противозаконно, втихомолку отъ Дрейфуса и его защитника. И опять-таки, кто теперь не знаетъ здѣсь, какую юридическую важность придавать этой бумажонкѣ? Послѣ процесса Золя языки развязались; любой журналистъ и политиканъ даже изъ враждебнаго Дрейфусу лагеря признается вамъ,—конечно, въ интимной бесѣдѣ,—что упомянутый документъ, дѣйствительно, фальшивый. Онъ поддѣланъ Эстергази, по приказанію начальства, которое, молъ, имѣло противъ Дрейфуса самыя вѣскія, но, къ сожалѣнію, лишь нравственныя, а не юридическія улики, и за неимѣніемъ таковыхъ заставило своего агента сдѣлать настоящій подлогъ.

Очевидно, Золя хорошо зналъ это обстоятельство, когда онъ написалъ свой—отнынѣ историческій протестъ. Но надо было видѣть поразительный эффектъ, произведенный этимъ письмомъ въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ: радостное изумленіе среди защит-

никовъ попранной справедливости; и неистовую ярость противниковъ пересмотра процесса. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ можно было даже надѣяться, что этотъ актъ гражданскаго мужества и личной иниціативы пробудитъ уснувшій въ послѣдніе годы идейный энтузіазмъ среди передовыхъ слоевъ населенія и прокатится призывомъ по всей Франціи... Увы, четверть вѣка шовинистской и милитаристской пропаганды, десять лѣтъ все усиливающейся католической реакціи и проповѣди антисемитизма сдѣлали свое дѣло: защита еврея; нападеніе на клерикализмъ высшихъ военныхъ чиновъ; обвиненіе генеральнаго штаба въ легкомысліи и упорствѣ,—все это показалось „улицѣ" рядомъ тяжелыхъ преступленій. И какъ былъ типиченъ составъ этой бушевавшей улицы въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ: студенты—католики и студенты—шовинисты; мелкая буржуазія,—приказчики, маленькіе чиновники и маленькіе рантье; военные въ штатскомъ; прислуга, разносчики, семинаристы и воспитанники католическихъ гимназій, и, наконецъ, та накипь, тѣ шлаки городского населенія, которые соотвѣтствуютъ нашимъ „босякамъ" и „золоторотцамъ". То тамъ, то сямъ, среди этой свирѣпой и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливой толпы, кричащей „ура, полиція" при приближеніи городовыхъ, замѣчаешь профессіональнаго агитатора—антисемита, въ родѣ пресловутаго Герэна, или члена гимнастическо-патріотическаго общества... Настоящаго „народа" большихъ центровъ, т. е. рабочаго населенія предмѣстій, нѣтъ и помину: въ то время, какъ болѣе или менѣе праздная „улица" манифестируетъ, рабочій остается возлѣ станка или передъ доменной печью, подавленный заботами о пропитаніи семьи. Дѣло происходитъ по большей части днемъ: броситъ-ли настоящій рабочій свою работу, чтобы цѣлыми часами шататься съ толпой по улицамъ съ разными патріотическими криками и разносить стекла еврейскихъ магазиновъ?

Но если народъ предмѣстій не манифестировалъ противъ Золя, то не манифестировалъ и за. Процессъ разбирался при ужасномъ давленіи на присяжныхъ со стороны генеральнаго штаба, большинства печати и бушевавшей улицы. Можно было, дѣйствительно, наблюдать очень характерное явленіе: толпа бѣсновалась особенно въ тѣ дни, когда на засѣданіи фигурировали въ качествѣ свидѣтелей военные въ полной формѣ. Вопросъ о правильныхъ формахъ суда, о законности, о гарантіи обвиняемыхъ, совершенно исчезалъ для „истинныхъ французовъ" передъ оскорбленіемъ якобы чести арміи. Когда изъ устъ начальника генеральнаго штаба, пресловутаго Буадеффра, раздалась знаменитая фраза, смыслъ которой заключался въ томъ, что если, молъ, вы, господа присяжные засѣдатели, не обвините Золя, то весь генеральный штабъ подастъ въ отставку; когда, говорю, это насиліе надъ совѣстью жюри было сдѣлано въ самой залѣ суда, никому изъ „патріотовъ" и въ голову не пришло, что это

былъ настоящій, хотя и безкровный coup d'Etat. Наоборотъ, энтузіазму, реву и оваціямъ „чести арміи“ не было конца. Именно послѣ этого мастерского удара генеральскимъ палатомъ по чашкѣ вѣсовъ Ѳемиды, и „улица“, и подтасованная (какъ оказалось послѣ изъ письма полковника Дюпати-де-Клама къ адвокату Оффрэ) публика въ залѣ суда пришли въ положительное неистовство. Тотъ, кому пришлось быть на послѣднемъ засѣданіи, никогда, конечно, не забудетъ свирѣпыхъ возгласовъ этой публики, багровыхъ лицъ, выпученныхъ глазъ, широко раскрытыхъ ртовъ, сжатыхъ кулаковъ всѣхъ этихъ почтенныхъ буржуа, изящныхъ дамъ и бравыхъ военныхъ въ то время, какъ судъ читалъ присяжнымъ поставленные имъ вопросы. А этотъ вой скопившейся толпы въ сосѣднихъ залахъ и корридорахъ окружного суда, вой, напоминавшій ревъ дикихъ звѣрей въ лѣсу и заглушавшій, несмотря на затворенныя двери, послѣднія членораздѣльныя слова процесса! А этотъ болѣе отдаленный, но не менѣе свирѣпый ревъ, которымъ толпа привѣтствовала на улицѣ разнесшуюся „благую вѣсть“ о высшемъ наказаніи, постигшемъ смѣлаго и убѣжденнаго гражданина!..

Вотъ гдѣ нуженъ былъ противовѣсъ настоящаго народа, здоровыхъ слоевъ населенія, которое питаетъ всю Францію и которому такъ дорого приходится отплачиваться всякій разъ за шовинизмъ во внѣшней политикѣ и реакцію въ политикѣ внутренней. И вотъ гдѣ на французскихъ представителей этого народа ляжетъ тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за то равнодушное и трусливо-оппортунистское отношеніе къ дѣлу Золя, которое они выказали въ этотъ критическій моментъ; имъ дали въ этомъ отношеніи урокъ libertaire'ы (теперешнее названіе анархистовъ), „независимые“ и даже—о иронія исторіи!—декаденты... Какъ! во всей странѣ темныя силы реакціи группируются и идутъ въ аттаку противъ вѣковыхъ пріобрѣтеній цивилизаціи, противъ элементарныхъ требованій правосудія, которыми держится и живетъ современное общество! Пренія въ судѣ ведутся такимъ образомъ, что обвиненію позволено говорить что угодно, а защитѣ зажимаютъ ротъ авторитетомъ „рѣшенной по суду (беззаконно!) вещи“! Пугаютъ страну фальшивымъ призракомъ „скорой бойни“ и возбуждаютъ улицу противъ человѣка, который ненавистенъ имъ, между прочимъ, мастерскимъ изображеніемъ „разгрома“, обрушившагося на націю по винѣ прежняго генеральнаго штаба... И въ этотъ-то самый моментъ, когда Франція пришла, можетъ быть, къ узловой точкѣ своего историческаго развитія, соціалистическая партія въ палатѣ мучится въ теченіе трехъ дней страшными потугами политическихъ родовъ и разрѣшается отъ бремени... трехсаженнымъ манифестомъ, въ которомъ есть все, кромѣ интереса дня, кромѣ яснаго указанія народу, какова должна быть его роль въ минуту крайняго возбужденія и великихъ, и низ-

кихъ страстей. Составители манифеста ухитрились даже представить все движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ въ видѣ борьбы двухъ враждебныхъ фракцій капиталистическаго класса, оппортунистовъ-евреевъ (только однихъ евреевъ?) и реакціонеровъ-католиковъ и посовѣтовали рабочему классу смотрѣть чуть не совсѣмъ безучастно на эти „взаимныя гримасы двухъ половинокъ капиталистическаго лица". Руководители пролетаріата, очевидно, загипнотизированные мыслью о предстоящихъ выборахъ, испугались шовинистской и антисемитской пропаганды выживающаго изъ ума Рошфора, католическаго демагога Дрюмона и патріотическаго акробата Милльвуа, и порѣшили хранить благоразумное молчаніе, боясь, какъ бы сбитые съ толку избиратели не забраковали смѣльчаковъ, дерзнувшихъ говорить о попранной справедливости!.. Въ рядахъ парламентарной рабочей партіи нашелся одинъ человѣкъ, который рѣшительно сталъ и въ палатѣ, и на судѣ на сторону общечеловѣческаго права и употребилъ свой великолѣпный ораторскій талантъ на защиту современной цивилизаціи противъ натиска темныхъ силъ: я назвалъ Жорэса. Если присоединить къ Жорэсу двухъ-трехъ другихъ депутатовъ, Жеро-Ришара, Шовэна, высказавшихся на публичныхъ собраніяхъ противъ антисемитизма, то этимъ и исчерпывается тотъ персоналъ народныхъ представителей, которые осмѣлились занять опредѣленное положеніе въ жгучемъ вопросѣ дѣйствительности. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обращать вниманіе на келейное восхищеніе Жорэсомъ и внутреннее сочувствіе агитаціи въ пользу Золя, обнаруженныя нѣкоторыми другими депутатами!..

Во всякомъ случаѣ мы присутствуемъ теперь при очень любопытномъ явленіи: великія историческія силы современнаго періода, заполняющія весь міръ шумомъ своей борьбы, въ данный моментъ воздержались отъ активнаго вмѣшательства въ ту „злобу дня", которая, несмотря на свой частный характеръ, означаетъ ни много, ни мало какъ столкновеніе двухъ основныхъ міровоззрѣній,—мирнаго и свѣтскаго настоящаго и военно-клерикальнаго прошлаго. За то на арену борьбы выступили „идеологи". Уже давно во Франціи мы не присутствовали при такомъ движеніи „интеллигенціи" (intellectuels, какъ вошло теперь здѣсь въ моду называть людей этой категоріи); давно мы не видѣли такого искренняго возмущенія несправедливостью со стороны мыслящей части буржуазіи, причемъ люди шли даже противъ своихъ „реальныхъ интересовъ". Пусть читатель припомнитъ хотя бы благородное поведеніе на судѣ Эдуарда Гримо, профессора химіи въ Политехнической школѣ, котораго недовольное правительство заставило выйти въ отставку, чѣмъ возмутило даже такую солидную и умѣренную газету, какъ „Le Temps". А сколько было другихъ защитниковъ права изъ буржуазіи, защитниковъ, которые не побоялись рисковать своимъ по-

ложеніемъ въ интересахъ истины! Конечно, не надо преувеличивать пока это движеніе, которое все же захватило лишь меньшинство интеллигенціи; но было бы крайне несправедливо и отрицать, что это меньшинство довольно значительно и проявило замѣчательную энергію убѣжденія, борясь противъ всколыхнутой звѣриными страстями улицы. Интересенъ хотя бы уже тотъ результатъ этого протеста столькихъ и ученыхъ, и профессоровъ, и литераторовъ, что онъ произвелъ серьезную разслойку въ рядахъ антисемитовъ: часть ихъ, состоящая изъ убѣжденныхъ сторонниковъ этого варварскаго движенія, окончательно укрѣпилась въ своихъ чудовищныхъ идеяхъ; но другая, болѣе значительная часть, кокетничавшая антисемитизмомъ ради моды (увы, эта мода развилась вмѣстѣ съ модой на католицизмъ!), устыдилась своихъ бывшихъ товарищей и союзниковъ и рѣшительно отшатнулась отъ нихъ...

Возвращаясь къ настроенію трудящихся массъ, я долженъ отмѣтить, что когда депутаты рабочихъ смѣло и рѣзко ставили вопросъ о чудовищности этой реакціи, большинство избирателей отвѣчало очень недвусмысленно, осуждая агитацію „патріотовъ" и антисемитовъ. Въ Сюрэни, подъ Парижемъ, двухтысячное публичное собраніе рѣшительно высказалось противъ шовинистскихъ глупостей Миллльвуа, организовавшаго этотъ митингъ, и почти единодушно приняло очередной порядокъ, предложенный депутатомъ Шовэномъ и подчеркивающій мирныя и общечеловѣческія стремленія пролетаріата. Печать же рабочей партіи въ Сѣверномъ департаментѣ все время рѣшительно стояла за Золя.

Дѣло Дрейфуса.

II. Идейное пробужденіе Франціи.

(*Письмо семнадцатое*).

Тяжело жилось до самаго послѣдняго времени во Франціи 90-хъ годовъ; тяжело, конечно, всѣмъ тѣмъ, которые искренно любятъ эту страну великихъ словъ и великихъ дѣлъ, этотъ героическій народъ, столько разъ поднимавшійся во имя общечеловѣческихъ идеаловъ, этотъ безпримѣрный городъ, обильнѣе политый кровью благородныхъ борцовъ, нежели цѣлыя сотни квадратныхъ миль иного государства, которое занимаетъ больше мѣста на картѣ міра, чѣмъ въ исторіи прогресса! Реакція торжествовала по всей линіи; и, можно сказать, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ каждый новый день прибавлялъ лишнюю черту къ этой общей мрачной картинѣ. То было, сейчасъ же вслѣдъ за побѣдой надъ монархическими партіями, свирѣпое

расхищеніе государственнаго пирога стаей наголодавшихся при Имперіи „мудрыхъ и практичныхъ“ республиканцевъ; торжество оппортунистской политики, которая отдала всю страну на кормленіе крупнымъ и мелкимъ представителямъ режима, и ихъ роднымъ, знакомымъ и креатурамъ. То было, по закону реакціи, нелѣпое движеніе массъ въ сторону цезаризма, вороной лошади и генеральскаго султана Буланже, въ которомъ значительная часть населенія, науськиваемая реакціонными и мнимо-радикальными вожаками, видѣла „національнаго героя“, спасителя Франціи отъ политическихъ и экономическихъ бѣдъ. Затѣмъ послѣдовалъ, вслѣдъ за отраженіемъ буланжистской арміи, новый пиръ побѣдителей, новая оргія „правительственныхъ республиканцевъ“, при самомъ началѣ своемъ, впрочемъ, прерванная грандіозной панамской катастрофой. Этотъ кризисъ, повалившій столькихъ столповъ оппортунизма, вызвалъ лишь, въ концѣ концовъ, нѣкоторую перетасовку въ составѣ правящаго персонала, замѣнивъ черезчуръ скомпрометированныхъ Несторовъ режима молодыми, но изъ раннихъ Улиссами, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилъ ту клерикальную реакцію, которая стала прокидываться вскорѣ послѣ подавленія буланжизма въ свободомыслящихъ до того времени правительственныхъ сферахъ. Можно прямо подумать, что за свою собственную масляницу онѣ, эти сферы, хотѣли наложить великій постъ на всю страну: то было время, когда, въ отвѣтъ на маккіавелевскую политику и авансы папы, Спюллеръ счелъ долгомъ заявить о „новомъ духѣ“; и когда первые „присоединившіеся“ къ республикѣ реакціонеры вошли въ республиканскую цитадель съ тѣмъ, чтобы отворить ея ворота монархическимъ партіямъ...

Само собою понятно, что внѣшняя политика вполнѣ соотвѣтствовала вѣянію „новаго духа“ во внутренней, или, вѣрнѣе, даже предшествовала ей и направляла ее. Двадцать пять лѣтъ шовинистскаго фиглярства и проповѣди реванша, при помощи которыхъ оффиціальные и оффиціозные дѣятели третьей республики думали выгодно подѣйствовать на воображеніе массъ, противоставляя эту воинственную фразеологію обнаружившейся во время разгрома слабости Имперіи, — эти двадцать пять лѣтъ сдѣлали свое дѣло: реванша, конечно, французы не взяли, но вызвали во всей Европѣ безпокойство и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, явились причиной самыхъ странныхъ политическихъ союзовъ (напр., группировки вокругъ Германіи австрійцевъ и итальянцевъ, еще вчера жесточайшихъ враговъ) и, въ свою очередь, были принуждены искать точки опоры на востокѣ Европы... Вражда и пріязнь во внѣшнихъ сношеніяхъ распредѣлялись у французовъ чудовищно-нелѣпо. Отсюда ихъ индифферентизмъ къ тремстамъ тысячамъ вырѣзанныхъ „кровавымъ султаномъ“ армянъ; ихъ постыдное равнодушіе къ судьбѣ Греціи, раздавлен-

ной мусульманскими ордами; ихъ близорукая политика на крайнемъ Востокѣ, гдѣ, плывя на буксирѣ у Германіи, они вооружили противъ себя Японію; ихъ сочувствіе къ монархической и католической Испаніи, издавна отличающейся свирѣпостью у себя на дому и въ своихъ колоніяхъ; ихъ непріязненное отношеніе къ великой Заатлантической республикѣ; ихъ комичная злоба противъ гордой и свободной Антліи, которая на самомъ-то дѣлѣ должна была бы быть ихъ лучшей союзницей въ дѣлѣ цивилизаціи, но противъ которой они готовы были бы пойти въ послѣднее время даже въ союзѣ — съ Германіей!.. Отсюда, наконецъ, ихъ уморительное разочарованіе, плохо прикрываемое цвѣтами оффиціальной реторики, разочарованіе, вызванное приглашеніемъ, которое Россія обратила ко всѣмъ странамъ умѣрить нѣсколько пылъ вооруженій.

Я, конечно, не говорю, чтобы не было во Франціи людей, сознающихъ все внутреннее противорѣчіе международной политики республики. Но правящія сферы и косная масса населенія, можно сказать, по уши погрязли въ этихъ Авгіевыхъ стойлахъ интернаціональныхъ компромиссовъ, союзныхъ комбинацій и очень странно выбранныхъ предметовъ любви и ненависти. Съ другой стороны, идеи, усердно проповѣдывавшіяся въ области международныхъ отношеній, должны были рано или поздно отразиться на внутренней жизни. Безпринципная любовь и безпринципная ненависть, которыя управляли французами въ ихъ интернаціональной политикѣ исключительно въ виду реванша, подорвали вѣру населенія въ основныя начала республики: другъ тотъ, кто поможетъ намъ возвратить Эльзасъ и Лотарингію; врагъ тотъ, кто не сдѣлаетъ этого; объ остальномъ же нечего, молъ, заботиться, ибо умудренная опытомъ Франція отказывается отъ своей исторической роли проводить общечеловѣческія идеи въ области внѣшней политики, и будетъ упорно затыкать уши, чтобы не слышать криковъ жертвъ, доносящихся хотя бы изъ царства „краснаго султана". Армія и военный элементъ вообще скоро превратились въ предметъ такого культа, подобнаго которому, право, не найдешь теперь въ цивилизованной Европѣ,—не найдешь, пожалуй, даже въ Германіи, гдѣ, вопреки увѣреніямъ французовъ, гигантская машина милитаризма функціонируетъ сама по себѣ, а нація живетъ сама по себѣ, только и мечтая о томъ, какъ бы сохранить миръ. Наконецъ, болѣзненно развитое чувство шовинизма должно было, въ концѣ концовъ, благопріятствовать и распространенію того омерзительнаго движенія, какое представляетъ теперь во Франціи антисемитизмъ, эксплуатируемый католической реакціей. Словно, чтобы лучше подчеркнуть эту зависимость ироніи судьбы угодно было выбрать, въ числѣ прочихъ жертвъ, виднаго оппортуниста—еврея, Жозефа Рэйнака, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ защищалъ необходимость

„широкой терпимости“ по отношенію къ клерикализму и доносилъ на Люсьена Дэкава за „антипатріотичность“ его романа изъ военной жизни „Les sous-off“, а теперь свирѣпо преслѣдуется стаей фанатичныхъ католиковъ и въ то же время вычеркивается изъ списковъ офицеровъ ополченія (armée territoriale) разгулявшейся реакціей милитаристовъ...

Право, живя среди этой вакханаліи реакціонныхъ силъ, можно было порою отчаяваться въ будущности Франціи, какъ можно было сомнѣваться, дѣйствительно-ли это та самая героическая, борющаяся за всеобщее счастье страна, къ которой лился бурнымъ потокомъ восторженный гимнъ энтузіастовъ свободы вродѣ Мишлэ:

Вотъ она, эта Франція, сидящая, словно Іовъ, на землѣ посреди своихъ подругъ, другихъ націй, которыя пришли утѣшать ее, разспрашивать, помочь ей, если можно, работать для ея спасенія. «Гдѣ твои корабли, твои машины»? говоритъ Англія. А Германія спрашиваетъ: «гдѣ твои философскія системы? Нѣтъ ли у тебя, по крайней мѣрѣ, какъ у Италіи, произведеній искусства для показа»? Добрыя сестры, вы, которыя приходите утѣшать Францію, позвольте мнѣ отвѣтить за нее. Вы видите, она больна; она склонила голову, она не хочетъ говорить. Если бы люди захотѣли сложить вмѣстѣ все, что каждая нація издержала и золота, и крови, и усилій всякаго рода ради безкорыстныхъ вещей, которыя должны были пойти на пользу всему міру, пирамида Франціи поднялась бы до небесъ... А ваша пирамида, о націи, сколько васъ тутъ ни есть, скопленіе вашихъ жертвъ хватило бы лишь по колѣно ребенку. Не говорите же мнѣ: «какъ блѣдна она, эта Франція»!.. Она пролила свою кровь за васъ... «Какъ бѣдна она»!.. Для вашего же блага она давала, не считая... И, не имѣя теперь ничего, она говоритъ: «у меня нѣтъ ни золота, ни серебра; но что у меня есть, я все отдаю вамъ». И она отдала вамъ душу... Нѣтъ, не промышленный машинизмъ Англіи, не схоластическій машинизмъ Германіи составляетъ жизнь міра; ее составляетъ дыханіе Франціи, въ какомъ бы состояніи она ни находилась, скрытая теплота ея революціи, которую Европа постоянно носитъ въ себѣ... «Что осталось у Франціи, она отдала вамъ»... Но послушайте же, націи, узнайте то, чего вы никогда не узнали бы безъ насъ: «чѣмъ болѣе даешь, тѣмъ болѣе остается у самого». Духъ Франціи можетъ порою засыпать въ ней, но онъ всегда сохраняется цѣлъ, всегда готовъ къ могущественному пробужденію *).

Еще недавно эти пламенныя строки могли бы показаться насмѣшкой надъ современной Франціей, надъ Франціей, въ которой процессъ Золя обнаружилъ самое наглое торжество реакціи: читатели, слѣдящіе за моими письмами, найдутъ въ одномъ изъ нихъ (см. предшествующій этюдъ) выраженіе того тяжелаго настроенія, которое охватило въ началѣ этого года всѣхъ искреннихъ друзей великаго народа и поклонниковъ его историческаго прошлаго. Но теперь **) заключительныя слова идейнаго патріота-историка получаютъ даже какъ будто пророческій смыслъ: уснувшій духъ Франціи пробудился; и тотъ, кому дано судьбой

*) J. Michelet, *Le peuple*; стр. 253—254 брюссельскаго изд. 1846.
**) Писано въ декабрѣ 1898 г.

жить въ это нервное время въ Парижѣ, чувствуетъ горячее дыханіе энтузіазма, исходящее отъ взволнованной толпы этихъ студентовъ, этихъ старыхъ профессоровъ, этихъ недавно еще умѣренно либеральныхъ публицистовъ, этихъ торговцевъ, ремесленниковъ, рабочихъ, которые собираются чуть не каждый день на многочисленныхъ публичныхъ митингахъ, чтобы протестовать противъ произвола военной клики. Союзъ народа и интеллигенціи во имя справедливости—вотъ знамя этого идейнаго движенія; и, говоря такъ, я даже не даю отъ себя какой-нибудь обобщающей фразы, а беру цѣликомъ само выраженіе у публицистовъ демократической буржуазіи вродѣ Прессансэ.

И, знаете-ли, что? Можетъ быть, я и ошибаюсь; но, жадно прислушиваясь къ этому первому весеннему грому, возвѣщающему конецъ зимней спячки Франціи, я не могу отдѣлаться отъ той мысли, что и на этотъ разъ великій народъ сыграетъ свою обычную историческую роль: быть популяризаторомъ назрѣвающей идеи и иниціаторомъ дѣйствія. Обратили ли вы вниманіе, что съ легкой (лучше сказать тяжелой) руки Золя, сорвавшаго маску съ военной Ѳемиды, которая такъ удачно воплощается въ подполковникѣ Дюпати-де-Кламѣ, переряжавшемся въ даму подъ вуалемъ,—обратили ли вниманіе на то, что теперь чуть не въ каждой странѣ нашлись свои Дрейфусы, свои жертвы судебныхъ ошибокъ, и поднялись свои защитники пострадавшей невинности, свои борцы за попранную справедливость? Въ началѣ этого года такая агитація возникла въ Бельгіи; теперь мы присутствуемъ при подобномъ же движеніи въ Голландіи и въ Германіи... И этимъ, конечно, дѣло не кончится; вотъ они, законы-то подражанія, свидѣтельствующіе, къ слову сказать, о томъ, что не однѣ мерзости исходятъ отъ коллективностей, но и благородные поступки!.. Этимъ, повторяю, дѣло не кончится: вопросъ переросъ Дрейфуса, переросъ приговоръ отдѣльнаго военнаго суда, переросъ пресловутый военный кодексъ Франціи (выработанный въ реакціонную эпоху второй Имперіи, въ 1857 г.). Рѣчь идетъ теперь о пересмотрѣ всемірно-исторической системы несправедливости, которая пышно разрослась за послѣдніе тридцать лѣтъ въ Европѣ.

Какъ естественная любовь къ родинѣ, къ своимъ ближайшимъ людямъ-братьямъ выродилась въ крикливый и гнусный шовинизмъ? Какъ желаніе каждой націи охранить свое право на развитіе, на—какъ бы это сказать?—личную ноту въ великомъ федеральномъ концертѣ народовъ привело къ чудовищной военщинѣ? Какъ борьба противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ могла среди темныхъ массъ дать точку опоры для презрѣнной антисемитствующей демагогіи? Шовинизмъ, милитаризмъ, антисемитизмъ—вотъ вопросы, которые Франція ставитъ теперь въ своемъ лицѣ для всего міра, отправляясь по обыкновенію отъ конкретнаго факта и по обыкновенію доходя до самыхъ абстрактныхъ обще-

STANFORD LIBRARIES

человѣческихъ выводовъ. И въ этомъ великая важность дѣла Дрейфуса: какъ чисто-научному астрономическому выводу Ньютона надо было пройти черезъ волшебную реторту Вольтеровскаго ума для того, чтобы стать лозунгомъ новаго всемірнаго міровоззрѣнія, освобождающаго людей отъ философскихъ суевѣрій, такъ отдѣльному факту несправедливости, совершенной надъ евреемъ-офицеромъ, надо было произойти во Франціи, чтобы борьба противъ насилія сейчасъ же приняла общечеловѣческій характеръ и повела за собой пересмотръ всего стараго міровоззрѣнія, какъ домовой тяготѣющаго надъ современной Европой...

Не забывайте, читатель: нѣмцы, швейцарцы, бельгійцы, англичане, итальянцы, русскіе могутъ негодовать на французовъ; пишущій эти строки самъ страдалъ, волновался, скорбѣлъ за Францію, когда она оставалась, повидимому, глуха къ протесту противъ неправды. Но, въ сущности, кто давалъ намъ въ данномъ дѣлѣ первый толчокъ къ негодованію, кто снабжалъ насъ матеріаломъ для глубокаго нравственнаго возмущенія, кто, какъ не сами французы, кто, какъ не Золя, Клемансо, Жорэсъ, Гойе, эти герои убѣжденія, которые вначалѣ составляли небольшое зерно, а теперь увлекли за собой все, что есть во Франціи мыслящаго и честнаго? Когда въ началѣ этого года мнѣ приходилось выдерживать жаркія стычки со многими знакомыми французами, я совершенно откровенно говорилъ имъ, что вопросъ Дрейфуса—всемірный вопросъ; и что поэтому французамъ нечего обижаться на то, что другія націи вмѣшиваются въ это якобы чисто-національное французское дѣло. Noblesse oblige: то, что Франція сдѣлала для человѣчества въ прошломъ, обязываетъ ее не успокоиваться на этихъ историческихъ лаврахъ, а стоять на стражѣ цивилизаціи и прогресса. Персіянинъ, турокъ, какой-нибудь другой азіатъ могутъ продѣлывать что имъ угодно у себя на дому, на то они азіаты—Франція не можетъ: ея внутреннія идейныя побѣды являются всемірной побѣдой идеи; ея внутреннія идейныя пораженія отбрасываютъ и все человѣчество назадъ. Реакція во Франціи позволяетъ поборникамъ мракобѣсія и произвола въ другихъ странахъ душить пробуждающееся сознаніе народа циничнымъ указаніемъ на внутреннія слабости Франціи и ехидными кивками на республику: „вотъ видите, молъ, чего же вы хотите, когда угомонилась сама взбалмошная Маріанна!“ Не типично-ли въ самомъ дѣлѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда въ Германіи обсуждались измѣненія въ военно-судномъ законодательствѣ, реакціонеры съ торжествомъ затыкали глотку искреннимъ прогрессистамъ, стремившимся къ введенію гласности разбирательства, указаніемъ на французскіе порядки...

Признаться, я былъ крайне доволенъ, когда нашелъ эту точку зрѣнія тамъ, гдѣ не могъ предполагать ее, и, замѣтьте, въ самый разгаръ шовинистской бури. Весной этого года, одинъ изъ сотруд-

никовъ „Фигаро“, поставившій своею спеціальностью изданіе сборниковъ французскихъ и иностранныхъ каррикатуръ, писалъ въ текстѣ къ сборнику, посвященному „дѣлу Дрейфуса“:

«Европейское общественное мнѣніе»! скажете вы, «да развѣ существуетъ Европа»?—Да, конечно, и эта-то Европа повсюду и карандашомъ, и перомъ заставляетъ обратить вниманіе на свой голосъ. Она, эта Европа, оживляется, страстно волнуется, не скрывая болѣе своихъ чувствъ, выражая свое удовольствіе или свою печаль, сообразно съ тѣмъ, за Францію-ли она или противъ нея, сообразно съ тѣмъ, видитъ ли она въ нашей странѣ наслѣдственнаго врага деспотизма или великую освободительницу ума человѣческаго... Не надо забывать, что нѣкогда мы перевернули до основанія всю Европу, напитали ее нашимъ духомъ, нашими нравами; что мы заставили ее раздѣлять нашу счастливую и несчастную судьбу; что прежде, чѣмъ наложить на нее ярмо императорскаго деспотизма, мы дали ей надежду, дали ей свободу, такъ что, чтобы ни случалось, Европа съ тѣхъ поръ не перестаетъ обращать взоры на Францію, ожидая отъ нея и теперь, какъ прежде, сигнала освободительныхъ идей, которымъ предназначено измѣнить заново физіономію всего міра *).

Какъ же произошелъ тотъ поворотъ въ настроеніи французовъ, который изъ упомянутаго выше зерна героическихъ защитниковъ правды сдѣлалъ цѣлый кадръ многочисленной и все растущей арміи? О, это очень интересный процессъ, процессъ, наводящій на серьезныя соображенія и проливающій свѣтъ на нѣкоторыя стороны „соціальной динамики или общей теоріи естественнаго прогресса человѣчества“, сказалъ бы Контъ, или,—выражусь попроще я—на тѣ пріемы, которые оказываются наиболѣе цѣлесообразными для того, чтобы общественное движеніе по возможности скорѣе разрослось. Я попрошу лишь читателя при дальнѣйшемъ изложеніи не забывать, что я предполагаю его достаточно ознакомленнымъ съ дальнѣйшими перипетіями безконечно-усложняющагося дѣла Дрейфуса. Новости дня и многочисленные факты, которые наслояются на основномъ ядрѣ этого дѣла, могутъ найти мѣсто лишь въ газетѣ: въ моихъ письмахъ дѣло идетъ объ общей оцѣнкѣ событій...

Для того, чтобъ изъ протеста единичныхъ лицъ выросло сильное движеніе, которое, несомнѣнно, увлекаетъ теперь количественно значительное меньшинство, а качественно наилучшихъ людей изъ французовъ, для этого надо было героямъ иниціативы подѣйствовать на общественное мнѣніе страны, не обращая вниманіе на бѣшенство и клевету профессіональныхъ „патріотовъ“, на ревъ толпы на улицѣ, на враждебность и индифферентизмъ массъ. Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось указывать читателю на двѣ основныя черты французскаго характера: воспріимчивость и общественность. Первая обусловливаетъ ту импульсивность, съ какою французъ

*) John Grand-Carteret, *L'Affaire Dreyfus et l'Image*; Парижъ, безъ даты (вышла въ мартѣ 1898 г.), стр. 69—71, passim.

STANFORD LIBRARIES

реагируетъ на внѣшнее впечатлѣніе; вторая придаетъ этой импульсивности коллективный характеръ. Легкомысліе и стадность являются лишь оборотными сторонами упомянутыхъ положительныхъ качествъ. Вы поймете, почему французу очень легко привести свою мысль въ исполненіе, если она соотвѣтствуетъ коллективному настроенію; но поймете также, почему ему трудно рѣшиться на поступокъ, идущій въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ. Героическому, жизнерадостному существу нѣтъ, напр., ничего легче, какъ взойти со своими товарищами на баррикаду въ борьбѣ за идею, когда коллективный энтузіазмъ доводитъ до высшаго напряженія всѣ силы человѣка и заставляетъ въ самой смерти видѣть самый великолѣпный, самый интенсивный актъ жизни,—ибо что за жизнь безъ идеи? Но для француза, когда онъ чувствуетъ себя одинокимъ, нестерпимѣе всякой смерти и страшнѣе всякихъ ружейныхъ дулъ враждебный взглядъ толпы, которымъ она встрѣчаетъ смѣльчака, осмѣлившагося идти ей наперекоръ. И на этотъ-то по истинѣ геройскій поступокъ отважились иниціаторы движенія въ пользу Дрейфуса.

Дѣйствительно, вы представить себѣ не можете, не живя во Франціи, до какой степени идолопоклонства — и фальшиваго, и искренняго—дошло у этого фрондирующаго и свободолюбиваго народа преклоненіе передъ арміей или, вѣрнѣе, передъ мундиромъ и султаномъ. Я уже говорилъ въ свое время о томъ, какъ школа, парламентская трибуна, печать, улица учатъ націю этому положительно слѣпому обожанію всего, что прямо или косвенно касается военнаго элемента. И этой наукѣ, этому упорному гипнотизированію массъ блестящими погремушками милитаризма насчитывается цѣлая четверть вѣка. Только благодаря этому обстоятельству военная власть выросла во Франціи въ гигантскую силу, которая осмѣливается смотрѣть на себя, какъ на верховный общественный принципъ, не подлежащій критикѣ и обсужденію, и откровенно смѣется надъ гражданской властью, составляющею на самомъ-то дѣлѣ основу всего современнаго строя.

Съ 1871 г. по 1898 г. Франція издержала на армію и флотъ 28 милліардовъ франковъ, и скоро дѣло близится къ круглой цифрѣ тридцати милліардовъ. И что же? Въ то время, какъ парламентъ проводилъ порою цѣлые дни, препираясь изъ-за какой нибудь тысячи франковъ въ той или другой главѣ бюджетной смѣты, военныя издержки вотировались, что называется, зажмуря глаза и подъ громъ апплодисментовъ „представителей верховнаго народа". Нѣтъ ничего типичнѣе засѣданій палаты, когда дѣло идетъ о военномъ бюджетѣ: для парламентарныхъ патріотовъ мало того, чтобы критика падала у подошвы ботфортовъ военнаго министра,—нѣтъ, надо, чтобы спрашиваемый министерствомъ кредитъ былъ принятъ единодушно всѣмъ парламентомъ. „Не давайте, ахъ, не давайте поводовъ наблюдающимъ насъ изъ дипломатической ложи иностран-

нымъ посламъ замѣчать наши разногласія: Франція въ дѣлѣ національной защиты выступаетъ вся, какъ одинъ человѣкъ" И депутаты, дѣйствительно, старались, по возможности не разсуждая, принимать любую смѣту министерства; и нѣмецкій, австрійскій и итальянскій послы могли лишь сожалѣть со своихъ наблюдающихъ сидѣній, что въ ихъ государствахъ оппозиція не умѣетъ такъ послушно внимать окрику „смирно" со стороны милитаристовъ. „Добровольное рабство"—такъ бы окрестилъ Этьеннъ-де-ла Боэси эти пріемы французской палаты.

А самый докладъ коммиссіи, изучающей бюджетъ военнаго министерства? Боже мой! сколько обыкновенно находится патріотической поэзіи въ этой сухой прозѣ! Какими голосами сиренъ поютъ всѣ эти цифры, участвующія въ танцѣ милліардовъ! Какъ умѣло докладчикъ проскакиваетъ мимо докучливыхъ вопросовъ серьезнаго контроля, и какъ нетерпѣливо онъ несется къ финальному апоѳеозу и прославленію „тѣхъ жертвъ, которыя Франція, не щадя усилій, приноситъ на алтарь отечества!" Когда три года тому назадъ Кавеньякъ, еще не успѣвшій выказать себя больнымъ и упрямымъ честолюбцемъ, рѣшилъ въ своемъ докладѣ приподнять лишь уголъ Изидина покрывала, окутывающаго продѣлки военныхъ интендантовъ и корыстное снисхожденіе къ нимъ властей, то этотъ элементарный актъ контроля привелъ въ несказанный трепетъ большинство представителей страны въ парламентѣ и печати: такъ необычна показалась подобная продерзость! Когда въ началѣ этого года, депутатъ Ле-Эриссэ,—замѣтьте, бывшій буланжистъ—вынужденъ былъ заговорить о злоупотребленіяхъ протекціей въ военныхъ сферахъ, злоупотребленіяхъ, благодаря которымъ разные папенькины сынки (les fils à papa) и изящные танцоры забѣгаютъ далеко по службѣ впереди серьезныхъ и работающихъ офицеровъ, „правительственные республиканцы" постарались съ негодованіемъ отвергнуть такое обвиненіе. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Амонъ (Hamon) въ своей „Психологіи профессіональнаго военнаго", Люсьенъ Дэкавъ въ своихъ „Унтерахъ" развернули рядъ фактовъ, типовъ и сценъ изъ военной жизни, противъ нихъ было возбуждено преслѣдованіе за нападки на армію, хотя всѣ эти темныя стороны милитаризма извѣстны всѣмъ и каждому, а только о нихъ считается непристойнымъ говорить вслухъ. И въ данный моментъ парламентъ далъ свое благословеніе на преслѣдованіе Юрбэна Гойе за сборникъ его статей „Армія противъ націи", хотя большинство утвержденій автора заимствовано изъ оффиціальныхъ документовъ, судебныхъ отчетовъ, газетныхъ корреспонденцій. Словомъ, согласно старинной фразѣ, армія, подобно женѣ Цезаря, не должна быть даже ни въ чемъ подозрѣваема...

Немудрено, что, при такомъ настроеніи въ правящихъ сферахъ и темной массѣ, представители военной власти составили изъ себя прочную корпорацію, особое государство въ государствѣ, высшую

касту, смотрящую съ презрѣніемъ на какихъ-то копошащихся тамъ, внизу, штафирокъ, которые работаютъ, производятъ, учительствуютъ, служатъ наукѣ и справедливости. „Увы! мы черезчуръ избаловали генераловъ", признался на этихъ дняхъ извѣстный гамбеттистъ, сенаторъ Ранкъ, который такъ долго поддерживалъ оппортунистскую политику и спохватился лишь какихъ-нибудь два-три года, когда реакція распустила свои чёрныя крылья надъ всей страной. Само собою понятно, что эта система „баловства" должна была гибельно подѣйствовать на высшее офицерство. Въ самомъ дѣлѣ, надо быть ангеломъ, чтобы остаться скромнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ отечества, чуждымъ высокомѣрія и властолюбія, въ этой средѣ, которая одна является безконтрольной силой въ республикѣ, въ то время, какъ все, вплоть до самыхъ коренныхъ основъ жизни, принадлежитъ во Франціи критикѣ и обсужденію. А какіе же ангелы всѣ эти генералы Мерсье, де-Буадеффры, де-Пельё и т. п.? Большинство ихъ, уже по самому своему происхожденію, средѣ и взглядамъ, представляетъ заклятыхъ враговъ республики. Откуда вербуются они? Изъ такъ называемой аристократіи или буржуазіи, которая тоже тянется въ знать. Но что это такое французская аристократія? Я рекомендую читателю любопытныя статьи, печатающіяся въ „La Revue des Revues" за подписью виконта А. де-Ройе (псевдонима) и произведшія шумъ въ благородномъ муравейникѣ. Съ одной стороны, оказывается, что изъ 45,000 аристократическихъ фамилій Франціи

> едва ли есть 450 фамилій, которыя на самомъ дѣлѣ могутъ претендовать на благородное происхожденіе *),

что объясняетъ ироническую тираду автора, обращенную къ славнымъ обитателямъ Сэнъ-Жермэнскаго предмѣстья:

> И развѣ Сэнъ-Жермэнское предмѣстье не усвоило себѣ издавна прекраснаго нѣмецкаго девиза: Man muss leben und leben lassen (живи самъ да и другимъ жить давай)? Каждый соглашается въ немъ терпѣть извѣстныхъ маркизовъ или принцевъ, чтобы избѣжать оспариванія своихъ собственныхъ званій герцога или графа. Такимъ образомъ, благодаря этому режиму взаимной снисходительности, Франція сдѣлалась самымъ богатымъ разсадникомъ потомковъ крестоносцевъ **).

Но, съ другой стороны, это, казалось бы, невинное тщеславіе чревато очень вредными соціальными послѣдствіями:

> Французское дворянство является въ настоящее время не болѣе какъ приманкой, пустымъ словомъ, и, однако, представляетъ еще собой страшную общественную силу. Прежде всего оно—убѣжище реакціи или, вѣрнѣе, все-

---

*) A. de Royer, *Avons nous une noblesse française*; «La Revue des Revues» n° отъ 1-го октября 1898 г. (я цитирую по отдѣльному оттиску, стр. 7).

**) См. статью вторую: *Les Fantomes de «vieille roche»*; Ibid., n° 1-го ноября, стр. 238.

высокомѣрныхъ реакцій. Какой нибудь буржуа, просыпаясь «благороднымъ», открываетъ въ себѣ въ то же самое время и чувства, почитаемыя «благородными». Его религіознымъ идеаломъ станетъ Римъ съ его нетерпимостью, а его политико-экономическія мечтанія будутъ сосредоточиваться на преобладаніи капитала и пергамента. Онъ будетъ тѣмъ сильнѣе держаться за свою новую религію, что она представляетъ для него прелесть незаконной связи *).

Вотъ изъ какихъ людей вербуется главнымъ образомъ французское офицерство! Для укрѣпленія реакціонныхъ традицій и предразсудковъ этой среды имѣются даже спеціальныя заведенія для юношества, въ которыхъ директорами состоятъ явные или тайные іезуиты и прочія липа духовныхъ орденовъ, а преподаваніе ведется въ строго-католическомъ и консервативномъ духѣ. Такова, напр., въ Парижѣ гимназія Станислава, у подъѣзда которой (на улицѣ Notre-Dame-des Champs) вы можете видѣть зачастую длинный рядъ изящныхъ экипажей съ болѣе или менѣе фантастическими гербами. Одна лишь эта клерикальная гимназія заключаетъ въ своихъ стѣнахъ болѣе 1,500 учениковъ; а сколько такихъ заведеній разсѣяно по всей Франціи, и сколько дѣтскихъ головъ систематически набивается чудовищными средневѣковыми идеями, которыя исключаютъ всякую критику и малѣйшее проявленіе самостоятельной мысли! И такъ какъ военная карьера стала въ послѣднее время главнымъ прибѣжищемъ отпрысковъ аристократическихъ фамилій, которыя вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ блещутъ поразительнымъ отсутствіемъ талантовъ въ своей средѣ, то нечего удивляться, какая громадная пропорція клерикаловъ находится среди здѣшняго офицерства, возрастая по мѣрѣ того, какъ поднимаешься по іерархической лѣстницѣ. Ибо не надо забывать, что всѣ эти птенцы католической реакціи образуютъ собою нѣчто вродѣ священнаго братства, которое тянетъ за уши своихъ и строитъ всяческія козни „чужимъ“.

Эта сторона дѣла хорошо представлена въ выходящей теперь выпусками закулисной исторіи дѣла Дрейфуса, написанной Паскалемъ Груссэ, соціалистическимъ депутатомъ Парижа:

Вынужденные со времени франко-германской войны проходить, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, черезъ службу въ арміи, внуки шуановъ и эмигрантовъ скоро замѣтили выгоду отъ занятія въ ней офицерскихъ мѣстъ. Военная профессія, долго презиравшаяся ими, снова стала аристократической. Іезуиты систематически толкали своихъ учениковъ въ разсадники офицерства, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ для проведенія ихъ въ спеціальныя военныя школы,—включая сюда предварительное сообщеніе темъ на конкурсныхъ экзаменахъ и настойчивое клянченье передъ экзаменаторами. Всѣмъ извѣстно, что, по выходѣ, ученики, принадлежащіе къ іезуитскому ордену, найдутъ у него покровительство, опору и даже, благодаря ему, женятся на богатой невѣстѣ. А скоро только на ихъ долю и будетъ выпадать повышеніе въ чинахъ. Искусный и незамѣтный подборъ, производимый постоянно дѣй-

*) *Autour de nos articles sur la noblesse*; Ibid., nº 15-го ноября. стр. 385—386.

ствующей темной властью, мало-по-малу замѣстилъ тѣми, которые могутъ служить политикѣ ордена, всѣ высшія должности, экзаменаціонныя коммиссіи при военной школѣ, главные посты въ генеральномъ штабѣ и арміи. Медленно, но вѣрно развиваясь, эта система принесла плоды. И такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, благодаря этой тактикѣ, тѣмъ болѣе гибельной, что она казалась совершенно естественной и опирающейся на условія конкурса, на военный уставъ, на прерогативы чина,—всѣ высшія и несмѣняемыя должности, всѣ дѣйствительныя функціи командованія во французской арміи достались приверженцамъ іезуитскаго ордена *).

Знаменателенъ уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что масса офицеровъ сухопутной арміи, а еще болѣе того флота, проходитъ чрезъ клерикальныя школы. Но еще знаменательнѣе окончательный результатъ клерикализма въ войскѣ: громадная пропорція главныхъ постовъ занята потомками тѣхъ французскихъ „благородныхъ“ эмигрантовъ, которые сто лѣтъ тому назадъ составляли такъ называемую „армію Кондэ“, измѣннически сражавшуюся противъ своего отечества подъ нѣмецкими, австрійскими и англійскими знаменами. Когда Юрбэну Гойе пришла въ голову остроумная мысль сравнить фамиліи теперешнихъ офицеровъ съ фамиліями ренегатовъ прошлаго вѣка, то сейчасъ же, лишь на основаніи неполныхъ документовъ, талантливый авторъ нашелъ, что

болѣе тысячи фамилій, носимыхъ нѣсколькими тысячами офицеровъ, оказались совершенно тождественными въ войскахъ Кондэ и въ кадрахъ современной французской арміи. Цѣлыя семьи лишь перемѣнили, такъ сказать, форму. Порою онѣ располагаютъ одинаковымъ числомъ однихъ и тѣхъ же воинскихъ чиновъ въ однихъ и тѣхъ же дѣленіяхъ арміи. Такъ, кавалерія, въ которой мы служимъ теперь, воспроизводитъ удачно своими кадрами кавалерію Кондэ, которая рубила саблями нашихъ отцовъ, разныхъ «портныхъ и сапожниковъ» или, вѣрнѣе, бѣжала подъ ударами ихъ штыковъ. Драгуны Ангэна и Клермонъ-Тоннерра, кавалеры Короны, благородные кавалеристы Ангулэма находятся теперь во главѣ нашихъ полковъ и нашихъ бригадъ. Старый военный феодализмъ, проявлявшій столько гнета и ненависти, непримиримый врагъ современнаго духа, держитъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ власть болѣе страшную, чѣмъ всѣ его старинныя привилегіи. Армія Кондэ, цѣликомъ перенесенная въ наши ряды или, вѣрнѣе, поставленная во главѣ нашей, располагаетъ по своему произволу арміей Республики, а, при помощи арміи, угрожаетъ всей націи **).

Эти свойства офицерства, разросшіяся на почвѣ фактической безконтрольности и поддерживаемыя шовинистскимъ обожаніемъ мундира со стороны толпы, достаточно объясняютъ сцены, разыгравшіяся въ началѣ этого года при процессѣ Золя и вызвавшія слѣдующія негодующія строки въ его послѣдней работѣ „Армія противъ націи“:

---

*) Paschal Grousset, *L'affaire Dreyfus illustrée et ses ressorts secrets. Histoire documentaire*; Парижъ, 1898; выпускъ II. стр. 16.

**) Urbain Gohier, *L'Armée de Condé. Mémorial de la Trahison*; Парижъ, 1898, изд. 2-е, стр. 6—10, passim.

Въ теченіе двухъ постыдныхъ недѣль, въ февралѣ 1898 г., намъ пришлось видѣть, какъ окружный судъ брался приступомъ, какъ присяжные засѣдатели падали ницъ передъ ботфортомъ, какъ сабли, бренча, прыгали по плитамъ корридоровъ, какъ оскорблялись свидѣтели, какъ цезаристская шайка изрыгала ругательства и угрозы, какъ генералы нагло декламировали грубую и дѣтскую ложь, и какъ всѣ бѣглецы, капитулировавшіе во время послѣдней войны, со спиной, носящей еще синяки отъ ударовъ чужестранной палки, горѣли желаніемъ вторично взять кровавый реваншъ надъ народомъ, который платитъ имъ *).

И однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, за этимъ, казалось, окончательнымъ паденіемъ идейнаго элемента во Франціи послѣдовало тутъ же пробужденіе великой страны....

Пробужденіе это вызвано усиліями здѣшней интеллигенціи, среди которой возникло безкорыстное идейное движеніе въ пользу нарушеннаго права и во имя общечеловѣческой справедливости. Такое движеніе крайне любопытно хотя бы уже потому, что вноситъ въ современную исторію Западной Европы новый элементъ и указываетъ намъ на необходимость существенной поправки въ теоріи и практикѣ общественнаго развитія. Странное дѣло, чѣмъ внимательнѣе я присматривался къ упомянутому движенію, чѣмъ болѣе вдумывался въ него, тѣмъ настойчивѣе выплывали въ моей памяти различныя перипетіи нашего домашняго спора о роли интеллигенціи, спора, имѣвшаго такое значеніе въ Россіи начала 80-хъ годовъ. Нѣкоторыя подробности до такой степени совпадали въ обоихъ случаяхъ, что порою мнѣ казалось, будто я вижу сонъ на яву, будто я снова въ Россіи и участвую въ знакомыхъ и страшно близкихъ сердцу дебатахъ. Сколько разъ мнѣ хотѣлось воскликнуть вмѣстѣ съ Гейне, но воскликнуть не иронически, а съ волненіемъ:

Не на родинѣ ли милой
Я ужъ слышалъ эти звуки?..

Начать съ того: людей, занимающихся умственнымъ трудомъ, было во Франціи всегда много; но отчего же только за послѣдній годъ возникло здѣсь слово „intellectuel“, очень близко соотвѣтствующее нашему слову „интеллигентъ“, подобно тому, какъ выраженіе „le parti des intellectuels“ можетъ быть прекрасно передано нашимъ терминомъ „интеллигенція“? Говорятъ, нашу „интеллигенцію“ выдумалъ г. Боборыкинъ; враги здѣшняго идейнаго движенія утверждаютъ, что „intellectuel“ (въ его новомъ спеціальномъ значеніи существительнаго, ибо какъ прилагательное это слово давно живетъ въ языкѣ) сочиненъ Клемансо. Но какъ бы то ни было, не указываетъ ли этотъ смыслъ слова и на то, что возникло новое понятіе?

---

*) Urbain Gohier, *L'Armée contre la Nation*; Парижъ, 1898, 5-е изд., стр. XI предисловія.

Далѣе. Во время нашего домашняго спора, мыслящіе люди старались выяснить, что если интеллигенція и буржуазія могутъ временами идти рука объ руку, и даже совпадать, то это лишь возможный частный случай, а не непремѣнное правило; что если въ Европѣ упомянутое совпаденіе и замѣчалось раньше, то теперь уже это нельзя сказать, ибо, рядомъ съ интеллигенціей буржуазной, тамъ существуетъ и интеллигенція четвертаго сословія, да и не мало есть интеллигентныхъ буржуа, идущихъ противъ своихъ классовыхъ интересовъ; что въ Россіи (дѣло было въ началѣ 80-хъ годовъ) интеллегинція менѣе, чѣмъ гдѣ либо, можетъ сознательно защищать интересы буржуазіи, такъ какъ насмотрѣлась на игру этихъ интересовъ на Западѣ; что если думающимъ людямъ въ Россіи и можно дать названіе интеллигенціи, то вовсе не ради удовлетворенія ихъ гордости, а потому что, дѣйствительно, интересы мысли и нормальнаго общественнаго развитія имъ кровно дороги, или, какъ выразился одинъ изъ представителей русской интеллигенціи:

Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ *).

Выяснено было во время этого спора и то обстоятельство, что не оффиціальный чинъ ученаго, и не дипломъ, и не количество лѣтъ, проведенное въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ставятъ человѣка въ ряды интеллигенціи, а его вдумчивое и сознательное отношеніе къ общественной жизни и взглядъ на работу мысли, какъ на важнѣйшую цѣль существованія...

Съ тѣхъ поръ прошло немало лѣтъ, и значеніе „интеллигенціи“ вмѣстѣ съ самымъ словомъ кануло у насъ въ Лету „забытыхъ словъ“. Разные Иваны, не помнящіе родства, ввели даже въ моду фификанье надъ интеллигенціей и приписыванье ей горделивыхъ замысловъ, въ которыхъ она, бѣдняжка, по теперешнимъ временамъ не можетъ быть виновна. И вдругъ и слово „интеллигенція“, и бывшій дотолѣ спеціально русскимъ смыслъ слова, и сама вещь возникаютъ во Франціи; а Франція—не забудьте этого — такъ же, по моему глубокому убѣжденію, освѣщаетъ другимъ странамъ будущую исторію ихъ политическаго

*) Н. К. Михайловскій, *Сочиненія*, т. V, стр. 538; Спб., 1897. Vereor laudare praesentem: на страницахъ «Русскаго Богатства» неловко говорить о присутствующихъ. Но я не могу удержаться, чтобы не выразить тутъ же глубокой идейной любви къ человѣку, который въ глухую полночь общественной реакціи стоялъ на славномъ посту, защищая нашу бѣдную, нашу сѣрую и трусливую мысль отъ нападенія темныхъ силъ.

развитія, какъ Англія, по мнѣнію Маркса, освѣщаетъ имъ путь экономической эволюціи.

Какъ вы, напр., находите слѣдующее разсужденіе Полана, одного изъ выдающихся философскихъ мыслителей современной Франціи:

Общее условіе, необходимое для того, чтобы принадлежать къ тѣмъ, которые могутъ представлять,—не исключительно, но болѣе, чѣмъ ихъ сограждане,—сознаніе народа, условіе, которое предполагается всѣми другими условіями, это—спеціальное упражненіе мысли, и особенно мысли независимой. А это значитъ, что тѣ, которые удовлетворяютъ этому условію, являются существеннымъ образомъ «интеллигентами» (intellectuels). И слѣдуетъ не заблуждаться относительно смысла слова «интеллигентъ»: это—тотъ, кто дѣлаетъ изъ упражненія мысли главное занятіе своей жизни, или одно изъ главныхъ, потому что можно въ одно и то же время быть и интеллигентнымъ человѣкомъ, и человѣкомъ чувства или дѣйствія. Нельзя поэтому противоставлять безусловно «интеллигента» тому, кто занимается такой профессіей, въ которой упражненіе ума играетъ второстепенную роль, или даже ручнымъ ремесломъ. Интеллигенты есть и между рабочими, потому что есть рабочіе, которыя мыслятъ и интересуются болѣе своими идеями, чѣмъ своимъ ежедневнымъ трудомъ. Встрѣчаются также интеллигенты и между торговцами и промышленниками, какъ встрѣчаются они среди судей и чиновниковъ. Характеристичная черта интеллигентовъ вовсе не заключается въ томъ, что они должны быть романистами или профессорами санскрита. Между ними есть и такіе, которые мало или совсѣмъ ничего не писали и никогда не поучали оффиціально аудиторію. Конечно, въ силу разныхъ причинъ и хотя бы уже потому, что выборъ карьеры указываетъ въ извѣстной мѣрѣ на способности и вкусы, или потому еще, что имъ возможно развиваться и упражняться, интеллигенты будутъ многочисленнѣе въ тѣхъ профессіяхъ, которыя требуютъ прежде всего работы ума. Нечего, слѣдовательно, удивляться, если въ интересующій ихъ вопросъ вмѣшалось больше профессоровъ, чѣмъ машинистовъ, или литераторовъ, чѣмъ подметальщиковъ улицъ *).

Вотъ оно, русское опредѣленіе интеллигенціи, и опредѣленіе, повторенное двадцать лѣтъ спустя въ странѣ, которая въ своемъ политическомъ развитіи скорѣе забѣгаетъ впередъ прочихъ странъ, чѣмъ остается позади ихъ. Работа мысли и существенное жизненное значеніе, придаваемое этой работѣ,—таковъ основной признакъ „интеллигенціи“ по мнѣнію француза, принадлежащаго къ ней.

Но тутъ является сейчасъ же другой вопросъ: откуда же фактически взялась французская интеллигенція, выступленіе которой на историческую сцену въ тяжелый и смутный моментъ потребовало даже созданія новаго слова? Эта поднявшаяся на защиту справедливости интеллигенція главнымъ образомъ вышла изъ рядовъ буржуазіи: писатели, профессора, чиновники—вотъ тѣ слои, гдѣ преимущественно выросъ и созрѣлъ протестъ. Люди, осмѣ-

*) Fr. Paulhan, *Le droit des Intellectuels*; въ «La Grande Revue» № отъ 1-го октября 1898, стр. 735.

лившіеся пойти противъ колоссальныхъ силъ реакціи, которыя обнаруживались въ арміи, судѣ, парламентѣ, и противъ свирѣпой косности массъ, рисковали своимъ спокойствіемъ, положеніемъ, жизнью и — что страшнѣе всего!—своей репутаціей честныхъ и безкорыстныхъ гражданъ. Всѣмъ этимъ рисковали они и тѣмъ не менѣе пошли. Въ то же самое время, какъ я уже писалъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, двѣ великія общественныя силы, наполняющія теперь весь міръ шумомъ своей борьбы,—капитализмъ и соціализмъ, — остались почти совсѣмъ внѣ грандіознаго столкновенія, подѣлившаго всю Францію на два лагеря. Говоря такъ, я исключаю, конечно, отдѣльныхъ личностей, активное выступленіе которыхъ лишь подтверждаетъ, лишь подчеркиваетъ общую неподвижность въ данномъ случаѣ двухъ упомянутыхъ враждебныхъ силъ. И если соціалистическая партія Франціи мало-по-малу вышла изъ такого выжидательнаго положенія и, наконецъ, направилась въ сторону „идеологовъ", то это движеніе до самаго послѣдняго времени далеко не было такъ дружно и рѣшительно, какъ можно было бы ожидать отъ сторонниковъ міровоззрѣнія, которое борется противъ шовинизма, милитаризма, клерикализма и антисемитизма.

Все это заставляетъ меня рѣшиться на слѣдующій выводъ: теорія классовой борьбы, а особенно борьбы на почвѣ однихъ лишь экономическихъ интересовъ, должна быть дополнена существенной поправкой, и поправка эта касается все возрастающей роли нравственнаго элемента и убѣжденія въ соціальномъ движеніи нашихъ дней. Было бы неумѣстно входить здѣсь въ теоретическое обсужденіе сравнительнаго значенія экономическихъ и другихъ условій; мнѣ пришлось бы повторить мою обычную мысль о важномъ, но не единственномъ вліяніи „матеріальнаго" фактора. Но, во всякомъ случаѣ, даже и признавая общую вѣрность теоріи классовой борьбы въ широкомъ смыслѣ, я не хочу закрывать глаза на очень интересный соціологическій фактъ, который доставляетъ именно современная Франція: самое сильное общественное движеніе, которое обнаружилось въ ней за послѣднюю четверть вѣка, выросло на почвѣ страстнаго исканія „справедливости".

Всѣ силы реакціи заключили тѣсный союзъ противъ жертвы шовинизма, милитаризма и антисемитизма. Во французской арміи находится человѣкъ, который былъ вначалѣ противъ Дрейфуса и который, сознавъ свою ошибку, употребляетъ теперь всѣ свои усилія, чтобы открыть настоящаго предателя, ставя на карту въ этой борьбѣ съ ложью свою карьеру, жизнь и честь. И что же? Подполковникъ Пикаръ, этотъ „великій честный человѣкъ, этотъ солдатъ, выказавшій гражданское мужество, въ тысячу разъ болѣе рѣдкое и благородное, чѣмъ военное мужество, столько доказательствъ котораго онъ далъ въ Алжиріи и Тонкинѣ", этотъ

„дважды герой“, какъ называетъ его Прессансэ *), посылается, благодаря интригамъ штабныхъ, въ Тунисъ, и шайка враговъ-сослуживцевъ ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, мѣткая пуля кочевника закроетъ навсегда уста этого опаснаго искателя истины.

Во французскомъ сенатѣ одно изъ вице-президентскихъ креселъ было занято богатымъ эльзасцемъ, искреннимъ республиканцемъ, стариннымъ сподвижникомъ Гамбетты: пренебрегая своимъ спокойствіемъ и положеніемъ, онъ рѣшается подѣлиться со своимъ давнимъ другомъ, генераломъ Билльо, въ то время военнымъ министромъ, своимъ убѣжденіемъ въ невинности Дрейфуса. И что же? Другъ-генералъ предательски подставляетъ ножку Шерэру-Кестнэру, и послѣдній величается въ шовинистской прессѣ „выжившимъ изъ ума старымъ дуракомъ и подкупленнымъ измѣнникомъ“, а сенатъ при новой баллотировкѣ прокатываетъ неосторожнаго Донъ-Кихота правды на вороныхъ.

Матьё Дрейфусъ, братъ мнимаго предателя, вынужденъ, наконецъ, формально обвинить майора Эстергази въ составленіи „бордеро“: „негодяй, мерзкій жидъ, смѣешь ли ты сомнѣваться въ чести“ этого... интернаціональнаго мошенника и средневѣкового кондотьери, лишеннаго малѣйшаго нравственнаго чувства,—вопитъ постыдная печать и вторящая ей улица; и Матьё Дрейфусу вмѣняется въ преступленіе его рѣшимость не пожалѣть всего своего имущества, лишь бы доказать невинность брата. А презрѣнный шпіонъ Эстергази оправдывается при громѣ патріотическихъ трубъ и литавровъ, рукопожатіяхъ и радостныхъ слезахъ французскихъ генераловъ и офицеровъ и, скатываясь тріумфаторомъ съ лѣстницы военнаго суда, падаетъ на грудь герцога Орлеанскаго, чтобы, прибѣжавъ къ себѣ домой, получить оффиціальное свидѣтельство въ добропорядочности отъ генерала де-Пелльё, титулующаго его въ письмѣ „дорогимъ комендантомъ“.

Былъ также во французской литературѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ романистовъ современной эпохи, произведенія котораго читаются на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра, которому, казалось бы, только жить да поживать среди славы и богатствъ, пріобрѣтенныхъ литературнымъ трудомъ: „я обвиняю“, вдругъ вылилось изъ подъ пера Золя, разносясь по всей Франціи и всему свѣту,—и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было ни одной клеветы, ни одного площадного ругательства, ни одной угрозы, которымъ не служилъ бы мишенью этотъ смѣлый гражданинъ, возставшій противъ неправды.

Былъ, наконецъ, во французскомъ парламентѣ одинъ изъ величайшихъ ораторовъ XIX-го вѣка, человѣкъ, передъ умомъ, та-

*) См. Francis de Pressensé, *Un héros. Le lieutenant-colonel Piecquart;* Парижъ, 1898, стр. XV предисловія.

лантомъ и убѣжденностью котораго склонялись самые враги его, отъ устъ котораго, чтобы употребить античную метафору, золотыя цѣпи шли къ ушамъ слушателей, увлекаемыхъ, какъ плѣнники, побѣдной колесницей его краснорѣчія. И что же? Осмѣлился этотъ человѣкъ бросить въ лицо правительству Мелина негодующій упрекъ: „вы предали республику генераламъ", осмѣлился онъ заклеймить, во время процесса Золя, интриги генеральнаго штаба и вопіющее нарушеніе закона бывшимъ военнымъ министромъ Мерсье, и, склонившіеся подъ шовинистской бурей, избиратели предпочли защищавшему ихъ Жорэсу эксплуатирующаго ихъ маркиза де-Солажъ, а самого Жорэса „патріотическая" пресса немедленно же причислила къ сонму „измѣнниковъ, продавшихся заграничному дрейфусовскому синдикату".

И сколько можно было бы насчитать этихъ жертвъ реакціи, или, вѣрнѣе, этихъ героевъ убѣжденія, которые не остановились ни передъ чѣмъ, ни передъ какими эгоистическими соображеніями, а исполнили до конца свой подчасъ очень тяжелый долгъ. „Идеологи" Франціи явились въ эпоху переживаемаго кризиса цвѣтомъ и гордостью націи, и имъ мы обязаны идейнымъ пробужденіемъ страны. Какъ уложить ихъ дѣятельность въ игру матеріальныхъ интересовъ и даже въ рамки исключительно классовой борьбы? Сколько намъ ни приходилось слышать ревностныхъ партизановъ обновляющаго третью республику движенія, и великихъ, и малыхъ, и ученыхъ, и простыхъ смертныхъ,—у нихъ одна фраза на устахъ: мы боремся во имя общечеловѣческой справедливости! И не говорите, что то обыкновенная реторическая фраза, пустая декорація, за кулисами которой скрываются низменные интересы: эти люди самою дѣятельностью своею доказали, что слово не расходилось у нихъ съ дѣломъ, ибо они отдавали ему честь и жизнь. Кто видѣлъ Парижъ и вообще Францію въ это тяжелое, безумное время, тотъ сознается, что тутъ нѣтъ никакого преувеличенія.

Да, я увѣренъ, что современное идейное теченіе во Франціи указываетъ намъ на приближеніе той эпохи, когда наиболѣе чуткое, а поэтому и наиболѣе жизненное, наиболѣе сильное меньшинство будетъ руководиться преимущественно убѣжденіемъ, а не матеріальными и даже не классовыми интересами; и когда слово „справедливость" будетъ объединяющимъ знаменемъ для людей разныхъ общественныхъ положеній. Я слышалъ это слово на публичныхъ собраніяхъ изъ устъ кабинетныхъ ученыхъ, какъ изъ устъ привычныхъ къ агитаціи рабочихъ ораторовъ, и, кѣмъ бы оно ни произносилось, оно вызывало и вызываетъ трепетъ энтузіазма въ толпѣ. Не буду даже спорить противъ того, что понятіе о справедливости и содержаніе убѣжденія выросли на почвѣ реальныхъ людскихъ отношеній и интересовъ: съ меня довольно того, что нравственный элементъ взломалъ теперь сво-

имъ могущественнымъ ростомъ ту первоначальную почву, гдѣ зрѣло его сѣмя, и неудержимо стремится вверхъ, на просторъ, къ солнцу и свѣту. Мало того: пусть самое слово „справедливость" есть лишь переводъ на языкъ сознанія фатальнаго стремленія людей къ извѣстнымъ формамъ реальныхъ общественныхъ отношеній,—я тѣмъ охотнѣе соглашусь съ этой гипотезой, что и все наше сознаніе можно разсматривать лишь какъ надстройку, какъ воздушное зданіе, почти какъ иллюзію или „эпифеноменъ" (выраженіе Гёксли) органическихъ процессовъ. Пусть такъ, но эта иллюзія обладаетъ громадной силой, потому что съ человѣческой точки зрѣнія мы можетъ вліять другъ на друга лишь въ сферѣ сознанія; пусть такъ, но слово „справедливость" является теперь для насъ терминомъ, при помощи котораго мы можемъ столковаться. Ибо если мѣняется содержаніе справедливости, сообразно эпохѣ и средѣ, то настроеніе, при которомъ я совершаю извѣстный *справедливый*, по моему мнѣнію, актъ, само это настроеніе отличается уже несравненно большей специфичной устойчивостью. Говоря съ вами о справедливомъ и несправедливомъ, хотя этимъ формамъ сознанія соотвѣтствуютъ извѣстные объективные элементы, я дѣлаю то же самое, что дѣлаю, говоря съ вами въ практикѣ жизни о красномъ и фіолетовомъ цвѣтахъ вмѣсто того, чтобы толковать о 395 или 763 билліонахъ колебаній въ секунду.

Да, „справедливость" становится въ современной Франціи все болѣе и болѣе регулирующимъ элементомъ и въ извѣстной степени начинаетъ усложнять и связывать между собой даже борющіеся классовые интересы: вы можете теперь услышать чуть не ежеминутно на собраніяхъ въ честь Пикара, какъ и ученые изъ буржуазной среды, и рабочіе выражаютъ сильное желаніе идти рука объ руку и впредь, и послѣ торжества правды въ дѣлѣ Дрейфуса; какъ они обѣщаютъ продолжать это „взаимное общеніе" другъ съ другомъ и разрѣшать возможныя недоразумѣнія добросовѣстнымъ обсужденіемъ раздѣляющихъ ихъ классовыхъ вопросовъ. Пока важно одно: съ той и съ другой стороны падаютъ китайскія стѣны разобщенности и классовыхъ предразсудковъ. Профессоръ Психари, зять Ренана, развернулъ передъ взволнованной и растроганной аудиторіей картину недавняго умственнаго состоянія ученыхъ спеціалистовъ, отдѣленныхъ отъ народа и выразителей его стремленій глубокимъ рвомъ незнанія и предвзятыхъ мнѣній: „мы черезчуръ ушли въ свою узкую спеціальность, мы сидѣли надъ своими книгами и микроскопами, какъ бы въ комнатѣ, окна которой никогда не выходили на улицу, а куда-нибудь на задній дворъ... Но чувство справедливости сблизило насъ для общаго дѣла, и всѣ мы, и съ той и съ другой стороны, принуждены были отказаться отъ взаимныхъ предразсудковъ". Не знаменательно ли, что теперь даже самъ Жозефъ Рэйнакъ находитъ возмутительными законы 1893 г.

въ вотировкѣ которыхъ онъ принималъ такое участіе? Съ другой стороны, и активные дѣятели, противъ которыхъ направлены эти законы, и теоретизирующіе представители ихъ заявляютъ хотя бы устами Моклэра, что имъ остается только преклоняться передъ гражданскимъ мужествомъ ихъ новыхъ союзниковъ, профессоровъ и ученыхъ, надъ филистерствомъ которыхъбыло такъ принято смѣяться въ революціонной средѣ.

Можетъ быть, ничто не показываетъ лучше силу и свѣжесть новаго чисто идейнаго движенія, какъ судьба, постигшая тѣхъ соціалистовъ, которые желали поддержать и тутъ во всей своей исключительности теорію классовой борьбы и смотрѣли на упомянутое теченіе лишь какъ на движеніе буржуазіи въ пользу одного изъ пострадавшихъ членовъ ея. Всѣ эти теоретики со всѣми своими войсками остались въ сторонѣ отъ движенія, были опережены, затоплены имъ; и не окажись въ соціалистическомъ лагерѣ человѣка вродѣ Жорэса, можно смѣло сказать, что практическая роль соціализма во Франціи была бы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ сведена къ нулю. Упомяну о пресловутомъ манифестѣ соціалистической группы въ прошломъ парламентѣ, манифестѣ, гдѣ народу внушается дикая мысль разсматривать дѣло Дрейфуса лишь какъ семейную ссору буржуазіи. Упомяну о страшной нерѣшительности и глубоко ошибочномъ съ политической точки зрѣнія бездѣйствіи французской рабочей партіи марксистовъ.

Ибо если одинъ-два болѣе чуткіе представителя этой организаціи и увидѣли важность опредѣленнаго отношенія къ дрейфусовскому вопросу въ смыслѣ борьбы противъ милитаризма, то, кажется, этой платонической констатировкой и ограничилась вся ихъ дѣятельность за послѣдній годъ. А, между тѣмъ, ихъ вмѣшательство могло бы значительно ускорить и облегчить разрѣшеніе того мучительнаго кризиса, отъ котораго Франція начинаетъ освобождаться только теперь: заговори они смѣло и опредѣленно, они увлекли бы за собою и всю свою организацію и успѣли бы скорѣе пробудить одурманенную шовинистами націю. Для этого надо было лишь признать значеніе призыва къ борьбѣ за справедливость и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: въ самомъ Парижѣ и молодежь, и рабочіе ждали такого смѣлаго слова. Не типично-ли было, въ самомъ дѣлѣ, отношеніе слушателей на одномъ изъ митинговъ къ самому выдающемуся теоретику марксизма, Лафаргу, который, критикуя роль „справедливости“ въ построеніяхъ утопическихъ соціалистовъ, принужденъ былъ, однако, намекая на дѣло Дрейфуса, выразиться въ той же рѣчи—выразиться почти противъ воли своей—„пусть знаетъ реакція, что когда во Франціи совершается несправедливость, всѣ честные и мужественные люди встаютъ, какъ одинъ человѣкъ“; а едва произнесъ эту фразу,

какъ былъ втрѣченъ громомъ единодушныхъ рукоплесканій толпы!.. Оставалось, казалось бы, лишь продолжать; но увы! доктрина взяла свое, и такой, напр., умный, энергичный и героическій человѣкъ, какъ Гэдъ, который вначалѣ былъ расположенъ къ активному вмѣшательству въ дѣло Дрейфуса, выказалъ вскорѣ странный индифферентизмъ къ жгучей злобѣ дня и даже написалъ очень неудачную при данныхъ обстоятельствахъ статью, доказывая, что, молъ, въ классовомъ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. Шовинисты, конечно, не преминули воспользоваться этимъ мнѣніемъ, съ торжествомъ восклицая (лучше сказать, лая и рыча по обыкновенію): ну, вотъ видите! какой вамъ тутъ еще пересмотръ!.. просто хотите спасти богатаго жида—капиталиста, измѣнники вы этакіе!..

Не возражая этимъ господамъ, можно, однако, возразить Гэду: конечно, гражданинъ, въ современномъ обществѣ нѣтъ абсолютной справедливости; но это не мѣшаетъ тому, чтобы даже при классовомъ режимѣ не было извѣстныхъ формъ, извѣстныхъ гарантій, которыя вошли въ обиходъ современнаго права и нарушеніе которыхъ заставляетъ возмущаться человѣка нашихъ дней. Даже въ пылу долгой классовой борьбы успѣли выработаться нѣкоторые нейтральные пункты, успѣли возникнуть нѣкоторыя смягченія свирѣпой войны, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Современные Шейлоки капитализма могутъ, напр., эксплуатировать меня; но уже нѣтъ болѣе такого права, которое позволяетъ моимъ кредиторамъ рѣзать меня на части, снисходительно относясь къ перерѣзу или недорѣзу каждымъ изъ нихъ своей порціи,—si plus minusve secuerunt, sine fraude esto, какъ любезно замѣчаетъ законъ десяти таблицъ...

Мнѣ придется повторить то, чего я коснулся мимоходомъ раньше: среди представителей соціализма нашелся, можно сказать, лишь одинъ крупный человѣкъ, который понялъ съ самаго начала важность дѣла Дрейфуса для общаго прогресса и оцѣнилъ роль, которую чувство „справедливости“ будетъ играть все болѣе и болѣе въ перипетіяхъ классовой борьбы. Ему Франція обязана тѣмъ, что значительная часть сознательнаго пролетаріата стала, наконецъ, рѣшительно на сторону попраннаго права; и что теперь почти повсюду рабочія организаціи страны, взволнованныя конкретнымъ фактомъ несправедливости, рѣзко высказываются противъ шовинизма и военщины. Я говорю о Жорэсѣ и замѣчательной агитаціонной энергіи, обнаруженной имъ съ трибуны публичныхъ собраній и въ печати во все это печальной и недавней памяти время, когда Франція задыхалась среди испареній грязнокроваваго болота клерикальной и милитарной реакціи. Кто можетъ забыть удивительный эффектъ одной изъ самыхъ послѣднихъ и замѣчательныхъ статей Жорэса противъ генеральнаго штаба, когда утромъ онъ пророчески предсказывалъ существованіе фальшиваго

документа, а вечеромъ того же дня разнеслась по Парижу вѣсть объ арестѣ Анри и признаніи имъ совершеннаго подлога? Послѣ этого громоваго удара, этой карающей молніи, прорѣзавшей ночь лжи и гнета, даже слѣпой, глухой и трусливый парламентъ началъ прислушиваться къ голосу все растущаго и растущаго протеста и общественнаго негодованія; а соціалистическая партія въ палатѣ, проявляя запоздалый порывъ къ истинѣ и справедливости, наконецъ-то, стала на соотвѣтствующую ея принципамъ точку зрѣнія: защиту жертвъ насилія и произвола. Связать въ одно цѣлое общее міровоззрѣніе партіи и пониманіе всѣхъ существенныхъ вопросовъ дня—такова была задача, поставленная Жорэсомъ въ долгой и упорной борьбѣ за правду: эту задачу онъ разрѣшилъ какъ нельзя лучше. Говоря отъ лица пролетаріата, разбуженнаго, наконецъ, усиліями „идеологовъ", онъ могъ гордиться пріобрѣтенными результатами:

Очевидно, пролетаріатъ не хочетъ больше останавливаться лишь на общихъ формулахъ. У него, конечно, есть общій взглядъ на эволюцію общества; и идея соціализма освѣщаетъ для него этотъ путь. Но онъ хочетъ также знать вполнѣ и до мельчайшихъ пружинъ механизмъ великихъ событій. Онъ знаетъ, что если онъ не распутаетъ нитей интриги реакціи, то онъ обреченъ на всякую демагогическую ложь; и онъ далъ мѣру своей умственной силы, побѣдивъ заговоръ, въ которомъ Рошфоръ являлся поручителемъ за аббата Гарнье. Схватить общее направленіе экономическаго движенія, ведущаго къ соціализму, и проникнуть анализомъ детали сложной и подвижной дѣйствительности—вотъ для пролетаріата умственная проблема въ ея цѣломъ. Отнынѣ, во всѣхъ великихъ національныхъ кризисахъ, придется считаться съ пролетаріатомъ *).

Мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы остановиться нѣсколько на позорной роли парламента въ дѣлѣ Дрейфуса; на обоюдоострой функціи печати, которая, подобно языку въ сказкѣ Эзопа, явилась въ данномъ случаѣ и самой великой, и самой низкой вещью; на гражданскомъ мужествѣ, проявленнымъ высшимъ судомъ во Франціи при печальномъ паденіи всѣхъ другихъ и военныхъ, и гражданскихъ трибуналовъ. Но это черезчуръ удлиннило бы мою статью, посвященную общему изображенію идейнаго пробужденія Франціи. Да, кромѣ того, дѣло Дрейфуса далеко еще не кончено, и мнѣ придется вернуться снова къ нему. Здѣсь же я хотѣлъ бы подвести нѣкоторые соціологическіе итоги, вытекающіе изъ этого безпримѣрнаго въ своемъ родѣ общественнаго движенія, волны котораго далеко перекатились за предѣлы Франціи и расходятся по всему цивилизованному міру.

Однимъ изъ главнѣйшихъ итоговъ приходится признать значеніе въ жизни страны ея интеллигентнаго меньшинства, а въ этомъ интеллигентномъ меньшинствѣ вліяніе сильныхъ иниціа-

*) Jean Jaurès, *Les Preuves Affaire Dreyfus*; Парижъ, 1898, см. I—II стр. введенія къ этому замѣчательному сборнику статей, представляющему, можетъ быть, наилучшее критическое резюме сложнаго дѣла.

тивою личностей, обращающихся къ народу во имя общечеловѣческихъ идеаловъ справедливости. Если допустить, что Франція указываетъ другимъ странамъ путь политическаго развитія, то отсюда вытекаетъ, что вопросъ о роли интеллигенціи можетъ получить вскорѣ повсюду такой существенный интересъ, что съ нимъ придется считаться теоретикамъ голой классовой борьбы.

Другимъ выводомъ является признаніе почти магическаго могущества убѣжденія, которое при упорномъ и смѣломъ дѣйствіи на толпу можетъ вызвать необыкновенно сильное движеніе даже тамъ, гдѣ, казалось бы, не было никакихъ шансовъ на успѣхъ. Важно привлечь лишь вначалѣ на свою сторону энергичныхъ и столь же убѣжденныхъ личностей: каждая изъ нихъ, въ свою очередь, становится источникомъ внушенія и идейнаго гипнотизма для окружающихъ, пока, наконецъ, струи этого воздѣйстія не увлекутъ по закону моды и подражательности широкую массу, причемъ съ каждымъ шагомъ ваша работа становится все легче и легче, хотя качество прозелитовъ все ниже и ниже. Сравните, дѣйствительно, степень мужества у Золя, Клемансо, Жорэса со степенью мужества господина, подписавшагося въ послѣдніе дни на листахъ лицъ, протестующихъ противъ военнаго суда надъ Пикаромъ, напр., господина № 10,001 (въ первый день, какъ извѣстно, подписалось уже 10,000 человѣкъ на одномъ лишь листѣ газеты „L'Aurore"). Я просматривалъ эти подписи: по истинѣ психологія господина № 10,001—цѣлая поэма, ибо я узналъ въ этомъ господинѣ знакомыхъ мнѣ газетчиковъ, архитекторовъ, докторовъ, депутатовъ, которые, страха ради іудейска, притворялись до сихъ поръ убѣжденными въ виновности Дрейфуса, и которыми теперь словно плотину прорвало на листахъ протестантовъ... Ну, да Богъ съ ними!..

Интереснымъ выводомъ можетъ явиться и указаніе на новое направленіе научной и критической мысли, которая черезчуръ долго во Франціи (какъ и въ другихъ странахъ) разбивалась и работала по узкимъ каналамъ спеціальности, и застаивалась, и зацвѣтала въ нихъ, а теперь снова обнаруживаетъ стремленіе слиться въ одно общее русло, пытаясь освѣщать жгучіе вопросы современности (ср. рѣчь профессора Круазэ въ Сорбоннѣ). И, параллельно съ этимъ, среди интеллигентной буржуазіи вырабатывается стремленіе нести свою науку въ народъ, расширять его горизонтъ, пробуждать въ немъ способность самостоятельной оцѣнки, которая бы исключала возможность увлеченія демагогическими и цезаристскими идеями. Католическая реакція обратила, наконецъ, на себя вниманіе либеральной буржуазіи, и опасность, исходящая изъ Рима, не считается болѣе, какъ въ печальной памяти время Мелина, простымъ пугаломъ, выдуманнымъ лишь свободными мыслителями. Съ другой стороны, либеральная буржуазія начинаетъ сознавать, что исключительное пре-

STANFORD LIBRARIES

слѣдованіе ею матеріальныхъ интересовъ и борьба во имя ихъ съ трудящимися массами должны, въ концѣ концовъ, отчуждать буржуазную интеллигенцію отъ интеллигенціи рабочей, отъ народа, вообще отъ тѣхъ обширныхъ слоевъ, на которые буржуазіи приходится опираться хотя бы даже ради интересовъ своей мысли и своего развитія. Буржуазная интеллигенція кается въ своей многолѣтней винѣ и обѣщаетъ народу обратить вмѣстѣ съ нимъ свои усилія на коренную реформу правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Ученые, какъ Дюкло, Реклю, литераторы, какъ Анатоль Франсъ, публицисты, какъ Прессансэ, начинаютъ понимать важность соціальныхъ задачъ, а нѣкоторые даютъ даже довольно радикальныя рѣшенія этихъ вопросовъ; но всѣ признаютъ необходимость основной реформы арміи и даже уничтоженія военныхъ судовъ. И кто знаетъ, можетъ быть, иниціатива этого перваго шага въ борьбѣ съ милитаризмомъ будетъ принадлежать той самой Франціи, которая въ теченіе послѣдней четверти вѣка была если не единственнымъ, то главнымъ рычагомъ этого постыднаго соревнованія въ свирѣпости...

Какъ бы то ни было, но легче стало здѣсь дышать: Франція пробуждается, и хотѣлось бы думать, что мы, можетъ быть, стоимъ наканунѣ великихъ внутреннихъ, а по закону рикошета, и великихъ міровыхъ событій.—Человѣкъ человѣку волкъ (homo homini lupus), говоритъ одно изъ свирѣпыхъ дѣйствующихъ лицъ у Цецилія.—„Нѣтъ, человѣкъ человѣку богъ, если только онъ знаетъ свой долгъ (homo homini deus, si suum officium sciat)“, отвѣчаетъ другое лицо.... Нѣтъ страны „божественнѣй“ Франціи, когда ея пылкое сердце начинаетъ биться сознаніемъ долга!..

Дѣло Дрейфуса.

III. Реннскій судъ и міровой характеръ процесса.

(*Письмо восемнадцатое*).

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ *) я нахожусь, словно загипнотизированный субъектъ, во власти глубокихъ впечатлѣній, всецѣло овладѣвшихъ моимъ сознаніемъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ Реннѣ на процессѣ Дрейфуса. Вы можете сколько угодно изучать издали и конкретныя подробности, и основныя пружины этого мірового дѣла; можете съ крайнимъ волненіемъ и живѣйшимъ интересомъ слѣдить по газетамъ за различными его перипетіями: ничто не замѣнитъ тѣхъ,

*) Писано въ октябрѣ 1899 г.

даже немногихъ часовъ, которые вы переживете въ роли непосредственнаго наблюдателя, лицомъ къ лицу съ ближайшими участниками этой захватывающей духъ трагедіи. И какъ мнѣ жаль, что я не художникъ-психологъ, чтобы заставить читателей хотя отчасти испытать ту смѣну, столкновеніе и борьбу противоположныхъ чувствъ, то трепетное и мучительно напряженное состояніе, которое охватывало душу зрителей, отдававшихъ себѣ отчетъ въ великомъ символизмѣ совершавшагося на ихъ глазахъ событія.

Ибо не забудьте: на реннскомъ процессѣ маску слабыхъ, преходящихъ, сегодня живущихъ, а завтра исчезающихъ конкретныхъ личностей носили колоссальныя, безконечно болѣе устойчивыя силы исторической жизни, тѣ и свѣтлыя, и темныя идеи, борьба которыхъ и составляетъ содержаніе общественнаго развитія. И когда вы жадно вслушивались въ слова, всматривались въ жесты и игру физіономіи актеровъ, вы невольно, сквозь эту внѣшнюю, хотя и въ высшей степени волнующую васъ оболочку, проникали въ самую сущность великаго процесса общественной жизни, который не сегодня начался и не завтра кончится. И подсудимый, и его обвинители, и его защитники, и судьи, и зрители, были прозрачными носителями различныхъ началъ, могущественно двигавшихъ ими словно маріонетками Въ этомъ противорѣчіи между неизбѣжной слабостью конкретныхъ личностей и необыкновенною мощью выражаемыхъ ими принциповъ и заключался главный трагизмъ положенія. Актеры отъ времени до времени словно изнемогали подъ бременемъ громадной роли, возложенной на нихъ тѣмъ неподражаемымъ драматургомъ, которымъ является процессъ общественной эволюціи; и когда реплики и столкновенія дѣйствующихъ лицъ обнаруживали высшую степень трагическаго напряженія, у васъ мучительно сжималось сердце и изъ груди готовъ былъ вырваться съ необыкновеннымъ трудомъ сдерживаемый крикъ: „довольно, довольно! пощадите терзаемые нервы и эту безконечную способность человѣка къ страданію и состраданію!..“

Повторяю, надо было бы быть великимъ художникомъ-психологомъ, чтобы достойнымъ образомъ изобразить впечатлѣнія присутствовавшихъ при судѣ надъ Дрейфусомъ, и читатель не ждетъ отъ меня этого. Но я не могу, однако, удержаться, чтобы не подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми преслѣдующими меня, какъ кошмаръ, сценами, фигурами и положеніями. Начать съ того, что административныя мѣры предосторожности въ видѣ перегородокъ, рогатокъ, солдатъ и жандармовъ, отдѣлявшихъ ближайшія къ суду улицы отъ остального города, создали внутри сонной и безжизненной, въ политическомъ смыслѣ, столицы Бретани, особый кипучій центръ умственной и вообще нервной дѣятельности, своего рода маленькій или, вѣрнѣе, сгущенный, сконцентриро-

STANFORD LIBRARIES

ванный Парижъ. Тамъ, внѣ барьеровъ, на черезчуръ широкихъ для населенія улицахъ и площадяхъ новыхъ кварталовъ (Реннъ выгорѣлъ почти до тла въ 1720 г.), обитатели расхаживали обычною, характеристичною для всѣхъ провинціаловъ, неторопливою походкою, занимаясь своими будничными дѣлами и въ общемъ проявляя мало интереса къ тому, что происходило въ стѣнахъ ихъ города. Здѣсь же, внутри кольца административныхъ препятствій, куда допускались лишь избранные и съ извѣстными формальностями, на пространствѣ всего нѣсколькихъ десятковъ гектаровъ, занимаемыхъ зданіемъ лицея (гдѣ засѣдалъ военный судъ) и окрестными улицами, каждый день собиралась волнующаяся, нервная, интеллигентная толпа, которая поражала васъ обиліемъ встрѣчаемыхъ среди нея различныхъ, столь популярныхъ, благодаря своимъ портретамъ, знаменитостей,—всѣхъ этихъ литераторовъ, журналистовъ, ученыхъ, политическихъ дѣятелей, съѣхавшихся на судъ въ Реннѣ не только изъ Парижа, но и всей Франціи, да, пожалуй, и всего міра. Это была словно живая портретная галлерея, ходячій Пантеонъ современныхъ „славъ"; и, смѣло можно сказать, бывали дни, когда разразись какая-нибудь грозная катастрофа вродѣ урагана, землетрясенія и т. п. надъ этой ничтожною, по размѣрамъ, частью Ренна, она умственно обезглавила бы на двадцать лѣтъ Парижъ и Францію, лишивъ ихъ цвѣта интеллигенціи и верховъ мыслящаго населенія.

А зала суда, куда нетерпѣливо вливалась эта возбужденная, любящая и ненавидящая, благословляющая и проклинающая толпа! Я никогда, вѣроятно, не забуду физіономій дѣйствующихъ лицъ. Вотъ онъ, самъ „предатель", центральная фигура трагедіи, выносившая главную тяжесть ударовъ въ борьбѣ стараго міра съ новымъ, въ свирѣпой схваткѣ Франціи драгонадъ и іезуитовъ съ Франціей великихъ принциповъ!.. Подъ гребенку остриженная сѣдая голова; правильный, слегка удлиненный черепъ; голубые близорукіе глаза за вѣчнымъ пэнсъ-нэ; хорошо очерченный носъ, въ которомъ, къ стыду своему, я не могъ отыскать типичной, по мнѣнію юдофобствующихъ антропологовъ, крючковатости; и линія тонкихъ усовъ надъ тонкими же губами, на которыхъ застыло выраженіе какой-то холодной и спокойной скорби,—вотъ вамъ въ главныхъ чертахъ физіономія Дрейфуса, ничѣмъ не отличающагося по внѣшнему виду отъ средняго французскаго офицера изъ категоріи молодыхъ и „ученыхъ". Издали его слегка розовое, выбритое на щекахъ и подбородкѣ лицо даже обманывало васъ своимъ довольно здоровымъ видомъ. Но мнѣ нѣсколько разъ пришлось видѣть Дрейфуса въ трехъ-четырехъ шагахъ, когда его проводили конвойные, и вблизи его физіономія превращалась поистинѣ въ трагическую маску,—такъ изборозд-

дили ее во всѣхъ направленіяхъ мельчайшія морщины, каждой изъ которыхъ, можетъ быть, соотвѣтствовала одна изъ мучительныхъ 1800 ночей, проведенныхъ жертвою на Чертовомъ островѣ, среди безплодныхъ стоновъ о невинности и жгучихъ слезъ о потерянномъ человѣческомъ достоинствѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ, съ вѣчно грызущей сердце мыслью: „ты—предатель въ глазахъ цѣлаго народа!“

Меня глубоко поразила также и его походка, и въ данный моментъ я въ раздумьи кладу перо, чтобы яснѣе вызвать въ памяти фигуру идущаго Дрейфуса и лучше передать свое впечатлѣніе читателю... Представьте себѣ большую куклу, автоматическія, угловатыя движенія которой управляются какимъ-то внѣшнимъ, чужимъ механизмомъ, приводящимъ въ дѣйствіе, благодаря длиннымъ-длиннымъ нитямъ, вотъ эту застывшую, еще молодую, но бѣлую, какъ лунь, голову, эти сухія, размахивающія въ тактъ по военному руки и эти тощія, выпирающія изъ офицерскихъ панталонъ своими колѣнами, ноги, которыя съ видимымъ усиліемъ стараются согласоваться съ автоматическими движеніями рукъ. Этотъ характеръ усилія, исходящаго изъ какой-то внѣшней далекой пружины, которой нужно извѣстное время, чтобы дослать свои приказанія до мускуловъ тѣла, лежитъ, впрочемъ, на всей фигурѣ Дрейфуса. Такъ можетъ ходить и двигаться лишь изломанный физически и нравственно человѣкъ, которымъ, на развалинахъ нормальнаго я, управляетъ одна единственная мысль, одно гипнотическое велѣніе сознанія, напоминающее страшный декретъ неба въ „Вѣчномъ жидѣ“ Евгенія Сю: „иди, иди, маршируй, размахивай руками, несчастный семитъ, затравленный католиками и патріотами, доказывай всѣмъ и каждому, что и ты не предатель, и не всякій еврей по необходимости предатель; отнынѣ вся твоя жизнь должна быть посвящена ежеминутному, безпрестанному доказательству твоей собственной невинности и невинности всей твоей расы!..“ Такъ я истолковывалъ его походку, надъ автоматичностью которой издѣвались тѣ самые негодяи изъ „патріотовъ“, которые восхищаются у всѣхъ прочихъ офицеровъ деревянностью ихъ казарменныхъ движеній и безупречнымъ механизмомъ прикладыванія рукъ къ козырьку и сдвиганія каблуковъ.

Меня глубоко также поразилъ голосъ Дрейфуса, ясный, отчетливый, но лишенный всякаго тембра, вибраціи котораго только и придаютъ индивидуальный характеръ нашему голосу. Когда подсудимый поднимался со своей скамьи и начиналъ говорить, я первое время оглядывалъ всю залу, ища того, отъ кого шли эти слова: я не знаю, вліяніе-ли это пятилѣтняго молчанія, но Дрейфусъ говоритъ, точно чревовѣщатель, и его голосъ, безличный, автоматическій, какъ и всѣ его движенія, доходитъ до васъ точно съ другого свѣта. Среди насыщенной электричествомъ

залы, его рѣчь производила на меня поражающее впечатлѣніе. Можетъ быть, то была галлюцинація напряженныхъ нервовъ; но этотъ лишенный индивидуальности голосъ леденилъ мнѣ кровь въ жилахъ своимъ безличнымъ характеромъ. Подобно страшному голосу „Тѣни“ въ знаменитомъ разсказѣ Эдгара По, онъ, казалось, былъ коллективнымъ голосомъ всей несчастной преслѣдуемой расы, массовымъ отвѣтомъ еврейства на многовѣковыя притѣсненія; и этотъ французскій капитанъ конца XIX-го столѣтія какъ бы служилъ лишь механическимъ словеснымъ аппаратомъ для выраженія жалобъ и прошлыхъ, и настоящихъ, и— увы!—будущихъ жертвъ постыднаго антисемитизма...

Таковы мои впечатлѣнія отъ Дрейфуса, и потому, когда потайные юдофобы, — съ прямыми антисемитами я прекратилъ уже давно всякіе разговоры,—да, когда потайные юдофобы подъ личиною безпристрастія и даже фальшиваго соболѣзнованія критиковали при мнѣ „деревянность манеръ“ и „заученную крикливость заявленій“ Дрейфуса, производящаго будто бы этимъ неблагопріятное впечатлѣніе на тонкія уши этихъ деликатныхъ слушателей, то я едва удерживался отъ того, чтобы не послать ко всѣмъ чертямъ этого академическаго обсужденія и не бросить негодующей отповѣди прямо въ лицо этимъ стыдливымъ рыцарямъ реакціи: „прочь этотъ карнавалъ! долой эти постныя маски! скажите лучше прямо, что Дрейфусъ измѣнникъ, потому что жидъ, но не смѣйте требовать изящества манеръ отъ плѣнника, котораго подвергаютъ пыткѣ дикіе людоѣды, не читайте надъ операціоннымъ столомъ эстетическаго трактата о скорбно божественной игрѣ мускуловъ у античнаго Лаокоона, и не добивайтесь руладъ оперной примадонны отъ человѣка, грудь котораго разрывается отъ стоновъ и увѣреній въ своей невинности. На колѣна, фигляры, передъ великимъ человѣческимъ несчастіемъ!“...

Я видѣлъ также свирѣпыхъ враговъ Дрейфуса, всѣхъ этихъ военныхъ и штатскихъ защитниковъ „чести арміи“, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ бывшимъ военнымъ министрамъ и высшимъ офицерамъ генеральнаго штаба. Одни прямо поддѣлывали или приказывали поддѣлывать документы. Другіе дѣйствовали заодно съ поддѣлывателями ради сохраненія престижа высшаго воинскаго начальства, престижа, который долженъ былъ бы пострадать, даже и среди самыхъ наивныхъ „патріотовъ“, если бы военный судъ оправданіемъ Дрейфуса раскрылъ имъ глаза на преступныя дѣйствія лицъ, командующихъ арміей третьей республики. Ни для кого не было тайной, что во время процесса генералы и прочіе военные свидѣтели по дѣлу Дрейфуса держали наканунѣ каждаго засѣданія настоящій военный совѣтъ, на которомъ подробно вырабатывали планъ кампаніи на слѣдующій день, распредѣляли заранѣе роли между собою, и, словно на генеральной репетиціи, опредѣляли вплоть до мельчайшихъ подробностей

эффектныя „случайности“ завтрашняго военно-юридическаго лицедѣйства. Стѣны военнаго клуба и шикарной гостинницы „Hôtel moderne“, въ которой остановилось большинство генераловъ, платя по 50 франковъ въ день, могли бы разсказать поучительныя исторіи насчетъ того, какъ, подъ предводительствомъ великаго стратегика Мерсье и не менѣе великаго тактика Рожэ, военная камарилья, пользуясь своимъ вліяніемъ на дисциплинированныхъ судей, вторично подготовляла осужденіе невиннаго.

Да, я видѣлъ на засѣданіяхъ суда, въ первыхъ рядахъ свидѣтельскихъ мѣстъ, главнаго виновника дрейфусовской исторіи, генерала Мерсье, который, своей морщинистой физіономіей съ короткими жесткими усами, небольшими черными глазами, зорко высматривавшими изъ-подъ тяжелыхъ, словно свинцовыхъ, порою совсѣмъ закрывавшихся вѣкъ, и аффектированной неподвижностью согнувшагося тѣла, напоминалъ старую пантеру, притворявшуюся отъ времени до времени спящей, но на самомъ дѣлѣ ни минуты не спускавшую глазъ съ своей добычи. И это сходство еще болѣе усиливалось, когда въ экстренный моментъ генералъ Мерсье выпрямлялся, вставалъ и мелкими шажками всходилъ на эстраду передъ судьями, чтобы сбить съ толку неудобнаго свидѣтеля и отпарировать грозящій ударъ при помощи объясненій, даваемыхъ добродушнымъ тономъ и подкрѣпляемыхъ мягкими, порою бившими на вдумчивую разсѣянность жестами человѣка, который не полагается на свою память, боится ошибиться безъ всякаго злого умысла и старается воскресить въ воспоминаніи точную физіономію событій. Этотъ интриганъ, клерикалъ и воспитанникъ іезуитовъ вполнѣ достоинъ своей внѣшней физіономіи „злодѣя“ псевдо-классической трагедіи. И вы не могли бы достаточно налюбоваться на его инстинктивное знаніе сценическихъ эффектовъ, тогда, напр., когда онъ осмѣливается обратиться къ несчастному Дрейфусу съ фразистымъ заявленіемъ, что онъ и радъ бы былъ ошибиться относительно предательства капитана, но по совѣсти и долгу службы не можетъ...

Видѣлъ я на процессѣ и правую руку Мерсье, генерала Рожэ, который при всѣхъ жаркихъ столкновеніяхъ между обвиненіемъ и защитой, бросался въ аттаку, прикрывая, что называется, своимъ тѣломъ славнаго организатора дрейфусовскаго дѣла. Средняго роста, прекрасно сложенный, хорошо сохранившійся для своихъ шестидесяти съ хвостикомъ лѣтъ, Рожэ производитъ впечатлѣніе стараго льва, избалованнаго гарнизонными похожденіями и столичными успѣхами въ салонахъ. Будь я карикатуристомъ, я, кажется, въ нѣсколько штриховъ схватилъ бы эту самодовольную, самонадѣянную, бьющую на рекламу фигуру: достаточно трехъ кривыхъ линій, чтобы изобразить его любимую позу въ тѣхъ случаяхъ, когда съ обычнымъ нахальствомъ онъ

старается смутить враждебнаго ему свидѣтеля, особенно если этотъ свидѣтель изъ военныхъ. Нарисуйте одну подъ другой три разной величины дуги, обращенныя выпуклостью вправо, и у васъ получится портретъ Рожэ на реннскомъ процессѣ: дуга первая—линія его орлинаго носа на сухомъ правильномъ лицѣ; дуга вторая—немилосердно изогнутая правая рука съ локтемъ, презрительно выдвинутымъ впередъ, и указательнымъ перстомъ руки, повелительно направленнымъ въ сторону носка ботфорта; дуга третья—все его ухарски изогнутое тѣло, съ головой откинутой назадъ, выпяченнымъ бокомъ и сдвинутыми подъ прямымъ угломъ каблуками. А для вящшаго сходства вы подъ этимъ трехъ-дужнымъ рыцаремъ можете обозначить пунктиромъ воображаемаго коня. При взглядѣ на Рожэ мнѣ, дѣйствительно, все такъ и казалось, что онъ ѣдетъ мысленно на гордомъ скакунѣ,—столь неистово онъ парадировалъ передъ галлереей „патріотовъ“ и „патріотокъ“, бросая презрительные взгляды на дрейфусистовъ, которые платили ему сторицею. И нужно было видѣть, какъ перекрещивались въ нервной атмосферѣ залы эти взоры, заряженные ненавистью и сталкивавшіеся между собою, словно стальные клинки.

Въ извѣстномъ смыслѣ, Рожэ—цвѣтъ и гордость тѣхъ крупныхъ военныхъ чиновъ, которые готовы при первой возможности свалить республику, лишь бы то можно было продѣлать безъ особаго риска для карьеры, потому что всѣ эти враги свободнаго демократическаго режима тѣмъ не менѣе очень любятъ жирные оклады, ордена и почести, которыя имъ въ такомъ изобиліи разсыпаетъ презираемая ими, но добродушная Маріанна. Недаромъ за узду лошади Рожэ схватился пламенный „патріотъ“ Деруледъ, приглашая генерала двинуться на захватъ президентскаго дворца; и лишь малое сочувствіе солдатъ остановило браваго воина на пути къ совершенію переворота. Какъ-бы то ни было, этотъ доблестный типъ генерала-карьериста, выросшаго въ атмосферѣ французскаго шовинизма и безконтрольнаго хозяйничанія военнымъ бюджетомъ, проявилъ себя на судѣ въ полномъ блескѣ. Какъ хищная птица, Рожэ налеталъ на свидѣтелей, показывавшихъ въ пользу Дрейфуса, вмѣшивался въ пренія, направляя ихъ по своему, и, лишь встрѣчая рѣзкій отпоръ Лабори и двухъ-трехъ смѣлыхъ и энергичныхъ офицеровъ, на время садился на свое мѣсто, показывая клювъ и когти. Но сейчасъ же снова начиналъ кружить, какъ настоящій коршунъ, надъ несчастной жертвой, то стараясь затушевывать запутанными и сомнительными соображеніями все сильнѣе и сильнѣе обнаруживавшуюся невинность Дрейфуса, то разсыпая щедрую ложь передъ подобострастно слушавшими его судьями.

Любопытный типъ въ своемъ родѣ представлялъ и третій очень много ораторствовавшій на процессѣ генералъ: я говорю

о директорѣ артиллерійскаго департамента, Делуа, который постоянно съ необыновеннымъ упорствомъ повторялъ: „да что же? я собственно лишь экспертъ, какой же я свидѣтель“, но тѣмъ не менѣе свирѣпо и безпощадно обвинялъ Дрейфуса въ измѣнѣ на основаніи разныхъ нелѣпыхъ гипотезъ, прошмыгивая въ то же время мимо такихъ очевидныхъ данныхъ, какъ признаніе самимъ Эстергази факта написанія бордеро. Если двумъ изображеннымъ мною выше генераламъ принадлежала трагическая роль въ процессѣ, то генералъ Делуа взялъ на себя комическую. Его дѣло было, подъ видомъ добродушной фамильярной бесѣды съ военными судьями, напугать ихъ воображеніе громадной важностью выданныхъ документовъ и приписать эту измѣну крупному спеціалисту по артиллерійскимъ вопросамъ, какимъ, молъ, только и могъ быть сидящій на скамьѣ подсудимыхъ капитанъ... Ахъ, нужно было видѣть эту уморительную и омерзительную вмѣстѣ фигуру, чтобъ понять громкое восклицаніе, которой вырвалось невольно изъ груди одного журналиста, внимательно слѣдившаго за показаніями Делуа: „старый плутъ! безсовѣстная бестія“! Представьте себѣ длинное, неуклюжее, на манеръ сосиски, туловище на короткихъ ножкахъ, съ короткими же ручками по бокамъ и съ комично мотающейся на верху рѣдькообразной плѣшивой головой, снабженной маленькими плутовскими глазками французскаго „хозяйственнаго мужичка“ на изборожденномъ морщинами лицѣ и длиннѣйшей каррикатурной эспаньйолкой. Заставьте этого петрушку подпрыгивать или топотать ножками, хлопать ручкими и щелкать пальцами, трясти головой и эспаньйолкой, подмигивать глазками; вложите въ него комичный, хрипящій, свистящій, какъ у настоящаго петрушки, органъ рѣчи; заставьте его произносить уморительные по формѣ, но исполненные тенденціозной лжи монологи, пересыпанные прибаутками не то унтеръ-офицера, не то разъѣздного приказчика. Таковъ былъ обвинитель—„экспертъ“, всѣ нападенія котораго противъ Дрейфуса были заранѣе тщательно взвѣшены и аппробованы генералами Мерсье и Рожэ.

Я не могу пройти молчаніемъ и штатскаго главы націоналистовъ, „новаго неподкупнаго Робеспьера“, какъ одурѣвшіе поклонники старчески-свирѣпаго паяца Рошфора величаютъ теперь пресловутаго Кавеньяка, благодаря которому нелѣпый документъ, сфабрикованный полковникомъ Анри, былъ расклеенъ годъ тому назадъ въ 36000 коммунахъ Франціи. Кавеньякъ ничего не говорилъ на тѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ мнѣ пришлось присутствовать; но я долго и пристально всматривался въ эту фигуру, которой будетъ принадлежать въ исторіи едва-ли не самое почетное мѣсто между палачами невиннаго человѣка. Нескладный, худощавый,

съ впалою грудью субъектъ, на которомъ узкій черный сюртукъ отказывался сидѣть какъ слѣдуетъ, мѣстами черезчуръ обтягивая это согнувшееся туловище, мѣстами вися мѣшкомъ; блѣдное испитое лицо съ горящими глазами, которые странно и растерянно смотрѣли куда-то необыкновенно близко, словно внутрь головы,— я бы готовъ былъ прибавить: „преслѣдуя свою вѣчную внутреннюю грезу", какъ Леконтъ-де-Лилль охарактеризовалъ въ знаменитомъ стихѣ выраженіе глазъ быка, если бъ у Кавеньяка вмѣсто зоологическаго спокойствія взоръ не выдавалъ какой-то мучительной озабоченности. И, можетъ быть, нѣтъ ничего типичнѣе этого полусумасшедшаго, смотрящаго внутрь взгляда для честолюбиваго, ожесточеннаго противъ судьбы и людей маніака, который на виновности Дрейфуса вздумалъ построить самые грандіозные планы своей личной славы и общественной миссіи въ роли президента республики, добродѣтельнаго диктатора, спасителя Франціи и Богъ знаетъ еще кого...

Выплываютъ въ моей памяти и болѣе второстепенныя фигуры антисемитскаго и патріотическаго клана: Жюль Лемертъ, еще недавно апостолъ изящнаго скептицизма, а нынѣ восторженный поклонникъ Деруледа—тщедушный человѣчекъ съ полинялой, кислой физіономіей не то педагога, не то чиновника, подобострастно и вмѣстѣ восторженно разговаривавшій съ важными военными и отъ времени до времени обводившій публику необыкновенно довольнымъ взглядомъ, словно призывая ее въ свидѣтели своего патріотическаго счастья: вотъ, молъ, съ какими эполетами бесѣдую. Морисъ Барресъ, претенціозный молодой человѣкъ съ красивыми и правильными чертами лица и большимъ горбатымъ носомъ, который всего какихъ-нибудь десять лѣтъ онъ съ гордостью выдавалъ въ литературныхъ салонахъ за знакъ своего семитическаго происхожденія (была и такая мода на экзотическихъ предковъ среди декадентовъ!), а нынѣ прогуливался въ шовинистскихъ кружкахъ съ видомъ Нарцисса, необычайно уважающаго себя за свой безукоризненный проборъ, элегантный пиджакъ и патріотическую белиберду, разводимую на столбцахъ клубнично-милитаристскихъ газетъ вродѣ „L'Echo de Paris".

А вотъ, по закону контраста, возстаетъ въ моихъ столь свѣжихъ еще воспоминаніяхъ группа сторонниковъ Дрейфуса или, вѣрнѣе, хранителей истинныхъ республиканскихъ принциповъ и благородныхъ традицій Франціи,—всѣхъ этихъ ученыхъ, литераторовъ, политическихъ дѣятелей и даже—правда, немногочисленныхъ—военныхъ, которые жертвовали спокойствіемъ, положеніемъ, карьерою и, можно сказать, жизнью для защиты истины и справедливости. Я говорю здѣсь, конечно, лишь о тѣхъ лицахъ этой группы, которыхъ я видѣлъ на судѣ.

Высокій, статный, въ черномъ сюртукѣ, смѣнившемъ синій мундиръ зуава, подполковникъ Пикаръ, вызываемый нѣсколько

разъ защитой для очной ставки съ лжесвидѣтелями, спокойно всходитъ на эстраду предъ судьями. И въ то время, какъ какой нибудь нахальный Рожэ или балаганный Делуа разыгрываетъ прорепетированную наканунѣ роль, онъ нѣсколько флегматически ждетъ своей очереди, чтобы двумя-тремя ясными и логичными фразами разорвать сѣть лжи и искаженій, которою главный штабъ старается опутать вырывающуюся на свѣтъ божій истину. Его противники, внѣ себя отъ ярости, не останавливаются передъ прямыми оскорбленіями неудобнаго свидѣтеля: „герой" убѣжденія, какъ удачно назвалъ его Прессансэ, попрежнему остается полонъ самообладанія и достоинства. Онъ раза два медленно покачиваетъ головой въ знакъ несогласія и, не измѣняя тона, не повышая голоса, снова принимается за распутываніе хитросплетеній. Снова течетъ его плавная, исполненная логики и внутренней силы рѣчь; и лишь изрѣдка онъ ускоряетъ ея темпъ, сопровождая ее умѣренными жестами руки. И снова кипятится какой-нибудь трагическій или комическій лжецъ, выбиваемый Пикаромъ изъ послѣднихъ укрѣпленій неправды. Предсѣдатель военнаго суда предупредительно избавляетъ лжесвидѣтеля отъ компрометирующаго состязанія и отсылаетъ подполковника на мѣсто въ то время, какъ его противникъ кончаетъ, можетъ быть, на новой дерзости, отъ которой вчужѣ загорается сердце и сжимаются кулаки. Я смотрю въ этотъ моментъ на Пикара, слегка опрокинувшагося на спинку свидѣтельскаго сидѣнья. Голова чуть-чуть склонилась на грудь; онъ оперся щекой на руку; на лицѣ играетъ легкій румянецъ отъ внутренняго волненія, отъ негодованія на ложь, отъ презрѣнія къ лжецу. Но онъ попрежнему внимательно вслушивается въ показанія и попрежнему время отъ времени медленно дѣлаетъ отрицательный жестъ головой; голубые задумчивые глаза освѣщаютъ его поблѣднѣвшее отъ годового сидѣнья въ тюрьмѣ лицо, и не то грусть, не то иронія свила себѣ гнѣздо въ углахъ рта...

А вотъ двѣ-три другія фигуры офицеровъ, вызванныхъ защитою: Гартманъ, рослый, смуглый, нѣсколько грубоватый, но съ необыкновенно энергичными чертами человѣкъ, жесткій профиль котораго и сильно развитыя скулы выдаютъ непреклонную волю, служащую убѣжденію, тогда какъ умные глаза и свободно льющееся слово свидѣтельствуютъ о недюжинной интеллектуальной силѣ. Я не могу забыть, какую убѣдительность онъ вкладываетъ въ свою строго-техническую, но ясную рѣчь, въ эту, можно сказать, образцовую лекцію о невиновности Дрейфуса; и какъ среди чисто спеціальныхъ подробностей онъ успѣваетъ однимъ ударомъ, одной фразой опрокинуть доводы возражателя. Такъ, когда генералъ Делуа, кривляясь и прыгая по обыкновенію, нѣсколько разъ повторялъ на разные лады своимъ голосомъ петрушки: „авторъ бордеро... авторъ бордеро... о, это былъ, конечно, важный

баринъ, в-в-важный ба-а-а-ринъ (gros seigneur), гг. судьи", Гартманъ пристально взглянулъ на гаерствовавшаго „эксперта" и, ни секунды не задумываясь, бросилъ ему въ лицо спокойно презрительнымъ, но энергичнымъ тономъ: „что важный баринъ, не спорю, но только не по части артиллеріи", и надо было видѣть, какъ былъ принятъ и друзьями, и врагами Дрейфуса этотъ, быстрый, какъ молнія, „выпадъ" въ отсутствовавшаго Эстергази!.. Подъ пристальнымъ взоромъ и побѣдоносной репликой Гартмана генералъ Делуа скорчился, сжался, подрыгалъ, съ выраженіемъ комичнаго безсилія на плутовскомъ лицѣ, ручками и ножками и какъ-то вдругъ, зигзагами и прыжками, скатился съ эстрады на свое мѣсто: такъ ежится и сморщивается въ тряпку еще за минуту гордо надутая каучуковая кукла, которую насквозь прокололо острая игла...

Въ своемъ родѣ былъ хорошъ и Карвальо, красивый, молодой брюнетъ, тонкая талія котораго, охваченная съ иголочки новымъ офицерскимъ мундиромъ, произвела, сказываютъ, такое впечатлѣніе даже на „патріотокъ", что одна изъ нихъ, герцогиня Д., жеманясь и кокетничая своимъ—увы, уже изрядно поношеннымъ—лицомъ, авторитетно произнесла: „очень, очень недуренъ! Какая жалость, что онъ дрейфусистъ... но... онъ, впрочемъ, такъ еще молодъ и можетъ раскаяться и исправиться"—чѣмъ вызвала за спиной колючее замѣчаніе пріятельницы: „о, пусть въ такомъ случаѣ грѣшникъ поторопится покаяніемъ въ виду возраста исповѣдницы"... Карвальо—типъ хорошаго француза, веселаго, жизнерадостнаго, пламеннаго энтузіаста, вѣрящаго въ окончательное торжество свободы и справедливости на землѣ. На судѣ онъ задался цѣлью показать, между прочимъ, что пресловутое „руководство къ стрѣльбѣ", которое, по мнѣнію враговъ Дрейфуса, могъ имѣть въ рукахъ лишь офицеръ главнаго штаба, путешествовало на самомъ дѣлѣ по всей арміи, и путешествовало безъ всякихъ ограничительныхъ и конфиденціальныхъ мѣръ. И надо было слышать, съ какимъ остроуміемъ, съ какимъ ни на минуту не измѣнившимъ ему прекраснымъ расположеніемъ духа онъ изобличалъ на очной ставкѣ лжесвидѣтелей, утверждавшихъ противное; какъ иронически, по товарищески онъ приглашалъ ихъ припомнить тѣ или другія подробности, доказывавшія всю правду его показаній.

Но никто изъ слышанныхъ мною свидѣтелей не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба, а нынѣ инженеръ де-фонъ-Ламоттъ, брюнетъ, нѣсколько напоминавшій Карвальо, но выше его ростомъ, старше возрастомъ и вносившій въ свои показанія болѣе трагическую ноту негодованія и идейной страсти. Участвовавшій самъ въ обычной технической стряпнѣ генеральнаго штаба, досканально изучившій спеціальные вопросы маневровъ, мобилизаціи, функ-

ціонированія различныхъ отдѣленій штаба, онъ разрушилъ, растеръ въ порошокъ техническія стороны обвиненія. Въ сущности это былъ не свидѣтель, а великолѣпный адвокатъ: одаренный выдающеюся логикой, на службѣ у которой находится поистинѣ колоссальная и необыкновенно точная память, обладающій естественнымъ даромъ слова, онъ удачно вставлялъ отъ времени до времени въ свои чисто дѣловыя показанія аргументы, шедшіе прямо къ сердцу и чувству слушателей. Вся рѣчь Ламотта двигалась, какъ одно органическое цѣлое, словно великолѣпно предводимая рать, и каждая часть ея маневрировала въ безупречномъ порядкѣ, идя къ одной общей цѣли. И какъ боевая труба, какъ военный призывъ, гармонично и сильно въ концѣ каждаго логическаго періода звучала металлическая, страстно произносимая фраза: „итакъ, вотъ на чемъ основано мое убѣжденіе въ невинности Дрейфуса, вотъ почему послала меня сюда совѣсть моя, и вотъ для чего я здѣсь! (et c'est pour cela que je suis ici!)“..

А его поединокъ или, вѣрнѣе, рядъ поединковъ съ заклятыми врагами Дрейфуса!.. Можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ свидѣтелей защиты не боролся съ такимъ успѣхомъ противъ шайки милитаристовъ; ни одинъ не переходилъ такъ удачно изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; ни одинъ не обнаруживалъ столько гордой независимости передъ чинами и эполетами. За каждымъ коварнымъ вопросомъ, предлагаемымъ ему лжесвидѣтельствующими генералами съ цѣлью сбить его съ толку, отвѣтъ Ламотта слѣдовалъ почти мгновенно, какъ мастерской фехтовальный отбой. И опять таки, какъ острая шпага въ рукахъ опытнаго фехтовальщика, сейчасъ же встрѣчный вопросъ впивался въ вопрошающаго. Одному Ламотту удалось заставить замолчать самаго нахальнаго, прекрасно управляющаго своими нервами Рожэ. Когда этотъ генералъ сталъ по обыкновенію руководить преніями вмѣсто предсѣдателя, засыпая лично вопросами свидѣтеля, Ламоттъ вдругъ выпрямился во весь ростъ, далеко вытянулъ впередъ руку и, энергично проведя ее нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону въ знакъ рѣшительнаго несогласія, отчеканилъ, упорно смотря въ глаза Рожэ: „о! эти пріемы здѣсь не у мѣста, и я ихъ не допущу! если свидѣтель желаетъ ставить мнѣ вопросы, то пусть онъ, какъ и я, обращается чрезъ предсѣдателя суда!“... Нужно было видѣть жестъ и слышать тонъ, которымъ была произнесена эта звенящая, какъ сталь, фраза... Въ залѣ воцарилось гробовое молчаніе... Предсѣдатель и судьи ерзали на мѣстахъ и готовы были, кажется, провалиться сквозь землю... Ропотъ одобренія прошелъ даже въ рядахъ индифферентистовъ, тогда какъ „патріоты“ метали свирѣпые взоры и сжимали кулаки... Красивое лицо стараго дэнди смертельно поблѣднѣло подъ ударомъ этого словеснаго хлыста, и въ теченіе двухъ минутъ, исполненныхъ величаваго трагизма, генералъ Рожэ не могъ про-

изнести ни звука, стараясь скрыть бѣшеный гнѣвъ противъ смѣльчака подъ маскою презрительнаго равнодушія: магическое дѣйствіе трехъ дугъ исчезло; гордо откинутая голова подалась впередъ, склоняясь слегка на грудь; руки нервно сжимали край свидѣтельскаго стола, и изящные пальцы, словно когти разъяреннаго звѣря, готовы были, кажется, вонзиться въ доску.

Но, оставляя въ сторонѣ другихъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ свидѣтелей по защитѣ, въ родѣ членовъ института, Сэбера и Гавэ, оставляя въ сторонѣ даже такого замѣчательнаго адвоката, какъ Деманжъ, я спѣшу перейти къ главной фигурѣ защиты, знаменитому Лабори, который, съ самаго процесса Золя, является bête noire милитаристовъ, „патріотовъ“ и клерикаловъ. Громаднаго роста, съ энергичнымъ, столь популярнымъ теперь профилемъ, — смѣло очерченнымъ носомъ, слегка откинутымъ лбомъ и русой довольно коротко подстриженной бородой,— Лабори представляетъ собою типъ мужественнаго, благороднаго и горячо убѣжденнаго человѣка, именно человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова, а не только адвоката, не только профессіональнаго защитника. Самъ театральный средневѣковой костюмъ французскихъ адвокатовъ—широкая черная мантія и черная же, складками, шапочка—костюмъ, который представляется зачастую столь смѣшнымъ на узкихъ плечахъ иного тщедушнаго геморроидальнаго адвокатика, придаетъ еще болѣе величія и безъ того пышной фигурѣ Лабори. А прибавьте къ этому широкіе, порою положительно грандіозные жесты; блескъ гордыхъ и выразительныхъ сѣрыхъ глазъ въ минуты энтузіазма или волненія; мощный и гибкій голосъ, который то падаетъ до рокочущихъ звуковъ грудного баса, то поднимается въ моментъ негодованія до высокихъ, почти свистящихъ нотъ тенора; и, наконецъ, рѣдкое сочетаніе въ одномъ человѣкѣ двухъ противоположныхъ качествъ: хладнокровія и тонкости анализа при выработкѣ плана, и удивительной стремительности и пылкости при его выполненіи.

Я присутствовалъ при гомерической борьбѣ Лабори противъ генераловъ Мерсье, Рожэ, де-Буадеффра и Гонса и, не колеблясь, говорю: никогда еще въ жизни мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ болѣе напряженной трагедіи; никогда еще не сжималось такъ мучительно сердце отъ величія тѣхъ историческихъ минутъ, которыя были заполнены этой колоссальной борьбой новой Франціи противъ старой, свѣта противъ мрака, истины противъ лжи и свободы противъ насилія... Я смотрѣлъ на гиганта въ черной мантіи, который своими вопросами наносилъ одинъ за другимъ страшные удары коалиціи оффиціальныхъ лжецовъ. Пока то тотъ, то другой, а то и сразу нѣсколько свидѣтелей по обвиненію свирѣпо клеветали на Дрейфуса, его защитникъ, наклоняясь вполовину своимъ могучимъ корпусомъ надъ пюпитромъ, громадными

буквами лихорадочно набрасывалъ на листѣ бумаги исполинскимъ синимъ карандашомъ планъ вопросовъ... И вотъ, когда словесная помойная труба на время переставала извергать на подсудимаго потоки грязи, Лабори подиимался во всемъ своемъ величіи и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, держа въ рукахъ исцещренный гіероглифами листъ, который трепеталъ между его пальцами, словно отъ дуновенія яростнаго урагана, металъ вопросъ за вопросомъ въ сторону предсѣдателя, иронически-почтительно прося его поставить ихъ то тому, то другому свидѣтелю „для разъясненія". Высочайшая иронія заключалась здѣсь въ томъ обстоятельствѣ, что предсѣдательствовавшему полковнику приходилось повторять своими дисциплинированными устами такіе жестокіе вопросы, которые были осужденіемъ не только преступныхъ дѣйствій нѣсколькихъ генераловъ, но и всей политики главнаго штаба, да и всего духа, царящаго среди высшихъ чиновъ французской арміи.

Когда генералъ Гонсъ, краснѣя и потѣя отъ непосильнаго умственнаго напряженія и нравственной пытки, принужденъ былъ признаться, что въ одномъ изъ отдѣленій генеральнаго штаба сослуживцы Пикара распечатывали всю его корреспонденцію, распечатывали въ тотъ самый моментъ, когда начальство внѣшнимъ образомъ выказывало знаки расположенія къ героическому подполковнику, то чувство негодованія на это предательство должно было охватить всякаго непредубѣжденнаго человѣка. А когда Лабори поставилъ убійственный вопросъ, насколько такое поведеніе совмѣстимо съ лойальностію и чувствомъ чести военныхъ людей, то, хотя предсѣдатель отказался поставить этотъ вопросъ, великолѣпная аттака адвоката произвела свое дѣйствіе. Союзъ военной камарильи, поклявшейся погубить окончательно несчастную жертву военнаго суда 1894 г. и покрыть первоначальное преступленіе, этотъ союзъ для всѣхъ обрисовался во всей своей возмутительной реальности. Можно смѣло сказать, что этотъ поединокъ Лабори противъ темныхъ силъ реакціи стоилъ цѣлыхъ мѣсяцевъ антимилитарной агитаціи... И я понялъ восклицаніе, которое тутъ же вырвалось по адресу Лабори изъ устъ Жорэса, по обыкновенію исполненнаго идейнаго и эстетическаго энтузіазма передъ всякимъ мужественнымъ и благороднымъ поступкомъ: „левъ поднялся во всемъ своемъ грозномъ величіи". Мнѣ, дѣйствительно, Лабори показался въ ту минуту мощнымъ и великодушнымъ львомъ, защищающимъ Дрейфуса страшнымъ ударомъ своихъ желѣзныхъ лапъ и челюстей противъ стаи всевозможныхъ хищниковъ: пантеры — Мерсье, кондора — Рожэ и массы второстепенныхъ звѣрей и звѣришекъ, всѣхъ этихъ волковъ, шакаловъ, псовъ и ядовитыхъ змѣй...

Пришедшая мнѣ на память фраза Жорэса вызвала въ моемъ представленіи и всю фигуру этого знаменитаго оратора, кото-

рому принадлежитъ такая видная роль въ борьбѣ противъ милитаризма. Я уже описывалъ разъ его наружность, говоря объ ораторахъ третьей республики, и не буду подробно возвращаться къ его портрету. Но какъ не отмѣтить того впечатлѣнія силы и убѣжденія, которое исходитъ отъ этой невысокой, массивной мужиковатой фигуры, этой на первый разъ заурядной, бородатой физіономіи, съ добродушнымъ взглядомъ небольшихъ часто мигающихъ сѣрыхъ глазъ, толстымъ носомъ и мощной шеей? Жорэсъ весь процессъ Дрейфуса пробылъ на судѣ, между зрителей правой стороны залы (тамъ, гдѣ собирались дрейфусисты, такъ какъ анти-дрейфусисты садились обыкновенно налѣво); и надо было видѣть, сколько жизни, энтузіазма къ добру и ненависти къ злу обнаруживала его великолѣпная натура, его богатая и разносторонняя индивидуальность.

Я хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня самимъ составомъ суда; но дисциплинированныя, обезличенныя пассивнымъ повиновеніемъ физіономіи судей уже почти стерлись въ моей памяти. Меня лишь поразила эта банальность военныхъ фигуръ въ противоположность съ исключительной отвѣтственностью, которая выпала на ихъ долю въ этомъ дѣлѣ. Какъ въ туманѣ мелькаютъ, среди до смѣшного грознаго аппарата военнаго суда,—всѣхъ этихъ касокъ, штыковъ и шпагъ, возгласовъ „на плечо-о-о!“ и „на к-к-раулъ!“,—курьезная голова прокурора, напоминавшаго больного индюка; страшные сѣдые усы предсѣдателя суда; небольшая черненькая озабоченная фигурка офицера, сидѣвшаго по правую руку предсѣдателя и робко, но добросовѣстно ставившаго свидѣтелямъ различные вопросы для уясненія смутныхъ сторонъ показаній. То былъ, если не ошибаюсь, капитанъ Бовэ, одинъ изъ двухъ судей, подавшихъ голосъ за Дрейфуса... Остальныя лица, повторяю, совершенно стушевались въ моемъ воображеніи, оставивъ общее, скорѣе комичное впечатлѣніе блестящихъ пуговицъ, бѣлыхъ перчатокъ и расшитыхъ воротниковъ, изъ которыхъ торчали напоминавшія разныя овощи головы,—головы, то острыя въ видѣ рѣдьки, то круглыя на манеръ рѣпы, то взъерошенныя и жесткія словно артишокъ...

Итакъ, дѣло Дрейфуса кончилось, или, если хотите точнѣе выразиться, не кончилось,—ибо ему въ извѣстномъ смыслѣ не будетъ конца,—но пришло къ важной узловой точкѣ. Освободившись отъ подавлявшихъ мое сознаніе конкретныхъ воспоминаній,—сценъ, фигуръ и трагическихъ положеній,—я попытаюсь подвести здѣсь общіе итоги дѣла. Я уже нѣсколько разъ касался его то съ той, то съ другой общественной или политической сто-

роны, и мнѣ придется по необходимости повторяться. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, возможно ясно сгруппировать заключенія, которыя вытекаютъ изъ этого занимающаго весь міръ процесса.

Мнѣ, конечно, нечего объяснять читателю, что всеобщій интересъ, возбужденный упомянутымъ дѣломъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ сконцентрированы всѣ жгучіе вопросы современной цивилизаціи; и что на скамьѣ подсудимыхъ надо было бы сидѣть не злополучному Дрейфусу, а всему старому отживающему міру... И всѣ націи, все человѣчество, вмѣсто того, чтобы фификать презрительно на Францію, гдѣ, молъ, возможенъ такой Шемякинъ судъ, должны бы, наоборотъ, благодарить судьбу, что дѣло Дрейфуса разыгралось именно среди этого нервнаго, чуткаго и въ общемъ благороднаго народа. Никто, кромѣ французовъ, не умѣетъ такъ отвлечь какого-либо важнаго вопроса отъ мѣстныхъ специфическихъ особенностей и придать ему глубоко человѣческій характеръ; никто не въ состояніи обнаружить такую беззавѣтную идейную страстность при практической постановкѣ задачи. Въ самомъ негодованіи на Францію ея друзей и враговъ слышится признаніе ея великаго культурнаго значенія: мы, молъ, заняты прежде всего обдѣлываніемъ своихъ дѣлишекъ и мало заботимся объ общихъ интересахъ; но вы-то, вы, которые столько разъ потрясали весь міръ великими словами и великими дѣяніями, стойте на стражѣ общечеловѣческихъ интересовъ и защищайте отъ нападенія темныхъ силъ современную цивилизацію, которая столь многимъ до сихъ поръ была обязана вамъ и въ которой вы играете роль столь важнаго фактора...

И, взвѣшивая положительныя и отрицательныя явленія, обнаруженныя Франціей въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что если здѣсь цѣлые слои населенія, цѣлые общественные органы и учрежденія опозорили себя постыднымъ поведеніемъ въ дѣлѣ Дрейфуса, то здѣсь же нашлись многочисленныя личности, которыя, можно смѣло сказать, довели человѣческій героизмъ и силу убѣжденія до поразительной высоты и до неподражаемаго духовнаго великолѣпія. Потому-то мнѣ и хотѣлось бы остановить иныхъ строгихъ, но несправедливыхъ судей указаніемъ на общій характеръ человѣческаго прогресса: до сихъ поръ тяжелыя условія такъ могущественно давятъ на людей, что лишь сравнительно незначительная доля человѣчества является активной силой въ исторіи, и что „добродѣтель и героизмъ“, какъ любилъ говаривать Луи-Бланъ, „должны оставаться пока въ меньшинствѣ“. Французское же меньшинство, смѣю увѣрить придирчивыхъ критиковъ, положительно дѣлаетъ честь человѣческой природѣ. Но объ этомъ послѣ.

Если освободить дѣло Дрейфуса отъ излишнихъ подробностей и выразить его въ общей формулѣ, то оно сводится къ опредѣ-

ленію того, какимъ образомъ въ одной изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ міра и въ концѣ хваленаго XIX вѣка болѣзненный патріотизмъ, эксплуатируемый безконтрольной военщиной и направляемый антисемитами по демагогическому руслу, могъ погубить завѣдомо невиннаго человѣка, принадлежащаго притомъ къ вліятельному общественному классу, и погубить потому только, что несчастная жертва—еврей! Инымъ такая формулировка покажется ошибочной; но въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ много пришлось передумать по этому поводу, и я стою за такое освѣщеніе дѣла Дрейфуса.

Я сказалъ „болѣзненный патріотизмъ". Въ виду того, что никогда еще слово „патріотизмъ" не служило предметомъ столькихъ страстныхъ полемикъ и никогда еще имъ не пользовались съ такою безсовѣстностью для компрометированія, если не прямой гибели своихъ политическихъ враговъ, я считаю нужнымъ остановиться здѣсь нѣсколько на историческомъ значеніи понятія, соотвѣтствующаго самому слову. Постараюсь возможно безпристрастно оцѣнить это значеніе, не закрывая глазъ на его историческую важность. Мнѣ нечего начинать съ яйца Лэды или туманныхъ космическихъ пятенъ, чтобы указать на зародыши того чувства, которое въ развитомъ состояніи является патріотизмомъ. Въ безсознательной формѣ это чувство, можно сказать, почти біологическій фактъ; и въ свирѣпыхъ столкновеніяхъ животныхъ разныхъ и даже одинаковыхъ породъ (напр., различныхъ видовъ муравьевъ) дозволительно усматривать первыя основанія патріотическихъ побужденій. Даже на высшихъ ступеняхъ психической жизни, т. е. среди человѣчества, это чувство долго носитъ свой безсознательный характеръ, характеръ природнаго факта, предъ которымъ безсиленъ всякій анализъ. Объекты его, конечно, мѣняются, но суть его остается той же самой: патріотизмъ покоится на сживаньи съ обычной,—естественной и искусственной,—средой, на привычкѣ къ извѣстной природной обстановкѣ и къ извѣстной культурной атмосферѣ, въ которой плаваютъ всѣ члены даннаго общежитія. Оттого патріотизмъ могъ быть очень интенсивнымъ и въ то же время бродячимъ: самоотверженная любовь къ своему клану какого-нибудь охотника родового періода сопровождала и его во всѣхъ странствованіяхъ на обширной территоріи охоты и лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ прикрѣплялась къ извѣстной мѣстности, тамъ, напр., гдѣ культъ предковъ освѣщалъ религіознымъ почтеніемъ общую усыпальницу племени. Еще менѣе, можетъ быть, былъ связанъ съ извѣстной территоріей патріотизмъ номадовъ патріархальнаго періода, какого-нибудь кочующаго въ своей кибиткѣ скиѳа, описаннаго Геродотомъ, или свирѣпаго воина аттиловскихъ ордъ. Передвигаясь на необозримомъ пространствѣ плохо еще заселенныхъ степей, кочевникъ долженъ былъ по необходимости пріурочить свой очень интенсивный пат-

ріотизмъ къ членамъ своего племени, своей палаткѣ, своимъ стадамъ, тогда какъ однообразные ландшафты природной обстановки, какъ безконечная фантасмагорія, проходили въ глазахъ варвара, не вызывая въ немъ особеннаго предпочтенія къ той или другой мѣстности.

Сидячая жизнь вызвала и сидячій патріотизмъ, связанный съ опредѣленной территоріей, опредѣленнымъ климатомъ, опредѣленнымъ видомъ земли и неба; а когда долгое взаимодѣйствіе между человѣкомъ и данной природой произвело, такъ сказать, интимное проникновеніе обоихъ элементовъ другъ другомъ, то выросшая на этой почвѣ культура дала патріотизму уже болѣе идеальный объектъ поклоненія и любви въ видѣ общаго языка, привычекъ, политическихъ и соціальныхъ учрежденій и вообще исторіи. Если у однѣхъ изъ современныхъ націй патріотизмъ остался еще главнымъ образомъ на низшей, территоріальной, если можно такъ выразиться, ступени развитія, то у другихъ, наиболѣе подвижныхъ и предпріимчивыхъ, чувство любви къ родинѣ почти совсѣмъ оторвалось отъ географической пуповины и приняло болѣе отвлеченную форму любви къ своимъ соотечественникамъ, или, выражаясь точнѣе, къ опредѣленной культурной атмосферѣ. Всюду, и подъ холодное небо Канады, и подъ умѣренный климатъ Новой Зеландіи, и подъ палящее солнце Египетскаго Судана англичининъ перенесъ свое традиціонное празднованье Рождества и свой крикетъ, и свой пуддингъ изъ сливъ, и свое скучное воскресенье.

Но у лучшихъ людей всякой національности мы встрѣчаемся съ еще высшею формою патріотизма: на этой ступени любовь обращается не безразлично на все свое, потому только, что это свое, но сознательно избираетъ своимъ объектомъ лучшія, преимущественно идейныя стороны родной цивилизаціи и расходуетъ свою теплоту, свой энтузіазмъ на восхищеніе передъ тѣми дѣйствіями соотечественниковъ, или тѣми учрежденіями родины, которыя являются цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для прогресса и развитія людей вообще, для счастья всего человѣчества. Въ этомъ направленіи движется современная исторія; и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать различныя проявленія патріотизма, пока, наконецъ, гуманитарный періодъ, который превратитъ все человѣчество въ одну великую семью, не смѣнитъ патріотическаго періода съ его фатальною враждою народовъ. Значитъ, дѣло идетъ не объ отрицаніи всякого патріотизма въ данный періодъ, не о глумленіи надъ любовью къ отечеству, но о различеніи между тѣмъ здоровымъ патріотизмомъ, который служитъ подготовительной школой къ окончательной общечеловѣческой цивилизаціи, и тѣмъ уродливымъ патріотизмомъ, который черезчуръ долго и въ видѣ историческаго переживанія сохраняетъ, и по

минованіи въ нихъ прямой надобности, свирѣпыя привычки международной ненависти.

Къ сожалѣнію, какъ ни парадоксально это покажется, а XIX-ый вѣкъ, рядомъ съ выработкою общечеловѣческихъ элементовъ, развилъ и обострилъ болѣзненныя стороны патріотизма; и этимъ-то противорѣчивымъ движеніемъ современной эволюціи и объясняется тотъ сумбуръ, та неурядица, тотъ, наконецъ, временный регрессъ, который такъ печалитъ истинныхъ друзей человѣчества. Возьмите въ самомъ дѣлѣ XVIII-ый вѣкъ и сравните его съ закатывающимся XIX-мъ: если вы остановитесь на сознательныхъ проявленіяхъ мысли двухъ вѣковъ, то вы не будете отрицать тотъ фактъ, что философія, литература, публицистика, общественное мнѣніе носили въ прошломъ столѣтіи гораздо болѣе общечеловѣческій, космополитическій характеръ, чѣмъ въ настоящемъ. Конечно, правительства, какъ и теперь, враждовали тогда между собой и въ одиночку, и союзными группами: какъ и теперь, народы сталкивались на поляхъ сраженія. Но отчего же въ знаменитой „литературной республикѣ“ Европы національность писателя не принималась совершенно въ разсчетъ? Почему Вольтеръ былъ какъ у себя дома въ Берлинѣ, Парижѣ или Фернеѣ? И почему господствующее общественное мнѣніе принимало, какъ нѣчто должное, всѣ эти кочевки писателей и философовъ отъ одного двора къ другому, изъ одной столицы въ другую, весь этотъ взаимный обмѣнъ представителями тогдашней мысли между литературными и свѣтскими салонами всѣхъ маломальски цивилизованныхъ странъ? Образованное общество всей Европы составляло въ то время, можно сказать, одно обширное цѣлое, которое жило однимй интересами и волновалось однѣми идеями: интеллигентный космополитъ любой страны воистину былъ гражданиномъ всего міра, стоявшимъ гораздо ближе къ такимъ же космополитамъ другихъ странъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ необразованнымъ, а въ большинствѣ государствъ и несвободнымъ соотечественникамъ, сотавлявшимъ непривилегированное трудящееся большинство той эпохи.

А посмотрите теперь: можно-ли найти зрѣлище, болѣе непохожее на картину Европы XVIII-го вѣка? Литераторамъ, философамъ, даже ученымъ чуть не приходится оправдываться передъ обществомъ въ томъ, что патріотическая мысль недостаточно проникаетъ ихъ произведенія, труды, трактаты. Обширныя группы среди такъ называемаго образованнаго общества требуютъ хоть дряннаго, да „своего“, „отечественнаго“ во всѣхъ сферахъ мысли и жизни. Если бы кто-либо изъ видныхъ представителей интеллигенціи вздумалъ теперь вести себя, какъ Вольтеръ, то на такого „гражданина всего міра“ посыпались бы жесточайшія анаѳемы и обвиненія въ „измѣнѣ отечеству“, или если хотите, болѣе современной терминологіи, въ „принадлеж-

ности къ иностранному синдикату". Сами народы, едва ли не болѣе правительствъ, увлекаются политикой взаимной травли; и даже внутри одного и того же государства различныя національности съ увлеченіемъ предаются расовой борьбѣ. И это печальное зрѣлище развертывается повсюду, и ни одна страна не свободна совершенно отъ такого культивированія звѣриныхъ инстинктовъ. Потому-то, когда старые судьи изъ англичанъ, нѣмцевъ или русскихъ жестоко обвиняютъ Францію за то, что въ ней возможны „патріоты", надсаживающіе себѣ горло надъ дикими воплями: „да здравствуетъ армія! долой жидовъ!", то я спрашиваю этихъ съ негодованіемъ кивающихъ на Петра критиковъ: а чѣмъ же лучше подобныхъ патріотовъ какіе-нибудь лондонскіе джинго, шумно одобряющіе политику Чемберлэна; или нѣмецкіе бюргеры, купающіеся въ рѣкахъ пива въ день седанской годовщины; или наши отечественные катковцы, выслѣживающіе повсюду крамолу и сепаратизмъ на окраинахъ?..

Повторяю, проявленія этого нездороваго патріотизма не составляетъ принадлежности одной какой-нибудь страны, ибо всѣ національности грѣшатъ этимъ печальнымъ недугомъ. Но задача мыслящаго политическаго наблюдателя, который претендуетъ на пониманіе, нѣсколько превосходящее кругозоръ Тряпичкина-очевидца, и заключается въ томъ, чтобы не впасть въ дешевый пессимизмъ, но въ самыхъ темныхъ сторонахъ современнаго патріотизма отыскать указаніе на здоровую эволюцію человѣчества. Шовинистская реакція представляетъ временное отступленіе назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вверхъ по спирали общественнаго прогресса, и я сейчасъ выясню эту точку зрѣнія. Несомнѣнно, космополитизмъ XVIII-го вѣка по своему характеру болѣе приближается къ идеалу грядущаго гуманитарнаго періода. Но за то, какую незначительную часть человѣчества онъ охватывалъ! Философская и политическая мысль работала лишь среди избранной доли привилегированныхъ классовъ: массы были почти совершенно исключены изъ участія въ общественной дѣятельности: ихъ дѣло было работать, работать, не покладая рукъ, и доставлять возможность привилегированному меньшинству жить полною жизнью тогдашняго періода, и въ лицѣ „просвѣщенныхъ правителей", вольнодумствующихъ философовъ и литераторовъ и ихъ знатныхъ меценатовъ, заниматься космополитизмомъ и прочими хорошими, но недоступными для народа вещами.

Присмотритесь хорошенько къ міровоззрѣнію представителей тогдашней мысли: кромѣ нѣкоторыхъ знаменитыхъ исключеній, вродѣ Дидро и Руссо, ихъ идеалы совершеннаго общежитія были въ сущности разсчитаны на „образованныхъ", „свободныхъ отъ предразсудковъ" людей обезпеченнаго меньшинства: народъ былъ „канальей", передъ которой было даже опасно разсыпать перлы философскаго вольнодумства, какъ это наглядно выража-

лось въ обычномъ пріемѣ Вольтера, неизмѣнно высылавшаго прислугу изъ салона, когда теоретическіе споры его друзей въ области теологіи принимали слишкомъ радикальный характеръ. Въ сущности, если не корифеямъ, то большинству тогдашней привилегированной интеллигенціи политическое правило періода религіозныхъ войнъ „какова вѣра у государя, такова она должна быть у народа“ (cujus regio, ejus religio) казалось вполнѣ разумною вещью: развѣ могутъ быть какія-нибудь убѣжденія у „черни“? Ей некогда, молъ, да и не зачѣмъ заниматься такими превыспренностями. Это нашѣ дѣло, наша задача, наша общественная миссія...

Патріотизмъ былъ, несомнѣнно, въ числѣ этихъ высокихъ матерій: народъ долженъ былъ, конечно, поставлять солдатъ и идти безпрекословно, куда укажутъ ему король и знать; но отъ него нечего было спрашивать сознательной любви къ отечеству,— слѣпое повиновеніе лучше де, обезпечивало интересы національной защиты.

Мы знаемъ, какъ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ великой революціи философія „вѣка просвѣщенія“ окрашивалась все болѣе и болѣе въ демократическій цвѣтъ. Внутренняя логика человѣческой мысли и давленіе соціальныхъ и политическихъ условій придали прежнему узкому идеалу общежитія, разсчитанному на привилегированное или, во всякомъ случаѣ, обезпеченное меньшинство, общечеловѣческій характеръ,—и общечеловѣческій не въ космополитическомъ только смыслѣ „просвѣщеннаго гражданина міра“, который былъ своимъ среди родного ему по духу образованнаго общества всѣхъ націй, но въ смыслѣ распространенія этого идеала на всѣхъ гражданъ любой страны безъ различія ихъ общественнаго положенія. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи нѣтъ задачи болѣе привлекательной, какъ показать постепенное измѣненіе значенія слова „патріотъ“ во французскомъ языкѣ (откуда его заимствовали, если не ошибаюсь, и всѣ другіе языки), начиная съ XV-го вѣка, когда этотъ терминъ обозначалъ жителя извѣстнаго города, страны и т. п.; переходя къ смыслу „другъ народа“, но друга важнаго барина (см. о Вобанѣ въ мемуарахъ Сэнъ-Симона), затѣмъ къ смыслу „любящаго свое отечество“ просвѣщеннаго гражданина (у Вольтера, и притомъ съ оттѣнкомъ легкаго порицанія и противоставленія „другу всѣхъ людей“); и заканчивая смысломъ горячаго и активнаго „сторонника свободы“, защищающаго новый политическій строй Франціи отъ нападенія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ...

И этому измѣненію въ значеніи словъ соотвѣтствовало измѣненіе въ вещахъ. Массы выступили на арену политической дѣятельности; и впервые патріотизмъ во Франціи сталъ дѣломъ всего народа, отстаивающаго родину не только, какъ извѣстную географическую территорію, но какъ идейное отечество, какъ страну

свободы и справедливости. Эту новую форму патріотизма народъ противоставилъ отживающей формѣ патріотизма высшихъ классовъ, которые не задумались эмигрировать за границу и двинуться на Францію съ врагами отечества подъ королевскимъ знаменемъ, наглядно показывая такимъ образомъ, что для нихъ родина смѣшивалась съ абсолютною властью монарха и привилегіями феодальнаго режима. По мѣрѣ угасанія идейнаго энтузіазма, вспыхнувшаго яркимъ пламенемъ въ концѣ прошлаго вѣка, возвышенный характеръ патріотизма значительно потускнѣлъ и стушевался за хищническими стремленіями войнъ имперіи. Но во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ участіе массъ въ политической жизни стало въ большей или меньшей степени историческимъ фактомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ; и на этомъ-то болѣе широкомъ основаніи развился современный патріотизмъ съ его преходящею полезною ролью, но и съ его отрицательными сторонами.

Въ самомъ дѣлѣ, привилегированная интеллигенція дореволюціоннаго періода могла быть пропитана космополитизмомъ, благодаря общему характеру тогдашней культуры, которая во всѣхъ странахъ была приблизительно одинаковой и въ которой одинаково участвовали представители различныхъ національностей, говорившіе часто на нѣсколькихъ языкахъ или сходившіеся на общей почвѣ французскаго. Но представьте себѣ ясно жизнь массъ, которыя по необходимости болѣе тѣсно связаны съ извѣстной территоріей, плаваютъ въ извѣстной спеціальной культурѣ, обладаютъ и извѣстными традиціонными привычками, не знаютъ другого языка, кромѣ собственнаго, и почти лишены возможности сравнивать обычаи, идеи, учрежденія другихъ странъ. Прогрессъ человѣчества выигралъ въ широтѣ, распространившись болѣе или менѣе на всѣ слои населенія; но онъ временно потерялъ въ глубинѣ, опираясь на новыхъ носителей, не привыкшихъ еще къ работѣ мысли. Не забудьте, что даже представители интеллигенціи этого новаго періода должны были отдать предпочтеніе патріотическому міровоззрѣнію передъ космополитическимъ, потому что патріотизмъ нерѣдко выражалъ теперь желаніе пробуждавшагося къ политической жизни цѣлаго народа или цѣлой расы отстоять свою матеріальную и идейную независимость отъ политическаго гнета того или другого государства, въ составъ котораго капризъ судьбы включалъ очень разнородные этническіе и культурные элементы. Когда вспоминаешь, какъ дипломаты Священнаго союза расправлялись съ живыми организмами, кромсая ихъ на произвольныя части прихотливыми политическими границами, то начинаешь понимать, что въ извѣстномъ смыслѣ „принципъ національностей“ былъ прогрессивнымъ началомъ, которое имѣло своихъ пророковъ, своихъ апостоловъ и своихъ мучениковъ...

Но тутъ-же начинались и отрицательныя стороны патріотизма, стороны, которыя объясняются какъ свойствами массъ, такъ

и,—а, можетъ быть, даже преимущественно,—поведеніемъ современнаго привилегированнаго меньшинства. Относительно характера самихъ массъ нѣтъ надобности распространяться черезчуръ долго: и въ области патріотизма съ массами случилось то же самое, что случается обыкновенно съ ними, когда онѣ впервые пріобщаются къ какому-нибудь культурному пріобрѣтенію, напр., когда онѣ начинаютъ принимать крупное участіе въ политической дѣятельности, хотя бы въ формѣ всеобщей подачи голосовъ и т. п. Пока онѣ не привыкнутъ къ надлежащему отправленію новой функціи; пока упражненіе не разовьетъ у нихъ умѣнья и постоянной охоты дѣйствовать въ новой области, онѣ дѣлаютъ очень много ошибокъ и легко поддаются обману разныхъ политическихъ авантюристовъ и проходимцевъ. Тамъ, гдѣ онѣ играютъ важную роль въ общественной жизни, ихъ патріотизмъ зачастую принимаетъ крикливыя и вызывающія формы по недоразумѣнію, по непривычкѣ къ чужой культурѣ, по слабости отвлеченной мысли, по импульсивности и непосредственности чувствъ...

И вотъ какъ разъ на этой-то почвѣ и проявляется пагубное вліяніе современнаго привилегированнаго меньшинства. Если въ первой половинѣ этого вѣка патріотическое міровоззрѣніе находило немало искреннихъ выразителей въ рядахъ этого меньшинства, то можно смѣло сказать, что вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ эта категорія патріотовъ становится все малочисленнѣе; а въ послѣдніе годы патріотизмъ привилегированой среды находитъ своими истолкователями почти исключительно спеціалистовъ по части „ловли угрей въ намученной водѣ“ (безсмертное выраженіе, идущее еще отъ старика Аристофана)...

Такъ какъ Франція въ политическомъ смыслѣ представляетъ необыкновенно чуткій барометръ, то ея исторія за послѣднія тридцать лѣтъ даетъ очень богатый матеріалъ для пониманія тѣхъ условій, которыя создаютъ шовинизмъ во всемъ мірѣ. Заплативъ свою дань увлеченію „принципомъ національностей“, который въ извѣстный моментъ (напр., во время итальянской кампаніи) одинаково признавался и правительствомъ Наполеона III, и крайними демократами—республиканцами, Франція потерпѣла пораженіе отъ конкретнаго проявленія этого принципа въ видѣ объединившейся для войны съ нею Германіи. Когда рухнула имперія, и французской націи пришлось расплачиваться за ошибки и преступленія павшаго режима, выросшая изъ его развалинъ третья республика должна была съ самаго же начала взять высокую патріотическую ноту. Новое правительство поставило себѣ задачей убѣдить страну въ томъ, что республика съ лихвою возвратитъ Франціи потерянное имперіей: отсюда система пресловутаго „реванша“, которая даже въ этотъ первый моментъ была столь же пріемомъ внутренней политики, сколько лозунгомъ внѣшней.

Нечего говорить, что по мѣрѣ того, какъ шли годы, а желанный берегъ „реванша“ не только не приближался, но все болѣе и болѣе уходилъ въ голубую даль платоническихъ мечтаній, число искреннихъ сторонниковъ упомянутой системы все уменьшалось и уменьшалось; и возвращеніе Эльзаса-Лотарингіи превращалось въ избитую реторическую фигуру, въ одну изъ „условныхъ лжей“. За то тѣмъ усерднѣе отравлялась свирѣпой пропагандой душа націи, въ особенности душа массъ, все болѣе и болѣе игравшихъ роль въ политической жизни страны, а потому все болѣе и болѣе служившихъ предметомъ заискиванія со стороны присяжныхъ политиковъ. Если биржевая буржуазія была крайне довольна небесною манною займовъ, посыпавшихся на нее для уплаты контрибуціи и издержекъ войны; если промышленная буржуазія потирала руки отъ удовольствія, когда франкфуртскій договоръ оторвалъ отъ Франціи наиболѣе дѣятельные центры хлопчатобумажной и т. п. индустріи и освободилъ такимъ образомъ отъ опасной конкурренціи оставшихся по сю сторону границы фабрикантовъ, то на словахъ и въ статьяхъ большинство представителей мѣщанства исповѣдовало самое свирѣпое нѣмцеѣдство и возбуждало въ умахъ населенія ненависть вообще ко всѣмъ прочимъ народамъ.

Разумѣется, наиболѣе опытнымъ и умнымъ выразителямъ буржуазной мысли приходилось по необходимости разводить идейный ядъ шовинизма въ большомъ количествѣ миролюбивой фразеологіи: иначе дѣйствіе отравы на воспріимчивыя массы было бы чересчуръ сильно и могло бы повести къ опаснымъ шагамъ въ области внѣшней политики. И были истинные виртуозы по части этого ученаго дозированія нѣмцеѣдства и миролюбивыхъ заявленій, въ родѣ хотя бы покойнаго Ферри. Но рядовые мыслители и публицисты буржуазіи не останавливались надъ такими тонкостями и преподносили массамъ „патріотическій“ напитокъ въ чистомъ видѣ. Результаты не заставили себя долго ждать; и путемъ политической агитаціи, путемъ дешевой печати, путемъ народной школы,—въ которой старались замѣнить традиціонную религію католицизма новой „свѣтской религіей“, „культомъ отечества“,—шовинизмъ широко распространился среди націи. Четверть вѣка усилій, употребленныхъ для одной цѣли и въ одномъ направленіи, успѣли выростить цѣлое поколѣніе, не видавшее войны, не нюхавшее пороху, но тѣмъ съ большимъ азартомъ предающееся реторическому шовинизму. И въ этомъ отношеніи, рядомъ съ завѣдомо умышленной пропагандой реванша республиканцами-оппортунистами, которые старались въ видахъ политической конкурренціи не отстать въ воинственной фразѣ отъ монархическихъ партій,—въ этомъ отношеніи, говорю я, придется отмѣтить и печальную по результатамъ дѣятельность тѣхъ искреннихъ патріотовъ радикальнаго образа мыслей, которые, занимая промежуточ-

ное положеніе между буржуа и соціалистами, пользовались своимъ вліяніемъ на широкіе слои городского населенія и черезчуръ гипнотизировали ихъ приглашеніемъ „всегда смотрѣть на дыру въ Вогезахъ“.

Какъ бы то ни было, когда теперешніе наиболѣе искренніе республиканцы и умѣреннаго, и радикальнаго лагеря спохватились и плачутся на дикія выходки массъ, отравленныхъ чтеніемъ какого-нибудь „Le Petit Journal“, мнѣ такъ и хочется остановить ихъ и спросить: неужели же они не видятъ въ этомъ своей исторической вины? Неужели же они не понимаютъ, что тотъ самый нелѣпый шовинизмъ, который проповѣдуется въ балаганѣ „Le Petit Journal“ бездарной и нечистоплотной тупицей вродѣ Жюдэ, что этотъ самый шовинизмъ есть родной сынъ ихъ патріотизма? Неужели имъ не приходитъ въ голову, что тенденціозная, чудовищная ложь, которая каждое утро мутнымъ и зловоннымъ потокомъ вливается со столбцовъ этой газеты четыремъ-пяти милліонамъ читателей, отравляя ихъ умъ и чувство, что эта ложь подготовлена фальшивымъ воспитаніемъ цѣлаго поколѣнія?

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе буржуазные, но искренніе республиканцы мужественно противодѣйствуютъ теперь націоналистскому теченію. Но лишь часть ихъ начинаетъ понимать, что именно они въ интересахъ класса переполнили душу націи шовинистскими чувствами, и они же подняли шлюзы этихъ свирѣпыхъ инстинктовъ своимъ постояннымъ доносомъ на „людей, не имѣющихъ отечества“? Есть не мало друзей покойнаго Гамбетты, историческая отвѣтственность которыхъ не подлежитъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшему сомнѣнію; и между настоящими защитниками Дрейфуса не трудно указать такихъ людей, которые косвенно участвовали въ ковкѣ той самой „цѣпи съ двойнымъ обхватомъ“, которою истязали несчастнаго капитана...

Какъ на другой элементъ, объясняющій дѣло Дрейфуса, я указалъ на безконтрольное хозяйничанье и полнѣйшую свободу дѣйствій высшаго начальства арміи. Сколько разъ я уже говорилъ въ своихъ статьяхъ, что духъ изслѣдованія и критики, этотъ страшный и неподкупный бульдогъ, зубамъ и лаю котораго подлежатъ всѣ лица и учрежденія третьей республики, подобострастно ложится у ногъ идола милитаризма, и лижетъ его ботфорты, и зажмуриваетъ отъ удовольствія глаза, и рабски вертитъ хвостомъ. Отсюда взглядъ на казарму, какъ на святилище, и на офицеровъ, какъ на жрецовъ „священной миссіи“ (mission sacrée—избитое мѣсто оффиціальныхъ рѣчей). Отсюда чисто формальное обсужденіе военнаго бюджета въ парламентѣ и вотировка его громаднымъ большинствомъ и съ готовностью, достой-

ною лучшей участи. Отсюда обязательная, порою возмутительная лесть, расточаемая гражданскими властями военнымъ. Отсюда неимовѣрное количество прозы и стиховъ, рѣчей, статей и патріотическихъ празднествъ, посвященныхъ восхваленію арміи. Словомъ, отсюда, наконецъ, то систематическое прославленіе милитаризма, которому соотвѣтствуетъ совершенно естественно выработавшійся, благодаря этому, среди военныхъ взглядъ на себя, какъ на высшую расу, какъ на воплощеніе „божественнаго права", не подлежащее ни критикѣ, ни даже обсужденію, какъ на представителей высшей, единственной заправской и серьезной власти въ государствѣ.

Я, конечно, не думаю утверждать, что эта новая религія мундира и сабли выражаетъ вполнѣ точно интимные взгляды всей націи. Несомнѣнно, напр., что буржуазія въ значительной мѣрѣ неискренно кадитъ передъ военнымъ идоломъ, видя въ немъ главнымъ образомъ, какъ сорвалось нечаянно съ устъ Мелина, лишь „оплотъ противъ соціальной революціи". Но эти волны ѳиміама и эти пѣснопѣнія заинтересованнаго мѣщанства одурманили голову массамъ,—я не говорю, разумѣется, о передовыхъ элементахъ между рабочими, — которыя, если далеко не желаютъ настоящей войны, войны съ внѣшними врагами отечества, то искренно культивируютъ балаганный, но менѣе опасный для нихъ „воинственный духъ" у себя дома, обращая его на „внутреннихъ враговъ отечества" и сопровождая крикъ „да здравствуетъ армія" непремѣннымъ крикомъ „долой измѣнниковъ"!

Какъ бы то ни было, благодаря такому настроенію націи, армія или, точнѣе сказать, военное начальство считаетъ себя непогрѣшимымъ и не позволяетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своихъ нравственныхъ и техническихъ превосходствъ. Для военныхъ властей всякій, кто осмѣливается обсуждать ихъ дѣйствія, есть врагъ Франціи, предатель отечества и заслуживаетъ жесточайшихъ каръ. Наоборотъ, „великая молчальница", „великая нѣмая", какъ патетически называется у французовъ, армія, нисколько не стѣсняясь, болтаетъ, что ей въ голову придетъ, относительно свѣтскихъ властей и подвергаетъ жесточайшей и членораздѣльной, и нечленораздѣльной критикѣ дѣйствія правительства, если она подозрѣваетъ только презрѣнныхъ „штафирокъ" въ желаніи поддержать авторитетъ республиканскихъ учрежденій. Формальное приготовленіе къ государственному перевороту, какъ то было обнаружено по отношенію къ генералу Негріе; многочисленные приказы по арміи всѣхъ этихъ мятежныхъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ и т. п., приказы, имѣющіе цѣлью осужденіе и осмѣяніе дѣйствій правительства; и вплоть до знаменитой манифестаціи жестами офицеровъ въ Монтелимарѣ, которые превратили въ отхожее мѣсто улицу про-

тивъ дома президента республики,—всѣ эти факты не есть что-либо единичное, но представляютъ собою логическое развитіе реакціоннаго духа, царящаго между высшими чинами французской арміи. Ибо не забудьте того, что реформаціонный пылъ, обнаруженный третьею республикою въ области военной организаціи послѣ погрома 1870 — 1871 г., очень мало коснулся военнаго командованія. Послѣ почти тридцатилѣтняго существованія республиканскихъ учрежденій, высшее офицерство состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ бездарностей, завѣщанныхъ второй имперіей и прославившихся сомнительными дѣяніями при Мецѣ и Седанѣ; низшее же, выросшее при республикѣ, едва-ли еще не болѣе стараго поколѣнія пропитано клерикальнымъ реакціоннымъ духомъ.

Подумайте же, какъ должна была вести себя эта армія страусовыхъ перьевъ и эполетъ въ дѣлѣ Дрейфуса, когда нашлись люди, притомъ не носящіе мундира съ ясными пуговицами, которые осмѣливались протестовать противъ военнаго суда и критиковать поведеніе начальства. Какъ! позволить себѣ обсуждать дѣйствія непогрѣшимаго до сихъ поръ авторитета, предъ которымъ падали ницъ самые свирѣпые демократы! Какъ! дерзнуть примѣнять къ домашнему дѣлу великой военной семьи обыкновенные законы логики и справедливости! „Наша справедливость не ваша!“ торжественно провозгласилъ одинъ изъ ближайшихъ участниковъ въ процессѣ Дрейфуса. Дѣйствительно, раньше этого дѣла трудно было представить себѣ, до какихъ чудовищныхъ нарушеній не только элементарнѣйшихъ требованій права, но самыхъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи могло дойти военное начальство, а въ особенности генеральный штабъ. Если нѣкоторые изъ представителей арміи защищали, какъ я уже сказалъ въ самомъ началѣ этой статьи, свое положеніе—ибо осужденіе невиннаго могло бы имъ очень дорого стоить, не будь во Франціи двухъ „справедливостей“, гражданской и военной,—то большинство свирѣпыхъ враговъ Дрейфуса въ арміи дѣйствовало подъ вліяніемъ яростнаго гнѣва противъ капитана, бывшаго поводомъ къ антимилитаристской кампаніи, и противъ его защитниковъ, осмѣливавшихся сомнѣваться въ оракулахъ непогрѣшимаго идола. Важно было въ самомъ началѣ и примѣрнымъ образомъ подавить духъ изслѣдованія и критики: этимъ объясняется въ значительной степени то ожесточеніе, та энергія отчаянія, которыя были обнаружены въ борьбѣ противъ справедливости и истины высшими чинами французской арміи и поддерживавшими ихъ органами націонализма и антисемитской демагогіи.

Но здѣсь будетъ какъ разъ у мѣста сказать нѣсколько словъ объ антисемитской агитаціи, которой принадлежитъ въ дѣлѣ Дрейфуса гораздо большая роль, чѣмъ то обыкновенно думаютъ. Что антисемитизмъ не имѣетъ во Франціи прочной почвы въ эконо-

мическихъ отношеніяхъ, это не подлежитъ сомнѣнію: перебирая столкновеніе различныхъ классовъ съ еврейскимъ элементомъ, не трудно показать, что антисемитское движеніе исходитъ главнымъ образомъ изъ рядовъ клерикальной интеллигенціи. И, къ слову сказать, даже въ Алжиріи, гдѣ дѣятельность евреевъ сравнительно замѣтнѣе, пресловутая еврейская эксплуатація далеко уступаетъ эксплуатаціи, практикуемой самыми подлинными католиками—„патріотами"; это было достаточно выяснено весенними преніями во французской палатѣ депутатовъ. Но въ томъ-то и бѣда, что вліяніе антисемитской агитаціи далеко превосходитъ размѣры, которые должно было бы имѣть это реакціонное движеніе, если бъ оно коренилось въ чисто матеріальныхъ отношеніяхъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось встрѣчать страстныхъ юдофобовъ, которые и сами, что называется, въ глаза не видали еврея въ теченіе своей жизни, да и не могли разсказать мнѣ путемъ про подвиги „эксплуататора—жида" изъ практики своихъ знакомыхъ. Ихъ ненависть къ еврею, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ идеальная, платоническая, безкорыстная. Откуда же берется сила антисемитизма? Изъ того обстоятельства, что во Франціи проповѣдь шовинизма крайне подготовила умы толпы къ враждебному отношенію ко всякимъ иностраннымъ, чуждымъ элементамъ. Поэтому достаточно было въ послѣдніе годы ослабѣть въ націи антиклерикальному духу, смѣнившемуся „новымъ духомъ", духомъ Мелина и прочихъ реакціонеровъ съ ярлыкомъ республиканцевъ, чтобы клерикальная демагогія могла съ успѣхомъ развить въ широкихъ размѣрахъ агитацію противъ „евреевъ-паразитовъ", „евреевъ, не имѣющихъ отечества" и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ, если еврей не имѣетъ въ жизни страны того вліянія, какое приписываютъ ему юдофобы, то тѣмъ не менѣе крикъ „долой жидовъ", благодаря самой нелѣпости и простотѣ своей, находитъ широкій откликъ среди отравленныхъ шовинизмомъ массъ: для человѣка, не привыкшаго критически мыслить, воображаемая опасность гораздо страшнѣе дѣйствительной; и тотъ самый ремесленникъ или мелкій торговецъ, который жесточайшимъ образомъ эксплуатируется капиталистомъ - католикомъ, отъ чистаго сердца будетъ посылать проклятія „жидовско-нѣмецкому синдикату", старающемуся погубить Францію ради „измѣнника" Дрейфуса. Прибавьте къ этому антисемитизму толпы и улицы тотъ антисемитизмъ, который, вопреки іезуитскимъ увѣреніямъ генераловъ Мерсье, Гонса и пр., процвѣтаетъ въ арміи, съ тѣхъ поръ какъ клерикалы успѣли провести своихъ креатуръ на всѣ мало-мальски важныя мѣста, и вы поймете, почему еврей долженъ былъ найти среди своихъ товарищей-офицеровъ самыхъ свирѣпыхъ клеветниковъ и палачей, а въ массахъ или равнодушіе, или прямую ненависть...

Не мѣшаетъ, говоря о французскомъ антисемитизмѣ, отмѣ-

тить тотъ фактъ, что и между здѣшними соціалистами было немало такихъ, которые долго кокетничали съ демагогическимъ антисемитизмомъ Дрюмона.

Есть въ дѣлѣ Дрейфуса и свѣтлые итоги, о которыхъ я говорилъ въ предшествующей статьѣ и къ которымъ я возвращаюсь снова, но подчеркивая тѣ пункты, которые могли вызвать недоразумѣніе. Выше мы видѣли, какую мрачную картину представляетъ настроеніе обширныхъ слоевъ французскаго населенія на порогѣ XX-го столѣтія, настроеніе, которое въ большей или меньшей степени раздѣляютъ съ Франціей и другія страны. За то Франція же, въ качествѣ чуткаго политическаго барометра, указывающаго на завтрашнюю погоду, дала міру очень отрадное и знаменательное явленіе, выражающееся въ выступленіи на арену общественной дѣятельности смѣлой и убѣжденной интеллигенціи. Я указывалъ читателю, какъ вдумчивые наблюдатели этого движенія (что не мѣшаетъ имъ и участвовать въ немъ), въ родѣ Полана, схватили основныя черты этой общественной группы въ опредѣленіи, которое почти буквально воспроизводитъ опредѣленіе интеллигенціи, данное Н. К. Михайловскимъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, при началѣ нашей общественной реакціи, когда яростный походъ мракобѣсцевъ во имя „народа“ противъ цивилизаціи поставилъ на очередь вопросъ о роли сознательнаго меньшинства въ исторіи. И тамъ и здѣсь, и въ Россіи и во Франціи, жить для интересовъ мысли и развитія было выставлено главнымъ признакомъ интеллигента, независимо отъ его общественнаго положенія. И Поланъ, напр., настойчиво развиваетъ ту идею, что если интеллигентнымъ человѣкомъ можетъ быть и рабочій, лишь бы онъ выполнялъ условіе „упражненія мысли, и мысли независимой“, то, наоборотъ, внѣ рядовъ интеллигенціи можетъ очутиться какой-нибудь украшенный всевозможными дипломами и знаками отличія „профессоръ санскрита“, если онъ только сдѣлалъ изъ своей умственной дѣятельности исключительно хлѣбное ремесло.

Сторонникамъ такъ называемаго экономическаго матеріализма такое опредѣленіе показалось большою ересью; они упрекали его главнымъ образомъ въ „субъективности“: интеллигентомъ, молъ, выходитъ въ такомъ случаѣ человѣкъ, который думаетъ по нашему. На такое возраженіе приходится твердо и опредѣленно отвѣтить: нѣтъ, признакомъ интеллигента является не то, что онъ думаетъ по нашему, а то, что онъ вообще думаетъ, что онъ желаетъ думать, что интересы мысли являются для него цѣлью жизни. Было бы непростительнымъ самохвальствомъ считать своихъ идейныхъ враговъ поголовно ослами или негодяями, и въ борьбѣ партій интеллигенція можетъ стать и становится,

дѣйствительно, въ разныхъ лагеряхъ. Но никто не можетъ у меня отнять права называть и считать интеллигентомъ только того, кто въ этой борьбѣ защищаетъ интересы мысли и защищаетъ аргументами мысли же. А когда Жюль Леметръ въ своей теперешней агитаціи приглашаетъ читателей „опроститься“ и оглупѣть въ простотѣ непосредственнаго чувства; когда Морисъ Баррэсъ ставитъ принципомъ патріотическаго поведенія выть съ массами по волчьи, чтобы быть „въ общеніи съ народомъ“, потому только, что онѣ—массы и покрываютъ своимъ воемъ вашу членораздѣльную рѣчь; когда Франсуа Коппэ, напуганный старостью и болѣзнями, усиленно загоняетъ своихъ читателей на лоно единоспасающей католической „вѣры“,—то, воля ваша, но теперешнихъ Леметра, Баррэса и Коппэ можно назвать грамотными, можно назвать искусными техниками пера и, по выраженію одного изъ моихъ пріятелей, „культурными дикарями“, людьми традиціи и профессіональной привычки, но назвать интеллигентами, право, языкъ не поворачивается.

Не типично-ли, въ самомъ дѣлѣ, что ихъ съ такимъ трудомъ набранная съ бору по сосенкѣ „Лига французскаго отечества“ потеряла почти всѣхъ извѣстныхъ интеллигентовъ въ родѣ Ларрумэ, Сорэля и т. п., лишь только выяснила свою программу? И что, вздумавъ одно время противоставить „дрейфусистской“ интеллигенціи свою интеллигенцію, руководители лиги возмѣщаютъ теперь эту неудавшуюся попытку глумленіемъ надъ „интеллигентами“, что, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей...

И снова возвращаясь къ заключеніямъ предшествовавшаго этюда, я не могу не повторить уже высказанной мною мысли относительно того, что энергичное выступленіе французской интеллигенціи въ дѣлѣ Дрейфуса заставляетъ всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя внести поправку въ теорію классовой борьбы изъ-за матеріальныхъ интересовъ... Но тутъ я нѣсколько затрудняюсь, какъ формулировать эту теорію; ибо вотъ уже нѣсколько лѣтъ я внимательно слѣжу за новыми комментаріями сторонниковъ этого ученія и нахожу, что это постепенное наслоеніе аргументовъ вокругъ прежняго когда-то столь опредѣленнаго ядра дѣлаетъ положеніе критиковъ упомянутаго ученія очень затруднительнымъ. Прежде, напр., старались во всякой группѣ общественныхъ явленій отыскать переодѣтую, замаскированную экономику; теперь эта почтенная дама соглашается лишь на роль главной хозяйки въ соціологіи. Прежде полагалось по катехизису смѣяться надъ „справедливостью“, какъ надъ простымъ миражемъ, надъ блуждающимъ огонькомъ, поднимающимся изъ болота капиталистическаго строя и способнымъ обманывать и заводить въ сторону лишь „мелко-буржуазныхъ соціалистовъ“ въ родѣ Прудона; теперь я съ удовольствіемъ прочелъ въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ очень крупныхъ марксистовъ (въ родѣ Бебеля)

на вопросы, предложенные „La Petite République“ относительно тактики соціалистовъ въ дѣлѣ Дрейфуса,—прочелъ, говорю, разсужденія о „гуманитарной“ сторонѣ защиты невиннаго.

Можетъ быть, наилучшею формулировкою будетъ употребленіе обычной аллегорической фигуры „фундамента“ и „надстроекъ“. Итакъ, если мнѣ будетъ позволено остановиться на этомъ образномъ сравненіи, то я скажу, что роль интеллигенціи въ дѣлѣ Дрейфуса указала намъ на возрастающее значеніе борьбы изъ-за интересовъ идеальныхъ надстроекъ при относительномъ ослабленіи борьбы изъ-за интересовъ матеріальнаго фундамента.

Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи.

(*Письмо девятнадцатое*).

Какъ-то, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я проходилъ по бульвару Сэнъ-Мишель, въ центрѣ Латинскаго квартала, съ однимъ изъ близкихъ пріятелей, русскимъ евреемъ по происхожденію, быстро впитавшимъ въ себя элементы французской культуры и искренно полюбившимъ великую демократическую страну. Мой собесѣдникъ—очень неглупый, очень чуткій человѣкъ, отличающійся большою воспріимчивостью къ измѣненіямъ въ общественной атмосферѣ и, можно сказать, болѣзненно-тонкимъ инстинктомъ предугадывающій малѣйшія пертурбаціи въ этой области. Сколько разъ его разсужденія поражали меня именно этимъ даромъ предвидѣнія; и зачастую разговоръ съ нимъ заставлялъ меня всматриваться въ такія явленія, которыя еле-еле начинали обозначаться, и на которыя я безъ него не обратилъ бы вниманія. Въ особенности чутокъ его барометръ въ сферѣ еврейскаго вопроса, гдѣ онъ обнаруживаетъ рѣдкое соединеніе глубокой, но скрытой и благородно-стыдливой любви къ своей расѣ и въ то же время замѣчательно безпристрастной, можетъ быть даже черезчуръ суровой критики ея недостатковъ.

— Посмотри, видѣлъ ты эту грошовую газетку?—и онъ указалъ мнѣ на жалкій листокъ съ страннымъ,—какъ мнѣ показалось въ ту пору,—названіемъ „L'Antijuif“ (Антиеврей) *), которое высовывалось изъ-за пачки нумеровъ, висѣвшихъ на стѣнкѣ газетнаго кіоска.

— Какая чепуха! — невольно вырвалось у меня при взглядѣ на эту крошечную, безобразно отпечатанную на сѣрой бумагѣ полу-газету, полу-афишу.

---

*) Не надо смѣшивать съ газетой, выходящей подъ этимъ заглавіемъ въ послѣдніе три-четыре года и, очевидно, вызванной къ жизни стараніями антисемитовъ со времени агитаціи по дѣлу Дрейфуса.

— Ну, а я тебѣ скажу, другъ мой, что не нынче-завтра антисемитизмъ появится во Франціи... да, во Франціи, въ странѣ провозглашенія правъ человѣка и гражданина; и нашему брату „жиду“ придется снова задаваться вопросомъ, есть-ли еще гдѣ-нибудь на свѣтѣ уголокъ, въ которомъ мы можемъ чувствовать себя свободными отъ ненависти и преслѣдованія...

Его грустный тонъ поразилъ меня, и я совершенно искренно сталъ протестовать противъ такой, казалось мнѣ, чудовищной гипотезы.

— Увидишь, увидишь,—повторялъ мой пріятель,—и можетъ быть скорѣе, чѣмъ даже думаешь.

Нѣсколько дней спустя, мы снова встрѣтились, и я съ торжествомъ замѣтилъ пріунывшему другу, что никто на „Антиеврея“ не обратилъ вниманія, кромѣ рошфоровскаго „L'Intransigeant'a“, который, однако, упомянулъ о газеткѣ, лишь какъ о вздорномъ курьезѣ. Мой пріятель какъ будто повеселѣлъ, но отвѣтилъ на мое замѣчаніе короткимъ „да, знаю, читалъ“ и сейчасъ же погрузился въ молчаніе. И я чувствовалъ, что за этимъ молчаніемъ скрывалась упорная и горькая дума моего друга о злополучномъ народѣ, которому даже въ романѣ Евгенія Сю повелительный голосъ бросаетъ безпрестанное „иди, иди“...

Дѣло происходило приблизительно въ 1885 г. А въ 1886 г. вышла „Жидовская Франція“ Дрюмона, которая произвела неслыханное возбужденіе въ печати и обществѣ и была распродана въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ полутораста тысячъ экземпляровъ. Въ 1890 г. антисемистская агитація перешла съ Морэсомъ и Герэномъ на улицу и служила предметомъ преній на народныхъ собраніяхъ. Въ 1894 г., послѣ нѣсколькихъ пробныхъ попытокъ, антисемитизмъ явственно обнаружился въ арміи и намѣтилъ себѣ жертву въ лицѣ несчастнаго Дрейфуса. Въ 1895 г. теченіе проникаетъ въ парламентъ; и стѣны палаты депутатовъ оглашаются дикою рѣчью „республиканца и свободнаго мыслителя“ Дени, который на засѣданіи 25 мая предостерегаетъ „французовъ Франціи“ противъ „еврейскаго нашествія“. А затѣмъ мнѣ нечего напоминать читателю, въ какихъ яркихъ формахъ антисемитизмъ прокинулся и во Франціи, и особенно въ Алжиріи за послѣдніе три года съ того времени, какъ защитники основныхъ принциповъ современной цивилизаціи возстали противъ военнаго Шемякина суда во имя попранной истины и заушенной справедливости. Какъ видите, печальныя предвидѣнія моего пріятеля сбылись болѣе, чѣмъ могъ разсчитывать на это самый сангвиническій антисемитъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ. И не вызови дѣло Дрейфуса сильной нравственной встряски, не пробудись въ лучшихъ элементахъ страны тотъ великолѣпный идейный энтузіазмъ, который въ общемъ всегда

такъ высоко ставитъ французовъ надъ другими болѣе умѣренными и аккуратными націями, республиканская Франція была бы задушена темными силами реакціи, разорвана волками военщины, заклевана воронами и совами клерикальнаго мракобѣсія...

Я задаюсь въ предлагаемомъ читателю этюдѣ разсмотрѣть положеніе еврейскаго вопроса во Франціи и объяснить возникновеніе здѣшняго антисемитизма, въ могущество котораго, каюсь, я не особенно вѣрилъ вплоть до печальныхъ событій послѣднихъ лѣтъ. Заранѣе могу, впрочемъ, предупредить читателя, что, изучивъ возможно добросовѣстно эту задачу, я прихожу къ тому отрадному заключенію, что антисемитизмъ распространенъ во Франціи лишь по поверхности; что его кажущееся временное могущество объясняется общими явленіями соціально-политической и умственной жизни страны; и что онъ долженъ идти— и уже рѣшительно идетъ—на убыль. Тамъ, гдѣ во время прилива антисемитствующаго настроенія на мутныхъ волнахъ юдофобской агитаціи гордо плавала „непобѣдимая армада“ всѣхъ этихъ Дрюмоновъ, Герэновъ, Максовъ Рэжисовъ, Милльвуа и Рошфоровъ, тамъ скоро съ усиливающимся отливомъ мы увидимъ песчаныя и илистыя мели, жалкія лодчонки на боку, кучу нечистотъ, вздутые трупы выброшенныхъ на берегъ псовъ и грызню жадныхъ молюсковъ за куски падали... Изъ временнаго, но спасительнаго кризиса великая страна выходитъ снова готовою къ великимъ подвигамъ. Опасность, повторяю, лежала не въ самомъ антисемитизмѣ, а въ общихъ условіяхъ Франціи на рубежѣ XX-го вѣка. Какъ только сознательная часть націи поняла отрицательныя стороны современнаго общественнаго процесса; какъ только она направила свои усилія на борьбу съ реакціей во всѣхъ сферахъ дѣятельности, критическое положеніе страны утеряло свой грозный характеръ, и здоровое теченіе должно скоро смыть безповоротно всѣ накипѣвшіе за послѣднее время шлаки французской жизни, а въ томъ числѣ и варварскій антисемитизмъ.

Интересно, прежде всего, отвѣтить на вопросъ, въ какой степени еврейство является виднымъ элементомъ во Франціи, и насколько часто населенію приходится, значитъ, сталкиваться съ нимъ и испытывать на себѣ неудобства и прямыя страданія, необходимо вытекающія, по увѣренію антисемитовъ, изъ противообщественныхъ стремленій этой „особой расы паразитовъ“. Посмотримъ сначала на число евреевъ во Франціи. Тутъ, конечно, намъ придется довольствоваться приблизительными данными, такъ какъ со времени переписи 1872 г. рубрика религій исчезаетъ изъ оффиціальной статистики. Если оставить въ сторонѣ тенденціозныя цифры Дрюмона, какъ извѣстно не церемонящагося ни съ

фактами, ни съ логикой и дающаго при сей вѣрной оказіи фантастическій итогъ въ 550.000 евреевъ для Франціи и въ 150.000 для одного Парижа *), то никто изъ серьезныхъ изслѣдователей не насчитываетъ и 120.000 представителей еврейской расы на территоріи третьей республики. Исидоръ Лёббъ исчисляетъ общую цифру своихъ соотечественниковъ въ 97.790, изъ которыхъ 63.000 для собственно Франціи (въ томъ числѣ 42.000 живущихъ въ Парижѣ съ пригородами) и 34.790 для Алжиріи **). Съ своей стороны Теодоръ Рэйнакъ, писавшій нѣсколькими годами позже, даетъ общій итогъ въ 115.500, изъ нихъ для собственно Франціи 72.000 (причемъ на Парижъ приходится 40.000) и 43.500 для Алжиріи, включая сюда и части Сахары ***). И если бы мы даже, по недовѣрію къ евреямъ, якобы умышленно скрывающимъ свою настоящую численность, значительно увеличили этотъ итогъ, то все же въ крайнемъ случаѣ получилась бы цифра въ 150.000 и, самое большее, 175.000 евреевъ для всей Франціи.

Пусть читатель сопоставитъ съ этимъ сравнительно очень умѣреннымъ итогомъ общую цифру иностранцевъ, которыхъ, по переписи 29-го марта 1896 г., насчитывалось во Франціи 1.027.491 человѣкъ ****),—и онъ не можетъ не придти къ заключенію, что если даже и считать французскихъ гражданъ еврейскаго происхожденія „чуждымъ элементомъ", то настоящихъ-то чужестранцевъ въ шесть-семь разъ больше на почвѣ республики. И, однако, даже обострившіеся въ послѣдніе годы крики шовинистовъ противъ „иноземцевъ" далеко не сравнятся по силѣ и негодованію съ дикими воплями, вызываемыми у антисемитовъ присутствіемъ во Франціи гораздо меньшаго числа евреевъ, громадное большинство которыхъ при этомъ проникнуто общею культурою страны...

Но тутъ-то именно антисемиты и остановятъ насъ и съ торжествомъ станутъ указывать намъ на громадную разницу между „арійскими" иностранцами, которые очень скоро поглощаются французскимъ населеніемъ и вполнѣ сливаются съ нимъ, и совершенно чуждыми, непримиримыми, нерастворимыми „семитами", которые, молъ, вѣчно останутся особою расою и враждебнымъ постороннимъ тѣломъ внутри общественнаго организма. Что же, дѣлать нечего: приходится снова и снова становиться на почву антропологіи и исторіи и въ сотый разъ доказывать уже столь часто и съ успѣхомъ доказанное лучшими спеціалистами положе-

---

*) Edouard Drumont, *La France juive. Essai d'histoire contemporaine*; Парижъ, изд. 139-е (безъ даты), стр. 102 тома перваго.

**) Saint-Martin et Rousselet, *Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle;* Парижъ, 1884, т. II, стр. 998—1000 (см. статью «Juifs», не подписанную авторомъ).

***) *Grande Encyclopédie* (изд. Lamirault); Парижъ, безъ даты, т. XXI, стр. 286—180 (статья «Juif»).

****) *Dénombrement de la population*, 1896; Парижъ, 1897, стр. 844.

ніе относительно того, что, во-первыхъ, евреи не представляютъ собою чистой и вполнѣ различной отъ арійцевъ расы; и что, во-вторыхъ, самую національность ихъ слѣдуетъ понимать въ особомъ, не столько этнографическомъ и политическомъ, сколько соціальномъ смыслѣ.

Я не буду вдаваться въ подробности общаго вопроса о расахъ, вопроса, который, по мѣрѣ того, какъ развивается серьезная наука, теряетъ все болѣе и болѣе значеніе и смыслъ. Въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ критикѣ этого расоваго міровоззрѣнія, я указалъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій на всю призрачность ученія о чистыхъ расахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на „химеричность" ихъ классификаціи, по выраженію Овелака *). Мнѣ остается лишь отослать читателей къ этому этюду. Но здѣсь, повторяю, мнѣ хотѣлось-бы коснуться болѣе частнаго вопроса, а именно: насколько состоятельна теорія „арійства", и насколько „семитъ" представляетъ собой особую, рѣзко отграниченную отъ арійской расу. Я позволю себѣ рекомендовать по первой половинѣ вопроса относящіяся къ этому страницы въ сжатомъ, но добросовѣстномъ и документальномъ трудѣ г. Деникера по антропологіи и этнографіи **). Ученый авторъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Но кто же были арійцы? Никто не знаетъ этого какъ слѣдуетъ... Достаточно сказать, что признанные авторитеты въ наукѣ (Поттъ. Гриммъ, Максъ Мюллеръ) въ теченіе долгаго времени поддерживали безъ всякаго прочнаго доказательства существованіе не только первобытнаго арійскаго языка, который далъ начало діалектамъ почти всѣхъ народовъ Европы, но также и существованіе «арійской расы», которая, какъ то предполагалось, возникла «гдѣ-то» въ Азіи, причемъ одна часть ея переселилась въ Персію и Индію, тогда какъ остальная доля медленными шагами продвинулась въ Европу. Поколѣнія ученыхъ принимали эту гипотезу, которая, въ концѣ концовъ, основана ни на чемъ другомъ, кромѣ афоризмовъ въ родѣ «ex oriente lux», выдвинутомъ Поттомъ, или же «непреодолимаго стремленія къ западу», изобрѣтеннаго Гриммомъ. Должно, однако, замѣтить, что возраженія противъ этой гипотезы со стороны признанныхъ-же авторитетовъ возникли, какъ только она появилась. Эти возраженія исходили отъ филологовъ въ родѣ Латама (1855), этнологовъ въ родѣ Омаліуса д'Аллуа, антропологовъ въ родѣ Брока (1864); но лишь около 1880 г. выразилась замѣтная реакція противъ ходячихъ идей, и возникла она въ лагерѣ самихъ филологовъ. Сосюръ, Сепсъ и другіе, возвращаясь къ идеямъ, уже задолго до того выраженнымъ Бенфеемъ, справедливо замѣтили, что предполагаемая тѣсная связь между санскритскимъ и зендскимъ и первобытными арійскими языками основывается исключительно на томъ фактѣ, что архаическія формы упомянутыхъ двухъ діалектовъ сохранились до настоящаго времени въ письменныхъ памятникахъ, между тѣмъ какъ арійскіе языки Европы не обладаютъ такими древними документами. Они гово-

*) См. выше этюдъ *Соціологія человѣка-звѣря*.

**) Книга эта принадлежитъ къ «современной научной серіи» и вышла одновременно на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Я цитирую по англійскому изданію: J. Deniker, *The Races of Man. An Outline of Antropology and Ethnography*; Лондонъ, 1900.

рили далѣе, что европейскіе языки нашихъ дней, какъ, напр., литовскій, гораздо ближе къ первобытнымъ арійскимъ формамъ, чѣмъ азіатскіе діалекты, напр. индусскій... Антропологія не въ силахъ сказать, говорили или нѣтъ на арійскомъ языкѣ древніе обладатели долихоцефалическихъ череповъ въ южной Европѣ. Кромѣ того, труды современныхъ филологовъ съ Оскаромъ Шмидтомъ во главѣ показываютъ, что мы не въ правѣ болѣе говорить въ настоящее время объ какой бы то ни было «арійской расѣ», но лишь о *семьѣ арійскихъ языковъ* и, можетъ быть, о первобытной арійской цивилизаціи, которая предшествовала отдѣленію различныхъ арійскихъ діалектовъ отъ ихъ общаго ствола... Однако, нѣтъ никакого доказательства того, что народы, говорящіе не арійскими языками, не обладали уже точно такою же цивилизаціею, которая въ средѣ ихъ развилась независимымъ путемъ... Вообще, арійскій вопросъ уже не имѣетъ въ наши дни той важности, которую ему придавали раньше. Все, что мы можемъ предполагать на законномъ основаніи, это то, что въ періодъ, который предшествовалъ неолитической эпохѣ, обитатели Европы были *аріанизированы* по отношенію къ языку безъ всякаго замѣтнаго измѣненія въ ихъ физическомъ типѣ и, вѣроятно, и въ ихъ цивилизаціи *).

Итакъ, вотъ какими туманами окружена легенда объ арійской расѣ; а между тѣмъ на основаніи этой-то легенды люди, претендующіе на званіе серьезныхъ ученыхъ, съ важностью, достойною лучшей участи, раздаютъ различнымъ народамъ дипломы „высшихъ“ и „низшихъ“ расъ и доставляютъ тѣмъ самымъ предлогъ рядиться въ перья научности разнымъ невѣжественнымъ и человѣконенавистующимъ „соціологамъ“ вродѣ Дрюмона и т. п.

Обратимъ теперь вниманіе на второй вопросъ, насколько евреи могутъ считаться совершенно особой расой, не имѣющей никакого родства съ пресловутой „арійской“. Чтобы не удлиннять напрасно статьи, я позволю себѣ ограничиться въ этомъ отношеніи самымъ существеннымъ и остановлюсь лишь на послѣднихъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдованіяхъ. Въ недавнемъ „приложеніи“ къ своему труду по „расовой географіи Европы“ извѣстный американскій ученый Вилліамъ Риплэй какъ разъ занимается вопросомъ объ антропологіи евреевъ и изучаетъ ихъ происхожденіе и этническія черты на основаніи многочисленныхъ данныхъ, каковы измѣреніе череповъ, демографическая статистика и т. п. Особенно интересенъ добытый этимъ изслѣдованіемъ фактъ, что въ большинствѣ случаевъ евреи—брахицефалы и тѣмъ сильно отличаются отъ семитовъ, считаемыхъ „чистыми“, напр., арабовъ. Дѣйствительно, Риплэй указываетъ на то обстоятельство, что лишь евреи сѣверной Африки приближаются, повидимому, къ долихоцефалическому типу арабовъ. Прочіе же „сефардимы“ (испанскіе евреи) и всѣ „ашкеназимы“ (нѣмецко-литовскіе евреи),—а такихъ громадное большинство,—принадлежатъ къ рѣзкимъ

*) l. c., стр. 317—320, passim.—Кстати, авторъ не безъ иронія говоритъ въ прим. на стр. 318 о «смѣлыхъ соціологическихъ теоріяхъ» нѣмца Аммона и француза Лапужа, которые, можно сказать, помѣшались на «бѣлокурой долихоцефалической расѣ» арійцевъ.

брахицефаламъ. Спрашивается, измѣнилось-ли со временемъ строеніе ихъ черепа, или же всѣ семиты были первоначально короткоголовыми, и арабы представляютъ собою лишь вырожденіе типа. Риплэй примыкаетъ въ этомъ вопросѣ къ русскому изслѣдователю Икову и принимаетъ первую гипотезу. Согласно ей,

около девяти десятыхъ современныхъ евреевъ такъ отличаются по формѣ головы отъ родственнаго основного ствола, какъ только можно себѣ представить. Пресловутая чистота происхожденія евреевъ является поэтому миѳомъ. Ренанъ былъ въ концѣ концовъ правъ, утверждая (въ 1883 г.), что названіе «еврей», по крайней мѣрѣ для русской и дунайской вѣтвей расы, уже давно потеряло всякое *этнографическое* значеніе. Или, какъ замѣчаетъ Ломброзо, современные евреи въ физическомъ отношеніи скорѣе арійцы чѣмъ семиты *).

Такъ какъ рѣчь зашла о Ломброзо, общую мысль котораго передаетъ Риплэй, то замѣтимъ, что самъ итальянскій ученый выражается буквально слѣдующимъ образомъ:

Вообще же, понятіе объ этническомъ антагонизмѣ разсѣивается при свѣтѣ краніологіи, которая показываетъ намъ, что еврей болѣе аріецъ, чѣмъ семитъ. На широкомъ арійскомъ основаніи соединились для образованія еврейской расы столь выгодное для человѣчества этническое скрещиваніе и еще болѣе полезныя измѣненія подъ вліяніемъ различныхъ климатовъ. Это объясняетъ, почему, несмотря на столь многочисленныя причины отсталости, въ силу упомянутыхъ спеціальныхъ условій (включая сюда обиліе семитской крови, присутствіе которой несомнѣнно, по крайней мѣрѣ для одной двадцатой части евреевъ), евреи такъ быстро освоились съ арійскими обычаями, такъ ассимилировали арійскій интеллектъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ превзошли его. Это объясняетъ, наконецъ, почему, даже сохраняя свой особый характеръ, — результатъ родственныхъ браковъ и однородной и замкнутой въ себѣ жизни,—они такъ быстро сблизились съ арійскими народами, среди которыхъ жили **).

Въ самомъ дѣлѣ, не вдаваясь въ этнографическія подробности, мы все же можемъ констатировать нѣкоторые имѣющіе общее значеніе факты, которые опрокидываютъ ходячую теорію о нерастворимости еврейской расы. Не говоря уже о вышеупомянутомъ замѣчательномъ измѣненіи черепа, которое мы должны приписать смѣшенію расъ, общій типъ еврея измѣняется сообразно съ различною климатическою и этническою обстановкою, среди которой ему приходится жить. Всѣмъ извѣстна та разница, которая замѣчается между болѣе красивымъ, тонкимъ, аристократи-

---

*) Wiliam Z. Ripley, *The Racial Geography of Europe. A. Sociological Study. Supplement. The Jews*; въ «Appletons' Popular Science Monthly»; Нью-Іоркъ, декабрь 1898 г. и январь 1899 г. Цитата относится къ стр. 343 январьскаго номера.

**) *Cesare Lombroso, Gli Antisemitismo*; Туринъ, 1894.—Я цитирую по французскому, мѣстами довольно плохому переводу со второго итальянскаго изданія: L'*Antisémitismé*; Парижъ, 1899, стр. 42.

ческимъ, если можно такъ выразиться, типомъ западныхъ, такъ называемыхъ, испанскихъ евреевъ и болѣе грубымъ, массивнымъ и нерѣдко каррикатурнымъ типомъ восточныхъ польско-нѣмецкихъ евреевъ. Если этнологи указываютъ на несомнѣнную близость перваго типа съ расовымъ элементомъ южной Европы, то очень солидные ученые въ родѣ Вирхова предполагаютъ во второмъ типѣ сильную примѣсь славянскихъ и финскихъ элементовъ. Не интересно-ли, съ другой стороны, что въ то время, какъ у южныхъ евреевъ чрезвычайно преобладаютъ брюнеты, среди евреевъ, живущихъ на сѣверѣ Европы, насчитывается, по крайней мѣрѣ, одна пятая часть блондиновъ? Сравните, въ самомъ дѣлѣ, южнаго еврея. типъ котораго подаетъ поводъ къ курьезнымъ qui pro quo и смѣшеніямъ съ испанцемъ, итальянцемъ, французомъ-провансальцемъ,—вспомните лишь граціозно-юмористическое стихотвореніе Гейне о дочери алькада,—и еврея англійскаго, который зачастую заимствовалъ у чистаго британца его мягкіе, шелковистые, бѣлокурые волосы, его высокій лобъ, его голубые глаза. Да и въ южныхъ странахъ, хотя бы въ Италіи, обратите вниманіе на піемонтскаго еврея, который, подобно окружающей его расѣ, отличается круглымъ черепомъ и свѣтлыми волосами, и еврея венеціанскаго, когорый, такъ же, какъ и населеніе этой мѣстности, обладаетъ, наоборотъ, четырехугольнымъ и удлиненнымъ черепомъ и черной шевелюрой. У евреевъ, встрѣчающихся среди оазисовъ сѣверной Африки, профиль бѣлой расы сочетается съ цвѣтомъ кожи негровъ. Въ Абиссиніи еврей, наоборотъ, сохранилъ почти столь же бѣлую кожу, какъ и европейцы; но за то его, такъ сказать, мѣстная этническая маска пріукрасилась расплюснутымъ носомъ, толстыми губами и курчавыми волосами, чуть не шерстью негра.

А нашъ русскій, особенно польско-литовскій еврей, надъ которымъ по преимуществу изощряютъ свое остроуміе русскіе юдофобы, не замѣчающіе того, что въ этомъ, порою каррикатурномъ, типѣ комическія черты усиливаются неподходящею примѣсью именно нашихъ отечественныхъ красотъ физіономіи: свѣтлорусыхъ кудрей, выдающихся скулъ и „носа картошкой на широкомъ основаніи“ (о каковомъ см. въ лекціяхъ по русской исторіи г. Ключевскаго). Съ другой стороны, поставьте рядомъ съ этимъ типомъ типъ „воинствующаго Израиля“ на Кавказѣ, гдѣ вы не отличите горнаго еврея съ его высокимъ ростомъ, широкими плечами, орлинымъ носомъ и горящими глазами отъ какого-нибудь браваго лезгина, чеченца, черкеса или даже армянина,—оставившаго, кстати сказать, по наслѣдству извѣстныя черты своего носа еврею, какъ на то указываетъ знаменитый географъ Элизе Реклю, разрушившій, съ своей стороны, теорію о чистомъ семитическомъ происхожденіи евреевъ. Я оставляю въ сторонѣ упоминаніе о второстепенныхъ группахъ евреевъ въ родѣ, напр., тѣхъ, которые

живутъ въ Кохинхинѣ и поразительно напоминаютъ окружающихъ индусовъ.

Для того, кто занимался этнографіей, приводимыя мною указанія не составляютъ, впрочемъ, чего-либо новаго. Уже въ началѣ 90-хъ годовъ нѣмецкій ученый Лушанъ (Luschan) на основаніи очень обширныхъ изслѣдованій пришелъ къ заключенію, что современные евреи состоятъ, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ этническихъ элементовъ: семитовъ, арійцевъ (аммонитовъ) и потомковъ древнихъ хиттитовъ. А историки уже давно указывали на факты смѣшанныхъ браковъ и религіознаго прозелитизма, благодаря чему много посторонней крови вливалось въ жилы „избраннаго народа". Эти явленія упорно отрицались съ двухъ сторонъ: и самими еврейскими патріотами и филосемитами, которые не могли допустить чтобы къ ихъ столь старой, столь аристократической, столь „священной" расѣ могли примѣшаться чуждые элементы „гоевъ"; и изувѣрами-юдофобами, которые, вывертывая на изнанку положенія своихъ противниковъ, съ не менѣе комичнымъ ужасомъ отрицали возможность смѣшенія „высшей арійской" и „низшей семитической" породы. Но исторіи нѣтъ дѣла до юдофобовъ и филосемитовъ и до ихъ взаимной оцѣнки чистоты и высоты двухъ расъ. Факты на лицо и смѣются надъ ахами и охами двухъ тяжущихся сторонъ. Я лишь вкратцѣ укажу на главнѣйшія данныя по этому вопросу.

Вмѣсто, напр., традиціоннаго воззрѣнія на существованіе двѣнадцати чистыхъ колѣнъ современная наука даетъ болѣе, чѣмъ вѣроятную гипотезу о примѣси уже въ это время къ евреямъ туранскихъ и кушитскихъ, т. е. желтыхъ и черныхъ племенъ, къ которымъ присоединились другіе этническіе элементы во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ и завоеванномъ ими Ханаанѣ. При Осіи скиѳы стучались у воротъ Іерусалима и оставили, по всей вѣроятности, этнологическіе слѣды своего столкновенія съ избраннымъ народомъ. Но въ особенности начиная съ перваго плѣненія усилилось скрещиваніе евреевъ съ окружавшими племенами. Маймонидъ въ своей „Могущественной рукѣ" (Ядъ-Хазака) говоритъ, что во время Вавилонскаго плѣненія евреи смѣшались съ такою массою различныхъ народностей, что дѣти, происшедшія отъ этого скрещиванія, воспроизвели нѣчто въ родѣ настоящаго новаго столпотворенія и смѣшенія языковъ. По возвращеніи же изъ плѣна они сблизились съ самаритянами, эдомитянами и моавитянами, а при завоеваніи Идумеи Гирканомъ, съ жителями этой страны. Позже, во время войны съ Римомъ, гордые легіонеры приживали дѣтей съ еврейками; и историки еврейскаго народа приводятъ наполовину горестный, наполовину юмористическій вопросъ, съ которымъ рабби-Улла обратился къ Іудѣ бэнъ-Егискилу: „да можемъ-ли и сами мы быть увѣрены, что не

происходимъ отъ тѣхъ язычниковъ, которые по взятіи Іерусалима обезчестили дочерей Сіона"?

Не забудьте, кромѣ того, вліяніе религіозной пропаганды, которой евреи предавались съ такимъ пыломъ, что даже у классическихъ писателей осталось упоминаніе объ этой чертѣ евреевъ, усердно старавшихся о привлеченіи новыхъ прозелитовъ въ свою среду. „Какъ іудеи, и мы принудимъ тебя вступить въ этотъ отрядъ (поэтовъ)", восклицаетъ Горацій въ концѣ одной изъ своихъ сатиръ *). А Ювеналъ негодуетъ на то, что въ теченіе одного поколѣнія римлянинъ, затронутый еврейской пропагандой, успѣваетъ совсѣмъ ожидовиться: „Иные, которымъ выпалъ жребій родиться отъ отцовъ, соблюдающихъ субботу, ничему не поклоняются, кромѣ облаковъ и божества небесъ, не находятъ никакой разницы между человѣчьимъ мясомъ и свининой, отъ которой отецъ лишь просто воздерживался; а скоро отрѣзаютъ у себя и крайнюю плоть. Привыкнувъ презирать законы Рима, они изучаютъ и соблюдаютъ, и почитаютъ лишь іудейское право, которое передалъ въ тайной книгѣ Моисей; они не покажутъ и дороги никому, кромѣ тѣхъ, кто чтитъ одинаковыя съ ними святилища, и лишь однихъ обрѣзанцевъ доведутъ до источника, о которомъ ты спросишь ихъ" **).

Въ первые вѣка христіанства еврейская пропаганда велась съ необыкновеннымъ жаромъ; и язычники, которые смѣшивали въ одну презираемую секту и евреевъ, и христіанъ, жалуются на опустошенія, производимыя въ ихъ средѣ прозелитизмомъ „іудеевъ". Римъ, Александрія, Антіохія, Дамаскъ, Кипръ служатъ главнѣйшими очагами этой пропаганды, которая прибѣгаетъ не только къ убѣжденію, но и къ насилію. Мозаизмъ вербуетъ себѣ приверженцевъ не только среди язычниковъ, но и среди христіанъ; и, напр., когда въ царствованіе императора Гераклія Веньяминъ изъ Тиверіады завладѣваетъ Іудеей, палестинскіе христіане толпами переходятъ въ еврейство. Отсюда тотъ богословскій антисемитизмъ, который рано обнаружили христіанскіе отцы церкви. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вселенскіе соборы издаютъ постановленія, имѣю-

---

*) Sermonum Lib. I, Sat. IV, 142—143:

... ac veluti te
Judaei, cogemus in hanc concedere turbam.

**) Juven. Sat. XIV, 96—104:

Quidam, sortiti metuentem sabbata patrem,
Nil praeter nubes et coeli numen adorant.
Nec distare putant humana carne suillam,
Qua pater abstinuit; mox et praeputia ponunt:
Romanas autem soliti contemnere leges,
Judaicum ediscunt, et servant ac metuunt jus,
Tradidit arcano quodcumque volumine Moses:
Non monstrare vias, eadem nisi sacra colenti;
Quaesitum ad fontem solos deducere verpos.

щія цѣлью помѣшать евреямъ заманивать вѣрующихъ, запретить имъ обрѣзаніе ихъ христіанскихъ рабовъ и браки съ христіанами. И, однако, всѣ эти мѣры, до самаго времени страшныхъ повсемѣстныхъ гоненій на евреевъ въ среднихъ вѣкахъ, не могли остановить іудейскаго прозелитизма, вызывавшаго временами настоящіе скандалы. Въ VI-мъ вѣкѣ духовныя лица совращаются въ іудейство, и между ними даже одинъ епископъ. Позже папамъ приходится противодѣйствовать этому прозелитизму спеціальными буллами, между которыми можно упомянуть буллу Климента IV въ 1255 г., Гонорія въ 1288 г. Вмѣшиваются и короли: Филиппъ Прекрасный на рубежѣ XIV-го столѣтія отдаетъ приказъ королевскимъ судьямъ „наказывать евреевъ, которые склонятъ христіанъ къ своей вѣрѣ подарками". Во всей Европѣ этотъ прозелитизмъ вливаетъ свѣжую чужую кровь въ жилы стараго еврейскаго народа. Особенно многочисленны обращенія въ еврейство среди испанцевъ: на Пиренейскомъ полуостровѣ рядъ соборовъ въ Толедѣ, уже начиная съ VI-го столѣтія, пытается запретить смѣшанные браки между христіанами и евреями. Въ XIII-мъ вѣкѣ одинъ изъ венгерскихъ архіепископовъ жалуется, что евреи вступаютъ въ сожительство съ христіанками, и вѣрующіе переходятъ въ іудейство цѣлыми тысячами. Въ XIV-мъ столѣтіи въ Швейцаріи власти издаютъ особый декретъ, въ силу котораго христіанскія дѣвушки, прижившія дѣтей отъ еврея, наказываются тѣмъ, что должны носить и особыя еврейскія шляпы. Въ Польшѣ переходъ въ моисееву вѣру часто встрѣчается еще въ XVI-мъ столѣтіи, несмотря на указы Сигизмунда I.

Но, кромѣ скрещиванія съ такъ называемыми арійскими расами, евреи подвергаются скрещиванію съ урало-алтайскими племенами, которыя, можетъ быть, еще въ болѣе значительной степени обновляютъ своею кровью старую историческую расу. Еще до нашей эры евреи проникаютъ на сѣверные и восточные берега Чернаго моря, какъ о томъ свидѣтельствуютъ греческія надписи въ Анапѣ, Ольвіи и Пантикапеѣ. Въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкахъ они эмигрируютъ изъ предѣловъ бывшаго Вавилонскаго царства и доходятъ до населенныхъ туркскими племенами городовъ Керчи на Азовскомъ морѣ, Дербента на Каспійскомъ, и т. д. Въ началѣ VII-го вѣка они обращаютъ въ свою вѣру хазаровъ, жившихъ въ нижнемъ бассейнѣ Волги, Дона и Днѣпра и въ свою очередь занимавшихся, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, удачною пропагандою между славянскими племенами полянъ, сѣверянъ и вятичей. Въ XII-мъ вѣкѣ, цѣлыя татарскія племена Кавказа переходятъ въ моисееву вѣру, по сообщенію путешественника Петагіи изъ Регенсбурга. Въ XIV-мъ столѣтіи, между полчищами Мамая, наводнившими смежныя съ Кавказомъ страны, встрѣчаются и многочисленныя группы евреевъ, которые смѣшиваются здѣсь съ урало-алтайскими племенами и, какъ мы

раньше видѣли, состоятъ въ близкомъ родствѣ съ горными кавказскими народцами.

Такъ исторія отвѣчаетъ на традиціонное, но фальшивое представленіе о чистотѣ и нерастворимости еврейской расы. Но это нисколько не можетъ помѣшать намъ вмѣстѣ съ Бернаромъ Лазаромъ, этимъ замѣчательно безпристрастнымъ изслѣдователемъ судебъ своего племени, задаться вопросомъ, не представляютъ-ли всетаки собой евреи особой національности по своей психологіи, и не объясняется-ли этимъ вражда къ нимъ со стороны окружающихъ ихъ націй. Дѣйствительно, говоритъ Бернаръ Лазаръ,

то, что называютъ неподходящимъ терминомъ расы, представляетъ собой не этнологическое единство, но единство историческое, умственное и нравственное. Евреи не народъ въ этническомъ смыслѣ, но они національность; правда, среди нихъ замѣчаются различные типы, но какая же нація не разнообразна въ этомъ отношеніи? То, что дѣлаетъ людей народомъ, такъ это не единство происхожденія, но единство чувствъ, мысли и этики. Посмотримъ, не представляютъ-ли евреи этого единства и не найдемъ-ли мы въ этомъ обстоятельствѣ тайны питаемаго къ нимъ враждебнаго чувства *).

Я не буду входить въ подробности аргументаціи этого серьезнаго изслѣдователя, фактами и выводами котораго я, однако, часто пользуюсь здѣсь тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что авторъ можетъ служить положительно образцомъ объективнаго и вдумчиваго отношенія къ своей родной національности. У него мы можемъ учиться благородному идейному безстрашію, съ которымъ должны трактоваться вопросы національнаго патріотизма. Я позволю себѣ указать лишь на общій выводъ Б. Лазара, но ставя этотъ выводъ на болѣе широкое соціологическое основаніе, чѣмъ дѣлаетъ это самъ авторъ, занимающійся вопросомъ преимущественно съ исторической и культурной стороны. Выводъ этотъ можно резюмировать такъ: большинство евреевъ всегда сохраняло и сохраняетъ еще до сихъ поръ вѣру въ свою особую національность, основанную на религіи; религія же эта, благодаря своему теократическому характеру, регулируетъ не одни духовныя, но и свѣтскія отношенія человѣка къ окружающимъ, являясь для него не только богословскимъ принципомъ, но основаніемъ его юридическихъ, экономическихъ, политическихъ, даже мелко-будничныхъ нормъ жизни и мысли. Эта религіозно-національная исключительность проходила красною нитью чрезъ всю исторію „избраннаго народа“. Она окристаллизовалась въ Талмудѣ. Она достигла своего апогея въ эпоху средневѣковыхъ преслѣдованій, когда къ ужасному давленію со стороны христіанскихъ властей и дикимъ взрывамъ христіанскихъ массъ присоединилась внутри самаго еврейства свирѣпая борьба раввинистовъ, этихъ учителей

*) Bernard Lazare, *L'antisémitisme, son histoire et ses causes*; Парижъ, 1894, стр. 272.

религіозно-національныхъ традицій, противъ попытокъ либеральной еврейской мысли, пытавшейся примирить свѣтскую философію и науку съ догматомъ. Отсюда возникъ рядъ человѣконенавистническихъ предписаній и проклятій противъ гоевъ, подъ которыми, главнымъ образомъ, разумѣлись тѣ отступники отъ еврейства, что переходили на сторону враговъ его и, зная слабые пункты талмудизма, били раввинистовъ ихъ же оружіемъ.

Присоедините къ этому религіозно-національную солидарность, которая связывала въ одно цѣлое разбросанныя общины евреевъ и которая должна была доставить имъ преимущество по мѣрѣ того, какъ въ христіанскомъ обществѣ вырабатывалась отнюдь не христіанская война всѣхъ противъ всѣхъ на почвѣ экономической конкурренціи и столкновенія классовыхъ интересовъ. Прибавьте къ этому естественный циклъ развитія, который пробѣгала эта старая раса, которая, особенно со времени разсѣянія, уже успѣла выработать промышленный и торговый классъ и послать представителей его на завоеваніе видныхъ коммерческихъ постовъ среди гораздо болѣе молодыхъ и отсталыхъ народностей Европы, жившихъ въ эту пору по преимуществу земледѣліемъ. Прибавьте, наконецъ, запрещеніе вѣрующимъ, со стороны средневѣковой церкви, заниматься отдачей денежныхъ капиталовъ въ ростъ, что, благодаря исторической необходимости этой эксплуататорской, но фатальной функціи, вызвало притокъ и заполненіе этой сферы евреями. Присоедините, наконецъ, къ этому общій рядъ мѣръ со стороны правительствъ противъ евреевъ, мѣръ, которыя шли навстрѣчу усиливавшемуся выдѣленію еврейства изъ среды окружавшихъ ихъ націй и въ свою очередь обостряли это обособленіе. Таковы элементы, изъ которыхъ слагалось изолированіе еврейства въ качествѣ какого-то посторонняго тѣла въ общественномъ организмѣ, причемъ фанатизированному чувству гордости у подавляемой національности соотвѣтствовало чувство антипатіи, презрѣнія и ненависти среди христіанскихъ народностей.

Я сказалъ раньше, что фактъ религіозно-національнаго обособленія евреевъ слѣдуетъ поставить на широкое соціологическое основаніе. Дѣйствительно, какова основная причина этого обособленія евреевъ въ особый народъ, несмотря на отсутствіе, какъ мы видѣли, единства происхожденія? Это первобытный характеръ ихъ религіи, которая является не только духовною, но гражданскою и политическою связью между евреями. Словно эрратическій камень первобытныхъ формацій, еврейство лежитъ съ своимъ теократизмомъ среди совершенно иныхъ современныхъ наслоеній. Евреи платятъ тяжелую дань всевозможнымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ въ сущности лишь потому, что остались представителями античнаго, теократическаго, узко-національнаго строя давно пережитыхъ временъ, и притомъ представителями, развившими своеобразную, довольно высокую культуру, а потому

приходящими въ фатальное столкновеніе съ нашей современной культурой. Но что эта черта не есть лишь исключительная принадлежность евреевъ, а всего античнаго міра, извѣстно всякому, кто знакомъ съ цивилизаціей этого періода. Я—страстный поклонникъ античной, особенно же греческой цивилизаціи, которая привлекаетъ меня столькими своими сторонами. Но это поклоненіе нисколько не закрываетъ мнѣ глаза на непомѣрное развитіе религіознаго элемента въ древнемъ мірѣ, который въ сущности не зналъ настоящей свободы мысли, потому что ставилъ въ неразрывную связь съ религіознымъ обрядомъ политическую и національную жизнь гражданъ. Орлиный полетъ критической и творческой мысли былъ результатомъ пышнаго расцвѣта человѣческой индивидуальности, которая развилась не столько благодаря, сколько вопреки этому теократически-національному характеру древней цивилизаціи.

Юдофобы любятъ, напр., подсмѣиваться надъ непомѣрнымъ обиліемъ религіозныхъ формулъ, загоняющихъ, при самыхъ обыденныхъ актахъ жизни, въ колодки правовѣрнаго еврея. Но тотъ, кто изучалъ греко-римскій міръ, знаетъ, что таково было свойство и классической религіи. Я прошу читателей, которымъ некогда провѣрять такое положеніе, припомнить хотя бы, что говоритъ по этому вопросу Фюстэль-де-Куланжъ въ своей извѣстной работѣ по исторіи „античнаго государства", въ столь сильной степени опиравшагося, по словамъ ученаго изслѣдователя, на религіозный—и замѣтьте при этомъ—строго обрядовый элементъ.

Тогда религія вмѣшивалась во всѣ акты жизни какъ на войнѣ, такъ и во время мира. Она повсюду присутствовала, она охватывала человѣка. Душа, тѣло, личная жизнь, жизнь общественная, пиры, праздники, народныя собранія, трибуналы, войны, все было въ рукахъ государственной религіи. Она управляла всѣми дѣйствіями человѣка, располагала всѣми моментами его жизни, закрѣпляла всѣ его привычки. Она руководила человѣческимъ существомъ съ такимъ безусловнымъ авторитетомъ, что внѣ ея не оставалось ничего *).

Еврей, говорятъ намъ, шагу не можетъ ступить безъ самыхъ нелѣпыхъ обрядностей, и ему приходится все время, что называется, хитрить и надувать свое гнѣвное божество, чтобы слѣдовать буквѣ Талмуда и въ то же время имѣть возможность жить и исполнять необходимыя требованія будничной жизни: на этотъ счетъ существуетъ цѣлый коробъ анекдотовъ у господъ антисемитовъ. Но что они сказали-бы, если-бы знали путемъ, въ какой степени обрядовая формула опутывала древняго грека и римлянина? Какое мясо ѣсть и какого не ѣсть при жертвоприношеніи; какую одежду носить и какой не носить; какимъ ножемъ рѣзать и какимъ не рѣзать; въ

*) Fustel de Coulanges, *La cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome*; Парижъ, 1900, 17-е изд., стр. 193—194.

какую позу становиться, читая извѣстную формулу; къ какому божеству обращаться при исполненіи самомалѣйшаго акта; какое знаменіе подстерегать при выходѣ изъ дому; какихъ знаковъ дожидаться при открытіи военной кампаніи; какъ предотвратить дурное предвозвѣстіе; какой день счастливый и какой несчастный; какія внутренности у жертвы чисты и какія нечисты, и т. д., и тысячу разъ и т. д.,—всѣ эти безконечныя предписанія цѣлою сѣтью опутывали жизнь общественнаго дѣятеля и частнаго человѣка. И педантическая точность, съ какою обитатель Греціи или Рима старался пройти въ такую, а не иную петлю этой сѣти, по истинѣ заслуживаетъ удивленія. Читайте у Тита-Ливія описаніе походовъ знаменитаго Камилла, или у Геродота эпизоды великой борьбы между персами и греками, или у Плутарха разсказъ объ экспедиціи аѳинянъ подъ начальствомъ Никія—и вы не въ состояніи отдѣлаться отъ той мысли, что эти герои древности, которыхъ псевдо-античный романтизмъ нашего времени перелицовываетъ и перекрашиваетъ въ современныхъ великихъ людей, были не только славными воинами и образцовыми гражданами, но и первосвященниками, жрецами, педантами-изувѣрами, которые по части соблюденія обрядовъ заткнутъ за поясъ любого талмудиста. Пусть читатель просмотритъ хотя бы у того же Фюстэль-де-Куланжа характеристику „римлянина и аѳинянина“ и описаніе ихъ времяпрепровожденія въ теченіе цѣлаго дня *).

Намъ говорятъ точно также о свирѣпомъ націоналистическомъ духѣ, которымъ пропитана еврейская доктрина, особенно въ Талмудѣ. Но опять-таки эта вражда къ чужестранцу, это презрѣніе, это въ лучшемъ случаѣ недовѣріе къ нему и выдѣленіе его изъ общественнаго національнаго союза,—развѣ все это не является основною чертою всего древняго міра? Вспомните, какъ греки обращались съ чужестранцами, которымъ разрѣшеніе вступать въ бракъ съ гражданами даннаго города (ἐπιγαμία) или пріобрѣтать здѣсь собственность (ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας) давалось лишь въ случаѣ формальнаго трактата съ чужимъ государствомъ, или же какъ вознагражденіе за исключительныя заслуги, тогда какъ обыкновенно иностранцы были совершенно безправны, но платили тяжелыя спеціальныя подати **). А римское законодательство двѣнадцати таблицъ съ его вѣчнымъ правомъ на то, что разъ римлянинъ взялъ у чужестранца, — который обозначался, кстати сказать, однимъ словомъ hostis наравнѣ съ врагомъ: adversus hostem aeterna auctoritas esto? Лишь постепенно въ грекоримскомъ мірѣ вырабатывались универсалистическая религія и

*) L. c., стр. 254—264.

**) Ср. G. Busolt, *Staats-und Rechtsaltertümer* въ первой половинѣ IV-го тома руководства: Iwan Müller, *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*; Нёрдлингенъ, 1887, стр. 13—15.

всеобщая, чуждая націонализма этика. Только въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. появляется впервые, если не ошибаюсь, такая яркая формулировка космополитизма, какую мы встрѣчаемъ у Демокрита: „для мудраго мужа открыта вся земля; ибо весь міръ служитъ отечествомъ доблестной душѣ“ (ἀνδρὶ σοφῷ πᾶσα γῆ βατή ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατρὶς ὁ ξύμπας κόσμος). Только во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. зазвучитъ глубоко гуманитарная фраза Теренція: „я человѣкъ, и ничто человѣческое не считаю чуждымъ себѣ“ (homo sum, humani nil a me alienum puto). Съ другой стороны, болѣе раннее моисеево законодательство, если подчеркиваетъ элементъ національной солидарности,—напр., въ словахъ:

не мсти и не злопамятствуй противъ сыновъ народа твоего; но возлюби ближняго, какъ самого себя *),

то и по отношенію къ чужестранцу предписываетъ человѣчное обращеніе, оставляющее за собою первобытныя воззрѣнія Греціи и Рима:

если пришлецъ поселится въ странѣ вашей, то вы не должны причинять ему несправедливости. Пришлецъ, поселившійся съ вами, пусть будетъ для васъ наравнѣ съ тѣмъ, кто родился среди васъ, и вы возлюбите его, какъ самихъ себя; ибо и вы были пришельцами въ землѣ египетской **).

Такимъ образомъ, разница между еврейскимъ первобытнымъ націонализмомъ и между греко-римскимъ первобытнымъ націонализмомъ будетъ скорѣе въ пользу еврейскаго міровоззрѣнія, какъ болѣе гуманнаго, по крайней мѣрѣ въ приведенномъ нами случаѣ.

Но юдофобы указываютъ намъ на Талмудъ, господство котораго надъ умами евреевъ достигло особенной силы, начиная съ XIV-го столѣтія, когда возникшее было въ предшествовавшую эпоху движеніе свободной философской мысли среди еврейства было задавлено фанатическими приверженцами религіозныхъ традицій. Дѣйствительно, Талмудъ проникнутъ духомъ ужасной національной исключительности и вражды къ иностранцамъ, т. е. иновѣрцамъ. Но я уже мимоходомъ замѣтилъ выше, что наиболѣе сильныя проклятія, расточаемыя гоямъ, выражаютъ прежде всего ненависть религіозно-національнаго союза евреевъ противъ ренегатовъ, переходившихъ въ ряды христіанъ и дававшихъ лишнюю пищу преслѣдованіямъ и угнетенію своихъ прежнихъ соотечественниковъ. Обратите, съ другой стороны, вниманіе на эти преслѣдованія и на весь духъ средневѣковья: вы найдете среди проповѣдниковъ христіанской любви достойныхъ соперниковъ свирѣпой іудейской морали. Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь рабби Іохай разражался кровожаднымъ афоризмомъ противъ не

*) Левит., XIX, 18.
**) Левит., XIX, 33—34.

евреевъ: „если встрѣтишь и самаго лучшаго гоя, то, не колеблясь, убей его“, то, съ другой стороны, Людовикъ IX, прозванный святымъ за свои добродѣтели, не говорилъ-ли, что наилучшій способъ теологическаго спора съ евреемъ это „пырнуть его кинжаломъ въ брюхо“ (lui bouter de la dague dans le ventre, на наивномъ французскомъ языкѣ того времени)? А папа Урбанъ III не писалъ-ли въ одной изъ своихъ буллъ: „всякій имѣетъ право убить отлученнаго отъ церкви, разъ дѣлаетъ это изъ ревности къ вѣрѣ“? Думаю, что христіане и евреи стоили другъ друга въ это мрачное время общаго фанатизма и религіозной ненависти.

Итакъ, для читателя, надѣюсь, стало достаточно ясно, что причины вражды между евреями и окружающими ихъ народами лежатъ, главнымъ образомъ, въ столкновеніи между первобытнымъ религіозно-національнымъ міровоззрѣніемъ „избраннаго народа“ и все болѣе и болѣе свѣтской и общечеловѣческой цивилизаціей нашей эпохи. По мѣрѣ того, какъ это архаическое міросозерцаніе еврейства уступаетъ мѣсто современнымъ идеямъ, стирается и исключительная національность евреевъ. И можно пожалѣть лишь, что неблагопріятныя историческія условія и часто повторяющіяся недоразумѣнія мѣшаютъ общечеловѣческому прогрессу охватить еврейскія массы, а позволяютъ ему проявляться надлежащимъ образомъ лишь среди выдающагося интеллигентнаго меньшинства.

Все сказанное мною прилагается къ евреямъ въ любой странѣ, хотя съ болѣе или менѣе значительными поправками, въ зависимости отъ каждой мѣстной цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ, общая постановка вопроса на предыдущихъ страницахъ расчистила намъ путь для изображенія антисемитизма во Франціи; и мнѣ остается лишь коснуться спеціально французскихъ условій, уже не возвращаясь болѣе къ общимъ историческимъ и соціологическимъ соображеніямъ. Со времени изгнанія евреевъ изъ средневѣковой Франціи по декрету Карла VI отъ 17-го сентября 1394 г. и до возвращенія ихъ въ революціонную Францію, двери которой были имъ формально открыты голосованіемъ Національнаго Собранія отъ 27-го сентября 1791 г., т. е. значитъ въ теченіе почти четырехсотъ лѣтъ, на территоріи „христіаннѣйшаго королевства“ жило очень мало адептовъ моисеева закона. Лишь въ Бордо, благодаря привилегіямъ королей, существовала довольно большая колонія исключительно португальскихъ евреевъ, часть которыхъ очень разбогатѣла морской торговлей. Во всѣхъ же остальныхъ городахъ Франціи, не исключая и Парижа, евреи были въ очень незначительномъ числѣ; и администрація, собственно говоря, не разрѣшала имъ пребыванія, а лишь терпѣла его. Только въ пріобрѣтенномъ отъ Германіи Эльзасѣ еврейскій элементъ мѣстами

игралъ замѣтную роль въ населеніи. Но по мѣрѣ того, какъ философскія и гуманитарныя идеи „вѣка просвѣщанія“ проникали въ умы, отношеніе къ евреямъ со стороны христіанскаго населенія смягчалось все болѣе и болѣе; и декретъ Національнаго Собранія, признававшій за евреями право быть французскими гражданами, выражалъ преобладающія стремленія лучшихъ людей того времени. Съ тѣхъ поръ до самаго недавняго времени или, точнѣе сказать, до половины 80-хъ годовъ еврей былъ не только полноправнымъ гражданиномъ, но и вполнѣ законнымъ членомъ французскаго общества, причемъ вліяніе этой энергичной и способной „расы“ возрастало не только въ общественномъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Это именно и даетъ поводъ пресловутому Дрюмону такими словами охарактеризовать судьбы еврейства во Франціи XIX-го вѣка:

Въ 1790 г. еврей появляется у двери; во время первой республики и первой имперіи онъ входитъ, шляется и ищетъ мѣста; при реставраціи и во время іюльской монархіи онъ усаживается въ салонѣ; во время второй имперіи онъ ложится въ чужую постель; при третьей республикѣ онъ начинаетъ изгонять французовъ изъ собственнаго же ихъ дома или заставляетъ ихъ работать на себя. Въ 1890 г. (это пророчество Дрюмона относится къ 1886 г. Н. К.), если только у насъ останется еще, какъ я надѣюсь, довольно скрытой энергіи, чтобы спасти себя отъ надвигающейся смерти, еврей долженъ будетъ вернуться къ своему отправному пункту и оттомъ возвратить все то, что онъ награбилъ по мелочамъ у черезчуръ гостепріимныхъ и довѣрчивыхъ людей *).

Намъ дѣла нѣтъ до лубочныхъ изображеній Дрюмономъ могущества евреевъ. Но что касается до пророчества относительно ихъ будущей экспропріаціи, интересно отмѣтить тотъ фактъ, что если въ 1890 г. и не наступило такого событія, то къ этому времени относится замѣтное усиленіе антисемитизма не только въ печати, но и въ обществѣ. А въ самые послѣдніе годы, на рубежѣ XX-го столѣтія, юдофобство вспыхнуло столь яркимъ пламенемъ, что поразило своею неожиданностью и силою самыхъ внимательныхъ и вдумчивыхъ наблюдателей французской жизни. Для объясненія такого явленія намъ придется пристально вглядѣться въ элементы, которые соединились для того, чтобы вызвать этотъ взрывъ антисемитизма. Въ самомъ началѣ статьи я упомянулъ о томъ фактѣ, что численно евреи представляютъ собою незначительную долю населенія страны. Откуда же такое несоотвѣтствіе между пропорціею „семитовъ“ и интенсивностью ненависти къ нимъ? Какъ и съ кѣмъ сталкиваются здѣсь евреи, чтобы внушить своими „противообщественными инстинктами“ вражду „французовъ Франціи“? Вѣдь для того, чтобы быть не академическимъ, а глубоко-жизненнымъ вопросомъ, антисемитизмъ долженъ же всетаки

*) Edouard Drumont, *La France Juive. Essai d' histoire contemporaine*; Парижъ, 139-е изд., т. I, стр. 337.

опираться на реальные факты эксплуатаціи евреями коренного населенія или, по крайней мѣрѣ, на явленія, которыя можно истолковать въ смыслѣ этой эксплуатаціи. Каковы же факты?

Посмотримъ, изъ какихъ группъ слагается французское еврейство, и въ какихъ точкахъ соприкосновенія сотня тысячъ евреевъ причиняетъ столь нестерпимыя, по словамъ юдофобовъ, страданія 38 милліонамъ „арійцевъ". Рѣзче всего, конечно, бросается въ глаза группа королей капитала, которые служатъ для антисемитовъ исходнымъ пунктомъ ихъ демагогическихъ разглагольствованій, имѣющихъ цѣлью убѣдить, что каждый еврей это непремѣнно эксплуататоръ и маленькій Ротшильдъ. Кто, дѣйствительно, не слышалъ отъ Дрюмона и его приспѣшниковъ, что изъ 80 милліардовъ франковъ, составляющихъ общую сумму движимаго имущества Франціи, 20 милліардовъ, т. е. цѣлая четверть принадлежатъ евреямъ? Оставимъ въ сторонѣ невозможную провѣрку этой юдофобской статистики; допустимъ, что это не фантастическая цифра, а выраженіе дѣйствительности. Интересно знать, кто же является обладателями этой грандіозной суммы.

Уже самый характеръ движимой собственности показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ о денежныхъ капиталахъ. Но если наиболѣе крупныя состоянія, оперирующія въ сферѣ денежнаго хозяйства, принадлежатъ во Франціи дѣйствительно евреямъ въ родѣ Альфонса Ротшильда, Эрлангера, Камондо, то спрашивается, много-ли насчитается такихъ грандіозныхъ капиталистовъ—семитовъ, которые, кстати сказать, принадлежатъ по своимъ операціямъ къ категоріи всемірныхъ эксплуататоровъ, хотя и живущихъ во Франціи? Съ кѣмъ соприкасаются эти властелины биржи и банка, на какихъ „французовъ Франціи" обрушивается золотая артиллерія ихъ милліардовъ, кого изъ дѣйствительныхъ производителей страны они эксплуатируютъ? Если оставить въ сторонѣ падающіе на каждаго гражданина платежи по государственнымъ займамъ, платежи, видная, но не исключительная пропорція которыхъ течетъ въ карманы первостепенныхъ еврейскихъ капиталистовъ, кредитующихъ государство, то не видишь, какими непосредственными присосами какой-нибудь Ротшильдъ извлекаетъ изъ рядового француза золотую влагу „всеобщаго эквивалента". Трудящіяся массы, эти вѣчныя плательщицы столь же христіанскихъ, сколько и еврейскихъ кредиторовъ правительства, не вступаютъ ни въ какія прямыя отношенія съ царями биржи. Ротшильдъ страшенъ не имъ, а тѣмъ соперникамъ „этого королевскаго тигра изъ Палестины",—какъ я назвалъ однажды въ печати знаменитаго барона,—который своимъ рычаніемъ отгоняетъ отъ лакомыхъ кусковъ спекуляціи всѣхъ этихъ волковъ и шакаловъ биржевого капитала. Но какое дѣло настоящему народу до львинаго дѣлежа, производящагося въ верхахъ капиталистической храмины, въ сферѣ биржи и банка, между еврейскими королями обмѣна и ихъ христі-

анскими вассалами — спекуляторами, которые пытаются порою бороться противъ удивительнаго нюха и могучихъ капиталовъ семитовъ?

Вспомните, напр., отчаянную игру на биржѣ, ознаменовавшую четырехлѣтнія операціи (1878—1882 г.) католическаго банка, извѣстнаго подъ оффиціальнымъ названіемъ „L'Union générale", игру, въ результатѣ которой пресловутый администраторъ его Бонту, взогнавъ временно 125-франковыя акціи до 3200 фр., ощипалъ своихъ легитимистскихъ и клерикальныхъ кліентовъ на 212 милліоновъ. Что выигралъ или проигралъ настоящій народъ отъ этого краха, хотя извѣстно, что Бонту, эксплуатировавшій католическо-монархическія чувства своихъ акціонеровъ, громко заявлялъ о своемъ походѣ противъ еврейскихъ капиталовъ и былъ въ отместку раздавленъ именно этими капиталами? Золя, который въ своихъ „Деньгахъ" рисовалъ въ лицѣ Саккара портретъ съ Бонту, прекрасно изобразилъ всю психологію этого католическаго антисемита, „тѣмъ болѣе ненавидѣвшаго евреевъ, что онъ въ сущности восторгался ими, завидовалъ ихъ поразительнымъ финансовымъ способностямъ" и т. д. Ясно, что противъ крупнѣйшихъ биржевыхъ и финансовыхъ капиталистовъ изъ племени Сима пламя искренняго антисемитизма можетъ пылать лишь въ груди ихъ неудачныхъ конкуррентовъ-христіанъ; да и пылать-то лишь потому, что Ротшильдъ и другіе евреи болѣе успѣшно занимаются биржевою эксплуатаціей „простофиль" (gogos на французскомъ дѣловомъ жаргонѣ), добивающихся легкой наживы при помощи спекулятивной игры своими капиталами и капитальцами. Если, значитъ, вы прибавите къ крупной биржевой буржуазіи только-что упомянутыхъ простаковъ-спекуляторовъ и мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, которые въ послѣднее время раздавливаются фатальнымъ процессомъ концентраціи капиталовъ и жалуются, и ропщутъ на всѣхъ и на все, и отыскиваютъ повсюду враговъ, а въ томъ числѣ среди евреевъ, то вы исчерпаете этимъ почти всѣ горючіе матеріалы антисемитизма среди дѣловой буржуазіи.

Въ области индустріи евреи, дѣйствительно, играютъ лишь второстепенную роль: между фабрикантами, владѣльцы наиболѣе крупныхъ копей, металлургическихъ, сахарныхъ и т. п. заводовъ — христіане; да и вообще очень значительное большинство фабричныхъ предпріятій принадлежитъ во Франціи представителямъ „арійской расы". Но еще интереснѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что самые крупные коммерческіе дома въ родѣ гигантскихъ магазиновъ „Бонмаршэ", „Весны", „Самаритянки", бакалейной Потэна, тоже по большей части находятся въ рукахъ чистыхъ французовъ. Соотвѣтственно этому, реальнаго, т. е. непосредственнаго, не навѣяннаго со стороны антисемитизма вы мало найдете среди рабочихъ и служащихъ, пристегнутыхъ къ

колесу крупнаго капиталистическаго производства и крупной торговли. Въ особенности же фабричные и заводскіе рабочіе чужды юдофобства, и на народныхъ собраніяхъ рѣзкая критика Ротшильда бываетъ направлена всегда противъ него, лишь какъ крупнѣйшаго капиталиста, а не какъ еврея. Рабочіе самымъ складомъ жизни, самыми условіями дѣйствительности приведены къ тому, что для нихъ борьба труда съ капиталомъ принимаетъ характеръ соціальной, а отнюдь не расовой и не религіозной борьбы.

Можетъ быть, нѣкоторое обостреніе реальнаго антисемитизма замѣчается въ послѣдніе годы на границѣ между классомъ рабочихъ и классомъ капиталистовъ, среди той промежуточной группы непосредственныхъ производителей, которая состоитъ изъ ремесленниковъ и одними своими признаками примыкаетъ къ представителямъ труда, а другими къ представителямъ капитала. Но на возникновеніе и усиленіе юдофобства въ только-что упомянутой средѣ вліяютъ причины, похожія на тѣ, съ которыми мы встрѣтились немного выше, говоря о тяжеломъ положеніи мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ: и среди ремесленниковъ общее развитіе крупнаго производства вліяетъ на ухудшеніе условій существованія; подъ вліяніемъ же этого ухудшенія мелкій мастерокъ-хозяинъ готовъ искать всюду виновниковъ своего обострившагося положенія, и находитъ ихъ, между прочимъ, между евреями. Какъ бы то ни было, въ тѣхъ центрахъ, гдѣ развито ремесло, напр., въ Парижѣ, и гдѣ существуетъ въ этой области извѣстная конкурренція со стороны евреевъ, тамъ соперничающіе съ ними христіане не могутъ безъ натяжки говорить о владычествѣ семитовъ: ремесленники-евреи,— всѣ эти оптики, часовщики, портные, переплетчики и т. п.—столь же безжалостно оттираются крупнымъ капиталомъ, какъ и ихъ „арійскіе“ собраты; не говоря уже о сравнительно незначительномъ числѣ семитовъ, теряющихся въ массѣ парижскихъ мастерковъ. Можетъ быть, нѣсколько болѣе рѣзкое отношеніе замѣчается во взглядѣ этой группы трудящихся на недавно переселившихся изъ Россіи бѣдныхъ евреевъ, которые осѣли въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, занимаются шапочнымъ и картузнымъ ремесломъ и, благодаря низкой степени своихъ потребностей, сбиваютъ цѣну на производимые ими предметы. Но это враждебное отношеніе ничѣмъ не отличается отъ чувствъ антипатіи, питаемыхъ французскими рабочими къ ихъ пришлымъ конкуррентамъ изъ Бельгіи, Германіи, Италіи, Швейцаріи, довольствующимся болѣе незначительной заработной платой.

За то антисемитизмъ процвѣтаетъ довольно изрядно среди представителей недвижимаго капитала, особенно среди земельныхъ собственниковъ, заключающихъ въ своихъ рядахъ очень замѣтную пропорцію аристократовъ или тянущихся въ аристо-

кратію буржуа. Въ основаніи антисемитизма этой общественной категоріи лежатъ общія соціально-экономическія причины, которыя на извѣстной ступени народно-хозяйственной эволюціи заставляютъ оттираемыхъ на задній планъ владѣльцевъ земельнаго капитала съ завистью и злобою смотрѣть на все усиливающихся фабричныхъ, въ особенности же денежныхъ капиталистовъ. А такъ какъ семиты представляютъ наиболѣе способныхъ и энергичныхъ, хотя далеко не единственныхъ агентовъ этой эволюціи, то землевладѣльцы уже издавна привыкаютъ смотрѣть на евреевъ, какъ на виновниковъ на самомъ-то дѣлѣ фатальнаго хода вещей. Ростовщичество, гипотека и переходъ земельной собственности въ руки денежныхъ капиталистовъ кажутся землевладѣльческому классу непосредственнымъ слѣдствіемъ вторженія еврея въ экономическую жизнь страны.

Не мѣшаетъ кстати отмѣтить тотъ фактъ, что, пока представители фабричнаго и денежнаго капитала были вовлечены въ исторически неизбѣжную борьбу противъ земельнаго капитала, они опирались на содѣйствіе еврейскихъ капиталистовъ и не могли вдосталь нахвалиться ихъ „прогрессивною ролью". Вспомните хотя бы могущество и почетъ, которыми пользовались всѣ эти Исааки Перейры и Мирэсы во время второй имперіи, когда „арійскій" капиталъ съ энтузіазмомъ шелъ по указанному сынами Израиля пути обширныхъ желѣзнодорожныхъ и банковыхъ операцій. Лишь по завершеніи этого цикла капиталистическаго развитія, поведшаго къ преобладанію денежной и фабричной эксплуатаціи надъ эксплуатаціею земельною, христіанскіе фабриканты и биржевики утратили первоначальный пылъ своего дѣлового юдофильства и стали все чаще и чаще щипать гитару антисемитизма. На нашихъ глазахъ этотъ поворотъ въ воззрѣніяхъ христіанскихъ капиталистовъ ярко обозначился въ Алжиріи. Здѣсь, пока еврейскій капиталъ расхищалъ общинную собственность арабовъ, онъ пользовался одобреніемъ и покровительствомъ „французовъ Франціи"; а какъ только, согласно фатальному закону разбуханія, подвергъ эксплуатаціи и французскихъ колонистовъ и собственниковъ, то вызвалъ свирѣпое антисемитическое движеніе среди заинтересованныхъ дѣльцовъ „арійской расы" *). И теперь жертвами этого движенія являются какъ разъ еврейскіе пролетаріи Алжиріи, изнемогающіе въ непосильной работѣ...

Но возвратимся къ антисемитизму аристократіи и вообще земельныхъ собственниковъ. Несмотря на яркія проявленія юдофобства въ этихъ слояхъ, и тутъ было бы несправедливо не сдѣлать нѣкоторыхъ очень существенныхъ оговорокъ. Дѣло въ томъ,

*) Ср. рѣчь Жорэса въ палатѣ депутатовъ на одномъ изъ февральскихъ засѣданій 1898 г. (перепечатана у Paul Fesch, L'*Annéesociale ene Francet à l'étranger*; Парижъ, 1899, стр. 133--136).

что душа здѣшняго представителя „благородныхъ“ традицій разорвана на двѣ части въ вопросѣ антисемитизма: если потомокъ средневѣковаго сеньера или пролѣзшій въ аристократію буржуа обуревается по отношенію къ еврею злобнымъ чувствомъ неоплатнаго должника, то въ то же время онъ не безъ нѣжности взираетъ на еврейскій капиталъ, съ которымъ онъ чрезвычайно охотно вступаетъ во всяческія степени родства и свойства. Не была-ли въ печати дана статистика смѣшанныхъ браковъ между христіанами и іудеями, статистика, изъ которой оказывается, что, по меньшей мѣрѣ, три десятка самыхъ аристократическихъ фамилій Франціи связаны родственными узами съ чистокровными евреями? Особенно усердствуютъ по этой матримоніальной части молодые шалопаи изъ прогорающихъ знатныхъ семей, всѣ эти захудалые маркизы, графы и бароны, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, женятся на дочеряхъ Сіона, чтобы покрыть новой позолотой еврейскихъ милліоновъ—облинялый и разваливающійся въ прахъ родовой гербъ!..

Не забудьте, кромѣ того, что немалая доля аристократовъ выбросила за бортъ щепетильное отношеніе къ пріемамъ буржуазной эксплуатаціи и занялась коммерческими предпріятіями, нерѣдко вступая въ компанію съ „жидами“ и пользуясь ихъ совѣтами при веденіи дѣлъ, особенно на биржѣ. Среди этой категоріи „благородныхъ“ дѣльцовъ самая антипатія къ семитамъ является сплошь и рядомъ вполнѣ эгоистическою завистью несчастнаго конкуррента къ счастливому. Я попрошу читателя припомнить лишь біографію пресловутаго маркиза Морэса, который очень удачно сочеталъ въ своей душѣ вкусъ кондотьери-авантюриста къ приключеніямъ съ чисто буржуазными тяготѣніями къ наживѣ, и который потому только возненавидѣлъ евреевъ, что они перебили у него, если не ошибаюсь въ Канадѣ, очень выгодную спекулятивную аферу, помѣшавъ ему лично объегорить массу простаковъ-христіанъ.

Всего замѣтнѣе антисемитизмъ прокидывается среди буржуазной интеллигенціи; и въ этомъ-то лежитъ въ значительной мѣрѣ объясненіе той силы антисемитизма, которой совершенно не соотвѣтствуютъ слабая распространенность евреевъ во Франціи и болѣе, чѣмъ скромная роль ихъ въ совокупности экономической жизни страны (за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, верховъ капиталистической храмины). Дѣйствительно, располагая значительными средствами агитаціи въ родѣ періодической прессы, литературы, публичныхъ рефератовъ, буржуазная интеллигенція успѣла раздуть антисемитическое движеніе до размѣровъ, далеко превосходящихъ фактическую роль евреевъ во Франціи. Изучая особенности этой агитаціи, поднятой буржуазною интеллигенціею, мы поймемъ, откуда почерпнулъ силы французскій антисемитизмъ.

Центръ тяжести лежитъ здѣсь, дѣйствительно, въ интересномъ сочетаніи грубо-матеріальныхъ и идеальныхъ факторовъ.

Сначала возьмемъ матеріальные факторы. Вопреки мнѣнію юдофобовъ, отрицающихъ всякія умственныя качества у евреевъ, за исключеніемъ „практической сметки", „безстыдства" и „пронырливости", мы должны признать, что эта нація, наоборотъ, поражаетъ своимъ, если можно такъ сказать, интеллектуализмомъ. И если мы не можемъ слѣдовать въ этомъ отношеніи за патріотами-филосемитами, которые хотятъ увѣрить насъ въ исконныхъ преимуществахъ своей „расы", то мы въ интересахъ истины не можемъ не отмѣтить того факта, что, благодаря извѣстнымъ историческимъ событіямъ, доля умственнаго труда въ массѣ еврейства превосходила и продолжаетъ превосходить ту же долю въ массѣ другихъ національностей. Обратите вниманіе на историческую древность этой „расы", которая успѣла донести до насъ свою культуру въ то время, какъ народы, бывшіе ея историческими сверстниками,—всѣ эти вавилоняне, ассиріяне, финикійцы,—превратились лишь въ простой звукъ, въ предметъ чисто академическихъ разсужденій. Не забудьте, что, въ качествѣ такой болѣе старой исторической національности, евреи, появляясь среди другихъ, болѣе молодыхъ, болѣе отсталыхъ экономически національностей, брали на себя и „болѣе отвлеченныя функціи труда", какъ сказалъ бы Контъ: среди земледѣльческихъ народовъ они представляли собою ремесленно-промышленный, торговый и финансовый элементъ. Самая жизнь ихъ по преимуществу въ городахъ должна была поставить ихъ въ соприкосновеніе съ болѣе интеллектуальной средой. Возьмите распространеніе между ними грамотности на почвѣ стремленія сохранить предписанія стараго закона. Присоедините къ этому несравненную фехтовку понятіями и казуистику Талмуда, который хотя и подавлялъ настоящій порывъ научной мысли, но училъ логической эквилибристикѣ формальныхъ опредѣленій. Не забудьте также, что евреи уступаютъ, можетъ быть, лишь англо-саксонской расѣ сочетаніемъ практическихъ, грубо-матаріальныхъ потребностей и мистическихъ стремленій. Соедините все это вмѣстѣ, и вы поймете, почему средній умственный уровень еврейскихъ массъ долженъ быть выше средняго же умственнаго уровня массъ въ другихъ національностяхъ. Отсюда, даже и оставляя въ сторонѣ солидарность угнетенной расы, вы поймете, почему въ умственной сферѣ средній еврей является опаснымъ соперникомъ средняго индивидуума любой другой народности,—опять-таки, можетъ быть, за исключеніемъ англо-саксонца, который не даромъ же, говоря вообще, не боится еврейской конкурренціи и въ большинствѣ случаевъ почти не знаетъ антисемитизма.

Какъ бы то ни было, во Франціи еврей, сдѣлавшійся полноправнымъ членомъ общества, скоро сталъ играть видную роль въ

сферѣ умственнаго труда. Пропорція медиковъ, адвокатовъ, инженеровъ, журналистовъ, профессоровъ, администраторовъ, политическихъ дѣятелей значительно выше въ еврейскомъ населеніи по сравненію съ общимъ населеніемъ Франціи. И эта пропорція все увеличивалась по мѣрѣ общаго прогресса страны, причемъ нельзя игнорировать то важное обстоятельство, что это было не случайно, а въ силу взаимной причинной зависимости между развитіемъ цивилизаціи и возрастаніемъ общественнаго значенія еврея. Дѣйствительно, ходъ современной цивилизаціи во Франціи состоитъ въ усиленіи свѣтскаго, антиклерикальнаго, антикатолическаго элемента. И въ то время, какъ этотъ общій прогрессъ достигался среди самихъ французовъ лишь вѣчной борьбой, вѣчнымъ колебаніемъ между свободомыслящей „акціей" и католической „реакціей", въ силу традиціоннаго клерикальнаго воспитанія,— въ это время пріобщившійся къ цивилизаціи еврей порывалъ безповоротно связь съ своимъ архаическимъ, узко-формальнымъ, чисто-обрядовымъ религіознымъ кодексомъ и становился настоящимъ свободнымъ мыслителемъ, „рыцаремъ духа" современной культуры. Но здѣсь мы уже переходимъ къ идеальнымъ факторамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже...

Итакъ, еврей чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ сферою умственнаго труда, либеральныхъ профессій и государственныхъ должностей. Но въ этой-то сферѣ ему и пришлось столкнуться съ представителями мѣщанской интеллигенціи, съ сыновьями французской буржуазіи, привыкшей разсматривать эту область въ нѣкоторой степени своей родовой вотчиной, служащей пріютомъ для всей той части подростающаго поколѣнія, которая не успѣла размѣститься въ процессѣ прямой капиталистической эксплуатаціи. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что сама эволюція этого процесса все увеличиваетъ число буржуазныхъ дѣтей, не могущихъ найти приложенія своимъ силамъ въ соотвѣтствіи со своими аппетитами: и вопросъ о „перепроизводствѣ интеллигенціи" дѣлается въ извѣстный моментъ жизненнымъ вопросомъ мѣщанства. Можете представить себѣ, какой крикъ подняли обитатели „идеологической" вотчины, когда семитъ сталъ притекать туда все въ большемъ и большемъ количествѣ и отнимать порою у „французовъ Франціи" наиболѣе выгодныя мѣста и позиціи.

Особенно замѣтной волной этого семитскаго прилива было выступленіе на арену политической дѣятельности новаго правящаго персонала послѣ переворота 4-го сентября 1870 г., поставившаго республику на мѣсто имперіи. Не говоря уже о евреѣ Жюлѣ Симонѣ, представлявшемъ собою типъ политика переходной эпохи, ведшей отъ либеральной оппозиціи имперіи къ оппортунистской республикѣ, главною фигурою этого новаго строя является Гамбетта, потомокъ евреевъ Гамберлэ, возлѣ котораго, какъ вокругъ центральной статуи группы, размѣщается, въ видѣ

второстепенныхъ фигуръ, немало политическихъ адъютантовъ изъ семитовъ въ родѣ Жозефа Рэйнака, Давида Рэйналя и т. п., тогда какъ на барельефахъ проходитъ цѣлый рядъ префектовъ-евреевъ, замѣнившихъ католическихъ префектовъ мак-магоновскаго coup d'Etat 16-го мая.

Ощутительную роль стали въ это время играть евреи и въ республиканской журналистикѣ, которой пришлось защищать интересы свободной мысли и свѣтской цивилизаціи противъ нападеній клерикальной и монархической партіи. Замѣтнымъ элементомъ евреи явились и въ сферѣ народнаго образованія, и притомъ на видныхъ постахъ,—не столько въ качествѣ простыхъ учителей, сколько въ качествѣ лицъ, вдохновлявшихъ выработку программъ, раздѣляя этотъ трудъ съ свободными мыслителями и свободомыслящими протестантами. И, параллельно съ усиленіемъ этого значенія евреевъ въ политической и общественной дѣятельности, замѣчается общій притокъ семитическихъ элементовъ въ разнообразныхъ сферахъ умственнаго труда, между тѣмъ какъ дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя окружало лишнимъ ореоломъ еврейскихъ королей биржи и банка. Все это подготовляло почву для антисемитизма среди буржуазной интеллигенціи, встрѣчавшей въ лицѣ евреевъ опасныхъ не столько количествомъ, сколько качествомъ конкуррентовъ, успѣвавшихъ занимать лучшія позиціи. И это антисемитическое движеніе, дѣйствительно, проявилось, какъ только выросли въ процессѣ общественной жизни благопріятные для того элементы. Здѣсь-то именно и слѣдуетъ разсмотрѣть значеніе идейныхъ факторовъ въ антисемитизмѣ.

Если оставить въ сторонѣ трудящуюся массу мелкаго еврейства, ремесленниковъ и пролетаріевъ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣляющихся во Франціи изъ окружающей ихъ среды мелкаго же рабочаго люда, то роль остального, такъ сказать, не рядового еврейства отличается замѣчательно двойственнымъ, противорѣчивымъ по своимъ результатамъ характеромъ. Семиты являются наилучшими выразителями, виртуозами капиталистической эксплуатаціи; и въ этомъ смыслѣ ихъ роль отрицательная. Дрюмонъ и тому подобные грошовые „соціологи“ и фантастическіе юдофобы могутъ сводить дѣятельность евреевъ исключительно къ эксплуататорской карьерѣ: безпристрастные изслѣдователи остановятся и на ихъ общечеловѣческой и цивилизаторской миссіи. Уже упомянутому Дрюмону угодно, напр., выхватить даже изъ среды адептовъ соціально-реформаторскихъ ученій,—въ родѣ сэнъ-симонизма, насчитывавшаго столькихъ семитовъ,—лишь такихъ евреевъ, которые представляютъ практически-промышленную струю „новаго христіанства“: съ видимымъ удовольствіемъ онъ говоритъ хотя бы о томъ, что Перейра сдѣлался въ концѣ концовъ крупнѣйшимъ

дѣльцомъ *). Но отчего бы не взять среди евреевъ, проникнутыхъ сэнъ-симонизмомъ, людей высоко-нравственнаго типа, исполненныхъ идейнаго энтузіазма, въ родѣ Эйхталя, которые даже свою принадлежность къ угнетаемой расѣ ставили въ тѣсную зависимость съ долгомъ служенія всему человѣчеству? Вспомните profession de foi, которое сдѣлалъ пылкій и благородный Эйхталь на лекціяхъ, организованныхъ „отцомъ" Анфантэномъ:

Я еврей по рожденію; я исповѣдовалъ еврейскую религію. Въ четырнадцать лѣтъ я обратился въ католичество и пылалъ самой жаркой католической вѣрой. Въ девятнадцать лѣтъ я воспринялъ ученіе сэнсимонизма въ томъ видѣ, какъ мнѣ передалъ его Огюстъ Контъ; конечно, то не была религіозная вѣра, и, однако, съ этого момента я вѣрилъ въ прогрессивную судьбу человѣчества, которой поучалъ меня Контъ. Наконецъ, о «отецъ» мой, по прошествіи шести лѣтъ неполной вѣры, я встрѣтилъ васъ, и вы обратили меня въ новую религіозную вѣру **).

Вспомните особенно введеніе Эйхталя къ „Письмамъ о черной и бѣлой расахъ", составленнымъ имъ въ сотрудничествѣ съ другимъ сэнсимонистомъ, нѣкіимъ негромъ Юрбэномъ:

Юрбэнъ, бывшій въ то время еще очень молодымъ, прибылъ изъ Кайены и привезъ оттуда съ собою живое чувство страданій, причиняемыхъ цвѣтному человѣку предразсудкомъ кожи. Самъ я сохранилъ неизгладимое чувство горести, которое вызвало въ моемъ дѣтствѣ порицаніе, связанное съ именемъ еврея; и это-то общее чувство, можетъ быть, сильнѣе всякаго другого побудило насъ вступить въ мэнильмонтанскій кружокъ и сдѣлалось могущественною связью между нами: «Юрбэнъ и я,—писалъ я въ то время одному другу, говоря о насъ обоихъ,—Юрбэнъ и я это черная раса и бѣлая раса: мы—оба изгнанники, оба—пророки ***).

Вотъ эта-то гуманитарная, общечеловѣческая точка зрѣнія, которую образованный еврей развиваетъ среди любой національности, куда поставила его судьба, и позволяетъ уже цитированному нами Бернару Лазару говорить о прогрессивной роли своихъ соотечественниковъ въ исторіи и въ частности о ихъ борьбѣ съ современнымъ фанатизмомъ и клерикальнымъ изувѣрствомъ:

...Въ исторіи современнаго либерализма въ Германіи, Австріи, Франціи, Италіи еврей игралъ большую роль, и либерализмъ его шелъ рука объ руку съ антиклерикализмомъ. Еврей былъ несомнѣнно противникомъ клерикализма; онъ толкалъ на культуръ-кампфъ въ Германіи, онъ поддерживалъ законодательство Ферри во Франціи, и потому и могли подумать, что его либерализмъ вытекалъ изъ вражды къ католицизму, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ отношеніе было какъ разъ обратное ****).

---

*) *La France juive*, т. I, стр. 352.

**) Sébastien Charléty, *Histoire de saint-simonisme*; Парижъ, 1896, прим. 3 на стр. 94.

***) L. c., прим. 2 на стр. 323.

****) *L'antisémitisme*, стр. 360.

Въ частности, по отношенію къ Франціи и придется сказать, что пока устанавливающейся республикѣ нужно было отстаивать себя противъ жестокихъ нападеній монархистовъ и клерикаловъ; пока сторонники демократическаго режима, вплоть до самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ, считали своимъ долгомъ бороться во имя современной цивилизаціи и въ защиту свѣтскаго общества (во второй половинѣ 70-хъ годовъ),—до тѣхъ поръ объ идейномъ антисемитизмѣ не могло быть и рѣчи. Интеллигентный и свободомыслящій еврей былъ настолько драгоцѣннымъ союзникомъ, что даже его непосредственный конкуррентъ, интеллигентный французъ, не рѣшался агитировать противъ своего опаснаго соперника, а, наоборотъ, охотно опирался на него въ борьбѣ противъ старыхъ партій. Для республиканской буржуазной интеллигенціи было въ то время жизненнымъ вопросомъ отстоять новыя учрежденія отъ все возобновлявшихся аттакъ умиравшаго, но не хотѣвшаго умереть реакціоннаго строя. Не говоря уже объ идеальныхъ интересахъ, самый низменный разсчетъ внушалъ республиканцамъ тактику дружной обороны демократическихъ учрежденій. У всѣхъ еще было на памяти, сколько административныхъ карьеръ пыталась было разбить реакція „нравственнаго порядка“ (лѣто 1877 г.); какая буря взысканій, штрафовъ и всевозможныхъ каръ пронеслась надъ республиканской прессой; какими перспективами грозили поднявшіе голову клерикалы и монархисты защитникамъ свободнаго режима.

Немудрено, что демократы съ большимъ удовольствіемъ шли рука объ руку съ умными и энергичными семитами свободномыслящаго направленія; и эта совмѣстная дѣятельность продолжалась и во время выработки (1880—1881 г.) новыхъ законовъ о народномъ образованіи, которое самыя элементарныя политическія соображенія побуждали вырвать изъ рукъ католицизма и реформировать на почвѣ свѣтскаго, дарового и обязательнаго обученія. Съ другой стороны, боровшаяся противъ демократіи консервативная интеллигенція до такой степени была въ свою очередь охвачена общей враждой къ новому порядку вещей, что и не думала изъ республиканской арміи выдѣлять евреевъ и дѣлать ихъ предметомъ особой сугубой злобы. Консерваторы питали усиленную ненависть въ этой горячей „враждѣ-войнѣ“ развѣ къ масонскимъ ложамъ, независимо отъ происхожденія ихъ членовъ, полагая,—и не безъ основанія,—что въ этихъ обществахъ вырабатывается планъ кампаніи противъ католическаго и монархическаго режима.

Но когда прошелъ медовый мѣсяцъ свободомыслящаго теченія; когда (въ срединѣ 80-хъ годовъ) борьба съ клерикализмомъ стала мало-по-малу уступать мѣсто политикѣ примиренія съ „достойными всякаго уваженія духовными интересами“, т. е., сказать попросту, съ католицизмомъ, то клерикальная партія снова подняла свою

голову и, пользуясь антипатіями массъ къ хищнической оргіи находившихся у власти оппортунистовъ, вздумала взять въ руки оружіе антисемитизма. Она указывала на роль, которую играли евреи въ упроченіи оппортунизма; и, искусно компрометтируя политическій либерализмъ умѣреннаго республиканскаго большинства указаніемъ на рѣзко буржуазный характеръ его экономической политики, она старалась произвести въ умахъ массъ смѣшеніе между теченіемъ свободной мысли и эксплуататорскими вакханаліями оппортунистской, якобы „жидовской" клики. Крупный успѣхъ реакціонеровъ на выборахъ 1885 г., пославшихъ въ палату двѣ сотни депутатовъ правой, несомнѣнно, влилъ новое мужество въ душу консервативныхъ партій и вызвалъ въ нихъ, такъ сказать, рикошетомъ желаніе сильнѣе подчеркивать удавшуюся имъ тактику смѣшенія свободомыслія и хищничества, тактику, включавшую въ себѣ и пріемы антисемитической демагогіи.

Этой тактикѣ безспорно помогъ тотъ двойственный характеръ еврейскаго выдающагося меньшинства во Франціи, на который я уже указалъ нѣсколькими страницами выше: еврей—дѣлецъ и еврей—крайній демократъ и свободный мыслитель въ сущности столь же мало имѣютъ между собою общаго, какъ и католическій биржевикъ и выросшій въ католической средѣ рабочій-соціалистъ; но они оба принадлежатъ къ одной энергической и способной „семитической расѣ". И юдофобствующему демагогу было не трудно въ борьбѣ противъ свободомыслящихъ евреевъ козырять не только милліонами Ротшильда, но и возмутительной желѣзнодорожной политикой еврея Рэйналя, который, въ качествѣ министра общественныхъ работъ, заключилъ съ компаніями выгодныя для акціонеровъ, но тяжелыя для государства, поистинѣ „преступныя конвенціи". Какъ бы то ни было, антисемитамъ, для того, чтобы набраться духу, надо было увидѣть ослабленіе антиклерикальной политики въ странѣ и внезапное усиленіе реакціонной партіи въ палатѣ. Не случайно „Жидовская Франція" Дрюмона вышла въ свѣтъ въ 1886 г., когда отчаянная борьба партій въ расколовшейся на три почти равныя части палатѣ сближала, путемъ временной коалиціи, радикаловъ и консерваторовъ и опрокидывала одно за другимъ тѣ министерства, которыя думали опираться на оппортунистовъ. А до того времени нашъ шустрый обличитель „жидовства" сидѣлъ въ „жидовской" же редакціи газеты „La Liberté", которую издавали Перейры, и преспокойно получалъ за свои статьи деньги изъ „жидовской" кассы.

Само собою разумѣется, что антисемитизмъ проявился во всей своей силѣ далеко не сразу; и, напр., уже упомянутая книга Дрюмона имѣла сначала, главнымъ образомъ, успѣхъ скандальнаго и шантажнаго произведенія, истинный характеръ котораго не могли затушевать ни несомнѣнный полемическій талантъ автора, ни та значительная доля правды, что заключалась въ повѣствованіяхъ

его объ эпопеѣ оппортунистскаго хищенія. Само нововведеніе Дрюмона, состоявшее въ приложеніи къ книгѣ алфавитнаго указателя всѣхъ упомянутыхъ въ „Жидовской Франціи“ липъ, уже свидѣтельствовало о томъ, что ловкій авторъ разсчитывалъ на сбытъ среди заинтересованныхъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что книга жадно покупалась не только самими „раздѣланными“, но и ихъ политическими и личными друзьями и врагами,—особенно, конечно, врагами. Лишь постепенно Дрюмону стали придавать значеніе „соціолога“ и теоретическаго выразителя французскаго антисемитизма, равно какъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя этотъ антисемитизмъ сталъ проникать въ широкіе слои.

Интересно кстати, что въ буланжистскомъ движеніи, выражавшемъ въ значительной мѣрѣ отвращеніе массъ къ эгоистической политикѣ оппортунистовъ и скептицизмъ передъ широковѣщательными, но по большей части узкополитическими программами радикаловъ,—интересно, говорю я, что въ этомъ „національномъ“ движеніи—таково его было даже и оффиціальное названіе,—евреи играли все еще не маловажную роль. И если еврей Жозефъ Рэйнакъ боролся въ первыхъ рядахъ республиканцевъ противъ „каррикатурнаго Цезаря“, то за то еврей же Накэ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ вдохновителей Буланже. Накэ написалъ „бравому генералу“ пресловутую Турскую рѣчь, которую считаютъ за самый политичный актъ буланжизма и въ которой пылкимъ и наивнымъ сторонникамъ Буланже обѣщалась „открытая для всѣхъ“ республика, а католикамъ „свобода совѣсти“, т. е. существованіе клерикальнаго государства въ государствѣ свѣтскомъ *). Я не говорю, конечно, объ Артурѣ Мейерѣ, монархизмъ котораго основанъ на такомъ чисто коммерческомъ разсчетѣ, что именно этого защитника трона и алтаря можно считать за наиболѣе удачный типъ каррикатурнаго „жида“, живущаго только ради гешефтовъ.

Сильно развился антисемитизмъ лишь въ началѣ 90-хъ годовъ, когда, съ одной стороны, восторжествовавшіе надъ Буланже оппортунисты почти поголовно пошли въ Каноссу, заимствуя у буланжизма его „открытую для всѣхъ“ республику и заигрывая съ католиками и реакціонерами для борьбы съ все усиливавшимся и усиливавшимся соціализмомъ; а, съ другой стороны, Панамскій крахъ повалилъ нѣсколько самыхъ видныхъ столповъ оппортунизма. Въ это именно время (1892 г.) Дрюмонъ появляется во главѣ ежедневнаго антисемитскаго органа „La Libre Parole“, который въ періодъ парламентскихъ скандаловъ печатался въ числѣ 200.000 экземпляровъ и который до сихъ поръ печатается

*) См. о Турской рѣчи въ книжкѣ X... du Figaro (Mermeix), *Les coulisses du boulangisme*; Парижъ, 1890, стр. 152.

въ 40.000—50.000 экземпляровъ, подымаясь порою выше подъ вліяніемъ обостренія юдофобства по тому или другому поводу. Панамскаяк атастрофа, дѣйствительно, направила много воды подъ антисемитскую мельницу, благодаря тому обстоятельству, что въ этомъ дѣлѣ двулицый Янусъ—еврей былъ повернутъ къ публикѣ исключительно своей стяжательной физіономіей, тогда какъ его гуманитарная, общечеловѣческая и свободомыслящая физіономія осталась въ тѣни. Забывая роль подлинныхъ „французовъ во Франціи" въ родѣ Лессэпса и другихъ финансовыхъ пиратовъ; забывая продажность цѣлой сотни „арійскихъ" депутатовъ; смотря сквозь пальцы на подкупъ панамскими спекуляторами всей буржуазной прессы,—не исключая католической газеты Поль-де-Кассаньяка,—масса мелкой буржуазіи, общипанной спекуляторами, была загипнотизирована еврейскими именами Жака Рэйнака, Корнелія Герца, Артона и увѣровала въ семитическій характеръ этого грандіознѣйшаго финансоваго мошенничества всѣхъ временъ и народовъ.

Антисемиты ловко воспользовались этимъ настроеніемъ для своей юдофобской пропаганды, которая была, кромѣ того, поддержана двумя обстоятельствами: косвенно, уже упомянутымъ отреченіемъ умѣренныхъ республиканцевъ отъ антиклерикальной политики; а прямо, кокетничаньемъ съ антисемитизмомъ со стороны нѣкоторыхъ группъ соціалистовъ и даже анархистовъ. Нетрудно понять, какую выгоду извлекли юдофобы изъ „новаго духа" примиренія съ католичествомъ, духа, который, если не ошибаюсь, уже въ 1890 г. заявлялъ устами одного изъ видныхъ гамбеттистовъ, еврея Жозефа Рэйнака, о необходимости „умиротворенія религіозной борьбы между всѣми истинными патріотами", а нѣсколько позже (весной 1894 г.) находилъ свою подробную обосновку и даже оффиціальное названіе въ рѣчи другого крупнаго гамбеттиста, Спюллера. Все, что усиливало клерикализмъ, все, что ослабляло свободную мысль, шло въ пользу юдофобамъ, которые могли съ торжествомъ указывать теперь на банкротство „жидовско-оппортунистской" политики и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашать католическихъ изувѣровъ на дальнѣйшія завоеванія. Бѣдный Жозефъ Рэйнакъ и не подозрѣвалъ, что своею, какъ ему казалось, маккіавелевскою, а на самомъ дѣлѣ наивною,—если только не ренегатскою,—рѣчью онъ ковалъ тотъ самый кинжалъ, который за послѣдніе три года французскій антисемитизмъ оттачивалъ не только на евреевъ, но и на протестантовъ и свободныхъ мыслителей. Увлеченная борьбою съ соціализмомъ, буржуазія желала заручиться содѣйствіемъ католической церкви, но не замѣчала того, что этого содѣйствія она могла добиться лишь измѣною своей цивилизаторской миссіи. Мало того, затушевывая свое антиклерикальное мировоззрѣніе, она тѣмъ самымъ стирала прогрессивную роль боровшихся въ первыхъ рядахъ ея свободо-

мыслящихъ евреевъ и превращала всѣхъ семитовъ для большой публики исключительно въ аферистовъ, спекуляторовъ и людей наживы. Можете себѣ представить, какъ цѣлесообразенъ былъ такой пріемъ именно со стороны либеральныхъ буржуа семитическаго происхожденія: ничего не выигривая среди монархистовъ и клерикаловъ, они проигрывали и въ глазахъ трудящихся массъ, все больше и больше проникавшихся ядомъ демагогическаго юдофобства.

Немалую вину въ печальномъ дѣлѣ распространенія антисемитизма будутъ нести передъ исторіей и тѣ представители міровоззрѣнія трудящихся, которые тоже изъ-за худо разсчитаннаго маккіавелизма заигрывали съ юдофобствомъ. Особенно грустно при этомъ то обстоятельство, что едва-ли не болѣе другихъ во Франціи согрѣшили въ этомъ отношеніи марксисты, т. е. именно партія, которая во всемъ цивилизованномъ мірѣ столь многимъ обязана геніальнымъ семитамъ, какими были Марксъ и Лассаль, и которая считаетъ въ своихъ рядахъ столькихъ умныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей изъ евреевъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ это кокетничанье доходило до того, что представители марксизма гораздо болѣе воевали съ другими соціалистическими фракціями, чѣмъ съ антисемитами, полемика противъ которыхъ была у нихъ зачастую проникнута скрытыми симпатіями и подозрительными умолчаніями. Въ этомъ пришлось публично признаться одному изъ теоретиковъ здѣшняго марксизма въ началѣ агитаціи по дѣлу Дрейфуса. А послѣдующее равнодушіе большинства вожаковъ партіи къ борьбѣ за истину и справедливость, постоянное подчеркиваніе ими „милліоновъ“ капитана, изъ-за котораго, молъ, Жорэсъ и К° измѣнили „классовой борьбѣ“, все это достаточно ясно показываетъ, что и до сихъ поръ французскіе марксисты не желаютъ бить прямо въ забрало чудовищному ученію антисемитовъ. Сами анархисты считали въ началѣ 90-хъ годовъ небезполезной агитацію антисемитовъ; и одинъ изъ очень видныхъ сторонниковъ этой доктрины признавался мнѣ, что въ книжкахъ Дрюмона есть вещи, которыя можно выбросить за бортъ, но есть вещи, которыя должно принять къ свѣдѣнію (il faut en prendre et en laisser). А на мой вопросъ, говоритъ ли онъ это лишь въ томъ смыслѣ, что разочарованные приверженцы Дрюмона станутъ рано или поздно убѣжденными сторонниками новаго міровоззрѣнія, онъ нѣсколько замялся и отвѣтилъ, что и помимо этого есть много правды въ критикѣ автора „Жидовской Франціи“. Справедливость требуетъ замѣтить, что мой собесѣдникъ перемѣнилъ это снисходительное отношеніе къ юдофобской демагогіи; и что вообще анархисты подъ вліяніемъ событій послѣднихъ лѣтъ почти поголовно высказались противъ какого бы то ни было заигрыванія съ антисемитизмомъ даже въ надеждѣ „повернуть за-

тѣмъ его къ вящшей пользѣ для революціи" *). Но мы, впрочемъ, забѣжали нѣсколько впередъ...

Другимъ изъ идейныхъ факторовъ, благопріятствовавшихъ развитію антисемитизма, была все усиливавшаяся и усиливавшаяся пропаганда шовинизма. И въ этой области, можно сказать, повинны чуть не всѣ политическіе дѣятели и партіи третьей республики, за исключеніемъ представителей міровоззрѣнія четвертаго класса, да и то съ нѣкоторыми оговорками. Монархисты и клерикалы были вполнѣ въ своей роли, когда они вели проповѣдь человѣконенавистничества и вражды къ другимъ націямъ. По мѣрѣ того, какъ народъ выступалъ на политическую арену въ качествѣ дѣятельнаго фактора общественной и политической жизни, темнымъ силамъ прошлаго надо было придумать какое-нибудь внѣшнее отвлеченіе для массъ для того, чтобы властвовать надъ ними внутри страны. Не забудьте, что въ первой половинѣ этого вѣка народный патріотизмъ былъ даже прогрессивнымъ явленіемъ, такъ какъ угнетенныя національности боролись противъ произвольнаго ихъ присоединенія къ тому или другому государству, представленному привилегированными классами или даже правительственной кликой.

Но когда вторая имперія потонула въ грязи и крови нѣмецкаго нашествія, то смѣнившіе ее у власти республиканцы съ самаго же начала взяли, къ несчастію, столь высокую ноту патріотизма и реванша, что перещеголяли въ этомъ отношеніи сторонниковъ павшаго режима и вообще представителей монархическихъ партій. Основатели третьей республики задались цѣлью убѣдить страну, что новый строй возвратитъ Франціи то, что было потеряно рухнувшимъ. И нѣтъ сомнѣнія, что, рядомъ съ искреннимъ желаніемъ реванша, у наиболѣе пылкихъ и гордыхъ патріотовъ здѣсь играли роль чисто политическія соображенія, имѣвшія цѣлью придать прочность внутреннимъ учрежденіямъ страны, опираясь на возбужденіе среди массъ довѣрія и симпатіи къ республиканскому правительству за его внѣшнюю политику. Я не могу, конечно, вдаваться здѣсь въ подробности, какимъ образомъ, рядомъ съ укрѣпленіемъ республики и демократическаго режима, быстро шелъ и развивался процессъ систематическаго патріотизированія народа, процессъ, который рано или поздно долженъ былъ перейти, если можно такъ выразиться, въ культуру шовинистскаго микроба. Намѣчу лишь нѣкоторыя стороны этой эволюціи.

Всякаго безпристрастнаго наблюдателя должны были, напр.,

---

*) См., напр., коротенькую брошюру *Antisémitisme et Sionisme*, изданную журналомъ «L'Humanité nouvelle», Парижъ, 1900, стр. 1.

поразить неискренность и двойственность внѣшней политики Франціи, которая, съ одной стороны, поминутно говоритъ о томъ, что она никакъ не согласна примириться съ потерею Эльзаса-Лотарингіи, а съ другой, поминутно же увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что она стоитъ самымъ искреннимъ образомъ за миръ, и все жалуется на козни Германіи, будто бы приготовляющейся броситься на нее врасплохъ. Не менѣе поразитъ наблюдателя и то шовинистское самохвальство, та пропаганда ненависти къ другимъ націямъ, которая беретъ француза еще на школьной семьѣ и доводитъ его до окончательнаго горделиваго помѣшательства путемъ „патріотической" печати. Я не буду уже подробно говорить объ уродливо-гипертрофированномъ культѣ „отечества", изъ котораго казалось бы искренніе республиканцы и демократы серьезно думали одно время сдѣлать нѣчто въ родѣ „свѣтской религіи", каковая, молъ, должна замѣнить католицизмъ. Но печально-то при этомъ то обстоятельство, что жрецы этой новой религіи цѣнятъ въ „отечествѣ" не свѣтлый и всесторонній человѣческій идеалъ, удовлетворяющій въ предѣлахъ родной территоріи лучшимъ потребностямъ ума и сердца, наиболѣе высокимъ задачамъ современной цивилизаціи, но, наоборотъ, съ удовольствіемъ видятъ въ немъ уродливаго однобокаго идола, который вооруженъ съ головы до ногъ, словно свирѣпое изваяніе китайскаго бога войны, и обращаетъ свое перекошенное злобой лицо ко всему внѣшнему міру, стремясь силой доказать свое право на „цивилизаторскую" миссію французовъ. Отсюда то обожаніе арміи и мундира, которое доходитъ у француза порою до самыхъ комическихъ формъ, хотя въ этой воинственной психологіи играетъ гораздо большую роль не столько искренній военный пылъ, сколько заученная еще на школьной скамьѣ патріотическая риторика... Я нарочно, впрочемъ, нѣсколько сгущаю краски при этомъ изображеніи, но единственно только потому, что, не имѣя много мѣста въ распоряженіи для этого частнаго вопроса, не могу входить въ оттѣнки мысли и принужденъ давать общую характеристику француза третьей республики.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣненъ тотъ фактъ, что съ большими или меньшими ограниченіями, съ большею или меньшею примѣсью гуманитарныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ, но патріотическое міровоззрѣніе во Франціи пропагандировалось какъ умѣренными, такъ и радикальными, какъ радикальными, такъ и переходящими въ легкій соціализмъ элементами. И только самыя крайнія партіи оставались, говоря вообще, чистыми отъ этой шовинистской заразы, хотя и онѣ въ исключительные моменты бѣлаго „патріотическаго" каленія не рѣшались рѣзко выступать противъ настроенія толпы. На этой-то почвѣ постепенно подготовлялся антисемитизмъ, который явился въ послѣднее время самою яркою разновидностью шовинизма, сбращая на „чуждыхъ

семитовъ" и „внутреннихъ враговъ отечества" чуть не весь запасъ человѣконенавистническихъ чувствъ, по очереди возбуждаемыхъ въ прессѣ то противъ нѣмцевъ, то противъ итальянцевъ, то противъ англичанъ. И одною изъ самыхъ удачныхъ формъ исторической ироніи было именно то обстоятельство, что евреи вродѣ Жозефа Рэйнака, которые въ теченіе столькихъ лѣтъ занимались ярою пропагандою шовинизма, которые столько разъ предавали патріотической анаѳемѣ „космополитовъ" и „интернаціоналистовъ, не имѣющихъ отечества", теперь, наоборотъ, раздѣляютъ вмѣстѣ съ соціалистами привилегію этихъ кличекъ, щедро раздаваемыхъ шовинистской прессой. И опять можно сказать, что какъ въ религіозной сферѣ буржуазные семиты сами выковывали оружіе своимъ клерикальнымъ противникамъ, такъ въ политической области они сами приготовили для себя цѣпи и бичъ, которымъ ихъ полосуютъ шовинисты. Антисемитская демагогія сдѣлала свое дѣло. Опираясь на чувства шовинизма, гашишемъ котораго Франція отправлялась въ теченіе почти 30 лѣтъ; опираясь на усиленіе клерикализма, который поднялъ голову особенно въ послѣднія десять лѣтъ, она, эта юдофобская демагогія, ярко выразилась во всемірно-историческомъ дѣлѣ Дрейфуса.

По счастью, самые размѣры опасности, которой въ послѣднее трехлѣтіе подвергалась свѣтская цивилизація во Франціи, раскрыли искреннимъ республиканцамъ и демократамъ глаза на настоящее положеніе вещей. И вотъ со всѣхъ концовъ горизонта, изъ рядовъ самыхъ умѣренныхъ, какъ и самыхъ крайнихъ защитниковъ республики и принциповъ первой революціи, изъ среды буржуазіи, какъ и изъ среды рабочихъ, выступили на арену идейной и политической борьбы рѣшительные противники ненавистной троицы шовинизма, клерикализма и антисемитизма. Это движеніе произвело небывалую перетасовку между партіями и породило неожиданныя на первый взглядъ, но вполнѣ логическія коалиціи довольно далеко отстоящихъ другъ отъ друга элементовъ, равно оно же вызвало распаденіе, казалось бы, родственныхъ группъ и личностей. Оно заставило многихъ умѣренныхъ и радикальныхъ республиканцевъ принести публичное покаяніе въ прежнихъ пріемахъ „патріотическаго" пропагандированія массъ. Оно сдѣлало невозможной на неопредѣленное время гибельную политику мирволенья католицизму. Оно отчасти разрушило даже классовые барьеры между рабочими и буржуазіей и въ критическій моментъ вызвало къ жизни союзъ между наиболѣе чуткими группами рабочихъ и лучшими представителями буржуазной интеллигенціи.

Но оно же по закону реакціи сплотило въ одну массу сторонниковъ различныхъ темныхъ силъ и наслѣдій прошлаго, какъ бы противоположны ни были ихъ воззрѣнія по другимъ вопросамъ, и какой бы антагонизмъ ни выражали ихъ формальныя

знамена. Не характерное ли знаменіе времени представляютъ, напр., четыре предисловія—письма къ уморительной брошюрѣ третьестепеннаго антисемита, Альбера Монньо *), обвиняющаго настоящее министерство въ „измѣнѣ“ Франціи, проданной будто бы Вальдэкомъ-Руссо по наущенію „жидовъ-космополитовъ“? Дѣйствительно, одно изъ предисловій написано уже знакомымъ читателю Дрюмономъ, другое ханжой—поэтомъ Франсуа Коппе, третье еще недавнимъ скептикомъ и на все плевавшимъ диллетантомъ (jemenfoutiste'омъ) Жюлемъ Леметромъ, четвертое „соціалистомъ-патріотомъ“ Анри Рошфоромъ. Казалось бы, что было между ними общаго еще такъ недавно? А, между тѣмъ, теперь, не прочитавъ въ концѣ каждаго письма подписи его автора, какъ вы можете узнать, что, напр., фраза о „постыдныхъ измѣнникахъ, купленныхъ жидовской шкатулкой“ **) принадлежитъ Рошфору, а не Дрюмону, или что нескладный диѳирамбъ „любви къ отечеству“ ***) написанъ Леметромъ, а не Коппэ?

Не характерно ли, съ другой стороны, что на защитѣ основъ современной цивилизаціи, попранной въ лицѣ Дрейфуса, сошлись соціалисты въ родѣ Жорэса, крайніе радикалы въ родѣ Клемансо, либералы въ лицѣ столькихъ профессоровъ, художниковъ, артистовъ и ученыхъ, въ родѣ Золя, Дюкло, Поля Реклю, и т. п.? И что послѣ этого кризиса многія изъ этихъ лицъ, стоявшихъ внѣ политики, подвинулись со своимъ міровоззрѣніемъ рѣшительно влѣво, между тѣмъ какъ нѣкоторые, напр., Анатоль Франсъ, Прессансэ, Морисъ Бушоръ, изъ индифферентистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ и даже „патріотическихъ“ писателей превратились въ искреннихъ соціалистовъ?

Во всякомъ случаѣ, можно сказать смѣло, что Франція, съ свойственною ей способностью производить соціологическіе опыты для всего человѣчества, успѣла показать міру реакціонный характеръ юдофобства и убѣдить всѣхъ борцовъ за свободу и общечеловѣческій прогрессъ дружно встать противъ чудовищнаго теченія антисемитизма. Примѣръ этой героической страны показываетъ, что въ результатѣ такой борьбы лежитъ не только побѣда надъ частнымъ проявленіемъ реакціи, но общая спасительная встряска, общій и рѣшительный шагъ впередъ.

---

*) Albert Monniot, *Les gouvernants contre la Nation. La trahison du ministère Waldek*; Парижъ, 1900.

**) Ibid., стр. XVIII.

***) Ibid., стр. XV.

Французскій парламентаризмъ и его критики.

(*Письмо двадцатое*).

Вотъ и снова знакомыя сцены и обычныя картины выборной агитаціи *). На стѣнахъ домовъ и заборахъ, фонтанахъ и другихъ монументахъ, порою даже на фонарныхъ столбахъ и деревьяхъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могла пройтись проворная кисть изобрѣтательныхъ расклейщиковъ, пестрѣютъ желтыя, красныя, зеленыя, голубыя, трехцвѣтныя и иныхъ всевозможныхъ оттѣнковъ афиши съ именами кандидатовъ, которые, несмотря на латинскую этимологію своего названія (candidatus=candidus), какъ разъ не могутъ печатать свои заявленія на бѣлой бумагѣ: этотъ цвѣтъ невинности монополизированъ правительственными и административными актами; и типографщикъ, осмѣлившійся оттиснуть частную афишу на обыкновенной бумагѣ, подлежитъ штрафу въ 100 франковъ на основаніи закона 28-го іюля 1791 г. За то каково разнообразіе цвѣтовъ кандидатской прозы! Какая роскошь этой своеобразной флоры, которая успѣваетъ разростись даже тамъ, гдѣ домовладѣлецъ оберегаетъ отъ нея свои стѣны крупной надписью „здѣсь воспрещается клеить афиши“ (Défense d'afficher), надписью, подкрѣпляемой указаніемъ на административные громы, каковые заключаются въ полицейскомъ предписаніи отъ 4 августа 1836 г. Теперь время горячее, выборное, военное время, и ужъ, конечно, à la guerre comme à la guerre!..

Попробуйте въ самомъ дѣлѣ угоняться за расклейщиками борющихся кандидатовъ, которые (рѣчь, конечно, идетъ о расклейщикахъ, а не о самихъ кандидатахъ), ни свѣтъ ни заря, съ ведромъ клея въ одной рукѣ, кистью въ другой, тюкомъ афишъ въ холщевомъ мѣшкѣ, а порою и съ прихваченной на всякій случай лѣстницей, проворно обѣгаютъ кварталъ своихъ кандидатовъ и ухитряются налѣпить афиши въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. И чѣмъ ближе подходитъ время выборовъ, тѣмъ горячѣе идетъ эта клейка. Вслѣдъ за афишами, просто-на-просто повторяющими гипнотизма ради безчисленное множество разъ имя кандидата, появляются подробныя кандидатскія программы, манифесты избирательныхъ комитетовъ, взаимныя обвиненія и опроверженія соперничающихъ кандидатовъ; и, наконецъ, наканунѣ самыхъ выборовъ, лихорадочно расклеиваемыя предостереженія: „избиратели, остерегайтесь маневровъ послѣдняго часа“ (méfiez-vous des manoeuvres de la dernière heure!) Избирательные комитеты, вымывъ предварительно грязное бѣлье по семейному, на частныхъ засѣданіяхъ

*) Писано въ маѣ 1898 г.

единомышленниковъ, и остановившись на наиболѣе подходящемъ кандидатѣ, организуютъ собранія избирателей (куда обыкновенно допускаются лишь лица, имѣющія право вотировать) или же публичные митинги, если разсчитываютъ на популярность протежируемыхъ ими гражданъ. Различные кандидаты развиваютъ здѣсь свои программы, зачастую подъ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ, которые ставятся имъ тутъ же избирателями, желающими позондировать политическое направленіе мѣтящаго въ депутаты; и словесный турниръ между соперничающими партіями порою заканчивается кулачными и палочными аргументами, единственнымъ средствомъ противъ которыхъ является обыкновенно завертываніе газовыхъ рожковъ и погруженіе залы собранія въ доисторическую ночь хаоса. Въ этомъ случаѣ аргументація со всѣми ея невещественными и вещественными орудіями переносится на улицу; и граждане договариваются и додираются подъ открытымъ небомъ, теряя свой послѣдній избирательный пылъ среди пинковъ блюдущихъ порядокъ полицейскихъ, которые авторитетно взываютъ: расходитесь, расходитесь! (circulez, circulez)!“..

Справедливость заставляетъ, впрочемъ, меня замѣтить, что, вопреки мнѣнію благонамѣренной прессы, сваливающей избирательные безпорядки на политическую невоспитанность массъ, въ нынѣшнемъ году по части драки отличаются до сихъ поръ (если не считать полу-дикой Алжиріи) представители имущихъ и правящихъ классовъ. Я упомяну лишь о свалкѣ между оппортунистами и радикалами на одномъ изъ избирательныхъ собраній, организованныхъ въ Шерскомъ департаментѣ княземъ д'Аранберъ (d'Arenberg); о звонкомъ обмѣнѣ пощечинъ между солиднѣйшимъ руководителемъ „La Journal des Débats“, Франсисомъ Шармомъ, и однимъ изъ сіятельныхъ пріятелей маркиза де-Кастелланъ, его политическаго противника въ Кантальскомъ департаментѣ; о безрезультатной дуэли на пистолетахъ между де-Рамелемъ и барономъ Буго (въ департаментѣ Гаръ), тоже двумя соперничающими кандидатами, сыгравшими словно въ воланъ эпитетами „лгунъ“ и „клеветникъ“.

Печать, само собою разумѣется, раздѣляетъ это общее волненіе и является даже однимъ изъ самыхъ могущественныхъ органовъ распространенія избирательной горячки. Всѣ газеты, выражаясь безсмертной фразой нашего Глѣба Успенскаго, участвуютъ „въ числѣ драки“; двѣ трети любой изъ нихъ заняты теперь прямо или косвенно выборами, восхваленіями дружественныхъ кандидатовъ и нападеніями на кандидатовъ враждебнаго лагеря. Рекомендую особенно читателю обратить вниманіе на избирательный отдѣлъ въ „Фигаро“, гдѣ на третьей и четвертой страницахъ нѣкій г. Поль Боскъ надрывается ежедневно въ потугахъ дешевого остроумія, силясь превознести до небесъ кандидатовъ „прогрессивной“ (т. е., по теперешней терминологіи, реакціонной) партіи

и укусить ихъ противниковъ... Словомъ, „купите моего медвѣдя", какъ непочтительно выражаются скептики, присутствующіе при этомъ зазываніи въ лавочку каждой изъ различныхъ борющихся партій. А что скептиковъ, отрицательно относящихся къ современному французскому парламентаризму, теперь набралось немало, это кидается въ глаза каждому, мало-мальски внимательному наблюдателю здѣшней жизни. Не надо лишь забывать, что въ этомъ обширномъ хорѣ отрицанія замѣчается цѣлая гамма различныхъ нотъ и оттѣнковъ критики, начиная съ ненависти къ представительному строю со стороны приверженцевъ реакціи, которымъ претитъ самая идея свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ, и кончая презрѣніемъ къ парламентаризму со стороны анархистовъ, которые видятъ въ этой системѣ гигантскій фарсъ, какъ разъ, молъ, и препятствующій истинному распоряженію народа своими судьбами...

Кризисъ парламентаризма и будетъ на сей разъ предметомъ моей статьи: я постараюсь въ ней, насколько могу, указать читателю на тѣ стороны представительнаго режима, которыя въ настоящее время всего болѣе подвергаются критикѣ и осужденію людьми, участвующими въ политической жизни страны, или, по крайней мѣрѣ, наблюдающими ее. Само собою разумѣется, что я ограничиваюсь при этомъ лишь разсмотрѣніемъ того, какъ функціонируетъ парламентаризмъ при наличныхъ условіяхъ третьей республики. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ переносить цѣликомъ выводы, полученные при изученіи какой-нибудь данной среды, въ другую среду и пользоваться ими для оцѣнки несходныхъ условій.

Я позволю себѣ разсказать по этому поводу читателямъ слѣдующій анекдотъ, за подлинность котораго я ручаюсь. Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ, значительная часть республиканцевъ въ печати и палатѣ вела ожесточенную кампанію противъ несмѣняемости судей *), которые достались республикѣ по наслѣдству отъ прежняго режима и большинство которыхъ, пользуясь своимъ прочнымъ положеніемъ, стали открыто въ борьбѣ правительства противъ религіозныхъ корпорацій на сторону послѣднихъ. Какъ извѣстно, не успѣвъ устранить принципъ этой несмѣняемости, кабинетъ Ферри побудилъ палату вотировать временную пріостановку принципа, и министръ юстиціи, Мартэнъ-Фейллье, законопроектъ котораго прошелъ въ парламентѣ 7-го августа 1883 г., немедленно же заставилъ подать въ отставку наиболѣе ярыхъ реакціонеровъ между судьями. Но передовые

*) Во Франціи, за исключеніемъ мировыхъ судей, судебный персоналъ несмѣняемъ: судьи въ трибуналахъ первой инстанціи, въ аппеляціонныхъ судахъ (соотвѣтствующихъ нашимъ судебнымъ палатамъ) и въ кассаціонномъ судѣ могутъ быть устранены отъ должности лишь по рѣшенію кассаціоннаго суда, функціонирующаго въ этомъ случаѣ какъ верховный совѣтъ (Conseil supérieur) магистратуры.

республиканцы остались недовольны этой полумѣрой и указывали на противорѣчіе между самымъ принципомъ несмѣняемости судей и общимъ характеромъ демократіи, гдѣ все подлежитъ выборамъ и перемѣнѣ въ соотвѣтствіи съ желаніями „верховнаго властелина—народа". Какъ разъ въ это самое горячее время во Францію пріѣхалъ одинъ русскій умѣренно-либеральный и умѣренно умный профессоръ. Начитавшись въ своихъ учебникахъ насчетъ „великаго начала несмѣняемости", онъ никакъ не могъ оріентироваться въ нахлынувшей на него массѣ впечатлѣній и вопросовъ, поднятой полемикой между республиканцами и монархистами, и обращался къ французамъ съ просьбой разъяснить ему, почему наиболѣе передовыя партіи осмѣливаются поднимать дерзновенную руку на вѣчные и незыблемые принципы несмѣняемости или, какъ выражался онъ, на „палладіумъ магистратуры". Тщетно его знакомые пытались объяснить ему, что несмѣняемость не можетъ считаться такимъ основнымъ началомъ, безъ котораго немыслимо цивилизованное общество; что, конечно, при иныхъ условіяхъ эта несмѣняемость можетъ сослужить полезную службу, напр., въ случаѣ слабаго развитія чувства законности въ какой-нибудь отсталой странѣ, гдѣ царитъ произволъ; но что эта же несмѣняемость является полнѣйшимъ анахронизмомъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ и демократической организаціи власти; и т. д., и т. д.

Всѣ эти объясненія пропускались мимо ушей почтеннымъ защитникомъ вѣчныхъ и незыблемыхъ принциповъ умѣреннаго либерализма, и какъ онъ пріѣхалъ во Францію съ „палладіумомъ" въ головѣ, такъ съ „палладіумомъ" и уѣхалъ, отрясая пыль съ ногъ своихъ на эту удивительную страну, въ которой истинными либералами показались ему реакціонеры, а реакціонерами передовые демократы. Мораль этого сказанія о русскомъ профессорѣ и французской агитаціи противъ несмѣняемости, очевидно, та, что отнюдь не слѣдуетъ торопиться принимать за вѣчный принципъ временное историческое явленіе, какъ не слѣдуетъ разсматривать такое явленіе независимо отъ породившихъ его условій. Это значитъ въ примѣненіи къ предмету настоящаго этюда, что моя критика французскаго парламентаризма нисколько не является критикой парламентаризма, функціонирующаго при другихъ историческихъ условіяхъ. Это, значитъ, также, что, являясь громаднымъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежними режимами, парламентаризмъ не можетъ считаться окончательной идеальной формой политическаго общежитія; и что уже въ рамкахъ его развиваются и зрѣютъ элементы болѣе живого и непосредственнаго участія людей въ коллективной жизни и дѣятельности. Я попробую вмѣстѣ съ читателемъ присмотрѣться къ этой интересной политической эволюціи, въ которой процессъ разру-

шенія зашелъ уже довольно далеко, тогда какъ процессъ созиданія пока лишь намѣчается.

Начну съ того, что представлю нѣсколько примѣровъ отрицательнаго или критическаго отношенія къ различнымъ сторонамъ французскаго парламентаризма, какъ это проявляется между политическими дѣятелями и простыми наблюдателями современной жизни. Вотъ, напр., какъ заканчиваетъ свою недавнюю книжку, изображающую послѣдніе „сто лѣтъ внутренней политики", Андрэ Лебонъ, министръ колоній въ теперешнемъ кабинетѣ и типъ средняго политикана современной республики:

Въ дѣйствительности, начиная съ событій весны 1885 г. (авторъ имѣетъ въ виду паденіе кабинета Ферри), не возникло ни одной сильно съорганизованной политической партіи, и мало главъ правительства произвели глубокое и прочное вліяніе на страну; не видно даже, чтобы всеобщая подача голосовъ имѣла точное понятіе о томъ, чего она можетъ ждать отнынѣ отъ своихъ правителей, или чтобы она рѣшилась дать имъ энергичный толчокъ. Франція, однако, живетъ и мирно развивается въ сторонѣ и какъ бы внѣ политическихъ треволненій: удаляясь отъ глубокихъ потрясеній 1789 года и великихъ доктринальныхъ споровъ половины этого вѣка, она, кажется, пріучается мало-по-малу *отыскивать въ общественной жизни лишь искусство преслѣдовать свои интересы подъ прикрытіемъ свободы* *).

Парламентарные радикалы въ родѣ Буржуа пришли въ большое негодованіе отъ этихъ цинично-откровенныхъ словъ. Мнѣ же это признаніе представляется драгоцѣннымъ документомъ для психологіи теперешнихъ, такъ называемыхъ, „прогрессистовъ", которые, очевидно, не даютъ себѣ отчета, до какой степени опасно для современнаго парламентаризма заявленіе его представителей относительно того, будто современная политическая жизнь сама по себѣ, а вся прочая коллективная дѣятельность страны сама по себѣ; и будто теперь дѣло идетъ для Франціи лишь о прикрытіи свободой различныхъ интересовъ.

Хотите знать, какъ другой представитель „прогрессивной" партіи, одна изъ знаменитостей ея, а именно Рэмонъ Пуанкарэ, оцѣниваетъ характеръ современной французской политики. Упомянувъ о томъ, что Гамбетта въ 1873 г. возлагалъ большія надежды на республиканскую политику, Пуанкарэ продолжаетъ:

Но и въ 1898 г., четверть вѣка спустя, политика, какъ видно, не сдѣлалась наукой нравственнаго распорядка, способной воздѣйствовать на умъ, а въ особенности достойной руководить совѣстью. Она не освободилась окончательно отъ интригъ и хитростей; она не одинъ разъ безъ всякаго стыда уступала духу подкупности, и, будучи вынуждена пресмыкаться среди безчестныхъ и вѣроломныхъ маневровъ, она не могла до сихъ поръ подняться до высоты общей доктрины. Позволительно думать, что нѣкоторыя плохо понятыя и перетолкованныя идеи Гамбетты были не совсѣмъ неповинны въ

*) André Lebon, *Cent ans d'Histoire intérieure.* 1789—1895; Парижъ, 1898, стр. 331—332.

этой унизительной судьбѣ политики; и что оппортунизмъ, желая уберечься отъ иллюзій соціальной метафизики, черезчуръ часто грѣшилъ неопредѣленностью метода и посредственностью пріемовъ... Всѣ понимаютъ, или, вѣрнѣе, всѣ чувствуютъ, что это паденіе политики является началомъ національной опасности. Общее безпокойство выражается въ неясныхъ или банальныхъ формулахъ: «Надо покончить съ этимъ. Что-то сломалось. Такъ дѣло не можетъ идти далѣе»... Депутаты... намѣрены держать въ своихъ рукахъ правительство. Оно принадлежитъ имъ, потому что они не оставили его (въ минуту опасности въ палатѣ). Административныя власти, зависящія отъ правительства, являются, вполнѣ логично съ этой точки зрѣнія, добычей и вещью депутатовъ. Префекты, судьи, инженеры, профессора всякаго рода,—словомъ, въ любомъ округѣ Франціи нѣтъ ни одного чиновника, который не подслуживался бы къ депутату и не находился бы въ полнѣйшей зависимости отъ него. Революція провозгласила, что никакая часть народа и никакой человѣкъ не могутъ присвоить себѣ верховной власти. Но нѣсколько сотенъ человѣкъ присвоиваютъ ее себѣ безъ всякой ложной скромности, и каждый изъ нихъ, смотрясь на себя въ зеркало, полагаетъ, что видитъ въ немъ образъ всей націи *).

Тутъ, какъ видите, главный недостатокъ современной системы усматривается въ томъ, что депутаты представляютъ собою господъ всей націи. Но другіе наблюдатели, указывая и на упомянутый недостатокъ, еще болѣе подчеркиваютъ противоположный и всетаки связанный съ первымъ недостатокъ системы, а именно, что господа націи являются вмѣстѣ съ тѣмъ прислужниками ея, готовыми исполнять малѣйшіе капризы своихъ избирателей. Пусть читатель развернетъ недавній романъ изъ политической жизни, написанный Жоржемъ Леконтомъ подъ заглавіемъ „Лакеи“ и изображающій жалкую роль депутатовъ въ современномъ режимѣ: трудно представить что-либо болѣе плачевное въ системѣ французскаго парламентаризма! Чисто художественные недостатки или, если хотите, довольно умѣренныя достоинства общей фабулы романа искупаются нѣсколькими яркими типами современныхъ политическихъ дѣятелей и живымъ изображеніемъ парламентарной среды. Въ особенности центральная фигура романа, добродушный провинціальный докторъ Денизо, попавшій въ депутаты, является свирѣпой, но въ общемъ правдивой каррикатурой на средняго „представителя народа“ современной Франціи:

..Нашъ Денизо былъ такъ же чуждъ жизни идей, какъ былъ чуждъ и всей общественной жизни нашего времени. Онъ не былъ знакомъ ни съ кѣмъ и ничего не зналъ. Никакая общая идея не доходила до его мозга съ тѣмъ, чтобы оживить его. Въ сущности, это былъ жалкій приказчикъ, утомлённый своей работой, мучимый заботами о томъ, какъ бы сохранить свое мѣсто, меланхоличный бюрократъ, который приводилъ въ порядокъ парламентарныя

*) Raymond Poincaré, *Vues politiques* въ апрѣльскомъ № «La Revue de Paris», 1898, стр. 638 — 639 и 643.—Цитируемый нами журналъ помѣстилъ на своихъ столбцахъ, въ виду предстоящихъ выборовъ, статьи о политическомъ положеніи дѣлъ, написанныя представителями четырехъ различныхъ группъ въ палатѣ: Пуанкарэ выражаетъ взгляды умѣренныхъ республиканцевъ, Буржуа радикаловъ, Кошэнъ монархистовъ и Жорэсъ соціалистовъ.

бумажонки, оффиціальныя газеты и отчеты о засѣданіяхъ, который переписывалъ письма и занимался лишь сплетнями своего бюро въ палатѣ и капризами депутатской фортуны. Вы могли бы спросить его, помимо парламентарной рутины, о комъ и о чемъ угодно: онъ не имѣлъ ровно никакого понятія ни о людяхъ, ни объ идеяхъ, ни о вещахъ. Замкнувшись въ своемъ молчаливомъ кварталѣ, не читая и не выходя, онъ былъ совершенно въ сторонѣ отъ жизни и мысли. И этотъ-то невѣжественный человѣкъ ограниченнаго ума, въ плѣну у своихъ собственныхъ предразсудковъ и у предразсудковъ своихъ избирателей, смущаемый обязательствами, шедшими въ разрѣзъ съ его принципами, мучимый упреками своей совѣсти честнаго человѣка, неспособный отнынѣ, вслѣдствіе своихъ избирательныхъ интересовъ, имѣть мужество своихъ мнѣній,—этотъ-то человѣкъ участвовалъ въ верховномъ управленіи Франціей! И такихъ, какъ онъ, было двѣсти или триста, съ тѣми же ужасами, тѣми же мученіями, тѣми же трусливыми грѣхами противъ совѣсти,—рабовъ своего невѣжества и рабовъ своихъ избирателей, по истинѣ лакеевъ! *).

Надо замѣтить, что тѣ невѣроятныя на первый взглядъ вещи, которыя авторъ разсказываетъ о подвигахъ Денизо, скопированы съ натуры: если въ романѣ Леконта этотъ депутатъ пріискиваетъ бойкую лавку для сына одного изъ своихъ вліятельныхъ избирателей, желающаго обосноваться торговцемъ въ Парижѣ, то въ дѣйствительности немало депутатовъ ради популярности исполняютъ самыя невозможныя порученія выбравшихъ ихъ земляковъ, напр., отыскиваютъ имъ кормилицъ, покупаютъ для нихъ столовые и чайные сервизы въ столичныхъ магазинахъ, справляются о лучшихъ модисткахъ въ Парижѣ, и т. п. Въ послѣдней палатѣ такихъ властелиновъ-лакеевъ націи насчитывался не одинъ десятокъ; и иные между ними слыли за самыхъ распорядительныхъ, а главное, даровыхъ коммиссіонеровъ своихъ избирателей.

Хотите, наконецъ, рядомъ съ комедіей индивидуальной психологіи депутата присмотрѣться къ трагизму стадной психологіи различныхъ борющихся въ парламентѣ партій, разверните послѣдній романъ Золя „Парижъ", въ которомъ грузный, но мощный талантъ автора рисуетъ намъ, между прочимъ, впечатлѣніе, производимое палатой на свѣжаго человѣка (неисправимаго идеалиста,—аббата Пьера Фромона):

Вся старинная зараженная рана выставляла здѣсь на показъ свой ядъ. Медленное гніеніе парламентаризма разрослось и захватывало общественный организмъ. Конечно, надъ міромъ этихъ низкихъ интригъ и свалки личныхъ честолюбій, шла высшая борьба принциповъ, двигалась исторія, расчищая съ дороги обломки прошлаго, стараясь приготовить для будущаго больше истины, больше справедливости и счастья. Но на практикѣ и если смотрѣть лишь на ужасную ежедневную стряпню, что за разнузданность эгоистическихъ аппетитовъ, что за исключительная потребность задушить сосѣда и восторжествовать самому! Такъ, между нѣсколькими группами, велась лишь безпрестанная борьба за власть и удовлетвореніе, доставляемыя ею. Лѣвая, правая, католики, республиканцы, соціалисты, двадцать различныхъ оттѣнковъ партій

*) George Lecomte, *Les Valets. Roman contemporain*; Парижъ, 1897, стр. 106.

представляли собой только ярлыки, распредѣлявшіе по различнымъ классамъ ту же самую жгучую жажду управлять и господствовать. Всѣ вопросы умалялись и сводились только къ одному вопросу: кто, этотъ, другой или третій будетъ держать въ своихъ рукахъ Францію, чтобы извлекать изъ нея наслажденія, чтобы расточать свои щедроты кліентамъ своихъ креатуръ? И, что всего хуже, крупныя битвы, дни и недѣли, потерянные на то, чтобы замѣстить такого-то такимъ-то, а этого въ свою очередь тѣмъ-то, приводили къ самому нелѣпому топтанью на одномъ мѣстѣ, ибо и тотъ, и другой, и третій стояли другъ друга, и между ними были лишь смутныя различія, такъ что новый владыка занимался той же стряпней, что и старый, фатально забывая о программахъ и обѣщаніяхъ, лишь только начиналъ царствовать... Ахъ, что за дѣло старому бѣдняку, который околѣваетъ съ голода на тряпкахъ, что ему за дѣло до того, свалилъ-ли Мэжъ министерство Барру, или сталъ ли у власти кабинетъ Бриньона! Если такъ дѣло будетъ идти, то понадобится сто—двѣсти лѣтъ, чтобы нашелся хлѣбъ въ жалкихъ сараяхъ, гдѣ хрипятъ, умирая, инвалиды труда, эти старыя и заѣзженныя вьючныя животныя. И вся голытьба, весь бѣдный и обездоленный людъ находился въ агоніи, вопіялъ о справедливости, въ то время, какъ палата на одномъ изъ крупныхъ засѣданій волновалась вопросомъ, кому будетъ принадлежать нація и кто пожретъ ее. Грязь переливалась черезъ края; омерзительная, кровавая и разъѣдающая язва безстыдно распласталась наружи, словно ракъ, пожирающій организмъ и захватывающій уже сердце. И что за тошнота при этомъ зрѣлищѣ, и что за жажда мстительнаго ножа, который принесъ бы здоровье и радость! *)

Можно было бы умножить до безконечности цитаты, въ родѣ вышеприведенныхъ, въ которыхъ выражается отрицательное отношеніе французовъ къ современному парламентаризму. Но для нашей цѣли достаточно и предыдущихъ. Общественное мнѣніе третьей республики грѣшитъ скорѣе изобиліемъ, чѣмъ скудостью критикъ, направленныхъ противъ современнаго режима. Его критикуютъ умѣренные республиканцы, стараясь „упорядочить", канализировать парламентарную дѣятельность; и его же не щадятъ libertaire'ы въ родѣ изображенныхъ въ послѣднемъ романѣ Золя, уже цѣликомъ отбрасывая самый принципъ его, какъ не достаточно широкій, искренній и дѣйствительный. Я, конечно, не говорю о здѣшнихъ крайнихъ реакціонерахъ, которые отрицаютъ парламентаризмъ, но сами же чувствуютъ, что не въ силахъ вернуть страну къ такому режиму во всей его чистотѣ, и вздыхаютъ, и ропщутъ, и горько плачутся на невозможность осчастливить согражданъ этой идилліей всеобщаго спокойствія и всеобщаго молчанія...

Повторяю, о такихъ утопистахъ прошлаго можно и не распространяться: они составляютъ небольшую и съ каждымъ днемъ тающую горсть людей. Гораздо опаснѣе для современнаго строя тѣ чувства усталости и разочарованія, которыя, помимо представителей интеллигенціи, начинаютъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе слои населенія. Возьмите, напримѣръ, процентъ воздер-

---

*) Emile Zola, *Paris;* Парижъ, 1898, стр. 69—70.

живающихся отъ голосованія: во время горячей борьбы республиканцевъ противъ монархистовъ въ 1877 г., эта пропорція равнялась 18,7% всѣхъ избирателей; въ 1889 г., несмотря на эпидемію буланжизма, она уже возрасла до 23,4%; на выборахъ 1893 г. дошла до 30%. Есть департаменты, въ которыхъ три пятыхъ избирателей упорно отказываются положить въ урну свой избирательный бюллетень, могущій съ успѣхомъ замѣнить, какъ говорятъ еще до сихъ поръ передовые республиканцы, пулю баррикадной революціи. Положимъ, большинство воздерживающихся принадлежитъ къ болѣе индифферентнымъ имущимъ группамъ населенія, и именно это обстоятельство озабочиваетъ вожаковъ „прогрессивной" партіи, которые опираются на эти консервативные элементы и боятся, какъ бы ихъ воздержаніе не дало частнаго торжества болѣе дѣятельнымъ и болѣе радикальнымъ слоямъ. Этимъ, замѣчу мимоходомъ, объясняется назрѣвающая теперь между „людьми порядка" мысль ввести обязательное голосованіе подъ опасеніемъ штрафа уклоняющихся. Но и между рабочимъ населеніемъ крупныхъ центровъ, которое отличается гораздо большею отзывчивостью на политическія злобы дня, равнодушіе и апатія замѣтно усилились.

Возьмите хотя бы предстоящіе выборы. Несомнѣнно, что тѣ сцены и картины, съ которыхъ я началъ свою статью, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ возбужденіи парижскаго населенія. Но, за исключеніемъ трехъ—четырехъ округовъ, во всемъ этомъ идейное увлеченіе, страсть, энтузіазмъ играютъ небольшую роль. Наружнымъ образомъ избиратели (я говорю въ особенности о членахъ организованныхъ партій) какъ будто и заинтересованы результатомъ надвигающейся „консультаціи страны". Но станете вы говорить по душѣ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и послѣ обычныхъ банальныхъ фразъ насчетъ того, что „все идетъ хорошо", и что выборы дадутъ „рѣшительное торжество" такимъ-то и такимъ-то принципамъ, изъ устъ вашего собесѣдника вырвется скептическая фраза относительно постояннаго круженія страны на одномъ и томъ же мѣстѣ и даже почти съ тѣми же фигурами политическаго персонала,—словомъ, какъ поется въ популярной французской пѣсенкѣ для малыхъ дѣтей:

Les petites marionettes
Font, font, font
Trois petits tours
Et puis s'en vont!..

Нечего закрывать глаза на это пессимистическое настроеніе большинства населенія, которое какъ будто начинаетъ совершенно извѣриваться въ возможность рѣшенія общественныхъ задачъ путемъ парламентаризма; безполезно и негодовать на это политическое маловѣріе. Постараемся лучше разобраться въ при-

чивать этого явленія. Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ данный вопросъ, тѣмъ болѣе я [illegible] приписывать упомянутыя причины въ томъ, что большая публика относится къ одно, по крайней мѣрѣ, три различныя функціи парламентаризма и, видя несостоятельность одной изъ нихъ, распространяетъ свое отрицаніе на парламентаризмъ вообще. Эти три функціи, по моему мнѣнію, такіе: служить показателемъ и выразителемъ господствующаго общественнаго сознанія въ данный моментъ; удовлетворять интересамъ, потребностямъ и неотложнымъ вопросамъ современности; являться школой будущаго, болѣе совершенныхъ формъ коллективной человѣческой дѣятельности. Лишь вторая изъ этихъ функцій неудовлетворительно выполняется представительнымъ строемъ, и мы скоро увидимъ, что не по его винѣ; что же касается до первой и третьей, то въ этомъ отношеніи парламентаризмъ имѣетъ рѣшительное преимущество надъ политическими формами старой Франціи.

Итакъ, функція первая. Въ этомъ пунктѣ большинство возраженій сводятся главнымъ образомъ къ утвержденію, будто парламентаризмъ (я разумѣю здѣсь, конечно, типичный французскій парламентаризмъ, основанный на выборѣ представителей всеобщей и прямой подачей голосовъ въ различныя избирательныя учрежденія—палату, генеральные и муниципальные совѣты,—за исключеніемъ сената, для котораго существуетъ система двойныхъ выборовъ) есть крайне грубое и несовершенное орудіе для выраженія общественнаго мнѣнія. Посмотрите, молъ, отъ какого сравнительно незначительнаго большинства голосовъ зависитъ выборъ того, а не иного депутата; обратите вниманіе далѣе на то, какое сильное меньшинство можетъ при этомъ совсѣмъ не быть представлено въ палатѣ; примите въ разсчетъ крупную пропорцію лицъ, которыя, даже и при всеобщемъ голосованіи, не имѣютъ права участвовать въ выборахъ или же фактически воздерживаются отъ этого участія; не забудьте также, что, при суммировкѣ голосовъ, голосъ какого нибудь знаменитаго ученаго и голосъ невѣжественнаго поденщика, голосъ солиднаго и состоятельнаго человѣка и голосъ бѣдняка, которому нечего терять, совершенно равноцѣнны, вопреки здравому смыслу и справедливости и т. д., и т. д.

Въ отвѣтъ на такія возраженія я позволю себѣ начать какъ разъ съ обратнаго утвержденія, а именно, что въ общемъ парламентаризмъ является крайне точнымъ, можно, пожалуй, сказать, математическимъ инструментомъ для опредѣленія господствующаго настроенія въ странѣ. Я бы сравнилъ его съ очень чувствительнымъ манометромъ, показывающимъ напряженіе пара въ гигантскомъ котлѣ... общественной жизни. Колебанія ртути въ этомъ манометрѣ, ея, повидимому, причудливые скачки вверхъ и внизъ означаютъ именно тонкость этого инструмента. И страненъ по-

казался бы намъ машинистъ, который, разгнѣвавшись на эти якобы капризы аппарата, разбилъ бы драгоцѣнный инструментъ подъ предлогомъ несовершенства и рѣшилъ бы на собственный глазомѣръ да постукиваніемъ въ стѣнки котла опредѣлять упругость движущей силы. Франція не разъ видала, какъ такіе любители глазомѣра взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ машиной... Но оставимъ эти аллегоріи и присмотримся къ возраженіямъ противъ парламентаризма, какъ показателя мнѣнія страны.

Дѣйствительные недостатки его въ этомъ отношеніи легко устранимы и устранимы какъ разъ путемъ расширенія его, а не съуженія. Если всеобщая подача голосовъ, какъ она функціонируетъ во Франціи, даетъ часто перевѣсъ сравнительно незначительному большинству, если сильное меньшинство не представлено въ парламентѣ, кто мѣшаетъ странѣ гарантировать это представительство (какъ, напримѣръ, это существуетъ для коммунальныхъ выборовъ въ Бельгіи)? Если всеобщая подача голосовъ, несмотря на свое названіе, лишаетъ избирательныхъ правъ значительныя группы подвижного населенія и цѣлую половину взрослыхъ жителей, то какое препятствіе въ самомъ принципѣ парламентаризма Франція найдетъ, положимъ, для того, чтобы отмѣнить для избирателей условіе шестимѣсячнаго пребыванія въ данномъ городѣ или коммунѣ (вещь, направленную, очевидно, противъ наиболѣе текучихъ слоевъ рабочаго населенія), или дать право голоса женщинамъ? Замѣтьте, эта реформа даже и во Франціи не можетъ считаться крайне отдаленной и утопической. Я не говорю о представителяхъ передовой мысли, которые, подобно Жорэсу, прямо заявляютъ:

> право голоса должно быть распространено на женщинъ: того требуютъ новыя условія экономической жизни; работница, подобно рабочему, должна войти въ политическую сферу современнаго города, какъ она вошла въ его экономическую сферу *).

Но недавно одинъ консервативный органъ задался тѣмъ же вопросомъ о допущеніи женщинъ къ выборамъ, хотя мотивировалъ эту реформу желаніемъ „опереться въ XX-мъ вѣкѣ на охранительные инстинкты женщинъ въ борьбѣ противъ разрушительныхъ силъ демагогіи“. Вотъ и прекрасно: будущее покажетъ, въ какую сторону пойдутъ женщины; но пока для большей точности всеобщей подачи голосовъ она должна быть расширена, какъ о томъ уже начинаютъ раздаваться отдѣльныя требованія въ передовомъ и въ консервативномъ лагеряхъ.

Что касается до людей, которые воздерживаются отъ участія въ выборахъ, то развѣ самый этотъ актъ воздержанія не является

*) См. въ уже цитированномъ апрѣльскомъ номерѣ «La Revue de Paris» статью Жорэса, особенно на стр. 380—381.

элементомъ общественнаго настроенія, и элементомъ, какъ разъ очень удачно отмѣчаемымъ при помощи манометра всеобщей подачи голосовъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается первая роль парламентаризма? Выразить преобладающія, имѣющія извѣстную живучесть стремленія въ обществѣ, не такъ-ли? Но изъ кого слагается громадное большинство воздерживающихся? Изъ общественныхъ индифферентистовъ, которымъ дѣла нѣтъ до того, какъ и кѣмъ управляется страна, и которые подъ предлогомъ, что отдѣльный голосъ мало значитъ, не хотятъ даже потратить какого нибудь часа на всю операцію вотировки, не хотятъ, несмотря на всевозможныя увѣщанія и упреки, расточаемые по адресу такихъ лѣнивыхъ гражданъ многочисленными „руководствами для избирателей", напримѣръ:

Воздержаніе недостойно гражданина. Тотъ, кто не вотируетъ, низводитъ себя до уровня людей, которыхъ законъ лишаетъ политическихъ правъ за преступленіе **).

Ясно, что если мнѣніе такихъ избирателей не находитъ себѣ выраженія въ представительномъ строѣ въ силу самаго ихъ воздержанія, то это какъ разъ говоритъ въ пользу точности региструющаго аппарата: тѣ желанія, стремленія и потребности, которыя не достаточно энергичны, чтобы заявить о своемъ существованіи, и не могутъ претендовать на включеніе ихъ въ число живыхъ общественныхъ силъ. Что касается до воздержанія идейнаго, въ родѣ, положимъ, того, которое пропагандируется анархистами, то его значеніе въ практическомъ смыслѣ равно до сихъ поръ нулю. По странной ироніи обстоятельствъ, именно въ нынѣшнемъ году, когда воздержаніе индифферентистовъ прокидывается особенно замѣтно, анархисты (можетъ быть, подъ вліяніемъ аналогичнаго движенія между итальянскими анархистами) выставили, наоборотъ, нѣсколько кандидатуръ протеста противъ современнаго режима и приглашаютъ товарищей „сосчитать на ихъ именахъ" число противниковъ парламентаризма, т. е. пользуются, для его принципіальнаго отрицанія, его же пріемами.

Остается возраженіе относительно возмутительнаго якобы равенства во Франціи голоса поденщика и голоса ученаго, голоса бѣдняка и голоса имущаго при избирательной вотировкѣ. Но было бы возмутительно именно противоположное правило: давать большій, такъ сказать, удѣльный вѣсъ голосу человѣка, который, по самому своему положенію въ современномъ обществѣ, по самой своей сплошь и рядомъ принадлежности къ привилегированному классу, и безъ того черезчуръ повертываетъ равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону своихъ классовыхъ интересовъ. Уже одно его соціальное положеніе предрас-

*) *Livret d'électeur*; Парижъ, 1898, изд. Colin'a, стр. 4.

полагаетъ его къ враждебности по отношенію къ большинству трудящихся массъ. Посмотрите, что говоритъ по этому поводу не только одинъ изъ крупнѣйшихъ, но одинъ изъ благороднѣйшихъ мыслителей Франціи, которому приходилось сталкиваться и съ высшими, и низшими слоями общества:

Я замѣтилъ, что занятія, которымъ предаются люди, безконечно сильно вліяютъ на нихъ въ смыслѣ принятія ими филантропической морали или же, наоборотъ, эгоистическихъ мнѣній, такъ что тѣ, которые сталкиваются ежедневно съ наибольшимъ числомъ лицъ, въ особенности же изъ простого народа (classe du peuple), вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе склонны къ филантропіи, тогда какъ тѣ, которые живутъ изолированно въ силу своихъ занятій, или находятся существеннымъ образомъ въ сношеніяхъ съ богатымъ классомъ, впадаютъ въ эгоизмъ,—развѣ что они получили отъ природы необыкновенно счастливую организацію *).

Ясно, что чѣмъ точнѣе долженъ выражать парламентаризмъ преобладающія стремленія цѣлаго общества, тѣмъ болѣе мы должны стоять за полнѣйшую равноцѣнность голосовъ избирателей, принадлежатъ-ли они къ привилегированному классу, или къ трудящемуся большинству. Вонъ Бельгія завела у себя по конституціи 1893 г. различные разряды избирателей, располагающихъ каждый отъ одного до трехъ голосовъ сообразно семейному, имущественному, образовательному положенію; и уже въ странѣ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ возмущеніе противъ этого избирательнаго неравенства!..

Насколько парламентаризмъ хорошо выполняетъ функцію показателя общественнаго сознанія, настолько же онъ плохо справляется съ функціей орудія коллективной воли. Всѣ возраженія главнымъ образомъ и направлены на этотъ пунктъ; на этой почвѣ и выростаютъ чувства усталости и разочарованія въ представительномъ режимѣ. Но тутъ является вопросъ: виноватъ-ли въ этомъ парламентаризмъ? не несетъ-ли, наоборотъ, само общество отвѣтственность за недостатки режима? Помните, какъ Гейне объяснялъ внутреннія противорѣчія своей поэзіи: „разрывъ прошелъ черезъ весь міръ; какъ же не разорваться было сердцу поэта, этому центру міра?“ Такъ и утомительную борьбу партій въ парламентѣ; переминанье и верченье на одномъ мѣстѣ; незначительность той соціальной равнодѣйствующей, которая остается для общественнаго прогресса за взаимнымъ уничтоженіемъ враждующихъ силъ, — все это приходится объяснять состояніемъ самого современнаго общества. Манометръ—вещь прекрасная и необходимая; но не на манометрѣ ѣдешь, а на работѣ пара, дѣйствующаго на систему поршней, рычаговъ и колесъ. А

*) Saint-Simon, *Du système industriel*; цитирую по трехтомному брюссельскому изданію 1859 г. (*Oeuvres choisies*, t. III, стр. 34).

знаете, какого рода машину представляетъ вторая, такъ сказать, движущая функція парламентаризма, или, вѣрнѣе, какимъ образомъ общество обращается съ этой машиной? Представьте себѣ, что одни изъ насъ занялись бы усиленнымъ подбрасываніемъ топлива въ печку, а другіе старались бы заливать уголья; третьи повертывали бы рукоятку, чтобъ идти впередъ, а четвертые съ неменьшимъ усердіемъ пытались бы пустить машину заднимъ ходомъ, тогда какъ еще другіе налегали бы изо всей силы на тормазы, а иные заваливали бы путь всякимъ мусоромъ. Согласитесь, что при такихъ условіяхъ скудость добытыхъ результатовъ, незначительность передвиженія, ровно бы ничего не говорила противъ доброкачественности самого механизма. А, между тѣмъ, именно подобнаго рода рѣшительный приговоръ зачастую произносится надъ парламентаризмомъ самими же членами современнаго, разорваннаго на различные куски общества.

Я воспользуюсь уже упомянутыми мною выше четырьмя программами, данными для „La Revue de Paris" представителями различныхъ партій, для того, чтобы представить наглядно читателю, при какихъ трудныхъ обстоятельствехъ парламентаризму приходится дѣйствовать въ настоящемъ обществѣ. Ясно, что осязательность результатовъ опредѣляется согласіемъ различныхъ видовъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ существеннымъ задачамъ современности. Но посмотрите, что общаго между взглядами разныхъ партій на эти важные вопросы. Остановлюсь на двухъ-трехъ примѣрахъ. Возьмемъ такую серьезную реформу, какъ общій и прогрессивный подоходный налогъ. Каково отношеніе къ ней различныхъ партій? Бывшій первый министръ радикальнаго кабинета, Буржуа, защищая проектъ подоходнаго налога, видитъ въ немъ осуществленіе „общественной солидарности" и „идеи братства" („La Revue de Paris", стр. 466). Наоборотъ, для „прогрессиста" Пуанкарэ эта реформа является „тріумфомъ логомахіи" и, будучи проведена, повлекла бы за собой (о горе! о ужасъ!) необходимость со стороны плательщика сдѣлать „общее заявленіе о своемъ имуществѣ и средствахъ существованія" (ibid., стр. 653). Жорэсъ въ свою очередь готовъ не только присоединиться къ финансовой реформѣ Буржуа, но пойти гораздо дальше и сдѣлать изъ нея одно изъ орудій осуществленія проекта, представленнаго соціалистами относительно пенсіи для всѣхъ безъ исключенія старыхъ рабочихъ, этого, какъ выражается авторъ, „священнаго долга государства" (ibid., стр. 576). А вотъ монархистъ Дени Кошэнъ такъ перепуганъ подоходнымъ налогомъ, что объясняетъ, между прочимъ, этимъ страхомъ политику правой, которая, несмотря на всѣ свои великолѣпные монархическіе принципы, встала на защиту республиканскаго кабинета Мелина, лишь бы снова не допустить торжества „радикально-соціалистической коалиціи" (ibid., стр. 514).

Теперь я попрошу самого читателя опредѣлить: какая положительная равнодѣйствующая вытекаетъ изъ борьбы различныхъ группъ интересовъ и мнѣній, затронутыхъ налоговой реформой?...

Хотите другой примѣръ? Возьмемъ общую политику правительства и его отношеніе къ представителямъ старыхъ католическихъ и реакціонныхъ партій. Со времени пресловутаго „новаго духа", провозглашеннаго въ 1894 г. Спюллеромъ, оппортунистская республика ускорила свое движеніе направо; и министерство Мелина очень откровенно кокетничаетъ съ папой за границей и монархистами внутри. Какъ относятся къ этой эволюціи различныя парламентарныя партіи? Правительственные республиканцы, конечно, руки потираютъ и лишь стараются меньше говорить объ этомъ щекотливомъ вопросѣ, но за то больше дѣйствовать въ такомъ направленіи: Пуанкарэ обронилъ, напр., мимоходомъ два-три слова объ „одинаковомъ уваженіи къ религіознымъ вѣрованіямъ (читай католической реакціи!) и прерогативамъ гражданскаго общества" (стр. 649) и быстро переходитъ къ другимъ вопросамъ, надѣясь, что сторонники кабинета, посвященные въ таинства „прогресса" задомъ на передъ, поймутъ изъ одной этой строки, гдѣ зимуютъ раки, почтенныя существа, изображеніе которыхъ можетъ съ успѣхомъ явиться символомъ, политическимъ тотемомъ клана „прогрессистовъ". А вотъ, напр., клерикалъ и монархистъ Кошэнъ торжествуетъ, отмѣчая „многочисленныя добрыя намѣренія, направленныя" правительствомъ въ сторону „умиротворенія и взаимной терпимости" (стр. 511); но торжествуетъ скромно и, какъ подобаетъ ловкому партнеру, въ минорномъ тонѣ, жалуясь, что за такими намѣреніями не послѣдовало еще достаточныхъ „результатовъ": отмѣните, молъ, республиканскіе законы, пока еще мѣшающіе клерикаламъ прибрать къ своимъ рукамъ народную школу, и тогда между нами и вами исчезнутъ послѣднія „причины раздѣленія" (стр. 512). Послушайте, наоборотъ, Буржуа: онъ находитъ, что умѣренные республиканцы уже слишкомъ далеко пошли въ сторону уступокъ клерикализму, и разсматриваетъ „вмѣшательство главы католической церкви во внутреннюю политику республики", какъ „близкую опасность для верховной власти всей націи" (стр. 463). Жорэсъ, наконецъ, такъ резюмируетъ, по поводу школьнаго вопроса, взгляды соціалистовъ на усиливающіяся претензіи католиковъ:

Школа является вопросомъ общей политики, политики республиканской: дѣло идетъ о томъ, чтобы знать, будетъ ли живящій духъ разума и свободы продолжать проникать народное образованіе. Мнѣ едва ли нужно говорить, что наша партія энергично отразитъ всѣ явныя и тайныя попытки клерикальной партіи. И, кромѣ того, мы потребуемъ для учителей, для всѣхъ учителей безъ исключенія, гарантіи интеллектуальной свободы. Они не должны быть жертвами произвола префектовъ и политическихъ агентовъ. Также и

для пролетаріата мы потребуемъ болѣе широкаго доступа къ высшему образованію *).

И опять таки, дорогой читатель, попробуйте выдѣлить равнодѣйствующую изъ различныхъ цитированныхъ нами мнѣній о такомъ важномъ вопросѣ, какимъ является общее направленіе внутренней политики!...

Наконецъ, я позволю себѣ остановиться еще на одной реформѣ, которая въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ для насъ, потому что она касается какъ разъ второй разсматриваемой теперь нами функціи парламентаризма. „Со всѣхъ сторонъ", по словамъ Буржуа, „поднимаются критики противъ функціонированія парламентарной и законодательной машины. Самые умѣренные, какъ и самые передовые дѣятели согласны въ указаніи на это зло" (стр. 464). Но въ то время, какъ самъ Буржуа видитъ средство противъ упомянутаго зла въ легкой и сравнительно безобидной реформѣ сената, который былъ бы поставленъ въ большую зависимость отъ всеобщей подачи голосовъ и палаты, Пуанкарэ предлагаетъ, напротивъ, „реформировать" палату, давъ ей, путемъ измѣненія внутренняго регламента, „лучшій методъ работы", а въ особенности измѣнивъ ея составъ и полномочія такимъ образомъ, чтобы она могла бы лишь „обсуждать", а не „пыталась бы управлять" (стр. 646): то, молъ, дѣло правительства, дѣло министровъ, которымъ депутаты не должны ни надоѣдать излишними запросами, ни мѣшать иниціативой предложенія различныхъ законовъ. На этой почвѣ недовѣрія къ парламенту и желанія усилить власть правительства монархистъ Кошэнъ близко подходитъ къ „прогрессисту" Пуанкарэ: ища короля, который бы упорядочилъ современный режимъ, орлеанистскій депутатъ замѣчаетъ, что „парламентъ есть наилучшее, единственное орудіе контроля, но очень дурное орудіе управленія" (стр. 520); и нѣсколькими строками ниже довольно наивно (какъ увидимъ ниже) добавляетъ: „зло парламентаризма состоитъ въ томъ, что вопросы разсматриваются не по своему внутреннему значенію (non pour ce qu'elles valent en elles-mêmes), а какъ орудіе партіи". Но съ Жорэсомъ мы перебрасываемся уже на другой полюсъ реформъ; и если представитель парламентарнаго соціализма отмѣчаетъ вскользь „произволъ делегатовъ" (т. е. депутатовъ), то „противовѣса этому" онъ ищетъ не въ усиленіи министерской власти въ ущербъ палатѣ, а въ дальнѣйшей демократизаціи всеобщей подачи голосовъ: въ уничтоженіи сената; въ распространеніи политическихъ правъ на женщинъ; въ установленіи права законодательной иниціативы для избирателей и введеніи referendum'а (непосредственнаго голосованія по существу всѣмъ народомъ) во всѣхъ важныхъ вопросахъ. И опять таки прошу чи-

*) Ibid, стр. 580.

тателя найти практическую равнодѣйствующую между авторитарными замыслами Кошэна и Пуанкарэ, водянистыми предложеніями реформъ Буржуа и приглашеніемъ Жорэса „расширить и углубить всеобщее голосованіе“ такъ, чтобы изъ него выросла „гармонія и великолѣпный общій порывъ, а тяжелая бюрократія не замѣняла бы живой и свободной игры индивидуальной воли личностей“ (стр. 581)!..

Замѣтьте, мы при этомъ коснулись важныхъ, но все же не первостепенныхъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. А попробуйте-ка поставить на очередь одну изъ грандіозныхъ проблемъ нашихъ дней, напр., вопросъ объ организаціи производства или о формахъ собственности, или объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ! Какая бездна обнаружится между представителями различныхъ мнѣній, какіе всемогущіе и противорѣчивые интересы будутъ говорить языкомъ страсти и убѣжденія, какія великія и низкія стремленія вступятъ въ свирѣпую, неумолимую, неустанную борьбу на аренѣ парламентаризма! Гдѣ же искать равнодѣйствующую этихъ огромныхъ общественныхъ силъ, тянущихъ въ разныя стороны? И почему мы должны обвинять парламентаризмъ въ томъ, что онъ плохо справляется со своей функціей служить орудіемъ общественной воли и коллективной дѣятельности, когда въ самомъ обществѣ есть столько же различныхъ воль, сколько различныхъ интересовъ, и столько же направленій дѣятельности, сколько борющихся классовъ, группъ и личностей? Отыскать равнодѣйствующую этихъ сталкивающихся, усиливающихъ одно другое и взаимно уничтожающихся теченій такъ же трудно, какъ и найти квадратуру круга. И въ этомъ отношеніи, если хотите, парламентаризмъ отличается однимъ драгоцѣннымъ свойствомъ: онъ откровененъ! Онъ приводитъ общественное уравненіе въ простѣйшій видъ и прямо говоритъ вамъ: общее рѣшеніе вопроса при данной зависимости величинъ немыслимо; возможны лишь частные случаи рѣшенія; а для этого нужно такое-то или такое-то числовое значеніе, подставленное для данной величины!..

Послушать, напр., какого-нибудь Поля де-Кассаньяка, сильная и (фактически) безконтрольная центральная власть лучше удовлетворяетъ потребностямъ и задачамъ коллективной жизни, во-первыхъ, уже потому, что она такъ или иначе, но дѣйствуетъ; во-вторыхъ, потому, что эта дѣятельность совершается въ опредѣленномъ разъ принятомъ направленіи; въ третьихъ, потому, что это опредѣленное направленіе выражаетъ какъ разъ общіе интересы всего цѣлаго,— и выражаетъ, молъ, именно въ силу того, что такая центральная власть паритъ, видите-ли, въ высшихъ сферахъ, далеко надъ низменными партійными стремленіями, воплощая въ себѣ абсолютное безпристрастіе и вѣчную истину. Не буду уже говорить о томъ, что столь любезная нашему бонапартисту центральная власть зачастую выкидывала такія антраша и кидалась въ столь противо-

положныя стороны, что никакому парламентаризму не сравняться съ нею въ этой непослѣдовательности. Совѣтую съ этою цѣлью читателю просмотрѣть хотя бы тѣ страницы, которыя Лебонъ посвящаетъ въ уже цитированной книгѣ итальянской политикѣ Наполеона и, рикошетомъ, его тактикѣ по отношенію къ клерикаламъ *). Но мысль о внѣпартійной, высшей политикѣ того режима, къ которому несутся мечты Кассаньяка и его единомышленниковъ, покоится уже прямо или на колоссальной иллюзіи, или на чудовищной лжи. И этотъ режимъ, подобно всѣмъ прочимъ грѣшнымъ режимамъ, не можетъ висѣть въ голубомъ надзвѣздномъ эфирѣ, а принужденъ опираться на земные интересы, и, стало быть, принимать въ разсчетъ партійныя стремленія. Разница лишь въ томъ,—и разница не въ его пользу,—что онъ произвольно выбираетъ одну какую-нибудь группу интересовъ и общественныхъ силъ и жертвуетъ ей жизненными потребностями всѣхъ прочихъ группъ, осуждая ихъ на молчаніе...

Но, отвѣчая на возраженіе о безсиліи парламентаризма, какъ орудія коллективной дѣятельности, я отвѣтилъ косвенно и на другое возраженіе, а именно о неизбѣжной порчѣ депутатовъ и во время кандидатской погони за мѣстомъ, и во время самаго пребыванія въ парламентѣ. Дѣйствительно, людямъ приходится подлаживаться подъ вкусы избирателей и вносить въ свою программу взгляды, съ которыми они, можетъ быть, не согласны въ своей душѣ; а попали они въ палату, одни изъ нихъ продолжаютъ играть роль „лакеевъ“, другіе же, наоборотъ, становятся въ позицію „господъ“ и измѣняютъ своимъ избирателямъ, разрывая подписанную ими программу. Эта психологія избраннаго есть дѣло, конечно, вполнѣ житейское, общее всѣмъ временамъ и народамъ; и я курьеза ради укажу читателю на очень древнюю критику такого превращенія заискивающаго кандидата въ гордаго избранника. Менелай у Эврипида такъ укоряетъ своего брата Агамемнона:

Ты помнишь, когда добивался попасть въ предводители Данаевъ, шедшихъ подъ Иліонъ, повидимому и не желая этого, а на самомъ-то дѣлѣ стремясь душой, какъ ты былъ скроменъ (въ подлинникѣ почти «низокъ» ταπεινός), пожимая всѣмъ руки, растворяя настежь двери всякому желавшему изъ гражданъ и давая аудіенцію всѣмъ по очереди, даже если кто и не хотѣлъ того, стараясь своимъ обращеніемъ купить предметъ честолюбивыхъ замысловъ? А потомъ, когда ты получилъ власть, измѣнивъ свое обращеніе, ты уже не былъ другомъ для твоихъ прежнихъ друзей, но сталъ недоступенъ и рѣдко показываешься за затворами. Не подобаетъ доброму мужу, сдѣлавшемуся могущественнымъ, перемѣнять свои нравы, но именно тогда надо быть надежнымъ другомъ для своихъ друзей, когда онъ въ особенности можетъ быть полезенъ, благодаря счастливой судьбѣ... **).

---

*) *Cent ans*, стр. 238—240 и 246—248.

**) Εὐριπίδου Ἰφιγένεια ἡ ἐν Αὐλίδι, стр. 328—339.

Да это совсѣмъ психологія иного изъ современныхъ кандидатовъ, а нѣкоторые маневры почтеннаго пастыря народовъ до комичности близко воспроизводятъ различныя сцены изъ „Лакеевъ“ Леконта!.. Но, совершивъ эту краткую археологическую экскурсію, возвратимся къ нашимъ временамъ и спросимъ себя, что означаютъ именно теперь только-что отмѣченныя печальныя явленія. Что означаютъ? Во-первыхъ, что въ современномъ обществѣ, гдѣ все подлежитъ куплѣ и продажѣ, гдѣ принципъ конкурренціи проникаетъ всѣ отношенія, и карьера депутата можетъ стать исключительно коммерческимъ предпріятіемъ; во-вторыхъ, что измѣна политическаго дѣятеля своимъ убѣжденіямъ или, по крайней мѣрѣ, своей первоначальной программѣ предполагаетъ существованіе другихъ программъ, отвѣчающихъ другимъ интересамъ, къ которымъ прилаживается шустрый депутатъ, а, стало быть, существованіе классовой, групповой и партійной розни въ обществѣ. Какъ вы думаете, всѣ эти Рувье, Жюли Роши, Ивы Гюйо, Думэры и прочіе ренегаты, начинавшіе съ радикализма и быстро свертывавшіе на дорогу оппортунизма и реакціи, могли-ли бы они такъ легко продѣлывать эту эволюцію, если бы не надѣялись, мало того, не были увѣрены въ томъ, что они найдутъ коалиціи лицъ и интересовъ, которые примутъ ихъ съ распростертыми объятіями и наградятъ за измѣну деньгами, почетомъ и положеніемъ? Знаменательно, что типичные представители имущихъ и правящихъ классовъ, которые любятъ обличать бѣдныхъ депутатовъ, дѣлающихъ, молъ, изъ политики карьеру, въ то же самое время съ необыкновеннымъ рвеніемъ нападаютъ на предлагавшуюся нѣсколько разъ передовыми республиканцами систему точныхъ инструкцій (mandat impératif), согласно которой депутатъ, вотировавшій въ палатѣ вопреки своей программѣ, долженъ немедленно же, въ случаѣ неодобренія избирателей, выйти въ отставку. Можно прямо подумать, что буржуазія нарочно желаетъ оставить ловушку для искушенія необезпеченныхъ, но талантливыхъ депутатовъ, которые, попавъ въ палату благодаря крайнимъ программамъ, пожелали бы, однако, перейти за хорошее вознагражденіе въ лагерь сытыхъ и довольныхъ.

Но теперь является вопросъ: ну, а развѣ эти же самыя печальныя явленія не встрѣчаются при томъ режимѣ, прелести котораго намъ такъ расписываютъ философы и поэты хотя бы второй имперіи? Встрѣчаются, да еще какъ! Встрѣчаются, да еще въ такихъ размѣрахъ, которые оставляютъ далеко за собою парламентарную „порчу нравовъ“! Опять таки обратитесь къ исторіи Наполеона III-го. Люди въ эту пору довели процессъ политическаго „лакейства“ до прямого безстыдства, хотя лакействовали не передъ избирателями, загнанными въ хомутъ оффиціальнаго плебисцита, а передъ шайкой безконтрольныхъ авантюристовъ. Люди клятвопреступничали (беря примѣръ съ самого Наполеона, поклявша-

гося въ вѣрности республиканской конституціи и разгромившаго ее); люди измѣняли своимъ убѣжденіямъ; люди продавались и сами превращались въ безконтрольныхъ исполнителей безотвѣтственнаго режима, являя картину самаго чудовищнаго политическаго разврата, продажности и ренегатства... Короче сказать, всѣ возраженія противъ парламентаризма являются въ сущности возраженіями противъ классового характера общества, основаннаго на борьбѣ интересовъ; но представительный строй даже и здѣсь, въ смыслѣ искренности итоговъ такой борьбы, имѣетъ рѣшительное преимущество передъ предшествовавшими ему режимами.

Насъ ждетъ разсмотрѣніе третьей функціи парламентаризма, а именно, его назначенія служить школою болѣе высшихъ и болѣе совершенныхъ формъ коллективной дѣятельности. Уже одно указаніе на такую роль парламентаризма достаточно говоритъ, что я не принадлежу къ безусловнымъ поклонникамъ этого режима, полагающимъ, что онъ представляетъ верхъ политическаго прогресса, и что дальше его человѣчеству идти некуда. Въ настоящее время все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что въ старыхъ рамкахъ западно-европейскаго парламентаризма вырабатываются новые пріемы политическаго общенія. Въ чемъ заключается основное несовершенство парламентаризма? Въ томъ, что суммировка избирательныхъ голосовъ не можетъ всетаки въ точности выражать различные оттѣнки мнѣній, интересовъ и потребностей всего общества, равно какъ суммировка депутатскихъ голосовъ по данному вопросу точно также не можетъ дать рѣшенія, удовлетворяющаго всѣмъ отдѣльнымъ воззрѣніямъ, представленнымъ въ палатѣ. Конечно, устранить это основное несовершенство немыслимо, не устраняя классового характера самого общества, какъ читатель уже могъ видѣть отчасти на предыдущихъ страницахъ. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ свирѣпой критики, направленной противъ парламентаризма Прудономъ, доводы котораго, къ слову сказать, необыкновенно усердно крадутся современными реакціонерами, черпающими по большей части свои аргументы изъ небольшой, но интересной книжки страстнаго аналитика—полемиста *).

Но если мы, не пытаясь найти абсолютный принципъ справедливости à la Proudhon, попробуемъ остановиться на относительно удовлетворительныхъ рѣшеніяхъ вопроса о коллективномъ управленіи, то первое мѣсто при современныхъ условіяхъ должно занять такъ называемое прямое законодательство народа, кото-

---

*) P.-J. Proudhon. *Idée générale de la révolution au XIX siècle*; Парижъ, 1851, особенно стр. 109—191, составляющія четвертый этюдъ подъ заглавіемъ «Du principe de l'autorité».

рое уже болѣе полвѣка тому назадъ старались популяризировать Риттингаузэнъ и Викторъ Консидэранъ. Мнѣ нечего вдаваться здѣсь въ историческія подробности, указывать, напр., на то, что эта форма коллективнаго управленія характеризуетъ первобытныя демократіи (гдѣ право голоса принадлежитъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ и даже дѣтямъ); и что остатки ея сохранились, между прочимъ, въ наиболѣе старыхъ швейцарскихъ кантонахъ (Аппенцеллѣ, Гларусѣ, Унтервальденѣ и Ури), въ которыхъ, собственно говоря, всякій парламентарный механизмъ совершенно отсутствуетъ, такъ какъ все взрослое мужское населеніе, собираясь въ опредѣленные промежутки подъ открытымъ небомъ, издаетъ законы и избираетъ администраторовъ.

Мнѣ достаточно указать на болѣе современныя формы этого законодательства, какъ онѣ, напр., практикуются опять таки хотя бы той же Швейцаріей въ видѣ общаго народнаго вота или референдума (особенно распространеннаго въ Цюрихскомъ кантонѣ), равно какъ въ видѣ народной иниціативы, или права, даннаго извѣстному числу избирателей предлагать на утвержденіе населенія новые законы. Во Франціи, гдѣ царитъ жесточайшая централизація, завѣщанная Наполеономъ I-мъ, прямое законодательство входитъ мало-по-малу въ практику косвеннымъ и робкимъ путемъ, причемъ дряхлой шутницѣ исторіи угодно было довѣрить отчасти роль пропагандистовъ этой демократической реформы консервативнымъ политикамъ, старающимся упрочить и расширить это право для коммунальныхъ вопросовъ съ цѣлью проводить реакціонныя мѣры въ предѣлахъ попавшаго въ ихъ руки города или общины. Съ другой стороны, само правительство довольно часто прибѣгаетъ къ опросамъ всѣхъ жителей данной мѣстности относительно вреда или пользы такой или другой общественной работы, канала, желѣзной дороги, и пр. Наконецъ, въ послѣднее время между синдикатами рабочихъ все болѣе и болѣе устанавливается практика рѣшать важные корпоративные вопросы голосованіемъ всѣхъ членовъ союза. И слѣдуетъ надѣяться, что съ усложненіемъ людскихъ отношеній и возрастаніемъ связи между различными группами этотъ способъ рѣшать непосредственно различные общественные вопросы будетъ все болѣе и болѣе распространяться. Мало этого: если продолжить, такъ сказать, мысленно линіи этого процесса коллективнаго совѣщанія, то можно себѣ представить, что въ будущемъ громадное количество важныхъ, но мѣстныхъ потребностей будетъ удовлетворяться на мѣстѣ же, полюбовнымъ соглашеніемъ всѣхъ прямо заинтересованныхъ лицъ, безъ того, чтобы въ это дѣло вмѣшивалась центральная власть съ ея элементомъ принудительности и подавленіемъ меньшинства большинствомъ (или, еще того хуже, большинства меньшинствомъ).

Въ этомъ направленіи и будетъ, по всей вѣроятности, совершаться тотъ процессъ общественной жизни, благодаря которому

„управленіе людьми“ замѣнится „администраціей вещей“,—фраза Конта, ставшая популярной въ послѣднее время, но заимствованная главой позитивизма у своего первоначальнаго учителя, Сэнъ Симона *). Тутъ именно и должно разрѣшиться противорѣчіе между управляющими и управляемыми, которое въ парламентарномъ строѣ вырабатываетъ изъ депутатовъ то „лакеевъ“, то „господъ“ своихъ избирателей, т. е. большинства населенія. Идеалъ коллективной дѣятельности при этомъ, очевидно, такой, что если и предположить существованіе крупнаго центральнаго органа, то этотъ органъ будетъ управлять, крайне внимательно прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія и идя, такъ сказать, навстрѣчу къ только что намѣчающимся коллективнымъ теченіямъ, а отнюдь не дожидаясь того, чтобы избиратели силою и угрозою будущаго забаллотированія направляли представителей центральной администраціи по данному пути. Что это требованіе далеко не утопично, а начинаетъ уже кой гдѣ осуществляться въ извѣстной степени, можно видѣть хотя бы изъ умнаго и интереснаго сочиненія Джемса Брайса о сѣверо-американской республикѣ, а именно изъ тѣхъ главъ, гдѣ авторъ говоритъ объ „общественномъ мнѣніи“ и объ „управленіи, опирающемся на общественное мнѣніе“**).

Въ самомъ дѣлѣ, вещь знаменательная: авторъ рельефно подчеркиваетъ недостатки функціонированія современнаго политическаго механизма въ Америкѣ; онъ не боится сказать, что этотъ механизмъ обыкновенно попадаетъ въ руки беззастѣнчивыхъ профессіональныхъ политикановъ, и что выдающіяся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи личности стараются подальше держаться отъ политики,—развѣ ужъ безсовѣстное хозяйничаніе политическихъ котерій (ring) и ихъ предводителей (boss) заставляетъ ихъ временно вмѣшиваться въ борьбу партій, чтобы положить, опять таки временно, конецъ черезчуръ зазнавшимся политиканамъ. Но тотъ же самый авторъ мастерски выясняетъ тотъ процессъ, благодаря которому, вопреки плохому функціонированію политическаго механизма и несмотря на низкій уровень профессіональнаго персонала, лично заинтересованнаго въ политикѣ, американская республика все болѣе и болѣе приближается къ идеальному строю коллективной дѣятельности и общественнаго управленія. Этотъ строй, говоритъ Брайсъ, будетъ вполнѣ

достигнутъ, когда воля большинства гражданъ станетъ выражаться во всякое время, даже и не проходя черезъ представительное собраніе и даже,

---

*) См., между прочимъ, особенно яркую мысль о противоположности между «административной промышленной властью» и «военной феодальной властью» въ «Катехизисѣ промышленниковъ» (*Catéchisme des industriels*, стр. 97—98 третьяго тома уже цитированнаго мною выше изданія сочиненій Сэнъ-Симона). Ср. стр. 136—138 въ только что упомянутой книгѣ Прудона.

**) James Bryce, *The American Commonwealth*; стр. 239—364 второго тома 2-го изд. Нью-Іоркъ—Лондонъ, 1889 (часть IV, «Public Opinion).

можетъ быть, вовсе не нуждаясь для своего выраженія въ механизмѣ голосованія. При такомъ положеніи вещей господство общественнаго мнѣнія сдѣлается полнѣе, сдѣлавшись непрерывнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ европейскихъ странахъ, каковы, напр., Франція, Италія, Англія, которыя смотрятъ на парламентъ, какъ на выразителя чувствъ націи. Власть будетъ тогда все время пребывать въ массѣ гражданъ. Народное правленіе зайдетъ тогда такъ далеко, что сможетъ обойтись безъ тѣхъ легальныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ большинство на выборахъ для выраженія своей воли,—совсѣмъ обойтись или, по крайней мѣрѣ, забѣжать впередъ. И этотъ лишенный формальностей, но прямой контроль массъ уменьшитъ,—если не совсѣмъ устранитъ,—важность упомянутыхъ формальныхъ, но пріуроченныхъ къ частнымъ обстоятельствамъ (occasional) проявленій мнѣнія, которыя выражаются при выборѣ представителей. Къ такому положенію дѣлъ подходила бы всего лучше фраза «господство общественнаго мнѣнія», ибо тогда общественное мнѣніе не только царствовало бы, но и управляло *).

Но пока Америка достигнетъ такого строя, въ ней и въ настоящее время всякая сильная волна народныхъ стремленій и потребностей имѣетъ значительный шансъ быть принятой во вниманіе органами общественнаго мнѣнія—печатью, клубами и различными ассоціаціями—и, стало быть, повліять, и помимо механизма голосованія, на направленіе общественной политики. Очень частое повтореніе всевозможныхъ выборовъ пріучило американцевъ къ коллективному и энергичному выраженію воли. Я нарочно остановился на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ сочиненія Брайса, чтобы показать читателю, въ какую сторону пойдетъ дальнѣйшее развитіе парламентаризма...

Нечего удивляться сравнительно слабому развитію во французскомъ населеніи вкусовъ къ непрерывной и цѣлесообразной политической дѣятельности: чуткость, политическій аффектъ и общественный энтузіазмъ ставятъ французовъ на первое мѣсто въ ряду историческихъ народовъ, но не могутъ замѣнить настоящее политическое воспитаніе; французъ до сихъ поръ остается воиномъ идеи, героемъ исключительныхъ обстоятельствъ, а на мирномъ положеніи скучаетъ, опускаетъ руки или начинаетъ забавляться вещами, порою, право, недостойными взрослаго и серьезнаго человѣка!..

---

*) L. c., II, стр. 250—251.

Эволюція политическихъ партій во Франціи.

(*Письмо двадцать первое*).

Идейное движеніе послѣднихъ лѣтъ настолько перетасовало существовавшія политическія партіи, вызвало къ жизни столь новое распредѣленіе враговъ и союзниковъ—и, говоря вообще, въ такой степени усложнило борьбу партій, что я чувствую потребность изучить основныя теченія этого мятущагося политическаго моря, въ которомъ волны прогресса поминутно перекрещиваются съ волнами реакціи, то вызывая приливъ демократическихъ стремленій, то идя на убыль, то снова съ удвоенною силою бросаясь на приступъ вѣковыхъ громадъ невѣжества, гнета и эксплуатаціи. Можно смѣло сказать, воскресни кто-нибудь изъ политическихъ дѣятелей, умершихъ всего пять лѣтъ тому назадъ, и явись среди шума и сутолки борющихся нынѣ *) партій, онъ былъ бы крайне затрудненъ, къ какой группѣ пристать, если бы сталъ присматриваться къ знаменамъ, за которыми идутъ сражающіеся, и къ самимъ знаменоносцамъ.

Дрюмонъ и Рошфоръ, обнимающіеся на банкетѣ клерикаловъ и милитаристовъ; Вальдэкъ-Руссо и Милльранъ, работающіе вмѣстѣ въ кабинетѣ „республиканской защиты"; Гэдъ и Вальянъ, упрекающіе Жорэса въ измѣнѣ интересамъ пролетаріата; монархисты и злѣйшіе реакціонеры, перерядившіеся въ друзей республики; радикалы и „непримиримые", чуть не расколачивающіе кадильницами носа у тѣхъ самыхъ идоловъ мрака, которыхъ еще такъ недавно они таскали ежедневно въ грязи; палата, которую лишь тридцать—сорокъ голосовъ спасаютъ порою отъ паденія въ реакціонное болото; сенатъ, который въ эти экстренныя минуты является опорою демократіи;

Глупость, корчащая умъ,
Въ колпакѣ дурацкомъ мудрость;—

все это не представляетъ-ли на первый взглядъ самой странной, самой неожиданной картины?

И, однако, у этого политическаго маскарада, у этого водевиля съ переодѣваніями есть своя логика, которая смѣется надъ старыми этикетками, ярлыками, знаменами, лозунгами, партіями, вливая новое содержаніе въ отжившія формы. Бѣда лишь въ томъ, что большинство націи держится еще наивной вѣры во внѣшнюю оболочку и предается самому грубому фетишизму передъ традиціонными словами и формулами. Я ставлю себѣ въ настоящей

*) Писано въ августѣ 1900 г.

статьѣ задачу опредѣлить эволюцію и современный характеръ различныхъ политическихъ партій, сдѣлавшихъ изъ Франціи арену ожесточенной и любопытной борьбы.

Было бы излишне еще и еще напоминать читателю, какимъ образомъ знаменитое „дѣло“ ускорило и обострило нравственный и политическій кризисъ Франціи. За то крайне поучительно прослѣдить превращеніе за послѣдніе годы различныхъ партій, такъ какъ въ нихъ выразилась, преломилась и окрасилась та борьба прогресса и реакціи, которая лишь облеклась драматическими покровами „дѣла“. Я попробую перебрать одну за другой наиболѣе важныя партіи именно съ точки зрѣнія этой трансформаціи. И принимаясь за эту задачу, я начинаю съ партіи умѣренно-республиканской или, какъ было въ модѣ не такъ давно называть ее, оппортунистской, ибо она была сравнительно наиболѣе сильной политической группировкой третьей республики, а потому и общая равнодѣйствующая наиболѣе приближается къ ея направленію. Я уже нѣсколько разъ по тому или другому поводу касался ея предшествовавшей исторіи и снова не буду повторять этого. Но ея новѣйшая исторія является лишь естественнымъ развитіемъ тѣхъ началъ, которыя были положены, можно сказать, еще въ ея колыбель, при самомъ рожденіи ея, феей политической эволюціи. Когда Мелинъ, наприм., и его клика клянутся въ своей вѣрности и любви къ республикѣ, въ своей ненависти къ цезаризму, а въ то же время утопаютъ въ идолопоклонствѣ передъ арміей, поощряютъ своими комплиментами мятежныхъ генераловъ и набрасываются на правительство всякій разъ, какъ только оно вынуждено принять самую робкую мѣру противъ иниціаторовъ военнаго coup d'Etat, когда на вашихъ глазахъ разыгривается это печальное, это постыдное зрѣлище,—не думайте, что такая тактика представляетъ отклоненіе отъ обычной политики умѣренныхъ республиканцевъ. Увы! самъ Гамбетта, самъ глава оппортунистовъ порою залеталъ на крыльяхъ своего южнаго краснорѣчія въ такія эмпиреи преклоненія передъ арміей, что его уснащеныя реваншемъ рѣчи не только вызывали въ самой Франціи рѣзкую критику со стороны тогдашнихъ крайнихъ партій, но и за предѣлами страны возбуждали серьезныя опасенія. Не одинъ разъ приходилось ему оправдываться въ милитаристскихъ тенденціяхъ, какъ то онъ былъ вынужденъ сдѣлать въ своей шербургской рѣчи (осенью 1879 г.):

Нѣсколько разъ было сказано противъ насъ (здѣсь «мы» — ораторское, Н. К.), что мы питаемъ страстный культъ арміи, арміи, которая въ настоящее время группируетъ всѣ національныя силы, которая вербуется теперь уже не между тѣми, чье ремесло было служить солдатомъ, а среди самой чистой крови страны; насъ упрекаютъ въ томъ, что мы посвящаемъ слиш-

комъ много времени изученію успѣховъ военнаго искусства, которое охраняетъ отечество отъ опасности... Но этотъ культъ поддерживается и диктуется не воинственнымъ духомъ, а необходимостью поднять Францію, которую мы видѣли столь низко павшею для того, чтобы она снова заняла свое мѣсто въ мірѣ... *).

И знаменательно, что именно эта рѣчь, разсчитанная якобы на успокоеніе мирныхъ общественныхъ слоевъ, обезпокоенныхъ громомъ трубъ и литавровъ патріотическаго краснорѣчія, возбудила наиболѣе сильную агитацію въ странѣ противъ Гамбетты и его „культа“: и друзья, и враги „трибуна“ почувствовали, что если бывшій радикалъ счелъ нужнымъ оправдываться, объяснять эту любовь къ арміи, то, значитъ, новый идолъ, дѣйствительно, занималъ исключительное мѣсто въ міровоззрѣніи Гамбетты.

Какъ бы то ни было, вы можете видѣть, что пріемы умѣренныхъ республиканцевъ не представляютъ совершенно новаго изобрѣтенія, а идутъ еще отъ героическихъ временъ оппортунизма. И если васъ коробитъ то равнодушіе, тотъ цинизмъ, съ которымъ Мелинъ и К°, находясь у власти, замѣщаютъ самыя важныя должности въ арміи заядлыми врагами республики, а стоя въ оппозиціи, съ азартомъ защищаютъ ихъ происки и прямой походъ противъ конституціи, то и этому опять таки вы найдете печальные прецеденты въ дѣятельности Гамбетты. Вспомните, что чуть-ли не первымъ актомъ его пресловутаго „великаго министерства“ было назначеніе такого реакціонера, какъ Мирибель, начальникомъ генеральнаго штаба и такого отчаяннаго бонапартиста, какъ маршалъ Канроберъ, игравшій столь видную роль въ переворотѣ 2-го декабря, членомъ верховнаго военнаго совѣта. А когда, возмущенные такой странной тактикой, крайніе республиканцы пытались возбудить агитацію въ странѣ противъ заигрыванья съ врагами свободнаго режима, гамбеттисты отвѣчали, что ихъ противники ровно ничего не понимаютъ въ высшей практической политикѣ; и что дѣло, молъ, вовсе не въ республиканскихъ убѣжденіяхъ генераловъ, а въ ихъ профессіональныхъ талантахъ...

Оппортунисты уже успѣли, какъ видно, забыть примѣръ Базэна, которому эти спеціальные „таланты“ не помѣшали измѣнить Франціи; и чуть-ли даже не воображали, что у военныхъ демократическія убѣжденія противорѣчатъ знанію ремесла. Политика прикармливанія „присоединившихся“ впервые выливалась въ опредѣленную систему, ибо, какъ говорилъ въ 1886 г. Жозефъ Рэйнакъ,

Гамбетта думалъ, что, разъ республика основана, она должна перестать

*) *Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta*; Парижъ, 1895 (первое изданіе вышло въ 1886 г.), стр. LVII предисловія Жозефа Рэйнака, который, кстати сказать, испыталъ на своей шкурѣ въ послѣдніе два года, что значитъ развивать въ націи шовинистскіе инстинкты.

быть маленькою часовнею, открытою лишь для прежнихъ вѣрующихъ; должна сдѣлаться обширнымъ зданіемъ, открытымъ всѣмъ французамъ, которые присоединятся къ ея учрежденіямъ, и куда были бы допущены всѣ тѣ и гражданскія, и военныя лица, которыя могутъ съ пользою служить при республиканскихъ министрахъ *).

Въ послѣдніе годы эта, какъ видимъ, уже не молодая программа „мудрыхъ" республиканцевъ получила лишь свое окончательное завершеніе: управлять при помощи консерваторовъ и реакціонеровъ, получающихъ въ награду за формальное исповѣданіе республиканскаго катехизиса теплыя мѣстечки, всевозможныя выгоды, почетъ и положеніе; предавать анаѳемѣ и исключать изъ великой республиканской семьи лѣвое крыло ея, искреннихъ демократовъ и соціалистовъ; создавать кабинеты исключительно изъ людей, занятыхъ преслѣдованіемъ чисто практическихъ, будничныхъ цѣлей самосохраненія и презирающихъ какіе бы то ни было принципы—такова тактика партіи, которая сдѣлалась особенно яркимъ выраженіемъ безъидейнаго оппортунизма съ того времени, какъ самая кличка стала выходить изъ употребленія. У прежнихъ оппортунистовъ былъ еще извѣстный стыдъ, извѣстное желаніе драпироваться въ громкія слова и общія фразы, потребность прикрывать свои низменные аппетиты программами. У современныхъ оппортунистовъ весь идейный багажъ свелся къ изобрѣтенію названія „прогрессистовъ" для самихъ себя и „присоединившихся" къ нимъ представителей правой, къ неумѣренно-частому произнесенію слова „отечество" и къ заигрыванію съ націонализмомъ, мутными волнами котораго они охотно пользуются для того, чтобы провести удобнѣе свои нагруженные жирными кусками общественнаго пирога корабли въ тихую пристань безпечальнаго пользованія награбленнымъ. Порою съ устъ новаго поколѣнія оппортунистовъ срываются такія многознаменательныя слова, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что у современной клики „умѣренныхъ и мудрыхъ" республиканцевъ не только нѣтъ ничего, кромѣ вождѣленій и аппетитовъ, но даже и стыда признаться въ этомъ,—да что я говорю „признаться": возвести эту философію брюха на степень догмата...

Васъ удивляетъ, напр., что бывшій министръ колоній, Андрэ Лебонъ, могъ истязать двойною цѣпью Дрейфуса, въ невинности котораго онъ самъ былъ убѣжденъ, но мучить котораго онъ считалъ своимъ долгомъ, чтобы избѣжать лая и укусовъ антисемитствующей прессы. Не удивляйтесь, дорогой читатель: разверните разъ уже цитированную мною исторію „ста лѣтъ внутренней политики" упомянутаго государственнаго мужа, и вы прочитаете въ заключительныхъ строкахъ этого въ извѣстномъ смыслѣ очень

*) Ibid., стр. LXVI — LXVII, гдѣ біографъ Гамбетты предвосхищаетъ даже самый терминъ «присоединившіеся».

[illegible] „Франція пріучается [illegible] искусство [illegible]“

[illegible] современной [illegible] жалкое [illegible] для „приятія“ [illegible] клика [illegible] Не [illegible] на путь исторіи, [illegible] Рошфоръ [illegible] генераломъ Мерсье? [illegible] мѣщанскому [illegible] когда [illegible] смыслъ [illegible] лучшаго, какъ [illegible] портретъ и [illegible] страны?

Или вспомните [illegible] „прогрессистовъ“, знаменитаго Жюля Мелина,—[illegible] клузника (Robin Mélinite), какъ называетъ его Анатоль Франсъ въ своемъ безподобномъ и очень прозрачномъ [illegible] обличеніемъ въ форму языка Рабле и Брантома *). [illegible] читателей удивитъ, пожалуй, [illegible] роль, которую [illegible] государственный человѣкъ играетъ за послѣднее [illegible] у власти, такъ и среди оппозиціи. Ахъ, читатель, вспомните по другому поводу страстную и энергичную фразу автора „Капитала“, который, констатируя низкій уровень буржуазной науки, замѣчаетъ, что на этой безнадежной, монотонной равнинѣ маленькіе бугры принимаютъ размѣры Монблана. Фатальное развитіе, т. е., въ сущности говоря, неудержимое паденіе умѣреннаго республиканскаго большинства вызвало къ жизни армію такихъ „безконечно малыхъ“ существъ, питающихся продуктами разложенія, что Мелинъ, бывшій во время оно микроскопическимъ „подсекретаремъ“ министерства внутреннихъ дѣлъ при Марсерѣ (въ началѣ 1879 г.), крошечнымъ и идилличнымъ министромъ земледѣлія въ кабинетѣ Ферри (1883—1885 г.), безцвѣтнымъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ (1888—1889 г.), превратился теперь въ настоящаго мастодонта реакціи, вокругъ котораго группируются, ютятся и за которымъ идутъ въ аттаку противъ демократіи „всѣ мелкіе звѣрушки современнаго оппортунизма“.

Мелина выдвинули самые низменные, самые грубые интересы большинства, которое нуждалось не въ дальновидномъ государственномъ дѣятелѣ и даже не въ искусномъ парламентарномъ вожакѣ, а именно въ клузникѣ и крючкотворѣ, жалкое безцвѣтное слово котораго представляетъ собою минимумъ членораздѣль-

*) См. № «Фигаро» отъ 28 іюня 1900 г.

ной рѣчи, нужной для защиты нечленораздѣльнаго урчанія утробы.

Творецъ пресловутаго ордена „земледѣльческой заслуги",— или „ордена Порея", какъ непочтительно называютъ его французы за зеленый цвѣтъ ленточки,—Мелинъ выросъ съ тѣхъ поръ, какъ въ качествѣ докладчика тарифной коммиссіи успѣлъ внести въ новое таможенное законодательство (11-го января 1892 г.) охранительныя и почти запретительныя пошлины на цѣлую массу продуктовъ и товаровъ въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ *). Его окончательное помазаніе въ великаго человѣка, въ верховнаго вождя консерваторовъ (независимо отъ республиканскихъ, монархическихъ и т. п. ярлыковъ) произошло въ теченіе его послѣдняго двухлѣтняго министерства (1896—1898 г.), когда политическими судьбами государства управляли въ самой грубой формѣ представители крупнаго капитала, и когда отъ республики осталось лишь одно имя.

Теперь партія Мелина старается всяческими правдами и не правдами выдвинуть своего адвоката или, вѣрнѣе, судебнаго пристава на первый планъ и снова поставить его у власти; а самъ лукавый и неутомимый кляузникъ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы заключать прямые или косвенные союзы съ реакціонными силами, ведя партію „мудрыхъ и умѣренныхъ" по пути дальнѣйшаго разложенія. Вспомните только его неоднократныя заявленія въ любви къ высшему военному начальству, которое онъ всячески старается расположить въ свою пользу, хотя и завѣряетъ всѣхъ и каждаго въ своемъ глубочайшемъ республиканствѣ. Вспомните его кокетничанье съ націонализмомъ, къ мимолетной критикѣ котораго онъ присоединяетъ длиннѣйшія объясненія, почему это движеніе должно необходимо развиться во Франціи, управляемой людьми, не представляющими, молъ, достаточной гарантіи „для истинныхъ патріотовъ". Недаромъ Деруледъ, перепуганный въ своемъ изгнаніи этой коварной коммерческой конкурренціей торговой фирмы Мелина и К°, счелъ долгомъ заявить, что товаръ „истиннаго патріотизма" продается только въ его политической лавочкѣ; и что всѣ прочіе продукты, носящіе это клеймо, должны почитаться безсовѣстными фальсификаціями и поддѣлками подъ его, настоящій деруледовскій, патріотизмъ.

По другому вопросу, борьбѣ съ политическимъ клерикализмомъ, партія современныхъ оппортунистовъ точно такъ же про-

*) Обращаю вниманіе читателей на восторженный гимнъ протекціонизму, гимнъ, пропѣтый г. Мелиномъ на только-что закончившемся шестомъ международномъ конгрессѣ земледѣлія. См. № 1755 (отъ 7 іюля 1900 г.) «Le Journal de l'agriculture», стр. 12—14.

[illegible] и [illegible] по пути разложенія и лицемѣрія, первые симптомы которыхъ [illegible] еще въ временамъ Гамбетты. Дѣйствительно, еще Гамбетта [illegible] свою возбуждающую такія страсти рѣчь въ палатѣ 4-го мая 1877 г. словами стараго республиканца Альфонса Пейра: „клерикализмъ — вотъ вашъ врагъ“, *) но въ той же самой рѣчи онъ защищалъ конкордатъ, въ силу котораго [illegible] и по настоящее время Франція, и [illegible] противъ отдѣленія церкви отъ государства во имя „нравственнаго и общественнаго состоянія страны“ **). Гамбеттѣ же принадлежитъ [illegible] фраза: „антиклерикализмъ не представляетъ собой предмета вывоза“: и эта тактика пустила такіе корни, что, напр., въ настоящее время рѣзня въ Китаѣ вызвана не только матеріальными аппетитами капиталистовъ, но и жаждою духовной власти іезуитовъ и другихъ миссіонеровъ, пользующихся внѣ предѣловъ Франціи покровительствомъ того самаго правительства, которое внутри страны вынуждено бороться противъ клерикаловъ.

За то путь разложенія, пройденный оппортунистской партіей со времени Гамбетты, отмѣченъ самими яркими вѣхами въ области образовательной политики, которая приняла среди умѣренныхъ рѣзко реакціонный характеръ въ послѣднее время. Вспомните, съ какой энергіей республиканскіе депутаты, группировавшіеся вокругъ Ферри, боролись противъ притязаній католическаго духовенства на умъ и чувство подростающихъ поколѣній. Не характерно-ли для настроенія тогдашнихъ умѣренныхъ, что знаменитая статья 7-я законопроекта Ферри, воспрещавшая преподаваніе членамъ не разрѣшенныхъ религіозныхъ обществъ, нашла въ палатѣ 347 защитниковъ противъ всего 143 противниковъ (голосованіе 9-го іюля 1879 г.), и что правительству пришлось перенести борьбу на почву простыхъ декретовъ лишь потому, что сенатъ отбросилъ прошедшій въ палатѣ параграфъ (мартъ, 1880 г.)? А теперь взгляните на ученые маневры и всевозможныя эволюціи умѣренныхъ по поводу внесенныхъ въ палату предложеній (Рабье, Левро, самого правительства „республиканской защиты“ и т. п.), воспроизводящихъ съ нѣкоторыми измѣненіями законопроекты Ферри. Вчитайтесь въ смыслъ доклада, представленнаго по этому поводу коммиссіи образованія почтеннымъ г. Энаромъ (Aynard), богатѣйшимъ ліонскимъ банкиромъ, сидящимъ на скамьяхъ центра, а порою на вице-президентскомъ креслѣ палаты: вы увидите, какъ подъ покровомъ „свободы отца семейства“, „религіознаго мира“ и т. п. стереотипныхъ фразъ, столь любезныхъ сердцу мелинистовъ, продолжатели оппортунистской политики стараются ввести въ современную жизнь принципы

*) *Discours, etc.* стр. 237.
**) Ibid., стр. 281.

клерикализма, въ которомъ умѣренные видятъ теперь своего лучшаго союзника въ борьбѣ съ трудящимися массами, неудержимо стремящимися къ свѣту свободы, истины и счастья. Прислушайтесь къ вздохамъ Энара, рисующаго страшную картину

могущественной массонской ассоціаціи, которая не всегда становилась въ такую воинствующую позицію, а теперь явно преслѣдуетъ разрушеніе католической религіи и устраненіе отъ общественныхъ должностей всякаго, кто только исповѣдуетъ ее *).

Прислушайтесь къ витіеватымъ періодамъ банкира, отдѣлывающаго правительственный законопроектъ (о трехлѣтнемъ обученіи въ государственныхъ школахъ всѣхъ, готовящихся къ карьерѣ чиновника) и называющаго этотъ проектъ

жалкою выдумкою сектантскаго духа, которая можетъ привести лишь къ національному разъединенію **),—

и вы отдадите себѣ отчетъ, какъ далеко подвинулась по пути реакціи партія умѣренныхъ.

Нѣсколько сложнѣе и въ извѣстномъ смыслѣ любопытнѣе ея эволюція по соціальнымъ вопросамъ. Въ этой области замѣчается, съ одной стороны и у однихъ представителей, старинное чисто буржуазное непониманіе соціальной программы, непониманіе, которое такъ сильно поражаетъ еще у Гамбетты; съ другой и у другихъ представителей—попытка сдѣлать кой-какія уступки назрѣвающимъ грознымъ вопросамъ современности, но завернуть вмѣстѣ съ тѣмъ эти попытки въ неимовѣрно-филистерскую и плоскую теорію незыблемости „основныхъ законовъ человѣческаго общества“. Что касается Гамбетты, я приведу цѣликомъ то мѣсто изъ его гаврской рѣчи (18-го апрѣля 1872), которое вызвало въ свое время такіе толки и которое было вскорѣ перечеканено въ совершенно вѣрно передающую если не букву, то смыслъ его фразу: „нѣтъ соціальнаго вопроса, есть лишь соціальные вопросы“:

...Будемъ стоять на сторожѣ противъ утопій тѣхъ людей, которые, будучи одурачены своимъ воображеніемъ или коснѣя въ своемъ невѣжествѣ, вѣрятъ въ панацею, въ формулу, которую стоитъ только найти, чтобы осчастливить весь свѣтъ. Вѣрьте, что нѣтъ соціальнаго лѣкарства, потому что нѣтъ соціальнаго вопроса. Есть лишь рядъ задачъ для разрѣшенія, трудностей для побѣжденія, измѣняющихся вмѣстѣ съ мѣстомъ, климатомъ, привычками, санитарнымъ состояніемъ; есть экономическія задачи, измѣняющіяся даже внутри одной и той же страны. И эти задачи должны быть разрѣшены одна за другой, а не при помощи единой формулы. Только трудомъ, изученіемъ, ассоціа-

*) См. вышедшіе отдѣльною книжкою доклады Энара съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ засѣданій палаты: Ed. Aynard, *La liberté de l'enseignement devant la Chambre*; Парижъ, 1900, стр. 5—6.

**) Ibid., стр. 99.

ціей, постоянными усиліями правительства, состоящаго изъ честныхъ людей, народы подвигаются къ освобожденію. Нѣтъ, повторяю, соціальной панацеи; каждый день предстоитъ сдѣлать новый шагъ, но не существуетъ непосредственнаго окончательнаго и полнаго рѣшенія *).

Этотъ по истинѣ монументальный наборъ фразъ характеризуетъ узко политическій радикализмъ даже молодого Гамбетты, второстепенный, чисто практическій умъ котораго, хотя и окрыленный бурнымъ, за то изрядно банальнымъ краснорѣчіемъ, никогда не могъ высоко подняться надъ горизонтомъ буржуазной мысли и буржуазныхъ предразсудковъ. „Пламенный трибунъ“ и не чувствовалъ того трепетанія могучей новой жизни, которое пробѣгало по всѣмъ внутренностямъ стараго міра, возвѣщая рожденіе не пресловутыхъ „новыхъ общественныхъ слоевъ“, кумомъ и пророкомъ которыхъ былъ Гамбетта, но цѣлаго новаго строя, вырисовывающагося теперь въ общихъ контурахъ уже на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра. Зарево, дымъ и послѣднія конвульсіи недавно подавленнаго въ то время движенія 18-го марта 1871 г. могли лишь затруднять для Гамбетты пониманіе крупнѣйшихъ измѣненій, обозначавшихся въ области труда. Но когда, спустя цѣлую четверть вѣка, политикъ и соціологъ для изящныхъ дамъ,—я назвалъ мосье Поля Дешанэля,—считаетъ долгомъ издать сборникъ своихъ рѣчей и статей подъ многообѣщающимъ заглавіемъ „Соціальный вопросъ“ и на первой же страницѣ предисловія,—можно сказать, на фронтонѣ этого зданія буржуазнаго недомыслія,—проставляетъ слѣдующія строки:

Когда мы употребляемъ выраженіе «соціальный вопросъ», то это вовсе не значитъ—надо ли говорить о томъ!—что, по нашему мнѣнію, всѣ задачи этого рода могутъ быть сведены къ одной формулѣ и къ единственному рѣшенію **),—

тогда, дѣйствительно, приходится спросить, да неужели-же все теченіе современной цивилизаціи, всѣ усилія человѣчества, вырабатывающаго новый порядокъ вещей, прошли безслѣдно для представителей мѣщанскаго міровоззрѣнія, и для нихъ попрежнему „нѣтъ соціальнаго вопроса, а есть лишь соціальные вопросы“? И, однако, по отношенію къ Дешанэлю можно еще, пожалуй, замѣтить, что у него въ этомъ общемъ непониманіи жизнь пробила кой-какія незначительныя бреши. Правовѣрные экономисты манчестерской школы считаютъ своего фразистаго собрата уже до нѣкоторой степени неосторожнымъ еретикомъ, который осмѣливается произнести по адресу „старой школы laissez-faire laissez-passer“, что она „отжила свой вѣкъ“, и въ отвѣтъ на это получаетъ изъ устъ уже знакомаго намъ богатаго банкира Энара не-

*) *Discours* etc., стр. XX предисловія.
**) Paul Deschanel, *La question sociale*; Парижъ, 1898, стр. I.

медленную реплику: „вовсе нѣтъ“ *); и который рѣшается говорить о томъ, что

надо примирить индивидуализмъ и альтруизмъ, комбинировать частныя силы—личность, ассоціацію, кооперацію—съ силами общественными—общиной, департаментомъ, государствомъ **).

Но не забывайте, что въ области экономическихъ вопросовъ Дешанэль представляетъ собою максимумъ вольнодумства, до котораго можетъ дойти умѣренно-либеральный буржуа; тогда какъ оппортунистская партія въ цѣломъ повторяетъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, тѣ же самыя слова, что твердили ихъ отцы и дѣды подъ руководствомъ блаженной памяти Сэя, Бастіа и Воловскаго. Конечно, практическіе интересы заставляли ихъ въ послѣднее время класть неоднократно подъ зеленое сукно „вѣчные законы“ капиталистическаго строя, когда то было выгодно ихъ кошельку. Затрудненіе въ сбытѣ продуктовъ, вызвавшее во всѣхъ странахъ усиленную политику національнаго покровительства, опрокинуло, напр., словно карточный домикъ, догматъ свободной торговли; и вамъ кажется, будто прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ авторъ „Экономическихъ гармоній“ обзывалъ протекціонизмъ соціализмомъ и полушутливо, полусерьезно возводилъ контрабандиста въ рангъ „благодѣтелей человѣчества“. Это, конечно, нисколько не мѣшало умѣренно-либеральнымъ буржуа, усердно покровительствуя себѣ, кричать о нарушеніи дивнаго порядка мѣщанскаго мірозданія всякій разъ, какъ только рѣчь заходила о малѣйшемъ актѣ покровительства трудящимся.

Вспомните только, какъ опоздала Франція по вопросу о фабричномъ законодательствѣ, первыя существенныя основанія котораго—ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда—были положены лишь закономъ 2-го ноября 1892 г., и съ какими усиліями, словно щипцами, приходилось вырывать эти законодательныя мѣры у парламентскаго большинства третьей республики. Въ послѣдніе же годы партіи умѣренныхъ пришлось пойти—подъ давленіемъ условій и усиливающагося значенія четвертаго класса—и на дальнѣйшія уступки; пришлось, напр., такъ или иначе отзываться на вопросы о страхованіи рабочихъ и организаціи кассъ больнымъ и престарѣлымъ, о расширеніи правъ синдикатовъ, объ ограниченіи труда взрослыхъ и т. п. Но всѣ эти мѣры или до сихъ поръ еще находятся въ періодѣ нескончаемаго обсужденія и выработки, или же являются поводомъ для „прогрессистовъ“, ссылаясь на свою отеческую заботливость о рабочихъ, тѣмъ съ большею не-

*) См. рѣчь Дешанэля 16-го ноября 1892; Ibid., стр. 9.

**) См. «письмо» его же, служащее предисловіемъ къ уже цитированной мною однажды книгѣ Гюрэ: Jules Huret, *Enquete sur la question Sociale en Europe*, стр. XXI.

навистью нападать на представителей этого класса въ странѣ и парламентѣ.

Не забудьте, что Мелинъ въ послѣдніе годы неоднократно провозглашалъ, что соціалисты не могутъ считаться республиканцами, и что опасность теперь не направо, а налѣво. Онъ часто въ борьбѣ съ радикалами упрекалъ ихъ въ томъ, что они являются „фурьерами соціализма", приготовляющими, молъ, ему дорогу для дальнѣйшаго безпрепятственнаго развитія и распространенія въ странѣ. Находясь пока не у дѣлъ, умѣренные слились въ оппозиціонной дѣятельности въ одно неразрывное цѣлое съ правой, направляютъ свои безпрестанныя аттаки противъ министерства на почвѣ милитаристскихъ и клерикальныхъ притязаній и поджидаютъ, между прочимъ, кабинетъ „республиканской защиты" на вопросѣ о подоходномъ налогѣ, противъ котораго они успѣли четыре года тому назадъ вооружить значительную часть имущихъ и сломать шею радикальному министерству Буржуа. Изъ недавнихъ словъ Мелина о трудности для „благонамѣренныхъ" элементовъ страны вести отнынѣ мудрую республиканскую политику, послѣ теперешняго участія соціалиста въ правительственной дѣятельности—изъ этихъ словъ уже можно заключить, что если мелинисты восторжествуютъ, то ихъ выступленіе будетъ сигналомъ отчаянной реакціи, которая постарается, опираясь на правую, заигрывая съ націоналистами и клерикалами, подавить идейное пробужденіе Франціи, обнаружившееся за послѣдніе два года.

Приступая къ изображенію трансформаціи, постигшей радикальную партію, я не могу освободиться отъ невольной меланхоліи, когда начинаю вспоминать, какая масса усилій, таланта, политическаго искусства, ума, краснорѣчія была истрачена за послѣднюю четверть вѣка французскимъ радикализмомъ въ лицѣ его выдающихся представителей, многіе изъ которыхъ были затравлены врагами въ борьбѣ за осуществленіе своихъ идеаловъ. Можно смѣло сказать, что ни одна французская политическая партія не понесла сравнительно такихъ тяжелыхъ жертвъ, какъ радикальная.

И это не простая случайность. Міровоззрѣніе французскихъ радикаловъ представляетъ собою крайнее усиліе буржуазной мысли преобразовать по возможности кореннымъ образомъ современный строй, но не касаясь въ то же время его основныхъ устоевъ, частной собственности, свободной конкурренціи, вообще системы индивидуальнаго хозяйства. Не мудрено, что, преслѣдуя эту утопическую задачу устранить всѣ недостатки, всѣ „злоупотребленія" капиталистическаго строя, оставляя въ силѣ глубокіе корни, прорѣзывающіе всю толщу современной экономической формаціи, радикализмъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, потерпѣть фіаско. Ибо въ сущности его соціальная программа сводится не столько

къ политической, сколько къ моральной пропагандѣ: обращаться къ лицамъ, живущимъ и дѣйствующимъ въ сферѣ экономической борьбы, съ просьбою, приглашеніемъ, требованіемъ, не покидая почвы этой горячей борьбы, добровольно выпустить изъ рукъ то самое оружіе безграничнаго личнаго соперничества, которое даетъ преимущество, въ современной войнѣ всѣхъ противъ каждаго, сильнымъ надъ слабыми, имущимъ надъ неимущими, сытымъ надъ голодными. Борись экономически, но будь безусловно честенъ; накопляй, но лишь нравственными—а не только законными—средствами; употребляй капиталъ, но не злоупотребляй имъ, вопреки знаменитой формулѣ, опредѣляющей частную собственность именно какъ безусловное право, не различающее между хорошими и дурными способами употребленія, jus utendi et abutendi,—очевидно, эта программа предполагаетъ въ людяхъ запасъ такого крайняго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко непослѣдовательнаго идеализма, какой можетъ существовать лишь у очень незначительнаго меньшинства.

Мы знаемъ, дѣйствительно, какое пораженіе потерпѣла моральная проповѣдь, исходившая отъ различныхъ религіозныхъ сектъ, стремившихся къ безконечному совершенствованію человѣка; а, вѣдь, эти секты грозили людямъ несказанными муками и поощряли неизреченнымъ блаженствомъ въ вѣчности. Что же въ состояніи сдѣлать сторонникъ радикальнаго міровоззрѣнія, который въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ пугать своихъ адептовъ угрызеніями совѣсти—это по части страданія—и прельщать ихъ перспективою сознанія исполненнаго долга—это по части наслажденія? Словомъ, если можно кого называть идеологами, такъ это въ особенности радикаловъ. Не понимая важности основного измѣненія соціально-экономическаго порядка вещей, они переносятъ центръ тяжести въ чистую политику и здѣсь громоздятъ болѣе или менѣе систематическія зданія абстрактныхъ формулъ, „справедливыхъ законовъ“ и „совершенныхъ конституцій“, при помощи которыхъ надѣются разрѣшить всѣ жгучіе вопросы современности *). А въ подкрѣпленіе этого хитраго политическаго механизма и какъ бы высшей инстанціей для разрѣшенія соціальныхъ противорѣчій ставятъ уже упомянутое морализированіе человѣка и обращенную на это политическо-нравственную проповѣдь.

Вотъ почему извѣстные успѣхи французскаго радикализма въ первой половинѣ 80-хъ годовъ—періодѣ его героической, не лишенной величія и блеска исторіи—объясняются въ значительной степени недоразумѣніями, распространенными въ массахъ относительно настоящаго смысла радикальной программы. Не забудемъ,

*) См. пристрастную, но мѣстами довольно вѣрную характеристику-критику Пелльтана въ умѣренно-либеральномъ журналѣ: J. Ernest Charles, *Portraits politiques: Camille Pelletan*; въ «Revue politique et parlementaire», № отъ 10-го іюня 1900 г., стр. 625—654.

что то было время, когда четвертое сословіе только что стало отдыхать отъ разгрома, ознаменовавшаго начало 70-хъ годовъ, и. за исключеніемъ незначительнаго меньшинства, слѣдовавшаго за теоретиками его классовыхъ интересовъ, видѣло въ радикалахъ своихъ защитниковъ и выразителей. Что касается до мелкой буржуазіи, охваченной въ эту эпоху радикальнымъ пыломъ, особенно въ большихъ центрахъ, то въ этой средѣ тяготѣніе къ радикализму выражало ни болѣе ни менѣе, какъ утопическую надежду мелкаго капитала видѣть крайнюю лѣвую на пути къ обузданію спекуляціи крупнаго капитала,—что такъ соотвѣтствовало туманной соціальной программѣ радикаловъ и ихъ идеологической борьбѣ съ „злоупотребленіями", борьбѣ, отмѣченной нами выше.

Словомъ, значеніе радикальной партіи опиралось въ описываемое нами время на недостаточное развитіе массъ и тяготѣніе ихъ, наравнѣ съ мелкой буржуазіей, къ межеумочному воззрѣнію радикализма. Самые крупные изъ радикаловъ, дѣйствительно, могутъ еще дойти до критическаго отношенія къ безобразіямъ современнаго строя, къ сознанію необходимости сдѣлать что-нибудь для трудящагося большинства; но положительная часть ихъ экономической программы такъ слаба, непродумана и незакончена, что въэтомъ отношеніи радикаловъ можно, дѣйствительно, упрекнуть въ „безплодной агитаціи", за которую такъ доставалось имъ—правда, въ политической сферѣ,—отъ оппортунистовъ*). Поэтому лишь только у рабочихъ нашлись свои представители въ парламентѣ, и представители въ началѣ очень зауряднаго типа, которыхъ и нельзя было сравнивать по таланту съ радикальными вожаками,—какъ сейчасъ же парламентарная роль буржуазной крайней лѣвой сильно стушевалась, и демократическій ревъ страшныхъ „львовъ" радикализма, въ родѣ Клемансо или Пельтана, ревъ, наводившій такой страхъ на умѣренныхъ, показался простымъ риторическимъ упражненіемъ сравнительно съ требованіями

*) Клемансо въ октябрѣ 1880 г. въ своей извѣстной рѣчи противъ Гамбетты призналъ, что «соціальный вопросъ» не только существуетъ, но заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія правительства. И, однако, дальше прогрессивнаго налога и фабричнаго законодательства не идетъ въ области практическихъ мѣръ Курьезно, что, уже умудренный опытомъ и впавшій чуть не въ анархическое отрицаніе парламентаризма, бывшій вождь радикаловъ стоитъ еще въ соціологіи на точкѣ зрѣнія XVIII-го вѣка и представляетъ себѣ борьбу интересовъ и классовъ въ видѣ «свалки» между отдѣльными членами общества (см. предисловіе къ его «La Mêlée sociale»). Въ свою очередь Пельтанъ весь свой парламентарный вѣкъ сражается противъ «олигархіи» крупнаго капитала, чуть-чуть даже не исключительно-биржевого, и противоставляетъ ему миѳическую «демократію тружениковъ», состоящую, по его мнѣнію, «безъ различія» изъ рабочихъ и изъ капиталистовъ. Переходъ банка и желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства—maximum экономическаго радикализма Пельтана.

четвертаго сословія, исходившими теперь въ парламентѣ изъ устъ самыхъ посредственныхъ „рабочихъ депутатовъ", Камелина, Ферруля, Бойе, Басли и т. п. *). Эти представители рабочаго соціализма, которые впервые появляются въ палатѣ послѣ выборовъ 1885 г. и въ нѣсколько большемъ числѣ въ 1889 г., выкосили, согласно картинному французскому выраженію, траву изъ подъ ногъ радикальной партіи, отнынѣ вынужденной опираться почти исключительно на мелкую буржуазію и часть интеллигенціи. А когда, послѣ кризиса буланжизма и панамскихъ скандаловъ, выборы 1893 г. послали въ палату около 50 соціалистовъ, и въ томъ числѣ такихъ крупныхъ ораторовъ, какъ Жорэсъ и Гэдъ, радикалы окончательно потеряли значеніе крайней демократической партіи и превратились почти цѣликомъ въ „академическую" оппозицію. Провалъ Клемансо на упомянутыхъ выборахъ знаменуетъ завершеніе цѣлой эпохи въ исторіи французскаго радикализма: это паденіе, эта, если можно такъ выразиться, политическая смерть самаго могучаго, самаго умнаго, самаго краснорѣчиваго выразителя крайнихъ воззрѣній буржуазіи является конкретнымъ выраженіемъ того факта, что умерла и никогда больше не возродится партія чисто-политическаго радикализма, которая лишь косвенно, лишь на третьемъ планѣ вводила въ свою программу требованія соціальныхъ реформъ.

Дальнѣйшая эволюція радикализма подтверждаетъ только-что высказанный взглядъ. Сильный ростъ умѣренныхъ элементовъ и ослабленіе радикальныхъ элементовъ буржуазіи на выборахъ 1893 г. заставляетъ радикаловъ усиленно искать парламентарнаго союза съ соціалистической партіей, которая своею энергіею и цѣльностью программы представляетъ драгоцѣнную опору въ политической борьбѣ. Этой поддержкой соціалистовъ можно, напр., объяснить, какъ могло держаться около пяти мѣсяцевъ (съ ноября 1895 г. по апрѣль 1896 г.) радикальное министерство Буржуа и какъ бы могло держаться еще дольше, если бы само не струсило передъ оппозиціей сената. Но когда начавшаяся въ концѣ 1897 г. агитація по дѣлу Дрейфуса застала соціалистическую партію въ нерѣшительномъ и далеко не единодушномъ положеніи, радикализмъ на весеннихъ выборахъ 1898 г. выказалъ свое внутреннее идейное безсиліе и, въ силу самого характера своихъ мелко-буржуазныхъ избирателей, принужденъ былъ дѣ-

---

*) См. ядовитую критику знаменитой въ свое время рѣчи Клемансо въ циркѣ Фернандо, критику, направленную противъ радикальнаго вожака Гэдомъ въ «Le Cri du Peuple». Эта статья перепечатана въ сборникѣ старыхъ статей Гэда: Jules Guesde, *Le Socialisme au jour le jour*; Парижъ, 1899 г., стр. 362—367.

лать всевозможныя уступки разыгравшемуся шовинизму. Читателю уже, конечно, извѣстенъ характеръ выборовъ 1898 г.: реакціонное движеніе „націоналистовъ“ не успѣло провести въ палату сколько-нибудь значительнаго числа своихъ сторонниковъ, — десятокъ, другой антисемитовъ и „патріотовъ“ не имѣютъ, собственно говоря, никакого значенія; но за то, къ сожалѣнію, громадное большинство депутатовъ вернулось изъ избирательной агитаціи съ привкусомъ націонализма и боязнью быть заподозрѣннымъ въ „измѣнѣ отечеству“.

Этимъ объясняется столько нелѣпыхъ, противорѣчивыхъ и безсвязныхъ актовъ палаты, которая собралась съ духомъ лишь въ теченіе послѣдняго года, да и то подъ давленіемъ могучаго идейнаго движенія среди французской интеллигенціи. Мелинъ и К° были, правда, при самомъ началѣ свалены новой палатой, заключающей въ своихъ рядахъ большинство радикаловъ; но рядъ министерскихъ кризисовъ, перетасовокъ въ правящемъ персоналѣ и курьезныхъ или возмутительныхъ вотовъ достаточно указываетъ, что и современный радикализмъ не имѣетъ яснаго и опредѣленнаго миросозерцанія и далеко продвинулся по пути разложенія. Этимъ объясняется, почему въ прошломъ году, въ моментъ самаго серьезнаго внутренняго кризиса, вожаки радикальной партіи одинъ за другимъ пустились въ бѣга отъ опасной чести стать во главѣ правительства; и почему настоящее министерство представляетъ собою очень любопытное сочетаніе элементовъ соціальнаго консерватизма и соціальнаго прогресса. Во всякомъ случаѣ, знаменателенъ уже тотъ фактъ, что въ то время, какъ поддерживающее кабинетъ парламентарное большинство превышаетъ меньшинство на 30, порою на 50 и даже на 100 голосовъ, самъ кабинетъ менѣе всего можетъ быть названъ однороднымъ *): президентъ Совѣта, Вальдэкъ-Руссо, гамбеттистъ, поддерживавшій политику умѣренныхъ не далѣе, какъ на выборахъ 1898 г.; министръ торговли, Милльранъ, одинъ изъ главъ соціализма и авторъ знаменитой программы Сэнъ-Мандэ; министръ путей сообщенія, Бодэнъ, принадлежитъ къ группѣ радикаловъ-соціалистовъ; Ланессанъ—радикалъ; Кайльо, Декрэ, Лэгъ, Жанъ Дюпюи, Монисъ, Делькассэ выражаютъ различные оттѣнки умѣренной партіи, не идущіе далѣе розоваго цвѣта; вышедшій недавно въ отставку военный министръ, генералъ Галиффэ — свирѣпый защитникъ порядка; новый военный министръ, генералъ Андрэ, искренній республиканецъ, одинъ изъ немногихъ республиканскихъ генераловъ французской арміи.

Ниже я объясню смыслъ существованія такого министерства.

---

*) Ср. въ выходящей въ Мюнхенѣ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ «La Revue franco-allemande» статью: Paull Balagny, *La politique intérieure de la France*; № 29 (отъ 10-го марта 1900 г.), стр. 129—135.

А пока лишь обращаю вниманіе читателя на тотъ фактъ, что радикальное большинство въ палатѣ вотируетъ за кабинетъ, который не можетъ считаться выражающимъ собственно такъ называемую радикальную програму. Уже одно это явленіе достаточно свидѣтельствуетъ объ идейной, — не говорю численной, — слабости современнаго французскаго радикализма, который вынужденъ опираться направо на умѣренныхъ, но искреннихъ республиканцевъ, налѣво на соціалистическую партію, и который, до образованія кабинета Вальдэка-Руссо, безпомощно качался то въ сторону шовинистской реакціи, то въ сторону республиканскаго идеала. Кризисъ мысли и кризисъ воли—таковы основныя черты французскаго радикала нашихъ дней, увлеченнаго потокомъ разложенія старыхъ политическихъ партій. Два послѣдніе года лишь ускорили темпъ этого неумолимаго процесса. И меня нисколько не удивитъ, если дальнѣйшая эволюція здѣшняго радикализма броситъ его въ объятія демагогіи и цезаризма, къ которымъ онъ мѣстами уже чувствуетъ извѣстную слабость и бороться съ которыми у него во всякомъ случаѣ не хватитъ смѣлости.

Лишь два фактора въ состояніи, по моему мнѣнію, удержать радикализмъ на этой наклонной плоскости: идейный порывъ лучшей части французской интеллигенціи, поразившей весь міръ своимъ самоотверженіемъ; и ростъ соціалистической партіи, для которой вопросъ единства является теперь насущной задачей. Я и перехожу къ эволюціи соціалистической партіи Франціи, причемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обрисую ея развитіе въ третьей республикѣ, а нѣсколько подробнѣе остановлюсь только на послѣднихъ годахъ.

Я уже касался развитія рабочей партіи или, вѣрнѣе, соперничающихъ рабочихъ организацій во Франціи и соотвѣтствующаго тому роста соціализма (см. выше „Жизнь и идеалы четвертаго класса“): одного-двухъ словъ достаточно, чтобы возстановить въ памяти читателей главнѣйшіе факты этого практическаго и теоретическаго движенія, послѣ 1871 г. Сначала носившее чисто корпоративный и профессіональный характеръ, какъ это отразилось на первыхъ двухъ рабочихъ конгрессахъ, парижскомъ 1876 г. и ліонскомъ 1877 г., это движеніе—отчасти подъ вліяніемъ Жюля Гэда и другихъ французскихъ марксистовъ—принимаетъ опредѣленный соціалистическій оттѣнокъ и пытается вылиться въ особую политическую партію на марсельскомъ конгрессѣ 1879 г. и гаврскомъ 1880 г. Кромѣ общихъ соціалистическихъ требованій, здѣсь было, дѣйствительно, поставлено вожаками пролетаріата политическое требованіе „полнаго разрыва съ буржуазіей и отдѣленія отъ нея одновременно, во всевозможныхъ областяхъ: умственной, юридической, политической и экономической“. Не раздѣляя

анархическаго догмата политическаго воздержанія, вожаки организовавшейся рабочей партіи ставятъ въ это время однимъ изъ пунктовъ своей минимальной программы „политическое вмѣшательство", которое „должно выражаться въ классовыхъ кандидатурахъ, внѣ всякаго союза съ фракціями существующихъ старыхъ политическихъ партій,—въ кандидатурахъ, которыя должны ставиться на всѣ избирательныя функціи". Но на Гаврскомъ же конгрессѣ,— фактъ, указывающій на внутреннія противорѣчія программы и борьбу между умѣренными и крайними идеями у самыхъ, казалось бы, послѣдовательныхъ соціалистовъ,—былъ вотированъ предварительный параграфъ, разсматривающій это вмѣшательство въ выборную агитацію лишь какъ „послѣднюю попытку", на которую партія „рѣшается для предстоящихъ муниципальныхъ и парламентарныхъ выборовъ 1881 г.", возлагая затѣмъ надежды исключительно на революціонный путь.

Въ этомъ отношеніи къ буржуазнымъ фракціямъ и во взглядѣ на характеръ избирательной агитаціи и будутъ возникать колебанія и противорѣчія въ рядахъ французской рабочей партіи, часто даже въ головѣ однихъ и тѣхъ же дѣятелей; и отъ такого замѣшательства не освободилась, какъ мы увидимъ, упомянутая партія и по настоящее время. Первоначальный расколъ между болѣе крайними элементами, группирующимися вокругъ Гэда, и болѣе умѣренными и болѣе многочисленными элементами, идущими за Бруссомъ и Малономъ, этими главами „поссибилизма" (Сэнтъ-Этьенскій конгрессъ 1882 г.); дальнѣйшій расколъ между поссибилистами, отъ которыхъ откололась болѣе рѣшительная фракція альманистовъ съ наборщикомъ Альманомъ во главѣ (конгрессъ 1890 г. въ Шателльро); современный расколъ между „министерскими" и „антиминистерскими" соціалистами,—всѣ эти дробленія, почкованія и внутреннія распри французской рабочей партіи выражаютъ въ сущности практическую трудность категорическаго отвѣта на чрезвычайно важный вопросъ: въ какой мѣрѣ политическій компромиссъ можетъ и долженъ быть допущенъ политической партіей, претендующей на опредѣленную и чистую программу, отличную отъ программъ всѣхъ другихъ партій.

Замѣтьте, что отъ колебанія по этому вопросу не свободны были и самые, казалось бы, прямолинейные представители партіи, хотя бы тотъ же самый Гэдъ, къ которому можно до извѣстной степени примѣнить горделивую фразу Наполеона I: „моя мысль— словно колея, навѣки вырѣзанная въ мраморѣ". И анархисты не разъ доставляли себѣ злое удовольствіе выбирать изъ статей и рѣчей Гэда мѣста, взаимно покрывающія другъ друга по вопросу о роли выборной агитаціи и парламентарной дѣятельности *).

*) См, напр., брошюру: Emile Pouget, *Variations quesdistes*; Парижъ, безъ обозначенія даты (вышла, если не ошибаюсь, въ 1897 г.).

Въ теченіе довольно долгаго времени Гэдъ смотрѣлъ, дѣйствительно, на эту агитацію и на эту дѣятельность, какъ на невѣроятную и опасную чепуху: переставъ держаться догматовъ анархіи, которою онъ увлекался въ молодые годы *), онъ сохранялъ еще кой-какія мнѣнія анархистовъ. Въ 1878 г. онъ дѣлалъ еще слѣдующую рѣзкую критику всеобщей подачи голосовъ:

Всѣмъ извѣстно, что мы думаемъ относительно всеобщей подачи голосовъ въ дѣлѣ экономическаго или соціальнаго освобожденія. Всеобщая подача голосовъ не только не улучшила положенія дѣлъ рабочаго класса, не только не уравняла пути для четвертаго сословія, но при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ функціонируетъ, послужила въ теченіе тридцати лѣтъ,—и не могла не послужить,—лишь въ пользу врагу, лишь въ пользу правящему классу, владычество котораго она упрочиваетъ... **).

Нѣсколько позже Гэдъ уже призналъ значеніе избирательной агитаціи для пропаганды идей, хотя, согласно своему энергичному выраженію, предоставлялъ мѣста въ парламентѣ „геморроидамъ господъ буржуа". Въ эту эпоху ставить кандидатуру казалось ему цѣлесообразнымъ, кромѣ интересовъ пропаганды, лишь для того, чтобы „подвести счетъ" на данномъ кандидатѣ сторонникамъ рабочей партіи. Всю первую половину 80-хъ годовъ онъ воевалъ съ поссибилистами, упрекая ихъ въ томъ, что для улавливанія голосовъ избирателей они жертвуютъ ясностью и принципіальностью программы. Къ этому времени, если не ошибаюсь, относится его торжественное обѣщаніе никогда лично не ставить своей кандидатуры. Нѣкоторое смягченіе замѣчается въ его взглядахъ на этотъ предметъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда стала вырисовываться возможность пройти въ парламентъ или въ муниципалитеты членамъ рабочей партіи. Но въ эпоху буланжизма онъ съ ожесточеніемъ нападалъ на поссибилистовъ за ихъ избирательный и политическій союзъ съ радикалами и вообще республиканцами въ борьбѣ противъ „браваго генерала", хотя сами поссибилисты съ большой энергіей подчеркивали все это время временный и исключительный характеръ такой коалиціи. Это трансцендентальное презрѣніе къ компромиссу заходило, впрочемъ, у „французской рабочей партіи" такъ далеко, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ гэдисты не высказывались ни за, ни противъ націоналистическаго движенія, и тѣмъ дали поводъ своимъ врагамъ упрекать ихъ въ желаніи гладить по шерсткѣ цезаризмъ, и это въ моментъ серьезной опасности для свободныхъ республиканскихъ учрежденій. Къ тому же приблизительно времени относится ихъ снисходительное отношеніе къ антисемитической агитаціи Дрюмона.

*) Объ этой полосѣ жизни Гэда см. въ (Марксовой) брошюрѣ: *L'Alliance de la democratie socialiste*; Лондонъ—Гамбургъ, 1873, стр. 50—51.

**) Даю выдержку изъ статьи «Приманка» (*Un leure*), помѣщенной въ № 33 газеты «L'Egalité», отъ 14-го іюля 1878 г.

Послѣднимъ, если не ошибаюсь, актомъ парламентарнаго скептицизма со стороны Гэда въ эту пору была нижеслѣдующая критика овладѣнія муниципальными учрежденіями, критика, которую мы находимъ въ новомъ (появившемся въ 1890 г.) изданіи „Программы рабочей партіи", написанной Гэдомъ и Лафаргомъ:

Рабочая партія не надѣется достигнуть разрѣшенія соціальнаго вопроса «захватомъ административной власти» въ коммунѣ. Она не вѣритъ и никогда не вѣрила, чтобы коммунальный путь,—даже освобожденный отъ препятствія, представляемаго центральною властью,—могъ повести къ освобожденію рабочихъ, и чтобы, при помощи соціалистическаго большинства въ муниципалитетахъ, стали возможны соціальныя реформы и непосредственное осуществленіе требованій *).

Но скоро избраніе заключеннаго въ тюрьмѣ Лафарга въ депутаты города Лилля (перебаллотировка состоялась 8-го ноября 1891 г. **) знаменуетъ переломъ въ воззрѣніяхъ гэдистовъ. Несмотря на то, что кандидатура Лафарга была, во мнѣніи самого теоретика французскаго марксизма, простой „кандидатурой протеста" противъ авторитарнаго министра внутреннихъ дѣлъ Констана, и злополучной бойни въ Фурми,—несмотря на это, самый фактъ появленія въ палатѣ одного изъ выразителей наиболѣе „чистой" фракціи соціализма внушаетъ Гэду и его сторонникамъ мысль отрѣшиться отъ излишняго ригоризма и заняться съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде, избирательной агитаціей и проведеніемъ членовъ партіи въ муниципалитеты и парламентъ. Отнынѣ если не въ теоріи, то на практикѣ гэдисты сближаются съ программой поссибилистовъ; и незадолго до выборовъ 1893 г. мнѣ пришлось слышать отъ одного изъ вожаковъ французскаго марксизма изложеніе самаго пылкаго и восторженнаго плана избирательной кампаніи, которая должна имѣть своимъ предметомъ пріобрѣтеніе соціалистами возможно большаго числа мѣстъ не только въ муниципалитетахъ, не только въ палатѣ, но и въ сенатѣ. Мой сосѣдъ и собесѣдникъ,—дѣло было на банкетѣ,—чуть-чуть не доходилъ въ своихъ розовыхъ мечтаніяхъ до возможности для соціалистовъ овладѣть большинствомъ въ парламентѣ и составить министерство рѣшительнаго соціальнаго прогресса. Выборы 1893 г., которые, въ числѣ 50 соціалистовъ, послали въ палату значительную часть гэдистовъ, скорѣе усилили, чѣмъ ослабили это оптимистическое настроеніе. Частный успѣхъ настолько сломалъ острые углы непримиримости у партизановъ Гэда, что къ этому времени трудно было указать на практикѣ разницу въ дѣятельности между ними и болѣе умѣренными фракціями.

---

*) Jules Guesde et Paul Lafargue, *Le programme du Parti ouvrier*. Парижъ, изд. 1890 г., стр. 49.

**) Интересныя подробности выборовъ см. у A. Hamon, *La France sociale et politique* (Année 1891): Парижъ, 1893, стр. 586—604.

Вообще въ теченіе почти пятилѣтняго существованія 1893—1898 г., всѣ представители соціализма въ парламентѣ безъ различія фракцій работали очень дружно, и ихъ единодушная и ловкая тактика вызывала даже зависть другихъ партій. Надо замѣтить, впрочемъ, что въ самой странѣ различныя соціалистическія организаціи теперь прекрасно уживались между собою, и старыя распри были почти совсѣмъ забыты: немудрено, что миролюбивое настроеніе арміи дѣйствовало и на предводителей.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ, очень плодотворный во многихъ отношеніяхъ періодъ дѣятельности соціалистической партіи равнодѣйствующая стремленій различныхъ фракцій шла почти исключительно въ направленіи мирнаго развитія. Я не буду говорить о такомъ выдающемся парламентарномъ тактикѣ и строгологическомъ ораторѣ, какъ Милльранъ, который, сформулировавъ въ Сэнъ-Мандэ программу партіи, въ видѣ трехъ предложеній—завладѣнія политическою властью, соціализаціи средствъ производства, международнаго соглашенія рабочихъ,—тѣмъ не менѣе всегда совѣтовалъ борьбу лишь легальными и мирными средствами и, при случаѣ, съ особенною настойчивостью рекомендовалъ такой способъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Читатели помнятъ, конечно, рѣчь Милльрана на банкетѣ муниципальныхъ совѣтовъ, 31-го мая 1896 г.:

Мы обращаемся лишь къ всеобщей подачѣ голосовъ; ее мы надѣемся освободить экономически и политически... И пусть намъ не приписываютъ шутовского намѣренія ожидать отъ насильственной революціи торжества нашихъ идей.

Повторяю, о мирномъ идеалѣ Милльрана и говорить нечего. Но самъ непримиримый, самъ пламенный и революціонно-настроенный Гэдъ въ эту еще очень недавнюю эпоху рѣшительно склонялся въ сторону мирной эволюціи. Онъ, который въ „Программѣ рабочей партіи“ отрицалъ всякое значеніе за муниципальною дѣятельностью „соціалистическаго большинства“, отнынѣ краснорѣчиво проповѣдуетъ пользу для членовъ партіи завладѣть муниципалитетами. И дѣйствительно, послѣдователи его направляютъ въ эту сторону значительныя усилія, которыя во многихъ случаяхъ, особенно на сѣверѣ Франціи, увѣнчиваются успѣхомъ. Наконецъ, онъ же, Гэдъ, клеймившій раньше всеобщую подачу голосовъ злополучной „приманкой“ пролетаріата и орудіемъ „упроченія классоваго господства буржуазіи“, торжественно заявилъ съ высоты парламентской трибуны (25-го іюня 1896 г.):

При помощи одного лишь легальнаго орудія всеобщей подачи голосовъ, армія коллективистовъ фатально и въ скоромъ времени сдѣлается госпожею политической власти, госпожею республики... и тогда объявитъ національнымъ достояніемъ желѣзныя дороги, рудники, заводы и крупную земельную собственность.

Въ палатѣ Гэдъ и по частнымъ вопросамъ поступался значительною частью своей непримиримости, и, напр., при столкновеніи принциповъ съ тактическими соображеніями, ставилъ въ случаѣ надобности именно послѣднія на первый планъ. Я не буду говорить уже о томъ, что Гэдъ былъ вообще въ числѣ депутатовъ, усердно поддерживавшихъ хотя и радикальное, но все же буржуазное министерство Буржуа: на это можно возразить, что, взвѣшивая различныя политическія комбинаціи, онъ находилъ, что при радикальномъ министерствѣ шансы роста и укрѣпленія соціализма больше, чѣмъ при умѣренномъ,—и въ этомъ онъ не ошибался, какъ показала послѣдующая реакція, свирѣпствовавшая цѣлые два года при Мелинѣ. Но легко припомнить изъ исторіи поддерживанія соціалистами радикальнаго министерства и такіе факты, когда Гэдъ наравнѣ съ прочими товарищами по убѣжденію спасалъ кабинетъ отъ паденія цѣною отодвиганія въ сторону основныхъ пунктовъ своей программы. Такъ было, напр., когда оппортунистское меньшинство, желая подставить ножку министерству, поставило на очередь вопросъ объ отмѣнѣ, такъ называемыхъ, „злодѣйскихъ законовъ", вотированныхъ палатою въ 1894 г. якобы противъ анархистовъ, а на самомъ дѣлѣ противъ свободы личности и печати. И что же? Хотя свобода выраженія мнѣній является однимъ изъ основныхъ требованій соціалистовъ, ибо они представляютъ собою не только партію соціальнаго преобразованія, но и партію демократическую, Гэдъ вмѣстѣ съ большинствомъ соціалистовъ вотировалъ противъ отмѣны тѣхъ самыхъ законовъ, которые прошли передъ тѣмъ въ палатѣ благодаря голосамъ умѣренныхъ и правой и вопреки усиліямъ радикаловъ и соціалистовъ. И, конечно, никто изъ разсудительныхъ людей не могъ бы обвинять Гэда за этотъ пріемъ: на военную хитрость приходилось отвѣчать военною хитростью же. Но, какъ бы то ни было, самъ Гэдъ показалъ этимъ, что онъ отлично понимаетъ необходимость политическаго, если не союза, то параллельнаго дѣйствія съ радикальною частью буржуазіи. Замѣчу кстати, что и на послѣднихъ выборахъ 1898 г.—лично, впрочемъ, неудачныхъ для Гэда,—глава рабочей партіи пропагандировалъ необходимость избирательнаго союза съ радикалами противъ оффиціальныхъ кандидатуръ и безсовѣстнаго давленія министерства Мелина.

Новыя колебанія и распри по вопросу о союзѣ съ буржуазными партіями при рѣшеніи соціальнаго вопроса и о сравнительномъ значеніи мирной эволюціи или же насилія снова возникли среди соціалистической партіи благодаря обстоятельству, которое, казалось бы, не должно было имѣть прямого отношенія къ росту міровоззрѣнія четвертаго сословія: читатель, конечно, уже угадалъ, что рѣчь идетъ о дѣлѣ Дрейфуса. Сначала эти колебанія и

распри проявились въ концѣ 1897 г. (когда палата, выбранная 1893 г., еще не покончила своего существованія) и первое время играли лишь очень второстепенную роль. Затѣмъ несогласія въ тактикѣ обострились послѣ выборовъ 1898 г., раздуваемыя разницею темпераментовъ и пониманія среди вожаковъ; потомъ какъ будто снова утихли, но лишь затѣмъ, чтобы съ новою плачевною силою вспыхнуть лѣтомъ прошлаго года, послѣ образованія „министерства республиканской защиты", соединившаго такихъ антиподовъ, какъ Вальдэкъ-Руссо, Милльранъ и Галиффэ.

Мнѣ остается показать въ самыхъ общихъ чертахъ смыслъ и перипетіи этой послѣдней эволюціи въ рядахъ соціалистической партіи. Я нѣсколько разъ уже писалъ о дѣлѣ Дрейфуса по мѣрѣ того, какъ развертывались его различныя фазы: читатель найдетъ поэтому въ моихъ предшествовавшихъ этюдахъ подробности измѣненій въ общемъ настроеніи страны, смотря по тому обороту, которое принимало отнынѣ навсегда знаменитое „дѣло". Здѣсь же меня занимаетъ этотъ вопросъ лишь по отношенію къ тому процессу броженія, который оно вызвало въ соціалистической партіи.

Надо ли говорить, какъ я указалъ на это читателю въ свое время, что соціалистическая партія сдѣлала съ самаго начала крупную ошибку, не выразивъ опредѣленныхъ взглядовъ на принимавшее очень быстро міровые размѣры „дѣло", и притомъ взглядовъ, которые были бы достойны представителей самаго прогрессивнаго міровоззрѣнія, обѣщающаго удовлетворить не только матеріальныя потребности человѣка, но его жажду свободы, справедливости и безконечнаго развитія. Увы! чѣмъ-чѣмъ, но опредѣленностью и рѣшительностью, но энтузіазмомъ и гражданскимъ мужествомъ соціалистическая партія не могла похвалиться въ этотъ роковой моментъ. И отсюда вся дальнѣйшая нелѣпица, разыгрывающаяся теперь въ рядахъ соціалистовъ. Ни для кого не тайна, что длинный-предлинный и ничего не выражавшій манифестъ партіи въ отвѣтъ на дерзкій вызовъ, брошенный антисемитами и милитаристами въ лицо цивилизованной Франціи во время перваго процесса Золя,—ни для кого, говорю, не тайна, что этотъ печальный манифестъ былъ высиженъ соціалистами съ необыкновенными трудностями и послѣ безконечныхъ преній. И еще печальнѣе, что во время этихъ преній выяснились, какъ боязнь соціалистовъ передъ шовинистскимъ движеніемъ въ странѣ, такъ и скрытыя симпатіи нѣкоторыхъ членовъ партіи къ юдофобствующей демагогіи. Этимъ плачевнымъ и далеко не героическимъ настроеніемъ представителей соціализма, а не какимъ-либо превыспреннимъ витаніемъ въ области „чистаго" соціалистическаго идеала, и объяснялся,—по крайней мѣрѣ, въ то время,—совѣтъ авторовъ манифеста рабочимъ смотрѣть, сложа руки, на „взаимныя гримасы двухъ половинокъ капиталистиче-

скаго лица", половинокъ, какими, молъ, являются, съ одной стороны, оппортунисты-евреи, съ другой—реакціонеры-католики: такую комичную и жалкую „философію исторіи" преподносили пролетаріату его выразители для объясненія завязавшейся борьбы между новой и старой Франціей.

Мы знаемъ, что сначала лишь немногіе соціалисты послѣдовали за двумя—тремя товарищами по міровоззрѣнію, смѣло бросившимися въ борьбу съ реакціей. Изъ крупныхъ представителей партіи въ палатѣ Жорэсъ, можно сказать, былъ единственнымъ, вполнѣ оцѣнившимъ важность агитаціи во имя общечеловѣческой справедливости и для соціалистическихъ идеаловъ. А между тѣмъ, въ странѣ движеніе уже нѣсколько времени раньше стало находить сочувствіе и поддержку среди лучшей части интеллигентной буржуазіи, среди libertaire'овъ и среди представителей крайнихъ группъ рабочей партіи въ родѣ Алльмана. Вскорѣ наиболѣе передовые слои пролетаріата были втянуты въ движеніе. Но того всеобщаго сочувствія, на которое это движеніе должно бы было разсчитывать въ партіи неимущихъ и обездоленныхъ, оно здѣсь не нашло; и въ этомъ отношеніи французскіе марксисты и бланкисты несутъ тяжелую отвѣственность передъ исторіей. Если до выборовъ 1898 г. нѣкоторые представители марксизма негласно сочувствовали Жорэсу и отчасти даже (напр., самъ Гэдъ) подталкивали его на антимилитаристскую агитацію; если органы рабочей прессы на сѣверѣ Франціи все чаще и чаще высказывались за необходимость дѣятельнаго вмѣшательства въ борьбу во имя общечеловѣческихъ идеаловъ,—то выборы, окончившіеся частной неудачей не только для Жорэса и нѣкоторыхъ пошедшихъ за нимъ депутатовъ, но и для самого Гэда и гэдистовъ, заставали послѣднихъ стать по отношенію къ шовинизму въ ту самую выжидательную и вполнѣ пассивную позицію, какую они занимали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже при буланжизмѣ.

Конечно, было бы несправедливо забыть о существованіи и среди марксистовъ нѣкотораго движенія въ пользу борьбы противъ милитаристовъ и клерикаловъ; мнѣ пришлось слышать лѣтомъ 1898 г. отъ одного изъ главныхъ представителей фракціи восхищеніе дѣятельностью Жорэса, который, молъ, „спасаетъ честь соціализма" этой мужественной борьбой. Но, къ сожалѣнію, эти лестные келейные отзывы исходили изъ устъ марксистскаго меньшинства; большинство же членовъ партіи во главѣ съ Гэдомъ слѣдовало политикѣ безучастнаго разсматриванія „взаимныхъ гримасъ двухъ половинокъ капиталистическаго лица". Осенью 1898 г. конгрессъ марксистовъ вотировалъ такую ничего не говорящую резолюцію по вопросу о шовинизмѣ и антисемитизмѣ, которая ясно показывала, что отнынѣ какое бы то ни было сочувственное теченіе въ пользу агитаціи по дѣлу Дрейфуса было

подавлено въ рядахъ партіи; и что политика Гэда, политика презрительнаго равнодушія къ „распрямъ буржуазной семьи", взяла окончательный и безраздѣльный верхъ. И это, замѣтьте, происходило въ то самое время, когда самоубійство Анри и цѣлая лавина катившихся противъ генеральнаго штаба разоблаченій производили небывалое возбужденіе умовъ, создавшее великолѣпное идейное движеніе среди интеллигенціи и рабочихъ, не завязшихъ въ узкой формулѣ. Это движеніе, благодаря Жорэсу и нѣкоторымъ другимъ народнымъ ораторамъ, проникало, правда, все болѣе въ среду пролетаріата. Но несомнѣнно, что изъ соціалистическихъ партій Жорэсъ былъ поддержанъ лишь „независимыми", поссибилистами (считая въ томъ числѣ и очень революціонныхъ алльманистовъ) и частью бланкистовъ; значительная же доля послѣднихъ, а особенно хорошо организованная и многочисленная партія марксистовъ не тронули и пальцемъ въ защиту его въ то время, какъ удары сыпались градомъ на него изъ противоположнаго лагеря. За то онъ нашелъ въ это тяжелое и безумное время вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ передовыхъ представителей демократической буржуазіи, часть которыхъ была самою логикою борьбы приведена къ міровоззрѣнію четвертаго класса въ противоположность давленію своихъ непосредственныхъ интересовъ. Это-то распредѣленіе борющихся, союзныхъ и безучастныхъ силъ вызвало, въ концѣ концовъ, не только измѣненіе въ тактикѣ самого Жорэса, который, защищая идеальные интересы цивилизаціи, долженъ былъ подать сяв право, но и образованіе, такъ называемаго, министерства „республиканской защиты", а также возникшій по вопросу о поддержкѣ этого министерства расколъ между соціалистами „министерскими" и „не министерскими".

Опредѣленіе смысла кабинета „республиканской защиты" тѣсно связано съ эволюціей соціалистической партіи Франціи за послѣдній годъ: отвѣчая на одинъ рядъ вопросовъ, я отвѣчаю и на другой рядъ и, такимъ образомъ, завершаю поставленный мною въ началѣ этого этюда планъ, дать читателю картину развитія политическихъ партій третьей республики на рубежѣ XX-го вѣка. Такъ какъ дѣло Дрейфуса обнаружило всю широту реакціоннаго теченія, овладѣвшаго умами націи благодаря жалкой и преступной политикѣ „умѣренныхъ", соединившихся съ врагами республики, которые сами по себѣ давно бы перестали имѣть значеніе *)

*) Поэтому-то я и не останавливаюсь спеціально на эволюціи консервативныхъ и реакціонныхъ партій въ этой статьѣ: въ сущности чистыхъ монархистовъ очень мало; націоналисты и «присоединившіеся»,—вотъ современные представители реакціи.

то всѣ искренніе демократы были поставлены въ необходимость противопоставить милитарному и клерикальному заговору организацію передовыхъ силъ страны. Перенеситесь мысленно за годъ тому назадъ или еще нѣсколько далѣе. Выборъ въ президенты Лубэ на мѣсто скоропостижно умершаго Фора, котораго реакція считала не безъ основанія своимъ человѣкомъ, привелъ въ бѣшенство „патріотовъ". Скандалъ, устроенный на скачкахъ монархическою „золотою молодежью", которая надѣялась на мирволенье со стороны министра Дюпюи, старавшагося уже замять дѣло Деруледа и генерала Рожэ, этотъ скандалъ наглядно выражалъ всю ненависть, питаемую цезаристами и клерикалами къ свободнымъ учрежденіямъ страны. Демократическіе элементы рѣшили отвѣтить на вызовъ; и у всѣхъ еще на памяти импозантная манифестація, организованная въ день Большого Приза республиканцами, среди которыхъ выдающаяся роль принадлежала соціалистамъ. Порывъ энтузіазма, овладѣвшаго сознательными элементами столицы, былъ настолько могуществен, что реакціонные органы въ родѣ „Le Gaulois" совѣтовали аристократическимъ шалопаямъ и дамамъ свѣта и полусвѣта лучше и не показываться въ этотъ день на улицу.

Всѣ почувствовали, что и политическая равнодѣйствующая правительства должна была перемѣститься налѣво, и образованіе новаго кабинета сдѣлалось необходимостью. При этихъ условіяхъ возникло министерство „республиканской защиты", которое, какъ показываетъ само названіе его, удовлетворяло требованіямъ даннаго момента и имѣло спеціальною задачею оборону свободныхъ учрежденій противъ враговъ демократіи. Но самыя обстоятельства, при которыхъ оно составилось, опредѣляли его неожиданный и парадоксальный характеръ. Такъ какъ дѣло Дрейфуса висѣло кошмаромъ на сознаніи націи и являлось символомъ и знаменіемъ жесточайшей борьбы между старымъ и новымъ мірами, то естественно въ министерствѣ должны были принять участіе тѣ политическіе дѣятели, которые стали въ „дѣлѣ" на сторонѣ принциповъ современнаго права и общечеловѣческой справедливости, несмотря на различные оттѣнки своего республиканскаго міровоззрѣнія. Съ другой стороны, уже упомянутый мною безтолковый и капризный характеръ палаты умѣрялъ вожделѣнія власти среди ловкихъ политикановъ въ родѣ радикала Буржуа или умѣреннаго Пуанкарэ, вовсе не желавшихъ сдѣлаться мишенью для націоналистической прессы на почвѣ ликвидаціи „дѣла" которое же должно было такъ или иначе быть покончено.

Приходилось испробовать какую-нибудь новую комбинацію республиканскихъ силъ. И центромъ этой комбинаціи далеко не случайно явился Вальдэкъ-Руссо, умный, энергичный, мужественный и хладнокровный политикъ, у котораго буржуазное міровоззрѣніе уживается съ нѣкоторыми очень смѣлыми для буржуа взглядами

на соціальныя реформы и на необходимость широкой синдикальной организаціи рабочихъ. При общемъ паденіи политическаго уровня буржуазныхъ партій, Вальдэкъ поражаетъ извѣстною широтою своихъ воззрѣній и вкусомъ къ довольно неожиданнымъ рѣшеніямъ вопросовъ. Человѣкъ въ высшей степени практичный, никогда ни съ политической трибуны, ни въ своихъ многочисленныхъ гражданскихъ процессахъ,—онъ одинъ изъ крупнѣйшихъ адвокатовъ Франціи,—не гнавшійся за фразой и риторикой, Вальдэкъ вовсе не рабъ затасканной формулы и совершенно въ духѣ трезвыхъ—увы, нынѣ становящихся рѣдкими—политическихъ дѣятелей Англіи готовъ пойти на компромиссъ съ новыми идеями, какъ только того потребуютъ обстоятельства. Прибавьте къ этому искреннія, если не пылкія, то очень прочныя симпатіи къ республикѣ, симпатіи, которыя подъ вліяніемъ нравственной встряски послѣднихъ двухъ лѣтъ окрасились даже извѣстнымъ спокойнымъ энтузіазмомъ: такова цѣльная, но довольно сложная фигура бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ при Гамбеттѣ и Ферри, главнаго автора закона о синдикатахъ, искуснаго защитника хапуги-Эйфеля и безпутнаго „Максиньки“ Лебоди, а нынѣ души кабинета „республиканской защиты“.

Этотъ-то человѣкъ, который, даже по мнѣнію критиковъ, „никогда не теряетъ самообладанія и постоянно сохраняетъ ясность разсудка среди общаго опьяненія окружающихъ“ *), составилъ, дѣйствительно, свое министерство довольно неожиданнымъ образомъ: рядомъ съ нѣсколькими радикальными и умѣренными республиканцами, онъ ввелъ въ свой кабинетъ соціалиста Милльрана и генерала Галлиффэ,—перваго, въ силу того важнаго положенія, которое соціалистическій элементъ принялъ при защитѣ республики; второго, потому, что, какъ ни горько было въ этомъ признаться, но третья республика не успѣла приготовить достаточнаго числа высшихъ военныхъ чиновъ, проникнутыхъ демократическимъ духомъ. Вотъ въ критическій моментъ и пришлось противъ конспирирующихъ „сабель“ пригласить безжалостную же, покрытую кровью парижанъ саблю рубаки и фанатика дисциплины, который свирѣпо „защищалъ конституцію“ версальцевъ въ 1871 г., а нынѣ долженъ былъ защищать республику противъ своихъ же бывшихъ товарищей... Какъ бы то ни было, эта политическая комбинація, которую Жорэсъ, увлеченный борьбою съ милитаристами и клерикалами, принялъ подъ свое покровительство почти безъ всякихъ отговорокъ, должна была, конечно, произвести крупный расколъ среди соціалистовъ.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы

---

*) См. довольно интересную характеристику Вальдэка въ галлереѣ литературныхъ портретовъ: Michel Salomon, *Etudes et portraits literaires*; Парижъ, 1896 г., стр. 237—249 (*M. Waldeck-Rousseau, orateur*).

на первыхъ же порахъ выяснить товарищески недоразумѣніе, обѣ враждущія стороны продолжали вести свою линію и скоро разошлись такъ далеко, что главная энергія соціалистическихъ организацій стала тратиться на междоусобную войну. Но стараясь по возможности объективно вдуматься въ эту распрю, я прихожу къ заключенію, что главная и первоначальная вина за это несчастное столкновеніе лежитъ все же на тѣхъ соціалистахъ, которые въ теченіе почти двухъ лѣтъ оставляли Жорэса подъ ударами соединенныхъ силъ реакціи, не дали ему ни разу почувствовать братскую поддержку въ борьбѣ, которую онъ самоотверженно велъ не только во имя демократіи, но и во имя гуманитарныхъ идеаловъ соціализма, и, такимъ образомъ, фатально вынудили его переоцѣнить значеніе постояннаго союза съ буржуазной демократіей и тактику прямого участія соціалистовъ въ правленіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что республика переживала критическій моментъ, и образованіе министерства, способнаго защитить свободныя учрежденія отъ исконныхъ враговъ ихъ, было задачей первостепенной важности. Но вопросъ объ участіи въ этомъ министерствѣ соціалиста, и притомъ соціалиста-вожака былъ рѣшенъ Жорэсомъ утвердительно съ черезчуръ легкимъ сердцемъ, особенно, принимая во вниманіе ненавистный для пролетаріата характеръ генерала Галлиффэ, ставшаго собратомъ Милльрана по кабинету, благодаря неожиданной комбинаціи Вальдэка-Руссо. Безспорно, образовавшійся кабинетъ добросовѣстно выполнилъ свою задачу обороны; за то самый вопросъ сотрудничества соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ оставался очень щекотливымъ. А между тѣмъ, его исключительный характеръ былъ черезчуръ скоро забытъ Жорэсомъ, который пытался даже возвести въ принципъ партійной тактики ту комбинацію, которая требуетъ для своего оправданія и чрезвычайно исключительныхъ обстоятельствъ...

Въ настоящее время соціалистическая партія продолжаетъ тратить время и силы въ распряхъ, присматриваясь къ которымъ со стороны, вы ясно видите, что ни та, ни другая изъ двухъ враждующихъ армій въ пылу борьбы не стоитъ на достаточно широкой и разумной точкѣ зрѣнія. „Министерскіе“ соціалисты забываютъ, что та положительная сторона участія Милльрана въ министерствѣ, которая выражается въ рядѣ несомнѣнно полезныхъ соціальныхъ законовъ и декретовъ, сильно парализуется принципіальнымъ ослабленіемъ соціалистической программы вслѣдствіе самаго сотрудничества Милльрана въ буржуазномъ кабинетѣ. Не случайно, конечно, въ рѣчахъ министра торговли прорываются странныя ноты о „естественномъ союзѣ капиталистовъ и рабочихъ“, ноты, показывающія давленіе окружающей обстановки на такого безспорно умнаго и энергичнаго человѣка, какъ Милль-

ранъ. Съ другой стороны, „не министерскіе“ соціалисты отбрасываются по закону реакціи далеко назадъ въ свое прошлое и чуть-ли не становятся на пройденную уже, казалось бы, точку зрѣнія трансцендентальной „чистоты“, чуть-чуть не граничащей съ анархизмомъ и отрицающей ежедневную, ежечасную борьбу во имя ближайшихъ практическихъ цѣлей при сохраненіи общей программы.

Но не ошибается только тотъ, кто не живетъ. Я надѣюсь, что самая жизненная изъ политическихъ партій Франціи скоро найдетъ надлежащую формулу примиренія, которая приведетъ въ равновѣсіе нравственный энтузіазмъ борющихся за окончательный идеалъ и жажду непосредственной практической дѣятельности для рѣшенія обступающихъ человѣчество каждый день все новыхъ и новыхъ конкретныхъ вопросовъ.

Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

(*Письмо двадцать второе*).

Франція переживаетъ въ данный моментъ такую эпоху, которая, представляя съ разныхъ сторонъ немалый интересъ, не отмѣчается, однако, бурными и эффектными событіями, заставляющими наблюдателя немедленно же отзываться на нихъ. Идейное теченіе настоящей минуты можно сравнить съ тѣмъ моментомъ прилива, когда могучая волна, побѣдивши, наконецъ, своимъ напоромъ крутой уступъ берега, временно улегается, останавливается на одномъ уровнѣ и продолжаетъ заполнять собою лишь второстепенныя бухты, излучины и зубцы берега. Послѣ дѣла Дрейфуса, вызвавшаго такую сильную встряску во всей странѣ, такую живую работу прогрессивныхъ силъ и такое отчаянное сопротивленіе темныхъ силъ реакціи, Франція сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ, напомнившій лучшія минуты въ ея исторіи. Но теперь, какъ бы утомленная непомѣрною тратою коллективной нервной энергіи, она останавливается на завоеванныхъ позиціяхъ и принимается на этой почвѣ за разработку немаловажныхъ, но все же второстепенныхъ вопросовъ прогрессивной программы. Въ самомъ дѣлѣ, республика только-что побѣдоносно отразила нападеніе реакціонной коалиціи; и отразила, противопоставивъ ей такую же коалицію всѣхъ республиканскихъ силъ, начиная отъ умѣренныхъ, но искреннихъ сторонниковъ свободнаго режима и кончая соціалистами. Не одинъ умѣренный и даже радикальный республиканецъ уже признался въ своей исторической винѣ потворства элементамъ прошлаго, которое

снова и снова тщетно пытается взять верхъ надъ современнымъ свѣтскимъ обществомъ и современной общечеловѣческой цивилизаціей, но не можетъ сдѣлать это иначе, какъ прикрывая свою старую ненавистную фигуру новыми масками, подмалевывая свѣжими красками свое полинявшее знамя, вставляя якобы новыя слова въ свое дискредитированное profession de foi.

Теперь искренніе республиканцы уже не позволяютъ смѣшивать настоящій патріотизмъ съ каррикатурными искаженіями шовинизма. Обоготвореніе арміи уже не достигаетъ такихъ предѣловъ, за которыми начинается царство грубаго милитаризма, желающаго управлять гражданскимъ обществомъ. Мерзость антисемитизма уже достаточно сознана всѣми искренними друзьями прогресса; и по всей линіи ведется борьба противъ проявленій этого средневѣковаго варварства. И клерикализмъ, который при Мелинѣ пропиталъ было своимъ ядомъ большую часть республиканской партіи, теперь снова встрѣчаетъ всюду жаркихъ противниковъ своихъ темныхъ происковъ. Лучшая часть буржуазіи передвинулась со своихъ міровоззрѣніемъ влѣво; и наиболѣе искренніе и мыслящіе представители ея интеллигентныхъ группъ симпатично относятся къ идеямъ четвертаго класса. Съ другой стороны, значительная часть представителей это класса не отказывается отъ совмѣстной дѣятельности съ свободомыслящей буржуазіей, не избѣгая, къ сожалѣнію, преувеличеній, ошибокъ, неловкихъ шаговъ, опаснаго увлеченія „министерскимъ соціализмомъ“ и т. п. промаховъ, которые наблюдатель долженъ отмѣтить, не забывая отмѣтить и увлеченій противоположной тактики „чистыхъ“ соціалистовъ, утверждающихъ въ пылу противорѣчія, будто для нихъ что монархія, что буржуазная республика, что „Вильгельмъ II, что Лубэ“ одно и тоже...

Какъ бы то ни было, не развивая въ подробностяхъ только-что набросанной мною общей характеристики современной Франціи, можно сказать, что въ данный моментъ будетъ, вѣроятно, удобнѣе, чѣмъ въ другія, болѣе горячія времена заняться какимъ-нибудь общимъ вопросомъ, имѣющимъ „длящееся“ значеніе для нашихъ дней. Напомню читателю, что я предпочтительно преслѣдую въ своихъ письмахъ именно такую цѣль, не думая конкуррировать по части злобъ дня съ газетными корреспондентами, но стараясь освѣщать даже и текущіе вопросы съ общей, зачастую исторической точки зрѣнія. И, однако, вопросъ, который я затрону въ настоящей статьѣ, несмотря на свой „длящійся“ смыслъ, подсказывается самой минутой. Въ самомъ дѣлѣ, какое самое важное явленіе мы замѣчаемъ позади и въ основаніи пестрой смѣны событій въ современной Франціи? Ростъ четвертаго сословія, его стремленія стать господствующимъ элементомъ настоящаго и тѣ отношенія, въ которыя ему приходится вступать съ третьимъ сословіемъ,—не такъ-ли? Но пониманіе современныхъ

отношеній между наименѣе мертвой силой завершающагося историческаго періода и наиболѣе живучей силой надвигающагося немыслимо, если мы въ самыхъ общихъ чертахъ не набросаемъ исторіи взаимныхъ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ за послѣднія сто лѣтъ. Какъ появилась на исторической сценѣ буржуазія; какъ появился пролетаріатъ; каковы были формы взаимодѣйствія между этими двумя классами—вотъ задача, которую ставитъ предъ собой авторъ предлагаемаго читателю этюда, который, конечно, является не исчерпывающимъ вопросъ изслѣдованіемъ, а бѣглой попыткой отмѣтить въ предѣлахъ журнальной статьи наиболѣе интересныя перипетіи общественной эволюціи двухъ великихъ классовъ съ конца XVIII вѣка.

Интересно, однако, отойти нѣсколько назадъ за вѣхи, которыми мы обозначаемъ начало нашего историческаго очерка. Какъ теперь пролетаріатъ стучится въ дверь исторіи, чтобы занять исключительное мѣсто среди элементовъ формирующагося міра, который представляетъ собою новый фазисъ человѣческой эволюціи,—

Magnus ab integro saeclorum nascitur ordo,—

стучится, но еще не вошелъ окончательно, такъ было время, когда буржуазія стучалась въ дверь исторіи, чтобы вступить на ея сцену въ качествѣ главнаго персонажа, но находилась еще за кулисами, лишь временно выглядывая въ дверь и снова оттягиваясь назадъ режиссеромъ — Деміургомъ соціальнаго прогресса, пока не пробилъ часъ ея окончательнаго историческаго выхода. Условія, при которыхъ буржуазія готовилась къ этому выходу, пріемы, которыми она старалась ускорить моментъ своего выступленія, очень поучительны: въ нихъ заключается урокъ какъ для того класса, который спѣшитъ смѣнить ее въ наиболѣе развитыхъ странахъ, такъ и для самой буржуазіи въ отсталыхъ государствахъ.

Было бы безполезно указывать на соціально-экономическія условія подготовленія торжества буржуазіи,—безполезно, потому что объ этомъ знаютъ теперь, можно сказать, почти всѣ маломальски образованные люди. Интереснѣе будетъ присмотрѣться вмѣстѣ съ читателемъ къ психологіи и политической тактикѣ мѣщанства, особенно наканунѣ ея торжества. Двѣ вещи въ особенности характеризуютъ буржуазію въ тотъ моментъ, когда она готова, такъ сказать, превратиться изъ „церкви гонимой“ въ „церковь воинствующую“, а вскорѣ и въ „церковь торжествующую“.

Во-первыхъ, она искренно отожествляетъ себя со всѣмъ народомъ, со всѣмъ царствомъ труждающихся и обремененныхъ въ данный историческій моментъ, противопоставляя себѣ лишь прови-

легированное меньшинство двухъ первыхъ сословій. Посмотрите, съ какой гордостью, съ какимъ самодовольствомъ исторіографъ и бардъ „третьяго сословія", Огюстэнъ Тьерри, ссылается, для указанія этого всеобщаго, универсальнаго характера прежней буржуазіи, на авторитетъ заграничныхъ (венеціанскихъ) пословъ, говорящихъ о томъ, что изъ трехъ государственныхъ сословій Франціи

третье не имѣетъ особаго названія, но, такъ какъ состоитъ изъ лицъ различныхъ занятій и профессій, можетъ быть названо общимъ именемъ сословія народа *).

Пусть читатель не забываетъ, кромѣ того, что эта цитата, относящаяся къ XVI-му столѣтію, указываетъ только на фактическое положеніе третьяго класса, положеніе, выразившееся и въ названіи. Въ XVIII-мъ столѣтіи изъ этого фактическаго порядка успѣло вырости уже цѣлое, если можно такъ выразиться, соціологическое міросозерцаніе буржуазіи, которая вполнѣ искренно подставляетъ себя всей совокупности націи, за исключеніемъ лишь сравнительно незначительныхъ классовъ духовенства и дворянства. Въ этотъ періодъ величайшаго подъема своихъ силъ и классовой энергіи, буржуазія находилась всецѣло подъ магическимъ вліяніемъ той самой исторической иллюзіи, которая превращается въ историческую правду лишь для современнаго пролетаріата: выступленіе новаго общественнаго класса на всемірную сцену въ качествѣ господствующаго элемента означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе всѣхъ общественныхъ классовъ, сливающихся въ великое и нераздѣльное человѣчество.

Во-вторыхъ, въ этотъ юношескій и героическій періодъ своего существованія, буржуазія была настолько проникнута увѣренностью въ своемъ прогрессивномъ историческомъ значеніи, въ истинности и благородствѣ своихъ идеаловъ, въ правотѣ своихъ требованій, въ служеніи всему человѣчеству, что неуклонно шла къ цѣли своего господства, не останавливаясь передъ соображеніями о тѣхъ или иныхъ тактическихъ пріемахъ, и добивалась желанныхъ ей результатовъ не мытьемъ, такъ катаньемъ,—то прямымъ столкновеніемъ съ врагами, то хитрой, но неуклонной подпольной войной, не упуская, однако, ни на мигъ своей постоянной задачи.

Такимъ образомъ, преслѣдованіе классовыхъ интересовъ,—но подъ давленіемъ исторической иллюзіи служенія всему человѣчеству, а въ довольно значительной мѣрѣ дѣйствительно въ ин-

*) См. въ особенности одну изъ итальянскихъ цитатъ, данныхъ Тьерри въ предисловіи къ «Исторіи третьяго сословія»: «il terzo... si può chiamare con un nome generale, lo stato del popolo» (Augustin Thierry, *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers Etat*, въ «Oeuvres completes, т. 9 третьяго изд., Парижъ, 1855, стр. III, прим.

тересахъ его,—и твердость, постоянство и отсутствіе излишней разборчивости въ средствахъ, обнаруженныя по пути осуществленія идеаловъ—таковы характеристическія черты психологіи и политики буржуазіи наканунѣ ея торжества. Вотъ почему нельзя безъ улыбки слышать жалобы современныхъ представителей мѣщанства на выступленіе новаго класса (пролетаріата) съ новыми всемірно-историческими задачами и на непримиримость его борьбы съ силами настоящаго строя. Сама же буржуазія оставила своему наслѣднику, четвертому классу, цѣлый арсеналъ пріемовъ борьбы съ теоретическими и практическими врагами.

Читатель пойметъ, что моментъ выступленія буржуазіи на сцену міровой исторіи оставилъ по себѣ подавляющую массу матеріаловъ; и что поэтому трудность для пишущаго эти строки заключается, главнымъ образомъ, въ изобиліи фактовъ, подтверждающихъ характеристику третьяго сословія. Приходится въ извѣстной степени случайно остановиться на двухъ-трехъ пунктахъ міровоззрѣнія и дѣятельности мѣщанства и путемъ этого крайне неполнаго анализа опредѣлить значеніе третьяго сословія. Возьмемъ, напр., его міровоззрѣніе. Можно было бы, конечно, въ спеціальномъ трудѣ подвести итоги умственной дѣятельности, по крайней мѣрѣ, выдающихся мыслителей буржуазіи. Но объ этомъ и думать нечего въ безпретенціозной журнальной статьѣ. И вотъ, перебирая въ памяти различныя проявленія работы мысли въ третьемъ сословіи, я останавливаюсь,—повторяю, опять таки, въ извѣстной мѣрѣ случайно,—на знаменитой энциклопедіи Дидро и д'Аламбера, которую недавній изслѣдователь, Луи Дюкро, не безъ основанія называетъ „какъ бы цѣлымъ XVIII-мъ вѣкомъ, выраженнымъ въ предѣлахъ словаря“ *).

Я предоставляю обстоятельному автору „Энциклопедистовъ“ отвѣтить самому, что дала человѣчеству интеллигенція биржуазіи въ этомъ замѣчательномъ коллективномъ трудѣ, который, несмотря на всѣ его второстепенные недостатки и слабыя мѣста, и до сихъ поръ нельзя читать безъ волненія и искренняго энтузіазма передъ массою новыхъ для эпохи идей, брошенныхъ въ міръ сотрудниками Дидро и д'Аламбера. Эти идеи Дюкро сводитъ къ тремъ основнымъ началамъ: указанію на значеніе природы и ея незыблемыхъ законовъ въ противоположность элементу сверхъестественнаго, столь щедро вносимому католицизмомъ въ пониманіе природы и общества; прославленію разума, какъ верховнаго

---

*) Louis Ducros, *Les Encyclopédistes*; Парижъ, 1900, стр. V введенія (книга написана въ духѣ умѣренно-либеральнаго свободомыслія и, отличаясь безпристрастіемъ, скорѣе недоцѣниваетъ, чѣмъ переоцѣниваетъ значеніе «энциклопедистовъ»).

регулятора человѣческой мысли и жизни въ противоположность (католической) вѣрѣ, которая на первыхъ же порахъ останавливала критику, грозя ей пастырскимъ жезломъ авторитета; пропагандѣ человѣчности, любовно относящейся ко всякой личности независимо отъ ея національности и положенія, въ противоположность жестокости и угнетенію, давящимъ на человѣка во имя принудительныхъ формъ внѣшней власти.

Само собою разумѣется, что великая обобщающая попытка XVIII-го вѣка не обошлась безъ увлеченій и промаховъ. Но такъ бываетъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, знаменующемъ рѣшительный поворотъ въ теоріи и практикѣ жизни. Кто, напримѣръ, изъ выродившихся реакціонныхъ потомковъ великихъ буржуазныхъ новаторовъ XVIII-го вѣка не декламируетъ теперь съ ученымъ видомъ знатока противъ „отсутствія историческаго пониманія“ упомянутаго столѣтія? И, однако, никому изъ этихъ придирчивыхъ и злостныхъ критиковъ въ голову не придетъ дать самому примѣръ этого историческаго пониманія и уяснить себѣ, почему именно въ силу историческихъ особенностей тогдашней эпохи крупнѣйшіе умы, чуть не геніи, подчеркивали „природу“ и „естественное право“ въ пику традиціямъ и исторіи. Зоилы и Аристархи просвѣтительнаго вѣка забываютъ, кромѣ того,—мимоходомъ будь сказано,—что зачастую это „отсутствіе историчности“ было лишь своего рода пріемомъ борьбы противъ стараго міра; и что у многихъ мыслителей понятіе о прогрессѣ, о смѣнѣ фазисовъ эволюціи человѣчества выражалось въ очень знаменательныхъ формахъ. Развѣ у самого Конта, со словъ котораго, между прочимъ, упомянутые придирчивые критики говорятъ о неисторичности XVIII-го вѣка, не было предшественника въ лицѣ Тюрго, который, можно сказать, почти что формулировалъ законъ трехъ послѣдовательныхъ стадій ума человѣческаго? И развѣ работа критической мысли энциклопедистовъ не дала права одному изъ современныхъ французскихъ историко-философовъ (Лакомбу) утверждать, что именно съ XVIII-го вѣка человѣчество подошло къ пониманію историческихъ законовъ и даже сдѣлало нѣсколько шаговъ по пути этого пониманія?

Но оставимъ въ сторонѣ эти счеты съ мелочными критиками, которые не хотятъ признаться, что, какъ многіе изъ насъ—по словамъ, если не ошибаюсь, Дюбуа-Реймона—смотрятъ сверху внизъ на Вольтера лишь потому, что являются безсознательными вольтеріанцами, проникнутыми идеями философа-публициста и бьющими ему же челомъ да его же добромъ, такъ и сами они, эти придирчивые критики, только потому и могутъ витійствовать о неисторичности XVIII-го вѣка, что именно этотъ великій вѣкъ положилъ основаніе исторической критикѣ, разрушивъ массу нелѣпыхъ басенъ, миѳовъ и легендъ. Насъ теперь болѣе интересуетъ другое обстоятельство: въ своихъ конечныхъ выводахъ

XVIII-ый вѣкъ оставилъ далеко за собою все болѣе и болѣе пропитывавшееся реакціонными идеями міровоззрѣніе буржуазіи слѣдующаго, XIX-го вѣка. Я не буду говорить о собственно философской сторонѣ дѣла, напр., о французскомъ матеріализмѣ, оцѣнить который по достоинству и безъ злобныхъ взвизгиваній удалось благородному „критическому идеалисту" Альберту Ланге. Но возьмите общественно-политическій элементъ. Развѣ выродившіеся потомки великихъ буржуа, прибѣгая къ каррикатурнымъ искаженіямъ взглядовъ Руссо, не отодвинулись далеко назадъ за теорію равенства правъ и условій для развитія людей, теорію, которой они побѣдоносно противопоставили свою теорію физическаго неравенства человѣческихъ существъ, какъ будто объ этомъ кто-нибудь препирался съ ними? Развѣ эти самые жалкіе дѣти-пигмеи гигантовъ-отцовъ не считаютъ своимъ долгомъ раздирать свои одежды умѣреннаго и аккуратнаго буржуа и посыпать покаяннымъ пепломъ свою умудренную опытомъ и благоразуміемъ голову, говоря о космополитизмѣ XVIII-го вѣка и противопоставляя ему свой патріотизмъ, хотя, въ сущности, лишь великая революція создала и укрѣпила истинный народный патріотизмъ?

Не печально-ли, не горько-ли видѣть, какъ даже свободомыслящіе буржуа, вродѣ Дюкро, полагаютъ необходимымъ пускаться въ обстоятельныя оправданія энциклопедистовъ по части недостатка патріотизма? Начиная за здравіе, а кончая за упокой, нашъ авторъ, дѣйствительно, говоритъ:

Враждебная фанатизму, приводящему къ столкновенію вѣрующихъ различныхъ религій, человѣчность (энциклопедистовъ) не менѣе того осуждаетъ національную ненависть, вооружающую одинъ народъ противъ другого; ибо, возвышаясь надъ религіозными отличіями и политическими границами, она призываетъ къ общей работѣ цивилизаціи и мира личностей и народы. Слѣдуетъ ли отсюда, что философы были плохими французами? И въ ихъ время, а еще болѣе въ наше, ихъ обвиняли въ недостаткѣ патріотизма: «*Какуаки*, говоритъ авторъ памфлета противъ энциклопедистовъ, не имѣютъ отечества». Изслѣдуемъ добросовѣстно, заслужено ли такое обвиненіе *).

И авторъ, дѣйствительно, принимается за такое „добросовѣстное изслѣдованіе", хотя тѣ изъ противниковъ энциклопедистовъ, которые стояли на точкѣ зрѣнія сочинителя „какуаковъ", а во время революціи эмигрировали за границу и оттуда шли противъ республиканской Франціи въ обозѣ прусскихъ или австрійскихъ полчищъ, имѣли, въ сущности, такое же право упрекать философовъ третьяго сословія въ неимѣніи отечества, какое имѣютъ упрекать въ этомъ представителей четвертаго сословія разные Мотты и Шнейдеры, при первой же стачкѣ рабочихъ обращающіеся за углемъ въ Англію или за ткачами въ Бельгію. Во всякомъ случаѣ космополитизмъ и любовь ко всему человѣчеству

*) Ducros, l, c., 363.

были одними изъ самыхъ рельефныхъ проявленій генія энциклопедистовъ, что и заставило одного изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ культуры воскликнуть: „французы провозглашали начала всего человѣчества, мы же различіе расъ,—имѣемъ-ли мы поэтому право съ презрѣніемъ относиться къ нимъ?“

Борьба противъ религіознаго и политическаго гнета во имя свободы человѣческой личности была прямо, а еще болѣе косвенно — въ качествѣ вывода изъ общихъ посылокъ — другимъ центромъ тяжести міровоззрѣнія энциклопедистовъ. И Дюкро очень недурно подчеркиваетъ историческую необходимость этой борьбы, которая началась съ постановки самыхъ скромныхъ требованій для развитія человѣка, а кончилась, въ силу сопротивленія реакціонныхъ силъ, самымъ грознымъ въ исторіи возстаніемъ противъ „стараго режима“. Это фатальное сцѣпленіе событій авторъ удачно резюмируетъ въ слѣдующихъ строкахъ, направленныхъ противъ тѣхъ, кто путемъ не понимаетъ неизбѣжности тогдашняго переворота:

По подобію идельнаго города, образъ котораго вызывается Декартомъ въ его «Разсужденіи о методѣ», энциклопедисты строили общество, составлявшее предметъ ихъ мечтаній; потому-то ученики ихъ и начнутъ съ того, что низвергнутъ старое соціальное зданіе. Мы знаемъ все, что можно сказать и что было сказано противъ такихъ идей и такихъ дѣйствій. Но для того, чтобы справедливо судить о тѣхъ и другихъ, слѣдуетъ прежде всего вставить ихъ въ соотвѣтствующую историческую среду: не покажется ли вамъ, однако, въ такомъ случаѣ, что прежде чѣмъ расточать обвиненія этимъ безумнымъ разрушителямъ, должно было бы предварительно доказать, что хозяева соціальнаго зданія, считавшагося всѣми несовершеннымъ, дѣйствительно соглашались приспособить его къ новымъ потребностямъ и къ законнымъ требованіямъ людей того времени? Но мы видѣли, что произошло какъ разъ противоположное. Въ такомъ случаѣ развѣ неправда, что грубый и насильственный выводъ самой силою вещей былъ навязанъ сначала разуму философовъ, а затѣмъ и пикамъ революціонеровъ?

«Что за важность для насъ знать, вскричалъ однажды Мирабо, соотвѣтствуетъ ли или нѣтъ употребленіе тайныхъ приказовъ объ арестѣ (lettres de cachet) нашему государственному праву. Это право рушится со всѣхъ сторонъ, у насъ нѣтъ больше государственнаго строя: поднимемся же къ принципамъ» *).

Справедливость этой точки зрѣнія и подтверждается исторіей буржуазной оппозиціи въ XVIII-мъ вѣкѣ, а въ частности все большимъ и большимъ радикализмомъ идей третьяго сословія по мѣрѣ того, какъ столѣтіе приближается къ концу. Тутъ приходится изслѣдователю уже выступить изъ круга вопросовъ, связанныхъ съ „Энциклопедіей“, и бросить общій взглядъ на прогрессъ революціонныхъ идей среди буржуазіи.

Нѣтъ ничего поучительнѣе въ этомъ отношеніи, какъ слѣдить

*) Ibid., стр. 338--339.

за ростомъ этихъ идей хотя бы по добросовѣстной книгѣ Феликса Рокэна, изобразившаго развитіе „революціоннаго духа до революціи", а именно въ періодъ, охватывающій почти семьдесятъ пять лѣтъ между смертью Людовика XIV и созваніемъ генеральныхъ штатовъ (1715—1789) *). Тутъ въ длинной процессіи проходятъ передъ вами, воплощаясь въ той или иной личности, принимая форму той или другой книги и брошюры, того или другого оппозиціоннаго акта старыхъ парламентовъ, историческія перипетіи великой борьбы между націей и старымъ режимомъ.

Берете-ли вы послѣдовательный рядъ появившихся за эти три четверти вѣка „запрещенныхъ" книгъ, брошюръ и листковъ, вы натыкаетесь на постепенное измѣненіе ихъ характера, начиная съ періода 1715—1743 г., когда преслѣдуемая литература вертится исключительно на комментаріяхъ къ папской буллѣ *Unigenitus* и кончая періодомъ 1774—1789 г., когда рядомъ съ философскими произведеніями, играющими важную роль нѣсколько раньше, центръ тяжести литературы переносится на брошюры, обсуждающія вопросъ о реформахъ Людовика XVI и подготовленіи генеральныхъ штатовъ **).

Принимаетесь-ли вы за изученіе коллизій парламентовъ съ королевской властью, вы замѣчаете все усиливающуюся рѣзкость критики, направленной противъ монарха этими старыми учрежденіями, члены которыхъ не смущаются ни королевской немилостью, ни ссылкой, ни потерей мѣстъ, ни тюрьмой, но продолжаютъ упорно охранять законность. Въ 1759 г. парламентъ города Парижа, протестуя противъ насильственныхъ мѣръ, примѣненныхъ правительствомъ къ Безансонскому парламенту, прибѣгаетъ даже къ угрожающимъ и многозначительнымъ выраженіямъ, говоря

> о неправильныхъ дѣйствіяхъ абсолютной власти, противныхъ въ одно и то же время и законамъ, и достоинству магистратуры, и правамъ націи. Въ первый разъ парламентъ ссылался на «права націи», противопоставляя ихъ королевской власти ***).

Обратите-ли вы, наконецъ, вниманіе на развитіе революціонныхъ чувствъ въ широкихъ слояхъ населенія, вы невольно поразитесь котрастомъ между началомъ XVIII-го вѣка, когда уличные безпорядки носили чисто рефлективный характеръ и отнюдь не касались ни принциповъ монархіи, ни короля и членовъ королевской семьи, и концомъ того же вѣка, когда борьба противъ реакціоннаго министра, архіепископа Бріенна, вызвала чрезвы-

*) Félix Rocquain, *L'esprit révolutionnaire avanot la Révolution*; Парижъ, 1878.

**) См. у Rocquain (стр. 489) примѣчаніе, предпосланное списку «осужденныхъ книгъ».

***) Ibid., стр. 217.

чайно опасное движеніе во всемъ Парижѣ; когда въ толпѣ распространялись и жадно читались рукописные листки, заключавшіе призывы въ родѣ слѣдующаго: „пробудитесь, французы! вотъ она наступила, пора революціи, которая навсегда вызоветъ или сожалѣніе, или восхищеніе потомства, смотря по тому, оставимъ-ли мы нашимъ дѣтямъ въ удѣлъ рабство или свободу"; а въ ложѣ королевы, въ итальянскомъ театрѣ, была приклеена афиша съ крупной надписью: „трепещите, тираны, вашему царствованію наступилъ конецъ" *). Дѣло, дѣйствительно, происходило въ іюлѣ 1788 г.; годъ спустя была взята Бастилія; а еще черезъ три-четыре года рухнула навсегда тысячелѣтняя монархія божественнаго права...

Измѣнялась, какъ видите, сама тактика буржуазіи; измѣнялся и характеръ ея представителей. Вѣрное своему принципу „не мытьемъ, такъ катаньемъ", третье сословіе отъ неутомимой, но подпольной или же прикрытой легальною маскою борьбы переходило къ борьбѣ революціонными средствами; и сообразно съ этимъ мѣсто прежнихъ свободомыслящихъ писателей и философовъ, стоявшихъ еще одною ногой на почвѣ стараго режима, заняли цѣльныя, словно вылитыя изъ одного куска металла фигуры великихъ фанатиковъ революціонной идеи. Пусть, напр., читатель поставитъ мысленно рядомъ Вольтера, который цѣлыми десятилѣтіями велъ блестящую борьбу перомъ во имя началъ гуманности, но, съ свойственнымъ ему легкимъ юморомъ, совѣтовалъ друзьямъ не претендовать на мученическую карьеру и укрывать свое оппозиціонное авторство подъ псевдонимами и анонимами, и хотя бы Сэнъ-Жюста, сами враги котораго, по словамъ не любящаго его Кинэ, не могутъ отрицать его удивительно сильной и цѣльной натуры:

Она признаютъ, что ни у кого не было столь могучей головы; что повсюду онъ занималъ первое мѣсто; что въ двадцать пять лѣтъ онъ господствовалъ надъ всѣмъ конвентомъ; что ему не доставало лишь болѣе зрѣлаго возраста, чтобы руководить всѣмъ; что повиновеніе естественно рождалось само собой тамъ, гдѣ былъ онъ; что нельзя было ни видѣть его, ни слышать, чтобы не склониться и не задрожать передъ его волей; и что, наконецъ, онъ, съ ногами въ крови, съ головой въ облакахъ, олицетворялъ образъ двухъ божествъ Рима, Блѣдности и Ужаса, которыя столь долго управляли землей **).

Сопоставленіе этихъ двухъ типовъ дастъ читателю возможность понять путь, пройденный буржуазіей въ процессѣ ея превращенія, какъ я сказалъ выше, изъ церкви гонимой въ церковь торжествующую.

---

*) Ibid., стр. 475.

**) Edgar Quinet, *La revolution*; Парижъ, т. III, стр. 54 (въ 8-мъ изданіи «Oeuvres completes»).

Въ какія же отношенія буржуазія стала къ пролетаріату во время великаго переворота? На это, не входя въ подробности, можно отвѣтить такъ: она пользовалась имъ, идя на приступъ стараго общества, производя при помощи его уличныя движенія и опираясь на него въ своихъ революціонныхъ клубахъ; но очень мало думала о немъ вообще, и въ частности объ улучшеніи его быта. Само положеніе вещей въ значительной мѣрѣ объясняетъ это равнодушіе, которое нельзя цѣликомъ ставить въ счетъ сознательно-враждебной тактикѣ тогдашняго третьяго сословія по отношенію къ четвертому. Въ сущности, съ соціально-экономической точки зрѣнія узелъ великой революціи лежалъ въ аграрномъ переворотѣ, въ переносѣ земель изъ рукъ привилегированныхъ сословій въ руки буржуазіи и крестьянства *); а затѣмъ въ освобожденіи промышленности отъ стѣснявшихъ ея развитіе средневѣковыхъ формъ корпоративной регламентаціи. Собственно такъ называемый городской рабочій пролетаріатъ существовалъ лишь въ зародышѣ въ тогдашней, гораздо болѣе земледѣльческой, чѣмъ индустріальной, Франціи и сливался съ численно важной группой ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, принадлежавшихъ къ третьему сословію. Поэтому, разбивая отживавшія принудительныя формы труда и въ то же время, въ силу почти неизбѣжной исторической ошибки, запрещая всякія формы ассоціаціи, напоминавшей имъ ненавистные цехи и корпораціи, и преслѣдуя стачки, законодатели великой революціи обнаружили не систематическій антагонизмъ представителей капитала къ представителямъ труда,—въ такой формѣ антагонизмъ былъ бы анахронизмомъ,—но лишь стремленіе рѣшать ближайшія задачи не достаточно еще опредѣлившагося фазиса экономической эволюціи. Мало того, революціонное законодательство даже прямо удовлетворяло насущнымъ потребностямъ большинства тогдашнихъ рабочихъ, занятыхъ мелкими ремеслами. Не забудемъ, какъ говоритъ Ж. Поль-Бонкуръ, авторъ уже разъ цитированной мною добросовѣстной книги, что во Франціи XVIII вѣка,

за исключеніемъ нѣсколькихъ мануфактуръ, преобладавшею формою индустріи была мелкая промышленность, мастерская, гдѣ нѣсколько рабочихъ трудились подъ руководствомъ хозяина... Но въ мелкомъ предпріятіи устроиться самому хозяиномъ и открыть мастерскую—вещь сравнительно

*) Я оставляю ради краткости въ сторонѣ столь горячо обсуждаемый, и до сихъ поръ еще далеко не рѣшенный, вопросъ о пропорціи, въ какой третье сословіе успѣло при этомъ переносѣ обездолить мужика въ свою пользу. Тамъ, гдѣ спеціалисты не согласны, не мнѣ, профану, хотя и интересующемуся этимъ вопросомъ, навязывать свое рѣшеніе. Лично я думаю, что буржуазія взяла себѣ въ общемъ львиную часть пущенной въ оборотъ земельной собственности (вспомните хотя бы Жоржа Авенэля и его выводы), но этотъ неравный дѣлежъ не исключалъ мѣстами замѣтнаго перехода земли и въ руки мужика.

легкая для хорошаго рабочаго (послѣдующее развитіе промышленности не превратило еще четвертаго сословія въ особый соціальный классъ). Какое же было для этого самое серьезное препятствіе? Трудности полученія званія мастера и сопряженныя съ этимъ издержки, которыя не переставали увеличиваться. По этому пункту уничтоженіе цеховыхъ привилегій и корпоративныхъ перегородокъ давало полное удовлетвореніе требованіямъ рабочихъ *).

За то вскорѣ классовой духъ неравенства проведетъ границы между быстро обогащающейся буржуазіей и растущимъ пролетаріатомъ. Наполеонъ-консулъ и Наполеонъ-императоръ, удовлетворяя, несмотря на свою маску авторитета и военной диктатуры, существеннымъ экономическимъ требованіямъ буржуазіи, поставитъ рабочихъ въ зависимость отъ фабрикантовъ и отдастъ послѣднимъ преимущество передъ первыми въ глазахъ закона. Гражданскій кодексъ, это завѣщаніе революціи Наполеону, опредѣляетъ условія, въ силу которыхъ хозяину вѣрится на слово, въ противоположность рабочему, обязанному представить доказательства. Законъ XI года обнаруживаетъ явное пристрастіе къ фабриканту, наказывая его гораздо легче, чѣмъ пролетарія, за нарушеніе условій заработной платы. Тексты XI и XII годовъ вводятъ рабочую книжку, отдавая пролетаріатъ подъ опеку буржуазіи. Императорскіе указы запрещаютъ слугамъ нанимать комнату безъ вѣдома господина и проживать болѣе мѣсяца безъ мѣста въ большихъ городахъ; установляютъ монополію конторъ для найма рабочихъ и служащихъ, которые будутъ вести борьбу противъ этихъ учрежденій цѣлыми десятилѣтіями. Уголовный кодексъ, обнародованный при концѣ имперіи, усилитъ разницу въ наказаніи стачки рабочихъ и соглашенія капиталистовъ, грозя первымъ тюрьмой и дозволяя при извѣстныхъ условіяхъ сговоръ между послѣдними.

Повсюду чувствуется усиленіе вліянія буржуазіи, которая особенно обогащается путемъ „первоначальнаго накопленія“ и эксплуатаціи государства при помощи займовъ, спекуляцій по поставкѣ военныхъ подрядовъ, и т. п. Увеличивается и контингентъ рабочихъ пролетаріевъ, число которыхъ начинаетъ быстро рости, параллельно съ успѣхами крупнаго машиннаго производства, обнаруживающаго замѣтное оживленіе послѣ Директоріи, особенно же вслѣдъ за паденіемъ Первой Имперіи, при Реставраціи, преимущественно въ послѣдніе годы ея, а еще болѣе при Луи-Филиппѣ. Я отсылаю читателя къ замѣчательной для своего времени „Исторіи десяти лѣтъ“ Луи-Блана, чтобы убѣдиться самымъ изученіемъ подробностей, въ какой степени то мирныя, то боевыя отношенія класса буржуазіи и класса пролетаріата опредѣляютъ ходъ политической исторіи Франціи уже въ первую треть

*) J. Paul-Boncour, *Le fédéralisme économique*; Парижъ, 1900, стр. 52—53, passim.

XIX вѣка; и какъ подъ маскою отживающихъ учрежденій дѣйствуютъ классовыя силы новаго капиталистическаго общества.

Вспомните, съ какимъ мастерствомъ Луи-Бланъ доказываетъ во введенія къ своему труду поставленные имъ два тезиса, касающіеся того:

1) что паденіе Имперіи и восшествіе на тронъ Людовика XVIII были въ интересахъ буржуазіи и являлись ея дѣломъ:

2) что всѣ политическія движенія Реставраціи вытекли изъ усилій, сдѣланныхъ буржуазіей съ цѣлью поработить королевскую власть, но не уничтожая ее *).

Вспомните, какой умѣлой рукою, несмотря на нерѣдко реторическій характеръ фразы, авторъ „Исторіи десяти лѣтъ" рисуетъ перипетіи политической борьбы при Реставраціи, борьбы, которая, согласно его выраженію,

если оставить въ сторонѣ слова, чтобы проникнуть въ суть вещей, была борьбою между феодальными и буржуазными идеями **);

и съ какою проницательностью онъ указываетъ даже на причины временнаго неуспѣха буржуазіи въ этой соціальной войнѣ, видя эти причины въ недостаткѣ содѣйствія трудящихся массъ:

для того, чтобы изъ этихъ (уличныхъ) движеній буржуазіи вышла революція, имъ не доставало помощи нищеты. Но народъ, который обладалъ ею, этой силой, что могъ понимать онъ въ такихъ распряхъ? Партіи боролись надъ нимъ, но не для него ***).

А, наконецъ, роковое и для Реставраціи столкновеніе борющихся силъ, извѣстное подъ именемъ іюльской революціи? Съ какой рельефностью Луи-Бланъ обрисовываетъ взаимныя отношенія буржуазіи и пролетаріата въ эти знаменитые дни, обнаруживая даже при изображеніи психологіи третьяго сословія столь несвойственную своему патетическому таланту юмористическую и ироническую ноту. Читайте хотя бы длинныя препирательства буржуазныхъ адвокатовъ и журналистовъ по поводу тактики, какую имъ слѣдуетъ принять въ отвѣтъ на королевскіе „указы" (ordonnances), наносившіе такой ущербъ ихъ матеріальнымъ ин-

---

*) Louis Blanc, *Histoire de dix ans;* Парижъ, 1841, т. I, стр. 4.—Обращу кстати вниманіе читателя на примѣчаніе, которое Луи-Бланъ сейчасъ же дѣлаетъ за приведеннымъ мною текстомъ, и которое показываетъ, какъ ясно идея о противоположности классовыхъ интересовъ была сознаваема уже въ первой половинѣ XIX вѣка защитниками пролетаріата. «Подъ *буржуазіей* я разумѣю совокупность гражданъ, которые, обладая орудіями труда или капиталомъ, работаютъ при помощи собственныхъ средствъ и зависятъ отъ другихъ лицъ лишь въ извѣстной мѣрѣ. *Народъ* же есть совокупность гражданъ, которые, не обладая капиталомъ, зависятъ отъ другихъ лицъ совершенно и во всемъ томъ, что касается первѣйшихъ жизненныхъ потребностей».

**) Ibid., стр. 75.

***) Ibid., стр. 130.

тересамъ, ихъ политическому вліянію и самой свободѣ. Какъ характерна для людей третьяго сословія эта внутренняя борьба между ненавистью къ реакціонной власти и недовѣріемъ къ народу:

Полные воспоминаній о 1793 г., они охотно потребовали бы отъ уличной революціи защиты угрожаемыхъ интересовъ, если бы они не боялись поднять непреодолимой народной бури. Да и, наконецъ, могли-ли они надѣяться на союзъ страстей массы съ памятозлобіемъ буржуазіи? Поставятъ ли имъ мастерскія достаточное число солдатъ и мучениковъ ради палаты, въ которой народъ не имѣлъ своихъ представителей, или ради печати, которая не дала еще ни одного публициста бѣдности? Между писателями, собравшимися въ редакціи «National'я», нѣкоторые только что прошли весь Парижъ: ничто не предвѣщало приближенія народной грозы. Было сказано: *народъ не двигается!* И это слово было способно оледенить мужество.

Читайте далѣе великолѣпную характеристику Казиміра Перье, представлявшаго собой типъ сытыхъ, авторитарныхъ и безжалостныхъ буржуа, царство которыхъ скоро должно было наступить подъ охраной знаменитаго зонтика „короля-гражданина", зонтика, защищавшаго ихъ чуть не двадцать лѣтъ отъ соціальныхъ бурь. Эта психологія вліятельныхъ представителей мѣщанства ясно показываетъ, что не будь въ третьемъ сословіи безкорыстныхъ и пламенныхъ идеалистовъ, за которыми скоро, впрочемъ, пошли и корыстные, но смѣлые буржуа, и не подыми они народъ на защиту хоть плохой, но все же конституціи, іюльской революціи не было бы, реакція быстро расправилась бы съ писателями, адвокатами и депутатами, лишенными поддержки массъ, и феодальный режимъ расправилъ бы черныя крылья надъ страной. Дѣйствительно, Казиміръ Перье въ самомъ же началѣ хотѣлъ не допустить до революціи, которая претила этому человѣку, давшему поводъ Луи Блану нарисовать одинъ изъ самыхъ удачныхъ историческихъ портретовъ:

Онъ ненавидѣлъ аристократію только потому, что чувствовалъ свое безсиліе сравняться съ ней, а возставшій народъ представлялся его больному воображенію лишь въ образѣ варварской орды, кидающейся на грабежъ среди моря крови. Любовь къ золоту царила въ его душѣ и еще болѣе усиливала его страхъ передъ этимъ народомъ, состоящимъ изъ бѣдняковъ. Робкій и дерзкій въ тоже время, готовый сейчасъ же раздавить своимъ тиранническимъ характеромъ всякаго, кто самыми опасеніями своими давалъ поводъ къ его вспышкамъ, Казиміръ Перье любилъ власть, потому что она обѣщаетъ безнаказанность насилію *).

Но, повторяю, если большинство буржуазіи находило свое рельефное выраженіе въ людяхъ подобныхъ Казиміру Перье, то меньшинство этого въ то время еще столь живучаго и сильнаго класса было одушевлено отчасти идейнымъ энтузіазмомъ, отчасти корыстной смѣлостью и тонкимъ революціоннымъ чутьемъ. Это-то

*) Ibid., стр. 196—197.

меньшинство безкорыстныхъ и корыстныхъ революціонеровъ поняло важность обращенія къ народу и успѣло поднять еще за день передъ тѣмъ, казалось, равнодушныя массы, и поднять— замѣтьте эти знаменательныя слова историка—не во имя „матеріальныхъ интересовъ народа", а во имя „его страстей", во имя того, „что есть только самаго возвышеннаго въ этихъ страстяхъ" *).

И народъ, поколебавшись нѣсколько часовъ въ началѣ этого движенія, которое прямо не затрогивало его интересовъ, поддался вліянію „электричества, исходящаго отъ всякой сильной агитаціи" и пошелъ за этими безкорыстными энтузіастами и за этими ловкими фабрикантами, часть которыхъ не рѣшалась еще пустить своихъ рабочихъ въ атаку противъ правительства, боясь революціонной „диктатуры народныхъ трибуновъ", тогда какъ другая часть рѣшительно заперла фабрики и умышленно двинула рабочихъ на улицы, говоря: „у насъ нѣтъ теперь больше для васъ хлѣба" **).

Намъ нечего разсказывать дальнѣйшія перипетіи того движенія, которое перешло въ исторію подъ именемъ іюльской революціи и, обманувъ народъ ожиданіями, поставило у власти третье сословіе, провозгласившее, что „лучшая изъ республикъ, это король-гражданинъ". Все это давнымъ давно извѣстно. Интереснѣе коснуться той соціально-политической борьбы, которая заполняетъ все царствованіе Луи-Филиппа, этой „лучшей изъ республикъ", и опредѣляется взаимными отношеніями между пролетаріатомъ и различными фракціями буржуазіи. Въ существованіи этихъ различныхъ фракцій внутри третьяго сословія и заключается объясненіе характера и смысла упомянутой борьбы, завершившейся февральской революціей.

Схематически и въ самыхъ общихъ чертахъ можно такъ изобразить различные этапы внутренней соціально-политической войны, имѣвшей своею драматическою ареною Франціи 1830—1848 г. Іюльская монархія, подъ вывѣской королевской власти, представляетъ собою предпринимательскую фирму третьяго сословія. Но дирекція этой фирмы находится въ рукахъ крупной, преимущественно индустріальной буржуазіи, которая ревниво охраняетъ путемъ ценза монополію управленія страной не только отъ притязаній ростущаго вмѣстѣ съ капитализмомъ пролетаріата, но и отъ притязаній средней и мелкой буржуазіи, которая, въ царствованіе Луи-Филиппа, работаетъ въ магазинѣ и мелочной лавкѣ, въ противоположность крупной фабричной буржуазіи, и даже отъ притязаній буржуазной интеллигенціи (вспомните жаркія распри, завязавшіяся по вопросу о cens capacitaire). Исторія

---

*) Ibid., стр. 199.
**) Idid., стр. 202.

этой предпринимательской фирмы распадается на два періода: первыя десять лѣтъ (1830—1840) проходятъ въ рядѣ бурныхъ манифестацій, стихійныхъ уличныхъ возстаній или же внезапныхъ инсуррекцій, знамя которыхъ поднимаютъ революціонныя тайныя общества; послѣднія восемь лѣтъ представляютъ собою эру сравнительно мирнаго и торжествующаго хозяйства крупной буржуазіи, которая, можно сказать, торопится вывести послѣднія благопріятныя для нея соціальныя заключенія изъ политическихъ посылокъ. Оппозиціонныя силы перваго періода вербуются въ рядахъ пролетаріата и мелкой буржуазіи, которая съ самаго ліонскаго возстанія ткачей *), т. е. конца 1831 года, старается привлечь на свою сторону столь энергичный рабочій классъ и въ свою очередь окрашиваетъ свою политическую республиканскую программу смутными намеками на соціальныя требованія массъ, если не на соціализмъ, только что начавшій вырабатываться въ головахъ „утопистовъ" и ихъ преемниковъ и мало знакомый въ то время рабочимъ. Оппозиціонные же элементы второго періода слагаются, съ одной стороны, изъ потерявшей вѣру въ инсуррекцію мелкой буржуазіи, которая становится теперь на путь борьбы „банкетами" и на этой почвѣ встрѣчается съ средней буржуазіей; а съ другой стороны, изъ пролетаріевъ, тоже отказавшихся отъ образованія тайныхъ революціонныхъ обществъ. но за то сдѣлавшихъ значительный шагъ впередъ въ пониманіи соціальныхъ ученій, благодаря жадному и широкому чтенію произведеній блестящей плеяды соціалистовъ 40-хъ годовъ: Луи-Блана, Пекёра Кабэ, Прудона, Леру и т. п.

Новый политическій кризисъ, извѣстный подъ именемъ февральской революціи, явился результатомъ взаимодѣйствія матеріальныхъ и идейныхъ факторовъ, которые различнымъ образомъ отражались на положеніи и сознаніи какъ пролетаріата, такъ и различныхъ частей буржуазнаго класса. Промышленное развитіе страны сдѣлало во время Луи-Филиппа громадные успѣхи: сѣть желѣзныхъ дорогъ возрасла между 1830 и 1848 г., съ 38 кило-

*) Замѣчу кстати, что это знаменитое возстаніе не было, какъ часто думаютъ люди, не знающіе подробностей его, дѣломъ классическаго пролетаріата, скопленнаго на громадныхъ фабрикахъ, но дѣломъ десятковъ тысячъ кустарей, работавшихъ по три, по четыре человѣка въ мелкихъ мастерскихъ, надъ которыми висѣла цѣлая туча посредниковъ, вплоть до «фабрикантовъ»-скупщиковъ и крупныхъ коммиссіонеровъ-спекулянтовъ (ср. Louis Blanc, *Histoire de dix ans*, т. III (1843), стр. 50 и слѣд.). Ремесленники, какъ замѣтилъ недавно — на этотъ разъ вѣрно — столь часто высказывающій теперь странныя мысли Бернштейнъ, стоятъ по своему развитію зачастую во главѣ трудящагося класса и превосходятъ рядового фабричнаго своимъ пониманіемъ, ясности котораго мѣшаетъ лишь ихъ межеумочное положеніе между классомъ капиталистовъ и классомъ чистыхъ пролетаріевъ.

метровъ до 1,832, причемъ большинство новыхъ линій было построено въ три послѣдніе года „лучшей изъ республикъ“; количество добываемаго угля увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое (съ 1.800,000 тоннъ до 4.200,000), желѣза въ той же пропорціи (съ 148,000 до 362,000), чугуна лишь немногимъ слабѣе (съ 267,000 до 405,000); вывозъ различныхъ тканей за границу поднялся на 50%, кожаныхъ издѣлій на 100%, металлическихъ на столько же. Ростетъ бюджетъ, ростутъ налоги, и главнымъ образомъ косвенные, при помощи которыхъ правящіе классы сбрасываютъ съ себя почти всю тяжесть поддержанія своей же классовой государственной машины и возлагаютъ это бремя на плечи трудящагося большинства: въ то время, какъ прямые налоги съ 270 милліоновъ франковъ въ 1835 г. поднимаются въ 1845 г. всего до 291, косвенные съ 560 милліоновъ въ 1835 г. доходятъ до 892 въ 1847 г. Параллельно съ этимъ ростетъ и государственный долгъ, дающій помѣщеніе капиталамъ крупной буржуазіи: въ 1845 г. онъ достигаетъ уже 369 милліоновъ.

Вообще говоря, эта быстрая экономическая эволюція ускоряетъ особенно свой темпъ со времени выступленія на первый планъ Гизо съ его политикою „обогащайтесь“; игра и столкновеніе противоположныхъ интересовъ, пріобрѣтающихъ значительную напряженность въ этой атмосферѣ громадной капиталистической теплицы, осложняются политическими страстями и броженіемъ идей. Пропаганда трудового міровоззрѣнія проникаетъ и волнуетъ массы: „Икарія“ Кабэ и особенно „Организація труда“ Луи-Блана читаются въ ту пору рабочими не менѣе, если не болѣе сравнительно, чѣмъ „Манифестъ“ въ наше время. Мелкая буржуазія, у которой верхи сословія отнимаютъ всякую надежду на право голосованія (недаромъ же Гизо любилъ говаривать: „нѣтъ, никогда не наступитъ день всеобщей подачи голосовъ“), если и не ищетъ возстанія на улицахъ, то скептически относится къ возможности улучшить свое политическое положеніе въ рамкахъ тогдашней конституціи. А противъ этихъ двухъ многочисленныхъ и энергичныхъ общественныхъ категорій,—пролетаріата и мелкой буржуазіи, — идущихъ на приступъ іюльскаго режима, почти совсѣмъ нѣтъ достаточно прочныхъ консервативныхъ силъ для охраны существующаго строя. Сама средняя буржуазія, устраненная тоже отъ власти, не чувствуетъ никакой охоты защищать верхній слой своего класса, возбуждающій ея неудовольствіе и презрѣніе финансовыми скандалами, которые ознаменовали собою послѣдніе годы орлеанской монархіи.

Оставался именно этотъ верхній слой, крупная буржуазія царей фабрики и банка; но, обладая властью, почестями и золотомъ, дискредитируя себя прямыми мошенническими спекуляціями, подкупами и другими колоссальными актами пиратства,

которые оскорбляли даже узкую буржуазную мораль, сливаясь мало-по-малу, путемъ браковъ, съ старымъ легитимистскимъ дворянствомъ, крупная буржуазія превратилась въ типичный классъ соціальныхъ паразитовъ, лишенный и достоинствъ, и энергіи. Любопытно, что изъ-подъ ея вліянія ускользнуло даже ея любимое дѣтище, національная гвардія, которая вербовалась между средней и даже частью мелкой буржуазіей, но находилась подъ начальствомъ лицъ, принадлежащихъ почти исключительно къ верхамъ третьяго сословія. И эта классовая милиція бросилась въ оппозицію, и нуженъ былъ малѣйшій толчокъ, чтобы опрокинуть находившееся въ неустойчивомъ равновѣсіи общество. Этотъ толчокъ былъ сдѣланъ,

Quand apparut la République
Aux grands éclairs de Février,—

„когда появилась республика среди великихъ февральскихъ молній", какъ торжественно восклицалъ Дюпонъ въ одной изъ своихъ политическихъ пѣсенъ, которую мнѣ всего года два тому назадъ пришлось еще слышать изъ беззубыхъ устъ одного изъ участниковъ 1848 г.

И опять-таки мнѣ нечего входить въ подробности „сумасшедшаго года" и послѣдовавшихъ за нимъ годовъ, такъ какъ драматическая сторона событій стала, можно сказать, достояніемъ всякаго образованнаго человѣка. И опять таки наиболѣе поучительно въ этой пестрой, то комической, то трагической процессіи лицъ и фактовъ пониманіе внутренняго смысла совершившагося переворота. Я лишь укажу на самыя типичныя черты февральской революціи, пользуясь отчасти тѣмъ мастерскимъ историко-философскимъ изображеніемъ событій, которое будущій авторъ „Капитала" даетъ въ своемъ „Восемнадцатомъ Брюмера Луи Бонапарта" и которому можно сдѣлать развѣ лишь одинъ упрекъ: геніальный писатель слишкомъ логично строитъ, если можно такъ выразиться, траекторію переворота и слишкомъ малое мѣсто удѣляетъ личностямъ и дѣйствіямъ, отклоняющимся отъ этой логической схемы *). За то общій ходъ февральской

*) Прекрасное дополненіе къ черезчуръ схематичному этюду Маркса читатель можетъ найти въ уже разъ цитированной мною книгѣ Даніеля Стерна (псевдонимъ графини д'Агу): Daniel Stern, *Histoire de la révolution de 1848;* Парижъ, 2-е изд. 1862 въ двухъ томахъ. Авторъ поистинѣ поражаетъ своею проницательностью и своимъ безпристрастіемъ, изображая тутъ же, день за днемъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ совершающейся на его глазахъ великой соціальной борьбы, метаморфозы современныхъ ему политическихъ дѣятелей и распутывая сложныя нити различныхъ интересовъ и стремленій, проявлявшихся въ движеніи. Эти рѣдкія и положительныя достоинства труда съ лихвою искупаютъ теоретическіе недохваты въ міровоззрѣніи историка, старавшагося во всякомъ случаѣ становиться на трезвую и научную для того времени точку зрѣнія при оцѣнкѣ быстро несшихся событій.

революціи схваченъ нашимъ авторомъ поразительно вѣрно; и, можетъ быть, самымъ удачнымъ пріемомъ этого конструированія является указаніе на обратный ходъ февральской и великой революціи. Кто не остановится, дѣйствительно, надъ этой глубокой и блестящей вмѣстѣ страницей:

Въ первой французской революціи за господствомъ конституціоналистовъ слѣдуетъ господство жирондистовъ, а за господствомъ жирондистовъ господство якобинцевъ. Каждая изъ этихъ партій опирается на болѣе передовую. Какъ только она уже такъ далеко провела революцію, что не въ состояніи за ней слѣдовать, а еще того менѣе идти впереди нея, она отталкивается въ сторону стоящимъ за нею болѣе смѣлымъ союзникомъ и посылается на гильотину. Революція движется такимъ образомъ по восходящей линіи. Обратно дѣло обстоитъ съ революціей 1848 г. Пролетарская партія является привѣскомъ мелко-буржуазно-демократической. Она предается послѣднею, которая позволяетъ разгромить ее 16-го апрѣля, 15-го мая и въ іюньскіе дни. Демократическая партія, съ своей стороны, опирается на плечи буржуазно-республиканской. Едва только буржуазные республиканцы возмнили, что твердо стоятъ на ногахъ, они стряхиваютъ съ себя грузнаго товарища, а сами взгромождаются на плечи партіи порядка. Партія порядка подергиваетъ плечами, заставляетъ летѣть кувыркомъ буржуазныхъ республиканцевъ и бросается на плечи вооруженной силы. Она думаетъ, что сидитъ еще на этихъ плечахъ, какъ въ одно прекрасное утро замѣчаетъ, что плечи-то эти превратились въ штыки. Каждая партія подшибаетъ снизу продвинувшуюся далѣе ея самой и опирается сверху на остающуюся позади. Не диво, что въ этомъ смѣшномъ положеніи она теряетъ равновѣсіе и, скроивъ неизбѣжную гримасу, летитъ внизъ причудливыми скачками. Революція движется такимъ образомъ по нисходящей линіи. Она находится въ этомъ попятномъ движеніи даже еще раньше, чѣмъ разобрана послѣдняя февральская баррикада и учрежденъ первый революціонный трибуналъ *).

Но я замѣчаю, что, процитировавъ это мѣсто, я выполнилъ уже бо́льшую часть своей задачи; и что мнѣ остается лишь указать читателю на два-три факта, чтобы вывести изъ этой общей схемы частное заключеніе о характерѣ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ въ эпоху февральской революціи.

Въ самомъ началѣ, при назначеніи временнаго правительства, эти отношенія характеризуются компромиссомъ между рабочими

---

*) Karl Marx, *Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte;* Гамбургъ, 2-е изд. 1869, стр. 22—23 (первое изданіе появилось въ 1852 году въ видѣ журнальнаго выпуска). Ср. слѣдующее замѣчательно близкое по духу мѣсто у Стерна, который въ 1850 г., еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ іюньскихъ дней, пишетъ: «Побѣда, одержанная генераломъ Кавеньякомъ надъ іюньской инсуррекціей, является послѣднимъ фазисомъ (terme) того сложнаго движенія, вызваннаго общимъ дѣйствіемъ пролетаріата и буржуазіи, которому народный инстинктъ далъ, 24-го февраля 1848 г., названіе *политической* и *соціальной* революціи... Отъ реакціи противъ соціальной революціи буржуазія доходитъ до реакціи противъ революціи политической. Умѣренные республиканцы въ свою очередь отстранены, послѣ того какъ послужили средствомъ для пораженія соціалистовъ и радикаловъ. Все отступаетъ, все бросается назадъ; общество готово, кажется, возвратиться къ тѣмъ самымъ формамъ, которыя только-что разрушило» (l., c., II, стр 471—472, passim).

и различными оттѣнками буржуазіи, для большинства которой провозглашеніе республики возставшими обитателями предмѣстій было историческимъ сюрпризомъ. Большинство членовъ временнаго правительства представляло среднюю оппозиціонную буржуазію; одинъ членъ—мелкую, на половину революціонную буржуазію; три члена—изъ нихъ лишь одинъ рабочій—трудящіяся массы. Но вскорѣ этотъ вынужденный компромиссъ уступилъ мѣсто ожесточенной борьбѣ, причемъ всѣ фракціи буржуазіи — включая въ томъ числѣ и мелкую—образовали коалицію противъ пролетаріата.

Если въ февральскіе и мартовскіе дни правительство ограничиваетъ рабочій день 10 часами, узакониваетъ полнѣйшую свободу ассоціацій, говоритъ даже о гарантированіи права на трудъ (existence de l'ouvrier par le travail), то уже іюньское возстаніе рабочихъ, вызванное, въ сущности, вполнѣ сознательно буржуазіей и стоившее пролетаріату 3,000 убитыхъ и 15,000 сосланныхъ безъ суда, вырываетъ цѣлую пропасть между представителями труда и представителями владѣнія. Въ августѣ и сентябрѣ наиболѣе полезныя для рабочихъ мѣры (полная свобода собраній, 10-часовой день) отмѣнены, и чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ реакціоннѣе становится политика правительства.

Въ задачу нашу не входитъ детальное изображеніе междоусобной борьбы между различными фракціями мѣщанства. Эта борьба въ концѣ концовъ привела къ имперіи, поддержанной крупною буржуазіею, значительною частью средней и крестьянами, послѣ того какъ раздавленный въ іюнѣ 1848 г. пролетаріатъ безучастно, а порою не безъ горькаго злорадства присутствовалъ при разсѣяніи мелко-буржуазной, демократической національной гвардіи войсками крупно-буржуазныхъ партій „порядка“ (іюнь 1849 г.); а, затѣмъ, при торжествѣ цезаристской диктатуры Наполеона III надъ упомянутыми партіями „порядка“ (2-го декабря 1851 г.). Враждебныя отношенія буржуазіи къ трудящимся массамъ опредѣлили такимъ образомъ возможность бонапартистскаго coup d'Etat и въ теченіе всей Второй Имперіи давили на нормальное развитіе свободныхъ учрежденій. Не забудемъ, что помимо крестьянъ, въ началѣ опять-таки науськанныхъ противъ пролетаріевъ самой же буржуазіей, цезаристскій режимъ не переставалъ искать точки опоры и среди рабочихъ, заигрывая съ ними по частнымъ экономическимъ вопросамъ, но въ то же время стараясь всячески отбить ихъ отъ политической дѣятельности.

Лишь въ послѣдніе годы Имперіи, подъ вліяніемъ основаннаго въ 1864 г. Международнаго общества рабочихъ и капиталистической эволюціи Франціи, пролетаріатъ снова гармонично со-

единилъ въ своихъ стремленіяхъ,—говоря языкомъ Луи-Блана,—„матеріальные интересы“ и „страсти въ томъ, что только есть въ нихъ самаго возвышеннаго“. Къ чисто корпоративнымъ вопросамъ и черезчуръ „экономическому“ теченію прудоновскаго мутуализма пролетаріатъ конца 60-хъ годовъ присоединилъ элементъ соціально-политической борьбы, какъ орудія всесторонняго освобожденія четвертаго класса. Онъ противопоставилъ себя буржуазіи не только въ качествѣ представителя особыхъ, чисто профессіональныхъ интересовъ труда, но и какъ представителя новаго строя жизни и новаго міровоззрѣнія, исключающаго самое дѣленіе общества на классы и даже на строго разграниченныя профессіональныя группы. Этихъ нѣсколькихъ словъ, какъ мнѣ кажется, достаточно, чтобы охарактеризовать отношенія буржуазіи и пролетаріата при Второй Имперіи, конецъ которой былъ ознаменованъ сильнѣйшей оппозиціей противъ все болѣе и болѣе шедшей на уступки цезаристской диктатуры какъ со стороны мѣщанства, такъ и со стороны трудящихся массъ...

Но франко-германская война и движеніе 18-го марта 1871 г. обрываютъ нить нормальной эволюціи соціальныхъ противорѣчій. Оставляя въ сторонѣ драматическія перипетіи этого движенія, которое обошлось побѣжденнымъ въ 107,000 жертвъ (изъ нихъ 20,000 полегшихъ тутъ-же на баррикадахъ), я опять остановлюсь лишь на внутреннемъ смыслѣ „гражданской войны“ во Франціи. Соціальный и интернаціональный характеръ 18-го марта настолько извѣстенъ, что я ограничусь простымъ упоминаніемъ объ этой чертѣ движенія. Но въ задачи моей статьи входитъ уже болѣе непосредственнымъ образомъ указаніе на ту группировку общественныхъ классовъ, которая обнаружилась весною 1871 г. во Франціи, наводненной еще германскими полчищами. Здѣсь прежде всего замѣчается контрастъ между іюньской инсуррекціей 1848 г. и грандіознымъ мартовскимъ движеніемъ 1871 г. Мы уже видѣли, что въ іюньскіе дни пролетаріатъ нашелъ въ противоположномъ лагерѣ коалицію всѣхъ фракцій буржуазіи, причемъ мелкая оказала сильную поддержку средней и крупной. Наоборотъ, гражданская война 1871 г. передѣлила такимъ образомъ классы, что многочисленная мелкая буржуазія симпатизировала пролетаріату, по крайней мѣрѣ, въ началѣ движенія, и дала даже ему изъ своей среды нѣсколько вожаковъ. Разница въ развитіи и пониманіи трудящихся массъ, для которыхъ двадцать лѣтъ имперіи не прошли, конечно, даромъ, сказалась на болѣе ясной формулировкѣ соціальной стороны программы, которая въ этомъ смыслѣ оставляла далеко за собою смутныя, чисто стихійныя стремленія іюньскихъ борцовъ. Но тотъ самый фактъ, что на этотъ разъ мелкая буржуазія шла рука объ руку съ рабочимъ классомъ, вызвалъ услож-

ненія въ чисто политической сторонѣ программы и внесъ въ эту часть требованія радикально-демократической буржуазіи.

Я уже не буду говорить о роли патріотическаго чувства въ хорошемъ смыслѣ этого слова, чувства, которое охватывало большинство парижанъ и возмущалось бездѣятельностью, трусостью и неспособностью крупныхъ буржуа, засѣдавшихъ во временномъ правительствѣ 4-го сентября и малодушно-двусмысленно ведшихъ себя во время осады Парижа нѣмцами. Но помимо взрыва этого активнаго и благороднаго патріотизма, историкъ 18-го марта долженъ отмѣтить въ этомъ движеніи энергичное желаніе его участниковъ отстоять республиканскую форму правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвоевать право Парижа и другихъ передовыхъ коммунъ Франціи на политическую автономію и самостоятельное распоряженіе своими судьбами въ виду реакціонныхъ замысловъ остальной, гораздо болѣе отсталой страны. Не мѣшаетъ замѣтить, что именно эти стремленія къ автономіи передовыхъ центровъ, къ *коммунализму* и дали поводъ врагамъ движенія, при помощи игры словами, отожествлять его съ *коммунизмомъ*. А между тѣмъ, если въ движеніи 18-го марта были сильны соціалистическіе элементы, то сторонниковъ собственно коммунизма насчитывалось очень мало. Наоборотъ, коммуналисты играли очень видную роль; и этими коммуналистами, этими сторонниками автономіи Парижа и врагами чрезмѣрной французской централизаціи, были въ гораздо большей степени радикально-демократическіе буржуа, чѣмъ чисто рабочіе. Теперь, когда время залѣчило раны гражданской войны, и крикъ „да здравствуетъ коммуна“ сталъ простымъ историческимъ крикомъ организованнаго четвертаго сословія, привѣтствующаго одинъ изъ этаповъ своего развитія, сами буржуазные историки уже начинаютъ мало-по-малу указывать не на одну испугавшую ихъ соціальную сторону движенія, но и на его чисто-политическую, республиканскую, радикально - демократическую программу.

Какъ бы то ни было, проникновеніе движенія 18-го марта радикально-демократическими элементами мелкой буржуазіи означаетъ, что если само экономическое развитіе страны противопоставило третье сословіе четвертому, то это же развитіе, выдѣливъ мелкую буржуазію изъ совокупности собственно, такъ называемаго, имущаго и правящаго класса, приблизило ее по трудности и необезпеченности положенія къ рабочему классу. Все послѣднее тридцатилѣтіе соціально-политической исторіи Франціи отражаетъ на себѣ вліяніе этого значительнаго подкласса буржуазіи, этого, такъ сказать, соціальнаго зоофита, стоящаго на границѣ между представителями капитала и представителями труда и вносящаго характеръ неопредѣленности и спутанности въ отношенія между мѣщанствомъ и пролетаріатомъ. Я уже нѣсколько разъ, то по тому, то по другому поводу, касался этого вопроса въ своихъ письмахъ

и не считаю нужнымъ снова останавливаться на немъ. За то слѣдуетъ указать читателю на новый фазисъ въ упомянутыхъ отношеніяхъ между третьимъ и четвертымъ классами, фазисъ, который характеризуется вступленіемъ соціалиста Милльрана въ „министерство республиканской защиты“ Вальдэка-Руссо и внутренними распрями соціалистической партіи Франціи на почвѣ этого важнаго вопроса.

Вопросъ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ такое значеніе, что, напр., современный историкъ французскаго соціализма считаетъ возможнымъ раздѣлить всю исторію этого движенія за послѣднія тридцать лѣтъ на два періода: первый, отъ 1871 г. до 1899 г.; и второй, начало котораго отмѣчено „кризисомъ“ и „умственнымъ расколомъ“ въ срединѣ 1899 г. *). Суть вопроса такова: позволительно или нѣтъ пролетаріату, ведущему классовую борьбу съ буржуазіей во имя окончательнаго торжества труда, заключать съ враждебнымъ классомъ союзъ на извѣстныхъ условіяхъ и даже участвовать въ управленіи современной государственной машиной? Дѣло, какъ видите, идетъ объ измѣненіи отношеній между третьимъ и четвертымъ классами. Дѣйствительно, какъ ни смотрѣть на внутренніе раздоры французскихъ соціалистовъ за послѣднее тридцатилѣтіе, можно всетаки сказать, что теоретическіе и практическіе успѣхи здѣшняго соціализма заключались до послѣдняго времени въ обособленіи рабочаго класса отъ всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Этотъ фактъ проходитъ красною нитью чрезъ исторію рабочаго движенія третьей республики, не взирая на столкновенія и распри представителей труда.

Напримѣръ, когда въ 1876 г., послѣ страшнаго погрома 1871 г., рабочій классъ начинаетъ снова шевелиться и пробуждаться къ общественной жизни, въ немъ обнаруживается борьба между двумя враждебными тенденціями: тенденціею учениковъ Прудона къ чисто профессіональной организаціи или, такъ называемому, синдикализму; и тенденціею учениковъ Маркса къ отдѣленію рабочей партіи отъ всѣхъ прочихъ партій и во всѣхъ областяхъ—экономической, политической, юридической. Мнѣ уже пришлось говорить въ прежнихъ корреспонденціяхъ читателю, что эта послѣдняя тактика, тактика такъ называемыхъ коллективистовъ, восторжествовала на конгрессахъ 1879 и 1880 гг.

Было затѣмъ немало дальнѣйшихъ столкновеній и расколовъ, напр., между гэдистами и поссибилистами (въ 1882 г.), и внутри послѣднихъ (въ 1890 г.). Но основное единство партіи труда было сохранено, и обособленіе пролетаріата отъ буржуазіи выдержано, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Такъ, послѣ 1882 года

*) Paul Louis, *Histoire du socialisme Français*; Парижъ, 1901, стр. 271 (довольно недурная компиляція соціальныхъ ученій и соціальныхъ движеній, начиная съ XVIII вѣка).

и Бруссъ, глава поссибилистовъ, и Гэдъ и Лафаргъ, вожаки марксистовъ, одинаково проповѣдывали борьбу классовъ и освобожденіе рабочихъ при помощи ихъ же собственныхъ усилій. Когда нѣсколько позже синдикалисты повели аттаку противъ рабочей партіи (гэдистовъ), они уже не думали отрицать ни словами, ни дѣйствіемъ этихъ утвержденій, ставшихъ общимъ достояніемъ французскихъ соціалистовъ.

Если такъ называемые радикалы-соціалисты, т. е. крайніе буржуа-демократы, и пытались вызвать къ жизни еще въ началѣ 80-хъ годовъ постоянный союзъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, то эта попытка не имѣла большого успѣха, и, по словамъ одного изъ иниціаторовъ движенія, Шарля Лонгэ (скорѣе соціалиста, чѣмъ радикала-буржуа),

въ парламентскихъ дебатахъ соціалистическая программа радикаловъ постоянно оставалась на заднемъ планѣ *).

Съ другой стороны, когда, напр., поссибилисты вступили въ союзъ съ буржуазными республиканцами для борьбы съ буланжизмомъ, то они прямо и заявляли, что смотрятъ на это лишь какъ на исключительный тактическій пріемъ, вызванный исключительными же обстоятельствами защиты свободнаго режима. Словомъ, обособленіе соціалистовъ отъ всѣхъ другихъ партій оставалось основнымъ методомъ тактики, если не принципомъ представителей четвертаго класса, несмотря на отклоненія отъ него при извѣстныхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ, но опять таки въ виду спеціальныхъ выгодъ пролетаріата.

Міровое дѣло Дрейфуса имѣло однимъ изъ своихъ многочисленныхъ послѣдствій измѣненіе этихъ основныхъ взглядовъ на предметъ среди соціалистовъ, и, къ несчастью, скоро вызвало недоразумѣніе въ рядахъ и со стороны наиболѣе способныхъ и самоотверженныхъ борцовъ за интересы четвертаго класса, вродѣ Жорэса. Мнѣ уже неоднократно, и прямо, и косвенно, приходилось затрагивать этотъ вопросъ. Поэтому мнѣ нечего приниматься снова за анализъ сложныхъ политическихъ результатовъ дрейфусовской агитаціи. Я уже показалъ въ своихъ прежнихъ письмахъ и пробужденіе лучшей части буржуазной интеллигенціи, и переходъ нѣкоторыхъ выдающихся членовъ ея въ ряды соціалистовъ, и узость и близорукость значительной части французскихъ соціалистовъ, особенно же гэдистовъ, не умѣвшихъ воспользоваться этой агитаціей для борьбы противъ шовинизма, милитаризма и клерикализма; и роковую необходимость защиты республиканскихъ учрежденій противъ грозившаго имъ гибелью военнаго coup d'Etat; и фатальную переоцѣнку Жорэсомъ совмѣстной дѣятельности соціалистовъ

*) См. интересную съ исторической точки зрѣнія статью: Charles Longuet, *Un spectre* «La Petite République» отъ 9-го іюня 1901 г. (№ 9186).

съ буржуазіей, и возведеніе имъ даже въ принципъ участія соціалистовъ въ управленіи государственнымъ механизмомъ вмѣсто ограниченія этой послѣдней тактики лишь крайне исключительными обстоятельствами. Частная ломка классовыхъ барьеровъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, несмотря на свою громадную историческую важность, указывающую на возростаніе идеальнаго элемента, коснулась во всякомъ случаѣ лишь наиболѣе передового слоя интеллигенціи, живущей не столько интересами, сколько убѣжденіями; но не могла затронуть мѣщанство въ его цѣломъ. Обо всемъ этомъ, повторяю, мною было уже сказано достаточно. Придется развѣ подвести итоги смутнымъ и перекрещивающимся тенденціямъ въ современномъ соціализмѣ, разсматривая этотъ вопросъ съ спеціальной точки зрѣнія, на которую я сталъ въ настоящей статьѣ: я разумѣю характеръ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Итакъ, вотъ къ какимъ выводамъ приходишь, стараясь по возможности объективно отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ происходящихъ внутри французскаго соціализма распрей и несогласій. Идеи четвертаго класса значительно выиграли въ широтѣ распространенія и популярности, затронувъ нѣкоторыми своими сторонами даже представителей буржуазіи, особенно наиболѣе безкорыстную и мыслящую часть ея. Но именно по этому самому упомянутыя идеи проиграли въ глубинѣ и опредѣленности, амальгамируясь съ интересами и стремленіями другихъ общественныхъ классовъ. Нельзя закрывать глаза на тотъ фактъ, что въ точкахъ прикосновенія и, такъ сказать, взаимнаго тренія интересовъ и взглядовъ буржуазіи и пролетаріата образуется теперь атмосфера межеумочныхъ чувствъ и вкусовъ, стремящихся стушевать основную разницу между принципомъ труда и принципомъ владѣнія. Сообразно съ этимъ значительная часть французскихъ соціалистовъ, преувеличивая значеніе постоянныхъ союзовъ и соглашеній съ буржуазными партіями,—помощь которыхъ важна на самомъ-то дѣлѣ лишь въ частныхъ и строго опредѣленныхъ въ договорѣ случаяхъ,—все болѣе и болѣе попадаетъ подъ власть иллюзіи, будто эти отдѣльные случаи содѣйствія могутъ превратиться въ правильное сотрудничество двухъ антагонистическихъ силъ, которыя, именно вслѣдствіе сознанія своей взаимной мощи, предпочтутъ дурной миръ доброй брани, пока, наконецъ, міровоззрѣніе четвертаго класса не возьметъ окончательно верхъ. Съ другой стороны и по закону реакціи, хранители „чистыхъ традицій“ соціализма, борясь противъ „министеріализма“ своихъ братьевъ-враговъ, такъ далеко заходятъ въ этомъ направленіи, что пытаются въ принципѣ отрицать какое бы то ни было совмѣстное дѣйствіе съ буржуазіей, хотя бы ради опредѣленныхъ цѣлей и при исключительныхъ обстоятельствахъ, и, конечно, противорѣчатъ этому принципу самою же дѣятельностью своей,

вынуждающей ихъ прибѣгать къ компромиссамъ и коалиціямъ ради избирательныхъ, парламентскихъ и т. п. практическихъ злобъ дня.

Интересно, что среди самой буржуазіи замѣчается подобное же раздвоеніе взглядовъ на отношенія къ пролетаріату: въ то время, какъ радикалы и наиболѣе дальновидные изъ умѣренныхъ республиканцевъ въ родѣ Вальдэка-Руссо стоятъ за союзъ съ соціалистами, сторонники мелинизма и правая отвергаютъ въ принципѣ всякую возможность совмѣстной работы съ „врагами общества". Этотъ параллелизмъ въ дробленіи взглядовъ двухъ великихъ общественныхъ классовъ, очевидно, указываетъ на страшно усложняющіяся условія современной цивилизаціи, которая поднимаетъ все болѣе и болѣе сложные вопросы и не сразу успѣваетъ находить удовлетворительные, исключающіе всякое колебаніе отвѣты на нихъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ роль Франціи, страны великихъ соціологическихъ опытовъ, и заключается въ выработкѣ практическихъ путей для дальнѣйшаго развитія всего человѣчества. И я увѣренъ, что страстно любимая мною страна и на сей разъ не измѣнитъ своей исторической миссіи: начало торжества четвертаго класса принимаетъ впервые на французской почвѣ форму конкретнаго пылко обсуждаемаго факта, но лишь затѣмъ, чтобы эта несравненная лабораторія могла выработать и дать міру общечеловѣческій отвѣтъ на общечеловѣческую же задачу торжества трудового принципа и его носителей.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

(**С.-Петербургъ** — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*)

А. С. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье*. Ц. 1 р.
» » » Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *десятое*. Ц. 1 р. 50 к.
» » Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *шестое*. Ц. 1 р. 50 к.
» » Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Изданіе *второе*. Ц. 1 р. 25 к.
» » Слѣпой музыкантъ. Изданіе *десятое*. Ц. 75 к.
» » Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р.
» » Безъ языка. Разсказъ. Изд. *второе*. Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Изд. *второе*. Ц. 1 р. 50 к.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.
» » Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.
» » Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ (П. Якубовичъ). Въ мірѣ отверженныхъ. Томъ I. Изданіе *третье*. Ц. 1 р. 50 к.
» » » Томъ II. Изданіе *второе*. Ц. 1 р. 50 к.
» » Пасынки жизни. Изданіе *второе*. Ц. 1 р.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
» » » » » II. » 2 »
» » » » » III. » 2 »
» » » » » IV. » 2 »
» » » » » V. » 2 »
» » » » » VI. » 2 »
» » » Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц 2 р.
» » » Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ «Русскаго Богатства» (1899 г.) Беллетристика. Ц. 2 р.
» » » » Публицистика. » 1 »
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. (П. Якубовичъ). Стихотворенія. Томъ I. Изд. *пятое*. Ц. 1 р.
» » » » » II. Изд. *второе*. Ц. 1 р
П. Ф. Якубовичъ (Гриневичъ). Замѣтки и характеристики (Изъ исторіи русской поэзіи). Ц. 1 р. 50 к.

Подписчики „**Русскаго Богатства**“, пріобрѣтающіе эти книги, пользуются даровой пересылкой.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала **«Русское Богатство»**—уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы — Никитскія Ворота, домъ Гагарина.

DC 335 .R8 1904 C.1
Ocherki sovremennoi Frantsii.
Stanford University Libraries
3 6105 035 714 273

Date Due

STANFORD UNIVERSITY LIBR
STANFORD, CALIFORNIA
94305